

ГОДЪ

(Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году
на прежнихъ основаніяхъ)

ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

9.

П Р И

1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Записки *Вебера* о Петрѣ Великомъ и его преобразованіяхъ, въ переводѣ съ Нѣмецкаго *П. П. Барсова* (Окончаніе).
2. Калейдоскопъ воспоминаній (1811 — 1871) Глава I-я. Николай Николаевичъ Новосильцевъ. *Циринуса* (псевдонимъ).
3. Воспоминанія *В. П. Бурнашева*: М. Ю. Лермонтовъ, въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ.
4. Незданные автобиографическіе стихи *М. Ю. Лермонтова* (съ послѣсловіемъ издателя).

МОСКВА.

Типографія Грачева в К^о, у Пречист. вор., д. Шиловой.

1872.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ ЧЕТВЕРТАЯ И ПЯТАЯ КНИГИ АРХИВА
КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Перечисленія статей изъ „Русскаго Архива“ (какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отдѣлахъ) не допускаются.

ЗАПИСКИ ВЕБЕРА

О ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ЕГО ПРЕОБРАЗОВАНІЯХЪ *)

385. Богатѣйшій военный корабль о 90 пушкахъ, построенный самимъ Его Величествомъ и одними Русскими мастерами, безъ пособія иноземцевъ, спущенъ впервые на воду, и всѣ дивились отличной работѣ этого корабля. Корабль пошелъ въ водѣ такъ хорошо и благополучно, что его величество самъ махалъ шляпою и восклицалъ обычное: «Ура!» вмѣстѣ съ возгласами болѣе чѣмъ 20 тысячъ челоувѣкъ, бывшихъ на берегу, и за тѣмъ дозволилъ взойти на бортъ корабля всѣмъ желающимъ, сколько могло ихъ помѣститься на немъ.

386. Когда, по спускѣ корабля, вошелъ на него царь, то здѣсь весьма благоклонно привѣтствовалъ его Московскій вице-царь Петръ (sic) Ѳедоровичъ а адмиралъ попочивалъ его за хорошую работу двумя серебрянными кружками пива, на что знаменитый корабельный мастеръ отвѣчалъ благодарностию въ особенности Московскому вице-царю; но вслѣдъ за тѣмъ онъ помѣстился съ 8-ю Англійскими корабельными плотниками за особымъ столомъ и былъ чрезвычайно оживленъ и весель въ все время обѣда и цѣлую ночь.

387. Молодой царевичъ Петръ Петровичъ также былъ принесенъ на корабль, и тамъ пили за его здоровье.

*) Первые 384 параграфа помѣщены выше, стр. 1057 и 1334.

388. 20-го Іюля Его Величество плавалъ въ Кроншлотъ. Сооруженный тамъ въ минувшемъ году флотъ состоялъ изъ 22-хъ военныхъ кораблей, раздѣленныхъ на три эскадры, изъ которыхъ первая была подъ начальствомъ великаго адмирала Апраксина, вторая вице-адмирала Петра Михайлова (такъ назывался во флотѣ царь) и третья подъ начальствомъ контръ-адмирала, князя Александра Меншикова. Въ настоящее же время флотъ разросся до 40 военныхъ кораблей и 300 галеръ.

Сами по себѣ корабли были достоинства превосходнаго и снабжены всѣмъ необходимымъ, но старинная жалоба на то, что матросы не примѣнились и не могутъ, еще управиться съ своимъ ремесломъ, продолжается и до сихъ поръ; ибо, хотя на весь флотъ и распредѣлены тысячи двѣ Нѣмецкихъ матросовъ, но такъ какъ большое число старыхъ матросовъ отпущены въ отставку, то этихъ однихъ новобранцевъ недостаточно для успѣшнаго исполненія маневровъ въ какойнибудь морской акціи. На три (сказанныя) эскадры посажены были два полка лейбъ-гвардіи для высадки ихъ въ Финляндіи, чтобы придать большую силу и вѣсъ словамъ Русскаго уполномоченнаго на Аландѣ, гдѣ въ это время происходилъ конгрессъ о мирѣ.

389. 27-го Іюля флотъ пустился въ море и уплылъ изъ виду у насъ.

Послѣдняго числа Іюля мѣсяца прибылъ графъ Рейншильдъ изъ Казани, гдѣ онъ провелъ свой девятилѣтній плѣнъ, и переведенъ въ Або, для обмѣна на двухъ Русскихъ генераловъ, Головина и Трубецкаго, захваченныхъ въ плѣнъ въ 1702 году во время проигранной Русскими битвы при Нарвѣ.

390. Въ Августѣ послѣдовали мы за царемъ въ Ревель и совершили это путешествіе въ 60 миль сухимъ путемъ.

391. Его Царское Величество находился уже въ этомъ городѣ и 12-го Августа снова пустился въ море, осмотрѣвъ прежде въ Дагероэ на Лифляндскомъ берегу мѣсто, предположенное для устройства гавани, а равно и одно большое красивое по мѣстоположенію пространство, на горѣ, передъ Ревелемъ, для возведенія тамъ увеселительнаго замка (крѣпостцы) и разведенія богатаго сада; обѣ эти дорогія работы начаты и производились съ такою усиленною ревностію, что когда я въ 1719-го году былъ опять въ Ревелѣ, то нашелъ, что онѣ исполнены были уже почти до половины.

Изъ Петербурга получено было извѣстіе, что князь и генералъ-лейтенантъ Долгорукій (съ котораго орденъ Слона возвращенъ Датскому Двору) отвезенъ въ Казань, получивши, впрочемъ, сперва дозволеніе проститься съ ея величествомъ царицею; дозволеніе это онъ испрашивалъ сколько для того, чтобы въ трогательныхъ выраженіяхъ какъ нибудь оправдаться передъ царицею въ тѣхъ преступленіяхъ, въ которыхъ онъ былъ обвиненъ, столько и для того, чтобы высказать свои жалобы на то, что у него ничего на свѣтѣ не осталось, кромѣ бывшаго на немъ носильнаго платья. Царица обошлась съ

нимъ весьма милостиво и послѣ свиданія послала ему на домъ 200 червонцевъ.

392. Такъ какъ Его Величество ничего не предпринималъ въ эту морскую кампанію, то онъ и возвратился въ Петербургъ, куда 15-го Сентября прибыли изъ Ревеля и мы. Не удаляясь отъ города Нарвы, въ одномъ селеніи, нашелъ я среди улицы лежащаго въ предсмертной агоніи одного крестьянина, который, заболѣвъ на работѣ на мызѣ Стрѣльнѣ, дотащился сюда, питаясь милостынею. Такъ какъ никто изъ крестьянъ этого селенія не оказалъ ему ни малѣйшей помощи, и проходящіе мимо даже не глядѣли на него, и конечно и не думали послать за мѣстнымъ Русскимъ священникомъ, который бы напутствовалъ его въ эти послѣднія его минуты, то я приказалъ принести нѣсколько водки, какъ лучшаго подкрѣпительнаго средства Русскихъ и заставилъ проходившихъ мимо нѣсколькихъ старухъ давать еѣ по немножку больному; наконецъ съ великимъ трудомъ и давши денегъ на водку, я убѣдилъ одного солдата сходить за священникомъ. Но и тутъ священникъ не съ разу появился, а отговаривался занятіями своими въ полѣ и по дому, до тѣхъ поръ, пока я, посылая за нимъ безпрестанно, не угрозилъ ему, что е его поступкѣ доведу до свѣдѣнія Его Величества, и тѣмъ заставилъ его, хоть съ кислотою миною и нѣсколько поздно, явиться на мѣсто. Здѣсь, послѣ краткой молитвы, онъ велѣлъ разнять умирающему зубы и влилъ ему въ ротъ ложечку Причастія, послѣ чего проворно пошелъ прочь своею дорогою, ни самъ не позаботясь нисколько отѣлѣть, ни другихъ, бывшихъ тутъ Русскихъ, не подвигнувъ увѣщаніемъ

своимъ оказать умершему долгъ христіанской любви, и своею недовольною миною далъ только мнѣ знать, что онъ мало благодаренъ мнѣ за причиненное ему безпокойство. Не знаю уже, послѣ отъѣзда моего, убралъ ли кто покойника и похоронили ли его.

393. Изъ Астрахани пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ капитанъ съ донесеніемъ, что обитающіе у Каспійскаго моря Калмыки продолжаютъ оказывать разныя противудѣйствія предпріятіямъ Русскихъ, что они обезглавили на торговой площади князя Александра Бекевича и голову его воткнули на шесть, и что изъ высланнаго противъ Калмыковъ въ послѣднее время Русскаго войска, въ количествѣ 2000 человекъ большинство перебито и осталось только 400 человекъ. Такимъ образомъ, открытіе въ тамошнихъ странахъ золотаго песку, укрѣпленія на Каспійскомъ морѣ и установленныя было торговыя сношенія съ Азіятскими областями, встрѣчаютъ тамъ еще большія противъ прежняго препятствія. Далѣе, мы узнали, что городъ Астрахань вслѣдствіе сильнаго пожара почти весь обращенъ въ пепель и отъ него осталась только треть. По дальнѣйшимъ сообщеніямъ этого капитана, въ Астрахани ожидаютъ бывшаго до сихъ поръ въ Испагани Французскаго посланника, который долженъ былъ возвращаться оттуда домой, черезъ Польшу.

394. Замѣшанный въ послѣднемъ большомъ слѣдственномъ дѣлѣ Кіевскій епископъ вытребованъ былъ оттуда въ Петербургъ, но на дорогѣ онъ умеръ, и полагали, что онъ самъ лишилъ себя жизни, отравившись ядомъ.

395. Изгнанный въ ссылку Долгорукій поселенъ близъ Казани въ имѣніи богача Строганова, гдѣ и долженъ

былъ оставаться до конца своей жизни. Изъ Петербурга онъ долженъ былъ отправиться въ простомъ черномъ кафтанѣ, съ длинной бородой и (безъ парика) въ собственныхъ своихъ волосахъ, такъ что никто изъ знавшихъ его не могъ признать его.

396. Несчастливая, извѣстная красотою своею супруга Кикина, казненаго въ Москвѣ, проживала самымъ бѣдственнымъ образомъ, въ сообществѣ съ простолюдинами, въ душной, закоптѣлой, курной избѣ, гдѣ разрѣшилась отъ бремени и безъ сомнѣнія умерла бы, еслибъ Апраксинъ, съ соизволенія Двора, не посылалъ ей самаго необходимаго продовольствія и одежды.

397. Въ Петербургѣ одинъ Русскій священникъ задумалъ обогатиться посредствомъ устроенныхъ имъ нѣкоторыхъ чудесныхъ дѣйствій иконы Божіей Матери, обирая у легковѣрныхъ деньги ради чудотворной иконы; обманъ удался, и уже нѣсколько мѣсяцевъ къ нему въ домъ стекалось по этому случаю множество народу. Хотя продѣлку свою священникъ совершалъ въ великой тайнѣ, въ ночное время, и хотя онъ наказывалъ простодушнымъ и щедрымъ посѣтителямъ своимъ, приходившимъ поглядѣть на чудо, старательно сохранять тайну,—но дѣло дошло до свѣдѣнія Его Величества, и царь приказалъ привести къ себѣ во дворецъ сказаннаго священника, взять у него изъ дому чудотворную его икону, поставить передъ священникомъ, чтобы въ присутствіи Его Величества икона та совершила приписываемыя ей чудеса. Но священникъ тотчасъ же упалъ въ ноги сознался въ своемъ обманѣ, вслѣдствіе чего и былъ посаженъ въ крѣпость, гдѣ его подвергли жестокому тѣлесному наказанію и за тѣмъ лишили сана.

Послѣ этого всѣмъ священникамъ дано было предостереженіе, чтобы они отнюдь не противились спасительнымъ распоряженіямъ царя противъ суевѣрія и ложныхъ чудесъ и чтобы они не укрѣпляли въ нихъ Русскій народъ, и безъ того склонный къ предрасудкамъ.

398. Того, чтобы дерзнувъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ усумниться въ чудотворной силѣ иконы Св. Маріи, находящей въ Москвѣ, народъ разтерзалъ бы на части; ибо онъ крѣпко вѣруетъ, что икону ту рисовалъ Апостолъ Лука и освятилъ на ней Св. Дѣву слѣдующими словами: «Да будутъ съ этимъ изображеніемъ мое милосердіе и моя сила»

399. Введеніе иконъ приписывается обыкновенно Василию (Basilides); но нѣкоторые Русскіе присваиваютъ его святому Дамаскину (Damaseno). Первое мѣсто въ почитаніи Русскіе даютъ иконѣ Спасителя, второе Святой Дѣвѣ, и затѣмъ уже слѣдуетъ множество небесныхъ угодниковъ (святыхъ), которые, по мнѣнію ихъ, представляютъ предъ Богомъ о спасеніи душъ человеческихъ. Между всѣми святыми, Николаю Варійскому и Св. Сергію оказываютъ наибольшія и почти божескія чествованія.

400. Отъ всякой бѣды и для всякаго предпріятія у Русскихъ есть особый святой заступникъ или покровитель, и вообще, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ царскіе указы не достигли еще полнаго приложенія и силы, суевѣріе народа еще такъ велико, что если напримѣръ кто нибудь увидитъ, что сосѣду его повезло счастье въ торговлѣ, урожаѣ, воспитаніи дѣтей и проч. и проч., то онъ берётъ у него на прокатъ его икону святаго, покровителя жатвы или иную какую, и воздастъ ей въ своемъ домѣ всевозможныя

почести, для достиженія счастливаго успѣха въ своемъ предпріятіи. Другіе берутъ святаго (т. е. икону святаго) съ собою на поле и если въ это время кто нибудь придѣтъ къ нимъ на домъ и спроситъ: гдѣ же ихъ святой, то хозяйка-мать, или дѣти отвѣчаютъ обыкновенно: онъ, (т. е. святой), отправился въ поле.

401. Хожденіе на поклоненіе св. мощамъ также въ настоящее время значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ самъ Его Величество не ходитъ и не ѣздитъ вовсе на богомолье. Царь желалъ бы также отъучить Русскихъ и отъ ихъ суровыхъ постовъ, въ несоблюденіи которыхъ содѣйствуетъ имъ самъ собственнымъ примѣромъ; ибо такое строгое соблюденіе постовъ низвело въ могилу несчетное множество солдатъ, матросовъ и рабочихъ людей. Во время постовъ, войска часто стоятъ въ мѣстностяхъ, изобилующихъ мясомъ, а въ скромные дни — въ мѣстахъ скудныхъ продовольствіемъ; поэтому, вслѣдствіе суевѣрнаго соблюденія Русскими постовъ, не всегда возможно бываетъ распорядиться такъ, чтобы войска воспользовались тою выгодою и продовольствіемъ, которыя иногда представляются къ ихъ услугамъ. Хотя Русскіе до настоящаго времени во многомъ отстали отъ своихъ прежнихъ обычаевъ; но именно въ постахъ они отнюдь не хотятъ дѣлать уступки, и тѣ зватные Русскіе, которые въ бытность мою въ Россіи, по болѣзненному состоянію своему, не могли не ѣсть мяса, потихоньку посылали большія деньги къ главному патриарху въ Константинополь, для того чтобы испросить у него разрѣшеніе на мясную пищу. Но такія посланки денегъ также воспрещены теперь, потому что царь хорошо еще помнитъ, какія великія

суммы извлечены были сказанными Восточными патриархами изъ Россіи въ то время, когда въ правленіе царя Феодора призывали ихъ въ Москву для того, чтобы они укрѣпили своимъ авторитетомъ и приговоромъ новый указъ Русскихъ патриарховъ къ мірянамъ, чтобы они крестились двумя перстами: ибо міряне рѣшительно не хотѣли исполнять этаго указа и желали оставаться при своемъ трехъперстномъ крестномъ знаменіи, какъ бы прообразующемъ Святую Троицу. Но наконецъ они принуждены были повиноваться, а остальные—отдѣлились отъ Русской церкви и пристали къ раскольникамъ, о которыхъ я упоминалъ выше и которые готовы лучше подвергнуться всевозможнымъ смертельнымъ казаніямъ, чѣмъ измѣнить обычное свое крестное знаменіе *).

402. Въ Нѣмецкой слободѣ случился пожаръ, который впрочемъ скоро былъ прекращенъ вслѣдствіе превосходнаго устройства пожарной команды; какой трудно найти гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ въ свѣтѣ. Такъ какъ Петербургъ стоилъ царю несказанныхъ суммъ, и царь положилъ много усилій и трудовъ, чтобы получить и удержать за собою этотъ городъ, большая же часть домовъ въ немъ деревянные и только что выстроены, то Его Величество обратилъ всевозможную заботливость свою на то, чтобы принять мѣры противъ опасности отъ пожаровъ. Для этаго онъ обязалъ всѣхъ высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ, чиновъ отправлять на пожарахъ извѣстную должность, которую каждый долженъ былъ исполнять съ особымъ снарядамъ, или орудіемъ, и

назначилъ извѣстное за это мѣсячное денежное вознагражденіе, изъ котораго и самъ получалъ свою долю, потому что дѣйствовалъ собственными руками при пожарныхъ случаяхъ, и даже нерѣдко съ крайнею опасностію для своей жизни взбирался на дома объятые пламенемъ, съ цѣлію возбудить Русскихъ слѣдовать примѣру его неустранимости и оказать помощь погорѣвшимъ. Такимъ превосходнымъ порядкомъ пожаръ всегда быстро прекращается, какъ бы силенъ онъ ни былъ, и никогда еще при немъ не сгорало болѣе четырехъ или самое большое пяти домовъ.

403. 9-го Ноября празднованъ былъ съ особымъ веселіемъ и великолѣпіемъ день рожденія царевича Петра Петровича, и праздникъ этотъ законченъ былъ ужиномъ.

404. Князь Масальскій приговоренъ былъ къ смертной казни за то, что обратилъ въ свою пользу болѣе 80-ти тысячъ рублей изъ доходовъ отъ соляныхъ копей. Но онъ умеръ въ пятницу, наканунѣ дня, въ который назначено было исполненіе казни, и такъ какъ его похоронили, не донесши объ этомъ прежде царю, то, по повелѣнію царя тѣло Масальскаго вырыто было изъ могилы и повѣшено на висѣлицѣ.

405. Всѣмъ иностраннымъ negociантамъ въ Петербургѣ было предписано, чтобы они внесли пошлины за всѣ, ввезенные ими въ страну, въ теченіи трехъ лѣтъ, товары, и пошлины эти царь повелѣлъ вносить непременно Нѣмецкими спеціесъ-талерами, принимая ихъ не выше 50-ти копѣекъ за каждый талеръ, хотя по внутренней цѣнности они стоили 90 и больше копѣекъ. Сказанные купцы льстили было себя надеждою, что Его Величество, во вниманіе къ

*). Читатели замѣтятъ, что здѣсь, какъ и въ некоторыхъ другихъ мѣстахъ, Веберъ, по пословицѣ, слышалъ звонъ... П. Б.

великимъ издержкамъ и убыткамъ, съ которыми они завели торговлю въ Петербургъ, если не выполнѣ освободить ихъ отъ пошлинъ за первые три года, то по крайней мѣрѣ сложить съ нихъ значительную часть этихъ пошлинъ. Но объ этомъ не хотѣли ничего и слушать, и не дозволяли даже ни малѣйшей отсрочки, вслѣдствіе чего всѣ оставшіяся еще пошлины взыскивали при посредствѣ воинской экзекуціи, а многіе купцы и просто взяты подъ стражу. Можно поэтому судить о той громадной прибыли, которая досталась царю изъ этихъ Нѣмецкихъ денегъ: взысканные спеціесь-талеры, по оцѣнкѣ въ 50-ть копѣекъ каждый, перечеканены были въ Русскую монету такимъ образомъ, что изъ каждаго талера, вмѣстѣ съ примѣсью, получилось по 130 копѣекъ; слѣдовательно Его Царское Величество приобрѣлъ этой операціею 70 процентовъ на каждый талеръ и насильственно привлекъ въ страну свою деньги, такъ какъ въ то время у него самага, во всемъ его царствѣ, не разрабатывалось еще никакихъ серебряныхъ рудъ.

406. Въ настоящее время, впрочемъ, Его Величество имѣетъ уже болѣе вѣрныя свѣдѣнія о сокровищахъ, скрытыхъ подъ землею въ его обширномъ царствѣ и учрежденная имъ вновь Бергъ-коллегія не щадитъ никакихъ усилий для того, чтобы дѣлать дальнѣйшія разысканія этихъ сокровищъ и въ возможно скорѣйшемъ времени извлекать изъ нихъ предполагаемыя выгоды, какъ это ясно видно изъ слѣдующаго отрывка одного извѣстія изъ Петербурга, отъ 12-го Декабря 1720-го года:

«Его Царское Величество, съ неутомимымъ прилежаніемъ и въ высшей степени достопамятно, заботится о бла-

«гѣ своихъ вѣрныхъ подданныхъ и о пользѣ страны своей. Подобно тому какъ онъ установилъ высшія государственныя коллегіи, онъ учредилъ между прочимъ и особую Бергъ-коллегію и для присутствія въ ней назначилъ такихъ людей, которые обладаютъ не только надлежащими достоинствами и опытностію, но и пользуются достопамятнымъ уваженіемъ, и которые заложенные Богомъ и природою въ горахъ Россіи великія металлическія сокровища обращаютъ къ надлежащей пользѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время царь повелѣлъ уже устроить въ своей резиденціи, въ Петербургѣ, небольшой горный заводъ съ двумя плавильными печами, серебряно-и мѣдно-обжигательныя печи, бродильный и серебряноочистительный горны, для того, чтобы съ одной стороны показать Русскимъ операціи, какимъ образомъ разрабатываются извлеченныя рудокопомъ изъ шахты руды и росыпи, а съ другой, — чтобы нѣкоторымъ образомъ практически обучить и приохотить особенно способныхъ Русскихъ людей къ плавленію металловъ и вообще къ горнозаводскому дѣлу».

407. Вновь учрежденная финансовая коллегія неутомимо трудилась надъ приведеніемъ въ лучшее состояніе царскихъ доходовъ и въ тоже время старалась искоренить множество злоупотребленій въ дѣлѣ финансовъ. Для этой цѣли Его Величеству было предложено: въ каждой провинціи посадить отъ 3-хъ до 4-хъ правителей (губернаторовъ, по образцу и правилу древнихъ Римлянъ), и назначить на эти мѣста такихъ людей, которые не только не были бы родственники между собою или друзья, но даже были бы врагами другъ съ

другомъ, и такимъ образомъ они могли бы смотрѣть одинъ за другимъ и доносить другъ на друга. Такое предложеніе, кажется, одобрено Его Величествомъ и онъ имѣеть намѣреніе въ скоромъ времени избрать и назначить такихъ правителей или губернаторовъ.

408. Такъ какъ царю непременно хотѣлось привести и Петербургъ въ такое состояніе, чтобы еще извѣстное время своей жизни имѣть удовольствіе пожить въ немъ, какъ въ порядочной резиденціи и въ отличномъ городѣ, то онъ далъ повелѣніе всему дворянству своей Русской имперіи, чтобы каждый дворянинъ къ будущей веснѣ прислалъ на работы въ Петербургъ нарочитое количество своихъ крестьянъ. Хотя противъ этаго распоряженія царю представили разнаго рода ходатайства и доводы, между прочимъ и то, что приращеніе Петербурга повлечетъ такимъ образомъ за собою раззореніе деревень, но всѣ эти доводы уважены не были.

409. Въ Декабрѣ прибыли изъ Швеціи въ Петербургъ обмѣненные на графа Рейншильда Русскіе плѣнные генералы: Головинъ и Трубецкій, и первый изъ нихъ пожалованъ кавалеромъ Св. Андрея, а другой назначенъ губернаторомъ въ Смоленскъ, гдѣ онъ и теперь еще находится съ своею супругою и тремя дочерьми, которыя съ самаго ранняго дѣтства раздѣляли плѣнь отца своего въ Стокгольмѣ и тамъ получили такое прекрасное воспитаніе, что по возвращеніи своемъ въ Россію могли пристыдить въ этомъ отношеніи многихъ Русскихъ. Братъ помянутаго сейчасъ Головина состоитъ генералъ-майоромъ и очень любимъ царемъ за то, что во многихъ случаяхъ доказалъ ему свою вѣрность и храбрость. Нѣсколько лѣтъ

тому назадъ царь послалъ его въ Венецію для изученія кораблестроенія и языка; но Головину эти порученія такъ не понравились, что онъ прожилъ цѣлые 4 года въ Венеціи, не выходя изъ комнаты, вслѣдствіе чего, по возвращеніи своемъ, ни слова не могъ сказать по италіански и не зналъ самыхъ первоначальныхъ пріемовъ кораблестроенія, за что царь, не лишивъ впрочемъ его своей милости, сдѣлалъ его, въ наказаніе и въ насмѣшку, главнымъ корабельнымъ надзирателемъ, придавъ ему титулъ князя Бааса (Baas) и велѣлъ снять съ него портретъ, съ приложеніями всѣхъ составныхъ частей корабля *).

410. 20-го Декабря, при стеченіи неописаннаго множества народа, приведены были на площадь, служащую мѣстомъ казни: Авраамъ Осдоревичъ Лопухинъ, родной братъ отвергнутой царицы, Яковъ Пустынный (Pustinoi), духовный отецъ умершаго царевича, Иванъ Аеоуасевъ, его маршалъ и fac-totum, Добровскій, придворный кавалеръ его, и Вороновъ, гофъ-мейстеръ его, вмѣстѣ съ другими 4-мя его слугами, и по прочтеніи имъ приговора состоявшаго въ томъ, что они присуждены къ кодесованію, пятеро первые изъ нихъ обезглавлены были топоромъ, а остальнымъ четверымъ дарована была жизнь. Первый обезглавленъ былъ -- духовный отецъ, потомъ Аеоуасевъ, потомъ Лопухинъ, который, какъ и двое остальныхъ, должны были класть свою голову на плаху, обогренную уже кровью прежде нихъ казненныхъ. Князю Щербатову, близкому другу умершаго царевича, дарована была жизнь; но, по наказаніи его публично кнутомъ, ему отрѣзали

*) Въ подлинникѣ въ этомъ мѣстѣ находится портретъ генерала-майора Головина.

языкъ и носъ. Трое послѣднихъ были наказаны только кнутомъ, и изъ нихъ одинъ, родомъ Полякъ, бывшій переводчикомъ при царевичѣ, только силою былъ раздѣтъ и наказанъ. Пятороже Русскихъ, первыхъ, шли на смерть съ великимъ смиреніемъ, въ тепломъ благоговѣйномъ настроеніи, ни слова не сказавши ни съ кѣмъ изъ стоявшихъ кругомъ зрителей.

411. Этимъ кровавымъ зрѣлищемъ закончено дѣло несчастнаго царевича, и тѣ лица, которыя виновны были въ бѣгствѣ, или вообще въ преступленіяхъ царевича, или знали о немъ, подвергнуты были наказаніямъ.

Такимъ образомъ царевичъ увлѣкъ за собою въ своемъ паденіи большое число знатныхъ, а также и незнатныхъ людей, и именно: брата матери своей Лопухина, кавалера Кикина, епископа Ростовскаго, духовника отвергнутой царицы, своего собственнаго духовника Пустыннаго, епископа Кіевскаго (который потребованъ былъ въ Петербургъ и на дорогѣ, какъ полагають, самъ отравилъ себя ядомъ), и наконецъ — главнѣйшихъ служителей своихъ. Родная его мать и сводная сестра государя-отца, княжна Марія, царевичъ Сибирскій, генералъ лейтенантъ князь Долгорукій, братъ его сенаторъ, князь Львовъ сосланы были въ ссылку. Подполковникъ Лопухинъ, княгиня Троекурова, княгиня Голицына, князь Щербатовъ — наказаны кто кнутомъ, кто батогами и большею частью осуждены на галеры.

412. Авраамъ Лопухинъ имѣлъ трехъ супругъ, изъ которыхъ первая была дочь покойнаго вице-царя Ромодановскаго, вторая — сестра князя Куракина и третья дочь другаго Русскаго вельможи, и эта послѣдняя, по осужденіи его, сама лишила себя жиз-

ни насильственною смертію, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей. Отъ втораго брака у Авраама осталась еще одна дочь, которая и живѣтъ въ Москвѣ. Тѣло послѣдней его жены, равно какъ и всѣхъ остальныхъ казенныхъ, нѣсколько дней лежало на торговой площади, выставленное на общественное позорище, и головы ихъ положены имъ въ руки; за тѣмъ тѣла эти воздѣты были на колеса.

413. Спустя часъ послѣ описанной казни, Его Царское Величество явился въ собраніе Сената и объявилъ, что такъ какъ онъ покончилъ съ преступленіемъ противъ величества достойными карами, то теперь хочетъ привлечь къ суду и заслуженнымъ наказаніямъ тѣхъ, которые высасывали жизненные соки страны и обогащались по томъ бѣдныхъ подданныхъ его. Съ этою цѣлію царь учредилъ судилище (трибуналъ), которое должно было изрѣчь свой приговоръ на основаніи Русскаго военнаго артикула (болѣе суроваго, чѣмъ артикулы другихъ странъ въ свѣтъ), и такимъ образомъ призваны были передъ такой военной судъ: князь Меншиковъ, великій адмиралъ Апраксинъ, братъ его (сенаторъ) и президентъ Сената, князь Долгорукій, вмѣстѣ со многими другими лицами, для отвѣта на тяжкія обвиненія фискаловъ.

414. Въ тоже время царь пожаловалъ тайнаго совѣтника Толстаго, за многія заслуги его, орденомъ св. Андрея, а капитана Румянцева произвелъ въ маіоры лейбъ-гвардіи и пожаловалъ ему двѣ тысячи крестьянъ.

Маіоръ Ушаковъ получилъ грамоту бригадира и также нѣсколько тысячъ крестьянъ. Его Величество объявилъ при этомъ, что лица эти заслужили такую милость его своею вѣрною службою; но надо замѣтить здѣсь,

что двое черные изъ сихъ пожалованныхъ привезли изъ Неаполя царевича обратно въ отечество, а послѣдній въ теченіи года завѣдывалъ отпращиваніемъ всѣхъ казней въ Москвѣ и Петербургѣ.

415. Этимъ закончились кровавые суды, и я хочу заключить эту матерію приведеніемъ здѣсь приговора, произнесеннаго въ 1671-мъ году въ Москвѣ надъ великимъ бунтовщикомъ Стенькою Разинымъ, такъ какъ изъ него можно извлечь нѣкоторыя особенности о тогдашнемъ вѣрованіи въ святыхъ, о родѣ сентенцій и о средствахъ, употреблявшихся у Русскихъ противъ подобныхъ возмутителей. Процессъ этотъ, между прочимъ, происходилъ слѣдующимъ образомъ.

Пойманный Стенька Разинъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Фролкою, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тысячъ сбѣжавшагося народа, приведенъ былъ въ Москву, въ городскую думу, гдѣ онъ только и горевалъ, что о смерти своего брата, и когда случилось, что братъ этотъ, очень тяжело и горько страдалъ подъ пытками, то Стенька утѣшалъ его такими увѣщаніями: «Вспомни какимъ счастьемъ ты наслаждался, какою честью и уваженіемъ пользовался ты между своими, сколько тысячъ народа было подъ твоею властію, и послѣ этаго тебѣ уже не слѣдуетъ огорчаться, принимая теперь горечь за извѣданную тобою сладость. У Русскихъ существуетъ особый родъ пытки, а именно: обриваютъ преступнику голову и каплютъ на нее холодною водою. Когда Стенькѣ и Фролкѣ обрили такимъ образомъ головы, то первый обратился къ послѣднему съ такою рѣчью: «Ну, братъ, я всегда слышалъ, что въ священники не постригаютъ никого изъ необученныхъ людей. Мы оба съ тобою про-

стые неученые люди, а тоже вотъ удостоились того, что намъ постригли головы». Черезъ четыре дня по прибытіи въ городъ Москву, Стеньку вывели съ братомъ на лобное мѣсто передъ Кремлемъ, гдѣ и совершена была надъ ними казнь, по прочтеніи имъ слѣдующаго приговора:

*Копія съ приговора надъ Стенькою Разинымъ, объявленнаго ему въ Москвѣ, на мѣсть казни 6 Юня 1671 года. *)*

416. «Воръ и отступившій отъ Бога бунтовщикъ, Донской казакъ Стенька разинъ! Въ 7175 (1667) году, ты забылъ страхъ Божій и милость, оказанную тебѣ Великимъ Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ, великой, малой и бѣлой Россіи самодержцемъ, и возмутился противъ Его Царскаго Величества».

«Ты, вмѣстѣ съ другими собранными тобою казаками, бѣжалъ на рѣку Донъ совершать свои воровскія дѣла, ты причинилъ тамъ множеству людей великіе бѣды и убытки, разграбилъ пасады и большія барки съ соленою рыбою и солью, принадлежавшія патриаршему монастырю и многимъ купецкимъ людямъ, а также чинилъ и иныя подобныя насилія до самаго города Астрахани. Ты же воръ ограбилъ убилъ и за тѣмъ бросилъ въ воду между Астраханью и Чернымъ Яромъ, воеводу Его Царскаго Величества, Си-

*) Копія эта до словъ *Ты же воръ, забывши милостивую Великаго Государя пощаду*, переведена нами изъ Вебера, а далье, до конца, взята изъ 1-й книги 1869 года. Читеній Обществ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, гдѣ этотъ интересный документъ помѣщенъ въ Смѣси на страницѣ 9-й и напечатанъ съ современнаго столбца, у котораго сказанное начало оторвано. *Примѣч. Перев.*

мона Беклоневича (Beklonewitz), посланнаго переговорить съ тобою. За тѣмъ ты убилъ Московскаго стрѣльца Сузора, который также былъ посланъ къ тебѣ. А когда изъ Астрахани посланы были въ городъ Янко воеводы и два полковника съ солдатами дружелюбно переговорить съ тобою, уговорить тебя, чтобъ ты бросилъ свои воровскія дѣла и посовѣтывать тебѣ, чтобы ты испросилъ прощеніе у Его Царскаго Величества, то ты повѣсилъ обоихъ полковниковъ и изъ Янко ушелъ съ казаками въ море, а оттолѣ опять явился на рѣку Волгу, раззорилъ тамъ всѣ рыбныя ловли и пожегъ Татарскія жилища. А также былъ ты воръ и подъ городомъ Терки (Теггікі), и надѣлалъ тамъ въ окрестныхъ мѣстахъ много бѣды, равно какъ бывши на морѣ разбойничалъ во владѣніяхъ царя Персидскаго, грабилъ его подданныхъ, обиралъ товары тамошнихъ купцовъ и самихъ ихъ предавалъ лютой смерти».

«За тѣмъ, ты раззорилъ нѣсколько городовъ въ Персіи и тѣмъ причинилъ великія неудовольствія и несогласія между нею и Россіей. По твоимъ же воровскимъ подстрекательствамъ или приказамъ, Астраханскіе стрѣльцы перебили своихъ полковниковъ, присоединились къ тебѣ и въ различныхъ мѣстностяхъ учинили великіе грабежи. Съ своею шайкою захватилъ ты корабль Персидскаго царя, заграбилъ всѣ бывшіе на немъ товары и убилъ сына главнѣйшаго изъ купцовъ, вмѣстѣ съ другими Персіянами, и далѣе на морѣ и на рѣкѣ Волгѣ чинилъ великіе напасти, разбои и убійства. Въ 7177 (1669), году Астраханскій воевода, бояринъ Иванъ Семеновичъ Прозоровскій, послалъ противъ тебя воеводу и стольника, князя Семена Львова (Lewof), съ войскомъ Его Цар-

скаго Величества, который окружилъ тебя съ твоими казаками и всѣхъ вась легко перебилъ бы до единаго; но увидя то, ты воръ съ твоими товарищами отправилъ къ тому воеводѣ двухъ изъ главнѣйшихъ слугъ твоихъ и во имя казаковъ своихъ ходатайствовалъ тогда, чтобъ Его Царское Величество простилъ и помиловалъ вась, и ты обѣщалъ тогда, что всѣ вы вернетесь домой къ себѣ и напредки никакого зла болѣе чинить не будете, но станете вѣрно служить Его Царскому Величеству, не дадите никакого повода къ дальнѣйшимъ неудовольствіямъ между Его Царскимъ Величествомъ и царемъ Персидскимъ, и прекратите свои дальнѣйшіе воровскіе набѣги на рѣкѣ Волгѣ и на морѣ Каспійскомъ. Во всемъ этомъ тѣ два казака и дали присягу, и ты затѣмъ прислалъ къ Его Царскому Величеству еще семь своихъ челоуѣкъ, просить у царя прощенія. Но все это, какъ послѣ ясно оказалось, былъ только обманъ съ твоей стороны противъ Его Царскаго Величества; ибо хотя царь и дозволилъ всѣмъ бывшимъ съ тобою изъ Астрахани идти свободно въ ихъ жилища, на Донъ; но не смотря на то, ты, презрѣвши достигнутую тобою милость царя, съ дороги повернулъ на рѣку Волгу, учинилъ тамъ великіе разбои, убилъ воеводу въ Царицынѣ и вездѣ совершалъ великое раззореніе».

«Въ 7178 году (иначе въ 1670) ты воръ, съ казаками твоими, также забылъ страхъ Божій, когда, бывши на Дону, и отпавъ отъ Святой, Вселенской, Апостольской Церкви, говорилъ хульныя рѣчи о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, запрещалъ строить церкви и отправлять по прежнему богослуженіе, прогналъ священниковъ, которые держались своей истинной вѣры и при-

казывалъ, чтобъ, вмѣсто обряда вѣчанія, вступающіе въ бракъ бѣгали только вокругъ дерева *). Ты же воръ, забывши милостивую Великаго Государя пощаду, какъ тебѣ и товарищамъ твоимъ, вмѣсто смерти животъ данъ, измѣнилъ ему Великому Государю и всему Московскому государству, пошелъ на Волгу для своего воровства, и старыхъ Донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей, переграбилъ и многихъ побилъ до смерти и въ воду посажалъ. А также Донца Герасима Овдокимова, который посланъ былъ на Донъ съ его, Великаго Государя, милостивою грамотою къ атаману Ходневу Яковлеву, и казаковъ убилъ же и въ воду посадилъ, да и воеводу, который былъ на Дону, Ивана Хвостова, билъ и изувѣчилъ, и ограбилъ, и отъ тѣхъ побоевъ онъ умре. Ты жъ, воръ Степанъ, пришелъ подъ Царицынъ, говорилъ Царицынскимъ жилаецкимъ и всякимъ людямъ и вмѣстилъ воровскія лести, будто я Царицынскихъ жителей и разныхъ людей *хочу предать лютой смерти*, а которые люди по Государеву милостивому указу посланы были на Царицынъ имъ же на оборону, и Царицынскіе жители по твоей прелести своровали и городъ тебѣ сдали, и ты воеводу Тимоея Тургенева и Царицынскихъ жителей, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ и посажалъ въ воду. *И ходилъ затѣмъ противъ ратныхъ людей Его Величества*, которые шли на службу Великаго Государя на Царицынъ съ головою стрѣлецкимъ Иваномъ Лопатинымъ, и съ полголовою Федоромъ Якшинимъ и съ иными бился, и обманулъ и побилъ и голову стрѣлцаго, Ивана

Лопатина и сотниковъ и пятидесятниковъ, муча разными муками, посажалъ въ воду, и съ насадовъ Великаго Государя хлѣбные запасы и промышленныхъ людей всякіе товары поималъ, и съ Царицына пошелъ на Черный Яръ и на Черномъ Яру воеводу Ивана Сергѣевского и головъ стрѣлцкихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ Московскихъ, которые посланы были для береженія насадовъ съ княземъ Семеновъ, а его вы побили до смерти.»

«А какъ ты къ Астрахани пришелъ, и ты товарищей своихъ послалъ говорить и прельщать воровскихъ Астраханскихъ служивыхъ и всякихъ чиновъ людей, чтобъ городъ сдали и боярина и воеводу выдали и въ городъ бы тебя пустили. И Астраханскіе служилые люди своровали, измѣнили Великому Государю, похотя къ твоему воровству пристати, на городъ воровъ пустили. Ты жъ, воръ, сложась въ Астрахани съ ворами жъ, боярина и воеводу, князя Семена Ивановича Прозоровскаго, взялъ и безбожно съ раскату бросилъ, и брата его, князя Михаила и дьяковъ и дворянъ, и полковниковъ и головъ стрѣлцкихъ Московскихъ и Астраханскихъ, дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, которые къ воровству твоему не пристали, и купецкихъ, и всякихъ чиновъ Астраханскихъ жителей, и торговыхъ людей, муча разными муками, побилъ, а иныхъ въ воду пометалъ мучительно и животы ихъ пограбилъ; и по томъ мученіи, церкви Божіи, и монастыри и великаго Государя казну въ Палатѣ и Таможнѣ и дома всякихъ чиновъ людей пограбилъ, а въ Приказной Палатѣ дѣла государственныхъ сжегъ и такое наругательство чинилъ, чего нигдѣ не ведется, и священниковъ и иноковъ обнажа, безо всякаго стыда, и всякихъ чиновъ людей и животовъ,

*) Съ этихъ словъ идетъ уже взятое изъ Чтекій.

мучилъ разнымъ томленіемъ и муками, и самыхъ младенцевъ не щадилъ, и шахова величества купчинъ и торговыхъ людей и Невровъ, и Тезиковъ, и Армянъ, и Бухарцевъ, которые жили на время въ Астрахани, прѣехали для торговыхъ промысловъ, многихъ побилъ и товары пограбилъ, съ шаховымъ величествомъ многую ссору учинилъ.»

«Ты жъ, воръ, не насытятся невинныхъ многихъ кровей и незлобивыхъ младенцевъ, дѣтей боярина, князя Ивана Семеновича Прозоровскаго велѣлъ, взявъ со двора, повѣсить черезъ городовую стѣну за ноги и сверхъ того мученія, одного велѣлъ казнить смертію, а другаго, по многихъ мукахъ изувѣча, отдалъ къ митрополиту, не чая его отъ такихъ мукъ жива.»

«А подъячихъ Астраханскихъ, которые служили Великому Государю, а къ твоему воровству не пристали, а были въ Приказной Палатѣ, велѣлъ тѣхъ мучить страшными муками, за ребра вѣшалъ, а которые помощію Божію отрывалися, и тѣхъ велѣлъ вѣшать за многія ребра, чтобъ скончались мучительскою томною смертію.»

«Ты жъ, воръ, въ Астрахани, послѣ побитія дворянъ и головъ стрѣльцкихъ и дѣтей боярскихъ, и сотниковъ, и всякихъ служилыхъ, и торговыхъ людей, женъ и дочерей выдалъ на поругательство богоотступниковъ и товарищей своихъ, такихъ же воровъ, насильствомъ, и священникомъ велѣлъ ихъ вѣнчать по твоей печати въ неволю, а не по архіерейскому благословенію, ругаясь святѣй Божіей церкви и преданію св. Апостоловъ и св. отецъ, вмѣняя тоѣ тайну святаго супружества ни во что; а которые священники тебя не послушали, и тѣхъ сажалъ въ воду.»

«Учиня такое кровопролитіе, изъ Астрахани пришелъ къ Царицыну, а съ Царицына къ Саратову, и Саратовскіе жители тебѣ городъ сдали, по твоей воровской присылкѣ.»

«А какъ ты, воръ, пришелъ на Саратовъ, и ты Государеву денежную казну, и хлѣбъ, и золотые, что были на Саратовѣ и дворцоваго промыслу, все пограбилъ, и воеводу Козьму Лутохина и дѣтей боярскихъ побилъ.»

«А съ Саратова пришелъ ты, воръ, къ Самарѣ, и Самарскіе жители городъ тебѣ сдали, по твоей воровской присылкѣ и умыслу и заводу, и ты государеву казну пограбилъ же, и воеводу Ивана Ефимова, и Самарцевъ, которые къ твоему воровству не пристали, побилъ же.»

«А отъ Самары ты, воръ и богоотступникъ, съ товарищи подъ Симбирскій пришелъ, а пришедъ подъ Симбирскъ, съ государевыми разными людьми бился, и къ Симбирску приступалъ и посылалъ въ разныя города и мѣста своя братія воровъ, съ воровскими прелестными письмами.»

«И писалъ въ воровскихъ письмахъ, будто сынъ Великаго Государя нашего, благовѣрный нашъ царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, нынѣ живъ, и будто, по указу Великаго Государя ты, воръ, идешь съ нимъ съ низу Волги къ Астрахани и подъ Москву, для того чтобъ побить на Москвѣ и въ городѣхъ бояръ и думныхъ, и ближнихъ, и приказныхъ людей, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ, и всякаго чину служивыхъ и торговыхъ людей, и людей боярскихъ будто за измѣну.»

«А сыня Великаго Государя нашего, благовѣрный государь нашъ царевичъ, по волѣ Всемогущаго Бога,

оставя земное царство, преставился и пріялъ вѣчный покой небеснаго царствія; и преставленіе его въ государскихъ палатѣхъ при отцѣ его, при Великомъ Государѣ нашемъ, въ 178-го году (т. е. въ 1670), Генваря въ 17 числѣ, а тѣло погребено на Москвѣ, въ соборной церкви Архистратига Божія Михаила, съ прочими государскими родителями, Генваря въ 18 числѣ, а погребеніе было при отцѣ, при Великомъ Государѣ нашемъ въ 178 году, Генваря въ 18 числѣ; а погребеніе было при отцѣ его, государевѣ, при Государѣ нашемъ Царѣ полное, а на погребеніи его были святѣйшіе патріархи, Паисій Александрійскій и Юсафъ Московскій, соборче съ освященнымъ соборомъ; да не токмо преставленіе и погребеніе сына Великаго Государя нашего, благовѣрнаго государя нашего полное *въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ видно. Но не смотря на то*, ты, воръ и измѣнникъ, забывъ страхъ Божій, такое велико дѣло учинилъ, хотя народъ возмутити и кровь пролити, чего и помыслить страшно».

«Да ты жъ, воръ, вмѣнилъ всякихъ людей на прелести, будто съ тобою монаха имѣлъ прельщать всякихъ людей. Аника монахъ, по государеву указу, по суду святѣйшихъ патріарховъ и всего освященнаго собору, отъ патріаршаго престола посланъ на Бѣлоозеро въ Терапонтовъ монастырь и нынѣ въ томъ монастырѣ».

«Ты жъ, воръ и богоотступникъ и единомышленники твои, письма воровскія, многія письма, въ полки боярина и воеводы, князя Юрія Алексѣевича Долгорукова, съ товарищи, къ разнымъ людямъ, слалъ, хотя прельстити на прелесть и на измѣну многихъ людей.»

«И будучи ты, воръ, съ своимъ воровскимъ собраніемъ противъ воли Божіей ничего надъ Симбирскомъ не учинилъ, а милостію Божіею и Пречистыя Богородицы, надежды, христіанской помощницы, заступленіемъ и молитвами дивнаго въ чудесѣхъ преподобнаго отца Сергія, Радонежскаго чудотворца, а Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и его государскихъ благородныхъ чадъ, благовѣрнаго государя нашего царевича и великаго князя Федора Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и благовѣрнаго государя нашего, царевича и великаго князя, Юанна Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, счастиемъ и промысломъ, и службою Великаго государя разныхъ людей, подъ Симбирскомъ и во многихъ мѣстахъ ты, воръ, израненъ, и воровское твое собранье побиты многіе, а ты съ небольшими людьми ушелъ на низъ; а по чертѣ и въ иныхъ городѣхъ, по твоимъ воровскимъ присыльнымъ письмамъ, уклонились къ воровству, и во всѣхъ городахъ и мѣстахъ воеводъ и приказныхъ людей побилъ и въ воду пометалъ».

«А ты, воръ, Фролка, присталъ къ воровству брата своего, соединяся съ такими ворами, ходилъ, собрався, по разныхъ городѣхъ и въ инья мѣста, и многое раззоренье чинилъ и людей побилъ».

«И въ той своей дьявольской надеждѣ ты, воръ и крестопреступникъ, Степанъ и Фролко и со единомышленниками своими, похотѣли св. церковь обругати, не вдався милости великаго Бога и заступленію Пресвятыя Богородицы, христіанскія надежды, и Московскихъ чудотворцевъ, къ царству»

ющему граду Москвѣ и ко всему Московскому государству въ такую мерзость пришли, что *именемъ* Великаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и Пресвятыя Богородицы, христіанскія заступницы и надежды, уловяся на дьявольскія лести, и въ томъ своемъ воровствѣ со 175 году по нынѣшней по 179 годъ, Апрѣля по 14 день, не винулись, кровь проливали, не щадя и самыхъ младенцевъ. *А въ нынѣшнемъ же 179 году, Апрѣля въ 14 числь*, милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы, христіанскія надежды и заступницы и дивнаго въ чудесѣхъ преподобнаго чудотворца Сергія молитвами и Великаго Государя (полное) и его государскихъ благородныхъ чадъ, благороднаго государя нашего (полное), и благовѣрнаго государя нашего царевича (полное) счастіемъ, и за молитвами великаго господина (полное) и всего освященнаго собору, и службою и радѣніемъ и промысломъ его, Великаго Государя, боярѣ и воеводѣ, и стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ Московскихъ и жильцовъ, и полковниковъ рейтарскихъ пѣхотныхъ головъ и полуголовъ, и сотниковъ Московскихъ, стрѣльцовъ городовыхъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и иноземцевъ, и службою Московскихъ стрѣльцовъ и выборныхъ полковъ солдатъ и боярскихъ людей, а въ таможенныхъ и въ денежныхъ палатахъ, тѣхъ его, Великаго Государя, разныхъ людяхъ на жалованьи гостей и гостинныхъ сотенъ, и дворцовыхъ слободъ, и черныхъ сотенъ жилаецкихъ людей и всѣхъ православныхъ христіанъ, вы, воры, и крестопреступники, и измѣнники, и губители христіанскихъ душъ съ товарищи своими, подъ Симбирскомъ и въ иныхъ во многихъ мѣстахъ побиты».

«А нынѣ, великою милостію Все могущаго Бога къ Великому Государю (полное) службою и радѣніемъ Донскаго атамана Ходнева Яковлева и всего, войска сами вы поиманы и приведены къ Великому Государю къ Москвѣ, и на Москвѣ *на пытку*, въ томъ своемъ воровствѣ винулись, и за такія ваши злыя и мерзкія предъ Господемъ Богомъ дѣла и къ Великому Государю (полное) за измѣну, и ко всему Московскому государству за разореніе, по указу Великаго Государя, бояре приговорили казнить злою смертію, четвертовать, а тебѣ, Фролку, голову отсѣчь».

417. Князь Гагаринъ смѣщенъ съ губернаторства Сибирскаго, и на мѣсто его поставленъ князь Черкасскій.

418. Бывшаго доселѣ Рижскимъ губернаторомъ князя Голицына царь назначилъ губернаторомъ въ Астрахань, а на его мѣсто въ Ригу послалъ князя Репнина.

419. Его Царское Величество закончилъ этотъ 1718-й годъ въ совершенномъ здоровьи, но событія этого года были такъ достопамятны, что одинъ хорошій мой пріятель, попавшій на пути своемъ изъ Ревеля на отвратительный ночлегъ, на которомъ неносныя мошки или комары, водящіяся тамъ лѣтомъ во множествѣ, не дали ему уснуть ни минуты, выразилъ въ стихахъ свое меланхолическое настроеніе, по поводу сказанныхъ событій и стихи эти переслалъ въ Германию къ одному своему благодѣтелю (*).

(*) Въ подлинникѣ эти стихи приложены въ текстъ; вѣроятно они принадлежатъ перу самаго Вебера, потому что въ нихъ упоминаются событія, изложенныя уже авторомъ въ текстѣ; а именно: о тревогахъ въ Москвѣ, объ отсутствіи въ ней увеселеній, въ теченіе 1718 г. о'казныхъ; за тѣмъ о Бухарцѣ Батутѣ, о бѣдственномъ состояніи Эстляндіи и нахо-

420. 4-го Января (1719) совершены были великолѣпные похороны бывшаго царскаго лейбъ-медика и совѣтника, Арескина, умершаго въ Олоонецкѣ. Похоронныя процессія направлялась въ новый Александро-Невскій монастырь, лежащій въ 7-ми верстахъ отъ Петербурга.

Его Царское Величество слѣдоваль за тѣломъ, отслушавъ прежде въ домѣ покойнаго надгробное служеніе и слово реформатскаго священника, на Голландскомъ языкѣ, и приказалъ самъ закрыть тамъ гробъ, по изъявленіи знаковъ своей милости къ умершему, а также и къ кавалеру Стерлингу, который, по назначенію Его Величества, распорядился исполненіемъ завѣщанія покойнаго. Тѣло несли придворные медики и знатнѣйшіе хирурги одѣтые въ черныхъ мантияхъ до самаго моста въ Нѣмецкой слободѣ, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа, освѣщаемые 200 факелами а отъ этаго моста тѣло поставлено на сани, на которыхъ и везено было уже до помянутаго монастыря. Здѣсь, въ монастырѣ уже, отъ самыхъ воротъ до часовни, стояли по обѣимъ сторонамъ солдаты, тоже съ факелами, неугасаемыми на вѣтру, и Его Величество сопровождалъ гробъ, держа въ рукѣ, по Русскому обычаю, восковую горящую свѣчу, до самаго могильнаго склепа, сдѣланнаго между склепами царевны Наталіи и Голландскаго контръ-адмирала (шут-би-нахта).

Сопровождавшія тѣло лица, между которыми были реформатскій и лютеранскій священники, получили подарки флеромъ и золотыми кольцами, на которыхъ вырѣзаны были имя и

день смерти покойнаго; также были и угощаемы богатымъ пиромъ.

Въ оставленномъ послѣ себя завѣщаніи Арескинъ отказалъ: матери своей и сестрѣ чистыя деньги; старшей царевнѣ—имѣнье и крестьянъ; Эдинбургскому госпиталю въ Шотландіи—деньги, вырученныя отъ принадлежавшей ему мебели. Библиотеку его царь подарилъ младшему доктору Блюментросту, теперешнему своему лейбъ-медику, братъ котораго отправляетъ такую же должность при царицѣ. Проживающіе въ Петербургѣ Якобиты чвайлись флеромъ въ память Арескина, какъ большимъ почетнымъ знакомъ, и отличались тѣмъ отъ истинныхъ Великобританскихъ подданныхъ, равно какъ скорбѣли о надеждахъ, погребенныхъ ими съ Арескинымъ.

Начертанный на гробѣ Арескина девизъ: «Я мыслю болѣе, чѣмъ говорю (Je pense plus que je ne parle) далъ поводъ одному Нѣмецкому перу къ слѣдующему четверостишію:

Es gedacht Areskin mehr, als dem
Medico gehörte,

Praetendirte, dass man ihn als ge-
heimden Rath verehrte;

Doch weil er dem Praetendenten
Gut mit Unrecht zugedacht.

Hat der Tod Praetensiones an den
rechten Mann gemacht.

т. е. Арескинъ замышлялъ о большемъ, чѣмъ подобаетъ медику; претендовалъ, что его пожалуютъ въ тайные совѣтники; но такъ какъ въ претендентѣ онъ смѣшивалъ правду съ кривдою, то смерть перенесла его претензіи на честнаго человѣка.

421. Начало 1719-го года по новому календарю праздновалось съ необычайною торжественностію, и Его

ночь о петлѣнномъ трупѣ дѣвцы Лодскъ. Стиховъ этихъ, не представляющихъ никакого интереса, мы не переводимъ. Прим. Церев.

Величество, по отслушаніи божественной литургіи, при пушечной пальбѣ отправился въ домъ Сената, гдѣ князь Меншиковъ давалъ роскошный обѣдъ. За столомъ шилось здоровье, и провозглашалось желаніе, чтобы этотъ 1719 годъ для Его Величества былъ также счастливъ и замѣчательнъ, какъ и 1709-й годъ.

Праздникъ заключился наконецъ блистательнымъ фейерверкомъ, который представлялъ двухъ великановъ, поддерживавшихъ столбы царства и Фортуну, сидящую на змѣй. Между разными глубокомысленными изрѣченіями Его Величества, на этомъ праздникѣ, замѣчательно слѣдующее: царь уподобилъ себя патриарху Ною, который съ негодованіемъ взиралъ до сихъ поръ на древній Русскій міръ, теперь же онъ возымѣлъ надежду, съ помощію учрежденныхъ вновь коллегій, привести свое государство въ новое, лучшее состояніе.

Въ началѣ этого мѣсяца объявленъ былъ состоявшійся въ Сенатѣ приговоръ нѣкоторымъ высоко поставленнымъ подсудимымъ и прежде всего — князю Меншикову; этимъ первымъ приговоромъ повелѣвалось именно, чтобы князь, обвиняемый въ злоупотребленіяхъ по управленію вѣрнейшаго ему казнохранилища, отдалъ свою шпагу и ожидалъ бы дальнѣйшаго наказанія. По объявленіи князю этого приговора, онъ подвергнутъ былъ гражданскому аресту и отосланъ для этого къ себѣ на домъ. При выходѣ изъ Сената, съ нимъ встрѣтился старый президентъ сената, Долгорукій, который также вызывался для объявленія состоявшагося надъ нимъ приговора. Но этотъ старый князь защищалъ свое дѣло съ такимъ побѣдоноснымъ краснорѣчіемъ, что наряженные надъ нимъ

судьи сочли за благоразумнѣйшее, донести обо всѣхъ этихъ объясненіяхъ Его Величеству, прежде чѣмъ объявлять приговоръ надъ княземъ. Наконецъ, въ приговорѣ значился и генераль - адмираль Апраксинъ; о немъ постановлено, что, по приведеніи въ извѣстность Его Царскимъ Величествомъ вѣрнейшаго ему Апраксину управленія, онъ, въ силу сентенціи, состоявшейся надъ нимъ, признанъ лишеннымъ всѣхъ имѣній своихъ и достоинствъ и также, подъ строгимъ домашнимъ арестомъ, долженъ былъ ожидать дальнѣйшихъ о немъ повелѣній. По объявленіи Апраксину этого приговора, онъ, отдавши шпагу свою, также удалился изъ Сената домой.

Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что послѣ такой строгой сентенціи надъ этими обвиненными вельможами, надо было ожидать, что они по крайней мѣрѣ будутъ удалены отъ всѣхъ должностей своихъ. Но къ удивленію всѣхъ и каждаго, прежнія заслуги ихъ и вѣрная служба, а равно различныя представленія въ пользу ихъ со стороны Его Величества, возымѣли такую силу и вліяніе, что и князь Меншиковъ, и великій адмираль, по испрошеніи ими всеижайшаго прощенья, были помилованы, съ обложеніемъ только значительнаго денежнаго взысканія.

422. Состоявшій на царской службѣ Англичанинъ, контръ-адмираль Паддонъ (Paddon), умеръ скоропостижно, и погребеніе тѣла его совершено было съ великимъ почетомъ, въ высочайшемъ присутствіи Его Величества, всѣхъ наличныхъ иностранныхъ министровъ, въ сопровожденіи множества морскихъ офицеровъ и другихъ почетныхъ чиновъ и знаковъ почести. Какимъ уваженіемъ пользовался

этотъ Англичанинъ, можно, между прочимъ, видѣть и изъ того, что Его Царское Величество провожалъ тѣло его, пѣшкомъ, отъ дома покойнаго до самой новой церкви, по ту сторону рѣки Невы, на разстояніи цѣлой доброй полумили. Помянутая сейчасъ церковь заложена и построена во имя св. Самсона и въ память дня Полтавской битвы; при ней отведено и кладбище для чужестранцевъ, такъ какъ Русскія лѣтописи приписываютъ св. Самсону особое значеніе и гостепріимное покровительство по отношенію къ иностранцамъ.

Оставшаяся вдова Паддона получила отъ щедротъ Его Величества вспомоствованіе на отправленіе похоронъ, въ тысячу рублей; и затѣмъ ей назначена пожизненная пенсія, ежегодно половинное жалованье, которое получалъ покойный мужъ ея.

423. Сынъ несчастнаго Валахскаго господара Кантакузина (Cantaguzenie), задушеннаго въ Портѣ, бѣжавши съ матерью своею изъ Турціи, обратился къ покровительству Его Царскаго Величества, который и принялъ его къ себѣ на службу офицеромъ въ гвардію въ Преображенскій полкъ. Онъ нашелъ также великую помощь и у родственника своего, бывшаго Молдавскаго господара, Дмитрія Кантемира, о которомъ я говорилъ уже выше, а теперь вспомнилъ еще и то, что Кантемиръ этотъ, въ 1712-мъ году, въ надеждѣ, что дѣла на Прутѣ пойдутъ благопріятнѣе для Россіи, предложилъ Его Царскому Величеству Молдавію, за что и получаетъ ежегодный пансіонъ по 20,000 рублей, не считая имѣній, дарованныхъ ему въ Россіи и въ Украинѣ, и именуется обыкновенно въ бумагахъ наслѣднымъ княземъ Молдавіи; онъ претендуетъ также

IX. 2.

и на титулъ свѣтлости. У Его Царскаго Величества онъ находится въ великомъ почетѣ, ибо царь увѣренъ, что Молдавія и Валахія навѣрное были бы завоеваны, еслибъ послѣдовали совѣту этого воспитаннаго при Турецкомъ Дворѣ государственнаго мужа.

Этотъ Кантемиръ человѣкъ ученый, знающій многіе языки и состоитъ членомъ Берлинскаго общества знаій. Его Турецкая исторія, ожидающая издателя, на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ, посвящена имъ, въ знакъ его преданности Римской имперіи, блаженной памяти Леопольду и заключаетъ въ себѣ много государственныхъ тайнъ Оттоманской Порты.

424. Посланный въ Персію Артемій Волынскій снова возвратился въ Петербургъ, но о порученіи его ничего нельзя было узнать тогда: приняты были, или нѣтъ предложенія его о торговомъ договорѣ. Говорили только, что онъ имѣлъ шесть отдѣльныхъ аудіенцій у шаха Софи и отпускавъ со всѣми подобавшими ему почѣтными знаками и обрядностью.

425. Въ Астраханскомъ царствѣ еще открытъ цѣлебный колодезь, и изъ Москвы посланъ туда докторъ Шауберъ, для доставленія объ этомъ колодезѣ точныхъ свѣдѣній.

Въ началѣ Февраля, Его Царское Величество отправился на Олонецкія лечебныя воды, въ сопровожденіи ея величества царицы и вдовствующей герцогини Курляндской. Маіоръ лейбъ-гвардіи Измайловъ, двоюродный братъ того Измайлова, который въ 1701-мъ году посланъ былъ къ Прусскому Двору, для поздравленія отъ имени Его Царскаго Величества съ коронованіемъ, и оттуда ко Двору Датскому, назначенъ Его Царскимъ Величествомъ

русскій архивъ. 1872. 53.

посланникомъ въ Китай, и упомянутый выше Ланге, совершившій уже разъ это далекое путешествіе, получилъ повелѣніе сопровождать майора Измайлова въ Китай. Сдѣлано распоряженіе о передачѣ Измайлову дорогихъ подарковъ для Китайскаго императора, которые большею частію состояли изъ токарныхъ издѣлій, изготовленныхъ самимъ царемъ, отличнымъ мастеромъ этого дѣла.

426. По послѣднимъ сообщеніямъ Китайскихъ миссіонеровъ извѣщалось, что Китайскій народъ возмущился противъ своего верховнаго повелителя, вслѣдствіе повышенія налоговъ и упадка отъ того торговли. Подобное же несчастіе случилось и въ Персіи, по смерти шаха (Chams) въ Шамахи, и такъ какъ Арабы въ то же время двинулись войной на Персію, а подданные въ Персіи сверхъ того угнетены были страшною бѣдностію и недостаткомъ въ деньгахъ, поэтому и полагали, что трону Софи угрожаетъ опасность гораздо бѣльшая, чѣмъ вначалѣ это думали. Бѣдность въ этомъ послѣднемъ государствѣ, какъ описываютъ, дошла до того, что Софи повелѣлъ разрывать могилы богатыхъ покойниковъ и обирать съ ихъ грѣбъ всё богатя украшенія и другія драгоценности.

427. Эти послѣднія извѣстія извлекаю я изъ Латинскаго письма отъ одного іезуита, писаннаго изъ Испани въ Петербургъ, и въ письмѣ этомъ между прочимъ упоминалось также, что процвѣтавшая въ Персіи прежде шелковая торговля пришла въ совершенный упадокъ до того, что въ послѣдній годъ мало, или даже и вовсе, не вывозилось оттуда никакихъ дорогихъ матерій.

Недостатокъ въ деньгахъ также и въ Архангельскѣ, и въ Москвѣ, и въ

Петербургѣ былъ въ то время до того значителенъ, что трудно было добыть у купцевъ въ займы денегъ, съ процентами по 15 со ста въ годъ, подъ надежнымъ обезпеченіемъ. Виною тому были монополіи и мануфактуры, которыя въ прошломъ только году, на пошливѣ въ Ригѣ, причинили убытку царской казнѣ до 80-ти тысячъ рублей въ таможенныхъ деньгахъ.

428. Вновь вычеканенные рубли подвергнуты были изслѣдованію, по распоряженію Коммерцъ-коллегіи, и найдены мало-цѣнными и низко-пробными. Вслѣдствіе этого сказанная Коллегія признала необходимымъ представить Его Царскому Величеству донесеніе о томъ вредѣ, который наносится этимъ обществу.

Малоцѣнность новыхъ монетъ была не безъизвѣстна царю, но въ то время рудники были еще не въ состояніи, посредствомъ богатой добычки, доставлять потребныя на обиходъ суммы. Пониженіе курса иностранныхъ червонцевъ, которые, самое большее, ходили по 190 копѣекъ, причинило коммерческому дѣлу также немаловажный убытокъ, потому что Русскія деньги удерживали полную свою стоимость, а внутренняго достоинства, вслѣдствіе примѣси, не имѣли.

Его Царское Величество приказалъ составить для себя разнаго рода модели вновь исправленныхъ сооружений въ крѣпостяхъ Шлюссельбургъ, Нарвѣ, Ревелѣ, Пернавѣ и проч., для того, чтобы можно было вывести надлежащее сужденіе о ихъ слабыхъ сторонахъ. Кромѣ того одинъ Нѣмецкій архитекторъ, Матреновъ (Matrenove), нынѣ уже умершій, изготововилъ модель для предполагаемой къ постройкѣ на Васильевскомъ островѣ обсерваторіи, которая назначена для

совмѣстнаго помѣщенія библіотеки, естественной и анатомической кунсть-камеры и Готторпскаго глобуса.

429. Русскій генераль-фельдмаршалъ Шереметевъ скончался въ Польшѣ, а также и Шведскій генераль Левенгауптъ закончилъ жизнь свою въ плѣну, въ Москвѣ и такимъ образомъ не дождался конца Сѣверной войны, котораго онъ такъ сильно желалъ.

430. Одинъ миссіонеръ, капуцинъ, родомъ Италіанецъ, человекъ лѣтъ за шестьдесятъ, уже нѣсколько недѣль проживалъ здѣсь въ ожиданіи Его Царскаго Величества, у котораго имѣлъ намѣреніе испросить разрѣшенія построить въ Астрахани церковь для католической общины, состоявшей уже тамъ изъ 90 семействъ или домовъ, частью Австрійцевъ садоводовъ, частью же Баварскихъ солдатъ, захваченныхъ въ плѣнъ со Шведами. Передъ этимъ онъ долго жилъ въ Персіи и часто бывалъ тамъ на волосъ отъ смерти; вообще же это былъ весьма ученый и свѣдущій въ медицинѣ патеръ или священникъ. Послѣднимъ искусствомъ, т. е. медициною люди этаго ордена стараются наиболѣе войти въ довѣріе Персіянъ, при чемъ, приглашаемые въ качествѣ врачей, они вписываютъ въ церковныя книги многихъ большихъ дѣтей Персидскихъ и втайнѣ крестятъ ихъ. Поэтому случаю, упомянутый миссіонеръ рассказалъ мнѣ замѣчательный примѣръ, а именно: такъ какъ ему угрожало наказаніе (битье по пятамъ до смерти) за одного такого Персіянина, втайнѣ крещенаго имъ въ христіане, то магометанинъ тотъ, котораго имя было вписано въ метрическую о крещеніи книгу, хотя самъ онъ не зналъ о томъ и постоянно исповѣдывалъ магометанскую вѣру, не только просилъ за патера, но въ добавокъ внесъ еще тай-

но за него штрафныя, наложенныя на патера, деньги, 5 тысячъ цехиновъ, и послѣ того всегда оказывалъ вѣрную дружбу христіанамъ, по тайному влеченію своей совѣсти.

Тайные изъ Персіянъ христіане собираются потихоньку, покрайней мѣрѣ однажды въ годъ, въ домъ къ подобнымъ патерамъ, и отправляютъ тамъ католическое богослуженіе; но наружно они должны показывать себя магометанами, имѣть по нѣсколь-ку жѣнъ, хотя при крещеніи своимъ обязуются изъ этихъ жѣнъ держать только одну въ брачномъ состояніи; за такое снисхожденіе или уступку возникъ ожесточенный споръ у иезуитовъ съ членами другихъ орденовъ, такъ какъ снисхожденіе угрожало великою опасностью христіанству. Умершій два года тому назадъ, великій казначеи Персидскаго государства также былъ въ тайнѣ христіанинъ, и такіе-то тайные христіане, въ случаѣ, если кто нибудь изъ нихъ обнаружитъ чѣмъ свое тайное исповѣданіе, всегда причиняютъ миссіонерамъ наибольшую опасность и много жестокихъ разслѣдованій; въ тоже время прирожденные христіане георгіанцы, если они исправно вносятъ свою подать и остерегаются въ рѣчахъ своихъ говорить дурно о магометанской вѣрѣ, нисколько не преслѣдуются во внѣшнемъ богослуженіи.

431. Одинъ, прибывшій изъ Персіи съ посольствомъ, другъ мой сообщилъ мнѣ полный, теперь употребляемый титулъ Шаха Госсейна Шузени, въ томъ видѣ, какъ его пишутъ подданные въ своихъ прошеніяхъ къ нему, и титулъ этотъ пишется слѣдующимъ образомъ:

«Божією милостію возвеличенный и благословеніями небснаго царя прообразующій отблескъ Бога, обла-

датель цѣлаго міра, глава земнаго шара, всѣхъ царей царь, средоточіе, передъ которымъ преклоняются всѣ народы, самодержецъ высокопрославленной въ цѣломъ свѣтѣ Персидской монархіи, наслѣдникъ Дарія и храбраго Хозроя, содержащій въ себѣ врата неба, всепресвѣтлѣйшій и наивысочайшій шахъ султанъ Шузени, слѣдамъ коня котораго всѣ люди должны приносить жертвы». Самъ же шахъ подписывается такъ: «наименьшая рука пресвѣтлѣйшаго пророка Али».

432. По смерти Шведскаго короля и по разрывѣ Аландскаго трактата, стали дѣлать необычныя приготовленія и снаряженія къ предстоящей кампаніи, для удовлетворенія которыхъ поручено двумъ приказамъ или канцеляріямъ вымѣнять огромную сумму червонцевъ по 195 копѣекъ за каждый; кромѣ того не только конфискованъ былъ весь хлѣбъ, ссыпанный въ амбары или магазины, но и особымъ приказомъ всѣмъ и каждому было повелѣно объявить свой запасъ соли и уступать ее по установленной таксѣ Его Царскому Величеству, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, конфискаціи той соли и наложенія другихъ чувствительныхъ взысканій.

Сверхъ того Русскимъ купцамъ поручено было закупить на семь тысячъ рублей овечьихъ шкуръ и сдать ихъ на пергаментную фабрику, съ тѣмъ, чтобы подѣлать изъ нихъ картуши и патроны; ибо полагали, что порохъ лучше можно сохранять въ такихъ патронахъ, чѣмъ въ жестяныхъ, или картонныхъ.

Его Царское Величество принялъ рѣшеніе этимъ лѣтомъ сдѣлать сильную высадку, съ 26,000 чел. войска въ Швецію, ибо полагалъ, что не оставалось уже никакого другаго средства для того, чтобы принудить это коро-

левство къ скорому и основательному миру. Между тѣмъ новоизбранная королева, принцесса Ульрика, не только извѣстила форменною грамотою Его Царское Величество о смерти короля, но и увѣряла при томъ, что она охотно готова возобновить между обоими государствами прежнюю обязательную дружбу и сосѣдство, для чего вскорѣ и хотѣла послать своего совѣтника и министра Ліліенштедта на островъ Аландъ, для новаго утвержденія трактата.

433. 23-го Марта умершій 90-ти лѣтній Англичанинъ Краватъ (Cravat) также почтенъ былъ при погребеніи высокимъ присутствіемъ Его Царскаго Величества и всего Двора. Скончался онъ послѣ 70-лѣтней службы въ Русскомъ царствѣ переводчикомъ и за преклонностію лѣтъ своихъ давно уже пользовался жалованными ему деньгами.

434. Титулярный графъ и церемоній-мейстеръ увеселеній, Ла-Коста (La Costa), Португалецъ, забавнымъ поведеніемъ своимъ на Олонецкихъ лечебныхъ водахъ, на которыхъ онъ по неволѣ долженъ былъ держать добрую діету, такъ съумѣлъ услужить царю, что Его Величество обнадѣжилъ его сдѣлать и объявить его вскорѣ королемъ Самоѣдовъ, должность, которая всегда сопряжена съ званіемъ совѣтника увеселеній. Торжественное коронованіе его должно было совершиться по прибытіи 24 оленей и столькихъ же крестьянъ-Самоѣдовъ. Жалости бываетъ достойно, когда новый король на первомъ же испытаніи подвергается несчастію, и когда необузданныя животныя, олени, не поймутъ условнаго языка, въ которомъ король долженъ быть силенъ, или когда онъ не удержитъ въ саняхъ надлежащаго равновѣсія. По достовѣрному

описанію одного Лапландскаго евангелическаго священника, въ этой ѣздѣ на саняхъ случается не мало опасностей: потому что олень бѣжитъ неудержимо и останавливается только на примѣченномъ имъ мѣстѣ; когда путникъ усядется, взявши въ руки свои двѣ жерди, которыми онъ поддерживаетъ въ равновѣсіи сани, олень пускается въ бѣгъ, летитъ неудержимо до известнаго мѣста, гдѣ и останавливается. Но если сѣдокъ не поостережѣтся и опрокинется, то лишается всякой надежды сдержать своего оленя, который безостановочно продолжаетъ свой путь.

435. Расположенная на квартирахъ въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ милиція получила въ настоящее время повелѣніе скорымъ маршемъ направиться въ Ревель, а равно и корпусу Репнина, стоявшему до сихъ поръ у Данцига, велѣно ускорить маршъ къ Ревелю же, потому что этотъ городъ и Петербургъ были сборными пунктами, откуда должны были съѣхать на корабли войска, назначенныя для подкрѣпленія Финляндской арміи, которая въ этомъ году возрасла до 50,000 человекъ.

436. Въ Русской печати вышло небольшое, листовъ въ 40, сочиненіе, написанное самымъ бойкимъ перомъ Русской канцеляріи и содержащее въ себѣ точныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ настоящей Сѣверной войны; главною же задачей этого сочиненія было доказать, что завоеванія, совершенныя въ этой войнѣ Русскими, въ Финляндіи, Его Царское Величество имѣетъ полное право считать возвращеніемъ только преждеотторгнутыхъ отъ Россіи владѣній. Поводомъ къ этому Русскому возраженію (которое имѣется въ виду перевести съ Русскаго на Нѣмецкій языкъ и распространить въ пу-

бликѣ), была *Deductio*, или доказательство, составленное однимъ Шведскимъ ученымъ и касающееся провинцій Кареліи и Ингерманландіи. Въ Дедукціи этой приводятся нѣкоторыя свѣдѣнія о древней Русской исторіи, и такъ какъ она, сколько мнѣ известно, нигдѣ еще не напечатана, то привожу ее здѣсь вполнѣ; изъ этихъ двухъ сочиненій покрайней мѣрѣ можно видѣть, какъ основательны бываютъ иногда доказательства той или другой партіи и на чемъ основывается авторитетъ исторіи ¹⁾.

437. Тайный секретарь Шафировъ, братъ вице-канцлера, при разборѣ находящихся въ архивѣ Русской канцеляріи въ Москвѣ дѣлъ, нашелъ связку съ письмомъ императора Максимилиана 1-го къ Русскому царю Василию, въ которомъ Максимилианъ даетъ Василию титулъ императора. Письмо это Его Царское Величество велѣлъ показывать въ подлинникъ всѣмъ и каждому, и я снялъ съ него слѣдующую копію ²⁾.

438. 1-е Апрѣля сего 1719-го года отпраздновано было къ великому удовольствію царя и доставило прибывшему изъ Германіи сылачу Симсону

¹⁾ Такъ какъ Дедукція эта не принадлежитъ самому Веберу и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія общеизвестныя, но излагаемая съ цѣлію доказать, что завоеванныя Петромъ Прибалтійскія земли искони принадлежали Швеціи, короли которой имѣли даже такое же право на Русскій престолъ, какъ и Михаилъ Федоровичъ, то мы не сочли нужнымъ переводить ее здѣсь. *Прим. Переводч.*

²⁾ Копію эту приводить здѣсь мы также считаемъ излишнимъ. Содержаніе письма заключается въ томъ, что Максимилианъ заявляетъ свою дружбу и взаимное содѣйствіе Василию противъ Польскаго короля Сигизмунда, захватившаго многія земли у Нѣмцевъ и Русскихъ; при чемъ называетъ в. кн. Василія Императоромъ и цѣлуетъ, въ нерушимости вѣрной дружбы, вѣрствъ. Письмо писано въ 1514 году по Р. Х. *Примѣч. Перев.*

подарокъ въ нѣсколько сотенъ рублей. По приказанію царя, на представленіе опытовъ прославленной силы Нѣмца, должны были собраться всѣ знатные люди, даже сама вдовствующая царица и царевны ея. Партеръ и ложи переполнены были зрителями до того, что многіе запоздавшіе должны были возвратиться домой, по недостатку мѣстъ. Всѣ зрители съ нетерпѣніемъ смотрѣли на приготовленія къ зрѣлищу, пока наконецъ не появилась на сценѣ парящая въ воздухѣ машина, съ надписью на ней огромными буквами: «Апрѣль». Въ заключеніе явился забавникъ-Нѣмецъ (буфонъ), благодарилъ публику въ рѣчи за подарокъ ради 1-го Апрѣля и приглашалъ её на завтра, на болѣе веселое представленіе.

439. Въ прошедшемъ году, въ ночь на 1-е Апрѣля, по приказанію царя, былъ зажжёнъ находившійся нѣсколько вдали домъ и били тревогу въ барабаны; на пожарѣ присутствовалъ самъ царь, который, во изъявленіе своего удовольствія, приказалъ тогда раздать нѣсколько бочекъ пива и водки сбѣжавшимся въ большемъ количествѣ солдатамъ для тушенія этого пожара на 1-е Апрѣля.

440. Многіе Русскіе помянутаго выше силача считали колдуномъ за его необычайную силу, и были даже гг. епископы, которые полагали, что силачъ Симсонъ можетъ поднять зубами подмостки (скамью), на которыя становится обыкновенно Русскій дьяконъ съ книгою Евангелія.

441. Такія мнѣнія побудили царя приказать важнѣйшимъ духовнымъ особамъ пожаловать въ театръ, чтобъ показать имъ необыкновенную силу Симсона, и лица эти были въ высшей степени поражены сказанною силою

и должны были признаться, что никогда ничего подобнаго не видывали.

442. Царь города Москвы, Ромодановскій, помогая Его Величеству, приложилъ всѣ силы свои къ царевымъ, чтобы поставить на грудь Симсону наковальню, которую тотъ свободно поднималъ на воздухъ и на которой, поставленной уже у него на груди, онъ давалъ разщепливать толстыя желѣзныя шины. Его Величество усиливался также вырвать обѣими руками палку, которую Симсонъ держалъ въ зубахъ торчмя, но нашель, что силачъ стоялъ при этомъ не шелохнувшись, и палку вытянуть у него царь не смогъ. Послѣ этаго Симсонъ, можетъ быть для того, чтобъ сыграть силу самаго царя, взялъ палку въ зубы поперекъ и велѣлъ тянуть её у него двумъ здоровымъ молодцамъ, въ которыхъ, онъ, Симсонъ, не только не встрѣтилъ такого сильнаго сопротивленія, какое встрѣтилъ у царя, но еще обоихъ этихъ молодцевъ началъ таскать по сценѣ, по собственному произволу, куда хотѣлъ, какъ двухъ безсильныхъ дѣтей. На мое замѣчаніе по поводу этаго представленія, Его Величество сказалъ, что главное участіе принимала тутъ сила этого человѣка, и лишь ничтожную долю составляло искусство его.

443. Неожиданная кончина провозглашеннаго уже наслѣднымъ царевичемъ, Петра Петровича, послѣдовавшая 6-го Мая, повергла Дворъ въ великое смущеніе и глубокую печаль. Царевичъ былъ почти четырьмя недѣлями моложе великаго князя, оставшагося отъ умершаго царевича Алексѣя Петровича, но никогда не выказывалъ въ себѣ такой особенной живости, которою отличался этотъ послѣдній великій князь. Не смотря на то, что недостатка въ заботливомъ воспи-

таніи и всевозможномъ ободреніи и возбужденіи никогда не было, но всё таки, въ то время, когда помянутый великій князь уже говорилъ, ходилъ и учился разнаго рода упражненіямъ, Петръ Петровичъ, напротивъ, постоянно оставался слабымъ и болѣзненнымъ.

444. Погребеніе этого неутѣшно и горько оплакиваемаго наслѣднаго царевича совершалось 8-го Мая, въ 3 часа послѣ обѣда съ торжественными церемоніями, при пушечной пальбѣ, Впереди шли гренадеръ-офицеры гвардіи, съ своимъ отрядомъ изъ 240 человекъ, держа оружія на погребеніе. Оберъ-офицеры этого войска всѣ одѣты были въ черное, съ флеромъ на шляпахъ и шпагахъ; унтеръ-офицеры и солдаты съ флеромъ только на каскахъ. За этимъ отрядомъ слѣдовали 50 Преображенцевъ, съ горящими факелами; за тѣмъ пѣвчіе и духовенство, пѣвшіе попеременно свои погребальныя гимны. Гробъ и колесница обиты были алымъ бархатомъ, съ золотой бахромой или обшивкой, и на нихъ лежали государственныя знаки. Его Величество сопровождали знатнѣйшіе придворныя чины, одѣтые всѣ въ черныя, траурныя мантіи. Потомъ слѣдовали Русскіе и иностранныя министры и другіе военные и гражданскіе чины, въ несмѣтномъ количествѣ, въ черныхъ одеждахъ и длинныхъ мантіяхъ. Процессія шла пѣшкомъ до р. Невы, гдѣ тѣло принято было на погребальную шлюпку, на которой помѣстились и важнѣйшія особы процессіи; остальные провожатые переплыли рѣку на собственныхъ своихъ шлюпкахъ. По совершеніи Русскаго богослуженія въ Александровскомъ монастырѣ и предавши въ томъ же монастырѣ тѣло землѣ, Его Величество возвратился на тойже погребальной шлюпкѣ назадъ

и тотчасъ же поспѣшилъ къ своей безутѣшной супругѣ, въ присутствіи которой выказывалъ особую бодрость и твердость духа.

445. Если бъ это печальное событіе не случилось, то Его Величество намѣревался въ этотъ день спустить вновь выстроенный военный корабль въ 90 пушекъ и праздновать свадьбу привезеннаго изъ Парижа Французскаго великана, Сенъ Жана, съ такою же почти долгою невѣстою изъ Финокъ, къ чему всё уже было изготовлено; но оба эти дѣла, по сказанному прискорбному событію, были теперь отложены на нѣкоторое время.

446. Тѣмъ иностранцамъ, которые приглашены были на царскую службу въ коллегіяхъ, было предписано, чтобы они прямо и немедленно объявили, желаютъ ли они обязатья пожизненно служить у царя. Многіе изъ нихъ не захотѣли принять это условіе и просили объ отпускѣ ихъ, по окончаніи договорнаго срока, на который они поступили. Большинство, впрочемъ, напротивъ, будучи Шведскими вассалами и плѣнными, согласились на предложенное имъ условіе, такъ какъ, по предстоящему заключенію мира, одни изъ нихъ могли подвергнуться строгой ответственности по возвращеніи въ отечество, а другіе не предвидѣли въ немъ для себя никакого лучшаго положенія.

447. Всѣмъ тѣмъ іезуитамъ, которые по рекомендаціи Римско-Императорскаго Двора уже нѣсколько лѣтъ проживали въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Архангельскѣ, также было объявлено, чтобы они, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ между императорскимъ и царскимъ Дворами, не замедлили оставить Русское государство; но предварительно, изъ про-

живавшихъ въ Петербургѣ іезуитовъ, патеръ Энгель, съ товарищемъ своимъ, взяты были подъ стражу. Это повелѣніе Его Величество приказалъ объявить въ католическихъ церквахъ и въ то же время совѣтнику канцеляріи Степанову велѣлъ обревизовать письмоводство и корреспонденцію патера.

Содержаніе помянутаго объявленнаго повелѣнія было слѣдующее: «Его Императорское Величество всегда пребывалъ въ дружбѣ съ Императорскимъ Дворомъ до тѣхъ поръ, пока императорскій резидентъ Плейеръ не завелъ съ Русскими подданными вредныхъ сношеній. Поэтому, Его Царское Величество принужденъ былъ искать отозванія этого резидента, что и послѣдовало, но такимъ образомъ, что резиденту дозволено было 4 недѣли, и даже сверхъ того еще опредѣленное время, оставаться въ Петербургѣ и продолжать свою корреспонденцію. Резидентъ же нашъ Веселовскій въ Вѣнѣ и агентъ въ Бреславлѣ, напротивъ того, должны были немедленно оставить страны, въ коихъ они находились. Такъ какъ Императорскій Дворъ заявилъ себя въ этомъ отношеніи столь враждебно, то и Его Царское Величество заблагоразсудилъ употребить скандалныя репрессаліи, и этимъ объявленіемъ строго повелѣвается всѣмъ іезуитамъ оставить Русское государство въ теченіи 4-хъ дней, по послѣдованіи этого объявленія, ибо всѣму свѣту хорошо извѣстны вредныя продѣлки іезуитовъ, а равно и то, какъ любятъ они вмѣшиваться въ дѣла политическія».

448. Впрочемъ католической общинѣ предоставлена свобода приписывать къ себѣ лицъ и другихъ орденновъ, только съ условіемъ, чтобы

лица эти не пользовались покровительствомъ Императорскаго Двора и призываемы были въ Петербургъ не изъ заподозрѣнныхъ уже провинцій.

449. Италіянскій капуцинъ, домогавшійся въ теченіи довольно продолжительнаго времени дозволенія построить монастырь и церковь въ Астрахани, встрѣтилъ въ Русскомъ духовенствѣ гораздо болѣе препятствій, чѣмъ предполагалъ.

450. Генераль - адмиралъ Апраксинъ получилъ свои указы и наставленія о томъ, какимъ образомъ Его Величество желалъ произвести перевозку цѣлой арміи въ Финляндію, и съ первымъ транспортомъ должны были перевезтись туда 20 тысячъ пѣхоты и 6 тысячъ драгунъ. Для этого потребны были: 28 ранговыхъ кораблей, 180 галеръ и 300 плоскодонныхъ судовъ, при чемъ адмиралъ и послѣ, при высадкѣ уже войскъ въ Швецію, долженъ былъ принять самъ главное начальство, которое удерживалъ и на сухомъ пути, во все время кампаніи.

451. Генераль-майоръ Геннингъ отправился въ Германію, Францію и Италію, чтобы вездѣ, на издержки царя, приобрѣтать рисунки всякаго рода полезныхъ и любопытныхъ машинъ и заказать тамъ и постройку моделей съ этихъ рисунковъ. Это двухъ-годичное путешествіе Геннинга имѣло между прочимъ главною цѣлію точнѣе обзрѣть и изучить иноземное горнозаводское дѣло и пригласить на царскую службу возможно большее количество свѣдущаго въ томъ на рода.

452. 30-го Мая праздновался день рожденія Его Царскаго Величества съ обычною торжественностію, и продолжавшійся дотолѣ трауръ былъ прекращенъ. Радость этого дня не

мало увеличилась, когда во время обѣденнаго пиршества прибылъ изъ Ревеля капитанъ-лейтенантъ въ качествѣ курьера, съ извѣстіемъ, что капитанъ Шапюзо (Charizeau) завоевалъ и привезъ съ собою три Шведскихъ капера, изъ которыхъ самый тяжелый былъ о 52-хъ пушкахъ, средній о 24-хъ и самый меньшій о 12-ти пушкахъ. Курьеръ этотъ, по ходатайству Его Царскаго Величества, какъ вице-адмирала передъ царемъ Москвы, былъ произведенъ этимъ послѣднимъ въ капитаны, и государственный вице-канцлеръ баронъ Шафировъ пожалованъ въ тоже время орденомъ св. Андрея. Послѣдняя награда очень не понравилась тѣмъ, которые старались до сихъ поръ елико возможно ослабить кредитъ этаго министра въ глазахъ Его Царскаго Величества. Вечеромъ этого торжественнаго дня Его Величество со всѣмъ Дворомъ своимъ отправился въ Адмиралитетъ и приказалъ тамъ спустить на воду вновь выстроенный, о 66-ти пушкахъ, военный корабль, на которомъ за тѣмъ была сильнѣйшая попойка.

453. 2-го Іюня Его Величество отправился впередъ въ Петергофъ, куда послѣ обѣда пустились и 30 галеръ, съ войскомъ до 5,000 человекъ, при громѣ пушекъ и обычныхъ сигналахъ.

454. Посолъ погибшаго вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, Калмыцкаго князя Бустугана (Bustugan), въ Іюнь мѣсяцѣ, прибылъ въ Петербургъ и представилъ свою вѣрительную грамоту великому адмиралу Апраксину, братъ котораго былъ прежде губернаторомъ Казанскимъ и Астраханскимъ. Аудиенція его у великаго адмирала была такъ забавна, что я не могу отказать

себѣ въ желаніи привести здѣсь главнѣйшія обстоятельства оной.

Послѣ устнаго привѣтствія, онъ вручилъ адмиралу голову сахару и шелковый платокъ, въ чемъ и состояли всѣ его подарки, и за тѣмъ вытащилъ изъ своего кармана измятое письмо, которое прочитано и переведено было тутъ же переводчикомъ. Начальныя слова письма были слѣдующія:

«Когда ты здоровъ,—то и я здоровъ. И когда я здоровъ — то и ты также здоровъ».

Остальное заключалось еще въ боѣ странныхъ любезностяхъ, и строчки въ письмѣ выведены были не горизонтально, но столбиками отвѣсно, сверху внизъ, а наконцѣ приложена простая краснаго цвѣта печать. По окончаніи имъ привѣтственной рѣчи, адмиралъ, вмѣсто отвѣта, приказалъ подать ему чару водки, посредственной величины; и къ немалому удивленію своему замѣтилъ, что посолъ возвратилъ её не тронувъ и, какъ охотникъ до горячаго напитка, попросилъ чару побольше. Тотчасъ же подали большой серебряный бокалъ, наполненный такимъ количествомъ водки, отъ котораго опьянѣли бы четверо здоровыхъ Русскихъ молодцовъ. Но господинъ посолъ вылилъ её всю до капли въ желудокъ, не поморщившись, и хотя присутствовавшіе при этомъ думали, что водочный огонь задушитъ его, но оказалось, что всё это ему было ни по чемъ и онъ совершенно разумно, какъ и до этаго, отвѣчалъ въ разговорѣ г-ну адмиралу.

Усѣлись за столъ, и здѣсь этотъ министръ варваровъ тотчасъ же обнаружилъ, что онъ не привыкъ ни къ какимъ деликатнымъ кушаньямъ, потому что, изъ разставленныхъ всякаго рода лакомыхъ угощеній и хлѣб-

наго печенья, онъ накинудся только на самыя простыя и грубыя даже кушанья, при чемъ заявилъ еще свое неудовольствіе на то, что толмача его, котораго онъ привезъ съ собою изъ Саратова, оставляли голоднымъ; а такъ какъ, не смотря на это заявленіе, на толмача всё таки вниманія не обратили, то г-нъ посолъ полъзъ своими руками во всё блюда, которыя только онъ могъ достать, набралъ полныя руки кушанья и щедро надѣлилъ ими стоявшаго позади него переводчика своего. Хотя всё находившееся при этомъ общество непрестанно хохотало надъ поведеніемъ этихъ людей, но Калмыки нисколько этимъ не смущались, и посолъ потребовалъ себѣ еще горшокъ меду, который онъ и опорожнилъ разомъ, съ отвратительными гримасами и облизалъ себѣ губы, точно обезьяна. Едва кончилъ онъ съ медомъ, какъ осушилъ еще четверть штофа водки, разбавленной на одну треть Французскимъ виномъ; но сперва хорошенько понюхалъ её и за тѣмъ сталъ пить не переставая, пока не осушилъ четверть до дна. Когда же выпитое имъ множество крѣпкихъ напитковъ отуманило наконецъ его, и онъ началъ сопѣть и ртомъ и носомъ, адмиралъ попробовалъ завести съ нимъ рѣчь о государственныхъ дѣлахъ страны его и выговорить при этомъ то или другое условіе по его сообщенію; но у варвара этого осталось еще настолько разсудка, что хотя онъ и отвѣчалъ на вопросы адмирала, но извиняясь, и объявилъ адмиралу, что, выпивши, нельзя толковать ни о какихъ важныхъ дѣлахъ, и что нужно отложить эти толки до завтрашняго утра. Такимъ образомъ онъ походилъ въ этомъ на древнихъ Германцевъ, о которыхъ Тацитъ говоритъ: *deliberant dum fin-*

gere nesciunt, constituunt dum errare non possunt (ведутъ рѣчи въ пьянствѣ, а постановляютъ дѣло, когда ошибиться уже не могутъ).

Послѣ стола адмиралъ сунулъ послу въ руку червонецъ на наёмъ судна, чтобы отѣхать домой. Этимъ подаркомъ онъ остался очень доволенъ, но на прощаніи захватилъ со стола непечатый еще пирогъ и передалъ его своему толмачу; затѣмъ поплелся съ этимъ послѣднимъ на общественный рынокъ, усѣлся тамъ съ нимъ на землю и съ неописаннымъ аппетитомъ упряталъ еще и этотъ пирогъ, въ присутствіи множества сбѣжавшагося туда народа.

Не слѣдуетъ удивляться скудости угощенія, которымъ удостоили сказаннаго Калмыцкаго посланника, ибо народецъ Калмыки непривычны къ роскоши, и братъ адмирала, когда еще состоялъ Астраханскимъ губернаторомъ, выдавалъ на содержаніе привѣзавшимъ туда Татарскимъ посламъ по 5-ти копѣекъ или даже по полтора гроша въ день, по старымъ Русскимъ постановленіямъ, и подъ конецъ только по щедрости своей прибавлялъ имъ столько же прямо отъ себя.

455. Между прочимъ Калмыки весьма многочисленный и сильный народъ, и описаніе, составленное о нихъ нѣсколько недѣль тому назадъ однимъ анонимнымъ писателемъ, очень согласно съ тѣми извѣстіями о нихъ, которыя я приобрѣлъ въ Петербургѣ. Вотъ содержаніе этого описанія.

456. «Между верховьями рѣкъ Тобола и Оби до озера Ямушова (*Jamuschova*) обитаютъ Калмыки. Этотъ многочисленный и сильный народъ обладаетъ всею страню между Монголіею и Волгою до Астрахани и раздѣляется на безчисленное множество ордъ, изъ которыхъ каждая упра-

вляется своимъ особымъ ханомъ (Схан) Самый высшій изъ хановъ этихъ есть Отегиуртиканъ (Otehiourtikan) славящійся тѣмъ, что происходитъ отъ великаго Тамерлана. Онъ властвуетъ всюду, надо всѣми; но позволяетъ платить ежегодную дань Москвитянамъ и Узбеку. Этотъ главный ханъ держитъ великолѣпный дворъ, ѣстъ на золотѣ и одежды носить изъ серебряной парчи».

«Что касается до религіи ихъ, то обрѣзанія у нихъ нѣтъ, какъ у другихъ магометанъ; но они тоже не ѣдятъ свиного мяса и говорятъ, что Богъ ихъ есть святой Николай. Кромѣ того у нихъ есть одинъ святой, котораго они называютъ своимъ патріархомъ, (можетъ быть это есть Далай-Лама, какъ повѣствуютъ другіе), и къ нему ежегодно ходятъ на поклоненіе, молятся ему и приносятъ покаяніе».

«Ямушово озеро богато доброкачественною, твердою солью и состоитъ во владѣніи Калмыковъ. Русскіе ежегодно приходятъ сюда на 20-ти или на 25 дощаникахъ или судахъ, съ конвоемъ до 2,500 солдатъ, по рѣкѣ Иртышу; идутъ часть дороги сухимъ путемъ и достигаютъ до самаго озера, гдѣ у береговъ порубаютъ соль, будто лёдъ, и нагружаютъ ею суда свои. Рѣдкій годъ проходитъ, чтобы у нихъ не происходило нѣкоторыхъ столкновений съ Калмыками, которые не дозволяютъ имъ вывозить добытую ими соль, но тѣмъ не менѣе, вывозъ соли продолжается, хотя и противъ ихъ воли».

«На пути изъ Ямушова озера внизъ по рѣкѣ Иртышу лежитъ городъ Тора, на небольшой рѣкѣ, Торою же именуемой. Это самое крайнее Русское мѣсто, граничащее съ владѣніями Калмыцкаго князя Бустухана».

«Жители въ этихъ Калмыцкихъ владѣніяхъ называются Барабинзи или Барабанцихъ (Barabanzich), и населяютъ они страну отъ города Торы на востокъ до рѣки Оби, рѣки Тонъ (Ton) и города Томска. Страна эта не гористая, но ровная, поросшая превосходными кедромъ, лиственницами, березами, елями и разными кустарниками, и вся эта растительность перерѣзывается множествомъ ручьевъ, чистыхъ, подобныхъ кристаллу».

«Эта страна, Барнабу, удобна для путешествія какъ въ лѣтнее, такъ и въ зимнее время, и зимой даже удобнѣе, ибо Обь, черезъ Сургутъ и Нарынъ (Narin), не доступна въ зимнее время, вслѣдствіе чего путешествующіе по Сибири пользуются дорогою на Томскъ и Енисей».

«Народецъ Барабинзи есть племя Калмыцкое, платящее Русскому царю и Бустухану подушную подать, каждому по равной части. Они имѣютъ у себя трехъ главныхъ начальниковъ, по имени Тайши; первый называется Карзагачъ (Karsagaz), второй—Байкишъ (Baikisch) и третій Байдукъ. Эти три владѣльца получаютъ съ Барабинцевъ подати и доставляютъ Русскому царю слѣдующую ему часть. Первый Карзагачъ доставляетъ собранную имъ царскую часть податей въ городъ Тору; Байкишъ—въ крѣпостцу Телуву (Teluva) и Байдукъ—въ крѣпость Куленбу (Kulenba), и всѣ эти подати уплачиваются именно мѣхами. Вообще же нація эта—злой и неспокойный народъ, живетъ подобно Сибирскимъ Татарамъ въ деревянныхъ избахъ, устроенныхъ весьма низко на землѣ. О печахъ они не имѣютъ понятія, но въ избахъ у нихъ устроенъ родъ трубы, или дымовое отверстіе. Когда дрова, сложенные внутри избы, прогорятъ, дымовое отверстіе закрываетъ».

ся, и хозяева довольствуются однимъ углемъ, около котораго и обогрѣваются до тѣхъ поръ, пока жаръ въ угляхъ совсѣмъ не потухнетъ. У нихъ нѣтъ городовъ, или иныхъ постоянныхъ мѣстопребываній; но лѣтомъ живутъ они въ легко-устроенныхъ навѣсахъ и палаткахъ, которые они умѣютъ проворно раскидывать и убирать. На зиму собираются они опять въ свои теплыя деревянныя избы. Питаются они дичиною, охотно занимаютъ земледѣлемъ, сѣютъ овесъ, ячмень и гречиху. Рожь, или ржаной хлѣбъ не ставятъ они ни во что; если имъ дадутъ этаго хлѣба, то на вкусъ онъ, по видимому, имъ нравится; но жуютъ они его и странно какъ-то перемалываютъ его языкомъ во рту, какъ бы нѣчто жидкое, или колющее; за тѣмъ выплевываютъ его и счищаютъ языкъ, какъ бы на немъ было что нибудь такое, чего они не могутъ пропустить себѣ въ желудокъ. Воздѣлываемый ими ячмень они мочатъ сперва въ водѣ, потомъ просушиваютъ его немного и обмолачиваютъ (молотятъ) до тѣхъ поръ, пока не отскочетъ макина, или щелуха; за тѣмъ этотъ щелученый ячмень они сушатъ и поджариваютъ даже въ желѣзномъ, раскаленномъ котлѣ, и когда онъ сдѣлается такой жесткій и твердый, какъ кость, то его ѣдятъ въ такомъ высушенномъ видѣ, такъ что онъ хруститъ у нихъ на зубахъ. Это и составляетъ ихъ хлѣбъ. Они употребляютъ въ пищу и саранну, или луковницу желтой лиліи, сушатъ еѣ, потомъ толкутъ, варятъ съ молокомъ и ѣдятъ вмѣсто молочной каши. Пьютъ они кумысъ, или водку изъ кобыляго молока, затѣмъ пьютъ куразу (кугаза), или черный чай, доставляемый имъ Булгарами. Одежда ихъ какъ мужская, такъ и женская, на манеръ

Монгольской и Калмыцкой. Они имѣютъ по столько жёнъ, сколько могутъ только прокормить ихъ. Оружіе ихъ, какъ и у всѣхъ Татаръ—лукъ и стрѣлы. Они держатъ много скота, лошадей, верблюдовъ, коровъ, овецъ; но свиней не держатъ и не ѣдятъ. Ежегодно они добываютъ охотой множество прекраснаго мѣху: соболей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ, лисицъ, рысей, (россомахъ), бобровъ, норокъ, выдръ и проч. и пр. и этими мѣхами уплачиваютъ свои подушныя подати.

«Когда они выходятъ на охоту, то берутъ съ собою въ кустарникъ такъ называемаго шайтана. Этотъ шайтанъ вырѣзывается ими изъ дерева довольно грубо, какъ только возможно вырѣзать его ножемъ, и затѣмъ на него надѣвается одежда изъ матеріи всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, на подобіе одежды Русскихъ женщинъ. Идола этого ставятъ они въ особо устроенный для того ящикъ и везутъ на особыхъ саняхъ. Первое, что изловятъ они на охотѣ, что бы это ни было, они приносятъ въ жертву этому деревянному шайтану. Если охота доставитъ имъ хорошую и богатую добычу, съ радостію возвращаются они домой, ставятъ своего идола и съ его ящикомъ на высокое мѣсто въ своей хижинѣ, обвѣшиваютъ его спереди и сзади, сверху и снизу, соболемъ, куницей и всякаго рода мѣхами, въ благодарность за то, что онъ доставилъ имъ такой счастливый уловъ; и эти прекрасные мѣха такъ и остаются на шайтанѣ, портятся и дѣлаются ни къ чему негодными: ибо Барабинцы покрываютъ вѣчнымъ стыдомъ того, кто эти пожертвованныя шайтану вещи отберетъ у него назадъ и продастъ. Поэтому-то, на этихъ идолахъ всегда можно увидѣть навѣшен-

ныя во множествѣ старыя, изъѣденныя червями шкуры».

457. Послѣ того какъ царь приказалъ поднять якорь цѣлому флоту и отплылъ въ море, отправились 18-го Іюня и мы въ Ревель и пробыли тамъ цѣлое лѣто, и въ продолженіи того времени, какъ царь совершалъ хорошо извѣстную всѣмъ высадку въ Швецію, обратилъ тамъ въ пепель множество городовъ, селеній и лѣсовъ и раззорилъ нѣсколько мѣдныхъ заводовъ, въ Ревелѣ во всё это время было мало достопримѣчательнаго.

458. Шведскіе плѣнные, которые призваны были изъ Сибири въ Петербургъ на службу, въ учрежденныя вновь коллегии: военную, государственную, юстицъ-коллегію, финансовую, адмиралитетскую, горнозаводскую и въ другія, жили надеждою, что получатъ полную свободу, или же, по взятіи съ нихъ присяги, они будутъ помѣщены въ Лифляндскихъ имѣніяхъ.

459. По рассказамъ нѣкоторыхъ пріѣзжихъ изъ Петербурга, вновь поставленный тамъ полицмейстеръ распоряжался въ высшей степени самовластно и почти ежедневно подвергалъ наказанію и сѣкъ кнутомъ человѣкъ по шести и болѣе, обоего пола. Такъ, недавно еще одна извѣстная непотребная женщина была наказана тамъ по три удара кнутомъ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, каковая необычная кара была совершенно новою: ибо ремесло, за которое сказанная женщина была наказана, пользуется въ Россіи совершенною свободою. При дальнѣйшихъ распросахъ объ этомъ происшествіи, я узналъ, что случилось это потому, что помянутая женщина одержима была заразительною болѣзнію и заразила множество народу лейбъ-гвардіи Преображенска-

го полка, такъ что до 500 человѣкъ этого полка должны были остаться на излѣченіи.

460. Вновь учрежденное и до тѣхъ поръ невѣдомое въ Россіи устройство полиціи принесло уже немало пользы, особенно по отношенію къ общественной безопасности; изъ Петербурга увѣдомляютъ, что ночные караулы установлены тамъ на подобіе Гамбургскихъ.

461. Такъ какъ Его Царское Величество запретилъ своимъ подданнымъ производить торговлю изъ Украйны въ Петербургъ, а городъ Бреславль не могъ обойтись безъ нея, особенно безъ торговли юфтью, то Русскіе полагаютъ, что отмѣна этого запрещенія была бы достаточнымъ средствомъ для того, чтобы уладить дѣла обоихъ Дворовъ, Его Царскаго и Императорскаго.

462. Іезуиты въ Петербургѣ совершенно были освобождены изъ подъ стражи; только патеръ Энгель долженъ былъ дать клятву въ томъ, что враждовать и вредить впередъ не будетъ. Въ числѣ прочихъ неприятностей, Русское духовенство особенно озадачено было тѣмъ, что патеръ Францъ въ письмѣ своемъ очень ужъ нагло злословилъ одного Русскаго епископа. — Впрочемъ, іезуиты не смѣли еще выѣзжать изъ Петербурга впредь до полученія извѣстій о томъ, что слѣдствіе объ Украинскихъ и Московскихъ патерахъ окончилось. Между тѣмъ, Капуцинскій патеръ, ходатайствовавшій о свободномъ отправленіи католическаго исповѣданія въ Астрахани, совсѣмъ завладѣлъ Петербургскою католическою церковью и всею принадлежавшею ей утварью, и выписалъ кромѣ того многія приношенія изъ Польши и другихъ странъ.

463. Въ Ревель пришло царское повелѣніе, чтобы шесть поименован-

ныхъ царемъ дворянъ и столькоже искусныхъ секретарей немедленно прибыли изъ Эстляндіи въ Финляндію, и явились бы къ ланд-гёфингу (Land-Höfing), или губернатору Абовскому, графу Дугласу. Такъ какъ эти 12 человекъ, имѣя въ Эстляндіи помѣстья и семьи и не зная законовъ Финской земли, съ великимъ принужденіемъ и неохотой оставляли свое отечество, и въ Финляндіи, между тѣмъ, многіе способные и свѣдующіе въ дѣлахъ страны своей дворяне шатались безъ мѣстъ, то и заключали, что такую перемѣну лицъ Его Царское Величество задумалъ по какимъ нибудь важнымъ причинамъ и что онъ не хотѣлъ довѣрить никакихъ должностей природнымъ Финляндцамъ.

464. Настоящія требованія царя шли не далѣе Выборга, Кексгольма и Савелакса, съ ихъ округами; эти три мѣстности составляютъ лучшую часть Финляндіи и управлялись до сихъ поръ просто Русскими комендантами.

465. Собственно же великое герцогство Финляндія имѣетъ во главѣ своей ландъ - гёфинга - Дугласа; но такъ какъ по трудности занятій управленія, онъ былъ не въ состояніи завѣдывать всѣми 4-мя губерніями или областями этаго герцогства и привести въ лучшее состояніе доходы страны, то отправленные изъ Ревеля дворяне должны были раздѣлить между собою эти 4 губерніи и управлять ими въ качествѣ лагмановъ (Lagemänner). Такъ какъ должность эта дворянская, то лагманъ и земскій воевода (Land-Drost) имѣютъ въ Германіи одинаковое значеніе.

466. Ходило предположеніе, что это неожиданное нововведеніе было политическимъ приемомъ, съ цѣлію ускорить исполненіе Аландскаго до-

говора и внушить Шведамъ опасеніе въ томъ, что если они вскорѣ не объявятъ добровольной уступки земель, завоеванныхъ Русскими отъ Риги до Выборга, то царь будетъ неприятно пораженъ и возмётъ назадъ свое заявленное имъ, предложеніе: возстановить собственно герцогство Финляндское, и рѣшится удержать за собою всё.

467. До насъ дошелъ также слухъ о томъ, что Его Царское Величество, въ Рогервикѣ, прежде отправленія своего въ Анго (Ango), осматривалъ положеніе тамошней (т. е. Рогервикской) гавани и поручилъ одному Итальянскому инженеру начать тамъ постройку укрѣпленія. Это будетъ одна изъ самыхъ большихъ и лучшихъ гаваней, и царь можетъ не только помѣстить въ ней нѣсколько сотъ кораблей, но и вводить въ нее корабли болѣе удобнымъ образомъ, чѣмъ въ Ревельскую гавань, ибо при входѣ въ послѣднюю всегда нужно имѣть два вѣтра. Така какъ устье, или дистанція входа при Рогервикѣ шире чѣмъ на пушечный выстрѣлъ и имѣетъ большую глубину, то Эстляндцы полагаютъ, что сказанная постройка скоро будетъ приведена въ исполненіе.

468. Его Царское Величество назначилъ бывшаго до сихъ поръ Псковскаго епископа Прокоповича епископомъ Дерптскимъ и Ревельскимъ.

Архіепископъ Рязанскій, Стефанъ, какъ выше сказано, состоитъ экзархомъ патріаршаго престола; за нимъ слѣдуютъ архіепископы: Ставропольскій, Фивейскій (Fibaisky) и проч., а за ними епископы: Псусскій (Psusky), Сарскій (Sarsky), Суздальскій, Ростовскій, Тверскій, Новгородскій, Кіевскій, Псковскій, Казанскій, Астраханскій, Тобольскій, Ревельскій и Ка-

рельскій. За тѣмъ идутъ архимандриты и игумены (аббаты и пріоры), попы и протопопы. Всѣ исчисленные здѣсь духовные чины проповѣдываніемъ вовсе не занимаются, вслѣдствіе чего народъ не слышитъ никакихъ поученій и пребываетъ въ грубомъ невѣжествѣ. Но въ послѣднее время Его Царское Величество, усмотрѣвъ пользу проповѣдыванія и слышавъ самыя назиданія проповѣдниковъ во время своего путешествія, приказалъ обучить нѣсколько поповъ въ Кіевѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, приспособивъ ихъ къ проповѣдническому дѣлу; такимъ образомъ, между прочими и одинъ Греческій монахъ Теофилактъ ежедневно читаетъ теперь въ Петербургѣ поученія, въ которыхъ выказываетъ замѣчательные образцы своей учености и краснорѣчія. Но этотъ Теофилактъ, равно какъ и все остальное духовенство, строго воздерживаются отъ различныхъ богословскихъ споровъ или преній и оставляютъ въ покоѣ всѣ другія религіи, такъ какъ они есть.

469. Въ 1717-мъ году изъ Сорбонны представленъ былъ царю проэктъ о томъ, какимъ способомъ можно было бы соединить въ одну Римско-католическую и Русскую церкви, сдѣлавъ потребныя для того съ обѣихъ сторонъ уступки. Но кто имѣетъ свѣдѣнія объ обѣихъ этихъ религіяхъ, и кто въ особенности знаетъ правила нынѣ правящаго царя, тотъ легко пойметъ невозможность этого предположенія. Царю необходимо то, чтобы пребывающее въ темномъ невѣжествѣ его духовенство само пріобрѣтало надлежащія познанія, внушало ихъ, вмѣстѣ со страхомъ Божиимъ, своимъ слушателямъ и вразумило бы этихъ послѣднихъ въ необходимости повиновенія Богу и своему государю;

ото всѣхъ же споровъ и преній ему нужно, чтобы духовенство его воздерживалось и стремилось бы по возможности соединять въ себѣ только простую вѣру съ святою жизнію (*fidem simplicem cum vita sancta*).

Введеніе Римско-католической вѣры было бы сѣменемъ вѣчныхъ споровъ и непремѣнно нарушило бы церковный и свѣтскій миръ, невозмутимо держащійся до сихъ поръ въ Россіи. а вслѣдствіе сего, безъ сомнѣнія, подвергло бы опасности и то прочное положеніе, въ которое царь поставилъ себя по отношенію къ Русскому духовенству и къ вѣрному стороннику этого духовенства, сельскому сословію. Еще менѣе можно было бы предполагать, что съ католическою вѣрою выйдутся въ Россіи болѣе знаній, такъ какъ въ настоящее время царь, и безъ того, частію распространилъ уже ихъ своими достохвальными учрежденіями, частію же продолжаетъ дальнѣйшее ихъ распространеніе призывомъ многихъ ученыхъ людей со всего свѣта, и посылкою своихъ кандидатовъ въ иностранныя университеты. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обученія своихъ подданныхъ и вслѣдствіе ограниченія въ Россіи авторитета патріарха, а еще болѣе вслѣдствіе теперешняго устройства Русской арміи, значеніе духовной власти подвергнется еще болѣе зависти, которой никогда не потерпятъ ни папа, ни какой духовный совѣтъ и вообще духовенство, въ пріобрѣтенныхъ уже ими правахъ по дѣламъ вѣры.

О такихъ важныхъ пунктахъ, какъ на примѣръ о бракѣ священниковъ, свято соблюдается въ Россіи, а равно и о другихъ, въ которыхъ обѣ церкви разнствуютъ и нелегко могутъ придти къ единенію, говорить здѣсь ниче-

го не стану; замѣчу только, что царь никогда и не помышлялъ о такомъ соединеніи церквей, и поэтому всѣ слухи и сужденія объ этомъ приказалъ объявить ложными и неосновательными.

470. Въ Августѣ возвратились мы въ Петербургъ, гдѣ застали нѣсколькихъ Рижскихъ и Ревельскихъ депутатовъ, которые представили отъ имени ратуши своей разныя прошенія, по случаю стѣсненія у нихъ въ Финляндіи торговыхъ дѣлъ. Рижскій Сенатъ, по милости Его Царскаго Величества, удержалъ за собой свои великія привилегіи, равно какъ и тамошнимъ членамъ ратуши оставлено на будущее время дарованное имъ нѣкогда Швеціей дворянство, за заслуги, оказанныя ими въ прежнихъ войнахъ съ Русскими *)

471. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, мнѣ сообщили слѣдующее свѣдѣніе о состояніи Русской арміи, въ какомъ находилась она въ 1717 году.

Пѣхота.

Полки.	Баталіоны
1. Преображенскій	4
2. Семеновскій	3
3. Ингерманландскій	3
4. Астраханскій	2
5—9 Гренадерскіе полки	10
10. Московскій	2
11. Петербургскій	2
12. Троицкій	2
13. Лефортовскій	2
14. Бутырскій	2
15. Кіевскій	2
16. Нарвскій	2

*) Здѣсь Веберъ прилагаетъ Латинскій текстъ привилегіи, дарованной Рижскому Сенату Карломъ, сыномъ Густава, въ 1660-году, которую переводить считаемъ излишнимъ.
Пр. Переводч.

17. Ярославскій	2
18. Новгородскій	2
19. Смоленскій	2
20. Казанскій	2
21. Сибирскій	2
22. Псковскій	2
23. Ростовскій	2
24. Лудскій (Ludsky)	2
25. Вологодскій	2
26. Галицкій	2
27. Черниговскій	2
28. Невскій	2
29. Владимірскій	2
30. Вазскій (Wasky).	2
31. Выборгскій	2
32. Шлиссельбургскій	2
33. Копорскій	2
34. Воронежскій	2
35. Рязанскій	2
36. Азовскій	2
37. Архангельскій	2
38. Тобольскій	2
39. Перновскій	2
40. Бѣлогородскій	2
41. Нижегородскій	2
42. Велико-Лукскій	2

Конница.

1. Эскадронъ) князя Меншикова.
2. Эскадронъ	
3. Лейбъ-гвардія	
4. 5. 6. 7. Четыре полка гренадеръ,	
по четыре роты каждый.	
8. Московскій полкъ.	
9. Кіевскій.	
10. Сибирскій.	
11. Новгородскій.	
12. Ингерманландскій.	
13. Астраханскій.	
14. Казанскій.	
15. Нижегородскій.	
16. Рязанскій.	
17. Архангельскій.	
18. Тульскій.	
19. Вологодскій.	

20. Ярославскій
21. Ростовскій.
22. Лудскій (Ludsky).
23. Псковскій.
24. Нарвскій.
25. Невскій.
26. Тверскій.
27. Каргопольскій.
28. Олонекскій (Ologidsky).
29. Володимірскій.
30. Троицкій.
31. Ново-Троицкій.
32. Азовскій.
33. Вятскій.
34. Тобольскій.

Пѣхотные и кавалерійскіе полки не одинаковой силы и такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ состоитъ свыше 1200 человекъ и даже болѣе, то приблизительно, но представленному выше списку, можно считать всего войска до 90,000 человекъ, хотя впрочемъ, вся армія въ послѣдніе два или три года измѣнилась, и численность ея возрасла такимъ образомъ до 100,000 человекъ.

Я уже выше говорилъ, что черныя полки, родъ земской милиціи, въ этомъ числѣ считаются не должны, а тѣмъ болѣе войска Татарскія, Калмыцкія и Казацкія. Изъ простыхъ солдатъ плѣнныхъ Шведовъ, многіе взяты на службу въ черныя полки въ Казани и въ другихъ городахъ; другіе распределены по деревнямъ, нѣкоторые работаютъ при крѣпостяхъ, а половина всѣхъ померла; такимъ образомъ изъ однихъ плѣнныхъ Шведовъ, взятыхъ только подъ Полтавой, списокъ которымъ прилагается ниже, весьма немногіе лишь воротились домой *).

*) Этого списка тоже не считаемъ нужнымъ приводить.

И. Б.

472. Въ Петербургѣ одна карлица разрѣшилась отъ бремени и произвела на свѣтъ подобную себѣ крошечку. Такъ какъ эти маленькія созданія вступаютъ другъ съ другомъ въ бракъ, то поэтому въ Россіи встрѣчается такое множество карловъ, что нѣтъ почти ни одного знатнаго вельможи, у котораго, при хозяйкѣ дома, не состоялъ карликъ или карлица, почему вовсе не трудно было въ 1710-мъ году, при одномъ бракосочетаніи карловъ собрать ихъ 72 человекъ. Обстоятельства этой замѣчательной свадьбы были слѣдующія.

Когда Его Царское Величество задумалъ свадьбу карловъ, то назначилъ для нея день 13-го (24) Ноября 1710 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ бракосочетанія герцога *). Наканунѣ этаго дня, двое пропорціонально сложенныхъ карликовъ разѣзжали вездѣ, съ приглашеніемъ почетныхъ гостей на свадьбу, въ небольшой, трехколесной коляскѣ, которую везла прекрасная лошадь, увѣшанная пестрыми бантами; передъ коляской ѣхали верхами, по Русскому обычаю, два прекрасно разодѣтыхъ офиціанта. Въ день назначенный для брака, оба карлика, женихъ и невѣста, передъ обѣдомъ были обвѣнчаны въ Русской крѣпостной церкви, по Русскому обряду. Впереди шелъ малютка-карликъ, великолѣпно одѣтый, въ качествѣ маршала, съ своимъ маршалскимъ посохомъ или жезломъ, на которомъ висѣлъ длинный, соразмѣрный съ посохомъ, хвостъ изъ разноцвѣтныхъ лентъ. Вслѣдъ за карликомъ - маршаломъ шествовали женихъ и невѣста, также великолѣпно разодѣтые. За тѣмъ уже шелъ Его Царское Величество, сопровождаемый своими Русскими ми-

*) Курляндскаго, съ Анною Ивановною.

нистрами, князьями, боярами, офицерами и множествомъ другихъ господъ, такъ какъ присутствовавшіе на свадьтѣ карлики, мужескаго и женскаго пола, всѣхъ 72 человѣка, состояли при Его Величествѣ царѣ, при вдовствующей царицѣ, при князѣ и княгинѣ Меншиковыхъ и при другихъ вельможахъ, большею же частію привезены на этотъ случай нарочно изъ внутреннихъ областей Россіи, нѣкоторые даже изъ мѣстъ за 200 и болѣе миль. Наконецъ слѣдовало громадное множество любопытныхъ зрителей. Въ церкви карлики заняли самое среднее мѣсто и когда священникъ спросилъ карлика-жениха, желаетъ ли онъ имѣть въ бракѣ за собою свою невѣсту, тотъ звонкимъ голосомъ отвѣчалъ: «хочу ея и никого другую». Когда же священникъ спросилъ невѣсту: «желаетъ ли она жениха своего имѣть мужемъ и не обѣщала ли она кому другому?» та отвѣчала: «это хорошее дѣло, и я согласна». Только такое ея согласіе было едва слышно, и присутствующіе отъ всего сердца смѣялись надъ такимъ ея отвѣтомъ. Его Царское Величество въ знакъ высокой милости своей самъ держалъ вѣнецъ надъ невѣстою, по Русскому обычаю. По окончаніи обряда вѣнчанія, всѣ отправились водою во дворецъ князя Меншикова, по прибытіи въ который сѣли за столъ. Для этого обѣденнаго стола занята была та же самая зала, въ которой Его Величество угощаль свадебныхъ гостей при бракосочетаніи герцога Курляндскаго. Женихъ и невѣста, вмѣстѣ со всею остальною компаніею карликовъ, одѣтыхъ въ нарядныя и богатыя Нѣмецкія платья, размѣщены были за нѣсколькими столами, по срединѣ покоя.

Надъ мѣстами жениха и невѣсты,

сидѣвшихъ за особыми столами, устроены были два небольшіе шелковые балдахина, и гдѣ сидѣла невѣста, придѣланы три маленькія лавровыя коронки, одна надъ невѣстой, остальные двѣ надъ дружкойми невѣсты; а надъ женихомъ сплетенный лавровый вѣнецъ. Для распоряженій и угощенія за столами, также какъ было и на свадьбѣ у герцога Курляндскаго, суетился маршалъ, съ 8-ю подмаршалами, всѣ карлики (которые, въ знакъ ихъ распорядительской должности, имѣли на правыхъ рукахъ кокарды изъ хмѣлю и разноцвѣтныхъ лентъ). Весьма озабоченные, они бѣгали всюду, угощали вездѣ гостей, хохотали и дѣлали такъ много шума и гаму, что какъ будто они одни и были въ этой комнатѣ. Карликъ-крайчій, сидѣвшій между двумя подружками невѣсты, также получилъ отъ нихъ въ почетъ кокарду, за что, въ знакъ признательности и благодарности, онъ воздалъ каждой изъ нихъ по поцѣлуу. По всемъ четыремъ стѣнамъ комнаты стояли узкіе, такъ сказать, одно-крайніе столы, за которыми помѣстились Его Величество съ герцогомъ Курляндскимъ, съ иностранными и своими министрами, генералами, съ герцогинею Курляндскою, принцессою сестрою ея, съ знатнѣйшими Русскими дамами, и наконецъ съ остальными князьями, боярами, Русскими и Нѣмецкими офицерами, которые всѣ размѣстились такимъ образомъ, что всѣ сидѣли вокругъ спинами къ стѣнѣ, чтобы все было свободно видно, и чтобы всѣ могли лучше любоваться на бѣготню и суетню карликовъ. Заздравные тосты началъ малютка-маршалъ, который съ своимъ жезломъ и 8-ю подмаршалами, подошелъ къ столу Его Величества; всѣ девятеро поклонились царю до

земли и опорожнили разомъ свои стаканы, какъ бы и самые большіе люди сдѣлали это. При этомъ, музыканты, находившіеся въ передней комнатѣ, заиграли на своихъ рожкахъ и трубахъ.

За домомъ хотя и стояло нѣсколько небольшихъ пушекъ, но стрѣлять изъ нихъ не стрѣляли, такъ какъ молодой сынъ князя Меншикова былъ при смерти болѣнъ (въ тотъ же день онъ и скончался). По уборкѣ столовъ танцовали одни карлики, но всё въ порядкѣ, по Русскому обычаю, и продолжались эти танцы до 11-ти часовъ ночи, и во всё это время карлики очень веселились по своему и веселили другихъ. Какія чудныя штуки, гримасы и позтуры, за танцами и за столомъ, выдѣлывали эти малютки, легко себя представить, и какъ забавили и смѣшили эти ихъ продѣлки всѣхъ высокихъ, знатныхъ свадебныхъ гостей, въ особенности же самаго Его Царское Величество! При томъ, въ числѣ этихъ 72-хъ карловъ было такое разнообразіе породъ и множество такихъ странныхъ фигуръ, что безъ смѣху нельзя было смотрѣть на нихъ. Одни были съ высокими горбами и маленькими ножками, другіе съ толстыми брюхами, третьи съ искривленными ногами, какъ у барсучьихъ собакъ, иные съ огромными широкими головами, криворотые, и длинноухіе, другіе съ маленькими глазками, раздутыми щеками и множество другихъ уморительныхъ образовъ. Поздно вечеромъ женихъ и невѣста отвезены въ царскій домъ, гдѣ приготовлена была для нихъ постель въ царской опочивальнѣ. Остальные карлики развезены всѣ по домамъ своимъ.

Такимъ образомъ закончилась эта свадьба въ миниатюрѣ, какъ рѣдкост-

ный случай, на которомъ сошлось 72 карлика, къ великому удовольствію свадебныхъ гостей и остальныхъ бывшихъ тутъ зрителей. Потѣха эта, впрочемъ, заказана была для увеселенія блаженной памяти герцога Курляндскаго и супруги его, княгини Анны, племянницы царя; бракосочетаніе же свѣтлѣйшей четы праздновалось передъ этимъ, съ слѣдующею торжественностію.

473. Когда 11-е Ноября (или 31-е число Октября) 1710 года назначено было днемъ совершенія бракосочетанія герцога Курляндскаго, въ Петербургѣ, то за два дня до этого, 4 камергера, два по одну сторону, а другіе два по другую стороны рѣки Невы, разѣзжали въ каретахъ, запряженныхъ въ шесть лошадей, къ иностраннымъ и своимъ министрамъ, равно и къ другимъ государственнымъ чиновнымъ особамъ, съ приглашеніями на свадебное торжество. За тѣмъ, въ сказанный, назначенный для свадьбы день, около 9 часовъ утра, Его Царское Величество, въ качествѣ обер-маршала, сопровождаемый 24-мя под-маршалами и нѣсколькими знатными господами и кавалерами, отправился на нѣсколькихъ шлюпкахъ въ домъ вдовствующей царицы.

Впередѣ ѣхало общество Нѣмцевъ изъ 12 музыкантовъ, съ рожками и трубами; за тѣмъ слѣдовалъ царь, окруженный нѣсколькими шлюпками; царская барка плыла въ серединѣ ихъ. Гребцы одѣты были въ красные бархатные матроскіе кафтаны, обложенные золотыми позументами, съ большими серебряными на груди щитами, на которыхъ изображенъ былъ царскій гербъ. Его Царское Величество также одѣтъ былъ въ красный кафтанъ, съ соболевою опушкою, опоясанъ серебряною шпажною пе-

ревязью, на которой висѣла серебряная же шпага, а черезъ плечо надѣта голубая лента ордена св. Андрея; на головѣ у него былъ бѣлый парикъ, безъ шляпы, а въ рукѣ большой маршальскій жезлъ, на которомъ висѣла и развѣвчалась длинная кисть изъ разноцвѣтныхъ лентъ богато-вышитыхъ серебромъ и золотомъ. Когда Его Царское Величество прибылъ къ вдовствующей царицѣ, гдѣ уже собрались свѣтлѣйшая невѣста съ своими сестрами, съ сестрами Его Величества и съ знатнѣйшими Русскими дамами, всѣ богато-одѣтыя въ Нѣмецкія платья, то его встрѣтили и привѣтствовали нѣсколько Русскихъ вельможъ и кавалеровъ, которые и сопроводили его въ палату къ вдовствующей царицѣ. Пробывши здѣсь около получаса, всѣ отправились потомъ на суда. Его Величество съ маршальскимъ жезломъ шелъ впереди; потомъ слѣдовали: свѣтлѣйшая невѣста между двумя сестрами-княжнами, съ вдовствующей царицей, къ сказанной выше баркѣ; другія же дамы и Русскіе знатные господа и кавалеры отправились на шлюпкахъ. За тѣмъ Его Величество поплылъ во дворецъ герцога Курляндскаго, гдѣ также были уже въ сборѣ иностранные министры и множество знатныхъ вельможъ и офицеровъ. Помянутые выше музыканты, съ своими рожками и трубами, плыли впереди, а за ними царь съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, сопровождаемый множествомъ знатнѣйшихъ господъ. Его княжеская свѣтлость (герцогъ Курляндскій), съ бывшими при немъ господами, вышелъ на встрѣчу къ Его Царскому Величеству и препроводилъ его къ себѣ въ большой залъ. Свѣтлѣйшая невѣста со всѣми прочими дамами осталась между тѣмъ на водѣ въ баркѣ и

шлюпкахъ. По угощеніи здѣсь Его Царскаго Величества разставленными сладостями (конфектами) и холодными кушаньями, отправились всѣ въ барку, и болѣе 50-ти шлюпокъ пустились внизъ по рѣкѣ, ко дворцу князя Меншикова, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Помянутые музыканты съ своими рожками и трубами.

2) Его Величество, въ качествѣ оберъ-маршала, съ подмаршалами и нѣкоторыми важнѣйшими чинами, съ министрами и кавалерами.

Свѣтлѣйшая невѣста съ вдовствующей царицей, съ другими княжнами и большою свитою дамъ.

Чужестранные и Русскіе министры, наличные генералы, офицеры и множество Русскихъ князей, бояръ и другихъ господъ.

Прибывши ко дворцу князя Меншикова, всѣ вышли на берегъ, и впереди пошли знатные господа и министры. Его Царское Величество, занимавшій къ тому время и мѣсто отца, и князь Меншиковъ повели въ серединѣ между собою герцога Курляндскаго, а за тѣмъ слѣдовала свѣтлѣйшая невѣста, сопровождаемая великимъ адмираломъ графомъ Апраксинымъ и великимъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ; потомъ вдовствующая царица съ княжнами, остальные Русскія придворныя и другія дамы, а наконецъ кавалеры, офицеры и другія особы и придворные чины, Русскіе и Нѣмцы, въ громадномъ числѣ. Всѣ были богато разодѣты въ Нѣмецкія платья; свѣтлѣйшая невѣста въ бѣломъ бархатномъ платьѣ, обшитомъ золотомъ, въ длинной изъ краснаго бархата мантии, подбитой горностаемъ, которую впрочемъ она, садясь за столъ, сняла, а на головѣ прекрасная брилліантами унизанная владѣльческая ко-

рона; герцогъ же былъ въ бѣломъ кафтанѣ, вышитомъ золотомъ.

Только что вошли все во дворъ, какъ раздались барабаны и трубы, и рота гвардіи Преображенскаго полка отдала честь оружіемъ и забила въ барабаны же. Въ такомъ торжественномъ порядкѣ процессія направилась въ особую небольшую комнату, гдѣ и совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія Русскимъ архимандритомъ.

На половинѣ комнаты, въ одной сторонѣ стоялъ красный бархатный балдахинъ, съ устланымъ на полу Турецкимъ ковромъ, а подлѣ балдахина, къ углу, небольшое отдѣленіе, съ шелковыми обоями, составляющее часовню или капеллу. Съ передней стороны часовни, у входа, по Русскому обыкновенію, довольно изрядно нарисовано нѣсколько святыхъ на шелковой занавѣсѣ, или шпалерѣ, съ надписями на Русскомъ языкѣ. Внутри часовни виденъ былъ небольшой столъ, или алтарь, на которомъ находился серебряный ящикъ, или ковчежецъ, а въ немъ, т. е. въ ящикѣ, ихъ Богъ; тутъ же на столѣ лежала большая, окованная серебромъ книга (Евангеліе) стояла зажженная свѣча и двѣ большія княжескія короны. Вѣнчаніе совершалъ архимандритъ на Русскомъ языкѣ, повторившій, впрочемъ, все служеніе и на Латинскомъ языкѣ. Во время вѣнчанія сказанныя княжескія короны держали, надъ княжною князь Меншиковъ, а надъ герцогомъ одинъ капитанъ корабля. НВ. При этой церемоніи изъ пушекъ вовсе не стрѣляли, что впоследствии объяснилось простымъ упущеніемъ.

Послѣ вѣнчанія тотчасъ же пошли къ столу, для котораго приготовлены были двѣ большія комнаты. Въ первой, главнѣйшей, въ глубинѣ ея, у стѣны, находился балдахинъ изъ краснаго

бархата, и подъ нимъ большой овальный столъ, къ которому, какъ къ брачному столу, Его Царское Величество повелъ герцога, какъ жениха, и свѣтлѣйшую княжну, какъ невѣсту; эту послѣднюю по правую, а герцога по лѣвую руку. Напротивъ сѣли сестры невѣсты, княжны, и за тѣмъ вдовствующая царица, сестры царя и остальные дамы. Надъ свѣтлѣйшею невѣстою и надъ ихъ высочествами, сестрами ея, устроена была корона, свитая изъ лавровыхъ листьевъ а надъ герцогомъ, по древне-римскому обычаю, сплетенный лавровый вѣнецъ. Подлѣ этого стола стояли вдоль еще два большіе овальные стола, изъ которыхъ за однимъ помѣстились Русскія княгини, боярыни и другія знатнѣйшія придворныя дамы, а за другимъ нѣсколько Русскихъ и Нѣмецкихъ кавалеровъ; у стѣны, при входѣ въ комнату, насупротивъ стола новобрачныхъ, стоялъ еще большой овальный же столъ, за которомъ сидѣли князь Меншиковъ, знатнѣйше Русскіе и иноземные министры и нѣкоторые генералы. Въ другой же комнатѣ стояло два длинныхъ, узкихъ стола, со скамейками для бояръ и для остальныхъ Русскихъ и Нѣмецкихъ господъ офицеровъ и служителей.

Для угощенія этихъ свадебныхъ гостей вокругъ столовъ ходилъ самъ Его Царское Величество, лично, какъ оберъ-маршалъ, съ маршалскимъ жезломъ. Ему помогали 24-ре подмаршала или шафера, которые, равно какъ и самъ Его Величество, въ знакъ того, что они были распорядителями, имѣли на правыхъ рукахъ по розѣ, въ родѣ кокарды сдѣланной изъ бранбургскихъ кружевъ и дорогихъ разноцвѣтныхъ лентъ. Его Величество самъ, стоя, провозглашалъ и предлагалъ задравныя тосты и былъ

при этомъ въ самомъ веселомъ настроеніи. Подмаршалы (которые частію были капитаны кораблей) передавали чары съ виномъ, свадебнымъ гостямъ, по Русскому обычаю. Кушанья за столомъ новобрачныхъ подавалъ первый камергеръ Его Царскаго Величества. При тостахъ за здоровье всякій разъ палили залпомъ изъ 11 пушекъ; а при тостѣ за здоровье Его Величества, какъ шутъ-би-нахта или вице-адмирала, лейбъ-яхта, называемая Лизетта, выпалила разомъ изъ 14 пушекъ. Для этой цѣли на площади противъ дома Меншикова, поставлены были 15 металлическихъ шести-фунтовыхъ пушекъ, а другія 15 желѣзныхъ пушекъ помѣщены были насупротивъ, на рѣкѣ, на сказанной яхтѣ, которая сверху донизу увѣшена была множествомъ развѣвавшихся разноцвѣтныхъ флаговъ и вымпеловъ.

Послѣ стола танцовали попольски и пофранцузски до 2-хъ часовъ ночи. Въ два часа новобрачные препровождены Его Царскимъ Величествомъ и знатнѣйшими особами въ опочивальню, гдѣ на столѣ разставлены были разные конфекты. Женихъ и невѣста и нѣкоторые кавалеры и дамы присѣли здѣсь и выпили по нѣскольку рюмокъ вина. Посидѣвши такъ съ четверть часа, всѣ встали, и женихъ и невѣста пошли въ двѣ особыя комнаты раздѣться, а остальное общество развѣхалось по домамъ. Когда новобрачные раздѣлись, то вдовствующая царица и княжны, сестры невѣсты, препроводили сперва невѣсту въ постель; а немного спустя, царь препроводилъ туда же и жениха.

На слѣдующій день князь Меншиковъ опять давалъ обѣдъ въ своемъ дворцѣ. Но прежде чѣмъ сѣли за столъ, Его Царское Величество

сорвалъ вѣнокъ, который наканунѣ висѣлъ надъ герцогомъ и затѣмъ, когда герцогъ съ герцогиней хотѣли было уже сѣсть за столъ, онъ научилъ перваго (т. е. герцога), чтобы онъ самъ сорвалъ также по Русскому обычаю корону, которая висѣла наканунѣ надъ невѣстой, что герцогъ и хотѣлъ тотчасъ же исполнить, но такъ какъ корона была довольно крѣпко привязана, то онъ быстро схватилъ ножъ и отрѣзалъ еѣ. Другія же двѣ короны, висѣвшія наканунѣ надъ незамужними княжнами, оставлены нетронутыми на своихъ мѣстахъ. Въ числѣ блюдъ, принесенныхъ только на показъ на два главныхъ стола, были два пирога огромной величины, каждый около пяти четвертей, которые, простоявши нѣкоторое время на столѣ, при снятіи кушаній, вскрыты были Его Величествомъ, и изъ каждаго пирога появилось по одной карлицѣ, превосходно разодѣтыхъ. Его Величество перенѣсъ карлицу со стола князя Меншикова на столъ новобрачныхъ, и здѣсь эти двѣ малютки протанцовали менуэтъ. Во время стола пили множество тостовъ, при чемъ всякій разъ играли на трубахъ, били въ барабаны и стрѣляли по обыкновенію изъ пушекъ, гораздо чаще и больше, чѣмъ въ предшествовавшій день. Послѣ танцевъ, продолжавшихся около 2-хъ часовъ, зажженъ былъ фейерверкъ, горѣвшій часа полтора и прошедшій не совсѣмъ благополучно, ибо Его Величество чуть было не пострадалъ отъ огня, зажигая фейерверкъ. Фейерверкъ этотъ состоялъ изъ 3-хъ главныхъ огненныхъ изображеній, приготовленныхъ на рѣкѣ, на нарочно устроенныхъ для того пармахъ. Между прочимъ было одно, вензелевое изображеніе обоихъ княже-

скихъ новобрачныхъ особъ, съ гербами ихъ, которые на цѣпи держалъ Купидонъ, какъ бы парящій въ воздухъ, и на изображеніи этомъ была слѣдующая надпись, съ обозначеніемъ года:

*Principes amoris foedere
juncti* *).

Другая картина изображала Купидона, кующаго на наковальнѣ два сердца, съ надписью на Русскомъ языкѣ: «изъ двухъ дѣлаю одно». По сожженіи фейерверка и по окончаніи танцевъ, продолжавшихся за тѣмъ еще съ часть времени, ихъ свѣтлости новобрачные, сопровождаемые нѣкоторыми министрами и придворными чинами, отправились къ себѣ домой, гдѣ стоялъ столъ, уставленный конфектами и разными холодными кушаньями. Остальные, присутствовавшіе на плюминаціи, иностранные министры и другіе гости также хотѣли было сопроводить свѣтлѣйшую чегу въ ихъ домъ, но такъ какъ уже было очень поздно, то новобрачные уволили ихъ отъ этого. На 3-й день, т. е. 13-го (2-го) Ноября, придворный пасторъ его свѣтлости герцога Курляндскаго читалъ проповѣдь на благословеніе новобрачныхъ, и текстъ рѣчи заимствованъ былъ имъ изъ 12-го псалма, стихи 5-й и 6-й.

Въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье герцогъ давалъ обѣдъ Его Царскому Величеству, всей царской фамилии и знатнѣйшимъ придворнымъ дамамъ, иноземнымъ министрамъ и другимъ кавалерамъ. Царь, съ своими 24-мя свадебными подмаршалами, сидѣлъ за однимъ столомъ, дамы за другимъ, а князь Меншиковъ, герцогъ Курляндскій, иностранные и Русскіе министры за третьимъ столомъ,

*) Государи, соединенные союзомъ любви.

Черезъ четырнадцать дней послѣ этого бракосочетанія, новобрачнаго герцога Курляндскаго постигла страшная горячка, отъ которой онъ и умеръ на дорогѣ въ Курляндію, въ Дудергофѣ. Овдовѣвшая супруга его живетъ теперь въ своемъ вдовьемъ мѣстопребываніи, въ Митавѣ, въ которой она и пребываетъ постоянно.

474. Въ это время, уже начались громадныя работы по проведенію канала у Ладожскаго озера, на которомъ ежедневно работало по 12-ти тысячъ человекъ. Надо замѣтить, что Волга соединяется съ Ладожскимъ озеромъ рѣкой Тверцой, впадающей въ Волгу, затѣмъ рѣкой Мстой, впадающей въ Волховъ, который изливается уже въ Ладожское озеро; и до сихъ поръ, съ помощію этого воднаго пути, доставлялись въ Петербургъ весь корабельный лѣсъ, хлѣбъ и всѣ Персидскіе товары, привозимые черезъ Каспійское море. Но такъ какъ плаваніе по Ладожскому озеру такъ опасно, что въ немъ ежегодно гибнетъ по нѣскольку сотъ баркасовъ и другихъ Русскихъ судовъ, отъ чего и Его Царское Величество и купцы терпятъ неисчислимыя убытки, то послѣ долгихъ соображеній и совѣщаній нашли наконецъ за лучшее: изъ Волхова, впадающаго въ Ладожское озеро, провести, на протяженіи 8-ми миль, вдоль берега помянутаго озера каналъ въ рѣку Неву, при Шлиссельбургѣ, чтобы такимъ образомъ суда не имѣли надобности плыть по Ладожскому озеру. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, работы надъ каналомъ должны быть вполне окончены текущимъ лѣтомъ, и поэтому торговля сообщенія Ость-Зезя съ Каспійскимъ моремъ, а слѣдовательно и съ Персіей и со всей Россією, приведены теперь въ прочное и безопасное положеніе. При этомъ всѣ таки

остается еще одно слѣдующее неудобство, что суда, идущіе изъ Казани, почти два года должны проводить въ пути, частью отъ трудности плыть вверхъ по рѣкѣ, противъ теченія, частью же и отъ того, что на каналѣ, соединяющемъ Волгу съ Волховымъ, по мелководью его, нужно стоять и ждать до тѣхъ поръ, пока не разольются рѣки, и тогда только, когда вслѣдствіе разлива рѣкѣ наводнятся шлюзы, и суда могутъ продолжать свой путь.

Этимъ соединеніемъ съ Волгою достигнуто то, что подрядчики доставляютъ изъ Казани въ Петербургъ всё количество корабельнаго дубоваго лѣсу, потребное для постройки одного шестидесяти, или семидесяти-пушечнаго военнаго корабля, за 12 или 14 тысячъ рублей, и такъ какъ всё остальныя, необходимые для сооруженія и вооруженія такого корабля матеріалы, безъ исключенія, царь получаетъ и приказываетъ обдѣлывать въ своихъ земляхъ, то не трудно исчислить, что флотъ его стоитъ ему гораздо дешевле, чѣмъ другимъ морскимъ державамъ. Рекруты, назначенные для поступленія въ матросы, помѣщаются теперь въ Петербургѣ на бойеры (суда, которыхъ тамъ нѣсколько сотенъ) и на этихъ-то бойерахъ они обучаются первымъ матросскимъ приѣмамъ, послѣ чего, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переводятся отсюда во флотъ, а на ихъ мѣста, на бойеры, набираются другіе новые. Бойеры эти принадлежатъ одни царю, большая же часть придворнымъ вельможамъ и купцамъ, которые всё обязаны, по сигналу, данному тремя выстрѣлами изъ пушки, подъ страхомъ взысканія, высылать свои суда и людей своихъ на рѣку-Неву для упражненій, и случается это такъ

часто, какъ только подуетъ хорошій вѣтеръ, и царю захочется позабавиться этимъ небольшимъ мореплаваніемъ.

475. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ снова я выѣхалъ изъ Петербурга и, простоявши еще до Марта 1720-го года на сѣверныхъ квартирахъ, отправился въ Германію, гдѣ при заканчиваніи этаго дневника или журнала, попалось мнѣ вышедшее на Французскомъ языкѣ описаніе путешествія Корнеля Ле-Бруина, черезъ Россію въ Персію. Такъ какъ высокая цѣна этой книги, по причинѣ содержанія въ ней нѣсколькихъ сотенъ рисунковъ, не для всѣхъ доступна, то мнѣ захотѣлось взять еще на себя нѣсколько труда сдѣлать извлеченіе изъ его любопытныхъ замѣчаній о Россіи, написанныхъ имъ въ 1702-мъ году, въ особенности о тѣхъ ея мѣстностяхъ, въ которыхъ я не былъ и вообще о томъ, что тамъ было въ то время, когда Петербургъ еще не былъ построенъ, и всё это представить здѣсь, въ заключеніе, на Нѣмецкомъ языкѣ, благосклонному читателю (*).

(*) Здѣсь собственно и оканчиваются Записки Вебера, заключающіяся въ переводимой нами первой части его *Преображенной Россіи*. Но въ концѣ этой части онъ прилагаетъ еще сказанное извлеченіе свое изъ путешествія *Корнеля-Ле-Бруина* въ Персію, черезъ Россію. Извлеченія этаго мы здѣсь не приводимъ, потому что одновременно съ этимъ въ 1-й книгѣ сего 1872-го года: *Чтеній Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, печатается, въ нашемъ же переводѣ съ Французскаго языка, *Пребываніе Корнеля-Ле-Бруина въ Россіи*. И такъ, желающихъ ближе и не въ извлеченіи только ознакомиться съ этимъ любопытнымъ описаніемъ самаго Бруина, отсылаемъ съ сказанной книгѣ Чтеній Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ. — Затѣмъ Веберъ прилагаетъ Проектъ Сорбонскаго договора о соединеніи Римско-Католической и Греко-Россійской вѣръ, на Латинскомъ языкѣ, и описаніе Петербурга на Нѣмецкомъ языкѣ. Такъ какъ первое изъ этихъ приложеній не принадлежитъ перу Вебера, а во

476. Его Царское Величество, Петръ Алексѣевичъ, сынъ Великаго Князя Алексѣя Михайловича и Натальи Кириловны, дочери бывшаго тогда перваго министра, Кирилы Полуехтовича Нарышкина, родился 30-го Мая 1672-го года. Такъ какъ онъ бывалъ въ Германіи и во многихъ другихъ земляхъ, что онъ его образъ жизни (привычки) и наружный видъ всѣмъ извѣстны. Можно, впрочемъ, прибавить еще къ этому то, что ходитъ онъ обыкновенно въ простомъ платьѣ, не любитъ никакого штата или излишней прислуги, что онъ великій врагъ бесполезной роскоши и праздности, и напротивъ очень расположенъ къ людямъ трудолюбивымъ. Самъ онъ понапрасну времени не трогаетъ, но постоянно занимается то тѣмъ, то другимъ. Когда онъ живетъ въ своей новой столицѣ, Петербургѣ, то утромъ въ 3 или 4 часа обыкновенно присутствуетъ въ совѣтѣ; за тѣмъ посѣщаетъ кораблестроеніе, распредѣляетъ тамъ работы и самъ принимаетъ въ нихъ своеручное участіе, такъ какъ основательно знаетъ эти работы, отъ мельчайшихъ до самыхъ большихъ вещей. Въ 9 или въ 10 часовъ онъ упражняется на токарномъ станкѣ, на которомъ вытачиваетъ чрезвычайно изящныя токарныя издѣлія. Послѣ этого, около 11 часовъ, на скоро обѣдаетъ, отдыхаетъ немного по Русскому обычаю и остальное послѣобѣденное до вечера время проводитъ въ обзорѣни построекъ и въ другихъ подоб-

ныхъ занятіяхъ; вечеромъ же отправляется съ визитомъ или на вечерній столъ къ кому нибудь, чѣмъ и заканчиваетъ день, не засиживаясь поздно. Ночью предается обычному сну.

Царь—большой любитель спекулятивныхъ, математическихъ и механическихъ знаній и не уступитъ въ нихъ никакому знатоку. Онъ не любитъ никакой охоты, игръ и другихъ подобныхъ веселыхъ развлеченій, но предпочитаетъ занятія болѣе солидныя и питаетъ особенное расположеніе къ людямъ, имѣющимъ дѣло съ водою. На этой стихіи онъ неустрашимъ до того, что когда другіе, во время сильной и страшной бури, растеряются и считаютъ уже все погибшимъ, онъ одинъ сохраняетъ совершенную бодрость духа: самъ беретъ за руль, распоряжается всѣмъ, что нужно и пристыжаетъ свою находчивостію лучшихъ мореходовъ.

Изъ иностранныхъ языковъ онъ хорошо знаетъ Нѣмецкій и Голландскій, но охотнѣе и лучше говоритъ на своемъ родномъ, Русскомъ языкѣ. Въ своихъ установленіяхъ и учрежденіяхъ онъ чрезвычайно остроуменъ и если уже хорошо обдумалъ какое нибудь предпріятіе, то тотчасъ же и приводитъ его въ дѣйствіе. Въ военныхъ дѣлахъ и упражненіяхъ, на сухомъ пути и на морѣ, онъ весьма свѣдущъ. Такъ какъ онъ взялъ на себя трудъ прослужить всѣ военныя степени отъ мушкетера, барабанщика и простаго матроса, и дѣйствительно прошелъ всѣ эти степени, получая даже жалованье за свою службу въ этихъ простыхъ чинахъ, то не удивительно, что онъ, какъ государь, одаренный еще сверхъ того отъ Бога великими способностями, долженъ быть свѣдущъ и опытенъ во всѣхъ дѣлахъ и понимать ихъ основательнѣйшимъ образомъ. Люди,

второмъ онъ лишь дополняетъ бывшее уже на Русскомъ языкѣ описаніе Петербурга, вышедшее въ 1716-мъ году, то переводитъ оба эти послѣднія приложенія считаемъ излишнимъ. Наконецъ, въ заключеніе, Веберъ приводитъ свои собственныя описанія: Личности царя Петра I-го и острова Ретусари (Kellu-sari); описанія эти приводимъ здѣсь въ переводѣ.
Примѣч. Переводч.

имѣвшіе до него дѣло въ этихъ его занятіяхъ по службѣ, должны были обращаться къ нему, уже не какъ къ Его Царскому Величеству, но сообразно съ занимаемою имъ должностію и писать къ нему въ такихъ случаяхъ такъ: Государь (господинъ) мой вице-адмиралъ, или господинъ мой генералъ-лейтенантъ. Кромѣ того онъ имѣетъ обширныя богословскія познанія (о Богѣ и существѣ Его), и потому конечно преобразуетъ и улучшаетъ многіе недостатки и шарлатанство, которыхъ не чужда Греческая вѣра; такъ, онъ уже и теперь многое отмѣнилъ въ ней, и между прочимъ, въ обрядѣ крещенія повелѣлъ, чтобы вступающаго въ Русскую вѣру не окунали болѣе въ дѣйствительности троскратно въ водѣ. Относительно строгости постовъ онъ также ввелъ пророчныя измѣненія, въ особенности въ войскахъ, каковому доброму примѣру слѣдуютъ все болѣе и чаще тѣ, которые видѣли не одно только свое отечество Россію. Равнымъ образомъ онъ приказываетъ священникамъ и вообще духовенству, чтобы они, по примѣру другихъ христіанскихъ народовъ, читали бы въ Русскихъ церквяхъ и проповѣди, чего до сихъ поръ въ Россіи не слыхивали: ибо все богослуженіе тамъ ограничивалось только чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ и обѣденю. А Какъ и то и другое совершается тамъ на древнеславянскомъ языкѣ, то изъ всей службы мало понимаютъ какъ тѣ, которые читаютъ и вообще совершаютъ служеніе, такъ и тѣ, которые оное слушаютъ. Имѣя это въ виду, царь повелѣлъ перевести на обыкновенный Русскій языкъ Библию, которая также употребляется тамъ на Славянскомъ языкѣ, и потому очень непонятна, и этотъ новый переводъ напечатать въ новой типографіи и

издать въ свѣтъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ указъ, чтобы на будущее время попы, и вообще всѣ принадлежащія къ духовенству, обучались наукамъ и пріобрѣтали бы въ нихъ какія нибудь познанія: ибо изъ Русскаго духовенства рѣдко найдешь человека, который бы зналъ что нибудь болѣе простаго чтенія послavianски.

Какимъ образомъ Его Царское Величество старается самъ завести и установить разныя важныя дѣла и учрежденія; съ какою великою ревностію онъ изыскиваетъ способы образовать свой народъ; какъ онъ въ настоящее время, при всѣхъ Европейскихъ и Азіатскихъ дворахъ, во всѣхъ концахъ и углахъ свѣта, имѣетъ своихъ пословъ и уполномоченныхъ, а равно какъ Русскіе бояре теперь должны ѣздить за границу и обучаться тамъ, для того чтобъ сдѣлаться способными ко всякому дѣлу, на водѣ и на сушѣ, обо всемъ этомъ сообщены уже въ этомъ журналѣ достаточныя свѣдѣнія.

Объ островѣ Ретусари (Retusari) слѣдуетъ добавить здѣсь еще то, что онъ лежитъ прямо въ верху, или въ началѣ Ость-Зее, или же, точнѣе говоря въ устьѣ Финскаго залива. Хотя тотчасъ же вверху острова, къ востоку, лежитъ опять большое море (озеро, но это не настоящее Ость-Зее, а только переднее, или внутреннее море, изъ чего видно, что Петербургъ стоитъ не у Ость-Зее, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ онаго.

Самъ по себѣ островъ безплоденъ, и на немъ не произрастаетъ ни хлѣбъ и никакое другое растеніе. Настоящее теченіе, или потокъ идетъ около южной стороны острова, но составляетъ довольно узкій проходъ, имѣющій впрочемъ достаточную глубину для проѣзда большихъ военныхъ кораблей;

съ сѣверной же его стороны, по причинѣ мелководья потока, никакіе суда проходить не могутъ. Отсюда и происходитъ, что мѣсто это чрезвычайно удобно для безопасной гавани царскаго флота, такъ какъ представляетъ для атаки только одну узкую дорогу, и потому оно по справедливости можетъ быть названо Кроншлотомъ или оплотомъ, оградой города Петербурга. Въ прежнее время островъ этотъ былъ необитаемъ, или покрайней мѣрѣ заселенъ былъ не болѣе, какъ какою нибудь парюю бѣдныхъ рыболововъ. Но когда Его Царское Величество нашель островъ весьма удобнымъ для своихъ цѣлей, то съ тѣхъ поръ тамъ не только устроена настоящая гавань для его флота, но и самый островъ снабженъ крѣпостью, и на немъ раскинулся большой городъ, который обыкновенно называютъ Кроншлотомъ (хотя собственно-этимъ именемъ называется только крѣпость), а Русскіе и просто зовутъ его Котловый островъ (котель-островъ).

Гавань довольно обширна и глубока и находится у южнаго берега острова въ открытомъ морѣ. Такъ какъ къ сторонѣ материка глубина постоянно уменьшается и до такой степени, что къ материку нельзя подойти ни на какомъ суднѣ, то если хотятъ выйти на берегъ, нужно приставать къ большому перешейку, или плотинѣ. Здѣсь-то преимущественно и стоитъ царскій флотъ, зимою и лѣтомъ; но съ тѣхъ поръ, какъ флотъ этотъ замѣтно увеличился и возросъ уже до 40 слишкомъ ранговыхъ кораблей, а въ тоже время когда шесть лѣтъ тому назадъ устроена была гавань и въ Ревелѣ, то теперь большая часть кораблей находится уже въ этой гавани. Все таки это есть и остается настоящая Петербургская гавань,

хотя городъ Петербургъ и отстоитъ отъ Кроншлота на 4 Нѣмецкія мили. Крѣпость, которая собственно и носитъ названіе Кроншлота, стоитъ противъ Ингерманландскаго берега или южной стороны, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ острова, среди моря, на песчаной отмели, которую сильный морской потокъ, стремящійся здѣсь въ тѣсинѣ, увеличиваетъ все болѣе и болѣе. Крѣпость походитъ на круглую башню, о трехъ ходахъ, или терасахъ одна надъ другою, и снизу до верху обильно снабжена пушками. Фундаментъ въ ней сдѣланъ зимою на льду каменными ящиками, и на этомъ-то фундаментѣ возведено потомъ все зданіе изъ лѣсу и земли. Такъ какъ на островѣ, противъ крѣпости, находятся двѣ батареи о 10-ти и 12-ти пушкахъ, и сверхъ того большой морской мостъ или голова гавани, снабженъ 40, 50, а въ случаѣ надобности и болѣе числомъ пушекъ, то по этому входъ въ потокъ, или въ дорогу къ Петербургскому переднему морю (взморью) весьма хорошо защищенъ и прикрытъ съ обѣихъ сторонъ, а въ тоже время и самые корабли, стоящіе въ тамошней гавани, могутъ также дѣлать свое дѣло.

Что касается до города Ретусари, или Кроншлота, то относительно краткости времени, съ котораго онъ началъ строиться, онъ уже довольно обширенъ, и въ особенности очень богатъ числомъ домовъ. Но домъ эти разбросаны, и городъ открытъ кругомъ, не обведенъ ни рвами, ни заборомъ, и самые домъ деревянные, кромѣ громаднаго дома князя Меншикова, возведеннаго изъ камня, съ двумя флигелями, и нижній этажъ этаго зданія опредѣленъ для купечества, а два верхніе для палатъ князя. Сверхъ того и самъ царь повелѣлъ возвести

тамъ 4 большія, каменные зданія для отдачи въ наймы купцамъ и для склада товаровъ этихъ купцовъ.

Въ 1718-мъ году тамъ закончена постройка Русской церкви, которая представляетъ собою довольно изящное зданіе. Евангелическаго исповѣданія иностранцы отправляютъ свое богослуженіе тамъ въ одномъ частномъ домѣ.

Такъ какъ флотъ большею частію имѣетъ здѣсь, какъ мы сказали уже, свое мѣсто стоянки, или прибѣжища и кромѣ того, здѣсь же находится и важнѣйшій морской магазинъ, то легко понять, что мѣстечко это должно быть довольно уже многолюдно. И хотя жизненные припасы здѣсь не милосердно дороги, ибо на островѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, и нѣтъ на немъ ни коровы, ни теленка, и все это нужно бываетъ вывозить изъ Петербурга, и слѣдовательно часто случаются недостатки во многомъ, тѣмъ не менѣе со дня на день народонаселеніе прибываетъ, и люди стараются основать тамъ себѣ мѣсто жительства.

Заисключеніемъ этой дороговизны образъ жизни на островѣ Ретусари точно такой же, какъ и въ Петербургѣ. Такъ какъ островъ этотъ заселенъ людьми всевозможныхъ націй, то по этому тамъ встрѣчаются и всякаго рода хозяйства, или домоводства, и каждый живѣтъ тамъ по своему, какъ можетъ. Въ особенности же для каждой націи тамъ, равно какъ и во всѣхъ другихъ городахъ и земляхъ Его Царскаго Величества, предоставляется свобода вѣроисповѣданія, т. е. свободное отправленіе своего богослуженія. Лютеранская община имѣла прежде здѣсь своего проповѣдника; но такъ какъ получаемого имъ содержанія было ему недостаточно, то въ 1714-мъ году онъ

самъ уволился отъ этой должности. Вскорѣ послѣ того нашелся одинъ изъ Шведскихъ плѣнныхъ, родомъ изъ Кёнигсберга, который, въ качествѣ лейтенанта, захваченъ былъ въ плѣнъ въ Польшѣ и сидѣлъ уже нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ заключеніи, потомъ получилъ свободу проживать гдѣ нибудь въ Россіи, чѣмъ и какъ онъ хочетъ и можетъ. Этотъ-то плѣнникъ явился наконецъ на островъ Ретусари и такъ какъ въ то время тамъ не было ни одного духовника, то онъ не только снабжалъ общины трехъ различныхъ вѣроисповѣданій своими проповѣдями, но и совершалъ у нихъ службу и таинства и крестилъ дѣтей въ ту, или другую вѣру, въ какую пожелаютъ родители. Но послѣ двухъ-лѣтняго такового служенія это ремесло его было ему наконецъ воспрещено; и такъ какъ онъ не зналъ, куда дѣться и чѣмъ жить, то его опять пристроили и взяли въ лейтенанты.

Ширина Кроншлота до Ингерманландскаго берега простирается на добрую Нѣмецкую четверть мили. Какъ широкая рѣка Нева имѣетъ настоящее свое впаденіе въ Ость-Зее въ этой полосѣ, или мѣстности, то самая глубокая вода, или самое глубокое мѣсто находится близъ острова и идетъ не далѣе двухъ тысячъ шаговъ; остальное состоитъ изъ песчаныхъ балокъ и отмелей; точно также и на сѣверной сторонѣ острова, большое мелководье, и теченіе тамъ едва замѣтно. Съ этой же стороны, гдѣ находится настоящее впаденіе, глубина и теченіе весьма быстры и сильны, до того, что здѣсь бываетъ чрезвычайно трудно проходить судну, и въ особенности противъ вѣтра.

Весь путь вдоль морскаго берега (именно на югъ отъ Кроншлота къ Петербургу, или до Петербурга) устьянъ сплошными увеселительными до-

мами и дворцами, одинъ подлѣ другаго. Когда Его Царское Величество взялъ Ингерманландію, то онъ раздраилъ всё помѣстья этой страны своимъ чинамъ, знатымъ и малымъ. Эту же береговую полосу онъ велѣлъ разбить на извѣстные участки въ 500 сажень ширины и въ 2000 саж. длины, и роздалъ ихъ частью сенаторамъ и боярамъ, частію маловажнымъ придворнымъ слугамъ и нѣкоторымъ офицерамъ, и на этихъ - то участкахъ каждый, по своему желанію и возможности, построилъ себѣ или увеселительный замокъ, или дворецъ, или простой жилой домъ, такъ что на всѣхъ 4 миляхъ по берегу дома стоятъ другъ подлѣ друга.

Такъ какъ мѣстность эта расположена такимъ образомъ, что, въ тысячѣ шагахъ отъ моря, берегъ вездѣ имѣетъ почти одинаковую высоту, на которой цѣлымъ рядомъ лежатъ дворцы и увеселительные дома, то легко себѣ представить, что видъ отъ дворцовъ, съ самой высоты берега, а равно и со стороны тѣхъ, которые плывутъ по морю, т. е. и видъ съ моря, долженъ быть весьма красивъ, когда все это представится взору въ одномъ большомъ полу-кругѣ. Эта полоса страны есть наилучшая, и на ней въ изобиліи находится все, что нужно: хорошія поля, луга, пастбища, дѣсь, рыба и разная пернатая дичь. Было бы излишнимъ подробно описывать здѣсь всё сказанные дворцы и дачи, и потому скажу нѣсколько словъ только о 3-хъ изъ нихъ. Первый дворецъ и садъ князя Меншикова, Ораніенбаумъ, лежитъ прямо насупротивъ Кроншлота. Это мѣстечко вообще чрезвычайно пріятно, и князь Меншиковъ, для большаго удобства, приказалъ устроить здѣсь мостъ, длиною въ 300 шаговъ, прямо выдающійся въ море,

на которомъ, иначе, по мелководью, нельзя было бы и плавать и приставать въ этомъ мѣстѣ на судахъ. Дворецъ сооруженъ изъ камня, въ три этажа, съ двумя длинными флигелями, выведенными оваломъ. Впрочемъ, садъ, идущій отъ дворца къ морю, до сихъ поръ еще не приведенъ окончательно въ надлежащее состояніе.

Въ полуторѣ мили отсюда лежитъ Петергофъ, царскіе сады и увеселительные дворцы. Одинъ изъ этихъ садовъ находится на высотѣ берега, а другой, въ 600 шагахъ отъ первого, раскинутъ у самаго моря, и оба уже большею частію совершенно готовы. Мѣстечко это полюбилось царю преимущественно передъ всѣми другими, и потому онъ приложилъ и прилагаетъ всё свое стараніе сдѣлать изъ него всё хорошее. Для этой цѣли, подъ горою, передъ однимъ дворцомъ, устроенъ большой гротъ, съ двойнымъ каскадомъ, изъ котораго грота проведенъ большой и глубокій каналъ прямо въ море, и по этому-то каналу изъ моря можно проплыть до грота и до самаго дворца, стоящаго на горѣ, на высотѣ 60-ти футовъ.

Оба дворца, какъ верхній, на горѣ, такъ и нижній, стоящій у моря, выведены изъ камня, совсѣмъ уже готовы, и хотя не велики, но чрезвычайно изящно построены и считаются лучшими во всей странѣ, за исключеніемъ дворцовъ, принадлежащихъ князю Меншикову.

Хотя вся мѣстность эта, сама по себѣ, наилучшая и красивѣйшая на всемъ берегу обтекающаго здѣсь моря, но она еще болѣе прелестна потому, что изъ находящихся на высотѣ берега увеселительныхъ домовъ можно обозрѣвать на далекое пространство, какъ Петербургъ и Кроншлотъ, такъ и всѣ суда, проходящіе по морю.

Въ милѣ отъ Петергофа лежитъ мыза Стрѣльна, вновь устроенный садъ и дворецъ Его Царскаго Величества. Сперва у царя былъ здѣсь только деревянный простой домъ; но когда онъ нашелъ тутъ же, у рѣчки Стрѣльны, впадающей въ море, чрезвычайно понравившееся ему мѣстоположеніе, то онъ рѣшилъ возвести здѣсь великолѣпнѣйшій царскій дворецъ, развести при немъ садъ и вообще сдѣлать изъ этого мѣстечка другой Версаль.

Прежде около этого мѣста, по мелководью, нельзя было пристать къ берегу даже на самомъ маленькомъ суднѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ извѣстный генераль-маіоръ, изъ Нѣмецевъ, возвелъ, прямо въ открытое море, главную плотину изъ фашиннику и земли, шириною въ 20 шаговъ и длиною въ 700 шаговъ, съ той поры весьма удобно можно плавать теперь за этой плотиной на всевозможныхъ судахъ. Вначалѣ полагали, правда, невозможнымъ, чтобы такая плотина устояла; но въ настоящее время, по трехлѣтнему опыту, пришли къ убѣжденію, что самые сильнѣйшіе бурі и ураганы, отъ которыхъ терпѣли и ломались почти всѣ находящіяся тамъ вокругъ мосты, плотины и водяныя постройки, не сдѣлали сказанной плотинѣ ни малѣйшаго вреда, такъ что возведеніе ея считается теперь самой лучшей водной работой, и способъ устройства ея оказывается самымъ прочнымъ и дешевымъ, даже для устройства самихъ морскихъ гаваней; особенно же, когда фундаментъ однажды уже заложенъ, то этимъ способомъ,

съ меньшимъ трудомъ и издержками исправляется самая плотина, дѣлаются отъ времени до времени надлежащія насыпи или возвышенія, и такимъ образомъ устраняются всѣ поврежденія, причиненныя моремъ, и самая плотина можетъ быть совершенно прочна и безопасна.

Садъ при этомъ дворцѣ разбитъ чрезвычайно обширный, и со временемъ изъ него можетъ образоваться нѣчто необычайное, такъ какъ, по плану, онъ долженъ все болѣе и болѣе усовершенствоваться, и царь не щадитъ никакихъ издержекъ для доведенія его до совершенства. Начало этому саду положено до сихъ поръ тѣмъ, что въ немъ планируютъ теперь землю нѣсколько тысячъ рабочихъ и посажено тоже нѣсколько тысячъ липъ; но главное что сдѣлано тамъ, теперь состоитъ въ томъ, что стесана и снесена, съ великимъ трудомъ, возвышающаяся тамъ гора и обдѣлана въ видѣ амфитеатра; на горѣ этой и предполагается воздвигнуть роскошнѣйшій дворецъ.

Такъ какъ у царя нѣтъ недостатка ни въ хорошихъ мастерахъ-строителяхъ, ни въ рабочихъ людяхъ всякаго рода, ни во всѣхъ потребныхъ для возведенія разныхъ зданій материалахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти начатыя работы въ этой мѣстности, равно какъ и всѣ остальные предпріятія въ Петербургѣ, приведутся непременно въ исполненіе въ теченіи немногихъ даже лѣтъ, и такимъ образомъ изъ прежней пустынной Ингерманландіи возникнетъ восьмое чудо свѣта.

Конецъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

1811 — 1871.

Veritas, temporis filia.

Aulus Gellius.

Mihi Galba, Otho, Vitellius, nec beneficio, nec injuriâ cogniti.

Tacitus.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Я жилъ долго и вращался въ различныхъ слояхъ общества; много видѣлъ и слышалъ, многое на самомъ себѣ испыталъ и, находясь нерѣдко въ особенныхъ, иногда въ исключительныхъ положеніяхъ, видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ много такого, что кромѣ меня или не могло быть извѣстно никому, или было извѣстно немногимъ.

Я имѣлъ обыкновеніе изъ происшедшаго вокругъ меня записывать то, что было болѣе выдающагося въ людяхъ и въ событіяхъ, особенно все, что могло послужить къ обобщенію моихъ студій надъ характерами и къ уразумѣнію сущности событій: ибо совершившіеся факты имѣли для меня значеніе лишь видимыхъ проявленій дѣйствующей чрезъ нихъ причины, значеніе указаній для изслѣдованія (на сколько это возможно) причинъ и заключающагося въ нихъ внутренняго смысла. Изъ такого матеріала составились эти воспоминанія прожитой эпохи.

Въ составленіи, такъ сказать, свода пѣзъ разрозненныхъ, бѣглыхъ замѣтокъ, въ сочетаніи ихъ по предметамъ въ отдѣльные рассказы, я не держался никакой системы. Каждая статья составляетъ особое цѣлое. Когдаже случается, что между нѣкоторыми пѣзъ нихъ существуетъ естественная связь, и одна статья восполняется другою, то на это указано ссылками въ приличныхъ мѣстахъ.

Что касается до современныхъ мнѣ личностей, то я не писалъ ихъ біографій, а ограничивался замѣчательнѣйшими фактами изъ ихъ жизни и характеристическими чертами какъ ихъ самихъ, такъ и моихъ къ нимъ отношеній.

Въ этихъ очеркахъ я считалъ нужнымъ, говоря о главномъ лицѣ, упоминать, въ видѣ вводныхъ статей или въ примѣчаніяхъ, о тѣхъ, которыя были съ нимъ въ соприкосновеніи. Я думаю, что это не лишнее какъ потому, что такіе вспомогательные очерки составляютъ какъ бы декоративную обстановку, изъ которой главный субъектъ выходитъ болѣе рельефно, такъ и потому, что самыя эти второстепенныя личности почему нибудь заслуживаютъ воспоминанія о нихъ.

Въ этой работѣ, такъ какъ она не автобіографія, я по возможности избѣгалъ эгоизма. Въ рассказахъ я ввожу свою личность и говорю о себѣ лишь на столько, сколько это необходимо для разъясненія обстоятельствъ, для группировки подробностей, а главное, для сохраненія въ рассказахъ того отпечатка живой дѣйствительности, котораго никакое искусство поддѣлать не въ состояніи и который происходитъ только отъ личнаго присутствія дѣятеля или очевидца.

При этомъ я мало заботился о литературной отдѣлкѣ. Вообще я такого мнѣнія, что въ обработкѣ матеріаловъ, накопившихся въ долгое время изъ бѣглыхъ записокъ, набросанныхъ въ тѣ

самые моменты, когда насъ поразило со- бытіе или встрѣтилась замѣчательная личность, нужно стараться сохранить дѣвственный характеръ того необдуманнаго перво-произвольнаго впечатлѣнія (*impression spontanée, prime-sautière*) подѣ влияніемъ котораго писалась замѣтка, безъ предвзятой мысли, что она когда либо увидитъ свѣтъ.

Занимаясь настоящимъ трудомъ, я глубоко былъ проникнутъ сознаниемъ важности частныхъ, безыскусственныхъ записокъ для современной исторіи, какъ ее понимаютъ въ наше время, когда она перестала быть сухою эфемеридою событій и жизнеописаніемъ знаменитостей. Теперь требуется отъ нея, чтобы она представляла полную картину жизни даннаго народа, со всѣми ея элементами нравовъ, образованія, общественнаго быта и мышленія. Сознаніе такой важности естественно соединялось во мнѣ съ сознаниемъ долга быть строго-правдивымъ. Въ этомъ качествѣ я конечно могу поручиться вполнѣ только за случаи, въ которыхъ я былъ очевидцемъ или дѣйствующимъ лицомъ. Остальное я записывалъ на основаніи общей извѣстности (*notoriété publique*), общественной молвы и наконецъ наиболѣе достовѣрныхъ слуховъ. По моему мнѣнію и такія, менѣе доказанныя, данныя не должны теряться безслѣдно. Искусный историкъ съумѣетъ извлечь изъ нихъ если непрямою, то косвенную пользу; они ему пригодятся, хотя бы какъ матерьялъ красокъ для вѣрнаго колорита эпохи.

Я никогда не былъ систематическимъ мизантропомъ; отъ своей эпохи и своихъ современниковъ не ждалъ и не требовалъ болѣе, чѣмъ они могли дать. Поэтому, если изъ моихъ „Воспоминаній“ вышло болѣе картинъ Теніерова или Гогартова жанра, чѣмъ высоко-историческаго стиля, то въ этомъ вина не моя. Я могу увѣрить, что не карикатурилъ умышленно, но за то и не украшалъ ничего, а списывалъ съ натуры, что было и какъ было.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ НОВОСИЛЬЦЕВЪ. ¹⁾

*Expense Annibalem,
Quot libras in duce summo invenit? ²⁾*

Juvenalis.

Въ „Воспоминаніяхъ“ Н. И. Греча, помѣщенныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 года, описаны подробности, касающіяся происхожденія, воспитанія и служебной дѣятельности этого (какъ Гречь говоритъ) одного „изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“.

Гречь, какъ современникъ, гораздо старше меня. Онъ раздѣляетъ публичную и частную жизнь Новосильцева на два періода: первый со времени вступленія его на публичное поприще, вполнѣ блистательный; другой, начавшійся около 1809—1810 г. или не много ранѣе, когда онъ сталъ предаваться страсти къ крѣпкимъ напиткамъ. Несравненно менѣе славный, но однакожъ и въ этой эпохѣ, не смотря на пагубную слабость, Новосильцевъ не переставалъ проходить свое служебное поприще и занималъ въ немъ значительныя положенія.

Къ сожалѣнію, я зналъ Новосильцева въ этомъ второмъ уже періодѣ его жизни. Моя встрѣча съ нимъ и личные отношенія имѣли мѣсто въ началѣ двадцатыхъ годовъ, и съ этого времени записаны у меня подробности объ немъ, мало извѣстныя, почеркнутыя частью изъ личнаго съ нимъ обращенія, частью же изъ подлинныхъ дѣлъ и другихъ не менѣе достовѣрныхъ источниковъ.

Новосильцевъ, въ то время уже сенаторъ, былъ приближеннымъ лицомъ

¹⁾ Я не слѣдую хронологическому порядку; статьи помѣщаются по мѣрѣ ихъ изготвленія.

²⁾ Вавилъ Ганнибала; сколько фунтовъ окажется въ высокомъ полдѣ? *Juvenalis.*

къ главнокомандовавшему арміею Царства Польскаго Великому Князю Константину Павловичу, состоя императорскимъ комиссаромъ при правительствѣ новоучрежденнаго Царства. Около 1820 года Великому Князю подчинены были войска отдѣльнаго Литовскаго корпуса, и въ административномъ порядкѣ присоединенныя отъ Польши губерніи, западныя, югозападныя и Бѣлорусскія. Понятно, что для тамошняго края Новосильцевъ былъ большою фигурою.

Въ 1819 или 1820 году пожалована ему была въ 12-ти лѣтнюю аренду (продолженную, по истеченіи этого срока, еще на 12 лѣтъ) такъ называемая Слонимская экономія, большое казенное имѣніе, состоявшее изъ уѣзднаго города Слонима, многихъ фермъ и деревень и приносящее до 125,000 руб. ассигнац. годоваго дохода. Оно нѣкогда принадлежало Польскому магнату, великому Литовскому гетману, князю Михаилу Огинскому, который, въ послѣдніе годы царствованія короля Станислава Августа, и самъ поселился въ уѣздномъ городѣ. Это была резиденція по истинѣ царская, по своей пышности, роскоши и пышеству. Довольно сказать, что Огинскій имѣлъ собственную Италіанскую оперу и собственный балетъ; и та и другая, по сказаніямъ старожиловъ, были изъ лучшихъ въ Европѣ, такъ какъ магнатъ тратилъ на нихъ огромныя деньги. Лица, составлявшія многочисленную дворную вельможу (большую частію Чехи) нажившіяся въ его службѣ, построили себѣ дома въ Слонимѣ и поселились въ немъ съ семействами на всегда. Нѣкоторые ихъ потомки сдѣлали карьеры въ государственной службѣ, и теперь еще одинъ считается знаменитостію въ своей специальности (медицинѣ).

Отъ Огинскаго, вѣроятно по праву наслѣдства, Слонимская экономія перешла къ графинѣ Мишкекѣ, а ею отдана была въ продолжительное арендное содержаніе знаменитому тамошнему помѣщику, бывшему долгое время уѣзднымъ предводителемъ дворянства, д. с. с. Войцеху

Пусловскому. Со смертію графини, не знаю по какому случаю, экономія поступила въ казну и отъ нея уже передана была Новосильцеву.

Тутъ между нимъ и Пусловскимъ завязалось чрезвычайно сложное дѣло, возбужденное управляющимъ, назначеннымъ отъ новаго владѣльца, о раззореніи якобы Пусловскимъ экономіи и о слѣдующей отъ него громадной суммѣ вознагражденія. Дѣло продолжалось нѣсколько лѣтъ и кончилось ничѣмъ, такъ какъ повѣренные Новосильцева не могли доказать своихъ извѣтовъ. Пусловскій былъ женатъ на родной сестрѣ князя Ксаверія Друцкаго-Любецкаго, въ то время министра финансовъ въ Царствѣ Польскомъ, и упомянутое дѣло было едва ли не первою причиною непримиримой вражды между княземъ и Новосильцевымъ, продолжавшейся по самую смерть послѣдняго, также и причиною неблаговоленія Великаго Князя къ Любецкому *)

Эти подробности были нужны для объясненія частаго пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ и моего съ нимъ соприкосновенія. Въ то время я былъ 18-ти лѣтній юноша, только что возвратившійся изъ Виленскаго университета и занималъ должность писмоводителя или, какъ она тогда называлась, дворинскаго секретаря при уѣздномъ предводителѣ (маршалѣ), моемъ родственникѣ, Броньскомъ.

Первый прїездъ Новосильцева въ городъ Слонимъ ознаменовался слѣдующею особенностію.

Около того времени (1820--1821) франкъ-масонство въ тамошнемъ краѣ было въ полномъ разгарѣ. Высшее правительство не очень къ нему благоволило, хоти еще и не рѣшалось на формальное запрещеніе. Ближайшая къ Слониму ложа была въ Новогрудкѣ. Многіе Слонимскіе помѣщики, и я въ числѣ ихъ, принадлежали къ ней и бывали на ея заведеніяхъ. Но какъ для этого нужно бы-

*) Смотри мои воспоминанія о Любецкомъ въ слѣдующихъ выпускахъ Русскаго Архива.

до ѣздить за 60 верстѣ, то мы и положили основать ложу въ самомъ Слонимѣ, имѣя для этого требуемое уставомъ число членовъ. Городничій этого города, вмѣстѣ и уѣздный исправникъ, бывший Наполеоновскій офицеръ, Винцентій Конопка (братъ извѣстной красавицы Юліи, по первому мужу Калиновской, по второму графини Татищевой, жены нашего посланника въ Вѣнѣ) предложилъ для совѣщанія о новой ложѣ собраться у него въ домѣ. Онъ забылъ, что ему по должности надо было встрѣтить на границѣ уѣзда Новосильцева (котораго пріѣздъ былъ назначенъ на тотъ же день) и провозжать его. Мы собрались у Конопки въ 12-мъ часу утра. Это было лѣтомъ. Во избѣжаніе любопытства *профановъ*, всѣ ставни были затворены.

Въ самое время нашихъ совѣщаній происходилъ первый въѣздъ Новосильцева въ городъ. Провѣзжая по главной улицѣ и и видя закрытыя ставни дома, онъ спросилъ, чей домъ? Когда же ему сказали, что это квартира городничаго, то Новосильцевъ вообразилъ себѣ, что городничій умеръ и тѣмъ объяснилъ себѣ его отсутствіе на границѣ уѣзда. Новосильцевъ располагалъ остановиться у него; но, считая его покойникомъ, повѣхалъ къ предводителю дворянства Броньскому. При первомъ знакомствѣ, онъ извинился, что не остановился у городничаго и сказалъ тому причину. Но тутъ и узналъ онъ истину, при чемъ ему сказали, что и секретарь предводителя участвуетъ въ собраніи.

Когда я возвратился въ свою канцелярію, которая была въ помѣщеніи предводителя, то послѣдній представилъ меня гостю-сановнику. Я не мало удивился, когда Новосильцевъ, съ обычною своею вѣжливостью, сказалъ: „Enchanté de faire votre connaissance“³⁾, прибавилъ съ пролическою усмѣшкою: „Je vous fais mon compliment, Monsieur; vous commencez de bonne heure, vous irez loin“⁴⁾. Недоумѣвая,

³⁾ Восхищенъ тѣмъ, что узнаю васъ.

⁴⁾ Поздравляю васъ, милостивый государь; вы начинаете спозаранку; вы пойдете далеко.

къ чему этотъ комплиментъ относится, я отвѣчалъ поклономъ и молчалъ. Но Новосильцевъ въ слѣдъ за этимъ сказалъ: „J'apprends avec plaisir, qu'un jeune homme comme vous a déjà eu le temps de finir ses études, et d'entrer dans la société de Francs-maçons“⁵⁾.

Хотя я и зналъ, что самъ онъ былъ масонъ, но не подалъ ему братскаго знака и только сказалъ, что я былъ принятъ въ общество по особому случаю.

Такова была моя первая встрѣча съ Новосильцевымъ. Въ послѣдствіи, не смотря на различіе возрастовъ и общественныхъ положеній, мы съ нимъ довольно сблизились (какъ объ этомъ ниже), и онъ всегда оказывалъ ко мнѣ свое расположеніе и даже нѣкоторую симпатію, если у такого дипломата, какимъ былъ Новосильцевъ, могло быть хотя одно искреннее чувство. И дѣйствительно, когда я обдумываю теперь подробности тогдашняго политическаго положенія и послѣдовавшихъ событій, то мнѣ становится понятными ласки Новосильцева. Они были не безъ нѣкотораго разчета, такъ какъ относились къ молодому человѣку изъ поколѣнія, только что окончившаго курсъ университета и именно Виленскаго, сохранившему въ этомъ поколѣніи много друзей и извѣстную степень вліянія.

Нуждаясь въ службѣ для поправленія домашнихъ дѣлъ, оставленныхъ отцомъ (скончавшимся въ 1814 г.) довольно разстроенными, я бы очень легко могъ воспользоваться расположеніемъ Новосильцева и при немъ самомъ, или чрезъ него устроить мою служебную карьеру. Онъ и ждалъ только того, чтобы я попросилъ его и издалеча давалъ мнѣ это понять. Я оцѣнилъ всю пользу положенія, но удержался по различнымъ уваженіямъ. Однимъ изъ нихъ (и въ этомъ я теперь чистосердечно признаюсь) было, что въ то время никто изъ порядочныхъ людей не вступалъ въ такъ на-

⁵⁾ Съ удовольствіемъ узнаю, что такой молодой человѣкъ успѣлъ уже окончить свое ученіе и вступить въ общество Франъ-Масоновъ.

зывавшуюся казенную службу. Такъ служить и получать чины предоставлялось исключительно мѣщанамъ и самой мелкой шляхтѣ. Быть можетъ, что я бы превозмогъ этотъ предразсудокъ, но были еще и другія личныя препятствія. Пусловскій, съ которымъ Новосильцевъ велъ ожесточенный процессъ, былъ опекуномъ сперва моихъ, а потомъ оставался опекуномъ моихъ несовершеннолѣтнихъ братьевъ и сестеръ, и моей матери ⁶⁾). При томъ онъ и шурины его, князь Любецкій, были душевные друзья съ моимъ покойнымъ отцомъ, такъ что, поступя на службу къ отъявленному ихъ врагу, я нашелся бы, относительно ихъ, въ крайне-неловкомъ положеніи.

Но главное уваженіе, меня удерживавшее, было — обстановка Новосильцева. Штатъ и частной, и официальной службы при немъ состоялъ (кромѣ одного, о которомъ ниже) изъ лицъ самыхъ нехорошихъ. Управлявшие порученными ему старостомъ и повѣренными, возбуждавшие тяжбу съ Пусловскимъ, были люди грубые, безнравственные, отвратительные экземпляры, почти совершенно исчезнувшаго уже типа крючкотворцевъ стараго закала, выгнанные за пьянство изъ службы ябедописцы. Люди эти и срамили, и безсовѣстно обкрадывали своего довѣрителя, и трудно было понять, какъ человѣкъ такого полѣта, какъ Новосильцевъ, могъ терпѣть при себѣ подобный антуражъ. Казалось даже, что онъ нарочно искалъ и подбиралъ подъ стать личный составъ для подобнаго вертепа. Такъ, въ повѣренныя свои по тяжбы дѣламъ, производившимся въ тогдашнихъ гласныхъ судахъ, онъ взялъ адвоката, не практиковавшаго уже потому, что онъ былъ, по суду, двукратно

⁶⁾ Известно, что, по дѣйствовавшему въ то время Статуту Литовскому, женщины всю свою жизнь (и какъ дѣти и дѣвицы, и какъ жены и какъ вдовы) оставались подъ опекою.

отрѣшенъ *ab omni activitate* ⁷⁾ за превариацию (преданіе своего довѣрителя противной сторонѣ). Такое пристрастіе Новосильцева къ дурнымъ людямъ вошло въ тамошнемъ околodge въ пословицу. О какомъ нибудь мерзавцѣ говорилось: „онъ годится въ Новосильцевскую псарню“. Разъ, въ бытность его въ Слонимѣ, появился нѣкто Пинскій помѣщикъ, князь Игнатій Г.*** Между мѣстными жителями онъ не имѣлъ почти никого знакомаго, но объ немъ шла самая дурная слава. Известно было, что онъ когда-то былъ въ военной службѣ, а изъ его подвиговъ рассказывали положительный фактъ, что въ 1812 году, съ отрядомъ казаковъ, онъ развѣзжалъ по своему уѣзду, напалъ на дома помѣщиковъ и въ числѣ ихъ ограбилъ до нитки престарѣлаго рожнаго своего дядю. Когда его увидѣли въ Слонимѣ, всѣ стали догадываться, что онъ ищетъ мѣста у Новосильцева, и всѣ почти навѣрно предполагали, что по своимъ прецедентамъ успѣетъ въ этомъ. И въ самомъ, дѣлѣ, не прошло недѣли, какъ почтенный нашъ князь красовался уже въ штатѣ сенатора. Довольно было одного этого, чтобы объяснить, почему я не пожелалъ дѣлать карьеру въ средѣ такихъ товарищей.

Выше сказано, что я началъ знать Новосильцева во второмъ періодѣ его жизни, то есть въ самомъ, по словамъ современниковъ, невыгодномъ для этого государственнаго человѣка, когда онъ сталъ уже предаваться пьянству и когда въ самомъ его характерѣ начали проявляться дурныя стороны. Надо полагать, что въ первое десятилѣтіе царствованія Императора Александра I, когда онъ былъ въ милости у Государя и постоянно занимался исполненіемъ важныхъ порученій и въ Петербургѣ, и за границею, дурныя наклонности и нравственные недостатки подавлялись въ немъ силою громаднаго разума, которымъ онъ обладалъ и самую необходимостью

⁷⁾ Отъ всякаго веденія дѣлъ.

положеніи. Когда мы приписываемъ разуму то, что Новосильцевъ дѣятельно-стію своего не только съ пользою служилъ Отечеству, но и заслуживалъ всеобщее для себя уваженіе, однимъ словомъ, что онъ былъ хорошимъ и добрымъ человѣкомъ, потому что былъ очень уменъ, то мы не думаемъ сказать пародоксъ. По нашему разумѣнію, добродѣтель есть верхъ интеллигенціи и когда говорятъ: „вотъ человѣкъ умный, но злой“, то говорить нѣчто въ родѣ нонсенса.

Но, какъ видно, и тотъ великій умъ, который Новосильцевъ имѣлъ, не былъ настолько великъ, чтобы изъ него сдѣлать вполне праваго человѣка. И какъ только онъ по обстоятельствамъ нашелся въ положеніи самостоятельномъ, безъ контроля, несчастная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ притупила въ немъ предохранительную силу разума, и выпли наружу всѣ тѣ дурныя стороны его личности, которыя до того были въ немъ какъ бы усыплены и которыми омрачается второй и послѣдній періодъ его жизни.

Если я говорю, что положеніе его сдѣлалось самостоятельнымъ, то это слѣдуетъ разумѣть о времени, когда вслѣдствіе Вѣнскаго конгресса учреждено было въ 1815 году Царство Польское, когда Великій Князь Константинъ Павловичъ назначенъ былъ главнокомандующимъ Польскою арміею, и Новосильцевъ находился въ Варшавѣ въ званіи императорскаго комиссара, то есть прокурора интересовъ Имперіи въ соприкосновеніяхъ ихъ съ дѣйствіями мѣстнаго правительства и съ мѣстными же интересами края. Великій Князь занимался исключительно военною частію; всѣ же дѣла, касавшіяся гражданскаго управленія Царства и, по подчиненіи Константину Павловичу западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерній, и дѣла этихъ губерній, находились, хотя и неофициально, въ рукахъ Новосильцева. Когда однакожъ мы его знали въ нашемъ городѣ, онъ еще въ тамошнихъ

губерніяхъ не имѣлъ официального характера. Онъ прибылъ въ Слонимъ, какъ частный человѣкъ, какъ владѣлецъ экономіи. Только въ послѣдствіи, по отъѣздѣ моемъ въ Петербургъ въ 1822 году, онъ чрезъ годъ послѣ того назначенъ былъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, и тутъ дѣятельность его приняла свой истинный характеръ и рѣзко обозначилась на судьбахъ тогдашняго молодого поколѣнія.

Возвратимся къ пребыванію его въ Слонимскихъ владѣніяхъ, въ качествѣ сельскаго хозяина и промышленника, такъ какъ онъ завелъ на форштатѣ города большую суконную фабрику.

Не смотря на то, что въ городѣ и уѣздѣ было нѣсколько порядочныхъ и пріятныхъ помѣщичьихъ домовъ, Новосильцевъ съ ними не знакомился. Онъ бывалъ въ городѣ только у начальника Литовской уланской дивизіи, генерала Влодека и у предводителя Броньскаго; изъ уѣздныхъ помѣщиковъ онъ изрѣдка посѣщалъ въ мѣстечкѣ Деречинѣ князя Франциска Сапѣгу, который также проводилъ иногда у него по нѣсколькимъ днямъ. Но у Броньскаго Николай Николаевичъ бывалъ каждый, или почти каждый, вечеръ. Вотъ какъ происходили эти бесѣды.

Сенаторъ (такъ его всѣ называли) являлся около 7—8 часовъ. Послѣ этого приказано было не принимать уже никого изъ постороннихъ. Если я былъ дома, то долженъ былъ оставаться; если меня не было, то за мною посылали. Хотя я, какъ очень молодой и скромный человѣкъ, могъ принимать лишь очень ограниченное участіе въ бесѣдѣ этихъ господъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ лѣтъ, но они вѣроятно по аксіомѣ „tres faciunt collegium“^{*)} признавали, что мое присутствіе было нужно, какъ необходимый минимумъ для составленія настоящаго *colloquio* (собесѣдованія). Вслѣдъ за прибытіемъ сенатора, на кругломъ столѣ предъ диваномъ,

*) Безъ троицы домъ не строится.

**) Собесѣдованія.

на которомъ сѣдѣлись онъ и хозяинъ, являлся подносъ съ огромнымъ чайникомъ, сахарницею, лимоннымъ сокомъ, сливками, разными печеніями и двумя бутылками: одной — стараго Ямайскаго рома, другой — какого нибудь Французскаго вина. Эта послѣдняя бутылка была для Броньскаго; онъ, изъ приличія, для поддержанія компаніи, наливалъ себѣ рюмку, и она оставалась недопитою до конца; Ямайка же предоставлялась въ полное распоряженіе сановитаго гостя, и онъ пользовался ею безцеремонно. Я одинъ пилъ настоящій чай.

По мѣрѣ того, какъ бутылка опорожнялась, оживлялась бесѣда. Броньскій, умный человѣкъ, прекрасно поддерживалъ ее; я, разумѣется, безмолвно слушалъ и изрѣдка только вставлялъ свое слово. Разговоръ былъ въ высшей степени интересный, хотя въ немъ, такъ какъ онъ возобновлялся ежедневно, было много повтореній. Есть книжка одного изъ современныхъ Французскихъ писателей подъ заглавіемъ: „*Ce qu'il y a dans une bouteille d'esprit*“¹⁰⁾. Книжка пустая; но если бы при нашемъ тріо спиртанъ былъ за ширмою стенографъ, то изъ его записокъ составила бы очень любопытная книга. Заглавіе готово: *Ce qu'il a dans une bouteille de rhum*“¹¹⁾.

Происходившему въ маленькомъ Литовскомъ городкѣ минуло уже болѣе полувѣка, но впечатлѣнія, воспринимавшіяся тогда моимъ молодымъ организмомъ, такъ глубоко врѣзались у меня въ памяти, что и теперь, когда это пишу, они живо представляются воображенію. Я вижу передъ собою круглый столъ, покрытый дѣвтною скатертью, чайникъ, изъ котораго, какъ бы для очистки совѣсти, подливается въ стаканъ немного чаю, и пресловутую бутылку, часто и усердно нагибаемую, и за нею, въ полутѣни, синебагровое лицо государственнаго сановника, знаменитаго дипломата, Европейскаго дѣятеля, а теперь буквально управляющаго судьбами от-

части Царства, а вполне и безусловно девяти губерній¹²⁾. Мнѣ слышится его рѣчь, постепенно, съ прогрессіею объясненія, измѣняющая свой диапазонъ, затрудняющаяся при выходѣ съ разбухшаго языка, изъ посивѣлыхъ губъ, но, при своей алкоолической откровенности, все-таки исполненная ума и ѣдкаго сарказма.

Въ концѣ концовъ, когда въ бутылкѣ не оставалось уже ничего, или почти ничего, рѣчь переходила въ невнятное лепетаніе; глаза то закрывались, то открывались, голова наклонялась до самаго стола и опять приподымалась. Тогда хозяинъ вставалъ; гость этимъ приходилъ на минуту въ себя и, простившись, старался также встать, но это не удавалось. Призывали дожаго лакея Петручка, испытаннаго въ подобныя дѣла. Онъ поднималъ гостя на ноги, бралъ его подъ одну руку, Броньскій подъ другую и выводили на подъѣздъ, гдѣ дожидались уже зимою сани, а лѣтомъ низкая линейка предводителя. Сенаторъ никогда не бралъ съ собою экипажа, ни лакея. Усадивши его, Петручекъ садился съ одной, а я съ другой стороны и, отвезши его домой, въ палацъ бывшій гетмана Огинскаго, мы сдавали его на руки ожидавшей прислугѣ. На обратномъ пути Петручекъ и кучеръ никогда не забывали философически замѣтить: „чти, еслибы это такъ нашъ братъ“?!... Только разъ случилось, что сенаторъ взбунтовался и рѣшительно объявилъ, что хочетъ идти домой пѣшкомъ. Я, съ помощію Петручка, отвелъ его не безъ большаго затрудненія. Шествіе по дурно вымощеннымъ улицамъ было по истинѣ „скачкою съ препятствіями“. (Подобная честь досталась мнѣ въ Вильнѣ въ Іюль 1822 года. Объ этомъ будетъ

¹⁰⁾ Что содержится въ бутылкѣ чернилъ.

¹¹⁾ Что содержится въ бутылкѣ рома.

¹²⁾ Въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ дѣйствовала конституція 1815 года и былъ независимый гласный судъ, власть Великаго Князя, сирѣчь Новосильцева, была только полицейско-административная; но въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, состоявшихъ на военномъ положеніи, власть эта и въ административномъ и въ судебномъ отношеніяхъ не была ничѣмъ ограничена.

ниже). При свиданіи, на другой вечеръ, Новосильцевъ никогда не забывалъ сказать: „*Savez vous, cher maréchal, qu'hier je suis rentré de chez vous, avec une petite pointe..... Mais ce que votre jamaique est excellent, et vous étiez si soigneux de ma tasse.*“ *) (Безстыдная клевета: гость все время угощался самъ). И таже сцена повторялась точь въ точь и заключалась подобнымъ же финаломъ.

Независимо отъ психическихъ ступидій, которыя я тогда дѣлалъ надъ знаменитымъ субъектомъ, разыгрывавшимъ такую жалкую роль передъ моими молодыми глазами, я чувствовалъ всю важность случая, представлявшагося мнѣ для извлеченія пользы изъ его вакхическихъ нескромностей. Когда послѣ *quantum sufficit* ¹⁴⁾ возліяній, наступала минута сердечныхъ изліяній, я (какъ говорятъ Французы) переходилъ весь въ уши, старался не уронить ни одного слова, и въ ту же ночь записывалъ слышанное. Постараюсь здѣсь воспроизвести сущность этого. Буквальная точность утомляла бы повтореніями; поэтому, хорошо подумавши, я и не жалю о немѣнній стенографа.

Новосильцевъ рѣдко и какъ-то неохотно говорилъ о своемъ дальнемъ прошедшемъ, о дипломатическихъ похожденияхъ; рѣдко упоминалъ о Наполеонѣ, съ которымъ однакожъ не разъ былъ въ личномъ соприкосновеніи. Онъ признавалъ въ немъ большой умъ (это и безъ Новосильцева было извѣстно), но опредѣлялъ его такъ: „*Этотъ умъ чрезвычайно обширный, но недовольно глубокий. Qui trop embrasse, mal étreint* ¹⁵⁾, прибавлялъ онъ. Взглядъ его онъ уподоблялъ тому недостатку зрѣнія, которое называется *vue presbyte*, противоположному *vue myope* (близорукость). Держа

¹⁴⁾ Знаете, любезный предводитель, вчера я возвратился отъ васъ въскольکو не-свой... Но у васъ такая превосходная Ямойка, и вы такъ заботились о моей чашкѣ.

¹⁵⁾ Вдоволь.

¹⁵⁾ Кто слишкомъ много захватываетъ, тотъ мало удерживаетъ.

всегда глаза устремленныя вдаль и стараясь обнять умомъ вселенную, онъ легко упускалъ изъ виду то, что было такъ сказать, подъ ногами, а это нѣчто часто и было существенное. Отсюда его грубыя ошибки“. Изъ всего тона его сужденій о Наполеонѣ видно было то, что впрочемъ извѣстно изъ современныхъ мемуаровъ, именно: что въ своихъ сношеніяхъ Новосильцевъ испыталъ отъ императора Французовъ какую-то, какъ говорятъ, *непріятность*. Это вѣроятно было тогда, когда Наполеонъ, вслѣдствіе неудавшихся переговоровъ съ Новосильцевымъ, такъ неблагоприятно и рѣзко выражался объ Императорѣ Александрѣ I.

Но главный, самый интересный и чаще другихъ повторявшійся предметъ разговоровъ, были разсужденія Новосильцева объ учрежденіи Императоромъ Александромъ Царства Польскаго. Онъ вообще не одобрялъ этого достопамятнаго акта и находилъ его неполитичнымъ въ отношеніи и къ Россіи, и къ Европѣ. Смотра по степени дѣйствія романа, онъ, на различныхъ стадіяхъ своего настроенія, выражался объ этомъ различно, хотя всегда въ одинаковомъ духѣ. Послѣ втораго или третьяго стакана онъ начиналъ уже отзываться о Государѣ все менѣе и менѣе почтительно, называлъ его слабымъ и непослѣдовательнымъ мечтателемъ и упрекалъ въ неадекватности.

Относительно этого послѣдняго недостатка онъ позволялъ себѣ пріятно подшучивать надъ Государемъ. Онъ говорилъ: „Ничего въ свѣтѣ Александръ Павловичъ такъ не боится, какъ карбонаризма съ тѣхъ поръ, какъ этотъ элементъ, сбросивъ маску, сталъ дѣйствовать открыто въ Италіи. (Тогда именно возгорѣлась было революція Пене). Немецкіе беспокоятъ Государя и Нѣмецкіе тугендбунды. Всего этого онъ не предвидѣлъ, когда учреждалъ Царство Польское съ либеральною конституціею. Теперь карбонари, иллюминаты, буршеншафты и тугендбунды слились для

него въ огромный кошмаръ, который преслѣдуетъ его денно и ночно. Теперь Государь много бы далъ за то, чтобы могъ передѣлать то, что имъ сдѣлано. Онъ чувствуетъ, что много потерялъ въ глазахъ Россіи и жестоко оскорбилъ Русское народное чувство, сказавъ въ своей торжественной рѣчи, что даетъ конституцію Полякамъ потому, что признаетъ ихъ довольно развитыми, довольно зрѣлыми для принятія этого благодѣянія. Ничего не могло быть неполитичнѣе со стороны Монарха нераздѣльнаго государства, какъ вводить такое неравенство политическихъ правъ между соплеменными подданными своими, и за меньшинствомъ устанавливать торжественно такое преимущество надъ огромнымъ большинствомъ“.

Когда Бронскій возражалъ, что быть можетъ Государь не могъ сдѣлать иначе, что могъ быть къ этому приневоленъ силою на Конгрессѣ: то Новосильцевъ отвергалъ это и утверждалъ, что учрежденіе Царства было плодомъ мысли и непринужденной воли самаго Александра Павловича, что это былъ опытъ осуществленія въ маломъ видѣ задушевной либеральной мечты его молодости; что тутъ впрочемъ дѣйствовали внушенія нѣкогда близкихъ къ Государю Поляковъ Адама Чарторижскаго и Михаила Огинскаго. Что касается до Конгресса, то Новосильцевъ утверждалъ (въ противность нѣкоторымъ современнымъ публицистамъ), что члены Конгресса не только не одобряли учрежденія Царства по начертанному Императоромъ плану, но были этому противны, и Александръ только при тогдашнемъ огромномъ влияніи своемъ на обще-европейскія дѣла могъ осуществить свое предположеніе.

Новосильцевъ очень не любилъ Поляковъ и не скрывалъ этого передъ нами, особенно когда при третьемъ станкѣ являлась „in pontcho veritas“ ¹⁶⁾. Съ свойственною ему проникательностію онъ предвидѣлъ будущія событія и час-

то повторялъ: „Александръ Павловичъ ошибается, если думаетъ, что Поляки будутъ ему благодарны. Имъ нужно не то; они мечтаютъ о такой Польшѣ, какая была во времена Сигизмундовъ и о королѣ-Пястѣ, а не о Русскомъ Императорѣ“.

По этому случаю Бронскій и я заговорили разъ о титулѣ, принятомъ Императоромъ. Новосильцевъ согласился съ нами, что Поляки не могли быть довольны тѣмъ, что Александръ Павловичъ, предъ ними и Европою, назывался королемъ (Krol, Roi), а предъ Русскими царемъ. Это не одно и то же, — Полякамъ было извѣстно, что поруски государи Прусскій, Шведскій и др. называются королями; знали и то, что въ полномъ Императорскомъ титулѣ „царь Польскій“ стоитъ о бокъ, или даже ниже, царя Казанскаго и Астраханскаго. То, что ихъ отечество въ политической іерархіи сравнено съ тремя или четырьмя изъ 50 губерній, не могло не быть чувствительнымъ для ихъ народной гордости. Новосильцевъ сказалъ: *Oui, vous avez raison, c'est encore une de ses demi-mesures, si chères à notre gracieux Souverain, et celle-ci a cela de particulier, qu'en mécontentant les uns, elle ne satisfait pas les autres.* („Да вы правы; это еще одна изъ тѣхъ, любимыхъ нашимъ всемилостивѣйшимъ Государемъ, полумѣръ. Но эта имѣетъ еще ту особенность, что въ однихъ возбуждаетъ неудовольствіе, а другихъ не удовлетворяетъ“). Къ этому Николай Николаевичъ прибавилъ, что титулъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ преній. Вліятельные Поляки протестовали, но такъ какъ никто изъ нихъ не зналъ ни слова порусски, то ихъ легко было успокоить, особенно когда въ какомъ-то плохенькомъ лексиконѣ показали, что Русскій царь по французски переводится Roi. Были и кромѣ Поляковъ такіе, которые протестовали; они говорили, что это двуличіе, что титулъ — царь — отзывается какъ бы ложнымъ стыдомъ, боязливостію, даже неискрен-

¹⁶⁾ Правда въ пуншѣ.

ностію, что, на подобіе Австрійскаго государя, прекрасно звучалъ бы титулъ Императорско-королевскаго Всероссійскаго Величества. Однакожь противное мнѣніе одержало верхъ; это была уступка Русскому народному чувству, довольно уже встревоженному дарованіемъ Полякамъ конституціонной хартіи. Тутъ былъ еще расчетъ на малограмотность массы народа. Она не имѣла понятія, что такое конституція и хартія, но видя только, что въ императорскомъ титулѣ къ существовавшимъ царствамъ: Сибирскому, Казанскому и пр. прибыло еще новое, должна было совершенно этимъ успокоиться и даже радоваться.

Разговоры о тогдашнихъ Польскихъ дѣлахъ Новосильцевъ переплеталъ колкими насмѣшками надъ характеромъ народа вообще и надъ разными болѣе выдавшимися личностями. Любимыми жертвами его шутокъ были извѣстные патриоты: Юліанъ Нѣмцевичъ, Юсифъ Выбицкій, Александръ Ходкевичъ, Каєтанъ Козмянъ и Тома Вавржецкій¹⁷⁾. Надъ послѣднимъ онъ особенно острился за его пристрастіе ко всему Литовскому. Когда шли совѣщанія о томъ, какой въ новомъ Царствѣ долженъ быть законъ, то Вавржецкій всѣми силами настаивалъ на введеніи тамъ дѣйствовавшаго въ то время во всѣхъ западныхъ, югозападныхъ, Бѣлорусскихъ и даже Малороссійскихъ губерніяхъ, Литовскаго Статута. До того въ Варшавскомъ герцогствѣ, изъ котораго и образовано было новорожденное Царство, дѣйствовалъ Наполеоновъ кодексъ. Вавржецкій ставилъ Статутъ выше этого кодекса. „О Статутъ Литовскій! (восклицалъ передъ нами Новосильцевъ, передразнивая Вавржецкаго), во всей Европѣ, во всемъ мірѣ нѣтъ закона лучше этого гениальнаго произведенія Льва Сапѣги * Однакожь оставленъ былъ кодексъ, и онъ, какъ извѣстно, большею

частію дѣйствуетъ въ Царствѣ и до сихъ поръ.

Естественно, что въ бесѣдахъ Новосильцева весьма часто сходилъ разговоръ на производимое съ Пусловскимъ дѣло о раззореніи имъ, будтобы, Слонимской экономіи. Въ этихъ случаяхъ положеніе Броньскаго бывало затруднительно. Хотя онъ и былъ убѣжденъ, что навѣтъ Новосильцева и все дѣло, затѣянное его повѣренными, несправедливо и имѣетъ цѣлью лишь то, чтобы сорвать порядочный кушъ съ богатаго Пусловскаго; но онъ, какъ тонкій дипломатъ, не осмѣливался высказать прямо свое убѣжденіе, а съ другой стороны, въ моемъ присутствіи, не могъ и говорить противъ Пусловскаго, которому онъ, Броньскій, былъ много обязанъ и который имѣлъ также сильную протекцію въ Любецкомъ. Между этими Сциллою и Харибдою Броньскій, *le grand aidant*¹⁸⁾, лавировалъ довольно искусно.

О Любецкомъ, въ то время министр финансовъ въ Царствѣ, Новосильцевъ говорилъ съ явною несправедливою, съ заатаенною злобою, но довольно осторожно. Любецкій былъ сила; онъ прославился тѣмъ, что создалъ и въ короткое время поставилъ въ блестящее положеніе финансы Царства, развилъ торговую и фабричную промышленность до неожиданной нѣкъ степени, упрочилъ благосостояніе жителей введеніемъ поземельнаго кредитнаго общества и расширилъ до невѣроятныхъ размѣровъ полезныя для всей страны операціи Польскаго Банка. До того еще Любецкій отличился окончаніемъ, съ неожиданнымъ успѣхомъ и пользою, ликвидаціонныхъ расчетовъ Россіи съ Пруссіею и Австріею, по случаю Еврпейской войны 1813—1815 г. Онъ былъ лично извѣстенъ Государю и вполнѣ имъ оцѣняемъ. Новосильцеву удалось поссорить съ нимъ Великаго Князя, но и это не повело ни къ чему. Любецкій ни въ чемъ не уступилъ и остался цѣль и невредимъ, а своею твердостью и правотою создалъ

¹⁷⁾ Литвинъ, наследовавшій послѣ Косцюшки, въ послѣднія времена Польши, званіе диктатора (начальника народа).

¹⁸⁾ Съ помощью рома.

себѣ такое положеніе, что Константинъ Павловичъ самъ сдѣлалъ первый шагъ для сближенія съ нимъ. Новосильцевъ побаивался его, при томъ зная, что вся провинція, гдѣ онъ находился, родина Любецкаго, стояла за послѣдняго.

Но всякій разъ, когда рѣчь доходила до Чарторижскаго, Новосильцевъ забывалъ свою дипломатію и не могъ удерживать порывовъ обуревавшей его злобы. Лице его, вообще далеко не привлекательное, дѣлалось отвратительнымъ, по истинѣ страшнымъ. Косые глаза его искрились, ротъ искривлялся, синія губы тряслись, и изъ нихъ изливались потоки желчи. Новосильцевъ переставалъ быть человѣкомъ хорошаго общества, онъ унижалъ себя до непарламентарныхъ выраженій. Но это и были одни ругательства: онъ не могъ, или не хотѣлъ, сформулировать никакого положительнаго обвиненія противъ чести Чарторижскаго. (Онъ только упрекалъ его въ неограниченномъ честолюбіи, въ неистовомъ Польскомъ патриотизмѣ¹⁹⁾).

Современникамъ было извѣстно и нѣкоторыми изъ нихъ записано, что Чарторижскій, когда былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и болѣе чѣмъ любимцемъ, *другомъ* Императора Александра 1-го, благопріятствовалъ карьерѣ Новосильцева. Они даже были товарищами по тому комитету, который составлялъ тайный совѣтъ Государя. Во всякомъ случаѣ еслибы къ Новосильцеву не благоволилъ Чарторижскій, то ему легко было устранить немплаго человѣка: онъ кого хотѣлъ выводилъ на сцену, или оставлялъ за кулисами²⁰⁾. Поэтому я не

колеблюсь ненависть къ нему Новосильцева назвать неблагодушною. Онъ не только расходился во взглядахъ съ своимъ большимъ, *старшимъ* товарищемъ, но всячески старался вредить ему, и этого нельзя отнести на счетъ высоко-развитаго въ немъ Русскаго патриотическаго антагонизма. У Новосильцева не было никакихъ убѣжденій; — одинъ колоссальный эгоизмъ. Надъ всѣми патриотизмами, какъ и надъ всѣми вѣрованіями, онъ всегда смѣялся. Это былъ вполне Вольтеровскаго вѣка энциклопедистъ, съ немалую долю собственнаго цинизма.

Что же касается его неблагодарности къ Чарторижскому, то она даже не стоила того, чтобы изъ нея дѣлать особую студию; это вещь, до пошлости, обыкновенная. Кто пожилъ на свѣтѣ и наблюдалъ, тотъ знаетъ, что благодарность есть рѣдчайшее изъ человѣческихъ качествъ, и это естественно въ настоящемъ состояніи нашихъ обществъ. Въ составляющихъ ихъ единицахъ, по тѣмъ или по другимъ причинамъ, развиты до всеобъемлющихъ размѣровъ элементъ гордости и себялюбія. Всѣ такъ себя настроили, что всякія удачи въ жизни приписываютъ однимъ себѣ, своимъ достоинствамъ, неудачи же сваливаютъ на другихъ. Въ такомъ настроеніи для благодарности не можетъ быть мѣста. Все добро, получаемое отъ другихъ, принимается какъ бы за дань, по праву слѣдующую. Признавать чья либо благодаренія было бы унижать себя, и потому понятно озлобленіе обязанныхъ противъ тѣхъ, кому они обязаны. Чрезвычайно рѣдкіе примѣры благодарности встрѣчаются лишь между лицами двухъ категорій: простодушныхъ, людей сердца, и людей на столько высшихъ, что у нихъ интеллигенція, выходи хотя и не отъ

¹⁹⁾ Эта ненависть къ Чарторижскому въ глазахъ нашихъ дѣлаетъ честь Н. Н. Новосильцеву. Читатели наши припомнятъ переписку Чарторижскаго, напечатанную въ Русскомъ Архивѣ 1871 года, и поймутъ, какъ долженъ былъ относиться къ нему человѣкъ видный близко его козлы, стоявшій почти рядомъ съ нимъ подлѣ Трона и иезуитскими ухищреніями поставленный въ необходимость молчанія. *Н. Б.*

²⁰⁾ Авторъ конечно ошибается. Если кому обязанъ былъ Новосильцевъ своимъ воз-

вышеніемъ, то конечно другу государеву и своему родственнику, графу П. А. Строганову. Упомянутыя авторомъ напоминаютъ похвальбу Густава III-го, который выставлялъ передъ Екатериною въ видѣ заслуги своей передъ нею то, что онъ не заключилъ союза съ Пугачевымъ. *Н. Б.*

одной точки отправленія съ сердцемъ, но на извѣстной высотѣ, сходится съ его иррадіаціями: ибо, по нашему убѣжденію, любовь (которой органомъ, незнаю по чему, считаемъ сердце) и всѣ изъ любви вытекающія чувства, есть вмѣстѣ и врожденная стихія лучшихъ натуръ, и самая высшая степень, вѣнецъ интеллигенціи. Поэтому неудивительно, что люди безсердечные, или недостигшіе конечной высоты разума, неспособны къ благодарности. Что у Новосильцева не было сердца, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся его жизнь; а что разуму его, хотя обширному, недоставало возвышенности, доказывается его циническимъ безвѣріемъ, котораго, въ своемъ провинціальномъ *неглиже*, онъ и не скрывалъ предъ нами. По всѣмъ этимъ премиссамъ, то, что за добро онъ платилъ злобою и ненавистью, было естественно и даже неминуемо.

Новосильцевъ тогда уже намекалъ, что Чарторижскій (въ то время еще попечитель Виленскаго учебнаго округа) развращаетъ политически учащуюся молодежь, особенно университетскую. Это, какъ послѣ оказалось, были только прелюдіи, только прологъ той грустной мелодрамы, которая въ слѣдующихъ за 1822 годахъ разыгралась съ Виленскими студентами. Но тогда, на *convegatione* у Броньскаго, никто въ этихъ намекахъ не могъ еще доискаться задней мысли и истинной ихъ цѣли. По этому я, какъ недавній Виленскій студентъ, считалъ своимъ долгомъ вступаться за свою „*alma mater*“. Я говорилъ, что въ мое время ничего политическаго не было и въ мысли студентовъ, что Чарторижскій, одинъ разъ при мнѣ прѣзжавшій въ Вильну, оставался короткое время, посѣщалъ лекціи, задавалъ намъ вопросы, и по видимому занимался одними науками. На это заявленіе сенаторъ отвѣчалъ двусмысленною улыбкою, значившею, что вы-де, г. кандидатъ философіи, или очень недалекъ-видны, или очень хитры и прекрасно играетъ комедію.

Новосильцевъ, какъ уже сказано, слегка подшучивалъ надъ паническимъ страхомъ Государя на счетъ карбонаризма и вторженія его въ Россію. Онъ этимъ подавалъ видъ, какъ будтобы не раздѣляетъ этихъ опасеній; но быть можетъ, что по старой привычкѣ дипломата, онъ не высказывалъ своей на этотъ счетъ мысли. Мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, что этотъ предметъ занимаетъ его болѣе, чѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы это замѣчали. Нѣтъ невозможнаго, что чрезъ своихъ шпионовъ, которыхъ всегда было при немъ по нѣскольку, онъ развѣдывалъ подъ рукою о настроеніи умовъ въ провинціи, а передо мною нарочно разыгрывалъ роль совершенно спокойнаго. Онъ зналъ о моихъ связяхъ съ молодымъ поколѣніемъ и чрезъ меня, быть можетъ, хотѣлъ увѣрить молодежь, что отъ него опасаться нечего, дабы этимъ, если что нибудь скрывается, вызвать усыпленныхъ на какой нибудь неосторожный поступокъ. Между тѣмъ, какъ видно, Новосильцевъ тогда уже замышлялъ воспользоваться преслѣдованнымъ Государя (по его выраженію) кошмаромъ, для главной своей цѣли, окончательно погубить Чарторижскаго въ мнѣніи Монарха ²¹⁾.

Кстати о карбонаризмѣ. Извѣстно, что въ 1821 году наши войска посланы были въ помощь королю Неополитанскому въ борьбѣ его съ революціею Пепе; но они не дошли еще до мѣста, какъ въ данномъ королевскими войсками сраженіи революціонеры были разбиты на голову (они убитыми потеряли 60 чело-вѣкъ) и всѣ разбѣжались; первый убѣжалъ самъ герой Пепе. Войска наши получили приказаніе возвратиться. Въ

²¹⁾ Лучшимъ опроверженіемъ этихъ словъ служить вышеуказанная переписка Чарторижскаго съ Александромъ Павловичемъ, напечатанная нами нарочно безъ всякихъ пропусковъ. Изъ нея ясно видно, что не постороннія вліянія, а переполненная мѣра терпѣнія и наглое іезуитство Чарторижскаго были виною того, что Государь, къ счастью Россіи и къ своему успокоенію, отбросилъ отъ себя прочь Польскаго змія. И. Б.

то самое время и Государь, возвращаясь съ конгресса въ Петербургъ, проѣзжалъ чрезъ Слонимъ. Надо сказать, что на городъ Слонимъ, чрезъ Нарву, Митаву, Ригу, Вильну, шелъ тогда самый главный трактъ, дорога изъ Петербурга въ западную Европу. Императоръ Александръ, такъ много въ то время путешествовавшій, часто проѣзжалъ чрезъ Слонимъ, но никогда тамъ не останавливался. По своему маршруту Государь ночевывалъ на второй станціи отъ города, въ Ружанѣ, мѣстечкѣ князя Сапѣги, у тамошняго приходскаго священника Бобровича, котораго очень любилъ; но разъ прѣѣхавши засталъ его пьянымъ и съ тѣхъ поръ измѣнилъ маршрутъ и ночевывалъ уже на слѣдующей станціи, Межевичи (I).

Въ этотъ проѣздъ Александра Павловича, былъ въ Слонимѣ Новосильцевъ и встрѣтилъ Государя у почтовой станціи, гдѣ перепрягали лошадей. Тутъ же стояли предводитель Бронскій, городничій и я. Государь, выйдя на минуту изъ коляски, привѣтствовалъ Новосильцева и сказалъ: „Неаполитанцы скверный народъ, не хотѣли со мною драться.“ Новосильцевъ представилъ предводителя. „Ваша фамилія?“ спросилъ царь. „Бронскій“. — „Какъ, Броневскій?“ — „Бронскій, Ваше Величество“. Этимъ разговоръ кончился, но эти Бронскій и Броневскій повторялись въ каждый проѣздъ Государя.

И еще, кстати о карбонаризмѣ, расскажу одинъ эпизодъ изъ пребыванія Новосильцева въ Слонимѣ, лично меня касающійся и доказывающій, что Новосильцевъ тогда уже имѣлъ секретную политическую миссію и что карбонаризмъ онъ трактовалъ не такъ легко, какъ хотѣлъ, чтобы это думали.

По моей должности секретаря предводительской канцеляріи, я имѣлъ очень много работы, такой работы, которой теперь и не существуетъ по этой части. Я имѣлъ одного помощника, и то мало способнаго. Мнѣ доставалось работать по цѣлымъ днямъ и часто по цѣ-

лымъ ночамъ. Я уставалъ такъ, что принужденъ былъ каждую недѣлю, въ субботу вечеромъ, ѣздить для отдыха въ деревню, за 15 верстъ къ матушкѣ или за 3 версты къ дядѣ, возвращаясь на службу раннимъ утромъ въ понедѣльникъ. Я позволялъ себѣ это и въ большіе праздники; и наканунѣ лѣтняго торжественнаго праздника Бернардинскаго ордена, называемаго *Portiunculum*, я поѣхалъ къ матушкѣ.

Новосильцевъ былъ любитель нетолько вина и рома, но и прекраснаго пола. Въ пребываніе его въ Слонимѣ, правда, не было извѣстно, чтобы онъ имѣлъ что называется „une maîtresse en titre“; онъ не бывалъ и въ домахъ, гдѣ бывали красивыя женщины, но все таки любилъ заглядывать подъ шляпки и не упускалъ случаяевъ, гдѣ могъ, посмотреть на „хорошенькихъ“. Въ городѣ и уѣздѣ было ихъ немало, и все это должно было съѣхаться на „фестъ“ къ отцамъ Бернардинамъ въ церковь, въ центрѣ города. Новосильцевъ отправился туда и попалъ къ началу обѣдни. Въ церкви всѣ скамейки были заняты разряженными Слонимянками. Нашъ любитель изыскаго пробрался сквозь толпу и сталъ между двухъ рядовъ скамеекъ. Насладившись въ волю лицедрѣніемъ красавиць, онъ уже поворотился было къ выходу, когда, какъ на бѣду, въ серединѣ обѣдни, послѣ „Credo“, изъ за алтаря вышелъ какой-то прѣзжій огромнаго роста Бернардинъ, въ нарядѣ проповѣдника и обратилъ его вниманіе. Монахъ направился къ амвону, и сенатору вздумалось послушать его проповѣдь.

Проповѣдникъ говорилъ о просвѣщеніи и, судя по разсказу Новосильцева, рѣчь его была очень либеральна. Въ ней были мѣста, обратившія особенное вниманіе сановитаго слушателя, будущаго попечителя учебнаго округа. Монахъ между прочемъ сказалъ, что тма есть орудіе неволи, налагающей оковы на дражайшій даръ Божій, человѣческую свободу, и что одно лишь полное

просвѣщеніе можетъ сокрушить эти око-
вы и возвратитъ свободу человѣку, на
которую онъ, по своему качеству сына
Божія, искупленнаго Іисусомъ Христомъ,
имѣетъ неотъемлемое право.

Прямо изъ церкви сенаторъ зашелъ
къ Броньскому и засталъ у него гостей,
нѣсколько человѣкъ помѣщиковъ. Тутъ
при всѣхъ сказалъ онъ съ своимъ Вольте-
ровскимъ риктусомъ: „Поздравляю васъ,
г. предводитель, я не ожидалъ найти въ
вашемъ уѣздѣ такой прогрессъ. Если
ваши Бернардины ²²⁾ такъ развиты,
какъ тотъ, котораго проповѣдь я сей-
часъ слышалъ, то на какой степени ци-
вилизации должны стоять болѣе образо-
ванные классы?“ За тѣмъ онъ по сво-
ему рассказалъ сущность проповѣди, и
вѣроятно въ его вольномъ переводѣ,
при недостаточномъ знаніи Польскаго
языка, рѣчь бѣднаго священника при-
няла другое значеніе: то, что онъ ра-
зумѣлъ о духовной и нравственной сво-
бодѣ и о религіозномъ просвѣщеніи, бы-
ло перетолковано въ житейскій и поли-
тическій смыслъ.

Какъ бы то ни было, по всему было
видно, что проповѣдь Бернардина глу-
ко подѣйствовала на сенатора. Предво-
дитель, Броньскій, по обыкновенію, от-
дѣлывался двусмысленными шуточка-
ми; но въ числѣ его гостей былъ одинъ,
который, заискивая въ расположеніи Но-
восильцева и имѣя еще другую цѣль,
пустился въ разглагольствованія объ
опасномъ направленіи духа времени, о
предосудительномъ образѣ мыслей мо-
лодежи и т. п. Сенаторъ недолго оста-
вался у Броньскаго, а въ слѣдъ за нимъ
пошелъ и этотъ господинъ, помѣщикъ
и даже мой сосѣдъ по деревнямъ. Онъ
прямо отправился къ Новосильцеву и
сказалъ ему. „Вы, г. сенаторъ, очень
справедливо обратили вниманіе на се-
годняшнюю проповѣдь. Но знайте, что

бѣдные Бернардины тутъ ни при чемъ;
самъ проповѣдникъ, быть можетъ, и не
понималъ того, что говорилъ. У насъ,
въ нашемъ и въ нѣсколькихъ смежныхъ
уѣздахъ, есть цѣлое агенство карбона-
ровъ, распространяющее всѣми средст-
вами и всѣми путями революціонный
духъ. Главные дѣятели: молодой П.
(тутъ онъ назвалъ меня) и его дядя Б.
Я имѣю даже нѣкоторыя данныя, по ко-
рымъ увѣренъ, что проповѣдь написалъ
П., а самъ нарочно уѣхалъ, чтобы не
быть въ церкви, когда она говорилась.
Онъ уже не разъ дѣлалъ подобныя шту-
ки; въ такомъ же духѣ пописывалъ онъ
въ Виленскихъ журналахъ“ и т. п. Но-
восильцевъ поблагодарилъ донощика, но
подалъ видъ, какъ будто не совсѣмъ по-
вѣрилъ сказанному имъ и прибавилъ,
что знаетъ меня лично.

Однако въ этотъ же день секретарь
Новосильцева Гомзинъ (единственный
честный человѣкъ изъ его свиты) от-
правился къ предводителю и объявилъ
ему *официально*, что сенаторъ поручилъ
ему пересмотрѣть мои бумаги, но такъ
чтобы ни я, и никто въ городѣ объ этомъ
не узналъ. Выславши подъ разными
предлогами моего помощника и всю
прислугу, Гомзинъ съ предводителемъ,
не мало испуганнымъ, отправились на
поиски въ канцелярію, гдѣ была и моя
квартира. Въ шкапу съ моими частны-
ми бумагами замокъ былъ поврежденъ,
и всякій разъ, уѣзжая изъ города, я
запечатывалъ дверцы бумажкой съ дву-
мя облатками. Съ большою осторожно-
стью перебрали не только мои частныя
бумаги, но и всѣ дѣла, по листамъ и,
разумѣется, не нашли ничего. Но для ме-
ня это было *не ничего*: они прочитали мою
интимную переписку съ одною молодою
дѣвушкою. Послѣ того Гомзинъ не разъ
подшучивалъ надо мною по случаю мо-
ихъ сердечныхъ дѣлъ, и я терялся въ
догадкахъ, какъ они ему стали извѣстны,
когда мы ихъ такъ хорошо скрывали.
Къ счастью, тетрадку съ бѣглыми за-
писками о Новосильцевѣ я взялъ съ со-

²²⁾ Бернардины, орденъ ниществующей (мен-
дической) живущій однимъ подаяніемъ, считал-
ся менѣе образованнымъ, чѣмъ другіе мона-
шескіе ордены, имѣвшіе поземельную собст-
венность и капиталы.

бою въ деревню, для дополненія послѣднимъ разговоромъ у Броньскаго.

Гомзинъ отрапортовалъ о результатѣ *перлюстраціи* и прибавилъ отъ себя благоприятный обо мнѣ отзывъ. Мы часто встрѣчались съ нимъ въ одномъ домѣ, гдѣ онъ ухаживалъ за хозяйкой, и онъ засвидѣтельствовалъ предъ сенаторомъ, что я былъ похвального образа мыслей и отъявленный противникъ всякихъ революціонныхъ помысловъ, что впрочемъ и была правда.

Возвратившись въ понедѣльникъ въ городъ, я нашелъ мой шкафъ по прежнему запечатаннымъ, а печатей не осматривалъ. Всѣ бумаги были на мѣстѣ. Только когда потребовались дѣла, то я замѣтилъ въ нихъ нѣкоторый беспорядокъ, но и это не возбудило во мнѣ подозрѣнія, такъ какъ въ шкафъ съ дѣлами ходилъ мой помощникъ. И такъ и ничего не зналъ изо всего, что безъ меня происходило. Только чрезъ 26 лѣтъ послѣ этого случая рассказалъ мнѣ его тестъ того чиновника, который дѣлалъ обыскъ, сенаторъ А. П. Дмитріевъ. Николай Николаевичъ продолжалъ быть по прежнему любезнымъ со мною. Предводитель же ничего мнѣ не сказалъ, потому что, какъ я послѣ узналъ, Новосильцевъ, не имѣвшій еще тогда никакого офіціального характера въ тамошнемъ краѣ, формально требовалъ тайны.

Но каковъ тотъ прекрасный господинъ, который затѣялъ всю эту кутерьму съ цѣлью ложнымъ доносомъ погубить молодого человѣка въ самомъ началѣ поприща? И что его побудило къ такому гнусному поступку? А вотъ что: онъ зналъ, что на приближавшихся дворянскихъ выборахъ я буду принадлежать къ противной ему партіи, я же располагалъ десятью голосами единомышленниковъ; а ему хотѣлось быть избраннымъ въ одну изъ губернскихъ должностей. Онъ себя воображалъ, что ему повѣрятъ на слово, а меня, еще во время для осуществленія его плановъ, сошлютъ куда нибудь. Расчетъ былъ довольно правдоподобный; онъ почти

навѣрно полагалъ, что сдѣлаютъ обыскъ и найдутъ что нибудь недоброе, хоть бы какіе нибудь стишки, ходившіе тогда по рукамъ; а тогда съ Великимъ Княземъ не шутила! Кто никогда не участвовалъ въ выборахъ, тотъ не пойметъ этого поступка, не можетъ составить себѣ понятія, до какихъ чудовищныхъ размѣровъ доходятъ затаенны провинціальныхъ озлобленія между враждующими партіями. По возвращеніи изъ Университета, я разъ уже голосовалъ въ своемъ уѣздѣ, и съ тѣхъ поръ дразги мелкихъ интригъ и всякихъ сплетней, кишѣвшихъ между дворянами, за долго еще до срока, омерзительныя заискиванія кандидатовъ, наконецъ обстановка процесса вполне разочаровали меня на счетъ самаго выборнаго начала, особенно когда я убѣдился, что, именно вслѣдствіе такихъ интригъ, результаты никогда почти не соотвѣтствуютъ убѣжденію и желанію большинства. Съ тѣхъ поръ навсегда опротивили мнѣ и потеряли разумное значеніе всякіе выборы, начиная съ засѣдателей бывшаго нижняго земскаго суда и до императора Французовъ.

Возвратимся къ бесѣдамъ Новосильцева за пончомъ у Броньскаго. Послѣдній спрашивалъ, какъ это случилось, что при образованіи Царства Чарторижскій не былъ назначенъ намѣстникомъ? Всѣ знали о дружбѣ его съ Государемъ, и никто не сомнѣвался въ этомъ назначеніи. „Дружба, дружба! (отвѣчалъ съ своимъ риктусомъ Новосильцевъ) „*tempi passati, cher maréchal, les jours se suivent et ne se ressemblent pas*“²³⁾. Тутъ онъ сталъ говорить, что Чарторижскій самъ повредилъ себѣ излишнею самоувѣренностію; Государь *узналъ*, что онъ заранѣе дѣлаетъ приготовленія къ занятію этого поста, что даже раздаетъ своимъ приближеннымъ

²³⁾ Времена прошедшія, любезный предводитель. Дни слѣдуютъ одинъ за другимъ, и не походятъ одинъ на другой.

мѣста и титулы, и т. п. При томъ Императору не безызвѣстны были дѣйствія по учебному округу, гдѣ по вдохновенію попечителя заботились не столько о наукахъ, сколько о сохраненіи въ молодежи *le feu sacré de l'ultrapolonisme* ²⁴⁾. Великій Князь также терпѣть не могъ Чарторижскаго. Да и было бы не согласно съ здоровою политикою имѣть въ Царствѣ намѣстникомъ потомка такого рода, который въ прежнія времена не разъ посягалъ на Польскій престолъ. Потомокъ этотъ не преминулъ бы усвоить себѣ приемы и разыгрывать роль царственной особы, въ ожиданіи того, когда показалось бы ему, что наступила пора провозгласить себя королемъ ²⁵⁾.

Во всемъ этомъ, какъ всякій видитъ, насквозь просвѣчивали интрига самого же Новосильцева и его наговоры Императору и Великому Князю ²⁵⁾. Чарторижскій, удалившійся отъ двора и не бывъ ни въ чемъ открыто обвиняемъ, не могъ ни защищаться, ни оправдываться. Назначенъ былъ, какъ извѣстно, намѣстникомъ въ Царствѣ Польскомъ Заіончекъ, старый, изувѣченный (безъ ноги) Польско-французскій генералъ, происходящій изъ мелкой шляхты, больше чѣмъ на половину офрануженный, женатый даже на Француженкѣ, впрочемъ человекъ смиренный и не дальняго ума, однимъ словомъ, такой, какого нужно было Новосильцеву, для исполненія безпрекословно всѣхъ его внушеній. Прочіе министры, кромѣ Любецкаго, были подобраны подъ стать Заіонченку.

Новосильцевъ вообще не одобрялъ конституціонныхъ формъ правленія, пожалованныхъ Императоромъ новому царству, а въ особенности свободы пе-

²⁴⁾ Священный огонь крайней польщизны.

²⁵⁾ Мы признаемъ въ нашей недалекзорности и считаемъ эти слова бездоказательными. Ближайшее знакомство съ біографіею Александра Павловича показываетъ, напротивъ, что именно въ это время Новосильцевъ уже не былъ другомъ Государя и едва ли имѣлъ случай для частныхъ бесѣдованій съ нимъ.

И. Б.

чати. Сейму, какъ извѣстно, не было предоставлено парламентской инициативы, то есть, что никто изъ депутатовъ отдѣльно, и сеймъ въ полномъ составѣ, или его большинство, не имѣли права предлагать проекты. Всѣ проекты исходили отъ правительства, и сеймъ могъ только разбирать и дебатировать ихъ, и въ самыхъ основаніяхъ, и отдѣльно по статьямъ, принимать или отвергать ихъ. Новосильцевъ говорилъ, что рѣчь была о томъ, чтобы Польскому парламенту предоставить и законодательную инициативу. Этого сильно домогались вліятельные Поляки: Нѣмцевичъ, Вавржецкій, Выбицкій, Ходкевичъ и др.; но Государь послушался болѣе здравыхъ совѣтовъ, основанныхъ на знаніи исторіи и народнаго характера Поляковъ. По мнѣнію Новосильцева, и того, что имъ было дано, слишкомъ много; они сѣмѣютъ злоупотребить и этимъ. „Государю хотѣлось сдѣлать *experimentum in anima sibi* ²⁶⁾, но этотъ опытъ не удался. Симптомы этого теперь уже являются“.

Къ сожалѣнію, предсказанія эти скоро начали сбываться. Въ Варшавѣ стали печатать такія вещи, что необходимо было ввести цензуру. Сеймъ въ своей сторонѣ отличался въ томъ же духѣ. Подъ предводительствомъ братьевъ Немоіовскихъ и другихъ, составила безразсудная оппозиція, со временемъ увлекшая за собою и большинство сейма. Всѣ проекты правительства отвергались. Въ дискуссіи по одному изъ нихъ (объ ограниченіи разводовъ между супругами) Винцентій Немоіовскій позволилъ себѣ личную, весьма неумѣстную, выходку противу Государя. Всего хуже то, что въ этомъ мало было искренняго убѣжденія, все дѣлалось для эффекта, изъ безразсуднаго тщеславія. А въ этой погонѣ за эффектомъ много виноватъ былъ прекрасный полъ. Подобные Немоіовскому энергумены въ салонахъ высшаго Варшавскаго свѣта принимали

²⁶⁾ Опытъ на живомъ тѣлѣ.

лись, какъ какіе нибудь герои. На засѣданія палатъ допускалась публика, и большинство ея составляла женская аристократія. Всякая оппозиціонная выходка вызывала громкіе знаки одобренія и чѣмъ рѣзче была эта выходка, чѣмъ извительнѣе насмѣшка надъ правительствомъ, тѣмъ громче дамы кричали *bravo*, тѣмъ усерднѣе махали платками. Нужно было положить этому конецъ, и въ одномъ изъ 1820-хъ годовъ изданъ былъ высочайшій указъ о недопущеніи публики на засѣданія.

Такъ мало по малу ограничивались свободы, дарованныя хартією 1815 года. Поляки называли это нарушеніемъ конституціи и, въ послѣдствіи, этимъ оправдывали возстаніе 17 Ноября 1830 года, не сознавая, что всему этому виноваты были сами. Не правительство первое, а они первые нарушили конституцію, злоупотребляя предоставленными имъ свободами. Стѣснительныя мѣры вызваны были необходимостію прекратить скандалъ и, по всей справедливости, если можно было упрекнуть въ чемъ нибудь правительство, то развѣ въ излишнемъ долготерпѣніи, такъ какъ дурной примѣръ извращалъ все болѣе и болѣе бурный народный характеръ и настраивалъ на тотъ же діапазонъ умы въ западномъ и югозападномъ краѣ.

Изъ сказаннаго можно заключить, что пребываніе Новосильцева въ такомъ городкѣ, какъ Слонимъ, продолжавшееся иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, могло имѣть административно-политическую цѣль. Но можно также думать, что Слонимъ былъ его Капуа, куда онъ удалялся изъ Варшавы, дабы, за глазами Великаго Князя, свободно предаваться своей преобладающей страсти. Ямайскіе вечера у Броньскаго были только какіе бы прелюдія къ систематическимъ попойкамъ, которыя онъ, по всѣмъ правиламъ искусства, устраивалъ нерѣдко у себя и которыя продолжались по нѣскольку сутокъ. Для этого онъ избиралъ себѣ изъ мѣстныхъ жителей уѣзда, безъ разбора чиновъ и общественнаго

положенія, кого нибудь одного такого, о которомъ шла хорошая Ваххическая слава. Однимъ изъ наслажденій Новосильцова было *перепивать* такого силача. Когда таковой былъ найденъ, то всѣ дѣла откладывались, гостепріимный савонникъ запирался съ товарищемъ герметически, и тутъ выступало изъ береговъ разливное море всякихъ винъ, ромовъ, араковъ, коньяковъ. Всѣ тогда въ городѣ знали „*que le roi s'amuse*“²⁷⁾; никто не смѣлъ беспокоить его никакими дѣлами, свита расходилась и развѣзжалась во всѣ стороны дня на три, на четыре.

Такимъ образомъ Новосильцевъ наполнилъ буквально до смерти помѣщика Павла Шумовича, слышпаго за самую крѣпкую голову. Но послѣ него онъ напалъ таки на своего. Это былъ приходскій священникъ мѣстечка Молчади, всендѣзъ Родзевичъ. Онъ постоянно, во всѣхъ подобныхъ состязаніяхъ, перепивалъ Новосильцева и, когда тотъ лежалъ уже безъ чувствъ, достойный пастыръ являлся въ городѣ у знакомыхъ бодрыми и почти трезвыми. Самъ сенаторъ смиренно признавалъ его своимъ побѣдителемъ.

Почти тоже самое случалось съ княземъ Францискомъ Сапѣгою, когда тотъ изъ своего Деречина пріѣзжалъ погостить у Новосильцева. Сапѣга, какъ и сенаторъ, долго жилъ въ Англіи и тамъ вытенировался въ благородномъ искусствѣ хорошо пить. За обѣдомъ пились только вина, любимыя Англичанами; непосредственно же послѣ кофея хозяинъ и гость помѣщались за столикомъ, на которомъ являлся одинъ огромный графинъ рома, другой воды и сосудъ съ мелкимъ сахаромъ. Но послѣдній былъ предназначенъ не для князя, который всегда пилъ *Cold-without*²⁸⁾. Тутъ шла оживленная бесѣда, оба были люди умные, остроумные, въ полномъ смыслѣ космополиты, безъ всякихъ предразсуд-

²⁷⁾ Что король увеселяется.

²⁸⁾ Холодный грогъ безъ сахару.

ковъ, какъ истые представители энциклопедистскаго вѣка, и оба много видали въ жизни. Не мудрено, что дуэтъ продолжался до позднего вечера и что графинъ съ ромомъ имѣлъ еще своего премника. Но всегда оканчивалось тѣмъ, что Сапѣга, уложивши своего „собутыльника“, приходилъ прямо отъ него къ Броньскому и рассказывалъ о своей побѣдѣ (II).

Всякій разъ, когда Сапѣга гостилъ у Новосильцева, они оба заходили къ Броньскому; тогда бесѣда еще болѣе оживлялась. Сапѣга былъ неистощимъ въ разсказахъ и островахъ. Онъ безпощадно смѣялся надъ учрежденіемъ Царства Польскаго. „Эта игрушка, эта идиллія поэтическаго воображенія Александра (говорилъ онъ) дорого будетъ стоить Россіи“. Особенно онъ осмѣивалъ добродушіе, съ которымъ Царству дарована была собственная, почти 40 тысячная армія. На одной изъ такихъ бесѣдъ былъ и начальникъ Литовской уланской дивизіи генералъ Влодекъ (III). При немъ и указывая на него, Сапѣга обратился къ Новосильцеву и сказалъ: „Вотъ еще образчикъ вашей глубокой политикки. Мало того, что составили Польскую армію, еще одинъ цѣлый корпусъ назвали *Литовскимъ*, и одѣли его въ мундиры національныхъ Польскихъ цвѣтовъ: синий съ малиновымъ, синій съ желтымъ и т. д. Вамъ вѣрно хотѣлось, чтобы и Литовцы не забывали о своей уни, о своей солидарности съ Поляками. Не удивляйтесь же послѣ того ничему, что случится, а случится непременно“. Тутъ Новосильцевъ и Влодекъ старались, хотя и слабо, протестовать, но неугомонный Сапѣга, обратясь къ послѣднему, сказалъ: „Помилуйте, генералъ, хотя вы и не принадлежите къ составу Польской арміи, но вы съ вашей дивизіей такое же Польское войско, какъ и то, которое въ Варшавѣ. Вы сами здѣшній уроженецъ и помѣщикъ. Кромѣ четырехъ-пяти Русскихъ, всѣ ваши офицеры и солдаты Поляки или Литовцы; изъ Русскаго языка въ вашей дивизіи остались

только слова команды; во всей дивизіи не говорятъ иначе, какъ попольски; вы сами ни въ службѣ этимъ языкомъ разговариваете съ офицерами. Въ ихъ кругу говорить порусски считается дурнымъ тономъ“. Влодекъ опустилъ голову, отвѣчать было нечего; а Броньскій вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что надобно надѣяться, что Поляки наконецъ образумятся и останутся довольны и благодарны за то что для нихъ сдѣлано.

Въ Маѣ 1822 г. случилось такъ, что дядѣ моему Б., человѣку очень достаточному, угрожало лишеніе всего состоянія, по дѣлу, производившемуся тогда въ Петербургѣ въ государственномъ контролѣ. Дѣло это было съ его стороны какъ нельзя болѣе правое, но по особымъ обстоятельствамъ принимало уже очень неблагоприятный оборотъ. Я разскажу, быть можетъ, особо очень замѣчательныя подробности этого дѣла и болѣе еще замѣчательное оригинальное обстоятельство, по которому я его выигралъ.

Петербургъ для всей Литвы былъ тогда terra incognita. Никто изъ насъ не имѣлъ тамъ никого знакомаго. Во всемъ кругѣ нашихъ мѣстныхъ отношеній я одинъ, по моей должности, обязанъ былъ знать и знать немного порусски, словомъ, я одинъ могъ въ этомъ случаѣ помочь дядѣ. Медлить нельзя было; наконецъ матушка приказала мнѣ исполнить просьбу дяди. Въ Іюнь тогожь года я взялъ отставку и собрался ѣхать.

Естественно я рѣшился просить Новосильцева дать мнѣ наставленіе и рекомендательныя письма. Онъ былъ въ этомъ случаѣ очень любезенъ; сказалъ, что лучшая рекомендація была бы къ государственному контролеру, барону Кампенгаузену, но онъ съ нимъ почти незнакомъ. Онъ далъ мнѣ два письма, одно къ управлявшему тогда Придворною Конторою Альбедилу, а другое къ известному въ свое время дѣльцу, сенатскому оберъ-секретарю, а въ то время оберъ-контролеру одного изъ департаментовъ контроли, Меглану. Не нуж-

но, кажется, прибавлять, что письмо къ первому чину Двора не послужило ни къ чему, и что только второе оказало дѣйствительную пользу. У меня былъ еще въ резервъ членъ Государственнаго Совѣта, почтенный Василій Сергѣевичъ Ланской. Я не нуждался къ нему ни въ какой рекомендаціи: это былъ большой другъ покойнаго моего отца, также какъ и Пусловскаго и Любецкаго. Онъ подружился съ ними въ то время, когда былъ Гродненскимъ губернаторомъ.

При прощаніи, Новосильцевъ спросилъ меня, поѣду ли я на Вильну и когда я отвѣчалъ утвердительно и что долженъ сказать тамъ нѣсколько дней, сенаторъ сказалъ, что и онъ на дняхъ поѣдетъ въ Вильну, гдѣ будетъ въ первый разъ; поэтому просилъ указать гостинницу, гдѣ бы ему остановиться. Собственно того, что называется гостинница, въ Вильнѣ тогда почти не было, но можно было нанять въ частныхъ домахъ меблированныя квартиры. Я указалъ на домъ аптекаря Велька на Нѣмецкой улицѣ.

На третій день послѣ этого, я отправился въ дорогу и доѣхалъ благополучно до послѣдней предъ Вильною станціи, Единины. Но тамъ смотритель объявилъ мнѣ, что лошадей не дастъ, потому что каждый часъ ожидаютъ проѣзда Великаго Князя Константина Павловича въ Вильну. Напрасно я его увѣрялъ, что видѣлся съ Новосильцевымъ, что и рѣчи не было о путешествіи Великаго Князя. Смотритель былъ непреклоненъ. Я долженъ былъ цѣлый день просидѣть и ночевать на станціи. Это пребываніе осталось у меня въ памяти, потому что, для развлечения въ моей тоскѣ, смотритель далъ мнѣ книгу „Тысяча и одна ночь“ въ плохомъ Польскомъ переводѣ, и я впервые познакомился съ этимъ классическимъ сочиненіемъ, прочитавъ весь первый томъ.

На слѣдующее утро я искренно обрадованъ былъ прибытіемъ на станцію Новосильцева, ѣхавшаго со свитой въ Вильну. Я предчувствовалъ, что онъ меня освободитъ изъ заточенія. Que faites

vous ici? ¹⁾ воскликнулъ сенаторъ, увидѣвши меня. Я ему рассказывалъ причину моей остановки; онъ засмѣялся и сказалъ: c'est un malentendu ²⁾. Позвали смотрителя, оробѣвшаго, когда онъ увидѣлъ, что я знакомъ съ сенаторомъ. Новосильцевъ велѣлъ дать мнѣ лошадей и сказалъ, что Великій Князь вовсе не поѣдетъ. Въ Вильнѣ я былъ у Новосильцева; онъ благодарилъ меня за указанную квартиру, которою былъ очень доволенъ, хвалилъ городъ и окрестности. Тогда было вакантное время Университета, студентовъ было мало, провинціи вся разъѣхалась, оставались одни городскіе. Я провелъ нѣсколько дней съ этими товарищами, знакомыми и родными. Только что вышли изъ печати два томика перваго изданія стиховъ Мицкевича; самого его не было, онъ былъ уже въ Ковнѣ учителемъ Польской словесности въ тамошней гимназіи. Я пораженъ былъ гениальностію этого молодого, скромнаго человѣка, съ которымъ въ Университетѣ сидѣлъ на одной скамейкѣ, но не былъ близко знакомъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ завязалась у меня съ Мицкевичемъ тѣсная дружба, когда онъ жилъ въ Петербургѣ. (См. главу III-ю, Воспоминанія о Мицкевичѣ).

Я уже собрался было въ дальнѣйшій путь и, запасшись еще нѣсколькими письмами Виленскихъ жителей къ Петербургскимъ знакомымъ, долженъ былъ ѣхать на другой день. Была прекрасная погода, и къ тому еще какой-то праздникъ. Всѣ Вильняне были на улицахъ и площадяхъ. Пообѣдавши съ тремя бывшими товарищами, мы отправились гулять въ ботанической садъ; надобно было пройти всю Большую и Замкобѣую улицу. Идемъ, разговариваемъ, встречаемъ много знакомыхъ. Только вдругъ, вижу я издалека ярко алѣющую намъ на встрѣчу, хорошо знакомую физиономію. Съ конца Замкобѣой улицы идетъ мой сенаторъ зигзагами, спотыкаясь на каж-

¹⁾ Что вы здѣсь дѣлаете?

²⁾ Это недоразумѣніе.

домъ шагу, останавливаясь и оглядываясь на всѣ стороны. Онъ былъ во фракѣ съ звѣздами, въ бѣломъ галстукѣ; на немъ альмавива, распахнутая и влачащаяся по землѣ. Въ маломъ городѣ всякая новая фигура обращаетъ вниманіе, но эта обратила бы его и въ большомъ. Въ Вильнѣ никто еще не зналъ Новосильцева. Съ большимъ беспокойствомъ вижу я, какъ прохожіе разсматриваютъ его и отходятъ съ усмѣшкою. Наконецъ и мои товарищи увидѣли его и показываютъ мнѣ. Одинъ говоритъ: „Посмотри, пожалуйста, что это за чучело?“ Въ эту минуту я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю. Я норовилъ своротить въ сторону, но боковой улицы не было, а товарищи не пустили перейти черезъ улицу. Вдругъ сенаторъ увидѣлъ и узналъ меня. Онъ остановилъ нашу группу и говоритъ мнѣ пофранцузски: „Какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ, m-r P.; я обѣдалъ у Корсакова (военнаго губернатора) и вообразите, выйдя отъ него, заблудился, да еще забылъ улицу и домъ, гдѣ живу. Будьте такъ добры, доведите меня“. Тутъ безъ церемоніи беретъ меня подъ руку. Я извинился предъ товарищами и пошелъ съ моимъ сановникомъ обратно на Нѣмецкую улицу. Простившись съ нимъ въ Слонимѣ, могъ ли я думать, что мнѣ придется еще разъ въ жизни оказать ему такую же услугу, какую я тамъ столько разъ оказывалъ! Здѣсь же на бѣду и Петручка не было. Можно себя представить мое положеніе въ такой компаніи, въ городѣ, гдѣ меня всѣ знали, а его никто, и гдѣ на каждаго двадцати шагахъ попадались знакомые. Отведя домой моего дорогаго пупилля, я оттуда отправился въ ботанической садъ, гдѣ засталъ еще товарищей и объяснилъ имъ все. Когда они отъ души смѣялись, я имъ сказалъ: „Дай Богъ, чтобы тотъ, надъ которымъ теперь смѣетесь, не заставилъ васъ плакать“. Предсказанія мои, къ сожалѣнію, сбылись; въ числѣ этихъ молодыхъ людей было двое, которые года чрезъ полтора были отданы въ солдаты.

Этимъ впрочемъ окончились мои личные отношенія къ Новосильцеву. Я уѣхалъ въ Петербургъ, тамъ кончилъ благополучно дѣло дяди, вступилъ вновь въ службу, въ которой погомъ оставался болѣе сорока лѣтъ, женился и пробылъ въ столицѣ сѣвера 40 лѣтъ почти безвыѣздно. На родинѣ я былъ разъ, въ исходѣ 1824 года, когда ѣздилъ въ отпускъ на два мѣсяца; въ другой разъ, въ 1851 г., возвращаясь изъ Варшавы, я пробылъ у покойной матушки десять дней. Въ первый разъ я видѣлъ Новосильцева только мелькомъ, на его балѣ, а во вторую мою повѣзку его уже не было въ живыхъ. Въ Петербургъ, когда онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, мнѣ, по правдѣ сказать, совѣстно было являться у него въ качествѣ стараго знакомаго, такъ какъ съ этимъ знакомствомъ связаны были воспоминанія, которыя не могли быть пріятны первому сановнику Имперіи. Я разъ только былъ у него, и къ счастью, не заставъ дома, записался, онъ же меня къ себѣ не позвалъ. Изрѣдка встрѣчалъ я его въ свѣтѣ, на вечерахъ и балахъ; онъ всегда узнавалъ меня и былъ очень любезенъ, но я держалъ себя въ почтительномъ отдаленіи, подобавшемъ неизмѣримой безднѣ, отдѣляющей коллежскаго ассесора, столоначальника одного изъ министерствъ, отъ предсѣдателя Государственнаго Совѣта. Онъ замѣчалъ это, и мое поведеніе, видимо, ему нравилось.

И такъ, дальнѣйшія мои сказанія о Новосильцевѣ будутъ уже основаны не на личныхъ моихъ съ нимъ сношеніяхъ, но на не менѣе достовѣрныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ подлинныхъ дѣлъ и дошедшихъ до меня положительныхъ свѣдѣній.

Вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ возникло предчувствуемое мною еще въ Слонимѣ дѣло о студентахъ Виленскаго университета и нѣкоторыхъ гимназій тамошняго округа. Ректоромъ тогда былъ помѣщикъ Пинскаго уѣзда, старый докторъ философіи тогожъ уни-

верситета Твардовскій. Министромъ народнаго просвѣщенія, послѣ князя Голицына, былъ уже Шишковъ. Я зналъ хорошо и его, и его жену (объ этомъ въ своемъ мѣстѣ), и директора департамента, прекраснаго Дмитрія Ивановича Языкова, и начальника отдѣленія, въ вѣдѣніи котораго состоялъ Виленскій университетъ, Балемана, и агента почитателя, князя Чарторижскаго, Ипполита Блотницкаго. Хотя Виленское дѣло не мало меня интересовало, но я чрезъ всѣхъ этихъ лицъ ничего положительнаго о немъ не могъ узнать, потому что и они ничего, или почти ничего, не знали. Министерство было устранено отъ всякаго вліянія на то, что дѣлалось въ Вильнѣ; Чарторыйскій вышелъ въ отставку, почителемъ назначенъ Новосильцевъ, и самъ онъ, съ назначенною имъ особою комиссіею, производилъ слѣдствіе. Въ комиссіи главную роль игралъ Виленскій губернский прокуроръ Ботвинко; рапорты посылались отъ Новосильцева прямо къ Государю, министерству же сообщали только къ свѣдѣнію о перемѣнахъ въ личномъ составѣ Университета, которыя дѣлались уполномоченнымъ для этого Новосильцевымъ. Такимъ же образомъ производились и исполнялись приговоры о признанныхъ виновными. Всѣ однакожъ фазисы дѣла были частнымъ образомъ извѣстны въ Петербургѣ.

Въ Университетѣ, въ слѣдующемъ по моему выбытію году (18^{17/18}) развился духъ большаго усердія къ наукамъ; нѣкоторые изъ студентовъ читали товарищамъ лекціи годигетики (науки слушанія съ пользою курсовъ). За этимъ или въ связи съ этимъ, главнѣйше по инициативѣ Оомы Зана, лучшими изъ студентовъ признана необходимость строгой нравственности, трезвости, чистоты нравовъ. Единомышленники въ этомъ дали себѣ взаимно соответствующія обѣщанія и составили общество, принявшее названіе Променистыхъ (лучистыхъ, лучезарныхъ, производимое отъ названія въ физикѣ невѣсомыхъ веществъ свѣта, теплорода, элект-

ричества, магнетизма). Променистые учились отлично, вели себя, какъ трапписты, пили одну воду, а вмѣсто студенческихъ оргій ходили за городъ въ мѣстность, называемую Рыбишки, люмую ботаниками, потому что въ ней сосредоточивается почти вся Литовская флора, и тамъ пили молоко и упражнялись въ гимнастическихъ играхъ. При встрѣчѣ съ распутною женщиною или съ разгульнымъ молодымъ человѣкомъ, они затыкали себѣ носъ. То, что я говорю объ ихъ цѣломудріи, до того справедливо, что я зналъ десятки такихъ Променистыхъ, которые до женитьбы не знали что такое женщина.

Общество это при ректорѣ Малевскомъ (1819—1820) не только не запрещалось, но было поощряемо, такъ какъ оно дѣйствительно очень хорошо вліяло на нравственность и успѣхи студентовъ въ наукахъ. Изъ 700—800 всѣхъ ихъ, Променистыхъ было около одной трети. Въ послѣдствіи изъ Променистыхъ составилось общество, какъ бы высшая степенъ, подъ названіемъ *Филаретовъ*, а изъ среды послѣднихъ десять человѣкъ, или болѣе избранныхъ, приняло названіе *Филоматовъ*. Променистые и Филареты были общества открытыя, Филоматы же составляли какъ бы верховный совѣтъ, управлявшій низшими степенями. Я все это говорю только по слухамъ и на основаніи того, что, по показанію слѣдственной комиссіи, было ею обнаружено. Эти послѣдніе фазисы студенческихъ сходокъ пришли какъ разъ въ эпоху разгорѣвшагося въ Италіи карбонаризма, а въ Германіи тугенбундовъ, и это послужило поводомъ къ принятію строгихъ мѣръ въ Вильнѣ. Новосильцевъ съ жадностію воспользовался случаемъ, чтобы найти что нибудь къ обвиненію Чарторижскаго и къ тому постоянно направлялъ все производство слѣдствія *).

*) Намъ кажется, что каковы бы ни были личныя отношенія Новосильцева къ Чарторижскому, но въ этомъ случаѣ не могъ же Новосильцевъ дѣйствовать иначе, какъ про-

Мы не имѣли въ рукахъ документовъ и, при всей извѣстности намъ непохвальныхъ сторонъ характера главнаго дѣятели, не беремъ судить, на сколько справедливы слышанныя въ то время жалобы на пристрастіе и даже на жестокость слѣдователей. Чувство справедливости заставляеть насъ признать, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, въ современномъ настроеніи Европейскихъ обществъ, правительство имѣло полное основаніе строго доискиваться духа и цѣли составлявшихся между Польскою молодежью обществъ. Но съ другой стороны достоверно и то, что самыя тщательныя розыски не открыли между Виленскими студентами противуправительственнаго заговора. Это доказывается самыми приговорами надъ подсудимыми. Главныя личности изъ Филаретовъ и Филоматовъ, Занъ, Чегогъ, Сузинъ, Мицкевичъ, Малевскій, Ежовскій, Будревичъ, Кулаковскій и др. подверглись только предупредительнымъ, административнымъ мѣрамъ. Они были разсланы на службу по разнымъ губерніямъ, въ томъ числѣ Мицкевичъ и Малевскій на службу въ Петербургъ; изъ нихъ кандидаты къ учительскому званію опредѣлены въ учительскія должности по разнымъ губернскимъ гимназіямъ. (IV). Виленскій университетъ былъ закрытъ и потомъ преобразованъ въ Медицинскую Академію. Было нѣсколько (почти все гимназистовъ) осужденныхъ въ солдаты, но все таки не за участіе въ какомъ либо заговорѣ, а за частныя ультра-патріотическія выходки, или за оскорбленіе письменно Императорскаго Величества.

Сами осужденные, сколько съ ними доводилось говорить, не обвиняли Новосильцева въ жестокости, а только въ чрезвычайной апатіи и бездѣйствіи. Увидѣвъ, что не удастся ничего добиться противъ Чарлорижскаго, онъ сталъ относиться къ дѣлу апатично и утверж-

тивъ Чарлорижскаго, коего вредное для Россіи управленіе Виленскимъ учебнымъ округомъ было уже очевидно. И. Б.

далъ безразлично все, что дѣлала коммиссія. Впрочемъ ему тогда было не до того.

Въ Вильнѣ, съ давнихъ временъ, проживалъ послѣдній любимецъ Императрицы Екатерины II, свѣтлѣйшій князь Зубовъ. Это былъ большой оригиналь. Не смотря на колоссальное состояніе, онъ не имѣлъ собственнаго у себя, жилъ всегда на *албаха* въ чужомъ домѣ: прежде у графа Беннигсена, когда тотъ былъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ, а въ послѣднее время у тако-го же военнаго губернатора, Римскаго-Корсакова. Онъ не былъ женатъ, но имѣлъ отъ разныхъ матерей пять или шесть человекъ дѣтей и обезпечилъ ихъ, положивъ въ банкъ на имя каждаго по миллиону рублей ассигнаціями. На старости лѣтъ, когда ему было уже за 60, онъ влюбился въ дѣвицу В***, необыкновенной красоты, и женился на ней. Проживъ съ нею недолго и приживъ дочь, онъ умеръ, оставилъ вдовѣ громадное состояніе. Свѣтлѣйшая красавица проживала въ Вильнѣ въ самое то время, когда Новосильцевъ производилъ тамъ пре-словутое свое слѣдствіе.

Философы, наблюдатели человѣческихъ дѣлъ, давно уже замѣтили, что волны моря житейскаго такъ перемѣшаны, что въ ихъ разливъ на данное количество грустныхъ, трагическихъ и даже ужасныхъ, всегда приходится извѣстный процентъ комическихъ, и послѣднія являються неожиданно, въ самый разгаръ бури. Какъ бы въ подтвержденіе этого замѣчанія, грустная драма студенческаго дѣла внезапно оживилась такимъ веселымъ элементомъ, а доставилъ его тотъ самый, который и дѣло это затѣялъ.

Новосильцевъ влюбился въ книжницу такъ пламенно и безсмысленно, какъ лучше бы не сдѣлалъ ни одинъ изъ преслѣдуемыхъ имъ гимназистовъ, un vrai amour de lycéen^{*)}, какъ говоритъ Бальзакъ. Съ этой минуты онъ почти уже не занимается дѣломъ и нашелся вполне

*) Настоящая любовь лицеиста.

подъ туфлю комиссіи: она дѣлала, что хотѣла.

Прійдетъ же такая блажь на стараго умнаго челоуѣка! Да и какъ ему было не сознать, что онъ ни въ какомъ отношеніи княгини не пара. Наружность его не только не имѣла ничего привлекательнаго, а напротивъ въ ней было что-то отталкивающее. Ему было за 50 лѣтъ, онъ былъ средняго роста, болѣе чѣмъ плотный и при томъ неукаюжій, во рту одни остатки зубовъ, волосы на половину сѣдые. Лицо круглое, всегда красное, съ явнымъ отпечаткомъ его всѣмъ извѣстнаго порока: черты лица грубыя, носъ напоминающій своею формою картофель, глаза сѣрые, косы, бѣгающіе на всѣ стороны. Общее выраженіе фізіономіи очень непріятное, коварное, и притомъ въ немъ видѣлась смѣсь Бахуса съ Сатпромъ. Онъ не принадлежалъ къ аристократіи по рожденію, а состояніи, кромѣ жалованной аренды, не имѣлъ никакого.

Эта его любовная страсть, запоздалый цвѣтокъ глубокой осени жизни, была для жителей Вильны неисчерпаемымъ источникомъ смѣха. Чтобы прельстить молодую вдову и плѣнить ея сердце, Новосильцевъ, забывая свои лѣта и положеніе, пускался въ неимовѣрныя экцентричности и на нихъ тратилъ большія деньги. Журналъ его ухаживаній за княгинею занялъ бы немало страницъ. Каждый день были новые праздники, сюрпризы, пикники, кавалькады, обѣды, балы и т. д. Въ гимнастической части этихъ увеселеній Новосильцевъ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ. Онъ сдѣлался и ляхимъ наѣзникомъ, и отчаяннымъ танцоромъ. Вообразите себѣ Бахуса съ сѣдыми волосами, какъ онъ трясся на лошади, или кружился въ танцѣ. Въ честь княгини онъ возобновилъ давно забытый менуэтъ и воображалъ себѣ, что танцуетъ его превосходно. Видя эти упражненія, не выдержалъ бы и самъ Гераклитъ; не удивительно, что вся Вильна безъ умолку

хохотала, и что эхо этого хохота отзывалось въ Петербургъ и Варшаву.

Поведеніе княгини въ этомъ случаѣ было какъ нельзя болѣе тонко и дипломатично. Повидимому, все это ее забавляло: но сомнительно, чтобы сѣдому Ловласу она подавала какія либо надежды.

Казалось, что Новосильцеву мало было Виленскаго горизонта; ему какъ бы захотѣлось позабавить на свой счетъ и свою столицу, Слонимъ. Вотъ какъ это было.

Княгиня куда-то проѣзжала черезъ Слонимъ. Новосильцевъ поспѣшилъ туда встрѣтить ее и вздумалъ дать въ честь ее большой балъ. Созвано было все лучшее общество уѣздовъ Слонимскаго и соседнихъ: Новогрудскаго и Волковыскаго. Я тогда, въ Январѣ 1825 года, находился въ отпуску у матушки. Балъ этотъ остался въ памяти у меня всего болѣе по слѣдующему курьезу. Званымъ гостямъ объявлено было, что мужчины должны быть въ башмакахъ. Исторія молчать о томъ, самъ ли сенаторъ „собственнымъ умомъ“ до этого додумался или кто нибудь изъ его приближенныхъ подалъ ему эту свѣтлую мысль, только дѣло въ томъ, что такая программа застала приглашенныхъ въ располхъ. Естественно, что въ уѣздныхъ городкахъ и безъ того въ мужскихъ башмакахъ чувствуется немалый недостатокъ; а для заказа новыхъ и для посылки въ Вильну не было уже времени. Стали прибѣгать къ хитростямъ: многія пары сапоговъ, съ помощію ножа, преобразованы были въ нѣчто болѣе похожее на туфли, чѣмъ на башмаки. Мушья на балѣ было доста челоуѣга, а настоящихъ башмаковъ не было и десяти паръ; остальные всѣ — явная и очень нескусная поддѣлка. Мнѣ, къ счастью, прицлисъ по ногамъ башмаки моей старушки-тетушки; я пришилъ къ нимъ какія-то прижки, и вышло очень хорошо. Но никогда не забуду того комическаго эффекта, который представляло глазамъ множество мужскихъ ногъ,

обутыхъ такъ фантастически. Между парами этихъ ногъ наиболѣе выдающаяся была та, которою обладалъ упомянутый князь Г***, поступившій уже въ штатъ сенатора. Онъ, недолго думавши, явился на балъ въ галошахъ, а чтобы онъ держался на ногахъ, намоталъ себѣ вѣрно на ноги множество тряпокъ или надѣлъ множество паръ чулокъ. Можно себѣ представить, какъ пластично выглядели его ноги изъ подъ узенькихъ панталонъ: настоящий экземпляръ рѣдкой болѣзни элифантіазисъ. Къ довершенію комизма, нашъ князь, съ свойственнымъ ему апломбомъ, танцевалъ безъ усталости. Виновница торжества не могла не замѣтить ювальной его стороны; улыбка часто являлась на ея устахъ.

Сенаторъ танцевалъ мало; онъ все занятъ былъ княгиней, которая прошла только съ нимъ въ польскомъ и въ одномъ кадрилѣ и потомъ объявила, что у нея болитъ голова.

Въ концѣ концовъ, всѣ эти усиленныя старанія маститаго Селадона, по видимому, немного подвигали его сердечные интересы. Онъ однакожъ не терялъ надежды и наконецъ формально предложилъ свѣтлѣйшей красавицѣ свою руку и сердце. Мы не знаемъ, какъ это было принято; достовѣрно то, что Новосильцевъ и послѣ продолжалъ свою кандидатуру, и мечта оставила его только тогда, когда княгиня вышла вторично за мужъ не за него. Но покончимъ съ комизмомъ. Пора перейти къ серьезнымъ чертамъ, дополняющимъ характеристику историческаго лица въ томъ второмъ періодѣ его жизни, въ которомъ я его зналъ и о которомъ такъ для него невыгодно отзываются современники.

Во время кончины Императора Александра I, я состоялъ на службѣ въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ и въ томъ I-мъ его отдѣленіи, чрезъ которое, до разсылки по департаментамъ, переходили всѣ поступающія въ министерство бумаги. Это позволяло чиновникамъ I-го отдѣленія знать движеніе дѣлъ по всему министерству. Впрочемъ

дѣло, о которомъ я намѣренъ говорить, какъ заключающее общую мѣру, я производилось именно въ томъ же отдѣленіи.

До того времени, какъ извѣстно, Евреи не несли рекрутской повинности натурою, а за то платили двойную подушную подать, которой значительная недоимка постоянно числилась на нихъ. Императоръ Николай, вскорѣ послѣ своего воцаренія, объявилъ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ непремѣнно желаетъ, чтобы съ Евреевъ набираемы были рекруты натурою, наравнѣ съ другими сословіями, подлежащими этой повинности и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ сравнить ихъ съ тѣми же сословіями и въ платежѣ подушной подати. Такъ какъ часть Имперіи, въ которой исключительно позволено было жить Евреямъ, находилась подъ главнымъ начальствомъ Константина Павловича: то, не смотря на твердую волю Государя ввести эту мѣру немедленно, высшія государственныя приличія требовали, чтобы объ этомъ, особенно при тогдашнихъ обстоятельствахъ *), предварительно сообщено было Его Императорскому Высочеству на его заключеніе. Въ такомъ смыслѣ отправленъ былъ отзывъ министра къ Великому Князю. Вскорѣ отъ него полученъ отвѣтъ, что дѣло это онъ поручилъ сенатору Новосильцеву, по ближайшей извѣстности ему быта жителей и вообще обстоятельствъ, касающихся западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерній и что соображенія сенатора по этому предмету онъ, Великій Князь, не преминетъ сообщить министру для довода Его Величеству.

Государь не дѣлалъ изъ этого тайны: всѣ знали и разсуждали о предстоящей рекрутчинѣ Евреевъ. Послѣдніе давно уже знали о томъ, что для нихъ готовится и имѣли въ Петербургѣ своихъ агентовъ для того, чтобы ударъ отвратить, или покрайней мѣрѣ отстрочить

*) Отрѣченіе Константина Павловича отъ престола и данной уже ему присяги.

*ad kalendas Graecas...**) Они вѣроятно успѣли бы въ этомъ, какъ успѣвали во многихъ другихъ своихъ дѣлахъ, еслибы это не была мысль самаго Государя и непреклонная его воля.

Евреямъ очень не хотѣлось давать рекрутъ по разнымъ причинамъ. По врожденной трусости, они имѣютъ отвращеніе отъ военной службы; во всякомъ случаѣ принадлежать къ войску не собственно Израильскому противилось ихъ убѣжденіямъ; наконецъ они предвидѣли, что для набора рекрутъ произведена будетъ строгая поголовная повѣрка ихъ населенія, а это тоже противно ихъ религіозному предразсудку: никому не должно быть съ точностію извѣстно ихъ число. Объ этомъ предразсудкѣ всякій можетъ удостовѣриться, если въ собраніи Жидовъ станетъ ихъ по одному считать: они всѣ тотчасъ разбѣгутся. До того, они, благодаря широко въ то время развитому взяточничеству чиновниковъ, успѣвали скрывать численность своего населенія (можно безъ преувеличенія сказать) на половину, такъ что и двойная подушная подать не была въ сущности двойною, особенно когда недоимка съ нихъ по тѣмъ же причинамъ никогда не взыскивалась исправно.

Въ это самое время довольно часто приходилъ ко мнѣ одинъ Еврейскій савонникъ, раввинъ изъ Гродненской губерніи, Мордухъ Лейсбовичъ. Онъ привезъ мнѣ письмо отъ кого-то изъ тамошнихъ. Это былъ человѣкъ довольно образованный, а главное, по своему, ученый. Я тогда много занимался изученіемъ Еврейской кабалы, въ которой Мордухъ былъ довольно свѣдущъ. Я пригласилъ его бывать у меня, и мы часто бесѣдовали съ нимъ по цѣлымъ вечерамъ о предметахъ, касающихся этой тайной науки и религіи вообще. Онъ мнѣ былъ очень полезенъ въ моихъ изысканіяхъ, для разъясненія нѣкоторыхъ темныхъ вопросовъ. Такъ началось между нами сближеніе и со

*) Въ долгій ящикъ.

стороны Мордуха откровенность. Онъ даже мечталъ кажется, что переспоритъ меня и обратитъ въ свою вѣру; и я, чтобы побольше отъ него вывѣдать, оставилъ его въ этой мечтѣ.

Такъ какъ военная повинность съ Евреевъ была предметомъ общихъ толковъ, то мы часто объ ней говорили. Мордухъ былъ большой антагонистъ этой мѣры, называлъ ее несправедливою, крайне притѣснительною и былъ увѣренъ, что она вовсе не осуществится, или не скоро будетъ приведена въ дѣйство, а тѣмъ временемъ, говорилъ онъ, обстоятельства могутъ совсѣмъ измѣниться. По мнѣнію его, если бы кто хорошо объяснилъ Государю всю суть дѣла, то онъ вѣрно отказался бы отъ своей мысли.

Я конечно не говорилъ, что дѣлается въ министерствѣ; но видно было, что Мордухъ былъ однимъ изъ Петербургскихъ агентовъ и безъ меня зналъ все, но былъ на столько деликатенъ, что не искушалъ меня. Когда я подшучивалъ надъ нимъ, говоря, что одинъ изъ его сыновей будетъ солдатомъ, то Мордухъ всегда съ таинственною миною отвѣчалъ: „ну, абацымъ“ (увидимъ).

Между тѣмъ проходили недѣли, прошло ихъ шесть, а пресловутыя „соображенія“ Новосильцева о Еврейскомъ вопросѣ, обѣщанныя Великимъ Княземъ, не присылались. Государь нетерпѣливо при каждомъ докладѣ спрашивалъ объ этомъ министра и велѣлъ сдѣлать повтореніе. Великій Князь отвѣчалъ, что сенаторъ собираетъ необходимыя данныя на мѣстѣ. Прошло еще около трехъ недѣль, и наконецъ въ одно прекрасное утро Государь велѣлъ министру, ожидающаго болѣе, заготовить къ подписанію Его Величества указъ Сенату о сравненіи Евреевъ по рекрутской повинности съ другими отправляющими ее сословіями, и мѣру эту привести въ дѣйствіе при первомъ общемъ наборѣ.

На другой день послѣ того, какъ былъ посланъ указъ, пришелъ ко мнѣ раввинъ. Я нарочно завелъ разговоръ

о рекрутствѣ Евреевъ и увидѣвъ, что онъ ничего не знаетъ. Онъ опять съ усмѣшкою сказалъ свое вѣчное „аба-цымъ“. Такъ какъ уже не было повода для дальнѣйшаго храненія пресловутой канцелярской тайны, то я сказалъ Мордуху, что дѣло кончено. Я не полагалъ, что это произведетъ такое впечатлѣніе на моего старозаконнаго гостя. Это было нѣчто ужасное: онъ весь задрожалъ, глаза его закатились, онъ почти упалъ въ обморокъ. Ему подали воды. Припадокъ разрѣшился жалобными воплями и рыданіемъ. Вслѣдъ за этимъ произошла въ немъ внезапная перемена: онъ всталъ, лицо его страшно искривилось. Онъ сталъ большими шагами ходить по комнатѣ и кого-то ругать, какъ говорятъ „на чемъ свѣтъ стоитъ“. Я далъ ему успокоиться и спросилъ:

—Кого вы такъ честите, ребе Мордухъ?

—Какъ кого? Ну, этого.... (опять ругательства).

—Кого же наконецъ?

—Ну, вашего прекраснаго сенатора.

—За что, чѣмъ же онъ виноватъ?

—Какъ за что, за наши 20000 червончиковъ, ай, вай! Обманулъ, ободралъ, погубилъ..... Обѣщалъ, что ничего не будетъ..... Мы равнины наложили на всѣхъ Зыдковъ неборацковъ постъ подъ херимомъ на двѣ недѣли *), собрали и представили 20000..... и все полновѣсные, необрѣзанные, ни одного кулона (обрѣзанный червонецъ).... ай, вай, гвалтъ, разбой.... хоть бы деньги назадъ отдать и т. д.

За достовѣрность факта пусть предъ потомствомъ отвѣчаетъ самъ Мордухъ; но историческая точность обязываетъ меня засвидѣтельствовать, что сцена была имъ разыграна въ порывѣ гнѣва какъ нельзя болѣе естественно и съ

*) Такимъ простымъ средствомъ Еврейскіе старшины собираютъ суммы, нужныя для подкупа по народнымъ дѣламъ. Евреи въ это время живутъ однимъ хлѣбомъ, а все, чего бы имъ стоило обыкновенное пропитаніе, вносятъ въ казну экстреннаго сбора.

неподдѣльнымъ чувствомъ. Онъ вѣроитъ по дгалъ, но въ этомъ случаѣ прой своей онъ превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ лицедѣевъ: Тальма, Гаррикъ, Кембль ему по колѣна.

Недѣли чрезъ двѣ послѣ того, какъ отъ Сената были разсланы указы о наборѣ съ Евреевъ всѣмъ губернскимъ начальствамъ, въ томъ числѣ и Великому Князю, какъ главнокомандующему въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, въ министерствѣ отъ Его Высочества полученъ отзывъ, съ приложеніемъ записки сенатора Новосильцева. Великій Князь писалъ, что въ то самое время, какъ онъ получилъ заключеніе сенатора по порученному ему дѣлу, пришелъ указъ Сената съ изображеніемъ Высочайшей воли. Ему оставалось уже только въ точности исполнить священную эту волю, и онъ сдѣлалъ надлежащее о томъ распоряженіе, но тѣмъ же мѣсяце счелъ нужнымъ препроводить записку сенатора для свѣдѣнія и соображенія.

Записка эта, довольно пространная, начиналась полнымъ одобреніемъ предпологаемой мѣры и разсужденіемъ о ея полезности. Вслѣдъ же за этимъ шли разные *но однакожь, не смотря на то, тѣмъ не менѣе* и другія и подобныя оговорки съ выводами, составляющими болѣе чѣмъ противувѣсъ главному положенію. Былъ намекъ на всегдашнюю преданность Евреевъ Россійскому правительству, на оказанныя ими услуги, на неполитичность въ настоящихъ Европейскихъ обстоятельствахъ мѣры, долженствующей глубоко оскорбить болѣе милліона такого хитраго и мстительнаго народа, какъ Евреи и т. п. Заключение вытекало уже само собою, именно, что не пришло еще время для осуществленія мѣры, что введенію ея должны бы предшествовать разные распоряженія, необходимыя для притопления Евреевъ къ такому коренному перевороту и т. д. Это былъ замѣчательный для меня, молодаго столончальника, драгоценный образчикъ ад-

министраціонной перипатетики. Сенаторъ не пожалѣлъ въ немъ всякихъ уловокъ своей привычной дипломатіи; словомъ, онъ сдѣлалъ все, что могъ въ своемъ трудномъ положеніи. Ожесточеніе противъ него моего пріятеля Мордуха было несправедливо.

Теперь одинъ еще и послѣдній эпизодъ, округляющій характеристику моего героя.

Къ владѣемой Новосильцевымъ Слонимской экономіи принадлежало огромное количество лѣса. Онъ состоялъ въ одной межѣ; большая часть положена была по рѣкѣ Шарѣ. Съ одной стороны онъ примыкалъ къ сплошнымъ лѣсамъ, простирающимся до Бѣловѣжской Пуши, извѣстной родины зубровъ; съ другой онъ граничилъ съ лѣсами помѣстій, составлявшихъ нѣкогда графство Деревенское, въ томъ числѣ и съ нашими. Я хорошо зналъ большую часть этого казеннаго лѣса, не разъ въ немъ охотился и чаще далеко заходилъ въ него въ мѣхъ ботаническихъ поискахъ за рѣдкими растеніями, которыхъ не находилъ въ своихъ дачахъ. Этотъ казенный лѣсъ былъ въ полномъ смыслѣ великолѣпный и очень цѣнный по изобилію деревъ, составляющихъ то, что въ торговлѣ называется „товарнымъ лѣсомъ“. Казнѣ цѣнность эта была хорошо извѣстна. Въ высочайшемъ пожалованіи Новосильцеву 12 лѣтней аренды было именно оговорено (какъ и при прежнемъ владѣніи Пусловскаго), что арендный владѣлецъ можетъ пользоваться только дровинымъ лѣсомъ, а строевымъ иначе, какъ съ разрѣшенія Казенной Палаты, подъ наблюденіемъ мѣстнаго лѣснаго начальства и въ количествѣ исчисленномъ съ точностію для необходимыхъ построекъ въ деревняхъ и фермахъ экономіи; выдѣлка же товарнаго лѣса воспрещалась арендному владѣльцу безусловно. Пока я оставался въ тамошнемъ краѣ, запрещеніе это, сколько мнѣ извѣстно, сохранялось ненарушено, по крайней мѣрѣ о противномъ ничего не было слышно.

Когда Новосильцевъ занималъ уже въ Петербургѣ высокій постъ председателя Государственнаго Совѣта, случилось, что пачальникъ жандармской части въ западныхъ, юго-западныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, генералъ-маіоръ Дребушъ проѣзжалъ черезъ Слонимъ въ началѣ весны, когда еще рѣки не совсѣмъ очистились отъ льда. На берегахъ рѣки Шары и Огннскаго канала лежало приготовленное для сплава за границу такое громадное количество товарнаго лѣса, что это поразило жандармскаго генерала. Онъ полюбозытствовалъ знать, чей это лѣсъ, и Жидки по секрету рассказали, что это лѣсъ изъ казенныхъ дачъ Слонимской экономіи и прибавили, что временный владѣлецъ ея не имѣетъ права выдѣлывать товарные брусья и бревна. Генералъ Дребушъ донесъ объ этомъ кому слѣдуетъ. Произведено было подъ рукою дознаніе, и оказалось, что подобная операція производится уже не въ первый разъ.

Мнѣ съ точностію неизвѣстно, какой оборотъ приняло это дѣло; говорили въ то время, что спрошенный Новосильцевъ отозвался незнаемъ и сказалъ, что если что нибудь подобное было, то это дѣлалось безъ его вѣдома, главнымъ его повѣреннымъ Кукольникомъ.

Слышно было также, что спрошенный объ этомъ повѣренный представилъ длинные письма и квитанціи, изъ которыхъ было видно, что все дѣлалось съ вѣдома владѣльца и за лѣсъ получались имъ деньги. Все это я записываю только какъ общественную молву. Но достоверно то, что покуда Новосильцевъ жилъ, дѣло оставалось въ бездѣйствіи. По его же смерти оно сдѣлалось гласнымъ, когда тогдашній министръ имуществъ графъ Киселевъ далъ дѣлу ходъ и, по собраннымъ даннымъ, потребовалъ громаднаго вознагражденія казны за убытки. Вопросъ доходилъ до Государственнаго Совѣта, и тамъ послѣдовалъ тотъ замѣчательный случай, о которомъ въ свое время говорилъ весь

Петербургъ. Случай этотъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Всѣмъ была извѣстна непримиримая вражда, существовавшая между покойнымъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и княземъ Друцкимъ-Любецкимъ, тогда уже членомъ Совѣта. Никто не сомнѣвался, что послѣдній воспользуется случаемъ, чтобы хотя на памяти покойнаго выместить свою злобу. Всѣ думали, что графъ Киселевъ найдетъ въ князѣ сильную поддержку своего иска. Такое было общее убѣжденіе, когда, по выслушаніи доклада и устныхъ дополненій, со стороны министра имуществъ, князь Любецкій всталъ съ своего мѣста. Но каково же было общее удивленіе и разочарованіе, когда вмѣсто того, чтобы услышать подробности усиливающихъ обвиненія по ближайшей извѣстности князю мѣстныхъ обстоятельствъ, онъ попросилъ позволенія сдѣлать министру нѣкоторые вопросы? Въ слѣдствіе этого между ними завязался слѣдующій діалогъ.

Князь Любецкій. Покойный, какъ изъ дѣла видно, отговаривался тѣмъ, что рубка казеннаго лѣса дѣлалась безъ его вѣдома, по распоряженію его повѣреннаго.

Графъ Киселевъ. Допустимъ, что это такъ; но и по смыслу законовъ, и по самому существу вещей, довѣритель отвѣчаетъ за дѣйствія своего повѣреннаго и за убытки, причиненные этими дѣйствіями третьей сторонѣ; слѣдовательно казна должна получить вознагражденіе изъ оставшагося послѣ графа Новосильцева имущества.

Князь. Ваше сіятельство настаиваете ли на сформулированномъ вами общемъ положеніи?

Графъ. Конечно настаиваю.

Князь. И я самъ и, думаю, всѣ здѣсь согласны съ вами. Но изъ этого же положенія вытекаетъ, что если имѣніе графа Новосильцева, какъ довѣрителя г. Кукольника, должно отвѣчать за сдѣланныя послѣднимъ порубки: то и казна, какъ довѣрительница мѣстныхъ лѣсныхъ

чиновниковъ, должна отвѣчать за допущеніе этихъ порубокъ. По этому вознагражденіе казны должно упадать на обѣ заинтересованныя стороны; и равно какъ наследникамъ покойнаго предоставляется искать съ г на Кукольника причиненныхъ этимъ вознагражденіемъ убытковъ, точно такъ и казна имѣетъ право взыскать тѣ же убытки съ своихъ повѣренныхъ, своихъ чиновниковъ.

Сказавши это, князь сѣлъ среди знаковъ общаго удивленія отъ такого неожиданнаго исхода. Графъ Киселевъ не нашелъ ничего сказать въ опроверженіе.

Въ это засѣданіе дѣло рѣшено не было, и оно кажется кончилось ничѣмъ, и мнѣ неизвѣстно, воспользовался ли министръ имуществомъ совѣтомъ князя Любецкаго касательно лѣсныхъ чиновниковъ. Впрочемъ, и то, и другое для насъ несущественно; намъ нужно было только описать этотъ послѣдній эпизодъ изъ жизни Николая Николаевича для полноты характеристики этой знаменитой личности.

Николай Николаевичъ имѣлъ на своей гербовой печати девизъ: „Honeste et publice“.

Ципринусъ.

Таково изображеніе Русскаго государственнаго человѣка, сдѣланное наблюдателемъ, передавшимъ можетъ быть и точно отдѣльныя черты, какія были доступны его наблюденію, но уже слишкомъ односторонне. Читатели припомнятъ мастерскіе разказы о Новосильцевѣ другаго наблюдателя, тоже къ нему вовсе не расположеннаго. Неизвѣстный авторъ „Старой Записной Книжки“ (въ XIX Вѣкѣ кн. 2-я) вовсе не скрываетъ недостатковъ Новосильцева, но и не подыскиваетъ однихъ темныхъ сторонъ его личности и дѣятельности. У него были несомнѣнно стороны свѣтлыя, во вниманіе къ которымъ приближалъ его къ себѣ Александръ Павловичъ и который далъ ему первенствующее мѣсто при Николаѣ Павловичѣ. Мы усерднѣе просимъ лицъ свѣдущихъ познакомить читателей Русскаго Архива съ этими свѣтлыми, г-номъ Ципринусомъ почти умолчанными, качествами Н. Н. Новосильцева.

Подлинныя бумаги о тайныхъ обществахъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго

края при князѣ Чарторижскомъ, извлеченныя С. В. Шолковичемъ изъ архивнаго записанія (благодаря содѣйствію П. Н. Батюшкова), доказываютъ несомнѣнно, что всѣ эти Филареты, Филоматы и т. п. имѣли положительно-вредныя политическія замыслы, и если можно въ чемъ упрекать Новосильцева, то развѣ въ излишней снисходительности. Онъ, и именно онъ, призывалъ милость царскую на Польскую молодежь (См. Памятники новой Русской Исторіи, изд. В. Кашпирева. II. 167—170). Н. Б.

Примѣчанія.

(1) Исторія этого несчастнаго въ психологическомъ отношеніи замѣчательна; она близко подходит къ извѣстному фантастическому роману Люиса *Монаха* (the Monk by Lewis) и однажды еще доказываетъ, что вымыселъ, хотя бы самый неправдоподобный, часто сходится съ дѣйствительностью. Ксендзь Бобровичъ началъ свое духовное поприще очень молодымъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ образцомъ скромности, святости и всѣхъ пастырскихъ добродѣтелей. Но не демонъ гордости, какъ Люисова монаха, испыталъ его. И въ этомъ случаѣ съ нимъ оправдалась въ тысячный разъ поговорка Видока: когда онъ былъ начальникомъ Парижской сыскной полиціи, всякій разъ, какъ ему доносили о новомъ происшествіи или случившемся несчастіи, онъ своимъ агентамъ говорилъ: *Cherchez la femme* (Ищите женщину).

Молодой настоятель Ружанскаго прихода былъ замѣчательно красивъ. Молодые и немолодые прихожанки заглядывались на него и просто влюблялись, когда онъ, по воскресеньямъ, говорилъ съ амвона проповѣдь съ истиннымъ талантомъ и прекрасною декламаціею. Одна изъ живущихъ въ самомъ городкѣ Ружанъ дѣвица, не первой уже молодости, но очень красивая, Юлія К***, на исповѣди призналась ему, что влюблена въ него до безумія. Испуганный этимъ признаніемъ священникъ бросился бѣжать изъ конфессіонала, не удѣляя кающейся отпущенія грѣховъ, заперся у себя, сказавшись больнымъ и показався не ранѣе,

какъ въ слѣдующее воскресенье. Какую въ это время внутреннюю борьбу онъ выдержалъ, извѣстно одному Богу; только послѣдствія показали, что не побѣдителемъ вышелъ онъ изъ нея. Онъ сталъ посѣщать домъ Юліи, принимать ее у себя, и вскорѣ почти открыто завязался между ними романъ съ тѣми же послѣдствіями и возмутительными перипетіями, которыя такъ ярко обрисованы въ произведеніи Люиса. Года чрезъ два или болѣе, Юлія К. умерла отъ одной изъ этихъ перипетій. Любovníкъ ея, отъ мученій совѣсти, впалъ почти въ помѣшательство и предался отчаянному пьянству. Онъ часто цѣлые дни и ночи проводилъ въ дремучихъ лѣсахъ, гдѣ его видѣли валяющимся по землѣ, вырывающимъ себѣ волосы, царапающимъ лицо. Онъ издавалъ нечеловѣческія вопли, безсознательно крича: Юлія, Юлія! Ты погубила меня!

Съ нимъ случались и свѣтлые промежутки. Государь, ничего объ этой исторіи не знавшій, въ каждый свой проѣздъ останавливался у Бобровича на ночь, любилъ его за его умъ и красивую наружность, милостиво съ нимъ разговаривалъ и дѣлалъ драгоценныя подарки. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока разъ, Государь, какъ уже сказано, не увидѣлъ его пьянымъ. Александръ Павловичъ имѣлъ къ пьянымъ непреодолимое отвращеніе.

Кстати объ этомъ отвращеніи, приведемъ здѣсь рассказанный намъ анекдотъ о томъ, какъ счастливо удалось Новосильцеву ускользнуть отъ его послѣдствій. Это было въ Варшавѣ, во время коронаціи Императора Александра 1-го какъ царя Польскаго. Одинъ Англійскій лордъ, прибывшій на это торжество, старый знакомый и „субутыльникъ“ Новосильцева, зазвалъ его къ себѣ обѣдать вдвоемъ. Оба угостились до положенія ризъ. Новосильцевъ, оставивъ his lordship на столѣ или подъ столомъ, кое-какъ добрался до экипажа; но, пріѣхавъ домой, при выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ фельдъегеремъ, за нимъ пріѣхавшимъ:

Государь требовалъ Новосильцева къ себѣ въ ту же минуту. Дѣлать было нечего; надо опять садиться въ карету и ѣхать во дворецъ. Это былъ для Новосильцева ужасный моментъ. Но вотъ счастье: въ передней встрѣчаетъ его царскій камердинеръ съ тѣмъ, что Государь проситъ обождать, что Его Величество занятъ съ Австрійскимъ посломъ. Новосильцевъ попросилъ показать ему диванъ, чтобы немного отдохнуть. Онъ заснулъ съ четверть часа и всталъ совершенно *презентабельнымъ*; позвавъ его къ себѣ, Государь ничего не замѣтилъ.

(II) Князь Францъ Сапѣга генералъ отъ артиллеріи бывшей Польской Рѣчи Посполитой, переименованный изъ этого чина въ Россійскіе тайные совѣтники, былъ во многомъ подъ стать Новосильцеву. Онъ былъ воспитанъ въ Англіи и усвоилъ себѣ пріемы тамошнихъ аристократовъ до того, что все родное въ немъ изгладилось. Въ молодости онъ много путешествовалъ, даже посѣтилъ Америку, что между тогдашними Литовскими помѣщиками составляло единственный примѣръ. Онъ довольно молодымъ женился на Пелагій Поточкой, известной красавицѣ. Имѣлъ съ нею дочь Ангелику, вышедшую замужъ за князя Адама Чарторижскаго (того самаго, о которомъ говорится выше) и сына Евстафія, присоединившагося уже по смерти отца къ Польскому мятежу 1830 года.

Князь Францискъ, замѣтивъ въ своей женѣ симпатію къ одному дальнему родственнику его, князю Павлу Сапѣгѣ, самъ, какъ истый философъ, предложилъ ей развестись и выйти замужъ за того, кто ей былъ болѣе по сердцу. Въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ разводы между Польскими фамиліями, особенно высшихъ классовъ, были очень часты, и тогдашнее духовенство, проникнутое господствовавшимъ духомъ Французскаго энциклопедизма, не только не старалось препятствовать, но еще всячески содѣйствовало этому злоупотребленію, обратившемуся почти въ моду. Княги-

ня Пелагія развелась съ Францискомъ, вышла за Павла, и первый мужъ до того благопріятствовала этой новой комбинаціи, что преемнику своему, не имѣвшему никакого состоянія, подарилъ одно значительное изъ своихъ имѣній, Высокое-Литовское.

Чтобы дать понятіе о красотѣ Пелагій (вдвойнѣ княгини Сапѣга), приведу здѣсь интересный въ психологическомъ отношеніи случай, имѣвшій мѣсто еще во время моего пребыванія въ (Словимскомъ уѣздѣ. Въ мѣстечкѣ Деречинѣ, резиденціи князя Франциска, въ его магнатскомъ палацѣ, была прекрасная картинная галлерія первыхъ художниковъ разныхъ школъ. Въ числѣ картинъ былъ портретъ во весь ростъ княгини Пелагій, кисти извѣстнаго Лямпі (Lampri). Княгиня, въ самомъ цвѣту своей красоты, была представлена выходящею, полу-нагая, изъ ванны. Когда князя не бывало дома, то позволено было всѣмъ осматривать внутренніе покои палаца. Разъ, въ отсутствіе хозяина, проходила чрезъ Деречинъ партія рекрутъ, и ей въ этомъ мѣстечкѣ назначена была дневка. Провожавшій ее капитанъ какого-то пѣхотнаго полка, Мисюринъ, пошелъ осматривать палацъ. Портретъ княгини висѣлъ въ особой комнатѣ, гдѣ стояла и мраморная ванна, та самая, которая повторялась въ картинѣ. Когда Мисюринъ вошелъ туда и увидѣлъ изображеніе княгини, то такъ былъ пораженъ ея красотой, что просто остолбенился, и простоялъ такъ долго, что провожавшій его лакей долженъ былъ напомнить ему, что пора заперать покои. Капитанъ пришелъ рано на другой день и просилъ позволить ему посидѣть передъ портретомъ; ушелъ только, чтобы пообѣдать и возвратясь просидѣлъ до ночи. На третій день тоже самое. Онъ отпустилъ партію въ дальнѣйшій походъ съ подчиненнымъ офицеромъ, съ тѣмъ чтобы ее нагнать, но все таки оставался и по дѣльнымъ днямъ просиживалъ предъ своимъ идеаломъ. Такъ прошло десять или болѣе дней, пока не возвра-

тился князь. Тутъ посѣщеніа палаца прекратились, но Мисюринъ все таки оставался въ Деречинѣ. Когда князю рассказали объ этомъ чудахъ, онъ послалъ за нимъ и обвинилъ, что онъ можетъ во всякое время приходиться смотрѣть портретъ. Оригиналъ былъ уже замужемъ за княземъ Павломъ. Мисюринъ широко пользовался позволеніемъ князя, котораго очень забавляла эта мономанія. Между тѣмъ влюбленнаго капитана исключили изъ службы. Князь Сапѣга, узнавъ, что ему нечѣмъ жить, назначилъ ему пожизненную пенсію по 100 червонцовъ въ годъ и квартиру въ одномъ флигелѣ палаца съ позволеніемъ проводить сколько захочетъ времени въ комнатахъ съ ванной и портретомъ. Мисюринъ совершенно помѣшался на этой одной идеѣ, чрезъ годъ или полтора заболѣлъ, у него отсохла рука, и вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Князь Францискъ Сапѣга, собственникъ громаднхъ имѣній въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи и на Жмуди (до 40000 душъ), въ двадцатыхъ годахъ отдыхалъ уже на лаврахъ въ своемъ Деречинѣ. Онъ былъ типъ человѣка безъ всякихъ правилъ, пресыщеннаго жизнью, того что пофранцузски называется *blazé*. У себя онъ не принималъ почти никого, велъ жизнь одинокую и оригинальную. Такъ напримѣръ у него на конюшнѣ не было ни одной лошади, и такой магнатъ, когда куда нибудь выѣзжалъ, то нанималъ къ своему дормезу четверку Жидовскихъ лошадей, и его везъ Жидъ-оборванецъ. При его богатствѣ, полная независимость позволяла ему выказывать его циническую философію со всею откровенностью. Онъ не вѣрилъ ни во что, не уважалъ ничего и ничѣмъ не стѣснялся. Парижъ онъ оставилъ, какъ онъ говорилъ, только потому, что тамъ, въ домахъ публичной игры, ограничили ставку въ *rouge et noir* до 12000 франковъ. — Вы понимаете, говорилъ онъ, что послѣ этого, мнѣ нечего тамъ было дѣлать. Мнѣ, молодому человѣку, сказалъ разъ: „Знаете, г. П., чейя сынъ?“ Я не зналъ что отвѣчать. — „Я сынъ короля

Станислава-Августа, прибавилъ князь, и если не вѣрите, такъ вотъ вамъ доказательство“, тутъ вынулъ 6-ти золотой талеръ съ изображеніемъ послѣдняго Польскаго короля. „Вотъ мой портретъ“. И дѣйствительно, сходство было поразительно до тождества, не только въ чертахъ лица, но и въ выраженіи физиономіи.

Въ послѣдній разъ я увидѣлъ князя Франциска уже въ Петербургѣ, въ слѣдующей обстановкѣ. На полѣ у Петропавловской крѣпости (гдѣ теперь Александровскій паркъ) происходила лѣтомъ 1826 года экзекуція осужденныхъ Декабристовъ. Мало кому въ городѣ извѣстенъ былъ день и часъ этого акта, и я узналъ только случайно. Зрителей было очень немного, человѣкъ 200, 300, не болѣе. Я стоялъ у Троицкаго моста и смотрѣлъ въ бинокль. Когда послѣ всѣхъ другихъ перипетій (разжалованія, ломанія шпагъ, сожиганія на кострахъ мундировъ) дѣло дошло до вѣшанія и когда двое изъ повѣшенныхъ оборвались, это произвело на меня чрезвычайно неприятное впечатлѣніе: я рѣшился пройти смотрѣть на все по предначертанной программѣ, согласноей, настроилъ свою нервную систему, а тутъ вдругъ неожиданность, къ которой никто себя не приготовилъ. Но такое нервное потрясеніе было во время остановлено; кто-то потрепалъ меня сзади по плечу. Оглядываюсь—это Францискъ Сапѣга, только наканунѣ пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ сердится не въ шутку и говоритъ: „Вотъ какъ у насъ ничего не умѣютъ сдѣлать! И на что это похоже? Я всталъ такъ рано, даже не дождался кофе. *En bonne justice*, на мѣсто упавшихъ надо бы палачей повѣсить. Почему ихъ сперва не послали поучиться въ Англію! Вотъ тамъ такъ славно вѣшаютъ, по всемъ правиламъ искусства. Сколько я тамъ видѣлъ прекрасныхъ экзекуцій! Это называется заставить человѣка „плясать ни на чемъ“ (*to dance on nothing*); случись подобная неудача въ Англіи, то самъ палачъ непременно застрѣлся бы“,

и т. д. Все это было сказано не съ приторнымъ гнѣвомъ, а съ глубокимъ чувствомъ негодованія.

Что касается до сына Франциска, князя Евстафія Сапѣги, то онъ ни физически, ни нравственно не имѣлъ съ отцомъ ни малѣйшаго сходства. Онъ былъ умный и добрый человѣкъ; воспитывался также въ Англіи и тамъ, молодымъ еще человѣкомъ, женился на богатой сиротѣ мисъ Пэкэтбомъ; никакого приданого за нею принять не хотѣлъ, говоря, что онъ довольно богатъ и самъ за себя и за жену. Онъ скоро овдовѣлъ. Возвратясь въ отечество по смерти отца, въ 1828. г. онъ наслѣдовалъ его богатства; несмотря на то, онъ велъ жизнь тихую и скромную. Никто не знаетъ, что могло побудить его принять участіе въ сумасбродномъ Польскомъ мятежѣ 1830 года. Это гѣмъ непонятнѣе, что онъ никогда не раздѣлялъ образа мыслей повстанцевъ и что, бросивъ огромное состояніе, присталъ къ мятежу уже послѣ взятія Варшавы. Онъ, какъ эмигрантъ, удалился въ Англію; всѣ имѣнія его конфискованы.

Изъ его эмиграціи рассказываютъ слѣдующій замѣчательный эпизодъ.

Когда онъ прибылъ въ Лондонъ, два брата покойной его жены явились къ нему и сказали: „Вы отказались отъ суммы, слѣдовавшей изъ общаго имѣнія въ приданое нашей сестрѣ, потому что тогда были богаты. Теперь вы не вправѣ отказаться отъ того, что вамъ по закону слѣдуетъ. Приданое вашей жены было положено въ Банкъ, и вотъ билетъ, по которому можете получить его съ процентами“. Проценты эти увеличили капиталъ на громадную сумму; Сапѣга принялъ и опять сталъ богатымъ человѣкомъ.

(III) Влодекъ, отецъ извѣстной красавицы графини Завадовской, сынъ помѣщика Пружанскаго уѣзда, Гродненской губерніи, воспитывался въ Петербургѣ и тамъ имѣлъ немалый успѣхъ. Въ чинѣ генераль-маіора онъ былъ назначенъ въ Литовскій корпусъ начальникомъ улан-

ской дивизіи. Дивизионная квартира его была въ Слонимѣ. Онъ былъ человѣкъ очень добрый и пріятный въ обществѣ, былъ знакомъ со всѣми пориочными домами въ городѣ и уѣздѣ, и всѣ его любили. Но онъ въ высшей степени былъ неспособенъ командовать такимъ войскомъ, какимъ была въ то время его дивизія. Въ ней было много офицеровъ и солдатъ вербованныхъ, сбродъ всякихъ народностей. Младшіе офицеры усердно практиковали старыя традиціи уланскаго ухарства и забіячества. Не проходило недѣли безъ какого нибудь столкновенія съ мирными жителями, безъ вопіющаго скандала, разыграннаго въ самомъ же городѣ, почти предъ глазами дивизионнаго начальника. Добрый, но до крайности слабый, Влодекъ самъ не зналъ что ему дѣлать и въ подобныхъ случаяхъ прибѣгалъ къ паллятивнымъ и смягчающимъ средствамъ: самъ лично ѣздилъ къ обиженнымъ шляхтѣ, мѣщанамъ и Жидамъ, выпрашивать для своихъ офицеровъ прощенія, чрезвычайно рѣдко рѣшался виновныхъ арестовать, но это вело только къ большому скандалу. Арестованный офицеръ спрашивалъ пиръ съ иллюминаціею и Жидовскими цимбалами, напаивалъ солдатъ бывшихъ въ караулѣ, самъ же въ халатѣ и ермолкѣ прогуливался по платформѣ гауптвахты, стоявшей по самой серединѣ города. Въ такихъ случаяхъ генералъ тщательно избѣгалъ проходить мимо гауптвахты. Когда кто-нибудь изъ офицеровъ слишкомъ уже набуйнитъ, то, дабы избавиться отъ него, Влодекъ переводилъ его въ гвардію, что и поощряло другихъ слѣдовать его примѣру. Вообще по неспособности его командовать дивизіею, казалось, что начальство надъ нею было дано ему только для приготовления дальнѣйшей карьеры. Въ послѣдствіи Влодекъ былъ сдѣланъ генераль-адъютантомъ; по усмирении же Польскаго мятежа 1830 года, назначенъ председателемъ Герольдіи Царства Польскаго, въ каковомъ званіи и умеръ въ Варшавѣ, въ преклонныхъ уже лѣтахъ.

(IV) Подробности о Малевскомъ и Будревичѣ изложены въ примѣчаніяхъ къ воспоминаніямъ о Мицкевичѣ. Занъ, посланный въ Оренбургъ, приобрѣлъ расположение къ себѣ тогдашняго генералъ-губернатора Перовскаго. Съ его разрѣшенія, Занъ устроилъ тамъ музей минералогическихъ и другихъ произведений края. По ходатайству Перовскаго, ему было разрѣшено, въ тридцатыхъ годахъ, пріѣхать въ Петербургъ. Онъ былъ назначенъ бібліотекаремъ Горнаго Корпуса, но вскорѣ потомъ впалъ въ умопомѣшательство. Позволено было вывезти его на родину. Онъ тамъ выздоровѣлъ и женился, но въ сороковыхъ годахъ умеръ. Ежовскій посланный въ Москву, былъ знаменитый латинистъ; онъ предпринялъ было обширный трудъ: Комментарій на Горація, на Польскомъ языкѣ, въ двухъ томахъ, и изъ нихъ первый былъ напечатанъ въ Вильнѣ. Тутъ вышла извѣстная, надѣлавшая много шума исторія съ Булгаринимъ. Фаддей Бенедиктовичъ, вовсе не латинистъ, рассчитывая на малую, вообще извѣстность о Польской письменности въ Русскомъ обществѣ, вздумалъ воспользоваться трудомъ Ежовскаго. Онъ перевелъ на Русскій языкъ упомянутый первый томъ Комментарія и напечаталъ его подъ своимъ именемъ, какъ собственное сочиненіе, опубликовалъ и собралъ подписку на два тома. Но Ежовскій, по какимъ-то препятствіямъ, долго не издавалъ втораго тома, и наконецъ умеръ. Русскіе подписчики стали приставать къ Булгарину, требуя втораго тома. Чѣмъ такимъ онъ предъ ними оправдывался, мы не знаемъ; но скоро все обнаружилось, и это обстоятельство конечно не способствовало къ утвержденію репутаціи добросовѣстности автора Выжигина.

Странно, что Гречъ, въ своихъ воспоминаніяхъ о Булгаринѣ, напечатанныхъ въ Русской Старинѣ, нисколько не щадя его, не говоритъ объ исторіи съ Комментаріемъ на Горація, которая однакожь въ свое время была очень громка.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ЕГО ГВАРДЕЙСКИХЪ ОДНОКАШНИКОВЪ. *)

(Изъ „Воспоминаній В. П. Бурнашева, по его ежедневнику, въ періодъ времени съ 15 Сентября 1836 по 6-е Марта 1837 г.).

Въ одно воскресенье, помнится, 15-го Сентября 1836 года, часу во второмъ дня, я поднимался по лѣстницѣ конногвардейскихъ казармъ, въ квартиру добраго моего пріятели А. И. Синицына, съ которымъ я года за два передъ тѣмъ познакомился у П. Н. Беклемишева и теперь шелъ къ нему приглашать на танцевальный вечеръ 17 Сентября къ общимъ нашимъ знакомымъ Масловымъ, тогда недавно водворившимся въ столицѣ, куда, для воспитанія дѣтей, они переселились изъ Рязани. Синицынъ въ эту пору только что былъ произведенъ въ поручики и назначенъ помощникомъ командира запаснаго эскадрона, т. е. такого эскадрона, который состоятъ изъ молодыхъ солдатъ и кантонистовъ, большинство коихъ готовилось въ музыканты, фельдшера, писаря и въ разныя другія полковыя должности, состоя преимущественно изъ грамотнаго люда. Подходя уже къ дверямъ квартиры Синицына, я почти столкнулся съ быстро сбѣгавшимъ съ лѣстницы и жестоко гремѣвшимъ шпорами и саблею по каменнымъ ступенямъ, молоденькимъ гвардейскимъ гу-

*) Хотя авторъ составлялъ эти свои воспоминанія по ежедневнику, но въ подробностяхъ онъ, очевидно, прибавляетъ то что ему приходило на память уже теперь, и потому, конечно, самъ не можетъ ручаться за дословную точность сообщаемыхъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе духъ времени схваченъ такъ живо, и рассказъ такъ увлекателенъ, что читатели Р. Архива, надѣмся, на насъ не посягуютъ за помѣщеніе сихъ историческихъ повѣствованій. Кто знаетъ ближе и вѣрнѣе, да не покусится на сообщеніе. П. Б.

сарскимъ офицеромъ въ треугольной, надѣтой съ поля, шляпѣ, бѣлый перистый султанъ которой развѣвался отъ сквознаго вѣтра. Офицеръ этотъ имѣлъ очень веселый, смѣющийся видъ человека, который сію минуту видѣлъ, слышалъ или едѣлалъ что-то пресмѣшное. Онъ слегка задѣлъ меня или скорѣе мою камлотовую шинель на байкъ (какія тогда были въ общемъ употребленіи) длиннымъ кашшономъ своей распахнутой и почти распушенной сѣрой офицерской шинели съ краснымъ воротникомъ, и, засмѣявшись звонко на всю лѣстницу (своды которой усиливали звукъ) сказалъ, вскинувъ на меня свои довольно красивые, живые, черные какъ смоль глаза, принадлежавшіе однако лицу бѣдному, нѣсколько скуластому, какъ у Татаръ, съ крохотными тоненькими усиками и съ короткимъ носомъ, чуть чуть приподнятымъ, именно такимъ, какой Французы называютъ nez à la coiffe: „Извините мою гусарскую шинель, что она лѣзетъ безъ спроса цѣловаться съ вашимъ гражданскимъ хитономъ“,—и продолжалъ быстро спускаться съ лѣстницы, все по прежнему гремя ножами сабли, непристегнутой на крючокъ, какъ дѣлали тогда всѣ свѣтски благососитанные кавалеристы, носившіе свое шумливое оружіе съ большою аккуратностью и осторожностью, не позволяя ему ни стучать, ни гремѣть (Это было не въ тонѣ. Развеселый этотъ офицерикъ не произвелъ на меня никакого особеннаго впечатлѣнія, кромѣ только того, что взглядъ его мнѣ показался какимъ-то тяжелымъ, сосредоточеннымъ; да еще, врагъ всякихъ фамильярностей, я внутренно нашелъ странную фамильярность его со мною, котораго онъ въ первый разъ въ жизни видѣлъ, какъ и я его. Подъ этимъ впечатлѣніемъ я вошелъ къ Синицыну и засталъ моего добраго Аванасія Ивановича въ его шелковомъ халатѣ, надѣтомъ на падевую канаусовую съ косымъ воротомъ рубашку, занятаго прилежнымъ смахиваніемъ пыли метелкою изъ пѣту-

шихъ перьевъ со стола, дивана и кресель и выниманіемъ окурковъ маисовыхъ пахитосовъ, самаго толстаго калibra, изъ цвѣточныхъ горшковъ, за которыми патріархальный мой Аванасій Ивановичъ имѣлъ тщательный и старательный личный уходъ, опасаясь дозволить слугамъ касаться до его комнатной флоры, покрывавшей всѣ его окна, увѣшанныя кромѣ того щеголеватымъ проволочными клѣтками, въ которыхъ расплѣвали крикуньи-канарейки и, по временамъ, заливались два жаворонка, Датскій и Курскій.

— „Что это вы такъ хлопчете, Аванасій Ивановичъ?“, спросилъ я, садясь въ одно изъ вольтеровскихъ кресель, верхъ котораго прикрытъ былъ антимакассаромъ, чтобъ не испортилъ бы кто жирными волосами яркоцвѣтной штофной покрывки, впрочемъ и безъ того всегда покрытой бѣлымъ каленкоровыми чахлами.

— „Да, какъ же (отвѣчалъ Синицынъ съ нѣсколько недовольнымъ видомъ) и вы знаете, люблю, чтобъ у меня все было въ порядкѣ, самъ за всѣмъ наблюдаю; а тутъ вдругъ, откуда ни возьмись, влетаетъ къ вамъ товарищъ по школь, курить, сыплетъ пепель вездѣ, гдѣ попало, тогда какъ я ему указываю на пепельницу и въ добавокъ швыряетъ окурки своихъ проклятыхъ трубочковъ *) въ мои цвѣточные горшки, и при всемъ этомъ безъ милосердія болтаетъ, лепечетъ, рассказываетъ всякія грязныя исторіи о Петербургскихъ продажныхъ красавицахъ, декламируетъ самые скверные Французскіе стишонки, тогда какъ самого-то Богъ наградилъ замѣчательнымъ талантомъ писать истинно-предестные Русскіе стихи. Такъ, не бось, не допросишься, чтобъ чтонибудь свое прочелъ! Лѣнивъ, пострѣлъ, лѣнивъ страшно, и что ни напишетъ,

*) Толстыя пахитосы въ маисовой солодѣ, въ родѣ нынѣшнихъ папиросовъ, явившихся въ Петербургѣ только въ концѣ сороковыхъ годовъ.

все или прячетъ куда-то, или жжетъ на раскурку трубокъ своихъ же сорви-головъ-гусаровъ. А вѣдь стихъ-то его, это, просто, музыка! Да и распречестный малый, превосходный товарищъ! Вотъ даже сію минуту привезъ мнѣ какіе-то сто рублей, которые еще въ школѣ занялъ у меня „Курокъ“..... Да, вѣдь вы „Курка“ не знаете: это одинъ изъ нашихъ школьныхъ товарищей, за котораго этотъ гусарчикъ, котораго вы вѣрно сейчасъ встрѣтили, расплачивается. Вы знаете, В** П**, я не люблю деньги жечь; но ей Богу, я сейчасъ предлагалъ этому сумасшедшему: „Майошка, напиши, братъ, сотню стиховъ о чемъ хочешь: охотно плачу тебѣ по рублю, по два, по три за стихъ съ обязательствомъ держать ихъ только для себя и для моихъ друзей, не пуская въ печать. Такъ нѣтъ, не хочеть, капризный змѣенышъ этакой, не хочеть даже „Уланшу“ свою мнѣ отдать цѣликомъ и въ вѣрномъ оригиналѣ, и теперь даже божился, грѣховодникъ, что у него и „Монго“ нѣтъ, между тѣмъ Коля Юрьевъ давно у него же для меня подтибрилъ копію съ „Монго“. Прелестъ, я вамъ скажу, прелестъ, а все таки не безъ пакостной барковщины. *C'est plus fort que lui!* Еще у этого пострѣленка, ко-солапаго „Майошки“, страстишка дразнить меня моею аккуратною обстановкою и приводить у меня мебель въ безпорядокъ, сорить пепломъ и, наконецъ, что ужъ изъ рукъ вонъ, просто сердце у меня вырываетъ, это то, что онъ портитъ мои цвѣты, рододендронъ вотъ этотъ, и какъ нарочно выбралъ же онъ рододендронъ, а не другое что, и забавляется, разбойникъ этакой, тѣмъ, что суетъ окурки въ землю, и не то, чтобы только снаружи, а расковыриваетъ землю, да и хоронитъ. Ну далеко ли до корня? Я ему резонъ говорю, а онъ заливается хохотомъ! Просто отпѣтый какой-то „Майошка“, мой любезный одноклассникъ“.

И все это Аѳанасій Ивановичъ рассказывалъ, стараясь какъ можно тща-

тельно очистить поверхность земли въ горшкѣ своего любезнаго рододендрона, не поднимая на меня глазъ и устремивъ все свое вниманіе на цвѣточную землю и на свою работу; но, вдругъ замѣтивъ, что и я курю мои соломенки-пахитосы, онъ быстро взглянулъ, стоитъ ли въ приличномъ разстояніи отъ меня бронзовая пепельница. Вслѣдствіе этого не по натурѣ его быстрого движенія, и сказалъ ему:

— „Не опасайтесь, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, я у васъ не насорю. Но скажите пожалуйста, гость вашъ такъ васъ огорчившій, вѣдь это тотъ молодой гусаръ, что сейчасъ отъ васъ вышелъ хохоча?“

— „Да, да, отвѣчалъ Синицынъ, тотъ самый. И вышелъ злодѣй, съ хохотомъ отъ меня, восхищаясь тѣмъ, что доставилъ мнѣ своимъ визитомъ работы на добрый часъ, чтобъ за нимъ подметать и подчищать. Еще, слава Богу, ежели онъ мнѣ не испортилъ въ конецъ моего рододендрона. Я, вы знаете, не прочь принять товарища и угостить чѣмъ Богъ пошлетъ; но терпѣть не могу, когда пріятели нарушаютъ заведенный у меня порядокъ, и невольно въ такомъ разѣ отвѣчаю имъ словами мельника въ Сансуси изъ известной исторической побасенки Андриѣ: *«Спаси est maitre dans sa maison!»* *)

Спустя нѣсколько времени, добрыйшій Аѳанасій Ивановичъ, приведя все въ порядокъ, нѣсколько поуспокоился послѣ визита шаловливаго гусарчика, произшедшаго у него такую кутерьму, и сидѣлъ уже, поджавши ноги, на диванѣ, усердно занимаясь другимъ важнымъ дѣломъ, расчесываніемъ волнистой шерсти великолѣпнаго своего Атаргуля (тогда романы Евгенія Сю были въ великой модѣ) эспаньола тамнокочейной масти, пользовавшагося привилегіею ложиться съ ногами на диванъ; но, впрочемъ, и то правда, что щепетильно-аккуратный и

*) Всякій человекъ—господинъ въ своемъ домѣ.

опрятный как крякеръ или гернгутеръ, какъ его называли полковые товарищи, владѣлецъ этого изящнаго пса позволялъ ему эту исключительную льготу не иначе, какъ по личномъ удостовѣреніи въ томъ, что тринадцатилѣтній мальчикъ-казачекъ, Фифка (т. е. Теофилактъ), имѣвшій специальною обязанностью пестунство и уходъ за Атаргулемъ, старательно вытеръ лапы своего воспитанника послѣ каждаго его возвращенія со двора.

Чтобъ не играть долго въ молчанку, которая съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ была, впрочемъ, довольно обыкновенна, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько заинтересованный моею встрѣчею съ гусарскимъ офицеромъ, обратившимся ко мнѣ съ такою странною шуткою, я спросилъ Сплицына: „Кто же этотъ гусаръ? Вы называете его „Майошкой“; но это, вѣроятно, школьная кличка, не такъ ли?“ — „Лермонтовъ“, отвѣчалъ Сплицынъ, „мы съ нимъ были вмѣстѣ въ кавалерійскомъ отдѣленіи школы, только онъ и нѣсколько другихъ юнкеровъ оставались въ школѣ послѣ меня, почему надѣли эполеты лишь въ прошломъ году. Я ихъ всѣхъ чинами перегналъ, потому что на дняхъ вѣдъ меня произвели въ поручики, что чудо изъ чудесъ у насъ въ конной гвардіи, гдѣ всѣ страхъ какъ засиживаются въ чинахъ, не то, что въ кавалергардахъ, у которыхъ почти что годъ, то чинъ: долго эти господа тамъ не служатъ, а больше все разлетаются въ адъютанты или выходятъ въ отставку и уѣзжаютъ за границу. Наши же всѣ служаки; къ тому же у насъ много Остзейцевъ, а эти какъ гдѣ засядутъ, такъ сидятъ тамъ крѣпко, стараюсь перетащить къ себѣ побольше своихъ земляковъ“.

— „Вы говорили давеча, любезнѣйшій Аѳанасій Ивановичъ, спросилъ я, почти не слушая служебныхъ разсужденій моего собесѣдника, вы говорили, что этотъ гусарскій офицеръ, Лермонтовъ, пишетъ стихи?“

— Да и какіе прелестные, увѣрю васъ, стихи, пишетъ онъ! Такіе стихи развѣ только Пушкину удавались. Стихи этого моего однокашника Лермонтова отличаются необыкновенною музыкальностью и пѣвучестью; они сами собою такъ и входятъ въ память читающаго ихъ. Слово арія или соната! Когда я слушаю, какъ читаетъ эти стихи хоть, напримѣръ, Коля Юрьевъ, нашъ же товарищъ, лейбъ драгунъ, двоюродный братъ Лермонтова, также недурной стихотворецъ, но, главное, великій мастеръ читать стихи,—то, ей Богу, мнѣ кажется, что въ слухъ мой такъ и льются звуки самой высокой гармоніи. Я бѣшусь на Лермонтова главное за то, что онъ не хочетъ ничего своего давать въ печать и за то, что онъ повѣнчиваетъ съ своимъ дивнымъ талантомъ и, по моему, просто на просто, оскорбляетъ божественный свой даръ, избирая для своихъ стихотвореній сюжеты совершенно нецезурнаго характера и вводя въ нихъ вѣчно отвратительную „барковщину“. Разъ какъ-то, въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ школѣ, Лермонтовъ, подъ вліяніемъ воспоминаній о Кавказѣ, гдѣ онъ былъ еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчишкой, написалъ цѣлую маленькую поэмку изъ восточнаго быта, свободную отъ проявленій грязнаго вкуса. И замѣйте, что по его пѣжной природѣ это вовсе не его жанръ; а онъ себѣ его напускаетъ, и все изъ какого-то мальчишескаго удалства, безъ котораго эти господа считаютъ, что кавалеристъ вообще не кавалеристъ, а ужъ особенно ежели онъ гусаръ. И вотъ, эту-то поэмку у Лермонтова какъ-то хитростью удалось утащить его кузену Юрьеву. Завладѣвъ этою драгоценностью, Юрьевъ полетѣлъ съ нею къ Сенковскому и прочелъ ее ему вслухъ съ тѣмъ мастерствомъ, о которомъ я уже вамъ говорилъ сейчасъ. Сенковскій былъ въ восторгѣ, просилъ Юрьева сказать автору, что его стихотворенія всѣ, сколько бы онъ ихъ ни давалъ, будутъ напечатаны, лишь бы только

цензура разрѣшила. А та-та и бѣда, что никакая въ свѣтѣ цензура не можетъ допустить въ печать хотя и очаровательные стихи, но неизрѣнно съ множествомъ грязнѣйшихъ подробностей, противъ которыхъ кричитъ чувство изящнаго вкуса*.

— „А, вотъ что, замѣтилъ я, такъ эта прелестная маленькая поэма „Гаджи-Абрекъ“, напечатанная въ „Библиотекѣ для Чтенія“ прошлаго 1835 года, принадлежитъ этому маленькому гусару, который сейчасъ почти закуталъ меня капишономъ своей шинели и увѣрялъ меня, личность ему совершенно не знакомую, что его гусарскій плащъ цѣлуетъ съ моею гражданскою тогоу, при чемъ употребилъ одинъ очень не цензурный глаголъ, который можетъ быть кстати развѣ только за жонкой въ компаніи совершенно разнузданной. Кто бы могъ подумать, что такой очаровательный талантъ—принадлежность такого сорви-головы!“

— „Ну эта фарса съ шинелью очень похожа на Лермонтова, засмѣялся Сяницынъ. За тѣмъ-то онъ все хороводится съ Константиномъ Булгаковым*); продѣлками котораго нынче полонъ Петербургъ, почему онъ, гусь лашчатый, остался лишній годъ въ школѣ. Однако, многоуважаемый В*** П***, я съ вами не согласенъ на счетъ вашего удивленія по поводу поэтическаго таланта, принадлежащаго сорви-головѣ, какъ вы сказали. Послѣ Пушкина, который былъ въ свое время сорви-головой, кажется, почище всѣхъ сорви-головъ бывшихъ, сущихъ и грядущихъ, нечего удивляться сочетанію талантовъ въ Лермонтовѣ съ страстью къ повѣсени-

чанью и молодечеству. А только мнѣ больно то, что вѣтренность моего товарища-поэта можетъ помѣшать ему въ дальнѣйшемъ развитіи этого его дивнаго таланта, который ярко блещетъ даже въ такихъ его произведеніяхъ, какъ, на примѣръ, его „Уланша“. Маленькую эту шуточную поэму невозможно печатать цѣлкомъ; но однаковъ ней бездна чувства, гармоніи, музыкальности, пѣвучести, картинности и чего-то такого, чтѣ такъ и хватаетъ за сердце“.

— „Не помните ли вы, Афанасій Ивановичъ, спросилъ я, хоть нѣсколькихъ стиховъ изъ этой поэмки? Вы бы прекрасно угостили меня, прочитавъ изъ нея хоть какой нибудь отрывокъ.“

— „Какъ не знать, очень знаю, воскликнулъ Сяницынъ, и не только десятокъ или дюжину стиховъ, а всю эту поэмку, написанную подъ впечатлѣніями лагерныхъ стоянокъ школы въ Красномъ Селѣ, гдѣ между кавалерійскими нашими юнкерами (изъ которыхъ всего больше въ этотъ выпускъ случилось улановъ) славилась своею красотою и бойкостью одна молоденькая Красноселька. Главными друзьями этой деревенской Аспазіи были уланы наши, почему, въ нашемъ кружкѣ она и получила прозвище „Уланши.“ И вотъ ее-то, съ примѣсю всякой скарроновщины, воспѣлъ въ шуточной поэмкѣ нашъ „Майошка“. Слушайте: я начинаю.

— „Прежде чѣмъ начать, перебилъ я, скажите на милость, почему юнкера прозвали Лермонтова „Майошкой“? Что за причина этого собрике?“

— „Очень простая, отвѣчалъ Сяницынъ. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ малесцько кривоногъ, благодаря удару, полученному пмъ въ манежѣ отъ раздразненной имъ лошади еще въ первый годъ его нахожденія въ школѣ; да къ тому же и порядкомъ, какъ вы могли замѣтить, сутуловатъ и неуклюжъ, особенно для гвардейскаго гусара. Вы знаете, что Французы, Богъ знаетъ почему, всѣхъ горбуновъ зовутъ *Majeux* и что подъ названіемъ „*Monsieur Majeux*“ есть

*) Этотъ Булгаковъ, Константинъ, служившій въ Л. Гв. Московскомъ полку, хотя въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ числился въ Преображенскомъ полку, былъ знаменитъ своими разнообразными, иногда очень остроумными, проказами, почему онъ былъ въ милости у Великаго Князя Михаила Павловича, снисходительно относившагося къ шалостямъ молодежи, ежели шалости эти не проявляли ничего вреднаго.

одинъ романъ Рикера, въ родѣ Польде-Кока; такъ вотъ „Майошка“ косолапый уменьшительное Французскаго Маусих“.

Давъ мнѣ это объясненіе, Синицынъ прочелъ наизусть въ слухъ, отъ первой строки до послѣдней, всю поэмку Лермонтова, которая въ послѣдствіи была напечатана, конечно, съ выпускомъ всего неудобопечатаемаго и черезъ чуръ скарронскаго, въ 1859 году въ „Библиографическихъ Запискахъ“ покойнаго А. Н. Аванасьева, труды котораго были такъ полезны исторіи отечественной и библиографіи.

Я съ большимъ удовольствіемъ прослушалъ стихотвореніе, въ которомъ нельзя не замѣтить и не почувствовать нѣсколькихъ очень бойкихъ стиховъ, преимущественно имѣющихъ цѣль чисто живописательную. Тогда Синицынъ вынулъ изъ своего письменнаго стола тетрадку почтовой бумаги, сшитую въ осьмушку, и сказалъ мнѣ:

— „По пословицѣ: „кормилъ до бороды, надо покормить до усовъ“. Вамъ, В*** П***, повидимому нравятся стишки моего однокашника, такъ я вамъ ужъ не наизусть, а по этой тетрадкѣ прочту другіе его стихи, только что вчера доставленные мнѣ Юрьевымъ, для списка копии. Это маленькое стихотвореніе Лермонтова называется: „Монго“ *).

— „Вотъ странное названіе!“ воскликнулъ я.

— „Да, отозвался Синицынъ, странное и источникъ котораго мнѣ не извѣстенъ. Знаю только, что это прозви-

* Стихотвореніе это съ нѣкоторыми пропусками напечатано П. А. Ефремовымъ въ „Библиограф. Запискахъ“ 1861 г. № 20 и перепечатано въ „Собраніи стихотвореній Лермонтова“ 1862 г. редакціи Дудышкина. Т. I. стр. 192. Въ 1871 г. М. И. Семевскій съ нѣкоторыми дополненіями напечаталъ „Монго“ въ своихъ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“. Но и тутъ есть описка противъ того манускрипта, писаннаго рукою М. Ю. Лермонтова въ 1836 году и съ недѣлю находившагося у моего пріятеля А. И. Синицына, позволившаго мнѣ списать тогда же вѣрную копию.

ще носить другъ и товарищъ дѣтства Лермонтова, теперешній его однополчанинъ, лейбъ-гусаръ же, Столыпинъ, красавецъ, въ котораго, какъ вы знаете, влюбленъ весь Петербургскій beau monde и котораго въ придачу къ прозвищу „Монго“, зовутъ еще le beau Столыпинъ и la coquecluche des femmes. То стихотвореніе Лермонтова, которое носить это названіе и написано имъ на дняхъ, имѣло, soit dit entre nous, основаніемъ то, что Столыпинъ и Лермонтовъ вдвоемъ совершили верхами, недѣль шесть тому назадъ, поѣздку изъ села Копорскаго близъ Царскаго Села на Петергофскую дорогу, гдѣ, въ одной изъ дачъ близъ Краснаго Кабачка, все лѣто жила наша кордебалетная прелестнѣйшая изъ прелестныхъ Нимфа, Пименова, та самая, чтò постоянно привлекаетъ всѣ лорнеты ложъ и партера, а въ знаменитой бенуарной ложѣ „волокутъ“ производитъ появленіемъ своимъ цѣлую революцію. Столыпинъ былъ въ числѣ ея поклонниковъ, да и онъ ей очень нравился; да не могъ же дѣвочкѣ со вкусомъ не нравиться этотъ писанный красавецъ, нечего сказать. Но громадное богатство пріѣзжаго изъ Казани нѣкого, кажется, г-на Моисеева, чуть ли не изъ Иерусалимской аристократіи и принадлежащаго, кажется, къ почтенной плеядѣ откупщиковъ, понравилось дѣвочкѣ еще больше черныхъ глазъ „Монго“, съ которымъ однако шалунья тайкомъ выдалась, и вотъ на одно-то изъ этихъ тайныхъ и неожиданныхъ красоткою свиданій отправились оба друга, то есть „Монго“ съ „Майошкой“. Они застали красавицу дома; она угостила ихъ чаемъ; Лермонтовъ скромно усѣлся въ сторонкѣ, думая о томъ, какое ужасное мученіе (тутъ Синицынъ опустилъ глаза въ тетрадку и сталъ читать:)

Быть адъютантомъ на сраженіи
При генералишкѣ пустомъ;
Быть на парадѣ жалонѣромъ,
Или на балѣ быть танцоромъ;
Но хуже, хуже во сто разъ
Встрѣчать огонь прелестныхъ глазъ,
И думать: это не для насъ!

Межъ тѣмъ „Монго“ горить и таетъ...
 Вдугъ самый пламенный пассажъ
 Зловѣщимъ стукомъ прерываеъ
 На дворъ влетѣвшій акипажъ.
 Девятилѣстная коляска,
 И въ ней пятнадцать сѣдоковъ.....
 Увы! печальная развязка,
 Неотразимый гнѣвъ боговъ!.....“
 То былъ Мойсеевъ съ своею свитой и проч.

— „Можете представить смущеніе по-
 сѣтителей и хозяйки! продолжалъ Сини-
 цынъ. Но молодцы-гусары, не долго
 думая, убѣдились, что (онъ снова про-
 челъ по рукописи:)

Осталось средство имъ одно:
 Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный,
И не сдержатъ иль головы;
 Но въ нихъ проснулся духъ военный:
 Прыгъ, прыгъ!... И были таковы. *)

— „Вотъ вамъ вся драма этого милаго,
 игриваго, прелестнаго въ своемъ родѣ
 стихотворенія, которое я дѣликомъ сей-
 часъ вамъ прочту; извините, попортилъ
 эффектъ тѣмъ, что прочелъ эти отрыв-
 ки.“

Но благому намѣренію Аѳанасія Ива-
 новича помѣшалъ вошедшій полковой
 берейторъ въ такомъ мундирѣ, какой,
 кажется, и нынче носятъ эти госпо-
 да, т. е. въ такомъ, какой по сей часъ
 присвоенъ полковымъ капельмейстерамъ
 и похожій нѣсколько на конногвардей-
 скій вицмундиръ формы того време-
 ни, только безъ эполетъ и съ шля-
 пой безъ султана. Оказалось, что бе-
 рейторъ изъ Нѣмцовъ пришелъ къ
 Аѳанасію Ивановичу приглашать его
 къ полковому командиру генералу ба-
 рону Мейендорфу, прославившемуся во
 время Польской 1831 года войны сво-
 имъ дивнымъ изъ дивныхъ кавалерій-
 скихъ подвигомъ на мосту подъ Грохо-
 вымъ **). На этотъ разъ дѣло шло о

*) Я намѣренно привожу здѣсь эти стихи,
 потому что у М. И. Семеваго по рукописи
 П. А. Ефремова изложеніе въ нихъ непра-
 вильное и не достаетъ двухъ стиховъ, кото-
 рые здѣсь напечатаны курсивомъ В. Б.

**) Нынѣ генералъ отъ кавалеріи и оберъ-
 егермейстеръ. Нѣкогда это былъ прототипъ
 изящнѣйшаго гвардейскаго кавалериста и
 красавецъ. Онъ былъ женатъ на вдовѣ ге-
 нерала Потемкина, урожденной Брискорнъ.

какомъ-то, принадлежащемъ Синицыну,
 выѣзжаемомъ молодымъ жеребцѣ Ман-
 фредѣ, котораго генералъ, кажется, же-
 лалъ приобрѣсти за щедрую плату для
 своей превосходительной особы. Какъ
 бы то ни было, Синицынъ, отпустивъ
 тотчасъ берейтора, сталъ одѣваться въ
 вицъ-мундиръ. Я же, видя, что мнѣ
 необходимо прекратить мое посѣщеніе,
 всталъ и сказала Синицыну, охорашѣ-
 вавшемуся передъ заркаломъ, причину
 моего визита. Причина эта была та, о
 которой я упомянулъ въ самомъ началѣ
 моей статьи, именно приглашеніе доб-
 рѣйшаго и любезнѣйшаго Аѳанасія Ива-
 новича на танцевальный вечеръ Дмит-
 рія Николаевича и Натальи Григорьев-
 ны Масловыхъ, назначенный дня черезъ
 два, именно 17 Сентября въ день Ан-
 гела ихъ второй дочери, Вѣры Дмит-
 ріевны *). Аѳанасій Ивановичъ при-
 нялъ безъ всякихъ жеманствъ и цере-
 моній приглашеніе этого добрѣйшаго и
 истинно любезнаго и гостепріимнаго
 дома, о которомъ, какъ объ одномъ
 изъ тѣхъ Петербургскихъ домовъ, ко-
 торые оставили во мнѣ наилучшее впе-
 чатлѣніе на всю мою жизнь, я рас-
 пространюсь когда нибудь въ той
 моей статьѣ, которую озаглавлю: „Сѣпт-
 ская жизнь въ Петербургъ въ 1830 —
 1850 г.“, гдѣ я надѣюсь воспроизвести,
 разумѣется, съ точки зрѣнія собствен-
 ныхъ, а не заимствованныхъ отъ кого
 бы то ни было впечатлѣній, тогдашнее
 житье-бытье въ Петербургѣ того не
 высшаго, но хорошаго средняго круга,
 въ которомъ я постоянно съ юноше-
 скихъ лѣтъ вращался и котораго многія
 черты проявлены уже мною въ пре-
 жнихъ моихъ статьяхъ и особенно въ
 той статьѣ, которая печатается въ „Рус-
 скомъ Вѣстникѣ“ подъ названіемъ: „Вос-
 поминанія изъ эпизодовъ моей частной
 и служебной дѣятельности съ 1834 по
 1850 г.“

*) Она впоследствии была замужемъ за
 ген. ад. Фроловымъ и умерла въ молодыхъ
 лѣтахъ еще.

Теперь же скажу о домѣ Масловыхъ только то, что глава этого семейства Д. Н. Масловъ, майоръ въ отставкѣ, былъ нѣкогда губернскимъ предводителемъ Рязанскаго дворянства и носилъ постоянно орденъ св. Анны, украшенный настоящими, какъ жаръ горѣвшими, алмазами, которыхъ онъ никогда не хотѣлъ замѣнить стразами, потому что орденъ этотъ онъ получилъ отъ Императора Александра Павловича, посѣщавшаго Рязань въ началѣ двадцатыхъ годовъ, когда Государь явилъ ему и его семейству другую милость, состоявшую въ томъ, что повелѣлъ всѣхъ сыновей Дмитрія Николаевича и Натальи Григорьевны, сколько бы ихъ у нихъ ни было (а ихъ было, кажется, шесть человѣкъ) зачислить въ Пажескій Корпусъ, гдѣ всѣ они и воспитывались. Въ то время когда я бывалъ въ этомъ пріятнѣйшемъ домѣ и, исполняя порученіе милѣйшей и добрѣйшей хозяйки, приглашалъ на танцевальный ихъ вечеръ Аѳанасія Ивановича Синицына, — трое изъ ихъ сыновей носили пажескій мундиръ, и старшій изъ нихъ, Михаилъ Дмитриевичъ, вскорѣ былъ назначенъ камеръ-пажомъ, а потомъ поступилъ въ Лейбъ-Гвардію гусарскій полкъ, гдѣ, кажется, дослужился до полковниковъ. Говорю „кажется“, потому что, поступивъ въ Апрѣлѣ 1839 года на службу въ Удѣльное Земледѣльческое Училище (черезъ что я разорвалъ всѣ или почти всѣ мои свѣтскія сношенія и отношенія) я разстался съ многими домами, изъ числа которыхъ домъ Масловыхъ былъ тотъ, съ которымъ я разстался ранѣе, чѣмъ съ другими. Причиною тому была кончина добрѣйшей Натальи Григорьевны, изнемогшей отъ печали по замужней дочери Вѣрѣ. Старшая изъ дѣвицъ Масловыхъ, Евгенія Дмитриевна, оставшаяся во главѣ семейства, превосходная личность, какихъ мало на свѣтѣ, вышла въ послѣдствіи въ Рязани замужъ за доктора Вѣнецкаго, овдовѣла и потомъ, какъ я слышалъ, тоже умерла. Послѣ нея остался сынъ, бывший въ Петербург-

скомъ университетѣ во время такъ называемой „студентской исторіи 1861 года“. Въ 1862 или 1863 году въ „Иллюстрированной Газетѣ“ В. Р. Зотова была статья, принадлежавшая этому молодому человѣку и изображавшая яркими красками одинъ изъ несчастныхъ случаевъ его крайней юности. Статья эта свидѣтельствовала о талантѣ молодого человѣка, дальнѣйшая судьба котораго мнѣ неизвѣстна. По смерти матери, кажется, въ 1840 или 1841 году, все семейство разѣхалось въ разные стороны и, преимущественно, въ Рязань, куда Дмитрія Николаевича привлекали его хозяйственные дѣла. Какъ бы то ни было, три или четыре года довольно короткаго знакомства въ этомъ домѣ, когда мнѣ было съ небольшимъ 25—26 лѣтъ, оставили въ памяти моей неизгладимыя черты, внесенныя мною въ мой ежедневный журналъ, который я постоянно велъ съ самыхъ почти отроческихъ лѣтъ.

Свѣтскій зимній сезонъ 1836—1837 годовъ начался для меня весело, пріятнымъ вечеромъ у Масловыхъ, гдѣ мы съ Аѳанасіемъ Ивановичемъ проплясали, какъ теперь помню, не только всю ночь, но и часть утра, такъ что, не желая въ шесть часовъ утра будить мою семью, состоящую изъ матери, постоянно больной и сестры, только что вышедшей преждевременно (по фантазіи матери) изъ Смольнаго, я поѣхалъ не ночевать (о снѣ и рѣчи не было, потому что уже въ 10 ч. необходимо должно было быть на службѣ въ военномъ министерствѣ) а пить кофе и завтракать къ Синицыну въ конногвардейскія казармы, гдѣ я и получилъ отъ Аѳанасія Ивановича дня на два подлинную тетрадку съ стихотвореніемъ „Монго“ для снятія съ нея копіи. И вотъ, благодаря этой-то вѣрной, разпревѣрной копіи, тщательно списанной мастерски и каллиграфически однимъ изъ подчиненныхъ мнѣ тогда писарей (разумѣется, за довольно изрядное вознагражденіе), — я и могу теперь возстановить тѣ сти-

хи, которые оказываются выпущенными въ напечатанныхъ доселѣ. Въ это же утро А. И. Сивичевъ далъ мнѣ, для списанія, еще одно юнкерское стихотвореніе Лермонтова подъ названіемъ: *Петергофскій праздникъ*; но это стихотвореніе, полное скарроновщины, мнѣ было не по сердцу, хотя и въ немъ есть мѣста истинно превосходныя, свидѣтельствующія о замѣчательномъ талантѣ автора. Достоинъ вниманія, что въ этой грязноватой поэмкѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ изображенъ юнкеръ Мартыновъ, вышедшій въ Гатчинскіе кирасиры, родной и старшій братъ Мартынова, имѣвшаго несчастье убитъ на дуэли въ 1841 году Лермонтова.

Повторяю, зима 1836 и начала 1837 года была для меня одна изъ самыхъ веселыхъ въ моей жизни, отчасти можетъ быть потому, что мнѣ въ эту зиму привелось сопровождать на вечера и на балы, вмѣсто матери (какъ я выше сказалъ, почти постоянно больной) шестнадцатилѣтнюю монашечку, мою сестрѣнку, и, вспоминая, что эта новая роль не то ментора, не то *cavaliere-servant*, занимала и забавляла меня и оставила во мнѣ много, много впечатлѣній. Но, впрочемъ, вся эта разсѣянная жизнь, какую я велъ съ 17-го Сентября, не уклонила меня отъ моихъ обычныхъ занятій, посвящаемыхъ, правду сказать, слегка службѣ въ военномъ министерствѣ и, преимущественно, посѣщеніямъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, сотрудничеству въ „Журналѣ Общепользныхъ свѣдѣній“ (отъ „Свѣ. Пчелы“ я тогда почти отсталъ) и изготовленію для книгопродавцевъ подъ разнообразными псевдонимами, всевозможныхъ книгъ, книжекъ и книжонокъ, что все вмѣстѣ давало мнѣ, какъ говорится, *de quoi manger et boire**), имѣя на рукахъ семью и, главное, молоденькую дѣвушку-сестру, вступавшую въ свѣтъ и продолжавшую свое музыкальное воспитаніе для развитія весьма крупнаго и замѣча-

тельнаго таланта, не утратившаго и понынѣ своей силы и очаровательной свѣжести. Среди всѣхъ этихъ проявленій моей постоянной и обычной дѣятельности, я посѣщалъ довольно часто Библиотеку „для чтенія“ (какъ будто библиотечка для чего инаго какъ не для чтенія) Смирдина на Невскомъ въ домѣ Петропавловской церкви. Библиотекаремъ этой библиотеки, древнѣйшей въ Петербургѣ и созданной еще Плавильщиковымъ въ XVIII вѣкѣ, былъ знаменитый въ то время библиофилъ и библиоманъ, Федоръ Фроловичъ Цвѣтаевъ, человекъ весьма недюжинный и владѣвшій такою удивительною памятью, какую щеголять могутъ лишь въ крайне ограниченномъ числѣ избранники. Память его была до того изумительна, что давала ему возможность безошибочно, наизусть, безъ всякой справки, указывать на страницы различныхъ мѣстъ изъ огромныхъ сочиненій и знать въ тончайшихъ подробностяхъ исторію каждаго маломальски рельефнаго изданія изъ числа тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ томовъ, какіе составляли библиотечку покойнаго А. Ф. Смирдина, лучшую въ городѣ. Къ тому же онъ до того сроднился съ этими книгами и размѣщеніемъ ихъ въ книгохранилищѣ, что зналъ, гдѣ которая изъ нихъ на полкахъ стоитъ и указывалъ ее своимъ юнымъ помощникамъ-мальчишкамъ безъ запинки и затрудненія. Я былъ изъ числа многочисленныхъ посѣтителей, одинъ изъ тѣхъ немногихъ, который пользовался добрымъ расположеніемъ, впрочемъ довольно угрюмаго и не слишкомъ-то общительнаго Федора Фроловича, котораго въ то время зналъ и уважалъ весь читающій и въ особенности литературно-работающій Петербургъ, почему въ статьѣ моей, которая исподволь мною на 1873 годъ подготовляется, подъ названіемъ: „*Петербургскія редакціи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ*“, воспоминаніе о Федорѣ Фроловичѣ займетъ не послѣднее мѣсто.

Пользуясь моимъ ежедневнымъ журналомъ, вспоминая теперь, что 26 Ян-

*) Чѣмъ наѣсться и напиться.

варя 1837 года, я, имѣя порученіе отъ начальства, собрать свѣдѣнія печатныя и практическія (послѣднія, разумѣется, посредствомъ тогдашняго моего благопріятеля директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища М. А. Байкова) объ огородномъ производствѣ для составленія проекта записки о полковыхъ огородахъ, -- зашелъ въ бібліотеку Смирдина и принялся за каталогъ, дѣлая изъ него многочисленныя выметки. Вдругъ Ѳедоръ Фроловичъ, какъ бы ни къ селу-ни къ городу, спросилъ меня:

„А что, В*** П***, давно ли вы видѣлись съ Николаемъ Ивановичемъ Гречемъ?“

— „Да ужъ давненько, отвѣчалъ я, недѣли три-четыре будетъ, кажется. Заѣзжалъ въ новый годъ, да они нынче, видно, по знатному, не принимаютъ. А что?“

— „Какъ что? да вы развѣ не знаете, продолжалъ Ѳедоръ Фроловичъ, по обыкновенію своему угрюмо, вѣдь онъ пораженъ страшнымъ ударомъ: его второй сынъ, этотъ молоденькій студентикъ, Николай, послѣ кратковременной болѣзни, умеръ третьяго дня; завтра его хоронятъ. Неужели вы ничего не знали? Понимаю! Тамъ, говорятъ, предоставлены разныя распоряженія по приглашеніямъ вашему недругу, Володѣ Строеву, этому „лѣвому Гречеву глазу съ бѣльмомъ“, какъ прозвалъ его хромой бѣсъ Воейковъ, и вотъ этотъ-то господинъ, видно, нарочно не послалъ къ вамъ билета, чтобы отсутствіе ваше произвело на отца неприятное впечатлѣніе и чтобы потомъ этимъ самымъ можно было васъ получше почернить въ глазахъ довѣрчиваго и слабохарактернаго Николая Ивановича. Поѣзжайте же туда, поѣзжайте непременно, и постарайтесь, чтобы васъ тамъ видѣли.“

Меня очень поразило это извѣстіе, потому что хотя Коля Гречъ, восемнадцатилѣтній юноша, годами семью былъ меня моложе; но я искренно, отъ глубины души, любилъ его и находилъ неподдѣльное наслажденіе въ умно-веселой

бесѣдѣ и любезномъ обращеніи этого не по лѣтамъ развитаго и образованнаго молодого человѣка, въ которомъ самое дѣльное развитіе сочеталось съ милымъ, беззаботнымъ характеромъ и постоянною натуральною оживленностью, дѣйствовавшей на всѣхъ какъ-то заразительно. Онъ былъ стольже какъ его отецъ остроуменъ, съ тою однако разницею, что его остроуміе никогда никого не ранило, не оскорбляло, а, напротивъ, въ самой шуткѣ и даже насмѣшкѣ его, слышалось всегда какое-то необыкновенное добродушіе и милое простосердечіе. Не будучи поразительнымъ красавцемъ, этотъ розовый, свѣтло-кудрый юноша былъ очень недуренъ собою, и его симпатичные большіе, темно-голубые глаза оставляли невольно пріятнѣйшее впечатлѣніе въ каждомъ человѣкѣ, не лишенномъ эстетическаго чувства и любви ко всему истинно прекрасному. Ежели бы смерть не сразила его на девятнадцатомъ году жизни, изъ него вышелъ бы замѣчательный литературный дѣятель или превосходный драматическій артистъ. Въ послѣдній разъ я его видѣлъ цвѣтущаго здоровьемъ и вполне веселаго и счастливаго 6-го Декабря 1836 года въ Николинъ день, когда, не смотря на то, что Гречъ и его семейство были лютеране, отецъ и сынъ праздновали день своего Ангела по православному обычаю. На этотъ разъ именны Николая Ивановича и Николая Николаевича праздновались какъ-то особенно блистательно: съѣхалось безчисленное множество гостей, такъ что и большая зала, и зала-кабинетъ были заняты столами, за которыми обѣдало до двухсотъ человѣкъ. Передъ концомъ обѣда принесена была и подана Гречу цидулочка съ поздравленіемъ знаменитаго Пушкина. Тогда, конечно, никто не могъ подозрѣвать того ужаснаго событія, которое лишитъ черезъ полтора мѣсяца Россію одной изъ рельефнѣйшихъ ея знаменитостей. Впрочемъ, въ это время нѣкоторые знавшіе Пушкина и, между прочими, А. Ѳ. Во-

ейковъ, говорили мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ былъ постоянно далеко не такъ веселъ и оживленъ, какимъ видѣлъ я его прежде и даже за мѣсяцъ предъ тѣмъ на пятничномъ вечерѣ у А. Ѳ. Воейкова (См. „Мое знакомство съ Воейковымъ“ № 11 „Р. Вѣстн.“ 1871) какая-то туча была на челѣ великаго поэта. Алексѣй Николаевъ Гречъ, старшій сынъ Греча (впослѣдствіи женившійся на разведшейся съ знаменитымъ Карломъ Брюловымъ красавицѣ, урожденной Тимъ, сестрѣ извѣстнаго художника и издателя „Художественнаго Листка“) а также покойный братъ Греча Павелъ Ивановичъ, тогда полковникъ Л. Гв. Финляндскаго полка, рассказывали мнѣ во время именинаго праздника, 6-го Декабря, что за два дня до именинъ у Николая Ивановича 4 Декабря праздновались именины его жены Варвары Даниловны и вмѣстѣ съ тѣмъ день рожденіе одной изъ дочерей. Замѣчательно, что Гречъ и семейство его лютеране, а жена реформатка или кальвинистка, какъ я уже и замѣтилъ, имѣли странное обыкновеніе праздновать порусски свои именины, дѣлаясь на эти дни православными. Въ домѣ Греча былъ семейный праздникъ, на которомъ были почти все свои, родные. Часовъ въ девять вечера, проѣзжая по Мойкѣ изъ Коломны въ Англійскій клубъ (бывшій тогда въ Демидовомъ переулкѣ) Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ увидѣлъ сильное освѣщеніе у Греча и, думая найти у него литературное сборище объ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара, заѣхалъ изъ любопытства на минутку; но неожиданно попалъ на семейный праздникъ и былъ особенно восторженно принятъ своимъ страстнымъ поклонникомъ Колей Гречемъ, который не отставалъ отъ него и которому Пушкинъ выражалъ свою искреннюю симпатію. Пушкинъ не отказался отъ бокала шампанскаго и просилъ Колю прочесть отрывокъ изъ его „Бориса Годунова“, восхищался дикціей и вѣрностью интонаціи и предрекалъ, что изъ этого маль-

чика долженъ образоваться второй Гарибъ или Тальма. Это послѣднее предсказаніе Пушкина (какъ говорили тогда домашніе Греча и въ томъ числѣ мнѣ собственно одна изъ его молоденькихъ родственницъ Розалія Р****тъ, съ которой я часто танцовывалъ на вечерахъ) очень не полюбилось тогдашней женѣ Греча, немножко жеманной и педантичной, но доброй Варварѣ Даниловнѣ, которая по поводу этого предсказанія сказала: „Ces poètes ont toujours des idées si barroques!“ (У этихъ поэтовъ всегда такія вычурныя идеи). Какъ бы то ни было, а Пушкинъ, какъ замѣтили многіе, былъ не въ своей тарелкѣ, и нѣкоторые тутъ же на вечерѣ относили это къ тому, что онъ, въ качествѣ камеръ-юнкера, долженъ былъ бывать на частыхъ церемоніяхъ во дворцѣ, чрезъ что утомлялся физически и нравственно. Но поздвѣйшія событія злополучной катастрофы 27-го Января 1837 года уже въ концѣ 1836 года послужили поясненіемъ той мрачной задумчивости, которая отразилась на всемъ лицѣ впечатлительнаго поэта и заставила его въ нѣсколько дней постарѣть на нѣсколько лѣтъ. Пробывъ 4 Декабря у Греча съ полчаса, Пушкинъ удалился. Гречъ самъ проводилъ его въ прихожую, гдѣ лакей Пушкина подалъ ему медвѣжью шубу и на ноги надѣлъ мѣховые сапоги.—„Все словно бьетъ лихорадка, говорилъ онъ, закутываясь, все какъ-то вездѣ холодно и не могу согрѣться: а порой вдругъ невыносимо жарко. Нездоровиться что-то въ нашемъ медвѣжьемъ климатѣ. Надо на югъ, на югъ!...“ Онъ это быстро говорилъ въ прихожей, куда за нимъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, его братомъ и сыновьями, высыпало нѣсколько человѣкъ веселившейся молодежи. Юноша Коля Гречъ, прощаясь съ Пушкинымъ, тутъ же сказалъ ему совершенно безсознательно, по видимому: „Ахъ ежели бы мнѣ привелось увидѣть васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ цвѣтущихъ долинахъ этого юга, куда вы хотите поѣхать!“—

„Гора съ горой не сходится, замѣтилъ, какъ-то грустно улыбаясь, Пушкинъ, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдется. До свиданія, Тальма en herbe!“ И онъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ сѣсть въ карету, а Коля сбѣжалъ за нимъ и провожалъ, до тѣхъ поръ пока Пушкинъ не сѣлъ въ экипажъ. На дворѣ было холодно, градусовъ не менѣе двадцати, т. е. зимній Николайъ день того года вполне оправдывалъ поговорку просто-народья: „Никола съ гвоздемъ“. Возвращаясь съ мороза въ теплыя комнаты, вѣтренный Коля вмѣсто того, чтобы тотчасъ выпить чего нибудь горячаго, отказался отъ чашки шоколада, разносямаго въ это время гостямъ, вмѣстѣ съ десертомъ, и порывисто устремился къ подносу, на которомъ высилась bombe à la Sardanaïale изъ превосходнаго разноцвѣтнаго мороженаго. и наложилъ себѣ его цѣлую хрустальную тарелочку. Потомъ, когда нанятый скрипачъ, сопровождавшій повсюду тогдашняго танцовальнаго учителя Дютака, напился такъ пьянъ пуншемъ, что, какъ говорится, лыкомъ не вязалъ, — къ роялю, въ огромной залѣ, сѣлъ извѣстный въ то время фортепьянный учитель, бывшій впоследствии содержателемъ музыкальнаго магазина, и понынѣ носящаго его фирму, Бернаръ, и заигралъ веселый вальсъ. Тотчасъ Коля взялъ одну изъ сестеръ и полетѣлъ съ нею, а за нимъ всѣ молодые люди, тутъ бывшіе, за тридцать пять лѣтъ предъ симъ находившіе въ танцахъ то чего въ нихъ нынче молодежь не находятъ, — поэтическое наслажденіе. Однако танцы подъ фортепьяно что-то не клеились, и мало по малу общество разтѣзжалось, претекстуня, большею частью, зовъ на именинные вечера къ Русскимъ Варварамъ, риге sand, а Коля Гречъ продолжалъ злоупотреблять мороженымъ, увѣряя всѣхъ, что нѣтъ ничего лучше этихъ ледяныхъ комковъ противъ мучительнаго внутренняго жара. Было ль, не было ль это началомъ болѣзни, только помню, что я Колю Греча встрѣтилъ

послѣ 6-го Декабря какъ-то на Невскомъ передъ Рождественскими праздниками и нашелъ, что онъ далеко не такой розовенькій, какимъ я его привыкъ видѣть. Онъ отвѣчалъ мнѣ на мой вопросъ о его здоровьи, что ему что-то не здорovitся эту пору послѣ именинъ; но, что это все пустяки и, конечно, скоро пройдетъ. Во время Рождественскихъ праздниковъ, я во Французскомъ книжномъ магазинѣ Белизара (что нынѣ Мелье) въ д. Голландской церкви. выбиралъ хорошенькую, конечно, не слишкомъ дорогую книжку для кого-то изъ знакомыхъ малютокъ, и тутъ столкнулся съ старшимъ сыномъ Греча Адексѣемъ Николаевичемъ, находившимся тогда на службѣ въ качествѣ переводчика въ редакціи Journal de St. Pétersbourg. Онъ мнѣ передалъ, что братъ его, Коля, совсѣмъ нездоровъ и не выходитъ изъ комнаты. Я заѣхалъ къ Гречу въ первый день Новаго (1837) года. Въ тѣ времена было въ обычаѣ не принимать дѣлающихъ лично церемонные визиты, чтобъ не тревожить ихъ безпрестаннымъ скидываніемъ и надѣваніемъ шубъ, такъ какъ при большомъ знакомствѣ приходилось дѣлать до сотни въ день заѣздовъ. Я отдалъ человѣку въ передней мои визитныя карточки и спросилъ о здоровьи Николая Николаевича. Слуга отвѣчалъ, что всю пору сидѣлъ дома, а сегодня выѣхали съ визитами къ попечителю и къ ректору Университета, да еще въ два-три знакомыхъ дома.

— „Ну, значитъ, болѣзнь прошла“, подумалъ я и вовсе не безпокоился объ Колѣ Гречѣ, почему тѣмъ больше 26 Января поразила меня вѣсть о его смерти, переданная мнѣ Цѣтцаевымъ.

Все эти мысли и воспоминанія наполняли мою голову. пока я шелъ по Мойкѣ отъ Полицейскаго моста къ дому Греча, на Мойкѣ же противъ самаго пѣшеходнаго почтамскаго мостика рядомъ съ громаднымъ Юсуповскимъ палацомъ *).

*) Нынче весь этотъ домъ, принадлежащій другому владѣльцу, занятъ подъ огром-

Съ грустнымъ чувствомъ вошелъ я въ переднюю, гдѣ засталъ въ это время одного только стараго слугу Греча, хорошо известнаго всѣмъ знакомымъ и вообще почитателямъ Николая Ивановича. Плѣссы на воротникѣ и на рукавахъ чернаго платья этого преданнаго слуги, носившаго Колю нѣкогда на рукахъ, произвели на меня непріятное впечатлѣніе съ первой минуты моего входа въ этотъ домъ скорби. Старикъ узналъ меня тотчасъ и, принявъ мою шубу, повѣшенную имъ на вѣшалку, сказалъ, замѣтивъ разстройство на моемъ лицѣ:

— „Вы, конечно, все знаете и прішли проститься съ нашимъ ангельчикомъ“. И добрый человекъ, не выдержавъ, залился слезами. Я не могъ удерживать моихъ слезъ, и съ участіемъ обнявъ этого вѣрнаго и преданнаго служителя, который продолжалъ: — „Вы, сударь, „шикого пзъ семейства теперь не увидите: всѣ умаялись эти дни ужасно, и докторъ далъ даже Николаю Ивановичу какихъ-то капель, чтобъ онъ могъ заснуть. И вотъ теперь онъ, бѣдный, у себя наверху въ спальнѣ спитъ. Алексѣй Николаевичъ поѣхалъ по этимъ все дѣламъ, по похороннымъ-то; Варвара Даниловна совсѣмъ расхворалась, Катерина Ивановна (т. е. сестра Греча) все хлопочетъ и мечется изъ угла въ уголь; а дѣвцы наши (т. е. дочери Греча) гостятъ у дядюшки, у генерала-то Андрея Яковлевича (Ваксмута)“. Все это старикъ мнѣ рассказывалъ передъ самыми дверями кабинета-залы, запертыми на ключъ.

— „Лишняго люда, толковалъ старикъ, бережно отворяя дверь. Николай Ивановичъ-то не приказали пускать смотреть на нашего покойника. У насъ у Русскихъ, конечно, обычай тотъ, что на покойника глазѣтъ, словно на чудо какое всѣ пдутъ; а у нихъ, у лютеранъ, другіе, извольте видѣтъ, порядки: они не такъ-то любятъ, когда люди изъ одну центральную кассу частной купли и продажи.

ного любопытства только смотреть на ихъ усопшаго“.

Огромная зала-кабинетъ, въ которой я такъ часто проводилъ пріятно вечера, на этотъ разъ была не совсѣмъ свѣтла, потому что всѣ окна ея и стеклянная дверь на балконъ въ садъ были завѣшаны бѣлыми сторами, зеркала обтянуты были чернымъ коленкоромъ, равно и какія только были тутъ картины. Большой столъ былъ сдвинутъ къ самой двери и освобожденъ отъ книгъ и бумагъ, а подлѣ стола стояла длинная темнозеленая кушетка, въ головахъ которой было поставлено довольно большое серебряное распятіе на черномъ постаментѣ, въ видѣ гранитнаго камня. На кушеткѣ этой лежалъ во весь ростъ, прямо и граціозно, словно заснувшій отъ усталости, Коля Гречъ въ своемъ студентскомъ мундирѣ съ васильковымъ воротникомъ и золотыми петлицами. Руки въ бѣлыхъ перчаткахъ были скрещены на груди. На покойникѣ не было никакого покрыва, кромѣ легкой бѣлой дымки, которую старикъ-служитель бережно снялъ съ тѣла, и тогда, указывая мнѣ на сапоги покойника, сказалъ шопотомъ: „Въ послѣдній разъ ужъ со всѣмъ моимъ усердіемъ постарался для моего голубчика молодого барина, и ужъ такъ вычистилъ, какъ, право, кажется, при жизни его никогда не чистилъ“. При другихъ обстоятельствахъ, наивность эта, можетъ быть, разсмѣшила бы меня; но на этотъ разъ я не могъ смѣяться, да и вообще относиться легко къ чему бы то ни было. Я глядѣлъ на милого усопшаго юношу, такъ много общавшаго и заявившаго о себѣ въ жизни уже столько хорошихъ задатковъ прекраснаго будущаго. Болѣзнь и смерть не успѣли обезобразить милыя черты этого добраго, слегка улыбаващагося тогда, какъ бы восковаго лица, съ закрытыми глазами, окаймленными длинными вѣками.

Рѣдко случается видѣтъ такого изящнаго покойника, какимъ былъ этотъ равносременно скончавшійся юноша. Онъ

нѣсколько, кромѣ нѣкоторой желтоватой прозрачности нѣжной кожи на лицѣ, не былъ похожъ на мертваго. Вся кушетка, на которой онъ лежалъ, покрыта была множествомъ гирляндъ, вѣнковъ и букетовъ изъ натуральныхъ цвѣтовъ, которые въ разнообразныхъ вазахъ и сосудахъ разставлены были въ нѣсколько рядовъ на столѣ. Это были, большею частью, луковичныя цвѣтущія растенія, наполнявшія огромную комнату своими ароматами; а нѣсколько тропическихъ растеній у самаго изголовья и въ ногахъ склоняли свои громадные листья надъ покойнымъ, который, при жизни, страшно любилъ цвѣты, растенія и вообще все относящееся къ ботаникѣ. Я довольно долго любовался добрымъ Колей, свѣтлорусые кудри котораго, завитые самою природою, лежали слегка разметавшись на бѣлой атласной подушкѣ и, казалось, что вотъ сейчасъ онъ отворитъ этотъ пріятный ротикъ, теперь слегка закрытый и все таки улыбающійся, до того, что на щекахъ остались слѣды ямокъ.

— „Вотъ, шепталъ старикъ-слуга, вотъ такъ онъ и умиралъ, сердечный, все улыбался, увѣряя, что ему хорошо, очень хорошо; но потомъ, обращаясь къ отцу, сказалъ: „Увидишь Пушкина, Александра Сергѣевича, скажи ему, что Богу не угодно было, чтобы я пошелъ на театральную сцену, потому что я ухожу не въ театральную, а въ настоящую жизнь“.—Что онъ, сердечный, хотѣлъ этимъ сказать, я ничего не понялъ: но все таки я записалъ себѣ на память въ календарѣ на листочкахъ эти его слова и не забуду ихъ. Вотъ поуспокоится Николай Ивановичъ, такъ я спрошу его, что это была за притча такая?“

Поцѣловавъ нѣсколько разъ въ холодный лобъ милаго Колю, сотворивъ крестное знаменіе по православному обычаю и даже склоняясь на паркетъ, къ великому удовольствію старика слуги, который и самъ при этомъ исполнялъ тоже, казалось, съ чувствомъ особеннаго наслажденія,— я вышелъ въ передъ-

залу, а старикъ-слуга заперъ снова бережно дверь на ключъ.

— „Когда хоронять?“, спросилъ я.

— „Завтра часа въ четыре по полудни, отвѣчалъ словоохотливый служитель, пріѣдетъ Нѣмецкій пасторъ, и при немъ въ гробъ положатъ. Гробъ черный бархатный, весь какъ облитый серебряными басонами, готовъ у гробовщика еще со вчера; да вотъ Николай Ивановичъ не хотятъ въ гробъ покойничка положить. Они говорятъ: „Пока Коля лежитъ на кушеткѣ, мнѣ все сдается, что онъ еще встанетъ; а ежели ляжетъ въ гробъ, то уже конецъ всякой надеждѣ на воскресеніе.“ Они не велѣли и на столъ-то класть тѣло, а чтобъ лежало вотъ какъ есть теперь на кушеткѣ, именно на той, на которой покойничекъ любилъ отдыхать, когда бывало вернется съ катка, что ли. Охъ! ужъ этотъ катокъ!“ *)

— „А что, спросилъ я машинально.

— „Да то-съ, отвѣчалъ онъ, что, кажется, Николай Николаевичъ и простуду-то схватилъ на каткѣ этомъ проклятомъ. Впрочемъ началась-то простуда у него поистинѣ съ 4 Декабря, т. е. съ того самаго вечера какъ наканунѣ именинъ, когда у насъ танцы были, пріѣзжалъ этотъ сочинитель-то Пушкинъ къ намъ, а нашъ-то молоденькій баринъ проводилъ его до экипажа. На дворѣ было холодно, да вѣтрено таково: онъ и схватилъ себѣ болѣзнь, да подмогъ ей еще этимъ проклятымъ каткомъ, о которомъ нашъ Ѳадей Венедиктовичъ похвалы расписываетъ въ нашей „Пчелкѣ“, а самъ, не бось, не пускается на немъ кататься:

*) Въ тѣ времена обычай кататься на конькахъ въ публикѣ еще не входилъ въ моду, и былъ во всемъ Петербургѣ только одинъ всего катокъ, принадлежавшій какому-то Англійскому обществу конкобѣнцевъ и устроенный на Невѣ противъ Англійской набережной. Но и въ то время Булгаринъ въ своемъ субботнемъ вельетонѣ „Сѣверной Пчелы“ настаивалъ постоянно на пользѣ и необходимости этого упражненія.

боится видно, что жиру-то у него тогда сойдетъ знатно.“

На слѣдующій день, 27 Января, я, облекшись въ приличный, по тогдашнимъ понятіямъ, трауръ, т. е. весь въ черномъ до перчатокъ включительно, въ бѣломъ галстукѣ, съ чернымъ креномъ на шляпѣ-цилиндрѣ и съ большимъ крепымъ бантомъ на правомъ обшлагѣ фрака, часу въ пятомъ, явился въ домъ Н. И. Греча, гдѣ нашелъ бѣднаго этого отца въ самомъ убійственномъ состояніи нравственной убитости. Онъ, бѣдный, казалось мнѣ, постарѣлъ вдругъ на нѣсколько лѣтъ и безпрестанно бросался къ покойнику, уже положенному въ гробъ. Стеченіе посѣтителей было огромное: всѣ родственники, друзья и знакомые (а послѣднихъ у Греча было множество) почти весь городъ, и, достойно вниманія, что не было почти человѣка, который не раздѣлилъ бы съ Николаемъ Ивановичемъ искренно его печали. Особенно рельефно и трогательно проявлялись студенты здѣшняго университета, все малодѣжь такая прекрасная, впечатлительная и державшая себя съ милою юношескою задумчивостью. Гробъ былъ поставленъ на колесницу съ балдахиномъ, и она двинулась, предшествуемая факельщиками съ настоящими дымящимися факелами, потому что въ то время нынѣшнихъ фонарей (нововведенія начала пятидесятыхъ годовъ) еще не было. Студенты окружали колесницу съ обѣихъ сторонъ, а за гробомъ тотчасъ шло семейство съ громадною толпою посѣтителей, въ числѣ которыхъ я увидѣлъ, кромѣ многихъ изъ пишущей братіи, почти всѣхъ драматическихъ артистовъ сценъ Русской Французской и Нѣмецкой; сверхъ того тутъ было не мало музыкантовъ, живописцевъ, скульпторовъ, архитекторовъ. Однимъ словомъ, кажется, весь интеллектуальный и артистическій Петербургъ находился на этомъ трогательномъ погребеніи, и каждый старался показаться кому нибудь изъ членовъ семейства, чтобы быть замѣченнымъ и чтобы чрезъ то выразить какъ свои сим-

патіи къ покойному юношѣ, такъ и заявить горестному отцу и всему семейству свое искреннее участіе въ этой потерѣ. У лютеранъ въ церкви гроба не открываютъ, почему Гречъ и всѣ близкіе къ усопшему окончательно простились съ нимъ еще на дому, гдѣ крышка гроба была уже навсегда завинчена.

Скрежетъ винтовъ дѣйствовалъ на всѣхъ предстоявшихъ, болѣе или менѣе уже разстроенныхъ, самымъ неприятнымъ образомъ. Это была самая страшная для родителей и родственниковъ минута. Николай Ивановичъ нѣсколько минутъ оставался въ обморокѣ. Когда его привели въ чувство, то доктора (а ихъ тутъ было множество) уговаривали его остаться дома, лечь въ постель и не ѣздить ни въ церковь, ни на кладбище. Но послѣ обморока, онъ вдругъ какъ будто оживился и воскликнулъ: „Я не только буду сопровождать Колю моего до послѣдняго его жилища, но ни за что не сяду въ карету, а непременно пойду пѣшкомъ: это даже будетъ мнѣ полезно“. И дѣйствительно, видно это было ему хорошо, потому что Николай Ивановичъ, не взирая на то, что зимній день былъ довольно холодный, хотя и совершенно безвѣтренный, все время шелъ отъ своего дома до Петропавловской церкви на Невскомъ проспектѣ близъ Полицейскаго моста, безъ шляпы, въ легкой шубѣ въ накидку и, съ свойственною ему словоохотливостью, бойко хотя и въ полголоса разговаривалъ то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ лицъ, къ нему подходившихъ, разумѣется, преимущественно, о сынѣ, котораго онъ страстно любилъ и котораго такъ преждевременно лишился, именно въ ту минуту когда только что началъ возлагать надежды на улыбающуюся ему блестящую будущность. Достойно вниманія, что карьера знаменитаго драматическаго артиста, которую за полтора почти мѣсяца предъ тѣмъ, 4-го Декабря 1836 года, предрекалъ ему Пушкинъ, вовсе не казалась Гречу для сына его невозможною и, идучи за гробомъ своего Коли,

онъ объ этомъ говорилъ съ окружавшими его, вспоминая порученіе, данное ему покойнымъ за немного часовъ до конца, о томъ, чтобъ сказать Пушкину, что „ему не удалось войти въ театральную, лицедѣйную жизнь, потому что онъ уходитъ въ жизнь настоящую, въ которой нѣтъ ничего лицедѣйнаго“. При этомъ Гречъ спросилъ: „Послано ли было приглашеніе къ Александру Сергѣевичу? Онъ такъ любилъ Колю моего!“

— „Какъ же, было послано съ курьеромъ изъ нашего министерства, а не по городской почтѣ“, сказалъ Николай Ивановичъ Юханцовъ, служившій тогда въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ Греча, по редакціи *Journal de St. Péttersbourg* помощникомъ редактора, графа Сансе.

— „Но только, продолжалъ Юханцовъ конфиденціально, какъ мнѣ говорилъ курьеръ, котораго я посылалъ къ Александру Сергѣевичу, тамошнее лакейство ему сказывало, что ихъ баринъ эти дни словно въ какомъ-то разстройствѣ: то прѣдетъ, то уѣдетъ куда-то, загоняя нѣсколько парныхъ мѣсячныхъ извозчиковъ, а когда бываетъ дома, то свистеть нѣсколько часовъ сряду, кусаетъ ногти, бѣгаетъ по комнатамъ. Никто ничего понять не можетъ, чтѣ съ нимъ дѣлается.“

— „Вѣрно, пишетъ новую поэму“, сказалъ Гречъ, никуда столько дней не выѣзжавшій, а потому и не знавшій ничего о тогдашнихъ городскихъ слухахъ, противъ своего обычая знать все первому.— „Я знаю, онъ обыкновенно такъ ведетъ себя, пока новое произведеніе создается въ головѣ его. Ежели онъ чтонибудь превосходное напишетъ, не въ родѣ, конечно, всего того, чтѣ по червонцу за стихъ недавно продавалъ нашему добрѣйшему Александру Филиповичу (Смирдину) *), да напечатаетъ въ

своемъ „Современникѣ“ хотъ въ видѣ приложенія, то журналъ этотъ вдругъ дойдетъ до десяти или двѣнадцати тысячъ подписчиковъ. Ежели Сведенборгисты не врутъ, и душа дѣйствительно живетъ такую же загробною жизнью, какъ мы здѣсь, то моему Колѣ будетъ наслажденіе прочесть на томъ свѣтѣ въ его новой жизни то, чтѣ написалъ оставшійся здѣсь обожаемый имъ Пушкинъ“.

Николай Ивановичъ Юханцовъ, обладѣтельствованный Гречемъ и сильно къ нему привязанный, всегда отличавшійся холодностью формъ, имѣвшихъ въ себѣ много педантичнаго и напускнаго, искренно любилъ Греча, а потому, замѣтивъ изъ этихъ словъ его расположеніе къ собесѣдованію, долженствовавшему разсвѣтъ его мрачныя мысли, сказалъ полугаипственно, что въ городѣ относительно А. С. Пушкина идутъ иные толки, а именно, что поговариваютъ о какихъ-то домашнихъ, очень прискорбныхъ, недоразумѣніяхъ, о какихъ-то подметныхъ и другихъ письмахъ, даже толкуютъ, что все это можетъ кончиться дуэлью между Пушкинымъ и какимъ-то кавалергардскимъ офицеромъ Дантесомъ, который приходится, съ лѣвой стороны, близкою родней; просто побочнымъ сыномъ Голландскому посланнику барону Гекерену.

Эта городская сплетня могла бы, конечно, больше заинтересовать Греча, даже во время печальнаго шестива за гробомъ сына; да дѣло въ томъ, что рассказъ Юханцова совпалъ именно съ тою минутою, когда церемонія остановилась у портала Петропавловской церкви, и множество лицъ бросилось къ гробу, чтобъ внести его въ церковь и поставить на возвышенный катафалкъ, противъ котораго съ кафедры исторъ

*) Это могъ быть намекъ на слабѣйшее изъ сильныхъ слабыхъ произведеній А. С. Пушкина, именно поэму „Анжело“ съ безчисленнымъ множествомъ стиховъ, оплаченныхъ по червонцу, что составило, какъ тогда говори-

ли, сумму вдвое большію той, какую до тѣхъ поръ Пушкинъ выручалъ продажей права изданія книгопродавцамъ за всѣ свои безсмертныя творенія. В. Б. Пушкинъ, напротивъ, рѣдко довольный своими произведеніями, очень высоко цѣнилъ „Анжело“. И. Б.

произнесъ свою рѣчь на Нѣмецкомъ языкѣ, полную чувства и высокихъ христіанскихъ понятій.

По окончаніи рѣчи, продолжавшейся, (по обычаю Нѣмецкихъ пасторовъ) почти до семи часовъ, покрытый гирляндами и вѣнками гробъ, снятый съ катафалка, былъ снова принятъ множествомъ почитателей. Проталкиваясь въ толпѣ довольно густой, чтобъ участвовать въ отдавѣ послѣдняго-долга покойному, столь любимому мною, юношѣ, я нечаянно очутился на томъ мѣстѣ въ головахъ, гдѣ придерживалъ посеребренную скобу скорбный отецъ, предавшійся въ это время снова всей своей горести. Публики было такъ много, что несшимъ гробъ двигаться было трудно, какъ ни старались студенты, бывшіе, болѣею частью, въ ногахъ, раздвигать толпу, прося всѣхъ посторониться. Мы шли шагъ за шагомъ. Въ это время Гречъ взглянулъ въ сторону и увидѣлъ меня. Замѣтивъ на лицѣ моемъ искреннее разстройство, а не напускную печаль и увидѣвъ, что глаза мои были красны и опухли отъ слезъ, которыхъ и не могъ удержать, Николай Ивановичъ привѣтливо протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „Спасибо! Вы одинъ изъ тѣхъ, которые всею душою любили моего Колю. Я слышалъ, вы вчера посѣтили его и долго оставались при немъ. Спасибо, спасибо! Всѣмъ, всѣмъ благодаренъ отъ души! Это стеченіе здѣсь всѣхъ любившихъ моего Колю хоть сколько нибудь успокоиваетъ меня. Надо испытать горе, чтобъ узнать друзей“. Онъ говорилъ это, плача почти на всрыдъ. Кто-то, не помню, кажется ежелі не ошибаюсь, генералъ Андрей Яковлевичъ Ваксмутъ, который былъ женатъ на меньшей сестрѣ Греча, умершей за нѣсколько лѣтъ, предъ тѣмъ, сказалъ ему, что въ числѣ посѣтителей, провожающихъ Колю, явились даже тѣ, которые считаются его журнальными врагами, и что это доказательство того, что война изъ за мнѣній не измѣняетъ чувства человѣческихъ въ людяхъ порядочныхъ.

— „Тѣмъ болѣе мнѣ жаль, отозвался Николай Ивановичъ, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, котораго боготворилъ мой Коля, о которомъ онъ говорилъ въ послѣдніе часы своей жизни, не захотѣлъ почитать сегодня насъ своимъ присутствіемъ. Но вѣдь всѣ эти господа-аристократы мнятъ о себѣ такъ много и считаютъ себя людьми другой кости“.

Въ этотъ моментъ произошло какое-то движеніе, совершенно неожиданное; сбоку чрезъ толпу кто-то пробирался съ великимъ усиліемъ, чрезъ что толпа сперлась, сомкнулась близъ гроба, и я, совершенно неожиданно для себя, былъ оттѣсненъ въ сторону, такъ что волею неволею долженъ былъ податься назадъ къ самому катафалку и никакъ не могъ разглядѣть, кто именно подошелъ къ Гречу и сказалъ тогда ему довольно громко:

— „Николай Ивановичъ! Не грѣшите на бѣднаго Пушкина, не упрекайте его въ аристократизмъ, благодаря которому теперь, когда вы здѣсь оплакиваете сына, вся Россія оплакиваетъ Пушкина. Да, — онъ сегодня дрался на дуэли и палъ отъ смертельной пули, которую не могли вынуть *).

Тогда до слуха моего дошли слова Греча: „Велика, ужасна моя потеря, но потеря Пушкина Россією ни съ какою частною горестью не можетъ быть сравнена. Это несчастіе нашей литературы! Это народная утрата!“... Дальнѣйшихъ словъ я не могъ слышать за сдѣланнымъ смитеніемъ, среди котораго раз-

*) Въ то время я уже велъ мой ежедневникъ; но тогда, конечно, и въ голову мнѣ не приходило, что эти „Записки“, когда нибудь, 35 или болѣе лѣтъ спустя, будутъ въ печати, какъ мои личныя „Воспоминанія“. Ежели бы я имѣлъ это въ виду, то, конечно, справился бы подробно о томъ, кто именно былъ этотъ вѣстникъ. Суматоха, произведенная въ то время извѣстіемъ о смерти Пушкина, который тогда впрочемъ былъ еще только жестоко, хотя и смертельно, раненъ, не дада мнѣ возможности справиться, кто именно былъ этотъ вѣстникъ гибели нашего безцѣннаго поэта.

давались только слова, долетавшія до моего слуха: „Кто смѣлъ убить Пушкина? — Не можетъ быть, чтобъ это былъ Русскій человѣкъ!“ — На это слышался отвѣтъ откуда-то: „Французъ Дантесъ, офицеръ нашей гвардіи и полотерьъ въ аристократіи“. — „Смерть убійцѣ Пушкина!“

— „Не съ однимъ, съ сотнями ему придется стрѣляться. — Мы найдемъ его!“ — Опять слышался голосъ и, какъ казалось мнѣ, все одинъ и тотъ же: „Онъ арестованъ, онъ на гауптвахтѣ“. — „Ему по военнымъ законамъ крѣпостныя работы“. — „Мы и въ Динабургѣ найдемъ его!“ Опять слышались голоса: „Это не возвратитъ Россіи Пушкина“. — „Русскіе люди отнесутъ иностранцу“. — Изъ толпы опять кто-то спокойно замѣтилъ: „Какъ иностранца, не давшаго присяги, его выплутъ только за границу“. — „Наши пули и тамъ отыщутъ его!“, раздавались молодые голоса. — Мнѣ казалось, что у гроба милаго мальчика, съ которымъ Пушкинъ еще недавно былъ такъ благосклонно ласковъ, грѣмѣла месть за кровь невозвратимаго поэта. Въ этихъ отрывочныхъ восклицаніяхъ, въ эту торжественно-печальную минуту было что-то особенно торжественное и значительное.

Среди всей этой суматохи наконецъ гробъ вынесли изъ церкви и поставили на колесницу, которая медленнымъ шагомъ четырехъ траурныхъ лошадей двинулась къ кладбищу. Гречъ продолжалъ идти непосредственно за гробомъ; но онъ шелъ уже въ шляпѣ и разговаривалъ довольно громко и свободно съ окружающими его о Пушкинѣ. Молодые студенты были очень раздражены и, какъ говорили тогда въ городѣ, это восторженное настроеніе на похоронахъ сына Греча, проявленное, при полученіи извѣстія (правда преждевременнаго) о смерти Пушкина, было основною причиною тѣхъ чисто-жандармскихъ мѣръ, какія 29 Января, въ день смерти Пушкина и потомъ 1-го Февраля, въ ночь выноса тѣла его въ

Придворную Конюшенную церковь, были приняты правительствомъ, во избѣжаніе какой нибудь восторженной революціонной демонстраціи.

Во время движенія погребальной процессіи по Невскому Проспекту, когда уже совершенно стемнѣло и фонари зажглись по улицамъ, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ тогдашнихъ моихъ по военному министерству сослуживцевъ, Александръ Александровичъ Пейкеръ и предложилъ мнѣ отстать отъ церемоніи, тѣмъ болѣе, что съ нашей стороны долгъ покойному Колѣ отданъ; а вмѣсто путешествія на кладбище ѣхать теперь же въ домъ княгини Волхонской на Мойкѣ близъ Пѣвческаго моста, гдѣ квартировалъ Пушкинъ, чтобъ узнать, точно ли онъ скончался или еще живъ. Я принялъ это предложеніе, и мы въ собственныхъ саниахъ Александра Александровича поѣхали къ означенному дому. Но мы нашли всю Мойку покрытую густыми толпами публики, среди которой тогдашніе полиціанты, въ треуголкахъ и красныхъ воротникахъ съ блестящимъ серебрянымъ шитьемъ, уговаривали публику не толпиться и расходиться. Оставивъ сани, мы съ Пейкеромъ осторожно протискивались въ толпѣ, поминутно слыша восклицанія, на право и налѣво: „Какая ужасная потеря!“ „Это цѣлое событіе!“ — „И за какой вдоръ, за какое-то салонное недоразумѣніе“. — „Охъ! ужъ эти женщины, всему онѣ причина!“ — „Да, да, правду говаривалъ Фуше: „*Cherchez la femme!*“ — „Говорятъ, осталось четверо малютокъ.“ — „Да, онъ смертельно раненъ; но живъ еще.“ — „Богъ милостивъ, проживетъ еще на радость Россіи: у меня вонъ братъ съ пулей въ груди прожилъ двадцать лѣтъ, только все страдалъ одышкой“. — „Оно такъ; но здѣсь пуля вошла въ кишки и, кажется, произвела гангрену.“ — „Пока я здѣсь толкаюсь, уже три флигель-адъютанта изъ дворца пріѣзжали.“ — „Государь Императоръ, слышно, очень опечаленъ“. — Прислушиваясь ко всѣмъ этимъ обры-

вочнымъ фразамъ, мы, наконецъ, пробрались къ самому подъѣзду, но на лѣстницу попасть никакъ не могли: тутъ стояли жандармы и полицейскіе офицеры и рѣшительно никого, безъ особаго приказа, не пускали. Стоя у подъѣзда, мы выжидали, не увидимъ ли кого изъ знакомыхъ, кто бы могъ дать намъ скольконибудь точныя свѣдѣнія. Я узналъ сходявшаго съ лѣстницы и сѣдившагося въ сани свиты его величества генераль-маіора Семена Алексѣевича Юрьевича, котораго встрѣчалъ иногда у тогдашняго Петербургскаго губернатора М. Н. Жемчужникова. Генераль Юрьевичъ (за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умершій въ чинѣ генерала-отъ инфантеріи и совершенно слѣпой) состоялъ тогда при Особѣ Государя Наслѣдника Цесаревича. Сѣдясь въ сани, ему поданные, онъ успѣлъ только сказать, обратясь ко мнѣ: „Надежда плохая! Больнаго я не видѣлъ; но Василій Андреевичъ (Жуковскій) въ отчаяніи. Бѣду во дворцѣ разсказать Его Высочеству все, что знаю. Его Высочество очень, очень опечаленъ“. — Спустя нѣсколько минутъ, къ подъѣзду подлѣтели сани парой съ пристяжной на отлѣтъ, какъ тогда болѣею частью ѣздили въ Петербургѣ. Изъ саней выскочилъ флигель-адъютантъ въ треугольной шляпѣ съ поля съ чернымъ пѣхотнымъ султаномъ. Оказалось, что это бывшій однополчанинъ Александра Александровича Пейкера, служившаго прежде въ гвардіи и въ гвардейскомъ штабѣ. Они дружески поздоровались и шопотомъ что-то поговорили. Я только разслышалъ слова флигель-адъютанта: „Велѣно переговорить сейчасъ съ Васильемъ Андреевичемъ Жуковскимъ и съ Николаемъ Федоровичемъ. Oh! c'est une histoire, comue d'intrigues! (О! это исторія, сплетенная изъ интригъ!)“. — Послѣ этой краткой бесѣды шопотомъ, лицо добраго и чувствительнаго сослуживца моего, Александра Александровича приняло видъ еще болѣе прежняго грустный и даже какъ бы убитый. Онъ мнѣ только ти-

хонько сказалъ: „Разскажу, когда будемъ одни“. И онъ точно потомъ разсказалъ мнѣ отчасти то, что вскорѣ узналъ весь городъ и что впоследствии, кажется, въ 1867 году, было подробно къмѣ-то описано въ брошюрѣ, посвященной этому замѣчательному поединку, въ которомъ Пушкинъ очевидно искалъ смерти.

Мы уже собирались съ Пейкеромъ оставить нашъ постъ на подъѣздѣ квартиры умиравшаго поэта, какъ съ лѣстницы сбѣжалъ придворный лакей въ красной ливреѣ съ треуголкой въ галунѣ и крикнулъ на подъѣздѣ: „Карету лейбъ-медика Арендта“. Придворная карета парой въ шорахъ, съ кучеромъ въ такой же треуголкѣ и красной ливреѣ, двинулась къ подъѣзду, гдѣ тотчасъ явился толстенькій, красный какъ ракъ Николай Федоровичъ Арендтъ, всегда веселый и беззаботный, ласковый и простодушный, теперь нахмуренный и со слезами на глазахъ. Онъ привѣтливо, но печально отвѣчалъ на поклонъ знакомаго ему Пейкера и на вопросъ его: „Ну что, ваше превосходительство?“, отвѣчалъ съ свойственною ему порывистостью:

— „Ну то, что очень плохо! Наша вся медицина ничего не сдѣлаетъ безъ царя Небснаго. Земной же царь Русскій излилъ всю милость свою на страдальца и вниманіемъ своимъ помогаетъ бѣдному Александру Сергѣевичу. Чего добраго, царскія слова совершаютъ чудо и возвратятъ Россіи Пушкина!“.

— „Ура! ура! нашему Государю!“ , невольно вырвалось у Пейкера, когда карета Арендта отъѣзжала уже скорой рысью, а стоявшій около насъ неизвѣстный намъ мужичина среднихъ лѣтъ, въ бекашѣ съ бобровымъ воротникомъ, бравый и судя по длиннымъ усамъ, оставной военный, снявъ шляпу и махая ею, гаркнулъ: „Ура!“ , въ полной увѣренности, что Арендтъ сообщилъ хорошую вѣсть о здоровьи драгоцѣннаго больнаго. Толпа, запружавшая улицу, услышавъ этотъ родной возгласъ, при-

нялась орать „Ура!“, не зная въ чемъ дѣло, но также махая шапками и шляпами. Бывшій тутъ жандармскій полицейскій офицеръ, т. е. въ ярко-свѣтлоголубомъ мундирѣ безъ аксельбантовъ (какіе присвоены были тогда лишь жандармамъ III Отдѣленія) очень сконфузился этой внезапной демонстраціей и просилъ публику радоваться, не нарушая уличнаго благочинія. Пейкеръ, нечаянная причина этого шума, почувствовавъ неосторожность своего взгляда, хотя и основаннаго на самомъ патріотическомъ чувствѣ, шепнулъ мнѣ, что намъ пора по домамъ, и мы разстался съ милымъ и многолюбимымъ мною Александромъ Александровичемъ, съ которымъ увидѣлись на другой день, какъ водится, въ залахъ военнаго министерства, гдѣ въ этотъ и въ послѣдующіе дни, разумѣется, главнымъ предметомъ всѣхъ нашихъ разговоровъ былъ обожаемый всѣми нами Пушкинъ, скончавшійся, какъ извѣстно, 29 Января.

Памятенъ мнѣ день 27 Января 1837 года еще тѣмъ, что проведенный мною отчасти на похоронахъ искренно любимаго мною юноши, отчасти у подъѣзда дома, гдѣ умиралъ тогда безсмертный Русскій поэтъ, день этотъ законченъ былъ мною совершенно противоположно, — въ качествѣ будущаго шафера на сговорномъ вечерѣ тогдашняго моего хорошаго и короткаго пріятели, съ которымъ я началъ службу мою въ 1828 году подъ общимъ начальствомъ Д. Г. Бибикова. Этотъ тогдашній мой пріятели будучи въ тѣ дни секретаремъ при директорѣ департамента внѣшней торговли и редакторомъ „Коммерческой Газеты“, квартировалъ вмѣстѣ съ своею почтенною родительницею, незабвенною, и добрѣйшею и очень типичною старушкою Надеждою Григорьевною, въ домѣ Офросимова на углу Царицына Луга и Мойки, противъ театральнаго моста, въ третьемъ этажѣ, гдѣ были очень обширныя залы, и въ этихъ-то залахъ счастливый молодой женихъ, бывшій немного старше меня, принималъ свою, блистав-

шую юностью и миловидностью, невѣсту, только что оставившую учебную скамью Смольнаго монастыря, настоящую Смольяночку. Катастрофа, совершившаяся съ Пушкинымъ, не могла же, при всемъ благоговѣніи къ поэту, оставить семейное торжество въ домѣ, не связанномъ съ нимъ никакими родственными узами, кромѣ тѣхъ узъ искреннаго, глубокосердечнаго уваженія и любви, какія нравственно связывали всю мыслящую, интеллигентную Россію съ поэтомъ. Во время сговорнаго бала мы все часто вспоминали о Пушкинѣ и старались оправдать нашу веселость утѣшительными извѣстіями, полученными о состояніи здоровья несчастнаго поэта, которому впрочемъ въ ночь съ 27 на 28 Января дѣйствительно было лучше, въ чемъ еще завѣрилъ всѣхъ насъ добрѣйшій Николай Федоровичъ Арендтъ, другъ этого семейства, пріѣхавшій, какъ теперь помню, въ два часа ночи прямо къ ужину и кушавшій съ аппетитомъ, возбужденнымъ тревожнымъ днемъ и проблескомъ надежды на спасеніе Пушкина. Я передалъ при немъ тутъ же послѣдствія того „Ура!“, которое сорвалось у Пейкера вслѣдствіе его ему разказа о милостяхъ къ Пушкину Императора, и добрякъ Николай Федоровичъ смѣялся, говоря, что завтра же разкажетъ объ этомъ цѣлѣуно ея величеству Государынѣ Императрицѣ.

Не могу еще здѣсь не вспомнить того, что во время мазурки на этомъ передъ-свадебномъ дружескомъ балѣ, какъ дамы такъ и кавалеры, участвуя въ фигурѣ, требующей раздачи различныхъ названій, выбирали эти названія изъ стихотвореній Пушкина, какъ: Бахчисарайскій Фонтанъ, Онѣгинъ, Татьяна, Кавказскій Плънникъ. Цыгане, Русланъ, Людмила и пр. и пр. Я, какъ недавній сотрудникъ „Сѣверной Пчелы“ и никогда въ дни моего сотрудничества не любившій знаменитаго Фаддея Венедиктовича Булгарина, назвалъ себя Косичкинымъ, такъ какъ подъ этимъ псевдонимомъ Пушкинъ разилъ Булгарина въ

своей съ нимъ полемической схваткѣ, печатанной въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, прозвавъ его Фиглярнымъ. Пришлось однако mettre les points sur les i, объяснить дамамъ эту журнальную суть псевдонима Косичкина.

Тотъ, кто 27 Января 1837 года праздновалъ свой сговоръ съ бѣлокурой, голубоглазой избранницей своего сердца, Г. П. Н*** здравствуетъ и понынѣ, находясь на высотахъ административной гiерархiи, въ качествѣ статсъ-секретаря и члена Государственнаго Совѣта. Онъ, можетъ быть, случайно, среди своихъ государственныхъ занятiй и окруженный многочисленнымъ своимъ семействомъ, состоящимъ изъ сыновей на службѣ, замужнихъ дочерей и даже изъ внучатъ, — прочтетъ не безъ удовольствiя эти строки въ „Воспоминанiяхъ Петербургскаго старожила“, тогдашняго шафера и недавняго, въ тѣ времена, сослуживца его высокопревосходительства.

Надежды врачей и друзей Пушкина не оправдались: онъ скончался, какъ извѣстно, 29 Января въ 3-мъ часу дня. Толпа публики стѣною стояла противъ оконъ, завѣшанныхъ густыми занавѣсами и шторами, стараясь проникнуть въ комнаты, гдѣ выставлено было тѣло на нѣки умолкшаго пѣвца, чтобъ проститься съ нимъ; но впускъ былъ затруднителенъ, и нужно было даже пользоваться какою нибудь протекцiею, чтобъ привести въ исполненiе это столь естественное желанiе всякаго Русскаго человѣка, маломальски не холодно относившагося къ очаровательной Пушкинской поэзiи. Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, мнѣ это удалось, при содѣйствiи спускавшагося въ то время съ лѣстницы адъютанта военнаго министра, капитана гвардейской конной артиллерiи, графа Штакельберга *). Въ это время, когда графъ Штакельбергъ оказывалъ мнѣ свое со-

*) Онъ недавно умеръ въ качествѣ посла во Францiи въ послѣднiе уже дни второй Имперiи, будучи генераль-адъютантомъ и вѣച്ചимъ генерала отъ артиллерiи.

дѣйствiе, о томъ же сталъ его просить армейскiй уланскiй офицеръ съ бѣлыми отворотами на синемъ мундирѣ, и съ бѣлою уланскою шапкою на головѣ, и въ офицерѣ этомъ я узналъ одного изъ частыхъ посѣтителей танцевальныхъ вечеровъ полковника Вильгельма Ивановича Карлгофа, гдѣ мы съ нимъ нѣрѣдко встрѣчались. То былъ сынъ знаменитаго патрiота 1812 года, добрейшаго и чрезвычайно своеобразнаго человѣка и извѣстнаго нашего писателя, Сергѣя Николаевича Глинки, Владимiръ Сергѣевичъ, помнится, любившiй отчасти пописывать стихи и печатавшiй ихъ въ альманахахъ и журналахъ того времени.—Мы нашли темнофиолетовый бархатный гробъ съ тѣломъ Пушкина, въ полутемной комнатѣ, освѣщенной только красноватымъ и мерцающимъ огнемъ отъ нѣсколькихъ десятковъ восковыхъ церковныхъ свѣчей, вставленныхъ въ огромные шандалы, обвитые крепомъ. Комната эта, помнится, желтая, по видимому, была столовая, такъ какъ въ ней стоялъ огромный буфетъ. Окна, два или три на улицу, были завѣшаны, а на какую-то картину, писанную масляными красками и на довольно большое зеркало, были наброшены простыни. Гробъ стоялъ на катафалкѣ въ двѣ ступеньки, обитомъ чернымъ сукномъ съ серебряными галунами. Катафалкъ помѣщенъ былъ противъ входной двери; въ ногахъ былъ наложь, у котораго дьячекъ въ черномъ плисовомъ стихарѣ съ серебряными же галунами, стоя спиною къ входнымъ дверямъ, читалъ псалтырь. Тѣло покойника, сплошь прикрытое бѣлымъ крепомъ, было почти все задернуто довольно подержаннымъ парчевымъ палевымъ покровомъ, по видимому, взятымъ на прокатъ отъ гробовщика или изъ церкви. Вошедшiй одновременно съ нами лакей въ глубокомъ траурѣ, бережно и крестясь, отложилъ покровъ и крепъ, чрезъ что, при красноватомъ свѣтѣ восковыхъ церковныхъ большихъ и малыхъ свѣчей, открылся до пояса нашъ обожаемый поэтъ, на котораго мы оба,

В. С. Глинка и я, жадно устремили наши глаза, не забывъ однако совершить обычное поклоненіе до земли и цѣлованіе образа на груди усопшаго. Могу сказать положительно, что въ 2 часа по полудни 30 Января, когда я видѣлъ тѣло безсмертнаго поэта, кромѣ обыкновенной восковой мраморности вполнѣ застывшаго трупа съ прочно и крѣпко закрытыми глазами и ртомъ чуть чуть о твердымъ, обнаруживавшимъ прекрасные зубы, никакихъ другихъ признаковъ мертвенности и разрушенія замѣтно не было. Лицо было необыкновенно спокойно и очень серьезно, но ни сколько не мрачно. Великолѣпные курчавые темные волосы были разметаны по атласной подушкѣ, а густыя бакенбарды окаймляли виалыи щеки до подбородка, выступая изъ подъ высокозавязаннаго чернаго широкаго галстука. На Пушкинѣ былъ любимый его темнокоричневый *) сюртукъ, въ какомъ я видѣлъ его въ послѣдній разъ, при жизни его, въ Ноябрь мѣсяцъ 1836 года, на одномъ изъ Воейковскихъ вечеровъ, о чемъ я подробно рассказалъ въ XI № „Русскаго Вѣстника“ 1871 года въ статьѣ моей: „Знакомство съ Воейковымъ“. Что на покойникѣ Пушкинѣ въ гробу былъ не черный, а темнокоричневый съ отливомъ сюртукъ, то это подтвердилъ и тотъ слуга его, который былъ при насъ во все время, пока мы съ Глинкой грустно-внимательно глядѣли на черты нашего угасшаго поэта и какъ бы врѣзывали ихъ себѣ въ память. Ежели бы я умѣлъ сколько нибудь правильно владѣть орудіями живописи, карандашемъ или кистью, то на память могъ бы возсоздать портретъ Пушкина въ гробу такой, который былъ бы несравненно лучше той литографіи, какая нѣсколько дней послѣ его смерти явилась во всѣхъ книжныхъ и эстамповыхъ магазинахъ и была далеко не удовлетворительна ни въ смыслѣ сходства, ни въ смыслѣ искусства художника. Около по-

лучаса простояли мы тутъ, не сводя глазъ съ покойнаго Александра Сергѣевича, при чемъ Глинка, знавшій наизусть всего почти Пушкина, читалъ полупопотомъ, словно молитву, отрывки изъ различныхъ его стихотвореній, преимущественно тѣ, въ которыхъ поэтъ жалуется на жизнь и не находитъ въ ней ничего привлекательнаго. Наконецъ старый слуга напомнилъ, что намъ пора удалиться, потому что сейчасъ начнется панихида для семейства и для близкихъ друзей покойнаго, которые уже собрались въ сосѣдней комнатѣ. Бросивъ послѣдній взглядъ на лицо Пушкина, лежавшаго въ гробу и помолясь, мы вышли.

Когда съ Глинкою, оба полные думъ о Пушкинѣ, мы сошли съ лѣстницы и вышли на улицу, гдѣ у подъѣзда все еще толпилось нѣсколько десятковъ людейъ и между ними замѣтны были снѣгіе воротники и треуголки студентовъ, намъ привелось услышать замѣчанія публики, обращенныя къ намъ, о томъ, что и для того, чтобъ поклониться праху великаго поэта земли Русской, нужна протекція; потому что все, касающееся погребенія Пушкина, поручено жандармскому генералу Дубельту, распоряжающемуся тутъ вполнѣ по полицейски. Въ тѣ времена такія рѣчи сходили съ рукъ, и никто на такое ворчанье публики не обращалъ ни малѣйшаго вниманія; а когда о чемъ нибудь довольно рѣзкомъ по части городской болтовни докладывали Императору Николаю Павловичу, то, какъ нерѣдко рассказывали тогда, онъ улыбался, приговаривая: „Пусть квакаютъ!“ или иногда употреблялъ въ отвѣтъ окончаніе басни Крылова „Слонъ и Моська“, т. е.: „А онъ идетъ себѣ, идетъ, и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ“. Настоящія строгости полицейскаго надзора, породившія въ Петербургскомъ обществѣ нѣкоторую опасливость и осторожность и отразившіяся на всемъ бытѣ общественномъ, начались лишь съ 1848 года, отчасти благодаря Февральской революціи, произ-

*) А не черный какъ это, кажется, въ „Русскомъ Архивѣ“ описывалъ почтенный баронъ Бюлеръ.

ведшей броженіе во всей Европѣ, въ особенности же благодаря открытію гнуснаго и нелѣпаго заговора, извѣстнаго подъ названіемъ „Заговора Общества Нетрашевскаго“.

И такъ мы съ Гливкой, выйдя изъ подъ воротъ отъ подъезда, пошли рядомъ, имѣя одну дорогу.

— „У меня въ карманѣ, сказала Гливка, любившій тщеславиться тѣмъ, что онъ достаетъ прежде многихъ различные стихи, пользовавшіеся рукописной славою, прелестные стихи, которые вчера только ночью написалъ одинъ лейбъ-гусарь, тотъ самый Лермонтовъ, котораго маленькая поэмка Гаджи-Абрекъ и еще кое-какіе стишки были напечатаны въ „Библіотекъ для Чтенія“ и которые тотъ, чьи останки мы сейчасъ видѣли, признавалъ блестящими признаками высокаго таланта. Судьбѣ угодно было, чтобъ этотъ Лермонтовъ оправдалъ слова безсмертнаго поэта и написалъ на его вѣнчикъ стихи высокаго совершенства. Хотите, я вамъ ихъ прочту?“

— „Сдѣлайте одолженіе прочтите, Владиміръ Сергѣевичъ, сказалъ я, да только какъ же читать-то на морозѣ? А вотъ вѣдь мы въ двухъ шагахъ отъ кондитерской Вольфа (у Полицейскаго моста въ домъ Котомина), зайдемте туда, велимъ дать намъ по стакану кофе и займемся этими стихами“.

— „Ловко ли будетъ, замѣтилъ мой собесѣдникъ, читать эти стихи въ публичномъ мѣстѣ? Впрочемъ, въ нихъ нѣтъ ничего такого что могло бы произвести въ какомъ нибудь маломальски разумномъ мушарѣ злую мысль сдѣлать на насъ доносъ. Въ нихъ лишь выражается рѣзко и сильно та скорбь, которую чувствуетъ каждый изъ насъ по случаю этой несчастной катастрофы. вмѣстѣ съ гнѣвомъ на общество, не умѣвшее защитить поэта отъ безвыходной случайности, а также и на безсовѣстнаго илюзема, дерзнувшаго пустить роковую пулю не на воздухъ, а въ сердце великаго поэта“.

— „Ну, такъ, чтожъ, замѣтилъ я, вы мастерски читаете. прочтите Бога ради мнѣ эти стихи, которые я тотчасъ тамъ же и спишу“.

Мы вошли въ кондитерскую, гдѣ встрѣтили двухъ-трехъ знакомыхъ намъ молодыхъ людей и между ними добрѣйшаго барона Егора Ѳедоровича Розена, что-то декламировавшаго посреди кучки военной и статской молодежи. Онъ, какъ извѣстно, говорилъ и читалъ всегда съ своимъ особеннымъ оригинальнымъ акцентомъ и съ тѣмъ восторженнымъ завываньемъ, которое Французы называютъ *hoquet dramatique*, т. е. драматическою икотю. По свои собственные произведенія милѣйшій баронъ читалъ уже обыкновенно съ такимъ паѳосомъ, что трудно было удержаться, слушая его, ежели не отъ смѣха, то по крайней мѣрѣ отъ улыбки. Оказалось, что онъ читалъ стихи своего творенія на смерть Пушкина, и въ стихахъ этихъ была страшная кутерьма, представлявшая смѣсъ мифологіи Греческой съ Славянскою, Германскаго мистицизма и Русскаго молодчества, историческихъ воспоминаній и біографическихъ подробностей о Личѣ, о Крымѣ, Кавказѣ и обо всемъ на свѣтѣ. Все вмѣстѣ было громкій наборъ фразъ и словъ трескучихъ и эффектныхъ, съ стихомъ трудно вырубленнымъ, то рюмованнымъ очень рѣзко, то бѣлымъ, то гекзаметромъ: но въ этомъ хаосѣ искрились двѣ-три счастливыя мысли, которыя, впрочемъ, всего менѣе привлекали вниманіе самого автора, а подмѣчались только слушателями. Когда онъ кончилъ и, поздоровавшись съ нами, узналъ, что мы сейчасъ отъ Пушкина, при гробѣ котораго остался бы долго, ежели бы не долженствовала начаться панихида, онъ вдругъ вспомнилъ, что самъ приглашенъ Васильемъ Андреевичемъ (Жуковскимъ) на эту панихиду къ Пушкину, почему, сильно дрыгнувъ своими серебрянымъ майорскимъ эполетами, накинулъ шинель съ бобровымъ (и очень потертымъ) воротникомъ, надѣлъ на голову шляпу съ когда-то бѣлымъ ста-

сканнымъ султаномъ, и простился со всѣми нами. Гремя шпорами и саблей, собрался онъ уходить, какъ вдругъ извѣстный въ нашемъ кругу шутникъ, острякъ и весельчакъ, мой сослуживецъ по военному министерству и какъ бы сотоварищъ Пушкину, хотя одного изъ позднѣйшихъ выпускъ Царкосельскаго Лицея (т. е. кажется, 1835 года) молодой человекъ, Левъ Львовичъ Карбоньеръ (сынъ извѣстнаго инженернаго Француза генерала) остановилъ Розена, слегка прикоснувшись къ кашпону его военной шинели и, обращаясь къ нему съ самымъ серьезнымъ видомъ, слегка заикаясь и пришепывая, сказалъ: „Баронъ! Послѣ панихиды вы, вѣроятно, будете всему тамъ обществу читать наши стихи?“ — „Непремѣнно“, отвѣчалъ Розенъ. — „Ну такъ вотъ что, господа, продолжалъ Карбоньеръ, идемъ всѣ къ дому Пушкина, чтобъ имѣть счастье первымъ быть свидѣтелями того чуда, какое тамъ непремѣнно, увѣряю васъ, совершится. По моему твердому убѣжденію, стихи барона Егора Федоровича таковы, каковы были звуки голоса Орсея: они способны воскрешать мертвыхъ, и имъ мы будемъ обязаны тѣмъ, что нравственно-бессмертный поэтъ нашъ во истину въ тѣлесахъ даже окажется бессмертнымъ!“

— „У этого мальчишки, крикнулъ Розенъ, вдругъ побагровѣвъ, ничего нѣтъ святаго. Онъ глумится надъ всѣмъ на свѣтѣ и не понимаетъ того, что тѣло тлѣно, а душа бессмертна, и потому я увѣренъ, что точно душа моего безцѣннаго Пушкина на лонѣ царя Небеснаго сладко улыбнется моимъ стихамъ.“

Онъ уже былъ за дверью кондитерской, и до него, къ счастью, не долетѣли слова скептика Карбоньера: „Не только улыбнется, расхохочется до упаду!“

Между тѣмъ мы съ Глинкой удалились въ заднюю комнату, гдѣ намъ былъ поданъ кофе и гдѣ Глинка очень хорошо прочелъ мнѣ извѣстное, находящееся нынѣ въ полномъ собраніи стихотвореній Лермонтова (1863 г.), а тогда то-

лько что явившееся и расходившееся въ рукописи стихотвореніе на смерть Пушкина, оканчивавшееся тогда словами: „И на устахъ его печать“.

Прослушавъ съ наслажденіемъ эти стихи, я тотчасъ досталъ въ кондитерской же перо, бумаги, чернилъ и быстро списалъ съ стиховъ этихъ копію, пока Глинка пилъ кофе, курия бывшій тогда en vogue „Жуковъ“ (въ особенности послѣ моей статьи съ біографическими подробностями о Васильѣ Григорьевичѣ Жуковѣ, нѣкогда бывшемъ деревенскомъ мальчишкѣ-свинопасѣ въ Порховскомъ уѣздѣ Псковской губерніи, напечатанной въ 1831 году въ знаменитой въ тѣ времена „Сѣверной Пчелѣ“).

Нѣсколько дней послѣ этого дня, когда уже А. И. Тургеневъ отвезъ на почтовыхъ тѣло Пушкина въ монастырь Святыхъ Горы подлѣ его родоваго имѣнія въ Исковской губерніи, гдѣ онъ писалъ, какъ извѣстно, своего „Онѣгина“, начали по городу ходить еще совершенно новые стихи Лермонтова, въ дополненіе къ первымъ и начинавшіеся словами: „А вы надменные потомки!“... Стихи эти жадно списывались другъ у друга; но мнѣ какъ-то никакъ не удалось ихъ имѣть въ копіи, хотя я слышалъ ихъ изъ устъ многихъ, но какъ нарочно все изъ устъ такихъ людей, которымъ не могъ заставить ихъ себѣ продиктовать.

Въ одно воскресенье, уже въ концѣ поста, кажется на Вербной, я обѣдалъ у Петра Никифоровича Бсклемишева, и встрѣтился тамъ съ Анастасіемъ Ивановичемъ Синицынымъ, который тутъ говорилъ намъ, что онъ былъ аудиторомъ военнаго суда надъ кавалергардскимъ поручикомъ Дантесомъ. Въ числѣ гостей, какъ теперь помню, былъ молодой, очень молодой Семеновскій офицеръ Лидфорсъ съ золотымъ аксельбантомъ Военной Академіи. Этотъ молодой человекъ съ восторгомъ говорилъ о Пушкинѣ и въ юношескомъ увлеченіи своемъ увѣрялъ, что непремѣнно надо Дантеса за убійство славы Россіи не просто выслать за границу, какъ это рѣшили, а

четвертовать, т. е. предать такой казни, которая не существует съ незапамятныхъ временъ и пр. При этомъ онъ изъ стиховъ Лермонтова бойко и восторженно читалъ тѣ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ такъ достается Дантесу. За тѣмъ онъ сказалъ, что Лермонтовъ написалъ еще 16 новыхъ стиховъ, обращенныхъ къ нашей бездушной и эгоистичной аристократіи, которые онъ Линдфорсъ знаетъ наизусть. Я и нѣкоторые другіе, бывшіе тутъ, молодые люди стали просить Линдфорса продиктовать намъ эти стихи. Не успѣвъ хорошо заучить эти стихи, Линдфорсъ сбивался, и никто изъ насъ не могъ ничего записать толково. Само собою разумѣется, что весь этотъ разговоръ и эти тирады читаемыхъ рукописныхъ стиховъ совершались не въ гостиной и не въ столовой, а до обѣда, на полвннѣ молодаго Беклемишева, Николая Петровича. тогда штабъ-ротмистра Харьковскаго бѣлаго уланскаго полка (того самаго, въ которомъ служилъ и Глинка) и носившаго аксельбантъ Военной Академіи. Дѣло въ томъ, что въ присутствіи стариковъ, особенно такого придворнаго старика, какимъ былъ шталмейстеръ Двора Его Величества Петръ Никифоровичъ Беклемишевъ. этого рода бесѣды считались „либеральною“ контрабандою въ тѣ времена, когда либерализмъ, т. е. маломальское проявленіе самобытности, считался на ряду съ государственными преступленіями. Почтеннѣйшіе старички въ наивности своей называли все это un arrière-gout du décabrisme de nobaste mémoire*.)

Въ то время какъ бесновался Линдфорсъ. Синицынъ, всегда спокойный и сдержанный, шепнувъ мнѣ, что онъ имѣетъ кое-что мнѣ сказать наединѣ, вышелъ со мною въ пустую тогда бильярдную и чтобъ никто не подумалъ, что мы секретничаемъ, предложилъ мнѣ, проформы ради, шаркатствовать, дѣлая видъ, будто играемъ партію.

— „Я съ намѣреніемъ, сказалъ Синицынъ, удалилъ васъ отъ того разговора, какой тамъ завязался между молодыми людьми, еще не знающими, что случилось съ авторомъ этихъ дополнительныхъ стиховъ, съ тѣмъ самымъ Лермонтовымъ, котораго, помнится, въ Сентябрь мѣсяцѣ вы встрѣтили на моей лѣстницѣ. Дѣло въ томъ, что онъ написалъ эти дополнительные 16 стиховъ, вслѣдствіе какого-то горячаго спора съ своимъ родственникомъ. Стихи эти у меня будутъ сегодня вечеромъ въ вѣрномъ спискѣ, и я ихъ вамъ дамъ списать даже сегодня же вечеромъ, потому что здѣсь теперь намъ долго гостить не придется: послѣ обѣда всѣ разѣдутся, такъ какъ хозяйка званы на soirée de clôture *) къ Опочининымъ. Мы же съ вами, ежели хотите, поѣдемъ ко мнѣ, и у меня вы и прочтете и спишите эти стихи, да еще и познакомитесь съ авторомъ, ихъ добрыйшимъ нашимъ „Майошкой“ и съ его двоюроднымъ братомъ Юрьевымъ. Оба они обѣщали мнѣ провести у меня сегодняшній вечеръ и рассказать про всю эту исторію съ этими 16-ю стихами, ходившими нѣсколько уже времени по городу, пока не подвернулись подъ недобрый часъ Государю Императору, который такъ за нихъ прогнѣвался на Лермонтова, что, какъ водится у насъ, тѣмъ же корнетскимъ чиномъ перевелъ его въ Нижегородскіе драгуны на Кавказъ съ приказаніемъ ѣхать туда немедленно. Но старуха-бабушка Лермонтова, весьма уважаемая Елизавета Алексѣевна Арсѣвѣва (урожденная Столыпина) успѣла уприсить, чтобъ ему предоставлено было остаться нѣсколько деньковъ въ Петербургѣ, и вотъ вечеръ одного изъ этихъ дней, именно сегодняшній, „Майошка“ обѣщала подарить мнѣ. Стихи Лермонтова не только добавочные эти шестнадцать, но и все стихотвореніе на смерть Пушкина, сдѣлались контро-

*) Отрыжка декабризма злосчастной памяти.

*) Заключительный вечеръ сезона.

бандой и преслѣдуются жандармеріей, что, впрочемъ, не только не мѣшаетъ, но способствуетъ весьма сильному распространенію копій. А все такя лучше не слишкомъ-то бравировать, чтобъ не имѣть какихъ нибудь неудовольствій. Вотъ причина, почему я позволилъ себѣ отвлечь васъ отъ того кружка изъ половины Николая Петровича".

Я дружески поблагодарилъ Анаансыя Ивановича за его вниманіе, повторивъ пословицу: „Береженаго Богъ бережетъ“, и мы вмѣстѣ перешли въ столовую, гдѣ какой-то сенаторъ съ тремя звѣздами и съ Нѣмецкою, выпарившеюся изъ моей памяти, фамилією, рассказывалъ очень положительно о разныхъ городскихъ новостяхъ и, между прочимъ, томъ, что одинъ изъ гусарскихъ офицеровъ, недовольный тѣмъ, что будто бы Пушкинъ палъ жертвою какихъ-то интригъ, написалъ „самые революціонныя стихи“ и пустилъ ихъ по всему городу; онъ достоинъ былъ за это надѣть бѣлую лямку; но вмѣсто всего того, что „сорванецъ этотъ“ заслуживалъ, Государь, по неисчерпаемому своему милосердію, только перевелъ его чѣмъ же чиномъ въ армію на Кавказъ. Пылкій Линдфорсъ не утерпѣлъ и сталъ было доказывать превосходительному звѣздносцу изъ Нѣмцевъ, что стихи вовсе не „революціонныя“ и въ доказательство справедливости своихъ словъ, задекламировалъ было:

„А вы, надменные потомки,
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ!“

какъ вдругъ почтенный Петръ Никифоровичъ, громко засмѣявшись, остановилъ порывъ юности и вперилъ въ него свои строгіе глаза, хотя все лицо его для всѣхъ сохраняло видъ веселости.

— „Помилуй Богъ, воскликнулъ онъ посуворовски, стихи, стихи, у меня за столомъ стихи! Нѣтъ, душа моя, мы люди не поэтическіе, а я хозяинъ-хлѣбосоль люблю, чтобъ гости кушали во здравіе мою хлѣбъ-соль такъ, чтобъ за

ушамъ пицало. А тутъ вдругъ ты со стихами: всѣ заслушаются, и никто не узнаетъ вполнѣ вкуса этого фрикасе изъ перецелокъ, присланныхъ мнѣ замороженными изъ Воронежскихъ степей“.

И тотчасъ хозяинъ-хлѣбосоль, перебивъ весь разговоръ о новостяхъ и о контрбандныхъ стихахъ, самымъ подробнымъ образомъ сталъ объяснять трехзвѣздному сенатору и дамамъ всѣ высокія достоинства перепеловъ и самый способъ ихъ ловли соколами съ такими любопытными и живописными подробностями, что, по истинѣ, гости всѣ отъ мала до велика слушали съ величайшимъ интересомъ и вниманіемъ мастерской разказъ хозяина, по видимому, страстнаго степнаго охотника.

Послѣ кофе гости, большею частью все интимные (какъ всегда у Петра Никифоровича было) зная, что старикъ-хозяинъ и его молоденькія дочки должны до выѣзда въ гости, онъ выпатъся богатырски, а онъ занялся серьезно туалетомъ, — поразѣхались. Мы съ Сидицынымъ также улетучились, и мигомъ его лихая пара рыжихъ казанокъ умчала насъ въ плетеныхъ санкахъ въ конногвардейскія казармы, гдѣ въ квартирѣ Анаансыя Ивановича насъ встрѣтилъ товарищъ его, однокашникъ по школѣ, прапорщикъ лейбъ-гвардіи драгунскаго, расположеннаго въ Новгородской губерніи, полка Николай Дмитриевичъ Юрьевъ, двоюродный братъ и закадычный другъ Лермонтова, превосходный малый, почти постоянно проживавшій въ Петербургѣ, а не въ мѣстѣ расположенія своего полка, на скучной стоянкѣ въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Пріѣзжая въ столицу, Николай Дмитриевичъ обыкновенно нигдѣ не останавливался, какъ у своего кузена и друга „Майошки“, который, хотя и служилъ въ Царскосельскихъ лейбъ-гусарахъ, но почти никогда не былъ въ Царскомъ, а пребывалъ постоянно у бабушки Елизаветы Алексеевны.

— „А что же, Майошка?“ спросилъ

Синицынъ Юрьева. познакомивъ насъ взаимно, послѣ чего Юрьевъ отвѣчалъ:

„Да что, братъ Синицынъ, „Майошка“ въ отчаяніи, что не могъ сопутствовать мнѣ къ тебѣ: бабушка не отпускаетъ его отъ себя ни на одинъ часъ, потому что на дняхъ онъ долженъ ѣхать на Кавказъ за лаврами, какъ онъ выражается“.

— „Экая жалость, что „Майошка“ измѣничаешь сказалъ Синицынъ. А какъ бы хотѣлось на послѣдкахъ отъ него самого услышать разсказъ о томъ, какъ надъ нимъ вся эта бѣда стряслась“.

— „Ну, замѣтилъ Юрьевъ, ты братъ Синицынъ, видно все еще не узналъ вполне нашего „Майошку“: вѣдь онъ очень не податливъ на разсказы о своей особѣ, да и особенно при новомъ лицѣ“.

— „Это новоелицо, объяснялъ Синицынъ, приглашено мною и есть мой искреннѣйшій пріятель, хотя и не нашъ братъ военный, и при В*** П*** можно намъ бесѣдовать на распашку. Къ тому же вѣдь и онъ немножко военный, продолжалъ мой добрѣйшій Аванасій Ивановичъ. похихикивая по своему обыкновению: онъ служитъ въ военномъ министерствѣ и можетъ носить, когда хочетъ и носить когда бываетъ на службѣ, военный мундиръ, со шпорами даже“.

— „О! моя воинственность, засмѣялся я, мяѣ клиномъ пришла съ перваго раза, какъ только я въ прошломъ году въ Мартъ мѣсяцъ въ нее облекся. За тѣмъ вся моя воинская сбруя покоится у швейцара военного министерства, и я въ нее наряжаюсь исключительно только на службѣ въ дни нашихъ засѣданій“.

Въ это время лакей Синицына, въ деньщицкѣй формѣ конногвардейскаго полка, состоявшей въ то время изъ синяго вицмундира*) съ сѣрыми рейтуза-

ми, украшенными красными лампасами, но въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ, подавалъ намъ чай на довольно большомъ серебрянномъ подносѣ во вкусѣ рококо, съ такою же сахарницею и сахарницею.

— „Какой же ты, посмотрю я, аристократъ-сибаритъ, улыбался Юрьевъ, принимая и ставя на столъ, покрытый ковровою салфеткою, свой стаканъ чая. Какое это все у него историческое серебро! Вотъ увидѣла бы бабушка Елизавета Алексѣевна, тотчасъ поставила бы тебя намъ съ Мишей въ образецъ порядочности, любви къ комфорту и умѣнья уважать преданья старины глубокой. А мы, правда, порядкомъ и строгостью быта нашего съ кузѣномъ не отличаемся“.

— „Ну еще ты, Николай Дмитріевичъ, замѣтилъ Синицынъ, такъ себя, не совѣмъ безпорядочный человѣкъ, покрайней мѣрѣ, ежели не бережливъ съ своими вещами, то не портишь чужихъ: а ужъ „Майошка“ просто бѣдовый. Былъ у меня это онъ какъ-то разъ осенью, да вотъ именно когда онъ съ вами, В*** П***, повстрѣчался на лѣстницѣ у самыхъ почти моихъ дверей и чуть не сбиль васъ съ ногъ. Пріѣхалъ ко мнѣ онъ въ ту пору съ уплатою какихъ-то ста рублей, которые когда-то въ Школѣ я одолжилъ „Курку“*). А „Майошка“ вздумалъ принимать на свою шею нѣкоторые изъ долговъ нашего длинносаго князька. Такъ, право, хоть я и не транжиръ, а охотно забылъ бы объ этихъ деньгахъ, лишь бы „Майошка“ не проказилъ у меня такъ, какъ онъ тогда тутъ развозился, приводя у меня весь мой мобиле въ содомъ и гоморъ“.

— „Ха! Ха! Ха!, хохоталъ Юрьевъ, узнаю его: у него преглупая страсть, за которую ужъ мы съ нимъ не разъ спорили дружески, страсть приводитъ въ безпорядокъ все то, что носитъ отпечатокъ,

*) Деньщики л. гв. коннаго полка носили юберроки не темнозеленыя, а синіе на томъ основаніи, какъ гласитъ полковое преданіе, что разъ какъ-то синяго сукна было въ уланскій полкъ доставлено изъ комиссаріата слишкомъ много противъ пропорціи, и Великій Князь Константинъ Павловичъ, въ тѣ времена инспекторъ всей кавалеріи, не желая от-

сылать излишекъ обратно, велѣлъ экипировать имъ деньщиковъ л. гв. коннаго полка.

*) Прозвище школьное одного князя Ш-аго, съ длиннымъ носомъ.

какъ у тебя, дружище, твой мобиле, щепетильности и педантичности“.

— „Да ужъ это куда ни шло, продолжалъ стѣвовать Сивицынъ, а скверно то, что онъ засыпалъ пепломъ, да еще горячимъ, отъ своихъ майсовыхъ сигареттъ корни только что пересаженнаго въ горшокъ рододендрона, и вотъ это предестное растение погибло“.

— „О!, воскликнулъ пылкій и быстрый въ своихъ движеніяхъ Юрьевъ, этому горю твоему, Сивицынъ, я помогу: въ Нессельродовскихъ оранжерейхъ учится садоводству одинъ изъ бабушкиныхъ парнишекъ, сестра котораго у бабушки подгорничной и съ тѣмъ вмѣстѣ моя преданная подруга. Вотъ тебѣ мое честное слово: у тебя на дняхъ будетъ рододендронъ на славу. А такъ вы служите въ военномъ министерствѣ? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, и можетъ быть, знаете Акинѣя Петровича Суковкина?“ *)

— „Какъ не знать, отвѣчалъ я, это одинъ изъ лучшихъ моихъ сослуживцевъ. Онъ премилый и прелюбезный человекъ“.

— „И преприятный собесѣдникъ, продолжалъ Юрьевъ; онъ бываетъ иногда у бабушки Арсеньевой и всегда рассказываетъ что нибудь забавное. Такъ на дняхъ, онъ рассказывалъ, что къ нимъ въ министерство поступилъ какой-то угловатый семинаристъ и облекся во всю форму. Но какъ ему ни толковали во всѣхъ тонкостяхъ о томъ, какъ слѣдуетъ поступать, нося шляпу адъютантской формы, которая никогда не поворачивается, при отдаваніи чести царской фамиліи или высшему начальству, — семинаристъ, при первой встрѣчѣ съ Императоромъ, забывъ всѣ наставленія, данныя ему адъютантомъ военнаго министра и, видя, что всѣ поворачиваютъ шляпы по формѣ, повернулъ свою, и его кокарда очутилась сзади на затылкѣ, а широкая сторона шляпы была спереди. Къ счастью, Государь былъ

въ хорошемъ расположеніи духа: „изволили смѣяться“, какъ говорится въ „Горѣ отъ ума“ Грибоѣдова, и еще Его Величество изволили сказать: „А! Чернышевскій новобранецъ!“ Этотъ комическій рассказъ Акинѣя Петровича, съ различными ужимками и фарсами, заставилъ хохотать всю нашу честную компанію почти до слезъ; а бабушка еще плакала отъ умиленія, находя, что *notre Souverain est vraiment d'une bonté angélique* *), точно ужъ будто слѣдовало за эту неловкость бѣднаго семинариста въ Сибирь ссылать“.

Сивицынъ, зная, что пропешество это было не съ семинаристомъ какимъ-то, а со мною, когда въ Мартѣ мѣсяцѣ 1836 года я въ первый разъ въ жизни облачился въ военную форму и наткнулся на Невскомъ Проспектѣ на Императора, ужасно переконфузился, увѣряя Юрьева, что все это выдумка Суковкина и что никогда ничего подобнаго не было.

— „Вы, дорогой Аѳанасій Ивановичъ, сказалъ я, чего добраго, думаете, что рассказъ этотъ меня огорчаетъ, тогда какъ я самъ его при васъ повторялъ не разъ, чтобы посмѣшить общество, у Беклемишевыхъ, у Карлгофа, у Бороздиныхъ, у Масловыхъ, вездѣ, гдѣ мы съ вами встрѣчаемся. Да и чему тутъ конфузиться? Ежели вы давно не слышали этого анекдота о шляпѣ и о шинелѣ, закинутой мною на мацеръ Римской тоги, то только потому, что рассказывать все объ одномъ и томъ же значитъ хотѣть надоесть своимъ знакомымъ, да еще и потому, что эти мои комическіе рассказы объ этомъ случаѣ съ подражаніями Величкнну, Дюру и Рязанцеву **) дошли, кажется, до нашего графа Александра Ивановича (т. е. Чернышева, тогда еще не бывшего княземъ) и не совсѣмъ ему понравились, о

*) Умеръ, кажется, въ 1861 или 1862 году, будучи статсъ-секретаремъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ.

*) Нашъ Государь, по истинѣ ангельской доброты.

**) Тогдашніе корифеи нашей комической сцены.

чемъ я узналъ конфиденціально отъ нашего вице-директора, добрейшаго Николая Александровича Бутурлина. Въ разсказѣ сослуживца моего Акинѳія Петровича все передано какъ нельзя вѣрнѣе, кромѣ только того, что, ради красоты слога, ему вздумалось замаскировать меня семинаристомъ, какимъ, какъ вамъ извѣстно, я никогда не бывалъ“.

Юрьевъ, какъ человѣкъ болѣе товарища своего Синицына знакомый съ условіями хорошаго общества, понялъ сразу, что разсказъ этотъ не могъ быть мнѣ обиденъ ни на волосъ; но со всѣмъ тѣмъ не счелъ нужнымъ продолжать его, а только сказалъ:

— „Въ первый разъ, что я у бабушки увижу съ Акинѳіемъ Петровичемъ, скажу ему, что онъ напрасно переиначилъ историческую истину своего забавнаго анекдота, потому что я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ настоящимъ дѣйствующимъ лицомъ, бывшимъ героемъ въ комедіи съ переодѣваньемъ, которую можно назвать „Шляпою на выворотъ“ и прибавлю, съ вашего позволенія, что это дѣйствовавшее тогда лицо ничего общаго съ его бурсакомъ не имѣетъ“.

— „А теперь, Юрьевъ, приставай къ Спящину, идемъ къ цѣли: разскажи намъ всю суть происшествія со стихами, которые были причиною, что нашъ „Майошка“ изъ лейбъ-гусаровъ такъ неожиданно попалъ въ Нижегородскіе драгуны тѣмъ же чиномъ, т. е. изъ поповъ въ дьяконы, какъ говорится“.

— „Къ твоимъ услугамъ“, отозвался Юрьевъ, закуривая трубку на длинномъ чубукѣ, поданномъ ему казачкомъ Синицына, который самъ однако никогда ничего не курилъ, но для гостей держалъ всегда табакъ и чубуки въ отличномъ порядкѣ, соблюдаемомъ этимъ 14 лѣтнимъ пострѣленкомъ, прозваннымъ чубукиши-паша.

— „Дѣло было такъ, продолжалъ Юрьевъ, затянувшись и обдавъ насъ густымъ облакомъ ароматнаго дыма. Какъ только Пушкинъ умеръ, Лермонтовъ,

какъ и я, какъ я думаю, всѣ мы, люди земли не Нѣмецкой, приверженецъ и обожатель поэзіи Пушкина, имѣлъ случай, незадолго до этой роковой катастрофы, познакомиться лично съ Александромъ Сергѣевичемъ, и написалъ извѣстное теперь почти всей Россіи стихотвореніе на смерть Пушкина, стихотвореніе, надѣлавшее столько шума и, не смотря на то, что нигдѣ не напечатанное, поставившее вдругъ нашего школьнаго поэта почти въ уровень въ тѣмъ, кого онъ въ своихъ великолѣпныхъ стихахъ оплакивалъ. Намъ говорили, что Василій Андреевичъ Жуковскій относился объ этихъ стихахъ съ особеннымъ удовольствіемъ и призналъ въ нихъ не только зачатки, но все проявленіе могучаго таланта, а прелесть и музыкальность версификаціи признаны были знатоками явленіемъ замѣчательнымъ. изъ ряду вонъ. Князь Владиміръ Фёдоровичъ Одоевскій сказалъ въ разговорѣ съ бабушкой, гдѣ-то въ реюньонѣ, что многіе выражаютъ только сожалѣніе о томъ, зачѣмъ энергія мысли въ этомъ стихотвореніи не довольно выдержана, чрезъ что замѣтна та рѣзкость сужденій, какая слишкомъ рельефируетъ самый возрастъ автора. Говорятъ (правда ли, вѣтъ ли, не знаю) это ничто иное какъ придворное повтореніе мнѣнія самаго Императора, прочитавшаго стихи со вниманіемъ и сказавшаго будто бы: „Этотъ, чего добраго, замѣнитъ Россію Пушкина!“— На дняхъ, еще до катастрофы за прибавочные стихи, нашъ Шлиппенбахъ *) былъ у бабушки и разсказывалъ ей, что его высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ отозвался въ разговорѣ съ нимъ о Лермонтовѣ такъ: „Ce poëte en herbe va donner de beaux fruits“ **). А потомъ, смѣясь, прибавилъ:

*) Баронъ Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ, вѣкогда директоръ Гв. Шк. Подпр. и Юнкеровъ, а потомъ директоръ 1-го Кадетскаго Корпуса. Умеръ генералъ-лейтенантомъ въ 1859 году здѣсь въ Петербургѣ.

***) Эта Французская игра словъ непереводима порусски; но въ ближайшемъ смыслѣ это

„Упекужъ его на гауптвахту, ежели онъ взвѣду вздумаетъ въ стихахъ командовать, чего добраго!“ Въ большемъ свѣтѣ вообще выражалось сожалѣніе только о томъ, что авторъ стихонъ слишкомъ будто бы рѣзко отозвался о Дантесѣ, выставивъ его ничѣмъ инымъ, какъ искателемъ приключеній и почти *chevalier d'industrie*. За этого Дантеса весь нашъ бомондъ, особенно же юбки. Командиръ лейбъ-гусаровъ. Х—ъ за большимъ званымъ ужиномъ сказалъ, что, не сиди Дантесъ на гауптвахтѣ и не будь онъ впередъ назначенъ къ высылкѣ за границу съ фельдъегеремъ, кончилось бы тѣмъ, что какъ Пушкинъ вызвалъ его, такъ онъ вызвалъ бы Лермонтова за эти „ругательные стихи“. А, по правдѣ, что въ нихъ ругательнаго этому Французишкѣ, который срамилъ собою и гвардію, и первый гвардейскій кавалерійскій полкъ, въ которомъ числился?“

— „Правду сказать, замѣтилъ Синицынъ, я насмотрѣлся на этого Дантесишку во время военного суда. Страшная Французская бульварная сволочь съ смазливой только рожницей и съ бойкимъ говоромъ. На первый разъ онъ не зналъ, какой результатъ будетъ имѣть судъ надъ нимъ, думалъ, что его, безъ церемоніи, разстрѣляютъ и въ тайномъ казематѣ засѣкутъ казацкими нагайками. Дрянъ! Растерялся, блѣднѣлъ, дрожалъ. А какъ провѣдывалъ чрезъ своихъ друзей, въ чемъ вся суть-то, о! тогда поднялся на дыбы, захорохорился, чортъ былъ ему не братъ и осмѣлился даже сказать, что такихъ версификаторовъ, какимъ былъ Пушкинъ, въ его Парижѣ десятки. Вѣдь вы, господа, всѣ меня знаете за человѣка миролюбиваго, не даромъ Великій Князь, съ перваго раза, окрестилъ меня, „кормилицей Лукерьей“; но ей Богу, будь этотъ Французишка не подсудимый, а на свободѣ, — я такъ и далъ бы ему плюху за его нахальство и за презрѣніе къ нашему хлѣбу-соли“*).

значитъ: „Отъ этого молодого поэта можно ожидать замѣчательныхъ произведеній“.

*) Другіе болѣе достовѣрные рассказы свидѣтельствуя что Дантесъ не только не

— „Ну вотъ же видишь, подхватилъ съ живостью Юрьевъ, ужъ на что ты, Синицынъ, кротокъ и добръ, а и ты хотѣлъ этого фанфарона наказать. Послѣ этого чего мудренаго, что такой пламенный человѣкъ, какъ Лермонтовъ, не на шутку озлился, когда до него стали съ права и слѣва доходить слухи о томъ, что въ высшемъ нашемъ обществѣ, которое Русское только по названію, а не въ душѣ и не на самомъ дѣлѣ, потому что оно вполне офранцужено отъ головы до пятокъ, идутъ толки о томъ, что въ смерти Пушкина, къ которой всѣ эти сливки высшаго общества относятся крайне хладнокровно, надо винить его самого, а не тѣ обстоятельства, въ которыя онъ былъ поставленъ, не тѣ интриги великосвѣтскости, которыя его доканали, раздувъ пламя его и безъ того всепожиряющихъ страстныхъ стремленій. Все это ежедневно раздражало Лермонтова, и онъ, всегда такой почтительный къ бабушкѣ нашей, раза два съ трудомъ сдерживалъ себя, когда старушка говорила при немъ, что покойный Александръ Сергѣевичъ не въ свои сани сѣлъ и, сѣвши въ нихъ, не умѣлъ ловко управлять своенравными лошадампъ, мчавшими его и намчавшими, наконецъ, на тотъ сугробъ, съ котораго одна дорога была только въ пропасть. Съ старушкой нашей Лермонтовъ конечно не спорилъ, а только кусалъ ногти и уѣзжалъ со двора на цѣлые сутки. Бабушка замѣтила это и, не желая печалить своего Мишу, ни слова уже не говорила при немъ о свѣтскихъ толкахъ; а эти толки подѣйствовали на Лермонтова до того сильно, что недавно онъ занемогъ даже. Бабушка испугалась, докторъ призналъ разстройство нервовъ и прописалъ усиленную дозу валерьяны; заѣхалъ другъ всего Петербурга, добрыйшій Николай Федоро-

позволялъ себѣ подобныя выходки, не просилъ Государя позволить ему перейти на службу солдатомъ на Кавказъ, дабы доказать, какъ онъ чувствуетъ великость причиненнаго имъ Русской землѣ горя. II. Б.

вичъ Арендтъ и, не прописывая никакихъ лекарствъ, вполне успокоилъ нашего капризнаго больного своею бесѣдой, рассказавъ ему всю печальную эпопею тѣхъ двухъ съ половиною сутокъ съ 27 по 29 Января, которые протрадалъ раненый Пушкинъ. Онъ все, все, все, что только происходило въ эти дни, часъ въ часъ, минута въ минуту, рассказалъ намъ, передавъ самыя завѣтныя слова Пушкина. Нашъ другъ еще больше возлюбилъ своего кумира послѣ этого откровеннаго сообщенія, обильно и безыскусственно вылившись изъ доброй души Николая Федоровича, не умѣвшаго сдержать своихъ словъ.

Лермонтовъ находился подъ этимъ впечатлѣнiемъ, когда явился къ намъ нашъ родня Н. А. С., дипломатъ, служащій подъ начальствомъ графа Нессельроде, одинъ изъ представителей и членовъ самаго, что ни есть, нашего высшаго круга, но, впрочемъ, джентльменъ во всѣмъ значеніи этого слова. Узнавъ отъ бабушки, занявшейся съ бывшими въ эту пору гостями, о болѣзни Мишеля, онъ поспѣшилъ навѣдаться объ немъ и вошелъ неожиданно въ его комнату, минутъ десять по отъѣздѣ Николая Федоровича Арендта. По поводу городскихъ слуховъ о томъ, что вдова Пушкина едва ли долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу, С. расхваливалъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорилъ, что напрасно Мишель, апоѳеозировавъ поэта, придавалъ слишкомъ сильное значеніе его невольному убійцѣ, который, какъ всякій благородный человѣкъ, послѣ всего того, что было между ними, не могъ бы не стрѣляться. Nonpeur oblige!.... Лермонтовъ сказалъ на это, что Русскій человѣкъ, конечно чистый Русскій, а не офранцузенный и испорченный, кукую бы обиду Пушкинъ ему ни сдѣлалъ, снесъ бы ее, во имя любви своей къ славѣ Россіи и никогда не поднялъ бы на этого великаго представителя всей интеллектуальности Россіи

своей руки. С. засмѣялся и нашелъ, что у Мишеля раздраженіе нервовъ, почему лучше оставить этотъ разговоръ и перешелъ къ другимъ предметамъ свѣтской жизни и къ новостямъ дня. Но „Майошка“ нашъ его не слушалъ и, схвативъ листъ бумаги, что-то быстро на немъ чертилъ карандашемъ, ломая одинъ за другимъ и переламывая такъ съ поддюжины. Между тѣмъ, С., замѣтивъ это, сказалъ, улыбаясь и полушопотомъ: „La poésie enfant!“ *); потомъ, поболтавъ еще не много и обращаясь уже только ко мнѣ, собрался уходить и сказалъ Лермонтову: „Adieu, Michel!“, но нашъ Мишель закусилъ уже поводья, и гнѣвъ его не зналъ предѣловъ. Онъ сердито взглянулъ на С. и бросилъ ему: „Вы, сударь, антиподъ Пушкина, и я ни за что не отвѣчаю, ежели вы сію секунду не выйдете отсюда“. — С. не оставилъ себя приглашать къ выходу дважды и вышелъ быстро, сказавъ только: „Mais il est fou à lier“. **) Четверть часа спустя, Лермонтовъ, переломавшій столько карандашей, пока тутъ былъ С. и потомъ писавшій совершенно спокойно на бѣломъ перомъ то, что въ присутствіи непріятнаго для него гостя писано имъ было такъ отрывисто, прочиталъ мнѣ тѣ стихи, которые, какъ ты знаешь, начинаются словами: „А, вы, надменные потомки!“ и въ которыхъ такъ много силы.

— „Я отчасти знаю эти стихи, сказалъ Сеницынъ, но не имѣю вѣрной копии съ нихъ. Пожалуйста, Юрьевъ, ты, который такъ мастерски читаешь всякіе стихи, прочти намъ эти, „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“, главное „съ разстановкой“, а мы съ В***П*** ихъ спишемъ подъ твой диктантъ“. — „Изволь, отозвался Юрьевъ, вотъ они“.

Мы тотчасъ вооружились листами бумаги и перьями, а Юрьевъ декламировалъ, повторяя каждый стихъ:

*) Поэзія разрѣшается отъ бремени.

**) Но вѣдь онъ просто бѣшеный.

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ от-
цовъ,

Пятою рубскою поправшіе обломки
Игрою счастья обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперстники раз-
врата,

Есть грозный судъ: онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли, и дѣла все знаетъ напередъ.
И вы напрасно тутъ прибѣгнете къ зло-
словью:

Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смаете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь.

Когда мы съ Сяицынымъ записали послѣдній стихъ, то оба съ неподдѣльнымъ и искреннимъ чувствомъ выражали нашъ восторгъ къ этимъ звучнымъ и сильнымъ стихамъ. Юрьевъ продолжалъ:— „Я тотчасъ списалъ съ этихъ стиховъ, не выходя изъ комнаты Лермонтова, пять или шесть копій, которыя немедленно развезъ къ нѣкоторымъ друзьямъ. Эти друзья, частью сами, частью при помощи писцовъ, написали еще изрядное количество копій, и дня черезъ два или три почти весь Петербургъ читалъ и зналъ „дополненіе къ стихамъ Лермонтова на смерть Пушкина“. Когда старушка-бабушка узнала объ этихъ стихахъ, то старалась всѣми силами, нельзя какъ нибудь, словно фальшивыя ассигнаціи, исхитить ихъ изъ обращенія въ публикѣ; но это было рѣшительно невозможно: они распространялись съ быстротою, и вскорѣ ихъ читала уже вся Москва, гдѣ старики и старухи, преимущественно, на Тверской, объявили ихъ чисто революціонерными и опасными. Прочелъ ихъ и графъ Бенкендорфъ, но отнесся къ нимъ какъ къ поэтической вспышкѣ, сказавъ Дубельту: „Самое лучшее на подобныя легкомысленныя выходки не обращать никакого вниманія: тогда слава ихъ скоро померкнетъ; ежели же мы примемъ за преслѣдованіе и запрещеніе ихъ, то хорошаго ничего не выйдетъ, и мы только раздуемъ пламя стра-

стей“. Стихи эти читалъ даже Великій Князь Михаилъ Павловичъ и только сказалъ смѣясь: „Эхъ, какъ же онъ расходился! Кто подумаетъ, что онъ самъ не принадлежитъ къ высшимъ дворянскимъ родамъ?“—Даже до насъ доходили слухи, что Великій Князь, при встрѣчѣ съ Бенкендорфомъ, шепнулъ ему, что желательно, чтобъ этого „взоръ“, какъ онъ выразился, не обезпачилъ вниманія Государя Императора. Однимъ словомъ, стихи эти, переписываемые и заучиваемые всѣми повсюду, въ высшихъ сферахъ считались ребяческою вспышкою, а въ публикѣ, хотя и не громко, но признавались за произведеніе гениальное. Государь объ нихъ ничего не зналъ, потому что графъ Бенкендорфъ не придавалъ стихамъ значенія, пока дней пять или шесть назадъ былъ раутъ у графа Ф., гдѣ былъ и графъ Бенкендорфъ въ числѣ гостей. Вдругъ къ нему подходитъ извѣстная Петербургская болтунья и, какъ ее зовутъ, la lépre de la société ¹⁾, Х., разносительница новостей, а еще болѣе клеветъ и пасквилей по всему городу и, подойдя къ графу, эта несносная въстопщица вдругъ говоритъ: „А вы вѣрно читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ и въ которыхъ la crème de la noblesse ²⁾ отдѣланы на чемъ свѣтъ стоять?“— „О какихъ стихахъ вы говорите, сударыня?“ спрашиваетъ графъ. — „Да о тѣхъ, что написалъ гусаръ Лермонтовъ и которые начинаются стихами: „А вы, надменные потомки!, т. е. ясно мы всѣ, toute l'aristocratie russe“. Бенкендорфъ ловко далъ тотчасъ другое направленіе разговору и столько же ловко постарался уклониться отъ своей собесѣдницы, которую, какъ извѣстно, послѣ всѣхъ ея продѣлокъ, особенно послѣ ея попрошайничествъ, нигдѣ не принимаютъ, кромѣ дома ея сестры, графини Ф., которая сама бѣдняжка въ отчаяніи отъ такого кровнаго родства. Однако послѣ этаго разговора на раутѣ, графъ Бен-

¹⁾ Проказа общества.

²⁾ Сливки (верхушки) дворянства,

кендорфъ на другой же день передъ отправленіемъ своимъ съ докладомъ къ Государю Императору, сказала Дубельту: „Ну, Леонтій Васильевичъ, что будетъ, то будетъ, а послѣ того, что Х. знаетъ о стихахъ этого мальчика Лермонтова, мнѣ не остается ничего больше, какъ только сейчасъ же доложить объ нихъ Государю“. Когда графъ явился къ Государю и началъ говорить объ этихъ стихахъ въ самомъ успокоительномъ тонѣ, Государь показалъ ему экземпляръ ихъ, сейчасъ имъ полученный по городской почтѣ, съ гнусною надписью: „Воззваніе къ революціи“. Многіе того мнѣнія, что это работа de la lépre de la société, которая, недовольная уклончивостью графа на раутъ, чѣмъ свѣтъ послала копію на Высочайшее имя въ Зимній Дворецъ, при чемъ, конечно, въ отдѣленіи городской почты въ Главномъ Почтамтѣ, повѣренный далъ вымышленный адресъ, и концы въ воду, но естественно не для жандармеріи, которая имѣетъ свое чутьѣ. Какъ бы то ни было, Государь былъ разгнѣванъ, принялъ дѣло серьезно, чѣмъ представлялъ графъ и велѣлъ Великому Князю Михаилу Павловичу немедленно послать въ Царское Село начальника штаба гвардіи Петра Федоровича Веймарна для произведенія обыска въ квартирѣ корнета Лермонтова. Веймарнъ нашелъ прежде всего, что квартира Лермонтова уже много дней не топлена, потому что самъ хозяинъ ея проживаетъ постоянно въ Петербургѣ у бабушки. Начальникъ штаба дѣлалъ обыскъ и опечатывалъ все, что нашелъ у Лермонтова изъ бумагъ, не снимая шубы. Между тѣмъ дали знать Мишѣ, онъ поскакалъ въ Царское и повезъ туда съ полною откровенностью весь свой портфель, въ которомъ, впрочемъ, всего больше было конечно барковщины; но однако, прискакавшій изъ Царскаго фельдъегеря отъ начальника штаба сопровождалъ полковаго адъютанта и жандармскаго офицера, которые приложили печати свои къ бюро, къ столамъ, къ комодамъ въ нашемъ аппар-

таментѣ. Бабушка была въ отчаяніи; она непременно думала, что ея Мишеля арестуютъ, что въ крѣпость усадятъ; однако все обошлось даже безъ ареста, только велѣно было ему отъ начальника штаба жить въ Царскомъ, занимаясь впредь до повелѣнія прилежно царской службой, а не „сумазбродными стихами“. Вслѣдъ за этимъ сдѣлано по гвардіи строжайшее распоряженіе о томъ, чтобы офицеры всѣхъ загородныхъ полковъ отнюдь не смѣли отлучаться изъ мѣстъ ихъ квартированія иначе какъ съ разрѣшенія полковаго командира, который даетъ письменный отпускъ, и отпускъ этотъ офицеръ долженъ предъявлять въ ордонансъ-гаузѣ и въ гвардейскомъ штабѣ. Просто исторія! Мнѣ это также не по шерсти, ей Богу. И все это изъ за стиховъ „Майошки“. Однако, нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ приказъ: „Л. гв. гус. полка корнетъ Лермонтовъ переводится прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ“. Сначала было приказано выѣхать ему изъ Петербурга черезъ 48 часовъ, т. е. въ столько времени, во сколько можетъ быть изготовлена новая форма, да опять спасибо бабушкѣ: перепросила, и кажется, нашъ „Майошка“ проведетъ съ нами и Пасху. Теперь вѣдь Вербная недѣля, ждать не долго“.

— „Бѣдный“, жаль мнѣ его, сказалъ Синицынъ, а со всѣмъ тѣмъ хотѣлось бы видѣть его въ новой формѣ: куртка съ кушакомъ, шаравары, шапка черезъ плечо, киверъ гречневикомъ изъ чернаго барашка съ огромнымъ козырькомъ. Все это преуморительно сидѣть будетъ на немъ“.

— Не уморительнѣе юнкерскаго ментика, замѣтилъ Юрьевъ, въ которомъ онъ не мало таки времени щеголялъ въ школѣ. Но страшно забавенъ въ этой Кавказской формѣ Костыка Булгаковъ!“

„— Какъ, развѣ и онъ угодилъ на Кавказъ? спросилъ Синицынъ, для компаніи что ли?“

— „О нѣтъ, онъ на Кавказъ не назначенъ, сказалъ Юрьевъ, а только съ

этой Кавказской формой Лермонтова уд-
ралъ презабавную и довольно недѣльную,
въ своемъ родѣ, штуку. Заѣзжаетъ онъ
на дняхъ къ намъ и видитъ весь этотъ
костюмъ, только что принесенный отъ
портнаго и изъ магазина офицерскихъ
вещей. Тотчасъ давай примѣрять, на
своей карапузой фигурѣ, куртку съ
кушакомъ, шапку на портупей черезъ
плечо и баранью шапку. Смотрится въ
зеркало и находить себя очень воин-
ственнымъ въ этомъ нарядѣ. При этомъ
у него мелькаетъ блажная мысль выска-
чить въ этомъ пересодѣваньи на улицу
и, пользуясь отсутствіемъ какъ Лермон-
това, такъ и моимъ, глухой къ убѣж-
деніямъ Вани *), садится на перваго
подвернувшагося у подъезда лихача и
несется на немъ по Невскому. Между
тѣмъ „Майошка“ вздиль по своимъ дѣламъ
по городу, и на бѣду наѣхалъ у Англій-
скаго магазина, гдѣ кое-что закуналъ, на
Великаго Князя Михаила Павловича,
который остановилъ его и, грозя паль-
цемъ, сказалъ: „Ты не имѣешь права
щеголять въ этой лейбъ-гусарской фор-
мѣ, когда долженъ носить свою Кав-
казскую: обѣ тебѣ давно ужъ былъ
приказъ“. — „Виновать, Ваше Высочество,
не я, а тотъ портной, который меня
обманываетъ. Между тѣмъ, по дѣламъ не
терпящимъ о глагательства, необходимо
было выѣхать со двора“, былъ отвѣтъ
Лермонтова. — „Смотри же, поторопи хо-
рошенько твоего портнаго, замѣтилъ
Великій Князь: онъ такъ неисполнителенъ
вѣрно потому что, чего добраго, подоб-
но тебѣ шалуну, строчить какуюнибудь
поэму или оду. Въ такомъ родѣ я до
него доберусь. Но во всякомъ случаѣ,
чтобъ я тебя больше не встрѣчалъ въ
этой не твоей формѣ“. — „Слушаю, Ваше
Высочество“, рапортовалъ Лермонтовъ,
„сегодня же покажусь въ городѣ Кавказ-
цемъ“. — „Сегодня, такъ значить эки-
пировка готова?“, спросилъ Великій

Князь. — „Постараюсь, въ исполненіе во-
ли Вашего Высочества изъ невозможна-
го сдѣлать возможное“, пробарабанилъ
Лермонтовъ, и Его Высочество, доволь-
ный молодецкимъ отвѣтомъ, уѣхалъ. Онъ
отправлялся въ Измайловскія казармы,
почему кучеръ его, проѣхавъ часть Нев-
скаго Проспекта (встрѣча съ Лермон-
товымъ была противъ Англійскаго ма-
газина) повернулъ за Аничковымъ мос-
томъ на Фонтанку, и тутъ едва подѣхали
сани Великаго Князя къ Чернышеву
мосту, отъ Садовой въ перерѣзъ мимо
театральнаго дома, стрѣлой несутся са-
ни, и въ саняхъ Кавказскій драгунъ,
лорнирующій внимательно окна теат-
ральной школы, Великій Князь, зная,
что во всемъ Петербургѣ въ это время
Нижегородскаго драгуна *) не находится
кромѣ Лермонтова и удивляясь бы-
стротѣ, съ которою послѣдній успѣлъ
перемѣнить костюмъ, велѣлъ кучеру до-
гнать быстро летѣвшаго Нижегородскаго
драгуна; но куда! у лихача былъ ка-
кой-то двужилый рысакъ, который
могъ бы, кажется, преміи выигрывать на
бѣгахъ, и баранья шапка мигомъ скры-
лась изъ глазъ. Нечего было дѣлать:
Великій Князь оставилъ перегонку и
отправился въ Измайловскія казармы,
гдѣ въ этотъ день былъ какой-то экстра-
ординарный смотръ. Послѣ смотра Ве-
ликій Князь подозвалъ къ себѣ подпо-
ручика Ф****, изъ нашихъ подпоручи-
ковъ и, спросивъ его, знаетъ ли онъ
квартиру Лермонтова живущаго у нашей
бабушки Арсеньевой, велѣлъ ему ѣхать
туда сейчасъ и узнать отъ него, какъ
онъ успѣлъ такъ скоро явиться въ
новой Кавказской формѣ близъ Черны-
шева моста, тогда какъ не больше десяти
минуть Его Высочество оставилъ его
у Полицейскаго моста; и о томъ, что узна-
етъ, довести тотчасъ его Высочеству
въ Михайловскомъ дворцѣ. Измайловецъ
къ намъ пріѣхалъ въ то время, какъ

*) Камердинеръ М. Ю. Лермонтова, нѣсколь-
ко помоложе его, всегда находившійся при
немъ въ школѣ и носившій деньщицью форму.

*) Они въ ту пору въ Петербургѣ были
очень рѣдки, какъ и вообще всѣ Кавказцы,
обращавшіе на себя на улицахъ вниманіе
публики.

только Булгаковъ возвратился и, при общемъ хохотѣ, снималъ Кавказскіе доспѣхи, рассказывая, какъ, благодаря лихому рысаку своего извозчика Терешки, онъ далъ утку отъ Великаго Князя. Вслѣдствіе всего этого доложено было Его Высочеству, что Лермонтовъ, откланявшись ему, полетѣлъ къ своему неисправному портному, у котораго будто бы были и всѣ вещи обмундировки и, нацугавъ его пшеномъ Великаго Князя, ухватилъ тамъ все, что было готоваго и поскакалъ продолжать свою дѣловую поѣздку по Петербургу, уже въ бараньей шапкѣ и въ шивелѣ драгунской формы. Великій Князь очень доволенъ былъ исполнительностью Лермонтова, никакъ не подозрѣвая, что онъ у Чернышева-то моста видѣлъ не Лермонтова, а шалуна Булгакова*.

Въ это время когда Юрьевъ кончалъ свой рассказъ, въ сосѣдней комнатѣ, которая была прямо изъ прихожей, проходная зала, служившая Сеницыну выѣстъ и столовой, началъ слышаться тотъ легкій шумъ, который бываетъ, когда накрываютъ и собираютъ не очень ловкая прислуга, собираетъ на столъ, для обѣда или для ужина. Мои часы показывали десять часовъ вечера, и по звуку хозяйскихъ огромныхъ стѣнныхъ часовъ, я убѣдился въ томъ, что мои съ часами Аванасія Ивановича минута въ минуту. Вдругъ во время звона часовъ, между нами неожиданно явился новый собесѣдникъ, плотный, коренастый, небольшого роста, человекъ лѣтъ подъ тридцать, изрыжа бѣлокурый съ темносѣрыми глазами и чертами лица довольно нѣжными и благообразными. Онъ былъ въ вицъ-мундирѣ конногвардейскаго полка, въ каскѣ (тогдашней формы, съ высокимъ гребнемъ и съ мѣднымъ крестомъ впереди), въ шарфѣ, припалашѣ, волочившемся и гремѣвшемъ. Оказалось, что то былъ ротмистръ и эскадронный командиръ, помнится, Хрущовъ, дежурный въ этотъ день по полку, очень милый и приличный господинъ, который, снимая каску и отстегивая портупею палаша, обращаясь

къ Сеницыну съ милою, задушевною, но отнюдь не съ нахальною, фамильярностію, сказалъ:

—“Сенъ Сеницынъ, я голоденъ, какъ собака, и пришелъ къ вамъ сдѣлать страшную брешу вашему ужину. Да представьте, какая фарса: мой поваръ напился мертвецки пьянъ, и ведро воды самой холодной, вылитое на его голову, не могло отрезвить его. Можно бы послать въ какой нибудь отель за парю котлетъ; да пока принесутъ сюда изъ Морской, все будетъ холодно и сально. А между тѣмъ, гляжу изъ дежурной комнаты, и вижу свѣтъ въ окнахъ милѣйшаго нашего ассесора въ военной судной комиссіи надъ убійцей Пушкина, такъ жестоко расхлѣстаннымъ Лермонтовымъ. И вотъ я къ вамъ какъ свѣгъ на голову, мой любезнѣйшій однополченецъ, Аванасій Ивановичъ.”

—“А и, захихикалъ Сеницынъ, какъ истый Русскій человекъ, хотя и съ малою толикою хохлячины, очень люблю свѣгъ, гораздо больше дождя, особенно такой хорошій Русскій свѣгъ. Но вы, ротмистръ, для меня всегда дорогой и пріятный, хотя, къ сожалѣнію, очень рѣдкій гость. Однако, господа, позвольте васъ познакомиться.”

Когда мы были взаимно представлены и когда ротмистръ Хрущовъ вспомнилъ, что онъ меня встрѣчалъ у Николая Александровича Бутурлина, онъ замѣтилъ, что, кажется, когда онъ входилъ въ комнату, ему послышалось имя извѣстнаго *enfant terrible de la garde*,—Кости Булгакова. Сеницынъ подтвердилъ это и объяснилъ въ десяти словахъ новую шалость Булгакова съ Кавказскою формою Лермонтова.

—“Tant va la cruche à l'eau, qu'elle se brise“*), замѣтилъ Хрущовъ, и помните мое слово, что Булгаковъ столько повѣсничаетъ, и такъ отчаянно, что наконецъ разомъ ему придется за все

*) Повадится кувшинъ по воду ходить, тажъ ему и голову сложить.

поплатиться. Вы слышали его недавнюю фарту съ длиною сюртучныхъ полъ?“

И онъ разсказалъ одну изъ сотенъ Булгаковскихъ продѣлокъ того времени. Мы посмѣялись этому разсказу, и когда перешли въ столовую, гдѣ насъ ожидало презрительное блюдо отбавныхъ котлетъ, дежурный по полку ротмистръ доказалъ, что ему хотѣлось ѣсть и что аппетитъ у него богатырскій, да и мы всѣ акомпанировали ему не дурно, нечего сканать, не отказываясь отъ лафита и д'якена, которыми гостеприимный хозяинъ наполнилъ усердно наши стаканы, восклицая, отъ времени до времени, съ изъясненіемъ сожалѣнія, что между нами нѣтъ милаго Миши Лермонтова, котораго при постороннемъ и старшемъ офицерѣ онъ не находилъ удобнѣе величать, по юнкерски, „Майошкой“, отъ какого названія замѣтно воздерживался и Юрьевъ, его кузень и другъ. Но когда Аѳанасій Ивановичъ откупорилъ бутылку шампанскаго, известнаго тогда подъ фирмою champagne rosé (которое было нѣчто въ родѣ кремана, но однако не креманъ) и предложилъ тостъ за здоровье скоро отъѣзжающаго на Кавказъ однокашника, то прозвище „Майошки“ сорвалось съ языка у него и было повторено Юрьевымъ, объяснившимъ Хрущеву, что тамъ они въ школѣ, гдѣ всѣмъ давались клички и собрике, прозвали Лермонтова по причинѣ его сутуловатости и даже неуклюжести, при ростѣ весьма не богатырскомъ. Это подало поводъ Юрьеву и Сеницыну распространиться въ воспоминаніяхъ о различныхъ случаяхъ изъ школьной ихъ жизни, заставлявшихъ весело смѣяться Хрущеву и меня.

— „А вотъ, братъ Сеницынъ, говорилъ Юрьевъ, ты, кажется, не знаешь о нашей юнкерско-офицерской продѣлкѣ на Московской заставѣ въ первый годъ, т. е. въ 1835 году, нашего съ Лермонтовымъ производства въ офицеры. Продѣлка эта названа была нами, и именно Лермонтовымъ „*всемирною энциклопедіею имени*.“

— „Нѣтъ, не знаю, отозвался Сеницынъ, разскажи, пожалуйста.“

— „Разъ какъ-то Лермонтовъ зажилъ на службѣ дольше обыкновеннаго (началъ Юрьевъ) а и былъ въ городѣ, пріѣхавъ, какъ водится, изъ моей скучной Новгородской стоянки. Бабушка соскучилась безъ своего Мишеля, пребывавшаго въ Царскомъ и кутившаго тамъ на пропадую въ веселой компаніи. Писано было въ Царское; но „Майошка“ и ухомъ не велъ, все никакъ не пріѣзжалъ. Наконецъ рѣшено было его оттуда притащить въ Петербургъ *bon gré, mal gré*¹⁾). Въ одно прекрасное Февральское утро честной масляницы, я, по желанію бабушки, распорядился, чтобъ была готова извозничья молодецкая тройка съ пошевнями. Долженствовавшая мигомъ доставить меня въ Царское, откуда рѣшено было привезти *le déserteur*²⁾), который, масляница на проходѣ, не пробовалъ еще у бабушки новоизобрѣтенныхъ блиновъ ея повара Тихонича, да къ тому же и прощальные дни близки были, а Мишенька все въ письмахъ своихъ увѣряетъ, что онъ штудируетъ въ манежѣ службу царскую, при чемъ всякій разъ проситъ о присылкѣ ему малыхъ толики денегъ. Въ деньжатахъ, конечно, отказа никогда не было; но надобно же въ самомъ дѣлѣ и честь знать. Тройка моя уже была у подъязда, какъ вдругъ швейцарскій звонъ обвѣщаетъ мнѣ гостей, и пять минутъ спустя, ко мнѣ вваливается съ смѣхомъ и грохотомъ и *cliquetis des armes*³⁾), какъ говорить бабушка, честная наша компанія, предводительствуемая Костей Булгаковымъ, тогда еще подпрапорщикомъ Преображенскаго полка, а съ нимъ подпрапорщикъ же лейбъ-егерь Гвоздевъ⁴⁾),

1) Хочетъ не хочеть. 2) Бвгледа. 3) Бряк анье оружія.

4) Павелъ Александровичъ Гвоздевъ, братъ того Александра Александровича, который былъ впоследствии директоромъ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ и погилъ такою трагическою смертію, какъ говорили тогда, въ припадкѣ апохондріи, подъ колесами вагона Николаевской желѣзной

да юнкеръ лейбъ уланъ М^{““}скій *). Только что они явились, о чемъ узнала бабушка, тотчасъ явился къ намъ завтракъ съ блинами изобрѣтенія Тихонича и съ разными другими масляничными снадобьями, а бабушкинъ камердинеръ, взявъ меня въ сторону, почтительнѣйше донесъ мнѣ по приказанію ея превосходительства Елизаветы Алексѣевны, что не худо бы мнѣ ѣхать за Михайломъ Юрьевичемъ съ этими господами, на какой конецъ явится еще наемная тройка съ пошевнями. Предложеніе это принято было, разумѣется съ восхищеніемъ и увлеченіемъ, и вотъ двѣ тройки съ нами четырьмя понеслись въ Царское Село. Когда мы подѣхали къ заставѣ, то увидѣли, что на офицерской гауптвахтѣ стоятъ Преображенцы, и караульнымъ офицеромъ одинъ изъ нашихъ недавнихъ однокашниковъ, князь Н****, веселый и добрый малый, который, увидѣвъ между нами Булгакова, сказалъ ему: „Когда вы будете ѣхать всѣ обратно въ городъ, то я васъ, господа, не пропущу черезъ шлахбаумъ, ежели Костя Булгаковъ не въ своемъ на-

дороги въ 1862 году. Этотъ Гвоздевъ, даровитый, добрый и умный малый, но необыкновенно впечатлительный и вспыльчивый, изъ подпрапорщика въ л. гв. Егерскаго полка былъ въ 1835 году переведенъ въ армію юнкеромъ же на Кавказъ. Потомъ онъ вышелъ въ отставку, служилъ по статской службѣ, при протекціи брата и умеръ въ молодыхъ еще годахъ, т. е. моложе 30 лѣтъ. Когда былъ въ Петербургѣ шумъ и гвалтъ по поводу стиховъ графини Ев. Петр. Растопчиной, напечатанныхъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ Булгаринимъ, думавшимъ угодить ими правительству, не зная, что стихи эти подъ названіемъ „Баронъ“, были направлены противъ Императора Николая Павловича, — явилось слѣдующее довольно бойкое четверостишіе:

Шутить я не привыкъ,
Я самъ великій баринъ,
И за дерзскій свой языкъ,
Заплатить... Булгаринъ.

(Стихи эти были написаны именно этимъ Пав. Ал. Гвоздевымъ).

*) Ал. М. М—скій, нынѣ полковникъ въ отставкѣ, мой добрый знакомецъ. Онъ сообщилъ въ печати нѣкоторыя замѣчательныя подробности о Лермонтовѣ, въ приложеніяхъ къ „Запискамъ Е. А. Хвостовой“.

стоящемъ видѣ, то есть, на шестомъ взводѣ, какъ ему подобаетъ быть.“—Мы, хохоча, дали слово, что не одинъ Булгаковъ, а вся честная компанія съ прибавкою двухъ-трехъ гусаръ, будетъ проѣзжать въ самомъ развеселомъ, настоящемъ масляничномъ состояніи духа, а ему предоставитъ честь и удовольствіе наслаждаться въ полной трезвости обязанности службы царю и отечеству.— Въ Царскомъ мы застали у „Майошки“ пиръ горой и, разумѣется, всѣми были приняты съ распростертыми объятіями, и насъ принудили впрочемъ, конечно, не дѣлая большихъ усилій для этого принужденія, принять участіе въ балтазаровой пирушкѣ, кончившейся непремѣнною жонкою, при чемъ обнаженные гусарскія сабли играли не послѣднюю роль, служа усердно своими невинными лезвеніи вмѣсто подставокъ для сахарныхъ головъ, облитыхъ ромомъ и пылавшихъ великолѣпнымъ синимъ огнемъ, поэтически освѣщавшимъ столовую, изъ которой, эффекта ради, были вынесены всѣ свѣчи и карсели. Эта поэтичность всѣхъ сильно воодушевила и настроила на стихотворный ладъ. Булгашка сыпалъ Французскими стишонками собственной фабрикаціи, въ которыхъ перемѣшаны были *les rouges hussards, les bleus lanciers, les blancs chevaliers gardes, les magnifiques grenadiers, les agiles chasseurs* со всякимъ невообразимымъ вздоромъ въ родѣ *Mars, Paris, Apollon, Henri IV, Louis XIV, la divine Natascha, la suave Lisette, la succulente Georgette* и пр., а „Майошка“ изводилъ карандаши, которые я ему починивалъ и соорудилъ въ стихахъ застольную пѣсню въ самомъ, что ни есть, скарроновскомъ родѣ, и потомъ эту пѣсню мы пѣли громчайшимъ хоромъ, такъ что, говорятъ, безногій Царко-сельскій бѣсъ сильно встревожился въ своей придворной квартирѣ и, не зная на комъ сорвать свое отчаяніе, велѣлъ отпороть двухъ или трехъ дворцовыхъ истопниковъ; словомъ шла „гусарщина“ на славу. Однако, нельзя же было не ѣхать въ Петербургъ и непремѣнно вмѣ-

ствъ съ Мишей Лермонтовымъ, что было условіемъ бабушки *sine qua non*. Къ нашему каравану присоединилось еще нѣсколько гусаръ, и мы собрались, рѣшивъ взять съ собою на дорогу корзину съ полъ-окорокомъ, четвертью телятины, десяткомъ жареныхъ рябчиковъ и съ добрымъ запасомъ различныхъ ликеровъ, ратафій, балзамовъ и дюжиною шампанской искрометной влаги, никогда Шампаньи, конечно, не выдавшей. Передъ выѣздомъ заявлено было „Майошкой“ предложеніе дать на заставѣ оригинальную записку опроѣзжающихъ, записку въ которой каждый изъ насъ долженъ былъ носить какую нибудь вымышленную фамилію, въ которой слова „дуракъ“, „болванъ“, „скотъ“ и пр. играли бы главную роль съ передѣлкою характеристики какой либо національности. Булгаковъ это понялъ сразу, и объявилъ за себя, что онъ *marquis de Glourignon* (маркизь Глупиновъ). Его примѣру послѣдовали другіе, и явились: донъ Скотилло, бояринъ Болванешти, фанариотъ Мавроглупато, лордъ Дураксонъ, баронъ Думшвейнъ, панъ Глупчинскій, синьоръ Глупини, панычъ Дураленко и наконецъ чистокровный Россійскій дворянинъ Скотъ Чурбановъ. Последнюю кличку присвоилъ себѣ Лермонтовъ. Много было хохота, по случаю этой, по выраженію Лермонтова „всемирной энциклопедіи фамилій“. На самой серединѣ дороги вдругъ наша бѣшеная скачка была остановлена тѣмъ, что упалъ коренникъ одной изъ четырехъ троекъ, говорю четырехъ, потому что къ нашимъ двумъ въ Царскомъ присоединилось еще двѣ тройки гусаръ. Кучеръ объявилъ, что надо „сердечнаго“ распречь и освѣжить снѣгомъ, такъ какъ у него „родимчикъ“. Не бросить же было коня на дорогѣ, и мы порѣшили остановиться и воспользоваться какимъ-то торчавшимъ на дорогѣ балаганомъ, мѣстомъ, служившимъ для торговли, а зимою пустымъ и остающимся безъ всякаго употребленія. При содѣйствіи свободныхъ ямщиковъ и кучеровъ, мы занялись устройствомъ ба-

лагана, т. е. размѣстили тамъ разныя доски, какія нашли, на полѣнья и снарядили что-то въ родѣ стола и табуретовъ. Затѣмъ зажгли тѣ фанари, какіе были съ нами и приступили къ нашей корзинѣ, занявшись содержаніемъ ея прилежно, впрочемъ, при помощи нашихъ возницъ, кушавшихъ и пившихъ съ увлеченіемъ. Тутъ было рѣшено, въ память нашего пребыванія въ этомъ балаганѣ, написать на стѣнѣ его, хорошо выбѣленной, углемъ всѣ наши псевдонимы, но въ стихахъ, съ тѣмъ, чтобъ каждый написалъ одинъ стихъ. Насъ было десять человекъ, и написано было десять нелѣпѣйшихъ стиховъ, изъ которыхъ я помню только шесть; остальные четыре выпарились изъ моей памяти, къ горю потомства, потому что, когда я лѣтомъ того же года хотѣлъ убѣдиться, существуютъ ли на стѣнѣ балагана наши стихи, имѣлъ горе на дѣлѣ сознать тщету славы: ихъ уничтожила новая штукатурка въ то время, когда балаганъ, пустой зимою, сдѣлался временною лавочкою лѣтомъ.

Гостями былъ полонъ балаганъ.
Болванешни, Молдаваны,
Стоялъ съ осанкою воинской;
Болванопуло было Грекъ,
Чурбановъ, Русскій человекъ,
Да былъ еще Полякъ Глупчинскій.

— „Такимъ образомъ, продолжалъ Юрьевъ, ни Испанецъ, ни Французъ, ни Хохолъ, ни Англичанинъ, ни Итальянецъ въ память мою не попали и исчезли для исторіи. Когда мы на гауптвахтѣ, въ два почти часа ночи, предъявили караульному унтеръ-офицеру нашу шуточную записку, онъ имѣлъ видъ почтительнаго недоумѣнія, глядя на красныя гусарскія офицерскія фуражки; но кто-то изъ насъ, менѣе другихъ служившій Вакху (какъ говаривали наши отцы) указалъ служивому обратную сторону листа, гдѣ всѣ наши фамиліи и ранги, правда, не выше корнетскаго, были ясно прописаны.

— „Но все таки, кричалъ Булгаковъ, непремѣнно покажи записку караульно-

му офицеру и скажи ему, что Французский маркиз былъ на шестомъ взводѣ.“— „Слушаю, ваше сіятельство, отвѣчалъ Преображенецъ и крикнулъ караульному у шланбаума: „Бомвысы!“, и мы влетѣли въ городъ, гдѣ вся честная компанія развѣхалась по квартирамъ, а Булгаковъ ночевалъ у насъ. Утромъ онъ пресеріозно и пренастоятельно увѣрялъ бабушку, добрейшую старушку, не умѣющую сердиться на наши проказы, что онъ весьма дѣйствительно маркизъ де Глупиньонъ“.

— „Ну эта Булгаково-Лермонтовская и сограждане шутка на заставѣ, сказалъ ротмистръ Хрущевъ, была совершенно невиннымъ фарсомъ развеселившихся юношей, кончившаяся общимъ смѣхомъ. А вотъ, въ двадцатахъ годахъ, была, какъ рассказывалъ мнѣ мой старикъ дядя, здѣсь въ Петербургѣ иная шутка, имѣвшая иныя послѣдствія. Дѣло въ томъ, что, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, послѣ Семеновской исторіи, всѣ офицеры этого, въ тѣ времена самаго блестящаго и наилучше составленнаго, полка, были переведены въ армію тѣми же чинами, а на мѣста ихъ изъ арміи съ повышеніемъ двумя чинами были переведены въ гвардію въ Семеновскій полкъ самые заскорузлые армейцы, отчасти бурбоны, отчасти такіе, которые были плохими кадетами въ корпусахъ и потому не только свѣтскимъ доскомъ, но и никакою начитанностью не отличались. Ихъ въ Петербургѣ нигдѣ не принимали, и они вели жизнь самую замкнутую въ своемъ тѣсномъ полковомъ кружкѣ; но всѣ они были хорошими фронтовиками и нерѣдко на смотрахъ и парадахъ поставлялись начальствомъ въ примѣръ гвардейцамъ. Это послѣднее обстоятельство досадовало многихъ, и бѣднымъ Семеновцамъ то и дѣло, что приходилось испытывать на на себѣ то, что называется *des niches*, *des tours des pages* *). И дѣйствительно,

*) Продѣлки съ насмѣшкою, пажескія шутки.

офицеры гвардейскаго корпуса другихъ полковъ, вышедшіе изъ Пажескаго Корпуса, ставили Семеновцамъ новаго закала преловкія подножки. Одна изъ этого рода подножекъ, исполненная шалуномъ въ родѣ нынѣшняго Булгакова, какихъ тогда было безъ числа, жутко пришлась одному изъ новыхъ Семеновцевъ, какому-то поручику гвардіи, разсчитывавшему дослужить въ Семеновскомъ полку до штабсъ-капитана, перейти снова въ армію майоромъ и тогда гдѣ-то въ Весеьгонскѣ или Царевokokшайскѣ, что ли, сочетаться бракомъ съ дочерью благочиннаго протопопа, имѣвшаго кругленькое состояніе и объявившаго этому гусю, что онъ Акулю благословить за него тогда, когда увидитъ его майоромъ съ пышными эполетами и командиромъ команды внутренней стражи съ яркожелтыми воротниками на сѣрыхъ мундирахъ. Старикъ зналъ, гдѣ раки зимуютъ; потому что эти командиры „канареечныхъ командъ“ въ тѣ времена разживались быстро и безопасно. Такимъ образомъ, Семеновская исторія годовъ на пятнадцать, по крайней мѣрѣ, укоротила срокъ, въ который бывший прапорщикъ могъ сдѣлаться обладателемъ Акули и ея движимаго и недвижимаго состоянія, при чемъ больше было шансовъ и на сохраненіе красоты вождедѣнной невѣсты. И вотъ поручикъ гвардіи, т. е. капитанъ арміи, мечтающій о томъ, какъ бы ему поскорѣе добраться до вождедѣнныхъ майорскихъ эполетъ, исправенъ по службѣ, какъ никто, надѣясь схватить за отличное штабсъ-капитанскій рангъ, который для него лучше всего на свѣтѣ. Особенно исправенъ и строгъ онъ бываетъ въ караулѣ на заставахъ, гдѣ соблюдаетъ такое педантство, что городскою плацъ-майоръ, читая въ дневномъ приказѣ, что на такой-то заставѣ стоять этотъ Семеновскій поручикъ, говорить бывало своимъ плацъ-адъютантамъ съ ярко-оранжевыми воротниками: „Сегодня на эту заставу хоть и не ѣздить: самъ воинскій артикулъ тамъ въ кара-

улѣ“. Разъ стоитъ этотъ „самъ артикулъ“ у Триумфальныхъ воротъ, которые однако артикулъ иначе какъ „Крахмальными“ не умѣлъ назвать. Несется въ столицу по Петергофской дорогѣ преотличная карета шестерикомъ, четверня рядомъ, а фореиторъ на уносныхъ. Унтеръ-офицеръ изъ грамотныхъ съ аспидной доской въ рукѣ подбѣжалъ къ каретѣ и спрашиваетъ, какъ водится: „кто изволитъ ѣхать?“ а между тѣмъ заглянулъ въ карету, — и такъ и обмеръ: сидитъ въ каретѣ баринъ въ завиткахъ барашкомъ, напудренный словно въ снѣгу или въ мукѣ и въ мундирѣ золотомъ расшитомъ по алому бархату. Два лакея въ чудесныхъ ливреяхъ съ треуголками, а одинъ изъ нихъ говоритъ: „Изволитъ ѣхать его графское сіятельство Рохусъ-фонъ-Пумперникель.“ Унтеръ трепетной рукой записываетъ и трижды спрашиваетъ: „Какъ-съ? Чтобъ не ошибиться-съ! Господинъ поручикъ больно-съ строги“. Лакей такой добрый, самъ помогъ записать „Рохусъ-фонъ Пумперникель.“ И унтеръ заоралъ: „Бомвысь!“, вытянувшись въ струночку. Шлахбаумъ взлетѣлъ, карета проскакала въ городъ, увозя молодого гвардейца изъ камеръ-пажей, переодѣтаго во взятый у костюмера театральнй костюмъ Французскаго виконта съ напудреннымъ парикомъ и назвавшимся именемъ главнаго дѣйствующаго лица изъ имѣвшей тогда такой же успѣхъ Нѣмецкой комедіи-фарса, какъ теперь, на примѣръ хотъ „Ложа перваго яруса“ на представленіе Тальони^{*)}). Въ роли этой, говорятъ старорожили, былъ неподражаемъ актеръ Нѣмецкой труппы Линденштейнъ, восхищавшій весь Петербургъ. Но Семеновецъ-офицеръ не могъ знать городскихъ новостей, какъ бы онѣ громки ни были, и радовался тому, что важнаго графа такъ живо пропустилъ. Но радость его была непродолжительна, потому что комендантъ Башуцкій, одинъ изъ Гатчинцевъ, Пав-

ловскихъ временъ, какъ прочелъ на слѣдующее утро рапортъ караульнаго офицера, какъ тотчасъ уразумѣлъ, что тутъ кроется шалость чья нибудь, и тотчасъ снесся съ дивизионнымъ начальникомъ, по распоряженію котораго поручика, мечтавшаго о маіорскихъ эполетахъ, уехали подъ арестъ куда-то въ Чекуши на пять дней съ наставленіемъ стараться понимать, что бываютъ фамиліи вымышленныя, собственно для театра или для романовъ, а другія настоящія. Загоревалъ поручикъ гвардіи особенно потому, что арестъ этотъ ставилъ точку съ запятой въ его производствѣ за отличіе въ штабсъ-капитаны, чрезъ что могло сильно отдалиться маіорство, совпадающее съ обладаніемъ рукою Акули. Какъ только выпустили поручика изъ подъ ареста и возвратили ему шпагу, то практики ради, его опять назначили въ караулъ уже на Московскую заставу, гдѣ онъ поклялся всеми прелестями Акули, протопопской дочки, быть съ Нѣмецкими фамиліями очень осторожнымъ. И вотъ изъ города уже, а не въ городъ карета шестерикомъ, и въ каретѣ сидитъ господинъ пожилыхъ лѣтъ въ трехъ звѣздахъ, въ мундирѣ штатскомъ и съ лентою алою черезъ плечо. Фамилія оказывается еще сложнѣе, еще труднѣе прежней театральной: баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Кампентаузенъ. Нашъ поручикъ говоритъ себѣ: „Нѣтъ, дудки; два раза шалуны меня не проведутъ. Не высь! А карету съ баринкомъ подъ конвоемъ трехъ казаковъ препроводить къ его провосходительству господну коменданту, который ужъ выучитъ забавника всякія дьявольскія фамиліи выдумывать“. Сидящій въ каретѣ звѣздоносецъ приходитъ въ отчаяніе, когда видитъ, что казаки съ пиками и нагайками не на шутку распоряжаются съ его кучеромъ и фореиторомъ. Онъ кричитъ офицеру, что онъ государственный контролеръ, т. е. министръ и членъ Государственнаго Совѣта и ѣдетъ въ Царское Село къ Государю Императору съ докладомъ. Поручикъ непреклоненъ, слышать нечего не хочетъ,

*) А нынче, на примѣръ „Прекрасная Елена“ или „Фаустъ на изнанку.“

и министра государственнаго контроля Донцы сволокли по всему городу въ Ор-донансъ-Гаузъ къ коменданту, который не зналъ, какъ извиниться передъ его высокопревосходительствомъ, а поручика гвардіи засадили на двѣ недѣли на гауптвахту съ занесеніемъ въ формуляръ его оплошности. Говорятъ, бѣдняга не вытерпѣлъ и вышелъ въ армію капитаномъ, не потерявъ надежды однако быть когда нибудь маіоромъ. — Однако, господа, второй часъ ночи: надо дать покой нашему любезному хозяину, спасшему меня отъ голодной смерти“.

За тѣмъ поблагодаривъ хозяина и простясь съ нами, ротмистръ пошелъ въ свою дежурную комнату, Юрьевъ поѣхалъ къ Лермонтову, жившему у бабушки Арсеньевой; а я, какъ обыкновенно въ случаяхъ такихъ позднихъ бѣднѣй виѣ дома, заночевалъ подъ дружескимъ кровомъ моего любезнаго Аванасія Ивановича, имѣя въ карманѣ экземпляръ вполнѣ вѣрный стиховъ Лермонтова, перекинувшихъ его изъ гвардіи въ армію.

Владиміръ (Петр.) Бурнашевъ.

НЕИЗДАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА (1831)

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ, съ названьемъ гражданина!

Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ!
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиною.

Но ты простишь мнѣ! — Я-ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?

Однакожъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мнѣ судить, виновенъ ты или нѣтъ?

Ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ? —
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькожъ же насмѣшливыхъ клеветъ.

Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей.
Ты счастливѣй меня: теперь передъ тобой
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.

Ужели повсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ, потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,

О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
 Когда въ душѣ искалъ ты, какъ въ пустынѣ,
 Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
 Ужель теперь совѣмъ меня не любишь ты?

О, если такъ, то небо не сравню
 Я съ этою землею, гдѣ жизнь влачу мою:
 Пускай на ней блаженства я не знаю,
 По крайней мѣрѣ я—люблю!

Этотъ стихотворный набросокъ отысканъ и прочтенъ П. А. Ефремовымъ въ черновыхъ рукописяхъ поэта, относящихся къ 1831 году. Онъ важенъ въ смыслѣ біографическомъ. Мать Лермонтова, будучи единственною дочерью энергической женщины Елизаветы Александровны Арсеньевой, воспитанная въ богатствѣ и барской обстановкѣ, любила простаго армейскаго офицера и, сколько извѣстно, обвинчалась съ нимъ противъ воли родителей, къ смущенію знатной и богатой родни. Молодая Марья Михайловна Лермонтова скончалась (1817), когда сыну ея (род. въ Москвѣ Октября 3-го 1814) не было трехъ лѣтъ. Началась обыкновенная борьба между бабушкою (которая по смерти дочери перенесла всю свою любовь на единственнаго внука) и ненавистнымъ зятемъ, уже Тульскимъ помѣщикомъ. Отъ 5 Іюня 1817 г. Сперанскій пишетъ къ А. А. Столыпину (брату бабушки Арсеньевой): „Елизавету Александровну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына, едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ“. (Р. Арх. 1870, стр. 1136). Мы не знаемъ и просимъ знающихъ дать намъ знать, когда именно умеръ отецъ Лермонтова и что

онъ былъ за человѣкъ (такъ какъ отъ зывъ Сперанскаго могъ быть пристрастенъ); но очевидно, что положеніе высоко-одареннаго мальчика между аристократическою бабушкою и какимъ-то рѣдко выдаемымъ, бѣдно обставленнымъ, отцомъ было тяжелое. Тамъ гдѣ-то есть отецъ, коего появленіе въ родномъ домѣ неприятно бабушкѣ. Этимъ объясняется болѣзненная неровность въ характерѣ Лермонтова. Внимательный разыскатель найдетъ въ его произведеніяхъ и другіе намеки на эти семейныя отношенія; въ стихахъ нынѣ отысканныхъ они выражены довольно явственно. Стихи эти написаны 17-ти лѣтнимъ Лермонтовымъ, можетъ быть, по поводу кончины отца.

Здѣсь кстати замѣтить, что въ фамильномъ имени поэта звучитъ что-то иноязычное, восточное или Финское. На такое же происхожденіе указываютъ и черты лица его по портрету, приложенному ко второй части его сочиненій (Сиб. 1863). Сколько намъ извѣстно, Лермонтовы—коренные Костромичи. Въ спискѣ кадетовъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, изданномъ въ 1761 году, мы встрѣтили Юрья Лермонтова (стр. 227) кадетомъ 1740 года. *И. Б.*

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библиографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкой на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти семь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Моск-*

ву въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу или въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Італіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартевевъ.**

ГОДЪ

(Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году
на прежнихъ основаніяхъ)

ДЕСЯТЫЙ

РУССКОМЪ АРХИВѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ

10.

П Р И

1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма *Г. А. Поздьева* къ его друзьямъ: *С. С. Ланскому*, *графу А. К. Разумовскому* и др.
2. Калейдоскопъ воспоминаній *Ципринуса* (псевдонимъ). Глава 2-я: *Адамъ Мицкевичъ*.
3. Къ біографіи *Е. А. Головина* (дѣятельность его въ прибалтійскихъ губерніяхъ) *графа Д. Н. Толстаго*.
4. Пѣснь *Невская*, стихотвореніе *княгини З. А. Волконской*.
5. Письмо къ издателью отъ *княжны В. Н. Репниной*.
6. Эпиграммы *М. А. Дмитріева*.
7. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1870 году. *Г. Н. Геннади*.
8. *Владиміръ Ивановичъ Даль*.
9. Замѣтка къ статьѣ объ изданіи „Опыта о человекѣ“. *П. А. Ефремова*.
10. Обращики стариннаго острошловія.
11. Письмо *графа Аракчеева* къ *Д. А. Булыгину*.
12. Два духовныя завѣщанія *графа Аракчеева*.
13. Новое свѣдѣніе о кавалеристъ-дѣвицѣ.
14. Генеалогическое недоумѣніе. *Н. Невдомцева*.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречист. вор., д. Шолоховой.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива **оцмь** рублей.

Перепечатка статей изъ „Русскаго Архива“ (кавъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ) не доускается.

ИЗЪ ПИСЕМЪ ОСИПА АЛЕКСЪЕВИЧА ПОЗДЪЕВА КЪ ЕГО ДРУЗЬЯМЪ.

Пересматривая переписку масоновъ, хранящуюся въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ, и остановившись преимущественно на письмахъ шестидесяти-лѣтняго старика Осипа Алексѣевича Поздѣва, бывшаго руководителемъ и начальникомъ масоновъ Александровскаго времени, мы сочли не лишнимъ выбрать изъ нихъ нѣкоторыя, имѣющія общій интересъ и касающіяся современныхъ Поздѣву политическихъ событій и распоряженій правительства. 1812 годъ съ его погромомъ, отъ котораго пострадали и личные интересы Поздѣва, живо и ярко рисуется въ этихъ письмахъ. Поздѣва поражаетъ быстрый поворотъ дѣла; онъ не думалъ, чтобъ Французы могли добраться до Москвы, до „сердца Россіи“, какъ ее называетъ Осипъ Алексѣевичъ. Горько стало ему за Москву. Какъ мистикъ, кромѣ дѣйствительныхъ несчастій, навлеченныхъ этимъ событіемъ, онъ видитъ въ немъ зарю новыхъ, сильнѣйшихъ; смотритъ на эти несчастія съ религіозной точки зрѣнія, какъ на кару, посланную отъ Бога, и за благополучное окончаніе дѣла Александра 1-го воздаетъ благодарность Всевышнему. Когда Сенатъ и Синодъ подыяли вопросъ, какое вещественное изъясненіе благодарности придумать для Императора Александра Павловича, то и Поздѣвъ принялъ участіе въ рѣшеніи этого вопроса. Слѣдствіе погрома 1812-го года, т. е. разореніе Московскихъ жителей, близко касалось и его лично; почему онъ, хотя подъ видомъ общественныхъ интересовъ, хлопочетъ о снятіи поземельнаго налога съ жителей Москвы, о чемъ пишетъ къ своимъ вліятельнымъ знакомымъ, черезъ которыхъ онъ всегда дѣйствовалъ въ подобныхъ случаяхъ. Но хуже погрома Французскаго отдалась на Поздѣвъ и тревожила его вѣсть о волѣ крестьянъ; тутъ онъ собираетъ все свое краснорѣ-

Х. 1.

чіе, всѣ свои доводы, чтобы убѣдить важныхъ сановныхъ лицъ въ ужасныхъ, по его мнѣнію, неминуемыхъ послѣдствіяхъ такого необдуманнаго якобы распоряженія правительства.

Екатерина Н-ва.

1. Къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому ¹⁾.

Изъ Москвы. Января 29-го 1811 года.

Вы изволите писать, что Французы до Балтійскаго моря домежевались; а можетъ быть такъ, какъ въ газетахъ пишутъ, что Наполеонъ общается въ 5 лѣтъ каналомъ соединить рѣки, по коимъ суда могутъ ходить изъ Парижа въ Балтійское море, то вѣдь этимъ долго обманывать нельзя: карта земель всѣмъ извѣстна, и мѣста знаемы. Зачнуть ли скоро дѣлать? И похоже ли это на правду? А вѣдь коли это сдѣлаютъ, это нехудо будетъ, что изъ такого отдаленнаго государства будутъ вещи подвозить къ намъ близко, не подвергая ихъ бурямъ и разбитіямъ (*т. е.*) ²⁾ людей и вещи. А что Наполеонъ дотянулся до Балтійскаго моря, то думаете ли, что онъ сталъ сильнѣе? Всякій чѣмъ больше растягивается, тѣмъ паче слабѣетъ. А что надлежитъ до Русскихъ, Богъ милостивъ! Нечего опасаться. 1-е ³⁾, что по прошлой недавней войнѣ онъ (*Наполеонъ*) знаетъ: что этакую даль вести, чтобы встрѣтить этакое сопротивленіе? Будьте увѣрены, что

¹⁾ Графъ А. Е. Разумовскій—министръ народнаго просвѣщенія при Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

²⁾ Вставки, напечатанныя курсивомъ, не находится въ рукописи.

³⁾ Поздѣвъ, какъ видно, хотѣлъ вести свою рѣчь по пунктамъ; но, вѣрно, перевернувъ страницу, уже забылъ о своемъ намереніи: ни 2-го, ни 3-го пункта не встрѣчается.

онъ безопаснѣе и выгоднѣе захочетъ имѣть такое государство лучше другомъ, нежели врагомъ. И онъ же знаетъ, сколько у насъ на границѣ, по всей границѣ войскъ и магазиновъ. Не такъ, какъ при Волконскомъ ⁴⁾. Истинно вамъ сказать, что я не думаю, чтобы Французы подумали напасть на Россію: ибо, нападая прежде, крайне испытали и весьма расшибились; да и мы вѣдь задирали. А намъ воевать съ ними (*теперь*) какая статья (*съ ними*), живущими далеко ⁵⁾?

2. Къ Сергію Степановичу Ланскому ⁶⁾.

Изъ Вологды, 19-го Сентября 1812-го года.

Письма ваши я всѣ исправно получилъ, за которыя покорно благодарю. И если будете писать ко мнѣ, то уже прошу писать въ Вологду ⁷⁾, ибо мы сюда пріѣхали по взятіи Москвы, о которой послѣднее извѣстіе имѣемъ отъ 5-го Сентября, что она горитъ, зажжена съ Рогожской-и продолжаетъ горѣть. Увѣдомляйте меня о вашемъ здоровьи; пишите просто на мое имя въ Вологду, и то дойдетъ: ко мнѣ въ деревню переплють. Сюда всѣ ѣдутъ

⁴⁾ Не тотъ ли это кн. Волконскій, о которомъ такъ строго отзывается гр. Растворчинъ въ письмахъ къ кн. Цицианову (XIX Вѣкъ кн. 2)? П. Б.

⁵⁾ Далѣе идутъ разсужденія касательно взгляда нѣкоторыхъ на Божество Спасителя и т. п., совершенно не касающіяся нашего плана.

⁶⁾ С. С. Ланской, министръ внутреннихъ дѣлъ при Императорѣ Александрѣ II-мъ.

⁷⁾ Нашествіе Французовъ на Москву заставило О. А. Поздьева со всѣмъ семействомъ избраться изъ подмосковнаго села Чистякова и направиться въ болѣе безопасный край, въ Вологодскую губернію, гдѣ у него, въ 50 верстахъ отъ губерн. города, находился стеклянный заводъ и имѣніе „Нелюбовское“. Стеклянный заводъ не для химическихъ ли масонскихъ розысканій? П. Б.

изъ Ярославля, Рыбной, Углича и прочихъ (*городовъ*). Ризницу отъ Троицы сюда привезли, Московская сюда же ѣдетъ.

⁸⁾..... Дорога отъ Москвы въ Петербургъ открыта; вы на такомъ же призывѣ, какъ Москва: войскъ отъ Москвы до Петербурга нѣтъ, кромѣ мужиковъ съ рогатинами, какъ противъ медвѣдей, кои суть жертвы, да и тѣ (*т. е. мужики*) отягощены наборомъ рекрутъ и налогами до крайности. Одни дворяне и ихъ прикащики побуждаютъ къ повиновенію къ Государю, дабы подати, подводы и прочіе налоги давать. А дворяне къ мужикамъ остужены разсвѣніемъ слуховъ отъ временъ Пугачева о вольности, и все это поддерживалось головами Французскими и изъ Русскихъ, а нынѣ и паче Французами, знающими ясно, что одна связь содержала, укрѣпляла и распространяла Россію, и именно связь Государя съ дворянами, поддерживающими его власть надъ крестьянами, кои теперь крайне отягощены наборомъ рекрутъ, милиціей и такъ названнымъ ополченіемъ нынѣ ⁹⁾ и особливо съ Московской губерніи, которая уже теперь не наша. И, слышу, пишутъ теперь изъ подмосковной дворовые, что уже мужики выгнали дворовыхъ всѣхъ въ однѣхъ рубашкахъ вонъ теперь; а нынѣ уже зима—куда идти безъ хлѣба и одежды? Въ лѣса? Замерзнуть и погибнуть съ голоду. Вотъ состояніе Россіи! А сердце государства Москва взята, сожжена! Войска мало, предводители

⁸⁾ Выпускаемъ мѣсто, гдѣ Поздьева рекомендуетъ Ланскому своего старшаго сына Николая (вступившаго въ масонство) и назначенія, какъ Ланской долженъ нравственно самосовершенствоваться.

⁹⁾ Последнюю фразу надо читать такъ: „и такъ называемымъ нынѣ ополченіемъ“.

пятятся назадъ, научились на разводахъ только, а далѣе не смыслятъ; войска потеряли прежній духъ, а Французы распространяются всюду и проповѣдуютъ о вольности крестьянъ, то и ожидай всеобщаго (*возстанія*); при этакомъ частомъ и строгомъ рекрутствѣ и наборахъ ожидай всеобщаго бунта противъ Государя и дворянъ и прикащиковъ, кои власть Государя подрѣпляють.

Теперь множество и наѣхало, и ѣдетъ въ Вологду, которая имъ кажется далѣе отъ Французовъ. А принцъ ¹⁰⁾ въ Ярославлѣ и своихъ подчиненныхъ городахъ отдалъ повелѣнїе: коли Французы будутъ приближаться, то все зажигать ¹¹⁾; а селенїя и города зажигать, а послѣ отъ стужи умирать!

О семь, чтѣ я пишу, прошу не говорить обо мнѣ; ибо теперь надобно молчать и ожидать, какъ придетъ всеобщее рѣзанье ¹²⁾. Вотъ что произвели молодыя головы, когда Богъ не положить конца!

3. Къ графу А. К. Разумовскому.

Изъ Вологды. Сентября 21-го, 1812 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше, полученное мною съ г. Курбатовымъ ¹³⁾, коему я, прїѣхавъ не

¹⁰⁾ Принцъ Георгій Ольденбургскій былъ генералъ - губернаторомъ Новгородскимъ, Тверскимъ и Ярославскимъ.

¹¹⁾ Прїписка Поздѣва: „То-теперь случай ворахъ и желающимъ все замѣшать, обокрасть“.

¹²⁾ Надо замѣтить, что Поздѣвъ до крайности былъ во всемъ остороженъ; съ С. С. Ланскимъ и еще очень немногими онъ говорилъ откровеннѣе, но и то больше при свиданїи, чѣмъ письменно.

¹³⁾ Петръ Александровичъ Курбатовъ (мазонъ) коллежскій советникъ, сынъ директора народныхъ училищъ Московской губернии (который, при Екатеринѣ, долженъ былъ ревизовать Новиковскаго изданїя) и потомокъ знаменитаго Петровскаго приблѣщика и Архангельскаго вице-губернатора. *И. Б.*

надолго въ Москву, при спросѣ его: куда ему ѣхать, если случится опасность, совѣтовалъ ѣхать далѣе, если уже нельзя будетъ въ Москвѣ оставаться; то думаю они и поѣхали. А я, подождавъ въ Подмосковной до 4-го Сентября, и поѣхалъ по Углицкой дорогѣ въ Вологду и за Вологду на заводъ свой. Дождался я до 2-го Сентября и, слыша, что Москва взята, что уже нечего было больше ожидать и я оставилъ три дома въ Москвѣ и все, чтѣ есть въ домахъ, ибо некогда было вывезти ничего. Въ Москву вошли непрїатели (слышу отъ проходящихъ) 2-го Сентября въ 4 или 5 часовъ пополудни, и (*она*) зажжена ночью съ Рогожской; и какъ полицїи никакой уже нѣтъ, ибо вся полицїя выѣхала, то все и горѣло; и по сю пору сгорѣла Покровка, всѣ ряды, Воспитательный домъ и 7 частей Москвы ¹⁴⁾, и догорѣло и Воронцово поле и до вашего дома ¹⁵⁾, загорѣлись службы. Тогда и пошелъ человекъ изъ Москвы, бывши употребленъ Французами изъ Поляковъ для выноски разныхъ вещей за заставу, а тутъ отпущенъ и пришелъ въ Вологду, и самъ всѣмъ пересказывалъ, будучи спрашиваемъ. И мои люди вышли изъ дому и пришли въ подмосковную, а оттуда сюда третьяго дни. Вотъ до чего довело преобразование, назвавшееся философїею! И Москва теперь подлинно преобразована: всѣ выѣхали, и она горитъ, пока Господь не положить конца. Въ Вологду теперь множество наѣхало, и изъ Ярославля, Москвы, Рыбной, Углича, и всякій

¹⁴⁾ Арбатская, Пятницкая, Якиманская, Городская, Пречистенская, Тверская, Мясницкая (Воспоминанїя о 1812 года П. Г. Кичеева).

¹⁵⁾ Домъ Разумовскаго на Гороховомъ полѣ, гдѣ нынѣ малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго Дома.

день множество ѣдутъ. Вотъ сдѣлались вещи небывалыя! Такъ Богомъ опредѣлено за грѣхи наши. И сюда привезена ризница изъ Троицы-Сергіева монастыря, и везется ризница изъ Москвы, (*везутся*) воспитанники и все.... ¹⁶⁾.

Пока о томъ же скажу: такъ государство преобразуются, и Москва, бывшая столько лѣтъ сердцемъ Россіи, сдѣлалась пустыремъ. Что-то будетъ съ Петербургомъ?

Графъ Растопчинъ, думаю, самъ крайне не доволенъ, что вприсилъ въ командиры Московскіе и зачалъ правленіе свое тѣмъ, что, пріѣхавъ къ Ключареву и объявивъ императорскій гнѣвъ, не сказавъ причины, арестовалъ его и сослалъ въ Воронежъ ¹⁷⁾. Повидимому, Ключареву было тогда великое несчастье, а теперь онъ долженъ считать за милость, ибо не видалъ несчастья и конца Москвы. Мы такъ близко предвидимъ несча-

¹⁶⁾ Выпускаемъ мѣсто, гдѣ Поздѣевъ рекомендуетъ Разумовскому своего сына Николая, который былъ въ морской службѣ, сперва на Черномъ морѣ, а въ это время переводился въ Балтійское.

¹⁷⁾ Федоръ Петровичъ Ключаревъ действительный статскій совѣтникъ, почтъ-директоръ въ Москвѣ.

Ф. П. Ключаревъ по распоряженію графа Растопчина былъ удаленъ отъ управленія Московскимъ почтамтомъ; Руничъ, Дмитрій Павловичъ, занялъ его мѣсто. Въ 1816 г. Ф. П. Ключаревъ возвращенъ изъ ссылки даже съ почестью, но безъ экипажа¹⁸⁾; говоритъ Поздѣевъ въ письмѣ къ С. С. Ланскому отъ 13 Іюля 1816 г., причемъ рассказываетъ анекдотъ о капитанѣ Пруссакаго короля: „Когда король пожаловалъ его въ капитаны, то онъ спрашиваетъ: съ экипажемъ или безъ экипажа? то онъ (т. е. король) сказалъ: съ экипажемъ, т. е. съ доходомъ отъ роты. А Ф. П. разоренъ, нищетъ, до рубашки: сожжены два двора въ Москвѣ; имущество, которое было съ нимъ въ казенномъ домѣ, гдѣ жилъ при его (т. е. своей) ссылкѣ, все осталось во власти враговъ его; а черезъ нѣсколько дней при входѣ Французовъ все разграблено и пропало“.

стіе наше, что за два дни до взятія Москвы былъ театръ, хотя, слышу, въ немъ было токмо 8 человѣкъ.

Всѣ эти происшествія учатъ насъ, чтобы мы къ мѣсту не привязывались, какъ Священное Писаніе говоритъ и учитъ, что *не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ*. Жизнь наша и по лѣтамъ уже не долга ¹⁸⁾, и вотъ дожили до какихъ перемѣнъ! Вотъ строенія наши! Вотъ украшенія наши! Не знаю, что съ нашими морскими ¹⁹⁾ будетъ, гдѣ они будутъ? Гдѣ Богъ велитъ оканчивать и вамъ дни свои? Ибо гдѣ теперь безопасность? Потому-что и мужики наши, по вкорененному Пугачевымъ и другими молодыми головами желанію, ожидаютъ какой-то вольности; хотя и видятъ разореніе совершенное, но очаровательное слово вольности кружить ихъ, ибо мало смыслающихъ, а прочее все число, такъ какъ и во всѣхъ состояніяхъ, глупые и невѣжды.

Религія, искаженная наружностью, пьянствомъ и прочими пороками, до того испортилась въ нашемъ духовенствѣ, что за день до входа неприятелей въ Москву и наканунѣ не слышно было въ воскресный день колокола ни заутренняго, ни обѣденнаго, а попы толпами бѣжали изъ Москвы отъ своихъ церквей. Кто повѣритъ, что въ короткое время все это произошло? Афишками отъ г. Растопчина и князя Кутузова обманывали весьма часто, на день раза по два: что никакой опасности нѣтъ, что наши все разбиваютъ Французовъ; сами все назадъ пятились и Москву оставили Французамъ и огню. Афишками увѣряли, что 26-го Августа

¹⁸⁾ Поздѣеву было въ это время около 70 лѣтъ, а гр. А. К. Разумовскому уже 70.

¹⁹⁾ Т. е. дѣтми Поздѣева: Николаемъ и Александромъ.

разбили Французовъ тѣмъ, что наши не уступили ни шагу назадъ, и князь Кутузовъ все пятился назадъ.

А прежде того какъ были въ Смоленскѣ, то этотъ Барклай и Багратионъ (который, слышу, отъ ранъ умеръ) увѣряли жизнью, что Французы въ Смоленскѣ не будутъ. И при всей глупости и незнаніи своего дѣла и силы нашего оружія, имѣя Наполеона со ста тысячами въ пятнадцать верстахъ отъ Смоленска и торжествуя пустяшнюю побѣду Торماسовымъ, надъ семью тысячами Саксенцевъ при Кобринѣ, стрѣляютъ изъ 101-й пушки; а къ Наполеону, въ 15 верстахъ стоящему, посылаютъ сказать, чтобы онъ не беспокоился, что у нихъ не сраженіе происходитъ, а они торжествуютъ побѣду (*подъ*) Кобринымъ. Это мнѣ рассказывалъ бывшій на торжествѣ самъ вице-губернаторъ Смоленскій, Аркадій Ивановичъ Алымовъ, ѣхавшій чрезъ мою подмосковную съ казною изъ сожженнаго Смоленска, котораго овраги, слышу, такъ наполнены убитыми людьми, что ходили по нихъ, яко по мосту, и послѣ за 17 верстъ нельзя было подойти къ Смоленску отъ вонн убитыхъ тѣлъ.

А послѣ 26-го Августа, при Можайскѣ, послѣ сраженія, князь Кутузовъ ѣздилъ по полю и видѣлъ, по его замѣчанію, 50 тысячъ тѣлъ, лежащихъ на полѣ. А въ Москву везено послѣ раненыхъ тяжело и легко девятнадцать тысячъ, и на моемъ дворѣ стояло 70 человекъ. Вотъ несчастіе государства! Сами вы слышали, что наши войска сильны артилерією и штыками. А, видно, стояли и мушкетною пальбою отстрѣливались, яко тарухтаны, и дали себя столько перегромить. Для чего бы послѣ артилеріи не броситься на штыки,

чѣмъ всегда брали, а особливо Суворовъ—недавній примѣръ. А князь Кутузовъ, слышу, всегда противъ этого и не любитъ сражаться на штыкахъ; а наши войска тѣмъ и были непобѣдимы. А стрѣлять наши не умѣютъ и егеря. Рекрутами крайне мужики отягощены, а нынѣшній годъ третій разъ рекрутство. А церковниковъ шесть комплектовъ; а князь Голицынъ не удерживаетъ, что съ нихъ рекрутства совсѣмъ нѣтъ. Одинъ Вологодскій архіерей давалъ добровольно тысячу церковниковъ, но взято только четверо по охотѣ. А это самыя большіе тунеядцы, только, слышу, отъ праздности шалятъ и воруютъ, то бы излишнихъ церковниковъ могло набраться рѣкрутовъ тысячъ пятьдесятъ и несравненно больше. Пришло на Россію смиреніе, чтобы завоеваніевъ своихъ не простирала далеко и о Грузіи и другихъ мѣстахъ не помышляла бы.

Нѣкоторые Петербургскіе враждовали на Москву. Вотъ теперь ея и нѣтъ. Но какъ-то хлѣбомъ пробавится Петербургъ? Ибо Французъ хитеръ, перерѣжетъ комунигацію. Изъ Рыбной²⁰⁾ всѣ выѣхали, а Французъ до нея добирается. Только нельзя надивиться нынѣшнимъ дѣйствіямъ: Москва взята и горитъ, жители въ близъ-лежащихъ городахъ укладываются и бѣгутъ; въ Угличѣ, въ Ростовѣ и другихъ суды закрыты. И принцъ отправилъ своихъ дѣтей въ Даниловъ городъ²¹⁾, а, слышу, беретъ подъ караулъ тѣхъ, кои въ Ярославлѣ говорятъ, что Москва взята Французами. Видно напало нынѣ то на насъ, что копилось давно. Мы должны терпѣть, предаваться Богу и уповать на Него, ибо

²⁰⁾ Т. е. изъ Рыбинска.

²¹⁾ Уѣздный городъ Ярославской губерніи.

въ Немъ только надежда! А человекѣ губять себя до тѣхъ поръ, пока общимъ пожаромъ все загорится. Богъ наша надежда!

Сдѣлайте милость, увѣдомляйте меня о вашемъ здоровьи; сюда почта прямо теперь ходить изъ Петербурга.

Братецъ вашъ, Левъ Кириловичъ, поѣхалъ на Коломну и Рязань; а Французы туда, слышу, пошли, ибо тамо депо комиссаріатское. Его я видѣлъ малыми днями прежде взятія Москвы. Сынъ мой, вручитель письма сего, во все это время былъ, выздоравливая отъ жестокой своей болѣзни, со мной и видѣлъ брата, который все, что въ Москвѣ было и въ Петровскомъ, бросилъ и принужденъ ѣхать, можно сказать, куда глаза глядятъ; а деревни его около Можайска и все разорено и сожжено.

Теперь спѣшать рекрутъ набирать: велѣно въ двѣ недѣли кончить и везти на почтовыхъ изъ Вологды въ Выборгъ; видно, опасность есть отъ Шведа.

4. Къ С. С. Ланскому.

Изъ сельца Нелюбовскаго, близъ стекляннаго завода, за Вологдой. 25 Октября 1812 года.

Благодарю покорно за письмо ваше отъ 7-го Октября. Весьма я обрадованъ письмомъ вашимъ. Слава Богу, что вы здоровы. Правда, что передъ отъѣздомъ изъ подмосковной (я) былъ весьма не здоровъ, но слава Богу не на долго. Успѣлъ въ Москвѣ побывать не за долго передъ Французами. Весьма жаль, что барометръ у васъ по человекѣ, который въ прошлую войну весьма худо себя рекомендовалъ, а и нынѣ въ Москвѣ не лучше дѣйствуетъ. Слава Богу, что г. Витгенштейну разрѣшено дѣйствовать наступательно: въ войнѣ выкажутся полководцы. Въ Англіи, во вре-

мя опасности высадки, заповѣданъ былъ постъ на три дни, и Господь бурю отвратилъ. Что надлежитъ до васъ, то вы рѣшаете ѣхать, по слуху обстоятельству, кажется, рано. А если придется ѣхать, то бы я совѣтовалъ въ нашу сторону; а именно—нѣтъ ли у васъ деревень въ Вологодской губерніи, въ Ярославской, по сю сторону Волги-рѣки, т. е. въ Вологдѣ, или въ Углицкомъ уѣздѣ, или въ Пошехонскомъ, хоть небольшая деревня, то велѣли бы нынѣ зимою построить небольшой домикъ, и въ деревнѣ никто не осудитъ. А ежели бы хотя недалеко отъ Вологды и принуждено было вамъ жить, я бы радъ былъ. А домикъ себѣ велите построить, сдѣлавши планецъ, комнать (въ) пять, не для церемоній, а для покоя. Къ здѣшнему краю государства многіе уѣхали, ибо онъ далѣе отъ непріятеля и ему не завиденъ. А въ Кострому пріѣхало, пишу къ мнѣ, 560 лучшихъ государственныхъ (не однихъ мужчинъ, а фамиліевъ) семействъ, то и вы подумайте; а домикъ въ деревнѣ много ли стоитъ? Постройте зимою, пошлите надежнаго человекѣ, изъ своего лѣсу или купите избы 4, да сведутъ вмѣстѣ и выдетъ домъ; а кухню сдѣлаютъ изъ крестьянской избы. Теперь намъ надо привыкать жить по лагерному. Видите, какое время! Не намъ, а кто и лучше насъ, и тѣ въ мѣстѣ пребыванія не увѣрены. Впрочемъ дорога и почта изъ Петербурга до Вологды теперь самая по сю пору безопаснѣйшая; даже и Лодейное Поле для чего назначено близъ Вытегры, сами вы, я думаю, знаете: оно отсюда 300 только верстъ. А если уже придется вамъ ѣхать, весьма бы я радъ былъ, коли бы близко меня вы жили. Жаль весьма, что вы не написали адреса, гдѣ

вашъ домъ въ Петербургѣ; какъ надписывать къ вамъ письмо, безъ чего невѣрно писать, и я не увѣренъ, что письмо мое до васъ вѣрно дойдетъ, ибо Петербургъ не Вологда...⁽²²⁾ Желаю вамъ здоровья и во всемъ милости Господней и есмь вашъ и проч. На случай нынѣшній укажу на 30-ю главу 2-й стихъ Притчей Соломоновыхъ: «Тремя трясется земля, аще рабъ воцарится»; то смотрите на Бонапарте, какъ онъ трясеть землю, тоже какъ.... исполнится пищею²³⁾.

5. Къ нему же.

Отъ 25-го Ноября 1812.

Благодарю покорно за письмо ваше отъ 12-го Ноября. Вы пишете, что несчастія Московскія могли бы побудить насъ ѣхать въ Петербургъ; но и Петербургъ развѣ въ лучшемъ ожиданіи былъ, когда все оттуда выѣзжало, и остальное готовилось выѣхать? Да и мнѣ же въ Петербургъ никакой возможности съ моимъ семействомъ не можно ѣхать, и у меня тамъ ничего нѣтъ; а въ здѣшнюю сторону я переѣхалъ только изъ одной деревни въ другую. Да видно и надобно было меня изъ Москвы сюда выжить, дабы запущенное по моей давней небытности поправлять: ибо во всякой фабрикѣ безъ себя дѣло идетъ худо; а я по старости моей и болѣзненному состоянію все ѣхать сюда откладывалъ; а теперь уже, пока Богъ велѣлъ побыть здѣсь, кажется, слѣдуетъ до будущей зимы или какъ Богъ велить.

Хотя въ Москвѣ домъ Господь чудесно и сохранилъ, такъ что всѣ люди

⁽²²⁾ Выпускаемъ порученія, сдѣланныя С. С. Данскому: о покупкѣ «самой детальной» Русской ландкарты, барометра, Гарлемскихъ капель.

⁽²³⁾ Точки находятся въ самой рукописи.

отъ страху чужіе и свои разбѣжались, и осталась одна женщина-старуха, та одна дома не оставила на Францу, зовъ, топила печки, щипала галокъ-да воронъ, а ночь дома ночевала, а во время пожара вездѣ. Богъ пожаловалъ, что отъ дому нашего и другихъ, подлѣ близко стоящихъ, вѣтръ отъвратилъ, и тѣмъ спасено. Уже кто это сдѣлалъ, кромѣ Господа, Который хотѣлъ помиловать? А третій домъ въ дальней улицѣ, тотъ сгорѣлъ до чиста. Богу благодареніе! Онъ наказалъ, и Онъ помиловалъ. Ветлуга ваша все къ здѣшней же сторона принадлежитъ; но видно, Богъ опредѣляетъ вамъ жить въ Петербургѣ. Живите благополучны и цѣлы; исканія вѣдѣнія, которое доставляетъ вѣчное благо человѣку, не теряйте.

Благодарю покорно за увѣдомленіе о состояніи непріятели. Богъ довелъ его до сего, дабы ихъ смирить. Уже нашей немоци стихіи начали помогать. А если въ Парижѣ возмущеніе до того (*дошло*), что министръ Наполеоновъ арестованъ, то почему знать—можетъ быть, Провидѣніе устало спосить наши эгоизмы: ибо Наполеона коли не разрушить, то онъ, духъ міра сего въ себѣ расширяя, радъ полизъ на Него.....²⁴⁾.

6. Къ Петру Степановичу Лихонину²⁵⁾.

Заводъ стеклянный. Отъ 19-го Декабря 1812 г.

²⁶⁾ Горестныя обстоятельства, слу-

²⁴⁾ Выпускаемъ: наставленіе о необходимости мирить ссорящихся масоновъ; наставленіе какъ переслать купленную ландкарту и барометръ; денежный расчетъ о покупкахъ; совѣтъ заботиться о познаніи человѣка и природы.

²⁵⁾ Лихонинъ занимался переводами для Моск. Вѣдомостей и книгъ, издаваемыхъ Новиковымъ.

²⁶⁾ Это письмо переписано съ копій, въ которой, какъ и у насъ, нѣтъ начала.

чившіяся для насъ, жителей Московскихъ, хотя и случились, но кто не разсмотритъ руку Провидѣнія, противъ которой ни роптать, ничѣмъ-либо стоять нельзя? И разсматривая ея резоны, въ кои она завертываетъ и тѣхъ людей, кои ей предаются, считаютъ дѣйствія ея праведными и благодарятъ; кои, если такъ думаютъ, говорятъ и дѣйствуютъ, то къ нимъ между прочимъ принадлежатъ слова эти: «вы есте соль земли», не токмо по морали, но и по физикѣ; ибо, если соль, очищающая, лишается своей сланости, то чѣмъ земля осолится? Предавая себя Господу и Царю Царей, уповаемъ, что въ свое время не будемъ оставлены, хотя и нынѣ не кинуты совсѣмъ.

Плѣнные здѣсь рассказывали, что когда они были въ Москвѣ, будучи побѣдителями, то всегда чувствовали какой-то страхъ и тѣмъ паче, когда кто изъ нихъ выходилъ ²⁷⁾ на колокольню Ивановскую, то къ сторонѣ Троицы-Сергія видѣли великое ополченіе; а потому къ этой сторонѣ не были они, даже и въ Алексѣевскомъ, которое отъ Москвы только въ 5 верстахъ ²⁸⁾,—сами знаете. Какое же ополченіе наводило этотъ страхъ? Извѣстно это только тѣмъ, кои вѣдаютъ о войскахъ при Елисеѣ, который державшему при немъ сказалъ: «видишь ли, что большее число съ нами, нежели съ ними?»...

7. Приписка въ письмѣ къ С. С. Ланскому.

Отъ 25-го Февраля 1813 года. Съ заводу стекл. ²⁹⁾

... Что изъ нашихъ армій ничего нѣтъ? Не слышно ли, куда Цесарцы

²⁷⁾ Въ рук. „входили“.

²⁸⁾ Собственно говоря въ 3 верстахъ.

²⁹⁾ Этотъ отрывокъ взятъ изъ книжки, состоящей изъ выписокъ, сдѣланныхъ рукою

приступаютъ? Пишетъ большой сынъ изъ Англіи отъ 27-го Декабря (изъ Ширнесса) ³⁰⁾, что Наполеонъ ушелъ чрезъ Германію въ лакейскомъ кафтанѣ съ Коленкуротъ, и въ Англіи собрано уже 200 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, что сдѣлаетъ-де на наши деньги 50 милліоновъ рублей, и сборъ все еще продолжается. А это уже собрано на помощь разореннымъ Московскимъ жителямъ..... ³¹⁾

8. Къ С. С. Ланскому.

Съ стеклян. заводу. 27 Февраля, 1814 го года.

³²⁾ Нынѣ происшествія удивительныя, небывалыя почти въ исторіи. Богу угодно было дать Наполеону вырости и чудесно его сокрушить. И какъ-то Господь его и поборниковъ его смиряетъ! Все въ рукахъ Всемогущаго! Чрезъ Него усмиренъ тотъ, который давалъ цѣловать ногу, потрясалъ престолами царей; чрезъ Него уничтожена инквизиція; чрезъ Него принуждены были ухватиться за Того, Чей знакъ на коронахъ своихъ посятъ; а какъ полѣзъ еще выше, вотъ и стихіи поднялись. Въ Россіи морозъ, а тамъ, гдѣ Вандамъ взять, дождитъ: то ихъ ружья не дѣйствовали, а наши штыки дѣйствовали; словомъ, тоже такая же помощь на-

Ланскаго. выписокъ изъ писемъ О. А. Поздѣва къ разнымъ лицамъ.—Самое письмо не помѣщаемъ, потому что по содержанию своему (дѣло идетъ о медицинскихъ наставленіяхъ для жены Ланскаго, которая только что родила) не входитъ въ нашъ планъ.

³⁰⁾ Въ рукоп. Ширнесса (Schirness)—военная гавань въ Англіи.

³¹⁾ Далѣ слѣдуютъ порученія, которыми переполнены всѣ письма Поздѣва къ Ланскому. Въ концѣ опять помѣщается наставленіе на счетъ отношеній къ женѣ.

³²⁾ Выпускаемъ начало: благодарность за письмо, за покупку очковъ; нравственные наставленія Ланскому; просьба разузнать о личности Н. Е. Кастарскаго, сдѣлавшагося соседомъ Поздѣва по имѣнію.

шимъ, какъ при императорѣ Θεодосіи Греко-Римлянамъ противъ Галловъ, то есть теперешнихъ Французовъ.

9. Къ нему же.

Отъ 22 Марта, 1814 г. ³³⁾.

Потрудитесь съѣздить къ графу Льву Кириловичу съ письмомъ (ему время есть часу въ 11 и въ 12 по утру; въ это время можно застать его и одного) и отдайте мое письмо, въ коемъ я пишу, что на Москву, не смотря на ея разореніе и сожженіе многихъ, конечная положена подать, прежняя поземельная, коя весьма тяжела и въ спокойное время; даже не выключено и то время, въ кое Москва была не наша, да и послѣ многое время жители скитались внѣ Москвы, кое-гдѣ; то поклонитесь отъ меня и отдайте письмо и увѣдомьте меня, что будетъ говорить графъ Левъ Кириловичъ о семъ, ибо и онъ въ томъ же казусѣ; а мы въ окружности Москвы и паче: ибо самая большая тягость наложена на окружность Москвы, ибо раскладку дѣлалъ прежде въ комитетѣ Соловой, дружа купцамъ, кои въ центрѣ, лавочникамъ, и хотя побольше положилъ на нихъ, но въ уравненіе съ окружностью весьма мало положилъ, и потому вся тягость пала на окружность Москвы, гдѣ и наемъ былъ самый малый, и земля ни во что, а я платить долженъ былъ каждый годъ съ того дому въ полѣ ³⁴⁾, гдѣ вы были, каждый годъ 930 р; а потому судите; ибо сборъ съ

³³⁾ Выпускаемъ начало письма: благодарность за полученное письмо (чѣмъ начинается каждое посланіе Поздѣева къ Ланскому) утѣшеніе по поводу несогласій, происходящихъ въ масонскихъ ложахъ; о какомъ-то лянствѣ изъ газетъ; объ отъѣздѣ сыновей Поздѣева въ Петербургъ.

³⁴⁾ Т. е. съ того дома, который находился на Гороховомъ полѣ.

Москвы положенъ тяжелѣ, нежели въ Петербургѣ ³⁵⁾.

10. Къ нему же.

Отъ 19 Апрѣля, 1814 г.

Что надлежитъ до собиранія поземельныхъ денегъ съ Москвы, то если уже и это людямъ, каковы графы и и ихъ знакомые, не можно вступить за себя даже, чтобы не собирали денегъ хотя за то время, какъ Москва была Французская, а не наша, то что уже намъ дѣлать? Видно Господь насъ наказываетъ и тѣмъ, что далъ такого начальника Москвѣ ³⁶⁾, который и отозвался даже, что никому не любить дѣлать добра. А чтобы Московскіе жители послали депутацію къ Государю о поземельныхъ деньгахъ или о начальникѣ—это не можетъ быть: ибо у дворянъ нѣтъ корпусу. Развѣ купцы? У тѣхъ корпусъ нѣкоторый есть.....

Стекланный заводъ.

11. Къ нему же.

Стекл. заводъ. 26 Апрѣля, 1814 г.

Богу благодареніе, творящему насъ побѣдителями надъ врагомъ всѣхъ тѣхъ, кого досталъ! Хорошо весьма, что Государь не останется долго въ Парижѣ: Французу вѣрить нельзя, а противъ Наполеона послалъ бы Блюхера, тотъ бы управился; а самъ бы такъ глядѣлъ, чтобы ничто не достало. Талейранъ, видно, не дремалъ въ

³⁵⁾ Поздѣевъ не разъ въ своихъ письмамъ жалуется на бѣдность, хотя мы знаемъ, что у него, кромѣ стекляннаго завода, трехъ домовъ въ Москвѣ, были двѣ деревни; въ послѣдствіи, сильно захворавши, онъ пишетъ Ланскому, что по неимѣнію средствъ онъ не въ состояніи даже удерживать при себѣ доктора.

³⁶⁾ Къ графу Ростопчину очень неблаговолилъ Поздѣевъ; онъ даже въ нѣкоторыхъ письмахъ называетъ его „недоброхотомъ“.

военной оглушающей славѣ. — О предсказаніи старика ³⁷⁾. (оно) похоже на то, какъ въ Россіи діаконъ видѣлъ во снѣ и намѣрился убить Наполеона; онъ въ воображеніи своемъ натянулъ, ибо ему пріятнѣе заниматься съ Наполеономъ, нежели съ своимъ стихаремъ. Слава и выгода Сперанскаго до многихъ церковниковъ дошла!... ³⁸⁾

12. Къ нему же.

Отъ 2 Мая, 1814 года.

Государь скоро возвратится не можетъ, пока, думаю, при себѣ не уладитъ всѣхъ по мѣстамъ. А титулъ самый лучший Государю — храмъ хотя кирпичный построить Богу-Спасителю отъ него въ Москвѣ, который и обѣщанъ за избавленіе; и надпись сообразная въ стихахъ; а въ Петербургѣ храмъ же за спасеніе съ подписью въ стихахъ же. Это самые лучшіе титулы; а вещественные титулы и богоугодные — уменьшить винные откупа, праздновать въ Москвѣ тотъ день, какъ Французы выгнаны, а въ Петербургѣ, когда Наполеона взяли, — вотъ самый лучший титулъ ³⁹⁾.

...И прошу прислать лучшіе портреты: графа Витгенштейна, Блюхе-

³⁷⁾ Неизвѣстно, въ чемъ состояло это предсказаніе.

³⁸⁾ Выпускаемъ: просьбу о присылкѣ Гарлемскихъ капель, которыя Поздѣевъ употреблялъ для глазъ; о пребываніи у Поздѣева М. Ю. Вельгорскаго и А. П. Римско-Корсакова; просьбу похлопотать о Шарыгинѣ.

³⁹⁾ Объ этомъ же самомъ находимъ еще мѣсто въ письмѣ Поздѣева къ неизвѣстному (въ копіи): „Что Господь даровалъ изгнать Французовъ изъ Россіи, такъ они изгнаны — это чудо будетъ во многие вѣки; а что хотятъ соорудить храмъ Спасителю, хотя кирпичный, то это лучше театру и клубу, и тутъ-то бы, подлѣ хотя, и въ память князю Кутузову, но подлѣ храму сдѣлать пирамиду изъ пушекъ, взятыхъ у непріятеля“.

ра, наследнаго принца Шведскаго, князя Шварценберга ⁴⁰⁾.

13. Къ нему же.

Отъ 12 Сентября, 1814 г.

...⁴¹⁾ Теперь вотъ объ чемъ поручаю и прошу увѣрительнѣйше и наиприлежнѣйше постараться, а особливо имѣя случай, именно: какъ въ манифестѣ всѣ разоренные и преступники даже вспомнены, всѣ или прощены, или облегчены ⁴²⁾; а жители Московскіе самая большая часть въ корень разорены, сожжены дома, имущества, а у коихъ дома и не сожжены остались, то всѣ разграблены, Раостопчинъ съ городскою думаю требуетъ поземельныхъ денегъ даже и за то время, когда Москва была Французская: то слѣдовало бы требовать съ Бонапарта, а не съ жителей: судите! А требуютъ потому, что дума городская всегда многими изъ этихъ денегъ корыстовалась: по прошу васъ постараться весьма о семъ, чтобы Александръ Петровичъ ⁴³⁾ въѣздъ свой въ Москву этимъ ознаменовалъ и

⁴⁰⁾ Въ письмѣ отъ 13-го Іюля 1814 г. Поздѣевъ благодаритъ Ланскаго за полученные портреты, причемъ проситъ не жалѣть денегъ на покупку портрета Веллингтона; „ибо значительныя физіономіи происходятъ отъ дѣйствій, а дѣйствія происходятъ отъ свойствъ, а свойства всѣ добрыя. Изъ какого высшаго корня происходятъ? Сами размыслите. Слѣдовательно все это принадлежать къ познанію себя, природы и высшаго существа“.

⁴¹⁾ Выпускаемъ: совѣтъ на счетъ кормленія новорожденнаго сына Ланскаго; объ отношеніи Тормасова, новаго генераль-губернатора, къ масонству; совѣтъ Ланскому, какъ отнестись къ предлагаемому Тормасовымъ мѣсту; благодарность за присылку какихъ-то коробочекъ.

⁴²⁾ Въ манифестѣ 1814 г. 5 Сентября крестьяне увольнялись отъ набора, имъ прощались пошрины; преступники выпускались на свободу.

⁴³⁾ Александръ Петровичъ Тормасовъ.

сердца жителей къ себѣ обратилъ, исходатайствуя тѣмъ, у коихъ дома до тла сожжены, навсегда увольнение отъ платы; а тѣмъ, у коихъ дома остались, но всѣ разграблены, то неужели не слѣдуетъ на нѣсколько лѣтъ дать льготы за ихъ убытки и разореніе? По крайней мѣрѣ лѣтъ бы на десять.

Прошу о семъ внушить ему наединѣ и постараться. Вамъ это ближе сдѣлать. А «наединѣ» для того, чтобы другіе не стали дѣлать пустаго противорѣчія, а (такъ какъ) онъ новый человекъ, то скоро не разберетъ. Прошу объ этомъ, любезнѣйшій другъ, постараться, чтобы дѣло было сдѣлано⁴⁵⁾.

А Государю не внушено и въ манифестѣ пропущено, вѣрно, не съ намѣреніемъ; а онъ (т. е. Александръ Петровичъ) при первомъ донесеніи, если представитъ Государю, то Государь радъ еще будетъ свою столицу тѣмъ облегчить.

Посылаю выписку публикаціи Московскихъ Вѣдомостей о платежѣ поземельной съ разоренныхъ. Это продолженіе того же: всѣ облегчены, а Москва, потерпѣвшая больше, нѣтъ.

Сельцо Нелюбовское.

14. Къ нему же.

Съ Заводу, отъ 21 Августа 1815 г.

⁴⁵⁾... Когда будете видѣться съ Александромъ Петровичемъ, то уже не

⁴⁵⁾ Изъ письма Поздѣва отъ 2-го Октября 1814 г. видно, что Ланскому не удалось исполнить его порученія. Вотъ слова Поздѣва: „Жаль, письмо мое не застало (т. е. не застало въ Петербургѣ А. П. Тормасова), такъ что вы могли бы поговорить Александру Петровичу о Москвѣ, а уже писать неловко. Богъ милостивъ! Хорошо, что и къ адъютанту писали. У него письмомъ спросите: говорилъ ли и что сказалъ Александръ Петровичъ?“

⁴⁶⁾ Выпускаемъ: благодарность за письма, увѣдомленіе о своемъ нездоровьи, совѣтъ Лан-

увѣжайте безъ того, чтобы не постараться его убѣждать наединѣ—быть благодѣтелемъ Москвы разоренной, сожженной, разграбленной; чтобы своими искусными представленіями и убѣжденіями согласить Государя, чтобы съ Москвы всякій поземельный сборъ сложить на казну, что и было прежде; а это зачалось при князѣ Долгоруковѣ и Архаровѣ, чтобы облегчить жителей, а сдѣлали тяжелѣ, собрали страшныя суммы съ дворовъ: милліоны! И дума городская, то есть купцы, дѣлаютъ еще тяжелѣ; взяли деньги, чтобы платы никакой не было, избавили отъ постоя, а сдѣлали тяжелѣ постоя⁴⁶⁾. То постоя на тѣ дома и не ставятъ, но берутъ поземельныя деньги для содержанія полиціи и освѣщенія, и прочаго. И эти поземельныя положены на окружности города несравненно тяжелѣ, хотя за каждую квадратную сажень и больше положено на внутренность, центръ города; но тамъ и земли больше. Въ окружности земля доходу даетъ мало, и строеніе ванимается дешево, потому что внѣ города, вдали; а къ центру города хотя земли и меньше, и плата за поземельныя дороже, но все тамъ и дороже отдается въ наймы, и мѣста дороже, и продать дороже несравненно.

15. Къ неизвѣстному.

Изъ Нелюбовскаго. Отъ 16 Апрѣля 1816 г.

⁴⁷⁾... Вотъ судите о людяхъ: мнѣ скзывалъ князь Горчаковъ, который

скому не спѣша переводить жизнь Аполлонія Тианскаго; богословскія и теозофическія разсужденія.

⁴⁶⁾ Приписка на сторонѣ письма: „Когда сбору поземельнаго при Государинѣ покойной не было, а былъ постоя содержанъ и то не всякій годъ; то мнѣ постоя стоилъ сто рублей, а теперь 930 р. въ годъ.“

⁴⁷⁾ Выпускаемъ: благодарность за письма; два слова о красномъ человекѣ; о газетныхъ

при Дибичѣ, что когда касалось до спасенія цѣлой нашей арміи во Франціи, а дѣло еще было критическое, то Барклай не смѣлъ идти къ Государю представлять; то Дибичъ, увѣренъ будучи въ пользѣ дѣла, выпросилъ у Барклая позволенія идти самому къ Государю. Барклай позволилъ, и Дибичъ пошелъ: представилъ, рассказалъ, объяснилъ. И Государь и сдѣлалъ такъ, и армія спасена, и Наполеона осилили.

А Барклай, можно сказать, облить почестями, а въ этакое дѣлѣ не смѣетъ идти! А какъ велико докладъ его подать другому, за то смѣетъ разсердиться и уѣхать, не откланявшись. Вотъ въ этакихъ случаяхъ люди видны...

16) Къ неизвѣстному.

Съ Заводу. Отъ 1 Сентября 1816 г.

...Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что тамъ по частямъ были повѣстки, чтобы самобѣднѣйшіе люди подавали просьбы на имя Императора и опредѣленъ для приѣма штатсъ-секретарь Кикинъ⁴⁸⁾, то столько нашлось въ Москвѣ таковыхъ просителей⁴⁹⁾, что всякій день многое множество людей стоитъ передъ глазами Государя и что подлѣ лѣстницы задняго крыльца часто

извѣстяхъ; о томъ, что жизнь не есть веселье; о какомъ-то унтеръ-офицерѣ; просьба прислать тарифъ.

⁴⁸⁾ Въ письмѣ отъ 9 Сен. 1816 г. къ С. С. Ланскому, гдѣ сообщаются тѣже новости и высказывается на нихъ свой взглядъ, прибавлено: „Государь столько былъ доволенъ (Московскими жителями), что публично сказалъ и говорилъ: „Теперь никому не повѣрю, чтобы Московскій народъ меня не любилъ“, и учредилъ комиссію на недѣлю подъ смотрѣніемъ штатсъ-секретаря Кикина, рѣшась бѣдному народу раздать 500 т. рублей.“

⁴⁹⁾ Собраны были подъячіе изъ присутственныхъ мѣстъ записывать устныя просьбы, и всякій день до 5 тысячъ принимаемо было просьбъ“. (ib.)

задавливаютъ не по одной старухѣ, а вчерашняго числа задавили до смерти старика, не взирая на поставленную тутъ команду отъ полиціи. И говорятъ, что приславо изъ Петербурга отъ патріотическаго общества 70 тысячъ рублей для раздачи бѣднымъ. Такъ было прежде, когда велико было Плещееву при Государѣ Павлѣ Петровичѣ раздавать бѣднымъ, то одиннадцать человекъ такъ раздавили до смерти, что головы и руки раздавили и переломали.

Вотъ съ простымъ народомъ и при раздачѣ помощи и приниманьи просьбъ даже объ этомъ какое надобно искусство! А еще только просьбы принимаютъ, а денегъ не раздаютъ.

Съ простымъ народомъ не таково легко дѣло имѣть какъ съ людьми значащими; имъ и милость безъ великаго искусства обратится въ пагубу. Простой народъ таковъ, что безъ величайшаго искусства они себя самихъ и того, который даетъ, задавятъ⁵⁰⁾. Вотъ теперь пишутъ въ газетахъ, что отъ голоду и недостатку хлѣба (въ Англии давно уже) и теперь только вздумали раздать бѣднымъ 2 тысячи десятины земли, лежавшей давно въ пустѣ, чтобы они находили для себя; а это

⁵⁰⁾ Поздѣвъ не высказываетъ здѣсь ясно, куда онъ клонитъ свою рѣчь: все это приведено, чтобы убѣдить во вредѣ, какой долженъ быть отъ воли крестьянъ; въ означенномъ выше письмѣ къ С. С. Ланскому онъ яснѣе высказываетъ: „Какъ доведутъ народу великую часть до нищеты, тогда увидятъ, станутъ разсуждать, какъ въ Англии дѣлать сборы. Да сборами не пропитаешь: сборы денежные не скоры, а хлѣбъ скоръ. Богу надобно вразумить и сохранить черезъ генія, хранителя государства. Намъ уже старикамъ не долго жить, а ищутаютъ тѣ, кои номоложе, какъ этою *вольностію* иностранные своими интригами Россію растащатъ: имъ польза, ибо Россія дѣлаетъ имъ зависть. Богъ да сохранить, да вразумить и да отвратить! Примѣръ близокъ: когда во Франціи уничтожили дворянство, то что вышло?“ (ib.)

вѣдь еще не довольно: а надобно имъ подумать, гдѣ имъ жить, откуда завести сбрую для хлѣбопашества, а паче лошадей, ибо руками вспахать нельзя. Вотъ какая нужда въ хлѣбѣ! Хлѣбъ всему голова. Денегъ много, но у малаго числа; а прочимъ чѣмъ жить? И кто станетъ такую трудную работу, какъ хлѣбопашество, работать изъ доброй воли? Всякій, какъ хлѣбопашествомъ разживется, то его бросаетъ, а употребляетъ на это бѣдныхъ, кои его рабы. Такъ какъ въ Англіи—что работникъ? Онъ вольный, да не можетъ жениться, потому что жены кормить нечѣмъ, а одежи имѣетъ парусинный балахонъ, рубашку, чулки, деревянные башмаки, да шляпу; а онъ вольный, а идти некуда, ибо вездѣ больше не дадутъ какъ то, что онъ уже имѣетъ. Вотъ вольность! Славны бубны за горами! У насъ, слава Богу, Румчортовымъ супомъ еще не кормятъ.

.... Павелъ Ивановичъ ⁵¹⁾ пишетъ и другіе пишутъ, что онъ отъ радости вѣя себя, что Государь былъ въ Пансіонѣ, все осматривалъ, все, всѣмъ былъ доволенъ, съ великимъ терпѣніемъ все выслушивалъ и между прочимъ сказалъ, что основаніе всего есть религія и Евангеліе, на что-де я сказалъ (т. е. *Павелъ Ивановичъ*): «Такъ, всемилостивѣйшій Государь, на это я все вниманіе мое обращаю, образу вѣренное мнѣ стадо; и Евангеліе есть свѣтъ величайшій всѣхъ свѣтовъ». И Государь-де этимъ словомъ былъ доволенъ. И пишутъ ко мнѣ, что за столомъ Государь у себя объяснялся съ удовольствіемъ, въ какомъ онъ порядкѣ все нашелъ въ Университетскомъ Пансіонѣ.

⁵¹⁾ Кутузовъ, бывшій кураторомъ Московскаго университета (доносчикъ на Карамзина).

17. Къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

Изъ Москвы. Сентября 27 дня. 1816-го.

..... Что надлежитъ до зла, то развѣ Господь сталъ бездѣйственъ? Развѣ Ему все не видно? Развѣ геній государства оставленъ? Взгляните на времена при Екатеринѣ: при началѣ ея царствованія она сначала дышала желаніемъ сдѣлать народъ свой вольнымъ, не зная напередъ, что должно сообразоваться Богу: ибо цари земные — образы Царя Небеснаго. Онъ печется высвободить челоуѣковъ отъ страстей, кои суть истинные тираны, а не отъ начальствъ, кои Онъ самъ же установилъ. А нынѣ Баденскій герцогъ утѣшается, что будетъ править народомъ свободнымъ, до чего еще и самъ Богъ не достигъ: ибо истинная, паки говорю, есть свобода отъ страстей, а не отъ начальствъ. И ему хорошо это разговаривать въ уголку, въ маленькомъ семействѣ своего народца; а какъ говорить, слышу, графъ Стройновскій, что хорошо бы это въ Россіи, чтобы привести въ то состояніе, какъ была Россія за 200 лѣтъ,—то онъ не ложь говорить, что для Поляковъ было бы это хорошо, ибо они ходили въ сіе время свободно по Россіи, брали, что хотѣли, женъ и дочерей у Русскихъ и разныя челоуѣколюбія показывали, даже и (въ) Вологодской сторонѣ сажали младенцевъ на колья;—то Полякамъ не худо желать привести Россію въ такое положеніе, когда они и сами умнымъ своимъ правленіемъ магнатовъ подошли подъ Россію.

Россія не то, что Польша еще. Россія все еще Татарщина, въ которой долженъ быть Государь самодержавный, подкрѣпляемый множествомъ дворянъ, а въ отсутствіе ихъ, тако-

выхъ же почти дворянъ, ихъ прикащиковъ, кои малѣйшія искры неповиновенія, неплатежа податей и поставки рекрутъ, воровства, грабежа, разбоевъ и всякаго насильства, тушатъ въ началѣ эти искры, не давая имъ возгорѣться до того, что и никакія войска въ этакой обширной имперіи съ крестьянами не сладятъ, а особливо при внѣшней войнѣ, когда почти все принуждено бываетъ выслать за границу. Да и сосѣди государства, узнавши, что въ Россіи загорѣлись бунты, не дадутъ отдѣлить полковъ для потушенія пожара, а займутъ столько войною, что не упустятъ внутреннихъ бунтовщиковъ подкрѣпить и ободрить деньгами и подкупить кочующихъ народовъ, какъ то Киргисцовъ и прочихъ, войти въ Россію, такъ что ежели и пошлютъ войска съ границъ, то они не успѣютъ, гдѣ тушить возгорѣвшійся пожаръ бунта. У насъ это больше вѣдаютъ, нежели Баденскій герцогъ и графъ Стройновскій!

Въ Россіи Пугачевъ, вѣдая это, вездѣ разсѣивалъ, что еслибы въ Россіи подпоры подрубить, то заборъ самъ упадетъ, а потому и возсталъ на дворянъ, зачалъ крестьянъ дѣлать вольными; и будучи самъ изъ раскольниковъ и отъ раскольниковъ подкрѣпляетъ будучи деньгами и всѣмъ, и отъ крестьянъ посаженъ былъ въ императоры; такъ и назывался, и указы разсылалъ. Кто же тогда вступился за Тронъ? За Государя? Дворяне, изъ коихъ никто къ нему не присталъ, а раскольники и крестьяне всѣ, и многіе возстали явно, а другіе всѣ были готовы, кабы скоро приблизился только къ Москвѣ. То графъ Стройновскій мыслить и проповѣдуетъ одно съ раскольниками, кои весьма ум-

ножаются. И теперь хотя не надобно сектъ гнать и тѣмъ ихъ за невѣжество ихъ раздражать, но спокойными глазами на размноженіе ихъ смотрѣть; а допущеніемъ ихъ во всѣ подряды обогащать—опасно: ибо они уже разъ посадили своего царя, и тогда ихъ была 10-я часть государства, а теперь несравненно больше; посадятъ грамотнаго, да еслибы случился какой и безграмотный, то уже теперь чужой сосѣдъ съищеть, научить, который будетъ годиться и въ совѣтники. Покойная Государыня, увидя опытомъ сама, въ комъ состоитъ сила государства, уже послѣ Пугачевского бунта перестала думать о вольности крестьянъ, а зачала разными привилегіями утверждать право и собственность дворянъ и усиливать ихъ, коихъ подъ владѣніемъ Пугачева, орудія раскольниковъ, истреблено не персонъ, а фамиліевъ дворянскихъ девять сотъ. Тако несчастными случаями своими и Государи научаются, како править народами: ибо, не разумѣя, о какой свободѣ должно пещись, принимаются за слово. По сему-то неразумнью слѣва свободы и законовъ устремился несчастный Людовикъ Шестнадцатый,—и гдѣ послѣ получилъ свободу? Пить кровь его на эшафотѣ свободно безъ препятствія⁵²⁾, кто хотѣлъ?

Говорить Святое Писаніе: «О, царіе! Научитесь премудрости, да не падете!» Магнаты Французскіе старыхъ законовъ не читали и ихъ не знали, то давай новыя! А сосѣдямъ то и на руку. А шалуны изъ дворянъ, путешествующіе, проматывая

⁵²⁾ Сноска въ самой рукописи: „Наши крестьяне не хуже Французскихъ: они во время Пугачева вырѣзывали младенцевъ изъ утробъ матерей“.

чужія дѣлги въ иностранныхъ земляхъ, хвалять, что тамъ хорошо, тамъ законы хороши, и давай новые сочинять. Вотъ Людовику и сочинили гильотину. Покойная Екатерина уже не подумала собирать паки государственныхъ чиновъ. Россія такова, что эту Татарщину исправниками, да палками не усмиришь. Нынѣ и въ полкахъ, думаю, раскольниковъ весьма размножилось. До сихъ поръ Богъ Россію по единому милосердію не оставляетъ и избавляетъ. Надежда на Него!

Сосѣди наши, конечно, всё завистуютъ на Россію и рады бы привести Россію такъ, какъ она была за 200 лѣтъ. А гдѣ же будетъ Императоръ? Вѣдь его тогда не было. Кто отвѣчаетъ, что тѣ, кои стараются развести связи государственныйя (черезъ кои Россія столько лѣтъ торжествуетъ надъ сосѣдами) не подкуплены? Что они, очаровывая ложно понятымъ словомъ свобода, хотятъ всё связи, суставы государства, развести и Россію погубить, яко государство, какое крайне они завистуютъ и на власть Императора, и на подкрѣпленіе его дворянами: ибо всё дворяне и называются, потому что они люди двора Государева. А что они имѣютъ собственности, то не въ натурѣ одному имѣтъ собственности, одному, а другіе чтобы не имѣли, — кто же? И за что сего одного подкрѣплятъ стануть, какъ ни за то, что онъ подкрѣпляетъ ихъ собственности? Прежніе Государи это вѣдали и приобрѣтеніемъ себѣ земель и народовъ съ своими сотрудниками дѣлились, потому-то такъ Россія и возросла. Потому-то и Екатерина, покоря Польшу, раздѣлила столько тѣмъ, кои животъ свой за нее клали, за ея деспотство; она имъ удѣляла изъ своего. Тако и всё прежніе

деспоты дѣлали, и Россія процвѣтала..... ⁵³⁾

18 Къ С. С. Ланскому.

Съ Заводу. Отъ 28 Марта 1817 года.

....Что надлежитъ до освобожденія крестьянъ, о чемъ вы пишете, то, видно, хотятъ взять съ циркумференціи, или окружности, да такъ и дойти до центра, до Москвы. Черезъ это освобожденіе всякія крѣпости, купчія, сдѣлки, капиталы и плата процентовъ рушатся: ибо не земля платитъ, а люди съ земли платятъ. Словомъ сказать, дворяне будутъ сравнены съ крестьянами, и должно будетъ дворянамъ съ крестьянами судиться у крестьянъ же, такъ какъ у Эстляндскихъ это написано... Не можно себѣ представить, какая каша будетъ изъ воли нижняго состоянія; такъ какъ ежели бы дать волю солдатамъ въ полкахъ, то что изъ этого ожидать? Кѣмъ ихъ принуждать? А безъ принужденія кто станетъ дѣло дѣлать и кто станетъ служить? И выдетъ хуже, нежели во Франціи.

Вы пишете, что Толстой привезъ эту вѣсть въ Москву объ вольности; но Николай Алексѣевичъ ⁵⁴⁾ пишетъ, что это генераль графъ Толстой, а не тотъ, котораго вы знаете изъ брр. И представить себѣ не можно, какая изъ этого выдетъ каша; такъ какъ бы солдатамъ въ полкахъ дать волю, то что изъ этого выдетъ ⁵⁵⁾? Кто станетъ слушаться? А что надлежитъ до

⁵³⁾ Выпускаемъ: разсужденіе о сопротивленіи Феслеровой системѣ; нравственные наставленія, наставленія о болѣзни; о Кутузовѣ, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а также и о Козловскомъ.

⁵⁴⁾ Николай Алексѣевичъ Дьяковъ.

⁵⁵⁾ Поздѣвъ видимо уже начинаетъ терять память: въ одномъ письмѣ повторяетъ два раза одно и тоже.

крестьянъ, то это разсадная школа для приготовления въ солдаты: они тутъ научаются повиноваться; ибо повиновение не есть малость; къ этому надо много приучать человѣка, ибо вдругъ въ такое повиновение войти, какъ повинуются солдаты, не скоро можно и не вдругъ введешь. Видно слѣдствія этого кровавья должны научить тѣхъ, которые не хотятъ разумѣть; словомъ сказать, это общая бѣда. Тѣ, которые весьма разумѣютъ слѣдствія этого, должны весьма молиться, чтобы Господь эту бурю отвратилъ. Ибо при этой волѣ кто станетъ унимать отъ грабежей и убійства? Ибо полиція уѣздная теперь у помѣщиковъ и у прикащиковъ ихъ, а тогда уже не будетъ; то кто станетъ унимать? Исправниками одними 40 тысячъ уѣзду, которые ихъ же грабятъ и за пользу ихъ никакой не имѣютъ нужды стоять? Ихъ не уймешь тѣмъ паче, давши всѣмъ вдругъ волю, разорвавъ всѣ связи повиновения. Вѣдь войсками одними такое обширное государство, какова Россія, не охватишь, которая (*т. е. войска*) изъ тѣхъ же мужиковъ, да только научены повиноваться, а тутъ и они свои связи разорвутъ. Невозможно себѣ представить, какіе это выдутъ безпорядки? Это завистники цѣлости Россіи, которые хотятъ ее совсѣмъ въ корень разорить, тѣхъ это дѣло. Нельзя иначе думать, какъ это дѣло все иллюминатовъ. Они и во Франціи эту же кашу произвели, и здѣсь тотъ же духъ дѣйствуетъ. Богу надо придти на помощь и отвратить это несчастье: ибо всѣмъ извѣстно, что народъ въ Россіи крайне развратился пьянствомъ..... и обманами. А въ простомъ народѣ еще меньше стыда и меньше морали, то есть дается воля, это значить — дѣлать всякіе безпорядки, гра-

бежи и убійства, такъ какъ Поляки говорили: «наша золотая вольность есть та, что вольно всякому насъ за волосы драть», и кончилось тѣмъ, что сосѣди всю Польшу по себѣ раздѣлили.....

19. Къ нему же.

Изъ сельца Чистякова ⁵⁶⁾. Отъ 25 Сентября 1817 г.

..... Что надлежитъ до вольности, о которой вы пишете, то воля Государева; мы рады все исполнить, что Государь прикажетъ. И потому (*и*) называются дворяне, что они двора Государева и должны помогать, чтобы воля его исполнялась; а крестьяне, которыми мы управляемъ, повиновениемъ помѣщикамъ приготовляются къ повиновению въ войскахъ, когда они будутъ; ибо вдругъ ли грубаго человѣка поставишь на эту ногу повиновения, какъ въ войскахъ требуется? А если они отъ зависимости дворянъ освобождены будутъ, слѣдовательно останутся подъ зависимостью непри- выкшей власти, то есть подъ одними исправниками; то они войдутъ въ такое своеволие и такое распутство, что тѣмъ начнется, что зачнуть всѣхъ грабить, рѣзать, то кто съ ними сладить? Земская полиція весьма слаба для этого, и это же пастыри, имъ же не суть овцы своя. А дворяне — они чиновники же Государевы, кои объ нихъ пекутся, какъ отцы во время ихъ страднаго и болѣзненнаго состоянія; а какъ скоро они изъ-подъ этой зависимости будутъ выведены, то это будутъ самые несчастные люди. Тогда будетъ на дѣлѣ видно; но ужъ послѣ налаживать будетъ трудно, и не черезъ что Россія не придетъ въ сля-

⁵⁶⁾ Сельцо Чистяково — имѣніе Поздѣва, въ 50 верстахъ отъ Москвы.

бость и беспорядокъ, ежели эту зависимость не только отнять, но даже и ослабить опасно. Это я не для себя говорю, ибо я уже одной ногой въ гробу стою и по лѣтамъ моимъ и по болѣзненному состоянію; мнѣ все равно, отъ той ли руки умереть или отъ другой. И на постели умереть вѣдь не легче. Уже опытъ многихъ лѣтъ, правленіе многихъ прежнихъ Государей, укрѣпленіе и распространеніе Россіи уже это доказало. Дворяне въ государствѣ, такъ какъ пальцы у рукъ. Высвободи вожжи, то лошади куда понесутъ и самаго сѣдока! А кто сѣдокъ, уже сами разумѣйте. Такъ и во Франціи недавно это было.

Мнѣ по старости лѣтъ моихъ и многимъ опытамъ видно, что больше всѣхъ желаютъ этого завистники цѣлости Россіи и иллюминаты, кои все хотятъ переверотить. По моей опытности у меня нѣтъ надежды ни на кого, кромѣ на Бога.

Въ добавокъ къ прежнему о вольности скажу. Во время бывшаго бунта противъ Пугачева въ 74 году, когда графъ Панинъ былъ посланъ для усмиренія, я при немъ тогда правилъ дежурство, то мнѣ всѣ эти дѣла извѣстны. Наши Русскіе мужички таковы, что они младенца изъ утробы матерней вырѣзывали, то судите—

это паче, нежели звѣри. Да кѣмъ ихъ усмирять? Солдатами? Да солдаты вѣдь изъ тѣхъ же? То кѣмъ усмирять? Вѣдь внутренняя война хуже внѣшней, страшнѣе: тогда и съ кѣмъ идешь усмирять, и того страшишь. Съ бригадира Толстаго подъ Казанью кожу содрали. То вотъ что наши мужички, какъ имъ дать вольность. Россія не что Пруссія или Нѣмецкія земли. А раскольники, тѣдремать не стануть. Хорошо, что при входѣ Наполеона въ Москву голова безпоповщины, Илья Алексѣевъ, уже умеръ. Я его зналъ; онъ бы весьма захотѣлъ бы, да и далъ бы Наполеону совѣтъ, чтобы раздробить Россію, и сдѣлать его царемъ какой-нибудь части. То что не сдѣлалось при Пугачевѣ, Боже сохрани, нынѣ стануть дѣлаться этакія варварства,—то гдѣ будетъ эта слава? Вѣдь наши мужики не тише могутъ катать человѣчьими головами, какъ и Французы въ Парижѣ. Внутренняя война вездѣ страшнѣе и опаснѣе внѣшней.

Кромѣ воспоминаній своей молодости и службы при графѣ П. И. Панинѣ во время Пугачевщины, Поздѣвъ въ мнѣніи объ уничтоженіи крѣпостной зависимости помѣщичьихъ крестьянъ былъ пристрастенъ уже потому, что собственные его Вологодскіе крестьяне бунтовали, и потребовалась военная сила для ихъ укрощенія. (См. о томъ статью М. Э. де Пуле въ Русскомъ Архивѣ 1869, стр. 532 и слѣд.) И. Б.

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ *).

II.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

By mię sądzić, nie ze mną trzeba być, lecz we mnie.

Mickiewicza.

(Чтобъ мени судить, надобно быть не со мною, а во мнѣ).

Великій Польскій поэтъ, родившійся около 1800 года, былъ сыномъ присяжнаго адвоката при гласныхъ въ то время судахъ Новогрудскаго уѣзда, принадлежавшаго къ Гродненской и только въ сороковыхъ годахъ присоединеннаго къ Минской губерніи. Отецъ Адама происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, но одного изъ тѣхъ, которые, обѣднѣвши, обратились въ состояніе, означаемое обыкновенно выраженіемъ *мелкой* или *околичной шляхты*. Онъ имѣлъ въ Вильнѣ двоюроднаго брата, прелата тамошняго капитула и заслуженнаго профессора университета. Послѣдній взялъ къ себѣ молодаго Адама и помѣстилъ его въ число казеннокоштныхъ студентовъ, предназначенныхъ для учительскаго званія.

Пріѣхавъ въ Вильну въ Сентябрь 1815 года для слушанія курсовъ въ тамошнемъ университетѣ, я засталъ уже тамъ Адама Мицкевича. Мы съ нимъ были студентами одного, физико-математическаго, факультета и на лекціяхъ видались каждый день, но почти не были знакомы. Въ этомъ факультетѣ насъ слушателей было до 800. Мы, своекоштные студенты, считали себя аристокра-

тією и неохотно сближались съ этими *казенными* товарищами. Послѣдніе также не искали съ нами сближенія и, съ сыновьями профессоровъ, составляли особый кружокъ, отличавшійся прилежаніемъ и благонравіемъ отъ вольныхъ студентовъ, изъ которыхъ многіе порядочно пошаливали. При томъ же Адамъ жилъ у своего дяди, старика прелата Мицкевича, который былъ деканомъ нашего факультета и котораго мы не любили за его строгость и взыскательность. Всѣ студенты снабжены были свидѣтельствами о своемъ званіи; ихъ надо было всегда носить съ собою, и каждый мѣсяцъ представлять декану для подписанія. При исполненіи этой формальности, ксендзъ Мицкевичъ требовалъ отъ каждаго студента письменнаго удостовѣренія, что онъ былъ у исповѣди и допущенъ къ Св. Причастію. Понятно, какъ намъ было скучно выполнять это правило, тѣмъ болѣе, что это была собственная выдумка нашего декана-фанатика и что этого не требовалось въ другихъ отдѣленіяхъ университета. Мы, покрайней мѣрѣ по разу въ мѣсяцъ, злились на него, и тѣнь отъ нашего неудовольствія къ дядѣ упала на ни въ чемъ неповиннаго племянника.

*.) См. выше, стр. 1705.

Въ университетѣ Адамъ ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія. Это былъ скромный, прилежный студентъ; онъ не участвовалъ въ студенческихъ увеселеніяхъ; на прогулкахъ всегда мы его видѣли въ парѣ съ Францискомъ Малевскимъ, сыномъ профессора естественнаго права, потомъ ректора (1.) Мицкевичъ учился хорошо, держалъ экзамены не хуже и не лучше многихъ другихъ, но ничто въ немъ не предвѣщало будущаго гениа.

Я окончилъ двухлѣтній курсъ, получивъ степень кандидата философіи, и оставилъ университетъ въ 1817 году. Возвратившись въ свой (Слонимскій) уѣздъ и вступивъ въ службу, я потерялъ изъ виду Мицкевича и другихъ товарищей.

Черезъ годъ послѣ того въ Виленскомъ университетѣ основались, исключительно между прилежными и благонравными студентами, общества, сперва явное, *Променистыхъ* (лучистыхъ), известное университетскому начальству и имъ одобряемое, а потомъ такъ сказать полутайныя, *Филаретовъ* и *Филоматовъ* *). Мицкевичъ былъ уже старшимъ учителемъ Польской словесности въ Ковенской гимназіи, когда, за принадлежность къ означеннымъ обществамъ, былъ привлеченъ къ производившемуся объ нихъ въ 1823 году сенаторомъ Новосильцевымъ слѣдствію. Онъ былъ приговоренъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ числѣ ихъ и съ неразлучнымъ его другомъ Малевскимъ, къ высылкѣ изъ западныхъ губерній во внутреннія на службу.

Они первоначально прибыли въ Петербургъ и пребыли именно на другой день послѣ достопамятнаго наводненія 7 Ноября 1824 года. Но Мицкевичъ оставался не долго; онъ въ началѣ 1825 года отправился въ Одессу для поступленія профессоромъ въ Ришельевскій Лицей. Когда же это не осуществилось,

*) О подробностяхъ, смотри мои Воспоминанія о Новосильцевѣ, Калейдоскопъ, въ Р. Арх. 1872 г., стр. 1745.

то онъ былъ, въ исходѣ тогожъ года, обращенъ на службу въ Москву, въ канцелярію военнаго генераль-губернатора и считался въ ней по 1828 годъ. Въ этомъ году онъ, съ Малевскимъ, возвратились въ Петербургъ.

Между тѣмъ Мицкевичъ успѣлъ уже прославиться своими гениальными стихотвореніями, которыми онъ первый далъ примѣръ освобожденія Польской литературы отъ узъ стѣснявшаго ее строгаго классицизма. Первые опыты его, баллады, двѣ части поэмы Дзяды (Поминки), Гражина и другія, были напечатаны въ двухъ небольшихъ томахъ, въ Вильнѣ, въ 1822 году. Общество Польское такъ мало было приготовлено къ перевороту, вводимому его твореніями, что онъ съ трудомъ нашелъ издателя (книгопродавца Завадскаго), который рѣшился напечатать ихъ на свой счетъ. Однакожъ, на своей родинѣ, въ Литвѣ, Мицкевичъ былъ понятъ съ перваго разу, и поэзія его возбудила всеобщій восторгъ.

Въ Москвѣ Мицкевичъ познакомился близко съ знаменитѣйшими Русскими литераторами. Въ числѣ ихъ были князь Вяземскій, Баратынскій, Полевой, пѣвственный Соболевскій и др.

Пріѣхавъ въ 1828 году въ Петербургъ, Мицкевичъ и Малевскій устроились такъ, чтобы жить вмѣстѣ; они наняли квартиру въ большой Мѣщанской, въ домѣ Іохима и завели свое маленькое хозяйство. Имъ, конечно, завѣдывалъ Малевскій, а не Мицкевичъ, который не имѣлъ никакого понятія о практической жизни.

Вскорѣ послѣ того Малевскій вступилъ въ службу, при Сперанскомъ, во II-е отдѣленіе собственной Е. И. В. канцеляріи. Мицкевичъ же признавалъ, что послужилъ довольно и остался отставнымъ губернскимъ секретаремъ. Въ этотъ чинъ онъ былъ переименованъ изъ степени кандидата философіи по физико-математическому факультету. Эту степень мы получили съ нимъ въ одно время и по тѣмъ же экзаменамъ, въ

1816 году; Малевскій же, перешедшій послѣ того въ юридическій факультетъ, получилъ тамъ степень магистра правъ. И по вступленіи Малевского въ службу, онъ продолжалъ жить вмѣстѣ съ Мицкевичемъ до самаго его отъѣзда за границу, въ Іюль 1829 года.

Я жилъ въ Петербургѣ съ Іюля 1822, пріѣхавши по дѣлу, которое по прибытіи моемъ продолжалось въ Государственномъ Контролѣ и въ Сенатѣ около трехъ лѣтъ. Съ первой же недѣли по пріѣздѣ въ столицу, я сталъ жить вмѣстѣ съ другомъ и университетскимъ товарищемъ Александромъ Парчевскимъ. Онъ имѣлъ также чрезвычайно запутанный процессъ съ графинею Тышкевичевою, о наслѣдствѣ послѣ перваго ея мужа Жуковского. Это самое то дѣло, общее Парчевскимъ съ Булгаринами, которое, отъ имени послѣднихъ, велъ слишкомъ извѣстный Оаддей Бенедиктовичъ (2), которое доставило ему главные мотивы для его Ивана Выжигина и о которомъ упоминаетъ Гречъ въ своихъ Запискахъ, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ.

Когда Мицкевичъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ, я въ тотъ же день случайно встрѣтился съ нимъ въ гостинницѣ бывшей Лондонъ, на углу Невского проспекта и Адмиралтейской площади. Тутъ мы сблизились какъ университетскіе товарищи, и я привѣтствовалъ его какъ перваго Польскаго поэта. Съ той минуты завязалась между нами тѣсная дружба и, когда Мицкевичъ вторично, въ 1828 году, прибылъ въ Петербургъ, мы уже почти не разставались, по крайней мѣрѣ видались каждый день до самаго его отъѣзда. Такимъ образомъ настоящая глава будетъ заключать живыя воспоминанія о пребываніи Мицкевича въ Петербургѣ и о средѣ, въ которой онъ тамъ вращался.

Я уже сказалъ, что онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на другой день послѣ наводненія.

На другой же день послѣ его пріѣзда, мы отправились съ нимъ осматривать мѣстности, которыя наиболѣе по-

страдали. Это зрѣлище, по истинѣ ужасающее и невыразимо-грустное, глубоко поразило поэтическое воображеніе моего спутника. Во всѣхъ улицахъ въ самомъ городѣ, заключающихся между Невею и далѣе Екатерининскаго канала, Большою Садовою, накануне нашего осмотра нижніе этажи были залиты, а теперь стояли пусты. Тоже самое на всемъ Васильевскомъ островѣ, Петербургской и Выборской сторонахъ. А какъ на другой же день послѣ наводненія наступилъ довольно сильный морозъ, а потомъ установилась зима: то этажи эти остались необитаемыми во всю зиму 1824 – 1825 года.

Я ограничусь этой одной чертой катастрофы и не стану описывать наводненія, котораго всѣ ужасы я близко видѣлъ, живши тогда съ Парчевскимъ въ Галерной улицѣ, на углу Замятина переулка; но не могу не записать здѣсь факта, который, въ другомъ порядкѣ явленій, представляетъ феноменъ, неменѣе быть можетъ замѣчательный, чѣмъ и самое наводненіе и достаточно характеризуетъ Аракчеевское время. Ни въ одной Петербургской газетѣ (ихъ, правда, всего было три: Сѣверная Почта, Русскій Инвалидъ и Французскій Conservateur Impartial), ни слова не напечатано о наводненіи. Дѣлали секретъ изъ того, чему было 400,000 свидѣтелей. Только чрезъ годъ послѣ него, позволено было г. Аллеру, эконому Смольнаго монастыря, издать брошюру съ описаніемъ подробностей происшествія. Да немного ранѣе, графъ Хвостовъ напечаталъ по этому случаю диѳирамбъ, въ которомъ говорилось, между прочими ужасами,

„Какъ тогда свирѣпствовалъ Борей,
И сколько въ этотъ день погибло лошадей?“

и представлялась страшная картина, какъ

..... „по разнымъ стогнамъ валялось много коней,
Кои лежали тамъ, ноги къ верху вздравъ“.

Я тогда состоялъ уже на службѣ и, кончивши мое дѣло въ Сенатѣ, на чет-

вертый день послѣ наводненія, отправился въ отпускъ къ матушкѣ въ Гродненскую губернію. Вездѣ по дорогѣ на почтовыхъ станціяхъ спрашивали меня съ большимъ любопытствомъ о случившемся. Я остановился дня на три въ Вильнѣ, гдѣ еще былъ сенаторъ Новосильцевъ и оканчивалось слѣдствіе о студенческихъ обществахъ. Я пошелъ къ знакомымъ на вечеръ и засталъ тамъ человѣкъ десять гостей. Отвѣчая на вопросы, я рассказывалъ что видѣлъ въ день наводненія; только замѣчаю, что одинъ изъ гостей, мнѣ незнакомый, дѣлаетъ мнѣ знаки. Выбравъ время, я вышелъ въ другую комнату и ждалъ тамъ моего тайнаго сигнала. Онъ явился и сказалъ: „Я вижу, что вы не здѣшній и долженъ васъ предостеречь, что г. сенаторъ (такъ всѣ звали Новосильцева) *не любитъ*, чтобы говорили о наводненіи; вчера арестовали г. Квѣцинскаго, который *получилъ* (sic) письмо объ этомъ отъ брата изъ Петербурга“. Я поблагодарилъ и сказалъ, что когда предъ отъѣздомъ я откланивался моему начальнику, министру внутреннихъ дѣлъ, то его высокопревосходительство ничего мнѣ не приказывалъ на счетъ храненія тайны о наводненіи, и что, не зная о теперешнихъ Виленскихъ порядкахъ, такъ какъ объ нихъ не было опубликовано, я не могу подвергаться отвѣтственности за ихъ нарушеніе.

Я пробылъ въ отпуску около шести недѣль и возвратился въ Петербургъ, гдѣ между мною и Мицкевичемъ установились каждодневныя сношенія. Я часто заходилъ къ нему и у него познакомился съ княземъ Петромъ Вяземскимъ, княземъ Григоріемъ Волконскимъ и съ Соболевскимъ. У него же я въ первый разъ встрѣтилъ Сенковскаго, тогда уже профессора восточныхъ языковъ въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ не игралъ еще въ Россійской литературѣ и критицизмъ той важной роли, которую занялъ въ послѣдствіи, въ тридцатыхъ годахъ, какъ основатель и редакторъ Библиотеки для Чтенія. Мицкевичъ не

любилъ его, особенно за его саркастическій взглядъ на все Польское. (Сенковскій, также бывший Виленскій студентъ, какъ извѣстно, путешествовалъ по Востоку и пробылъ тамъ болѣе двухъ лѣтъ, на счетъ денегъ жертвуемыхъ частными лицами въ западныхъ, югозападныхъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ, по инициативѣ извѣстнаго ревнителя просвѣщенія, адъюнкта и библиотекаря Виленскаго университета Контрима. Еще до возвращенія изъ своего вояжа, Сенковскій издалъ на Польскомъ языкѣ книжку, подъ заглавіемъ „Сборникъ (Collectanea) изъ Турецкихъ хроникъ, мѣстъ относящихся до Польской исторіи“. Книжка эта, кромѣ историческихъ фактовъ, наполнена ѣдкими насмѣшками якобы Турецкихъ лѣтописцевъ надъ образомъ правленія бывшей Рѣчи-Посполитой, надъ Польскою арміею и ея вождями. Были добродушные читатели, которые повѣрили этой дурной шуткѣ. Но въ этихъ мнимо-турецкихъ сужденіяхъ и острооткахъ явно проглядывала „Сенковіана“, и ни Мицкевичъ, да и никто изъ насъ не сомнѣвался, что авторъ коллектаней все это „собственнымъ умомъ“ выдумалъ. Я былъ при томъ, какъ Мицкевичъ заставилъ Сенковскаго признаться въ этомъ и какъ живо упрекалъ его за такой исторической подлогъ. „Это тяжкій грѣхъ, это профанція священной вещи, исторіи (говорилъ взволнованный Адамъ). Если тебѣ непременно хотѣлось излить твою желчь на прошедшее родины, то что тебѣ мѣшало высказать все это отъ твоего же имени? Вѣдь отъ этого хуже бы не было, всѣ тебя хорошо знаютъ за ренегата; говорятъ, даже, что ты перешелъ въ магометанскую вѣру, и чего добраго, можетъ быть это и правда“. Сенковскій отдѣлывался шутками; но смѣхъ его, какъ Французъ говорятъ, былъ „желтаго цвѣта“. Не помню, кто еще, кромѣ меня, былъ при этой *экзекуціи*, когда Мицкевичъ такъ беспощадно бичевалъ Осипа Ивановича. „Впрочемъ (заключилъ Адамъ), быть можетъ, ты и не совсѣмъ виноватъ; это,

пожалуй, просто органической недоста-токъ. Я подозреваю, что твоей матери, когда она была тобой беременна, попался въ руки альбомъ съ рисунками Гогарта; она заглядывалась на нихъ, и вотъ теперь все тебѣ видится въ карикатурѣ⁴. Сенковскій однакожъ не поссорился съ Мицкевичемъ (онъ никогда не ссорился съ сильнѣйшими себя) и не переставалъ ходить къ нему. Онъ сдѣлалъ для него подстрочный переводъ Арабскаго стихотворенія, изъ котораго у Мицкевича вышелъ его прелестный Шанфарій (Szanfary).

Когда Сенковскій ушелъ, я сказалъ Мицкевичу:

—Ну, славно же ты отдѣлалъ его!

—Вѣдь надо же, чтобы онъ отъ кого нибудь слышалъ *verba veritatis*. У него большой талантъ и много способностей, но ему недостаетъ той полноты и твердости ума, которая дѣлаетъ Горациева *justum ac tenacem propositi virum*¹⁾. У него умъ шаткій, готовый бросаться, по обстоятельству, во всѣ крайности. При томъ же онъ изъ тѣхъ, съ которыми отъ всякаго успѣха дѣлается головокруженіе. Онъ просто избалованъ и, какъ балованный ребенокъ, думаетъ, что ему позволено все.

—А знаешь, Адамъ, мнѣ кажется, что я открылъ въ Сенковскомъ настоящіе элементы его желчнаго настроенія вообще, а противъ всего Польскаго въ особенности.

—*Воуопъ*, Гляубичъ (онъ часто меня такъ называлъ по моему гербу); ты ботаникъ, у тебя и по призванію, и по привычкѣ долженъ быть наблюдательный взглядъ.

—А вотъ что: во 1-хъ, онъ не *Кармазинъ*²⁾; его Любичъ (гербъ) кулениъ у извѣстнаго торговца, заправляющаго нашими дворянскими дѣлами³⁾. Нѣкто-

рые положительно знаютъ, что онъ изъ Видзкихъ мѣщанъ. Вотъ онъ, чувствуя себя чуждымъ нашей средѣ, и ожесточается противъ нея, а затѣмъ и противъ всего Польскаго, такъ какъ дѣйствительно Польша была не что иное какъ только *дворянское* олигархическое государство, въ которомъ плебейскій элементъ считался пиза что. Это одно; теперь во 2-хъ, онъ *рыбой*, оспа глубоко изрыла ему лицо, а это наглядно доказываетъ происхожденіе его отъ одного изъ низшихъ, непросвѣщенныхъ слоевъ общества. Назадъ тому 40 лѣтъ, только низшіе классы не знали о предохранительной оспѣ, или по невѣжеству отвергали ее, тогда какъ въ высшихъ классахъ прививали ее всѣмъ, и дѣтямъ, и даже взрослымъ. Съ такимъ документомъ плебейства на лицѣ, онъ естественно завидуетъ всѣмъ гладколицымъ и злится на нихъ, то есть почти на все человечество.

Мицкевичъ выслушалъ меня съ усмѣшкою и сказалъ: „И чтожъ, въ самомъ дѣлѣ. Ты можешь быть и правъ; чего, хорошенько порывшись, не найдешь иногда на днѣ человѣческихъ характеровъ!“... (3).

Мы всѣ тогда были люди молодые, и Мицкевичъ, не смотря на грустное настроеніе, проглядывающее почти во всѣхъ его стихотвореніяхъ, охотно развеселялся въ обществѣ, и тогда выказывалъ замѣчательное остроуміе. Кромѣ нашего самаго близкаго кружка, состоявшаго изъ немногихъ (къ нему принадлежалъ также Александръ Ходзько, Константинъ Рудловскій, Рафаиль Слизень, Александръ Парчевскій и два или три бывшіе студенты Виленскаго университета), онъ любилъ разнообразить свои впечатлѣнія въ менѣе интимныхъ собраніяхъ. Хотя Мицкевичъ имѣлъ свою кухню, но мы съ нимъ часто ходили обѣдать къ одной Француженкѣ въ домъ Котомина у Полицейскаго моста. Въ то время ресторационная часть въ Петербургѣ была еще въ дѣтствѣ. Въ лучшихъ Русскихъ трактирахъ почти нельзя было обѣдать. Кромѣ дурна-

¹⁾ Мужа честнаго и стойкаго въ своихъ намѣреніяхъ.

²⁾ На Польскомъ дворянскомъ жаргонѣ это слово означаетъ хорошаго дворянина. *Кармазинъ* это чистый алый цвѣтъ, и такой долженъ быть цвѣтъ чисто-дворянской крови.

³⁾ Подробности сказаннаго здѣсь будутъ объяснены въ другой главѣ.

го приготовления, постоянно дурнаго масла, тамъ строго еще держались раздѣленія кулинарныхъ продуктовъ на допетровскія категоріи. И такъ даже у пресловутаго Палкина, вы читали на примѣрслѣдующую карту обѣда: *горячее*, ботвинья и окрошка; *холодное*, блѣштексъ и бѣвъ-лаמודъ; *соусъ*-раки; *жаркое*, всегда нѣчто вареное; *пирожное* компотъ. Единственное спасеніе холостякамъ, не имѣющимъ, какъ я, своей кухни, были Французскій *table d'hôte* у Андриэ, на углу Малой Морской и Гороховой и такъ называемыя *pensions bourgeoises* (хозяйскіе столы) у нѣсколькихъ Французовъ и Нѣмокъ на главныхъ улицахъ. Столъ у Андриэ былъ хорошъ, но довольно дорогъ, и при томъ общество было слишкомъ смѣшанное, и въ немъ неизбѣжный одинъ или два фискала. Поэтому мы предпочитали уютную столовую мадамъ *Rondeleux*, пожилой Французской роликтки. Она отдавала двѣ или три мебелированныя комнаты, и въ 5 часовъ у ней обѣдали знакомые, по строгой рекомендаціи. За столомъ, кромѣ хозяйки, была ея молоденькая дочь, Анжель, не знаю почему прозванная *Chichette*, и одна или двѣ перелетныя птицы, также Француженки, останавливавшіяся временно у хозяйки. Изрѣдка являлся одинъ изъ экземпляровъ такъ прекрасно переданнаго Бальзакомъ, типа странствующаго торговаго комиссіонера (*commis voyageur*) въ его повѣсти „*l'Illustre Gaudissart*“. Бесѣда за столомъ была общая, и особенно оживляемая двумя *завсѣгдаями*: одинъ былъ Англичанинъ, учитель своего языка, Куперъ (*Cooper*); другой, врачъ при театральной дирекціи, Корсианецъ, претендовавшій на родство съ Бонапартами, докторъ Орнано (*Ornano*). У мадамъ *Rondeleux* царствовало, вмѣстѣ съ веселостью, и строгое приличіе. Тутъ собирався часто и нашъ другаго рода кружокъ. Туркулъ, тогда еще директоръ канцеляріи министра статсъ-секретаря Царства Польскаго, чиновники его канцеляріи, Линовскій, братъ по матери предпослѣдняго министра статсъ-секре-

таря Ланскаго, Францискъ Шеміотъ, Маврицій Понятовскій, Готардъ Собанскій, графъ Александръ Завадовскій, кавалергардскій офицеръ Бобръ (4), Константинъ Рдултовскій. Эти господа составляли особый кружокъ, собиравшійся часто по вечерамъ для игры въ квинтичъ (5). Къ намъ еще присоединился, въ 1828 году, извѣстный графъ Валевскій, сынъ Наполеона (6). У мадамъ *Rondeleux* часто обѣдывалъ съ нами теперь знаменитый государственный савонникъ, а тогда только капитанъ генеральнаго штаба и флигель-адъютантъ, присланный изъ Турецкой арміи курьеромъ отъ Государя съ извѣстіемъ о взятіи Варны.

Это веселое и умное общество Мицкевичу очень нравилось, и онъ находилъ въ немъ просторъ для своего большаго ума и замѣчательнаго юмора. Того, что пофранцузски называется *esprit*, расходовалось тамъ немалое количество. Орнано забавлялъ насъ разказами разныхъ анекдотовъ изъ закулисной жизни прима и секунда-доннъ тогдашней Итальянской оперы (7). Послѣ обѣда мы часто составляли партію въ вистъ и экарте, но Мицкевичъ въ нихъ не участвовалъ. Онъ игралъ только въ двѣ игры: *шашки*, въ которыя былъ непобѣдимъ и въ карты — въ старопольскую игру, называемую *дружбартъ*. Онъ бывалъ очень радъ, когда находилъ для нея партію, что рѣдко случалось. *Дружбартъ* это игра очень оригинальная, ни на какую другую не похожая. Ее играютъ въ четверомъ по два партнера, какъ въ вистъ. Самая старшая карта, осьмерка пикъ, называется *доля*, послѣ нея идетъ бубновый король — *дружбартъ*. Масти по старшинству идутъ въ такомъ порядкѣ: трефы, пики, черви и бубны. Десятки этихъ мастей, очень вліятельныя карты, носятъ названіе: первая — *старка*, вторая — *винка*, третья *червошка*, послѣдняя — *инилка*. Семерки играютъ большую роль, ихъ не бьетъ никакая карта; *дружбартъ* бьетъ все, но доля бьетъ

его. Самый большой выигрышъ состоитъ въ томъ, чтобы долей побить дружба. Игра эта имѣетъ ту особенность, что играется, какъ въ шахматы, не на деньги, а на *честь*. Разнымъ перипетіямъ проигрыша присвоены рисунки различныхъ изображеній. И такъ, тому, у кого въ концѣ партіи остался дружба, рисуются очки; тому, чей дружба будетъ побить долею, рисуется ведро. Еще есть изображеніе кота, рожна (вертела) съ пронизанною на немъ колбасою и т. д. Я часто игралъ въ эту игру съ Мицкевичемъ, но теперь почти совсѣмъ забылъ. Адамъ страстно любилъ ее и въ состояніи былъ заигрываться до поздней ночи.

Кромѣ кружковъ, гдѣ играли въ карты и къ которымъ Мицкевичъ не принадлежалъ, мы бывали съ нимъ почти въ однихъ и тѣхъ же домахъ. Часто посѣщали мы, хорошо Петербургскимъ Полякамъ извѣстнаго, всѣми уважаемаго, столичнаго старожилы, помѣщика Виленской губерніи Гаспара Жельветра. Это былъ очень умный, практически-добродѣтельный человѣкъ. Онъ всѣмъ, кому только могъ, дѣлательно помогалъ, многихъ прибывшихъ изъ провинціи молодыхъ людей, съ хорошими качествами, вывелъ въ люди, а разъ удалось ему открыть блестящую карьеру истинно-художественному генію. Проѣзжая чрезъ Волынскую губернію, на возвратномъ пути съ Киевскихъ контрактовъ въ Петербургъ, онъ въ одномъ мѣстечкѣ на почтовой станціи замѣтилъ какой-то предметъ, выдѣланный изъ простаго камня необыкновенно красиво. Онъ спросилъ, кто это дѣлалъ и когда ему назвали артиста-самоучку, то пожелалъ его видѣть. Послали за нимъ, и онъ явился. Это былъ молодой Викторъ Бродскій; онъ показалъ еще и другія свои произведенія, доказывающія громадный природный талантъ. Жельветръ уговорилъ его ѣхать съ нимъ въ Петербургъ, для поступленія въ Академію Художествъ, привезъ его съ собою и постоянно помогалъ ему. И вотъ изъ это-

го молодого провинціала вышелъ Европейской славы скульпторъ *).

Жельветръ жилъ постоянно въ Петербургѣ съ 1805 года и имѣлъ необыкновенный талантъ рассказывать. Онъ зналъ много личностей, игравшихъ важныя роли въ началѣ царствованія императора Александра I, въ томъ числѣ весь антуражъ Чарторижскаго, и чрезъ него зналъ много подробностей изъ частной и публичной жизни этого государственнаго человѣка. Мицкевичъ очень любилъ его слушать и часто бывалъ на его вкусныхъ Польскихъ обѣдахъ. Жельветръ былъ очень друженъ съ извѣстнымъ живописцемъ Орловскимъ, и имѣлъ большой альбомъ его рисунковъ и карикатуръ, начертанныхъ „inter oculos“ карандашемъ и перомъ. Иногда у него встрѣчался Мицкевичъ съ Булгаринымъ. Оба отдавали справедливость Ѳаддею Бенедиктовичу, по высказывали ему и „*verba veritatis*“.

Я ввелъ Адама въ домъ тогдашняго министра просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова, который былъ женатъ на Юліѣ Осиповнѣ Нарбуттъ, вдовѣ д. с. с. Лобаржевскаго, состоявшаго нѣкогда въ свитѣ Станислава Августа, когда король этотъ прибылъ въ Петербургъ. Г-жа Шишкова была моя родственница и приходилась мнѣ бабушкой, но я называлъ ее *ma tante*, въ виду притязаній, которыя она, впрочемъ справедливо, какъ *Nimon de l'Enclos*, могла еще имѣть на красоту, не смотря на свои 50 лѣтъ. Кромѣ воскресеній, когда у Шишкова собирались рауты и завязывались партіи, близкихъ знакомыхъ принимали каждый вечеръ. Тогда общество раздѣлялось на два стана. Мы оставляли старика съ его дряхлыми академиками заниматься глубокими корнесловными изслѣдованіями и отправля-

*) Онъ теперь въ Римѣ. Лучшія его произведенія находятся въ Имп. Эрмитажѣ и въ Академіи Художествъ. У меня есть собственноручная рукопись Бродскаго, его автобіографія.

лись пить чай къ умной и всегда любезной Юліѣ Осиповнѣ. Съ ней была молодая племянница, ея гувернантка, Англичанка и всегда какая нибудь гостыя изъ многочисленной родни Александра Семеновича. Тутъ съ одной изъ такихъ барышень познакомился Мицкевичъ. Она была умная, образованная и чрезвычайна поэтически настроенная, такъ что даже и изъ плохихъ Русскихъ переводовъ „Конрада Валленрода“ и „Крымскихъ Сонетовъ“ поняла и оцѣнила поэта. Скоро между ними завязалась дружба, а извѣстно, къ чему ведетъ это чувство двухъ лицъ разнаго пола одинаково молодыхъ. Я хочу сказать, что изъ обыкновенной, она переходитъ въ нѣжную дружбу, что произошло и въ настоящемъ случаѣ. Не думаю, чтобы эти строки, если попадутся когда нибудь на глаза умной и доброй А. М. Б*** ой, возбудили въ ней негодованіе ко мнѣ за мою нескромность. Прошло столько времени, да и предметъ *дружбы* былъ настолько ся достойный! Какъ дѣло идетъ о лицѣ историческомъ, то я въ моей нескромности пойду далѣе. Я былъ наперникомъ Адама въ его отношеніяхъ къ дѣвицѣ Б.*** Онъ мнѣ признался, что она ему такъ симпатична, что попросилъ бы ея руки, если бы его не удерживали существенныя уваженія. Онъ сказалъ: „Съ тобою я не стану скромничать. Я не могу не сознавать, что глаза моего народа обращены на меня, я обязанъ оглядываться на его мнѣніе. Что бы сказали мои земляки, еслибы я женился на Русской боярышнѣ, дочери сенатора, родственницѣ великаго Кутузова, и родственницѣ одного изъ министровъ? Никто изъ Поляковъ не понялъ бы этого иначе, какъ приписывая мнѣ низкія и отвратительныя побужденія. Я не въ правѣ такъ ронять себя, отъ этого потерпѣлъ бы духъ всего моего народа. Впрочемъ, (прибавилъ онъ съ улыбкою) зачѣмъ я тебѣ это говорю; почему знать, приняла ли бы А*** мое предложеніе?“ Въ этомъ послѣднемъ замѣчаніи былъ ли

Мицкевичъ вполне искрененъ? Не знаю. Онъ не открылъ мнѣ своихъ сердечныхъ тайнъ настолько, чтобы я самъ могъ рѣшить этотъ вопросъ.

Въ числѣ домовъ, въ которыхъ мы бывали вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, выдающееся мѣсто занимаетъ одинъ, то тому вліянію, которое знакомство это имѣло на будущее моего друга. Я говорю о домѣ г-жи Шимановской, извѣстной Европейской славы, піанистки, послѣ долгихъ странствованій поселившейся въ Петербургѣ. У нея были двѣ дочери, младшая Целина, довольно красивая. Приѣмъ былъ самый радушный, и вскорѣ особенно для Мицкевича и Малевского домъ этотъ сдѣлался какъ бы семейнымъ кругомъ. Тамъ бывало довольно весело. Сама хозяйка угощала насъ своею прекрасною игрою, дочки напѣвали разные мазурки и краковяки. Бывало также нѣсколько молодыхъ и немолодыхъ людей и дамъ; даже изъ высшаго общества часто заѣзжали князь Григорій и княжна Алина Волконскіе, князь Петръ Вяземскій, князь Козловскій и другіе.

У Шимановской Мицкевичъ чувствовалъ себя какъ бы дома, но положительно могу увѣрить, что въ то время ни одна, ни другая изъ дѣвушекъ не сдѣлала на него впечатлѣнія, сколько нибудь сердечнаго. Изъ простой вѣжливости, какъ Литвинъ Варшавянкамъ, Мицкевичъ сдѣлалъ имъ маленькую поэтическую любезность. Это аллюзія къ красотѣ Полекъ въ балладѣ „Три Будриса.“ Изъ того, что тогда было, никто не могъ предвидѣть, что будетъ (8).

Въ 1831 году, по отъѣздѣ уже Мицкевича за границу, откуда онъ болѣе не возвращался, Шимановская умерла холерою, не оставивши дѣтямъ ничего. Дѣвушки остались круглыми, безпріютными сиротами; я уже былъ женатъ, вступивъ въ бракъ въ Іюнь тогожъ года, и по приглашенію моей жены дѣвицы Шимановскія нѣкоторое время жили у насъ. Скоро потомъ на старшей, Еленѣ, женился Малевскій. За

тѣмъ младшая, Целина поѣхала къ теткѣ въ Парижъ и тамъ вскорѣ вышла замужъ за Мицкевича,

Поэтический даръ Мицкевича имѣлъ, какъ извѣстно, многія стороны. Въ немъ была не малая доза расположенія къ сарказму и, онъ, быть можетъ, произвелъ бы многое въ сатирическомъ родѣ, еслибы его не удерживала врожденная доброта души. Къ тому же родъ этотъ былъ слишкомъ тѣсенъ для полѣта его всеобъемлющаго генія. Однакожъ его сатирическая способность доказывается нѣкоторыми произведеніями, которыя не могли войти въ Виленскія и Петербургскія изданія. Кромѣ того Мицкевичъ читалъ намъ отрывки изъ большой сатирической поэмы (на подобіе Байронова Донъ - Жуана) исполненной и соли, и желчи. Не знаю, окончилъ ли онъ ее; но она нигдѣ не была напечатана, ни въ цѣломъ, ни въ отрывкахъ.

Въ интимномъ обществѣ онъ былъ веселъ и охотно шутилъ. Такъ какъ я состоялъ на службѣ (въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ), то онъ преслѣдовалъ меня насмѣшками надъ мнимымъ моимъ *чиновничествомъ*. Разъ пригласилъ онъ меня къ себѣ обѣдать; кромѣ меня былъ еще гость, на столѣ явилась бутылка шампанскаго. Я спросилъ Малевскаго, не годовщина ли это какая, и тотъ отвѣчалъ: „Если хочешь, это и годовщина, только не именинъ и не рожденія“. Въ половинѣ обѣда налили бокалы, и Мицкевичъ, съ комическою торжественностью, обратясь ко мнѣ, произнесъ: „За здравіе новаго титулярнаго совѣтника Осипа....., волишь достойнаго нести это высокое званіе“. Взрывъ дружнаго смѣха сопровождалъ это привѣтствіе; а я было и забылъ, что на дняхъ дѣйствительно вышелъ мнѣ этотъ чинъ. Но этимъ шутка не кончилась. Адамъ импровизовалъ въ честь мою стихи слишкомъ для меня лестные, чтобы ихъ повторить; приведу только рефренъ, повторявшійся послѣ каждой октавы; его съ Польскаго можно передать такъ:

На что тебѣ чинъ?

Ты дворянскій сынъ!

Аллюзіи насчетъ покойнаго моего отца растрогали меня до глубины души. Я бросился обнимать Адама. Объ немъ Мицкевичъ тутъ же рассказалъ слѣдующее. Но прежде необходимо сказать нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Это былъ идеаль гражданина по преимуществу, типъ котораго до того изгладился въ современныхъ нравахъ, что его теперь и повить трудно. Антоній П. посвятилъ всю жизнь на служеніе согражданамъ. Онъ занималъ разныя должности, въ своемъ Слонимскомъ уѣздѣ по выборамъ. Былъ председателемъ земскаго (уѣзднаго) суда, потомъ подкоморіемъ (межевымъ апелляціоннымъ судьей, это званіе было въ такомъ почетѣ, что подкоморій назывался *princeps nobilitatis*); а за тѣмъ, по преобразованіи этой части, председателемъ межоваго апелляціоннаго суда. Но не въ исполненіи этихъ должностей состояло наиболѣе полезное его поприще. Съ окончаніемъ срочныхъ засѣданій председательствуемыхъ имъ судовъ, (суды засѣдали по шести недѣль, съ большими промежутками) начиналась его существенная дѣятельность. Во всей Литвѣ, какъ бы по общему соглашенію, его признавали человекомъ необыкновеннаго ума, непоколебимой правоты и первымъ закоповѣдцемъ. Сенатъ въ его время (1803 — 1812) былъ для жителей Литвы не только *terra incognita*, но какимъ-то пугаломъ. Никто не рѣшался, даже въ самомъ правомъ дѣлѣ, обращаться въ Сенатъ, о которомъ шла молва, что тамъ страшно обираютъ и что выигрываетъ только тотъ, кто оберъ-секретарямъ и секретарямъ дастъ больше денегъ. Слѣд. рѣшенія губернскаго суда (гражданской палаты) приводились въ дѣйствіе очень часто къ явной обидѣ правой стороны, такъ какъ составъ этого суда былъ менѣе чѣмъ удовлетворительный. Наконецъ помѣщики и шляхта догадались прибѣгнуть къ средству, избавляющему ихъ и отъ Па-

латы и отъ Сената. Пользуясь дозволеніемъ закона, они спорныя свои дѣла стали предавать на разбирательство и рѣшеніе одного Антонія П., обязываясь, формальнымъ актомъ, рѣшенія его принимать безусловно за окончательныя, не подлежащія ни аппеляціи, ни жалобѣ. Такимъ образомъ П., далеко ранѣе осуществленія мысли о мировыхъ учрежденіяхъ, сдѣлался фактически мировымъ судьей цѣлой провинціи, но судьей абсолютнымъ (arbitr) и разумѣется безвозмезднымъ. Многіе изъ тяжущихся пріѣзжали съ своими дѣлами къ нему въ деревню; но часто (особенно по межевымъ спорамъ) приходилось ему ѣздить на мѣста по своему, а нерѣдко и по отдаленнымъ уѣздамъ. Такимъ образомъ П. распуталъ и разсудилъ несмѣтное количество тяжбъ и всякихъ ябедъ, продолжавшихся иногда цѣлые десятки лѣтъ. Изъ этого количества онъ болѣе половины успѣлъ окончить миромъ.

Вотъ Мицкевичъ и разсказывалъ, что два помѣщика его родины, Новогрудскаго уѣзда, Керсновскій и Абламовичъ тягались между собою болѣе 15 лѣтъ и наконецъ додумались *записаться на компромиссъ на П.* Послѣдній принялъ ихъ приглашеніе; необходимо было пріѣхать для разбирательства на мѣсто. Отецъ Мицкевича былъ адвокатомъ одной изъ тяжущихся сторонъ. Что-то препятствовало арбитру прибыть въ назначенный имъ срокъ; стороны ждали его въ Новогрудкѣ. Изъ ихъ суетливаго ожиданія, изъ того, что говорилось объ арбитрѣ между адвокатами и въ городѣ, 10-ти лѣтній Адамъ съ своимъ уже поэтическимъ воображеніемъ возымѣлъ громадное понятіе объ Антоніѣ П. Наконецъ послѣдній пріѣхалъ, рассмотрѣлъ документы обѣихъ сторонъ и на другой же день объявилъ компромиссарскій судъ открытымъ. Всѣ удивлялись такой поспѣшности, весь городъ нахлынулъ въ судейскую камеру слышать адвокатовъ и рѣшеніе. Адамъ съ своимъ отцомъ былъ тутъ же. Ар-

битръ, указавъ тяжущимся на подлинную суть дѣла, которую они въ омутъ 15-ти лѣтняго своего ябедничества сами даже перестали понимать, приглашалъ ихъ помириться на вполне рациональныхъ условіяхъ. Но стороны упорствовали, добываясь рѣшенія, и арбитръ принужденъ былъ произнести его со всѣми мотивами. Сторона, которую защищалъ Мицкевичъ, выиграла. Адамъ прибавилъ, что видъ Антонія П., сидящаго на судейскомъ креслѣ, далъ ему первое понятіе о человѣческомъ величій, и впечатлѣніе это осталось у него на всегда. Этому еще способствовала замѣчательная красота лица, живо напоминавшая у моего отца Наполеоновскій типъ: Наполеонъ I, какъ извѣстно, былъ идеаломъ Мицкевича.

Мицкевичъ былъ знакомъ, какъ я уже сказалъ, съ замѣчательнѣйшими Русскими поэтами и литераторами того времени, преимущественно Московскими. Они высоко цѣнили и понимали его. Всѣмъ извѣстны стихи Баратынскаго къ Мицкевичу по случаю однихъ его стиховъ въ подражаніе Байрону.

Вотъ эти стихи:

Неподражай, своеобразенъ гсній
И собственнымъ величіемъ великъ.
Доратовъ ли, Шекспировъ ли двойникъ,
Досадеи ты: не любить повтореній.
Съ Израилемъ пѣвцу одинъ законъ,
Да не творить себя кумира онъ.
Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ.....
Я думаю, поклонникъ униженный
Возстань, возстань и вспомни: самъ ты Богъ.

Въ то время однакожь, то есть въ первое время по прибытіи въ Петербургъ, Мицкевичъ и Пушкинъ, хотя можетъ быть и встрѣчались, но не были близко знакомы.

Въ 1828 году пріѣхала въ Петербургъ извѣстная своимъ умомъ и красотой, Каролина Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, сестра знаменитаго писателя Генриха Ржевускаго, въ послѣдствіи вышедшая за генерала Чирковича, а теперь жена Французскаго драматическаго писателя Jules Lacroix, бра-

та извѣстнаго сочинителя, подписывающагося псевдонимомъ Jacob Bibliophile. Она дружна была съ Мицкевичемъ; они вмѣстѣ и съ цѣлой компаніей совершили поѣздку въ Крымъ, слѣдствіемъ которой были чудные Крымскіе Сопеты. Мы часто бывали у г-жи Собаньской. Она разъ сказала Мицкевичу: „Это непростительно, что вы и Пушкинъ, оба первые поэты своихъ народовъ, не сошлись до сихъ поръ между собою. Я васъ заставляю сблизиться. Приходите ко мнѣ завтра пить чай“. Кромѣ насъ двухъ и Пушкина былъ приглашенъ только Малевскій и родственникъ хозяйки, Константинъ Рдултовскій. Мы явились въ назначенный часъ и застали уже Пушкина, который, кажется, равнодушенъ былъ къ нашей хозяйкѣ, женщинѣ дѣйствительно очаровательной.

Первыя привѣтствія Пушкинъ принялъ съ довольно сухой, почти надменной, вѣжливостью. Тогда была мода на байронизмъ, который такъ много повліялъ на Пушкина и внутренно, и наружно. Онъ держалъ себя какъ Лара, или по крайней мѣрѣ, какъ Онѣгинъ. Мицкевичъ, по своему обычаю, былъ простъ и натураленъ; онъ никогда не позировалъ и не рисовался. За чаемъ шелъ общій разговоръ. Потомъ Собаньская стала особенно заниматься поэтическимъ дуэтомъ своихъ гостей, дабы заставить поэтовъ поговорить съ собою. И дѣйствительно между ними завязался діалогъ о литературѣ и искусствѣ вообще. Мицкевичъ былъ человѣкъ рѣдкой, энциклопедической учености и громадной начитанности; Пушкинъ же, какъ извѣстно, былъ изъ тѣхъ, которые, по собственнымъ его словамъ: „учились по немного, чему нибудь и какъ нибудь“.

Мицкевичъ этого и не подозрѣвалъ; видя однакожъ въ продолженіи разговора, что многое кажется Пушкину какъ будто бы чуждымъ, спросилъ: Вы читали Галита?—Нѣтъ. А Шлегеля?—Нѣтъ. А Сизмонди?—Нѣтъ. Тутъ Пушкинъ совершенно оставилъ протекціональный тонъ, съ которымъ съ начала всѣхъ насъ

трактовалъ, и разговоръ перешелъ на другіе предметы. Затѣмъ Пушкинъ скоро удалился. Мицкевичъ въ интимномъ кружкѣ, въ которомъ мы остались, не скрывалъ своихъ впечатлѣній. Онъ удивлялся не столько недостатку литературнаго образованія въ Пушкинѣ, сколько тому, какъ онъ, съ такимъ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и безъ нужныхъ руководствъ, могъ произвести то, что произвелъ. Это истинный геній, прибавилъ онъ, и если онъ не почіетъ на лаврахъ и самъ возчувствуетъ необходимость дальнѣйшаго образованія, то пойдетъ далеко.

На третій день Пушкинъ первый пріѣхалъ къ Мицкевичу. Но это не былъ простой свѣтскій визитъ. Пушкинъ, гордый Пушкинъ, съ полною откровенностью, которая дѣлаетъ ему большую честь, сказалъ: „Вы не могли не замѣтить при нашемъ свиданіи третьяго дня моего невѣдѣнія (mon ignoance) въ дѣлѣ теоріи искусства. Но не удивляйтесь этому. Чувствую, что мнѣ надо доканчивать мое воспитаніе, — но не знаю, съ чего начать, за что взяться. Дайте мнѣ совѣтъ.“ Мицкевичъ былъ тронутъ этимъ благородствомъ и повторилъ то что намъ уже сказалъ: „Повѣрьте, что я не на столько удивлялся въ васъ недостатку свѣдѣній, сколько вашему генію. Да, вы геніальный поэтъ. А такъ какъ желаете знать мое мнѣніе о томъ, что дальше дѣлать, то скажу, что свѣдѣнія поэту необходимы. Этому примѣры Гёте и Байронъ; у нихъ ученость проглядываетъ во всѣхъ ихъ произведеніяхъ; безъ нея они остались бы на ступени какого нибудь хлѣбопашца Бернса и не написали бы и половины того, что составляетъ ихъ славу. Нужно бы вамъ знать Латинскій языкъ, но это уже поздно. Французская литература на немного вамъ пригодится. Такъ прочитайте сперва хорошія теоретическія сочиненія, а потомъ выучитесь поанглійски, это будетъ стоить не много труда: языкъ этотъ очищенъ отъ всѣхъ грамматическихъ дрязгъ, которыя такъ затрудняютъ изученіе дру-

гихъ языковъ, хотъ бы Французскаго. Недѣль черезъ пять вы будете свободно читать всякую прозу, а потомъ возьмитесь за поэзію. Сначала читайте Милтона, Попе, потомъ Мура, Байрона и наконецъ Шекспира. Послѣдній поэтической душѣ открываетъ необъятный кругозоръ“.

Не знаю, какъ Пушкинъ воспользовался совѣтомъ, но два поэта съ тѣхъ поръ подружились и стали переводить сочиненія другъ друга.

Въ пребываніе Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, къ его напечатаннымъ первымъ стихамъ, изданнымъ въ Вильнѣ, прибавились Крымскіе Сонеты и поэма Конрадъ Валленродъ. Эта поэма имѣла громаднѣйшій успѣхъ въ Русской публикѣ. Въ короткое время одинъ за другимъ, появились пять ея переводовъ, правда одинъ другаго слабѣе. Поэма не прошла не замѣченною аргументомъ, наблюдавшимъ за всѣмъ Польскимъ. Н. Н. Новосильцевъ, императорскій комисаръ въ Царствѣ и тогда попечитель Виленскаго университета, осудившій и выславшій Мицкевича, написалъ кому слѣдовало въ Петербургѣ, что основная мысль, завязка и развязка Валленрода ничто иное, какъ прозрачная иллюзія на отношенія Поляковъ и Русскихъ. Литвины поэмы означаютъ первыхъ, а притѣснители ихъ крестоносцы Нѣмцы, — послѣднихъ. Стоять только повсюду, гдѣ въ поэмѣ написано Нѣмцы, поставить Русскіе, и вся мысль автора ясно выйдетъ наружу.

Вслѣдствіе этого замѣчанія цензоръ, пропустившій Конрада Валленрода, Анастасевичъ былъ удаленъ отъ должности. Впрочемъ это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій. Самая поэма, нѣсколько разъ переведенная на Русскій языкъ, не была запрещена и вошла въ полное изданіе твореній Мицкевича, напечатанное въ Петербургѣ, въ 1829 году.

Мицкевичъ сочинялъ чрезвычайно скоро и легко. Вотъ одинъ фактъ, доказывающій это. Разъ я зашелъ къ нему съ обѣда въ prima sera и засталъ его, какъ онъ,

стоя у своего бюро, писалъ. Я хотѣлъ уйти, но Адамъ остановилъ меня. Возьми себѣ трубку, сядь и подожди немного, я сей часъ кончу и тебѣ прочитаю. Я такъ и сдѣлалъ. Перо его скрипѣло, онъ писалъ очень скоро. Прошло минутъ десять, и Мицкевичъ сказалъ: ну, конецъ; теперь слушай. И онъ прочиталъ своего чуднаго Фариса, котораго началъ въ тотъ же день. Я осмотрѣлъ эту черную и изумился: на ней были переправлены *два слова*. Хочешь, сказалъ Мицкевичъ, я еще разъ прочитаю, и прошу, примѣчай хорошенько; не замѣтишь ли чего нибудь, что нужно поправить (онъ всегда слушался дѣльныхъ замѣчаній). При второмъ чтеніи я таки (уже только для очистки совѣсти) нашелъ что сказать и именно о стихахъ, гдѣ онъ, описывая Аравійскую пустыню, говорить:

Tylko sepy tam koczują,
Tylko gwiazdy tam nocują.

т. е. Тамъ лишь коршуны кочуютъ,
Одни звѣзды тамъ ночуютъ.

По моему, едвали можно сказать, что коршуны *кочуютъ* въ степи, куда они только налетаютъ за добычею, но не останавливаются. Я самъ чувствовалъ слабость моего возраженія, и Мицкевичу легко было отстоять свое выраженіе. Онъ поэтому сказалъ: „Развѣ ты не помнишь изъ естественной исторіи, какъ намъ объяснялъ ксендзъ Юндзилъ (профессоръ Виленскаго университета), что коршунъ, когда найдетъ падаль, то такъ объѣдается, что не можетъ подняться отъ земли и тутъ же на мѣстѣ засыпаетъ. Ну и довольно, чтобы сказать, что онъ кочуетъ“.

Но тутъ вышло новое обстоятельство. Мицкевичъ общалъ Пушкину указать что нибудь для своего перевода. Онъ назначалъ для этого новорожденного Фариса, который ему самому очень нравился, и дѣйствительно это было бриллиантъ. Онъ просилъ меня помочь ему сдѣлать Французскій подстрочный переводъ. Мы взялись за работу, но тутъ опять „кочуютъ“ стало запятою. Во

Французскомъ нѣтъ для этого глагола. Я предлагалъ *sauvegarde*, но оно не подходило къ случаю, и мы рѣшили написать его въ этомъ стихѣ порусски.

Не знаю, сдѣлалъ ли кто надъ людьми гениальными слѣдующее замѣчаніе, которое мнѣ кажется общимъ, къ нимъ примѣнимымъ, правиломъ и какъ бы однимъ изъ признаковъ гениальности. Въ то время, когда всѣ имъ удивляются и восхищаются ихъ произведеніями, они никогда не бываютъ ими вполне довольны. То именно, что составляетъ ихъ отличіе и истинное преимущество надъ другими, они не признаютъ по достоинству, ставятъ на второй планъ, а сами гонятся за чѣмъ нибудь такимъ, что несравненно ниже всего, прямо, но какъ бы невольно вытекающаго изъ самой природы ихъ генія. Въ подтвержденіе этого положенія можно бы набрать немало примѣровъ, начиная съ *Virgilia*, который хотѣлъ сжечь свою *Энеиду*. Такъ изъ современныхъ: *Walter Scott*, обезсмертившій себя творчествомъ, создавъ форму, сколько для искусства, столько и для исторіи важную и плодотворную, форму историческаго романа, произведенія свои въ этомъ родѣ трактовалъ очень легко и почти стыдился этихъ *бездѣлокъ*, долго въ нихъ не признаваясь, а за то думалъ прославиться своими стихотвореніями, которыя, хотя и прекрасны, но нѣсколько не выше его прозы; да и истинное ихъ достоинство заключается также въ ихъ историческомъ содержаніи. *Байронъ* всю свою жизнь оплакивалъ, что въ деликатной обработкѣ своего стихосложенія (*versification*) не можетъ достигнуть до высоты *Нопа*. *Гете* основывалъ свои права на безсмертіе не столько на своихъ поэтическихъ твореніяхъ, сколько на минералогическихъ познаніяхъ и изысканіяхъ. *Мицкевичъ* же вѣчно благоговѣлъ предъ *Трембецкимъ*. Онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ въ подражаніе манерѣ этого дѣйствительно искуснѣйшаго изъ версификаторовъ, и попытки эти, напризмѣръ: *Wacsbay* (игра въ шашки) нес-

равненно ниже всѣхъ самостоятельныхъ произведеній *Мицкевича*. Это недовольство истинныхъ гениевъ собственными твореніями, эта своего рода прихоть имѣеть, повидимому, глубокое психическое значеніе. Она ничто иное какъ вѣчное стремленіе искусства къ идеалу, котораго никогда не достигаешь на землѣ; это указаніе, что идеалъ лежитъ за пределами жизни, въ другомъ мірѣ: одинъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ противъ материализма и пантеизма.

Я здѣсь не стану говорить о достоинствѣ поэтическихъ твореній *Мицкевича*; они принадлежатъ всеобщей исторіи искусства, и это будетъ не мое собственное сужденіе, а отголосокъ всей Европейской мысли, когда скажу, что по окончаніи поэтическаго поприща престарѣлымъ *Гете*, *Адамъ Мицкевичъ* сталъ первымъ поэтомъ вѣка.

Но тутъ мнѣ предстоитъ исполнить грустный долгъ современника, записывающаго историческіе факты. Для того, чтобы представить фактъ, о которомъ я намѣренъ говорить въ его полнотѣ, нужно сдѣлать отступленіе и перенестись въ довольно отдаленное прошедшее.

Съ давняго времени *Поляки* чувствовали исключительную симпатію къ Франціи и ко всему Французскому; въ царствованіе же послѣдняго Польскаго короля *Станислава-Августа* и, по его примѣру, симпатія эта перешла въ чувство еще болѣе нѣжное. Быть можетъ, это естественное слѣдствіе поразительнаго (во все для Славянъ не лестнаго) сходства характеровъ двухъ народовъ. Давно уже сами Французы называли *Поляковъ* съверными Французами, и этотъ эпитетъ чрезвычайно польстилъ самолюбію легкомысленныхъ *Сарматовъ*. Они дѣлали все, что только могли, чтобы удержаться на этой параллели. Отъ своего образца перенимали не только языкъ, моды, нравы, но и все умственное и политическое направленіе, — старались да же подражать порокамъ и усваивать себѣ явныя заблужденія Французовъ. Такииъ образомъ изва лжефилософіи энци-

клопедистовъ, а съ нею и революціонныя идеи, скорѣе и глубже, чѣмъ гдѣ либо, привились и укоренились на Польской почвѣ. Послѣднія 15—20 лѣтъ царствованія Станислава-Августа ознаменовались полною нравственною распушенностью и безвѣріемъ, порожденными этими идеями. (Прошу замѣтить, что подъ этой характеристикой я не разумлю Литвы: въ ней большинство интеллигенціи не поддавалось этому увлеченію, и только Литовская аристократія не отставала отъ Варшавы, центра такого настроенія).

Сходство съ Французами распространяется въ Польшѣ даже на низшіе слои общества, не выдашіе никогда Франціи и Французовъ. Общественная жизнь въ Варшавѣ, Вильнѣ и другихъ большихъ городахъ, коренныхъ Польскихъ или сдѣлавшихся Польскими вслѣдствіе Уніи, есть сколокъ въ жизни Парижа. Та же страсть къ разсвѣнной уличной жизни, къ публичнымъ сборищамъ на открытомъ воздухѣ, ко всякимъ шумнымъ увеселеніямъ. Замѣчательнѣе всего то, что наиболѣе характеризованные мѣстные типы *гамена и гризетки* (gamin et grisette) извѣстны только въ Парижѣ, Варшавѣ и другихъ Польскихъ городахъ, и нигдѣ болѣе не увидите ни того, ни другаго. Вездѣ встрѣтите мальчишекъ-шалуновъ и кокетливыхъ швей и служанокъ; но это далеко не gamin (uliesnik, lobuz) и не grisette (modniarka, kawiaraka, ranna mlódsza). Впрочемъ, какъ извѣстно, это сходство и симпатія всегда губили Польшу и Поляковъ (9).

Естественно, что при такомъ общемъ настроеніи, Польская литература послѣднихъ ста лѣтъ не только сформировалась по образцу Французской временъ Людовика XIV, но сдѣлалась рабскою ея подражательницею. Еще Красицкій, первый поэтъ своего времени (осмидесятые годы XVIII вѣка) не смотря на громадный талантъ, не произвелъ ничего истинно оригинальнаго. Лучшая его поэма „Монахомахія“, какъ и его сатиры сильно напоминаютъ Lutrin (Налой)

и сатиры Боало. Большая часть его твореній въ стихахъ и прозѣ не менѣе отзываются Вольтеромъ; позволительно даже думать, что еслибы его не удерживалъ высокій духовный санъ князя-архіепископа Вармійскаго, онъ сдѣлался бы вполне Польскимъ Вольтеромъ. Что же говорить о другихъ нестолько талантливыхъ? Какъ будто бы признавая, что недостаточно одного сколка съ „Надоя“, Венгерскій написалъ еще свои „Organu“. Всякій, что бы ни писалъ, всегда оглядывался на Французскій образецъ и ни на одинъ волосъ не позволялъ себѣ выйти за предѣлы, этимъ образцомъ начертанные. Французскій языкъ сдѣлался народнымъ языкомъ, а Французская словесность альфою и омегою Польской. Никто не учился другимъ Европейскимъ языкамъ, всѣ другія литературы какъ будто не существовали, и мало кому было извѣстно, что когда-то и гдѣ-то существовали Данте и Шекспиръ. Удачный переводъ съ Французскаго даже второстепенныхъ писателей, какъ Légouvé, Delille, J. B. Rousseau, признавался за верхъ искусства.

Все это, и въ первообразѣ Французскомъ и въ подражательной Польской литературѣ, было строгимъ классицизмомъ съ опредѣленными на все рамки, по масштабу, за который никакому вдохновенію не позволялось выходить. Если бы встали изъ гробовъ Пиндаръ и Данте, Гомеръ и Эсхилъ, то и они должны бы были эпическія поэмы начинать не иначе какъ со словъ: „Я пою“ и въ нихъ дать по меньшей мѣрѣ шесть пѣсенъ, въ трагедіяхъ имѣть не менѣе, но и не болѣе пяти дѣйствій, съ строгимъ соблюденіемъ единства мѣста и времени; оды писать не иначе, какъ октавами съ рифмами, перемежающимися по положенію.

Но и послѣ того, какъ уже и во Франціи стали появляться признаки протеста противъ классицизма, какъ насталъ періодъ байронизма, Польская литература твердо еще оставалась вѣрною старымъ традиціямъ. Фелианскій еще пи-

салъ свою „Варвару Радзивиллъ“ по выкройкѣ какой нибудь Меропы или Береники; Козьмянъ распѣвалъ свои оды по камертону Іоанна-Крестителя Руссо и лѣтъ пятнадцать или болѣе обрабатывалъ свое капитальное произведеніе „Ziemianstwo“, въ подражаніе Jardins, и L'homme des champs“ Делиля съ весьма поэтическими эпизодами о картофелѣ и двѣтной капуствѣ Герардъ Витовскій восхищалъ Варшаву своимъ „Пустынникомъ Краковскаго предмѣстья“, сколкомъ съ Hermite de la Chaussée d'Antin“; княгиня Чарторижская писала свою „Мальвину“ по образцу романовъ m-me Cottin, а Кропивскій своихъ „Юлію и Адольфа“ въ подражаніе „Новой Елоизы“.

Теперь весь свѣтъ признаетъ, что ничего не могло быть живѣе, противнѣе здравому понятію объ искусствѣ, какъ такой формализмъ съ его нелѣпыми требованіями, стѣсняющими полѣтъ свободной мысли, навязывающими такія, а не иные формы всякому проявленію вдохновенія. Но дабы эту простую истину доказать, нуженъ былъ гений, а такой долгое время не являлся. Классицизмъ продолжалъ имѣть усердныхъ сторонниковъ по той простой причинѣ, что подъ его эгидой блаженствовала огромная масса посредственности. „Aurea mediocritas“ стояла за нее горой; истинное вдохновеніе было парализовано, а его замѣняла усидчивость въ отдѣлѣ. Это былъ золотой вѣкъ для стиходѣевъ. Кому удалось надѣлать извѣстное количество стиховъ на общія мѣста, на всякіе избитые сюжеты, но съ богатыми рифмами, съ наборомъ громкихъ прилагательныхъ, изысканныхъ метафоръ и съ строгимъ соблюденіемъ условій формализма, тотъ прямо жалуетъ былъ въ поэты.

Такимъ гениемъ, поправившимъ сразу весь этотъ хламъ нелѣпныхъ правилъ и ограниченій, явился наконецъ въ Польской литературѣ Мицкевичъ. Первое изданіе его стиховъ упало въ самый центръ классицизма, въ Варшаву, какъ бомба, и подобно этому снаряду надѣ-

лало неимоверной суматохи. Грустно сказать, но не нашлось *никого*, чтобы оцѣнилъ поэта. Всѣ въ одинъ голосъ возстали противъ него, провозгласили его полоумнымъ, дерзкимъ мальчишкою, неуважающимъ ничего священнаго. Профессоръ Польской словесности въ главной Варшавской школѣ и самъ псевдо-поэтъ, Огинскій, сдѣлалъ изъ стиховъ Мицкевича предметъ своихъ лекцій и ихъ cathedral разбирая ихъ слово за словомъ, осмѣивалъ во всеуслышаніе, заклиная своихъ слушателей, чтобы не поддавались пагубнымъ нововведеніямъ этого сумасброда-Литвина.

Надо знать, что такое Варшава, эта въ полномъ смыслѣ, какъ ее покойный Туркулъ называлъ, aurea mediocritas. Если вѣрять, что есть феи, то можно подумать, что фея *золотой посредственности* предсѣдательствовала при закладкѣ этого города и закабалила его себя на всегда. Поэтому въ ней и живетъ такъ легко, поэтому Варшава и есть современная Капуа. Въ интеллектуальномъ отношеніи тамошнее общество такъ мало требовательно, что всякая, сколько бы ограничена ни была, интеллигенція чувствуетъ себя тамъ на мѣстѣ, какъ бы у себя дома. Стоитъ только быть болѣе или менѣе приличнымъ человѣкомъ, чтобы быть безразлично принятымъ въ постоянные члены этого Панургова клуба *).

*) Гербъ города Варшавы, это Сирена, съ поднятою правой рукою, вооруженною мечемъ. Разъ министръ Царства Польскаго Туркулъ, возвратясь изъ двorca отъ доклада, рассказалъ намъ, своимъ чиновникамъ: онъ подносилъ къ подписанію Императора Николая какой-то дипломъ, гдѣ въ главѣ листа былъ изображенъ упомянутый гербъ. Государь, засматриваясь на него, какъ бы въ раздумь произнесъ: „C'est ça—agnes parlantes — la Sirene et l'Épée, c'est bien votre Varsovie.“ (Такъ, такъ, гербъ выразительный. Сирена и Мечъ, это точно ваша Варшава).

Сирена иногда такъ слѣпо, такъ безразсудно фехтовала своимъ мечемъ, что для большей точности agnes parlantes слѣдовало бы сдѣлать въ нихъ маленькую прибавку: изобразить Сирену съ завязанными глазами.

мыхъ литераторовъ, восхищалась своими стихотворцами, но всегда только *своими*, вышедшими изъ ея среды, вѣрными мѣстнымъ вкусамъ и принятымъ понятіямъ. Горе тому, кто захотѣлъ бы вознестись выше этого уровня и, заставляя членовъ клуба мыслить, нарушилъ бы этимъ пріятную общественную дремоту.

Это наглядно доказалъ примѣръ Мицкевича. Въ то время, какъ профессоръ съ кафедрой приносилъ на него анаэму, Варшавскія газеты разбирали его творенія по мельчайшимъ фибрамъ и съ смѣшною важностью, безъ элементарныхъ понятій о здоровой критикѣ, пускались въ нескончаемыя диссертации надъ ничтожными мелочами. Они, (какъ сказалъ Мицкевичъ, въ предисловіи къ Петербургскому изданію своихъ стиховъ), напоминали собою муравьевъ, которые соединенными силами тащатъ четверть червячка или тушу мухи и едва не упадаютъ подъ тяжестью такой огромной ноши.

Потомство съ трудомъ повѣритъ такому глубокому непониманію великаго поэта въ кругу родной его литературы. Къ вѣчному стыду Варшавы и большинства ея интеллигенціи, единственная тамошняя ученая корпорація, „Общество любителей наукъ“ (Towarzystwo Przyjaciół nauk,) которое хотя бы ради своего названія должно было понимать сколько нибудь болѣе чѣмъ толпа, и оно не пригласило Мицкевича въ свои члены.

Такое плачевное положеніе общественнаго вкуса и мышленія въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ Варшавѣ, чрезвычайно вѣрно и остроумно изображено Мицкевичемъ въ упомянутомъ предисловіи. Эпиграфъ къ нему изъ комедіи Нѣмцевича: „Крикнули не поволамм! Бѣжали на Прагу.“ (Krzyknęli Nierozważam! Uciekli na Pragę). Сочиняя эту замѣчательную статью, онъ миѣ ее показывалъ, и мы вмѣстѣ хохотали надъ Варшавскими критиками. Я даже подсыпалъ къ ней немного соли, подавъ

мысль упомянуть о Шекспирѣ. Его въ Варшавѣ знали какъ какого-то Англичанина, писавшаго разныя театральныя пьесы; знали, что Ducis перевелъ его „Ромео и Джульетту“ и одобряли то, что переводчикъ вздумалъ поправить Шекспира и, найдя пьесу слишкомъ трагическою, вмѣсто смерти любовниковъ, окончилъ свадьбою (10).

Такое столкновеніе съ Варшавой представляетъ большое сходство между поэтическими судьбами Мицкевича и Байрона. Когда лордъ-поэтъ напечаталъ первыя свои произведенія „Часы Досуга“, съ оговоркою, что авторъ еще несовершеннолѣтній (Hours of Idleness, by lord Georg Gordon Byron, the minor) въ Единбургскомъ Обозрѣніи (Edinburgh Review) его безпощадно *отдѣляли*. Но критикъ имѣлъ несчастіе увлечься и сказать, что изъ автора, и по достиженіи совершеннолѣтія, не выйдетъ поэта. Известно, какою ѣдкою сатирою Байронъ не только отмстилъ ‘Эдинбургскимъ критикамъ, но осмѣялъ и всѣхъ современныхъ Англійскихъ стихотворцевъ (English Bards and Scotch Reviewers). Мицкевичъ въ своемъ предисловіи отвѣчалъ Варшавскимъ критикамъ, но ограничивался указаніемъ ихъ невѣжества, а не затронулъ болѣе никого. При этомъ сопоставленіи нужно еще указать и на ту разницу, что Байроновы „Часы Досуга“ дѣйствительно очень слабы и заслуживали строгаго суда критики; тогда какъ гений Мицкевича выказалъ себя вполнѣ съ перваго своего появленія, такъ что неопѣвившіе его сразу не могутъ ничего привести въ свое оправданіе. Такое непониманіе Мицкевича Польскими литераторами выдается еще болѣе рельефно, когда сравнить это съ тѣмъ, какъ онъ былъ оцѣненъ Русскимъ обществомъ.

„Предисловіе“ произвело однакожъ свое дѣйствіе. Оно такъ живо выказало несостоятельность Варшавскихъ сужденій, что многіе, in petto, прозрѣли и перешли на сторону поэта; никому однакожъ не достало гражданскаго мужества

настолько, чтобы открыто заявить об этомъ. Классики еще господствовали и упорно стояли на своемъ. Только тогда послѣдовалъ совершенный переворотъ, когда стихи Мицкевича стали извѣстны въ чужихъ краяхъ, и объ нихъ съ восторгомъ заговорили иностранные журналы; когда Гёте, къ которому Мицкевичъ заѣзжалъ во время своего путешествія въ 1830 году подарилъ ему перо *), которымъ писалъ Фауста и во всеуслышаніе провозгласилъ его первымъ поэтомъ вѣка. Тогда Панургово стадо, чтобы заглазить свою прежнюю несправедливость, бросилось въ другую крайность. Хвалебнымъ гимнамъ въ честь Адама конца не было. Но это была уже „горчица послѣ ужина“. Адамъ, убивъ на повалѣ классицизмъ, заклеивъ Варшаву своимъ Предисловіемъ и еще однимъ стихотвореніемъ, гдѣ предводители тамошняго „общественнаго мѣтнія“ изображены въ самомъ комическомъ свѣтѣ, забылъ совершенно о Варшавѣ.

Мицкевичъ въ высокой степени обладалъ даромъ импровизаціи. Онъ часто, послѣ веселаго обѣда, въ приятельскомъ кружкѣ, импровизовалъ съ бокаломъ въ рукѣ много веселыхъ, часто сатирическихъ, нерѣдко грустныхъ строфъ. Онъ ихъ пѣлъ съ акомпаниментомъ фортепiana, всегда на ноту одной изъ двухъ Моцартовыхъ арій: „Fin' ch'al vino изъ Донъ Хуана, или „Fin non andrai farfallon' amorozo“ изъ Свадьбы Фигаро. Но то что мы слышали, были только предлюди; слѣдующій случай покажетъ, до какихъ размѣровъ импровизаціонный даръ могъ возноситься въ Мицкевичѣ, при возбужденіи его обстоятельствами.

Въ исходѣ 1828 года, министръ финансовъ Царства Польскаго, князь Любецкій находился въ Петербургѣ по дѣламъ своего управленія, въ сопровожденіи двухъ блистательныхъ экземпляровъ

высшаго Варшавскаго общества. Это были князь Леонъ Сапѣга (теперь извѣстный въ Галиціи своею дѣятельностію по распространенію желѣзныхъ дорогъ) и Адамъ Лэнскій (въ послѣдствіи главный директоръ комисіи, министръ финансовъ, за тѣмъ министръ-статсъ-секретарь Царства Польскаго, теперь членъ Государственнаго Совѣта). Они желали познакомиться съ Мицкевичемъ, и знакомство это сдѣлалось чрезъ мое посредство.

Наступали именины Мицкевича (сочельникъ предъ Рождествомъ). Мы, бывшіе Виленскіе студенты, въ числѣ до десяти человекъ, согласились дать Мицкевичу обѣдъ. По его желанію, мы пригласили и двухъ Варшавянъ, изъ которыхъ Лэнскій былъ также именинникъ. Но Мицкевичъ ничего не сказалъ намъ, какой готовить сюрпризъ. Гости явились; обѣдъ былъ очень веселъ, усердно опорожнялись бутылки, сперва венгерскаго, потомъ шампанскаго. Когда мы встали изъ за стола, то Малевскій сѣлъ за фортепiano, и послышались первые аккорды „Fin non andrai“. Мицкевичъ, по собственной инициативѣ, взявъ въ руки бокалъ и провозгласивъ тостъ „за здравіе *Литвина*, потомка Льва Сапѣги,“ спѣлъ прекрасную импровизацію въ честь знаменитаго творца Литовскаго Статута. За тѣмъ онъ спѣлъ другую въ честь именинника, своего тѣски *короняша* *) Лэнскаго, и братской любви, соединяющей Литву и Польшу. Всѣ были очарованы. Замѣтивъ, что одинъ изъ насъ записываетъ его стихи, Мицкевичъ просилъ перестать, говоря, что это ему мѣшаетъ. Мы начали догадываться, что Мицкевичу хочется произвести на Варшавянъ большой эффектъ, но не предвидѣли всего. Отдохнувъ немного, Адамъ обратился къ нимъ и сказалъ: „Господа Варшавяне, въ честь посѣщенія вами нашего кружка, я хочу импровизовать трагедію или драму въ

*) По словамъ покойнаго П. В. Нащокина, Гёте прислалъ перо свое и Пушкину, у котораго оно хранилось въ особомъ складнѣ. П. В.

*) Такъ Литвины называли жителей Великой и Малой Польши, которыхъ составляли край, называвшійся *Короною*.

пяти дѣйствіяхъ и прошу васъ выбрать и дать мнѣ для этого сюжетъ изъ Польской исторіи“. Сапѣга и Лэнскій да и мы всѣ не мало удивились. Мицкевичъ просилъ, чтобы они совѣтовались только вдвоемъ, безъ участія другихъ гостей, и они, перебравъ разные драматическіе эпизоды, избрали сюжетомъ возстаніе Криштофа Зборовскаго въ царствованіе Сигизмунда III-го. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ которыя онъ обдумалъ планъ, завязку и развязку драмы, поэтъ сталъ декламировать Польскими александринами, то есть стихами въ тринадцать слоговъ, съ приемами и съ цезурою на седьмомъ слогѣ. Сцены слѣдовали за сценами, безъ малѣйшаго промежутка. Поэтъ не только не останавливался, не задумывался, но задышался, не успѣвая выговаривать стихи по мѣрѣ того, какъ они толпились въ его мысляхъ. Онъ все болѣе и болѣе оживлялся, вызванное имъ вдохновеніе не покорялось уже ему, а овладѣло всѣмъ его существомъ. Онъ видимо страдалъ подъ его гнетомъ, какъ древнія Питіи страдали подъ наитіемъ вызваннаго ими духа. Глаза его пылали, лицо попеременно краснѣло и блѣднѣло, между тѣмъ какъ стихи, исполненные высокой поэзіи, лились рѣкою изъ его устъ. Нѣкоторыя мѣста, особенно сцена Зборовскаго съ Гетманомъ, взявшимъ его въ плѣнъ, сцена въ подземельѣ, куда, подкупивши стражу, проникла его возлюбленная, нарѣченная невѣста и гдѣ онъ, въ цѣпяхъ, прощается съ нею предъ ожидавшею его казнью, вызвали у всѣхъ невольныя восклицанія.

Пораженные неслышаннымъ *tour de force*, Лэнскій и Сапѣга стояли въ безмолвномъ очарованіи. Когда импровизаторъ кончилъ третье дѣйствіе, замѣтно стало, что физическія его силы исчерпываются. Первые Сапѣга и Лэнскій бросились обнимать Адама и просили его не продолжать и отдохнуть. И они и всѣ мы поняли, что все это было сдѣлано Мицкевичемъ для того, чтобы

предъ Варшавскими гостями показать полетъ своего поэтическаго дара. Поэтому-то онъ и требовалъ, чтобы никто другой, а они сами избрали предметъ драмы. Цѣль его была болѣе чѣмъ достигнута: надъ Варшавою, въ лицѣ двухъ ея представителей, Мицкевичъ одержалъ полный триумфъ.

Лэнскій, болѣе прозаическаго характера или менѣе откровенный, съ жаромъ однакожъ отдавалъ справедливость Мицкевичу; но князь Сапѣга не находилъ словъ для выраженія своего восторга. Онъ повторялъ, что Мицкевичъ безспорно первый поэтъ своего времени, что, до нашего обѣда, онъ, Сапѣга, не имѣлъ понятія о высотѣ, до какой можетъ возвыситься поэтическій гений (11).

Соболевскій совершенно правъ, говоря, что Мицкевичъ любилъ Русскихъ. Противъ этой черты его характера за протестовалъ г. Чумиковъ (Рус. Архивъ 1872, стр. 426 и слѣд.), на основаніи нѣкоторыхъ мѣстъ, взятыхъ изъ публичныхъ лекцій о Славянской литературѣ, читанныхъ Мицкевичемъ въ 40-хъ годахъ въ Парижѣ въ Collège de France. Цитата эта ровно ничего не доказываетъ и нисколько не опровергаетъ сказаннаго Соболевскимъ. Да и нельзя не принять въ соображеніе обстоятельство, въ которыхъ это было говорено. Великое большинство его слушателей составляли ожесточенные эмигранты, помѣшанные на извѣстныхъ пунктахъ, съ которыми никакое разсужденіе на этихъ пунктахъ невозможно; тѣ самые эмигранты, которые меня и трехъ другихъ бывшихъ студентовъ Виенскаго университета формально судили, приговорили къ смерти за то, что мы въ 1831 году остались въ Русской службѣ и казнили насъ по портретамъ (*in effigie*) на Батиньольскомъ полѣ. Еслибы Мицкевичъ передъ такими слушателями заявилъ свои симпатіи къ Россіи и къ Русскимъ: то дѣло съ нимъ вѣроятно не кончилось бы на портретѣ. (12.) И вотъ чего отъ него требовалъ

г. Чумиковъ! Впрочемъ я не буду здѣсь распространяться въ отвѣтъ на статью послѣдняго; его положенія побѣдительно опровергнуты г. Бергомъ (Рус. Архивъ, 1872, стр. 432.) Его защита Мицкевича такъ умна, что къ ней ничего прибавить нельзя. Г. Бергъ прекрасно понялъ, изучилъ и совершенно справедливо оцѣнилъ любимаго своего поэта. Онъ чрезвычайно метко схватилъ самую суть положенія, опредѣливъ въ Мицкевичѣ какъ бы двѣ личности, дѣйствующія различно подъ влеченіемъ мѣняющихся влiяній. И въ самомъ дѣлѣ, только помощью такого тонкаго анализа и можно объяснить неровности характера и перипетіи такого разнообразнаго, всегда тревожнаго существованія, какимъ была жизнь Мицкевича. Я зналъ именно только Мицкевича-поэта, частнаго человѣка, Мицкевича небольшого кружка друзей, первую, домашнюю, кабинетную его половину. Въ моемъ Петербургскомъ другѣ „Мицкевичъ-политикъ, публичный человѣкъ, воинъ“, былъ еще только въ зародышѣ, невидимомъ и для насъ, наиболѣе къ нему приближенныхъ. Да и онъ самъ вѣроятно не сознавалъ въ себѣ этого зародыша и не могъ предвидѣть ничего изъ того, что съ нимъ случилось.

Я не думаю, какъ думаетъ г. Спасовичъ въ своемъ сочиненіи „За много лѣтъ“ (1872), что Мицкевичъ потому уѣхалъ за границу, что его положеніе въ Петербургѣ сдѣлалось неловкимъ, въ слѣдствіе изданія поэмы „Конрадъ Валленродъ“, въ которой наблюдательная власть видѣла будто бы политическія аллюзіи. Я уже сказалъ, что ни сама поэма, ни пять Русскихъ переводовъ, не были запрещены. Мицкевичъ, сколько я знаю, не испыталъ никакой непріятности по случаю этого сочиненія. Гораздо проще полагать, что онъ отправился за границу для того, для чего ѣдетъ туда громадное большинство путешественниковъ. Естественно, что такому человѣку какъ Адамъ, хотѣлось видѣть Германію, побывать въ Италіи, взгля-

нуть на Парижъ, на Римъ, и т. п. Въ такомъ смыслѣ онъ съ нами и говорилъ о предстоющемъ вояжѣ. Правда то, что говоритъ г. Спасовичъ, что паспортъ на выѣздъ, который не легко было получить, исходатайствовала ему книгиня Зинаида Волконская, съ которою они въ послѣдствіи сѣхались въ Римѣ.

Но я уклонился отъ того, что хотѣлъ сказать по случаю замѣтки г. Чумикова, отрицающей руссофильство Мицкевича. Я, какъ уже сказано, зналъ только Мицкевича-поэта и могу засвидѣтельствовать, что въ этомъ фазисѣ своего воплощенія, онъ нетолько былъ всегда свободенъ отъ неразумнаго ультра-полонизма, недопускающаго ничего хорошаго во всемъ что Русское, а напротивъ отдавалъ Русскимъ справедливость въ томъ, что достойно похвалы; преимущественно же любилъ простой народъ. Онъ считалъ его несравненно болѣе развитымъ, болѣе ко всякому прогрессу способнымъ, чѣмъ простонародіе Литовское. Въ особенности онъ признавалъ въ Русскомъ мужикѣ природную доброту и высоко цѣнилъ ее, какъ евангелическую добродѣтель, весьма рѣдкую въ плебей другихъ народностей. Кстати объ этомъ, онъ рассказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ своего пребыванія въ Москвѣ.

Тѣло скончавшагося въ Таганрогѣ въ исходѣ 1825 года Императора Александра I-го должно было слѣдовать въ Петербургъ чрезъ Москву. Вдругъ, за недѣлю до прибытія печальнаго поѣзда, неизвѣстно откуда расходитса слухъ, что въ день привоза тѣла въ городъ, возникнетъ народное возстаніе и рѣзня, которой жертвами сдѣлаются всѣ домовладыльцы, дворяне и чиновники. Слухъ этотъ на столько утвердился, что произвелъ всеобщую панику; въ городѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о предстоящей катастрофѣ; кто только могъ, уѣзжалъ изъ Москвы. Власть дѣлала что могла для успокоенія жителей; все было напрасно.

Мицкевичъ не вѣрилъ слуху и держалъ даже пари, что ничего такого не будетъ. Онъ жилъ близко отъ одной кондитерской и ходилъ туда пить кофе. Наканунъ дня, въ который должно было быть привезено тѣло Государя, Мицкевичъ, по обыкновенію, сидѣлъ у окошка въ своей кондитерской и читалъ газету. Были тутъ Малевскій, Соболевскій и еще кое-кто изъ ихъ кружка. Мицкевичъ, послушавши шумъ на улицѣ, посмотрѣлъ въ окно и вдругъ закричалъ: „господа, скорѣй, скорѣй ко мнѣ!“ Всѣ бросились смотрѣть, и что же, видятъ, какъ будочникъ гонитъ предъ собою, вѣроятно въ полицію, двухъ дюжихъ мужиковъ съ топорами за спиной. Блюститель порядка плѣвниковъ своихъ погонялъ галебардою, а тѣ, безропотно покоряясь, и не думали противиться или защищаться. „Вотъ, господа, сказалъ Мицкевичъ, всѣ говорятъ о какой-то рѣзни. Но повѣрьте, до тѣхъ поръ, пока уважается власть, выражаемая даже въ самомъ низшемъ своемъ представителѣ, намъ нечего бояться. Я предлагаю двойной закладъ, что завтра ничего не будетъ“. И дѣйствительно ничего не было.

Когда Мицкевичъ мнѣ это рассказывалъ какъ примѣръ доброты Русскаго простолюдина, то онъ прибавилъ: „Можно бы подумать, что это малодушіе, рабство; вовсе нѣтъ. Мужики очень хорошо чувствовали, что они сильнѣе городскаго стража; но онъ для нихъ *начальство*. И вотъ народъ, который такъ инстинктивно уважаетъ власть, и, покоряясь ей, забываетъ о собственной силѣ — великій народъ. Онъ не даетъ себѣ въ этомъ яснаго отчета, поступаетъ, положимъ, безсознательно; но все таки видно, что чувство это въ немъ есть, хотя и въ состояніи инкубаціи. Дай этому народу умную и добрую власть, и она съ нимъ совершитъ чудеса. Въ другихъ странахъ напрасно было бы искать чего нибудь подобнаго; всякая другая *plebs* не признаетъ ничего, кромѣ грубой силы; и когда сила на ея сторонѣ, то она употребляетъ ее противъ власти

и противъ закона. Истинная сила не въ матеріи, а въ духѣ, въ идеѣ. Поэтому-то Русскій народъ и сильнѣе всякаго другаго, что индивидуальныя силы сосредоточиваются у него въ одну идею и дѣйствуютъ конкретно“.

Гербъ Мицкевича назывался Порой (Rogoj). Это бѣлая роза (одинъ цвѣтъ безъ стебля) въ красномъ полѣ. Извѣстно, что въ Польской геральдикѣ каждый гербъ имѣетъ свое названіе, и его можно считать настоящею фамиліею рода. Въ древнее время дворяне и назывались по гербамъ, напр. Потоцкіе Пилявитами, Замоискіе Елитчиками, Осолинскіе, Тенчинскіе Топорчиками. Но когда лица, имѣвшія одинъ гербъ, разродились до того, что стало неудобнымъ носить всѣмъ одно названіе: то начали именоваться отъ помѣстій и даже отъ мѣстностей. И такъ Пилявиты назывались, отъ помѣстья Золотой Потокъ, Потоцкими; Елитчики, отъ города Замостья, Замоискими; одни Топорчики Тенчинскими, другіе Оссолинскими, и т. п. Кромѣ названій гербовъ, большей части Польскихъ дворянскихъ родовъ присвоены еще такъ называемыя *придомки*. Такой придомокъ фамиліи Мицкевичей: *Рымвидъ*. Первые свои литературные опыты, критическія статьи, помѣщаемыя въ Виленскомъ Денникѣ (*Dziennik Wileński*) 1817 года и слѣд. Адамъ подписывалъ этимъ придомкомъ. Въ поэтической его повѣсти „Гражина“ есть также Рымвидъ, лице играющее важную роль.

Первые мѣсяцы 1829 года прошли въ приготовленіяхъ къ отъѣзду Адама за границу. Объ этомъ путешествіи мало кому изъ знакомыхъ Мицкевича было извѣстно; онъ хотѣлъ уѣхать не простившись ни съ кѣмъ, кромѣ самыхъ короткихъ друзей, да и тѣхъ просилъ не провожать его.

По отъѣздѣ Мицкевича, я съ нимъ изрѣдка переписывался; послѣднее письмо отъ него я получилъ изъ Рима въ 1830 году. Онъ между прочимъ писалъ, что хотѣлъ было написать что нибудь изъ

своихъ первыхъ впечатлѣній при видѣ „Вѣчнаго города“, но что Байронъ, съ своимъ Чайльдъ-Гарольдомъ, какъ Горациа Кокль (Vugon, zawalidroga) сталъ ему поперекъ моста на Тибрѣ. Вотъ еще одна черта того благоговѣнія передъ Байрономъ, въ которомъ его упрекаетъ Баратынскій.

Въ Римѣ Мицкевичъ, какъ уже сказано, сѣхался съ своею Московскою знакомою княгинею Зинаидой Волконскою и нѣкоторыми тамошними же друзьями, именно съ Соболевскимъ, также съ путешествовавшими личностями изъ западныхъ губерній. Съ графомъ Генрихомъ Ржевускимъ они были почти неразлучны. Г. Осипъ Пржецлавскій въ замѣткѣ своей на статьи г. Берга (помѣщенной въ Архивѣ 1872 г.,) рассказалъ о вліяніи Мицкевича на графа, слѣдствіемъ котораго было развитіе въ послѣднемъ авторскаго таланта.

Въ религіозномъ отношеніи, Мицкевичъ, какъ я зналъ его въ Петербургѣ, былъ такой, какъ почти все молодое поколѣніе того времени. Онъ далеко не былъ атеистъ, ни энциклопедистъ, но находился подъ вліяніемъ господовавшаго въ тотъ періодъ индифферентизма, противъ котораго такъ краснорѣчиво возставалъ Ламене. Только когда онъ познакомился съ извѣстнымъ живописцемъ Олешкевичемъ *), то перенялъ отъ него нѣкоторыя религіозныя теоріи, не принадлежалъ однакожъ къ числу его усердныхъ учениковъ. Не знаю, какъ подѣйствовало на Мицкевича въ религіозномъ отношеніи его пребываніе въ Римѣ, но кажется оно не сдѣлало изъ него правовѣрнаго католика, судя по тому, какъ онъ, свидѣвшись въ Парижѣ съ извѣстнымъ септаторомъ Товянскимъ, легко поддался его лжеученію. Одна только чрезвычайно поэтическая и мечтательная организація можетъ до нѣкоторой степени объяснить и извинить заблужденія его въ такъ называемомъ мессіаниззмѣ.

*) Объ немъ будетъ упомянуто подробнѣе въ одной изъ главъ „Калейдоскопа.“

Дальнѣйшая жизнь Мицкевича и его дѣятельность не могутъ быть предметомъ настоящихъ воспоминаній. Мои съ нимъ сношенія со времени отъѣзда его въ Парижъ совершенно прекратились, и я зналъ объ немъ только то, что знали и всѣ, изъ его сочиненій, издаваемыхъ въ Парижѣ и изъ современныхъ журналовъ. Впрочемъ есть полная его біографія, написанная сыномъ его Владиславомъ.

Ципринусъ.

27 Іюня 1872 года.

Примѣчанія къ главѣ о Мицкевичѣ.

(I) Тѣсная дружба между ними продолжалась всю ихъ жизнь, считая со школьной скамьи. Они вмѣстѣ, по Виленскому студенческому дѣлу, были высланы сперва въ Петербургъ, потомъ въ Москву на службу. По разрѣшеніи имъ окончательно пріѣзда въ Петербургъ въ 1828 году, они жили вмѣстѣ, до самаго отъѣзда Мицкевича за границу.

Малевскій (род. въ 1800, ум. въ 1870 г.) знаменитый юристъ, по полученіи въ Вильнѣ степени магистра правъ, окончивалъ еще свое юридическое образованіе въ Берлинскомъ университетѣ, когда внезапно былъ вытребованъ для Виленскаго дѣла. (см. мои Воспоминанія о Новосильцевѣ). Вскорѣ по пріѣздѣ изъ Москвы въ Петербургъ, онъ, при Сперанскомъ, поступилъ на службу во II-е Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи и прослужилъ тамъ до своей кончины, послѣдовавшей въ Апрѣлѣ 1870 года. Болѣе 20 лѣтъ онъ состоялъ старшимъ чиновникомъ означенной канцеляріи. Главные начальники этой части очень цѣнили его обширныя свѣдѣнія и рѣдкія способности. Около десяти лѣтъ онъ пробылъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, но всегда отказывался отъ предлагаемаго ему званія сенатора.

Это былъ человекъ непоколебимой твердости въ правилахъ чести и безкорыстія. Послѣ отца, бывшаго ректоромъ Виленскаго Университета, ему, съ двумя се-

страдами, доводилось довольно значительное состояніе; онъ взялъ изъ него очень небольшое, а отъ остальнаго отказался въ пользу сестеръ. Но и съ тѣми средствами, которыя ему оставались, онъ дѣлалъ много добра, ведя посреди столицы жизнь самую скромную и почти уединенную.

Малевскій и Мицкевичъ были женаты на двухъ родныхъ сестрахъ, урожденныхъ Шимановскихъ. Малевскій оставилъ трехъ сыновей; всѣ они состоятъ въ государственной службѣ. Дочь его Марья, въ шестидесятыхъ годахъ, вышла въ Парижѣ замужъ за двоюроднаго брата своего Владислава Адамовича Мицкевича, Французскаго подданнаго, родившагося во время эмиграціи отца.

Владиславъ Мицкевичъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Хоецкимъ и другими выходцами или сынами Польскихъ выходцовъ, пользовался покровительствомъ принца Наполеона. Онъ участвовалъ въ редакціи „Opinion Nationale,“ и написалъ биографію отца.

Въ числѣ самыхъ первыхъ стихотвореній Адама Мицкевича, есть одно, посвященное Малевскому; это „Wagaby, do Franciszka“. (Игра въ шашки, къ Франциску.)

Въ изданномъ въ 1872 году сборникѣ разныхъ сочиненій г. Спасовича: „За много лѣтъ“ (а ихъ всего 12, т. е. 1859 — 1871) помѣщенное и „Очеркъ исторіи Польской литературы“. Въ немъ есть много подробностей о Мицкевичѣ, и данныя эти вообще вѣрны, *кромя одной*, гдѣ авторъ сдѣлалъ матеріальную ошибку. На стр. 293 г. Спасовичъ говоритъ о Мицкевичѣ: „Здѣсь (въ Петербургѣ) онъ познакомился съ семействомъ знаменитой пианистки Маріи Шимановской, на дочери которой, Селинѣ, *въ то время* (1828 г.) *еще малютка*, онъ и женился пятнадцать лѣтъ спустя“.

Это не такъ; когда Мицкевичъ бывалъ у Шимановской, m-lle Céline, была уже не малютка, а взрослая, и даже *рослая* дѣвица. Она выѣзжала въ свѣтъ, бывала на вечерахъ и балахъ, и какъ ни

трудно опредѣлить съ точностью число лѣтъ дѣвицы-невѣсты, но вѣрно то, что Целинѣ Шимановской было тогда не менѣе 17-ти лѣтъ. Я это положительно знаю. Шимановская часто бывала съ дочерью у меня въ домѣ; она давала уроки моимъ падчерицамъ.

(2) Я такъ пишу это имя, а не *Венедиктъ* потому, что послѣднее-явная ошибка отъ непониманія этимологіи Benedictus, есть имя составленное изъ двухъ словъ не Греческихъ, а чисто Латинскихъ: *bens* и *dictus* и значить благословенный. Если писать Венедиктъ, то, чтобы быть вполне послѣдовательнымъ, нужно бы такимъ же образомъ передѣлывать и всѣ собственныя имена тогожь происхожденія, и писать Вонапарте, а не Бонапарте: этимологія ихъ одинакова.

Тоже самое должно сказать и о другихъ собственныхъ именахъ Латинскаго происхожденія, которыя пишутся ошибочно порусски съ Греческимъ произношеніемъ, съ чуждою Латинскому языку буквою К. таковы: Маврикій, Викентій (отчего уже не Винцентій?) Келестинъ, Маркеллій и другія. Слѣдовало бы, сохраняя въ нихъ Русскую форму окончаній, писать: Маврицій, Винцентій, Целестинъ, Марцеллій и т. п.

Тредьяковскій и его современники писали *Кикеронъ*; теперь, вѣроятно по соображенію, что это имя Римлянина, происходитъ отъ Латинскаго *cicero* (чечевица) и дано ему въ насмѣшку, по бородавкѣ на носу (какъ и современному дѣятелю въ послѣдней Неаполитанской революціи Cicero Vaccino,) мы пишемъ Цицеронъ. Почему бы, исправивъ одну ошибку, не распространить того же соображенія и на всѣ остальные?

Пора, пора, очищать языкъ отъ такихъ и имъ подобныхъ осадковъ древней безграмотности. Заблужденіе, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, должно быть искореняемо безошадно. Оно не подходитъ подъ законъ о земской давности, и истина эта выражена въ поговоркѣ всѣхъ народовъ: „лучше поздно, чѣмъ никогда.“

(3.) Кромѣ помѣщенныхъ въ текстѣ, вотъ еще нѣкоторыя подробности о Сеньковскомъ.

По прїѣздѣ изъ восточнаго путешествія въ Петербургъ, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ восточныхъ языковъ въ тамошнемъ университетѣ. Это было въ двадцатыхъ годахъ, когда вообще мало было слушателей университетскихъ лекцій, на курсѣ же Сеньковского не было *ни одного*. Есть преданіе, что для того, чтобы не упразднили его кафедры, профессоръ, по дешевымъ цѣнамъ, нанималъ себѣ трехъ или четырехъ слушателей, да еще лакею своему приказалъ исправно посѣщать аудиторію. Со временемъ однакожъ число студентовъ возросло до десяти и болѣе.

Въ Петербургѣ уже, онъ развелся съ женою, съ которою вступилъ въ бракъ еще въ Вильнѣ, бывши студентомъ. Для этой размолвки онъ имѣлъ уважительныя причины. Тоже преданіе гласитъ, что эта жена бивала мужа, и были очевидцы, утверждавшіе, что однажды, всеобщими, на Невскомъ проспектѣ, она совершила одну изъ такихъ операций помощью зонтика.

Вскорѣ послѣ развода, Сеньковскій женился вторично на одной изъ дочерей нѣкогда славившагося богатствомъ, но разорившагося Петербургскаго банкира барона Раля, Аделаидѣ. Старшая ея сестра была уже за мужемъ за генераль-квартирмейстеромъ Шубертомъ; младшая, въ послѣдствіи вышла за архитектора Брюлова, брата извѣстнаго живописца. Этотъ бракъ ввелъ Сеньковского въ котерію Петербургскихъ Нѣмцовъ высшаго разряда, и онъ постоянно уже принадлежалъ къ этой котеріи.

Мадамъ Аделаида была очень не красива и, по странной игрѣ природы, чрезвычайно похожа на своего супруга, *mutatis mutandis*. И такъ у него лицо было сально-желтаго, а у нея красно-желтаго цвѣта; у нея глаза черныя, какъ ночь, а у него какого-то блѣдно-бутылочнаго оттѣнка, и взглядъ его имѣлъ что-то очень непріятное, но чер-

ты лица у жены и у мужа были тоже-ственны. Словомъ, это была пара, которою любовался бы Дарвинъ: она такъ живо осуществляла проповѣдуемый имъ подборъ, только отрицательно. Вотъ фактъ, показывающій, что это не мое личное, а общественное сужденіе. Разъ, въ одномъ поѣздѣ я прїѣхалъ въ Павловскъ съ Сеньковскимъ. Когда они съ женою, встрѣчавшею его на платформѣ, нѣжно обнимались, кто-то изъ заднихъ вагоновъ громко воскликнулъ: „господа, посмотрите, какъ лѣшій съ домовымъ цалуются!“ Платформа огласилась общимъ хохотомъ, одобрявшимъ смѣлую метафору незнакомаго.

Сеньковскій былъ снѣдаемъ страшнымъ честолюбіемъ и жаждою блестящей карьеры. Онъ стремился къ этой цѣли всякими правдами и неправдами. Свою кафедру онъ считалъ только ступенью къ достиженію высшаго служебнаго положенія. Онъ, какъ случилось ему и проговариваться, хотѣлъ быть первымъ драгоманомъ при Турецкомъ посольствѣ, а тамъ, пожалуй, со временемъ онъ бы принялъ постъ повременаго въ дѣлахъ, хотя бы и посланника. Онъ дѣлалъ, что могъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Въ Турецкую кампанію окончившуюся Андрианопольскимъ миромъ, онъ составилъ Турецко-русскій учебникъ и пожертвовалъ его въ пользу арміи. Въ крайнемъ случаѣ онъ удовольствовался бы мѣстомъ директора Азіятскаго департамента и даже начальника института восточныхъ языковъ. Но какъ-то ничего ему не удавалось. Отъ министерства народнаго просвѣщенія онъ былъ командированъ на визитацію училищъ въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Оттуда онъ рапортовалъ, что все найдено имъ въ наихудшемъ положеніи и предлагалъ коренныя преобразованія. Но и тутъ переселилъ. Во время своего объѣзда, онъ, изъ одного уѣзднаго города, прислалъ эстафету въ собственныя руки министру Шишкову, со включеніемъ отобранныхъ отъ учениковъ какихъ-то стишковъ, гдѣ смѣя-

лись надъ слѣдствіемъ производимымъ Новосильцевымъ надъ студентами въ Вильнѣ. На эту депешу Сенковскій много рассчитывалъ; но онъ получилъ отъ министра выговоръ за то, что утруждаетъ начальство бездѣльцами и былъ отозванъ въ Петербургъ.

Слышно было въ свое время, что Сенковскій подавалъ кому слѣдовало разные мысли, очень важныя въ правительственномъ отношеніи; но ихъ присвоили себѣ другіе, дали имъ большее развитіе и примѣненіе, творцу же своему мысли эти не принесли никакой ощутительной пользы.

Сенковскій, разочарованный, озлобленный постоянными неудачами, испытывавшій на себѣ *Виргиліево* „*sic vos pop vobis*“, оставилъ наконецъ свои честолюбивыя затѣи и всецѣло бросился въ Русскую литературу. Онъ прекрасно сдѣлалъ: послѣдствія показали, что такое было истинное его призваніе ¹⁾. На этомъ поприщѣ онъ нашелъ для себя благодарность, который напрасно искалъ въ другихъ сферахъ дѣятельности. Всѣмъ извѣстны успѣхи его Русскихъ сочиненій, и особенно процвѣтавшей подъ его редакцію „Библиотеки для Чтенія“ ²⁾. Тамъ онъ воевалъ противъ *сей*

¹⁾ Читатели наши чувствуютъ всю оскорбительность этого замѣчанія и припомнятъ статью кн. В. О. Одоевскаго о значеніи Сенковскаго и Булгарина въ Русской печати (Р. Арх. 1864, изд. 2-е, стр. 1015). Со временемъ исторія не оставитъ безъ упрека представителей тогдашней нашей словесности за то, что они допустили разныхъ проходивцевъ распоряжаться судьбами Русскаго печатнаго слова, и помянетъ съ благодарностью о противодѣйствіи, которое хотя отчасти оказывалъ баронъ Дельвигъ своею Литературною Газетою и позднѣе Пушкинъ Современникомъ; но перваго изъ нихъ погубилъ графъ Бенкендорфъ, а втораго -- пуля проходимца-Француза. *И. Б.*

²⁾ Странное заглавіе, какъ будтобы могла быть Библиотека *не для чтенія*. Когда я подсмѣивался надъ этимъ, то Сенковскій объяснилъ, что заглавіе взято отъ Русскаго названія *Cabinet de lecture* содержимаго Смирдинымъ, издателемъ его журнала и что Смирдинъ настаивалъ на сохраненіи этого названія.

и *онимъ*, вообще противъ педантизма и другихъ ложныхъ идей, сдѣлался чуть ли не диктаторомъ въ современномъ критицизмѣ и вымещалъ накопившую въ немъ злобу на вторгавшіяся въ литературу посредственности.

Сенковскій считалъ себя обиженнымъ въ своей служебной карьерѣ, именно по нерасположенію къ нему министра нар. просвѣщенія графа Уварова. И въ самомъ дѣлѣ, за все время его профессорства ему не было дано ни одного знака отличія, а чина статскаго совѣтника онъ дожидъ, получая всѣ предъидущіе чины за выслугу лѣтъ.

Но Сенковскій былъ не такой человекъ, чтобы терпѣливо сносить обиды. Накопившюся въ немъ желчь онъ излилъ заразъ, въ день оставленія службы, по выслуженіи эмеритальной профессорской пенсіи. На прощаніе съ университетомъ, онъ сыгралъ съ нимъ дерзкую шутку и жестоко посмѣялся надъ этой ученою корпораціей.

Въ одинъ изъ 50-хъ годовъ назначенъ былъ въ университетѣ торжественный актъ для закрытія учебнаго года предъ каникулами. На такихъ актахъ, кромѣ отчета, читаются профессорами какіе нибудь ученые труды. На этотъ разъ объявлена была прощальная диссертация профессора Сенковскаго: „О древности имени Русскаго“. Собрались много почетныхъ лицъ, въ томъ числѣ были министръ нар. просвѣщенія князь Ширинскій-Шихматовъ, одинъ изъ архіереевъ, попечитель учебнаго округа, члены Академіи Наукъ, и два или три сенатора; извѣстные въ то время писатели и ученые были также въ полномъ комплектѣ. Ректоръ и всѣ профессора въ парадныхъ мундирахъ. Собраніе происходило въ большой университетской залѣ, сама эта зала и даже хоры были полны.

По прочтеніи отчета, у юпитра, предъ рядами креселъ, сталъ какой-то господинъ, Нѣмецъ, и заявилъ, что онъ адъюнктъ профессора Сенковскаго, что послѣдній нездоровъ и диссертацию свою

поручилъ прочитать ему. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, такъ какъ Сенковскій былъ въ то время еще въ полномъ блескѣ своей писательской славы.

Съ первыхъ страницъ было видно, что положенія свои авторъ основываетъ на этимологіи собственныхъ именъ, названій странъ, городовъ, рѣкъ и самыхъ народовъ. Но этимологіи эти были до крайности натянуты и эксцентричны. Всѣ удивлялись этому, помня, какъ часто Сенковскій, въ своей „Библиотека“ издѣвался надъ неудачными словопроизводными опытами и даже надъ этимологіею вообще.

Все же это, только какъ прелюдія, вело къ тому заключенію, что Славянская нація, и въ главѣ ея Русское племя, есть первенствующее между народами, какъ самое древнее; что вся Европа и большая часть Азіи, въ отдаленной древности, была Скиѣская, главнымъ же изъ племенъ Скиѣскихъ есть Славяне, у древнихъ прозванные *Скивами-эвастунами* потому, что съ незапамятныхъ временъ привыкли превозносить и славить сами себя. Чтò касается собственно имени Русскаго, то по словамъ автора, рукописи, заключающія самыя убѣдительныя доводы древности этого имени, находятся въ Испаніи и заперты въ одной башнѣ извѣстнаго Мавританскаго дворца, *Альмбры*, куда авторъ и посылаетъ желающихъ повѣрить его сказаніе (!).

Неменѣе странные выводы дѣлалъ авторъ изъ аналогіи слова *Скальдъ*, (Скандинавскій бардъ). Онъ отнесъ его къ корню *Скиольдъ*, изъ котораго Нѣмецкое *Шильдъ*, то есть щитъ, а какъ *щитъ* есть почти *скитъ*, то отъ послѣдняго до названія *Скиѣвъ*, или Славянинъ, уже только разстояніе на одну букву. Изъ этого заключеніе, что и Скандинавы были Славяне, а саги (пѣсни ихъ Скальдовъ) были поэмы, прямо или косвенно относящіяся къ исторіи Славянъ, и стòитъ только умѣть всмотрѣть въ обоихъ языкахъ натуральное сродство и опредѣлить законы обоюдныхъ от-

ступленій и измѣненій звуковъ, чтобы помощью Славянскаго языка понимать и даже комментировать Скандинавскія саги, и на оборотъ. (Впрочемъ, я въ этотъ только одинъ разъ слышалъ знаменитое это разсужденіе; оно никогда не было напечатано, и я забываю много очень курьезныхъ выводовъ и развитій главнаго положенія).

Однакожь, до этихъ поръ всѣ слушали терпѣливо, удивляясь лишь странности и необыкновенной смѣлости выводовъ; только нѣкоторымъ ближе знавшимъ Сенковскаго, съ самаго начала чтенія, чувствовалась уже горькая иронія и дѣлалось яснымъ, что онъ, по тривиальному, но энергичному выраженію, *дурачить* почтенное собраніе. Мы съ К. М. Малковскимъ (теперь сенаторъ) стояли у одной колонны залы и въ главныхъ мѣстахъ выходокъ автора давали себѣ знаки, на силу удерживаясь отъ смѣху.

Но когда адъюнктъ, читая съ невозмутимою Германскою олегмою, перешелъ къ тому мѣсту, гдѣ авторъ утверждаетъ, что вся древняя исторія есть не иное что, какъ Хроника Славянскаго племени, и что лѣтописцы перепутали только географическія данныя и названія мѣстностей; когда сказалъ, что кампаніи Кира происходили въ Бѣлоруссіи и главное сраженіе выиграно имъ близъ города Орши, чтò подтверждается кромѣ другихъ этимологическихъ доводовъ тѣмъ, что и Наполеонъ въ 1812 году признавалъ Оршу важнымъ стратегическимъ пунктомъ; когда это было прочитано, то уже удержаться далѣе отъ смѣху стало невозможнымъ. Первый, принадлежкомъ гомерическаго хохота, разразился сидѣвшій важно за столомъ университетскаго совѣта профессоръ и деканъ Игн. Іоакимъ. Ивановскій, а за нимъ грянулъ и всеобщій смѣхъ, отъ котораго зазвенѣли даже окна залы.

Первый всталъ съ мѣста министръ нар. просвѣщенія, за нимъ поспѣшили удалиться архіерей и другія почетныя лица, между тѣмъ какъ Нѣмецъ, совѣ-

стливо выполняя свой долгъ, дочитывалъ до конца свою тетрадь, хотя никто не могъ уже слышать ни слова. Между собраніемъ пошли толки и разсужденія; одни говорили, что за такую кровную обиду, учиненную цѣлому ученому сословію, слѣдуетъ автора примѣрно наказать; другіе напротивъ утверждали, что это невозможно. потому что невозможно уличить автора въ умысленной мистификаціи, въ томъ, что онъ и самъ не убѣжденъ, что Киръ сражался подъ Оршой. Кончилось тѣмъ, „что диссертация“ о древности имени Русскаго не была напечатана (какъ это всегда дѣлалось) въ отчетѣ объ университетскомъ актѣ. Авторъ хотѣлъ помѣстить ее въ своей „Библіотекѣ для Чтенія“, но ценсура не пустила.

Такъ Осипъ Ивановичъ Сенковскій простился навсегда съ Петербургскимъ университетомъ, въ которомъ прослужилъ 30 лѣтъ.

(4) Бобръ-Піотровицкій, гвардейскій офицеръ, личность замѣчательная, какъ истый „рыцарь безъ страха и упрека“. Онъ былъ не только отъявленный врагъ, но дѣятельный гонитель всего, чтò хотя походило на нечестность. Онъ, подъ собственною отвѣтственностью, обличалъ необинуясь всякаго, попавшагося ему на дѣлѣ Загорѣцкаго или Кречинскаго, кто бы онъ ни былъ и гдѣ бы это ни случилось. Приведу здѣсь два его подвига въ этомъ родѣ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ.

Первый разъ, это было на одномъ изъ воскресныхъ раутовъ, въ 1827 году, у Александра Семеновича Шишкова, правильнѣе у его супруги. Играли на нѣсколькихъ столикахъ. Князь Борисъ Юсуповъ игралъ въ двоемъ въ такъ называемыя *палки*, или тентере, по дорогой дѣвѣ, и много проигрывалъ. Партнеръ его былъ одна изъ тѣхъ темныхъ личностей, которыя неизвѣстно какъ успѣваютъ втереться въ свѣтскіе салоны. У Шишкова собиралось человѣка три или четыре такихъ господъ, и они безсовѣстно обыгрывали старика; онъ,

не смотря на предостереженія жены и другихъ, продолжалъ играть съ ними, страстно любя игру въ вистъ.

Бобръ въ этотъ вечеръ не игралъ, но подходилъ къ столикамъ. Когда онъ подошелъ къ Юсупову, послѣдній, жалужась на свою дурную *вену*, попросилъ присѣсть къ нему на счастье. Тутъ, послѣ двухъ трехъ сдачъ, Бобръ замѣтилъ продѣлку мошенника-партнера.

Она была самая незамысловатая и потому самая удачная, состояла же въ томъ, что шулеръ изъ своей колоды пряталъ двѣ карты, и всякій разъ, когда самъ вздавалъ, присчитывалъ ихъ себѣ. Такимъ образомъ, при равныхъ даже шансахъ самой игры, онъ, въ двѣнадцать королей, имѣлъ на своей сторонѣ громадный перевѣсъ. Юсуповъ считалъ только свои карты, и въ нихъ естественно находилъ всегда дефицитъ. Но Бобръ сосчиталъ наглядно карты, набираемыя партнеромъ и съ картами Юсупова, всѣхъ выходило двумя менѣе, то есть 50, а двѣ недостающія партнеръ считалъ для себя. Послѣ трехъ разъ, увѣрившись въ подлогѣ, Бобръ всталъ и, обращаясь къ Юсупову, сказалъ: „Напрасно жалуетесь, князь, что вы въ проигрышѣ, вы ровно ничего не сдѣлали. „Какъ такъ?“ вскричалъ князь. — „А вотъ какъ!“ Тутъ Бобръ взялъ щетку и стеръ всѣ счеты. Огорошенный партнеръ хотѣлъ протестовать, но Бобръ съ грозною миною сказалъ: „Молчите, м. г., я, во время игры сосчиталъ ваши карты; вы меня понимаете. Совѣтую вамъ по добру по здорову убираться отсюда, а то я позову людей; совѣтую вамъ также ни здѣсь, да и нигдѣ не показываться мнѣ на глаза“. Шулеръ поспѣшно ушелъ. Князь Борисъ, не отличавшійся математическимъ соображеніемъ, только удивлялся храбрости Бобра, ничего не понимая. Когда же наконецъ смекнулъ въ чемъ дѣло, то обнявши Бобра съ чувствомъ благодарилъ. «Вообразите, сказалъ онъ, этотъ негодяй (я имени его не знаю), зная, что я только въ палки играю, два уже года слѣдитъ повсюду за

мною и вѣчно обыгрываетъ». Бобръ разсказалъ о случаѣ самой Шишковой, и она приказала людямъ не впускать въ домъ уличнаго шулера.

Другой *казусъ* съ Бобромъ случился у него въ домѣ, и уже не съ темною личностью, а съ субъектомъ высшаго общества и очень ему близкимъ, хотя и не по родству. Тутъ я уже былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицомъ. Мы обѣдали у Бобра, человекъ пять изъ нашего играющаго кружка. Были Туркулъ, Шеміотъ, я и мало кому изъ насъ знакомый гость. Бобръ послѣ обѣда предложилъ партію въ квинтичъ (*quinze, quindici*), а какъ день былъ жаркій, то хозяинъ попросилъ снять скюртку; всѣ такъ и сдѣлали, только упомянутый гость остался въ скюртукѣ съ широкими рукавами.

Въ квинтичъ, какъ извѣстно, самый высокій номеръ есть 15 очковъ; фигуры, какъ и десятки, считаются по 10; поэтому кто имѣлъ бы всегда въ своемъ распоряженіи пятерки или десятки, тотъ долженъ выиграть на вѣрное.

Мы всѣ безъ-скюртуковые проигрывали постоянно, а скюртку также постоянно выигрывалъ: всякій разъ когда у него была пятерка, то неминуемо онъ давалъ себѣ фигуру. На Туркула, какъ обыкновенно, была уже записана почтенная цифра, да и я грѣшный спускалъ уже вторую сотню. Счастье гостя было удивительное!

Было уже половина осьмага, и мы взяли было ложу въ Италіянскую оперу. Но намъ было не до оперы: мы все болѣе и болѣе проигрывались. Только вдругъ Бобръ вскакиваетъ съ своего стула, желѣзною десницею (онъ былъ необыкновенно силенъ), схватываетъ гостя въ скюртку за руку и изъ рукава его, въ виду всѣхъ насъ, вытряхиваетъ шесть или семь приготовленныхъ тамъ десятокъ и фигуръ. Затѣмъ, повторяя операцію сдѣланную въ пользу князя Юсупова, беретъ щетку и стираетъ всѣ записки. „Господа, мы всѣ сыграли ни въ чью, и пора въ оперу“, сказалъ онъ

хладнокровно: „даютъ Семирамиду, и моя Бартолюччи (она дѣйствительно была его) поетъ Адзему. Расчитываю на ваши браво“. Когда мы одѣвались, а злополучный великовѣтскій *мазурикъ* *) ускользалъ непрощансь, нашъ амѣитріонъ сказалъ: „Прошу васъ, чтобы сегодняшній случай остался между нами. Вы знаете меня, я негодяямъ не спускаю; но на этотъ разъ, войдите въ мое положеніе..... Да оно и не личное мое положеніе“..... Мы эту просьбу исполнили и со временемъ, нашъ любитель фигуръ, сильно покровительствуемый, достигъ высокаго служебнаго положенія; однакожъ, въ 1871 году, кончилъ хотя и случайно, но дурно и теперь развѣзжаетъ по Европѣ.

(5.) Изъ этого кружка Туркулъ умеръ въ Варшавѣ въ 1857 году министромъ статсъ-секретаремъ Царства Польскаго, дѣйст. тайн. совѣтникомъ, членомъ Госуд. Совѣта и Комитета Министровъ; камеръ-юнкеры Линовскій и Шеміотъ, въ 1831 году, присоединились къ Польскому мятежу и находятся въ эмиграціи; Собанскій, кажется за покушеніе устроить побѣгъ изъ Петербургской крѣпости государственнаго преступника графа Мошинскаго, былъ заключенъ въ какую-то крѣпость въ Сибири, и умеръ сумасшедшимъ; Валевскій, Завадовскій, Бобръ и Рдуловскій умерли.

(6.) Графъ Александръ Валевскій былъ признаннымъ сыномъ Наполеона 1-го и

*) Слово взятое изъ *аргота* (*argot*) Петербургскихъ мошенниковъ и вошедшее въ общее употребленіе у простаго народа. Мы позволили себѣ это потому, что одно оно выражаетъ всѣ роды мошенничества, олицетворяемые Французами въ ихъ Robert-Macaire. Французскіе лингвисты занимаются теперь изслѣдованіемъ *арго* и получили очень интересные результаты. Корень слова мазурикъ это *маза*, что значитъ вообще вортъ; *маззѣ*, это такъ сказать воровское сословіе, Французское *la pègre*; *Клѣвый Мазъ* въ Русскомъ арготѣ, воровская знаменитость. Фр. *Pègre de la haute*, способный при случаѣ возвыситься на степень убійцы, Фр. *escarpe*, и т. д. (См. *Mémoires de Vidocq, Mém. de Canler, Петерб. Трущобы.*)

красавицы и аристократки Варшавской, болѣе еще извѣстной по своему уму, графини Валевской. Одна изъ остроумь ея принадлежитъ исторіи. Наполеонъ, прибывшій въ 1812 году въ Варшаву, съ огромной коалиціонной арміей, созвалъ Польскій сеймъ, но на адресъ этого сейма о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво и ничего не сдѣлалъ кромѣ учрежденія ничтожнаго Княжества Варшавскаго, да и его-то подарилъ королю Саксонскому. Это въ Полякахъ возбудило общее негодованіе.

На одномъ балѣ, данномъ для императора Французовъ, графиня разговаривала съ извѣстнымъ Наполеоновскимъ дипломатомъ архіепископомъ де-Прадтомъ (de Pradt) и изъявляла предъ нимъ удивленіе, почему Наполеонъ, въ то время всемогущій, не возстановляетъ Польскаго королевства. Прадтъ на это сказалъ, довольно неучтиво, что не легко было бы найти между Поляками способнаго быть королемъ. Графиня отвѣчала: „О, если въ этомъ только затрудненіе, то его легко устранить. Когда уже у насъ не найдется никого для занятія трона, то мы сдѣлаемъ какъ сдѣлали вы, господа Французы: мы пошлемъ поискать себѣ монарха на островъ Корсику“.

Какъ утверждаютъ современники, графиня Валевская была единственная женщина, которую, послѣ Жозефины, Наполеонъ любилъ истинно и даже страстно. Она послѣдовала за нимъ сперва въ Дрезденъ, а потомъ въ Парижъ. Связь эта продолжалась до окончательнаго паденія императора Французовъ. Сыну своему отъ Валевской, Александру, онъ оставилъ четыре миліона франковъ.

Лѣтомъ 1828 года графъ Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ для полученія паспорта на выѣздъ во Францію и, какъ подданный Царства Польскаго, обратился за этимъ къ тогдашнему министру статсъ-секретарю царства, генералу графу Грабовскому, но не сказалъ, что, по настоянію Великаго Князя Константина Павловича, Варшавскія власти отказали ему въ выдачѣ паспорта; какіе были къ то-

му мотивы, неизвѣстно; въ Петербургъ же онъ прибылъ тайно отъ Великаго Князя.

Грабовскій, по внушенію директора своей канцеляріи Туркула, пріятеля Валевскаго, отнесся къ военному генералъ-губернатору о выдачѣ паспорта. Для формальностей потребовалось около 10 дней, и это время Валевскій провелъ въ упомянутомъ нашемъ обществѣ. При первомъ своемъ вторичномъ докладѣ, Грабовскій сказалъ Государю о прибытіи Валевскаго, сына *Наполеона*. Императоръ и особенно Императрица, пожелали видѣть его. Валевскій былъ представленъ имъ же, Грабовскимъ и (какъ тотъ рассказывалъ) очень понравился Ихъ Величествамъ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ прислалъ паспортъ, и Валевскій воспользовался имъ, не теряя ни одного дня. Это было въ одинъ понедѣльникъ; онъ поѣхалъ на ночь въ Кронштадтъ, прямо на Англійскій пароходъ, гдѣ его ждало уже готовое мѣсто, и на разсвѣтъ, на другой день, отправился за границу, откуда уже не возвращался.

Въ тотъ же день, то есть во вторникъ, Грабовскій съ обыкновеннымъ докладомъ поѣхалъ во дворецъ. Государь, какъ только увидалъ его, сказалъ: „A propos, j'ai reçu une dépêche de mon frère de Varsovie, il vient seulement d'apprendre que Walevski est ici, et me prie de ne pas lui délivrer de passeport pour l'étranger. Ecrivez en consequence au gouverneur-général.“ (Кстати, я получилъ изъ Варшавы депешу отъ брата; онъ только узналъ, что Валевскій здѣсь и проситъ не выдавать ему заграничнаго паспорта. Напишите по этому генералъ-губернатору). „Sire, cet avis vient trop tard, сказалъ Грабовскій; ne connaissant aucun empêchement, j'ai obtenu et lui ai transmis le passeport hier, et aujourd'hui il a dû s'embarquer à Cronstadt au point du jour.“ (Государь, депеша опоздала; не зная ни о какомъ препятствіи, я вытребовалъ для него паспортъ и вручилъ ему вчерашняго дня, а сегодня, съ разсвѣтомъ, онъ долженъ былъ уѣхать изъ Кронштадта).

Тѣмъ все и кончилось. Чтѣ дѣлалъ Валевскій до 1852 года, не помню. Но когда Людовикъ Наполеонъ сдѣлался императоромъ, то, признавая Валевскаго за своего двоюроднаго брата, назначилъ его сенаторомъ, посланникомъ въ Лондонъ, потомъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Одно время онъ былъ предсѣдателемъ законодательнаго собранія. Валевскій умеръ тому два или три года.

Мадамъ Ронделё перевела свои обѣды на лѣто на одну изъ дачъ Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой паркъ. Мы ѣздили туда цѣлою компаніей, а съ нами и Валевскій, ждавшій своего паспорта. Онъ былъ очень пріятный собесѣдникъ. До обѣда мы часто упражнялись въ гимнастикѣ и бѣжали въ паркѣ въ запуски. Валевскій всѣхъ насъ далеко оставлялъ за собою, особенно ловко перепрыгивая черезъ канавы и другія препятствія. Еще одно, чтѣ мы въ немъ замѣчали: лицо его красиво и пріятно, но въ немъ не было никакого сходства съ отцомъ, ни малѣйшаго отъѣнка такъ всѣмъ извѣстнаго прекраснаго Наполеоновскаго типа. Притомъ же онъ имѣлъ стройную осанку и былъ гораздо выше ростомъ своего отца.

(7) Изъ этихъ анекдотовъ я разскажу одинъ, имѣвшій тутъ же, у мадамъ Ронделё, трагикомическую развязку. Орнано былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ одной секунда-донною оперной труппы, m-lle L... пі, но разъ, зашедши къ ней ранѣе обыкновеннаго, увидѣлъ въ одномъ углу стоящую пару кирасирскихъ сапогъ. Онъ не сдѣлалъ въ домъ скандала; поступилъ по словамъ поэта: „Le bruit est d'un fat, la plainte est d'un sot. L'honnête homme trompé s'en va et ne dit mot“, но написалъ своей невѣрной ужасное письмо, которое, послѣ обѣда въ тотъ же день, намъ прочиталъ. Оно начиналось: mademoiselle ou madame. Въ немъ Орнано напоминалъ своей бывшей возлюбленной между прочимъ, что сзади, на плечахъ, къ которымъ привѣшены ея прекрасныя ручки, выгравированы рукою палача роковыя Французскія ли-

теры Т. F. (travaux forcés). Правда ли это было? мы не знаемъ, не повѣряли; но вотъ къ чему повело это письмо.

Разъ, когда мы въ полномъ комплектѣ *) обѣдали у Ронделё (былъ тутъ и Мицкевичъ), приходитъ служанка и говоритъ Орнано, что два господина, изъ которыхъ одинъ больной, ждутъ въ его комнатѣ (смежной съ нашей столовой) и просятъ его прійти въ ту же минуту. Докторъ, ничего не подозрѣвая, отправился туда, и въ слѣдъ за этимъ послышались громкіе голоса и стукъ передвигаемой мебели. Вбѣжала опять служанка и крикнула: доктора бьютъ! Мы всѣ встали и бросились выручать его; мой Мицкевичъ, съ ножомъ, впереди. Но выбѣжавъ чрезъ переднюю на большую лѣстницу, вотъ чтѣ мы увидѣли. Докторъ, стоя въ дверяхъ своей комнаты, держитъ въ одной рукѣ пистолетъ, а въ другой... сосудъ, такъ часто встрѣчаемый въ романахъ Поль де Кока, подъ названіемъ *ночнаго*. Дождавшись, чтобы его противники сошли по лѣстницѣ во второй этажъ, онъ, съ высоты нашего третьяго, все вмѣщаемое въ сосудъ выливаетъ на головы и на прекрасные юнкерскіе мундиры злополучныхъ посятителей. Хохоча, мы возвратились въ столовую доканчивать обѣдъ, и не одна пробка „вдовушки“ вылетѣла на воздухъ въ честь храбраго доктора. Онъ сказалъ: „Эти юноши присланы были отъ мамзель L. просто для того, чтобы меня побить за мое письмо. Холопская расправа! Но они забыли, что я Корсиканецъ и что, въ дѣлахъ вендетты, on ne me prend pas sans vert! (не застаютъ меня въ располыхъ). Я сей часъ смекнулъ, въ чемъ

*) Я такъ пишу это слово, а не *комплектъ*, такъ какъ второе К-не находится въ родословной его ни Латинской, ни Французской (completus, complet), а въ Русскомъ правописаніи включено вѣроятно лишь для большей вышности. Прежде писали же экспланада. эскизъ, даже мнѣ случалось видѣть эскадронъ. Но теперь пишутъ ужесъ происхожденіемъ этихъ словъ. Одинъ несчастный *комплектъ* остается еще неисправленнымъ изъ этого допотопнаго правописанія.

дѣло; схвативъ стулъ, проложилъ имъ себя дорогу къ постели и изъ подъ подушки вынулъ пистолетъ. Тутъ роли перемѣнились; нападающіе благоразумно ретировались, ну и получили на прощаніе душъ, послѣ котораго вѣроятно отправились уже въ баню. Они должны благодарить меня, что, за ихъ покушеніе на разбой, я не пожаловался начальству. Они получили бы не такую головомойку.

Исторія эта не помѣшала братьямъ, тогда гвардейскимъ юнкерамъ, достигнуть со временемъ высокихъ положеній въ гражданской службѣ. Но что значитъ быть старымъ человѣкомъ! Лѣтъ чрезъ 25 или 30, встрѣчая этихъ самыхъ господъ, уже въ звѣздахъ, сквозь ленты и шитые мундиры, мнѣ видѣлись ихъ прежнія юнкерскія курточки, и вся сцена, въ которой они играли такую жалкую роль, живо представлялась воображенію.

Вскорѣ послѣ описаннаго подвига доктора Орнано, мы потеряли его изъ виду, и отсутствіе его за столомъ было намъ чувствительно. Но мы сильнѣе поражены были тѣмъ, чтб случилось съ другимъ постояннымъ пенсионеромъ нашей мадамъ Ронделё, Англичаниномъ. Мистеръ Куперъ былъ въ большомъ ходу, наживалъ порядочныя деньги и былъ принятъ въ лучшемъ Англійскомъ и Русскомъ обществѣ. Онъ хорошо говорилъ пофранцузски и имѣлъ свѣтскія манеры. По рекомендаціи посланника, даже удостоился давать уроки Англійскаго языка царскимъ дѣтямъ. Только вдругъ, случайно, стало извѣстно власти наблюдающей за иностранцами, что онъ, бывши священникомъ Англичанской церкви, съ поддѣльнымъ паспортомъ бѣжалъ изъ своего отечества, гдѣ былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Австралію за антифизическіе вкусы. Что-то въ томъ же родѣ открылось объ немъ и въ Петербургѣ, и онъ былъ высланъ за границу. Сказывали, что онъ отправился въ Англію, въ надеждѣ, что, благодаря искусной гримировкѣ, его тамъ не узнаютъ. Но онъ былъ признанъ и повѣшенъ какъ бѣглый ссыльный.

И такъ мы, съ полтора года, имѣли своимъ собесѣдникомъ каторжника, сидѣли съ нимъ за однимъ столомъ, здоровывались съ нимъ дружескимъ shake-hands'омъ. Въ большихъ городахъ подобныя встрѣчи не имѣютъ ничего слишкомъ удивительнаго. Нашъ случай былъ какъ бы эпизодъ изъ Бальзакова „Père Goriot“, съ бѣглымъ каторжникомъ Vautrin, главнымъ лицомъ въ pension bourgeoise de maman Vauquier.

(8.) Имя Будрисъ Мицкевичъ взялъ по фамиліи своего друга, товарища по университету и по изгнанію, В. Будревича *). Это былъ такой оригиналъ, что даже и въ отечествѣ оригиналовъ, Англіи, обратилъ бы на себя вниманіе, съ тою разницею, что Англичане иногда обдумываютъ свои выходки, а мой Будрисъ былъ оригиналомъ, самъ этого не подозревая, какъ Молиеровскій Bourgeois gentilhomme не зналъ, что рѣчь его есть проза.

Будревичъ былъ Променистымъ, Филаретомъ и Филоматомъ strictae observantiae, по дѣломудрію и другимъ качествамъ. (См. воспом. о Новосильцевѣ). За Виленское студенческое дѣло онъ былъ, въ одно время съ Мицкевичемъ, Малевскимъ и другими, высланъ на жительство во внутреннія губерніи именно въ гор. Тверь и какъ замѣчательный математикъ и кандидатъ на учительскія должности, назначенъ сперва младшимъ, потомъ старшимъ учителемъ математики въ тамошней губернской гимназіи.

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ я по дѣламъ бывалъ въ Твери и видался съ Будревичемъ, какъ съ школьнымъ товарищемъ. Онъ и квартировалъ въ гимназіи; оригинальныя его выходки много забавляли меня; въ своей наивности и незнаніи жизни онъ на всегда остался студентомъ.

*) Мы лично знали Викентія Антоновича Будревича, проживавшаго и окончившаго жизнь у своего ученика Евгенія Александровича Поликарпова, въ селѣ Панафидинѣ, Старицкаго уѣзда. Это была въ полномъ смыслѣ слова честная душа. П. Б.

Однажды рано утромъ, когда я еще не вставалъ, входитъ Бударевичъ весь разстроенный и сердитый. Я спрашиваю, какая непріятность съ нимъ случилась?

—Непріятность! Тебѣ надо непременно и подобрать техническое названіе! восклицаетъ Бударевичъ. Это не то, а просто лишнія хлопоты.

—Что же такое, говори наконецъ!

—А вотъ что; ни съ того ни съ сего, не спрашивая меня, прибавили мнѣ жалованья!

—Такъ это-то тебя сердить?

—И опять техника! Не то что сердить, а все таки разстройство.

—Не понимаю.

—Какъ можно не понимать! Я нѣсколько уже лѣтъ рассчиталъ мой бюджетъ до копѣйки и распредѣлил его такъ, что приходъ съ расходомъ въ концѣ года прекрасно сходились. Теперь придется или всю таблицу передѣлывать, да и къ чему, когда дохода было довольно, или въ счетахъ будетъ у меня торчать излишекъ. Еслибы были родные, я бы имъ его отдалъ, а то я одинъ, какъ палецъ. Сегодня я усталъ, всю осьмиугольную площадь исходилъ, да и весь городъ обошелъ, искалъ купить цвѣтовъ; ничего хорошаго нѣтъ, одна сингенезія, все *Zinnia, da Calliopsis, da Cineraria*, а я ихъ терпѣть не могу.

Изливъ передо мною свое неутѣшное горе отъ прибавки жалованья, Бударевичъ, нѣсколько успокоенный, отправился въ свою гимназію.

Разъ пришлось мнѣ прожить въ Твери около двухъ мѣсяцевъ. Я почти каждый день видѣлся съ старымъ товарищемъ, который тогда оканчивалъ важный трудъ. Онъ нашелъ, что въ Геометріи Евклида, преподаваемой во всѣхъ училищахъ, почти всѣ задачи можно значительно упростить и что къ нимъ нужно много новыхъ прибавить. При мнѣ же онъ свой трактатъ окончилъ и принялся было перебѣлывать большую написанную имъ тетрадь и чертить фугуры. Но въ одну прекрасную ночь за-

снулъ надъ работою такимъ математическимъ сномъ, что отъ упавшей свѣтильни тетрадь вспыхнула и успѣла сгорѣть почти вся, покуда авторъ, закашлявшись отъ дыма, проснулся.

И чтоже? На слѣдующее утро онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о случившемся, и невзгода эта по видимому менѣе его огорчала, чѣмъ прибавка жалованья. Дня чрезъ два послѣ этого онъ мнѣ сказалъ: „Знаешь, я радъ, что мой трактатъ сгорѣлъ; еслибы я его такъ напечаталъ, какъ онъ былъ написанъ, то нужно было бы дѣлать другое изданіе. Я нашелъ много новыхъ упрощеній и новыхъ прибавокъ и сегодня началъ уже писать снова».

Съ тѣхъ поръ я уже не видалъ Бударевича. Онъ, выслуживши полную пенсію, не захотѣлъ возвратиться на родину, въ Ковенскую губернію и поселился въ пріятельскомъ домѣ Старицкаго помѣщика г. Поликарпова, бывшаго своего ученика. Но вотъ знаменательный случай, который, лѣтъ чрезъ 25 послѣ послѣдняго съ нимъ свиданія, живо напомнилъ мнѣ о Бударевичѣ.

Лѣтомъ 1862 года я былъ съ женою въ ея Старицкомъ имѣніи и вводилъ тамъ уставныя грамоты. Послѣ надѣла крестьянъ землею по Положенію, я имъ предлагалъ пойти на выкупъ и доплатить помѣщицѣ слѣдующее по обоюдному соглашенію количество денегъ. Крестьяне не соглашались, желая остаться на оброкъ. Между ними былъ одинъ умный, грамотный мужикъ, имѣвшій на односельцевъ большое вліяніе. Онъ промышлялъ рытіемъ прудовъ и канавъ и былъ извѣстенъ въ своемъ и смежныхъ уѣздахъ. Работавши у гг. Поликарповыхъ, онъ нашелся тамъ въ сношеніи съ Бударевичемъ и возымѣлъ къ нему неограниченное довѣріе и уваженіе. Рассказывалъ мнѣ, какъ онъ и своимъ и чужимъ крестьянамъ *даромъ* помежевалъ земли, какъ и барышенъ научилъ землемѣрству, какъ судилъ и мирилъ споры между крестьянами, какъ во всемъ околѣдѣ его любятъ и слу-

шаются: „Винентій Антоновичъ слово скажетъ (говорилъ мой Михайло Өедоровъ), все равно что законъ“. Вотъ этотъ-то добрый мужикъ и уговорилъ своихъ товарищей принять мой предложеніи. Когда же актъ былъ совершенъ, Михайло Өедоровъ сказалъ мнѣ по секрету: „Знаете ли, почему я такъ для васъ старался?“ — Не знаю, вѣрно по тому, что мое предложеніе справедливо и законно — „Оно-то положимъ такъ, а все больше потому, что и васъ, какъ г. Будревича, зовутъ Антоновичемъ“.

Можетъ ли быть болѣе краснорѣчивый панегирикъ?

Это еще доказываетъ, какъ добрый Русскій народъ умѣетъ цѣнить хорошія качества души у старшихъ братьевъ своихъ и какъ награждаетъ своимъ довѣріемъ и уваженіемъ тѣхъ, которые относятся къ нему сочувственно и благонамѣренно.

(9). Я говорю о Варшавѣ, какъ она была назадъ тому около десяти лѣтъ. Быть можетъ, что теперь, послѣ повтореннаго въ 1862 году опыта возстанія съ расчетомъ на помощь Франціи и послѣ событій 1870 года, она прозрѣла наконецъ и вытрезвилась отъ своей несчастной галломаніи.

Вотъ кстати что мнѣ рассказывалъ одинъ хотя и Варшавскій сенаторъ, но никогда не принадлежавшій къ Панургову клубу. Когда въ Варшавѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, въ 1870 году, Французской арміи Нѣмцами, г. Г., встрѣтивъ на улицѣ стараго разсыльнаго при Сенатѣ, отставнаго солдата бывшей Польской арміи, спросилъ его: Знаешь ли что дѣлается во Франціи? — „Знаю, ваше в. п. Что же, и по дѣломъ этимъ фанфоровамъ! Это Богъ наказываетъ ихъ за то, что они два раза вовлекли насъ въ пагубу“.

Если Варшавское общество и масса народонаселенія въ Царствѣ не менѣе этого стараго служиваго разсудительна, то надо полагать, что всѣ вылечились уже отъ безумной страсти къ Франціи и Французамъ. Одного этого было бы

достаточно, чтобы общественной мысли дать самобытное, здоровое направленіе, чтобы открыть глаза на истинные интересы страны и заставить народъ сообразовать съ ними свое поведеніе въ будущемъ.

(10). Всякій пойметъ, что все это говорится не абсолютно, не безусловно. Старый трюизмъ, что „нѣтъ правила безъ исключенія“, находитъ себѣ широкое примѣненіе и въ настоящемъ случаѣ. Въ Царствѣ и въ Варшавѣ, конечно, были и есть туземные знаменитые таланты, ученые и даже мыслители; но дѣло въ томъ, что процентъ ихъ недовольно значителенъ, что злокачественная атмосфера міазмовъ, выдыхаемыхъ великимъ большинствомъ, вліяетъ и на этихъ высшихъ людей. Среда эта дѣйствуетъ двоякимъ образомъ: разъ, подавляя проявленія болѣе свѣтлыхъ взглядовъ непониманіемъ, презрительнымъ безучастіемъ или, какъ случилось съ Мицкевичемъ, неразумнымъ противудѣйствіемъ; а потомъ, надо правду сказать, прививая и лучшимъ людямъ *эмдемическую* апатію, Капуанско-варшавское „dolce far niente“. Въ подтвержденіе этого, довольно указать на мѣстную периодическую прессу. Съ незапамятныхъ временъ, съ краткими промежутками, она находится болѣею частію въ рукахъ людей бездарныхъ, преслѣдующихъ одни меркантильныя цѣли, плохо даже знающихъ Польскій языкъ и извращающихъ его немилосердно. Умное и талантливое меньшинство поглощаетъ безразлично всякія печатныя пошлости, изрѣдка пожимаетъ плечами, а само—все таки ничего не дѣлаетъ.

Исторгнуть органы гласности изъ ихъ *приземистаго* положенія (*terre à terre*), взять въ свои руки поврежденную печать для того, чтобы дѣйствовать на массы въ духѣ истиннаго прогресса, было бы со стороны высшихъ людей подвигомъ истиннаго же, то есть *полезнаго*, патріотизма.

(11). Ни одна изъ извѣстныхъ импробизаций не можетъ конечно сравниться

съ тѣмъ, что мы здѣсь привели о Мицкевичѣ. Однакожъ встаетъ объ этомъ, расскажу одинъ очень замѣчательный опытъ въ подобномъ родѣ, котораго я былъ свидѣтелемъ въ Петербургѣ, въ одномъ изъ тридцатыхъ годовъ.

Извѣстный тамъ учитель Италіянскаго языка Джустиніани (Justiniani) давалъ публичный импровизаціонный вечеръ, гдѣ, на задаваемые ему темы и указываемый размѣръ, декламировалъ стихи на своемъ языкѣ. Я какъ-то сидѣлъ у самой эстрады, возлѣ Шведскаго посланника, барона Пальмштіерна (Palmstierna). Мой сосѣдъ сказалъ мнѣ въ полголоса, что въ талантѣ Джіустиніани нѣтъ ничего слишкомъ удивительнаго, что на улицахъ Италіянскихъ городовъ встрѣчается много импровизаторовъ даже изъ простаго народа.

Профессоръ какъ-то услышалъ сказанное и, кончивъ декламировать на данную къмъ-то тему, подошелъ къ Пальмштіернѣ со словами: „Esselenza, вы изволили отозваться на мой счетъ такъ: (тутъ повторилъ его слова) Я не желаю, чтобы вы вынесли отсюда такое мнѣніе и прошу позволить мнѣ доказать, что мени не слѣдуетъ смѣшивать съ уличными импровизаторами. Какой, по вашему, самый трудный языкъ для стихосложенія?

— Это конечно Греческій и Латинскій, сказалъ немного сконфуженный дипломатъ.

— Извольте избрать одинъ изъ нихъ.

— Я очень слабъ въ Греческомъ, но Латинскій знаю довольно твердо.

— Очень хорошо; теперь извольте сказать, какой размѣръ для Латинскаго стихосложенія считаете самымъ труднымъ?

— Конечно гекзаметръ, шестистопный александринъ.

— Хорошо, такъ неужто ли вамъ задать мнѣ тему?*

Пальмштіерна предложилъ темою извѣстный памятникъ Петру I, что на Сенатской площади. Джіустиніани, обратясь къ публикѣ, предупредилъ, что

будетъ импровизировать полатыни и, не задумавшись, не заикнувшись, декламировалъ болѣе ста безукоризненныхъ гекзаметровъ на языкѣ Виргилія и Горація о великомъ монархѣ, оригиналъ знаменитаго памятника. Удивленный и восхищенный Пальмштіерна взошелъ на эстраду и отъ души пожалъ руку импровизатору, признавая себя побѣжденнымъ.

Теперь нѣсколько словъ о самомъ Пальмштіернѣ. Это былъ человекъ умный, ученый и съ манерами истаго джентельмена. Онъ бывалъ въ однихъ домахъ съ Мицкевичемъ и со мною и былъ близко съ нами знакомъ. Къ тому же, не знаю какими судьбами, онъ хорошо зналъ Польскій языкъ, свободно говорилъ на немъ и былъ пламеннымъ поклонникомъ поэтическаго генія Адама. Онъ былъ приятнымъ гостемъ въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, но до извѣстной степени. Онъ имѣлъ одинъ странный недостатокъ: не могъ хладнокровно играть въ карты, и какъ только бралъ ихъ въ руки, то вдругъ изъ джентельмена дѣлался грубымъ и дерзкимъ. Я былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. На раутѣ у Шишковыхъ, онъ игралъ въ партіи съ самимъ хозяиномъ въ вистъ. Вдругъ причудилось ему, что одинъ изъ партнеровъ, всѣми уважаемый старый генералъ Албрехтъ (Иванъ) заглядываетъ ему въ карты. Пальмштіерна съ ожесточеніемъ оборачивается къ нему: „Вы хотите видѣть мои карты? Вотъ они!“ и сказавъ это, развертываетъ ихъ вѣеромъ предъ нимъ. На такое „dictum acerbum“ почтенный старикъ не зналъ что отвѣчать и даже прослезился. Александръ Семеновичъ, не менѣе взволнованный, поспѣшилъ ихъ помирить, и посланникъ, опомнившись, извинился. Хорошо что такъ кончилось; а то, еслибъ объ этомъ узналъ сынъ генерала, также генералъ, Карлъ Ивановичъ Албрехтъ, то поединокъ былъ бы неминуемъ. Сказывали, что этотъ скандалъ сдѣлался извѣстнымъ королю и что Его Шведское Величество запретилъ

своему послу играть. Достоверно то, что съ тѣхъ поръ Пальмштіерна никогда уже не принималъ предлагаемыхъ ему партій.

Возвращаясь къ предмету импровизаціи, нельзя не упомянуть объ истинномъ феноменѣ въ этомъ родѣ, проявившемся въ 50-хъ годахъ въ Варшавѣ. Это дѣвица изъ высшаго тамошняго общества, Ядвига Луцеская, извѣстная подъ принятымъ ею именемъ *Деотимы* (богобоязненной). Даръ, ею обладаемый, по истинѣ изумительнъ; блестящія импровизаціи ея на всѣ возможные темы выдерживаютъ даже опасную пробу печати: въ изданномъ сборникѣ ихъ есть много неподдѣльной поэзіи. Она была очень молода, когда я ее видѣлъ въ Варшавѣ въ 1851 году. Кромѣ высоко-го поэтического дара, тогда уже она удивляла необыкновенною начитанностью и серіозною ученостью.

(12.) Этотъ приговоръ оказался очень полезнымъ въ моихъ путешествіяхъ за границей, для избавленія меня отъ всякаго сопркосновенія съ Польскою эмиграціей. Когда я былъ въ Парижѣ въ 1859 году, то на третій день по моемъ пріѣздѣ явился ко мнѣ какой-то господинъ съ большою книгою для собиранія подписки на сочиненіе, издаваемое имъ въ пользу эмиграціи. Подписная цѣна была 50 франковъ. Я сказалъ, что онъ напрасно обращается ко мнѣ, потому что *я не существую*. — Какъ это! воскликнулъ удивленный гость. — Вы сами, господа, выключили меня изъ сего міра. Тутъ я сослался на приговоръ и казнь, совершенную надъ моимъ портретомъ. Тѣмъ кончился разговоръ; когда же гость уходилъ, то я остановилъ его и просилъ, чтобы о нашемъ свиданіи онъ рассказалъ своимъ товарищамъ по эмиграціи, дабы и они знали, что между ними и мною не можетъ быть ничего общаго.

Въ тотъ же день я обѣдалъ у нашего посланника и рассказалъ ему мой случай. Графъ Киселевъ сказалъ: „Васъ можно поздравить съ тѣмъ, что имѣете та-

кое вѣрное средство избавиться отъ этихъ господъ. Прибывающихъ изъ вашего края и даже изъ Россіи они не оставляютъ въ покоѣ, навязываясь съ своимъ знакомствомъ и выпрашивая деньги“.

Тоже самое послужило мнѣ охраною въ Карлсбадѣ, гдѣ я лечился въ 1863 году, въ самый разгаръ послѣдняго Польскаго возстанія.. Тамъ было много господъ въ повстанскихъ чамаркахъ, которые, узнавъ изъ курлиста мою фамилію, искали знакомства со мною. Послѣ такого же объясненія, какъ съ Парижскимъ посѣтителемъ, они совершенно отстали отъ меня.

КЪ БІОГРАФІИ Е. А. ГОЛОВИНА.

Недавно довелось мнѣ прочесть въ 1-й книгѣ «Девятнадцатаго Вѣка» біографію генерала Евгенія Александровича Головина.

Имѣвъ честь служить подъ начальствомъ Евгенія Александровича, я пользовался особеннымъ его расположеніемъ и свято чту его память; понятно поэтому, съ какимъ интересомъ прочелъ я его жизнеописаніе. Оно дѣйствительно представило мнѣ нѣкоторыя подробности, которыхъ я не зналъ и которыя едва ли необходимы для читателя: я разумѣю здѣсь его религіозныя увлеченія и участіе въ собраніяхъ г-жи Татариновой, надъ которыми остановился авторъ съ какою-то особенною внимательностію. Головинъ былъ несомнѣнно человекъ религіозный и благочестивый; но въ біографіи, предназначенной къ представленію его внѣшней, общественной дѣятельности, едвали необходимо развивать его внутреннія и духовныя убѣжденія, тѣмъ болѣе, что хотя онъ никогда не измѣнялъ имъ

и постоянно былъ вѣренъ правиламъ христіанской нравственности, но такъ какъ почтенный біографъ не призналъ нужнымъ уяснить этого въ своемъ трудѣ и провести въ жизни Головина христіанскую идею, его одушевлявшую, то едва ли было умѣстно останавливаться съ такими подробностями на странной, мистической практикѣ въ домѣ Татариновой. Личность этой во всякомъ случаѣ замѣчательной женщины доселѣ остается загадкою; все что осталось о ней въ памяти публики чрезвычайно неопредѣленно и смутно, и еще существуютъ люди, не усматривающіе во всемъ этомъ дѣлѣ ничего, кромѣ шарлатанства или даже безумія: представленіе Головина однимъ изъ главныхъ адептовъ ея ученія бросаетъ на него, безъ нужды, невыгодную тѣнь.

Но если авторъ вдался въ эти излишнія, мнѣ кажется, и ненужныя подробности, то съ другой стороны онъ прошелъ молчаніемъ такіе фазисы изъ общественной дѣятельности Головина, каковы напримѣръ служеніе его въ Царствѣ Польскомъ и въ Балтійскомъ краѣ. Подробности о службѣ его въ Варшавѣ мнѣ неизвѣстны; но, зная свѣтлый умъ его и государственныя, можно сказать, способности, я не ошибусь, если скажу, что онъ не могъ не оставить тамъ слѣдовъ своей дѣятельности, и нельзя не пожалѣть, что авторъ не познакомилъ своихъ читателей съ этимъ періодомъ жизни Евгенія Александровича. Что касается до службы его въ Балтійскомъ краѣ, то она извѣстна мнѣ, конечно, не менѣе чѣмъ и автору, такъ какъ я не только состоялъ въ то время на службѣ при особѣ генералъ-губернатора, но и до конца его жизни былъ принятъ въ его домѣ и пользовался назидательною его бесѣ-

дою въ одно время съ авторомъ. Не знаю причинъ, заставившихъ сего послѣдняго миновать этотъ интересный эпизодъ изъ службы Головина¹⁾. Свѣдѣнія о немъ ему доступныѣе, чѣмъ всякому другому и по личнымъ его отношеніямъ къ покойному генералу, и по занимаемому имъ нынѣ мѣсту²⁾. Не могу также согласиться съ нимъ, чтобы Головинъ не обладалъ качествами государственнаго дѣятеля; вся Рижская его служба обличаетъ въ немъ челоуѣка съ вѣрными и широкими воззрѣніями, а планъ задуманныхъ имъ реформъ отличается самою здоровою внутреннею политикою. Если его имя (какъ полагасть г. біографъ) и не перейдетъ въ исторію Россіи, то несомнѣнно займетъ почетное мѣсто въ исторіи управленія Остзейскимъ краемъ. Никто конечно не будетъ спорить, что еслибы предположенныя Головинымъ преобразованія были тогда приведены въ исполненіе, то такъ называемый нынѣ «Остзейскій вопросъ» не могъ бы и возникнуть, и край этотъ давно бы вполне слился съ Имперіею. Реформы Головина не осуществились не по его винѣ: справедливо ли лишать его за это заслуги? Ужели одинъ успѣхъ даетъ право на исторію?

Сожалѣю, что въ моемъ настоящемъ захолуствѣ я лишень матеріаловъ, чтобы изложить подробнѣе дѣятельность Евгенія Александровича за указанное время; но въ интересахъ правды спѣшу, на сколько это

¹⁾ Считаю долгомъ возразить, что авторъ не имѣлъ въ виду полной біографіи и назвалъ свою статью лишь «Очеркомъ жизни и службы Е. А. Головина». И. Б.

²⁾ Въ архивахъ какъ канцеляріи об. прокурора, такъ и свят. синода, хранится весьма любопытная переписка Головина по предмету присоединенія къ Православію Латышей и Эстовъ.

мнѣ возможно, пополнить этотъ важный пробѣлъ въ его біографіи, возстановивъ относящіеся сюда факты по личнымъ моимъ воспоминаніямъ. Быть можетъ, что нѣкоторыя черты изъ этого очерка ускользнули изъ моей памяти; но ручаюсь что все, что въ немъ помѣщено, совершенно вѣрно, и я готовъ доказать это неоспоримыми документами. Сочту себя счастливымъ, если къ изображенному біографомъ чертамъ честнаго человѣка, я присоединю величавый обликъ государственнаго мужа.

*

Въ 1845 году Лифляндская губернія была не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи. Съ одной стороны вызванное передъ тѣмъ голодомъ и неудовлетворительностію экономическаго и гражданскаго быта крестьянъ движеніе, хотя было подавлено и казалось совершенно конченнымъ, но въ сущности возникшія въ народѣ надежды только скрылись, ушли (такъ сказать) внутрь, а существовать не переставали; а съ другой—мѣстное дворянство сдѣлалось до крайности подозрительнымъ, конечно не къ правительству, которое вѣрно служило его интересамъ, предоставляя свою военную силу въ его полное распоряженіе, но къ крестьянамъ. Вообще край представлялъ странную картину несогласій, вражды и раздоровъ. Лютеранское духовенство враждовало между собою: городское, состоявшее почти исключительно изъ рационалистовъ, не терпѣло сельскаго; а это, въ большинствѣ своемъ, принадлежало къ ученію Гернгутеровъ, не сочувствовало первому. Дворянство чванилось передъ бюргерами, а мѣщане ненавидѣли дворянъ. Всѣ эти сословія относились враждебно къ Русскому

населенію края и вообще къ Русской идеѣ и давили ихъ, каждое въ своей сферѣ. Повинуясь узкимъ воззрѣніямъ своего провинціализма, всѣ они крѣпко держались за свои устарѣлыя привилегіи, вѣруя въ несокрушимую силу этихъ извѣтшалыхъ и полусогнившихъ пергаменовъ. Только одни крестьяне, эти всѣми презираемые и забытые Латыши и Эсты, составляли свѣжій и нетронутый элементъ края и могли бы въ рукахъ государственнаго человѣка представить богатый матеріалъ для будущаго; но такого дѣятеля не встрѣчалось. Дѣрого обошлась имъ попытка присоединиться къ Православію и такимъ образомъ слиться съ великою семьей Русскаго народа: у многихъ еще не изгладилась слѣды шпицрутеновъ и не отросли обритые на головахъ волосы. Со всѣмъ тѣмъ они хранили еще въ душѣ глубокую вѣру въ правду Русскаго Царя и относили свои страданія къ злоупотребленію мѣстныхъ властей, наускиваемыхъ помѣщиками.

На мѣсто высланнаго тогда изъ Риги, перваго Православнаго епископа, Иринарха (викарія Псковскаго), назначенъ былъ Филаретъ, бывшій передъ тѣмъ ректоромъ Московской Духовной Академіи и оставившій тамъ самыя лучшія о себѣ воспоминанія. Пріѣхавъ въ Ригу и наученный печальнымъ опытомъ своего предшественника, онъ былъ не только крайне остороженъ, но можно сказать даже робокъ и строго держался данной ему инструкціи, не подавая ни малѣйшаго повода даже къ подозрѣнію себя въ пропагандѣ.

Въ Февралѣ 1845 г. нѣсколько человѣкъ Латышей-Гернгутеровъ, изъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, недовольныхъ своимъ пасторомъ, запре-

щавшимъ имъ собираться для вечерняго молитвословія, явились къ преосвященному Филарету и просили его о принятіи ихъ въ лоно Православной церкви. Можно почти положительно сказать, что этотъ поступокъ не имѣлъ ничего общаго съ только что подавленнымъ стремленіемъ крестьянъ въ пользу Православія; со всѣмъ тѣмъ слухъ о немъ, какъ о новой попыткѣ, быстро распространился въ городѣ. Подозрительное дворянство, собранное въ то время въ Ригѣ по случаю конвента, всполошилось и послало отъ имени (in Namen und von Wegen) рыцарства герцогства Лифляндскаго всеподданнѣйшій адресъ къ Государю, сопровождавшійся рапортомъ генераль-губернатора барона Палена, въ которомъ по прежнему и чуть не тѣми ли же словами какъ прежде, обвинялось наше духовенство въ злонамѣренной пропагандѣ, съ цѣлю взволновать только что усмирившихъ крестьянъ. Но дворянство ошиблось въ расчетѣ. Прежняго покровителя, гр. Бенкендорфа, не было уже на свѣтѣ; мѣсто его занималъ гр. Орловъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ гр. Л. А. Перовскій, высоко державшій знамя Русской народности. Результатомъ всего этого было назначеніе барона Палена членомъ Государственнаго Совѣта, а на мѣсто его генераль-губернаторомъ Евгенія Александровича Головина. При этомъ Государь разрѣшилъ Латышамъ и Эстамъ присоединиться къ Православію, по желанію; а дворянству запретилъ величать свою губернію «Лифляндскимъ герцогствомъ».

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ генераль Головинъ вступилъ въ свою новую должность. Если Лифляндское дворянство и все населеніе края справедливо видѣли въ новомъ на-

значеніи Палена его паденіе, то что должны были заключить изъ него крестьяне? Въ ихъ глазахъ Палень не только палъ, но и не существовалъ болѣе; на мѣсто его назначенъ Русскій и православный, и имъ самимъ дозволено перемѣнять вѣру, за что еще такъ недавно столь жестоко и безчеловѣчно ихъ преслѣдовали. Здѣсь (по ихъ понятіямъ) былъ явный обманъ: Палень за то и отставленъ, что обманывалъ народъ и Государя; да и могло ли въ самомъ дѣлѣ быть, чтобы православный Царь запрещалъ принимать Его вѣру? Теперь за тѣмъ и прислали имъ Русскаго генераль-губернатора, чтобы распространять Русскую вѣру... Таково было естественное убѣжденіе крестьянъ, и мы съ намѣреніемъ нѣсколько распространились объ этомъ предметѣ, потому что Головину прежде всего привелось имѣть дѣло съ крестьянами, и религиозный вопросъ съ перваго же раза долженъ былъ поглотить значительную долю его дѣятельности.

При назначеніи своемъ, новый генераль-губернаторъ былъ снабженъ отъ Государя особою секретною инструкціею, въ которой ему повелѣвалось:

1. «Сохранять ненарушимо всемилостивѣйше дарованныя Остзейскому краю преимущества, въ той мѣрѣ, въ какой они согласны съ общими государственными узаконеніями, и притомъ со строгимъ наблюденіемъ, дабы, подъ предлогомъ дѣйствительныхъ привилегій, не были присвоиваемы права нѣмыя, съ государственными постановленіями несогласныя».

2. «Заботиться объ усовершенствованіи всѣхъ частей управленія, въ особенности по вѣдомствамъ полицейскому, муниципальному и торговому».

3. «Оберегать выгоды находящагося въ Остзейскомъ краѣ Русскаго народонаселенія, отнюдь не допуская притѣсненія его подѣ предлогомъ мѣстныхъ правъ».

4. «Содѣйствовать улучшенію отношеній между помѣщиками и крестьянами, оказывая послѣднимъ неослабную защиту отъ всякихъ угнетеній».

5. «Обращать особое вниманіе на живущихъ въ Остзейскомъ краѣ раскольниковъ и наблюдать, чтобы люди эти, подѣ личною религіознаго разномыслія, не позволяли себѣ отступленія отъ законовъ».

6. «Принять мѣры, чтобы съ одной стороны не было допускомо подстрекательство къ переходу Лютеранъ въ Православіе, а съ другой устранено всякое противодѣйствіе сему, равно какъ притѣсненіе перешедшихъ».

Извѣстно, что при назначеніи у насъ въ ту или другую государственную должность болѣе всего руководствовались степенью личной довѣренности Государя къ назначаемому лицу. Иначе въ монархическомъ правленіи и быть не можетъ. Но изъ самого свойства такого назначенія истекало во первыхъ, что *нерѣдко* избранный оказывался недостаточно подготовленнымъ для своей должности, и во вторыхъ, что онъ *всегда*, при началѣ своего новаго поприща, пользовался бѣльшимъ довѣріемъ избравшей его власти и, по мѣрѣ своей дальнѣйшей дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ возникающихъ противъ него интригъ (особенно, если служба его удалена отъ столицы) постепенно утрачивалъ это довѣріе, пока наконецъ смѣщался другимъ. Такимъ образомъ выходило, что чѣмъ опытнѣе становился человекъ, тѣмъ дѣлался безсиленѣе, тѣмъ менѣе могъ

принести онъ пользы своему дѣлу. Головинъ не избѣгнулъ этой участи.

Еще до отъѣзда своего изъ Петербурга, Евгенийъ Александровичъ сдѣлался лицомъ, которому столичные Остзейцы посвятили все свое вниманіе. Они окружили его плотною стѣною и съ тѣмъ бѣльшею ревностію старались за нимъ ухаживать, чѣмъ болѣе сознавали въ его назначеніи паденіе его предшественника и какъ бы торжество (!?) Русскаго начала. Стремясь навязать ему свои взгляды, они наперерывъ снабжали его записками на Нѣмецкомъ, Французскомъ и даже на Русскомъ языкѣ. Содержаніе ихъ было почти одно и тоже: въ нихъ прежде всего высоко цѣнилась Балтійская вѣрность къ Престолу, святость мѣстныхъ привилегій и высокая образованность туземнаго рыцарства; говорилось о его великодушномъ отношеніи къ освобожденнымъ имъ крестьянамъ и доказывалось, что при такихъ условіяхъ правительству нечего дѣлать въ этомъ благословенномъ краѣ, гдѣ царствуетъ образцовый порядокъ: оно можетъ во всемъ положиться на мѣстныя власти и само пребывать спокойно. Между записками встрѣчались и такія, въ которыхъ, чтобы отвести Головину глаза, указывалось на опасныя отношенія къ намъ Поляковъ, и приводились стихи Пушкина:

„Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ,
Оно-ль изсякнетъ?—Вотъ вопросъ“.

Такимъ образомъ вопросъ о враждебныхъ отношеніяхъ мѣстнаго населенія къ Русской стихіи устранялся вовсе; онъ былъ не мыслимъ: вся опасность угрожала намъ со стороны Славянъ. Не должно забывать, что всѣ эти внушенія шли отъ лицъ, сильныхъ своимъ служебнымъ и обще-

ственнымъ положеніемъ, сближеніе съ которыми могло не только льстить самолюбію новаго генераль-губернатора, но и обѣщало ему сильную поддержку въ Петербургѣ. Они не упускали и въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ укоренять и развивать въ немъ понятія, изложенныя въ запискахъ; а наше Русское Петербургское общество, по обычному своему невѣдѣнію Россіи, единодушно повторяло ихъ слова.

Подготовленный такимъ образомъ, Головинъ пріѣхалъ въ Ригу. Ему сдѣлали блистательную встрѣчу: кромѣ установленныхъ воинскихъ почестей отъ гарнизона, экипажъ его конвоировала мѣщанская гвардія; вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, и не было недостатка ни въ факельбугахъ, ни въ серенадахъ, столь обычныхъ Рижанамъ. Дворянство, въ лицѣ своихъ ландратовъ и маршала, наперерывъ съ бюргерами, представляемыми магистратомъ и альдерманами гильдій, спѣшило заявить ему о своей вѣрноподданнической вѣрности къ Государю и личной преданности къ главному начальнику края. Лютеранское духовенство не уступило въ такихъ манифестаціяхъ другимъ сословіямъ. Словомъ, въ Ригѣ повторилось то же, что въ Петербургѣ, только въ большихъ размѣрахъ и съ непрерывнымъ постоянствомъ дѣйствія.

Обаяніе было сильно: Головинъ не устоялъ. Воспитанный въ господствовавшихъ тогда вообще понятіяхъ о превосходствѣ этихъ провинцій, считавшихся образцовыми, онъ поддался этому влиянію, и первыя сношенія его съ Петербургомъ почти ничѣмъ не отличались отъ бумагъ его предшественника.

Разрѣшеніе безпрепятственно присоединиться къ Православію прежде

всего подѣйствовало, разумѣется, на крестьянъ. Мы уже сказали, что преслѣдованіе, которымъ они подвергались за переѣзду вѣры, они всецѣло (и не безъ основанія) приписывали своимъ помѣщикамъ и мѣстному начальству; теперь препятствія уничтожены, и они толпами повалили въ Ригу.

Здѣсь появленіе ихъ произвело диаметрально противоположное впечатлѣніе. Мѣстныя власти отнеслись къ нимъ совершенно враждебно. Рижская полиція, подѣ начальствомъ Русскаго полицмейстера *), направленная прежними порядками, придиралась къ нимъ и затрудняла ихъ на каждомъ шагу; православное духовенство и епископъ, напротивъ, не могли не сочувствовать ихъ стремленію и приняли ихъ съ любовью. Генераль-губернаторъ, подѣ влияніемъ еще свѣжихъ Петербургскихъ напутствій и окружавшаго его здѣсь высшаго общества, взглянулъ на это дѣло недовѣрчиво. Отсюда начало охлажденія между нимъ и преосвященнымъ Филаретомъ, продолжавшагося до того времени, пока здравый смыслъ Головина уяснилъ себѣ наконецъ интригу, старавшуюся его опутать. Русское населеніе города столь обрадованное сначала назначеніемъ Русскаго генераль-губернатора, возлагавшее на него столько радужныхъ надеждъ, теперь начало разочаровываться въ своихъ ожиданіяхъ и видимо охладѣвало. Отношенія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ были натянуты.

Таково было положеніе генерала Головина при вступленіи его въ новую должность.

*) Полковника А. П. Языкова, нынѣ генераль-лейтенанта, директора императорскаго училища правовѣденія.

Не смотря однакоже на всю силу этой интриги, Евгеній Александровичъ не могъ во глубинѣ души своей отречься ни отъ своей національности, ни отъ своей религіи. Чѣмъ дольше жилъ онъ въ Ригѣ, чѣмъ внимательнѣе всматривался въ окружающую его среду, тѣмъ яснѣ видѣлъ стѣсненное и приниженное положеніе Русскаго населенія въ краѣ. Если, не вполнѣ знакомый съ сословнымъ устройствомъ города, онъ и вѣрилъ, что причина тому лежала въ низкомъ уровнѣ умственнаго образованія Русскихъ Рижанъ, то что же мѣшало поднять по крайней мѣрѣ положеніе Русскихъ чиновниковъ,—этихъ единственныхъ представителей здѣсь Русской власти? Высшая бюрократія края, представляемая канцелярією генералъ-губернатора, была составлена почти исключительно изъ Нѣмцевъ, и то небольшое число Русскихъ чиновниковъ, безъ которыхъ нельзя было обойтись при сношеніяхъ съ центральными государственными учрежденіями, было набрано изъ кантонистовъ и военныхъ писарей и не могло внушить къ себѣ никому уваженія: напротивъ, они какъ бы умышленно назначались, чтобы служить густою тѣнью для возвышенія свѣтлыхъ сторонъ ихъ Нѣмецкихъ сослуживцевъ. Головинъ понялъ это, и первымъ самостоятельнымъ его дѣйствіемъ была забота окружить себя достойными сотрудниками изъ Русскихъ молодыхъ людей.

Стремленіе его ближе ознакомиться съ особенностями края не могло быть удовлетворено односторонними объясненіями мѣстныхъ дѣятелей, заинтересованныхъ охраненіемъ прежнихъ порядковъ. Безпрестанныя ссылки на привилегіи также ничего не уясняли, а напротивъ запутывали вопросы:

въ массѣ этихъ ссылокъ нельзя было различить, которыя изъ привилегій были подлинныя, и которыя, если не вымышленныя, то по крайней мѣрѣ сомнительныя. Какъ человѣкъ неоспоримо умный, Головинъ понялъ, что при такихъ условіяхъ онъ будетъ постоянно въ потьмахъ и ничего не увидитъ собственными глазами. Тогда, не смотря на холодныя отношенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ обратился къ нему съ просьбою объ усиленіи его штата Русскими чиновниками. Графъ Перовскій, ясно сознававшій положеніе этихъ провинцій и ихъ отношенія къ Имперіи, не отказалъ Головину въ содѣйствіи и испросилъ высочайшее повелѣніе командировать въ его распоряженіе чиновниковъ изъ министерства, избравъ для сего людей наиболѣе способныхъ, дѣятельныхъ и высоко образованныхъ. Съ помощію ихъ, Евгеній Александровичъ приступилъ къ серьезному изученію ввѣреннаго ему края; онъ поручилъ имъ не только канцелярское, но и историческое изслѣдованіе организаціи мѣстнаго управленія. Муниципальное устройство г. Риги, положеніе крестьянъ и стремленіе ихъ присоединиться къ Православію, были первыми предметами, на которые Головинъ обратилъ строгое вниманіе. Особенно послѣднее, какъ вновь возникшее и не имѣвшее ни въ административномъ, ни въ канцелярскомъ отношеніи никакихъ преданій, вызывало на каждомъ шагѣ новыя, самостоятельныя распоряженія и требовало полной и правильной организаціи. Головинъ учредилъ при себѣ особую для сей цѣли канцелярію и снабдилъ ее подробною инструкцією, приведя въ строгую соотвѣтственность всѣ изданныя дотолѣ отрывочно высочайшія повелѣнія и указанія цен-

трального правительства по сему предмету. Наученный опытомъ какъ неравнодушно мѣстные дѣтели относились къ этому вопросу, онъ устранилъ отъ этой канцеляріи всякое ихъ вліяніе, ввѣривъ ея управленіе лицу, вызванному имъ изъ С. П-бурга.

Въ тоже время и по его инициативѣ, командирована была отъ министерства внутреннихъ дѣлъ особая коммисія для ревизіи городскихъ учреждений.

Появленіе въ Ригѣ такихъ Русскихъ чиновниковъ, какъ Петръ Александровичъ Валуевъ, Яковъ Владиміровичъ Ханыковъ, Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ и др., произвело сильное впечатлѣніе въ обществѣ. Не только бюргерство, владѣющее громадными капиталами, но и высшее общество, принадлежащее къ мѣстной аристократіи, гордое своими привилегіями, не могли равнодушно видѣть, какъ новые дѣтели сразу заняли въ Ригѣ почетное мѣсто, сколько по своей неутомимой дѣятельности, столько же и по образованности и знанію условій высшаго общества, къ которому они принадлежали. Это было первое въ этомъ краѣ проявленіе Русской національности въ свойственномъ ей свѣтѣ.

Изданіе въ тоже время (въ Іюнѣ 1845) двухъ первыхъ частей Свода Мѣстныхъ Узаконеній еще болѣе ознакомило Головина съ основными началами мѣстнаго права. Онъ увидѣлъ ясно, что всѣ привилегіи, которыя и понынѣ служатъ единственнымъ поводомъ къ обособленію этого края отъ остальной Россіи, суть не что иное, какъ исключенія изъ общаго государственнаго закона, который всецѣло долженъ прилагаться и здѣсь. Обнародованіе этихъ двухъ частей, относящихся къ законамъ объ учрежде-

ніяхъ и о сословіяхъ, сняло, такъ сказать, завѣсу, скрывавшую дотолѣ отъ глазъ профановъ тайну мѣстнаго управленія и показало необходимость собразоваться съ общимъ Сводомъ Законовъ Имперіи, доселѣ систематически игнорированномъ *). Это заставило Головина сознать всю пользу изданія мѣстныхъ узаконеній вполнѣ, и онъ не приминулъ ходатайствовать предъ Государемъ объ ускореніи изданія и остальныхъ частей.

Не то, однакоже, впечатлѣніе, произвелъ этотъ сводъ на мѣстныхъ администраторовъ. Они тотчасъ поняли, сколь невыгодна была для нихъ всеобщая доступность къ тайнику, такъ сказать, ихъ силы. Отсюда возникло съ ихъ стороны сначала глухое противодѣйствіе, а потомъ скоро перешло въ открытое прерѣканіе. Рижскій магистратъ первый подалъ сигналъ къ этой борьбѣ; за нимъ последовали другія учрежденія. Они единодушно отрицали у вновь изданнаго свода обязательную силу закона и низводили его на степень простаго сборника, не имѣющаго никакого значенія тамъ, гдѣ онъ «противорѣчитъ существующему порядку или обычаямъ и постановленіямъ мѣстныхъ властей». Головинъ энергически возсталъ противъ такого превратнаго толкованія и представилъ о томъ Сенату, которымъ и разъяснена точная сила свода въ смыслѣ сдѣланнаго представленія.

Не вдаваясь въ излишнія подробности управленія генерала Головина

*) Силу общаго Свода Законовъ Имперіи отрицали не только учрежденія сословныя, но и коронные чиновники. Такъ Лифляндскій гражданскій губернаторъ на отношеніе къ нему ревизующаго чиновника министерства внутр. дѣлъ Штаксельберга, официально отвѣчалъ, что онъ „не знаетъ Свода Законовъ“.

Прибалтійскимъ краемъ, скажемъ только, что не было ни одного, сколько нибудь значительнаго, вопроса, котораго бы онъ не коснулся, приводя разрѣшеніе ихъ постепенно, безъ скачковъ и насилій, къ одной строго обдуманной дѣли—объединенію края съ Имперіей, и не лишая его ни тѣхъ привилегій, которыми онъ обязанъ единственно великодушію Русскихъ вѣнценосцевъ, ни правильнаго развитія историческихъ началъ, на сколько и тѣ и другія совмѣщались съ общимъ государственнымъ строемъ. Такимъ образомъ генералъ-губернаторъ, независимо отъ возбужденныхъ имъ ревизій по разнымъ частямъ управленія, одновременно коснулся: а) улучшенія присутственныхъ мѣсть, б) разсмотрѣнія постановленій, относящихся къ дворянству, в) постановленій относительно Лютеранскаго духовенства, г) улучшенія состоянія и управленія городовъ, д) улучшенія быта сельскаго сословія, и наконецъ е) приведенія въ стройный порядокъ и организацію движенія крестьянъ, по поводу обнаруженнаго ими стремленія присоединиться къ Православной церкви. Вездѣ и всегда стремился онъ водворить строгую законность и уничтожить укоренившіяся злоупотребленія.

Всѣ эти предметы, какъ мы уже знаемъ, были указаны Головину въ высочайшей инструкціи Императора Николая I. Евгеній Александровичъ не только разумно понялъ смыслъ этой инструкціи, но и самъ, какъ истинно Русскій человѣкъ, стремился связать край, столь облагодѣтельствованный Русскимъ правительствомъ, съ остальною Россією. Понимая, какъ дорого для cadaго, особливо для цивилизованнаго, человѣка сознаніе и охраненіе своей народности, онъ не

посагалъ на Нѣмецкую національность въ краѣ. Напротивъ, отдавая вполнѣ справедливость заслугамъ Балтійскаго дворянства, оказаннымъ имъ на разныхъ поприщахъ государственной службы, Головинъ (какъ доказываютъ его годовые всеподданныѣйшіе отчеты) постоянно отстаивалъ законные интересы этого сословія, равно какъ и выгоды мѣстныхъ гражданъ. Призваніе имъ Лифляндскаго дворянства къ участию въ пересмотрѣ и дополненіи «Положенія о крестьянахъ» лучше всего доказываетъ его довѣріе къ этому сословію; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы эти Германскіе выходцы, по историческому праву занявшіе первое мѣсто въ краѣ, оставаясь вѣрными своему происхожденію и религіи, признавали Россію своимъ отечествомъ, сливаясь съ нею въ единствѣ государственныхъ законовъ и официальнаго языка. Сознвая превосходство Нѣмецкой культуры, онъ ясно видѣлъ, что полная ассимиляція ихъ съ Русскимъ народомъ невозможна; а по малочисленности Нѣмецкаго населенія во вѣранныхъ ему губерніяхъ обрусеніе его не могло бы, и при успѣхѣ, представить особенной важности. Вотъ почему все вниманіе Головина въ этомъ отношеніи было обращено на многочисленныя племена Латышей и Эстовъ, коренныхъ обитателей края. Низкій уровень ихъ умственнаго развитія ставилъ ихъ самою силою вещей подъ непосредственное вліяніе Русской національности. Головинъ скоро понялъ ошибку мѣстныхъ высшихъ сословій, систематически державшихъ ихъ въ отчужденіи отъ Нѣмецкой цивилизаціи, и рѣшилъ этимъ воспользоваться ко благу какъ этихъ племенъ, такъ и къ государственной пользѣ

Россіи. Стремленіе ихъ къ Православію представляло большое удобство для этой цѣли. Человѣкъ по преимуществу религіозный, Головинъ глубоко уважалъ свободу совѣсти каждаго, и потому не вмѣшивался нисколько въ дѣло присоединенія; но, видя въ немъ залогъ тѣснѣйшаго союза новоправославныхъ съ Русскою національностью, онъ не могъ въ глубинѣ души имъ не сочувствовать, тѣмъ болѣе, что положеніе ихъ въ сущности было невыносимо. Помѣщики, терявшіе, съ перемѣною ихъ религіи, послѣднюю съ ними связь, наперерывъ съ пасторами, которые видѣли въ этомъ не только уменьшеніе своего стада, но и умаленіе рунна ¹⁾, преслѣдовали несчастныхъ. Ихъ лишали усадьбъ, отказывали даже въ погребеніи на общихъ кладбищахъ и хоронили въ мѣстахъ позорныхъ, отводимыхъ для самоубійць ²⁾. Головинъ всею силою своей

власти отстаивалъ законныя права крестьянъ и исходатайствовалъ учрежденіе для нихъ особыхъ фискаловъ (стряпчихъ), должность которыхъ заключала въ себѣ обязанности учреждений въ послѣдствіи для всей Имперіи мировыхъ посредниковъ ³⁾, и энергически противодѣйствовалъ возвращенію ихъ въ Лютеранство, особенно сильно начинавшему проявляться въ послѣднее время его управленія вслѣдствіе происковъ помѣщиковъ и пасторовъ ⁴⁾.

³⁾ Учрежденіе этихъ должностей стоило много труда генералу Головину; онъ преодолѣлъ наконецъ все препятствія, благодаря только патріотическому содѣйствію гр. Пвл. Дм. Киселева и гр. Л. А. Перовскаго, но осуществить этой мѣры не успѣлъ, и чиновники при немъ опредѣлены не были. Если вѣрить слухамъ, то мѣста эти и доселѣ остаются вакантными.

⁴⁾ Изъ многихъ примѣровъ приведемъ здѣсь одинъ. Военный министръ кн. Чернышевъ сообщилъ генералъ губернатору въ секретномъ отношеніи высочайшее повелѣніе, чтобы тѣхъ изъ присоединившихся къ Православію крестьянъ, которые снова совратятся въ лютеранство, оставлять безъ преслѣдованія по законамъ. Вслѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроръ Св. Синода увѣдомили, также въ секретныхъ отношеніяхъ, что въ сообщеніе кн. Чернышева вралось недоразумѣніе и что воля Государя Императора состоитъ въ томъ, чтобы не преслѣдовать, кто, по принятіи Православнаго исповѣданія, будетъ придерживаться нѣкоторыхъ Лютеранскихъ обрядовъ, пѣнія прежнихъ молитвъ и т. п. Между тѣмъ секретъ военнаго министерства, какимъ-то случаемъ, распространился между помѣщиками и пасторами въ первоначальной своей редакціи, и первый, кто имъ воспользовался, былъ Л.....скій помѣщикъ, полковникъ Г***, принадлежащій къ высшей аристократіи и сильный своими связями въ столицѣ. Когда свѣдѣнія о производимыхъ имъ совращеніяхъ дошли до генералъ-губернатора, Евгений Александровичъ обратился къ нему съ конфиденціальнымъ письмомъ, въ которомъ, выставляя строгую отвѣтственность, положенную законами за совращеніе, излагалъ мнѣніе, что вѣроятно это было допущено Л... мизнымъ управленіемъ (Güterverwaltung) безъ его вѣдома, давая такимъ образомъ ему средство самому отвратить зло и не привлекая его къ прямой отвѣтственности. На это де-

¹⁾ При самомъ началѣ этого движенія состоялось высочайшее повелѣніе, чтобы принявшіе Православіе крестьяне были въ тоже время избавлены отъ всѣхъ своихъ повинностей къ пасторамъ, духовныя обязанности которыхъ въ отношеніи къ нимъ прекращались и переходили сами собою къ Православному духовенству. Не смотря на всю абсолютную справедливость этой мѣры, она встрѣтила такое сильное противодѣйствіе на мѣстѣ, что никогда не была приведена въ исполненіе, и наконецъ, по увольненіи уже Головина, окончательно отмѣнена Остзейскимъ Комитетомъ. Замѣчательно, что возникшая послѣ Головина реакція не удовлетворялась простою отмѣною высочайшей воли; она добилась, что министерство вн. д. въ официальномъ отзывѣ департамента дух. д. ин. исповѣд. назвало ее „премией за переходъ въ Православіе“. Такимъ образомъ Лютеранская партія заставила Русскаго министра обвинить собственное правительство въ небываломъ подкупѣ къ перемѣнѣ вѣры! Справедливость требуетъ сказать, что министръ (Ланской) вѣроятно не читалъ этой бумаги: тѣмъ не менѣе она существуетъ и конечно будетъ небезполезна нашимъ доброжелателямъ.

²⁾ Примѣры этому нередки въ дѣлахъ особой канцеляріи генералъ-губернатора.

Одно перечисленіе предметовъ, за которые взялся генераль-губернаторъ, уже достаточно показываетъ, какъ жгучи и жизненны были поднятые имъ вопросы. При этомъ нужно замѣтить, что Головинъ, вопреки общему у насъ обычаю выказывать всю свою дѣятельность въ началѣ и потомъ ослабѣвать, напротивъ усиливалъ свою энергію по мѣрѣ ближайшаго изученія страны. Все это еще болѣе возбуждало противъ него всеобщее неудовольствіе сторонниковъ прежнихъ привилегированныхъ порядковъ, которые, теряя свое исключительное вліяніе, лишались съ тѣмъ

ликатное письмо г. Г*** отвѣчалъ, что никто кромѣ его самого не управляетъ и не распоряжается въ его имѣніи, что все дѣлается имъ самимъ и за все онъ принимаетъ лично на себя всю отвѣтственность; что если законъ запрещаетъ совращенія, то это неизвѣстно крестьянамъ по ихъ невѣжеству, и потому не угодно ли будетъ генераль-губернатору публиковать этотъ законъ на общепонятномъ языкѣ. Этотъ рыцарскій отвѣтъ очевидно былъ основанъ на полной вѣрѣ въ непогрѣшимость военнаго министерства, и Л.....ій помѣщикъ съ тѣмъ болѣею дерзости отнесся къ генераль-губернатору, что былъ твердо увѣренъ въ совершенномъ его безсиліи въ этомъ случаѣ. Генераль Головинъ не замедлялъ исполнить требованіе полковника Г***: статьи изъ уложенія о наказаніяхъ за совращеніе изъ Православія были напечатаны на мѣстныхъ языкахъ и разосланы въ мѣстные управления, а поступокъ г. Г*** переданъ на разсмотрѣніе Губернскаго Правленія, которое, сколь ни стремилось оправдать его, сваливая всю отвѣтственность на Л.....го пастора, однако, въ виду собственнаго признанія г. Г***, должно было предать его суду Готтерихта. Не нужно прибавлять, что этотъ дворянскій трибуналъ вполне оправдалъ его, но самый фактъ преданія его суду надѣлалъ тогда много шума и подалъ поводъ къ новымъ клеветамъ на Головина въ Петербургѣ. Впоследствии, когда Г*** былъ избранъ въ ландраты, онъ публично говорилъ, что генераль-губернаторъ изъ мести къ нему не утвердитъ его въ этой должности; но онъ ошибся: Евг. Ад. не затруднился утвердить выборъ, не смотря на то, что злостные отзывы Г*** и его клеветовъ были ему извѣстны.

вмѣстѣ и матеріальныхъ выгодъ, особенно по безотчетному управленію городскимъ хозяйствомъ. Отказъ Головина отъ значительной суммы, получавшейся его предмѣстниками въ видѣ дара (don gratuit) отъ города, изъ особаго сбора съ приходящихъ къ Рижскому порту кораблей, заставилъ и другихъ служащихъ въ Ригѣ послѣдовать его примѣру и навсегда уничтожить этотъ обычай, сильно отзывавшійся подкупомъ, и тѣмъ усилить число недовольныхъ.

Не смотря однакоже на это, салоны генераль-губернатора не пустѣли: радушный хозяинъ по прежнему принималъ въ нихъ своихъ мнимыхъ друзей; воскресные куртаги продолжали пестрѣть дворянскими и консульскими мундирами Рижскихъ гражданъ; а между тѣмъ интрига противъ него росла и усиливалась съ каждымъ днемъ. Въ Петербургѣ, въ свою очередь, благородные рыцари Балтійскаго происхожденія не стѣснялись и въ салонахъ высшаго общества распускали сплетни самаго невѣроятнаго свойства; имъ продолжали вѣрить единодушно. Но Государь еще держался; еще время отъ времени появлялись въ Ригѣ резолюціи Императора, отрезвлявшія неумѣстность провинціального патриотизма...

Между тѣмъ главнѣйшія предположенія Головина начинали созрѣвать и угрожали скорымъ осуществленіемъ. Такъ ревизія городскихъ учреждений была окончена, и предположенная коммисією реформы отосланы въ С. Петербургъ съ благопріятнымъ отзывомъ генераль-губернатора. Проектъ о распространеніи нѣкоторыхъ преимуществъ матрикулованнаго дворянства на дворянъ нематрикулованныхъ былъ представленъ Государю, вмѣстѣ съ предложеніями о преобра-

зованіи губернскихъ правленій и другихъ коронныхъ мѣстъ и о введеніи въ нихъ Русскаго языка. Выработано новое крестьянское положеніе, и приступлено къ постройкѣ Эсто-латышскихъ Православныхъ церквей и училищъ. Наконецъ болѣе ста тысячъ душъ Латышей и Эстонцевъ присоединилось къ Православію: Русское знамя было поднято высоко. Нельзя, кажется, не согласиться, что для краткаго управленія Головина (менѣе трехъ лѣтъ) сдѣлано имъ не мало!

Опасенъ однакоже былъ видимый успѣхъ этихъ предпріятій; онъ еще болѣе возбуждалъ дѣятельность враговъ Евгенія Александровича. Они ясно видѣли, что для окончательнаго торжества Русской идеи въ краѣ, сильно поддержанной въ столицѣ гр. Черовскимъ, не доставало только утвержденія проектовъ Головина въ законодательномъ порядкѣ, что при единой главнаго мѣстнаго управленія съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не могло встрѣтить важныхъ затрудненій. Нужно сознаться, что опасность была велика! Она угрожала съ одного разу уничиженіемъ мѣстной олигархіи введеніемъ законности и инкорпораціею края въ общую систему государственнаго управленія. Нужно было употребить всѣ усилія, чтобы во что бы ни стало сломить опаснаго врага. И вотъ къ прежнимъ клеветамъ рѣшились пустить новую. Начали доказывать, что Головинъ, противъ энергическихъ распоряженій котораго еще такъ недавно вопіяли, называя его пашею и сатрапомъ, вдругъ оказался слишкомъ слабъ, что не онъ управляетъ краемъ, а имъ управляютъ окружающіе его Русскіе чиновники. Кто знакомъ съ нашею администраціею, кто знаетъ (такъ сказать) ея нравы и обычаи, тотъ пой-

метъ, какъ легко подобное обвиненіе находило у насъ вѣру. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ на немъ нѣсколько остановиться.

Кто были лица, которые близко окружали Евгенія Александровича? Прежде всего мы должны сказать, что весь личный составъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ генераль-губернаторомъ и ближайшихъ его сотрудниковъ, бывший при баронѣ Паленѣ, сохранился и при Головинѣ; къ нему прибавилось только (какъ мы уже говорили) нѣсколько Русскихъ чиновниковъ, вызванныхъ имъ изъ Петербурга. Прежній правитель канцеляріи, Богд. Андр. Тидебель, человекъ несомнѣнно честный, но едва ли способный, оставался въ этой должности почти до конца служенія Головина въ Ригѣ, и только въ исходѣ 1847 г. былъ уволенъ, когда преобразование канцеляріи сдѣлало дальнѣйшее служеніе его невозможнымъ. Интимное общество Головина почти исключительно составляли мѣстные жители: мы можемъ указать на общеуважаемыхъ ландратовъ Самсона ф. Гиммельштирна, ф. Ренненкампа, вице-губернатора Кубе, совѣтника ф. Рихтера, какъ на ежедневныхъ почти собесѣдниковъ Евгенія Александровича. Если онъ дѣйствительно былъ такъ слабъ въ своихъ убѣжденіяхъ, что увлекался «всякимъ вѣтромъ ученія», то что же мѣшало этимъ лицамъ воспользоваться этою слабостію и направить его дѣятельность въ видахъ собственныхъ цѣлей. Всѣ знавшіе ихъ отдадутъ конечно полную справедливость необыкновенному ихъ уму, особенно гг. Самсона и Кубе; въ недостаткѣ доброй воли съ ихъ стороны также не встрѣтится сомнѣній. Ужели тѣ два-три Русскихъ чиновника, которые ближе другихъ сто-

яли къ Головину, были такъ неодолимы, что могли совершенно парализовать единодушныя усилія мѣстныхъ олигарховъ и вести его по своему личному желанію, куда хотѣли? Но для сего, кромѣ тѣхъ достоинствъ, которыми они безспорно обладали, потребно было по меньшей мѣрѣ съ ихъ стороны полнѣйшее согласіе въ собственныхъ убѣжденіяхъ, а изъ приведенныхъ нами выше именъ видно, что, напротивъ, они далеко не были единодушны въ своихъ воззрѣніяхъ....

Мы не отрицаемъ доли участія ихъ въ дѣятельности Головина, и въ этомъ именно видимъ ихъ заслугу: они своими изслѣдованіями много содѣйствовали правильности его взглядовъ, представляя ему дѣло въ его истинномъ, неискаженномъ свѣтѣ; имъ главнѣйшимъ образомъ обязанъ онъ былъ ближайшимъ знакомствомъ съ нуждами края и съ недостатками и погрѣшностями его социальнаго устройства, обнаруженнаго произведенными ими ревизіями, изслѣдованіями и изысканіями. Но если такое ихъ участіе можетъ быть названо вліяніемъ, то справедливость требуетъ сказать, что такое вліяніе было принимаемо Головинымъ небезсознательно: никто не въ правѣ сказать, что его можно было водить за носъ. Рѣдко можно встрѣтить человѣка въ его положеніи, который бы столь охотно выслушивалъ противорѣчія своимъ мнѣніямъ *).

*) Въ доказательство, какъ высоко цѣнилъ Евг. Александр. высказываемую ему правду, не лишнимъ считаемъ привести слѣдующій случай. Рижскій жандармскій штабъ-офицеръ Гильдебрандтъ рассказывалъ намъ, что въ бесѣдѣ съ нимъ Евг. Ал. жаловался на одного, удостоиваемаго имъ особаго довѣрія, чиновника, который по угловатости своего характера позволялъ себѣ иногда слишкомъ рѣзко высказывать ему свое мнѣніе. „В. в-ву легко отъ этого набавиться; стѣбитъ только

Онъ внимательно взвѣшивалъ высказываемыя при докладахъ мнѣнія про и contra и всегда рѣшалъ вопросъ безпристрастно, хотя бы съ пожертвованіемъ собственнаго самолюбія. Самый строгій судья не обвинить его въ умышленномъ нарушеніи правосудія.

Все это не могло однакоже спасти Головина отъ интриги. Не знаемъ, политическія ли событія, возникшія въ то время въ западной Европѣ, ловко примѣненные Остзейскими патриотами къ обстоятельствамъ своего края, утомленіе ли наконецъ самого Государя, которому не могли не надоесть постоянныя сплетни, а можетъ быть и то и другое вмѣстѣ, произвели то, что Головинъ въ самое это время былъ отозванъ изъ Риги и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Онъ сошелъ со сцены путемъ своего предшественника, и надъ нимъ сбылось то, о чемъ мы упомянули въ началѣ нашей статьи: съ теченіемъ времени интрига противъ него выросла, а довѣріе къ нему ослабло!

«Головинъ палъ», повторимъ слова его біографа. Вмѣстѣ съ нимъ пало и его дѣло, оцѣнка котораго день ото дня становится яснѣе и нагляднѣе. Время сдѣлало и продолжаетъ дѣлать свое. Не при Головинѣ возникло и развилось то «Deutschthum», которое составляетъ теперь главную черту не Нѣмецкаго, а Эсто-латышскаго края, и если въ короткое время управленія своего Балтійскими губерніями не многое успѣлъ онъ довершить изъ того, что началъ, то покрайней мѣрѣ ему первому принад-

обратно командировать его въ министерство вн. дѣлъ, откуда онъ присланъ“.— „Не могу, отвѣчалъ Головинъ, онъ говоритъ мнѣ правду!“ Часто ли встрѣчаются такіе начальники?

лежитъ честь «положить начало во-
дворенію законности и необходимымъ
общественнымъ улучшеніямъ въ краѣ,
важномъ для остальныхъ частей Им-
періи, но который, не смотря на 150-
лѣтнее почти присоединеніе къ Рос-
сіи, еще далеко не сроднился съ
нею» *).

Графъ Дмитрій Н. Толстой.

Августъ 1872.
Село Каллистово,
близь Сергіевой Лавры.

ПѢСНЬ НЕВСКАЯ

1837.

(Неизданное стихотвореніе княгини
З. А. Волконской).

Стоитъ царскій дворецъ на Невѣ-рѣкѣ,
Передъ нимъ лежитъ площадь бѣлая,
А на ней стоитъ царь-гранитный
столпъ.
Петербургскій мужикъ притащилъ его,
Притащилъ его изъ пороговъ лѣс-
ныхъ.
На столпъ томъ стоитъ ангелъ род-
ственный.
Заглядѣлся родной на старинный свой
домъ.
И себѣ на умъ: «Благодарствуй,
братъ!
«Хорошо-высоко ты поставилъ меня.
«Наводненій, огня не терпѣтъ мнѣ
здѣсь».

У дворца въ глазахъ рѣка бурная,
Рѣка бурная, безпокойная.
На другой сторонѣ люди вѣщие,

*) См. всепод. отчетъ Головина. Чтенія
въ импер. общ. истор. и древн. Москва. 1871.
кн. 2-я.

А за ними лежатъ прахи царскіе,
Тамъ палаты стоятъ и купеческія,
Гдѣ купцы послѣ думы собираются,
И мудренымъ издѣліямъ цѣну кладутъ;
Милліонъ языковъ тамъ коверкаютъ.
А причина всему—изба вѣтхая,
Изба вѣтхая на Невѣ видна.

Стоялъ царской дворецъ на Невѣ-
рѣкѣ,
Стѣны крыты все тканью шелковою,
Зеркала на стѣнахъ исполину въ
русть.

А подъ ними столы все Сибирскіе.
Малахитовы, чудо дивное;
А въ окнахъ все цвѣты Кашемирскіе,
Итальянскіе и Голландскіе.
Вился плющъ на ширмахъ рѣшетча-
тыхъ,

А подъ плющемъ Царица сживала,
Думу думала съ дѣтенышками.
Поджидала царя, какъ проглянетъ на
нихъ.
Промежъ дѣлъ и заботъ государствен-
ныхъ.
Тамъ бывало народъ начиналъ съ
Царемъ
Новый Русской годъ въ гридняхъ
свѣтлыхъ, златыхъ.
Тамъ царицы въ фатахъ да въ по-
войникахъ
Говорили купцамъ слово ласково.
Изъ Порусьи давно тамъ являлася
Королева-краса чужеземная,
Словно лунный цвѣтъ въ окна цар-
скія *).
Она много терпѣла за свой край
родной,
И въ день черный ему всемъ пожерт-
вовала!

*) Говорится о бабкѣ Государя Императо-
ра, королевѣ Луизѣ, призванной въ Пе-
тербургъ на святки 1808 года. Сочинитель-
ница, будучи еще княжною Благосельскою, въ
то время была пожалована фрейлиною и со-
стояла при королевѣ Луизѣ. П. Б.

Ему все отдала, камни, золото
И одни жемчуга сохранила себѣ.
Въ жемчугахъ и въ слезахъ она по-
мнится мнѣ!

*

Что гудить рѣка? Что ворчить Нева?
«Охъ ты Ладога! Ты зачѣмъ на меня
«Повалила свой ледъ? Онъ мѣшаетъ
мнѣ!
«Ты не слышишь тамъ что-то кроется,
«Словно въ крѣпость татъ забирается,
«Тамъ трещить вездѣ... мнѣ не пра-
вится.
«Скоро воды мои вѣмъ понадобятся;
«Не всегда-жъ отъ меня злу потопно-
му быть!
«Ой готовьте вы, братцы, ломы острые,
«Топоры, да пешни, ведры новыя!
«Да смотрите-жъ въ ведрахъ, чтобъ
не мерзла вода!»

*

Загорѣлся дворецъ, и сгорѣлъ дво-
рецъ.
И народъ готовъ, какъ вездѣ за Царя,
Положить свои тамъ головушки.
Золы черныя ужъ надъ ними курганъ.
Гдѣ надѣжамъ-Царямъ хорошо было,
Тамъ валѣтся снѣга въ жерло черное!

*

Вы зачѣмъ собрались люди умные,
Люди умные, мастера-столяры,
А и плотники Новгородскіе!
Ужъ не новый дворецъ-ли затѣяли?
Ахъ и впрямъ ужъ дворецъ въ мыс-
ли строится.
Скоро сказывается сказка Русская,
Скоро дѣлается дѣло съ Русскими.
Станетъ скоро дворецъ что волшеб-
ный домъ,
Живописный дворецъ и весь мраморный.

*

А искусство у насъ вѣдь привозный
цвѣтъ;
Хоть привозный цвѣтъ, да сроднился
онъ
Съ почвой Русскою, съ Русскимъ
разумомъ.
Грудь ея ужъ полна семянъ соб-
ственныхъ.
Ахъ расти, южный цвѣтъ, ты на Сѣ-
верѣ!
Ты въ теплицѣ цвѣти, какъ на сол-
нышкѣ!
И туда вѣдь глядитъ оно ясное,
Вѣтеръ ласковый, сила южная,
Благодатная роса райская!

Княгиня Зенаида Волконская.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

отъ княжны В. Н. Репниной¹⁾.

...Вы надѣялись получить отъ меня свѣдѣніе о портретѣ Петра I-го? — Но я о немъ ничего не знаю: нѣсколько лѣтъ онъ висѣлъ въ гостинной у моего отца въ генераль-губернаторскомъ домѣ въ Полтавѣ. Какъ онъ попался къ намъ, кто его рисовалъ, ничего этого я не знаю. Петръ I-й никогда меня не интересовалъ, даже когда я не знала того что знаю теперь объ этомъ государѣ, котораго я никакъ не сознаю великимъ. Но вотъ о чемъ я буду просить васъ: какъ вы вѣроятно знакомы съ редакторомъ Русской Старины, то сообщите ему²⁾, что фамилія отца моего *Репнинъ* безъ всякаго прибавленія. Въ Словарѣ Достопамятныхъ Людей Д. Н. Бантышъ-Каменскаго на-

¹⁾ Въ отвѣтъ на запросъ о портретѣ Петра Великаго, перешедшемъ изъ дома князей Репниныхъ въ Полтавскую военную гимназію (Р. Старина 1872, стр. 958).

²⁾ Сямъ исполняемъ.

ходится указъ Сенату императора Александра I-го, гдѣ говорится: «чтобъ «родной внукъ Николая Васильевича «Репнина, отъ дочери его рожденный, «полковникъ князь Николай Волконскій, принялъ фамилію его и отнынѣ потомственно именовался *княземъ «Репнинымъ*, да родъ князей Репниныхъ, столь славно Отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго «въ ономъ, не угаснетъ, но обновясь «пребудеть навсегда съ именемъ и «примѣромъ его въ незабвенной памяти Россійскаго дворянства»....

Репнины были *хорошіе люди* въ широкомъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова, и я очень дорожу этимъ именемъ. Репнинское сердце—просторное сердце; никому въ немъ не было тѣсно, и какъ хорошъ Репнинъ, который Иоанну Грозному сказалъ: «личины не надѣну». Дѣдъ фельдмаршала князя

Репнина, который узналъ отъ камердинера-дядьки, что его молодой сынъ ухаживаетъ за дочерью бѣднаго сельскаго пастора въ Финляндіи или Курляндіи, пріѣхалъ къ сыну и потребовалъ, чтобы онъ женился на этой дѣвушкѣ, говоря, что за гостепріимство отца неужели возблагодарить ему позоромъ его дочери; и тотъ женился на дѣвицѣ Полю; она и была матерью моего прадѣда, князя Николая Васильевича Репнина, котораго фамилію принялъ мой отецъ, не оставшій отъ дѣда въ благородствѣ и горячности. Поэтому вы поймете, что я дорожу, чтобы отца моего называли *Репнинымъ* безъ прибавленія Волконскаго; онъ такъ подписывался и имѣлъ гербовую печать Репниныхъ.

Княжна Варвара Репнина.

9 Іюля 1872.

ЭПИГРАММЫ М. А. ДМИТРИЕВА.

(1830).

Разговоръ цензора съ пріятелемъ-стихотворцемъ.

1.

«Не пропущу стиха, и ты бранишь не право:
Я не о двухъ вѣдь головахъ!»
— Я знаю, другъ, ты недвуглавый,
И вѣкъ тебѣ не быть въ орлахъ!

2.

Другъ цензоръ, пропусти безгрѣшные стихи!
Гдѣ встрѣтится въ нихъ мысль, гдѣ встрѣтится въ нихъ сила—
Сквозь пальцы пропусти, какъ Фебъ твои грѣхи *),
Какъ самого тебя природа пропустила.

*) Этотъ цензоръ самъ писалъ стихи. П. Б.

КРАТКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ И УЧЕНЫХЪ,

УМЕРШИХЪ ВЪ 1870 ГОДУ *).

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Гевнади).

Абрамовъ. Н. Л., совѣтникъ Семипалатинскаго областнаго правленія, ум. лѣтомъ 1870 г. (Всем. Иллюстрація IV, стр. 495).

Онъ печаталъ матеріалы и статьи, особенно археологическія и біографическія, во многихъ періодическихъ изданіяхъ, между прочими въ Читеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др., Москвитянинѣ, Извѣстіяхъ Арх. Общ., Тобольскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, Странникѣ и изданіяхъ Геогр. Общества. Есть его: Описаніе Березовскаго края. Сиб. 1857. 8° (Изъ Записокъ Геогр. Общ. кн. XII.)

Бартоломей. Иванъ Алексѣевичъ, нумизматъ, ум. 5-го Окт. 1870 въ Тифлисѣ (Всем. Иллюстр. IV, 96 стр.).

Брошюры его:

1. Notice sur les médailles de Tamarque, roi de la Babylonie. Berlin, 1847. 8°.

2. Conjectures sur quelques médailles sassanides, postérieures au roi Firoux. Sptb. 1847. 8°.

3. Classement des médailles géorg-

giennes au type sassanide, au point de vue de l'art. Sptb. 1847. 8°.

4. Discours prononcé à la 10-me séance de la société d'Archéologie et de Numismatique de St. Pétersb. 1847. 8°.

5. Réponse à M-r Droysen sur ses conjectures concernant les premiers rois de la Bactriane. St. Pétersb. 1847. 8°.

6. Recherches sur la numismatique des rois Arsacides. St. Pétersb. 1849. 8°.

7. Lettres sur la numismatique géorgienne. St. Pétersb. 1857. 8°.

8. Description d'une trouvaille de 200 dirhems koufiques, faites aux environs de Tiflis. St. Pétersb. 1858. 8°.

9. Lettres numismatiques et archéologiques, relatives à la Transcaucasie. St. Pétersb. 1859. 4° Avec 4 tables.

— Статьи въ Извѣстіяхъ Археол. Общества.

Бессель. Александръ Васильевичъ, профессоръ Новороссійскаго унив-та. Ум. 3 Мая 1870 (Спб. Вѣдом. № 128).

Богословскій-Платоновъ. Ипполитъ Михайловичъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ священниковъ Москвы, съ 1851 при церкви Успенской, на Могильцахъ, а съ 1866 Троицкой, на Арбатѣ. Онъ былъ сынъ священника, окончилъ курсъ въ Моск. дух. академіи магистромъ въ 1844 и оставался въ ней шесть лѣтъ въ дол-

*) Свѣдѣнія о писателяхъ умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библиогр. Запискахъ т. 1-й (1858, № 12); въ 1858 г. тамъ же т. 2-й (1859, № 20); въ 1859 г. тамъ же т. 3-й (1861, № 4); въ 1860—1869 гг. въ Рускомъ Архивѣ 1864—1871 годовъ. II. Б.

жности бакалавра логики и исторіи средней и новой философіи. Потомъ былъ законоучителемъ 4-й гимназіи, изъ которой переведенъ въ 1863 въ 1-ю и преподавалъ въ нѣкоторыхъ частныхъ заведеніяхъ. Кромѣ того исполнялъ разныя порученія начальства и Думы, въ которой состоялъ гласнымъ.

Отрывокъ изъ его магистерской диссертациі: «Изъясненіе пророчества Исаи объ избранномъ отрокѣ Іеговы», напеч. въ Прибавленіяхъ къ твореніямъ св. отцовъ 1850, т. IX. Нѣсколько проповѣдей въ Правосл. Обзорѣнн и Душеполезномъ Читеніи. Ум. 15 Декабря 1870 г. Некрологъ, *С. С-ва*, въ Соврем. Лѣтописи 1871, № 4.

Вельтманъ. Александръ Ѳомичъ, романистъ и археологъ, р. въ Петербургѣ 8 Іюля 1800, ум. въ Москвѣ 11 Янв. 1870.

Предки его изъ Шведской фамиліи Weldman, были уроженцы г. Ревеля. Получивъ воспитаніе въ одномъ изъ Московскихъ пансіоновъ, В. поступилъ въ 1816 въ военную службу колонновожатымъ, потомъ состоялъ въ свѣтѣ Государя (въ ген. штабѣ), командированъ былъ по межевой части въ Бессарабію, участвовалъ въ Турецкой кампаніи и въ 1831 уволенъ, по болѣзни, подполковникомъ. Съ этого времени онъ посвятилъ себя словесности. Первые его произведенія имѣли большой успѣхъ и поставили его наряду съ нашими лучшими романистами. Съ 1842 г., поступивъ на службу въ Моск. Оружейную Палату, онъ занялся археологіею. Кромѣ сочиненій указанныхъ ниже, его статьи появлялись въ Московскихъ періодическихъ изданіяхъ. Онъ былъ членомъ комитета (1845—1854) для изданія Древностей Росс. Государства,

которыя выходили подъ его редакціею и въ которыхъ текстъ 2, 3 и 5 отдѣленій принадлежитъ ему. Въ 1852 г. онъ назначенъ былъ директоромъ Оружейной Палаты и составилъ ея описаніе, равно какъ и Моск. Кремлевскаго дворца.

Въ Справочномъ Словарѣ Крайя, III, 119 сказано, что, будучи въ свѣтѣ Е. И. В., онъ составилъ курсъ чистой математики, изъ коего напечатана въ 1816 г. Ариметика.

Начертаніе древней исторіи Бессарабіи, съ присовокупленіемъ историч. выписокъ и карты. М. 1828. 8°.

Бѣглець, повѣсть въ стихахъ. М. 1831.

Странникъ 3 ч. М. 1831—32.; 3 ч. М. 1840. 12°; 3-е изд. 3 ч. М. 1840, въ 32 д.

Муромскія лѣса. Повѣсть въ стихахъ. М. 1831.

МММСДXLVIII годъ. Рукопись Мартына Задеки, 3 ч. М. 1833. 12°.

Пѣснь ополченія Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведено съ древняго Русскаго языка XII стол. М. 1833. 8°. 2-е изд. съ текстомъ, М. 1867.

Кощей безсмертный, былина староваго времени. 3 ч. М. 1833. 8°.

О Господинѣ Новгородѣ Великому (письмо), съ приложеніемъ вида Новгорода въ 12 столѣтіи и плана окрестностей. А. В. М. 1834. 8°.

Святославичъ, вражій питомецъ. Диво времяць краснаго солнца Владимира. 2 ч. М. 1835. 12°.

Лунатикъ. Случай. 2 ч. М. 1836.

Предки Каломероса, Александръ Филипповичъ Македонскій. 2 ч. М. 1836. 12°.

Картины свѣта, энциклопедич. живописный альманахъ на 1836 съ полнотипажными рисунками. М. 1836. 4° ч. 2-я, 1837.

Виргинія, или поѣздка въ Россію. 2 ч. М. 1837. 8°.

Ротмистръ Чернокижниковъ, или Москва въ 1812 г. Романъ. 3 ч. М. 1837, 12°.

Повѣсти. М. 1837. 12°. (Составляютъ 5-й томъ, Библиотеки романовъ, изд. Глазуновымъ).

Сердце и думка. Приключенія. 4 ч. М. 1838. 8°.

Очерки Рус. литературы. Статья I. Изустная Словесность. М. 1840. 8°.

Древнія Славянскія собственныя имена. М. 1840. 8°.

Генераль Каломеросъ, романъ 2 ч. М. 1840. 8°.

Портфель служебной дѣятельности М. В. Ломоносова изъ собственноручныхъ бумагъ, хранящихся у наследниковъ, издалъ Вельтманъ. М. 1840. 8°. (Изъ Очерковъ Россіи Пассека кн. II)

Ратиборъ Холмоградскій. М. 1841. 12°. (Въ стихахъ, драматич. піеса).

Повѣсти. Изд. Ольхина. Спб. 1843. 12°.

Достопамятности Московскаго Кремля. М. 1843. 8° Съ 14 лит. картинками, двумя видами и планомъ.

Отзывъ на разборъ «Достопамятностей Моск. Кремля», помѣщенный въ 11 №. Москвитянина. М. 1843. 8°. (Изъ Москвитянина № 12).

Московская Оружейная Палата. М. 1844. 8°. (Съ 50 изображеніями древностей). 2-е изд. М. 1860.

Новый Емеля или превращенія. 4 ч. М. 1845. 8°.

Троянь и Ангелица. Повѣсть, рассказанная Свѣтлой Денницей Ясному Мѣсяцу. М. 1846. 8°. (Въ стихахъ).

Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго. I. Саломея. М. 1848. 8°. Изд. 2-е 1864. II. Чудодѣй. М. 1849. 8° (Изъ Москвитянина); 2-е Изд. 1864. III. Воспитанница Сара. М. 1862 и

1864 (Изъ Рус. Вѣстника). IV. Счастье-несчастье 2 ч. М. 1863.

Обновленіе храма Знаменія Пресвятыя Богородицы въ селѣ Дубровицахъ, основаннаго въ 1690 г. и освященнаго въ 1705 г. М. 1850. 4°. Съ видомъ (Статья изъ Моск. Вѣдомостей).

Описаніе новаго имп. дворца въ Кремлѣ Московскомъ. Съ картинами. М. 1851. 2°.

Исслѣдованія о Свехахъ, Гуннахъ, и Монголахъ. I. Индо-Германы или Сайване М. 1856 (Изъ Чтеній) съ картою. II. Аттила и Русь IV и V в. (сводъ историч. и народныхъ преданій) М. 1858 (Изъ Чтеній.) III. Маги и Мидійскіе каганы XIII вѣка. М. 1860. Съ картами.

Донъ, мѣсто ссылки Овидія. М. 1866. (Изъ Чтеній).

Переводы: Райна Болгарска царкына. Пер. отъ Рускы Елена Мутьева. Спб. 1852. Souvenirs historiques du Kremlin de Moscou. Trad. du russe par le baron Léon de Bode. Moscou, 1843. 8°.

Свѣдѣнія о Вельтманѣ въ Справ. Энци. Словарѣ Крайя, ч. III. Біографич. статья о немъ съ портретомъ въ Всемирной Иллюстраціи т. III, (1870, № 61). Замѣтка о немъ И. Срезневскаго въ Запискахъ Ак. Наукъ, т. XVII, кн. I, протоколы, стр. 185. Справочный Энци. Словарь. т. III, 119. Поюдина Р. Стар. 1871, кн. 10.

Врангель. Фердинандъ Петровичъ, вице-адмиралъ (Ferdinand Ludwig v. Wrangel). Изъ древней Эстляндской фамиліи, р. 29 Дек. 1796 во Псковѣ, воспитывался съ 1809 въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1817 онъ былъ прикомандированъ къ военной шлюпкѣ Камчатка, отправлявшейся подъ начальствомъ Головнина въ кругосвѣтное путешествіе для осмотра

Американскихъ нашихъ колоній и Берингова моря. Когда онъ возвратился въ Петербургъ, ему поручена была новая экспедиція (съ Матюшкинымъ и Анжу), къ устью Колымы для изученія береговъ къ востоку отъ ея устья, за Шелагинскій мысъ. Эта экспедиція продолжалась съ конца 1820 до 1824, и Врангель убѣдился въ существованіи земли къ сѣверу отъ мѣстечка Яканъ; она была открыта въ 1867 г. Англичаниномъ Лонгомъ и названа «землею Врангеля». Сдѣланныя имъ физическія наблюденія изданы Парротомъ, а путешествіе, по его запискамъ, описано Е. А. Энгельгардтомъ на Нѣмецкомъ и издано Риттеромъ. Въ 1825 Врангель предпринялъ вторичное кругосвѣтное плаваніе и возвратился въ Петерб. въ 1827. Послѣ того онъ былъ назначенъ губернаторомъ Русск. колоній на сѣверо-зап. берегу Америки, куда отправился въ 1829 и, прослуживъ тамъ пять лѣтъ, собралъ много данныхъ для науки и описалъ свое обратное путешествіе. Въ послѣдствіи произведенный въ контръ-адмирала, онъ долгозавѣдывалъ департамент. лѣсовъ принадлежащихъ морскому министерству, и съ 1856 управлялъ морскимъ министерствомъ, а въ 1847 произведенъ въ вице-адмирала; онъ въ 1857 сдѣланъ членомъ госуд. совѣта. Получивъ отпускъ, по болѣзни въ 1866 г., онъ жилъ въ Дерптѣ, гдѣ сконч. 25 Мая 1870.

1) В. v. Wrangel, Physikal. Beobachtungen während seiner Reisen auf d. Eismeere in d. I. 1821--23. Herausg. von G. F. Parrot. Mit. 4 Kupf. und 1 Karte. Berlin, 1827. 8°.

Высотскій. Леонидъ Григорьевичъ, ст. сов., главный докторъ дѣтской больницы въ Москвѣ, въ которой служилъ съ 1843, по окончаніи курса въ

Моск. унив-тѣ и подъ руководствомъ отца своего, извѣстнаго профессора хирургіи, и въ 1862 назначенъ главнымъ докторомъ. Ум. 21 Январ. 1870. Некрологъ *Е. Покровскаго*, въ Моск. Вѣдом. 1870 № 23.

Герценъ, Александръ Ивановичъ, извѣстный въ литературѣ подъ псевдонимомъ *Искандера*, сынъ богатаго помѣщика Ивана Алексѣевича Яковлева и привезенной имъ изъ чужихъ краевъ Нѣмки, р. въ 1812, 25 Марта въ Москвѣ. По выходѣ изъ Моск. университета, онъ былъ замѣшанъ въ исторію политическаго характера и сосланъ въ Вятку, откуда, по ходатайству Жуковскаго, переведенъ и опредѣленъ на службу во Владимірѣ. Въ 1839 онъ былъ помилованъ, числился въ министерствѣ вн. дѣлъ и назначенъ совѣтникомъ губ. правленія въ Новгородѣ. Въ 1842 онъ вышелъ въ отставку. По смерти отца, получивъ значительное состояніе, отправился въ 1847 г. за границу и уже не возвращался въ Россію. Въ 1848 году онъ принималъ участіе въ Парижскомъ переворотѣ и сблизился съ Прудономъ и другими вожаками революціи, о коихъ въ послѣдствіи напечаталъ свои воспоминанія. Потомъ онъ жилъ въ Италіи, въ Ницѣ и наконецъ поселился на долго въ Лондонѣ. Съ 1868 онъ жилъ въ Женевѣ, гдѣ издалъ послѣдніе листки «Колокола». Прибывъ во Францію по семейнымъ дѣламъ, онъ скончался 21 Январ. въ Парижѣ, отъ воспаленія въ легкихъ.

Литературная дѣятельность Герцена началась еще въ 30-хъ годахъ. Въ Атенеѣ 1830, т. II, встрѣчаемъ его имя подъ переводомъ съ Французскаго. Въ началѣ 40-хъ годовъ печатались въ Отеч. Запискахъ его философскія статьи: Дилетантизмъ въ

наукъ, Письма объ изученіи природы. По поводу одной драмы, и др. Статьи эти теперь перепечатаны въ Москвѣ. При новой редакціи Современника въ 1847 г. онъ принялъ въ немъ участіе. Записки доктора Крупова, Сорока-Соровка и въ особенности романъ Кто Виноватъ, поставили его въ ряды нашихъ лучшихъ беллетристовъ. Въ 1848 году онъ сотрудничалъ въ газетѣ Прудона *Ami du peuple*. Основавъ типографію въ Лондонѣ, онъ началъ печатать листки и брошюры революціоннаго характера (Юрьевъ день и проч.), потомъ съ Іюля 1857, по два раза въ мѣсяцъ, издавалъ вмѣстѣ съ Огаревымъ, газету «Колоколь», прекращенную имъ самимъ въ Женевѣ въ Декабрѣ 1868. При ней нѣкоторое время выходили прибавленія «Подъ Судъ» и Листокъ для раскольниковъ. Здѣсь же печатались съ его предисловіями сборники: Голоса изъ Россіи (VIII книгъ, 1858 — 1860), Полярная Звѣзда (8 книгъ, 1855 — 1868), въ которой онъ помѣщалъ свои мемуары и Историч. Сборникъ (2 книги, 1859.—1864). Съ его же предисловіями вышли Записки Имп. Екатерины II на Франц. и Русс. языкахъ, Записки кн. Дашковой въ Русс. переводѣ, Щербатовъ и Радищевъ, Записки Декабристовъ, Сборникъ Кельсіева, Постановленія по части раскола, Записки Лопухина и пр.

1. Рѣчь, сказанная при открытіи публичной бібліотеки для чтенія въ Вяткѣ 6 Дек. 1837 г. 4°. (Очень рѣдкая нынѣ брошюра; она была перепечатана въ Сѣв. Пчелѣ, 1862, № 143 и см. Моск. Вѣд. 1862, № 102).

2. Кто Виноватъ, романъ изд. книжкой при Современникѣ 1847 г. — Перепеч. въ Лондонѣ, потомъ въ Спб. — Голл. переводъ: *Aan wien ligt de Schuld?* Haarlem 1853. 8°.

3. *Vom andern Ufer.* Hamb. 1850. 8°. Съ того берега. Лондонъ, 1855.

4. *Briefe aus Italien u. Frankreich von einem Russen.* Hamb. 1850. 8°. Письма изъ Франціи и Италіи, Лондонъ. 2-е изд. 1858.

5. *Du développement des idées révolutionnaires en Russie,* par A. Iskander. Nice. 1851. 8°.—Paris, 1851. 8°.—2-е éd. Londres 1858.—Id. Ib, 1858. На Нѣм. въ *Deutsche Monatschrift von 1851.*—*Russlands sociale Zustände.* Hamb. 1854.

6. Крещеная собственность, Лондонъ, 1853. 8°. 2-е изд. тамъ же, 1857 (два тисненія).

7. Прерванные рассказы Искандера. Л. 1854 и 1857. 8°. *Unterbrochene Erzählungen, üb. von Malwina v. Mayenburg.* Hamb. 1858. 8°.

8. *Le peuple russe et le socialisme.* Nice. 1851.—(съ портретомъ). 2-е éd. Jersey, 12° (безъ году, 1854). *The russian people and their socialism.* L. 1855. 12°. Русскій народъ и социализмъ. Письмо къ И. Мишле. Съ Франц. Л. 1858.

9. *La Russie et le vieux monde.* Jersey, 1854. 8°. — Старый міръ и Россія. Съ Фр. Л. 1858. 16°.

10. Тюрьма и ссылка, Лондонъ 1858.—*Aus d. Memoiren eines Russen.* 4 B. 1 *Im Staatsgefängniss u. in Sibirien.* Hamb. 1855.—*Neue Folge,* Ib. 1856.—*Dritte Folge,* Ib. 1856.—*4-e Folge,* Ib. 1859.—*En Russers Memoirer eller Statsfaengselet og Siberien.* 2 Th. Kjarenharn. 1856.—*My exile,* L. 1855, 2 г. 12°.

11. *La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Janv.* Londres 1858. 8°. *Frankreich oder England?* Hamb. 1858. 8°. Франція и Англія. Съ Франц. Л. 1858.

12. Вольная Русская община въ Лондонѣ. Русскому воинству въ Польшѣ. 8°.

13. Былое и Думы. Лондонъ и Женева 1861 и 1867. 4 т.

14. *Camicia Rossa, la chemise rouge, ou Garibaldi à Londres.* 1865. 8°.

15. 14 Декабря 1825 и Императоръ Николай, издано редакціею Полярной Звѣзды по поводу книги барона Корфа. *La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie.* Londres 1858. 8°. — *Die Russ. Verschwörung und der Aufstand vom 14 December 1825.* Hamb. 1858. 8°.

16. Еще разъ. Сборникъ статей съ приложеніемъ ненапечатаннаго разсказа: «Трагедія за стаганомъ грока».

17. Краткое общепонятное изложене сравнительной анатоміи и зоологіи. Выпускъ I. Л. 1862.

18. Концы и начала...

19. За пять лѣтъ (1855 — 1860). Соціальныя и политическія статьи Искандера и Огарева 2 т. Л.

Bibliothèque Universelle de Genève. 1851. Iuin, p. 207. — *Allgemeine Zeitung* 1855. № 63. — *Athenaeum français* 1854, Mars 18. — *France litt. de Quégarard* T. XI, (1853). p. 183. — *Биографія въ Unsere Zeit.* В. III, 128 — 140. — Искандеръ-Герценъ. Берлинъ 1859, 16° 216 стр. (Здѣсь статьи направленные противъ Герцена и собранныя *Н. Елагинымъ.* Статья *М. Архангельскаго* по поводу этой книги въ *Странникъ* 1862, № 10). — *Gartenlaube* 1861, № 48. — Замѣтки для издателя Колокола *М. Каткова* въ *Русс. Вѣстникъ* т. 39 (1862, № 6), 834 — 852. По поводу этой статьи: *Сѣв. Пчела* 1862, № 203, 212, 213 и 239; *Р. Листокъ* 32, 33; *Книжный Вѣстникъ* 15 №; *Домашняя Бесѣда* № 32. Герценъ и Огаревъ, 1862, № 166, 169, 188 и 196. 248 и 1863, № 14. — Герценъ и Бакунинъ; Кронштадтскій Вѣст-

никъ 1863, № 57. — Вѣстникъ юго-запад. Россіи 1862 № 6, статья *Н. К-ю.* — Невольное объясненіе съ издателемъ «Колокола» *Н. К. Рененкамифа,* въ *Русс. Вѣстникъ* т. 79 (1869, № 1, 264 — 290 (По поводу прекращенія Колокола).

Некрологич. статьи. Иностранная газеты о Герценѣ, Недѣля 1870, № 5, стр. 181 — 182. — *Allgemeine Zeitung,* № 30 (Изъ Кѣльнской газеты). — *Illustrierte Zeitung* 1870, № 1390 (съ портретомъ) — *The Athenaeum,* № 2205, стр. 160. — Брошюра: А. Herzen. А. И. Герценъ. Нѣсколько словъ отъ Русскаго къ Русскимъ. 1870. *Paris-Leipzig, librairie internationale.* 8°. 20 стр. — Воспоминанія о немъ Д. Н. *Свербѣева* въ *Русс. Архивъ* 1870 стр. 674 — 686. — Вѣстникъ Европы 1870, № 2, хроника, стр. 935 — 945. — Статья *Ральстона* въ *Temple-Bar-Magazine,* Апрель 1870.

Письмо А. И. Герцена къ Русскому послу въ Лондонѣ съ отвѣтомъ и нѣкоторыми примѣчаніями Д. К. Шедо-Ферроти. — 2-е изданіе. Берлинъ. 8°. 45 стр. на Русс. и Франц. (См. замѣтку *А Пятковскаго* въ *Книжномъ Вѣстникъ* 1862, № 7) 3-е изд. тамъ же 1862.

Гогель, Николай Валеріановичъ (р. 1838, ум. 13 Ноября 1870). Изъ воспитанниковъ Моск. Кадет. Корпуса выпущенъ въ 1855 въ военную службу, въ 1863 былъ назначенъ членомъ особой Виленской Коммиссіи по политическимъ дѣламъ, въ которой состоялъ до упраздненія ея въ 1867 г.

Иосафатъ Огрызко и Петербургскій революціонный жондъ въ дѣлѣ послѣдняго мятежа. Вильна, 1866. 12°. Второе, умноженное вдвое изданіе (Вильна 1867) не было выпущено въ свѣтъ и составляетъ библиографическую рѣдкость. Некрологъ въ

Голосъ № 321 (Изъ Виленскаго Вѣстника).

Грицовъ, Василий Павловичъ, педагогъ, уроженецъ Рязанской губ. и воспитанникъ Рязанской семинаріи, а съ 1829 г. педагогич. института. Онъ былъ преподавателемъ исторіи въ западныхъ губерніяхъ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ былъ въ послѣдствіи инспекторомъ 1 и 2-й гимназій, директоромъ 3-й гимназіи и наконецъ директоромъ Ярославскаго Демидовскаго лица, Ум. 29 Марта 1870. Некрологъ въ Моск. Вѣд. 1870, № 72.

Дейчъ фонъ, Карлъ Федоровичъ, д. с. сов., гофъ-акушеръ (Karl Friedr. Vilh. von Deutsch). Род. въ Эрлангенѣ 25 Іюня 1801, изучалъ медицину въ Дерптѣ, гдѣ былъ ассистентомъ въ унив. клиникѣ, и получилъ въ 1826 г. степень доктора медиц. (Diss. de versione foetus in pedes, 1826), потомъ путешествовалъ, съ 1831 поселился въ Москвѣ, гдѣ служилъ съ 1832 при дворцовой конторѣ и при сиротскомъ домѣ и извѣстенъ былъ своею практикою. Сконч. 23 Дек. 1870 (Рус. Вѣдом. № 279).

Лучшее приданое или необходимыя наставленія для беременныхъ, роженицъ и родильницъ, съ присовокупленіемъ правилъ перваго физическаго воспитанія дѣтей, календаря беременности и двухъ рисунковъ. 2 ч. М. 1841. 8°. Изд. 3-е Совѣты матерямъ или необх. наставленія и проч. М 1866. (Переводъ съ Нѣмецкой рукописи, сдѣланный Н. Х. Керчеромъ). *Recke und Napiersky Lexicon*, I, 425; *Nachtrag*, I, 149. *Callisen's Medic. Schrifsteller-Lexicon* V (1831), 158 стр.

Дельвигъ, баронъ Николай Ивановичъ, генералъ-лейтенантъ (двоюродный братъ извѣстнаго писателя). Ум. 22 Іюня 1870 г. на 56 году. Онъ извѣстенъ подвигами на Кавказѣ и въ

Севастополѣ и статьями въ Военномъ Сборникѣ. Всем. Иллюстрація 1870, т. III, стр. 543.

Демидовъ, Анатолій Николаевичъ, сынъ Демидова, памятнаго значительными пожертвованіями въ Моск. университетѣ. Въ молодости онъ служилъ въ министерствѣ ин. дѣлъ; жилъ долго близъ Флоренціи, въ роскошной виллѣ своей Санъ-Донато, и въ Парижѣ. Онъ есть учредитель Спб. дома призрѣнія трудящихся и дѣтской больницы, на которую пожертвовалъ капиталъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Павломъ. Онъ состоялъ при министерствѣ ин. дѣлъ. Былъ женатъ на принцессѣ Матильдѣ, племянницѣ Наполеона I-го, но скоро развелся съ нею. Ум. 16 Апрѣля 1870 въ Парижѣ.

1. *Esquisse d'un voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée en 1857.* Paris, 1838. (Письма напеч. въ *Journal des Débats*).

2) *Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Par M. M. de Sainson, Le Play, Huot, Léveillé, Raffet, Rousseau, de Nordmann, et du Ponceau. Dédié à S. M. Nicolas I-er, Empereur de toutes les Russies.* Paris. Bourdin A. C°. éditeurs. 4 v (8) 1840—1842. Съ рисунками Раффета. Къ этому изданію принадлежитъ альбомъ 78-ми видовъ и атласъ 95-ти рисунковъ естественныхъ предметовъ, въ листъ.

Voyage dans la Russie Méridionale et la Crimée, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, exécuté en 1837 par M. Anatole de Demidoff. Paris. 1840 gr. in 8° de VIII et 621 p. Edition d'Ernest Bourdin et C°. illustré de 64 dessin par Raffet.

2-ое издание, пересм. и увеличенное, вышло въ Парижѣ въ 1854 году.

Переведено на Итальянскій (Torino, 1841), Польскій (Warszawa, 1845), Нѣмецкій (Breslau, 1854), Русскій (Москва, 1853) и Англійскій (London, 1853, 2 v).

3) *La Crimée par le prince Anatole de Demidoff*. Illustrée par Raffet. Paris. 1855. (8e) 267 pag.

Извлеченіе изъ путешествія, вышедшее также на Англійскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

4) *Lettres sur l'Empire de Russie publiées dans le Journal des Débats en 1838 et 1839 par N.—T.* Paris, 1840. 8°. (Предисловіе подписано: Ni-Tag. т. е. Нежне-Тагильскъ, псевдонимъ, принятый Демидовымъ).

Джунковскій. Степанъ Степановичъ. Будучи кандидатомъ правъ Спб. университета, командированный министерствомъ нар. проsv. за границу, онъ, послѣ трехъ лѣтънаго путешествія, 21 года отъ роду (въ 1845 г) былъ совращенъ въ Латинство и поступилъ въ общество иезуитовъ. Миѣніемъ госуд. совѣта, состоявшимся въ 1854 г., онъ былъ признанъ изгнанникомъ изъ предѣловъ Россіи съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Обратившись въ ревностнаго католика, онъ шесть лѣтъ пробылъ въ иезуитской коллегіи въ Римѣ, приобрѣлъ обширныя богословскія свѣдѣнія, изучилъ шесть Европейскихъ языковъ, кромѣ Латинскаго и послѣдовательно проходилъ должности проповѣдника, экстр. духовника при Парижскихъ монастыряхъ: Sacré-sœur, Visitation, Non-pasteur и другихъ, былъ учредителемъ и директоромъ Нѣмецкаго общества св. Женевьевы, начальникомъ миссіонеровъ, проповѣдывавшихъ въ окрестностяхъ города. Онъ напечаталъ въ это время бо-

лѣе 300 статей въ *l'Univers, la Voix de la vérité, l'Ami de la Religion* и другихъ. Въ 1852 онъ оставилъ общество Лойолы и задумалъ, однако безъ успѣха, основать въ Парижѣ нѣсколько религиозныхъ обществъ, потомъ въ Римѣ получилъ въ 1854 г. важныя порученія отъ папы. Когда основана была миссія для сѣверныхъ народовъ, то Джунковскій въ 1855 былъ назначенъ ея начальникомъ съ титуломъ «апостольскаго префекта арктическихъ странъ». Въ 1861 онъ женился на Англичанкѣ и, поселясь близъ Стутгардта, занялся изученіемъ писаній отцовъ церкви и окончилъ составляемый имъ съ Лакруа *Dictionnaire des missions catholiques* (2 ч. 1864). Его занятія отвратили его отъ папизма и привели къ родной его церкви. Въ Январѣ 1866 г. въ придворной церкви въ Стутгардтѣ совершено было протоіереемъ Базаровымъ воссоединеніе его къ православію и разрѣшено ему возвратиться въ Россію, съ дарованіемъ ему прежнихъ правъ состоянія (См. объ этомъ *Странникъ* 1866, № 5, хроника, 103 — 108 стр). Тогда же онъ напечаталъ *Энциклику. Lettre pastorale d'adieu du premier et ancien préfet apostolique des régions arctiques etc.*, которая содержитъ въ себѣ его автобіографію, весьма любопытныя свѣдѣнія и признаніе несостоятельности Римской церкви (См. *Странникъ* 1866, № 11, хроника, изъ Вил. Вѣстника). Сконч. въ Петербургѣ 25 Февр. 1870.

Журковскій. Францъ Осиповичъ, старшій докторъ Калинкинской больницы, бывшій 30 лѣтъ помощникомъ доктора Тильмана при Петропавловской больницѣ, одинъ изъ основателей Общества Русск. практич. врачей, опытный врачъ, ум. 30 Дек. 1870. (Илл. Календарь 1872, некрологъ, стр. 56).

1) Превращенія въ мѣръ животныхъ. Перев. Спб. 1859.

2) Вальнеодіететика. Руководство для пользующихся за границею минер. водами, сывороткою, виноградомъ, морскими ваннами и климатомъ. Съ Нѣм. Спб. 1859.

Каземъ-бекъ, мирза, Александръ Касимовичъ, Персіанинъ, родомъ изъ Решта, сынъ одного изъ бековъ Дербентскихъ, получилъ Европейское образование у Англійскихъ миссіонеровъ въ Астрахани въ 1822—1825 г. и принялъ христіанство (онъ былъ пресбитеріанскаго исповѣданія). Въ Январѣ 1826 онъ поступилъ въ Казанскій унив-тѣ лекторомъ Персидскаго языка, съ 1837 занималъ каеэдру Турецко-татарской словесности въ званіи орд. профессора, а въ 1844—1849 каеэдру Арабско-персидской словесности. Въ Ноябрь 1849 онъ перешелъ въ Петерб. унив-тѣ на каеэдру Персидской словесности и преподавалъ иногда и Арабскій языкъ. Ум. 27 Ноября 1870.

Первые его литер. опыты (съ 1819 г.) были на Арабскомъ и Персидскомъ языкахъ въ рукописяхъ; изъ нихъ въ 1822 напечатанъ въ Астрахани трактатъ объ истинѣ христіанской религіи. Въ Казани онъ напечаталъ нѣсколько текстовъ восточныхъ писателей, переводовъ съ Русскаго на восточные языки и руководство для студентовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ исчисленныхъ здѣсь книгъ, напечаталъ онъ много статей въ журналахъ, которыя наименованы въ Ист. Пет. Унив. Григорьева (стр. 257). Своими статьями въ *Journal Asiatique* онъ извѣстенъ Европейскимъ ориенталистамъ, и объ немъ говорится въ *Histoire des orientalistes de l'Europe par Dugat*, 1868. I, 169—185.

1) Тюхое, разсужденіе на Персидскомъ языкѣ о литературѣ Арабовъ. Казань, 1831.

2) Ассабъ-ус-Сейяръ или «Семь Планетъ»: Исторія Крымскихъ хановъ, соч. на Турецкомъ языкѣ Сеидъ Ризою, съ введеніемъ на Русскомъ. Казань, 1832. 4°.

3) Грамматика Турецко-татарскаго языка. Казань 1839.—2° изд. 1846.

4) Планъ ученаго путешествія по Востоку для молодыхъ ориенталистовъ, кончившихъ курсъ въ Каз. унив-тѣ. 1840.

5) Мухтесеръ-уль-вигкаіе или «Сокращенное вигкаіе: курсъ Мусульманскихъ законовъ по школѣ Ханифитовъ, съ введеніемъ на Русскомъ и примѣчаніями на Арабскомъ. К. 1845. 4°.

6) Мухаммедійе, съ предисловіемъ и примѣч. (Поэма написанная въ XV в. на Турецкомъ). К. 1845. 4°

7) Себатъ-уль-Адджизинъ (поэма на Джагатайскомъ нарѣчій) съ предисловіемъ и примѣч. К. 1847. 8°.

8) *Derbend-Nameh*, translated from a select turkish version, and published with the texts and with notes... St. Pt. 1851. 4°.

9) Учебныя пособія для временнаго курса Турецкаго языка въ И. Военной Академіи 1854. 3 ч. въ л.

10) Мифтаху-Кунзуль-Курванъ, то есть полный конкордансъ Корана или ключъ ко всѣмъ словамъ и выраженіямъ Корана. Спб. 1859, въ л. (*Concordance complète du Coran*).

11) Бабъ и Бабиды: религиозно-политическія смуты въ Персіи 1844—1852. Спб. 1865.

Кромѣ того изданы Синодомъ его переводы съ Русскаго на Татарскій: Сельскаго Полицейскаго устава, Казань, 1844; Началъ изобразительныхъ и Чина бож. литургіи св. Іоанна Зла-

тоуста, К. 1850; Часослова, К. 1852; Четырехъ Евангелистовъ, Спб. 1855; Дѣяній и Посланій Апостоловъ, 1861.

О немъ въ Исторіи Спб. Унив-та *В. Григорьева*, стр. 256—261.

Кауфманъ. Николай Николаевичъ, ботаникъ, сынъ Моск. аптекаря, р. 8 Фев. 1834, учился въ 3 Моск. гимназіи и Спб. унив-тѣ. Послѣ путешествія за границу въ 1856 г. онъ вступилъ преподавателемъ въ 2-ю Моск. гимназію, потомъ профессоромъ въ Моск. университетъ, гдѣ завѣдывалъ ботаническимъ садомъ; ум. 15 Дек. 1870.

Какъ членъ общества испытателей природы, онъ привелъ въ порядокъ обширный гербарій общества, обновилъ ботаническій садъ университета, изслѣдовалъ и описалъ растительность окрестностей Москвы.

1) Объ анатомич. и химическихъ свойствахъ волоконъ ласточкина и достоинствъ ихъ въ прядильномъ искусствѣ (Изъ Журн. Моск. Общ. Сельскаго Хоз.) М. 1865. 8°, въ 9 рис.

2) Московская флора или описаніе высшихъ растений и ботанико-географич. обзоръ Московской губерніи съ картою, М. 1866.

3) Въмѣстѣ съ Штраусомъ онъ опредѣлилъ растенія вышедшія въ изданномъ Московск. обществомъ любителей естествознанія Гербаріи Московской флоры, 2 полсотни. М. 1866.

Некрологъ *А. Петуникова* въ Рус. Лѣтописи 1870, № 51.—Памяти Кауфмана *В. Минина*, въ Моск. Вѣдом. № 279.

Кирѣвскій, Николай Васильевичъ, помѣщикъ Карачевского уѣзда. Ум. 10 Фев. 1870.

Въ Моск. Вѣдом. 1870, № 43, въ некрологѣ его, сказано, что онъ издалъ книжку: „Сорокъ лѣтъ охоты“.

Крашенинниковъ. С. П. Ум. 21 Апр. 1870 въ Швейцаріи (Всемир. Иллюстраціи т. III стр. 367).

Его статьи въ Сѣв. Пчелѣ, Морскомъ сборникѣ, Военно-Энциклопедикѣ и проч. Изъ брошюръ его мнѣ известны: 1 Крушеніе Французскаго линейнаго корабля Сюпербъ. Спб. 1834. 8. (Изъ Сына отеч. N 49). и Некрологія генераль-маіора В. Б. Броневскаго. С. К. Спб. 1835. 8. (Изъ Русс. Инв. №118—119).

Кушелевъ-Безбородко, графъ Григорій Александровичъ. Род. 20 Янв. 1832, воспитывался въ Александровскомъ лицей, служилъ въ канцеляріи комитета министровъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько значительныхъ пожертвованій для Нѣжинскаго лицея князя Безбородки, въ которомъ былъ поч. попечителемъ съ 1855 г., устроилъ на Васильевскомъ острову пріютъ для вскармливанія дѣтей и снабженія Петербурга кормилицами и положилъ капиталъ на основаніе и содержаніе женской богадѣльни на Малой Охтѣ. Ум. 1 Мая 1870 (см. Всемир. Иллюстраціи т. III, № 351).

Любя искусства и литературу, онъ писалъ критическія статьи и печаталъ повѣсти (Очерки и рассказы. Спб. 1857), подъ псевдонимомъ *Грыцко-Григоренко*. Въ 1859 году онъ основалъ журналъ: «Русское Слово», въ которомъ есть и его статьи. На его счетъ изданы Памятники Старинной Русской литературы, сочиненія Мея, стих. Ап. Майкова, повѣсти Полонскаго, рисунки къ соч. Гоголя.

Собранія любителей шахматной игры въ его домѣ послужили началомъ учрежденія шахматнаго клуба въ Петербургѣ и печатанія при Рус. Словѣ перваго Русскаго періодическаго изданія, посвященнаго этому предмету

и выходившаго подъ редакцію В. М. Михайлова.

Объ немъ, какъ о попечителѣ Нѣжинскаго Лицея, свѣдѣнія сообщены *Меемъ* въ книгѣ: Лицей Князя Безбородко. Спб. 1859. 4°.

Ласковскій, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, инженеръ, ген. лейт. Окончилъ въ 1822 г. курсъ въ инженерномъ училищѣ, гдѣ потомъ былъ преподавателемъ, а впоследствии профессоромъ фортификаціи, которую преподавалъ также въ военной академіи и въ другихъ заведеніяхъ. Ум. 8 Апр. 1870 въ Петербургѣ, на 69 г. (Всем. Иллюстрація 1869, № 52 и 1870, № 68, стр. 299).

1) Курсъ фортификаціи. Ч. I. Долговременная фортификація, съ атласомъ на 28 листахъ. Спб. 1864 (составленъ вмѣстѣ съ Н. Болдыревымъ).

2) Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. 3 ч. Спб. 1859—1861. Съ атласомъ чертежей (Доведено до ц. Екатерины II; на юбилей инженерной академіи 1869 г. имъ представленъ былъ 4-й томъ этого сочиненія вмѣстѣ съ оконченною имъ «Полевою фортификаціею»).

Львовъ. Алексій Ѳеодоровичъ, оберъ-гофмейстеръ, сынъ т. сов. Ѳеодора Петровича, р. 1799. Окончивъ курсъ первымъ ученикомъ въ институтѣ путей сообщенія въ 1818, онъ служилъ у гр. Аракчеева адъютантомъ и по инженерному вѣдомству, съ 1818 у гр. Бенкендорфа, съ 1824 флигель-адъютантомъ, а въ 1837 назначенъ директоромъ придворной пѣвческой капеллы, которою управлялъ 25 лѣтъ. Участвовалъ въ Турецкой войнѣ; съ 1828 по 1839 слѣдовалъ за Государемъ во всѣхъ его путешествіяхъ, съ 1851 г. назначенъ былъ управляющимъ дѣлами имп. главной квартиры и конвоя. Впоследствии переименованъ былъ въ тайные совѣтники,

съ званіемъ гофмейстера, въ 1855 назначенъ сенаторомъ, потомъ оберъ-гофмейстеромъ. Последніе годы своей жизни онъ былъ пораженъ глухотою. Сконч. 16 Декабря 1870 въ имѣніи своемъ, близъ Ковны.

Львовъ сочинилъ въ 1833 извѣстный гимнъ «Боже Царя храни», нѣсколько оперъ, хоровъ, переложеній для оркестра, множество церковныхъ піесъ, писалъ для скрипки, изучилъ и преобразовалъ наше церковное пѣніе.

1) О пѣніи въ Россіи. Спб. 1834. 12°.

2) О церковныхъ хорахъ. Спб. 1853. 8°.

3) О свободномъ или не метрическомъ ритмѣ. Спб. 1858. съ нотами. Ueber den freien Rhythmus des Alt-russischen Kirchengesanges von Alexis v. Lvof. St. Pet. 1859. 8°; съ 11 листами нотъ.

Новыя подробности о Россійск. капеллѣ и трудахъ ея директора *А. Львова*. (Изъ статьи Берлюза въ *Journal des Débats*) Спб. Вѣдом. 1852 № 10. Фестиваль 17 Янв. 1862 въ память двадцатипятилѣтняго управленія Львовымъ придворною пѣвческою капеллою. Спб. тип. III отд. 1862. 8°. 7 стр.—Справ. Энци. Словарь VII, 305.—Голосъ 1870, № 353.—Записки М. И. Глинки.—Биограф. очеркъ *Д. Столыпина* въ *Всем. Иллюстраціи* 1871, № 107 и 108, съ портретомъ (извлечено изъ біографіи составленной къ 25 лѣтнему юбилею его управленія капеллою, съ оцѣнкою его заслугъ какъ композитора и музыканта). Статья гр. Д. Н. Толстаго въ *Р. Архивѣ* 1871, стр. 1306.

Матчерскій. Петръ Ивановичъ, профессоръ душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ Моск. унив.-тѣ.

Воспом. о немъ *Д. Х.* въ *Соврем. Лѣтописи*. Моск. Вѣдомостей 1870 № 33.

Медемъ, баронъ Николай Васильевичъ, генераль отъ артиллеріи. Род. въ 1796. Получивъ университетское образованіе, поступилъ въ 1813 г. въ лейбъ-гвардіи конную артиллерію и участвовалъ въ заграничной кампаніи. Послѣдующая служба его вся посвящена была дѣятельности военно-ученой и военно-учебной. Въ 1823, поступивъ преподавателемъ въ артиллерійское училище, онъ въ 1826 г. назначенъ инспекторомъ его классовъ. При учрежденіи военной академіи, ему поручено было приготовить преподавателей, и въ 1833 онъ назначенъ профессоромъ стратегіи, военной исторіи и военной литературы, потомъ присутствовалъ въ совѣтѣ академіи. Въ 1847 онъ былъ откомандированъ за границу для наблюденія за посылаемыми, для практическаго образованія, офицерами. Въ концѣ 1848 назначенъ предсѣдателемъ военнаго цензурнаго комитета (упраздненаго въ 1858). Въ 1858 снова былъ за границею для составленія описанія военно-учебныхъ заведеній. По возвращеніи назначенъ въ 1860 членомъ главнаго правленія цензуры и предсѣдателемъ Спб. цензурнаго Комитета; въ 1862 членомъ совѣта мин. вн. дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, а въ 1864 предсѣдателемъ главнаго военно-учебнаго комитета. Ум. 24 Фев. 1870.

1) Тактика, 2 ч. (I, чистая и II, прикладная). Спб. 1837—38. 8°, съ 3 планами. Изд. 2-е части 1-й 1838.

2) Обзоръ извѣстнѣйшихъ правилъ и системъ стратегіи. Спб. 1836. 8°.

3) Описаніе военно-учебныхъ заведеній Пруссіи. Спб. 1851. 8°.

4) Записки о замѣчат. перемѣнахъ, усовершенствованіяхъ и изобрѣтеніяхъ по части тактики, предст. баро-

номъ Медемомъ въ 1843 г. Спб. 1857. 8° (Изъ Рус. Инвалида, № 90 и 91).

Біографія въ Справочномъ Энци. Словарѣ Старчевскаго, т. 9, ч. I, 358. Некрологъ въ Рус. Инвалидѣ, № 50. А. Л.

Метлинскій, Амвросій Лукьяновичъ, кандидатъ (1835), магистръ (1843), адъюнктъ по кафедрѣ Рус. словесности въ Харьковскомъ университетѣ, изъ котораго въ 1850 переведенъ въ унив-тъ св. Владимира, гдѣ получилъ степень доктора Славяно-русской филологіи, въ 1851 опредѣленъ профессоромъ, а въ 1854 снова переведенъ въ Харьковскій ун., изъ коего уволенъ, по болѣзни, въ 1858 г. Застрѣлился въ припадкѣ ипохондріи въ Ялтѣ 17 Юня 1870 г. (Всем. Иллюстрація, III, 559).

1) Думки и пѣсни — Та ште де исчо, *Амвросія Могилы*. Харьковъ, 1839.

2) О сущности цивилизаціи и значеніи ея элементовъ X. 1839. 8° (Магистерская диссертация).

3) Рѣчь объ истинномъ значеніи поэзіи. X. 1843. 12°.

4) Южный Русскій сборникъ. X. 1848. (на Малоросс. нарѣчій).

5) Взглядъ на историческое развитіе теоріи прозы и поэзіи. X. 1850.

6) Народныя южно русскія пѣсни. Кіевъ. 1854.

Онъ же издалъ: *Байки и прибаутки*. Боровиковскаго 1850.

Объ немъ въ отчетѣ Харьк. унив. 1857—1858 г., *И. Коссова*, стр. 27.

Морошкинъ, Михайлъ Яковлевичъ, сынъ священника Бѣжецкаго у. Твер. г. села Андреевскаго. По окончаніи курса въ Тверской семинаріи, онъ въ 1841 поступилъ въ Спб. дух. академію; потомъ бакалавромъ математики въ Казанскую академію, но черезъ полгода занялъ кафедру Рус-

свой исторіи и съ того времени полюбилъ историческія занятія. Въ 1848 г. (въ Декабрѣ) онъ опредѣленъ священникомъ въ Казанскій соборъ. Сконч. 18 Апрѣля 1870 г. 49 лѣтъ.

Ему принадлежитъ починъ въ возбужденіи вопроса о выборномъ началѣ въ церковнослуженіи: онъ напечаталъ объ этомъ статью въ Духѣ Христіанина: «Правила Синода 1825 г. по поводу предложенія митрополита Евгенія», и потомъ замѣчательную статью въ Голосѣ 1869, № 284 и слѣд. Занимаясь, по вызову графа М. А. Корфа, собираніемъ матеріаловъ для исторіи церкви въ царствованія Николая I, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ собралъ данныя для своихъ изслѣдованій о Іезуитахъ въ Россіи. Есть его статьи въ Извѣстіяхъ Арх. Общ. и въ разныхъ журналахъ; они указаны въ статьѣ о немъ въ Всем. Иллюстраціи т. III, 474.

1) Іезуиты въ Россіи въ ц. Екатерины II и до нашего времени. 2 ч. Спб. 1867—1870. 8°.

2) Славянскій именословъ или собраніе различныхъ Славянскихъ именъ. Спб. 1867.

Биографія. Всем. Илл. т. III, № 71 и 79 (1870), съ портретомъ.

Нейкирхъ, Иванъ Яковлевичъ, (Ioh. Neug. Neukirch). Курляндецъ, р. 1803, получилъ образованіе въ Дерптскомъ унив., потомъ былъ посланъ за границу и получилъ въ 1833 г. степень доктора философіи въ Лейпцигѣ. По возвращеніи изъ за границы былъ въ Дерптѣ приватъ-доцентомъ, въ 1837 выдержалъ экзаменъ на степень доктора философіи и опредѣленъ профессоромъ Греческой словесности и древностей въ университетъ св. Владимира. Въ 1838 онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ; былъ избираемъ нѣсколько разъ ректоромъ и

деканомъ. Каѳедру онъ занималъ до увольненія, по болѣзни, въ 1868 г. умеръ 3 Окт. 1870 г.

1) De discrimini mimi, qui proprie dicitur explanipediae, Dorpati, 1829.

2) De fabula togata Romanorum. Accedunt fabularum togatarum reliquiae, Lipsiae, 1833.

3) In Platonis politiam quaestionum philologicarum particula I. Lipsiae, 1834; part II, Dorpati, 1835. 8°.

4) De indicativo et conjunctivo modo in utenda *quum* particula disputationis pars prima, Dorpati, 1837.

5) Рѣчь о важности изученія древней Греческой словесности. Кіевъ, 1840.

6) Dichtercanon. Ein Versuch, die vollendesten Werke der Dichtkunst aller Zeiten und Nationen aufzuzeichnen, nebst gedrängter Vorbereitung auf das Lesen der angeführten Schriften und Angabe der gewandtesten deutschen Uebersetzungen. Kiew. 1853.

7) Historiae litterarum graecarum summarium. 1863.

В. Шульгина: Ист. Унив-та св. Владимира, стр. 116.—Кіевскія Унив. Извѣстія 1870, № 10, стр. 1—16, некрологъ и рѣчь *А. Линниченко*, гдѣ указаны и оцѣнены заслуги Нейкирха университету.

Поповъ, Николай Егоровичъ, молодой ученый, профессоръ лѣсоводства въ Петровской Моск. академіи; ум. въ Авг. 1870 (Бирж. Вѣдом. № 368).

Онъ написалъ курсъ лѣсной технологіи и перевелъ вмѣстѣ съ *Ө. К. Арнольдомъ* соч. Россмесслера: Лѣсъ Спб. 1866.

Поповъ, Николай Ивановичъ. Родомъ изъ дворовыхъ людей, р. 1834 г., лѣтъ 20-ти поступилъ переплетнымъ мастеромъ при типографіи Моск. унив-та. Онъ любилъ чтеніе, особенно ду-

ховныхъ книгъ и по своему религіозному направленію полемизировалъ съ раскольниками, для чего собралъ значительную бібліотеку рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя издалъ, и напечаталъ нѣсколько статей. Собраніе своихъ рукописей онъ пожертвовалъ, по завѣщанію, Московскому музею, о чемъ есть извѣстіе *Е. Барсова*, съ исчисленіемъ главнѣйшихъ рукописей (Голосъ 1874, № 163). Онъ издалъ: Сборникъ для исторіи старообрядчества, Т. I (3 выпуска) М. 1864—1866. 8°. (Свѣдѣнія о поповщинѣ Рогожскаго кладбища и безпоповщинѣ Преображенскаго и статья Попова: Чтò такое современное старообрядчество). Т. II, выпуски IV и V М. 1866. (Историческіе очерки бѣглопоповщины на Ирғизѣ въ 1762—1866 г. съ приложеніемъ Словаря и Каталога старовѣрческой церкви Павла Любопытнаго). Съ портретами.

Прохоровъ, Е. Е. извѣстный въ Петербургѣ устройствомъ домашнихъ спектаклей, авторъ нѣсколькихъ пьесъ: Брантмейстеръ, Мастеровой и проч. Ум. въ Окт. 1870. (Всем. Илл. IV, 751 стр.)

Рачъ, Василій Ѳедоровичъ, генералъ-майоръ, въ отставкѣ съ 1869. Ум. въ Козловскомъ уѣздѣ 2 Янв. 1870.

1) Свѣдѣнія объ артиллеріи Гатчинскихъ войскъ. Спб. 1851. 8°. Съ атласомъ рисунковъ.

2) Публичныя лекціи, читанныя при гвард. артиллеріи въ 1859. То же за 1860 и 1861. (Изъ Артилл. Журнала).

3) Свѣдѣнія о Ермоловѣ. Изъ Артилл. Журнала 1861. № 7 и 11.

4) Свѣдѣнія объ Аракчеевѣ. Спб. 1864. (Изъ Военнаго Сборника 1861 и 1864).

5) Свѣдѣнія о Польскомъ мятежѣ 1863 въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

2 ч. Вильно. 1867 — 1868. La Russie lithuanienne jusqu'à la chute de la Pologne. Matériaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863 Trad. du russe. Paris, 1869. 8°.

6) Польская эмиграція до и во время послѣдняго мятежа 1831—1836. Вильна, 1866. 8°.

7) L'Autriche et le polonisme. Matériaux pour servir à l'histoire de l'insurrection de 1863. Paris. 1869. 8°. Иллюстр. Газета 1870, № 10.

Розоновъ, С. М. главный ботаникъ Спб. ботаническаго сада по части растительной біологіи, написавшій нѣсколько статей по ботаникѣ, ум. въ концѣ 1870. (Всем. Иллюстрація, IV, № 103, стр. 866).

Рупрехтъ, Францъ Ивановичъ, д. мед. д. ст. сов., академикъ и директоръ ботаническаго сада академіи наукъ. Р. въ Фрейбургѣ, въ Брейзгау, 1 Ноября 1814, сынъ Австрійскаго офицера, учился въ Пражскомъ унив-тѣ, по медиц. факультету и занимался ботаникою. Первый трудъ его: Tentamen agrostographiae universalis послужилъ ему докторскою диссертациею. Въ 1837 онъ познакомился съ Триніусомъ, который доставилъ ему мѣсто консерватора ботаническаго музея при Спб. академіи, и онъ въ началѣ 1839 переселился въ Петербургъ. Въ 1847, женившись, онъ поступилъ въ Русское подданство. Избранный въ 1848 въ адъюнкты академіи, онъ былъ повышенъ въ экстр. (1853) и орд. академики (1857), съ 1851 по 1855 былъ старшимъ помощникомъ директора ботанич. сада, съ 1855 директоромъ ботанич. музея, и профессоромъ ботаники въ педагогическомъ институтѣ съ 1854 по 1859. Ум. 23 Іюля 1870.

Начавъ съ изученія злаковъ и монографіи о бамбуковыхъ, описалъ во-

доросли, собранныя во время кругогосвѣтной экспедиціи подъ начальствомъ Ѡ. П. Литке, въ 1841 объѣхалъ для ботанич. изслѣдованій мало-земельную тундру Самоѣдовъ, потомъ занялся изученіемъ тайнобрачныхъ и водорослей и приступилъ къ описанію Петербургской флоры и къ изслѣдованіямъ ботанической литературы. Послѣдними занятіями его были флора Кавказа, куда онъ ѣздилъ въ 1860 и изслѣдованіе Русскаго чернозема, для онъ чего совершилъ нѣсколько поѣздокъ по Россіи. Кромѣ отдѣльно изданныхъ трудовъ Рупрехта (изъ коихъ нѣкоторыя весьма обширныя и цѣнныя по критической и подробной разработкѣ матеріала) онъ оставилъ множество статей въ изданіяхъ академіи. Полный списокъ его сочиненій (числомъ 78) приложенъ г. Максимовичемъ къ его статьѣ о Рупрехтѣ, въ Запискахъ Имп. Акад. Наукъ, т. XX.

Собко. Петръ Ивановичъ, д. с. с., инженеръ. Род. въ Кіевѣ, въ 1819 г., учился въ Нѣжинской гимназіи (потомъ въ лицей) и въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ по окончаніи курса (въ 1840 году) былъ репетиторомъ, потомъ профессоромъ нѣсколькихъ предметовъ. Кромѣ того онъ преподавалъ теоретич. механику въ горномъ институтѣ (1843 — 1855) и практич. механику и аналитич. геометрію въ 1-мъ кад. корпусѣ (1846 — 1849) и читалъ лекціи въ горномъ институтѣ и въ строительн. училищѣ. Онъ участвовалъ въ составленіи проекта моста черезъ Неву, сооруженнаго Кербедзамъ. Въ послѣдніе годы онъ былъ главнымъ инженеромъ при ремонтѣ путей и зданій, подвижнаго состава и тяги на Петербургово-варшавской линіи. Ум. въ Ноябрь 1870 (Моск. Вѣд. № 255).

Х. 6.

Его статьи въ журналѣ Гл. Управленія Путей Сообщ. съ 1844 года.

—Памятная книжка для инженеровъ и архитекторовъ, или собраніе таблицъ, правилъ и формулъ, относящихся къ математикѣ, физикѣ, геодезіи, строительному искусству и практической механикѣ. Ч. I. Чистый математич. анализъ. Общая геометрія. Общая механика. Физика (Составилъ съ Вл. Глуховымъ). Спб. 1854. 12°.

Биографія, *Д. Журавскаго* въ книгѣ: Лицей кн. Безбородко. Спб. 1859, стр. 133 — 136 и списокъ статей, стр. 205.

Устряловъ, Николай Герасимовичъ, историкъ, тайн. сов., поч. членъ Спб. унив-та и академикъ. Уроженецъ Мало-архангельскаго у. Орлов. г. (р. 4 Мая 1805), воспитанникъ Орловской семинаріи и Спб. унив-та, онъ въ 1824 г. поступилъ въ канцелярію министерства финансовъ, но черезъ шесть лѣтъ перешелъ на ученое поприще учителемъ (1827) Спб. 3-й гимназіи, потомъ черезъ два года лекторомъ Спб. унив-та, прежде Русскаго языка, потомъ исторіи. Съ 1834 г. онъ сталъ читать Русскую исторію и получилъ извѣстность въ литературѣ изданіемъ нѣсколькихъ историческихъ источниковъ и учебниковъ и изслѣдованіями, особенно о царствованіи Петра Великаго, которыми онъ занялся преимущественно съ 1842, работая въ архивахъ Русскихъ и иностранныхъ. Въ 1834 онъ утвержденъ былъ экстр. профессоромъ Русской исторіи, которую преподавалъ до 1859 г. и кромѣ унив-та въ педагогич. институтѣ и военной академіи. За диссертацию: о системѣ прагматической Рус. исторіи, 1836 получилъ степень доктора философіи и званіе адъюнкта

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1872. 64.

академіи, въ которой въ послѣдствіи былъ орд. академикомъ. Ум. 8 Іюня 1870 въ Царскомъ Селѣ.

1) Состояніе Россійской державы и Великаго Княжества Московскаго, съ присовокупленіемъ извѣстій о достопамятныхъ событіяхъ, случившихся въ правленіе четырехъ государей, съ 1590 г. по Сент. 1606. Соч. капитана *Маржерета*. Пер. Н. У. Спб. 1830. 12° (съ снимкомъ подписи Самозванца).

2) Сказанія князя Курбскаго. Ч. I. Исторія Іоанна Грознаго. Ч. II. Переписка. Спб. 1833. 8°, съ портретомъ Іоанна. 2-е изд. доп. Спб. 1842. 8°. Изд. 3-е, Спб. 1870.

3) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ 5 ч. Спб. 1831—1834 8°. Переводъ съ примѣч. ч. I Берова лѣтопись Московская. ч. II Георгій Паерле; ч. III Маржеретъ и Де-Ту. ч. IV Дневникъ Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ. ч. V. Маскевичъ. Съ портретами Самозванца, Марины и картою Изд. 2-е 1837. 3-е 1859.

4) Русская исторія. 3 ч. Спб. 1837—1838, 8°, съ картами. 2-е изд. 1839, части IV и V, 1840—41. 12° 3-е изд. съ 5 картами и 36 планами 2 ч. (Прежнія пять) Спб. 1845, 8°. 4-е съ обзорѣніемъ ц. Николая I съ 5 картами и 45 планами, 2 ч. 1849. 8°. 5-е изд. 2 ч. 1855. 8°. Die Geschichte Russlands. Aus dem rus. v. E. W. Wiedemann. Stuttg. u. Tüb. 1840—1843. 2 ч. 8°.

5) Изслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ Русской Исторіи должно занимать великое княжество Литовское? Спб. 1838.

6) Начертаніе Русской Исторіи для учебныхъ заведеній. Спб. 1839 (два изд.), 1840, 1842, 1845, 1847, 1848, 1850, 1851, 1854 (Принято учебникомъ

въ гимназіяхъ. Переведено на Нѣм. Бракелемъ, Рига, 1841).

7) О монастырскихъ имѣніяхъ въ Россіи (*Mémoires de l'Acad. IV série, T. IV, 1840.*)

8) Руководство къ первоначальному обученію Русской исторіи. Спб. 1840 (два изданія); 3-е 1843, въ 16 д. съ атласомъ; 4-е 1845, 5-е 1847, 6-е 1848 7-е 1851; 9-е 1854, 12°; 11-е 1859. *Anleitung zur ersten Erlernung der Russ. Geschichte. Mitau, 1842 8°.* (v. Kuhlberg), *Id. ibidem, 1846; Grundriss der Gesch. Russlands für mittl. Lehranstalten übers. v. Brackel, Riga 1841, 8°.* Польскій переводъ Заторскаго, Варшава 1841 и 1850. 12°.

9) Именитые люди Строгановы. Спб. 1842. 8°, съ портретомъ Петра Великаго, картою и проч.

10) О состояніи Россіи предъ восшествіемъ на престолъ Петра Великаго, рѣчь въ академіи, 1842.

11) Историческое обзорѣніе царствованія Г. И. Николая I. Спб. 1847. 8°. Переводы: *Obraz historyczny panowania najjasniejszego cesarza Mikolaja I. przel. przez Kumelskiego. Warszawa, 1847. Przegląd historyczny panowania Nikolaja I przel. P. D. (Дубровскій). W. 1847. N. Ustrialoff historisk öfversigt of Kejsar Nicolai I regering. Helsingfors, 1850. Revue historique du règne de l'emp. Nicolas I. Trad. par E. Babouchkine. St. Pét. 1851 (Этотъ переводъ не былъ выпущенъ въ обращеніе). An historical review of the reign of the emperor Nikolai. Transl. by W. Roberts. London, 1854. Historische Uebersicht der Regierung Nikolaus I. Ueb. v. Alex. Andrejanoff. Mitau u. Leipzig. 1855.*

12) Русское войско до Петра Великаго, рѣчь на актѣ Спб. унив. 1856.

13) Разсказъ Штелина о письмѣ Петра Великаго къ Сенату съ бере-

говъ Прута. Спб. 1859. (Мѣсяцословъ на 1859 г.)

14) Исторія царствованія Петра Великаго. Спб. 1858. 8°. Ч. I. Господство ц. Софіи. Съ портретомъ и снимкомъ. Ч. II. Потѣшныя и Азовскіе походы. Ч. III. Путешествіе и разрывъ съ Швеціею. Ч. IV (битва подъ Нарвою и начало побѣдъ). 1864. Ч. VI. Царевичъ Алексѣй Петровичъ 1859 съ 5 снимками, съ 2 картинами, родосл. таблицею и портретомъ. Le procès du tsarévitch Alexis Petrovitch. Trad. du russe par C. de White. Leipzig, 1860. Отрывки этого труда были печатаны въ Журналѣ Мин. Н. Пр. и въ другихъ журналахъ.

Отмѣтимъ также Русскую Исторію по руководству Устрялова, 1 часть, Варшава, 1838. 8°. (Реестръ Ольхина № 1643) и *Rittersberg, Dějiny Ruske od nejstaršich dob až do nejnovějšího miru Parížkeho. Hlavně však podle Ustrjalova. Praha, 1857. 12°*, въ каталогѣ И. Пуб. Б-ки по иноязычн. отд., гдѣ еще указано подъ его именемъ: *Die Schlachten Russlands von 1700 bis 1831, Riga u. Leipzig. 1857. 8°*.

Свѣд. о немъ *Григорьева* Ист. Спб. Унив. стр. 222—225. Справочный Энци. Словарь Старчевскаго X, 676.—Отчетъ Академіи Наукъ за 1870, въ Запискахъ Академіи т. XIX, кн. 1, стр. 3—7. Краткая біографія въ Портретной Галлерей Мюнстера т. II (Спб. 1869), стр. 54—56.

Ушинскій, Константинъ Дмитриевичъ, педагогъ. Сынъ дворянина, р. въ Тулѣ, въ 1824; учился въ Новгородъ-сѣверской гимназіи, въ 1840—1844 въ Моск. унив-тѣ, изъ котораго поступилъ въ Ярославскій Демидовскій лицей, гдѣ преподавалъ энциклопедію законовѣдѣнія, государственное право и науку финансовъ. Около 1850 онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ слу-

жилъ въ министерствѣ вн. дѣлъ и занялся литературою. Нѣсколько рецензій и серьезныхъ статей его напечатано въ Современникѣ (1852—1854); потомъ онъ участвовалъ въ Библиотекѣ для Чтенія. Въ 1855 онъ поступилъ въ Гатчинскій институтъ учителемъ, потомъ былъ инспекторомъ классовъ. Съ этого времени начинается его вліятельная педагогическая дѣятельность. Изучая педагогическую литературу, онъ изрѣдка сообщалъ статьи по занимавшему его предмету въ Журналѣ для Воспитанія, съ 1857 (одна изъ нихъ: три элемента школы, подписана псевдонимомъ *Виссаріона Жукова*). Затѣмъ появились его извѣстныя книги: Дѣтскій міръ и Родное Слово, имѣвшіе огромный успѣхъ и значеніе. Служба Ушинскаго была замѣчена, и въ 1859 онъ переведенъ былъ инспекторомъ классовъ въ и. воспит. общество благор. дѣвицъ и Александровское училище. Кромѣ того, при преобразованіи въ 1860 г. Журнала Мин. Нар. Пр., которому тогда данъ былъ характеръ специально-педагогическій, Ушинскому поручена была его редакція, и онъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько статей. Въ Ноябрь 1861 онъ оставилъ службу по министерству нар. проsv., продолжая однако печатать статьи въ его журналѣ. Съ 1862 по 1867 онъ прожилъ съ семействомъ за границею, преимущественно въ южной Европѣ, изрѣдка пріѣзжая въ Россію по дѣламъ. Онъ лечился и изучалъ устройство школъ народныхъ, особенно въ Швейцаріи (см. письма его объ нихъ въ Журналѣ М. Н. Пр. 1862—1863). Въ 1867 онъ возвратился въ Петербургъ, изъ котораго ѣздилъ на югъ Россіи и въ свою деревню Новгородъ-сѣверскаго уѣзда. Внезапная смерть его 17 лѣтняго сына сильно подѣйствовала на

его здоровье; онъ переѣхалъ изъ деревни въ Кіевъ, потомъ въ Одессу, гдѣ сконч. 21 Дек. 1870.

1) О камеральномъ образованіи. М. 1848.

2) О нравственномъ элементѣ въ Русс. воспитаніи. 8°. (Изъ Журнала М. Н. Пр. 1860, № 11 и 12).

3) Воскресныя школы. Письмо въ провинцію. Спб. 1861.

4) Дѣтскій міръ и хрестоматія. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. Назначается для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, 2 ч. Спб. 1861. (Изд. 1-е и 2-е). Съ таблицами. Изд. 4-е 1863; Изд. 5-е 1864, 6-е 1865, 8-е съ 205 рис. 1868.

5) Родное Слово для дѣтей младшаго возраста. Годъ первый. Азбука и первая послѣ азбуки книга для чтенія съ прописями, образцами для первоначальной рисовки и картинками въ текстѣ. Спб. 1864. 8°. Изд. 2 и 3-е исправл. 1865. Изд. 4-е 1867.— Годъ второй. Вторая послѣ азбуки книга для чтенія. Изд. 2-е испр. 1865; 3-е 1866.— Годъ третій. Начальная практич. грамматика съ хрестоматіею. 1870.— Родное Слово. (Книга для учащихся). Совѣты родителямъ и наставникамъ о преподаваніи роднаго языка по учебнику: Родное Слово, годъ 1 и 2. Спб. 1864.— Изд. 2-е и 3-е 1865.

6) Человѣкъ какъ предметъ воспитанія. Опытъ педагогической антропологии. 2 ч. Спб. 1868.

Біогр. очеркъ Ю. *Резневскаго*, въ Вѣстникѣ Европы 1871, № 2, хроника, 883-902 (Здѣсь указаны его соч. и журнальныя статьи). Біогр. В. *Стоюнина*, въ Спб. Вѣдом. 1871, № 49. Некрологъ, съ портретомъ въ Журналѣ: Семья и Школа 1871, № 2.

Филимоновъ, Николай Ивановичъ. Драматическій писатель. Ум. 16 Фев. 1870 на 65 г. Первая піеса, поставленная на Петербургской сценѣ, была водевиль: Билетъ пятиклассной лотереи. Успѣхомъ пользовались его водевили: оригинальный «Молодая Мачиха» и переводный «Мельничиха въ Марли». Въ его драмѣ въ стихахъ «Князь Серебрянный» дебютировала извѣстная драматическая актриса Вѣра Вас. Самойлова. Онъ перевелъ съ Нѣм. драму Гольма: Философскій камень и съ Французскаго Школу мужей и Мнимый рогоносецъ. Всего онъ поставилъ на сцену 14 пьесъ; нѣкоторыя были напечатаны въ Пантеонѣ и Репертуарѣ.

Статья о немъ Л. *Трефолева* въ Яросл. Г. Вѣдом. 1870, № 11.

Фонъ-Юнкъ, Алфредъ, издатель Кіевскаго Телеграфа, ум. 13 Авг. 1870, въ Кіевѣ (Бирж. Вѣдом. № 319).

Его статьи встрѣчаются въ Кіевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ и въ Сѣв. Пчелѣ. Изъ изданныхъ имъ книгъ въ моихъ библіогр. листкахъ значатся слѣд.:

1. Тетушка-невѣста, комедія-водевиль. К. 1850. 12°.

2. Стихотворенія и куплеты изъ ненапечатанныхъ водевилей. Кіевъ. 1851. 8°.

3. Проказы Кіевлянина въ Васильковѣ, ком. въ 1 д. К. 1855. 8°.

4. Басни Ив. Андр. Крылова, драма-водевиль въ 1 д. К. 1855.

5. Полное практическое руководство приготовления Кіевскихъ сиропныхъ вареньевъ, повидлѣ, постилы и сухихъ плодовыхъ конфетовъ. К. 1858.

6. Практическое руководство къ приготовленію Польскихъ бабъ, пляцковъ и мазурковъ. К. 1860.

Харашъ, Яковъ Давидовичъ, студентъ Одесскаго университетта, извѣстный статьями и брошюрами по Еврейскому вопросу, какъ сказано во Всем. Иллюстраціи (III, 543), ум. въ Одессѣ 13 Іюля 1870 г. на 23 году.

Шакѣвъ Александръ Венедиктовичъ д. с. с. ум. 13 Сент. 1870. Начальникъ пансіона при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Онъ участвовалъ съ И. Шульгинымъ въ составленіи Руководства всеобщ. и Рус. исторіи. Курсъ 4-го общаго класса Изд. 2-е Спб. 1856. Памяти А. В. Шакѣва, *К. Тимоѣева*. Спб. 1870. 12°, 4 стр.

Шопень, Иванъ Ивановичъ, ст. сов., Французъ, прибывшій въ Россію въ 20-хъ годахъ, бывший долго на службѣ на Кавказѣ, потомъ состоявшій при министерствѣ госуд. имуществъ. Ум. въ Спб. 5-го Авг. 1870, въ глубокой старости. Онъ занимался исторіею и этнографіею Востока, особенно Грузіи и Арменіи, и оставилъ много матеріаловъ и значительную бібліотеку (Бирж. Вѣдом. № 314).

1. Объ ирригаціи и о пользѣ распространія искусства орошенія полей въ большомъ размѣрѣ въ Россіи. Спб. 1845.

2. Хозяйственные очерки части Аракской долины, вошедшей въ составъ Грузино-Имеретинской губерніи. Спб. 1843. 8° (Изъ Трудовъ Вол. Эк. Общ.).

3. Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Росс. имперіи, 5 ч. Спб. 1852.

Штакельбергъ, графъ Эрнестъ Густавовичъ, ген. лейт. Род. 2 Апр. 1814, второй сынъ графа Густава Магнуса и внукъ Екатерининскаго дѣятеля. Въ молодыхъ лѣтахъ, поступивъ въ 1832 г. въ военную службу, былъ

адъютантомъ князя Чернышева. Будучи нѣсколько разъ на Кавказѣ, онъ занялся этнографическимъ его описаніемъ, послужившимъ текстомъ къ великолѣпному изданію князя Гагарина: *Caucase*. Находясь въ Алжирѣ, онъ составилъ замѣчательную записку о Французской арміи и назначенъ былъ въ 1848 военнымъ агентомъ въ Парижъ, потомъ переведенъ въ 1851 въ Вѣну. Во время Крымской войны онъ находился въ Севастополѣ, а по заключеніи мира посланъ былъ въ 1856 г. въ Туринъ для возобновленія дипломатическихъ сношеній съ королемъ. Въ 1861 и 1862 состоялъ при Мадридскомъ дворѣ, откуда возвращенъ снова въ Туринъ, въ 1864 опредѣленъ посломъ въ Вѣну и въ 1868 въ Парижъ, гдѣ сконч. 12 Мая (30 Апр.) 1870. Онъ напечаталъ книжку Франц. стихотвореній, кажется подъ загл. *Sylvia*.

Le Caucase pittoresque, dessin  d'apr s nature par le pr. Gr goire Gagarine, avec une introduction et un texte explicatif par le comte Ernest Stackelberg. Paris. 1857, in fol. (Сто литографій, частію печ. красками, въ 20 выпускахъ). Некрологъ: *Neue Preussische Zeitung* № 113. — Всем. Иллюстрація т. III, № 73, стр. 370, съ портретомъ.

Щегловъ, Николай Тихоновичъ, р. 1800. Уроженецъ Тульской губ., воспитывался въ Тульской семинаріи и педагогич. институтѣ. Въ 1823 назначенъ былъ преподавателемъ физики и геометріи и въ 1829 утвержденъ адъюнктомъ. Физику онъ читалъ до 1831 какъ адъюнктъ профессора Щеглова (Ник. Прокофьича), потомъ одинъ до 1835, когда вступилъ въ унив-тъ Ленцъ, послѣ чего читалъ до 1840 «физику невѣсомыхъ тѣлъ»; кромѣ того съ 1825 по 1831 начертат. геометрію. Съ 1836 былъ

профессоромъ въ Александровскомъ лицѣѣ. Это былъ дѣльный преподаватель, усердно преданный наукѣ. Ум. 31 Дек. 1870.—Ариѳметика. Спб. 1832, 1834, 1835, 1837, 1840, 1842, 1844. 8° съ испр. и дополненіями, 1848.—9-е изд. 1854; послѣднее 12-е 1866 г.

1) Химія, Спб. 1841. 8° (для военно-уч. заведеній). Начальныя основанія физики 2 ч. 1834. 8°, 2-е изд. передѣланное и увелич. Спб. 1838 — 39. 8. Новое изд 2 ч. Спб. 1845.—Продолженіе 2-й части. 2) Метеорологія, 1846. 3) Начальныя основанія алгебры, съ таблицами степеней чиселъ отъ 1 до 1000. Спб. 1853 и 1857. 4) Таблица Бригговыхъ логориемовъ чиселъ и тригонометрич. линій, о семи десятичныхъ, съ подробнымъ наставленіемъ ихъ употребленія и съ прилож. различныхъ вспомогаѣ. таблицъ, формулъ и проч. Спб. 1856.

Справочный Энци. Словарь XII, 344.—Записка о Спб. Унив. *В. Григорьева*.—Иллюстр. Календарь 1872, некрологъ, стр. 79.

В. И. ДАЛЬ.

22 Сент. 1872 г. кончилъ въ Москвѣ трудовую, многополезную жизнь свою Владиміръ Ивановичъ Даль, одинъ изъ старѣйшихъ Русскихъ писателей, полигисторъ, этнографъ, филологъ, естествоиспытатель, врачъ и въ то же время пріобрѣтшій почетную извѣстность дѣятельностью въ государственной службѣ.

В. И. Даль родился 10-го Ноября 1801 года, въ Екатеринославской губерніи, въ Лугани, гдѣ отецъ его, человекъ отлично образованный, богословъ и лингвистъ, состоялъ докторомъ при литейномъ заводѣ. Отсю-

да псевдонимъ *Казака Луганскаго*, съ которымъ долгое время являлись въ печати сочиненія Даля. Отецъ Даля былъ по происхожденію Датчанинъ. Онъ умеръ около 1823 года въ Николаевѣ, генераль-штабъ-докторомъ Черноморскаго флота. Мать Даля была Нѣмка, родомъ Фрейтагъ, по женскому колѣну происходившая отъ Французскихъ протестантовъ Де-Мальи. Любовь къ ученію и къ словесности была, такъ сказать, въ крови Даля: его бабка, Марья Ивановна Фрейтагъ, переводила и печатала порусски Нѣмецкія драмы (въ Росписи Смирдина №№ 7207 и 7268).

Даль учился въ Петербургѣ, въ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда опредѣленъ въ 1819 г. на службу въ Черноморскій флотъ. Покойникъ рассказывалъ намъ, какъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Николаевъ, почти мальчикомъ, онъ удивлялся разницѣ между языкомъ Русскимъ, какимъ говорили у нихъ въ корпусѣ и въ Петербургѣ и языкомъ простонародья, съ которымъ онъ тутъ въ первый разъ встрѣтился на пути изъ одного конца Россіи въ другой. Съ дѣтства любознательный и привыкшій уяснять себѣ получаемыя впечатлѣнія, онъ тогда же началъ записывать слова народныя и положилъ первое начало будущему великому труду своему въ изученіи Русской рѣчи.

Въ Николаевѣ не посчастливилось молодому мичману вслѣдствіе гоненія отъ адмирала Грейга: юноша написалъ какіе-то стихи про одну Еврейку, покровительствуемую его начальникомъ, и долженъ былъ оставить Николаевъ. Его перевели въ Балтійскій флотъ. Черезъ два года онъ произвольно бросилъ морскую службу и

отправился въ Дерптъ, гдѣ въ Январѣ 1826 года поступилъ въ Университетъ, прошелъ медицинскій курсъ подъ руководствомъ Мойера, въ товариществѣ съ Иноземцевымъ и Пироговымъ и получилъ ученую степень доктора медицины. Судьба бросила его опять на оконечность Россіи: въ 1829 году видимъ его подъ Силистрією и Кулевчею ординаторомъ въ подвижномъ госпиталѣ главной арміи. На перевязочныхъ пунктахъ прошелъ онъ дѣятельную школу врачебнаго искусства, и тутъ, по его словамъ, окончательно извѣрился въ обыкновенномъ, алопатическомъ способѣ леченія. Будучи человѣкомъ безъ всякаго состоянія, онъ однако нашелъ въ себѣ довольно твердости, чтобы строго послѣдовать внутреннему убѣжденію и бросить дѣло, въ которое болѣе не вѣрилъ. При первой возможности, онъ совершенно оставилъ медицинскую практику и сдѣлался ревностнымъ гомеопатомъ.

Поокончаніи Польской войны, его перевели въ Петербургъ ординаторомъ военнаго госпиталя, и тутъ впервые Даль выступилъ на поприще словесности съ небольшою книжкою, содержащею въ себѣ пять народныхъ, имъ изложенныхъ, сказокъ: «Русскія сказки. Пятокъ первый. Спб. 1832». *). Нежданно-негаданно, и книжка, и ея авторъ были арестованы, потому что въ одной сказкѣ открыли какіе-то намеки. То было тяжелое время для Русской словесности. Передъ тѣмъ погибъ баронъ Дельвигъ за помѣщенные въ его литературной газетѣ четыре Французскіе стиха объ Іюльской революціи, а въ сущности за то, что вмѣстѣ съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ,

кн. Одоевскимъ и другими лучшими дѣятелями словесности противодѣйствовалъ на журнальномъ поприщѣ Булгарину, умѣвшему стать подъ покровительство графа Бенкендорфа. Подозрительность власти, питаемая тайными внушеніями такихъ людей какъ Булгаринъ, усиливалась; но къ счастью Даля, его зналъ еще по Дерпту Жуковский и успѣлъ его спасти. (Вотъ еще заслуга Жуковскаго передъ Россією). Общественное вниманіе обратилось на молодаго писателя, который съ этихъ поръ сталъ помѣщать въ журналахъ разнаго рода повѣсти, рассказы и очерки, уже не подвергаясь преслѣдованію. Сближеніе съ Жуковскимъ, а черезъ него съ Пушкинымъ утвердило Далья въ мысли собрать словарь живаго народнаго Русскаго языка. Въ особенности Пушкинъ дѣятельно ободрялъ его, перечитывалъ вмѣстѣ съ нимъ его сборникъ и пополнялъ своими сообщеніями. За нѣсколько дней до своей кончины, Пушкинъ пришелъ къ Дально и, указывая на свой только что сшитый сюртукъ, сказалъ: «Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу». *Выползиною* называется кожа, которую мѣняютъ на себѣ змѣи, и Пушкинъ хотѣлъ сказать, что этого сюртука надолго ему станетъ. Онъ дѣйствительно не снялъ этого сюртука, а его спорили съ него 27 Января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку отъ раны (сюртукъ съ дырою отъ пули въ правой полѣ хранится у М. П. Погодина). Случайно находясь въ Петербургѣ, Даль провель съ Пушкинымъ всѣ три дни его предсмертныхъ страданій и получилъ отъ него съ его руки изумрудный перстень, такъ называемый талисманъ. Пушкинъ умеръ на рукахъ Даля, въ буквальный смыслъ слова.

*) Эта рѣдкая книжечка имѣется въ Чертовской бібліотекѣ. 16°. 201 стр. съ рисунк.

Небольшому кружку лучших писателей и их друзей были известны необыкновенныя способности Даля, разнообразіе его познаній, честная самостоятельность характера и скромное, упорное трудолюбіе. Во время Польскаго похода, въ Іюль 1831 г., отряду генерала Ридигера необходимо было переправиться черезъ Вислу, чтобы прикрыть главную армію съ тылу и съ боку. Какъ навести мостъ? Умѣющихъ не нашлось. Отставной флота лейтенантъ, докторъ медицины Даль взялся за дѣло и выполнилъ его: у мѣстечка Юзефова необыкновенный мостъ былъ наведенъ и пстомъ, когда понадобилось разрушить подъ непріятельскими выстрѣлами самоучкою-инженеромъ. Переправа Ридигера была важнѣйшимъ шагомъ къ потушенію мятежа *).

У Жуковскаго Даль познакомился съ другомъ его В. А. Перовскимъ, который въ Маѣ 1833 пригласилъ его къ себѣ на службу въ Оренбургъ. Даль въ это время женился первымъ бракомъ на дѣвицѣ Юліи Андре (отъ которой имѣлъ единственнаго сына, Льва Владиміровича, нынѣ архитектора въ Нижнемъ Новгородѣ, и дочь, скончавшуюся въ Римѣ въ 1863 г.). Дѣятельность его какъ чиновника была изумительна. Онъ былъ настоящимъ секретаремъ Перовскаго, и мы видѣли цѣлыя томы черновыхъ докладовъ, записокъ, писемъ и пр., исписанныхъ рукою Даля по указаніямъ тогдашняго его начальника. Въ Оренбургскомъ краю Даль пробылъ около семи лѣтъ. Онъ извѣздилъ его вдоль и поперекъ, сопровождая между прочимъ вмѣстѣ съ Перовскимъ въ 1837

году Государя Наслѣдника-Цесаревича въ путешествіи по тѣмъ мѣстамъ. Даль не пропускалъ случая повсюду записывать мѣстныя выраженія простонародной рѣчи, наблюдать народные обычаи, повѣрья и т. д. Доводя простоту своего быта почти до бѣдности, относясь ко всему прямо, Даль легко сходилъ съ простонародьемъ и пріобрѣталъ его довѣріе, необходимое для этнографическихъ наблюденій. Въ Уральской степи, перемѣняя лошадей, забѣжалъ онъ въ избушку напиться и спросилъ у старухи-казачки, подавшей ему кринку съ молокомъ: «А давно, бабушка, не видали вы царскаго корени?».—«Давненько, батюшка, съ самаго Государя Петра Федоровича», отвѣчала ему современница Пугачевщины.

Даль раздѣлялъ съ Перовскимъ ужасы Хивинскаго похода 1839 года и оставилъ, такъ сказать, фотографическое изображеніе онаго. Отправляясь въ походъ, онъ догадался взять съ собою снимочную тетрадь тонкой Китайской бумаги, на которой, по способу, дающему два подлинника вдругъ, отпечатлѣлись письма, посланныя имъ въ это время къ роднымъ и знакомымъ. Письма эти напечатаны въ Р. Архивѣ 1867. Далю же принадлежитъ и Докладная Записка о военномъ предпріятіи противу Хивы (Чтенія, 1860). По своей скромности и осторожности, онъ конечно не высказывалъ всего и не хотѣлъ назвать главнаго виновника тогдашней нашей неудачи, Поляка Цюлковскаго, начальника кавалеріи, воспользовавшагося для своихъ злобныхъ цѣлей довѣріемъ прямодушнаго В. А. Перовскаго и погубившаго верблюдовъ въ снѣжной степи.

Въ 1841 году братъ В. А. Перовскаго, товарищъ министра удѣловъ

*) Рѣдная брошюра, съ описаніемъ моста и его наведенія (Спб. 1833, 46 стр.) находится въ Чертковской бібліотекѣ.

и министр внутренних дѣлъ, Левъ Алексѣевичъ убѣдилъ Даля перейти къ нему на службу въ Петербургъ. Въ должности секретаря и чиновника особыхъ порученій при Перовскомъ, Даль прослужилъ восемь лѣтъ, причемъ въ товариществѣ съ Н. А. Милютинимъ составлялъ и вводилъ Городовое Положеніе Петербурга. Современники передаютъ, что онъ былъ, что называется, правою рукою Перовскаго, въ достопамятное управленіе его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Въ числѣ множества порученій, напечаталъ онъ тогда (1844) чрезвычайно рѣдкія нынѣ книжки о скопческой ереси и розысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ *), Даль находилъ время, кромѣ занятій служебныхъ, участвовать въ трудахъ Географическаго Общества и составить для военноучебныхъ заведеній учебники зоологіи и ботаники.

Утомленный службою, въ Іюль 1849 г. Даль испросилъ себѣ сравнительно болѣе легкую должность управляющаго Удѣльною Конторою въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ и оставался въ теченіи десяти лѣтъ, пока столкновенія съ губернаторомъ тамошнимъ А. Н. Муравьевымъ не побудили его выдти въ отставку. Въ Нижнемъ, въ безпрестанномъ обращеніи съ подвѣдомственными ему крестьянами, въ разнообразіи ярмочнаго люда, представлялось наибудобнѣйшее поприще для филологическихъ наблюденій Даля. Онъ до того изучилъ нарѣчія и говоры Русскаго языка, всѣ оттѣнки произношеній и словоудареній, что, находясь въ толпѣ народа, могъ отличать по звукамъ, кто откуда уроженецъ.

*) Та и другая, по экземпляру, находятся въ Чертковской библіотекѣ,

28 Октября 1859 года переселился Даль въ Москву, съ цѣлью опознаться наконецъ на досугѣ съ громаднымъ запасомъ накопленныхъ въ теченіи цѣлой жизни замѣтокъ и приступить къ ихъ обнародованію. Пѣсни отдалъ онъ въ собраніе Кирѣевскаго, Сказки предоставилъ Аванасьеву, Пословицы Бодянскому, бумаги служебныя и историческія подарилъ въ Чертковскую бібліотеку (гдѣ онъ и хранятся переплетенныя съ отмѣткою Даля: «Книжницѣ Г. А. Черткова»); самъ же исключительно занялся «Толковымъ Словаремъ живаго Великорусскаго языка». На седьмомъ десяткѣ лѣтъ, великій трудолюбецъ, съ ревностью юноши, приступилъ къ печатанію этого обширнаго творенія. Кто знакомъ съ типографскимъ дѣломъ вообще (а въ Москвѣ въ особенности) тотъ знаетъ, что самое печатаніе разнообразными шрифтами такого Словаря сопряжено съ трудомъ немалымъ. Даль все дѣлалъ самъ; ему приходилось сначала править по 12 корректуръ одного и того же листа. Онъ едва надѣялся дожить до конца печатанія, жилъ анахоретомъ, отказывалъ себѣ во всѣхъ развлеченіяхъ, чтобы только дѣло не останавливалось. Наконецъ въ Январѣ 1867 г. могъ онъ сказать: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко»: послѣдній выпускъ Словаря вышелъ изъ типографіи Риса.

Должно упомянуть къ чести Русскаго общества, что Словарь Даля, не смотря на то, что по самой обширности своей, онъ не могъ продаваться дешево, нынѣ почти весь раскупленъ. Покойный Даль имѣлъ утѣшеніе видѣть, что соотечественники оцѣнили трудъ его. Въ послѣдніе годы жизни онъ успѣлъ сдѣлать исправленія въ Словарѣ и вполне приготовилъ его ко второму изданію, кото-

рое вѣроятно не замедлитъ появиться. За недѣлю до кончины, умирающій труженикъ приказалъ дочерямъ внести въ словарь еще четыре, услышанныя имъ отъ прислуги, слова.

9 Февраля 1872 года Даль лишился второй супруги своей Екатерины Львовны (ур. Соколовой, внучки князя Путятина, отъ которой онъ имѣлъ трехъ дочерей). Не за долго передъ тѣмъ, въ Декабрѣ 1870 года, онъ, по внутреннему убѣжденію, сознательно и съ твердымъ упованіемъ, присоединился къ вѣрѣ того народа, просвѣщенію коего такъ усердно послужилъ.

Память великаго подвижника Русскаго слова и Русской мысли съ благодарностью перейдетъ къ отдаленнѣйшему потомству. П. Б.

ЗАМѢТКА КЪ СТАТЬѢ: «ИСТОРИЯ ИЗДАНІЯ ОПЫТА О ЧЕЛОВѢКѢ».

Въ напечатанной въ № 7 и 8 Русскаго Архива 1872 г. статьѣ г. Тихонравова объ изданіи перевода *Поповскаго* „Опыта о человѣкѣ“, приводятся въ первоначальномъ видѣ стихи, измѣненные духовною цензурою для печатнаго изданія. У меня есть печатное 2-е изданіе этой книги (Москва, 1763 г.), съ современными, по видимому, вписками искаженныхъ въ печати стиховъ. Поправки сдѣланы въ 28 мѣстахъ, и изъ нихъ 23 *буквально* совпадаютъ съ текстомъ, напечатаннымъ нынѣ г. Тихонравовымъ, 1 разнится отъ приведеннаго имъ текста и 4 вовсе у него не указаны. Именно, во 2-мъ письмѣ ст. 283—284 у г. Тихонравова выписаны такъ:

284. Какъ лекаръ, мя, что онъ очистилъ лишню кровь,

Иль внутренность, или подагру вводитъ вновь.

Въ моемъ-же экземплярѣ послѣдній стихъ читается: *большаго въ внутренность* подагру вводитъ вновь. Неуказанныя-же у г. Тихонравова поправки всѣ относятся къ 3-му письму:

Ст. 265. Не представляя того, о человѣкѣ, въ умѣ.

Что *при создании* ходила тварь во тѣмѣ. (Вм. напечатаннаго: „что *по создании* осталась тварь во тѣмѣ“).

Ст. 438. Потомъ сталъ человѣкъ безумный суетвѣрь

И вздумалъ почитать *тирана* вышше мѣрь. (Въ печатномъ явилось: „*Немерода*“ вм. „*тирана*“).

Ст. 476. И имя Божіе въ машину превращали.

Которою своихъ противниковъ пугали. (Въ печатномъ изданіи „за *котоу*“ вмѣсто „*котоу*“).

Ст. 509. Писателямъ *стиховъ, гражда* намъ мысль дала (Напечатано: „писателямъ *святыхъ законовъ* мысль дала“).

Что эти поправки, вѣроятно, взяты съ подлинной рукописи, доказывается отчасти сходствомъ остальныхъ 23-хъ моего экземпляра съ текстомъ „Русскаго Архива“, отчасти-же и тѣмъ, что *замѣняемые ими стихи*, подобно прочимъ, измѣненнымъ духовною цензурою, напечатаны *болѣе крупнымъ шрифтомъ* противъ остальныхъ, какъ въ 1-мъ, такъ и во 2-мъ изданіи „Опыта“.

Спбурзь. 6 Сентября 1872.

П. Ефремовъ.

ОБРАЩИКИ СТАРИННАГО ОСТРОСЛОВІЯ. 1)

I.

НА БЫВШАГО ВЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ ДИРЕКТОРОМЪ ГОСПОДИНА ДОМАШНЕВА

И. Днесъ предстоитъ со страхомъ Герасимовичъ Герасимовичу 2), и ве-

1) Найдены въ спискѣ прошлаго вѣка въ бумагахъ покойнаго Александра Степановича Ефремова (имѣвшаго бібліотеку до 10 т. томовъ и скончавшагося 30 Іюня 1856) и сообщены намъ его сичномъ П. А. Ефремовымъ. Безпорядки Домашнева по управленію Академіею довольно извѣстны по Запискамъ его преемницы, княгини Дашковой. П. Б.

2) Домашнева звали Сергѣемъ Герасимовичемъ.

легласно вопієть къ нему: Ваше превосходительство! Не ужасайся странному моему зраку, ассесоръ бо есмь, его же ты единъ и единого въ маіорское одѣяніе обещи возмогль еси; вѣруй истиннымъ моимъ глаголамъ, се бо придохъ возвѣстити тебѣ: Радуйся, яко Прусскія страны царевича протяженно сложенными писаніями едва смерти не предалъ еси ³⁾. Радуйся, яко прачкѣ чревосодѣланіе сотворилъ еси. Радуйся, яко въ банѣ Сарацынской въ домѣ тамъ скверны тѣла омылъ еси. Радуйся, яко для прихотей на распещреніе стѣнъ своихъ иконописцевъ упразднилъ ⁴⁾ еси. Радуйся, яко оцеты во снѣдъ профессору употребити повелѣлъ еси. Радуйся, яко юношей, веселящихъ тя мусикією при трапезѣ твоей, отъ ученія отвлеклъ еси. Радуйся, лопато, пѣнязи академическіе на нищету развѣвляющая. Радуйся, яко письмена чуждая съ тиснѣніе за свои выдавалъ еси. Радуйся, яко самъ себѣ похвальныхъ пѣсней приношеніями удостоилъ еси. Радуйся, яко чужестранцевъ съ три пропасти въ члены вмѣстилъ еси. Радуйся, яко по міру таскаться художниковъ пустилъ еси. Радуйся, яко воеводою Греческихъ и Албанскихъ воевъ самъ себѣ ложно нарѣклъ еси ⁵⁾. Радуйся, яко Свейскія страны царя въ глобусъ едва не удушилъ еси, а Кесарю во оной внити возбранилъ еси. Радуйся, яко градъ сей иллюминацією, яко солнцемъ, озарилъ еси. Радуйся, ручко, ею же ко асингклицу (*sic*) съ подѣланымъ ключемъ

³⁾ Относится къ посѣщенію Академіи принцемъ Прускимъ Генрихомъ въ 1770 году.

⁴⁾ Т. е. упражнилъ, заставилъ работать.

⁵⁾ Домашневъ пользовался покровительствомъ Орловыхъ, которые учредили, въ первую Турецкую войну, Греческіе и Славянскіе отряды.

внити не возгнушался еси. Радуйся, яко и во отчизнѣ его юродивымъ неправедно сродникомъ его возвѣстити не посрамилъ еси. Радуйся, яко во ономъ оклеветаніи демонскому стремленію уподобился еси. Радуйся, яко въ мзду удобрительныхъ подвиговъ твоихъ почести сосуда скудельна приобрѣлъ еси, о нихъ же преклонше колѣна царя Свейскаго умолилъ еси, и о нихъ же предстоятели твои радующеся глаголятъ вкупѣ: Ваше превосходительство, господинъ кавалеръ—слава тебѣ!

Припѣвъ академическихъ крылосовъ:
Се грядетъ малоумный въ Академію.
И съ мудрыми присутствуетъ на сѣдалищѣ.

Время, время лишатися его, да не до конца погибнетъ Академія.

Т. Правило ера и образъ буйности, пышности учителю, яви ты стаду Академіи. Ты же, гордости поборниче, истинный Герасимовичъ! Сего ради стяжалъ еси подѣланый ключъ, великій дудикъ нашъ!

К. Избранный воеводо! Убѣдительныя пѣсни приносимъ ти: потщися ополчитися противу Россійскихъ еровъ, яко же изгнати ерь восхотѣлъ еси, да зовемъ ти: попрутелю и истребителю ера! слава тебѣ.

Величаемъ тя, велемудре предсѣдателю, и чтемъ подвиги твоя, яко на мѣсто президента возгнѣздился еси и букву ерь доблественно попрулъ еси.

А. Отъ глупости твоея мнози врутъ тебѣ напрасно, но самъ себѣ сложи похвальную пѣснь.

Ненавидящіе ера, соберемтеся вкупѣ на попруаніе его, яко мѣста многи въ книгахъ занимаетъ ерь.

Съ ключемъ, да съ сосудомъ всякъ кавалеръ есть, свѣтлѣтся, въ кавалерахъ напыщается, дуется и возносятся.

П. Да возвеселится радуясь Парнаская муза, зря козлице облеченно въ броню пастыря хитра.

II.

ЧЕЛОБИТНАЯ ОТЪ ВРА.

Всепрезнаменитѣйшая, всезнающая и достопочтеннѣйшая Академія Наукъ! Премногомилостивая моя госпожа!

Бьетъ челомъ гонимый изъ Россійской азбуки ъ; а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты:

1.

Я вышепоименованный родился въ Россіи въ давнихъ еще лѣтахъ, а какъ именно давно, того не упомяну, и около уже тысячи лѣтъ, какъ внесенъ въ Россійскую азбуку, гдѣ съ прочими буквами служилъ къ начертанію заключительныхъ словъ весьма кудряво.

2.

А нынѣ невѣдомо по какимъ причинамъ, по злобѣ ли, или по невѣдѣнію, а можетъ быть слѣдую Французской модѣ, меня вышеупомянутаго господинъ предсѣдатель Домашневъ, обходясь со мною не по домашнему, въ своихъ писаніяхъ и начертаніяхъ не только что не употребляетъ, а чрезъ то письма его и сочиненія его неясны, но и угроживаетъ совершеннымъ изгнаніемъ изъ Россійской азбуки, что въ разныя времена и въ разныхъ лѣтахъ видѣть можно.

3.

И хотя не имѣется мнѣ выше именовавшему большаго страха, понеже давность моя и нѣжность извѣстна во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, а наипаче въ Разрядномъ Архивѣ доказана моя старость и безпорочная

служба, также въ церковныхъ и гражданскихъ книгахъ: но случившійся съ подобными мнѣ примѣръ, яко то съ ижицею, кси и пси, а особливо съ забвеннымъ уже юсомъ, чинить мнѣ такую опасность.

Того ради всезнающую Академію нижайше и препокорнѣйше прошу сіе мое челобитье принять и ему вышепрѣченному господину Домашневу впредь истреблять меня изъ Россійской азбуки запретить, дабы ежели учиненъ ему будетъ поводъ, то бѣ онъ и прочую мою братью не истребилъ и чрезъ то не лишилъ бы всѣхъ Русскихъ людей ихъ грамоты. Къ поданію надлежитъ въ типографію Академическую. Челобитную писалъ оной же типографіи тередорщикъ Елисей Еролюбовъ.

ПИСЬМО ГРАФА АРАКЧЕЕВА КЪ Д. А. БУЛЫГИНУ *).

Ваше превосходительство! Милостивый государь Дмитрій Александровичъ! Всевышнее существо, сотворившее насъ, не всѣмъ намъ опредѣлило равное счастье: одному оно дано въ одной части, а въ другой отнято, какъ и я, ваше превосходительство, получилъ въ жизни своей очень много счастья; но любовь отъ подобныхъ мнѣ

*) Съ подлинника, сообщеннаго Александромъ Николаевичемъ Булыгинымъ, внукомъ артиллерійскаго генерала Д. А. Булыгина, къ коему письмо это писано. Д. А. Булыгинъ род. въ 1758 году, служилъ при баронѣ Меллеръ-Закомельскомъ, проходилъ боевую службу и подъ Очаковымъ былъ заваленъ обрушившеюся на него стѣною. Въ 1799 г. назначенъ шефомъ артиллерійскаго баталіона въ Ригу, потомъ въ Казань, гдѣ у него были имѣнія: этотъ переводъ выхлопоталъ ему Аракчеевъ. Въ 1813 г. онъ былъ избранъ главнымъ начальникомъ резервнаго ополченія въ губерніяхъ Пензенской и Казанской (Записки Вигеля II, 80—86). Скончался 23 Марта 1830 г. Л. Б.

товарищей не дана: ибо во всю мою службу я всегда былъ не любимъ, за требуемый мною по службѣ порядокъ. А какъ я имѣлъ удовольствіе (имѣть) вашего превосходительства ближе всѣхъ къ себѣ подъ командою, то всегда думалъ, что я вамъ, милостивому государю, можетъ быть, нанесъ какое неудовольствіе, почему и не хотѣлъ васъ беспокоить моими письмами. А какъ нынѣ вижу ясно хорошее ваше ко мнѣ расположеніе, то и охотно всегда себѣ за честь буду поставлять вести мою переписку и, начиная оную, приношу мою благодарность за ваши дружескія письма, желая нельзя чаще оныя получать. — Впрочемъ свидѣтельствую мое должное высокопочитаніе ея превосходительству милостивой государыни дражайшей вашей супругѣ и пребуду на всегда съ почтеніемъ вашего превосходительства, милостиваго государя, покорный слуга

Графъ Аракчеевъ.

1802 году
28 Августа
С. Петербургъ.

Прошу вашего превосходит. сдѣлать мнѣ одолженіе отправить вѣрнѣе прилагаемое у сего письмо по надписи: оно для меня очень нужно.

ДВА ДУХОВНЫЯ ЗАВѢЩАНІЯ ГРАФА АРАКЧЕЕВА *).

Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ составилъ духовное завѣщаніе, которое 11 Декабря 1816 года Высочайше утверждено, бывъ написано въ видѣ всеподданнѣйшаго прошенія.

*) Копія съ этихъ духовныхъ завѣщаній графа Аракчеева находятся въ архивѣ Военной Нижегородской „графа Аракчеева“ Гимназіи (Дѣло № 136).

Завѣщаніе это такого содержанія:
«Неизмѣнный законъ природы обязываетъ христіанина благовременно помышлять о той минутѣ, въ которую долженъ онъ оставить суетную жизнь міра сего. Проведя полвѣка и шестуя по стезѣ, годъ отъ году приближающей къ смерти, дерзаю открыть тебѣ, Монархъ, чувства мои, Тебѣ, благодѣтельный Государь, нелицемѣрно чтимый мною! Вамъ извѣстно благосостояніе мое, щедротами родителя Вашего сдѣланное. Не прильпаясь къ роскоши, я 20 лѣтъ устраивалъ имѣніе пожалованное мнѣ, обращая на то всѣ доходы съ онаго, и былъ столько счастливъ, что Ваше Императорское Величество изволили сами видѣть плоды попеченія моего. Вамъ извѣстно также, что я не имѣю дѣтей; одинъ братъ только у меня, и тотъ равно бездѣтный. Грамота, дворянству пожалованная, даетъ благородному свободную власть и волю благопріобрѣтенное имѣніе дарить, завѣщать или продать, кому заблагоразсудится. Въ семъ положеніи находится пожалованное мнѣ имѣніе, село Грузино съ деревнями. Оно требуетъ предварительнаго о себѣ распоряженія къ сохраненію устроеннаго мною чрезмѣрными трудами и пожертвованіями счастья крестьянъ, если не навсегда, такъ по крайней мѣрѣ на толикое время, сколько доброму помѣщику можно. По многимъ изысканіямъ лучшею къ сему мѣрою призналъ я избраніе себѣ наследника на слѣдующемъ основаніи: 1) Чтобы онъ принялъ титулъ и фамилію мою. 2) Чтобы Грузинская волость, сообразно мудрому намѣренію Государя Петра I-го, въ указѣ 23 Мая 1714 года изъясненному, переходя изъ рода въ родъ, оставалась вѣчно нераздѣленною въ родѣ старшаго сына, подобно тому, какъ ука-

зомъ 4 Января 1774 года учреждено по имѣнію генераль-фельдмаршала графа Чернышова, изъ распоряженій коего и я приѣмлю 3, 4, 5 и 9 статьи. 3) Чтобы владѣлецъ Грузинской волости содержалъ крестьянъ не иначе, какъ въ нынѣшнемъ заведенномъ мною устройствѣ и на той же степени обилія, до какой они доведены мною. Я при жизни моей стараться буду избрать наслѣдника и оставлю запечатанный о томъ актъ; но ежели бы угодно было Всевышнему прекратить дни мои прежде, то избраніе на вышеизъясненномъ основаніи достойнаго наслѣдника предоставляю Вашему Императорскому Величеству».

«Государь! Я осмѣливаюсь испрашивать завѣщанію сему Высочайшаго утвержденія въ награду службы моей, ежели она достойна вниманія Вашего. Благо подданныхъ твоихъ есть предметъ весьма близкій благодѣтельной душѣ твоей! Я стремлюсь приблизить къ сей цѣли завѣщаніемъ своимъ. Сблаговолите же, Монархъ! удовлетворить желанію моему, и послѣдніе часы жизни моей усладятся мыслию, что подъ высокимъ покровительствомъ твоимъ успѣлъ я устроить жребій крестьянъ своихъ».

11-го Іюня 1821 г. графъ Аракчевъ представилъ Государю Императору новый докладъ, тоже удостоившійся Высочайшаго утвержденія:

«Ваше Императорское Величество! Удостоивъ въ 11 день Декабря 1816 года Высочайшаго утвержденія духовное мое завѣщаніе о недвижимомъ имѣніи, состоящемъ во всемилостивѣйше пожалованной мнѣ родителемъ Вашимъ Грузинской волости, обезпечили тѣмъ самымъ недѣлимость сего имѣнія и переходъ онаго во всей цѣлости какъ отъ меня къ моему наслѣднику, такъ и отъ него изъ рода

въ родъ къ старшему сыну или къ старшему въ родѣ. Но, Всемилоствѣйшій Государь! никому лучше неизвѣстно, какъ Вамъ самимъ, сколь часто завѣщанія подвергаются толкованіямъ, ниспровергающимъ намѣренія завѣщателя въ самомъ ихъ основаніи. Мысль, что завѣщаніе, мною сдѣланное, можетъ быть также обойдено пронсками и можетъ имѣть тѣже послѣдствія, для меня тѣмъ поразительнѣе, что я во всю жизнь свою не терпѣлъ тяжбъ, обращающихся всегда въ раззореніе бѣднымъ крестьянамъ и не желаю вовлечь въ оныя моего наслѣдника. Всякому дворянину законы представляютъ всю свободу располагать по волѣ своимъ благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ вообще и особенно имѣніемъ, пріобрѣтеннымъ службою, каково есть мое. Признавъ нужнымъ, для упрежденія неправильнаго истолкованія воли моей и послѣдствій онаго, сдѣлать нѣкоторыя поясненія въ духовномъ моемъ завѣщаніи, я тѣмъ рѣшительнѣе дерзаю всеподаннѣйше представить ихъ монаршему воззрѣнію, что они совершенно согласуются съ общими государственными законами и справедливостію, столь драгоцѣнною Вашему Императорскому Величеству. Поясненія сіи состоятъ въ двухъ слѣдующихъ статьяхъ: 1) На основаніи Высочайше утвержденного въ 11 день Декабря 1816 года завѣщанія и по точному разуму онаго, наслѣдникъ мой по смерти моей долженъ получить Грузинскую волость въ томъ самомъ пространствѣ земли, въ томъ самомъ числѣ душъ и, однимъ словомъ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она послѣ меня останется, не обязываясь и не имѣя права отдѣлять изъ всего заключающагося въ сей волости никому и никакой части, подъ какимъ

бы то вѣдомъ или предлогомъ ни было. 2) Все движимое имѣніе, въ домахъ С. Петербургскомъ и Грузинскомъ и заведеніяхъ находящееся, какого бы оно званія и роду ни было, яко доходами Грузинской волости составленное, ей принадлежащее и съ владѣніемъ онаго неразлучное, равнымъ образомъ получаетъ одинъ мой наслѣдникъ, и кромѣ его никто другой, кто бы онъ ни былъ, не имѣетъ никакого права и ни на какую часть онаго. Всемилостивѣйшій Государь! Статьи сіи важны для будущаго благосостоянія моихъ крестьянъ, моего наслѣдника и для собственнаго моего спокойствія—въ послѣднюю минуту жизни. Осмѣливаюсь испрашивать онымъ Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества утвержденія, какъ особенной къ себѣ милости въ награду службы моей. И ежели просьба моя удостоится монаршаго уваженія, то статьи сіи должны служить равносильнымъ дополненіемъ къ моему завѣщанію. Я сохраняю оныя у себя въ особомъ запечатанномъ конвертѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ по кончинѣ моей были явлены правительству, или представлю самъ въ Правительствующій Сенатъ въ томъ конвертѣ, въ которомъ долженъ я означить имя моего наслѣдника».

Кого графъ Аракчеевъ предполагалъ назначить наслѣдникомъ своихъ обширныхъ владѣній, находящихся въ Грузинской волости Новгородской губерніи, своихъ домовъ, богатой библиотеки и разныхъ рѣдкихъ и цѣнныхъ вещей, неизвѣстно^{*)}. Во все остальное

*) Аракчеевъ долгое время рассчитывалъ сдѣлать своимъ наслѣдникомъ Шумскаго и до того заботился объ этомъ молодомъ чловѣкѣ, что въ 1823 году въсто себя заставлялъ его читать доклады Государю (Басаргинъ, XIX Вѣкъ, кн. I, стр. 85). Другое поведеніе Шумскаго удерживало Аракчеева отъ рѣшительнаго въ этомъ отношеніи шага. За

продолженіе жизни своей онъ не представилъ того запечатаннаго конверта, о которомъ упоминалъ какъ въ своемъ завѣщаніи, такъ и въ дополненіи къ нему. Въ оставшихся послѣ смерти его бумагахъ и документахъ никакого акта также не найдено. Да и врядъ ли гр. Аракчеевъ имѣлъ въ виду какое либо лицо, которому хотѣлъ передать свое состояніе; по всей вѣроятности, въ послѣдніе годы жизни, мысли его остановились на юридическомъ лицѣ. Подобное мнѣніе можетъ подтвердиться тѣмъ фактомъ, что въ 1833 году Аракчеевъ внесъ въ Императорскую Сохранную Казну государственными ассигнаціями 300 тыс. рублей «на вѣчныя времена, неприкосновенно» съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала открыть Кадетскій Корпусъ для дѣтей бѣдныхъ дворянъ Новгородской губерніи. 15 Марта 1834 года корпусъ былъ открытъ, а 21 Апрѣля того же года Аракчеевъ умеръ, и такъ какъ объщаннаго имъ запечатаннаго конверта съ именемъ наслѣдника нигдѣ не оказалось, то указомъ 6-го Мая 1834 г. Высочайше повелѣно отдать навсегда Грузинскую волость Новгородскому Кадетскому Корпусу.

Доставилъ А. Сергѣевъ, преподаватель военной Нижегородской Графа Аракчеева Гимназіи.

тѣмъ онъ узналъ, что Шумскій ему не сынъ. Мысли его останавливались и на другихъ лицахъ. Такъ напр своему пріятелю А. Ѳ. Малиновскому онъ выражалъ намѣреніе завѣщать Грузино единственной его дочери Екатериинѣ Алексѣевнѣ (впослѣдствіи вышедшей въ замужество за кн. Ростисл. Алексѣев. Долгорукаго и скончавшейся 14 Авг. 1872). П. Б.

ДѢВИЦА КАВАЛЕРИСТЪ.

Изъ письма Н. Дурова, отца Надежды Черновой, отъ 27 Августа 1807 года.

. (подробности о болѣзни и смерти его жены). Ради Бога узнайте объ Надеждѣ и дайте ей объ этомъ знать; она вѣрно пріѣдетъ домой, незамая будетъ дѣтямъ матерью, а мнѣ другомъ; я ее очень люблю. Вотъ тебѣ извѣстіе, приведшее меня въ крайнее сокрушеніе; не знаю, когда успокоюсь, а теперь крайне тяжело. Время конечно все въ забвеніе приводить, но память объ ней будетъ вѣчная. Прости, вѣрно и ты слезу чувствительности выронишь объ ней. Братъ твой Н. Дуровъ. P. S. Крайне бѣ хотѣлось знать объ Надеждѣ.

Всеподданнѣйшій докладъ Сентября 28 дня 1817.

Коллежскій совѣтникъ Дуровъ, въ Вятской губерніи въ городѣ Сарапулѣ жительствующій, ищетъ повсюду дочь Надежду по мужу Чернову, которая по семейнымъ несогласіямъ принуждена была скрыться изъ дому и отъ родныхъ своихъ, и отъ которой было письмо изъ Гродно, что она, записавшись, подъ именемъ Александра Васильева сына Соколова въ конной Польской полкъ, служить товарищемъ и была во многихъ съ неприятелемъ сраженіяхъ.

Отецъ ея и братъ его, въ Санктпетербургѣ находящійся, всеподданнѣйше просятъ Высочайшаго повелѣнія о возвращеніи имъ сей несчастной.

(Сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОУМЪНІЕ.

Въ 9-й книжкѣ Русской Старины сего года помѣщено письмо святителя Дмитрія Ростовскаго къ «его милости, паву Михайлу Григорьевичу Грохольскому», съ благодарностью за какою-то сообщенную книгу и съ посылкою своего сочиненія противъ раскольниковъ. Въ замѣткѣ, сопровождающей это письмо, сообщено, что своеручный подлинникъ письма вмѣстѣ съ иконою святителя Дмитрія принесены генераль-адъютантомъ Потаповымъ въ даръ Святодуховскому Виленскому монастырю (гдѣ «угодникъ Божій своими вдохновенными рѣчами возбуждалъ мужество въ православныхъ»); но при этомъ сказано, что М. Г. Грохольскій есть прадѣдъ (по матери) Александра Львовича Потапова, къ которому письмо и св. икона перешли, какъ къ *правнуку, по прямому наслѣдству*. Слѣдовательно, родительница нынѣшняго Виленскаго генераль-губернатора происходила изъ фамиліи Грохольскихъ; между тѣмъ извѣстно по Родословной Книгѣ (I, 157), что она была родомъ княжна Шаховская (Татьяна Васильевна) и только въ первомъ бракѣ находилась за г. Грохольскимъ. Какимъ же образомъ дворяне Грохольскіе могутъ быть родня дворянамъ Потаповымъ? Просимъ нашихъ генеалоговъ разъяснить это недоумѣніе.

Н. Невдомцевъ.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библиографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти семь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Моск-*

ву въ Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу или въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Італіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартевевъ.**

ГОДЪ

ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАЕМЫЙ

XI.

П Р И

1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Глава изъ біографіи Петра Великаго (Первые годы жизни) академика *М. П. Погодина*.
2. Письма императрицы *Екатерины II*-й къ А. В. Храповицкому.
3. Письма князя *П. Д. Цицианова* къ В. Н. Зинovieву съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. Н. Барышниковъ*.
4. Письма князя *С. Р. Воронцова* къ графу О. В. Растрочину съ предисловіемъ и примѣчаніями графа *А. Ф. Растрочина*.
5. Автобіографическая записка *В. И. Дала*.
6. Замѣчанія на вторую книгу „Девятнадцатаго Вѣка“.
7. Еще выдержки изъ „Старой записной книжки“.
8. Разсказы и воспоминанія *Н. Н. Морера*: 1. Лейбъ-кучерь Илья Байковъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1873 году съ доставкой и пересылкою семь рублей.

Рожденіе и дѣтство Петра Великаго до четырехъ - лѣтнаго возраста.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Археологическаго Общества 12 Іюня 1872 г.).

Царь Алексѣй Михайловичъ, на сороковомъ году отъ роду, въ порѣ совершеннаго мужества, лишился первой супруги своей, изъ рода Милославскихъ, которая, въ продолженіи двадцатилѣтней супружеской жизни, принесла ему 13 человѣкъ дѣтей, почти погодковъ, пять сыновъ и восемь дочерей.

Царица скончалась вслѣдствіе несчастныхъ родовъ, въ 1669 году, Марта 2-го. Черезъ три мѣсяца скончался 4-хлѣтній сынъ Симеонъ (Іюня 18-го), еще черезъ полгода старшій Алексѣй, шестнадцати лѣтъ (1671 Января 17-го).

Прошли скорбные дни. Царь по всѣмъ вѣроятностямъ долженъ былъ вступить во второй бракъ, и родители взрослыхъ и подходящихъ дочерей изъ бояръ и вообще служилаго сословія уже начали думать про себя, не пощеть ли Богъ кого нибудь изъ нихъ милостью, и не падеть ли счастливый жребій на ихъ безприданницъ, — а съ этимъ жребіемъ отецъ, и мать, и все родство, возвысятся, обогатятся, прославятся; они молились, и ворожили, и готовили своихъ красавицъ къ будущимъ смотринамъ, когда онѣ взяты будутъ на Верхъ, подвергнутся испы-

таніямъ довѣренныхъ людей, бояръ, боярынь и бабокъ, „прочны ли для государевой радости“, и наконецъ самаго царя, который подастъ избранныцѣ платокъ и кольцо.

Другой ходъ дѣлу вздумалъ дать любимецъ и совѣтникъ царскій, начальникъ Посольскаго и Малороссійскаго Приказовъ, Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Человѣкъ бывалый, заслуженный, расположенный къ иностранцамъ, онъ хотя и не изъ знатнаго рода, сумѣлъ приблизиться и приобрести неограниченную довѣренность своего государя, который называлъ его не иначе, какъ Сергѣичемъ, и пріѣзжалъ къ нему часто запросто въ гости. Домъ Матвѣева, у Николы въ Столпахъ, между Покровкою и Мясницкою, сложенный по преданію изъ стрѣleckихъ надгробныхъ камней, былъ украшенъ картинами, часами и всякими заморскими диковинками. Царь, охотникъ до развлеченій, любилъ здѣсь мѣшать дѣло съ бездѣльемъ и тѣшиться комедіями, музыкою и другими забавами, которыя придумывалъ изобрѣтательный хозяинъ.

Дочерей у Матвѣева не было, но у его сверстника и друга, съ которымъ онъ служилъ долго вмѣстѣ, дѣлилъ труды и опасности военныхъ походовъ и происходилъ въ чины, Кирилы Полуектовича Нарышкина, Тарусскаго помѣщика, была дочь красавица, чернобровая, черноглазая, бѣлая-румяная, высокая, стройная.

Матвѣевъ пользовался, конечно, совершенною довѣренностью царскою, но вмѣстѣ имѣлъ много завистниковъ и враговъ, въ особенности изъ родственниковъ покойной царицы, которыхъ давно уже загоразивалъ онъ предъ свѣтлыми очами царскаго величества. Ему хотѣлось закрѣпить, обезпечить для себя высочайшее благоволеніе, и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ тому было, разумѣется, женить царя на своей свойственницѣ. Матвѣевъ убѣдилъ деревенскаго благопріятеля отдать ему дочь на воспитаніе или житье, въ надеждѣ, что царь увидитъ ее—и прельстится.

Такъ и случилось. Царь посѣтилъ однажды Матвѣева и остался ужинать по семейному. Жена его съ молодою приеменною дочерью явились въ столовой; красавица поднесла по обычаю съ поклономъ царю передъ ужиномъ чару зелена - вина на серебряномъ блюдѣ. Въ верхней сорочкѣ изъ шелковой ткани яркаго цвѣта, выпизанпой по швамъ мелкимъ жемчугомъ, съ длинными рукавами кисейными, выпыными на плечахъ и у запястьевъ золотомъ, подпоясанная кушакомъ Шемаханскимъ, съ распущенной по плечамъ длинной, роскошной косою, она была вѣрно заглядываемъ, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Вдовецъ, вечеромъ, увидѣлъ ее неожиданно... и сердце у него защемило. За ужиномъ онъ развеселился, вступилъ въ разговоръ съ нею, услышалъ ея голосъ сладкій, привѣтливый, получилъ отвѣты разумные, и на прощаньи сказалъ хозяйкамъ, что найдетъ жениха для ихъ воспитанницы...

Между тѣмъ смотрины уже начались чрезъ восемь мѣсяцевъ съ небольшимъ по кончинѣ царицы: съ ноября 28-го по 18-е Апрѣля собирались дѣвицы на Верхъ. Февраля 1-го яви-

лась между ними, въ исполненіе обычая, и Наталья Кирилова дочь Нарышкина. Собирались красавицы и изъ другихъ городовъ: Рязани, Суздаля, Владиміра, Костромы, Новгорода.

Вторыя смотрины, изъ отобранныхъ дѣвицъ, отмѣтныхъ соболей, начались 18-го Апрѣля; между ними находилась, разумѣется, воспитанница Матвѣева, и слухъ прошелъ, что выборъ уже рѣшенъ, и ей быть царицей.

На Верху произошелъ переполохъ. Зависть, ревность, а теперь уже и страхъ, обуяли противную сторону. 22-го Апрѣля найдены были два подметныхъ письма въ родѣ тѣхъ, изъ какихъ погибли первая невѣста царя Михаила Феодоровича и первая невѣста самого царя Алексѣя Михайловича. Одно письмо поднялъ сторожъ предъ грановитою палатою въ сѣняхъ, а другое усмотрѣно прилѣпленное у дверей шатерной палаты, гдѣ ходятъ на постельное крыльцо.

Въ письмахъ возводилось подозрѣніе на Матвѣева въ колдовствѣ и употребленіи какихъ - то кореньевъ для привороту царя къ дочери его пріятеля.

Началось строгое слѣдствіе съ жестокими пытками на дыбѣ, встрясками, жженіемъ на огнѣ несчастнаго, который, по стеченію обстоятельствъ, могъ показаться виноватымъ.

По этой причинѣ, вѣроятно, задержалось и бракосочетаніе которое совершилось уже черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ начатаго слѣдствія, Января 22-го 1671 года.

Совершеніе обряда, обѣды, пиры за нимъ слѣдовавшіе, отличались обычною торжественностію и великолѣпіемъ.

Придворныя отношенія измѣнились немедленно. Взрослымъ дочерямъ царя Алексѣя Михайловича, царевнамъ, тя-

желю было принять и чествовать матерью мачиху, которая притомъ была всѣхъ ихъ моложе и красивѣе. Старшимъ сестрамъ царскимъ еще болѣе было это не по сердцу. Молодая жена не только раздѣлила съ ними со всѣми любовь пожилаго мужа, но овладѣла имъ совершенно, такъ что онъ не могъ насмотрѣться на нее, не отлучался отъ нея ни на минуту, бралъ ее съ собою даже на охоту. Милославскіе, родственники покойной царицы, должны были уступить мѣсто Нарышкинымъ, къ которымъ принадлежала новая царица. Можетъ быть, они дали неосторожно чувствовать свое преимущество. Явились приверженцы той и другой стороны, съ своими надеждами, средствами, цѣлями. Не обошлось дѣло безъ сплетней, клеветъ, выдумокъ, тайныхъ шушуканій во внутреннихъ покояхъ, съ глазу на глазъ, между присными людьми;—а снаружи все обстояло благополучно.

Дѣла по приказамъ шли заведеннымъ порядкомъ. Матвѣевъ былъ душею управления, и къ счастью, ничто, ни внутри, ни внѣ, не нарушало общественнаго спокойствія. Молодые веселились, въ сосѣднихъ селахъ: Измайловѣ, Коломенскомъ, Воробьевѣ, особенно въ селѣ Преображенскомъ, любимомъ пребываніи царя Алексѣя Михайловича, на берегу тихой, свѣтлой Яузы, среди долинъ и рощей, откуда ѣздилъ онъ часто въ Сокольники, тѣшиться въ ближайшемъ сосновомъ лѣсу соколиною охотою. Обычныя богомолья отпразднаны своимъ чередомъ.

Общее удовольствіе распространилось вскорѣ извѣстіемъ: молодая царица беременна!

Кого Богъ дастъ ей? О если бы сына наследника! желали всѣхъ болѣе Нарышкины и ихъ покровитель, руководившій всѣми дѣлами государствен-

ными, Матвѣевъ: новорожденнымъ сыномъ закрѣпилось бы и утвердилось настоящее положеніе не только новаго семейства, но и всѣхъ дѣлъ, его собственныхъ; онъ вѣрно сдѣлался бы наследникомъ, потому что старшихъ братьевъ, Ѳедора и Ивана, больныхъ и слабыхъ, никто не считалъ долговѣчными.

И общее желаніе исполнилось: 30 Мая 1672 года, на память преподобнаго Исаакія Далматскаго, въ четвергъ, въ *отдачу часовъ ночныхъ* (по знаменательному выраженію въ одной современной записи) то есть передъ разсвѣтомъ, родился въ Кремлевскомъ дворцѣ сынъ, нашъ великій Петръ.

Рожденіе его облеклось въ народѣ поэзіей: рассказывали, что Симеонъ Полоцкій, первый ученый мужъ своего времени, наблюдалъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, и за девять мѣсяцевъ до рожденія Петрова замѣтилъ пресвѣтлую звѣзду близъ Марса. Онъ предрекъ царицѣ рожденіе славнаго сына.

Рассказывали еще, что во время ея беременности приходилъ въ палаты какой-то странникъ, который, отстраняя поданную ему руку царицы, хотѣлъ поклониться существу еще въ утробѣ матери младенцу. „Той Пахомій будетъ ворочать большимъ костьюлемъ, да и бояться его всѣ будутъ. Пятьдесятъ три сажени—высота его, и много онъ шире будетъ своего отца.“

При началѣ родильныхъ скорбей, Симеонъ Полоцкій пришелъ во дворецъ и сказалъ, что царица будетъ мучиться трое сутокъ. Онъ остался въ покояхъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Они плакали вмѣстѣ и молились. Царица изнемогала такъ, что на третій день сочли нужнымъ приобщить ее Св. Таинъ; но Симеонъ Полоцкій ободрилъ всѣхъ, сказавъ, что она родитъ благополучно черезъ пять часовъ. Когда наступилъ пятый часъ, онъ палъ на

колѣна, и началъ молиться о томъ, чтобъ царица помучилась еще часъ. Царь съ гнѣвомъ рекъ: „что вредно просишь!“ „Если въ первомъ получасѣ родится царевичъ, отвѣчалъ онъ, то вѣку его будетъ 50 лѣтъ, а если во второмъ, то доживетъ до 70“. И въ эту минуту, увы, принесено царю извѣстіе, что царица разрѣшилась отъ бремени, и Богъ далъ ему сына.

Тогда же въ соборѣ совершалось торжественное молебствіе о здравіи царицы. Іеродіаконъ, возглашавшій ектенію, задремалъ; вдругъ онъ слышитъ, что кто-то его будитъ: „иди молиться о царѣ, царицѣ и новорожденномъ царевичѣ Петрѣ Алексѣевичѣ,“ между тѣмъ какъ повѣстки еще не было, и царевичъ не явился еще на свѣтъ. На вопросъ послѣ молебна, почему онъ возгласилъ неслышанное имя, онъ сослался на другаго сослужившаго іеродіакона, а тотъ отвѣчалъ, что не говорилъ ему ни слова.

Какъ обрадовался царь, какъ обрадовалась царица, и ея родные, какъ доволенъ, счастливъ былъ Матвѣевъ, вообразить не трудно. Гонцы съ повѣстками разосланы были по всей Москвѣ. Тотчасъ собралось въ Успенскомъ соборѣ все высшее духовенство и повѣщенные лица.

Въ 5 часовъ утра заблаговѣстили въ большой Успенскій колоколь, гдѣ все уже было готово къ торжественному богослуженію. Въ сопровожденіи Грузинскаго, Касимовскаго и Сибирскаго царевичей, бояръ, окольничьихъ, стряпчихъ дворянъ, полковниковъ, царь А. М. пришелъ въ соборъ, и совершенно было благодарственное молебствіе. За симъ принесено было ему поздравленіе отъ всѣхъ властей, духовныхъ и свѣтскихъ. Потомъ обошелъ онъ соборы и слушалъ обѣдню у Благовѣщенія.

Отецъ царицынъ, Кирила Полуекто-

вичъ Нарышкинъ и Аргемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ изъ думныхъ дворянъ были пожалованы въ окольничьи. Прочіе родственники были всѣ также повышены.

Начались родинные угощенія и пиры у царя и царицы отдѣльно, большею частію безъ зову и безъ мѣсть. Въ день крестинъ и именинъ новорожденного царевича, 29 Іюня, данъ торжественный обѣдъ въ грановитой палатѣ. Столъ, кромѣ яствъ, былъ загроможденъ всякаго рода сахарами, пряниками и овощами. Большая коврижка изображала гербъ Московскаго государства. Два сахарные орла вѣсили каждый по полтора пуда, лебедь два пуда, утя полтора, попугай полпуда. Былъ сдѣланъ также и городъ сахарный, Кремль съ людьми, конными и пѣшими, и другой городъ четвероугольный съ пушками. Праздники долго слѣдовали одни за другими.

Привязанность мужа къ молодой женѣ, принесшей ему сына, здороваго крѣпкаго (онъ былъ ростомъ, длиною одинадцати, а шириною трехъ вершковъ) усиливалась, а вмѣстѣ съ нею ненависть падчерицъ, пожилыхъ царевенъ. Родственники ихъ съ матерней стороны и прочіе знатные царедворцы злобились болѣе и болѣе на Нарышкиныхъ, которые изъ Тарусы поднялись вдругъ на такую высоту, и въ особенности на Матвѣева, произведшаго этотъ придворный переворотъ.

Новорожденный младенецъ сдѣлался для однихъ предметомъ любви, радости, надежды, а для другихъ предметомъ помѣхи, страха и отвращенія, въ знаменіе прерѣкаемо.

Немедленно приставлены къ нему: кормилица, Ненила Львова, мамы (боярыня Леонтьева и княгиня Голицына), дядьки (Стрѣшневъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ и думный дворянинъ,

Тихонъ Никитичъ), стольники и прочіе прислужники.

Первые года Петровой жизни представляютъ совершенную противоположность съ послѣдующими: его держали, какъ говорятъ, въ хлопкахъ; на него не надолжи; приближенные не знали, во что нарядить его и чѣмъ забавить.

Колыбель была устроена изъ Турскаго бархата, по алой землѣ съ большими золотыми репьями и малыми репейками серебрянными. Подбита она была хлопчатой бумагой на рудожелтой подкладкѣ; ремни обшиты бархатомъ, краснымъ Венеційскимъ, яблоко у пялецъ обьярью по серебряной землѣ съ золотыми и разными шелковыми травами. Пуховикъ и подушки набиты бѣлымъ и чистымъ лебяжьимъ пухомъ.

Черезъ полгода младенцу шиты кафтанчики, зимніе и лѣтніе, изъ бѣлаго атласа, алой обьяри, на собольихъ пупкахъ, шитые золотомъ, окаймленные Нѣмецкимъ кружевомъ, съ запонами низанными жемчугомъ, съ серебрянными кистями, а пуговицы изумрудныя на золотыхъ спицахъ или закрѣпахъ.

Особые покои для царевича, пристроенные къ дворцовымъ палатамъ, были убраны съ такимъ же богатствомъ. Полы, стѣны и оконныя рамы были обиты алымъ сукномъ Амбургскимъ. Подъвочники шиты изъ бѣлаго сукна, съ узорочными каймами. Кромѣ лавокъ и скамей въ новыхъ хоромахъ Петра было поставлено вызолоченное мѣсто (въ родѣ кресель) обитое рудожелтымъ бархатомъ съ широкимъ золотымъ галуномъ.

Могли ли думать нѣжные родители, что ихъ ненаглядному дѣтищу, котораго начали они въ золотѣ водить, въ чисто серебро рядить, ничто на свѣтѣ не станетъ такъ противно, какъ эта роскошь, какъ эта пышность, какъ это великолѣпіе; могли ли вообразить они,

что не бархатъ, не атласъ, не обьярь, не парча, придутся ему по нраву, а посконная холстина, а сермяжное сукно, а сыромятная кожа,—вотъ изъ чего составитъ любимое его убранство и одѣяніе, которое сіять будетъ на немъ ярче всякихъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ!

Ребенокъ росъ и развивался быстро, не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится въ сказкахъ. На шестомъ мѣсяцѣ онъ началъ ходить. Игрушки всякаго рода приносились безпрестанно съ Верху въ его покой: черезъ годъ къ именинамъ сдѣлана потѣшная лошадка во всемъ уборѣ; сѣдло съ стремянами было вызолочено и высеребрено; сдѣлано было нѣсколько мелкихъ игрушекъ противъ сахарныхъ образцовъ; устроенъ потѣшный стулецъ на желѣзныхъ колесахъ, на которыхъ царевичъ катался въ хорбмахъ; клавикорды, струны мѣдныя и всякіе другіе инструменты, гусли, цимбалы.

Въ 1676 г. къ святой недѣли велѣно живописцу Ивану Салтанову росписать для царевича красками: гнѣздо голубей, гнѣздо ракитокъ, гнѣздо канареекъ, гнѣздо щеглятъ, гнѣздо чижей, гнѣздо барановъ, а у барашковъ сдѣлать, чтобъ была будто шерсть по нимъ суцая. Тогда же царевичу устроены были въ хоромахъ качели на веревкахъ, обшитыхъ червчатымъ бархатомъ.

Не мало изготовлялось и военныхъ игрушекъ, которыя также вызолачивались и расписывались красками: лучки, барабаны, бубны, топорки, чеканцы, пищали, пистоли, пушечки, булавы.

1675 года въ Маѣ, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ ударилъ челомъ царевичу Петру „карету маленькую, и въ ней четыре возника (лошадки) темнокаріе, а на возникахъ шлеи бархатныя, пряжки вызолочены, начелники и гривы и нахвостники шитые....

вмѣсто желѣза кругъ колесъ мѣдь вызолочена, да кругъ кареты стекла хрустальные, а на стеклахъ писаны цари и короли всѣхъ земель; въ той каретѣ убито бархатомъ жаркимъ, а въ ней рѣзи, а кругъ кареты бахромы золотыя. “

Въ этой самой кареткѣ царевичъ, уже трехлѣтній, слѣдовалъ въ царскомъ торжественномъ выѣздѣ въ Троицкіи походъ, 19 Сентября 1675. Очевидецъ этого выѣзда, цесарскій посланникъ Лизекъ, пишетъ что „вслѣдъ за поѣздомъ царя показался изъ другихъ воротъ дворца поѣздъ царицы. Впереди ѣхалъ стольникъ съ двумя стами скороходовъ, за ними вели 12 рослыхъ бѣлыхъ какъ снѣгъ лошадей изъ-подъ царицыной кареты, обвязанныхъ шелковыми сѣтками. Потомъ слѣдовала маленькая вся изпещренная золотомъ карета младшаго князя въ четыре лошади крошечной породы: по бокамъ шли четыре карлика и такой же сзади, верхомъ на крохотномъ конькѣ. “

Отецъ и мать брали, кажется, вездѣ свое дорогое дитя съ собою. Тотъ же современникъ рассказываетъ, что когда онъ представлялся царю Алексѣю Михайловичу въ селѣ Коломенскомъ, вдругъ увидѣлъ онъ царицу въ растворившуюся дверь смежнаго покоя: это Петръ, имѣя только около трехъ лѣтъ отъ рожденія, толкнулъ дверь, у которой стоялъ съ матерью, смотрѣвшею посольскій пріемъ, и дверь отворилась къ общему изумленію всего чопорнаго двора.

Любимое пребываніе царскаго семейства было въ селѣ Преображенскомъ. Тамъ, въ особо построенныхъ хоромахъ на подобіе Кремлевскихъ, по мысли Матѣева и подъ его управленіемъ, начались представленія такъ называемыхъ комедій. Онъ выписалъ Нѣмецкихъ актеровъ, которымъ отдалъ въ ученіе нѣсколько своихъ дворовыхъ

людей и мальчиковъ изъ подъяческихъ дѣтей съ Мѣщанскихъ улицъ, гдѣ были поселены выходцы изъ Бѣлоруссіи и другихъ западныхъ губерній. Первая комедія представлена была, какъ Юдию Олоферну голову отсѣкаетъ. Въ другой разъ какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана, по царицыну (Есѣприну) челобитью и по Мардохееву наученію. Эти комедіи были не безъ примѣненія къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Въ Мардохеѣ примѣтень былъ Матѣевъ, Есѣпръ напоминала царицу Наталью Кириловну. Въ Аманѣ хотѣли узнавать кого-нибудь изъ Милославскихъ. Была еще малая „прохладная“ комедія объ Юсифѣ, о младшемъ Товіи, и наконецъ нѣчто историческое о нападеніи Темиръ-Аксака. Послѣ комедій являлись выписанные Нѣмцы, которые умѣли на высокихъ трубахъ танцы трубить; другіе играли на органахъ, фіоляхъ и разныхъ струментахъ, танцовали и всякими потѣхами разными тѣшили. Призывались разные фокусники въ дополненіе къ домашнимъ шутамъ и скоморохамъ, которые показывали разные штуки. Комедіи продолжались по пяти, по семи часовъ сряду, а веселье вообще очень часто до разсвѣта.

Такъ прохладно проводили время родители Петровы, внѣ засѣданій Думы. Поутру слушаніе литургіи въ соборахъ по случаю праздниковъ или чьихъ либо именинъ изъ царскаго дома, молебны и папихиды, странствія по церквамъ, во дни мѣстныхъ праздниковъ, длинные обѣды, очень часто съ приглашеніемъ многихъ гостей изъ бояръ и прочей знати. Послѣ ранняго обѣда вечерни и всенощныя, потомъ шуты, скоморохи, музыка и комедіи. Разнообразіе доставляли путешествія по селамъ дворцовымъ, изъ коихъ любимыя были Преображенское, гдѣ они по долгу жила, особенно осенью; Измайлово,

Воробьево, и наконецъ отдаленныя богомолья къ Троицѣ-Сергію, въ Савинѣ монастырь, къ Іосифу Волоколамскому, къ Пафнутію Боровскому, на Пѣсноши на Угрѣшу,—богомолья, которыя сопровождались также разными удовольствіями.

Царица, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ Петра, родила дочь Наталью (1673 г.), еще черезъ годъ дочь Θεодору (1674 г.).

Внѣшнія событія не представляли никакихъ затрудненій, а еще менѣе опасностей. На небѣ не показывалось не единой тучки.

Старшій царевичъ Θεодоръ въ началѣ еще поваго 1674 года былъ объявленъ, по обычаю, своимъ подданнымъ и иностранцамъ какъ совершенно-лѣтній и, разумѣется, какъ наслѣдникъ; но это объявленіе не возбуждало никакихъ опасеній. Матвѣевъ, а за нимъ царица и ея родные, не оказывали вѣроятно никакого возраженія, увѣренные, что это есть только исполненіе обряда, ни сколько для нихъ не опасное: царь былъ совершенно здоровъ и крѣпокъ; объявленный наслѣдникомъ, равно какъ и братъ его, слабые отъ рожденія, не могли по всѣмъ вѣроятностямъ пережить отца; зачѣмъ же было обнаруживать свои тайныя чувствованія, раздражать понапрасну противную сторону явнымъ покушеіемъ на ея законныя права, тогда какъ имъ по всѣмъ вѣроятностямъ несуждено было придти въ силу никогда? Такъ безъ сомнѣнія разсуждалъ Матвѣевъ съ своими друзьями, оставляя дѣла идти естественнымъ порядкомъ, совершенно спокойный за ихъ благополучный исходъ, какъ вдругъ царь Алексѣй Михайловичъ въ Январѣ 1676 года занемогъ. Шестого еще

числа, въ полномъ облаченіи, ходилъ онъ на Іорданъ; 12-го, въ день именины сестры царевны Татьяны Михайловны, былъ у обѣдни и жаловалъ бояръ именинными пирогами; 19 Января была во дворцѣ комедія съ музыкою, но онъ почувствовалъ себя нездоровымъ и слегъ въ постель. Болѣзнь не представляла сначала повидимому никакой опасности, но потомъ усилилась, и черезъ 10 дней онъ скончался, благословивъ на царство, какъ объявлено было народу, старшаго сына Θεодора, которому было только 14 лѣтъ отъ роду.

Точно-ли такое было объявленіе, сдѣлалъ ли его царь по собственному своему побужденію, не смѣя нарушить родоваго обычая, или былъ подвигнутъ къ тому сестрами и дочерьми, которыя не отходили отъ его смертнаго одра и не допускали никого изъ противниковъ, неизвѣстно. Молодая царица ни въ какомъ случаѣ не посмѣла бы оспаривать патріаршаго и боярскаго заявленія или распоряженія, подтвержденнаго царевнами. Она должна была молчать и покориться своей судьбѣ. Какъ бы то ни было, Матвѣевъ, застигнутый врасплохъ, не успѣлъ видно принять нужныхъ мѣръ, хотя можетъ быть и не умѣлъ скрыть своихъ намѣреній и дѣлалъ какія-нибудь попытки.

Погребеніе покойнаго и вѣнчаніе новаго царя отправлены были по обычаю, и на Верху все вдругъ измѣнилось: Нарышкины пріуныли съ своими пріятелями, царевны разцвѣли, Милославскіе, ихъ родственники, восторжествовали и взяли въ свои руки правленіе, распоряжаясь именемъ новаго царя.

Долго впрочемъ не предпринималось ничего важнаго, но втайнѣ обдумывался

предлежащій образъ дѣйствій, и чрезъ полгода ударъ разразился рѣшительнымъ дѣйствіемъ: ссылкой Матвѣева на воеводство въ самый сѣверный Сибирскій городъ Верхотурье (4 Іюля 1676 г.).

Матвѣевъ—это былъ опасный соперникъ для новыхъ временщиковъ по своему уму, опытности, свѣдѣніямъ и связямъ. Онъ былъ начальникомъ и руководителемъ всей партіи, которая безъ него, какъ безъ головы, не могла предпринять ничего, не смотря на родственныя связи съ вдовствовавшей царицей и ея семействомъ.

Такое начало не предвѣщало для нихъ ничего добраго. Тяжело было царицѣ разстаться съ своимъ благодѣтелемъ и покровителемъ: на кого можетъ она положиться безъ него, съ кѣмъ посоветоваться? Что будетъ съ нею, съ ея сиротами, и въ особенности съ ея любезнымъ первенцемъ? Слезы матери должны были произвести глубокое впечатлѣніе въ душѣ воспріимчиваго мальчика, 4-хъ лѣтняго уже Петра, который и самъ вѣрно былъ горячо привязанъ къ доброму, ласковому старику, потѣшавшему его такими прекрасными игрушками.

Не успѣлъ Матвѣевъ доплыть Волгою до Лаишева, какъ былъ остановленъ, обвиненный въ намѣреніи извести молодаго царя во время послѣдней его еще при отцѣ болѣзни, въ призываніи нечистыхъ духовъ, въ занятіяхъ волшебствомъ по какой-то черной книгѣ, лишенъ имѣнія и всѣхъ почестей и сосланъ, какъ государственный преступникъ, на житье въ отдаленный и дикій Пустозерскъ.

Ужасное извѣстіе должно было усилить горестъ обитателей Преображенскаго. Толки, жалобы, догадки, брани, проклятія падали въ душу маленькаго Петра злыми сѣмянами.

Новыя событія прибавляли безпрестанно страху: стѣсненъ, въ заточеніи, сверженный патриархъ Никонъ, наказанъ духовникъ царскій Андрей Савиновъ; родные братья царицы Натальи Кириловны, Иванъ и Аванасій, были сосланы, сама она подвергалась всяческимъ оскорбленіямъ и униженіямъ. Оставалось, кажется, Преображенскому сдѣлаться Угличемъ.

Но Богъ милостивъ Преображенское сдѣлается для даровитаго мальчика наилучшею школою, гдѣ онъ, на прѣсторѣ, среди полей и роцей, вдали отъ придворнаго тунеядства, празднштанія, безопасности и законсѣльныхъ обычаевъ, выучится, разовьется, познакомится съ людьми, съ нуждою и готовится на царственное дѣланіе, *по своему*, какъ на святой Руси никто прежде не думалъ-не гадалъ, и какъ во снѣ никому присниться никогда не могло. Птенецъ здѣсь оперится, заматорѣеть, расправитъ крылья, и изъ Преображенскаго гнѣзда вылетитъ орломъ на всю святую Русь.

М. Пододинъ.

Извѣстія о Матвѣевѣ находятся въ «Исторіи объ его невинномъ заточеніи». Списокъ дѣвицъ, собранныхъ на смотрины предъ вторымъ бракомъ царя Алексѣя Михайловича, напечатанъ академикомъ Пекарскимъ въ V томѣ Академическихкихъ извѣстій. Извѣстіе о рожденіи Петра I, 30-го Мая, въ отдачу нощныхъ

часовъ, помѣщено въ дворцовой запискѣ, напечатанной у Туманскаго, т V, стр. 181. У него же (I, 237) преданія, относящіяся къ рожденію Петра I въ «Повѣсти о зачатіи,» и проч. Изслѣдованіе о рожденіи Петра I въ Кремлѣ, а не въ Коломенскомъ и не въ Измайловѣ, сдѣланное еще за сто лѣтъ Миллеромъ, напечатано у Туманскаго, т. V, стр. 117, и пополнено Забѣлинымъ. Описаніе крестиннаго пира у Туманскаго, т. V, стр. 185. Всѣ свѣдѣнія объ одеждѣ, игрушкахъ и учебныхъ пособіяхъ собраны Забѣлинымъ (въ его прекрасной статьѣ о дѣтствѣ Петра I), изъ разныхъ дворцовыхъ документовъ. Изъ нихъ я привелъ нѣсколько, равно какъ воспользовался и разными извѣстіями разсѣянными въ его важномъ трудѣ о бытѣ Русскихъ царей. Замѣчательное разсужденіе Забѣлина о развитіи понятій Петра о долгѣ, о службѣ, о дисциплинѣ, среди военныхъ игръ, подъ руководствомъ Менезіуса, не можетъ относиться къ трехлѣтнему съ небольшимъ Петру, и потому не принято мною къ соображенію: оно должно быть переставлено ближе къ девятилѣтнему его возрасту, что и постараюсь я доказать въ свое время. Дворцовые документы о дѣтствѣ и молодости Петра изданы недавно г. Есиповымъ въ особомъ сборникѣ, но я не могъ еще имъ воспользоваться.

М. П.

Собственноручныя письма и записки Императрицы Екатерины II-й къ А. В. Храповицкому, 1783—1793.

(Изъ бумагъ Н. В. Сушкова, подаренныхъ Д. И. Сушковой Московскому Публичному Музею *).

1.

1783 г. 7 генваря. Реестръ контрактовъ всѣхъ музыкантовъ, пѣвицъ, пѣвчихъ, комедіантовъ и танцовщиковъ, съ прописаніемъ сроковъ и жалованья, и съ того времени, кому прибавлено сколько и для чего. Равномѣрно, какъ велика годовая сумма, опредѣленная на содержаніе театра.

2.

1784 г. 24 апрѣля. Александръ Васильевичъ, прикажи выписать изъ бар-

*) Подробный библиографическій очеркъ бумагъ, оставшихся послѣ извѣстнаго нашего писателя, Н. В. Сушкова, сообщенъ нами въ Московскихъ Вѣдомостяхъ нынѣшняго года, № 107. Самую драгоценную часть этихъ бумагъ, безспорно, составляетъ, хранившійся въ фамиліи Сушковыхъ и теперь отъ одной изъ достойнѣйшихъ представительницъ этой фамиліи переданный въ общественную собственность, портфель съ бумагами роднаго дяди (по матери, извѣстной писательницѣ, М. В. Сушковой) покойнаго Н. В. Сушкова, секретаря Императрицы Екатерины II-й Храповицкаго. Въ составъ этого портфеля между прочимъ входятъ: 1. Собственноручныя письма и записки Императрицы къ Храповицкому и другимъ лицамъ. 2. Собственноручные или поправленные рукою Императрицы указы, манифесты, резолюціи на докладахъ и проч. 3. Собственноручныя, отчасти бывшія доселѣ неизвѣстными, ея сочиненія литературныя. Изъ документовъ перваго разряда нѣкоторые (не многіе впрочемъ), были напечатаны частію въ Русскомъ Архивѣ 1866 г., частію въ вышеупомянутомъ нашемъ очеркѣ. Но здѣсь письма Императрицы къ Храповицкому печатаются въ полномъ ихъ составѣ. При письмахъ прилагаются необходимыя объяснительныя примѣчанія. *А. Викторъ.*

хатной книги, буде въ ней есть, о родѣ Ланскихъ ¹ и привези ко мнѣ.

3.

1784 г. 26 мая. 1. О площади, гдѣ дрова класть, послать приказаніе въ Измаиловскій полкъ. 2. Губернатору запретить, чтобъ, безъ аттестата отъ обер-полицеймейстера, не представлялъ въ сенатъ полицейскихъ офицеровъ къ возвышенію, и въ сенатъ приказать, чтобъ безъ аттестата не производили.

4.

1784 г. 9 іюня. Достаньте для меня писаніе Курбскаго, буде порусски есть ².

5.

1784 г. 2 іюля. 1. Спросить въ дворянскомъ банкѣ, много ли денегъ лежитъ безъ употребленія. 2. Всѣ по банкамъ, отъ ихъ учрежденія, выданныя узаконенія.

6.

1784 г. іюля 13. Герберштейна изъ Миллеровы библіотеки взять.—Chronique его, хотя полатыни. Мы переведемъ здѣсь порусски, буде на иномъ языкѣ имѣть не можно,—о чемъ навѣдаться ³.

¹ Тогдашній любимецъ, генералъ-адъютантъ и генералъ-поручикъ Александръ Дмитріевичъ Ланской, умеръ 25 іюня этого 1784 г., на 27 году возраста. Не думала ли Императрица дать Ланскому, тогда уже больному, какой либо титулъ? *П. Б.*

² Какъ извѣстно, Екатерина знала въ подлинникахъ памятники древней Русской словесности и даже изучала слово о полку Игоревѣ. Относительно Курбскаго, въ дневникѣ у Храповицкаго 2 Ноября 1791 г. записано: „Исторію Курбскаго приказали мнѣ для прочтенія отослать къ Евграфу Александровичу Черткову.“ *П. Б.*

³ Русскій переводъ въ то время не состоялся; но позднѣе (1796) Императрица при-

7.

1784 г. 21 декабря. Канкрейну ⁴ показать лѣсной заготовленный уставъ.

8.

1785 г. 26 апрѣля. Бронзовыя медали на соединеніе Крыма и на монументъ Петра перваго, да золотая медаль о соединеніи Крыма, да золотая четыре-угольная, при мирѣ данная солдатамъ.

9.

1785 г. 12 декабря. Вопросы: 1. Имѣла ли вотчина и обѣ юстиць-коллегии утвержденіе или проэктированные указы, какъ главный магистратъ имѣть. 2. При учрежденіи главнаго магистрата издано было Петромъ Первымъ о семъ обширное изданіе, которое на Москвѣ ⁵, между моими бумагами, въ 1774 и 1775 г., находилось. Оное прошу отыскать. Помнится, заглавіе его: Регламентъ главнаго магистрата. 3. Обрядъ, какой наблюдается при отказѣ кѣмъ недвижимаго имѣнія, сей требовать откуда надлежитъ? Также требуетъ объясненія, чего судебное мѣсто разумѣть точно подъ словомъ: *справлено* и подъ словомъ: *от-*

казала вновь напечатать съ Базельскаго изданія (1567) нѣмецкій подлинникъ знаменитаго, сего оцѣннаго, сочиненія (См. печатный каталогъ Чертковской библіотеки, № 1411). Вѣроятно Императрицѣ не было извѣстно первое самимъ авторомъ приготовленное изданіе Вѣнское 1557 года (оно также имѣется въ Чертковской библіотекѣ № 1410). *П. Б.*

⁴ Т. е. Канкрину, отцу знаменитаго нашихъ временъ министра, графа Егора Францовича. *П. Б.*

⁵ Живя въ Москвѣ и въ Царцинѣ (тогда еще Черной Грязи) Екатерина много занималась законодательствомъ и выдала учрежденіе о губерніяхъ. *П. Б.*

казано, и есть ли на каждое изъ тѣхъ словъ утвержденной или обычной обрядъ, и требуется точное и подробное описаніе утвержденного или обычного обряда того.

10.

1785 г. 23 декабря. О движимомъ имѣніи есть ли выпись?

11.

1786. г. 22 февраля. Раскрывайте при самомъ Ардтѣ, чтобъ не разронять множество замѣтокъ, кои всѣ по листамъ положены для исправленія ⁶.

12.

1786, le 4 Mars S'il y a un dictionnaire de rime Russe imprimé, faites le acheter pour moi et envoyez le moi, comme les autres livres ⁷.

13.

1786 г. апрѣля 21. Первое дѣйствіе служить къ показанію умоначертанія дѣйствующихъ лицъ; второе къ продолженію умоначертанія и къ начатию sujet, о чемъ дѣло идетъ; третье—къ продолженію sujet-а и къ начатию, что называютъ амбролію; четвертое—къ амбролію; пятое—catastrophe, или окончаніе ⁸.

14.

1786 г. 19 іюля. Заготовьте къ моему подписанію указъ, что Преобра-

⁶ Ардтъ переводилъ комедіи Екатерины на нѣм. языкъ; упомянутыя замѣтки относятся къ комедіи „Обольщенный“ (см. Зап. Храп. подъ 22 и 23 Февр. 1786) П. Б.

⁷ Т. е.: 4 Марта 1786. Если есть на Русскомъ языкѣ напечатанный Словарь римъ, велите его купить и пришлите ко мнѣ какъ и остальные книги.—13 Марта А. В. Храповицкій записалъ: „Поднесъ первыя тетради лексикона римъ.“

⁸ Относится къ оперѣ Февей. П. Б.

женскаго полку капитана-поручика, Александра Мамонова жалую въ полковники, и включить его въ число флигель-адъютантовъ при мнѣ ⁹.

15.

1786, le 24 Juillet. Faites dire à Lebrecht qu'il cherche une améthiste de Sibérie d'une belle couleur violette et qu'il y grave mon profil aussi bien qu'il peut et aussi ressemblant qu'il pourra inbuglio, après quoi qu'il cherche aussi une autre pierre pour faire un camée ¹⁰.

16.

1786 г. 18 октября. Просить Вейдбехта снова сдѣлать изданіе Записки касательно Россійской исторіи и для того прислать (бы) пробныя литеры, и листы оныя послать къ господину Пастухову съ тѣмъ, чтобы потрудился надматривать, или кому повѣрить, лишь бы съ точностію напечатано было. Современниковъ къ нему возвратить ¹¹.

17.

Купилъ графъ Воронцовъ въ Лондонѣ камень лорда Алгерноона Перси; но здѣсь изъ каталога Тессье примѣ-

⁹ 27 лѣтній преемникъ Ермолова, А. М. Дмитриевъ-Мамоновъ, по Запискамъ Храповицкаго, явился въ первый разъ на поклонъ 15 Іюля 1786. П. Б.

¹⁰ Т. е.: 24 Іюля 1786. Скажите Леберехту, чтобъ сыскалъ Сибирскій аметистъ хорошаго фіолетоваго цвѣта и вырѣзалъ на немъ мой профиль какъ можетъ лучше и какъ можетъ похожѣе, инбуглію; послѣ чего пусть съищеть также другой камень сдѣлать камею.

¹¹ Подъ современниками Екатерина, можетъ быть, разумѣть помѣщенные въ ея запискахъ касательно Россійской Исторіи указанія на то что одновременно съ событіями Русскими происходило въ чужихъ краяхъ. П. Б.

чается, что лордъ Алгерноонъ Перси многіе лучшія каменья не продалъ. О семъ извѣстенъ ли гр. Воронцовъ, или договоръ былъ оные исключить?

18.

1786 г. 6 декабря. Возьмите съ собой, что у меня на столѣ лежатъ, переводы съ старинныхъ авторовъ; также Ломоносова, русскія пѣсни, и лексиконъ двухсотъ-язычный.

19.

1786 г. 26 декабря. Apportez moi une carte de la Livonie et Estionie ¹².

20.

1787 г. 5 генваря. Заготовить надобно приказаніе въ сенатъ, чтобъ дѣло генерала Ферзена, кавалера св. Георгія, скорѣй и немедленно рѣшили.

21.

1787 г. 18 февраля. 1. Золотой лампадъ съ кистью бриліантовой и съ жемчужиной. О семъ написать къ Соймонову. Величина лампада напрымѣръ, какъ предъ царскими дверьми въ зимнемъ дворцѣ, въ большой церкви, а кисть да будетъ вершка въ полтора длины, а внизу шириной вершокъ. Сіе св. великому князю Владиміру.

22.

Батюшкѣ-духовнику дать деньги, чтобъ на святыхъ Печерскихъ сдѣлалъ парчевыя пелены съ позументомъ съ бахрамами и кистями, какъ водится ¹³.

¹² Т. е. Принесите мнѣ карту Ливоніи и Эстоніи.

¹³ Писано въ Кіевѣ, гдѣ, по запискамъ Храповицкаго, 15 Февр. 1787: „Были въ обѣихъ пещерахъ и прикладывались ко всѣмъ мощамъ.“ Батюшкою-духовникомъ былъ тогда Іоаннъ Памфиловъ, бумаги коего въ Р. Архивѣ 1870 г. П. Б.

23.

1787 г. 20 февраля. Пришли ко мнѣ фальшивую ассигнацію, присланную изъ Питербурга.

24.

1787 г. 28 февраля. Седьмъ тысячъ рублей, да сто червонныхъ; въ числѣ седми двѣ золотомъ внести въ компану, а въ числѣ ассигнацій одну тысячу особо.

25.

1787 г. 2 марта. Напиши пожалуй къ Соймонову, чтобъ досталъ изъ Эрмитажа два монхъ портрета во весь ростъ. Для Екатеринославской губерніи, Тавриды князь Потемкинъ оные просить. Буде готовыхъ нѣтъ, чтобъ заказалъ и прислалъ ихъ сюда.

26.

1787 г. 14 марта. Я зачала было списывать, но скучно стало. Пожалуй спиши.

27.

1787 г. 16 апрѣля. Со дня отъѣзда моего, когда паки начнете журналъ для пересылки въ обѣи столицы, включите имена особъ, кои на суда сядутъ, дабы видѣли во всей Европѣ, какъ врутъ газеты, когда пишутъ, что тотъ умеръ или другой отдалился ¹⁴.

28.

Le 17 avril 1787. 28 Mr. de Ségur m'a demandé hier, si l'auteur du Schaman n'avait point fait d'ouvrage sur l'édu-

¹⁴ 22 Апрѣля Екатерина выѣхала изъ Кіева на галерахъ. Въ столичныя вѣдомости посылался дневникъ путешествія; а въ Кіевѣ печатались послѣ вечернихъ бесѣдъ особыя газеты (зап. Храп. подъ 10 Апрѣля 1787). Газеты эти нынѣ составляютъ великую рѣдкость. П. Б.

cation. Je lui ai repondue que non. Mais ce matin je me suis ressouvenue qu'il y a de lui (outre la Grande Instruction du général Saltikof) deux ou trois livres pour les enfans-mêmes qu'ils lisent avec une singulière avidité et qu'ils se font relire continuellement, particulièrement quand ils sont malades. Ses livres ont épargnés beaucoup de pleurs aux enfans et aux bonnes bien des altercations inutiles. Je pense que ses livres sont imprimés en Allemand. L'un est un A B C. accompagné de Maximes, l'autre des contes d'enfans, le troisième est une espèce de Géographie des frontières de la Russie en forme de narration à la portée des enfans. Tout ceci a été fait pour Alexandre quand il n'avait que quatre à cinq ans, et le succès en a été étonnant. Montrez ce billet au comte de S¹⁵.

29.

Ce 17 avril 1787. Il faut dire la vérité, ce pauvre manifeste est cruellement massacré dans cette traduction. Au lieu de l'éloquence peut être noble, mâle (je n'ose pas dire remplie d'agre-

¹⁵ Т. е.: 17 Апр. 1787. Госп. Сегюръ спрашивалъ меня, не писалъ сочинитель Шамана чего либо о воспитаніи. Я ему отвѣчала, что нѣтъ; но сегодня утромъ вспомнила, что кромѣ большого наставленія генералу Салтыкову, написаны имъ двѣ или три книжечки для самихъ дѣтей, которыя они читаютъ съ особенною жадностью и постоянно заставляютъ себя перечитывать, особливо во время болѣзни. Эти книжечки уняли у дѣтей много слезъ, и благодаря имъ няньки часто избавлялись отъ бесполезной воркотни. Я думаю, что эти книжечки напечатаны нѣмецки. Одна изъ нихъ Азбука съ наставленіями; другая дѣтскія сказки, также родъ Географіи Русскихъ предѣловъ, въ видѣ разсказа въ дѣтскомъ понятіи. Все это было написано для Александра, когда ему было отъ 4 до 5 лѣтъ, и успѣхъ былъ удивительный. Покажите эти строки графу Сегюру.

ment), coulante, mais riche en expression et plus gentile encore en chose qu'en parole, le traducteur a été d'une paresse inouïe dans le choix de ses termes, dans de certains endroits, et dans d'autres il a ajouté des phrases, par lesquelles loin de rendre l'original plus intelligible il s'est éloigné du sens et surtout de l'énergie. J'en ai marqué plusieurs par une croix en marge, mais on pourrait marquer chaque ligne, car la pièce n'est pas reconnoissable; il aime beaucoup le mot de principes, il lui sert partout. J'ai perdu patience à la septième page, et je n'ai pas continué l'examen. Pour avoir une bonne traduction, je conseille d'attendre l'Allemande, d'Arndt, qui saisit mieux que tout autre et est accoutumé au stile de l'Auteur¹⁶.

30.

1787 г. и ня 20. Съ крайнимъ удивленіемъ услышала я, вышедши изъ за

¹⁶ Т. е.: 17 Апр. 1787. Надо сказать правду: этотъ несчастный манифестъ страшно искаженъ въ этомъ переводѣ. Въмѣсто краснорѣчія, можетъ быть благороднаго, мужественнаго (не смѣю сказать исполненнаго веселости), плавнаго, но выразительнаго и болѣе еще любезнаго по дѣлу, чѣмъ въ словахъ,—переводчикъ былъ въ однихъ мѣстахъ не сказанно лѣнивъ относительно выбора словъ, а въ другихъ понабавилъ фразъ, конми не только не сдѣлалъ подлинника понятіе, напротивъ уклонился отъ смысла и отъ энергіи. Я отмѣтила многія мѣста на поляхъ крестомъ; но можно бы отмѣчать каждую строку, потому что сочиненіе вышло незнаваемо. Онъ очень любитъ слово: *начала* и безпрестанно его употребляетъ. Я вышла изъ терпѣнія на седьмой страницѣ, и перестала читать дальше. Чтобы имѣть хорошій переводъ, совѣтую подождать нѣмецкаго, который будетъ сдѣланъ Арндтомъ; онъ лучше всѣхъ понимаетъ и привыкъ къ слогу автора.—Строки эти относятся къ переводу знаменитаго манифеста о дуеляхъ, изданнаго въ Кіевѣ, 21 Апрѣля 1787, и о нихъ упоминаетъ Храповицкій въ своихъ Запискахъ подъ гѣмъ же 17 Апрѣлемъ 1787. *И. Б.*

стола, что вы положили съ М. Н. Кречетниковымъ сегодня еще быть комедіи ¹⁷. Подобное положеніе, не доложась мнѣ, не подобаетъ дѣлать; понеже о томъ, что мнѣ угодно или не угодно, никто знать не можетъ; а я въ опекунствѣ ни чѣмъ быть не желаю.

31.

1787 г. іюля 9. Въ Валдаѣ. Сей домъ, сказываютъ, казенный. Давно сказано писанно (sic) и словесно, чтобъ въ казенныхъ домахъ панели и окошекъ и дверей коробки деревянные не клали, и почтено сіе за излишній убытокъ: понеже за панелями клопы лишь водятся и инья гадины, а коробки морозъ деретъ; здѣсь же подѣланы коробки и панели. Сіе не оставьте безъ примѣчанія для переду. А сей домъ строенъ еще, чаю, при Сиверсѣ.

32.

1787 г. 13 іюля. Царское Село. Александръ Васильевичъ, изъ Эрмитажа получила я *записку*, что портретъ мой, то есть *esquisse* Петергофскаго, въ 1784 г. княземъ Вяземскимъ взятъ чрезъ живописца на фарфоровой заводъ. Я васъ прошу съѣздить на тотъ заводъ и мой портретъ ко мнѣ привезти; ибо подобныя вещи три года продержать слишкомъ нахально. И потеряться можетъ. Сей же оригиналь Эриксона.

33.

1787 г. 7 Августа. Чтобъ Стрекаловъ послалъ приказаніе къ Бакстеру, чтобъ имѣлъ въ готовности для Фицгерберта ¹⁸ до трехъ тысячъ рублей на

¹⁷ Это было на обратномъ пути, въ Тулѣ, гдѣ намѣстничалъ М. Н. Кречетниковъ.

И. Б.

¹⁸ Тогдашняго англійскаго подлинника при нашемъ Дворѣ.

И. Б.

покупку лошадей, и чтобъ лошади, кои Фицгербертъ купить, Бакстеръ бы принялъ, и отправлялъ сюда къ Судерланду, а какъ придутъ, чтобъ сей увѣдомлялъ Александра Матвѣевича Мамонова.—Капитану Ендаурову чтобъ комната дана была въ Брюсовомъ дворѣ.

34.

1787 г. 11 августа. Пожалуй сыщите кого, ктобы перевелъ на нѣмецкій языкъ сію комедію англійскую. (Приписка Храповицкаго: Die Lästerschule).

35.

1787 г. августа 24. Сдѣлай милость еще перепиши, и койчасъ перепишешь, пришли ко мнѣ.

36.

1787 г. 27 августа. На сіи деньги, употребленныя по моему приказанію, заготовьте квитанцію генералу майору Дмитріеву-Мамонову.

37.

1787 г. 19 сентября. Выправься пожалуй: сенатомъ сняты ли генераль-губернаторскія и губернаторскія прещенія о невывозѣ хлѣба изъ губерній, и когда посланы указы; а буде не посланы, то напомните о семъ Колокольцову отъ меня ¹⁹.

38.

Le 28 Octobre 1787. Le second tome de la Flora Rossica faites moi avoir en belle et bonne relieure de maroquin rouge ²⁰.

¹⁹ Федоръ Михайловичъ Колокольцовъ (впоследствии баронъ, отецъ Е. Ѳ. Муравьевой) былъ тогда оберъ-прокуроромъ Сената.

И. Б.

²⁰ Т. е.: Дostaньте мнѣ вторую часть Россійской Флоры въ хорошемъ и красивомъ переплетѣ, въ красной кожѣ.

39.

1787 г. 21 ноября. Освѣдомьтесь, много ли пудъ золота отложено на сервисъ золотой. Спросите о семь у Степана Ѳедоровича ²¹ и у оберъ-маршала, и что скажутъ, скажите мнѣ,—такъ же, гдѣ то золото?

40.

1787 г. 27 декабря № 80. Симбирскаго и Уфимскаго—объ отдачѣ Меленскихъ казенныхъ винокуренныхъ заводовъ на аренду купцу Устинову.

41.

1788 г. 6 января. Въ 4-мъ дѣйствии есть малое прибавленіе, которое я бы желала, чтобъ актеры выучили, какъ скорѣе, такъ и лучше ²².

42.

1788 г. 15 генв. Въ Эрмитажѣ входятся фонари, кои выписаны для ложи Рафаелевой, но не поставлены, а отданы спрятать, о чемъ можете навѣдаться у тамошнихъ камердинеровъ; изъ нихъ возьмите шесть такихъ, кои не выбраны изъ уклажи, и отдайте ихъ совсѣмъ увязанные, такъ чтобы ихъ везти можно было, генералу-майору Дмитріеву-Мамонову, а *Кваренію* прикажите на мѣсто тѣхъ выписать другіе такіе же.

43.

1788 г. 20 января. По слѣдующимъ реестрамъ прикажите, чтобъ росписки.... (*неоконч.*), и Вейтбрехтъ прислалъ ко мнѣ, что скорѣе, то лучше, требуемая мною книги.

44.

1788 г. 29 января. Достань пожалуй золотую медаль на рожденіе Александра Павловича. Онъ меня просилъ: у него нѣту.

45.

1788 г. 1 февраля. Къ кн. Потемкину писать, чтобъ доктору Майеру далъ дозволеніе пріѣхать сюда.

Un bonnet fouré de zabel ²³, чай Китайскій и кофе Меккскій,—все сіе съ моимъ письмомъ отправьте къ Циммерману.

46.

1788 г. 7 февраля. Александръ Васильевичъ, скажите батюшкѣ - духовнику, что Александръ Матвѣевичъ ²⁴ у меня проситъ мощей въ золотой крестъ, который онъ посылаетъ къ своей матери. Мнѣ помнится, что у меня въ церкви есть образа многіе съ мощами, и чтобъ онъ отобралъ нѣсколько честицъ для того.

47.

1788 г. 29 февраля. Stierneld ²⁵ пишетъ къ Александру Матвѣевичу, что къ нему изъ дворца кто-то приходилъ, когда онъ не былъ дома, съ тѣмъ, чтобъ онъ сего вечера былъ въ Эрмитажѣ, прося знать дать, когда ему пріѣхать. Я думаю, что галиматью подобную составляютъ отъ ослышки слугъ, и для того васъ о семь извѣщаю, чтобъ вы отнюдь не сего дня и не въ такой часъ, когда я дѣлаю, но во время бытности моею у обѣдни водили его посмотрѣть днемъ Эрмитажъ и антресоли, какъ я вамъ сего утра приказывала при графѣ Брюсѣ.

²¹ Стрекалова.

²² Эта записка относится къ комедіи „Разстроенная семья“, которую тогда писала Екатерина.

П. Б.

²³ Шапка собольяго мѣху.

²⁴ Мамоновъ. Мать его, Анна Ивановна (ур. Бабарыкина) жила въ Москвѣ. П. Б.

²⁵ Шведъ-путешественникъ.

П. Б.

48.

1788 г. 5 марта. Приказать конторѣ надъ строеніемъ приготовить покои, кои позади покоевъ великой княжны Маріи Павловны, чтобъ въ оныхъ въ августѣ или въ концѣ іюля можно было жить.

49.

1788 г. 7 марта. Александръ Васильевичъ, прошу навѣдаться, нѣтъ ли на городской верфи готовыхъ двѣ или три лодки такія, какъ въ Царскомъ Селѣ на прудѣ, и чтѣ онѣ стоятъ. А буде нѣтъ, то пошлите взять изъ царскосельскихъ, хорошихъ, крѣпкихъ и хорошо выконопаченныхъ, и пошлите ихъ прямо къ Москвѣ, къ Карачинскому²⁶; а сему отъ меня писано будетъ, чтѣ съ ними дѣлать.

50.

1788 г. 22 марта. Написать въ отвѣтъ, что правило всякаго суда есть: въ чемъ застану, въ томъ и сужу. Ни майорскій патентъ, ни дипломъ на неизвѣстный здѣсь орденъ..... не можетъ тутъ служить ко остановленію теченія правосудія, въ такомъ дѣлѣ, гдѣ уже подозрѣнія являются во лживыхъ поступкахъ, какъ-то: фальшивый паспортъ, двойное названіе и тому подобное. И для того, не смотря на предъявленный абшидъ и дипломъ, дать теченіе суду.

51.

1788 г. 30 апрѣля. Александръ Васильевичъ, вы найдете въ двухъ ящикахъ моего стола, на креслахъ и около меня всѣ тѣ запечатанные пакеты, письма и книги, кои вы ко мнѣ привезти имѣете въ Царское Село.

²⁶ Карачинскій завѣдывалъ подмосковными дворцовыми селами. *П. Б.*

52.

1788 г. 9 мая. Я въ городѣ еще выбрала двухъ кандидатовъ на вице-губернаторскія мѣста, но до нынѣ объ нихъ ничего не слышу.

53.

1788 г. 11 мая. Чтобъ сенатскіе доклады отъ 1767 по 1786 г. были присланы отъ графа Безбородко къ Александру Васильевичу Храповицкому.

54.

1788 г. 31 мая. Писать къ Черткову, чтобъ прислалъ ко мнѣ реестръ, кому розданы въ Саратовской губерніи земли, отъ кого и по какому указу въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ²⁷.

55.

1788 г. 1 іюня. Кавалергардскіе капралы: Исаевъ, Леманъ, Ласунскій. Объ нихъ доложить.

56.

1788 г. іюня 1. Написать къ Пасеку, чтобъ прислалъ реестръ по именамъ, какихъ лѣтъ и какой націи ученики у іезуитовъ въ Полоцкой и другихъ сего ордена школахъ, и новиціаты учатся какъ давно и съ какимъ успѣхомъ.

57.

1788 г. 2 іюня. Карту Балтики съ обѣими берегами и Финляндіи прошу положить ко мнѣ въ горницу²⁸.

58.

1788 le 3 juin. Dites au c^{te} Czernischew, que je le prie de remercier

²⁷ Василий Алексѣевичъ Чертковъ, прадедъ нынѣшняго владѣльца Чертковской бібліотеки. *П. Б.*

²⁸ Тогда начиналась война съ Швеціею. *П. Б.*

la comtesse de Wynne Rosemberg de sa lettre, de ses sentimens pour moi et de son livre: Les Morlaques. Si je puis trouver du temps, je tacherai de le lire. Presentement je suis trop occupée ²⁹.

59.

24 juin 1788. Une medaille d'or pour Mr Meister; les silhouettes d'Alexandre et de Constantin ³⁰.

60.

1788 г. іюня 25. Переводить понѣмецки реляцію. Дворцовые штаты въ досужіе часы.

61.

1788 г. іюня 28. Вице-губернатору заготовьте письмо, чтобъ изъ водяной коммуникаціи, сколько можетъ, доставилъ людей способныхъ въ гвардію.

62.

1788 г. іюня 28. Реляція для чтенія въ церкви при молебнѣ въ пятницу.—Объявленіе войны, манифестъ—поспѣетъ ли къ воскресенью?

63.

1788 г. іюня 29. Изъ приписанныхъ къ Софійску есть ли охотники въ солдаты, пока продолжится Шведская война? Кой часъ будетъ миръ, велю отпустить изъ службы.

Скажите городничему: рослыхъ велю брать въ гвардію. Ему же Токареву:

²⁹ Т. е. Скажите графу Чернышеву, что я прошу его поблагодарить графиню Вынне-Розембергъ за ея письмо, за ея чувства ко мнѣ и за ея книгу о Морлакахъ. Если найду время, постараюсь прочитать ее. Теперь я слишкомъ занята.

³⁰ Т. е.: 28 Іюня 1788. Золотую медаль г. Мейстеру, силуеты Александра и Константина.

что (чѣмъ) болѣе поставитъ, или уговоритъ, то почтѣ за большую услугу ³¹.

64.

1788 г. іюля 1. Пошли пожалуй къ вице-канцлеру сказать, что когда сумасшедшая шведская, Шляфомъ подписанная, нота ему не нужна уже будетъ, чтобъ онъ ее на часъ ко мнѣ прислалъ ³².

65.

1788 г. іюля 1. Заготовьте указъ, чтобъ корабль Побѣдоносецъ, который Грейгъ возвратилъ съ больными, и еще другой, вооружили и послали Грейгу въ подкрѣпленіе.

66.

1788 г. іюля 1. Когда можно будетъ, начавъ со всѣхъ Финляндскихъ крѣпостей, онны приводить въ самое лучшее состояніе, какъ-то: 1) Фридригсгамъ. 2) Вилманстрандъ. 3) Давидъгородъ. 4) Выборгъ. 5) Нейшлотъ. 6) Кексгольмъ. 7) Шлиссельбургъ. 8) Кронштадтъ. 9) Санктпетербургскую.

Вездѣ подѣлать чугунные палисадники, платформы, лафеты запасные, пороху, ядеръ тройной комплектъ. Дополнить гарнизоны комплектъ. Провіантъ на годъ.

67.

1788 г. іюля 2. Копію списать съ сумасшедшей шведской ноты.

³¹ Объ этихъ наборахъ, производимыхъ Петербургскимъ полицмейстеромъ Рылѣвымъ и Царскосельскимъ городничимъ Токаревымъ см. отзывъ гр. Безбородки въ письмѣ къ В. С. Попову, въ Р. Арх. 1872, стр. 947. П. Б.

³² Секретарь Шведскаго посольства Шлафъ подалъ ноту, быть или не быть войнѣ, и ставилъ неумѣренныя условія мира. См. Зап. Храп. подъ 1-мъ Іюля 1788. П. Б.

68.

1788 г. іюля 3. Прикажете сумасшедшую ноту порусски персвести. Да спросите у оберъ - полицеймейстера, сколько съ каждой городской части подписано дать рекрутъ вчерась и сегодня, и чтобъ попроворнѣй поторопили сіе дѣло.

69.

1788 г. іюля 3. Одинъ экземпляръ манифеста о войнѣ, одинъ экземпляръ сумасшедшей ноты,—оба для кн. Потемкина. Хочу приложить къ моему сегодняшнему письму.

70.

1788 г. іюля 11. Съ сей реляціи копію спишите и (напишите) письмо къ адмиралу Грейгу съ тѣмъ, что я ему сообщаю вѣсти черноморскія, и что еще четвертое было сраженіе, и что курьеръ съ симъ ѣдетъ и везеть трофеи, а чтѣ было, не знаю. А происходило оно въ виду стана генеральфельдмаршала кн. Потемкина-Таврическаго подъ Очаковомъ, гдѣ пятый день какъ траншеи уже открыты. Также напишите, что Пушкинъ и Михельсонъ начали Шведовъ щелкать въ Финляндіи, и что надѣюсь, что Богъ насъ повсюду не оставитъ.

71.

1788 г. іюля 11. Александръ Васильевичъ, изъ медицинской коллегии прикажете къ Кельхену отпустить двухъ лекарей, воспитанниковъ моего училища: Древиса и Шмидта; а ему отъ меня приказано устроить въ Ораніенбаумѣ госпиталь для раненыхъ.

72.

1788 г. 13 іюля. Золотое блюдо съ надписью: командующему Екатерино-

славской сухопутной и морской силой, яко строителю военныхъ судовъ.

На блюдо положить богато украшенную шпагу съ лаврами и надписью: командующему Екатеринославской сухопутной и морской силой, успѣхами увѣнчанному.

73.

1788 г. іюня 18. Письмо графа Пушкина о Нардококскомъ дѣлѣ, въ коемъ имена офицеровъ отличившихся, принесите завтра поутру ко мнѣ.

74.

1788 г. августа 4. По вложенной записки увидите, чтѣ въ Преображенской полкъ нужно отпустить на сентябрьскую треть мелкими ассигнаціями и мѣдными деньгами. Теперь прошу потребовать и отъ прочихъ трехъ гвардейскихъ полковъ, чсво имѣють, либо не имѣють, дабы приказанія заготовить вамъ можно было къ моему подписанію, чтѣ къ нимъ изъ казначейства слѣдуетъ отпустить по теперешнимъ нуждамъ полковъ гвардіи.

75.

1788 г. августа 8. Сенату сказать надлежитъ во второй департаментъ, что Якобій сюда пріѣхалъ и что онъ меня проситъ, чтобъ до него касающіяся дѣла скорѣе окончаніе получили. И для того сенатъ имѣетъ сочинить изъ дѣлъ тѣхъ донросные пункты, по коимъ выслушать надлежитъ его отвѣты, дабы дѣло кончить можно было оправданіемъ праваго, либо обвиненіемъ виннаго.

76.

1788 г. августа 10. Имѣетъ ли судъ свое теченіе и до чего уже дошолъ,—который наряженъ въ изслѣдованіи непослушанія, индисциплины, и чрезъ

то общее дѣло гибели въ такой от-
важной битвѣ, какъ была оборона
самой, такъ-то сказать, столицы въ 6
д. іюля 1788 г. Ибо кто тутъ не дѣ-
лалъ свою должность и не боролся
всѣми силами, тотъ уже къ чему мо-
жетъ быть способенъ, и какую отъ
него въ какомъ дѣлѣ ожидать можно
ревность и усердіе?

77.

1788 г. августа 11. Изъ приложен-
наго письма увидите, въ какомъ со-
стояніи конногвардейская при дворѣ
конюшня, и для того имѣете отъ меня
изготовить приказаніе, чтобъ немед-
ленно приступили къ совершенной
починкѣ оной, и чтобъ починка окон-
чена была до зимы.

78.

1788 г. августа 11. Скажите Сте-
пану Федоровичу, чтобъ онъ не услалъ
въ армію шпагу, какъ золотую, такъ и
съ бриліантами, также и блюдо зо-
лотое для кн. Потемкина, не показавъ
мнѣ самой. Также навѣдайтесь, когда
киевское паникадило поспѣетъ.

79.

1788 г. августа 16. Спиши пожалуй
копіи двѣ ³³.

80.

1788 г. августа 20. Сафонова про-
эктъ, поданной генваря 6-го 1787 г.,
принесите ко мнѣ на прочтеніе ³⁴.

81.

1788 г. 22 августа. Бауръ клалъ
силу соли въ градирѣ.

³³ Съ стихотворенія Императрицы на ко-
роля Шведскаго. (Зап. Храп.). П. В.

³⁴ Проектъ Сафонова касался добыванія
соли. П. В.

— Не всѣ варницы суть казенныя.
Слѣдовательно частные люди варятъ,
какъ имъ выгоднѣй, управители же на
свою руку; приказанія же о семъ ча-
стные заводы примутъ за отягощеніе,
и отъ того подымутъ цѣну на соль.

— На старорусскомъ заводѣ сыре-
ны, кажется, кирпичныя, а не желѣз-
ныя, а еще менѣ мѣдныя. Варить
соль въ мѣди, кажется, и опасно.

— У Кашкина и у здѣшняго вице-
губернатора навѣдываться о Сафоновѣ,
что сенатъ сдѣлалъ по его предста-
вленіямъ и проэктамъ?

— Вольнопромышленники, кои мор-
скую соль варятъ, въ которой болѣе
быть должно сырости, нежели въ вы-
варенной, усушки и утечки не зна-
ютъ.

82.

1788 г. августа 26. Сіе письмо, сего
дня полученное, пошлите казать вице-
канцлеру. Я думаю писать къ Пуш-
кину, чтобъ онъ Шведамъ и Финнамъ
далъ выразумѣть, что какъ Датчане
войну имъ объявили, то уже о мирѣ и
перемиріи теперь не время говорить,
развѣ Финны отстанутъ отъ Шведовъ.

83.

1788 г. августа 27. Пожалуй при-
кажи переписать, и когда переписано
будетъ, то отдайте актерамъ, чтобъ
выучили, буде можно, къ Александ-
рову дню, чтобъ *surpris*-ою играть
у гр. Мамонова въ комнатахъ. Буде
же не могутъ выучить къ тому вре-
мени, то лучше отдать самому Алек-
сандру Матвѣевичу ³⁵.

84.

1788 г. 12 сентября. Есть Шведамъ
теперь чѣмъ справедливо чваниться,

³⁵ Говорится о Французской комедіи, со-
чиненной Екатериною: *Les voyages de m—e*
Bontemps. П. В.

понеже взяли у насъ слишкомъ сто пушекъ на Кильдюмѣ. Какимъ образомъ сіе транспортное судно отправлено было изъ Копенгагена и зачѣмъ, понынѣ не понятно. Знали, что шведскіе фрегаты тутъ крейсируютъ,—три (трехъ?) стопушечнымъ кораблямъ въ виду. Шведы увели оное, а стопушечные были зрителями. Повалишинъ былъ столь близокъ, что ему можно было доѣхать и свои пушки взять въ Копенгагенѣ съ транспортныхъ. Буде же шли къ городу, то на чтѣ ихъ отпустили безъ конвоя до безопасной вышины?

85.

1788 г. 12 сентября. Чтѣ вѣстей о гребной флотилии? Графу Брюсу приказать, чтобъ Петербургской и Выборгской губерніи исправники побережные дали сюда знать о благополучномъ ея пути.

86.

1788 г. Сентября 13. отошлите къ гр. Чернышеву, чтѣ ему надлежитъ.

87.

1788 г. сентября 18. Къ Еропкину написать надлежитъ, чтобъ онъ графовъ Вахмейстеровъ обоихъ послалъ жить въ Калугу, о чемъ и дать знать Кречетникову, чтобъ онъ ихъ тамъ помѣстилъ, и приличной имѣлъ за ними присмотръ.

88.

1788 г. сентября 21. Съ сихъ бумагъ прикажите копіи списать. Также надлежитъ требовать ноту гр. Разумовскаго, поданную 18 іюня шведскому министерству и, списавъ копію, возвратить гр. Остерману.

89.

1788 г. Октября 7. Дайте о семъ приказаніи знать Сутерланду, чтобъ

онъ видѣлъ, что я, кой часъ до меня доходить, умѣю взять мѣры для исправнаго платежа, чрезъ чтѣ возстановила и сохраняю кредитъ двадцать седьмой годъ.

90.

1788 г. ноября 2. Много ли такихъ, кои въ послѣдней морской баталіи такъ изранены, какъ морскіе, такъ и сухопутные, кои службы никакой отправлять не могутъ, и много ли, послѣ умершихъ, осталось вдовъ и сиротъ, и много ли на ихъ содержаніе надобно, чтобъ мнѣ представлено было?

91.

1788 г. ноября 13 НВ. Въ уставѣ о соли сказано: къ которой соли народъ привычѣе, ту и подрядить. НВ. Флтонская соль народомъ не любима, и сія соль была ненавидима и тогда, когда графъ Петръ Пвановичъ Шуваловъ ее повсюду вводитъ хотѣлъ, тому лѣтъ съ 30 назадъ³⁶. Оная соль же съ грязью смѣшана, и возить ее трудно, ибо вверхъ по рѣкѣ идти должно.

92.

1788 г. ноября 15. Въ нѣмецкомъ иное убавлено, другое прибавлено, и для того надлежитъ съ точностію свидѣтельствовать³⁷.

93.

1788 г. ноября 27. Пожалуй достань отъ князя Вяземскаго извѣстія, къ нему доставленные отъ Сутерланда.

³⁶ Подъ этимъ чсловомъ въ Запискахъ Храповицкаго читаемъ еще про гр. П. И. Шувалова: „уничтожая многія варницы для прибытка своего“.

П. Б.

³⁷ Относится до перевода Русскаго возраженія на упомянутую выше Шведскую ноту Шлафа.

П. Б.

94.

1788 г. декабря 26. Чтобъ казенныя палаты прислали, за кѣмъ по городамъ, селеніямъ и уѣздамъ отданы кабашные откупа, и за кѣмъ дѣля губерніи?

Чтобъ при отдачѣ наблюдалась 94, 95, 96 статьи устава.

Какихъ причинъ ради казна подряжаетъ вино, а не откупщикъ кабашной,—мнѣ теперь на память не придеть; а помнится, что тѣмъ обузданы откупщики въ вѣрномъ откупа платежей; а народъ получаетъ вино лучше, чище и безъ примѣси.

95.

1786 г. 6 января. Объ отсылкѣ къ гр. Сегюру книги доктора Тейльса.

96.

1789 г. января 7. Напишите къ Кречетникову, чтобъ онъ сію каналью оставилъ у себя, понеже она такъ ему мила, что онъ прилагаетъ толикое стараніе его отъ каторги освободить; но напередъ выправьтесь о дѣлѣ ³⁸.

97.

1789 г. января 26. Прикажите Кельхену, чтобъ онъ либо самъ поѣхалъ на часъ къ Москвѣ осмотрѣть и приводить Екатерининскую больницу на здѣшнюю ногу, либо избралъ къ тому кого способнаго. Также освѣдомьтесь, на какомъ основаніи та больница, подъ кѣмъ и на какомъ содержаніи.

98.

Le 26 Janvier, 1789. Au milieu, comme j'ai dit, une couronne de laurier et d'un

³⁸ Кречетниковъ ходатайствовалъ о какомъ-то Евреиновѣ, лишенномъ чиновъ за взятки.
И. Б.

coté de trophée maritime et de l'autre de trophée militaire ³⁹.

99.

1789 г. января 31. Заготовьте объ немъ указъ, что жалую его въ камеръ-юнкеры ко двору.

100.

1789 г. февраля 6. Долго (ли) быть подобной срамотѣ, что театральные люди не заплачены осмой мѣсяцъ! Я думаю разстаться съ господиномъ Стрекаловымъ вовсе, чтобъ лишиться сего безпокойства, при всѣхъ прочихъ хлопотахъ. Прошу о семъ навѣдаться подробно.

101.

1789 г. февраля 8. Почему сенатъ разсудилъ, — Анненкову опредѣлилъ пенсіонъ, за благо не разсуждено мнѣ сообщить, хотя не по разсужденію, но по законамъ судить сенатъ долженствуетъ. 1) Анненковъ 35 лѣтъ не выслужилъ. 2) Увѣчье не получилъ. И такъ о Анненковѣ не.... *(недописано)* ⁴⁰.

102.

1789 г. февраля 8. Изготовьте увольненіе Стрекалова отъ кабинета ради возстановленія кредита и запрещеніе Каратыгинну ⁴¹, чтобъ неокладныхъ выдать не производилъ отнюдь безъ моего собственнаго подписанія, и при-

³⁹ Т. е. „26 Января 1789. Посрединѣ, какъ я говорила, лавровый вѣнокъ; съ одной стороны морскія, а съ другой воинскія трофеи.“ — Это награда Потемкину.
И. Б.

⁴⁰ Не о Курскомъ ли вице-губернаторѣ Абрамѣ Ивановичѣ Анненковѣ идетъ здѣсь рѣчь? См. Зап. Храп. подъ 2 Марта 1788.
И. Б.

⁴¹ Предокъ артистовъ Каратыгинныхъ? Въ написаніи Императрицы явственнѣе ихъ восточное имя.
И. Б.

кажите, чтобъ онъ ко мнѣ принесъ самъ счета долгамъ и по числамъ, которые старые, чтобъ я могла видѣть и приказать, какъ ихъ платить.

103.

1789 г. февраля 24. Пришлите ко мнѣ нѣмецкое письмо, мною полученное на четверговой почтѣ отъ того человѣка, который пишетъ, что братъ его, бывъ докторомъ у насъ, попалъ въ Царьградъ и застрѣлился.

104.

1789 г. марта 12. *Envoyé cela au gen. Sprengporten* ⁴².

105.

1789 г. марта 13. Аренду Реку, генераль-майору.

106.

1789 г. марта 14. Александръ Васильевичъ, напишите къ Архарову, чтобъ узнать, правда ли въ приложенномъ письмѣ написано, и буде правда, чтобъ сюда далъ знать о числѣ душъ той деревни, чтобъ имъ можно было дать, какъ я давала, по 20 р. на дворъ ⁴³.

107.

1789 г. апрѣля 4. Финскихъ крѣпостей починка. Арендная раздача: 1) по именнымъ указамъ; 2) вдовамъ и сиротамъ; 3) заслуженнымъ просителямъ и ихъ вдовамъ и сиротамъ. Указъ о запрещеніи сухопутнаго ввоза шелковыхъ и проч. товаровъ. При-

⁴² Т. е. Пошлите это къ генералу Спренгпортену.

⁴³ Говорится о разоренныхъ крестьянахъ деревни Князевой, подавшихъ письмо Мамонову. И. Б.

дворной конторы долги. Кабинетные долги.

108.

1789 г. апрѣля 4. Сказываютъ, что въ городѣ и въ лавкахъ офицерское сукно, какъ-то: зеленое, синее, красное, желтое сукно по 10 и 11 рублей аршинъ. Спросите, дѣлается ли на Ямбургской фабригѣ таковыхъ цвѣтовъ и доброты сукно и прикажите сюда прислать и пустить въ продажу за обыкновенную цѣну, и то, что скорѣе, то лучше. Также прикажите въ Финляндію послать на продажу.

109.

1789 г. апрѣля 13. Вдовѣ Мансуровой, у которой сынъ убитъ, дать три тысячи рублей.

110.

1789 г. 23 апрѣля. Откажите сего вечера комедіевъ (sic) Эрмит....

111.

1789 г. 1 іюня. Александръ Васильевичъ, поговорите съ преосвященнымъ Евгеніемъ о печатаніи его перевода *Виргилія*, да напишите къ Лужкову ⁴⁴, чтобъ книгу, большой инъ фоліо (sic) о Туреціи, которую я нынѣшнюю зиму купила, послала къ тому же архіерею.

112.

1789 г. 30 іюня. На взятіе Очакова: *Усердіемъ и храбростію*. На занятіе Крыма: *Кротостію смиренъ противникъ*. На населеніе и устроеніе Екатеринославской губерніи: *Стени населилъ, устроилъ*.

⁴⁴ Александръ Ивановичъ Лужковъ, членъ Академіи и бібліотекаръ Екатерины. И. Б.

113.

1789 г. іюля 3. НВ. Майора Баба-рыкина перевести изъ Семеновскаго въ Конную гвардію.

(Было написано, потомъ зачеркнуто).

Корсакова въ Семеновскій полкъ.

Принца Гессенъ-Филипсдала выпустить въ армію полковникомъ.

Фитингофова сына, майора легкоконнаго, въ камеръ-юнкеры.

Конной гвардіи секундъ-ротмейстера Платона Зубова армію полковникомъ и флигель-адъютантомъ ⁴⁵.

114.

1789 г. іюля 7. Возьмите изъ генеральнаго кригсрехта реестръ морскихъ и сухопутныхъ, содержащихся тутъ, и принесите ко мнѣ. Мнѣ должно десятиерыхъ простить.

115.

1789 г. 12 іюля. Сей столпъ созданъ по повеленію благочестивой, самодержавной великой государыни императрицы Екатерины II, на память усердія Рыбачей Слободы поселянъ, добровольно пятаго челоуѣка нарядившихъ въ службѣ Ея Величества и Отечества въ 1788 году, во время Свейской войны.

116.

1789 г. 29 іюля. Прикажи отыскать Галуцїеву музыку, а именно оперу Дидону.

117.

1789 г. 5 сентября. Скажите Дмитревскому и Крутицкому, чтобъ во второмъ дѣйствіи не примѣчали слова

⁴⁵ 22-хъ лѣтній П. А. Зубовъ появляется во дворцѣ съ 21 Іюня 1789. *И. В.*

Потачкина, а говорили между собою, какъ будто ихъ тутъ нѣту ⁴⁶.

118.

1789 г. 17 сентября. Вы можете отвѣтствовать святителю, что менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами, безразсудный толкъ извѣстной переписки, которой одно злобой наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе; понеже сама собою та переписка весьма невинна, и въ такое время, когда тотъ осьмидесяти-лѣтній старикъ старался своими, во всей Европѣ жадно читаемыми, сочиненіями прославить Россію, унижить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего Отечества, въ чемъ и преуспѣлъ. Въ такомъ виду и намѣреніи письма, писанныя къ безбожнику, кажется, не нанесли вреда ни церкви, ни Отечеству.

119.

1789 г. 13 октября. Скажите гоф-маршаламъ, чтобъ послали камеръ-юнкера съ симъ письмомъ въ Гатчину, которой бы (посланный) завтра поутру великому князю и великой княгинѣ отъ меня кланялся и поздравлялъ ихъ со днемъ рожденія великой княгини и ей бы отдалъ мое письмо.

120.

1789 г. 30 ноября. Медали мѣдныя историческія, кои у Александра Пав-

⁴⁶ Кто этотъ святитель, намъ неизвѣстно. Говорится по поводу появленія въ свѣтъ сочиненій Вольтера и его переписки съ Екатериною. *И. В.*

ловича, прошу достать для меня. Записки касательно Россійской исторіи, сколько напечатано, положите ко мнѣ на столъ; также Татищева послѣдній томъ и Лѣтописецъ третьенадесятаго вѣка.

121.

1789 г. Декабря 6. Тѣснота велика у банка ассигнаціоннаго по причинѣ размѣна мелкихъ ассигнацій. Нельзя ли умножить выпускъ оныхъ?

122.

Le 6 de Janvier 1790 г. Faites imprimer en Russe la traduction de Tatischef, des Discours de Reynolds.

123.

Le 17 Février 1790 г. Faites moi avoir le Dictionnaire philosophique de Voltaire relié comme le reste que vous m'avez apporté ⁴⁷.

124.

1790 г. 17 марта. Утѣха во укрѣпленіе смысла посреди хлопотъ.

125.

Le 1 d'Avril 1790 г. Le soir je voudrais qu'on joua la comédie Françoise à l' Hermitage ⁴⁸.

126.

1790 г. Апрѣля 22. Подписанныя (бумаги) отошлите къ графу Безбородкѣ, а не подписанныя привезите

⁴⁷ Т.-е. 6 Января 1790 г. Прикажите напечатать по-русски переводъ Татищева: Разговоры Рейнольдovy. 17 Февраля 1790 г. Достаньте мнѣ Философическій Лексиконъ Вольтера, переплетенный также, какъ и остальное что вы мнѣ приносили.

⁴⁸ Т.-е.: я желаю, чтобы вечеромъ играли французскую комедію въ Эрмитажѣ.

ко мнѣ въ Царское Село; также мой переводъ.

127.

1790 г. 27 іюля. Александръ Васильевичъ, позовите къ себѣ конюшенныхъ подрядчиковъ и спросите у нихъ, сколько имъ должна конюшня, а у конюшенныхъ, — для чего имъ не платять помѣсячно, или понеѣдѣльно. Тогда люди меня не безпокоили бы. А потомъ мнѣ скажите, что выйдетъ.

128.

1790 г. августа 31. Приказано воспитательнаго дома попечителямъ разсмотрѣть и разобрать дѣло Киришаума съ Іоанномъ І. Бецкимъ. Сей нынѣ пишетъ и присылаетъ непрестанно ко мнѣ, говоря, что остается дѣло безъ разсмотрѣнія, а домъ воспитательный безъ попеченія. Освѣдомьтесь, въ какомъ положеніи то дѣло.

129.

1790 г. сентября 1. Увѣдомьте Ар. П. Кашкина, что архитектору Кваренгію мною приказано нѣкоторыя дѣлать перемѣны въ комнатахъ, кои по концу Китайской залы около малой лѣстницы, — чтобъ ему дали помочи, когда потребуетъ ⁴⁹.

130.

1790 г. le 23 Sept. Abraham Gerrit, fleuriste à Amsterdam vend des arbres d'Amerique, avec le nom de chaque arbre, à fl. 50 le 100, et les plus assortimens de fleurs, comme doubles hiacintes en toutes les couleurs, tulipes, renoncules, anemones, narcisses, semences de fleurs Américaines. — Faites moi

⁴⁹ Аристархъ Петров. Кашкинъ управляетъ Царскимъ Селомъ. И. Б.

avoir de cela pour un millier de florins pour le printems prochain ⁵⁰.

131.

1790 г. le 14 Dec. N'oubliez pas de dire au compositeur que le

Эхъ, эхъ, не ладно!

Ахъ не складно — du Père peut être une parodie ou doit tourner en ridicule les:

Эхъ, Эхъ,
et

Ахъ,—des Enfans ⁵¹.

132.

1791 г. 28 марта. Прикажите мнѣ добрый компасъ сдѣлать на подобіе большихъ карманныхъ часовъ золотыхъ.

133.

1791 г. 3 апрѣля. Была у меня книжка въ синей бумагѣ: les Causes de la revolutions française. Велите отыскать между тѣми, кои я отдавала на прошедшей недѣлѣ.

134.

1791 г. мая 23. Напишите сами отвѣтъ къ Спренгпортену и велите отпи-

⁵⁰ Т.-е.: 23 Сент. Абрагамъ Герритъ, цвѣтоводъ въ Амстердамѣ, продаетъ американскія деревья, съ названіемъ каждаго дерева, по 50 флориновъ за 100, и сверхъ того подборы цвѣтовъ, какъ напр. двойныя гиацинты всѣхъ цвѣтовъ, тюльпаны, ренонкулы, анемоны, нарцисы, семена американскихъ цвѣтовъ. Дostaньте мнѣ этого на тысячу флориновъ къ будущей веснѣ.

⁵¹ Т.-е. 14 Дек. Не забудьте сказать композитору, что: „Эхъ, эхъ, не ладно! Ахъ не складно,“ слова отца, могутъ быть пародією или должны обратитъ въ смѣхъ слова дѣтскія: „Эхъ, эхъ и ахъ.“—Относится къ оперѣ „Федуль съ дѣтми,“ сочиненной Екатериною. *П. Б.*

сать отвѣтъ къ нему отъ графовъ: Остермана и Безбородки.

135.

1791 г. 21 іюля. Прошу къ завтраму достать третій томъ Щербатова гисторіи.

136.

1791 г. іюля 18. Выправьтесь, нѣтъ ли въ Лифляндіи деревни съ именемъ: Беренвицъ, либо Бардарикъ. Оно-го (sic) медвѣжьёю голову.

137.

1791 г. ноября 15. Отшлите сіе письмо обратно къ Апраксину ⁵² и скажите ему, что я оное прошеніе не принимаю; понеже четыре судебныя мѣста, рѣша одинаково, тѣмъ самымъ опровергли его о семъ частное и пристрастное сужденіе.

138.

1791 г. ноября 20. Вообще ото всѣхъ новыхъ затѣй, перебивокъ и расходовъ послѣ мира, который еще не заключенъ, на шесть лѣтъ прошу всѣхъ подержаться.

О запискѣ иностранныхъ и отдачѣ оныхъ въ рекруты, надлежитъ военной коллегіи и сенату сдѣлать разсмотрѣніе и положеніе и вносить докладомъ.

139.

1791 г. декабря 9. Написать отъ меня письмо къ преосвященному Черниговскому съ просьбою, дабы приказалъ для меня сію книгу списать отъ

⁵² Графу Матвѣю Федоровичу. Въ Запискахъ Храп. прибавленъ по этому поводу еще отзывъ Императрицы: „c'est l'opinion publique et je suis inébranlable.“ (Это общественное мнѣніе, и я непоколебима). *П. Б.*

слова до слова, и чтобъ даль мнѣ знать, по сему списанію что разсудить заплатить писцамъ и за бумагу и прочія издержки, и просить, чтобъ по гетрадамъ, по мѣрѣ какъ спишутъ, ко мнѣ прислалъ ⁵³.

140.

1791 г. декабря 11. У меня былъ каталогъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ. Онъ же печатанъ въ Древней Россійской Вивлюоикѣ. Но понеже каталогъ (т.-е. рукописный) обстоятельнѣй, прошу, отыскавъ, положить ко мнѣ на столъ.

141.

1791 г. 22 декабря. Въ повытье у Еремѣева какіе-то Татары ходятъ болѣе года по дѣлу о рекрутскомъ наборѣ, — вмѣсто того деньги дать хотятъ. Спросите, что за дѣло.

142.

1792 г. 21 февраля. Пошлите спросить, что за живописецъ Французъ Доанъ выписанъ для Академіи художествъ, кѣмъ рекомендованъ и почему принять, отъ кого имѣетъ представительство.

143.

1792 г. 24 февраля. Сравнительнаго словаря обѣихъ едичій по два экземпляра.

144.

1792 г. 26 февраля. Родословныя книги изъ Щербатовой вивлюоики.

145.

1792 г. 21 марта. Рѣка Припеть и рѣка Горинь, — укажите мнѣ на картѣ географической.

⁵³ Рѣчь идетъ о лѣтописцѣ, 1699 года, соч. Бободинскаго, И. Б.

146.

1792 г. 22 марта. Пожалуй возвратите Арицгу. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ моихъ записокъ, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des reflexions qui me sont venues en lisant. Dites lui de ma part, que j'ai trouvé son ouvrage très intéressant et que la lecture m'en a amusé. Vous pouvez lui montrer ce billet ⁵⁴.

147.

1793 г. 7 июля. Достаньте отъ вице-канцлера, или отъ Безбородки, буде не уѣхалъ, и завтра сюда не будетъ вчерашней почты, министерскія донесенія.

148.

1793 г. 16 августа. Все сіе въ Таврической дворецъ взять съ собою, а прочее, что на столахъ, въ зимній дворецъ. Державину велите забрать его бумаги, въ углу на столѣ лежащія.

149.

(Безъ озн. года и числа). Напишите письмо къ Тверскому воеводѣ, или къ Новгородскому губернатору, отъ имени моего, содержанія такого, чтобъ призваны были къ воеводѣ Тверскіе жители, кои подписали челобитную сію, и оная имъ именемъ моимъ была возвращена съ тѣмъ, что какъ ихъ просьбы ни воеводскимъ позволеніемъ, ни губернаторскимъ о ихъ нуждахъ мнѣніемъ, какъ попечителя, не провозж-

⁵⁴ Т.-е.: Какъ размысленія, пришедшія мнѣ въ голову, когда я читала. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень занимательнымъ, и чтеніе его меня забавило. Вы можете показать ему эту записку.

даема, сверхъ того оная незаконнымъ образомъ писана и минуя порядокъ до моихъ рукъ дошла, я приказала, надравъ оную, имъ возвратить.

150.

(Безъ ozn. года и числа). NB. Всѣ выписи изъ Блэкстона прочесть (съ) перомъ въ рукахъ и замѣчая приличное для внесенія въ законы. Потомъ прочесть узаконенія наши по частямъ, и выписи, по тѣмъ частямъ поданныя генераль - прокуроромъ, равноѣрно (съ) перомъ въ рукахъ, замѣчая, что внести въ новое узаконеніе, что оставить безъ внесенія.

Эти полтораста записочекъ, писанныхъ великою трудолюбивою на первыхъ попадавшихся подъ руку бумажкахъ, при всей ихъ отрывочности и несвязности, такъ и переносятъ насъ въ кабинетъ Екатерины, къ тому полукруглому столу, за которымъ неустанно просиживала она долгіе часы, обнимая заботою дѣла Имперіи, на все находя время, удивляясь, какъ можно провести день, не исписавши нѣсколькихъ листовъ, и электризуя своею дѣятельностью и усердіемъ ко благу Россіи не только ближайшихъ лицъ, но и отдаленныхъ исполнителей ея воли. Подобныя записочки писались и къ Панину, и къ Безбородкѣ, и къ Вяземскому, и къ Вецкому, и къ Потемкину, и къ жившимъ внизу любимцамъ. Благодарное потомство берегаетъ эти мелкія и отрывочныя черты ея жизни и ея благотворной дѣятельности, и по мысли и вчинанію Государя Наслѣдника Цесаревича нынѣ печатается Русскимъ Историческимъ Обществомъ въ Петер-

бургѣ полное, хронологически расположенное собраніе всѣхъ писемъ и бумагъ Его великой Прародительницы. Первая часть этого собранія уже вышла и содержитъ въ себѣ драгоценнѣйшія познания. Друзья Русской науки надѣются, что неожиданною кончиною издателя (академика Пекарскаго) не остановится это изданіе, столь достойно предпринятое и въ значеніи своемъ не уступающее памятнику, который воздвигается Екатеринѣ въ Петербургѣ.

Выше помѣщенные письма Екатерины къ Храповицкому служатъ документальнымъ подтвержденіемъ и дополненіемъ извѣстныхъ его Записокъ. Записки эти были изданы Г. Н. Геннадіемъ въ 1862 году, и ради ихъ исторической важности, мы напечатали въ Р. Архивѣ 1864 азбучный указатель къ нимъ. Но г. Геннадіи печаталъ, по необходимости, со списка не совѣмъ вѣрнаго, и ошибки этого изданія были указаны Д. В. Полѣновымъ (Р. Арх. 1867).

Недавно, въ Петербургѣ найденъ подлинникъ драгоценныхъ Записокъ, въ 1837 году поднесенный Государю Императору племянникомъ автора П. В. Сушковымъ. Государю угодно было пожаловать эти тетради В. А. Жуковскому, который подарилъ ихъ князю П. А. Вяземскому, передавшему ихъ нынѣ въ собственность члену Императорской Археологической Коммиссіи Н. П. Барсукову, о чемъ и было напечатано въ Голосѣ и другихъ газетахъ сего 1872 года. Казалось, чего бы лучше! Историческій памятникъ перешелъ въ руки надежныя и опытыя. Но въ тѣхъ же газетахъ появилось заявленіе Д. П. Сушкова о томъ, ядо бы право собственно-

сти на Памятныя Записки Храповицкаго принадлежитъ ему г. Сушкову. Жаль будетъ, если заявленіе это помѣшаетъ новому ихъ изданію. Желаетъ, чтобы вышенапечатанныя письма Екатерины, имѣющія совершенно тотъ же характеръ какъ и Записки Храповицкаго, убѣдили г. Сушкова, что эти Записки суть исключительное достояніе науки и не могутъ имѣть никакой иной цѣнности. Сушковы всегда были друзьями просвѣщенія, и конечно Д. П. Сушковъ не захочетъ, чтобы изъ-за его заявленія приостановилось строго-ученое изданіе Записокъ его дѣда-дяди.

Мы имѣли случай видѣть подлинный текстъ этихъ Записокъ. Это двѣ тетради въ современныхъ переплетахъ, въ четвертку, писанныя отъ начала до конца своеручно, весьма четкимъ почеркомъ, почти безъ помарокъ, такъ что трудно предположить, чтобы Храповицкій въ этомъ точно видѣ велъ дневникъ свой въ теченіи одиннадцатилѣтней своей близости къ Государынѣ. Скорѣе надобно думать, что эти тетради переписаны имъ на бѣло уже въ послѣдствіи съ первоначальныхъ черновыхъ отмѣтокъ.

II. Б.

Письма князя Павла Дмитриевича Цицианова къ Василию Николаевичу Зиновьеву.

Читатели Русскаго Архива и его изданій уже знакомы нѣсколько съ княземъ П. Д. Цициановымъ (1754—1806) по письмамъ графа Ростопчина, помѣщеннымъ во 2-й книгѣ «Деятельности Вѣка». Неоднократно дѣлалась попытка полной его біографіи, но къ сожалѣнію онѣ до сего времени остались лишь попытками. Наибольшаго вниманія изъ написанныхъ о немъ статей заслуживаетъ статья Военно-Энциклопедическаго Лексикона (XIII ч. 1-го изд. 1849 года); но и въ ней разсматривается дѣятельность князя лишь съ военной точки зрѣнія, такъ что остаются все-таки малозвѣстными его воспитаніе, среда, въ которой онъ вращался, и все, что имѣло вліяніе на его развитіе какъ полководца и государственнаго человѣка. Не подлежитъ сомнѣнію, что, помимо военной дѣятельности, во время его пребыванія въ Грузіи, въ немъ, въ значительной степени, проявились дипломатическія способности, а дипломатія съ Азіатскими народами требовала, разумѣется, особенныхъ, исключительныхъ качествъ. Эти-то качества высказались блистательно въ дѣйствіяхъ князя на Кавказѣ. Часто миролюбивыя, но исполненныя достоинства и стойкости, отношенія, въ которыхъ находился онъ къ владѣтельнымъ лицамъ Грузіи, Имеретіи, и проч., оканчивались тѣмъ, что, безъ пролитія крови, единственно лишь силою его нравственнаго превосходства, многія отдѣльныя части, по сосѣдству находившіяся съ управляемымъ имъ кра-

емъ, поступали въ подданство Россіи * и оставались ей вѣрными до самой смерти князя: лишь со времени его кончины начинаются отдѣленія вновь присоединенныхъ владѣній.

Славная и громкая дѣятельность князя Циціанова заставляетъ насъ думать, что его письма къ другу его и ровеснику Василию Николаевичу Зиновьеву, будутъ умѣстны на страницахъ Русскаго Архива, гдѣ читатели найдутъ біографическія свѣдѣнія и о Зиновьевѣ (1870, стр. 932). Да и самое содержаніе этихъ писемъ заключаетъ въ себѣ любопытныя показанія о жизни Петербургскаго общества въ концѣ прошлаго столѣтія и о многихъ извѣстныхъ дѣятеляхъ того времени, съ которыми князь находился въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ.

Письма извлечены изъ Архива села Вытебети (Орловской губ., Болховскаго у.) и въ подлинникахъ были получены нами, вмѣстѣ съ дозволеніемъ напечатать ихъ, отъ недавно скончавшагося владѣльца ихъ, Степана Васильевича Зиновьева, одного изъ сыновей Василя Николаевича. Да приметъ выраженіе признательности нашей оставшееся семейство покойнаго, Аделаида Генриховна, Степанъ и Александръ Степановичи Зиновьевы, всегда съ сочувствіемъ и довѣріемъ относившіеся къ трудамъ по разработкѣ богатаго семейнаго ихъ архива.

Всѣ письма писаны рукой самого кня-

* Достаточно упомянуть объ Имеретинскомъ царѣ Соломонѣ и о ханѣ Ширванскомъ, которые по убѣжденію князя присягнули на вѣрность Россіи; первый 25-го апрѣля 1804 года, а второй 25-го декабря 1805 года. (См. Исторію царствованія Императора Александра. Соч. Богдановича).

зя, и хотя не изъяты отъ грамматическихъ погрѣшностей, но читаются довольно легко. Мы не нашли достаточно уважительныхъ причинъ, чтобы оставлять неисправленными эти орфографическія ошибки; но, дорожа точностью въ смыслѣ и складѣ рѣчи, не позволяли себѣ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго измѣненія, опуская лишь частныя мелочи и ничего не значущія повторенія одного и того же.

Н. Барышниковъ.

24 декабря 1870.
С. Александровское.

1.

15-го іюля 1785 года. Санктпетербургъ.
Писалъ къ тебѣ, Васинька, въ Геную; не знаю, дошло ли оно до тебя; а чаю, что если дошло, то поздно, для того, что Александръ Николаевичъ ¹ уговорилъ меня съ нимъ вмѣстѣ послать, и вмѣсто того въ тотъ день не послалъ. Братецъ твой еще здѣсь; я его недавно видѣлъ и ѣду сейчасъ къ П. Ивановичу Новосильцеву ² ужинать, гдѣ твой братецъ правитъ свое рожденіе. Увѣдомъ, какъ ты весело проводишь время. Твое путешествіе весьма, какъ чаю, весело; вездѣ тебѣ представляется перемѣна предметовъ и наипрѣятнѣйшихъ, вездѣ новое удовольствіе. Когда это будетъ, что мы будемъ вмѣстѣ? И если ты будешь та-

¹ Старшій братъ В. Н. Зиновьева.

² Петръ Ивановичъ Новосильцевъ началъ около 1774 года свою службу секретаремъ Саратовской Колоніальной Конторы и, благодаря рѣдкому уму и дарованіямъ, достигъ званія сенатора и должности генералъ-провіантмейстера. Въ свое время онъ былъ извѣстенъ какъ опытный дѣлецъ. Женатъ былъ на Екатеринѣ Александровнѣ Гарсуковой (Записки Вигеля ч. 1, стр. 24-я). Онъ былъ отцомъ недавно умершаго Петра Петровича.

ковыхъ же ко мнѣ (т. е. чувствъ) какъ былъ, какое восхищеніе для того, который всё свое благополучіе почитаетъ быть съ тобой связану неразрывной дружбой. Пріѣзжай скорѣе, — усовѣстись. Когда-то это сбудется? Право, мнѣ невѣрится. Братецъ твой мнѣ сказывалъ и увѣрялъ, что если тебѣ достанется въ камергеры, то ты, не дождавшись срока, сюда пріѣдешь. И такъ чины тебя, можетъ, притянутъ къ нашимъ сторонамъ. Прости, любезный мой, болѣе писать нечего. Нѣтъ есть, я забылъ было. Тетушка Осипа Петровича ³ весьма жалка и крылышки опустила. Племянница ⁴ новая приняла племянничка въ руки, а ей поджала хвостъ. Я у нихъ обѣдалъ и, сколько примѣтить могъ, видѣлъ, что она имѣетъ въ мужѣ раба благороднаго, а въ теткѣ старуху ничего незначащую. Прости, цѣлую тебя мысленно сто тысячъ разъ, желаю тебѣ совершеннаго здоровья, а съ нимъ и всевозможнаго веселья. Прости, неподобный мой другъ, если смѣю, по недостаткамъ своимъ, дать тебѣ это имя.

На большинствѣ писемъ надпись:
„A Monsieur Monsieur de Zinovieff
Gentilhomme de la chambre de S. M.
I. de toutes les Russies.

³ Анна Осиповна Бобрщева-Пушкина, тетка Осипа Петровича Козодавлева. Состояла въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣмъ семействомъ Зиновьевыхъ. Она еще въ царствованіе Императрицы Анны Иоанновны, была въ милости при Дворѣ. Едва ли не по ея просьбѣ О. П. Козодавлевъ былъ отравленъ за границу воспитываться. (О ней Русск. Архивъ 1870, стр. 1774-я. Забѣтка академика Я. К. Грога).

⁴ Супруга Осипа Петровича Козодавлева, Анна Петровна, рожденная княжна Голицына, внучатная сестра извѣстнаго князя Александра Николаевича Голицына.

2.

9-го сентября 1785 года. Санктпетербургъ.
Послѣднія два твои письма меня въ несказанное замѣшательство привели, 1-е потому, что я тебя давно, но твоимъ письмамъ, не только въ Римѣ считалъ, но въ Парижѣ; 2-е, я по твоему же письму давно считаю, что ты отсрочку имѣешь. Въ первомъ изъ сихъ писемъ т. е. изъ Рима ^{5/16} іюля, пишешь именно сими словами: „Съѣзди къ гр. А. Романовичу ¹; пиши ко мнѣ въ Геную, пожалуй не полѣнись сіе въ точности исправить; недѣлю, по полученіи сего спуста, ниши въ Марсель, и въ оба мѣста пиши à la poste restante; послѣ Марсели на 4 недѣли позволяю тебѣ писать въ Лионъ, а потомъ въ Парижъ.“ Вотъ твои слова. Несмотря, сверхъ того, что ты прежде въ одномъ письмѣ сіе жъ самое написалъ, и посему я и съ твоимъ братцемъ и именно: К). мая 6-го въ Парижъ: о безпорядочномъ полученіи писемъ, о вышедшемъ правѣ дворянства и о городскомъ ², тоже, о произвожденіи, обѣщалъ графу С. Романовичу ³ послать о военномъ со-

¹ Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ (род. 1741, ум. 2-го декабря 1805 года), въ это время былъ президентомъ Комерцъ-Коллегіи.

² 1785 года 21-го апрѣля послѣдовало дарованіе Дворянству „Жалованной Граматы“ и объявленіе „Граматы на права и выгоды городамъ Россійской Имперіи“.

³ Графъ Семень Романовичъ Воронцовъ въ это время онъ уже былъ русскимъ посланникомъ въ Англіи. Онъ находился въ весьма дружескихъ отношеніяхъ къ В. Н. Зиновьеву и видѣлся съ нимъ незадолго до этого въ Италиі, гдѣ они прожили вмѣстѣ нѣкоторое время. Отношенія ихъ столько были близки, что Василій Николаевичъ, во время пребыванія своего въ Англіи, преподавалъ начальныя уроки Русскаго языка дѣтямъ Семена Романовича, т. е. князю Михайлѣ Семеновичу и графинѣ Елизаветѣ Се-

стояніи (NB которое теперь посылаю; за нѣкоторымъ указомъ остановился). Л.) мая 27-го во Флоренцію: о замѣшательствѣ въ полученіи писемъ, о струнахъ, о табакѣ, когда будешь въ Парижѣ, о отбытіи государыни въ Новогородъ и Вышній - Волочекъ ⁴ М.) юня 17-го въ Медіоланъ: о приѣздѣ Ал. Николаевича. Н.) юня жъ 21-го туда жъ: о приѣмѣ дѣлъ твоихъ Ал. Ник., посланъ маленькій мой силуетъ, и проч. О.) іюля 5-го въ Геную: о полученіи струнъ и благодарность за то; пенялъ, что не пишешь куда деньги перевести, жаловался на судьбу, и проч. П.) іюля 15-го въ Милонъ: о состояніи Осипа Петровича, въ разсужденіи его женитбы, или лучше, о его новомъ рабствѣ. Вотъ, Васинька, и содержаніе ихъ, какъ я изъ журнала ихъ тебѣ по порядку выписалъ. Итакъ теперь самъ суди, виноватъ ли я? Стою ли такихъ твоихъ выговоровъ? Заслуживаю ли я твой гнѣвъ и угрозы, что ты принужденъ будешь, какъ ты говоришь, выбрать другаго корреспондента обо мнѣ тебя увѣдомлять. Да и самое послѣднее твое письмо меня оправдать можетъ. Съ гнѣвомъ пишешь, чтобы я на оное, ни единой почты не пропустия, по полученіи его, тебѣ отвѣчалъ,—а куда?—ни слова. Куда жъ мнѣ писать?.. Оно ¹⁷/₆ августа, получилъ его вчера, т. е. ты въ день моего рожденія огорчилъ крайне, и я

меновнѣ, вышедшей впоследствии замужъ за лорда Пемброка. (Незданныя рукописи Вытебтскаго архива).

⁴ Здѣсь говорится о посѣщеніи Императрицею Боровичей и Вышняго-Волочка для осмотра работъ по Вышневолоцкому водяному сообщенію; она проѣхала отсюда въ Москву и въ село Богородицкое Тульской губ., въ будущее имѣніе графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго, гдѣ осматривала постройку дома и разведеніе сада. Въ Петербургъ Императрица возвратилась 19-го іюня.

тѣмъ 32-й годъ своей жизни началъ, отвѣтомъ симъ на гнѣвное твое письмо. Пишу сіе письмо на удачу въ Римъ и если ты недогадался приказать его отправить, то оно и пропало, что навѣрно и считаю, не воображая тебя такъ долго пребывающимъ въ Римѣ.

Оставя сіе все, повторяю, что прискорбно мнѣ, и такъ, что со слезами тебѣ говорю, что больно мнѣ быть понапрасну обвинену тѣмъ, кого я столько много люблю, и къ кому я душою привязанъ, такъ много, какъ къ тебѣ. Увѣдомляю снова, что братецъ твой уѣхалъ, что съ 500 душъ одинъ, то есть съ тысячи два рекрута, сегодня указъ вышелъ; что графа А. Романовича здѣсь нѣтъ: онъ поѣхалъ осматривать порядокъ производства дѣлъ въ Малороссійскихъ губерніяхъ, будетъ къ 15 числу сего мѣсяца, и тогда я буду его просить и напоминать.

3.

30-го сентября 85-го года. Санктпетербургъ.

Совѣтую ихъ (пропавшія письма) вамъ отыскать для двухъ причинъ: 1) для того, что дурно, если они вѣчно останутся въ чужихъ краяхъ, попадутся въ чьи нибудь руки и потомъ откроютъ дружескіе разговоры и откровенія домашнія. Вы скажете, что порусски тамъ читать неумѣютъ, да вѣдь они къ русскому попасть могутъ; ибо почтмейстеръ видя, что вы въ русской службѣ, отдастъ ихъ для доставленія вамъ; 2) для того, что я не могу здѣсь вмѣстить того, что въ семи письмахъ, или лучше сказать, на семи листахъ кругомъ написалъ. А если вы получите или достанете письмо послѣднее, писанное въ Римъ, то вы тутъ увидите и журналъ всѣхъ прежнихъ 6 писемъ, что я принужденнымъ на-

шелся выписать из своего журнала .

Теперь отвѣчаю на ваши вопросы, по порядку оныхъ. На 1-е, посылку вашу съ гр. Воронцовымъ не получалъ, и извѣстія не имѣю, гдѣ онъ живетъ. Съ Цейтеномъ—получилъ и благодарилъ васъ покорнѣйше за нее, въ письмѣ посланномъ въ Геную. На 2, письмо, въ которомъ бы было включено письмо къ графу Александру Роман., не получалъ. А онъ въ маѣ мѣсяцѣ, уѣхавъ осматривать губерніи, возвратится сего мѣсяца къ 20 числу, которому я, по приказанію вашему, напоминалъ о вашей отсрочкѣ и разъ пять у него уже былъ. Онъ мнѣ сказалъ, что письмо ваше получилъ, будучи въ Москвѣ, такъ не чрезъ графа ли Лар. Ивановича ² вы ему послали? А онъ, можетъ быть, мое письмо и кинулъ. Говорилъ мнѣ онъ, что писалъ изъ Москвы къ графу Безбородкѣ, котораго; по приѣздѣ, еще-де не спрашивалъ, то и сегодня я за отвѣтомъ ѣздилъ, какъ онъ мнѣ приказалъ, но не засталъ: онъ въ деревню уѣхалъ. И такъ еще съѣзжу и въ пятницу, то есть чрезъ три дни отъ сего, буду объ ономъ писать въ Ліонъ. На 3, къ Александру Николаевичу письма не только получилъ, но и по нимъ уже давно и исполнено.

22-го сего мѣсяца была перемѣна, которую въ пятницу тоже пришлю; а теперь увѣдомляю о знакомыхъ вашихъ: 2-го класса Владиміра: графу Николаю Петровичу Румянцеву и Степану Степановичу Зиновьеву ³, 3-го

¹ Существуетъ ли онъ, и у кого и гдѣ находится?

² Графъ Иларіонъ Ивановичъ Воронцовъ, сынъ графа Ивана Иларіоновича, камергеръ и въ послѣдствіи сенаторъ.

³ Степанъ Степановичъ Зиновьевъ, русскій полномочный министръ въ Мадридѣ, съ 1773 по 1794 годъ, въ которомъ скончался.

класса Петру Ивановичу Новосильцеву.

4.

3 октября. Санктпетербургъ. 85 года.

Послѣ двухъ бранныхъ писемъ, которыя къ тебѣ въ Римъ и Туринъ писалъ (послѣднее послано третьяго дни), намѣренъ перестать браниться, прося и тебя мнѣ въ ономъ подражать, тѣмъ болѣе, что ты меня бранишь безвинно. Начинаю тѣмъ, что поздравляю тебя съ отсрочкой. Вчера былъ у Александра Романовича, который приказалъ тебѣ отписать, что тебѣ отсрочено, и когда (я) спросилъ, на долго ли, то онъ отвѣчалъ, что безсрочно, о чемъ даже, отъ лица Государыни, А. А. Безбородко будетъ писать къ Ивану Ивановичу Шувалову ¹. Чтѣже касается до него, то обѣщалъ во вторникъ писать къ тебѣ самъ; я поѣду за нимъ (*т.-е. за письмомъ*) и адресую его на Ліонъ, то прошу приказать его тебѣ прислать, въ такомъ случаѣ, когда ты оттолъ уѣдешь.

Теперь благодарю тебя нижайше за сочиненіе и за перстень, который я вчера получилъ отъ графа, приѣхавшаго на сихъ дняхъ сюда, котораго я увидаю завтра или послѣ завтра постараюсь; но какую услугу ему показать могу, я не знаю, хотя и вызовуся на то, потому что онъ былъ съ тобою такъ друженъ, постараюсь вниграть его; но сомнѣваюсь, потому что онъ будетъ жить въ большемъ свѣтѣ, а образъ моей жизни тебѣ знакомъ. Чтѣже касается до твоихъ двухъ подарковъ, что ты мнѣ прислалъ, обрадованъ я былъ болѣе первымъ, т.-е. сочиненіемъ, 1) потому, что мысли святые

¹ Который, въ званіи оберъ-камергера, былъ начальникомъ по придворной службѣ В. Н. Зиновьева.

и съ моими всегда сходны, 2, что хорошо написано и ясно, и 3, что ты то писалъ что сердце тебѣ сказало, и по образу твоихъ мыслей послѣднее заключало; а кто такъ думаетъ какъ тутъ написано, тотъ будетъ виновникомъ другаго подарка, то есть будетъ другой Муциусъ. Кто такое упованіе имѣетъ на Бога, кто учреждаетъ всѣ дѣла свои, ожидая будущей жизни, въ которой и угризеніе и удовольствіе по дѣламъ его встрѣтитъ, тотъ, говорю я, можетъ и долженъ имѣть твердость Муциуса. Не думай, чтобъ пристрастіе мое къ тебѣ вмѣшивалось въ сужденіе о твоёмъ сочиненіи; оно написано божественно, и если есть погрѣшности, такъ онѣ въ слогѣ, т.-е. грамматикальныя. Многіе, которые его уже читали, у меня вчера просили списать; но я не смѣю давать, хотя взявъ на свой страхъ, отдавъ списать одной бригадиршѣ Ниловой², женщицѣ весьма разумной, прилѣпившейся къ сей мысли, просвѣщенной и пожилой. „Пожилой,“ примолвилъ для того, чтобы ты, сдѣлавъ надъ душой женщины побѣду, не влюбился, и тѣмъ бы не отвлекъ себя отъ вещей примѣчанія достойныхъ въ путешествіи. Она другъ Натальи Ѳедоровны Дубянской³, ко-

² Елизаветъ Кирпловнѣ. Она извѣстна какъ переводчица съ Французскаго и Нѣмецкаго языковъ.

³ Наталья Ѳедоровна Дубянская была супругой Захара Ѳедоровича Дубянскаго, старшаго сына Ѳедора Яковлевича Дубянскаго, духовника Имп. Елисаветы Петровны, возведеннаго въ потомственное дворянство 10-го августа 1761 года. Захаръ Ѳедоровичъ былъ бригадиромъ л.-гв. Преображенскаго полка (род. 1743 года, ум. 1765 г.). Сынъ Захара Ѳедоровича и Натальи Ѳедоровны Дубянскихъ извѣстенъ какъ музыкантъ. Онъ утонулъ въ Невѣ 3-го августа 1796 года. (XVIII Вѣкъ, кн. 3-я. „Нѣскольکو извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II“. Статья М. Н. Лонгинова).

торая также изъ числа твоихъ похвалительницъ за то, что ты, какъ говорить она, гдѣ-то ее защитилъ, когда соболѣзнованіе о мужѣ гдѣ-то оборачивали ей въ дурное и называли притворствомъ. Повторяю еще, что я отъ сочиненія твоего внѣ себя; только много періодовъ обернутыхъ иностраннымъ слогомъ и глаголы неопредѣленныхъ временъ не тутъ поставлены. Не велишь ли оное сочиненіе показать Завадовскому, когда онъ возвратится изъ своихъ деревень?

5.

Октября дня 85 года. Санктпетербургъ.

Сегодня былъ у гр. Ал. Романовича, который при семъ посылаетъ къ тебѣ письмо, а на будущей недѣли отъ г. Безбородки общалъ также къ тебѣ чрезъ меня отправить. И такъ отсрочка твоя вѣрна; а я, который тѣмъ лишаюсь первѣйшаго удовольствія быть съ своимъ другомъ, старался о томъ, ѣздилъ за оной. Не превратно ли это? Искать того, что неудовольствіе себѣ самому дѣлаетъ. Но нѣтъ, вѣрь мнѣ любезнѣйшій изъ человекъ, что гдѣ твое удовольствіе, твои выгоды и твое веселье говорить, тамъ и мое блаженство молчить, тамъ я предпочитаю тебя себѣ. Вотъ до какой крайности я къ тебѣ привязанъ, любезный мой; а сей привязанности опытъ и сегодня еще чувствовалъ. Не ломай головы, не добивайся узнать причину, я тебѣ ее сейчасъ скажу. Я былъ у графа Ларіона Ивановича, который мнѣ такъ понравился, что я съ нимъ такъ какъ будто самъ съ собой говорилъ, и готовъ былъ открыть ему всю внутренность сердца своего. Образъ мыслей его, образъ изясненія и чистосердечное обхожденіе (какъ кажется), конечно произвели во мнѣ то пріятное чувство; но не

меньше всѣхъ достоинствъ его, твоя рекомендація, твоя съ нимъ пріязненная связь, участвовали въ ономъ. Вотъ чистое признаніе въ моемъ къ тебѣ пристрастіи. Все то, что ты одобряешь, мнѣ кажется совершеннымъ, все то что тебѣ нравится, мнѣ кажется любезнѣйшимъ. Сколько бы я былъ счастливъ, еслибъ достоинъ былъ твоей дружбы. Хотя признаться долженъ, что твоя со мною связь пріязни и много исправила меня въ слабостяхъ и (что сердечно скажу) въ порокахъ. Перестаю говорить объ этомъ, только для того, чтобы не оскорбить тѣмъ твою кротость. Похвалы друга не есть лесть, слѣдовательно и не боюсь, чтобы ты принялъ ихъ за оную. Теперь прошу дать отвѣтъ, для чего ты называлъ своимъ сочиненіемъ то, что ты перевелъ съ англійскаго? Сіе мнѣ графъ Ларіонъ Ивановичъ твой товарищъ сказалъ.

6.

2 De-bre 85. St. Pétersbourg.

О табакѣ ты мнѣ не писалъ, и я не знаю, да и та достойная барыня, къ кому ты его послалъ, т.-е. Прасковья Федоровна Соловая, скончалась мѣсяца три тому назадъ. Твой Иванъ, жившій у гр. Остермана, занемогъ было рожей, и чуть было не умеръ, но попеченіемъ лекаря Голубаго выздоровѣлъ почти; я его навѣщалъ. И мой Сережка, его братъ, выдержалъ горячку, что мнѣ много грусти сдѣлало; я, его любя много за его доброе поведеніе, положилъ возлѣ своей спальни и самъ за нимъ ходилъ; теперь, слава Богу, со всѣмъ здоровъ.

Наконецъ, прошу изяснить графу Семену Романовичу мою душевную къ нему преданность и отмѣнное почтаніе, сказавъ притомъ, что по волѣ

его я о мундирахъ и состояніи здѣшняго войска, сколько можно, достаточно сдѣлалъ описаніе и, мѣсяца два тому назадъ или около того, вручилъ братцу его, для пересланія къ нему. По чести ничѣмъ столько не буду доволенъ, какъ тѣмъ, что если его сіятельству оно понравится *.

1786 годъ.

7.

9 января 1786 года. Санктпетербургъ.

Отставка моя отмѣнилась, хотя, скрѣпивши сердце, и въ новый годъ оживилъ произвожденія, которое однакожь не вышло; говорятъ, что, при разрѣшеніи отъ бремени **, оно будетъ, только мало тому я вѣрю: оно никогда при таковыхъ случаяхъ не выходило. Въ полковники мнѣ достанется, какъ всѣ увѣряютъ, потому что я 6-й человекъ въ гвардіи, въ отпуску не былъ, и всѣ обо мнѣ въ городѣ, знакомые и незнакомые, жалѣютъ и ставятъ въ примѣръ, какъ я давно въ одномъ чинѣ. Это меня не только утѣшаетъ, но и льститъ моему самолюбію. О братѣ, въ разсужденіи перевода въ Англію, жалѣю о невозможности; ты бѣ не отрекся сей милости сдѣлать. Но не входя въ тайну, коей ты дозволенія не имѣешь, не хочу знать того, чего не можно, желалъ бы знать что это значитъ. Вотъ твои слова: "но самое сіе можетъ тебѣ лучше служить, нежели ты думаешь". Одна эта рѣчь меня замучила;

* Графъ С. Р. Воронцовъ извѣстенъ преимущественно какъ дипломатъ; но первоначальная служба его была военная. Онъ былъ однимъ изъ любимыхъ подручниковъ Задунайскаго и до конца жизни сохранилъ страсть къ военному искусству. П. Б.

** 4-го февраля 1786 родилась великая княжна Марія Павловна.

ты знаешь, сколько я любопытенъ, то можешь вообразить, сколько бродило это у меня въ головѣ; но совсѣмъ тѣмъ, какъ я ее ни вертѣлъ, добраться не могъ. Увѣдомъ, объясни сіе.

Здѣшнія новости: въ новый годъ вышло гвардейское произвожденіе. На сихъ дняхъ представляли новую комедію подъ названіемъ „Обманщикъ.“ Хотя сочинитель не извѣстенъ, но всѣ вообще (думаютъ), что онъ тотъ, который писалъ „Были и Небылицы.“ Она состоитъ въ осмѣяніи тѣхъ, кои вѣрять шарлатанамъ и паче вѣрили Калиостру; касается нѣсколько сектъ „Мартинистовъ,“ кои говорятъ съ духами и здѣсь въ великой славѣ. Нарышкинъ Петръ Петровичъ овдовѣлъ, и, пріѣхавъ сюда изъ Москвы, помолвилъ на гр. Вѣрѣ Николаевичъ Апраксиной, и разошлись въ оба раза, т. е. какъ сходились и разошлись. Докладывано было Государынѣ. Вотъ все. Прости. Простившись съ тобою, прошу тебя мою преданность сказать его сіятельству гр. Семену Романовичу, такъ какъ и то, что я послалъ, или отдалъ братцу его, для пересылки къ нему, еще въ октябрѣ мѣсяцѣ, книгу о мундирахъ Россійскаго войска (послалъ) при моемъ письмѣ; не знаю получилъ ли, и если получено, то я бы желалъ знать, согласно ль оно съ волей его сіятельства?

8.

30 января 86 года. Санктпетербургъ.

Твоя скромность мнѣ давно извѣстна, и потому не удивляюсь я тому, что ты похвалы, мной сдѣланныя, относишь къ моей дружбѣ,—пусть такъ; хороши ли ты или дурень, мнѣ слишкомъ то извѣстно. Кто тебѣ сказалъ, что я тебя считаю человѣкомъ не имѣющимъ слабостей? Ты ихъ имѣешь, я въ томъ не

сомнѣваюсь, да или мало, или стараешься истреблять и властвуешь надъ собой, сколько можно. Вотъ чѣмъ я тебя превозношу, вотъ въ чемъ я тебѣ завидую, стараюсь подражать и неудачей огорчаюсь. „Повинную голову и мечъ не сѣчетъ“ — старая русская пословица, а я тебѣ виною въ томъ, что твое сочиненіе показалъ, — да кому-жь? — своимъ, или еще такимъ, въ комъ я много увѣренъ. Еще больше виновать, далъ списать одному, какъ я тебѣ и прежде признавался. Прости, любезный мой; у меня есть оборона, о которой ты знаешь и въ письмѣ своемъ упомянулъ, это любовь моя къ тебѣ, дружба и привязанность; они меня подожгли, они меня заставили показать, похвалиться своимъ выборомъ, и они меня защитятъ. Ты собираешься въ Лондонъ, гдѣ общаешься себѣ веселье. Дай Богъ, Васинька, мой любезный, чтобы оно провожало тебя вездѣ, и чтобы ты съ его неприятелями нигдѣ не встрѣчался! Спрашиваешь, какъ зовутъ Новосильцеву жену? Ее зовутъ, такъ точно, какъ ты зналъ и написалъ ко мнѣ, т. е. Катериной Александровной, которой Богъ далъ сына; поздравь ихъ съ нимъ, не забудь.

Потомъ на второе твое письмо изъ Ліона же, отъ 20 (31) декабря 85 года писанное, отвѣчать буду; не скучай, любезный, длиннымъ письмомъ. Я все по немъ па другой день исполнилъ, т. е. призвалъ своего духовника, какъ умнаго и честнѣйшаго человѣка, далъ ему записку, сказалъ, чтобы по пятницамъ, не исключая ни одной въ круглый годъ, онъ отправлять долженъ поминовеніе, и за то обѣщаль ему 50 р.—Не дорого ли? Мнѣ такъ кажется, не дорого. О его честности сомнѣнія не малѣйшаго нѣтъ, и въ доказательство его благородства скажу тебѣ одно происхожденіе, весьма для меня при-

ятное, потому что я имѣю такого духовника. Призвавъ его къ себѣ, спрашивалъ я его (не говоря прежде, для чего и для кого) почему за подобное служеніе во весь годъ платять? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что по 30, по 40 и болѣе, смотря по человѣку и по произволу желающаго то; потомъ я ему сказалъ на сіе, что, по приказу моего пріятели, долженъ я сіе сдѣлать, и избираю его на то; то онъ весь покраснѣлъ какъ сукно и раскаявался, что онъ цѣну назначивалъ себѣ. Сія его стыдливость меня тронула до крайности. Если-жь имя его вѣдать хочешь, его зовутъ отецъ Лукьянъ, ключарь и священникъ Преображенскаго собора. Деньги эти велишь ли отъ Петра Ивановича взять, сказавъ на что, или утая причину? Теперь позволь, по дружбѣ твоей ко мнѣ, потребовать отъ тебя откровенности: чтѣ значать твои слова, начинающія твое письмо: „Пробывъ здѣсь двѣ недѣли, употребилъ полезнѣе, нежели вся моя жизнь до сихъ поръ“. Въ чемъ состоитъ польза? Увѣдомь меня, прибавь радость къ радости, восхищеніе къ восхищенію того, который такое участіе беретъ, какого, можетъ быть, и въ себѣ не принимаетъ. Тебѣ это странно покажется, однако не менѣе вѣроятно, потому что иное у себя сквозь пальцы пропускаешь, вмѣсто того, что любя тебя, я все замѣчаю, и все умножаетъ мою къ тебѣ любовь*.

* Достоинно замѣчанія, что князь Цициановъ, отзываясь въ своихъ письмахъ съ такой рѣзкостью о Маргинистахъ, не зная, что его другъ В. Н. Зиновьевъ вполне сочувствовалъ ихъ ученію. Вѣроятно, что о представленіи на театрѣ въ Петербургѣ комедіи „Обманщикъ“ (вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія, или отъ князя, или отъ кого нибудь другаго), Василій Николаевичъ увѣдомилъ Сень-Мартена, потому что между бумагами архива села Вытебети, мы нашли отвѣтное

На третье твое письмо, т. е. изъ Парижа отъ 25 декабря 85 г. (9 января 86 г.), за желаніе, чтобы я утвердился въ добродѣтели, за наставленія и за изъясненныя правила, благодарю тебя отъ всего сердца. Будь увѣренъ,

письмо къ нему изъ Парижа, отъ 23-го марта 1786 года, за подписью „St. Martin“. Вотъ что по этому поводу пишетъ Сень-Мартенъ: „Ce que vous me mandez des frères, que l'on joue en Russie d'après certains ouvrages ne me surprend point; ce n'est pas le seul endroit où on les ait bafoués. Laissons faire les pauvres humains et attachons nous fortement à la seule ancre irrésistible qui est I. C.“ („Увѣдомленіе ваше о томъ, что нашихъ братьевъ осмѣиваютъ въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ въ Россіи, меня не удивляетъ; это не единственное мѣсто, гдѣ ихъ поносятъ. Оставимъ же бѣдныхъ смертныхъ въ покоѣ, и прилѣпимся къ единственному неодолимому якорю, І. Христу“). Изъ „Воспоминаній Зиновьева“ озаглавленныхъ 1806 годомъ, видно, что онъ прибылъ въ Лионъ въ концѣ 1784 года, и посредствомъ рекомендательныхъ писемъ герцога Брауншвейгскаго, вступилъ въ сношенія съ Виллермозомъ (Villermos), Саварономъ (Savaron), Миллане (Milanais), Периссомъ (Perisse), Мольеромъ (Molière), Леруа (Leroy), Ренаніеомъ (Renand), Рашессомъ (Rachesse), и проч. и былъ принять въ члены ихъ общества. Около этого же времени онъ познакомился съ Сень-Мартеномъ, съ которымъ совершилъ поѣздку въ Парижъ; „но“ прибавляетъ Зиновьевъ, „я былъ съ нимъ остороженъ, сдержанъ и мало искрененъ“; проживъ въ Парижѣ лишь нѣсколько дней, они возвратились въ Лионъ. Во время этого путешествія Зиновьевъ сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія о своемъ знаменитомъ спутникѣ: „Si je n'avais pas été sur mes gardes; cet homme, plein de feu céleste, m'aurait tellement influencé, que j'aurais perdu, je crois, l'esprit, ou abrégé mes jours par le fanatisme, qui se serait emparé de moi et tandis que je savoure ses ouvrages à présent, je suis persuadé que dans le temps, que je le connaissais son intimité ne m'aurait fait que du mal“. („Если бы я недостаточно осторожно относился къ тому, что говорилъ этотъ, исполненный небеснаго огня, человекъ, онъ возымѣлъ бы такое на меня вліяніе, что я или сошелъ бы съ ума, или фанатизмомъ

что я отъ самага младенчества расположенъ былъ къ нимъ, и если отдалялся иногда, то отъ слабости душевной, которая, какъ думаю, происходитъ отъ слабости тѣлесной, мною самимъ произведенной. *Les femmes m'ont perdu, et la perte est irréparable: voilà ce que je*

„сократилъ бы свои дни; онъ овладѣлъ бы мною и вмѣсто того, чтобы наслаждаться его сочиненіями, какъ я это теперь дѣлаю); „я увѣренъ, что въ то время, какъ былъ съ нимъ знакомъ, его тѣсная дружба причинила бы мнѣ лишь вредъ“. Кромѣ этого отрывка „Воспоминаній 1806 года“, въ которыхъ самъ авторъ признается, что память нѣсколько измѣняетъ ему, относительно годовъ и мѣсяцевъ; мы имѣемъ въ рукахъ журналъ В. Н. Зиновьева, и изъ него усматривается, что еще въ началѣ ноября 1784 года, бывъ въ Берлинѣ, онъ былъ принятъ въ ложу „New-Iork“ (вѣроятно „Royal-Iork“), съ посвященіемъ въ мастера, чрезъ секретаря нашего посольства въ Берлинѣ Мальцева, который и общалъ ему сообщить и Катихизисъ, но за отъѣздомъ не исполнилъ своего обѣщанія. То возбужденное и восторженное состояніе, религиозно-мистическое настроеніе и среда, въ которой враждался В. Н. Зиновьевъ въ Лионѣ, были причиной, что Виллермозъ и Ренанъ, для удовлетворенія его духа, уговорили его дважды исповѣдаться и причаститься, по обряду Католической церкви, что его дѣйствительно и успокоило. В. Н. Зиновьевъ обратился даже въ это время за совѣтомъ къ Виллермозу, прося его объясненія на возникшее въ немъ сомнѣніе: „не помѣшаетъ ли ему его вѣроисповѣданіе унаслѣдовать Царство Небесное, и получилъ отъ него въ отвѣтъ, что хотя онъ, Виллермозъ, и не оправдываетъ раздѣленіе церквей, учиненное при Фотіѣ, но что ему не нужно измѣнять религію. Къ этому-то времени, т.-е. ко времени его исповѣди и причащенія въ Лионѣ, по нашему мнѣнію, и должно быть отнесено письмо В. Н. Зиновьева, изъ котораго мѣсто, выражающее сознаніе спокойствія духа и нравственное собой довольство, осталось для кн. Циціанова неразгаданнымъ и вызвавшимъ его просьбу, о разъясненіи. (Неизданныя рукописи села Вытебети).

crois *. За обѣщаніе твое прислать мнѣ табакъ и табакерку съ твоими волосами, по возвращеніи во Францію, благодарю попремногу, только признаюсь, что послѣднее я бы и пора-нѣе имѣть хотѣлъ.

Остается мнѣ на послѣднее твое письмо отвѣчать, писанное изъ Парижа же отъ 2 (13) генваря 86 года. Описаніе твое о Парижѣ такъ хорошо было изъяснено, такъ меня прельстило, что не могъ опять удержаться, на твое слово „между нами сказано“, не показать своимъ; шутки твои заставили другихъ смѣяться также, какъ и меня, а описаніе отвратило насъ ѣхать туда; ты спросишь на чемъ? Въ Монголь-фіеровомъ шару, который было сюда привезли, однако кромѣ таможи никто его не видалъ, для того, что его на воздухъ здѣсь пустить не позволили. Итакъ любезный шаръ, умовъ высокихъ даръ, не могъ въ Россіи возгордиться и принужденъ во своей возвратиться.

Письма твои къ Новосильцеву, вчера же какъ получилъ, отослалъ къ Протасовой. Самъ отвезъ, дома ея не засталъ; къ г. Безбородкѣ завтра поѣду, а гр. К. Васильевнѣ Скваронской здѣсь и если правда, что она у Браницкой, то перешлю; если-жъ узнаю, что скоро сюда будетъ, то оставлю здѣсь. Сколько мнѣ пріятно слышать, что ты говоришь о возвращеніи своемъ, столько и прискорбно, когда я подумалъ, что слишкомъ годъ того дожидаться надобно и что Богъ знаетъ, гдѣ я буду тогда, для того что 21 апрѣля выйдеть, говорятъ, наше произвожденіе и увѣряютъ, что за меня еще многимъ достанется. Нашъ полкъ отсюда чрезъ мѣсяцъ идетъ стоять въ

* Женщины меня сгубили, и гибель не правима: вотъ что я думаю.

Московскую дивизию, гдѣ намъ назначены квартиры, и мнѣ хочется очень отвилать отъ похода для того, что если мнѣ въ апрѣлѣ достанется, то я промарширую даромъ, да и въ самое то время, когда здѣсь быть должно. Со всѣмъ тѣмъ не переставай ко мнѣ по прежнему писать, доколь я тебя не увѣдомлю, куда адресовать письма и когда я отсюда отправлюсь. Ну, братъ Василій, не жалуйся, что мало пишу; однажды, да путнымъ образомъ измараль два листа, да за третій принимаюсь, — готовься читать, только не поспѣуй, пожалуй.

Окончивъ отвѣты на твои письма, скажу тебѣ здѣшнія новости. Большая часть людей повредилась здѣсь на одной сектѣ, которую называютъ „Секта Мартинистовъ“. Въ чемъ же состоитъ, это все ханжество взяли они за маску, читаютъ священныя книги, самыя древнія, кажутся быть прилѣпленными къ Богу (въ чемъ однакожь сомнѣваюсь, вида, что образъ ихъ жизни, ихъ поведеніе и дѣла ихъ не согласуются съ истинною, почитающею Божию премудрость, Его благодать и Его о насъ попеченіе родительское), потомъ кажутся отчуждающимися отъ сего міра и занимающимся духами, однимъ словомъ больше нежели платонисты. *Tout est spirituel*. Книги, т. е. „*Des erreurs et de la vérité*“, и „*Les merveilles du ciel et de l'enfer*“ * почитаются

* Первая изъ нихъ „О заблужденіяхъ и истинѣ“ соч. философа неизвѣстнаго (т.-е. Сенъ-Мартена), переводъ съ французск. (П. И. Страхова) М. въ типографіи И. В. Длухина, 1785 года, цензоръ г. Островскій. Эта книга внесена въ реестръ книгъ, признанныхъ въ 1786 году архіепископомъ Платономъ „сумнительными и могущими служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденію и разгораченію умовъ“. У Сошкова она показана подъ № 4.138, (Нови-

ими за предводителей имъ любезныхъ, изъ коихъ первая и порусски переведена, да я понимать не могъ, не будучи просвѣщенъ, т. е. масонъ. Для того говорю не понимаю, что тутъ доказательства совсѣмъ для меня незнакомыя, какъ напр. „сіе столь вѣрно какъ 4 къ 9 и проч.“ Она (т.-е. первая книга) тебѣ должна быть извѣстна, для того, что и тамъ, я чай, въ модѣ. Последнюю же я читалъ; она мнѣ еще непонятнѣе показалась, а паче когда онъ (т.-е. авторъ) желаніе ангеловъ описываетъ, ихъ города, улицы, дома, и чему онъ самовидецъ. Я, всего того разумѣть не могши, счелъ, что аллегорія должна заключаться въ ономъ, хотя увѣренъ, что есть существа выше насъ и совершеннѣе, раздѣляющія насъ съ Богомъ, то есть между нашими недостатками и Его всесовершенствомъ. Однако не могу вѣрить, чтобъ то вещество было сходное съ нашимъ, и чтобы Шведенбургъ катался по улицамъ у нихъ въ городахъ. Что же эти Мартинисты здѣсь дѣлаютъ, подъ маской сей набожности, обманывающей глупцевъ? Также развратную жизнь ведутъ, какъ и другіе, менѣе по наружности набожные; также съ женами разводятся; также любовницъ при своихъ женахъ содержатъ, также бѣдныхъ угнетаютъ, также беспильныхъ грабятъ и также могутъ почитаться бичами рода человѣческаго. И такъ я долженъ заключить: или сія секта есть произведеніе плутовства и злаго разума, для

ковъ и Московскіе Мартинисты, М. Н. Лонгинова Приложенія, стр. 36-я). Въ настоящее время весьма рѣдка.

Вторая книга написана Сведенборгомъ (род. 1688 года, ум. 1772) Шведскимъ философомъ и мистикомъ, на Латинскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „*Arcana celestia*“ 1749—1757, Londres, 8 vol, in 4°; ея переводъ намъ неизвѣстенъ.

корысти прикрываемая благочестіемъ, или доброе намѣреніе, во зло употребляемое. Вотъ все что я о Мартинистахъ сказать хотѣлъ. Не спору, можетъ быть я ошибаюсь, однакожъ я предметомъ благочестія принимаю добрыя правила и чистую совѣсть.

9.

5 февраля 86 года. Санктпетербургъ.

Начну тѣмъ, что еще по первымъ письмамъ твоимъ исполнить долженъ былъ. Къ г. Безбородкѣ самъ отвезъ письмо; онъ меня принялъ и при мнѣ его читалъ, спрашивалъ, гдѣ я тебя считаю на тотъ часъ, и при томъ сказалъ, что ты долженъ возвратиться въ семь году, то есть въ исходѣ, такъ какъ ты будто къ нему писалъ. Сколько я ни обрадованъ былъ такою вѣстью, однако не мало удивился я, зная, что ты не прежде будущаго года возвратиться намѣренъ. И такъ я совѣтую тебѣ осмотрѣться, какъ тебѣ о возвращеніи и о срокѣ написано. А можетъ быть, что это онъ, чтобы сказать что нибудь, сказалъ. Дай Боже, чтобы пророчество его сбылось. Гр. К. В. Скавронской письмо, для доставленія полковнику и правителю канцеляріи княжеской Попову (*т.-е.* „я передаю“), который вѣрно доставить его общалъ, о чемъ я ни мало и не сомнѣваюсь.

Здѣшнія новости: что Богъ далъ намъ великую княжну Марью Павловну, и вчера мы великаго князя поздравляли. Потомъ новость, что княжна Барятинская дочь князя Ивана Сергѣевича и принцессы * помолвлена за

* Князь Иванъ Сергѣевичъ Барятинскій (ум. 24-го декабря 1811 года) генералъ-лейтенантъ. Занималъ должность нашего министра въ Парижѣ, имѣлъ въ супружествѣ

графа Толстаго ** меньшаго, племянника роднаго Николая Ивановича Салтыкова, ты, чай, ихъ не знаешь; они не давно здѣсь были у него адъютантами, а теперь капитанами гвардіи. Свадьба отложена на два года, для того что ей только 13 лѣтъ. Отецъ ея не согласенъ на то; только не знаю, будетъ ли его несогласіе дѣйствительно; я сейчасъ отъ нея, общалъ и поздравлялъ. Мать довольна, а дочь, какъ ребенокъ, по застѣнчивости или по отвращенію, бѣгаетъ отъ жениха. Онъ собой молодецъ изрядный, да кажется, что антресоли не убраны. Вотъ браки нынѣшняго вѣка! Честью клянусь, мнѣ это досадно. Корысть и тщеславіе, т.-е. богатство, чины и родъ дѣлаютъ все достоинство жениховъ и невѣсть нынѣшняго времени. Еще новость не очень пріятная: Левъ Александровичъ Нарышкинъ *** при смерти боленъ, и говорятъ, что жизнь его въ опасности, не общая много надежды. По человѣчеству жаль, а по дѣламъ его утѣшеніе въ такой печали встрѣтить мо-

принцессу Екатерину Петровну Голштейнъ-Бекскую, дочь русскаго фельдмаршала, принца Петра Августа. Въ 1762 году, 28-го іюня принималъ дѣятельное участіе въ восшествіи на престолъ Екатерины II, бывъ ея сторонникомъ, за что, какъ полагаютъ, и находился въ немилости у имп. Павла. Княгиня, его супруга умерла за нѣсколько дней до его смерти; но они много лѣтъ жили въ отдаленіи другъ отъ друга.

** Толстыхъ графовъ было два брата, оба адъютанты Николая Ивановича Салтыкова. Въ Русск. Архивѣ 1864 года на стр. 540-й, напечатано письмо императр. Екатерины къ Н. И. Салтыкову о разрѣшеніи взять ихъ въ Семеновскій полкъ.

*** Левъ Александровичъ Нарышкинъ (род. 1733, ум. 1799 года) оберъ-штабмейстеръ, двоюродный племянникъ Петра I, былъ женатъ на Маринѣ Осиповнѣ Закревской, родной племянницѣ графовъ Алексѣя и Кирилла Григорьевичей Разумовскихъ.

жно. Вообрази себѣ, любезный, ты, который правду любишь; онъ не давно у сосѣда своего бригадира Нилова *, землю, которою за сто лѣтъ тому назадъ владѣли, по самое гумно отрѣзалъ, и 1000 душъ оставилъ безъ питанія. Дѣло изъ суда въ судъ переходило, и выигрышъ былъ въ колебаніи, а Сенатъ рѣшилъ въ пользу знатнаго барина и заставилъ Нилова за безцѣнокъ продать крестьянъ и въ ноготокъ свистать.

10.

14 февраля 86 года. Санктпетербургъ.

Любезный камергеръ, прими усердное поздравленіе отъ новопожалованнаго полковника. Вотъ, братъ, день счастливый, сколько мнѣ радостей однимъ разомъ: ты, я, братъ и дядя пожалованы. Переменю посылаю, читай и радуйся. Ищу теперь, совался вездѣ, спрашивая курьера въ Англію, чтобъ тебѣ послать ключъ, которыхъ у меня четыре, что ты оставилъ. () себѣ ничего не знаю; какъ будетъ, увѣдомлю. Ты не переставай ко мнѣ писать, какъ прежде. Его сіятельству скажи мою преданность. Прости, Василекъ, прости ваше превосходительство. Болѣе писать некогда, затѣмъ что ѣду на поклонъ. Прости, обрадованъ до крайности, любезный, камергерскимъ чиномъ.

11.

4 марта 86 года. Санктпетербургъ.

Спѣшу тебѣ, любезный другъ, два слова сказать, для того что курьеръ скоро ѣдетъ, и я узналъ о томъ очень

* Нидовъ, Андрей Михайловичъ, извѣстенъ какъ штабсъ-капитанъ, который вмѣстѣ съ маіоромъ Текутьевымъ остановилъ роту Преображенскаго полка, въ день восшествія на

поздно. Посылаю тебѣ два ключа, изъ оставленныхъ тобой дядюшки твоего покойнаго; другіе же два Елисаветы Петровны. Извини, душенька, что я тебѣ ленты не посылаю; съ охотой бы послалъ, да рано: купить негдѣ. Когда ты возвратишься, увѣдомъ пожалуй. О себѣ скажу, что еще полки намъ никому не назначены. О Александрѣ Николаевичѣ отъ Новосильцевой жены дурныя вѣсти слышалъ, что онъ самъ писалъ, что съ Кречетниковымъ его смутили и поссорили, что заводъ его разстроивается и хлѣбъ нынѣ по 1 руб. 60 коп. Однимъ словомъ, много дурнаго. Если ты, какъ я, говѣлъ на первой недѣли и, можетъ быть, по прежнему, то поздравляю тебя приобщившись Святыхъ Таинъ. Моное исполнилъ съ великимъ удовольствіемъ душевнымъ и радостію сердечною. Теперь позволю употребить нѣсколько наглости и попросить, чтобы ты потрудился и въ Англіи (*отыскать*) всѣ сочиненія г-на Генделя * для піанофорте и чимбало, кромѣ ораторіевъ; купи и пришли, какъ можно скорѣе. Дядюшка кн. Е. Михайловичъ тебя о томъ проситъ, а кой часъ пришьешь, сдѣлай милость, увѣдомъ или приложи реестръ имъ, почему каждое заплочено, то всю оную сумму тужь минуту онъ отдастъ Новосильцеву. Я за него такъ тебя прошу, какъ за себя, для того что цѣну его узналъ еще больше, и ничего бы не желалъ, какъ имѣть

престоль импер. Екатерины; а впоследствии, уже въ чинѣ бригадира и Тамбовскаго помѣщика, по упоминаемому здѣсь дѣлу, о которомъ имѣются свѣдѣнія во II томѣ, соч. Державина, стр. 478-я, изд. Я. К. Грота.

* Гендель (Haendel Georges Fridric) род. 1684 года въ Галле, ум. 1759 въ Лондонѣ. Извѣстный музыкантъ-композиторъ. Англичане имъ гордятся какъ своимъ соотечественникомъ. Онъ похороненъ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ.

его правила и его сантименты. Прости, любезный мой, будь здоровъ и весель.

12.

3 апрѣля 86 года. Санктпетербургъ.

Много и много благодаренъ, любезный мой другъ, за твое дружеское одолженіе: поблагодари графа Семена Романовича за его милость, о чемъ я самъ къ нему писалъ; но ты еще приложи то, что у меня недостаточно. Тебѣ извѣстно, какъ я привязанъ къ роднымъ, особливо къ тѣмъ, которые на моихъ рукахъ, то легко можешь вообразить, сколько я цѣню его милость, а тѣмъ болѣе, что она можетъ быть будеть причиною того счастья брату, котораго и я самъ добиваюсь, и о которомъ ты старался, любезный мой, такъ много. Ты, я чай, увидишь изъ письма его сиятельства, повторять же нахожу (*извинимъ*), для того что скуплюсь бумагой, и хочу занять другимъ. Извини меня только предъ графомъ, что я въ особый пакетъ не запечатаю, а такъ просто: *rendez la chose telle qu'elle est et qu'on ne me prend ni pour un impoli, ni pour un avare; je me fie à vous, mon aimable chambelan; soyez toujours le même indulgent envers moi* *. Поздравляю тебя отговѣвши и приобщась Святыхъ Таинъ (какъ ты въ послѣднемъ написалъ, что ты собираешься). Дай Боже, чтобы сей случай влилъ въ душу твою новую радость и новое божественною премудростию просвѣщеніе. И сіе же самъ сдѣлать на первой недѣли великаго поста; поспѣшилъ затѣмъ, что думалъ,

* Т.-е. „Передай все такъ какъ есть на самомъ дѣлѣ, чтобы меня не сочли ни за невѣжду, ни за скупца. На тебя полагаюсь, мой любезный камергеръ; будь всегда, какъ прежде, снисходителенъ ко мнѣ.“

пора быть отправлену, и не имѣть случая быть у моего отца духовнаго, котораго я много почитаю, хотя духовникъ каждый равенъ, и что исповѣдь предъ Богомъ, при свидѣтелѣ, кто бы то ни былъ, должна быть равна. Напрасно я боялся того: я, чай, успѣлъ (бы) сорокъ разъ отговѣть, для того что росписаніе о сию пору еще не вышло, и мы безъ полковъ. Оно лежитъ у князя Г. А. * и лежать будетъ, пока онъ кинуть изволить око свое на него; а мы ждемъ, и тѣмъ скучнѣе, что я не знаю, гдѣ я буду, какой дадутъ полкъ? Никого не имѣя и никого не прося, я положился на Бога. Буди Его святая воля! Благо есть уповати на Господа.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что Анна Осиповна Пушкина, говорятъ, хочетъ идти въ монастырь, а Анна Петровна **, считая мѣсяцевъ шесть себя беременною, нашла, что все пустое: *c'est le sort des maris épuisés*. ***. Потомъ всѣ мои благодарятъ тебя за приписаніе и свидѣтельствуютъ свою искренность. Братъ князь Дмитрій собирался тебя благодарить самъ, и я было обѣщаль ему оставить бумаги, да съ тобой говоря нельзя ее оставить для другаго; виновать въ томъ я, а не онъ, а лучше сказать виновать не я, а ты, для того, что я тебя столько люблю. Прости.

13.

21 апрѣля 86 года. Санктпетербургъ.

Твои письма, твоя радость и участіе, въ нихъ изъясненныя, мнѣ великимъ утѣшеніемъ служатъ: по чести,

* Князя Потемкина.

** Козодавлева, рожденная княжна Голыцина, супруга Осипа Петровича.

*** „Такова участь мужей, истощившихъ свои силы“.

не менѣе нежели чинъ мой меня восхищаютъ. За лошадь попремногу тебѣ благодаренъ. Миѣ совѣстно, что ты такъ меня даришь. Однако если ты, по скромности, придираешься будто за то, что я первый возвѣститель твоего чина, то пожалуй, чтобы она не спотыкалась; а если она съ хвостомъ, то еще больше миѣ подарка. Видишь ли, любезный другъ, какой наглець твой полковникъ новый! Теперь тебѣ сообщу, что росписание полковниковъ уже вышло, только я еще никуда не написанъ въ полкъ, хотя всѣ получили и братъ мой, по просьбѣ моей, получилъ тотъ полкъ, который онъ желалъ и о которомъ я здѣсь для него просилъ. Не огорчайся любезный, по любви своей ко миѣ; оно, говорятъ, для моей выгоды. Миѣ было предложено, не хочу ли я въ Херсонскій, 4-хъ баталіонный, мушкетерскій, гдѣ шефомъ Александръ Николаевичъ Самойловъ; но я губу наонадулъ, то все переменялось, и отдали его, пожеланію шефа, г-ну Текутьеву *, а я тому и радъ. Братъ получилъ Старооскольскій, который однакожь въ Херсонѣ; но я надѣюсь, что чрезъ годъ вытащу его опять въ дивизию графа, неподобнаго фельдмаршала. Ты разумѣешь, что рѣчь идетъ о Петрѣ Александровичѣ. Худое въ моемъ состояніи то, что я долженъ, я чай, мѣсяцевъ 5 или менѣе, погулять безъ полку и безъ жалованья, для того, что нынѣшній день никакого произведенія не было **.

* Текутьевъ Николай, произведенъ изъ подполковниковъ въ полковники 12-го февраля 1786 г. изъ военного списка на 1779 годъ видно, что онъ по службѣ состоялъ съ 1761 года, и въ чинѣ подполковника съ 1778 года.

** День написанія настоящаго письма, — 21-го апрѣля, былъ днемъ рожденія имп. Екатерины II.

Потомъ, любезный другъ, сдѣлай одолженіе, попроси графа, своего друга и моего милостивца, чтобы онъ своего брата за меня поблагодарилъ. Г. Александръ Романовичъ миѣ неописанную милость сдѣлалъ пожаловать письмо къ генер. поручику артиллеріи Матвѣю Семеновичу Бѣгичеву *, о помѣщеніи моего брата къ себѣ въ старшіе адъютанты, и надѣюсь, что успѣхъ будетъ (если обыкновенное мое несчастье во всѣхъ моихъ предпріятіяхъ не помѣшаетъ) потому, что графъ выпросилъ ему здѣсь Аннинской орденъ. А я, братецъ, жалѣю, о чемъ могу сказать тебѣ чистосердечно, что гр. С. Ром. на эту пору не въ военной службѣ, и я не могу подъ его повелѣніемъ быть и научиться тому, въ чемъ онъ прославился. Скажу послѣ сего хорошую новость, именно: Григорій Никитѣевичъ ** говорилъ, что пожалованіе твое, т.-е. ключъ, онъ считаетъ за особенную милость Государыни къ тебѣ, для того что двоихъ именно, Головкина *** и Корсакова оставили за то, что они въ отпуску были, и менѣе еще нежели ты. Сообщу тебѣ наконецъ брата князя Дмитрія твердость и упованіе на Бога и справедливость стоическую. Получа отъ графа письмо, говорилъ я ему, что я сомнѣваюсь о успѣхѣ, по

* Матвѣй Семеновичъ Бѣгичевъ, генерал-поручикъ артиллеріи, кавалеръ орденовъ св. Георгія 4-й степени и св. Анны. На службѣ съ 1740 года, произведенъ въ генерал-поручики въ 1784 году ноября 24-го. (Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ, а также кавалерамъ Военнаго Ордена, напечатанный въ походѣ декабря 1789 года).

** Григорій Никитѣевичъ Орловъ (ум. 22-го марта 1803 года) гофмаршалъ. При императорѣ Павлѣ, находясь уже въ отставкѣ, пожалованъ Андреевскимъ кавалеромъ.

*** Вѣроятно графъ Юрій Александровичъ Головкинъ (ум. 21го января 1846 года), впоследствии оберъ-камергеръ.

обыкновенному моему несчастію, и для чего онъ мало молится; онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ, о чемъ Бога и просилъ, все получалъ; а когда я его спросилъ, для чего онъ Его объ этомъ не просилъ, то онъ мнѣ сказалъ, что не просилъ затѣмъ, что считаетъ несправедливой просьбой и чрезъ то обидитъ старшихъ. Вотъ, любезный мой, мое восхищеніе, имѣя такого брата и съ такими правилами.

14.

12 мая 86 года. Санктпетербургъ.

Сколько бы я доволенъ былъ, еслибъ имѣть могъ твое философическое расположеніе ко всѣмъ здѣшняго свѣта вещамъ, посредствомъ чего, принимая все за суету суетъ, не оскорбился бы ничѣмъ, и столько еще чувствительно. Предисловіе, мной теперь писанное, вотъ къ чему. Всѣхъ полковниковъ росписали, меня же оставили для лучшаго, какъ сказали; я считалъ лучшимъ то, что мнѣ дадутъ Сибирскій гренадерскій, вновь сформировать назначенный, въ которомъ шефомъ будетъ г. Валентинъ Платоновичъ Пушкинъ *; по такъ какъ князь Василій Васильевичъ Долгоруковъ ** (*одно слово неразобрано*) тоже помѣшалъ изъ подъ руки и хотя графъ всѣмъ тѣмъ, которые за меня просили, обѣщалъ, меня написали въ Вологодскій мушкетерскій полкъ, сверхъ комплекта. Дождаться долженъ

* Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ. При имп. Павлѣ пожалованъ фельд-маршаломъ (род. 6-го декабря 1735 года, ум. 8-го іюля 1804 года).

** Князь В. В. Долгорукій (род. въ 1750, ум. 1812 году) дѣйств. тайный совѣтникъ. Онъ былъ сынъ кн. Долгорукаго-Крымскаго, имѣлъ въ супружествѣ княжну Екатерину Оедоровну Барятинскую (22-го августа 1826 года она пожалована статсъ-дамой, род. 29-го октября 1769 года, ум. 30-го октября 1849).

до перваго произвожденія, чрезъ которое бригадиръ Вязмитиновъ *, командующій теперь полкомъ, выйдетъ въ генераль-маіоры, будучи первымъ по старшинству и тѣмъ очистить мнѣ мѣсто, а до того времени долженъ, сколько бы то долго ни продолжалось, жить безъ жалованья. Все бы это меня, любезный другъ, не такъ трогало, еслибы не оскорблялась моя чувствительность тѣмъ, что хуже меня полковники получили гренадерскіе полки. Честолюбіе и досада, съ первыхъ дней, меня, по истинѣ, раздирали, а теперь уже полегче.

Я знаю, что ты скажешь: „имѣй терпѣніе, сноси великодушно, знай, что все суета, что высшее благополучіе не въ чинахъ, не въ достоинствахъ состоитъ, что все должно презирать.“ Узналъ ли я твою мысль? Знаю, братъ, что все это правда; да противно ли то Богу, чтобы я имѣлъ честолюбіе, чтобы ожидалъ награжденія за мою ревность и за мое прилежаніе къ узнанію службы? И потомъ, можно ли не оскорбляться, что хуже меня люди отличены? Совсѣмъ тѣмъ, я, во всемъ положася на власть Творца моего, смирилъ свою досаду, и начинаю равнодушно на то смотрѣть. Изъ всего худшаго, лучшее, что полкъ, говорятъ, не разоренъ, что онъ стоитъ въ Бѣлой Россіи и стоять послѣ будетъ въ Смоленскѣ. И такъ я съ терпѣніемъ, сжавши сердце, дождаюсь, и можетъ быть еще полгода буду ждать полученія его въ командованіе.

* Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ (ум. 1819 года 15-го октября). При императорѣ Александрѣ, съ 8-го сентября 1802 года, по 13-е января 1808 года, былъ военнымъ министромъ, а въ 1818 году С.-Петербургскимъ г. губернаторомъ. Имѣлъ въ супружествѣ Александру Николаевну Энгельгардтъ, сестру Льва Николаевича, оставившаго послѣ себя извѣстныя Записки, изданныя Р. Архивомъ.

Теперь, какъ по приказанію Анны Осиповны, такъ и потому, что я чувствительно будучи тронуть ея состояніемъ, которое тѣмъ жалче, что встрѣтилось съ ней при вечерѣ ея жизни, сообщить за должность почитаю, что она идетъ въ здѣшній Новодѣвичій монастырь жить, не въ монашенки, а такъ какъ обыкновенно бѣлицы живутъ. Она уже о томъ просила, чрезъ Ив. Ивановича Шувалова и А. П. Ермолова * государыню, да не знаю, что-то не выходитъ; я чай, за тѣмъ, что они видно хотятъ ей доставить игуменское жалованье, и видно на то не соглашаются. Она велѣла мнѣ тебѣ о ея принятомъ твердо намѣреніи сказать, а мы съ дядюшкой третьяго дни у ней были. По чести, любезный другъ, что безъ жалости и слезъ ее слушать нельзя. Она призывала дядюшку и просила его помощи въ томъ, что ей надобно всею своимъ заводиться, что не хотя просить и зависѣть отъ тѣхъ, которые ее до онаго довели (т. е. г-жа жена Осипа Петровича), просила, что бы онъ все ей купить, и хотя въ долгъ оное на себя взять. Онъ, такъ какъ рѣдкій въ подобныхъ случаяхъ человѣкъ, отъ себя, что можетъ, хочетъ сдѣлать, забывъ, что во время своей славы, она на него и не смотрѣла и не ѣздилъ къ нимъ. Прости, что я такъ много говорю похвалъ о кн. Семенѣ Михайловичѣ. Честью тебѣ боюсь, суда безпристрастно, что это рѣдко-честный и рѣдко-умный человекъ. Онъ такъ послѣ смерти известной тебѣ (къ кому онъ былъ столько привязанъ) барыши перемѣнился, что

* Александръ Петровичъ Ермоловъ (род. 1754 года, ум. 1836) генералъ - поручикъ. Случай его при дворѣ продолжался съ начала 1785 года по іюнь 1786; послѣ чего, не поладивъ съ кн. Потемкинымъ, онъ удалился отъ двора.

по чести узнать его нельзя, и хотя онъ всегда расположенъ былъ дѣлать добро и былъ чрезвычайно чувствителенъ, но все это теперь еще виднѣе. Однимъ словомъ, послѣ тебя, онъ у меня первый въ сердцѣ моемъ. Обратимся на прежнюю рѣчь о Аннѣ Осиповнѣ. Если осмѣлюсь дружескій дать тебѣ совѣтъ, увѣренъ будучи, что ты бѣднымъ помогать расположенъ, чтобы ты опредѣлилъ ей пенсіонъ, который по ея дряхлости не долго продолжиться можетъ. Она мнѣ ничего больше не повторяла, какъ то, чтобы я тебѣ о ея намѣреніи написалъ; но отъ стыдливости или отъ того, что всякій разъ, когда она начинала объ ономъ мнѣ приказывать, то слезы прерывали ея рѣчь, она даже не продолжала, и послѣ много разъ говорила, что она жалованія отъ Государыни, для того что оно затруднительно, и не просила бы, надѣясь, что добрые люди не оставятъ (NB. при семъ словѣ всегда на меня оглядывалась, изъ чего я заключаю, что и ты въ томъ же числѣ у нея считался). Что же до меня касается, то кой-часъ я буду въ состояніи, то буду ее снабжать, и тѣмъ съ бѣльшимъ удовольствіемъ, что знаю, что она до меня не была охотница. И было знаешь какую дерзость сдѣлать, что хотѣлъ у Новосильцева, взявъ безъ твоего вѣдома 100 руб., отослать на заведеніе подъ неизвѣстнымъ именемъ, и послѣ сказать, что оно отъ тебя. Что же (до пенсіона, зависѣть будетъ отъ твоей щедрости; если ты къ тому расположенъ будешь, то для Бога, хотя десятью рублями больше Юганова опредѣли, для того чтобы она не оскорбилась, зная, что тому отъ тебя идетъ 200 руб. Вотъ все что я тебѣ хотѣлъ сказать. Теперь прошу тебя увѣдомить, долго ли ты еще пробудешь въ

Англии и въ чужихъ краяхъ. Когда я дождусь, что тебя увижу и обойму тогоже моего друга, котораго проводилъ. Я здѣсь жить до произвожденія буду, для того что при бригадирѣ, командующемъ полкомъ, мнѣ жить не за чѣмъ: мнѣ и такъ наскучило быть подполковникомъ.

15.

22-го іюня 86-го г. Санктпетербургъ.

По стеченію множества разныхъ досадныхъ обстоятельствъ, желчь разлившись по мнѣ заставляетъ меня начать письмо свое къ тебѣ, братъ. И для того скажу, любезный другъ, что я въ великомъ неудовольствіи на тебя.—За что же?—А зато, сударь, что Ваше превосходительство съ тѣмъ намѣреніемъ хотѣли вести со мной на русскомъ языкѣ переписку, чтобы привыкнуть къ языку, или учтивѣе сказать не забыть (что и необходимо), какъ кажется, для человѣка, готовящагося съ усердіемъ посвятиться службѣ своего отечества, которое есть „Русское“, и гдѣ по милости мудрой (безъ лести сказать можно) Государыни всѣ науки вводятся, для всеобщаго народа просвѣщенія, на родномъ своемъ языкѣ, и вмѣсто того ты часъ отъ часу хуже пишешь, прости моей откровенности и въ дружескихъ письмахъ ставишь столько мѣстоименій, указательныхъ „сей“ и возносительныхъ „оний“, „онихъ“, что портишь совѣтъ письмо. Я же, хотя и самъ не слишкомъ великій мастеръ въ нихъ, однако знаю, что правиломъ приемлется въ дружескихъ письмахъ то, чтобы писать точно такъ, какъ говоришь, чему я въ прежнихъ твоихъ письмахъ завидовалъ. А все это отъ чего происходитъ? Оттого, что ты спѣшишь и не даешь себѣ труда учре-

ждать свои періоды, связывая ихъ приятно, а потому и правильно. Не нужна къ тому тонкость грамматики, которую такъ скоро нельзя выучить да по крайней мѣрѣ, чтобы было написано такъ, какъ можно сказать изустно. Иногда же все нескладаца выходитъ отъ переноса личныхъ мѣстоименій и прилагательныхъ именъ и прочаго, какъ напр., „вчера видѣлъ я дѣвицу прекрасную“,—не приятно ли для уха когда скажешь: „вчера я видѣлъ прекрасную дѣвицу;“ что же приятно для слуха, то должно быть и правильно, и вотъ простое доказательство: „я вчера,“ что съ тобой случилось вчера? — „видѣлъ“ — что видѣлъ? — „прекрасную,“ — что прекрасную? — „дѣвицу.“ И такъ одно изъ другаго выходитъ, плавно, гладко и приятно. Тому же, что ты спѣшишь, и безъ большаго вниманія пишешь, доказательствомъ твой описки и недописки. Вмѣсто „творца,“ написалъ „цворца,“ много выпустилъ складовъ изъ словъ. Легко вообразить, что все это дружеское наставленіе для собственной твоей пользы, для того что, какъ бы ты ни написалъ, я прочесть могу.

Занявъ столько бумаги грамматикой, съ которой я еще не сочелся бракомъ, чѣмъ занять любезнаго друга? Если благодареніемъ за его полезные совѣты, такъ онъ благодаренія не любитъ; если рассказомъ о положеніи своихъ дѣлъ, разстроенныхъ и разстраивающихся, о несчастіяхъ въ предпріятіяхъ, такъ, можетъ быть, дамъ причину, хотя на одну минуту, оскорбиться принятіемъ участія, или заставлю утѣшать себя тѣмъ же, чѣмъ уже я себя утѣшаю, то есть упованіемъ на Бога, безъ помощи Котораго и безъ Его подкрѣпленія, отчаяніе бы давно меня сокрушило. Я бы и не роп-

таль на судьбу, если бы менѣ имѣлъ слабости; „духъ бодръ, но плоть немощна“. И такъ начну увѣдомлять о твоихъ собственныхъ дѣлахъ: Софья, что у Иогана живетъ, оберемецѣла и сказала, что Иоганнъ тому причиной, а онъ божится, что не правда, и что она ему и женѣ на другого открыла. (NB. Очной ставки не было). Заказалъ я доску мѣдную съ позолотою, для положенія на гробницу твоего батюшки, какъ ты уже давно мнѣ писалъ; она будетъ стоить по контракту, мной съ мастеромъ заключенному, 400 руб., да фундаментъ, да камень гранитъ, на который она прибѣтается, около 75 руб. или 100 обойдется. Я бы и прежде исполнилъ твое приказаніе, да мастеровъ найти не могъ, или очень дорогіе встрѣчались. А теперь если и долженъ буду прежде отдѣлки уѣхать, то поручу князю Семену Михайловичу, который не хуже меня исправитъ. Потомъ скажу тебѣ о твоемъ Яковѣ; онъ жилъ у какого-то секретаря банковской конторы, который ему за цѣлый годъ не заплатилъ, а когда я за него вступился, то онъ сказалъ, что онъ у него укралъ часы въ 250 руб. „Секретарскія души крочкомъ“, это всѣмъ извѣстно, и хотя никакихъ слѣдовъ къ обличенію Якова нѣтъ, но онъ заспорилъ; я же, чтобы въ судахъ дѣло не волочилось, написалъ ему письмо къ Петру В. Завадовскому, отъ его лица, которое онъ и подавалъ. Его высокопревосходительство обѣщалъ, но ничего по тому не вышло, и люди его болѣе не допускаютъ до него. И такъ Новосильцевъ далъ ему новый паспортъ, съ которымъ онъ обѣщалъ выслужить свой оброкъ. Я къ тебѣ писалъ давно, что княжны Давыдовы, сестры мои, твои по деревнямъ сосѣдки, продаютъ деревни, и что Лазарь совѣтовалъ купить, но оставшись

безъ отвѣта, продаю теперь двумъ, которые очень охотно торгуютъ. Я прошу за 400 душъ 32.000 р. и надѣюсь, что скоро кончится, если Богъ поможетъ. Такъ не пеняй, если тебѣ ихъ хотѣлось, и если послѣ деревни дороже будутъ, потому что говорятъ новые банки будутъ, слѣдовательно деньги дешевле, а деревни дороже должны быть.

Поговоря о твоихъ дѣлахъ, принимаюсь благодарить за обѣщаніе купить мнѣ, по пріѣздѣ своемъ, лошадь у гр. А. Гри. Новѣрь, честью, любезный другъ, что ничто такъ не грызетъ мою душу, какъ то, что ты мнѣ столько даришь и дарилъ. Богъ тому свидѣтель, что едва теперь отъ того изъ глазъ слезы не покатилась. Быть одолжену другу конечно пріятно, но, не чувствуя себя быть въ состояніи когда-нибудь отплатить, боюсь, и прискорбно. Братъ къ тебѣ намаралъ отвѣтъ, при семъ сообщаемый. Я божусь за него, что онъ все чувствовалъ, что писалъ. — Хотя выше я сказалъ, что не хочу описывать тебѣ дурнаго моего положенія; но не могъ удержаться, чтобы не сообщить, считая должностью дружбы открывать чувствуемую скорбь и радость. Полкъ мнѣ данъ былъ Вологодскій, то есть я написанъ былъ сверхъ комплекта и не могъ имъ командовать до тѣхъ норъ, пока не выйдетъ бригадиръ, командовавшій имъ. Оставя то, что хуже меня люди, менѣ знающіе (безъ похвалыбы сказать могу) службы, получили гренадерскіе полки, теперь новое открывается, что бригадиръ выходитъ изъ полку, да съ чѣмъ же? Для формированія гренадерскаго полку, имѣть будетъ ордеръ, — изъ Вологодскаго полку, въ тотъ новый полкъ взять годныхъ въ гренадеры людей, почему онъ воленъ будетъ всѣхъ лучшихъ солдатъ, всѣхъ стеровыхъ

и всѣхъ офицеровъ взять. Да и нельзя ему того и не сдѣлать для своей славы и по необходимости, заводя новый полкъ. Потомъ, какъ бы то ни было, надо будетъ скоро ѣхать, ни чѣмъ не экипированъ, и всѣ люди въ госпиталѣ кромѣ Сережки и братнина одного человѣка, котораго онъ завтра долженъ взять въ лагерь съ собой, куда ихъ полкъ уже выступилъ. Вотъ часть описанія моего положенія, въ которомъ однако-жъ я не дохожу до отчаянія, по уму ли, — презирая, или по глупости, — не чувствуя. И такъ прошу не занимать цѣлаго листа утѣшеніями, а лучше напиши, скоро ли ты будешь сюда, и готовъ ли Отечеству быть полезнымъ въ службѣ; не забылъ ли ты, будучи отсутственъ отъ Россіи 4 года, что покровительство часто дѣлаетъ достоинство, и что Государынѣ никакъ нельзя всѣхъ людей самолично знать. Пусть твой чинъ и открываешь къ тому счастливый путь, но посмотриль бы я тебя безъ подпоры со всей твоей честностью и со всѣмъ твоимъ знаніемъ, — далеко ли ты вылетишь? Извини: огорченный человѣкъ не знаетъ, что говорить, и потому забудь все, если я чѣмъ тебѣ досажу. Анна Осиповна переѣхала уже въ монастырь и хотѣла къ тебѣ писать, да некого за письмомъ послать. Кн. Николай Михайловичъ Голицынъ *, что былъ гофмаршаломъ, умеръ, оставя много денегъ, да мало (какъ говорятъ) о себѣ сожалѣнія.

* Князь Николай Михайловичъ Голицынъ (род. 8-го января 1729 года, ум. 1786), сынъ генераль-фельдмаршала, князя Михаила Михайловича (старшаго), отъ перваго его брака съ Евдокіей Ивановной Бутурлиной. Кн. Николай Михайловичъ имѣлъ въ супружествѣ Екатерину Александровну Головину (умерла 8-го сентября 1769 года).

16.

30 іюня 86 г. Санктпетербургъ.

Много и премного благодаренъ за готовалку, столько укромную и столько полную; ты меня крайне одолжилъ и тѣмъ больше, что точно такъ. прислалъ, какую я давно хотѣлъ. И такъ благодарю еще и обѣщаю во всѣхъ своихъ путешествіяхъ и походахъ весь тобой подаренный туалетъ возить въ карманѣ, обернувъ всегда его прежде въ благодарность (чтобы не повредился). Хотя ты, любезный Васинька, не любишь, чтобы тебя благодарили, да я не въ тѣмъ счету, и отъ друга благодарности не должна оскорблять скромности твоей. И для того въ ножки тебѣ челоюмъ бью за письмо твое къ князю Семену Михайловичу и за ноты, за которыя онъ самъ тебя благодарить будетъ, досадуя на меня, что я прежде не взялъ денегъ, и говорить, что если бы зналъ, то бы не безпокоилъ; за что тебѣ убытчиться! Довольно, что и трудъ на себя взялъ купить. А я (пусть онъ сердится, что въ убытокъ тебя ввель) благодарю тебя нижайше и тѣмъ больше, что сію твою аттенцію къ дядѣ, котораго я такъ много люблю, приѣмлю на свое лице. Честью моею божусь, что сей твой поступокъ я принимаю за вещь, подаренную мнѣ и которой цѣны нѣтъ. Тебѣ повѣрить этому не трудно, зная, сколько я привязанъ къ роднымъ. За сочиненіе твое много благодаренъ. Прекрасно, добродѣтельно и достойно подражанія. Прочтя его раза четыре, никому по твоему приказанію не показывалъ; „никому“ говорю для того, что только брату кн. Дмитрію Дмитріевичу читалъ; его почитаю я за человѣка достойнаго послѣдовать нравоученію, тобою писанному, зная его расположеніе; потому, такъ какъ ты по милости своей къ

нему, называешь его „добрымъ“ моимъ братомъ, то я посмѣлъ ему показать. И такъ если оно противно твоей волѣ, то прости пожалуй мнѣ вину мою.

Слабый человѣкъ ловить все то, что потворствуетъ его слабостямъ, и потому я въ Русскомъ твоёмъ сочиненіи, поймавъ писанное тобою, пришедъ съ гулянья, замѣтилъ, и твоимъ оружіемъ тебя по усамъ, любезный другъ, щелкаю, и вотъ чѣмъ. Когда мой Васинька, строгій наблюдатель добродѣтели, имѣя такія твердыя правила, наполненъ будучи христіанскими достоинствами, хотѣлъ итти въ отставку, если не достанется въ камергеры, то скажи пожалуй, какъ намъ, развратнымъ и слабымъ людямъ, не оскорбиться тѣмъ, что насъ обижаютъ? Вотъ напр. кн. Дмитрій, съ тѣхъ поръ какъ въ артиллеріи служить, безотлагательно, то изъ ничего купецкіе, фабрикантскіе дѣти сдѣлались его капитанами, какъ Кокушкинъ, Ширяевъ, Никласъ и нынѣ Баташовъ. Всѣ эти люди, сидѣвшіе годъ тому назадъ въ лавкахъ съ аршиномъ или молотомъ, ковали на заводѣ желѣзо. Совсѣмъ тѣмъ, хотя онъ не ропщетъ, но нельзя, чтобы, хотя минуту не чувствовать онаго. Окончу сію фразу тѣмъ, что скажу, что твои правоучительныя сочиненія меня много исправляютъ, и для того прошу ими не урѣживать. А наконецъ не могу не умолчать, чтобъ тебя не пожурить за грамматику. Пусть Русской не у кого въ чужихъ краяхъ научиться (хотя она весьма нужна). Если не забылъ какъ гр. Сергѣй Петровичъ * былъ осмѣянъ,

когда онъ въ Собесѣдникѣ написалъ по-русски на французскомъ нарѣчій статью; то, я чай, не захочешь быть осмѣянъ, да еще и достойно, потому что, будучи Русскій, отечественнаго языка не знаешь. Пусть такъ, что тамъ, повторяю я, нѣтъ случая научиться, да, по крайней мѣрѣ, пофранцузски бы можно и легко научиться писать. Сдѣлай одолженіе, любезный Васинька, возьми къ себѣ учителя для грамматики; мнѣ это больно, что, на извѣстныхъ мнѣ двухъ языкахъ, такъ нишень, а ежели и на всѣхъ таковъ, то мнѣ еще оскорбительнѣе. Что можетъ быть грустнѣе, какъ имѣть хорошія мысли, хорошее знаніе, хорошее о вещахъ понятіе и не умѣть его сообщить другимъ? Называю „не умѣть,“ потому что дурно изъясненное затмѣваетъ мысли и существо изъясняемаго. Французское твое письмо, хотя и довольно складно, да такъ написано, что и вообразить нельзя; ошибки неисчисленныя и, однимъ словомъ какъ женщины французскія, которыя писать не учились. Вотъ тебѣ скучное правоученіе отъ меня и выговоры, которые однако отъ друга оскорбить не должны. Воля твоя, сердись или нѣтъ, а я утерпѣть не могъ, чувствуя отъ того, право, крайнюю досаду и огорченіе.

Въ городѣ новая свадьба, и уже объявлена. Графъ Николай Николаевичъ Головинъ женится на княжнѣ Варварѣ

есть примѣчаніе издателей журнала, подсмѣивающихся надъ тѣмъ, что въ этой статьѣ много французскихъ словъ и выраженій. Извѣстно также, что гр. Сергѣй Петровичъ Румянцевъ занимался литературой и писалъ „Провербы“. (Записки гр. Комаровскаго. Осемнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 335-я); есть его статьи въ любозытномъ и малозвѣстномъ журналѣ прошлаго вѣка: „Растущій Виноградъ“.

* Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ (ум. 23-го января 1838 года). См. его автобіографію въ Русск. Архивѣ 1869, стр. 850). Въ I № Собесѣдника, который появился 20-го мая 1783 года, по поводу статьи „Письмо нѣкоторой женщины“, неизвѣстнаго автора,

Николаевнѣ Голициною¹, племянницѣ Шувалова.

И такъ скажу тебѣ еще новость: я лѣчусь отъ цынготной и другой болѣзни, чищу кровь, съ тѣмъ чтобы болѣе ея не портить и послѣ, когда укрѣплюсь, приищу бѣдненькую, умненькую и вѣрненькую дѣвочку и сочетаюсь бракомъ; а какъ послѣднее должно не прежде двухъ лѣтъ исполниться, то ты, любезный другъ, будешь, уповаю, присутствовать на свадьбѣ. Ничего, какъ я воображаю, не можетъ быть пріятнѣе, какъ видѣть другихъ самихъ себя, имѣть удовольствіе ими радоваться, а иногда и сокрушаться.

47.

11 іюня 86 года. Санктпетербургъ.

Письмо твое, любезный Васинька, получилъ отъ 23 (12-го) іюня и комиссію твою исполнилъ, только еще не имѣю отвѣта, какъ до нея дошло. Послалъ вѣрнѣйшаго человѣка, и по твоему приказу не только кн. Семену Михайловичу² не сказывалъ о семъ подаваніи, но ниже брату кн. Дмитрію. И никто изъ людей въ посылку не былъ употребленъ, а чтобы удобнѣе отъ Петра Ивановича Новосильцева скрыть о причинѣ сей комиссіи, по коей я получилъ отъ него 200 руб., то я написалъ въ роспискѣ или письмѣ о полученіи оныхъ, что онѣ для дѣланія надгробной доски. Сей образъ подаванія мнѣ и образъ твоихъ мыслей, чтобы не обязываться „на дачу онаго на всегда,“ по прописанному тобой причинамъ, мнѣ безмѣрно правится, для того что, первое, съ моимъ сходно,

а послѣднее меня заставляетъ согласиться на твое мнѣніе „о Творцѣ“ и отношеніяхъ къ Нему, тобой почасту ко мнѣ сообщаемое. Я приѣмлю отъ друга безцѣннаго съ благодарностію, и нетерпѣливо ожидаю его, чтобы изустно узнать о томъ, чего не знаю, просвѣтиться въ томъ, что мнѣ пріятно, а потому сдѣлать несчастія и огорченія безсильными къ поколебанію твердости, и смерть безстрашною, когда жизнь временную свою могу означивать добрыми дѣлами, безъ тщеславія и удалиться отъ слабостей, сколь немощь человѣческаго рода позволить, полагаясь во всемъ на Бога. Къ слову здѣсь внесу часто употребляемое покойнымъ батюшкою, въ письмахъ своихъ къ намъ, изреченіе изъ Святаго Писанія: „возверзи печаль твою на Господа, и Той тя утѣшитъ.“ Безъ сего, по тѣснымъ моимъ обстоятельствомъ, я долженъ зачехнуть, сокрушиться и рановременно умереть. Продолжай, любезный другъ, другъ пріятный и безпристрастный, меня питать симъ ученьемъ: оно мнѣ много пользы доставило.

Теперь сообщу тебѣ новость здѣшнюю. Какъ въ письмѣ предъ симъ сказалъ тебѣ я о милостяхъ и пожалованіяхъ за новое изобрѣтеніе банка, то вотъ вкратцѣ его состояніе и сила. Московскій банкъ уничтожается, въ Петербургѣ будетъ одинъ для всего государства, и названіе будетъ не Дворянскій, а „Государственный Заемный Банкъ.“ Въ немъ будетъ 22 милліона для дворянъ и 11 милліоновъ для купцовъ. Даваться будутъ (*деньги*) подъ деревни и каменные дома, считая по 40 руб. на душу, т.-е. на 25 душъ 1000 рублей; дворянамъ на 20 лѣтъ, купцамъ на 22 года, безъ возврата капитала, а вмѣсто того по 8 процентовъ, т.-е. по 5 процентовъ и по 3

¹ Дочь генерала-поручика кн. Николая Федоровича Голицына, женатаго на Прасковѣ Ивановѣ Шуваловой.

² Давыдову, дядѣ кн. Циціанова.

въ уплату. Манифестъ вышелъ ¹, который хотѣлъ бы къ тебѣ прислать, если бы былъ случай. Подачи объявленіевъ о займѣ съ декабря, а дѣйствіе начнется съ 28 іюня будущаго года. Слѣдовательно тебѣ надобно будетъ подумать о своемъ долгѣ, и тѣмъ больше, что хотя и дано на волю, по старому, занимать до истеченія срока; но оно бы было безразсудно, для того что обыкновенно по 5 выходитъ. Милость Государыни велика; но она вашимъ братьямъ и богатымъ хороша, а мнѣ прибыли нѣтъ: деревень нѣтъ, дома нѣтъ, а честь подъ закладъ не берутъ, хотя сей залогъ гораздо повѣрнѣе. Говорятъ, что моды нѣтъ такую мягкую рухлядь принимать. Ноты еще не получали, да и не знаю, какъ и найти; не вѣдаю имени съ кѣмъ послано, хотя Радищевъ распрашивалъ всѣхъ. Также и Петръ Ивановичъ жалуется на Погенполя ², что Анны Степановны посылку не получилъ, а ты къ нему о ней пишешь, а онъ отдалъ какую-то Г. Ни. И такъ, дѣлая одолженія и милости, впередъ додѣлывай ихъ, чтобы также какъ чашки не пропадали, хотя не ты, а твой комиссіонеръ въ чашкахъ виноватъ. Бѣда приходитъ, всю бумагу исписалъ, а кажется, что еще теперь началъ; да что дѣлать, прошу меня любить, прошу не забывать. А я теперь въ крайнихъ хлопотахъ: надобно необходимо ѣхать въ Малоросію самому, для продажи въ казну мужиковъ и земли подъ дачи всѣхъ

¹ Манифестъ послѣдовалъ 28 іюня 1786 года, т.-е. въ день восшествія на престолъ.

² Погенполь впоследствии былъ секретаремъ миссіи въ Лондонѣ. Его двокродная сестра дѣвица Гомъ (Номе) была приглашена состоять надзирательницей при меньшихъ дѣтяхъ Англійскаго короля. (Воспоминанія В. П. Зиновьева, озаглавленные „1806-мъ годомъ.“ Рукопись Витебскаго архива).

этихъ денегъ бѣдной сестрѣ, которая хоть дочь мѣстнаго гражданина и истиннаго христіанина, но не признана Государыней; такъ мы положили, чтобы хотя такое ей собравъ отдать. Совсѣмъ тѣмъ ѣхать боюсь, чтобы по отсутствію, когда бригадиръ выйдетъ, то другаго бы не опредѣлили въ полкъ.

48.

24 іюля 86 года. Санктпетербургъ.

Давно отъ тебя я, любезный Василья, не получалъ твоихъ писемъ; однакожъ я причитаю то молчаніе твоему изъ Лондона отъѣзду, какъ ты самъ ко мнѣ писалъ. По комиссіи твоей деньги отданы, чрезъ одного солдата, прежде у меня служившаго, который, чтобы лучше скрыть, когда спросили откуда онъ, или гдѣ живетъ, то онъ сказалъ, что въ Академіи; то швейцаръ сказалъ: „знаю, что отъ Осипа Петровича.“ И такъ я думаю онъ (т.-е. деньги), въ ея мысляхъ отъ него, а послѣ того я не видалъ. Она теперь живетъ или гоститъ у графа Пушкина, на Мызѣ; какъ увижусь, узнаю искусно, получила ли? Ноты получены и, можетъ быть, давно бы получили, да письмо было положено въ посылку, а на ящикѣ было только имя того купца, отъ котораго отправлено. Онъ такъ славны и такъ рѣдки, что первыми и важнѣйшими здѣсь отъ лучшихъ мастеровъ почитаются. А больше для ученя весьма славныя. Дядюшка самъ будетъ тебя благодарить. Она (*въро-ятно сестра*) невѣсть какъ хотѣла ихъ имѣть, и здѣсь, ни подъ какимъ видомъ, достать нельзя. А чтобы тебѣ лучше дать мысль объ ея игрѣ, то ее учить на клавикордахъ не Пращъ ³, котораго ты не мастеромъ, по его сочиненію „Вольскому“, почиталъ, а „Mademoiselle Mariche“, славная и первая

здѣсь, и училась у Пампо, который тебѣ извѣстенъ. И такъ не жалѣй, думая, что ноты эти будутъ безплодно употреблены.

Новости здѣшнія: князя Николая Михайловича, покойнаго, Голицына послѣдняя дочь идетъ замужъ за камеръ-юнкера графа Пушкина, т.-е. Аполлоса Пшофродитовича сына ⁴, съ прекраснымъ приданымъ; камергеръ кн. Шаховскій, вошедшій въ тотъ чинъ съ тобой, опредѣленъ за унтеръ-шталмейстера, то-есть на мѣсто Василя Михайловича Ребиндера ⁵, который, по указу объ уничтоженіи Конюшенной Конторы, по причисленіи заводовъ конскихъ подъ присмотръ Казенныхъ Палатъ, поѣхалъ осматривать заводы и распорядить ихъ на новомъ положеніи. Въ Павловскомъ былъ третьяго дня, для дня ангела Великой Княгини, публичный маскарадъ. НВ. Я не былъ, сдѣлавшись совсѣмъ чуждымъ къ подобнымъ весельямъ. Александръ Петровичъ Ермоловъ отпущенъ на 3 года въ чужіе края, и съ нимъ Алексѣй Андріановичъ Левашовъ (полковникъ при Великихъ Князяхъ). Первому,

какъ говорятъ, дано 100,000 на домъ, 30,000 на подъемъ и 4000 дупшъ; а онъ, говорятъ, послѣднему, также и Василю Ивановичу Левашеву ⁶, далъ по 10,000 рублей. На сихъ дняхъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ ⁷, что былъ у кн. Потемкина адъютантомъ, потомъ капитаномъ-поручикомъ Преображенскаго полка, пожалованъ въ флигель-адъютанты; а чтобъ тебѣ лучше узнать, кто это, такъ это тотъ самый, о которомъ я столько хлопоталъ и возилъ къ графинѣ Скавронской письмо, когда онъ, въ бытность твою здѣсь, былъ сержантомъ. Онъ теперь на дежурствѣ въ Царскомъ Селѣ. Я у него былъ, и онъ меня такъ точно принялъ, какъ пріятели и давно знакомаго его дому. Думаю, не перемѣняя пріязни, ѣздить почаще къ нему. На сихъ дняхъ пріѣхала сюда граф. Скавронская (Катерина Васильевна), которая не знаю получила ли твое письмо, къ ней отъ тебя присланное и мной отданное, для пересылки къ ней, правителю княжеской канцеляріи. И такъ, если хочешь къ ней писать, теперь свободно можешь, будучи увѣренъ, что я ей вѣрно доставлю.

49.

3 сентября 86 года. Санктпетербургъ.

Барона Синклера принялъ, такъ какъ человекъ тобой рекомендованнаго; былъ у него не разъ, возилъ его въ крѣпость, показывалъ все, что есть достойнаго, и видѣлъ его удивленіе отъ всего. Былъ съ нимъ въ арсеналѣ и

³ Праць Иванъ, родомъ вѣроятно Чехъ, (ум. 1818 г.) надворный совѣтникъ, былъ капельмейстеромъ въ Петербургѣ; напечаталъ въ 1790 году текстъ лучшихъ Русскихъ пѣсень съ музыкой подъ названіемъ: „Собраніе народныхъ Русскихъ пѣсень съ голосами.“ П. А. Львовъ сочинилъ предисловіе къ сему изданію. Его есть и другія музыкальныя сочиненія. (Словарь свѣтскихъ писателей митроп. Евгенія).

⁴ Княжна Анна Николаевна Голицына, была въ замужествѣ за графомъ Аполлосомъ Аполлосовичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, который впоследствии былъ тайнымъ совѣтникомъ. Извѣстенъ нѣсколькими сочиненіями по части естественныхъ наукъ. (Словарь Бантиша-Каменскаго, 2-е изд. 1847 года).

⁵ Василій Михайловичъ Ребиндеръ, шталмейстеръ. Онъ сопровождалъ Императрицу въ путешествіе въ Крымъ.

⁶ Василій Ивановичъ Левашевъ, флигель-адъютантъ и генераль-майоръ; онъ былъ также въ числѣ лицъ сопровождавшихъ Императрицу въ Крымъ.

⁷ Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитриевъ-Мамоновъ (род. 19 сентября 1758 года, ум. 29 сент. 1803 года).

наконецъ простился съ нимъ. Онъ поѣхалъ въ Москву, куда къ Петру Дмитриевичу Еропкину, къ начальнику тамошнему, взялъ, по совѣту моему, отъ княгини Даниковой письмо, а оттуда поѣдетъ въ Варшаву и въ Кіевъ, и заѣдетъ также, по моему совѣту, въ Тулу, славящуюся оружейной фабрикой. Вотъ все, что я могъ съ добрымъ Синклеромъ сдѣлать. Другое тебѣ скажу, то-есть здѣшнія новости. Графиня Екатерина Васильевна пріѣхала сюда, княземъ очень хорошо принята, или лучше сказать такъ, какъ прежде была любимую племянницею, и недѣли двѣ тому пожалована статсъ-дамой *. Я думаю, что такой молодой статсъ-дамы никогда или рѣдко бывало и, по своей догадкѣ, я считаю, что Алек. Матвѣевичъ Мамоновъ много участвовалъ въ ономъ, для того, что она нѣкогда выпросила его изъ сержантовъ въ флигель-адъютанты къ князю. Я это коротко знаю, потому что цѣлый годъ возилъ къ ней отъ отца его письма. Потомъ Мамонова отецъ пожалованъ въ сенаторы съ старшинствомъ, а въ Александровъ день кавалеромъ того ордена; сынъ его въ корнеты кавалергардскаго корпуса, то-есть въ генераль-майоры.

Другу говорить должно о всемъ откровенно, и для того скажу тебѣ, любезный, что я въ великомъ огорченіи. Отчего же? Ты знаешь мою съ нимъ связь; ты самъ знаешь, какъ я о немъ

* Въ статсъ-дамское достоинство возведена 17 августа 1786 года. (См. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII столѣтіи, въ Русск. Старинѣ 1870 года. Т. II, стр. 477). Пользуемся съ тѣмъ вмѣстѣ случаемъ, чтобы исправить ошибку „Списковъ П. О. Карабанова,“ напечатанныхъ въ „Чтеніяхъ Общест. Ист. и Древн. Россійск.“ 1860 г. въ кн. I, гдѣ пожалованіе гр. Екатерины Васильевны Скавронской въ статсъ-дамы показано ровно годомъ позднѣе.

хлопоталъ, какъ онъ былъ сержантомъ; совсѣмъ тѣмъ я не только, по наружности, не отличенъ отъ другихъ, но еще и наравнѣ долженъ ѣздить, и для того, что онъ пѣняетъ, если два дни пропущу, и для того, чтобы не счелъ, что я сержусь за то, что онъ не помогаетъ; а ѣздить духа нѣтъ: лезть и подлость такихъ бояръ (хотя и новопроизведенныхъ бояръ) окружаетъ, я же къ ласкательству не пристаю, какъ ты меня знаешь, а это, я думаю, одна изъ причинъ его холодности. Пусть не холодность, но учтивость лишняя и прежде небывалая. Да чему дивиться! Кто не удостовѣренъ, что свѣтъ и житіе здѣшнее ничтожное, какъ мигъ противъ вѣчности, тотъ счастіемъ, которое встрѣчается съ нимъ, возносится и забывается, а несчастіемъ отчаевается. Мой великій человекъ (т.-е. мой идеалъ великаго человека) тотъ, который въ обоихъ случаяхъ равнодушенъ безъ нечувствительности и благоразуменъ безъ педанства. Оставимъ это разсужденіе,—поговоримъ о здѣшнемъ. Жилинъ, вахмистръ кавалергардскій, отставленъ съ полнымънынѣшнимъ жалованьемъ, т.-е. 2800 руб. и 6000 награжденія, да всегдашній ходъ за кавалергардовъ. Послѣ сихъ новостей скажу печальную: у Петра Васильевича Завадовскаго умеръ братъ его, и онъ въ неописанной, говорятъ, печали. Забылъ еще великую новость сказать: графъ Безбородко пожалованъ гофмейстеромъ, только не на мѣсто Елагина, для того, что тотъ остался попрежнему оберъ-гофмейстеромъ.

Теперь тысячу извиленіевъ приношу въ моей смѣлости. Я, зная, что ты помогать бѣднымъ за удовольствіе свое принимаешь, взялъ смѣлость изъ твоихъ денегъ, которыя у меня за проданныя вещи, 50 руб. отдать человеку,

который былъ въ такомъ случаѣ, что ты самъ меня похвалишь. И вотъ тебѣ подробно скажу. Княгиня Баратова, та самая, которой ты сдѣлалъ добро, выпрося чрезъ Безбородку, чтобы сына ея, занявшаго въ банкѣ, не сослали на каторгу, а велѣли у него изъ жалованья (вычитать), эта княгиня лишилась того сына, который дней пять какъ умеръ, и не имѣя чѣмъ его похоронить, прибѣгла ко мнѣ; то я, въ такомъ случаѣ, столько былъ тронуть и не имѣя своихъ и зная, что тебѣ пріятно будетъ, взялъ оныя деньги, и еще, получа отъ дядюшки нѣсколько, учредилъ похороны порядочно безъ излишества, утѣшая ее въ той горести, отмѣнно почитая ее за твердость ея въ законѣ и имѣя случай то видѣть, а именно, что она, потерявъ перваго сына среди его счастья и человѣка достойнаго, оплакивая его, въ ту минуту, какъ онъ умеръ, съ веселымъ лицомъ обращалась къ образу и благодарила Бога. Вотъ такой-то женщиной я отдалъ твои 50 руб. и увѣренъ, что ты на меня не осердишься.

Теперь скажу тебѣ о себѣ, что я о сию пору здѣсь живу и безъ жалованія. Полкъ, въ которомъ я написанъ сверхъ комплекта, совершенно разореннымъ сдѣлалъ. Дали бригадиру, (который имъ командовалъ и которому велѣно сформировать Сибирскій гренадерскій полкъ), ордеръ—взять изъ стараго своего полку все то, что захочетъ. Онъ началъ съ того, что 22 офицера взялъ, музыку, мастеровыхъ и унтеръ-офицеровъ множество, а солдатами, я чай, окончить. Я знаю, что разстроенный полкъ взять и его исправить чести больше, и по самолюбію надѣялся бы успѣть въ томъ; но кто спасибо скажетъ и кто уважить, если покровителя нѣтъ? Ты скажешь, что награжденіе въ самомъ себѣ найти

можно; но, въ свѣтѣ живучи, нельзя всегда сему правилу слѣдовать. Мамоновъ самъ вызвался мнѣ помочь и другой полкъ повыгоднѣе выходить; но я ему не напоминалъ, и не прошу, да и просить не намѣренъ, не хотя быть одолженъ. Точно жить безъ жалованья тяжело приходится, весь въ долгу, ничѣмъ не завелся и маленькой суммой исправиться не могу, да и полковникомъ будучи, вижу, что не въ состояніи исправиться. Надобно красть, а красть свойства не имѣю; кражу называть, по обыкновенію, экономіею пріучиться не могу; безъ экономіи жалованьемъ жить полковнику не можно. Чтобы имѣть хорошій полкъ, надобно имѣть хорошихъ офицеровъ; чтобы имѣть, надлежитъ всегда съ ними обращаться; обращаться всегда надобно для нихъ имѣть столяръ, а сіе требуетъ денегъ. Все сіе соображая, видя за плечами долгъ, по моимъ доходамъ неоплатный, ужасаюсь по чести. Вотъ состояніе твоего друга, которое его терзаетъ, но надеждою на Всевышняго подкрѣпляюсь; буди Его святая воля!

20.

25 сентября 86 года. Санктпетербургъ.

Ты спрашиваешь, поставленъ ли камень надъ батюшкою, то если помнишь подробное описаніе подряду, такъ еще и рано спрашивать. Это правда, что они обѣщали въ нынѣшній мѣсяцъ; но не свѣдавъ, можно ли здѣсь достать такую мѣдную доску, они въ срокѣ ошиблись, и были принуждены писать въ Москву и оттолѣ дожидаться; совѣмъ тѣмъ уже начата работа, и надѣюсь, что хорошо будетъ, но поспѣть и поставить нынче средствъ нѣтъ, и для того до весны оставляю на попеченіе дядюшки, который не хуже

моего сдѣлаеть. Говорю оставлю, для того что самъ, чаю, мѣсяца чрезъ два быть отправленъ, потому что произвожденіе (которое посылаю при семъ) вышло, и много полковъ очистилось. Не знаю, что-то будетъ? Можетъ быть и въ Крымъ придется ѣхать, хотя не хотѣлось бы. Теперь тебѣ скажу нѣкоторое происхожденіе. Извѣстно тебѣ, любезный другъ, что Мамоновъ знакомъ мнѣ; писалъ я къ тебѣ нѣкоторые неудовольствія въ разсужденіи обхожденія, посему и рѣшился, поддержавъ свой благородный характеръ, изъясниться съ нимъ и сказать, что я хожу къ нему изъ дружбы, а не изъ того, чтобы ожидать чего. По просьбѣ моей, онъ далъ мнѣ частную аудіенцію, на которую являсь, соблюдая всю учтивость, далъ ему чувствовать, что я въ числѣ тѣхъ, которые потакаютъ, подличаютъ, переносятъ все, быть не намѣренъ; что я ни о чемъ его не просилъ и просить не буду, а что онъ самъ вызвался доставить мнѣ хорошей полкъ, то я и къ тому бы не примолвилъ, еслибы не считалъ, что это ему очень легко и что не нужно о томъ Государыню трудить. Онъ на все на это ничего иного сказать не могъ, какъ тысячу увѣреній въ прежней дружбѣ. Я же, по правдѣ тебѣ сказать, хотя и доволенъ его учтивостію, но довольнѣй бы былъ, получа полкъ, имѣть отговорку отсель уѣхать и не быть принуждену таскаться, видѣть толпу подлецовъ, потакальщиковъ и играть роль нѣмаго. Графиня Екатерина Васильевна видно муженьку ленту выпросила, а сама здѣсь, какъ ангелъ во плоти хороша, молода и прекрасна*.

* О наружности гр. Екатерины Васильевны Скавронской, графъ Сегюръ въ своихъ Запискахъ говоритъ, что ея головка могла бы служить для художника образцомъ головки Амура.

Два бала сряду на меня такъ усталила глаза, что меня удивляла и, какъ видно, зная меня, что я къ ней съ письмами о Мамоновѣ ѣзжалъ, спрашивала у Чернышева ¹ камергера: кто я? и наконецъ такъ усталилась, что принудила меня себѣ поклониться. Не думаю, чтобы страсть ее ко мнѣ прививала. Воображаю, какъ ты хочешь на этомъ словѣ (*меня поймать*), да полно, и я со смѣхомъ пишу. Мои всѣ тебѣ кланяются, а я въ горестяхъ отъ карманныхъ обстоятельствъ, скружился совсѣмъ. Прости, люби того, который тебя больше всѣхъ любитъ, и любить чистосердечно, и подражать тебѣ во всемъ хочеть.

Князь С. З. Херхеулидзе въ меня живетъ и велѣлъ тебѣ отписать, что онъ тебѣ преданъ былъ, есть и будетъ. Онъ здѣсь бѣдный живетъ; все обманываютъ, ничего не дѣлаютъ, обманываютъ и завтракомъ подчуютъ. А онъ 15 лѣтъ подполковникомъ, руку потерялъ, какъ знаешь, на войнѣ, и этотъ патріотъ служить, ожидая награжденія только въ душѣ своей.

21.

20-го октября 86 года. Санктпетербургъ

Молль ² сюда пріѣхалъ посмотреть городъ и нашелъ здѣсь старыхъ своихъ знакомыхъ господъ Фридриковъ, которые перевезли его изъ трактира къ себѣ и возять его вездѣ. Между тѣмъ я съ нимъ познакомился, не рѣдко съ нимъ бывалъ; онъ у насъ обѣдалъ и всѣмъ понравился, а ужъ мнѣ онъ слиткомъ серебра чистаго кажется и тѣмъ больше, что онъ тебѣ

¹ Графъ Григорій Ивановичъ (род. 1762 года, ум. 1830) въ камергеры пожалованъ въ 1786 году.

² Молль, неизвѣстнос намъ лице.

мѣры не ставить. Да еслибъ онъ мнѣ это говорилъ, я бы ему не повѣрилъ, хотя и знаю, что ты паче стоишь; а то онъ, не зная, что Фридриксы мнѣ знакомы, тебя превозносилъ, и вотъ тебѣ отъ него письмо. Онъ мнѣ подарилъ портретъ твой, карандашомъ рисованный, да не подумай, что графской работы; нѣтъ, онъ съ него самъ рисовалъ и тотъ-то мнѣ подарилъ, а оригиналъ оставилъ у себя; разница есть, это правда, однако довольно (*видно*) что это твой.

Здѣшнія новости за онымъ слѣдуютъ. Графъ Головинъ уже женился, и я ихъ у майора Арбеньева ¹ видѣлъ, во образѣ мужа и жены. Тарсуковъ ², тебѣ извѣстный человекъ, шуринъ Новосильцева (женится) на племянницѣ Перекусихиной Марьи Савишны, которая жила во дворцѣ; за ней дадутъ фрейлинское приданое, и богатства довольно: одна дочь у отца, къ мотовству не расположеннаго. Подполковъ ³ подполковникъ женился на княжнѣ Щербатовой, племянницѣ князя Андрея Николаевича ⁴, вышед-

¹ Вѣроятно Юсафъ Евлевичъ Арбеневъ. Былъ впоследствии командиромъ Измайловскаго полка (Записки гр. Комаровскаго).

² Ардалионъ Александровичъ Тарсуковъ (ум. 1810 г.) впоследствии оберъ-гофмаршалъ Высочайшаго двора, былъ женатъ на племянницѣ Марьи Савишны Перекусихиной, Екатерины Васильевны. Дочь отъ сего брака вступила въ супружество съ сенаторомъ Петромъ Андреевичемъ Кикинымъ. (Словарь Бантипа-Каменскаго, изд. 1847 года).

³ Подполковникъ Подкарповъ Александръ Васильевичъ. Вступилъ въ службу въ 1763 г. произведенъ въ полковники 1-го Генваря 1787 года; 5-го Февраля 1790 онъ былъ бригадиромъ во Владимірскомъ драгунскомъ полку. (Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ 1789 и 1792 годовъ). Позднѣе былъ намѣстникомъ въ Твери.

⁴ Князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ, (род. 1721, ум. 1813 года) Пожалованъ 1795

шей съ первымъ выпускомъ изъ монастыря. Новѣйшая новость потому, что сегодня кн. Потемкинъ, собираясь долго, отправился въ Херсонъ, для встрѣчи Государыни, которая, говорятъ, или сказать смѣло можно по заготовленію лошадей, изволить ѣхать въ генварѣ. Теперь же честь имѣю донести вашему превосходительству, что письмо, князю Семену Михайловичу писанное, имѣлъ честь (сколько чести,—подивись) читать; приложенное письмо къ гр. Скавронской, живущей во дворцѣ, въ княжескихъ чертогахъ, отвезъ самъ, но она меня принять не могла и выслала капитана князя Волконскаго, отправляющаго должность, какъ видно, швейцара, который у меня письмо принялъ и извинился за нее, потому объявилъ, что ея сіятельство сама благодарить будетъ. Хотя я, по благородной гордости, и осердился было на нее, что она меня не допустила, но она такъ хороша, такъ говорятъ расположена къ добру, что я въ мысляхъ своихъ тотчасъ ее простилъ.

Примемъ теперь за обѣщанную пріятную вѣсть. Ты меня любишь, и любишь нелицемѣрно. И такъ долженъ тебѣ сообщить свое удовольствіе, которому виновникомъ никто кромѣ любезнаго и милостиваго моего Отца и Бога не почитаю. Вчера мнѣ данъ Санктпетербургскій гренадерскій полкъ. До вчерашняго дня меня терзали и говорили, что я въ Вологодскій написанъ и что въ самомъ дѣлѣ было для того, что и коллегія мнѣ было то предписала. До вчерашняго утра я былъ огорченъ до безконечности. Воображаю, что ты меня бранишь, что я мало имѣю твердости и прилѣпля-

года 1-го Января дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, былъ женатъ на Антонинѣ Войновиѣ Яворской.

юсъ къ суетамъ; не брани, любезный, признаюсъ виновать, да что дѣлать, честолюбіе глупое, что хуже меня полковники получили гранадерскіе полки, что я 8 мѣсяцевъ здѣсь жилъ бы по пустому и разоренный полкъ (*по.и.у.чилъ бы*). Разсуди, что и въ тотъ самый день, до того какъ мнѣ объявили о Петербургскомъ, генераль-маіоръ Энгельгардтъ ¹, у котораго Вологодскій въ бригадѣ, сказалъ мнѣ радость, что изъ него 500 человекъ взято, и даны на мѣсто ихъ самые скверные люди, 22 офицера, вся музыка, всѣ мастеровые и однимъ словомъ все хозяйство разорено. Радость моя была чрезмѣрна, и благодареніе Творцу такъ искренно, что я, отъ князя поѣхавъ, лишь сѣлъ въ карету и сталъ благодарить Бога, то слезы сами собою на глазахъ моихъ появились. Вышедъ отъ князя, первая встрѣча была бѣдная вдова, которой и отдалъ то, что могъ. Этимъ благодарность оказывать Богу научилъ меня покойный батюшка, который и въ завѣщаніи своемъ къ намъ объ томъ упомянулъ. Не должно бы объ ономъ говорить, но говоря съ тобой, говорю съ другимъ собой, и ты мнѣ то велѣлъ. Въ дополненіе моего удовольствія шефомъ у меня г. Иванъ Петровичъ Салтыковъ ², человекъ всѣми за честнаго признанный въ дивизіи у гр. Румянцова, котораго я, если можно сказать, боготворю. Еще полкъ стоитъ въ Орлѣ,

какъ говорятъ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, годъ простонть. Вотъ всѣ мои радости. Теперь только стало дѣло за деньгами, которыя надѣюсъ получить, при помощи Божіей, по милости дядошки, который самъ ѣздитъ, поручкой хочеть быть и трудится безъ мѣры. Остается просить Бога, чтобы поставилъ въ состояніе заплатить весь долгъ и остаться честнымъ человекомъ. А чтобы ты и среди радости вспоминалъ состояніе „человѣка“ рожденнаго на несчастіе за праотцевъ грѣхъ, скажу тебѣ несчастіе князя Семена З. Херхеулидзева, который у меня живеть: онъ потерялъ на войнѣ руку, какъ тебѣ извѣстно, имѣеть имя хорошаго и храбраго офицера, 15 лѣтъ служить въ подполковничьемъ чинѣ, провелъ два года въ Таманѣ, на пустомъ острову почти, съ своимъ баталіономъ, пріѣхалъ сюда просить. Его водили до послѣдняго дня, потомъ сказали, что ни деревень, ни чина ему дать нельзя. Онъ тотчасъ подалъ челобитную въ отставку, въ чаяніи войти въ гражданскую, и если можно въ банкъ, т. е. къ П. В. Завадовскому. Князь уѣхалъ, не сдѣлавъ резолюціи по челобитнѣ, и велѣлъ ему до 24 Ноября ждать, тогда-то отставятъ. Вотъ состояніе жалостное, которое всякаго тронуть можетъ. Не знаю, твердъ ли онъ въ вѣрѣ, но сносить довольно еще великодушно.

Теперь, на закуску, скажу любезному другу нѣсколько бранныхъ словъ за то, что твои письма коротки, что ты ничего не пишешь о твоихъ упражненіяхъ и о твоемъ житьѣ-бытьѣ. Милостивому моему графу мою искреннюю преданность скажи. Поздравляю тебя возвратясь въ Лондонъ. Возвратись-ка этакъ поскорѣй въ Россію! Хотя разлука съ такимъ безцѣннымъ другомъ, какой тебѣ графъ, и при-

¹ Левъ Николаевичъ Энгельгардтъ (род. 10 Февраля 1766 года, ум. 4 Полября 1836 года) оставивши любопытныя Записки, изданныя Русскимъ Архивомъ.

² Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ (род. 1730, ум. 14 Ноября 1805 года) въ это время былъ корпуснымъ генераломъ и Костромскимъ и Владимирскимъ генераль-губернаторомъ.

скорбна будетъ, да вѣдь обязанъ ты Отечеству своему и, по твоимъ строгимъ правиламъ, ты долженъ быть ему полезнымъ. Ты скажешь, что ты для этого-то и путешествуешь; да ужь пора, братъ, въ 4 года довольно научиться можно: прѣзжай. Если долгомъ я расплачусь, такъ мы и заживемъ весело, — кто малымъ доволенъ тотъ счастливъ, а я очень къ тому расположенъ, и деньги терять не охочь.

1787 годъ.

22.

Елецъ. 15 февраля 87 года.

Подлинно невѣсть, какъ давно я къ тебѣ не писалъ, любезный мой и безцѣнный другъ Василій Николаевичъ; да позволъ въ оправданіе сказать, что въ Москвѣ, проживъ сверхъ ожиданія моего два мѣсяца, искавъ денегъ, не съ чѣмъ было ѣхать; наконецъ сюда прѣхалъ, принялъ полкъ и не знаю, какъ справиться. Мой предмѣстникъ господинъ Вадковскій ¹, такъ запустилъ полкъ, что не знаю, какъ голова съ круга не сойдетъ. Чтò касается до ученя, то я объ этомъ не тужу—справимся какъ нибудь. Да вотъ главнѣйшее: по новому положенію въ полку 1500 челов. рекрутъ, которые ни въ чемъ не обмундированы, а по возвращеніи Государыни, можетъ быть, захотятъ насъ выставить на станцію ².

¹ Илья Федоровичъ Вадковскій пожалованъ генераль-маіоромъ 22 сентября 1786 года, въ службу поступилъ въ 1756 году. Въ исходѣ 1789 года онъ числился при соединенной арміи. (Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ, напечатанный въ исходѣ декабря 1789 года).

² Вѣроятно для встрѣчи Императрицы на опредѣленныхъ пунктахъ, при ея путешествіи въ Крымъ? Она выѣхала изъ Петербурга 2 января 1787 года и, пробывъ пять дней

Обозъ совсѣмъ не начатъ дѣлаться, а онъ страшно великъ. Ундеръ-офицеровъ нажаловано близъ половины полку; разжаловать совѣстно, а имѣть сверхъ комплекта ежечасно подтверждаютъ запрещенія. Полкъ совсѣмъ разграбилъ, т. е. лучшихъ людей побралъ въ деньщики, капельмейстера въ писаря къ себѣ (*взялъ*), сѣдельника въ сторожа, лучшаго писаря—въ деньщики къ адъютанту. Совсѣмъ тѣмъ я ему много добра сдѣлалъ, и вотъ какое: по замедленію моему въ Москвѣ велѣно было отъ него полкъ принять подполковнику, который съ нимъ въ ссорѣ, слѣдовательно онъ отъ него принималъ безъ снисхожденія или, лучше сказать, прижималъ; я засталъ конецъ сдачи, и по его жалобѣ велѣлъ тому уступить иное, за что онъ безъ мѣры меня благодарилъ.

Важнѣйшее зло въ полку, что солдаты не знаютъ ничему срока, ничто до него вовремя не доходитъ, или, лучше сказать, иное совсѣмъ. Ротные командиры избалованы и считаютъ роту за деревню, а солдаты, мужиковъ у которыхъ стоятъ, почитаютъ за оброчныхъ крестьянъ. Я одного солдата уже принужденъ былъ, въ страхъ другимъ, прогнать сквозь строй за то, что онъ мужика, при-

въ Царскомъ Селѣ, отправилась въ дальнѣйшій путь на Великіе Луки, Смоленскъ и пр. Въ Кіевъ она прибыла 29 января. Вѣроятно кн. П. Д. Циціановъ предвидѣлъ, что его полкъ могъ быть выставленъ на какомъ нибудь пунктѣ, для встрѣчи Императрицы при ея возвращеніи, и дѣйствительно мы видимъ, что его предположеніе сбылось, потому что при въѣздѣ Императрицы въ Орелъ 16 июня, ее встрѣтилъ, между другими частями войскъ, и баталіонъ Санктпетербурскаго гренадерскаго полка; но самаго князя, при оной встрѣчѣ Императрицы, не видно. (См. Журналъ высочайш. путеш. Импер. Екатерины II, въ полуденныя страны Россіи въ 1787 году).

нудя вести себя отсель въ роту, да еще на дорогѣ избилъ его, а самъ уѣхалъ. Мужикъ пришелъ прямо ко мнѣ, я ему обѣщалъ все отыскать, отыскалъ и велѣлъ ему быть при экзекуціи; послѣ позвавъ его спросилъ: „доволенъ ли онъ?“ Онъ бѣдный такъ этимъ былъ тронутъ, что говорить мнѣ, что онъ если бы это зналъ, то лучше-бъ у него лошадь пропала. Теперь суди: каковы здѣсь мужики и каковы мои гренадеры! Надѣясь на Бога, думаю, что и мужики и солдаты мною довольны будутъ. Я только и твержу офицерамъ, чтобы до солдатъ все доходило. Вообрази, что иные нѣсколько третей жалованья не получали, а я велѣлъ каждому въ руки раздать, и приставилъ майора, а то бывало отдадутъ ротному командиру, а онъ ихъ причтетъ къ своимъ деньгамъ. Только, пока не осную, много мнѣ будетъ хлопотъ, и много досады ожидаю.

Виновать, Васинька, что я тебя такъ занялъ своими полковыми дѣлами. Теперь скажи, любезный другъ, вѣрное давь извѣстіе, куда и какъ надписывать письмо? Ты весной хотѣлъ оставить Англію и ѣхать домой, возвращаясь чрезъ Парижъ, то чтобы не пропали мои письма; а тебѣ можно надписывать какъ хочешь, т. е. и въ Петербургъ и въ Елецъ, гдѣ я, по крайней мѣрѣ, до осени пробуду, для того что обозу всеѣмъ нѣтъ. Еще таки о полку: офицеры привыкли видѣть Вадковского, что онъ изъ горницы не выходитъ, дивятся моему донкишотству, которое я дѣлаю, безъ всякаго чувствованія безпокойства. Ыздилъ по всеѣмъ ротамъ осматривать, для того, что полкъ очень обширно стоитъ, а къ себѣ приводить, — это бы было имъ (т. е. ротамъ) мученье. И такъ, объѣзжая ихъ, около 500 верстъ сдѣлалъ въ одной кибиткѣ, въ

шляпѣ и мундирѣ безъ постели, а морозъ градусовъ 16 навѣрное былъ. Вчера ѣздилъ разводъ смотрѣть, который идетъ въ Орелъ, rendez-vous верстъ 60 отсель назначень, тамъ гдѣ роты на большую дорогу выйти должны были, и вчера же ввечеру возвратился въ той же точно формѣ.

23.

Елецъ. 3 марта 1787 года.

Письмо твое, любезный мой другъ Васинька, получилъ вчера изъ Петербурга, писанное отъ 5 (16) генваря, которое дважды меня плакать заставило, только отъ разныхъ и противныхъ причинъ. Одни слезы были отъ удовольствія, что ты меня такъ любишь, и что отъ большой любви ты заставляешь меня то сказать, чего бы я не могъ, еслибы ты не принудилъ такимъ чувствительнымъ средствомъ, сказавъ, что если я васъ люблю, то скажу, что долженъ, и возьму отъ него по 5-ти процентовъ. Другія слезы, оставившія слѣды того, такъ что весь день сегодня какъ къ смерти приговоренный хожу, отъ того, что ты перемѣнилъ свое намѣреніе и хочешь еще продолженія отпуска просить. Свидѣтель Богъ, что я отъ того въ отчаяніи. Я дни считалъ, а не мѣсяцы и, честью клянусь, восхищался, чая тебя скоро увидѣть и, просвѣщеніемъ твоимъ воспользовавшись, научиться еще больше познавать Творца, Котораго я сколько ни люблю, сколько ни почитаю, но можетъ быть еще мало, оттого что не умѣю оного чувствовать. Какое я себѣ удовольствіе обѣщалъ, воображая наши будущіе о существѣ Его и совершенствѣ разговоры! Ты знаешь, какое я воображеніе имѣю, а потому и суди, больно ли мнѣ слышать о твоемъ намѣреніи, столько

огорчительномъ для меня, сколько, если я могу сказать, по слабому и, можетъ быть, пристрастному разсужденію, и для тебя не вовсе полезномъ. Согласенъ я на то, что твои успѣхи въ гидравликѣ и механикѣ могутъ быть полезны твоему Отечеству; но возможно ли въ одинъ годъ еще, или положимъ въ два года, и при самомъ прилежнѣйшемъ стараніи, дойти до такой совершенной степени въ такой высокой и трудной части математики тому, который еще теперь проходитъ практическую геометрію? Пусть такъ, не спорю и увѣренъ, что твоего ума слишкомъ нежеле станеть. Да нужна ли ко всякой теоріи большая практика? И Государыня, сколько бы ни милостиво была расположена къ тебѣ, можетъ ли тому вѣрить, чтобъ ты, въ 4-ре года своего отсутствія, только успѣвъ дойти до геометріи, въ два года еще дошелъ до высокой науки? А при томъ не забылъ ли ты того, что здѣсь „сапожникъ шьетъ кафтанъ, а портной играетъ на скрипкѣ?“ Кто бы думалъ, что Самойловъ былъ воинъ и частью въ Херсонѣ командовалъ? Кто бы думалъ, что кн. Алексѣй Степановичъ Мещерскій *, который съ трудомъ имя свое подписываетъ, былъ сенаторъ? Да и много такихъ, которые умными слывутъ „заурядъ“, пока въ должности пребываютъ. Коли этого мало, скажу тебѣ лучшей примѣръ:

* Князь Алексѣй Степановичъ Мещерскій пожалованъ сенаторомъ 22 сентября 1786 года, а на службу поступилъ въ 1751 году. Онъ былъ сыномъ кн. Степана Ивановича, генералъ-маіора, и младшій братъ кн. Платона Степановича Мещерскаго, — военнаго губернатора Казани. Послѣдній пользовался особеннымъ расположеніемъ Императрицы, которая его называла „почтеннымъ старцемъ“. (Родосл. сборн. кн. Долгорукаго и Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ, напечатанный въ исходѣ декабря 1789 года.)

Корсаковъ *, маіоръ артиллеріи, который нѣсколько лѣтъ былъ въ инженерномъ корпусѣ славнѣйшимъ учителемъ математическаго класса, потомъ, по его въ той же наукѣ способности, посланъ былъ въ Англію, на государевомъ иждивеніи, учиться гидравликѣ,—заплачено 10.000 рублей,—выучился совершенно, пріѣхалъ, имѣя покровительницей своей кн. Дашкову, во всей своей силѣ бывшую, употребленъ былъ къ строенію Фонтанки; потомъ что-жъ изъ него вышло? Полковникъ пѣхотнаго полка и строитель Херсона! Къ крѣпостному строенію какая нужда въ гидравликѣ? Кромѣ развѣ когда она при рѣкѣ, то чтобъ рвы не слишкомъ ниже горизонта рѣчной воды были. Теперь увѣрь ты меня, пожалуйста, любезный мой, что гидравлика тебѣ много пользы сдѣлаеть. Дай Боже! Тебѣ въ моемъ усердіи сомнѣваться нельзя. Чтò же касается до земледѣлія, похваляю и похваляю не одинъ разъ, для того, что чрезъ то ты можешь быть полезенъ, открывъ со временемъ своимъ единоплеменцамъ то, чего они, можетъ быть, еще не знаютъ; чрезъ то можешь доставить отъ тебя зависящее крестьянамъ богатство и блаженство, чрезъ то обогатишь свои способности дѣлать добро людямъ достойнымъ, а не такимъ однакожъ каковъ я. Со всѣмъ тѣмъ ты, я

* Алексѣй Ивановичъ Корсаковъ, инженеръ, поступилъ на службу въ 1760 году. 14 апрѣля 1789 года пожалованъ подполковникомъ артиллерійскихъ полковъ, числился при Кадетскомъ Корпусѣ; затѣмъ встрѣчаемъ его уже полковникомъ артиллерійскаго корпуса. (Русск. Архивъ 1867 года, статья „Жизнь и дѣянія кн. Потемкина-Таврическаго“, соч. гр. А. Н. Самойлова, стр. 1206-я и 1224-я. Списокъ генералитету и штабъ-офицерамъ 1789 года и Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ въ государствахъ 1796 года.)

думаю, и то знаешь, что самое это хлѣбопашество требует большой практики. Удобриваніе земли, посѣвъ и жнитво рѣдко бываетъ сходное, по причинѣ разности въ климатѣ, и проч. Напримѣръ, во многихъ сочиненіяхъ рекомендуется удобривать землю голубинимъ навозомъ. Для чего же это?—Для того, что Англія и Франція малоземельны, и потому нужно имѣть, чтобы маленькій клочокъ земли произвелъ много хлѣба, безъ чего будутъ голодны. У насъ же, при такомъ изобиліи земли, оставя такое большое изживеніе, довольно и того на иныхъ земляхъ, чтобы два года послѣ нынѣшняго года засѣва (*земля*) отдыхала. И такъ, любезный мой, и эта наука сколько тебѣ ни полезна, но не нужно будетъ употребить на нее еще годъ или два. Прости меня, я за должность счелъ сказать, что я думаю; не спорю, можетъ быть, я не справедливо рассуждаю. Привыкши-жъ быть съ тобой искреннимъ, признаться долженъ, что я почитаю намѣренію твоему долге оставаться въ Англіи, главнѣйшею причиною,—дружбу твою съ графомъ Семеновъ Романовичемъ. Новѣрю и тому, что та же самая дружба и нашла прицѣпку справедливую остановить тебя. Чего дружба не можетъ вымыслить! Всему найдеть она причину и все можетъ оправдать. А мнѣ остается грустить, что долго не увижу того, котораго, право, больше себя люблю; Бога моего въ свидѣтели ставлю. Ахъ, еслибы ты, любезный мой, могъ чувствовать хотя сотую часть привязанности ко мнѣ, сколько я, то бѣ легко представить себѣ могъ мое огорченіе. Ты мнѣ часъ отъ часу милѣе. О Боже, какой несносный, подозрительный нравъ я имѣю! Мнѣ кажется, что ты сочтешь, что благодарность одна, за твои ко мнѣ услуги, причиной таковымъ изъ-

ясненіямъ. Нѣтъ, опять опомнился и увѣренъ, что ты мое расположеніе довольно знаешь. Слезы хотятъ идти отъ огорченія и не въ силахъ, клянусь честью, писать; позволь отдохнуть. Теперь-то я узналъ, что я тебя люблю и люблю какъ никого на свѣтѣ, могу смѣло сказать. Принимаюся за перо и не могу себя переувѣрить, что ты осенью не будешь въ Россіи, что я тебя не увижу такъ скоро, не обойму тебя, любезнаго своего и безцѣннаго друга. Однакожъ, чтобы тебѣ доказать, что я тебя больше себя люблю, говорю тебѣ чистосердечно, что если ты находишь свои въ томъ выгоды, и дружба ваша съ графомъ не первая къ тому причина, оставайся тамъ; я буду доволенъ и тѣмъ, что ты въ полномъ удовольствіи наслаждаешься дружбой такого благороднаго и почтеннаго человека, дѣлающаго тебѣ честь; опъ мнѣ любезенъ, потому что тебѣ другъ: не можетъ быть тотъ дурень, кто съ тобой связанъ дружбой. Пусть и себя я тутъ похвалилъ. Однако могу признаться, что твоя дружба мнѣ много пользы принесла и во многомъ исправила, благодаря Всевышняго.

О себѣ тебѣ скажу, что я въ преужасныхъ хлопотахъ и ежедневныхъ досадахъ отъ того, что полкъ избалованный трудно исправить. Мнѣ хочется ввести, чтобы всѣ были довольны, и солдатъ бѣдный, не имѣющій никакой перспективы, не былъ обиженъ хотя въ томъ что отъ Г-сударя на него положено. А у меня много такихъ молодцевъ, что грабятъ ихъ; перемѣнить же пскѣмъ, для того что офицеровъ мало. Вообрази себѣ, что я поймалъ одного, что изъ рубашечнаго холста у бѣднаго рекрута $\frac{1}{2}$ аршинъ увель, а и всего 12 арш. на двѣ рубашки отпускается. Нѣтъ, не въ силахъ болѣе о полку писать, такъ

они меня бѣсятъ (т. е. офицеры), что какъ вспомню, то уже досада меня мучаетъ. Дай Боже, чтобы скорѣе привести въ порядокъ, избѣжавъ строгости! На Его святую волю полагаюсь, и благонадеженъ.

Теперь еще новая мысль вошла мнѣ въ голову, просить тебя, чтобы ты тамъ женился, если отъ прежнихъ проказъ совсѣмъ избавился, чтобы мнѣ скорѣе видѣть твоихъ дѣтей. Ты не можешь вообразить, какъ это состояніе меня прельщаетъ, и признаю Божьимъ наказаніемъ за мое малое къ Нему почтеніе то, что, по болѣзненному состоянію, я лишень этого удовольствія и сладости жизни. Правда, что воспитаніе, болѣзни ихъ намъ много огорченія наводятъ; только сколько же и удовольствія видѣть самихъ себя, видѣть плодъ своего труда, снимать богатую жатву, своими руками посѣянную; и для того хвалю тѣхъ, которые женятся прежде 35 лѣтъ: они могутъ быть увѣрены, что ихъ дѣти, если Богъ соизволитъ, достигнутъ здраваго разсудка при ихъ жизни, что они не оставляютъ ихъ въ неспѣлыхъ лѣтахъ на жертву порочныхъ людей. Женись, братъ Василій, и привези мнѣ маленькаго Васильку, котораго бы я расцѣловалъ. Я не знаю, какъ тебя не прельщаетъ сынъ графскій*. Я воображаю, что ты имъ утѣ-

шаешься, какъ куколкой, а отцу-то какое должно быть удовольствіе! И такъ не совѣтую тебѣ возвращаться безъ жены, а то у насъ ссора выйдетъ.

24.

7 апрѣля 87 года. Елецъ.

Готовься слушать: извѣстно тебѣ сколько я слабъ; что же наконецъ я выдумалъ? Обѣщаль Богу воздержаться, и сказалъ самъ въ себѣ, что я оскорблю Его милосердіе, если не сдержу слова,—и теперь вотъ уже другой мѣсяць, что я побѣждаю. Въ добавокъ къ сему добру, я отъ этого чувствую благополучіе свое, видя, что имѣю къ Нему вѣру, и вѣру имѣющую надо мной силу. Я помню крѣпко Священнаго Писанія слова: „что побѣда надъ собою предъ Богомъ больше емленія городовъ“. Если не знаешь что такое „емленіе“, такъ я тебѣ скажу: это „взятіе городовъ“. Къ одному, любезный другъ, не могу себя принудить, чтобы по утру стоять на молитвѣ. Ложась, я всегда, какъ и прежде, на постелѣ молюсь и думаю, что оно не столь сильно, какъ добрыя дѣла. Опять Священное Писаніе меня на это поставило и утвердило. Апостоль гороритъ: „Не постомъ, не молитвою, но дѣлами добрыми да славятъ Бога“. Куда бы, братъ, мнѣ хотѣлось тебя видѣть здѣсь,—то-то бы поговорили объ этихъ вещахъ. Я бы почерпнулъ и занялъ бы отъ твоего знанія. Между тѣмъ, такъ какъ эта рѣчь о набожности не покончена, попрошу тебя объ одной книжкѣ, чтобы ты мнѣ ее прислалъ. Сестра княжна Наталья Михайловна ко мнѣ пишетъ, что она читаетъ съ восхищеніемъ Французскую книжку, и хотѣла бы ко мнѣ прислать, да очень рѣдка, и не продаютъ, а она ужъ у кого-то взяла, и то второй томъ.

* Здѣсь говорится о князѣ Михаилѣ Семеновичѣ Воронцовѣ (род. 18 мая 1781 года, умеръ 7 ноября 1856), впоследствии фельдмаршалъ. Онъ воспитывался при своемъ родителѣ гр. Семенѣ Романовичѣ въ Англій. Достойно, замѣчанія что кн. Михаилъ Семеновичъ, которымъ издали любуется авторъ писемъ, получилъ первые уроки военнаго дѣла (подъ Ганжей 2 декабря 1803 года) подъ начальствомъ и руководствомъ князя Павла Дмитриевича Цицианова. (Биографія кн. М. С. Воронцова, сочиненіе М. П. Щербинина).

Книжки титло: „La vérité de la religion Chrétienne“, писана par Abbadie *.

1788 годъ.

25.

3 генваря 88 года. Брацлавскаго воеводства, мѣстечко Межаковъ.

4 сентября выступилъ я съ полкомъ изъ Ельца, тогда когда у меня третьей части обоза и 280 лошадей недоставало, по милости Каменскаго, который меня все лѣто, для какихъ-то маневровъ, съ двумя баталіонами держалъ въ Орлѣ. Маневровъ не было, и роты все хозяйство разстроили. Хотя графъ Петръ Александровичъ за то и носъ прислалъ, но пособить нечѣмъ было, какъ положиться на волю Бога моего, милующаго меня не по дѣламъ моимъ и прегрѣшеніямъ. Занялъ, перевернулся, какъ бѣшенный день и ночь не спалъ, и въ 10 дней, съ объявленія повелѣнія, какъ приказано было, выступилъ. 13 октября пришелъ подъ Кіевъ, гдѣ до генваря, съ великимъ безпокойствомъ, простоялъ и нѣсколько обозу сдѣлалъ, котораго знатная часть прибавилась для подвижнаго магазина, возложеннаго на наше попеченіе. 8 ноября пошелъ, въ прескверную осень, сюда, и 26 тогожъ мѣсяца пришелъ сюда. Перевертываюсь, исправляюсь и дрожу, какъ прежде весны походъ скажутъ. Отъ границы Турецкой мы не болѣе какъ въ 15 миляхъ, т. е. 180 верстъ. Турки насъ боятся, говорятъ, даже и имени нашего. Дай Боже, чтобъ это было истинная правда!

* Аббади (Abbadie Jacques) род. въ Беарнѣ въ 1657 году, ум. въ 1727, въ Лондонѣ. Знаменитый протестанскій богословъ и обильный теологическій писатель. Изъ его сочиненій, болѣе другихъ пользуются извѣстностію: „La vérité de la religion Chrétienne“, „De la divinité de Jesus Christ“ и „L'art de se connaître soi-même“.

Графъ Иванъ Петровичъ, мой шефъ, съ самаго Кіева уже со мной и мой корпусный командиръ, обходитесь весьма милостиво и не похожъ на другихъ шефовъ, слегка даетъ наставленія и свои мысли, однако весьма доброй манерой. Все это вмѣстѣ заставляетъ меня думать, что Всевышній, по милосердію Своему, не смотря на беззаконія мои, печется обо мнѣ. Чтобъ было, еслибы съ моей чувствительностію, тебѣ извѣстною, имѣлъ шефомъ Каменскаго или Суворова, у которыхъ полковники ихъ вмѣсто капраловъ? Еще еслибъ не явное милосердіе Его и Промыслъ вспомоществовалъ невидимо, какъ бы я могъ исправиться, тогда когда все знавшіе положеніе моего, вновь формируемаго, полка, не хотѣли вѣрить, что я изъ Ельца выступилъ, и ждали, что я отзовуся, имѣя достаточныя причины, такъ какъ самъ Каменскій то было сдѣлалъ, но его не послушали, и велѣли его полку идти! Вотъ, любезный, какъ въ Россіи „шило брѣшетъ“ по старой и весьма справедливой пословицѣ.

Сказавъ много о себѣ, скажу тебѣ о своемъ товарицѣ, тебѣ знакомомъ, князь Дашковъ *, который велѣлъ тебѣ кланяться. Онъ со мной въ одномъ корпусѣ, т. е. у графа Ивана Петро-

* Князь Павелъ Михайловичъ Дашковъ (род. 1761, ум. въ 1807 году) состоялъ командиромъ Сибирскаго гренадерскаго полка. Женился безъ согласія своей матери кн. Екатерины Романовны Дашковой на дѣвицѣ Алферовой, что произвело между нимъ и матерью его неудовольствіе и заставило князя на долгое время поселиться въ Кіевѣ, вдали отъ двора и своихъ близкихъ родственниковъ. Впослѣдствіи онъ былъ генералъ-майоромъ и Московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. (О немъ смотри Записки Храповицкаго, Записки Ф. Ф. Вигеля т. I, стр. 59-я и Записки Современника: Дневникъ студента).

вича, гдѣ часто видимся, имѣя 10 верстъ квартиру свою отъ главной квартиры. Онъ много добрыхъ свойствъ, кажется, имѣеть, а также отъ молодости много и дурнаго, вездѣ на него жалуются, и полкъ прежній его (онъ теперь въ Сибирскомъ гренадерскомъ) Днѣпровскій. Да таки такъ занятъ своимъ зачатіемъ, что настоящая горячка, и кажется со всякимъ готовъ до сабли.

Ты во Франціи, слѣдовательно прошу не забыть о моемъ широкомъ носѣ, по обѣщанію своему. Если добрый табакъ тамъ дешевле, такъ здѣсь или въ Россіи совсѣмъ онъ рѣдокъ.

О себѣ сказать нечего, кромѣ удара, которымъ я въ ужасную тоску поверженъ*; не знаю чтѣ дѣлать, не знаю право, чтѣ и пишу. Посылаю теперь въ Крымъ офицера съ письмомъ и ожидаю, что на мою шею покрайней мѣрѣ тысячи три навалится. Однако графъ Ив. Петровичъ Салтыковъ сдѣлаетъ, уповаю, милость, по отмѣнному своему доброму ко мнѣ расположенію, что напишетъ къ кн. Потемкину о покойномъ и о призрѣннѣи оставшихъ письмо.—Графъ же Петръ Александр. Румянцевъ, нашъ предводитель, теперь, когда надобно выходить въ кампанію, дѣлаетъ реформу во всей арміи, и наши полки, т. е. гренадерскіе, изъ 4000 обращаетъ въ прежніе, то есть въ 1700 человекъ, не смотри, что полкамъ много стоитъ приведеніе обоза и всего въ гренадерское положеніе. Мнѣ первому и бѣдному, если не больше, такъ не меньше 2000 рублей стало, и сколько спѣшилъ, сколько мучилъ (*въпрямую мучился*), теперь весь трудъ втунѣ. Вотъ служба наша на чемъ основана:—два на-

чальника не въ согласіи, а нижніе должны страдать, или быть безстыдными ворами. *

(Нельзя не пожалѣть, что съ предыдущаго письма начинается весьма продолжительный перерывъ въ письмахъ князя. Мы не можемъ допустить, чтобы, въ теченіе 17 лѣтъ, В. Н. Зиновьевъ и кн. П. Дмитриевичъ Циціановъ не переписывались. По всей вѣроятности, письма этого 17 лѣтняго пробѣла или затерялись вовсе, или находятся въ другомъ мѣстѣ. Н. Б.).

26.

1805 годъ.

1805 года, 29 января. Тифлисъ.

Я получилъ отъ тебя 21 ноября письмо, когда я былъ въ Оссетинскихъ горахъ съ отрядомъ, и вель тамъ цѣлый мѣсяць войну, по необыкновенію нашего войска къ сего рода войнѣ; но Богъ милосердный, безъ заслугъ моихъ, и тутъ мнѣ показалъ Свою благость и помогъ поселить страхъ въ сихъ народахъ, разорявшихъ нѣсколько вѣковъ Карталинію, помогъ пройти къ такимъ лѣсамъ, что, назадъ шедши, самъ себѣ не вѣрилъ и безъ Его святой помощи никогда бы пройти не могъ.

Я прошедшую простудную горячку выдержалъ въ первой деревнѣ, выхавъ изъ горъ, которая меня поугала было. Кашель сухой, грудь какъ чирій, бокъ болѣлъ смертельно; не смотря, что на 8 день былъ переломъ горячки потомъ; но теперь, слава Богу, все прошло. Я боюсь, что въ болѣзнь мою отправивъ фелдъегера и описавъ мою, болѣзнь, по словамъ лекаря: „горячка, съ воспаленіемъ въ лекихъ“, не напугалъ бы Государа болѣзнію,

* Кончина брата.

который весьма милостивъ ко мнѣ, и общаетъ отсель меня взять къ себѣ. Со всѣмъ тѣмъ я писалъ, что какъ бы я ни боленъ былъ, мнѣ должно остаться здѣсь на нѣкоторое время, по тому уваженію, которое Богъ помогъ мнѣ приобрести отъ сосѣдей, и Бабаханъ, по разнесемому слуху, что я умеръ, въ Тегеранѣ стрѣлялъ вѣкторію, и 3 дни былъ иллюминированъ городъ, и объявлено было народу о моей смерти. О семъ извѣстїи, и письменно, и словесно, увѣдомляютъ отовсюду. И такъ надобно посмотрѣть, что весна откроетъ.

Посылаю милой и почтенной Устинѣ Ѳедоровнѣ ¹ шаль весьма рѣдкую по цвѣту, о чемъ и ей писать буду; а тебя прошу желтый шалевый платокъ отдать отъ меня милой моей Наташѣ ², о которой, такъ какъ о Ванюшѣ и о другихъ дѣтяхъ, пожалуй удостой мнѣ подробно написать: ты знаешь, какъ я къ нимъ привязанъ. Напиши также, какъ вы живете и гдѣ? Письмо твое, писанное съ Агарьевымъ, и послѣ иное, писанное чрезъ Сперанскаго ³, до меня не дошло, а изъ Москвы твое и Устинѣ Ѳедоровны, по прекратившейся коммуникаціи съ линіей, поздно очень дошло. Сего лѣта, отъ глупости Волконскаго и хитрости Бабахана, здѣсь весьма большое замѣшательство было,

¹ Устинья Ѳедоровна Зиновьева, рожденная Брейткопфъ, вторая супруга Вас. Николаевича Зиновьева.

² Наталья Васильевна Зиновьева, дочь Василія Николаевича, отъ перваго брака съ Варварою Михайловной Дубянской. Она впоследствии вышла за мужъ за Шулепникова.

³ Объ этихъ обстоятельствахъ упоминается въ письмѣ гр. С. П. Румянцова къ Новосильцеву, отъ 27 Ноября 1804 года (Вѣстникъ Европы 1870 года кн. 4. Приложенія къ

и явное покровительство Божіе спасло и выручило изъ бѣды. Со вступленіемъ моимъ въ Грузію все утихло и вошло въ порядокъ. Прости; почта нынѣшняя цѣлыхъ двѣ дести репортовъ и ордеровъ отъ меня везетъ, и такъ нѣтъ силъ писать. Я твой другъ и слуга, прося Бога о тебѣ и о твоёмъ домѣ.

27.

16 октября 1805 г. Елисаветполь.

За какими причинами я такъ долго къ тебѣ, Васинька, не пишу? Для того, что писалъ къ Устинѣ Ѳедоровнѣ. Ей далъ твои, т. е. мужскія комиссіи, а тебѣ женскія. Купи Англійскаго шелку въ палочкахъ, хотя пять, разнаго цвѣта; увѣдомь, почему ихъ продаютъ. Здѣсь все живутъ четвероногіе, — невѣжество превеликое. Хотя просвѣщеніе не нужно для Бога, но они Его не знаютъ, поступая противъ Его заповѣдей и святой воли. Я безмѣрно радъ твоему согласному и страстному житію съ Устиньей Ѳедоровной; видно, Богъ заслуги твои призналъ и здѣшнее путешествіе хотѣлъ сдѣлать тебѣ пріятнѣе другихъ. Шелкъ въ палочкахъ, сученый, я хочу здѣшнихъ научить. Напиши, пьетъ ли Устинья Ѳедоровна въ тамбурѣ, или по канвѣ, я ей пришлю шелку; здѣшній славится красками, а ты мнѣ пришли табаку: я мучаюсь по жестянкамъ; съ собою привезеннаго мнѣ стало на цѣлый годъ. Помолись, чтобы я цѣлъ выѣхалъ или живъ. Я выведу тебѣ славную лошадь, подъ именемъ „Зейдъ-ханъ“, росту большаго, ѣзды прекрасной, и тебѣ по завѣщанію на-

стать А. Н. Пыпина: „Очерки общественнаго движенія при Александрѣ 1,“ стр. 721).

значена, хотя бы я здѣсь умеръ или убитъ былъ (*). Я считаю тебя ѣздомъ и охотникомъ, а она моя любимая лошадь, и я всегда на ней въ сраженіяхъ бывалъ. Вотъ все о моихъ дѣлахъ сего лѣта или кампаніи въ Карабагъ; я думаю чрезъ газеты извѣщенъ. Остается мнѣ увѣрить, что я весь твой по гробъ и далѣе.

Что будешь посылать, пожалуй не чрезъ Сперанскаго, который за то, что я не принялъ имъ покровительствуемаго вора, на меня дуется. Богъ съ нимъ.

Желаю

Я: да будетъ Богъ съ тобою.
Слѣди въ Его святую волю;
Такъ Онъ устроитъ твою долю,
Обогатитъ твой домъ
Во всемъ.

П И С Ь М А

графа Семена Романовича Воронцова къ графу Ѳ. В. Растопчину *).

Биографическая замѣтка о графѣ Воронцовѣ.

Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ, младшій братъ государственнаго канцлера графа Александра, родился 15 Юня 1744 года. Онъ былъ воспитанъ въ домѣ своего отца, сдѣланъ пажемъ въ 1753 г., камеръ-пажемъ въ 1760 г.; произведенъ въ поручики л.-гв. Преображенскаго полка въ 1762 г., въ маіоры въ 1764 г., въ подполковники въ 1767 году. Во время Турецкой кампаніи онъ командовалъ первымъ гренадерскимъ полкомъ и за блестящія заслуги во многихъ сраженіяхъ удостоенъ военнаго ордена Св. Георгія 3-й степени. Въ 1774 г. онъ произведенъ въ бригадиры, въ 1776 г. въ генераль-маіоры, въ 1783 г. въ генераль-лейтенанты; а при восшествіи на престолъ императора Павла назначенъ генераломъ отъ инфантеріи и въ коронацію получилъ орденъ Св. Андрея

* Писанные на Французскомъ языкѣ подлинники этихъ писемъ получены нами отъ графа Андрея Ѳедоровича Растопчина. Отвѣты сего послѣдняго также сохранились и войдутъ со временемъ въ одну изъ книгъ „Архива Князя Воронцова.“ Для оцѣнки этихъ писемъ не мѣшаетъ припомнить, что графъ Семенъ Романовичъ былъ почти на двадцать лѣтъ старше графа Растопчина. Они сблизились въ Англии во время путешествій сего послѣдняго. При Павлѣ, въ управленіе Иностранною Коллегіею, графу Растопчину пришлось быть начальникомъ своего друга. Примѣчанія, не обозначенныя буквами П. Б., принадлежатъ графу Андрею Ѳедоровичу, издавшему эти письма въ числѣ другихъ бумагъ отца своего въ Брюсселѣ на Французскомъ языкѣ въ 1864 году, но лишь въ 12 экземплярахъ.
П. Б.

* Предчувствіе это сбылось черезъ мѣсяцъ, а именно 8 Февраля 1806 года кн. Павелъ Дмитриевичъ былъ измѣнически убитъ у воротъ Баку. Прахъ его изъ Армянской церкви въ Баку перенесенъ, по волѣ государя, маркизомъ Паулуччи въ Тифлисъ, и въ Декабрѣ 1811 года похороненъ въ Сионскомъ соборѣ, возобновленномъ кн. Цициновымъ, гдѣ и воздвигнутъ ему памятникъ.

Первозваннаго. Въ 1782 году, князь Потемкинъ, который не былъ къ нему расположенъ, отправилъ его въ Италию, гдѣ онъ вскорѣ былъ назначенъ министромъ въ Венецію и оттуда въ томъ же званіи былъ переведенъ въ Лондонъ, а въ 1796 году тамъ же назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ. Въ 1800 году императоръ Павелъ предлагалъ ему почетное званіе государственнаго канцлера; но онъ отъ него отказался, чѣмъ и навлекъ на себя негодованіе Государя, который отозвалъ его отъ занимаемой имъ должности посланника и приказалъ конфисковать все его имущество. Императоръ Александръ, немедленно по воцареніи, отмѣнилъ крутую мѣру своего родителя и вновь назначилъ графа Семена Романовича на должность посланника въ Лондонъ, каковую онъ и занималъ до 1806 года, когда подалъ въ отставку и уволенъ. За исключеніемъ поѣздки въ Россію въ 1802 году и двухъ кратковременныхъ посѣщеній Франціи, графъ Воронцовъ постоянно проживалъ въ Англіи, гдѣ и умеръ въ Іюнь 1832 года, 88-ти лѣтъ отъ роду.

Графъ Семень Романовичъ былъ одаренъ отлично просвѣщеннымъ умомъ и постоянно отличался прямою характеромъ и откровенностью. Онъ находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Питтомъ и лордомъ Гранвиллемъ и пользовался въ Англіи всеобщимъ уваженіемъ; когда, послѣ его увольненія при императорѣ Павлѣ, было наложено запрещеніе на всѣ его имѣнія въ Россіи, ему были дѣлаемы всякаго рода дружескія предложенія со стороны многихъ знатнѣйшихъ Англійскихъ вельможъ.

Въ частномъ быту графъ Семень Романовичъ отличался живостью ума, привѣтливостью и такимъ обаятельнымъ добродушіемъ, что послѣ первой

встрѣчи съ нимъ всякій исполнялся къ нему чувствомъ любви и высокаго почтенія. Красивою головою, украшенною густыми, свѣжыми кудрями, высокимъ стройнымъ ростомъ, онъ являлъ собою образецъ прекраснаго старца. Пребываніе за границею не мѣшало его преданности и пламенной любви къ Отечеству. Онъ былъ рѣдкимъ другомъ и сохранилъ до послѣднихъ дней жизни замѣчательную нѣжность чувствъ и необыкновенную сердечную теплоту, что подтверждается нижеслѣдующими письмами. Пользоваться уваженіемъ такого чловѣка, какъ графъ Семень Романовичъ Воронцовъ, было въ высшей степени лестно. *Графъ А. Растропчинъ.*

Здѣсь кстати привести слѣдующую выписку изъ одной старинной Французской книжки, сочиненія нѣкоего Дюшилла (Duchillou), присланную намъ изъ Англіи А. О. Смирновою.

«У господина Маккензи въ Петерсгофѣ собиралось лучшее общество и нѣсколько весьма достойныхъ иностранныхъ министровъ; между ними былъ графъ Воронцовъ, Русскій посланникъ и впоследствии посоль при Лондонскомъ дворѣ. Они познакомились въ Неаполѣ и съ радостью встрѣтились снова въ Лондонѣ и Петерсгофѣ. Маккензи любилъ графа Воронцова, какъ сына и всегда былъ счастливъ, когда его видѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, я не знавалъ чловѣка, который бы имѣлъ столько пріятныхъ и блестящихъ достоинствъ. Съ привлекательною, благородною наружностью графъ Воронцовъ соединялъ благосклонный и предупредительный видъ, горячее сердце, возвышенный умъ и прекрасную, добродѣтельную душу. Онъ былъ вѣренъ въ дружбѣ, услужливъ и правдивъ. Чувства его были

деликатны, соображеніе быстро и скромность необыкновенна. Я приведу въ примѣръ этой послѣдней добродѣтели случай, сильно меня поразившій. Графъ рано поступилъ въ военную службу и въ 18 лѣтъ командовалъ ротой гренадеровъ въ гвардіи императора Петра III. Утромъ того дня, въ который Екатерина взошла на престолъ Россіи, Воронцовъ, узнавъ, что происходитъ, спѣшилъ къ войску, уговариваетъ его не измѣнять вѣрности, должной Государю, ведетъ его за собою; но вскорѣ оставленъ всѣми. Онъ чувствуетъ, что его схватили сзади, ранить шпагою того, кто его задерживалъ; но онъ окруженъ и посаженъ подъ стражу. Это былъ единственный ударъ шпаги въ тотъ день. Графа освободили черезъ восемь дней. Онъ нѣсколько лѣтъ путешествовалъ, а когда въ 1770 году была объявлена война съ Турціей, снова призванъ въ Россію и отличился неустранимымъ мужествомъ. Я обѣдалъ съ нимъ однажды у герцога Нортумберландскаго. Генералъ Клинтонъ, бывшій волонтеромъ въ Русской арміи, находился тутъ же. Послѣ обѣда говорили о знаменитыхъ походахъ этой войны, особенно о битвѣ при Кагулѣ, 1-го Августа 1770 г. Я спросилъ графа Воронцова, былъ ли онъ въ этомъ дѣлѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ очень просто, что былъ. Выходя изъ-за стола, генералъ Клинтонъ сказалъ мнѣ: «Знаете ли вы, какъ онъ тамъ былъ? Участъ сраженія рѣшена имъ. Войско Русское состояло всего изъ 18.000, Турки имѣли 150.000 человекъ. Графъ Воронцовъ, во главѣ двухъ баталіоновъ, нападаетъ на непріятелей, съ неустранимымъ мужествомъ врубается въ ихъ ряды, обращаетъ ихъ въ бѣгство; остальные полки слѣдуютъ за нимъ и

одерживаютъ полную побѣду. Вотъ какъ онъ тамъ былъ». Графъ, оставшись вдовою съ двумя дѣтьми, занялся воспитаніемъ ихъ, съ такимъ стараніемъ и постоянствомъ, что имѣлъ счастье рано воспользоваться плодами своихъ нѣжныхъ попеченій. Какъ только сыну его исполнилось 20 лѣтъ, онъ послалъ его въ Россію. Молодой Воронцовъ былъ назначенъ камергеромъ; но, желая служить въ военной службѣ, поступилъ въ гвардію, постарался приобрести познанія необходимыя въ его званіи и держалъ себя такъ хорошо, что, 22 л. отъ роду, велъ съ успѣхомъ войну въ Персіи, гдѣ исправлялъ должность дежурнаго штаб-офицера подъ начальствомъ князя Цицианова, который называлъ его своею правою рукою».

1.

Лондонъ, 1 Іюня н. ст. 1798 г.

Грейгъ вручилъ мнѣ Ваше письмо, любезный Федоръ Васильевичъ; я позабочусь объ этомъ молодомъ человекѣ. Ваше увольненіе ¹ меня глубоко огорчаетъ, и я скорблю въ этомъ случаѣ несравненно болѣе объ Императорѣ и государствѣ, чѣмъ о васъ самихъ. Они лишатся слуги вѣрнаго, дѣятельнаго и съ высокими дарованіями, — слуги незамѣнимаго. Что-же до васъ касается, то съ вашимъ взглядомъ на вещи, съ вашею возвышенною душею и съ такою чистою совѣстью какъ ваша, вы будете счастливы всюду. Пользуясь счастіемъ быть въ супружествѣ съ

¹ Вслѣдствіе разногласія съ императоромъ Павломъ, отецъ мой отказался отъ всѣхъ своихъ должностей и уѣхалъ въ Москву; но онъ не пробылъ тамъ болѣе трехъ дней, какъ явился курьеръ отъ имени Государя и вызвалъ его вновь на службу.

существомъ, обладающимъ ангельскимъ характеромъ и преданные дѣлу воспитанія своихъ дѣтей, вы предпочтете пребываніе въ деревнѣ городскимъ и придворнымъ заботамъ. Надѣюсь, что во время вашего пребыванія въ зимніе мѣсяцы въ Москвѣ, мой братъ ² будетъ часто пользоваться вашимъ обществомъ. Вы созданы другъ для друга и чѣмъ ближе вы сойдетесь, тѣмъ болѣе полюбите одинъ другаго.

Мнѣ также особенно отрадно остановиться на вашей предполагаемой поѣздкѣ за границу ³, и ваше пребываніе въ Англии представляется мнѣ въ числѣ наиприятнѣйшихъ эпохъ въ моей жизни. Я увижусь съ старымъ другомъ, съ человѣкомъ, которому я многимъ обязанъ ⁴ и къ которому питаю чувства глубочайшей привязанности, уваженія и признательности. Вѣрьте, мой добрый другъ, что я сохраняю къ вамъ чувство искренней благодарности, и память о томъ, чѣмъ я вамъ обязанъ, никогда не изгладится изъ моего сердца. Прошу васъ сообщить мнѣ о вашемъ житіи-бытій, подробно описать мнѣ мѣстность вашего имѣнія, вашъ домъ и вашъ предполагаемый образъ жизни. Не считывая на то, чтобы это письмо застало васъ въ Петербургѣ и не зная вашего адреса, я прошу моего стараго друга, — Анну Степановну (Протасову) вамъ его доставить. Прошу васъ поцѣловать за

² Сличи нѣсколько позднѣйшіе отзывы о немъ гр. Растопчина въ письмахъ его къ кн. Циціанову во 2-й кн. XIX Вѣка.

П. Б.

³ Эта поѣздка не состоялась.

⁴ Сколько намъ извѣстно, гр. Растопчинъ, по своей близости къ императору Павлу, въ самые первые дни его царствованія, успѣлъ остановить Государя въ его намѣреніи выехать гр. Воронцова изъ Англии и водворить при себѣ въ Петербургѣ, къ чему гр. Семенъ Романовичъ не былъ способенъ. *П. Б.*

меня ручку любезнѣйшей супруги вашей и расцѣловать отъ моего имени вашихъ дѣтей; обнимаю васъ мысленно отъ всей души.

2.

Лондонъ 14 (25) Мая 1799 г.

Ваше письмо, начатое 18 и оконченное 19 Апрѣля, получено мною третьяго дня, и оно произвело въ высшей степени успокоительное дѣйствіе на человѣка, испытывающаго жестокаго, жгучія страданія. Вы мнѣ жизнь возвратили, мой добрый другъ. Я уже писалъ вамъ, что если вамъ удастся спасти меня, то я воздвигну вамъ алтарь, какъ спасителю моему. Онъ уже сооруженъ въ моемъ сердцѣ; но я намѣренъ выстроить храмъ въ одномъ изъ моихъ имѣній, гдѣ я вѣроятно окончу свои дни, когда мое здоровье еще болѣе разстроится, чѣмъ въ настоящую минуту. Этотъ храмъ будетъ посвященъ дружбѣ и благодарности, и въ числѣ лицъ, которыя внушили мнѣ эти чувства, вашъ образъ займетъ почетное мѣсто.

Хотя я еще не получилъ письма отъ Государя, вами мнѣ возвѣщеннаго; но, зная отъ васъ о его содержаніи, считаю дѣло рѣшеннымъ, слѣдовательно мое счастье упроченнымъ, и этимъ я вамъ обязанъ мой добрый другъ. Это сознание усиливаетъ мое счастье, потому что оно удваивается, когда имъ обязанъ другу.

Я уже пишу вамъ другое письмо; оно будетъ очень длинно и будетъ отправлено отсюда черезъ три дня съ Португальскимъ курьеромъ, который изъ Лиссабона поѣдетъ въ Петербургъ. До тѣхъ поръ обнимаю васъ отъ глубины души ¹.

¹ Не смотря на всѣ мои поиски въ бумагахъ моего отца и на разспросы у моей ма-

3.

Сугамитонъ, 26 Февраля (10 Марта) 1801 г.

Это письмо, любезный графъ, вручить вамъ мой племянникъ г. Жеребцовъ; поручаю его вашему благосклонному вниманію и покровительству. Въ теченіи трехъ лѣтъ, въ которые онъ состоялъ при этомъ нынѣ угасшемъ

тери, я никогда не могъ дознаться, въ чемъ именно заключалась эта услуга, которую отецъ оказалъ графу Воронцову; но она по видимому была немаловажная, судя по благодарности, которую онъ ему непрестанно высказывалъ. По нѣкоторымъ даннымъ я предполагаю, что императоръ Павелъ сильно прогнѣвался на графа Семена Романовича за какую-то ногу, представленную имъ Англіискому кабинету и что мой отецъ успѣлъ отклонить гнѣвъ Государя.

Я нахожу умістнымъ помѣстить здѣсь одинъ анекдотъ, который характеризуетъ отношенія моего отца къ императору Павлу и, дѣлая честь подданному, въ тоже время свидѣтельствуетъ о величій души Монарха. Однажды, на парадѣ, Государь нашель, что сукно на солдатскихъ мундирахъ нигде не годно, вернулся въ страшномъ гнѣвѣ во дворецъ, послалъ за своимъ отцемъ и приказалъ ему немедленно въ его присутствіи написать графу Воронцову, чтобы онъ созвалъ Англіискихъ фабрикантовъ и предложилъ имъ годовую поставку сукна на всю Русскую армію. Отецъ возразилъ ему, что подобное распоряженіе равняется закрытію всѣхъ нашихъ фабрикъ, что оно послужило бы къ разоренію всѣхъ нашихъ фабрикантовъ и пр. и пр.; но такъ какъ его возраженія еще болѣе раздражали Государя, то онъ долженъ былъ въ эту минуту покориться и написалъ письмо, которое Императоръ прочелъ, подписалъ и приказалъ запечатать. Но отецъ, выполняя послѣднее приказаніе, успѣлъ прибавить въ письмѣ подъ подписью Государя: „не виновняйте этого повелѣнія, потому что онъ не въ своемъ умѣ!“ Императоръ, который въ это время ходилъ по комнатѣ, примѣтилъ, что мой отецъ снова взялся за перо.— „Мнѣ „сдается, милостивый государь,“ сказалъ онъ, „что вы осмѣлились что-то прибавить къ моему приказанію.“— „Это правда, отвѣчалъ отецъ“ и подалъ ему письмо. Императоръ прочелъ, поблѣднѣлъ, началъ опять ходить

посольствѣ¹, онъ постоянно держалъ себя съ достоинствомъ и какъ истинному дворянину подобаешь. Онъ очень несчастливъ по службѣ, числится до сихъ поръ только переводчикомъ, и онъ всегда служилъ безъ жалованья на свои собственные средства, не смотря на то, что онъ скорѣе бѣденъ, чѣмъ богатъ. При всемъ томъ онъ желаетъ быть употребляемъ по заграничной службѣ и если бы вы могли при случаѣ доставить ему повышеніе и должность при нашихъ министрахъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ или Неаполѣ съ соотвѣтствующимъ его чину содержаниемъ, вы сдѣлали бы доброе дѣло для него и явили бы новое доказательство вашей дружбы ко мнѣ.

Повидимому, я вправѣ былъ бы ожидать, что мнѣ будетъ дозволено оставаться въ этомъ скромномъ мѣстечкѣ, въ совершенномъ уединеніи, въ 80 миляхъ разстоянія отъ Лондона, и посвятить себя исключительно заботамъ о слабомъ здоровьи моей дочери². Да примется во вниманіе, что больнымъ не отказываютъ въ возможности поддерживать свое существованіе и что король Испанскій разрѣшаетъ командующему его флотомъ Мендозѣ не только оставаться со времени войны въ этой странѣ, но даже въ самомъ Лондонѣ съ сохраненіемъ своего званія, содержанія, аренды и окладовъ.

взадъ и впередъ и затѣмъ, спустя нѣсколько мгновеній, бросилъ письмо въ каминъ и сказалъ моему отцу, обвиняя его: — „Спасибо тебѣ, ты правъ; молю Бога, чтобы всѣ мои слуги могли походить на тебя!“

¹ Вслѣдствіе мира заключеннаго императоромъ Павломъ съ первымъ консуломъ, наши дипломатическія сношенія съ Англіею были прерваны, и посланники съ обѣихъ сторонъ отозваны.

² Эта единственная дочь графа Воронцова вышла за мужъ за лорда Пемброка.

Но я знаю, что по вашему мнѣнію я долженъ отсюда уѣхать, и я это исполню; мнѣ только невозможно совершить этого ранѣе Мая мѣсяца, потому что моя бѣдная дочь не была бы въ состояніи перенести морскую бурю. Я не рѣшаюсь подвергать ее этому и вынужденъ ожидать, чтобы прошла та бурная пора, которая обыкновенно предшествуетъ на морѣ весеннему равноденствію. Я готовъ принести всѣ жертвы, лично до меня касающіяся; но я никогда не позволю себѣ подвергать опасности мою дочь. Правда, что лишеніе морскихъ ваннъ будетъ для нея весьма пагубно; но по крайней мѣрѣ перемѣна климата, образа жизни и способа леченія совершится для нея въ благопріятное время года. Я отправлюсь черезъ Кале въ Пирмонтъ и, если къ осени отношенія между Россією и Англією исправятся, то я буду рассчитывать на васъ, чтобы исходатайствовать мнѣ дозволеніе вернуться сюда, такъ какъ жизнь моей милой Катеньки зависитъ отъ здѣшнихъ цѣлебныхъ средствъ. При этомъ случаѣ я долженъ вамъ сказать, что изъ числа множества услугъ, вами мнѣ оказанныхъ, высшая заключается въ томъ, что я вамъ обязанъ жизнью этого дорогаго ребенка: если бы она занемогла на материкѣ Европы тою смертельною болѣзнію, которая приключилась съ нею здѣсь въ прошломъ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ, то она навѣрное не осталась бы въ живыхъ. Она не умерла единственно потому, что оставалась въ Англіи, такъ какъ здѣшній докторъ былъ ей рекомендованъ кавалеромъ Вальтеръ-Фаркеромъ, который пользовалъ мою дочь со времени прибытія ея въ Англію, т. е. съ 20 мѣсяцевъ, знаетъ подробно ея организмъ, состоялъ въ ежедневной перепискѣ съ Сугамптонскимъ ея врачомъ

и направлялъ его дѣйствія. А правомъ оставаться здѣсь я обязанъ вамъ. И такъ вы мнѣ сохранили мою дочь; посудите же послѣ этого, могу ли я забыть когда нибудь подобное благодѣяніе.

Если между нашими двумя государствами добрыя отношенія не возобновятся, то я осенью изъ Пирмонта пройду въ Италію, а именно въ Пизу, гдѣ климатъ теплый и гдѣ есть нѣсколько изрядныхъ врачей, которыхъ я знаю. Но я молю Бога, чтобы дѣла уладились; потому что въ сущности дочь моя можетъ существовать только здѣсь. Ей необходимо продолжать еще въ теченіи трехъ лѣтъ морскія купанья, чтобы возстановить свою чрезвычайно разстроенную нервную систему; а эти купанья возможны только въ этой странѣ, гдѣ по всему берегу существуютъ особыя машины къ тому приспособленныя, и особыя лица, которыя имѣютъ на то снаровку и знаютъ, когда и сколько надобно купаться.

Нужна большая съ моей стороны увѣренность въ вашей дружбѣ ко мнѣ, чтобы написать къ вамъ такое длинное письмо, исключительно наполненное подробностями обо мнѣ и моемъ семействѣ, въ особенности въ виду того множества занятій, которыми вы обременены. Мой дружескій привѣтъ графинѣ, ея тетушкѣ и нашему доброму Рожерсону. Прощайте, любезный другъ, обнимаю васъ ¹.

4.

Лондонъ, 7 (19) Марта 1813 г.

Позвольте мнѣ, любезный графъ, поручить вашему благосклонному вни-

¹ Къ сожалѣнію вслѣдъ за этимъ письмомъ наступаетъ продолжительный перерывъ: Воронцовскихъ писемъ за первые годы столѣтія не нашлось у графа А. Ѳ. Растопчина. П. Б.

манію полковника Скотта, который передастъ вамъ это письмо; я лично съ нимъ не знакомъ, но знаю его по его репутаціи, которая приноситъ ему большую честь. Онъ происходитъ отъ весьма знаменитаго рода, и его родители чрезвычайно дружны съ моею дочерью и ея мужемъ, во имя чего, а равно и вслѣдствіе его отличной репутаціи, я не могъ отказать ему въ этомъ письмѣ, тѣмъ болѣе, что онъ отправляется въ Россію подъ вліяніемъ благороднаго увлеченія. Онъ ѣдетъ, чтобы ближе ознакомиться и заплатить дань удивленія той націи, которая превзошла всѣ другія въ прошедшемъ и въ будущемъ своимъ великодушіемъ, мужествомъ, твердостью и патріотизмомъ. Къ кому же могу я въ этомъ случаѣ лучше всего обратиться, какъ не къ тому, кто былъ главнымъ орудіемъ при проявленіи всѣхъ этихъ добродѣтелей? Онъ постоянно существовали въ Русскомъ народномъ духѣ, точно также какъ огонь заключается во всѣхъ составныхъ частяхъ земнаго шара, и хотя эта основная стихія и сосредоточена преимущественно въ селитрѣ, въ углѣ и въ сѣрѣ, но она вѣчно оставалась бы незримою въ этой комбинаціи, если бы она не была вызываема случайною искрою къ проявленію своей могучей силы во всемъ ея блескѣ. Вамъ предстояло быть тою благотворною искрою, которая вызвала проявленіе высокаго духа нашихъ возлюбленныхъ соотечественниковъ, тѣхъ, кого мы называемъ кровными Русскими, т. е. говорящихъ однимъ языкомъ и исповѣдующихъ одну вѣру. Я могу сравнить васъ только съ княземъ Пожарскимъ; но ваше призваніе было труднѣе его задачи. Его время слыветъ вѣкомъ невѣжества и простоты; но наше время, торжественно провозглашаемое вѣкомъ просвѣще-

ніа и философіи, едва-ли въ извѣстномъ смыслѣ не носитъ въ себѣ болѣе зачатковъ варварства, чѣмъ всѣ предыдущія поколѣнія; потому что наше полупросвѣщеніе, наше ложное образованіе, эгоизмъ и развращеніе нашихъ нравовъ, развиваемое нашимъ правительствомъ въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ, уже давно успѣли бы затупить въ насъ всякую искру патріотизма (также какъ она затуплена у другихъ народовъ) если бы нашъ патріотизмъ не восторжествовалъ надъ угнетающею его силою, такъ сказать, вопреки правительству, которое, руководимое Нѣмцами и Ливонцами, само вводило къ намъ пороки. Ваша задача была трудная, но вы ее выполнили во славу и во спасеніе Отечества. Если уже появилась или имѣетъ появиться достовѣрный разсказъ всего того, что происходило въ Москвѣ со времени вступленія Французовъ и до минуты ихъ выступленія, умоляю васъ прислать мнѣ оный, адресуя вашъ пакетъ на имя г. Лонгинова, секретаря императрицы, проживающаго въ Петербургѣ въ моемъ домѣ. Дочь моя проситъ не забывать ея. Тысячу разъ благодарю васъ за милости, оказанныя сыну моему Михаилу, въ проѣздъ его черезъ Москву. Здѣсь отлитографировали копии съ маленькаго портрета вашего, который хранится у меня, и я пришлю вамъ нѣсколько экземпляровъ. Сохраните мнѣ вашу дружбу и пр.

5.

Лондонъ, 7 (19) Іюня 1814 года.

Я давно уже выжидаю удобнаго случая, чтобы писать къ вамъ, любезный графъ; нынѣ пользуюсь отъѣздомъ молодаго Расвскаго, состоящаго адъ-

ютантомъ при Михаилѣ *. Онъ возвращается къ своимъ родителямъ, такъ какъ сыну моему разрѣшено пребыть здѣсь нѣсколько мѣсяцевъ. Какое великое утѣшеніе для Катеньки и для меня видѣться съ нимъ послѣ того, что еще такъ недавно онъ подвергался со дня на день случайности погибнуть въ этой войнѣ, столь ожесточенной и кровавой. Мнѣ сдается, что я уже въ послѣдній разъ пользуюсь счастьемъ его видѣть, потому что въ семьдесятъ лѣтъ будущность уже опредѣляется не годами, а мѣсяцами и недѣлями. Онъ не нахвалится тѣмъ вниманіемъ, которое вы ему оказывали въ оба раза, когда онъ имѣлъ счастье васъ видѣть въ Андреевскомъ и въ Москвѣ; я въ этомъ узналъ моего добраго друга, графа Ростопчина. Весьма сожалью, что не былъ утѣшенъ знакомствомъ съ вашимъ сыномъ, тѣмъ болѣе, что всѣ его знающіе утверждаютъ, что онъ одаренъ мужествомъ, живостью ума и возвышенностью души своего отца. Есть Латинская пословица, смыслъ которой заключается въ томъ: „что орлы никогда не выводятъ голубей.“ Нѣжныя его чувства, по отношенію къ родителямъ, дѣлаютъ ему честь; онъ не захотѣлъ видѣть Лондонъ въ самую блестящую его эпоху и предпочелъ объятія отца и матери, которыхъ онъ спѣшилъ утѣшить своимъ присутствіемъ за всѣ испытанныя ими тревоги, когда они знали, что онъ подвергался ежедневно величайшимъ опасностямъ, въ продолженіи этой ужасной войны. Раздѣляю вашу радость, мой добрый другъ, тѣмъ живѣе, что мнѣ хорошо извѣстны тѣ ощущенія, которыя испы-

тываешь, когда единственный сынъ постоянно подвергается смертельнымъ опасностямъ.

Наконецъ-то она кончена, эта ужасная война! Государь, вся нація и Русская армія увѣнчаны безсмертною славою. Насъ считали варварами, а Французы, неизвѣстно почему, прослыли самымъ образованнымъ народомъ. Они сожгли Москву, а мы сохранили Парижъ.

Постоянство, съ которымъ нашъ Монархъ боролся не только противъ непріятеля, но и противъ ложныхъ соображеній, мелочности и даже низкихъ интригъ со стороны нѣкоторыхъ его союзниковъ, желавшихъ было заключить миръ въ Шатильонѣ и сохранить тронъ Франціи презрѣнному Корсиканцу, приносить ему великую честь, потому что имъ все совершено. Надобно надѣяться, въ немъ проявится сознаніе, что наступило уже время учредить порядокъ и водворить правый судъ въ его собственномъ государствѣ, которое можетъ погибнуть, если не будетъ возстановленъ государственный строй, существовавшій со времени учрежденія Сената Петромъ Великимъ до перваго года царствованія покойной Императрицы. Она начала производить нововведенія; сынъ ея низвергъ все, не замѣнивъ ничѣмъ; а внукъ ея имѣлъ несчастье быть окруженнымъ мечтателями, которые, будучи исполнены самолюбія и тщеславія, считали себя выше великаго основателя Русской Имперіи. Эти господа начали свои опыты надъ бѣдною Россією путемъ узаконеній, ежедневно издаваемыхъ; эти господа уподоблялись машинамъ узаконеній; они ничего другаго не дѣлали, избличая при этомъ столько же быстроты, сколько и невѣднія и легкомыслія. Всѣ эти распоряженія были основаны на предвзя-

* Михаилъ графъ Воронцовъ называется здѣсь и ниже своего сына, тогда уже славнаго нашего генерала.

тыхъ мечтаніяхъ воображенія и на лживо-усвоенномъ чтеніи. То были опыты, производимые надъ несчастною Россією, и они не подозрѣвали, что опыты только приложимы къ физикѣ и химіи, но что они гибельны въ примѣненіи къ правосудію, администраціи и политической экономіи. Но въ нихъ страсть къ нововведеніямъ была такъ сильна, что, чувствуя себя стѣсненными тою первобытною властью, которую Государь возвратилъ Сенату въ Сентябрѣ 1802 г., они нашли способъ обойти ее и потомъ уничтожить ее нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Россія устояла противъ наплыва всего Европейскаго материка, который Бонапартъ увлекъ за собою; но она не устоитъ противъ внутренней неурядицы, и одинъ лишь Сенатъ и установленныя Петромъ Великимъ Коллегіи могутъ устранить тотъ вредъ, который приносятъ и всегда будутъ приносить министры, когда они занимаютъ глаза на глаза съ Государемъ и могутъ вводить его въ заблужденіе или намѣренно, или невольно, по незнанію, или подъ вліяніемъ другихъ неблагонамѣренныхъ лицъ. Никакой министръ не воспротивится никогда неправильнымъ распоряженіямъ своего собрата, опасаясь его вмѣшательства въ свои собственыя дѣйствія. Это напоминаетъ двухъ врачей Мольера: „Passez-moi le séné et je vous passe l'émetique“¹

И видѣлъ Государя въ его кабинетѣ только въ продолженіи трехъ минутъ; но если бы я могъ пробыть съ нимъ полчаса, я непременно высказалъ бы ему все что думаю о бѣдственномъ состояніи Россіи, не стѣсняясь соображеніемъ о томъ, понравилось бы ему это или нѣтъ; потому что во всемъ,

касающемся до своего Царя и Отечества, лесть составляетъ гнусное преступленіе, и я нахожу, что слѣдуетъ высказать все что считаешь полезнымъ для того или другаго. Лишенный случая говорить съ Государемъ, я успѣлъ однако сообщить мои мысли Великой Княгинѣ, его сестрѣ, которую я нашелъ преисполненною благихъ желаній для родины; но я сомнѣваюсь, чтобы ея вліяніе могло равняться ея усердію. Она говорила мнѣ о васъ въ такихъ выраженіяхъ, въ какихъ слѣдуетъ говорить, когда васъ хорошо знаешь и когда понимаешь, наравнѣ съ другими, сколько вы проявили способностей, усердія, дѣятельности и самоотверженія, чтобы содѣйствовать къ спасенію государства отъ того бѣдствія, которое угрожало ему два года тому назадъ.

Вы мнѣ высказываете, любезный графъ, что вы были бы польщены какимъ-нибудь выраженіемъ вниманія со стороны города Лондона. Если бы я еще находился въ должности, то я бы вамъ это доставилъ, при первомъ вашемъ желаніи; но я уже началъ уклоняться отъ большаго свѣта, даже до увольненія отъ моей должности. Мои лѣта, недуги и отчужденіе отъ всякой толпы, а равно и поздніе часы этихъ собраній и торжественныхъ обѣдовъ, вынудили меня ограничиться сношеніями съ министрами, съ которыми я имѣлъ столкновенія по службѣ и съ тремя или четырьмя семействами старыхъ друзей, въ обществѣ которыхъ я проводилъ время, и когда, послѣ смерти г. Питта, я получилъ разрѣшеніе оставить мой посланническій постъ, то я пересталъ видѣться даже съ министрами. И жилъ и теперь живу болѣе, чѣмъ когда-либо, въ совершенномъ уединеніи, проводя три четверти года внѣ самого Лондона и даже,

¹ „Простите мнѣ Александрійскій листъ, а я вамъ прощаю рвотное“.

когда я въ немъ нахожусь, то проживаю въ кругу моихъ старинныхъ друзей и еще двухъ или трехъ семействъ, находящихся въ близкихъ сношеніяхъ съ мужемъ моей дочери. Г. Алопеусъ и графъ Ливенъ думали и теперъ думаютъ, что я желаю вмѣшиваться въ политическія дѣла; они меня не знаютъ, иначе они бы этого не предположили и не обнаруживали бы той ревности, которая ихъ такъ странно тревожила. Только съ прибытіемъ Великой Княгини и Государя, когда дворъ и главнѣйшіе государственные сановники учреждали въ честь ихъ празднества, я счелъ себя вынужденнымъ принять нѣкоторое участіе во всей этой суматохѣ, которая непремѣнно свалила бы меня съ ногъ, если бы продолжалась еще дней десять. Но Государь увѣзжаетъ дня черезъ три или четыре, и я вернусь къ своей обычной мирной жизни. Изъ этого вы ясно поймете, любезный графъ, что я не имѣю никакихъ сношеній съ министрами, которые, пользуясь своею нынѣшнею популярностію, могли бы внушить городскому управленію исполнить то, что бы ему слѣдовало самому сдѣлать тотчасъ послѣ 1812 года и что оно непремѣнно бы и сдѣлало, если бы имѣло во главѣ своей личности болѣе достойныя. Я долженъ пояснить вамъ, что когда говорятъ объ общественномъ управленіи города Лондона („the City of London“), то не слѣдуетъ разумѣть всѣхъ жителей столицы, но только корпорацію избвѣстныхъ гражданъ города Лондона. Эта корпорація состоитъ: изъ лорда-мера, алдерменовъ и общественнаго совѣта, въ числѣ слишкомъ двухъ сотъ человекъ; изъ этихъ лицъ первый и всѣ послѣдніе избираются ежегодно различными ремесленными цехами, пользующимися правами гражданства

и назначающими тѣхъ четырехъ членовъ, которыхъ городъ Лондонъ посылаетъ засѣдать во всякомъ новомъ Парламентѣ; алдермены также избираются, но только пожизненно. Въ подобномъ учрежденіи вся власть сосредоточена въ ремесленныхъ цехахъ, и чернь въ нихъ преобладаетъ, вслѣдствіе чего, въ послѣдніе шесть лѣтъ, эта корпорація заслужила всеобщее презрѣніе, будучи управляема якобинцами, которые ее унизили, раздавая права гражданства съ помощью подарковъ табакерками или золотыми кубками въ пользу нѣкоторыхъ мятежныхъ членовъ Нижней Палаты, людей, избличенныхъ въ мошенничествѣ тѣми судами, гдѣ у нихъ имѣлись процессы и уже никогда вновь не избираемыхъ въ члены Парламента. Не слѣдуетъ смѣшивать гражданъ Сити съ его жителями вообще; всѣ богатые негоціанты и банкиры тамъ живутъ и имѣютъ тамъ свои конторы, но не желаютъ принадлежать ни къ какой корпораціи, ни числиться гражданами Лондонскаго Сити. Всѣ эти Петерсы, Томсоны, Бонары, Рейки, Торнтоны, Гармаки, Беринги никогда не принадлежали къ корпораціи. Нѣкоторые богатые честолюбцы желаютъ сдѣлаться лордъ-мерами, чтобы почваниться въ теченіи одного года; но впрочемъ самыя малодушныя изъ богачей стремятся къ удовлетворенію этого столь же ничтожнаго, сколько и кратковременнаго пустаго тщеславія. Если бы существовалъ иной порядокъ вещей или я сохранилъ бы по прежнему какія-либо сношенія съ министрами или съ нѣкоторыми членами городской корпораціи, я бы употребилъ всѣ старанія, не взирая на ревнивое неудовольствіе посланника, чтобы васъ не забыли, на подобіе того, какъ едва не забыли фельдмаршала Барклая де Толли, ко-

торый получилъ права гражданства и почетную саблю, послѣ Платова и Блюхера и быть можетъ бывовсѣихъ не удостоился, если бы какой-то мѣщанинъ не вздумалъ заявить, что Платовъ служилъ подъ начальствомъ маршала Веллингтона и что оба они въ то время находились въ Лондонѣ. Странно отличать подчиненнаго и забывать того, кто надъ нимъ начальствовалъ. Еслибы Лондонскій Сити, т.-е. городская корпорація была бы нынѣ столь же достойна уваженія, какъ она, говорятъ, была прежде, но каковою я уже не засталъ ея, то всякое отличіе съ ея стороны было бы лестно.

Я пользуюсь теперь тѣмъ же удовольствіемъ, какъ и вы: свиданіемъ съ сыномъ. Пять мѣсяцевъ тому назадъ, мы не смѣли и мечтать о томъ; до того эта война представлялась безконечною и при этомъ такою кипучею, ожесточенною и кровавою, что мы страшились за дѣтей нашихъ. Мы играли въ тяжелую игру, но Божіе милосердіе сохранило намъ нашихъ сыновей, и я пользуюсь утѣшеніемъ видѣть моего подлѣ себя, и онъ пробудетъ здѣсь еще нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ по милости Государя, который обѣщаль мнѣ, что будетъ позволять ему, въ мирное время, проводить со мною два или три мѣсяца ежегодно. Я не смѣю надѣяться, чтобы я могъ долго пользоваться этимъ счастіемъ, и я полагаю, что вижу въ послѣдній разъ моего милаго Михаила, потому что въ 70 лѣтъ, которыя минули мнѣ на дняхъ, не слѣдуетъ уже считать жизнь годами, но мѣсяцами и даже недѣлями. Мнѣ кажется, что я повторяюсь; но я рассчитываю на ваше снисхожденіе къ старику, потерявшему память. Я совершенно ея лишился и сохранилъ ее только въ одномъ случаѣ, самомъ для меня драгоцѣнномъ: при воспо-

минаніи о благодѣяніяхъ и выраженіяхъ дружбы, мнѣ оказанныхъ. Судите сами послѣ этого, могу ли я когда-нибудь забыть все то, что вы при первой возможности сдѣлали для меня въ царствованіе императора Павла и всѣ изъявленія дружбы съ вашей стороны. Когда меня не станетъ, то не забывайте, что вы имѣли во мнѣ человѣка искренно вамъ преданнаго. Я умоляю васъ перенести вашу дружбу ко мнѣ на моего Михаила: онъ честный малый (*brave garçon*), добрый и истинно Русскій; онъ никогда не совершитъ ничего недостойнаго и будетъ всегда такъ поступать, какъ Русскому дворянину надлежитъ.

Прощайте, любезный графъ; мои дѣти свидѣтельствуютъ вамъ свое почтеніе. Прошу васъ передать мое уваженіе вашей супругѣ; обнимаю васъ отъ глубины души, и пр.

6.

Лондонъ, 18 (30) Іюня 1814 г.

Пользуясь тѣмъ, что отъѣздъ г. Равескаго отложенъ и получивъ ваше письмо отъ 28 Апрѣля, я вновь распечаталъ этотъ пакетъ, чтобы увѣдомить васъ о томъ. Ваше письмо, несмотря на все то, что оно заключаетъ въ себѣ любезнаго относительно меня, нѣсколько меня опечалило. Вы жалуетесь въ немъ на ваше здоровье, и я даже замѣчаю въ васъ нѣкоторое утомленіе, которое, быть можетъ, и весьма законно, но пожалуй побудить васъ оставить службу. Хотя вы ни на что не пеняете, но вы имѣли бы полное основаніе не быть довольнымъ, потому что для васъ ничего не сдѣлали, не взирая на все то, что вами совершено на пользу государства съ опасностью жизни и съ лишеніемъ вашего состоянія при вступленіи непріятели въ Мо-

скву и послѣ того. Я не могу обвинять въ томъ Государя; озабоченный войною, которою онъ руководилъ лично, постоянно преслѣдуя свою великую цѣль, т. е. низложеніе всеобщаго угнетателя Европы, онъ не имѣлъ ни одной минуты досуга, чтобы оглянуться и вѣроятно отложилъ до своего возвращенія въ Россію заботы о внутреннихъ дѣлахъ и о вознагражденіи на мѣстѣ тѣхъ лицъ, которыя, подобно вамъ, такъ дѣятельно помогли ему въ созиданіи громаднхъ средствъ и вооруженной силы, и доставили ему возможность спасти Европу. Но если даже, вопреки всѣхъ ожиданій, васъ бы не оцѣнили по достоинству (что впрочемъ трудно предположить), то человѣкъ вашего склада долженъ стать выше этого. Вы уже принесли великія жертвы, любезный графъ, принесите еще высшую изъ всѣхъ: послужите Отечеству, продолжая быть ему полезнымъ. Вы находитесь въ самой блестящей порѣ жизни, когда человѣкъ съ вашимъ характеромъ, съ вашимъ умомъ и высокою душою, особенно необходимъ для пользы государства. У насъ весьма мало людей; едва ли найдется еще человѣка три на всемъ протяженіи этого громаднаго царства (гдѣ бы слѣдовало быть сотнямъ подобныхъ лицъ), чтобы приносить пользу и постановить преграду тѣмъ безпорядкамъ, которые проникли во всѣ отрасли управленія и въ особенности въ область правосудія. Когда остановишься на этой послѣдней мысли, то просто содрогнешься. Кто лучше васъ можетъ судить о той всеобщей неурядицѣ, которая водворилась на Руси? Кто другой дерзнетъ высказаться на этотъ счетъ передъ Государемъ и скажетъ ему правду съ тою искренностью, съ которою князь Яковъ Долгорукій говорилъ съ Пе-

тромъ Великимъ? Продолжайте служить Отечеству и если вамъ не удастся принести ту пользу, которую бы вы могли принести, если даже вамъ удастся на десятую долю только отвратить зло, которое могли бы совершить неопытные или коварные совѣтники, то и тогда бы вы доставили существенную пользу государству. Умоляю васъ не покидать его. Прощайте, обнимаю васъ отъ души.

7.

Лондонъ, 18 (30) Іюля 1815 г.

Ваше письмо было мнѣ доставлено нашимъ общимъ другомъ Р. уже нѣкоторое время тому назадъ, и я сдѣлалъ изъ него то употребленіе, которое вы мнѣ указали. Душевно благодарю васъ, любезнѣйшій графъ, за то, что вы его написали; потому что я прочелъ въ немъ выраженіе вашей неизмѣнной дружбы и вашего довѣрія—двухъ чувствъ, для меня столь лестныхъ со стороны человѣка, котораго я привыкъ такъ давно уважать и которому я преданъ, какъ по душевной благодарности за все для меня сдѣланное во времена его значенія, такъ и по удивленію, внушенному мнѣ его образомъ дѣйствій въ 1812 году: едва ли кто-нибудь успѣлъ принести болѣе существенную пользу Отечеству въ ту страшнѣйшую годину испытаній, какую оно когда-либо проживало. Вашъ энергическій характеръ воодушевилъ нашихъ соотечественниковъ, а принесенныя вами жертвы довершили возбужденіе національнаго духа! Поэтому и достойное воздаяніе за эти заслуги не можетъ соразмѣряться съ милостями двора, а должно состоять въ благодарности будущей Россіи и въ томъ удивленіи, которое на скрижаляхъ истины и исторіи неразрывно

солется съ вашимъ именемъ, чтобы передать его послѣдующимъ вѣкамъ.

На счетъ положенія вещей въ прошедшемъ и въ настоящемъ, я совершенно вашего мнѣнія; а что предстоитъ намъ въ будущемъ, можетъ рѣшить одно Провидѣніе. Мнѣ слишкомъ 71 годъ, и я радуюсь, что достигъ возраста лишающаго меня возможности дожить до такихъ явленій, которыя съ нѣкоторою достовѣрностію можно предвидѣть, если по прежнему и настоящему судить о будущемъ—крайне неутѣшительно!

Отношенія съ Франціею были повреждены еще въ прошломъ году, а въ нынѣшнемъ они еще ухудшились. Паденіе этого Корсиканскаго чудовища еще не великое событіе для всеобщаго спокойствія Европы; послѣ всѣхъ пораженій, непобѣдимость его уже была сокрушена. Его политическія предпріятія доказали, что, при великомъ умѣ и лукавствѣ, ему недоставало благоразумія; послѣдняя его попытка обнаружила это въ глазахъ вселенной. Приставая къ берегамъ Франціи, онъ возмечталъ вернуть всю власть, которою пользовался въ 1813 году; онъ думалъ, что найдетъ сильную армію, что застанетъ союзниковъ, разьединенныхъ между собою и не приготовленныхъ къ вторичному вступленію во Францію. Всѣ его расчеты оказались ложными; онъ былъ введенъ въ заблужденіе своими шпіонами; ихъ донесенія были неправильно имъ истолкованы; онъ очутился во власти якобинцевъ, взявшихъ верхъ даже надъ военными, и онъ былъ вынужденъ беречь ихъ и подчинять ихъ волѣ свою собственную. Онъ нашелъ армію, ослабленную въ численности и во всѣхъ для войны необходимыхъ потребностяхъ. Сознавая нужду въ поддержкѣ якобинцевъ, онъ долженъ былъ при-

знать верховенство народа и отказаться отъ всякихъ суровыхъ и незаконныхъ мѣръ, и кромѣ того засталъ союзниковъ вполне согласныхъ между собою на счетъ необходимости продолжать съ нимъ войну. Поэтому онъ и поспѣшилъ собрать войска сколько могъ, чтобы атаковать Пруссаковъ и Англичанъ, покуда остальные еще не подошли. Его армія была сильнѣе, чѣмъ арміи Блюхера и Веллингтона взятыхъ вмѣстѣ; онъ напалъ на разбросанные корпуса перваго изъ нихъ 15 Іюня и разбилъ ихъ; 16 онъ атаковалъ соединенныя вмѣстѣ Прусскія и Англійскія силы и опять одержалъ верхъ; но 18 Веллингтонъ и Блюхеръ рѣшились твердою ногою ожидать его нападенія въ выгодной позиціи. Онъ напалъ на нихъ съ превосходными силами, съ увѣренностію, пріобрѣтенною побѣдами двухъ предшествующихъ дней и съ ожесточеніемъ челоука, который всю свою будущность ставитъ на карту. Два раза сраженіе было имъ почти выиграно; но искусство и распорядительность Англійскаго полководца успѣли возстановить порядокъ. Веллингтонъ подвергалъ себя величайшимъ опасностямъ и совершалъ чудеса храбрости. Наконецъ Пруссаки зашли во флангъ и, ударивши съ тылу на правое крыло Французовъ, довершили пораженіе, какого не запомнятъ со временъ знаменитой битвы при Росбахѣ. Бонапартъ велъ себя героемъ, покуда дрались; но какъ только возникло смятеніе, онъ потерялъ голову, ускакалъ въ Парижъ, куда прибылъ 20, а 21 или 22 испугался и отрекся отъ престола. Съ этой минуты онъ велъ себя какъ трусъ, мечталъ только о томъ, чтобы бѣжать въ Америку, и когда это оказалось невозможнымъ, то, опасаясь вернуться въ Рошфоръ, гдѣ его хотѣли схва-

тить и предать во власть короля, покинулъ судно, на которомъ уже отплылъ и отдалъ себя въ распоряженіе Англійскаго флота, блокировавшаго порты. Онъ пытался вступить въ переговоры, но Британскій адмиралъ отказалъ ему наотрѣзъ и предложилъ сдаться безусловно или вернуться въ Ротфоръ. Устрашенный тѣмъ, что ожидало его во Франціи, онъ сдался безъ всякихъ условій. Еслибы ему удалось выиграть сраженіе при Ватерлоо, онъ овладѣлъ бы Нидерландами, возстановилъ бы свою прежнюю власть во Франціи, сокрушилъ бы якобинцевъ и удвоилъ бы свою армію національною гвардіею. Тогда онъ могъ бы дать отпоръ Русскимъ войскамъ, никогда искренно неподдержаннымъ Австрійцами, которые, пожалуй, присоединились бы даже къ Франціи, въ силу ненависти Вѣнскаго двора къ Россіи и въ надеждѣ поладить съ Корсиканцемъ, возвративъ ему жену и сына. И такъ вы понимаете, любезный графъ, какое значеніе имѣеть битва при Ватерлоо; по зачѣмъ только все испортили, пощадивъ якобинцевъ и оставивъ имъ всю власть во Франціи? Неужели союзные государи не признаютъ, что господство якобинцевъ несравненно опаснѣе владычества Корсиканца, который обладаетъ лишь неодолимымъ стремленіемъ все покорять себѣ, что неминуемо влекло за собою его собственное паденіе, тогда какъ партія якобинцевъ придерживается неуклонной системы подтачивать основы установленнаго правительства и возмущать народы? Неужели союзники не понимаютъ того, что такъ ясно? Для меня это непостижимо. Можетъ быть, для тѣхъ, которые лучше моего знакомы съ личными свойствами союзныхъ монарховъ, эти причины понятны. Между тѣмъ Корсиканецъ на-

ходится на Англійскомъ корабѣ въ Плимутъ и будетъ отправленъ противъ своей воли на островъ св. Елены, по ту сторону экватора и на разстояніи 1800 в. отъ материка.

Моя дочь очень польщена вашею памятью о ней; она пишетъ мнѣ изъ деревни, куда я къ ней отправляюсь, и проситъ передать вамъ самый дружескій привѣтъ. Мы надѣемся, любезный графъ, что вы не вернетесь въ Россію, не побывавши въ Англии: эта страна заслуживаетъ того, чтобы ее посѣщать сколько возможно часто. Дочь пишетъ мнѣ, что на скачкахъ въ Салисбюри, происходящихъ во владѣніяхъ ея мужа, лошадь, выигравшая призъ, называлась Растопчинтъ; вамъ должно быть извѣстно, что владѣльцы лучшхъ рысистыхъ лошадей постоянно даютъ имъ имена, самыя знаменитыя, самыя громкія и самыя извѣстныя, какъ напримѣръ: Нельсонъ, Суворовъ, Блюхеръ, Веллингтонъ и пр.

Прощайте, любезный графъ; или, лучше сказать, не хочу прощаться съ вами, потому что не теряю надежды, что вы пріѣдете сюда и что прежде чѣмъ умереть, я еще буду имѣть утѣшеніе обнять васъ.

Адресовано въ Берлинъ.

8.

Мобѣжъ, 11 Ноября 1816 г.

Такъ какъ я былъ боленъ и страданія не позволяли мнѣ писать, то вы вѣроятно узнали отъ Михаила, какъ обрадовало меня ваше письмо отъ 4 (16) Октябрю съ извѣщеніемъ, что я буду имѣть удовольствіе видѣть васъ въ Парижѣ. Вы не могли бы, мой милый и добрый другъ, ничѣмъ такъ меня порадовать, какъ доставивъ мнѣ случай еще разъ передъ смертію увидѣть и обнять того, кто оказывалъ

мнѣ такую постоянную дружбу, сдѣлалъ мнѣ столько добра, къ кому я сохранию во всю мою жизнь живѣйшую благодарность, не говоря уже о томъ удивленіи, которое вашъ образъ дѣйствій въ 1812 году долженъ внушать всякому Русскому, на столько преданному своему Отечеству какъ я.

Я былъ вынужденъ отложить мой отъѣздъ въ Парижъ ради Великаго Князя Николая Павловича, котораго мнѣ надлежало посѣтить въ Брюссель; между тѣмъ я вынесъ такую болѣзнь, отъ которой только что отдѣлался три или четыре дня тому назадъ и послѣ которой ощущаю еще такую слабость во всемъ тѣлѣ, что не въ состояніи ѣхать въ Брюссель, и мнѣ нельзя будетъ предпринять мое путешествіе въ Парижъ прежде десяти или одиннадцати дней и то подвигаясь весьма медленно, такъ что едва ли я могу туда доѣхать ранѣе 28 числа. Михаилъ уѣхалъ въ Брюссель третьяго дня и вернется завтра или послѣ завтра; чтѣ-же касается до моей квартиры въ столицѣ Франціи, то я уже далъ честное слово одному искреннему другу, съ которымъ состою въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ въ теченіи 25 лѣтъ. Онъ заслуживаетъ сближенія съ вами, и моя дружба съ вами и съ нимъ обязываетъ меня способствовать вашей взаимной связи: вы достойны другъ друга. Я разумѣю князя Кастанчичала, Неаполитанскаго посланника во Франціи, бывшаго въ продолженіи 25 лѣтъ министромъ двора въ Неаполѣ.

Михаилъ занимаетъ въ Парижѣ домъ присвоенный тому корпусу, надъ которымъ онъ начальствуетъ; онъ нанятъ Государемъ для помѣщенія комисаровъ и другихъ офицеровъ этого корпуса. Изъ нихъ первые проживаютъ тамъ, чтобы получать отъ Фран-

цузскаго правительства суммы, потребныя на содержаніе нашихъ войскъ; а остальные командированы туда по разнымъ другимъ надобностямъ и потребностямъ для тѣхъ-же войскъ. Сынъ мой также имѣетъ въ этомъ домѣ небольшое помѣщеніе, на тотъ случай, когда служебныя обязанности вызываютъ его туда и его задерживаютъ, въ особенности зимою, во время пребыванія тамъ его начальника—герцога Веллингтона. Это помѣщеніе весьма незначительное; но если-бы даже оно былъ и обширно, я не желалъ бы никогда въ немъ останавливаться, потому что въ Петербургѣ найдутся, пожалуй, такіе добрые люди, которые не преминутъ разгласить, что онъ съ намѣреніемъ нанялъ большой домъ весьма дорого стоящій, чтобы помѣстить въ немъ своего отца на счетъ казны. Ваша квартира приготовлена въ очень хорошей мѣстности, какъ разъ между квартирою Михаила и домомъ князя Кастанчичала, гдѣ я намѣренъ остановиться.

Вы пишете мнѣ, что я васъ найду постарѣвшимъ. Вѣрю: въ 14 лѣтъ, которыя мы съ вами не видѣлись, не могутъ не произойти большія перемѣны; но такъ какъ я гораздо старѣе васъ, то вы меня найдете еще болѣе состарѣвшимся, очень опустившимся тѣломъ и душею. Этотъ упадокъ силъ еще болѣе обнаружился послѣ испытанной мною нынѣ болѣзни, которая оставила послѣ себя такое изнеможеніе во всемъ моемъ тѣлѣ, что я не въ силахъ вынести ни малѣйшей усталости или физическаго стѣсненія.

Прощайте, любезный и старый другъ; надѣюсь увидѣться съ вами и обнять васъ въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца. Между тѣмъ мысленно обнимаю васъ отъ глубины души.

9.

Лондонъ, 8 Октября н. ст. 1817 г.

Несказанно благодарю васъ, мой добрый другъ, за ваше письмо, написанное изъ Эмса и тысячу разъ прошу извинить, что запоздалъ отвѣтомъ. Я желалъ знать, что вы уже въ Парижѣ, чтобы съ большею увѣренностью сообщить вамъ все что имѣю передать. Лишь на другой день послѣ отхода почты узналъ я, по письму Махаила отъ 17 (29) числа прошлаго мѣсяца, что вы въ этотъ день прибыли въ Парижъ, что онъ васъ видѣлъ, что онъ долженъ былъ обѣдать съ вами у Вери и что онъ къ величайшему своему сожалѣнію долженъ былъ тутъ-же вернуться въ свою главную квартиру, по случаю смотра, который герцогъ Веллингтонъ намѣренъ былъ произвести его корпусу и къ которому онъ едва успѣлъ-бы приготовить.

Поздравляю васъ, мой добрый другъ, что вы имѣли счастье застать въ сборѣ все ваше семейство, и я бы еще полнѣе оцѣнилъ вашу радость, если-бы вы не присовокупили, что здоровье вашего старшаго сына неудовлетворительно и что дыханіе его прерывистое и стѣсненное, не смотря на то, что грудь его не слаба. Если это не происходитъ отъ поврежденія легкихъ, все-же свидѣтельствуетъ о разстройствѣ какого либо сосѣдняго мускула или дыхательной горловой артеріи; во всякомъ случаѣ этимъ пренебрегать не слѣдуетъ, и оно можетъ быть съ точностью опредѣлено только такимъ врачомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и хорошій анатомъ. Не знаю, имѣются ли таковыя врачи въ Парижѣ; но если вашъ другъ, докторъ Галль, столь-же свѣдущъ по другимъ частямъ человѣческаго тѣла, какъ по

мозговымъ, то онъ будетъ полнѣнѣе другихъ для вашего сына; а въ немъ я принимаю участіе, потому что онъ вашъ сынъ и потому что я много слышалъ о его умѣ, и еще болѣе о возвышенности его души, безъ коей умъ не имѣетъ никакого значенія. Эта возвышенность чувствъ у насъ такая рѣдкость по милости нашей формы управленія и еще болѣе благодаря тому воспитанію, которое отцы, ея не одаренные, даютъ своимъ дѣтямъ! Это коренное зло, подрывающее всѣ основы Россіи. Всѣ тѣ, которые управляли странюю въ эти послѣднія двѣнадцать или тринадцать лѣтъ, получаютъ направленіе свыше, гдѣ нѣтъ ни знанія, ни благоразумія, ни высокыхъ чувствъ, но одна лишь крутая деспотическая воля, плохо прикрываемая внѣшнею оболочкою кротости и лицемѣрнаго благочестія. Эти люди, находя, что подобныя понятія и подобный характеръ согласуются съ ихъ собственными, пользуются ими, и это направленіе еще усилилось и распространилось, благодаря тѣмъ, кто пришелъ къ убѣжденію, что всякаго повышенія можно достигнуть только путемъ подлости, ведущимъ яко бы къ счастью.

Сожалѣю, что не могу покинуть эту страну ранѣе четырехъ недѣль; я долженъ былъ отложить свое первоначальное намѣреніе по случаю болѣзни моей внучки Лизы, которая, хотя и выздоровѣла, но еще очень слаба и поправляется весьма медленно. Она еще не въ состояніи предпринять путешествіе; но очевидно, что оно будетъ возможно черезъ нѣсколько недѣль, такъ какъ ея силы медленно, а все же ежедневно возрастаютъ. Мы приѣдемъ въ Парижъ цѣлымъ караваномъ, съ Катенькою, ея мужемъ, ея пятью дѣтьми, гувернанткою и мною.

Мы употребляемъ всевозможныя уси-
лія, чтобы убѣдить мадемуазель Жар-
динъ присоединиться къ намъ, но едва
ли намъ это удастся.

Я душевно радуюсь знакомству съ ва-
шимъ семействомъ, мой добрый другъ,
и надѣюсь провести большую часть
времени посреди его.

То, что вы мнѣ говорите о Гер-
манскихъ принцахъ, напоминаетъ изрѣ-
ченіе Арлекина: „Tutto il monde é
come la nostra famiglia“.

Нельзя довольно восхищаться тѣмъ,
что главное занятіе великихъ монар-
ховъ Европейскаго материка состоитъ
въ поддержаніи и усовершенствованіи
обмундированія войскъ. Между тѣмъ
какъ преемникъ Фридриха Великаго
стрижетъ волосы своимъ солдатамъ,
наслѣдникъ Петра Великаго, слава
Богу, занялся кройкою мундировъ
своимъ генераламъ. Мнѣ кажется, что
мундиры уже четыре раза измѣнялись
въ продолженіи его царствованія; по-
судите же, какое преимущество, какое
превосходство это должно намъ доста-
вить надъ всѣми арміями въ мірѣ!

Поведеніе короля Прусскаго отно-
сительно При-рейнскихъ его поддан-
ныхъ, повидимому, никого не удивля-
етъ; его путешествіе въ Парижъ впол-
нѣ его изобличило. Онъ туда явился
безъ всякой видимой цѣли, вопреки
здраваго смысла, и потѣшался по ут-
рамъ катаніемъ съ деревянныхъ горъ
на деревянной лошаdkѣ (что развѣ
позволительно вашему маленькому Ан-
дрюшѣ), а вечеромъ посѣщеніемъ теа-
тровъ въ ту самую пору, когда раз-
строенное его государство громко взы-
ваетъ къ нему съ требованіемъ кон-
ституціи, которая могла бы опредѣ-
лить права всѣхъ сословій и сокру-
шила бы произволь, присущій монар-
хамъ, ихъ министрамъ и любимцамъ.

Ожидая, какія будутъ послѣдствія

х. 6.

пребыванія Двора въ Москвѣ. Увидимъ,
въ чемъ будутъ заключаться великія
идеи, привезенныя туда для обнаро-
дованія? Не слѣдуетъ ли предполагать,
что, поддерживавъ Французскую консти-
туцію и водворивъ таковую же въ
Польшѣ, намъ будетъ даровано нѣчто
несравненно лучшее, потому что имѣ-
лось много времени, чтобы взвѣсить и
испытать на практикѣ все то, что было
примѣнено къ Франціи и Польшѣ.

Вы должны быть довольны, что до-
стигли великаго Виелеема въ такую
любопытную эпоху; я радуюсь заран-
нѣе при мысли, что услышу съ вами
вмѣстѣ Цицероновъ, Демосееновъ,
Бюрковъ и Питтовъ великой націи.

Благодарю васъ за выполненіе мо-
его порученія, относительно великой
княгини Маріи Павловны, и мнѣ весьма
лестно все то, что было высказано на
мой счетъ этою жемчужиною всей цар-
ствующей семьи.

Вѣроятно вамъ надоѣдаютъ наши
знаменитые соотечественники своими
посѣщеніями, за которыхъ приходится
отплачивать тѣмъ же. Кромѣ находя-
щихся уже въ Парижѣ, еще прибу-
дутъ другіе, какъ напримѣръ Кочубей.
Когда вспомнишь, какъ вели себя въ
Парижѣ Куракинъ и Кочубей во вре-
мена Бонапарта, какъ они въ немъ
заискивали, то становится непонят-
нымъ ихъ возвращеніе туда послѣ
того, что воцарились вновь Бурбоны.

Опредѣлите мнѣ, мой другъ, квар-
талъ, улицу и № того дома, въ кото-
ромъ вы помѣстились. Я адресую это
письмо на имя кавалера Стюарта и
прошу васъ переслать ему и отвѣтъ
вашъ: онъ будетъ отправленъ съ Ан-
глійскимъ курьеромъ. Впрочемъ князь
Кастельчикала не всегда отправляетъ
ихъ этимъ путемъ, а иногда отсыла-
етъ съ Французскими курьерами.

Михаилъ занятъ теперъ приготоделе-

Р. АРХИВЪ 1872. 71

ніями къ смотру, который герцогъ Веллингтонъ намѣренъ произвести войскамъ, состоящимъ подъ начальствомъ моего сына. Онъ пишетъ мнѣ, что этотъ смотръ имѣеть произойти въ будущую субботу, 11 числа, между Камбре и Кенуа.

Засвидѣтельствуйте мою глубочайшую преданность графинѣ, которая уже прибудетъ въ Парижъ ко времени получения этого письма; я съ нетерпѣніемъ готовлюсь познакомиться съ нею и со всѣми вашими дѣтьми. До тѣхъ поръ обнимите за меня маленькаго Андрюшу, который узналъ васъ и плакалъ отъ радости при свиданіи съ вами. Что остальные проливали при этомъ слезы, меня нисколько не удивляетъ; но въ этомъ ребенкѣ оно имѣеть большое значеніе и увеличиваетъ прелестную душу.

Напомните обо мнѣ герцогу д'Ескартъ, герцогинѣ Дамасъ, графамъ Бартеlemi и Андреосси; кланяйтесь также Старынкевичу и Орлову, если они еще въ Парижѣ.

Моя дочь поѣхала на короткое время въ Вильтонъ, откуда вернется черезъ восемь дней; ея дѣти съ гувернанткою остались въ Гампстедѣ (Hamptstead) въ четырехъ миляхъ отсюда, на возвышенности, гдѣ самый чистый воздухъ, какой только себѣ вообразить можно и куда я къ нимъ ѣзжу черезъ каждые три дня. Прощайте, мой любезнѣйшій и добрѣйшій другъ; обнимаю васъ отъ всей души.

10.

Лондонъ, 14 Октября 1817 г.

Едва могу успѣть увѣдомить васъ о полученіи вашего письма отъ 11 числа, доставленнаго мнѣ сегодня. Чистый воздухъ Гампстеда принесъ большую пользу Лизочкѣ, и я увѣренъ,

что ея мать, которая должна вернуться черезъ четыре дня, пожелаетъ удерживать ее при себѣ до конца этого мѣсяца; такъ что намъ едва ли удастся покинуть эти окрестности и пуститься въ путь ранѣе первыхъ чиселъ будущаго мѣсяца. Горю нетерпѣніемъ познакомиться съ вашею достойною супругою и съ вашими дѣтьми, въ особенности съ маленькимъ Андрюшею, который, узнавъ васъ, заплакалъ отъ радости и который такъ успѣшно разрѣшилъ задачу о сотвореніи чело-вѣка.

Могу васъ увѣрить, что (за исключеніемъ васъ и вашего семейства) мнѣ совершенно все равно, кто именно изъ Русскихъ проживаетъ въ Парижѣ и кого еще туда ожидаютъ. Я намѣренъ жить въ Парижѣ, какъ и прежде это дѣлалъ, не входя съ ними ни въ какія сношенія. Тысячу разъ благодарю васъ за ваши заботы о пріисканіи мнѣ квартиры; я получилъ сегодня письмо на этотъ счетъ отъ Жанты (Genty), который сообщитъ вамъ, чего я желаю. Священникъ Смирновъ выполнить ваше порученіе относительно звѣзды. Обнимаю васъ и пр.

11.

Лондонъ, 28 Октября н. с. 1817 г.

Нашъ огромный караванъ тронется съ мѣста въ будущую Субботу, 1-го Ноября и такъ какъ онъ состоитъ слишкомъ изъ пятнадцати лицъ, въ томъ числѣ изъ пяти дѣтей и между ними одинъ грудной ребенокъ, то мы намѣрены подвигаться весьма медленно; и вмѣсто того, чтобы добраться до Парижа въ четыре дня, мы совершимъ эту поѣздку въ восемь дней и то если не случится ничего неблагопріятнаго ни съ нами, ни съ нашими экипажами по лучшей дорогѣ во всей

Франціи, которая все таки не может равняться съ Англійскими самыми совершенными въ мірѣ, какъ вы вѣроятно и сами хорошо помпите.

Жанги писалъ мнѣ, что онъ нанялъ мнѣ указанную и избранную вами квартиру; такъ какъ она расположена въ самой удобной для меня мѣстности, вблизи отъ Михаила, не вдалекѣ отъ князя Капельчикала и что всего пріятнѣе близко отъ помѣщенія, которое вы будете занимать, то я тысячу разъ благодарю васъ, мой добрый другъ, за то, что вы мнѣ пріискали такое жилище, которое соединяетъ въ себѣ столько пріятныхъ для меня условій. Меня только тревожитъ, что я прочелъ вчера въ одной изъ Парижскихъ газетъ, будто вы заняли для себя отель Монтебелло; а такъ какъ я не знаю этого отеля, ни той мѣстности и ни той улицы, въ которой онъ находится, то боюсь, чтобы онъ не оказался весьма отдаленнымъ отъ Вандомской площади. Если вы захотите успокоить меня на этотъ счетъ, то пришлите мнѣ нѣсколько строкъ черезъ князя Капельчикала, въ Кале или Булонь, съ сохраненіемъ на почтѣ, впредь до вос- требованія.

Надѣюсь, что графиня, всѣ ваши дѣти и вы сами находите въ добромъ здоровьи и что вашъ старшій сынъ укрѣпился въ силахъ, благодаря отдыху, которымъ онъ теперь пользуется. Если легкія не повреждены, то одышка—просто слѣдствіе слабости. Ожидаю съ нетерпѣніемъ той минуты, когда познакомлюсь со всею семьею лучшаго изъ друзей, которому я столько обязанъ и пр.

12.

Лондонъ, 11 (23) Іюня 1818 г.

Ваше письмо изъ Парижа, отъ 9 Іюня, не доставило мнѣ того удоволь-

ствія, съ которымъ я обыкновенно получаю ваши письма, мой добрый другъ. Мнѣ не нравятся эти столь часто возобновляющіеся припадки болѣзни, хотя и неизлѣчимой къ несчастію, но противъ которой имѣются извѣстныя средства, для утоленія ея мучительныхъ проявленій и смягченія ихъ на столько, чтобы существованіе не сдѣлалось тревожнымъ и невыносимымъ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы, по пріѣздѣ вашемъ сюда, вы посовѣтовались съ однимъ изъ знаменитыхъ Ескулаповъ, которыми эта страна изобилуетъ; потому что вашъ Галль, съ его теоріею о черепѣ, мнѣ кажется просто хвастунъ. Я также очень сожалью, что графъ Сергѣй, во цвѣтѣ лѣтъ, такъ страдаетъ отъ расстройства нервовъ и обреченъ на постоянное болѣзненное состояніе, столь несвойственное молодому человѣку. Оно также заслуживало бы совѣщанія съ опытными врачами.

Я не жалею, что вы отложили вашу поѣздку въ Англію; если бы вы осуществили ваше первоначальное намѣреніе, то бы очутились здѣсь (вы именно этого не желали) во время пребыванія Великаго Князя въ Лондонѣ, что всегда болѣе или менѣе стѣснительно. Къ тому же у насъ теперь открылась болѣзнь, которая господствуетъ во всей странѣ; она сопровождается и благопріятными и вредными явленіями, но въ большей части случаевъ исходъ ея благопріятенъ, и потому ея проявленіе терпѣливо сносится въ теченіи пяти или шести недѣль, черезъ каждыя шесть или семь лѣтъ. Вы понимаете, что я разумью подъ этимъ всеобщіе выборы (elections générales). Въ это время не найдешь ни почтовыхъ лошадей, ни пріюта въ гостинницахъ тѣхъ городовъ, гдѣ производятся выборы. Единствен-

ное средство путешествовать теперь, это въ дилижансахъ съ почлегами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ибѣтъ избирательныхъ собраній. Впрочемъ все это должно кончиться черезъ двѣ недѣли.

Моя дочь уѣхала сегодня навѣстить одну свою пріятельницу въ деревнѣ; оттуда она отправится въ Брайтонъ повидаться съ своими дѣтьми, которыхъ она послала туда, чтобы они пользовались здоровымъ морскимъ воздухомъ и чтобы маленькая Катя могла подкрѣпить силы купаньемъ. Эта крошка тамъ процвѣтаетъ и очень любить море, по словамъ миссъ Торнелъ, ея гувернантки. Недѣли черезъ двѣ дѣти отправятся въ Вильтонъ, а Катенька вернется сюда на нѣсколько дней; послѣ чего и мы уѣдемъ въ Вильтонъ, откуда я тотчасъ возвращусь, какъ только узнаю, что вы прибыли въ Кале. Мы вмѣстѣ осмотримъ все что заслуживаетъ вниманія и что совершенно здѣсь со времени Вашего пребыванія въ Лондонѣ; мы нѣсколько ознакомимся съ окрестностями и черезъ Сугамтонъ отправимся въ Вильтонъ. Моя дочь и ея мужъ съ величайшимъ удовольствіемъ предоставятъ въ ваше распоряженіе свой домъ и все помѣстье, которое вы найдете совершенно въ другомъ видѣ, чѣмъ вы его прежде видѣли. Мы надѣемся, что полковникъ Орловъ будетъ васъ сопровождать, кланяйтесь ему отъ меня. Почему бы вамъ не привести съ собою графа Сергѣя?

Напѣ юный Великій Князь¹ добродушный ребенокъ; солдатчина—его господствующая страсть, которую привили ему съ дѣтства. Слѣдовало-бы продержатъ его здѣсь (что невозможно) года четыре или лѣтъ пять, чтобы излечить. Но у насъ не допу-

стять его проникнуться Англійскими понятіями, столь противоположными тѣмъ евангельскимъ началамъ, съ помощью которыхъ у насъ страна управляется.

Мой привѣтъ всему вашему семейству; но милаго Андрюшу поцѣлуйте особенно ибжно за меня. Я очень тронуть и благодаренъ ему за то, что онъ меня помнитъ, спрашиваетъ, когда я приѣду и предлагаетъ себя въ чтецы для меня. Это доказываетъ, что онъ меня любитъ, и я плачу ему тѣмъ же.

Кочубей вѣроятно посѣлнитъ сообщить своему правительству всю массу административныхъ и законодательныхъ познаній, заимствованныхъ имъ у самой просвѣщенной, самой благоразумной, самой нравственной націи, словомъ у единственной великой націи!

Великій Князь положительно одаренъ однимъ прекраснымъ свойствомъ—онъ чистосердеченъ и не сердится, когда смѣются надъ его страстью къ парадамъ.

13.

Лондонъ, 16 Іюля н. с. 1818 г.

Такъ какъ я не желаю предполагать, что вы отказались отъ намѣренія доставить мнѣ удовольствіе увидѣть васъ здѣсь, обнять васъ и навѣки проститься съ вами въ здѣшнемъ мірѣ, который служить намъ лишь временнымъ жилищемъ; то и прошу васъ, мой добрый другъ, обдумать предположенную вами поѣздку сюда. Великій Князь долженъ былъ сегодня уѣхать, чтобы совершить свой объѣздъ внутри государства, и мнѣ кажется, что онъ уже отбылъ; онъ вернется сюда не ранѣе, какъ черезъ семь недѣль. Я надѣюсь, что вы не будете откладывать вашего путеше-

* Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

ствія и прибудете сюда въ началѣ Августа. Чтобы не быть ограбленнымъ въ Кале, совѣтую вамъ не останавливаться у прославленнаго Кильяка, а у Дюкрока, *отель Бурбоиъ*. Михаилъ снабдитъ васъ письмомъ къ г. Пинго - Моберлякъ, который будетъ вамъ полезенъ на случай какихъ либо затрудненій и также дастъ вамъ письмо къ одному Англійскому морскому капитану, наблюдающему за перевозкою Англійскихъ войскъ; онъ отличный человекъ, очень услужливъ, укажетъ вамъ лучший пароходъ и сообщитъ, сколько вамъ слѣдуетъ заплатить за проѣздъ; потому что, если сами станете уговариваться съ капитаномъ, онъ непременно запроситъ съ васъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Вамъ совершенно не нужно брать для себя отдѣльный пароходъ. Вамъ также будетъ хорошо, если вы возьмете только по одному мѣсту для себя и для вашихъ людей, отчего переѣздъ обходится дешевле. Въ Дуврѣ совѣтую вамъ лучше остановиться въ *отель Торкъ*, гдѣ менѣе грабятъ и какъ только вы вступите на берегъ, то отправитесь къ г. Вискъ, въ таможи (Custom House) къ которому прилагаю при семъ письмо. Онъ очень образованный, очень усердный человекъ, который непременно самъ отправится въ таможию, чтобы присутствовать при вскрытіи вашихъ вещей и самъ же ихъ оттуда выручить. Онъ исполняетъ всѣ мои порученія при моихъ частыхъ переѣздахъ между Кале и Дувромъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда я выписываю какія либо вещи изъ Франціи. Но я васъ въ особенности прошу извѣстить меня, когда вы выйдете изъ Парижа, чтобы я могъ быть въ Лондонѣ къ вашему приѣзду. Прежде всего увѣдомьте меня, кто именно будетъ васъ сопровождать,

чтобы я могъ знать, сколько постелей слѣдуетъ приготовить въ томъ помещеніи, которое вы займете въ Лондонѣ.

Только отъ васъ, любезный другъ, и могу я получить ясное понятіе о томъ, что совершается въ столицѣ великой Французской Имперіи. Французскія газеты рѣшаются высказывать свои мысли лишь въ томъ духѣ, который имъ дозволяется; и Англійскія газеты также неудовлетворительны: первыя на содержаніи у Парижской полиціи, а вторыя получаютъ свои свѣдѣнія отъ Англичанъ, которые криво видятъ все что видятъ и собираютъ всѣ свои новости въ кофейныхъ Пале-Рояля и на бульварахъ.

Я посылаю нѣсколько пустыхъ порученій къ Жанти и прошу васъ заплатить ему за меня, а я вамъ возвращаю это здѣсь. Мое почтеніе всему вашему семейству и поцѣлуйте за меня милаго моего друга Андриюшу. Обнимаю васъ отъ души. Моя дочь съ мужемъ и дѣтьми три дня какъ въ Вильтонѣ, а дней черезъ пять и я къ нимъ присоединюсь.

14.

Вильтонѣ, 5 (17) Августа 1818 г.

Сперва вы мнѣ обѣщали въ Парижѣ, что приѣдете сюда въ Іюнѣ, потомъ въ Іюль; послѣ того, въ письмѣ нашемъ отъ 8 Іюля, вы мнѣ сообщили, что выѣзжаете изъ современнаго Вавилона, между 10-мъ и 15-мъ; а теперь вдругъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа, пишите мнѣ, что я васъ увижу въ Англии до конца этого мѣсяца. Всѣ эти перемѣны и эта неопредѣленность меня тревожатъ, мой добрый другъ; увѣдомьте меня, имѣете ли вы въ виду что-нибудь положительное относительно времени вашего приѣзда

къ намъ. Такъ какъ я здѣсь совсѣмъ поселился, то не тронусь отсюда и прошу васъ, по прибытіи въ Лондонъ, остановиться тамъ лишь для ночлега и прямо пріѣхать сюда, гдѣ моя дочь и мужъ ея ожидаютъ васъ съ нетерпѣніемъ. Здѣсь въ окрестностяхъ можно увидѣть кое-что любопытное, и потомъ я отправлюсь съ вами въ Лондонъ, чтобы познакомить васъ съ нѣкоторыми лицами, которыя желаютъ съ вами познакомиться и которыя живутъ вблизи города, какъ напримѣръ лордъ Гренвилъ и другіе. Вамъ остается только написать Смирнову на счетъ квартиры, безъ которой впрочемъ вы очень могли бы обойтись на одну или двѣ ночи въ томъ случаѣ, если вы одобрите мое предположеніе о немедленномъ пріѣздѣ въ Вильтонъ; тогда для васъ лучшимъ пристанищемъ можетъ служить Портландскій ресторанъ (Portland-Café-House), въ сообществѣ съ графомъ Ливеномъ, съ моимъ домою и не вдалекѣ отъ почтеннаго Смирнова. Тотчасъ по прибытіи вашему, возвѣстите о томъ въ моему домоу, и немедленно къ вамъ явится Сусловъ, который нѣчто въ родѣ моего дворецкаго и который будетъ служить вамъ, если не съ такою сметливостью, то уже конечно не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ Жанти.

Опасаясь, чтобы присутствіе нѣкого Великаго Князя не побудило васъ отложить вашъ пріѣздъ; вы могли бы здѣсь быть до конца Августа, а Великій Князь не явится въ Вильтонъ ранѣе 20 Сентября. Мое глубочайшее почтеніе вашимъ дамамъ; мой привѣтъ графу Сергѣю, поцалуйте за меня милаго Андрюшу. Напомните обо мнѣ полковнику Орлову. Кстати объ Орловѣ: спросите его, прошу васъ, какъ идетъ дѣло о напечатаніи „Исторіи Неаполя“, составленной однимъ изъ

его родственниковъ, который вѣроятно прибудетъ въ Парижъ, чтобы наблюдать за ея изданіемъ. Катенька съ мужемъ вамъ кланяются. Напомните обо мнѣ при свиданіи герцогу Ескаръ, маршалу Виомениль, графу Бартеlemi, генералу Андреоси. Прощайте или скорѣе до свиданія и пр.

15.

Вильтонъ-Гаусъ, 1 Октября н. с. 1818 г.

Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 10 числа прошлаго мѣсяца, полученное мною вчера, могу васъ увѣрить, что, не зирая на все мое желаніе васъ видѣть, я первый готовъ дать вамъ совѣтъ не покидать то мѣсто, гдѣ вы находитесь и не подвергать себя опасности взволновать по дурнымъ дорогамъ кровь, что весьма опасно при той болѣзни, отъ которой вы страдаете. Надѣюсь, что вы созывали на консультацію трехъ или четырехъ лучшихъ Парижскихъ докторовъ; у насъ въ Россіи существуетъ добрая пословица: „одинъ умъ хорошъ, а два лучше!“ Главная цѣль состоитъ въ томъ, чтобы получить облегченіе, не прибѣгая къ операціи; а для этого-то именно и нужна консультація. Только съ помощью наружныхъ и внутреннихъ средствъ, освѣжающей діеты, совершеннаго покоя, отсутствія по возможности всякаго движенія, хоть сколько-нибудь напряженнаго или продолжительнаго, вы можете ощутить значительное облегченіе безъ операціи, и быть можетъ даже и совершенно оправиться, обрехши себя вполне спокойному образу жизни и легкой пищѣ.

Вамъ вѣроятно извѣстно, что толкуютъ о предполагаемомъ пріѣздѣ трехъ Монарховъ въ Парижъ, послѣ мнимаго окончанія ими своей задачи. Ихъ пребываніе не можетъ быть про-

должительно, такъ какъ надобно полагать, что они не отложатъ на долго возвращеніе свое домой, ради этой поѣздки, и потому вамъ не предстоитъ другаго труда кромѣ представленія Государю, по его пріѣздѣ. Онъ узнаетъ, что вы больны и уволитъ васъ отъ дальнѣйшихъ посѣщеній.

Только по письму барона Николаи, который былъ здѣсь съ Великимъ Княземъ и то лишь по возвращеніи ихъ въ Лондонъ, узналъ я, что вдовствующая Императрица, которая вполнѣ руководитъ путешествіемъ своего младшаго сына, писала ему, что онъ можетъ уѣхать изъ Лондона черезъ десять дней и что по прибытіи въ Кале, если онъ узнаетъ, что великій князь Константинъ Павловичъ въ Мобѣжѣ, то и онъ долженъ присоединиться къ нему, оттуда проѣхать въ Аахенъ и затѣмъ въ Брюссель, куда и она сама прибудетъ къ тому времени. Безъ этого письма я бы не узналъ, что и великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ овладѣла страсть къ путешествіямъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что кромѣ его званія главнокомандующаго Польскою арміею, онъ еще на дняхъ сдѣланъ генералъ-губернаторомъ четырехъ или пяти лучшихъ губерній Россіи, гдѣ разумѣется пропасть дѣла, особенно въ началѣ, при организаціи этого пашалыка.

Замѣчательно, какимъ образомъ творится судъ во Франціи. Этотъ знаменитый заговоръ, о которомъ возвѣщали съ такимъ трескомъ въ Англии, во Фландріи и въ Германіи почти въ то же время и даже ранѣе чѣмъ въ Парижѣ, до сихъ поръ еще не обнаружилъ ничего такого, что могло бы удовлетворить всеобщія ожиданія. Правда, одна важная цѣль уже достигнута: удалось возобновить гнуснѣйшія клеветы противъ всего, что есть священ-

нѣйшаго для Франціи. Дай Богъ, чтобы тѣ, которые пускаютъ въ ходъ подобныя средства, не превратились сами же въ раздувателей пламени, способнаго вновь объять Францію и истребить поджигателей безъ пощады и предавъ ихъ проклятію—какъ орудіе для возобновленія тѣхъ неистовствъ и опустошеній, которыя могутъ повториться въ цѣломъ мірѣ лишь среди этой несчастной націи.

Очень радъ, что графъ Сергѣй чувствуетъ себя лучше и развлекается чтеніемъ Тасса—величайшаго эпическаго поэта, который когда-либо существовалъ. Мое почтеніе графинѣ и вашимъ дочерямъ; мой поклонъ гр. Сергѣю и поцѣлуйте за меня милого Андрюшу. Черезъ двѣ недѣли собираюсь въ Лондонъ, гдѣ пробуду пятнадцать дней; потомъ вернусь сюда и проведу здѣсь зиму. Моя дочь, мужъ ея и мадемуазель Жардинъ благодарятъ за память и просятъ ихъ не забывать.

Боюсь, чтобы Михаилъ не совершилъ какихъ-нибудь промаховъ на вахтъ-парадахъ великаго князя Константина Павловича. Если онъ будетъ недоволенъ, то повредитъ корпусу и навлечетъ на него неудовольствіе со стороны старшаго брата.

Мой привѣтъ Павлу Васильевичу* и если вы увидите его дочь, то поцѣлуйте ее за меня. Я любилъ ея мать, на которую она походить.

17.

Вильтонъ, 6 Ноября н. с. 1818 г.

Это письмо будетъ вамъ вручено, любезнѣйшій графъ, моимъ старымъ другомъ г-мъ Лансъ. Онъ совершилъ путешествіе по Фландріи, Швейцаріи,

* Чичагову.

Италии, былъ въ Парижѣ, откуда за-вернулъ сюда на нѣсколько дней по дѣламъ, оставивъ жену въ Парижѣ, гдѣ онъ намѣренъ пробыть нѣсколько мѣсяцевъ, а можетъ быть и до весны. Я не хотѣлъ разстаться съ нимъ, не оказавъ ему участія, которое я въ немъ принимаю, и я не могъ лучше оказать ему мое желаніе быть ему полезнымъ, какъ доставивши ему случай сдѣлаться вамъ извѣстнымъ.

Рекомендуя вамъ г. Ланса, я увѣренъ, мой добрый другъ, что вы останетесь довольны знакомствомъ съ нимъ. Онъ долго пробылъ въ Китаѣ, по дѣламъ Индійской компаніи и, вернувшись оттуда, поселился въ Сугамптонѣ, гдѣ я и подружился съ нимъ въ 1800 году. Нѣсколько лѣтъ спустя, Остиндская компанія, найдя, что ея дѣла въ Макао и Кантонѣ ведутся плохо и въ большомъ беспорядкѣ, просила его вновь туда отправиться, чтобы устранить всѣ злоупотребленія и привести дѣла въ порядокъ. Она предложила ему пробыть тамъ одинъ годъ, облекла его самыми обширными полномочіями съ уплатою всѣхъ его расходовъ какъ на пути, такъ и во время пребыванія его въ Макао и Кантонѣ и съ вознагражденіемъ въ 10.000 фунт. стерл. за его труды. Онъ изъявилъ согласіе, отправился туда и по истеченіи условленнаго срока вернулся, устроивъ дѣла въ лучшемъ видѣ, къ совершенному удовольствію и выгоду компаніи. На обратномъ пути съ нимъ приключился весьма странный случай: онъ находился на одномъ изъ купеческихъ кораблей компаніи, которымъ командовалъ старшій изъ капитановъ, начальствовавшій надъ всѣми судами, плившими вмѣстѣ. Въ Индійскомъ океанѣ на нихъ напала эскадра Бонапартовскаго флота подъ командою Французскаго адмирала, находив-

шагося на 80-ти пушечномъ кораблѣ „Маренго“. Торговья суда защищались такъ упорно, что Французскій адмиралъ былъ вынужденъ обратиться въ бѣгство.

Вамъ уже должно быть извѣстно все то, что происходило въ Валансиенѣ и Мобѣжѣ, любезный другъ. Въ какой степени удалось хорошо зарекомендовать Михаила въ глазахъ Его Императорскаго Величества и въ какой мѣрѣ нашъ Августѣйшій Монархъ отнесся сочувственно къ тѣмъ трудамъ, которые потрачены моимъ молодцомъ въ продолженіи трехъ лѣтъ и къ тѣмъ 300.000 слишкомъ, которые употреблены имъ изъ собственныхъ средствъ—очевидно изъ того, что онъ ему далъ орденъ св. равноапостольн. Владиміра 1-й степени. Я никакъ не могъ ожидать подобной чрезвычайной милости, тѣмъ болѣе, что, уже пять лѣтъ тому назадъ, онъ пожаловалъ ему за Лейпцигское сраженіе св. Александра Невскаго. Надобно полагать, что Его Императ. Величество соображается не только съ достоинствами, но даже и съ личными вкусами тѣхъ, кого считаетъ нужнымъ награждать и что имъ замѣчена въ характерѣ Михаила положительная склонность къ орденамъ: потому что за Бородинское сраженіе онъ былъ удостоенъ бриллиантовыхъ знаковъ ордена св. Анны, который онъ уже имѣлъ за какое-то сраженіе въ Турціи. Какъ все это утѣшительно!

Прошу васъ меня увѣдомить, видѣли ли вы Государя въ Парижѣ. Его Величество провелъ тамъ лишь нѣсколько часовъ, изъ которыхъ главную часть въ Тюльери; такъ что легко могло случиться, что ни одному Русскому не удалось имѣть счастье повергнуть къ его стопамъ свою почти тѣньшійшую преданность...

Каковъ вашъ образъ жизни, кого вы выдаете чаще другихъ? Остаются ли вы вѣрны театру „Variétés“, не смотря на отсутствіе Потье? Что онъ подѣлываетъ „à la Porte-Saint-Martin?“ Когда увидите герцога д'Ескаръ, то напомните ему обо мнѣ, а равно и Жерару, художнику. Подвигается ли его картина, первоначальный очеркъ который мы съ вами видѣли? Продолжаете ли вы приобретать картины и рисунки? Кланяйтесь отъ меня полковнику Орлову.

Не могу не сообщить вамъ, что нашъ добрый Михаилъ писалъ ко мнѣ на другой день послѣ отъѣзда Государя изъ Мобѣжа; повидимому онъ вполне доволенъ приказомъ, подписаннымъ Государемъ въ Валансиенѣ, въ день большихъ маневровъ, тѣми лестными словами, которыхъ его удостоили и въ особенности тѣмъ, чего ему удалось добиться для генераловъ Лисаневича и Понсета. Относительно же ордена св. Владимира, онъ пишетъ только слѣдующее: „Государь соблаговолилъ прислать мнѣ орденъ св. Владимира 1-й степени.“ Могу васъ увѣрить, что по тону его письма видно, что онъ вполне доволенъ; приказъ по войскамъ и въ особенности милости, оказанныя его генераламъ, очень его обрадовали. Я читалъ письмо, писанное изъ Аахена, въ которомъ говорится, что, не взирая на всю мелочную строгость, съ которою смотрѣть производился, Государь остался очень доволенъ. Тѣмъ болѣе причинъ для Михаила, чтобы считать себя удовлетвореннымъ.

Одинъ лишь добрый другъ мой князь Кастельчикала недоволенъ тѣмъ, что происходило въ Мобѣжѣ, какъ я вижу изъ его письма, полученнаго мною сегодня.

Моя дочь и ея мужъ посылаютъ

вамъ свой привѣтъ; намъ не хочется отказаться отъ удовольствія видѣть васъ въ Англіи будущею весною. Обнимаю васъ и пр.

18.

Лондонъ, 17 Января 1819 года.

Немедленно по прибытіи сюда сегодня изъ Вильтона, я узналъ, что г. Поггенполь отправляется черезъ нѣсколько часовъ курьеромъ въ Парижъ; этотъ случай слишкомъ удобенъ, чтобы не воспользоваться имъ и не написать къ вамъ, мой добрый другъ, начавъ свое письмо съ самыхъ искреннихъ пожеланій, да начинающійся годъ окажется для васъ счастливѣе прошлаго и принесетъ вамъ бодрое и надежное здоровье, на сколько оно возможно для нашей немощной природы. Вамъ положительно недостаетъ одного здоровья; остальнымъ, при нашемъ умѣ и высокихъ чувствахъ, вы должны быть довольны: служба, слава, безукоризненная совѣсть, все это принадлежитъ вамъ нераздѣльно. Напрасно всѣ благонамѣренныя Русскіе стали бы сожалѣть, что вы обречены скитаться на чужбинѣ, вмѣсто того, чтобы подвизаться для блага родины съ подобающимъ вамъ довѣріемъ и влияніемъ; это сожалѣніе оказалось бы, излишнимъ, какъ всякая несбыточная мечта. Нужно только знать возвышенность вашей души и тѣхъ, кому бы слѣдовало искать вашего содѣйствія (столь полезнаго для ихъ собственной славы) чтобы убѣдиться въ невозможности успѣха для васъ; и потому избранный вами образъ дѣйствій самый благоразумный и достойный. Вамъ остается только въ качествѣ зрителя наблюдать за игрою актеровъ и, смотря по игрѣ, свистать или рукоплескать имъ. Вдали отъ театра дѣйствій, вамъ

удобнѣе будетъ судить въ общихъ чертахъ о плохихъ представленіяхъ, дурно игранныхъ и еще болѣе искаженныхъ слабою игрою актеровъ; но вы будете избавлены отъ непріятнаго созерцанія тѣхъ мелочныхъ подробностей, которыя производятъ еще болѣе возмутительное впечатлѣніе.

За то вы находитесь въ первыхъ рядахъ, чтобы видѣть, какъ разыгрываются комедіи тамъ, гдѣ вы теперь находитесь; никакія подробности не могутъ ускользнуть отъ васъ, и потому я прошу васъ сообщать мнѣ, насколько возможно, чего слѣдуетъ ожидать въ будущемъ отъ этой безпутной, чванливой и въ конецъ развращенной націи. Какую роль играетъ Кремпенъ во всемъ этомъ? При его страсти вмѣшиваться всюду, едва ли онъ можетъ оставаться сложа руки. Съ возвращающимся Поггенполемъ, который пробудетъ въ Парижѣ только дня два или три, вы совершенно безопасно можете мнѣ отвѣчать.

19.

Лондонъ, 29 Января 1819 г.

Г. Гамильтонъ доставилъ мнѣ, любезный другъ, ваше письмо отъ 4-го и то, которое вы мнѣ писали девять или десять недѣль тому назадъ. Мы сошлись съ вами въ мысляхъ, и въ то время, какъ вы мнѣ писали весьма недовольнымъ тономъ о результатѣ смотровъ въ Валансиенѣ, я говорилъ вамъ въ томъ же духѣ объ орденѣ св. Владиміра. Вотъ почему я и не отвѣчалъ вамъ, такъ какъ мы предварительно уже высказались на этотъ счетъ, и я очень хорошо помню, что въ другомъ моемъ письмѣ, вскорѣ послѣ того написанномъ, я уже не коснулся этой странной награды лентою съ красными и черными полосами.

Нашъ молодецъ, положительно добрый малый, съ свѣтлою головою и добрымъ сердцемъ, не счелъ себя вправѣ жаловаться и даже почитать себя обиженнымъ; онъ только радовался, что достигъ всего того, чего домогался, а онъ домогался многого. Если бы его произвели, то сочли бы себя вправѣ отказать ему въ большей части награды, просимыхъ имъ для тѣхъ, кто служилъ подъ его начальствомъ, и его сокрушила бы мысль, что, въ глазахъ большинства, онъ прослылъ бы чело-вѣкомъ на сто-лько польщеннымъ собственнымъ производствомъ, что мало заботился о другихъ и весьма слабо ходатайствовалъ за нихъ передъ Государемъ. Мнѣ говорятъ, что герцогъ Веллингтонъ принялъ болѣе къ сердцу, чѣмъ Михаилъ, это невниманіе къ его заслугамъ и что, по возвращеніи своемъ въ Англію, онъ высказывался на этотъ счетъ. Онъ просилъ принца Валлійскаго пожаловать Михаила кавалеромъ военнаго ордена Бани 1-й степени.

Я не могу до сихъ поръ уяснить себѣ поведеніе Великаго Князя Константина Павловича относительно моего сына, который въ то время писалъ мнѣ, что онъ остался очень доволенъ. Полковникъ Д. Нарышкинъ также писалъ мнѣ, что Великій Князь былъ весьма доволенъ всѣмъ, что видѣлъ въ Мобежѣ и Валансиенѣ; но многіе изъ здѣшнихъ и изъ бывшихъ въ Аахенѣ утверждаютъ, что, уѣзжая оттуда на смотри, всѣ, начиная съ владыки и кончая послѣднимъ лакеемъ (и много даже генераловъ съ лакейскими душами) были предубѣждены противъ бѣднаго главнокомандующаго и предводимыхъ имъ во Франціи войскъ, разсчитывая, что все, что они увидятъ, будетъ негодно, дурно одѣто (главная статья!), плохо содер-жано, безъ ди-

сциплины, при полномъ незнаніи знаменитыхъ маневровъ великаго....; словомъ войска, недостойныя Русскаго имени. Отнеслись весьма снисходительно къ главному вопросу о недостаточно вытнутыхъ носкахъ; а всѣмъ прочимъ повидимому остались довольны. Но, кажется, сдѣлалось совѣстно въ мнѣніи на счетъ достоинства войскъ, ихъ генераловъ и корпуснаго командира расходиться съ герцогомъ Веллингтономъ, который не переставалъ ихъ расхваливать, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ и восхищаться ихъ маневрами. Столь рѣшительно высказанное мнѣніе со стороны величайшаго полководца нашего времени, замкнуло уста всѣмъ завистникамъ и вынудило Государя милостиво отнестись къ войскамъ и ихъ начальнику. Онъ весьма лестно отозвался о немъ и обѣщаль дать ему почетное и пріятное назначеніе; это мы еще увидимъ. Если Великій Князь Константинъ Павловичъ не былъ доволенъ, какъ мнѣ кажется (потому что я не слыхалъ о томъ ни отъ кого изъ бывшихъ въ Мобежъ и Валансиенъ), то меня это не удивляетъ, потому что онъ придерживается совершенно противоположной съ Михайломъ системы: у послѣдняго палки не употребляются, а у перваго нѣтъ иной мысли какъ палки и все палки. Они думаютъ, что только съ ихъ помощью можно имѣть дѣло съ людьми, всему ихъ выучить и что безъ этого всемогущаго и чуднаго средства никакой успѣхъ невозможенъ. Мнѣ очень бы хотѣлось знать, что этотъ сердечный Князь дѣлалъ и говорилъ и высказывался ли онъ въ Парижѣ на счетъ Мобежа и Валансиена.

Мнѣ всегда особенно пріятно видѣть, что мы съ вами сходимся въ мысляхъ. Я совершенно съ вами согласенъ, что, подрывая монархическое

начало закономъ о выборахъ, о рекрутскомъ наборѣ и объ организаціи національной гвардіи на всемъ протяжении Франціи и лишивъ „Monsieur“ дѣйствительнаго начальства надъ арміею, готовятъ паденіе Монархій; и что король, даже безъ особенныхъ усилій, можетъ оказаться низверженнымъ съ престола, на коемъ воссѣдаетъ такъ не твердо и такъ шатко, что достаточно толкнуть его пальцемъ въ спину, чтобы онъ слетѣлъ, не возбудивъ этимъ ни малѣйшаго удивленія. Если бы государи обдумывали и болѣе взвѣшивали свѣдѣнія, сообщаемыя ихъ агентами, то имъ слѣдовало бы убѣдиться или въ томъ, что ихъ жестоко обманули и ввели въ заблужденіе увѣреніемъ, будто вышеприведенные законы послужатъ новымъ основаніемъ къ спокойствію Франціи или что ихъ агенты—глупцы.

А между тѣмъ Поццо-ди-Борго именно за законъ о выборахъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты и обошелъ двѣсти генераль-маіоровъ!

Теперь, когда этотъ человѣкъ уже набилъ свои карманы, онъ можетъ откланяться Императору Александру, и мы вѣроятно увидимъ его при предстоящихъ революціяхъ разыгрывающимъ различныя роли, или по честолюбію или по скупости, потому что многіе, коротко его знающіе, утверждаютъ, что онъ скупѣе аббата Сіеса.

Не могу кончить, не поблагодаривъ васъ, мой добрый другъ, за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ письмомъ, изъ коего я вижу, что въ будущемъ Мартѣ мѣсяцѣ настанетъ столь желанный мною срокъ вашего пріѣзда сюда. Да вознаградитъ васъ Богъ за то удовольствіе, которое доставило мнѣ это обѣщаніе. Прощайте и пр.

20.

Лондонъ, 26 Февраля 1819 г.

Вы уже вѣроятно узнали отъ князя Капельчикала причину, по которой Михаилъ не могъ повѣрить ни ему, ни вамъ задуманное имъ намѣреніе обратиться письменно къ матери той личности, которая казалась ему способною составить его счастье, чтобы узнать, отдала ли уже ея дочь свое сердце кому-либо другому или, если оно еще свободно, согласна ли она будетъ выдти за него замужъ и пожелаетъ ли ея мать назвать его своимъ зятемъ? Отправивъ это письмо въ самую минуту своего отъѣзда изъ Парижа, онъ ожидалъ здѣсь отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ, не будучи увѣренъ, что онъ будетъ благопріятенъ, въ томъ случаѣ, если эта молодая особа уже чувствовала прежде сердечную склонность къ другому. Отвѣтъ прибылъ сюда шесть дней послѣ его пріѣзда и вполнѣ согласовался съ его желаніями. Онъ ни разу не писалъ ко мнѣ изъ Парижа на этотъ счетъ, потому что ему хорошо извѣстно, что я никогда не желалъ дѣйствовать на моихъ дѣтей въ дѣлѣ столь важномъ, какъ ихъ бракъ, полагаясь на ихъ благоразуміе гораздо болѣе, чѣмъ на мое собственное; а такъ какъ онъ не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, то и хотѣлъ сообщить мнѣ о томъ лишь по пріѣздѣ сюда. Я доволенъ, даже очень доволенъ, видя его влюбленнымъ въ такую особу, о которой я слышалъ много хорошаго съ разныхъ сторонъ. Я опасался, чтобы независимое положеніе холостяка не слишкомъ подѣйствовало на его характеръ и не сдѣлало бы его неспособнымъ ко всякой переменѣ; а потому я въ восхищеніи, что онъ возымѣлъ подобное намѣреніе и что ни-

что не препятствуетъ его счастью, которое въ тоже время и мое.

Вы вѣроятно не удивитесь, мой добрый другъ, что я васъ прошу отложить вашу поѣздку въ Англію до половины Мая, потому что я предполагаю прибыть въ Парижъ въ концѣ Апрѣля и пробуду тамъ три недѣли, послѣ чего мы можемъ вмѣстѣ вернуться сюда и, нѣсколько времени спустя, Михаилъ съ женою также къ намъ присоединятся. Вы застанете здѣсь самую лучшую пору; Парламентъ еще въ сборѣ, окрестности Лондона блестящими и сельскіе виды въ полной ихъ красѣ.

21.

Лондонъ, 2 Марта 1819 г.

Въ тотъ день, когда я писалъ мое послѣднее письмо, голова моя была еще въ бѣльшемъ беспорядкѣ, чѣмъ обыкновенно, а это не бездѣлица, и потому я перепуталъ время, числа измѣняющихся праздниковъ нынѣшняго года и вообразилъ себѣ, что уже настала Мартъ мѣсяцъ; однимъ словомъ я обнаружилъ полное отсутствіе разсудка и большую необдуманность, что составляетъ принадлежность дѣтей и старика „gimbambinito“ (впадшаго въ дѣтство) какъ говорятъ Итальянцы. Богъ знаетъ, почему я вообразилъ себѣ, что Святая Недѣля наступитъ ранѣе въ этомъ году и что по этому свадьба совершится еще въ концѣ Апрѣля. Прошу васъ отложить вашъ пріѣздъ въ Англію до конца Мая, такъ какъ я располагаю вернуться сюда къ этому времени: все это чистѣйшій вздоръ съ моей стороны. Прошу у васъ тысячу извиненій за всѣ эти натворенныя мною ошибки; но въ видѣ извиненія вспомните, что я доживаю свой семьдесятъ

шестой годъ, а это даетъ нѣкоторое право дѣлать глупости.

Прощайте, мой любезный другъ, да хранитъ васъ Господь; кланяйтесь всѣмъ вашимъ. Посылаю моему другу Андрюшѣ мостъ, который Михаилъ ему передастъ; ему останется только пріискать рѣку, чтобы примѣнить его къ дѣлу.

22.

Лондонъ, 29 Юня 1819 г.

Вы довершили, мой добрый другъ, мое благополучіе вашимъ письмомъ, которое принесло мнѣ согласіе ваше, вашей супруги и графини Натальи на ходатайство моего племянника Митюши. Я вижу изъ его письма, что онъ внѣ себя отъ радости и повидимому выражается въ томъ же духѣ и въ своемъ письмѣ къ Михаилу, благодаря его столько же, сколько и меня за то, что мы его ободряли отважиться просить руки вашей дочери, въ которую онъ влюбленъ. Но онъ постоянно опасался что ему откажутъ. Наконецъ намъ съ Михаиломъ удалось его убѣдить, что, еслибы даже это и случилось, то онъ по крайней мѣрѣ не могъ бы упрекнуть себя, что не искалъ своего счастья; а если онъ получить согласіе, то закрѣпить его за собою навѣки; и теперь онъ въ полной радости. Я всегда любилъ Митюшу за его благородное поведеніе, его хорошія способности и любовь къ порядку. Искреннее расположеніе и довѣріе, питаемая къ нему Михаиломъ, при которомъ онъ состоитъ уже слишкомъ семь лѣтъ, усилили мои добрыя чувства къ этому молодому человѣку. Я увѣренъ, что графиня Наталья Ѳедоровна будетъ счастлива и что онъ сдѣлается вашимъ третьимъ сыномъ. Еще усугубляетъ мое удовольствіе то, что къ дружбѣ, свя-

зывающей насъ въ теченіи 30 лѣтъ, дружбѣ, основанной съ моей стороны на глубокомъ уваженіи и признательности за драгоцѣнныя услуги, мнѣ оказанныя, присоединяются теперь узы родства; а въ нашъ вѣкъ эгоизма и невниманія ко всякому благородному и достойному чувству, во многихъ семействахъ попадаютъ родственники, которыхъ презираешь, и число тѣхъ, кого любишь и уважаешь и съ кѣмъ пріятно жить, рѣдко бываетъ значительно. И потому подобное пріятное приращеніе къ моимъ родственнымъ связямъ во многомъ способствуетъ къ усиленію моего семейнаго благополучія, которое одно и достойно вниманія на этомъ свѣтѣ. Примите - же вновь выраженіе моей благодарности, мой добрый другъ, за доставленное Митюшѣ счастье; я надѣюсь, что послѣ свадьбы вы привезете сюда съ собою моего племянника и мою новую племянницу, съ которою я очень желаю ближе познакомиться¹.

Все чтò вы мнѣ говорите о графѣ Сергѣѣ Ѳедоровичѣ, меня сильно тревожитъ на счетъ его здоровья; не слѣдуетъ терять времени: ему необходимо совершить поѣздку въ Италію; поселиться въ Пизѣ до Ноября мѣсяца и пробыть тамъ до Мая. Это самый здоровый климатъ во всей Европѣ для всякаго рода грудныхъ болѣзней.

Михаилъ совершаетъ поѣздку внутри страны и послѣ завтра прибудетъ въ Вильтонъ, куда я отправляюсь завтра утромъ. Мы останемся тамъ до половины Августа, послѣ чего всѣ вернемся сюда, потому что моя дочь долж-

¹ Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ, женившійся въ 1819 г. на графинѣ Натальѣ Ѳедоровнѣ Нарышкиной, скончался въ 1830 г. въ должности Таврическаго гражданскаго губернатора.

на родить въ Сентябрѣ, а ея акушеръ никогда не выѣзжаетъ изъ Лондона, гдѣ у него огромная практика. Мое почтеніе графинѣ и мой поклонъ вашимъ дѣтямъ. Поцѣлуйте за меня моего маленькаго друга Андрюшу и скажите ему отъ меня, что ему слѣдуетъ выучиться столькимъ иностраннымъ языкамъ, сколько ему удастся, чтобы перечестъ, а въ случаѣ нужды и перевестъ, для васъ тотъ избытокъ книгъ, которыя вы, по его мнѣнію, купили. Поклонитесь отъ меня полковнику Орлову² и пр.

23.

Вильтонъ-Гаусъ, 1 Авг. 1819 г.

Вы меня очень обрадовали, любезный другъ, возвѣстивъ мнѣ въ вашемъ письмѣ, что съ будущею почтою вы уже назначите день вашего выѣзда изъ Парижа для прибытія въ здѣшнюю страну. Надѣюсь, что путешествіе принесетъ вамъ пользу, перемѣною воздуха и климата вообще, потому что въ Англии, хотя зима и менѣе сурова, чѣмъ въ Парижѣ, но лѣто не такъ знойно; оттого и фрукты здѣсь не такъ хороши, какъ въ самыхъ сѣверныхъ полосахъ Франціи. Такъ какъ чрезмѣрный жаръ вредно дѣйствуетъ на геморрой, то я надѣюсь, что вы будете останавливаться въ полдень до четырехъ часовъ и будете подвигаться только въ часы утренней и вечерней прохлады. По приѣздѣ въ Дувръ, совѣтую вамъ отправиться въ отель „Горкъ“ и ночевать между Дувромъ и Лондономъ, въ Рочестерѣ, въ гостиницѣ „Корона“, не позволяя почтарямъ везти васъ въ другую по-

тому что она лучшая, и видъ изъ нея великолѣпный. Въ Дувръ явится къ вамъ личность, именуемая мистеръ Вискъ, агентъ, котораго я, Михаилъ и лордъ Пемброкъ постоянно употребляемъ для надзора за вещами и полученія ихъ изъ таможни. Онъ очень дѣятельный господинъ и если при васъ не будетъ подобной личности, то всѣ ваши вещи перевернутъ верхъ дномъ и будутъ всячески придираться къ вамъ въ таможнѣ, какъ это творится во всѣхъ проклятыхъ таможняхъ, во всемъ мірѣ.

Благодарю васъ за ваши отвѣты на всѣ мои вопросы. Катинька, мужъ ея и Лиза благодарятъ васъ за память и радуются вашему скорому приѣзду. Если вы придете въ Лондонъ до 10 числа, то еще можете насъ порадовать вашимъ приѣздомъ сюда, потому что мы пробудемъ въ Вильтонѣ до 15 и уже никакъ не позднѣе 16 числа, потому что Катенька въ своей беременности такъ близка къ сроку, что спѣшитъ въ Лондонъ къ акушеру.

Все что вы съ такимъ чувствомъ говорите мнѣ о вашихъ ощущеніяхъ при разлукѣ съ вашими двумя дочерьми, которыя вышли за мужъ на одной недѣлѣ, мною испытано еще въ сильнѣйшей степени, потому что у меня всего двое дѣтей, изъ которыхъ старшій былъ разлученъ со мною въ теченіи шести лѣтъ, уже подвергался большимъ опасностямъ въ Грузіи и Эривани, и равно и подъ Пултускомъ и долженъ былъ вновь рисковать жизнью. При мнѣ оставалась только моя дочь, которая съ самаго дѣтства меня не покидала. Мой домъ сдѣлался мнѣ ненавистенъ, отъ ощущаемаго мною одиночества; три дня спустя я его бросилъ, чтобы бѣжать въ Брайтонъ и соединиться съ однимъ другомъ, покойнымъ Вортлеемъ, который,

² Отставной полковникъ Григорій Федоровичъ Орловъ, лишившійся ноги подъ Бородинымъ. Онъ умеръ во Флоренціи въ 1853 г.

лишившись нѣсколько недѣль тому назадъ своей жены, также не могъ вынести пребыванія въ своемъ Лондонскомъ домѣ и отправился въ Брайтонъ, чтобы оставаться въ уединеніи, потому что въ Январѣ мѣсяцѣ въ этомъ городѣ почти совсѣмъ нѣтъ жителей. Два лица, тѣсно связанные дружбою и удрученныя горемъ въ равной степени, болѣе чѣмъ когда либо сближаются другъ съ другомъ: взаимное участіе смягчаетъ нашу печаль. Его несчастіе было безвозвратно, но у него оставался женатый сынъ съ дѣтьми и двѣ дочери, изъ которыхъ младшая была замужемъ и также имѣла дѣтей, а такъ какъ онъ любилъ свою семью, то и пришлось о ней заботиться. Что до меня касается, то я весьма ясно сознавалъ, что несравненно лучше жить одному у себя, или въ обществѣ дочери, въ городѣ, или въ деревнѣ у нея, видя ее счастливою съ достойнымъ мужемъ, котораго даровало ей Провидѣніе и который искренно привязанъ къ ней, чѣмъ удерживать ее у себя въ домѣ, постоянно озабоченную тѣмъ что съ нею будетъ послѣ моей смерти; при ея сознаніи, что одной ей въ чужой странѣ оставаться нельзя и что въ Россіи она будетъ несчастлива: потому что братъ ея, находясь въ арміи, оставаться съ нею не можетъ, а отъ родственниковъ и родственницъ она ожидала мало утѣшенія при совершенномъ несогласіи ихъ взглядовъ и обычаевъ съ ея воспитаніемъ, ея правилами и ея образомъ жизни. Всѣ эти соображенія возстановили мое обычное равновѣсіе, и я благословлялъ судьбу за то счастье, которымъ она пользовалась и доставила мнѣ своимъ замужествомъ. Только что совершившійся бракъ моего милаго Михаила довершилъ мое счастье, благодаря

нраву его жены, столь открытому и сходному съ характеромъ Катеньки и лорда Пемброка, которые очень ее полюбили. Это согласіе между моими четырьмя дѣтьми доставляетъ мнѣ высокое наслажденіе. Надѣюсь, любезный другъ, что оба ваши зятя столько же васъ порадуютъ, сколько я утѣшенъ мужемъ моей дочери; покрайней мѣрѣ я смѣло могу отвѣчать вамъ за Нарышкина, что его поведеніе, относительно вашей дочери, сдѣлаетъ ее счастливою, а васъ довольнымъ.

Лондонъ, 31 Авг. 1819 г.

Посылаю вамъ эти немногія строки, чтобы принести вамъ жалобу на васъ самихъ, любезный другъ. Начинаю думать, что мнѣ приходится отказаться видѣть васъ въ здѣшней странѣ въ нынѣшнемъ году. Мнѣ это очень тяжело, въ особенности когда подумаю, что вы собираетесь въ Италію, гдѣ красоты природы и сокровища искусства задержатъ васъ долѣе, чѣмъ вы теперь предполагаете*; и когда при этомъ я вспоминаю, какъ старъ я стану, то могу ли ожидать, что еще увижусь съ вами? Какъ бы то ни было, суждено ли мнѣ еще увидѣться съ вами или нѣтъ, не забывайте, что нѣтъ въ мірѣ человѣка болѣе меня вамъ преданнаго и благодарнаго.

Вы знаете, что восемь дней тому назадъ у Катеньки родилась дочь и что она и малютка обѣ здоровы. Михаилъ и жена его, которая беременна, вамъ кланяются. Поклонитесь отъ меня всему вашему семейству, а также и Нарышкину; я благодарю его добрую, милую жену за его счастье. Да хранитъ васъ Господь; обнимаю васъ отъ всей души.

* Эта поѣздка не состоялась, и гр. ѳ. в. Растопчинъ не бывалъ въ Италіи.

24.

Лондонъ, 15 Сентября 1819 г.

Я посылаю вамъ эти строки, любезный другъ, съ Михайломъ, который черезъ полчаса оставляетъ насъ, и посылаю ихъ единственно, чтобы напомнить вамъ обѣщаніе ваше навѣстить насъ.

Отъѣздъ Михаила и его жены, какъ вы легко можете себѣ представить, насъ очень огорчаетъ. Лиза овладѣла нашими сердцами; я расстаюсь съ нею какъ съ дочерью, а Катенька и мужъ ея какъ съ сестрою; она много выигрываетъ при большемъ сближеніи съ нею. Михайлъ—прямое сокровище въ смыслѣ всего благоразумнаго, добраго, высокаго и благороднаго. Мнѣ не стыдно такъ выразаться о немъ передъ такимъ другомъ, какъ вы, который его хорошо знаетъ. Искренно желаю, чтобы ему удалось осуществить непремѣнное обѣщаніе вернуться сюда черезъ двѣнадцать или тринадцать мѣсяцевъ; но когда подумаю о моихъ годахъ, то эта надежда становится весьма шаткою. Напомните обо мнѣ вашему семейству и пр....

25.

Вильтонъ, 11 Января 1821 г.

Вы можете себѣ представить, мой добрый другъ, какъ я счастливъ, окруженный моими дѣтьми: Михайлъ, Лиза, Катенька и мужъ ея составляютъ счастье моей жизни и на старости лѣтъ заставляють меня испытывать такія сладостныя ощущенія, какихъ не зналъ я въ такой мѣрѣ въ теченіи всего моего долгаго земнаго поприща.

Михайлъ и Лиза сообщили мнѣ, что вы страдали отъ болѣзни, которая вынудила васъ не выходить изъ дома; но при этомъ они меня успокоили, присокупивъ, что при ихъ отъѣздѣ вы уже чувствовали себя гораздо легче, Они также увѣдомили меня, что вы лишены помощи доктора Галля, къ которому питаете такое довѣріе и что онъ куда-то уѣхалъ, но что въ Парижѣ его нѣтъ. Неужели же не сыщется другихъ хорошихъ врачей въ Парижѣ, по ихъ опытности равныхъ этому доктору, который всю свою жизнь посвятилъ изученію человѣческаго мозга и написалъ книгу, доставившую ему извѣстность въ ущербъ здравому смыслу, благодаря его теоріи о черепѣ, на основаніи коей, по мнѣнію его, познаются наши добродѣтели и пороки.

Михайлъ утвердилъ меня въ надеждѣ видѣть васъ нынѣшнею весною. По пріѣздѣ сюда вы убѣдитесь, что настроеніе умовъ неблагоприятно со времени прибытія этой распутной королевы, которая повергаетъ „Jean Toogean“ въ негодованіе. Будемъ надѣяться, что его здравый смыслъ, доселѣ столь прославленный, еще возобладаетъ. Дай Богъ, чтобы этотъ здравый смыслъ вернулся здѣсь къ пасомымъ, а во многихъ другихъ странахъ къ пасущимъ.

Поклонитесь отъ меня адмиралу (Чичагову) и полковнику Орлову. Тотъ кто носить тоже имя, украшенное титуломъ *, вѣроятно тревожится теперь за своихъ друзей - карбонаріевъ, которые едва ли покойны въ виду предстоящей развязки затѣянной ими комедіи.

* Говорится о графѣ Григоріѣ Владимировичѣ Орловѣ, жившемъ въ Неаполѣ.

26.

Писано вѣроятно въ концѣ 1822 г. или въ началѣ 1823 г.

Душевно благодарю васъ, мой добрый другъ, за ваше письмо ото 13 числа. Послѣ того что произошло въ Неаполѣ и что несравненно хуже Испанскаго возстанія, потому что Неаполитанцы не обладаютъ ни хладнокровіемъ, ни благородствомъ Испанцевъ, а еще менѣе ихъ монархическою преданностью, въ Неаполѣ совершаются ужасы, которые немислимы въ Мадридѣ. Неминуемымъ послѣдствіемъ будетъ революція въ папской области, которая распространится и до Тосканы. Пиемонту угрожаетъ также великая опасность и если Австрія не поспѣшитъ выслать 50,000 Нѣмцевъ въ свои владѣнія по ту сторону Альповъ, то Миланъ и Венеція для нея пропадутъ, потому что тамъ-то именно и зародышъ возстанія.

При подобныхъ обстоятельствахъ, вамъ бы слѣдовало отложить намѣреніе посѣтить Италію, гдѣ вы будете менѣе безопасны, чѣмъ въ Парижѣ. Почему бы вамъ не отправиться въ Брюссель, откуда, въ случаѣ возмущенія во Франціи и неизбѣжной затѣмъ революціи въ Нидерландахъ, вы могли бы перебраться въ Вѣну, гдѣ революція невозможна, благодаря твердости правительства и тяжелымъ, но добродушнымъ свойствамъ народонаселенія. Если климатъ вамъ покажется непріятнымъ, вы можете провести зиму въ Триестѣ. Если Вѣнскій дворъ подкрѣпитъ тотъ слабый отрядъ, который размѣщенъ въ Ломбардіи и вручить главное начальство надъ нимъ Біанки, лучшему своему генералу, то онъ сохранитъ за собою свои Итальянскія владѣнія, обезпечитъ Пиемонтъ и защититъ Тоскану. Тогда Неаполитан-

xi. 7.

ская революція не можетъ продлиться долго, и союзные монархи будутъ имѣть время прійти къ соглашенію относительно потушенія пламени, которое, при дальнѣйшемъ развитіи, можетъ ихъ всѣхъ погубить. Но если Австрія замедлитъ выслать свое войско, то она лишится своихъ Итальянскихъ областей; потому что совсѣмъ иное дѣло удержать за собою что либо или быть изгнаннымъ, и вновь завоевывать страну, которая поголовно ополчится

Я вижу, по газетамъ, что мой добрый и достойный Кастанельчича будетъ отозванъ и конечно подвергнется преслѣдованію. По письму его, полученному вчера, замѣтно, что онъ ко всему готовъ и всему покоряется. Онъ боленъ и страдаетъ ревматизмомъ, который знаменитый Дюпьютрень взялся вылечить съ помощью мушекъ, причиняющихъ ему сильную боль. Но такова сила его души, что, совершенно разстроенный въ матеріальныхъ средствахъ двумя революціями, совершившимся въ его Отецествѣ, нисколько не вознагражденный за нихъ королемъ, который обязанъ своимъ престоломъ его усердію и стараніямъ,—онъ никогда не упоминаетъ о своихъ бѣдствіяхъ и объ утратѣ состоянія, и я узналъ о нихъ отъ лицъ, которымъ всѣ эти обстоятельства хорошо извѣстны. Самъ же онъ теперь единственно озабоченъ несчастіемъ своего государя и когда этотъ вопросъ достаточно между нами исчерпанъ, то онъ говоритъ мнѣ о разныхъ книгахъ, посылаетъ брошюры и выполняетъ порученія, данныя ему его друзьями. Вотъ уже почти 28 лѣтъ, что я съ нимъ друженъ, и никогда не знавалъ его иначе какъ самымъ почтеннымъ человѣкомъ, среди лучшихъ умовъ своего времени, одареннымъ познаніями и самымъ утончен-

р. архивъ 1872. 72

нымъ безкорыстіемъ, благороднымъ, щедрымъ въ официальномъ и частномъ быту, человѣкомъ безусловной преданности и честности. Прибавьте къ этому чрезвычайную скромность, откровенность, доброту и веселость. Какъ же послѣ этого не любить подобнаго человѣка и не принимать живѣйшаго участія во всемъ до него касающемся? А потому и прошу васъ, любезный графъ, узнать отъ Пигнателли, который въ Парижѣ, все что только можетъ относиться до моего друга и сообщить мнѣ что вы узнаете. Прощайте и пр.

27.

Лондонъ, 5 (17) Ноября 1823 г.

Въ письмѣ, полученномъ мною третьяго дня изъ Тульчина отъ 6 Октября, Михайлъ съ радостью возвѣщаетъ мнѣ, что ему удалось исходатайствовать у Государя назначеніе Дмитрія Нарышкина гражданскимъ губернаторомъ въ Крымъ. Ему трудно было бы найти человѣка болѣе достойнаго по уму, благоразумію, дѣятельности и честнымъ правиламъ и на добросовѣстность котораго онъ вполне можетъ расположиться; къ тому же онъ его двоюродный братъ, его воспитанникъ, человѣкъ весьма любезный и чрезвычайно любимъ Михайломъ. Я предполагаю и надѣюсь, что это побудитъ васъ провести зиму въ столь тепломъ климатѣ, какъ Крымъ, съ великою пользою для вашего здоровья. Зная свойства вашей болѣзни, я тревожусь при мысли, что вамъ придется провести пять мѣсяцевъ въ заперти, съ топленными печами, не пользуясь свѣжимъ воздухомъ, потому что ѣзда въ закрытой каретѣ не доставляетъ нужнаго движенія вашему организму; а при ходьбѣ пѣшкомъ въ

шубѣ и въ теплыхъ сапогахъ, вы все-таки рискуете отморозить себѣ носъ и уши, тогда какъ въ благоуханномъ климатѣ Крыма, вы будете пользоваться въ комнатѣ свѣжимъ, возобновляемымъ воздухомъ и будете совершать прогулки пѣшкомъ и верхомъ при яркомъ солнцѣ 45° широты, т. е. на 3° южнѣе Парижа и на 9° теплѣе Москвы. Весь южный берегъ этого полуострова заслоненъ горами отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Михайлъ, который совершилъ объѣздъ вдоль морскаго берега, пишетъ мнѣ, что оливковое дерево растетъ тамъ на открытомъ воздухѣ и что онъ видѣлъ лимонное дерево покрытое плодами. При состояніи вашего здоровья, любезный другъ, вамъ постоянный и теплый климатъ нужнѣе, чѣмъ лекарства и врачи. Молю Бога, чтобы Онъ внушилъ вамъ мысль покинуть Москву на зиму и провести это суровое время года съ вашею дочерью и ея мужемъ.

По поводу дочерей, я долженъ вамъ сказать (по письму ко мнѣ Лонгинова) что по пріѣздѣ графини вашей супруги въ Петербургъ, всѣ пришли въ восторгъ отъ моей возлюбленной, милой Лизы *. Ея паружность, ея стройный ростъ, ея граціозныя манеры, ея не натянутое и не изученное и врожденное изящество, соединенное съ природною скромностью, все это вмѣстѣ взятое возбудило всеобщее восхищеніе во всѣхъ, кто ее видѣлъ. Онъ кончаетъ свое письмо словами: *„Здѣсь у насъ ничего нѣтъ подобнаго.“* Я въ этомъ убѣжденъ и увѣренъ, что и въ столицѣ Россіи, гдѣ кругъ высшаго, образованнаго общества въ двадцать разъ

* Говорится о младшей дочери гр. Ростопчина, въ слѣдующемъ году скончавшейся въ Москвѣ, въ дѣвцахъ. И. Б.

обширнѣе, чѣмъ въ резиденціи, не найдется подобной моей возлюбленной, несравненной Лизѣ. Поцѣлуйте ее за меня и скажите ей, что судьба обрекла меня уже не видѣть ея болѣе; но что при искреннемъ моемъ сочувствіи ко всему, что до нея касается, я творю пламенные молитвы о ея счастіи.

Михаилъ обремененъ дѣлами и поѣздками; но при этомъ онъ все таки пишетъ ко мнѣ аккуратно, чтобы я зналъ, что онъ здоровъ; а жена его извѣщаетъ меня о поѣздкахъ своего мужа и о состояніи всего семейства. Она писала ко мнѣ, что Михаилъ получилъ отъ васъ письмо изъ Кіева, писанное въ вашъ проѣздъ черезъ этотъ городъ и что это письмо было исполнено игривымъ и любезнымъ оживленіемъ, что меня не удивило, но сильно обрадовало, потому что когда человѣкъ веселъ, то онъ здоровъ. Конечно исторія говоритъ намъ, что Скарронъ былъ веселъ, испытывая физическія страданія, и я самъ видѣлъ, какъ генералъ Замятинъ смѣшилъ насъ веселостью и оригинальностью своихъ рассказовъ въ то время, когда съ лица его падали капли холоднаго пота, вслѣдствіе желудочныхъ спазмовъ, причинявшихъ ему нестерпимую боль. Но это такіе рѣдкіе примѣры, что, въ теченіи всего моего 80-ти лѣтняго прозябанія на землѣ, я не знавалъ другаго Замятина, который былъ бы въ состояніи сохранить, во время физическихъ страданій, невозмутимую веселость духа. Ваше письмо изъ Кіева, доставившее такое удовольствіе Михаилу и его женѣ, произвело такое же пріятное дѣйствіе на меня по сочувствію и, не зная ничего о его содержаніи, я все таки пришелъ къ убѣжденію, что вы должны быть здоровы, любезный другъ.

28.

Лондонъ, 11 (23) Апрѣля 1824 г.

Увы! Я слишкомъ рано узналъ о невозвратимой потерѣ вашей, мой добрый и почтенный другъ; мнѣ сообщилъ о томъ Лонгиновъ, который, какъ и всѣ, знавшіе милую Лизу (это небесное сознаніе!) былъ пламеннымъ поклонникомъ ея прелести и ангельскаго характера. У меня не доставало силъ писать вамъ объ этомъ тяжеломъ и невознаградимомъ несчастіи; я откладывалъ со дня на день рѣчь объ этомъ ужасномъ событіи, отравляющемъ вашу жизнь и повергшимъ и меня въ такую скорбь, которую я не умѣю вполне выразить. Эта милая Лиза, которую я называлъ возлюбленною моего сердца, которая обладала всѣми душевными прелестями, умная, кроткая, до того скромная, что лишь одна она не примѣчала всеобщаго восхищенія, которое она внушала всюду, гдѣ находилась! Какъ отецъ, какъ самый преданный вашъ другъ, какъ человѣкъ, сознававшій всю цѣну этой милой Лизы, я постигаю всю горечь вашего несчастья! Было бы безразсудно предлагать вамъ какое-либо утѣшеніе! Будемъте плакать вмѣстѣ, но покоримся безъ ропота опредѣленіямъ Божественнаго Промысла.

Я писалъ къ вамъ, любезный другъ, когда вы были на пути въ Богемію и послалъ мое письмо Ивану Воронцову, въ Мюнхенъ для доставленія вамъ. Онъ мнѣ сообщилъ въ то время, что письмо было вамъ передано; но такъ какъ вы мнѣ не отвѣчали, то мнѣ остается предполагать, что оно затерялось въ одной изъ Австрійскихъ почтовыхъ конторъ. Если бы вы его получили, то прочли бы въ немъ мое безпокойство о вашемъ здоровьѣ, при мысли, что вы подвергаетесь дѣйстви-

ямъ климата, столь неблагоприятнаго для той главной и важной болѣзни, которою вы страдаете въ теченіи столькихъ лѣтъ. Эта ужасная температура на 56 градусѣ широты заставляетъ меня за васъ содрогаться. Лонгиновъ можетъ засвидѣтельствовать, что я весьма часто выражалъ ему, насколько опасаясь для васъ Московскаго климата. Я всегда относился враждебно къ вашему возвращенію въ такія мѣстности, которыя могутъ только усилить разстройство вашего здоровья; какъ будто я предчувствовалъ еще сильнѣйшее горе, и оно сбылось. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ Лонгиновъ пишетъ мнѣ, что Андриуша страдалъ отъ лихорадки, которая продолжалась долго, но наконецъ прошла; мнѣ кажется, что это утѣшеніе должно бы нѣсколько усладить вашу скорбь. Повидимому, вы направляетесь на югъ Россіи; я желалъ бы, чтобы вы какъ можно скорѣе добрались до Одессы и пробыли тамъ до половины Августа; а потомъ отправились бы прямо въ Италію и поселились съ Ноября мѣсяца въ Пизѣ, гдѣ самый теплый климатъ во всей Европѣ въ теченіи пяти мѣсяцевъ, отъ Ноября до Апрѣля. Я говорю вамъ это по собственному опыту, такъ какъ я провелъ три зимы въ Пизѣ, разъ съ покойнымъ дядюшкою, другой по заключеніи Канарджійскаго мира послѣ продолжительной болѣзни и въ третій по смерти жены моей, когда я долго и тяжело былъ боленъ. Въ Пизѣ знаменитый университетъ, гдѣ болѣе сорока профессоровъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько искусныхъ врачей. Тѣ, которые были при мнѣ, уже не существуютъ, потому что я покинулъ Пизу въ Апрѣль 1785 г., тому 39 лѣтъ; но конечно въ этомъ университетѣ всегда будутъ хорошіе врачи.

Дочь моя, хотя она и мало знала нашу дорогую Лизу, отъ души раздѣляетъ ваше горе, будучи сама мать и зная вашу неизмѣнную дружбу ко мнѣ и къ ея брату. Капельчикала, доставившій мнѣ ваше письмо и который искренно вамъ преданъ, также глубоко огорченъ. Нашъ почтенный отецъ Смирновъ, который столько вамъ обязанъ, пріобщается къ нашему горю. Прощайте, мой уважаемый и неизмѣнный другъ; да хранитъ Господь васъ и всѣхъ близкихъ вашему сердцу; поцѣлуйте за меня моего пріятеля Андриушу; обнимаю васъ отъ души.

29.

Лондонъ, 1 (13) Іюля 1825 г.

Не могу долѣе оставаться въ невѣдѣніи гдѣ вы находитесь, любезный другъ, что вы дѣлаете и что намѣрены дѣлать. Я искренно сочувствую и никогда не перестану сочувствовать вашему несчастію, потому что оно не поправимо и что я вамъ преданъ по дружбѣ, по уваженію и по той благодарности, которую питаю къ вамъ въ душѣ. Какъ бы я желалъ, чтобы вы покинули страну, которая, не говори уже о климатѣ, вообще не благоприятна для вашей хронической болѣзни и для вашего организма и напоминаетъ вамъ безвозвратную потерю возлюбленной, дорогой дочери, этимъ климатомъ погубленной! Почему же вы упорствуете въ вашемъ намѣреніи тамъ оставаться? При вашей независимости, вы можете отправиться куда хотите; вы можете избрать страну наиболѣе соотвѣтствующую вашей болѣзни, гдѣ вы найдете нѣкоторое облегченіе и гдѣ Андриуша съ пользою можетъ продолжать занятія и, не разставаясь съ своимъ достойнымъ отцемъ, заимствова въ у него познанія

и правила любви къ Отечеству и преданности ко всему благородному, великому и добродѣтельному.

Не зная ничего о вашихъ намѣреніяхъ, я писалъ о томъ Михаилу, но онъ ничего не могъ сказать мнѣ на этотъ счетъ; я писалъ Нарышкину въ Симферополь, но еще не получилъ отвѣта. Умоляю васъ, любезный и почтенный, старый, 36 лѣтній другъ и благодѣтель, увѣдомьте меня, что вы намѣрены дѣлать, и успокойте мои тревоги на вашъ счетъ.

Что до меня касается, то могу только сообщить вамъ, что я все старѣю, но безъ всякихъ страданій: я постепенно и замѣтно слабѣю, безъ физической боли и безъ душевнаго потрясенія. Умственныя способности, всегда не блестящія, все болѣе и болѣе притупляются съ потерей памяти и сопряженною съ нею разсѣянностью и забывчивостью; а зрѣніе мое никуда бы не годилось, если бы нѣсколько вѣковъ тому назадъ нѣкій благодѣтельный Тосканецъ во Флоренціи не изобрѣлъ очковъ. Поздніе часы обѣдовъ и собраній уже мнѣ не подъ силу, и потому я отказался отъ большаго свѣта и провожу время въ кругу четырехъ или пяти семействъ и семьи моей дочери. Я остаюсь въ Лондонѣ, покамѣстъ моя дочь тамъ проживаетъ, т. е. около пяти мѣсяцевъ; остальное время въ году я проживаю съ нею въ Вильтонѣ, и когда она совершаетъ небольшія поѣздки въ Брайтонъ, Кембриджъ, Вельсъ или Левингтонъ, то и я сопровождаю ея. Въ Ноябрь мѣсяцъ надѣюсь имѣть утѣшеніе повидаться съ Михаиломъ и Лизою и такъ какъ они пріѣдутъ съ дѣтьми, то я буду имѣть удовольствіе свидѣться снова съ ихъ старшею дочерью и узнать мальчика и дѣвочку, которые

родились уже съ тѣхъ поръ, что Михаилъ вернулся въ Россію.

Прощайте, любезный другъ, увѣдомьте меня о себѣ. Обнимаю васъ отъ все души и молю Бога, чтобы Онъ доставилъ мнѣ утѣшеніе еще разъ повидаться съ вами.

Автобіографическая записка В. И. Далая *.

Прадѣды мои по отцѣ были Датчане и отецъ Датчанинъ, вызванный Екатериною изъ Нѣмецкаго университета (кажется изъ Іены) въ бібліотекари. Онъ былъ богословъ, зналъ древніе и новыя языки, даже Еврейскій и въ Петербургѣ съ помощью вельможъ (кажется Ахвердова и другихъ) разсудивъ, что ему нуженъ хлѣбъ, отправился въ Германію, въ университетъ въ Іену и вышелъ докторомъ медицины.

Послѣ этого онъ женился на Маріи Фрейтагъ, дочери бывшаго на Русской службѣ чиновника ломбарда и, вступивъ на службу, назначенъ врачомъ по горному вѣдомству въ Петро-заводскъ. Не знаю по какому поводу, онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Петербургъ въ кирасирскій полкъ, стоявшій въ Гатчинѣ. Отецъ мой былъ горячъ иногда до безумія и съ Великимъ Княземъ (Павломъ) не ладилъ, а по обязанности являлся ежедневно къ нему съ рапортомъ. Однажды майоръ того полка опоздалъ на какой-то смотръ или парадъ. В. К., наскакавъ на него, до того ему выговаривалъ, что тотъ, покачавшись на лошади, свалил-

* Продиктовано покойнымъ Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ въ Мартѣ 1872 года. Получено нами отъ дочери его Ольги Владиміровны Демидовой. П. Б.

ся снопомъ: съ нимъ сдѣлался ударъ. Павелъ Петровичъ бросился къ нему, приказалъ отцу моему неотступно о немъ заботиться и когда, черезъ нѣсколько дней, маіоръ поправился и могъ лично явиться къ нему, то В. К., подавъ ему руку, сказалъ: „Sind sie ein Mensch?“ Тотъ отвѣчалъ: „Ja, Hochheit“.—„So können Sie auch verzeihen *.“

Я слышалъ отъ матери, что она была во все время послѣ этого въ ужасномъ страхѣ, потому что отецъ мой постоянно держалъ заряженные пистолеты, объявивъ, что еслибы съ нимъ случилось что-нибудь подобное, то онъ клянется застрѣлить напередъ виновнаго, а потомъ и себя.

Оттуда отецъ мой былъ переведенъ по горному же вѣдомству въ Лугань, Екатеринославской губерніи, гдѣ я и родился, послѣ двухъ старшихъ сестеръ, въ 1801 году 10 Ноября. За мною слѣдовали, кромѣ умершихъ въ малолѣтствѣ сестеръ, братья: Карлъ, Левъ и Павелъ. Карлъ былъ морякъ и умеръ въ Николаевѣ; Левъ артиллеристъ—убить при взятіи Варшавы въ 1831 году, и товарищи поставили ему памятникъ. Павелъ, не кончивъ курса въ Дерптскомъ университетѣ, умеръ чахоткою въ Римѣ (гдѣ ему племянникъ Левъ Даль поставилъ памятникъ уже гораздо позже). Меня съ Карломъ отдали въ морской корпусъ; это было лѣтомъ въ 1814 году, 13½ годовъ.

Что скажу объ этомъ воспитаніи, о которомъ въ понятіи остались однѣ розги, такъ называемыя дежурства, гдѣ дневалъ и ночевалъ барабанщикъ со скамейкою, назначенною для этой потѣхи. Трудно нынѣ повѣрить, что не было другаго исправительнаго на-

казанія противъ ошибки, шалости, лѣни, и даже въ случаѣ простой бессмысленной досады любаго изъ числа 25 офицеровъ. Расскажу нѣсколько случаевъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ. По обычнымъ преданіямъ, кадеты сообща устраивали въ огромной обѣденной залѣ въ новый годъ родъ иллюминаціи, ставили раскрашенныя и промасленныя бумажныя саженыя пирамиды, освѣщенныя огарками внутри. Какого труда и заботы дѣло это стоило, особенно потому, что оно должно было дѣлаться тайно! Дѣти прятались для этого на чердакѣ и въ другихъ малодоступныхъ мѣстахъ, расписывая подъ охраной выставленныхъ махальныхъ бумажные листы вензелями начальниковъ своихъ и наклеивали на лучинныя пирамиды. Объ этомъ конечно знали всѣ офицеры, но не менѣе того какъ всякая безъ изыятія забава или занятіе кромѣ научнаго были запрещены, то въ 1816 году офицеръ 1-й роты Миллеръ (онъ стоитъ того, чтобы его назвать) своими руками въ умывалкѣ 1-й роты изломалъ въ щепы и изорвалъ въ клочки изготовленныя къ новому году пирамиды. Не безъ слезъ конечно изготовлены были въ замѣнъ вторыя, по недосугу гораздо меньшія, а въ послѣдствіи, на самой иллюминаціи и маскарадѣ, сами офицеры прохаживались по залѣ, любовались картинными вензелями своими на пирамидахъ, будто ни въ чемъ не бывало.

Другой примѣръ.

Директоръ нашъ, дряхлѣйшій адмиралъ Карцевъ, выжившій уже изъ лѣтъ, замѣтивъ въ сумеркахъ, что кадеты расчистили себѣ на дворѣ катокъ и катаются немногіе на конькахъ, другіе скользятъ на подошвахъ—приказалъ купить и раздать на каждую роту по десяти паръ коньковъ. Казалось бы

* Вы человекъ?—Да, Ваше Высочество.—Ну, стало быть, вы можете и прощать.

затрудненіе и самое запрещеніе этимъ было устранено, и раздачу коньковъ нельзя было принять иначе какъ за поощреніе; а между тѣмъ, если кадета ловили на такой забавѣ, которая считалась въ числѣ шалостей, если они не успѣвали скрыться черезъ безконечно длинныя галереи, то ихъ непремѣнно сѣкли. Иногда нельзя было не подумать, что люди эти не въ своемъ умѣ. Тоже можно сказать о лейтенантѣ Калугинѣ, вертлявомъ щеголѣ и ломакѣ. Всякаго кадета, который смѣлъ при немъ смѣяться, онъ допрашивалъ подъ розгами: о чемъ ты смѣешься, вѣроятно подозрѣвая, что смѣются надъ нимъ. Послѣдствія такого воспитанія очевидны. Не было того порока, который бы не входилъ въ обиходъ кадетской жизни. Это было тѣмъ тяжелѣе, что о самой возможности такой жизни и не слыхивали дома. Отецъ былъ строгъ, но очень уменъ и справедливъ. Мать добра и разумна и лично занималась обученіемъ нашимъ, на сколько могла. У насъ были только учителя Штурманскаго училища, къ которымъ мы ходили на домъ: учителя рисованія и математики. Прочему учила мать, которая знала кромѣ Нѣмецкаго и Русскаго еще три языка. Бабушка по матери, М. Ив. Фрейтагъ даже была Русская писательница, по крайней мѣрѣ переводчица и значится въ Смирдинскомъ каталогѣ.

Но что сказать о наукѣ въ корпусѣ?

Почти тоже что о нравственномъ воспитаніи: оно было изъ рукъ вонъ плохо, хотя для виду учили всему. Марко Филипповичъ Горковенко, ученикъ извѣстнаго Гамалеи и нашъ инспекторъ классовъ, былъ того убѣжденія, что знаніе можно вбить въ ученика только розгами или серебряною табакеркою въ голову. Эта табакерка всякому памятна.

„Тамъ не такъ сказано, говори тѣмъ же словами“ и затѣмъ тукманку въ голову—это было привѣтствіе Мар. Фил. при вступленіи въ безконечный рядъ классовъ.

3 Марта 1819 года, послѣ трехъ кампаній въ Маркизовомъ морѣ, мы выпущены въ мичмана, и я по желанію написанъ въ Черное море въ Николаевъ. На этой первой поѣздкѣ моей по Руси я положилъ безсознательно основаніе къ своему Словарю, записывая каждое слово, которое дотолѣ не слышалъ. Послѣ корпуснаго воспитанія не было у меня никакихъ разумныхъ наклонностей: я шатался съ ружьемъ по степи, не бралъ книги въ руки, по при всемъ томъ по какому-то чутью искалъ знакомства и товарищества съ лучшими людьми: назову Скарабели, братьевъ Рогулей, отчасти Зайцевскаго и другихъ.

Лучшіе годы жизни, убитые мною при корпусномъ воспитаніи, не могли поселить во мнѣ никакихъ добрыхъ, нравственныхъ наклонностей; ими я обязанъ домашнему воспитанію. Отецъ мой былъ прямой и въ самомъ строгомъ смыслѣ честный человекъ, но въ обращеній съ нами нѣсколько сухъ и иногда даже суровъ; но мать, разумнымъ и мягкимъ обращеніемъ своимъ, а болѣе всего примѣромъ, съ самаго дѣтства, поселила во мнѣ нравственное начало, окрѣпнувшее съ годами и не покидавшее меня во всю жизнь. Не умѣю объяснить, какъ и чѣмъ это сдѣлалось; но чувствую и сознаю, что это такъ и нынѣ, когда мнѣ уже исполнилось 70 лѣтъ и когда сыну моему уже 35. Я сознаю это благое вліяніе материнскаго воспитанія, и сынъ мой, ею же воспитанный, говорить о себѣ тоже.

(Продолженія не было).

Замѣчанія на вторую книгу Де-вятнадцатаго Вѣка *.

Стр. 223. *Впрочемъ какъ комедія Крылова* и пр. Это явная описка. Въмѣсто Крылова должно было сказать: Княжнаина. Какъ же Крылову глядѣть исполномъ, когда въ предъидущихъ строкахъ сказано, что его *Проказники*—полное отсутствіе таланта, шутки плоскія и прямо холопскія?

Стр. 233. *Но догадливый министр...* По самому смыслу фразы ясно видно, что должно сказать *недогадливый министр*.

Стр. 240. Въ выпискѣ стиховъ Дмитріева должно было бы выставить и два предъидущіе стиха, а безъ того и самый рассказъ анекдота оказывается неправдоподобнымъ. Вотъ эти стихи:

Гдѣ ты, Славяновъ храбрыхъ сила?
Проснись, возстань, Россійска мочь!

Стр. 23. *Маленькій буфа Голицына* и пр. Что-то не такъ: во 1-хъ). Онъ кажется никогда не засѣдалъ въ Сенатѣ и во всякомъ случаѣ не могъ одинъ возвратить бумаги, потому что въ ней много погрѣшностей противъ грамматики. Во всякомъ случаѣ не въ Сенатѣ, а развѣ

* Мы получили эти замѣчанія отъ одного изъ читателей XIX Вѣка. Нѣкоторыя изъ ошибокъ могутъ быть отнесены къ нашему недосмотру. Извиняемся тѣмъ, что „Старая Записная Книжка“, къ которой относятся три первыхъ замѣчанія, печаталась не съ подлинника, а со списка. Какъ и ожидали мы, книжка эта прочтена съ любопытствомъ, и нами получено уже нѣсколько благодарственныхъ писемъ за ея обнародованіе. Въ каждомъ изъ писемъ спрашиваютъ, кто авторъ этихъ живыхъ, остроумныхъ и наблюдательныхъ замѣтокъ; но мы доселѣ еще не въ правѣ открыть анонима. Между тѣмъ приводимъ ниже новыя полученныя нами выдержки изъ нея.

П. Б.

въ Синодѣ, котораго былъ онъ оберъ-прокуроромъ, могъ онъ играть большую роль. Да и эти взысканія за погрѣшность противъ языка въ тѣхъ же письмахъ Растопчина приписываются Державину.

Стр. 30. Въ примѣчаніи. Правдивостью своею славилась въ Москвѣ не Небольсина, а Офросимова; кажется она и изображается въ *Войнѣ и Мирѣ*.

Стр. 36. Запятая не у мѣста искажаетъ смыслъ: не Головина, сестра кн. Голицына, а напротивъ *Головина сестра, княгиня Голицына*.

Стр. 15. Не можетъ быть, чтобы здѣсь шла рѣчь о портретахъ Пугачева. Могъ ли Растопчинъ сказать: *Я нашель, что подвигъ его столь важень и пр?* Къ тому же выраженіе *я нашель* указываетъ, что здѣсь говорится о событіи современномъ. Вѣроятно это какая-нибудь описка. И съ какой стати Растопчину разсылать портреты въ Кавказскую армію и между прочими къ кн. Козловскому, котораго онъ и въ глаза не знаетъ.

Еще выдержки изъ «Старой Записной Книжки».

„Вы готовите себѣ печальную старость“, сказалъ кн. Талейранъ кому-то, кто хвастался, что никогда не бралъ карты въ руки и надѣется никогда не выучиться никакою карточной игрѣ. Если опредѣленіе Талейрана справедливо, то нигдѣ не можетъ быть такой веселой старости, какъ у насъ. Мы съ малолѣтства приучаемся и готовимся къ ней окружающими насъ примѣрами и собственными попытками. Нигдѣ карты не вошли въ такое употребленіе, какъ у насъ: въ Русской жизни карты одна изъ непреложныхъ и неизбѣжныхъ стихій. Ве-

здѣ болѣе или менѣе встрѣчается въ отдѣльныхъ личностяхъ страсть къ игрѣ, но къ игрѣ, такъ называемой азартной. Страстные игроки были вездѣ и всегда. Драматическіе писатели выводили на сценѣ эту страсть со всѣми ея пагубными послѣдствіями. Умнѣйшіе люди увлекались ею. Знаменитый Французскій писатель и ораторъ Бенжаменъ-Констанъ былъ такою же страстный игрокъ, какъ и страстный трибунъ. Пушкинъ, во время пребыванія своего въ южной Россіи, куда-то ѣздилъ за нѣсколько сотъ верстъ на балъ, гдѣ надѣялся увидѣть предметъ своей тогдашней любви. Приѣхавъ въ городъ, онъ до бала сѣлъ понтировать и проигралъ всю ночь до поздняго утра, такъ что прогулялъ и всѣ деньги свои, и балъ, и любовь свою. Богатый графъ Сергій Петровичъ Румянцевъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человѣкъ отмѣннаго ума, большой образованности, любознатель по всѣмъ отраслямъ науки, былъ до глубокой старости подверженъ этой страсти, которой предавался, такъ сказать, запоемъ. Онъ запирался иногда дома на нѣсколько дней съ игроками, проигрывалъ имъ баснословныя суммы и переставалъ играть впредь до новаго запоя. Подобная игра, родъ битвы на жизнь и смерть, имѣетъ свое волненіе, свою драму и поэзію. Хороша и благородна ли эта страсть и эта поэзія, это другой вопросъ. Одинъ изъ такихъ игроковъ говаривалъ, что послѣ удовольствія выигрывать, нѣтъ большаго удовольствія какъ проигрывать. Но мы здѣсь говоримъ о мирной, такъ называемой коммерческой игрѣ, о карточномъ времяпровожденіи, свойственнымъ у насъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ званіямъ и обоимъ поламъ. Одна Русская барыня говорила въ Венеціи:

„Конечно климатъ здѣсь хорошъ; но жалъ, что не съ кѣмъ сразиться въ „преферансикъ“. Другой нашъ соотечественникъ, который провель зиму въ Парижѣ, отвѣчалъ на вопросъ, какъ доволенъ онъ Парижемъ: „очень доволенъ, у насъ каждый вечеръ была своя партія“. Карточная игра въ Россіи есть часто оселокъ и мѣрило нравственнаго достоинства человѣка. „Онъ пріятный игрокъ“—такая похвала достаточна, чтобы благопріятно утвердить человѣка въ обществѣ. Примѣты упадка умственныхъ силъ человѣка отъ болѣзни, отъ лѣтъ, не всегда у насъ замѣчаются въ разговорѣ или на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности; но начини игрокъ забывать козыри, и онъ скоро возбуждаетъ опасеніе своихъ близкихъ и страданіе общества. Карточная игра имѣетъ у насъ свой родъ остроумія и веселости, свой юморъ съ различными поговорками и прибаутками. Можно бы написать любопытную книгу подъ заглавіемъ: физиологія колоды картъ. Впрочемъ значительное потребленіе картъ имѣетъ у насъ и свою хорошую и нравственную сторону: на деньги, вырученныя отъ продажи картъ, основаны у насъ многія благотворительныя и воспитательныя заведенія.

*

Послѣ несчастныхъ событій 14 Декабря, разнеслись и по Москвѣ слухи и страхи возмущенія. Назначили даже ему и срокъ, а именно день, въ который вступитъ въ Москву печальная процессія съ тѣломъ покойнаго императора Александра I. Многіе принимали мѣры, чтобы оградить дома свои отъ нападенія черни; многіе хозяева домовъ просили знакомыхъ имъ военныхъ начальниковъ назначить у нихъ на этотъ день постоемъ нѣсколько

солдатъ. Эти опасенія охватили всё слои общества, даже и низшія. Въ это время, какая-то старуха шла по улицѣ и несла въ рукѣ что-то съѣстное. Откуда ни возмись мальчикъ, пробѣжалъ мимо ея и вырвалъ припасы изъ рукъ ея. „Ахъ ты бездѣльникъ, ахъ ты головорѣзь“, кричитъ ему старуха въ слѣдъ: „еще тѣло не привезено, а ты уже начинаешь бунтовать“.

*

Дмитріевъ съѣхался гдѣ-то на станціи съ бариномъ, котораго провожалъ жандармскій офицеръ. Улучивъ свободную минуту, Дмитріевъ спросилъ его, за что ссылается проѣзжіи?

— Въ точности не могу доложить вашему высокопревосходительству, но кажется худо отзывался на счетъ холеры.

*

Чиновникъ, оклеветанный попуаемъ.

По какому-то вѣдомству высшее начальство представляло нѣсколько разъ одного изъ своихъ чиновниковъ то къ повышенію чиномъ, то къ денежной наградѣ, то къ кресту, и каждый разъ императоръ Александръ I вымарывалъ его изъ списка. Чиновникъ не занималъ особенно значительнаго мѣста, и ни по какимъ даннымъ онъ не могъ быть особенно извѣстенъ Государю. Удивленный начальникъ не могъ рѣшить свое недоумѣніе и наконецъ осмѣлился спросить у Государя о причинѣ неблаговоленія его къ этому чиновнику. „Онъ пьяница“, отвѣчалъ Государь. „Помилуйте, Ваше Величество, я вижу его ежедневно, а иногда и по нѣсколько разъ въ теченіи дня; смѣю удостовѣрить, что онъ совершенно трезваго и добронравнаго поведенія и очень усерденъ къ службѣ; позвольте спросить, что могло дать

вамъ о немъ такое неблагоприятное и, смѣю сказать, несправедливое понятіе“. — А вотъ что, сказалъ Государь: — Однимъ лѣтомъ, въ прогулкахъ своихъ я почти всякій день проходилъ мимо дома, въ которомъ у открытаго окошка былъ въ клѣткѣ попугай. Онъ безпрестанно кричалъ: „Пришелъ Гаврюшкинъ — подайте водки“.

Разумѣется Государь кончилъ тѣмъ, что далъ болѣе вѣры начальнику, чѣмъ попугаю и что опала съ несчастнаго чиновника была снята. (Слышано отъ Петра Степановича Молчанова; но, можетъ быть, фамилія чиновника немножко искажена).

*

У многихъ любовь къ Отечеству заключается въ ненависти ко всему иноземному. У этихъ людей и набожность, и религіозность, и православіе заключается въ одной безсознательной и безцѣльной ненависти ко власти папы.

*

Иной и не прямо лжетъ, и лжецомъ слыть не можетъ, но мастерски умѣетъ обходить правду. Нѣкотораго рода обходы иногда нужны для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли; но опасно слишкомъ вдаваться въ эти обходы: кончишь тѣмъ, что запутаешься въ проселкахъ и на прямую дорогу никогда не выйдешь.

Одинъ баринъ не имѣлъ денегъ, а очень хотѣлось ему деньги имѣть. Говорятъ, — голь на выдумки хитра. Нашъ баринъ запасся двумя или тремя подорожными для разѣзда по дальнимъ губерніямъ, и на этихъ подорожныхъ основывалъ онъ свои денежные надежды. Пріѣдетъ онъ въ селеніе, по виду довольно богатое, отдаленное отъ большаго тракта и, вѣроятно, не имѣв-

шее никакого понятія о почтовой гоньбѣ и о подорожныхъ; пойдеть къ старостѣ, объявить, что онъ чиновникъ, присланный отъ правительства, велить священнику отпереть церковь и созвать мірскую сходку. Когда всѣ соберутся, онъ начнетъ важно и громко читать подорожную: „По указу Его Императорскаго Величества“; при этихъ словахъ онъ совершитъ крестное знаменіе, а за нимъ крестится и весь народъ. Когда же дойдетъ до словъ: *выдавать ему столько-то почтовыхъ лошадей за указные прогоны, а идъ оныхъ нѣтъ, то брать изъ обывательскихъ*. Тутъ скажетъ онъ, что у него именно *оныхъ-то* и нѣтъ, т. е. прогоновъ, т. е. денегъ, а потому и требовалъ отъ обывателей такую-то сумму, которую назначалъ онъ по усмотрѣнію своему. Получивъ такую подать, отправляется онъ далѣе въ другое селеніе, гдѣ повторяетъ ту же продѣлку.*

Когда побываешь въ Англіи, то убѣдишься, что въ нравахъ, обычаяхъ и условіяхъ Англійскаго общества и общестія есть довольно много *нилыхъ посадовъ*, буквальный переводъ Rotten-Boroughs, что впрочемъ и у Французовъ переводится *bourg pourri**. Легкомысленно было бы признавать за несомнѣнное слѣдствіе образованности все, что здѣсь видишь. Напротивъ, многое ускользнуло отъ образованности и осталось въ первобытной своей неуклюжести и дикости: потому что Англичане упрямы, самолю-

* Гнилымъ посадомъ до избирательной реформы въ Англіи называлась мѣстность, которая пользовалась старыми избирательными привилегіями, хотя народонаселеніе этой мѣстности и значительно убавилось: таинъ образомъ ограниченное число обывателей, подаваясь вліянію или подвупу, располагало назначеніемъ члена въ нижнюю палату.

бивы и сознательно, и умышленно односторонни. Они преимущественно консерваторы въ домашнемъ быту и во внутренней политикѣ. Позволяютъ они себѣ ломать и очень смѣлы въ ломкахъ своихъ только во внѣшней политикѣ. Французскій писатель Сюаръ гдѣ-то рассказываетъ, что на Гебридскихъ островахъ присутствіе иностраннаго путешественника заражаетъ воздухъ и даетъ кашель всѣмъ обывателямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и присутствіе иностранца въ Англіискомъ обществѣ, пока онъ себя не совершенно *выанглизируетъ*, должно производить въ Англичанахъ раздраженіе, какъ присутствіе разнородной и даже противуродной стихіи. Кашель, не кашель, а должно кожу ихъ морозомъ подирать: такъ всѣ привычки жизни и весь день ихъ тѣсно вложены въ законную и тѣсную мѣрку и рамку. Оттого въ Англіиской жизни нѣтъ ничего нечаяннаго (*imprévu*), скоропостижнаго. Оттого общій результатъ долженъ быть скука. Не даромъ сказано: *l'ennui naquit un jour de l'uniformité**. Нечего и говорить, что нѣкоторыхъ словъ и выраженій нѣтъ ни на Англіискомъ языкѣ, ни въ Англіискихъ понятіяхъ. Напримѣръ: *какъ-нибудь, покуда, по домашнему, по дорожному, запросто* и т. п. Въ Англіи все вылило въ одну форму или въ известныя формы. Англичанинъ въ известные часы входитъ въ эти формы, которыя переноситъ съ собою или, лучше сказать, благодаря общему благоустройству въ Англіи, находитъ готовыми изъ одного края Англіи до другаго: дома, въ Лондонѣ, у себя въ деревнѣ, въ гостяхъ, на большихъ дорогахъ, въ гостинницахъ. Между Па-

* Скука нѣкогда родилась отъ единообразія.

рижемъ и провинцію лежатъ столѣтія. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вся Англія есть продолженіе Лондона. Англичане никогда не скажутъ: Чтѣ же намъ теперъ дѣлать? За что приняться? Давнымъ давно уже внесено въ общее уложеніе чтѣ дѣлать въ такой-то часъ и въ такое-то время года. „Прошу васъ, не безпокойтесь“ — для меня континентальное выраженіе, которое иностранцу не приведется и не придетъ на умъ сказать Англичанину: ибо Англичанинъ ни для кого не безпокойтся и не *женируется*; а если онъ чтѣ и сдѣлаетъ похужее на учтивость, на уступчивость и общежитійское жертвоприношеніе, то вовсе недля васъ, а для себя, какъ исполненіе обязанности и потому, что такъ заведено и такъ быть должно. Ваша личность предъ нимъ всегда въ сторонѣ, и если вздумается вамъ ее выставить, то Англичанинъ вытаращитъ глаза на васъ и васъ не пойметъ. Англичанина никакъ не собьешь съ родной почвы, какъ ни переноси его на чужую, въ Парижъ, Римъ, Петербургъ. Французъ податливѣе и сговорчивѣе. Русскій, съ легкой руки Петра I, легко поддается чужимъ обычаямъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Англичанинъ вездѣ одѣвается, завтракаетъ, ходитъ и мыслитъ по-англійски. Это почтенно, но вчужѣ досадно и обидно. Смотри на Англичанина, особенно въ Англіи, чувствуешь его нравственное достоинство и силу. И этимъ, хотя и съ грустью пополамъ, объясняешь себѣ превосходство и тяжеловѣсность Англійской политики въ дѣлахъ Европы и всего міра. Англійскій деспотизмъ обычаевъ превосходитъ всякое понятіе. Въ оперную залу не впускаютъ иностранца, если у него сѣрая шляпа въ рукахъ. Если ѣдешь въ омнибусѣ и поклонись знакомому на улицѣ, онъ приметъ это за непри-

личіе и за обиду. За обѣдомъ ѣсть не какъ ѣдятъ другіе, ставитъ рюмку не на ту сторону гдѣ должно, рѣзать, а не ломать свой ломоть хлѣба: все это можетъ погубить человѣка въ общественномъ мнѣніи; и какъ ни будь онъ уменъ и любезенъ, а прослыветъ дикаремъ.

Что за прелесть Англійская ѣзда! Катись по дорогѣ какъ по бархату, не зацѣпишься за камушекъ. Колесъ и не слышать. Дорожную четырехмѣстную карету, въ которой покойно сидятъ шесть человѣкъ, везетъ пара лошадей, но за то какихъ? Около 35 верствъ проѣзжаешь въ 2 ч. съ половиною. У насъ ѣдятъ скорѣе, но часто позднѣе доѣзжаешь до мѣста. Здѣсь минута въ минуту пріѣзжаешь въ извѣстный часъ. Здѣсь на дѣлѣ сбывается пословица: тише ѣдешь, дальше будешь. Къ тому же нѣтъ мучительства для лошадей. Не слышать кучерскаго ругательства и голоса. Бичемъ своимъ онъ лошадей не погоняетъ, лошади пользуются также личными и гражданскими правами. Огромная машина словно катится сама собою.

Изъ Брайттона ѣздили мы въ близкій городокъ Левисъ. Послѣ моря и голыхъ Брайттонскихъ береговъ глаза отдыхаютъ на зеленн пригорковъ, деревьевъ и луговъ, окружающихъ Левисъ. Въ Англіи зелень имѣетъ особую свѣжесть и прелесть. Мы попали на скотскій рынокъ или ярмарку. Коровы, бараны, свиньи и мясники всѣ были на лицо и въ движеніи. Англійскій скотъ имѣетъ также свое особенное дородство и достоинство. Во время нашего luncheon (завтрака) въ гостинницѣ, подѣзжаетъ къ крыльцу четверомѣстная карета очень красивая, пара хорошихъ лошадей, кучеръ одѣтъ порядочно. Вылѣзаетъ четыре

человѣка также весьма пристойной наружности по виду и по одеждѣ. Кто это? Джельтмены ли они, или поселяне, т. е. по нашему мужики? Зашелъ о томъ споръ между нами. На повѣрку вышло мужики, но мужики, вольные хлѣбопашцы, т. е. *фермеры*. Выпивъ по стакану портера, отправились они на свой скотскій базаръ. Эти господа могли намъ дать мѣрку и обрачикъ всего того, чѣмъ Англія отличается отъ другихъ государствъ.

Когда и видишь солнце въ Англіи. то не иначе, какъ сквозь туманъ и дымъ: словно парная и испаряющаяся рѣпа.

Разказы и воспоминанія П. И. Лорера.

1.

Въ 1822 или 1823 году (не помню хорошо) служилъ я въ лейб-гвардіи Московскомъ полку. Мнѣ случилось тогда вступить въ караулъ съ моею ротою на главную гаубахту въ зимній дворецъ. Не успѣлъ я разставить своихъ часовыхъ и ефрейторовъ, какъ является ко мнѣ придворный лакей, съ запиской отъ коменданта *Башиукаго*, чтобъ „по волѣ Его Величества, содержать подъ арестомъ лейб-кучера Илью, впредь до приказанія.“ Зная Илью лично, выдавши его часто, то на козлахъ въ коляскѣ, то зимою въ саняхъ, я обрадовался принять такого знаменитаго гостя, который слишкомъ двадцать лѣтъ имѣлъ счастье возить Государя по всей Европѣ и по всей Россіи (потому что обыкновенно почтовый ящикъ не садился на козлы, а только запрягалъ лошадей; правилъ же почъ и день лейб-кучеръ Илья).

Всякому извѣстно, какъ несносно стоять цѣлые сутки въ караулѣ, не

снимая ни знака, ни шарфа. Со мною были два младшіе офицера моей роты, по установленнымъ правиламъ. Я принялъ почтеннаго Илью Ивановича Байкова самымъ радушнымъ образомъ, увѣренный, что мнѣ и моимъ товарищамъ не будетъ съ нимъ скучно. Я приказалъ придворному лакею подать завтракъ, къ коему пригласилъ и Илью. Онъ поблагодарилъ и сказалъ мнѣ впрочемъ, что „нашему брату есть особенныя коморки.“ — „Нѣтъ, почтенѣйшій, вы будете съ нами“, возразилъ я и налилъ ему рюмку водки и двѣ рюмки вина. Я радовался, что онъ кушалъ съ аппетитомъ и, замѣтивъ, что у него выступалъ потъ, я его пригласилъ снять кучерскую одежду и облегчить себя что онъ охотно исполнилъ: на немъ оказался бархатный черный жилетъ и бархатныя шаровары, спущенныя въ сапоги.

— „Скажите мнѣ, за что васъ посадили?“ — Онъ улыбнулся и сказалъ: „За слово *знаю!* Извѣстно вамъ, что Его Величество никогда не скажетъ куда именно изволить ѣхать; но я безпрестанно поворачиваюсь къ нему, и онъ мнѣ кивнетъ то на право, то на лѣво, то прямо. Не понимаю, какъ скользнуло у меня съ языка сказать: „Знаю, Ваше Величество.“ Государь вдругъ сказалъ мнѣ съ гнѣвомъ: — „Кучеръ ничего не долженъ знать кромѣ лошадей!“ Приѣхали мы благополучно, и я доставилъ его во дворецъ къ его маленькому крыльцу, откуда Государь обыкновенно выѣзжать и куда приѣзжать изволить. Двадцать лѣтъ вожу его какъ на ладонѣ; но прежнія силы мнѣ измѣняются, теперь не то! Поѣздка Его Величества въ Швецію въ 1812 году, на свиданіе къ Шведскому королю, гдѣ я не слѣзаль почти съ козелъ день и ночь, между скалами и обрывами, меня

изнурила; тутъ я лишился и силы моей, и моего здоровья. Бывало, цѣлую четверку на семь скаку мигомъ останавливалъ, такъ что она осядетъ на заднія ноги. “

Подали намъ обѣдъ, и мы сѣли весело обѣдать. Илья Ивановичъ сталъ разговорчивѣе.

„Мой прежній господинъ былъ извѣстный силачъ, морякъ *Лукинъ*. Силачъ! Онъ ломалъ подковы, изъ желѣзной кочерги дѣлалъ крендель. Однажды флотъ долженъ былъ выступить. Государь взошелъ на корабль и нашелъ моего барина грустнымъ. Его Величество изволил это замѣтить. Спросилъ, отъ чего? Лукинъ сказалъ ему, что онъ чувствуетъ, что не воротится на родину. „Къ чему такъ думать? Конечно мы всѣ подъ властью Божьею. Подари мнѣ что нибудь въ память свою“. „Что мнѣ вамъ подарить, Ваше Величество?“ И поискавши въ своемъ карманѣ цѣлковый, слѣпилъ ему чашечку, какъ будто изъ воску и поднесъ. Государь любилъ моего барина. Предчувствіе его сбылось: онъ не возвратился на родину; ядромъ были у него оторваны обѣ ноги!„

Наступилъ вечеръ, я потребовалъ чаю и сдѣлалъ хорошій пуншъ. Илья Ивановичъ, прилебывая, разказалъ намъ замѣчательный анекдотъ.

„Я былъ у моего прежняго господина, и за кучера, и за камердинера, иногда и нянчилъ его маленькую дочь. Такъ въ старину это дѣлалось; теперь уже не то время. Тогда господа и люди были лучше. Мой баринъ былъ не богатъ. Поѣхали мы одинъ разъ на своихъ въ отпускъ въ Курскъ; онъ съ женою и съ дитятею, я за кучера. Передъ ночью застигла насъ большая буря, и летѣли мы такъ, что свѣта не видать было. Мы въѣхали въ лѣсъ, наткнулись на избу, взошли

туда. Она была довольно просторная и теплая. Поставили самоваръ. Я пошелъ въ противъ лежавшую хату. Тутъ увидѣлъ я троихъ людей, сидѣвшихъ за столомъ, съ кнутами въ рукахъ. Лица ихъ мнѣ не понравились, они звѣрски на меня поглядывали. Я вышелъ и, взойдя къ барину, сказалъ ему, что тутъ что-то не ладно. Онъ мнѣ сказалъ: „пойди къ дверямъ, Илья, и послушай что они говорятъ.“ Я потихоньку подкрался и, услыша, что они сговариваются убить прежде меня, а потомъ барина и госпожу, и обокрасть ихъ кибитку, я вызвалъ барина, чтобъ жена не слышала и не перепугать ея, и разказалъ ему слышанное. „Пойдемъ туда оба.“ Мы зошли оба къ нимъ. Баринъ спросилъ: „Что вы за люди?“ Они отвѣчали грубо: „Какое тебѣ дѣло?“ Одинъ изъ нихъ подошелъ къ нему и хотѣлъ взять барина за грудь. Не думая долго, какъ свиснетъ баринъ его кулакомъ въ лицо, тотъ и упалъ безъ чувствъ. Двое соскочили, баринъ закричалъ мнѣ: „Илья, принимай!“ Схватилъ близъ стоявшаго, встряхнулъ его такъ, что онъ потерялъ умъ и бросилъ его ко мнѣ. Я схватилъ его и стукнулъ головою объ стѣну, и онъ присѣлъ. Такимъ образомъ мы управились со всѣми, перевязали ихъ и отвезли ихъ въ ближайшій городъ. Не будь баринъ такъ силенъ, мы можетъ быть погибли бы.“

„Однажды Ея Величество императрица Марія Ѳеодоровна пригласила барина обѣдать въ Павловскъ и за обѣдомъ просила, чтобъ Лукинъ показалъ свою силу. „Ваше Величество, съ радостію исполнилъ бы ваше милостивое желаніе, но начево не найду что бы вамъ показать.“ Въ это самое время, какъ онъ оглядывался, поставилъ ему придворный лакей серебря-

ную тарелку. Онъ потребовалъ другую. Государыня обратила свое вниманіе. Онъ взялъ въ руки обѣ тарелки, свернулъ въ дудочку самымъ легкимъ образомъ, всталъ и поднесъ сверченныя обѣ тарелки, и такъ искусно, что нельзя было сказать, что тутъ двѣ тяжелыя серебрянныя тарелки.

— „Скажите, Илья Ивановичъ, говорятъ, что вы дѣлали много добра тѣмъ, которымъ трудно приблизиться къ нашему доброму Государю.“ — „Иногда бывало,“ отвѣчалъ Илья самымъ простодушнымъ образомъ. „Разскажите, разскажите!“ сказали всѣ насъ трое въ одинъ голосъ. Онъ говорилъ очень хорошо, но нѣкоторыя фразы и слова были кучерскія. Былъ бы онъ грамотенъ, какія бы онъ записки могъ написать для нашихъ журналовъ и для отечественной исторіи!

Такъ онъ началъ. „Въ 1805 годѣ, передъ *Астермицемъ*, гдѣ насъ въ пухъ разбили, и вся армія бѣжала, я едва могъ отыскать Государя. Онъ былъ боленъ, лежалъ на соломѣ, въ Нѣмецкой избушкѣ. Я привезъ ему его шинель. За недѣлю до открытія кампаніи, генералъ Лошаковъ женился на очень хорошенькой Полькѣ. Однимъ словомъ была красotka! Послѣ сраженія онъ безъ спроса уѣхалъ къ женѣ, которая была очень близко отъ нашихъ границъ, и за такой поступокъ главнокомандующій Кутузовъ отдалъ его подъ судъ, а Императоръ приказалъ посадить въ Кіевскую крѣпость въ казематъ. Послѣ окончанія войны, когда уже все успокоилось, госпожа Лошакова пріѣхала въ Петербургъ хлопотать о своемъ мужѣ. Она бѣдная ходила по всѣмъ министрамъ, даже къ Аракчееву. Только и слышно: не принимать, не принимать! Какъ чумную! Бѣдная генеральша скиталась по улицамъ, а полиція во всѣ глаза

за нею. Однажды, какая-то старушка, встрѣчая очень ее часто на улицѣ и видя ея молодость и красоту, сказала ей: „Эхъ, матушка родная, не ищите въ нихъ покровительства и сходите лучше къ лейбъ-кучеру Ильѣ Ивановичу: онъ добрый человѣкъ и пожалѣетъ васъ.“ Она показала домъ мой, что на Фонтанкѣ. Лошакова, выслушавъ старуху, отправилась ту же минуту ко мнѣ, взопла и плачевнымъ голосомъ сказала:— „Милостивый государь, я генеральша Лошакова, пришла къ вамъ просить вашего покровительства, доставьте мнѣ свиданіе съ Императоромъ, чтобъ я могла подать ему мою просьбу.“ Признаюсь вамъ, господа, я задумался; просилъ ее сѣсть и успокоиться; подумалъ и сказалъ: „Съ Богомъ берусь за это дѣло, хотя для меня это весьма опасно. Я не иначе могу доставить вамъ свиданіе, какъ по моему дѣлу, по кучерскому. Теперь слушайте меня внимательно, чтобъ намъ не ошибиться! Завтрашній день Императоръ въ троечныхъ саняхъ выѣзжаетъ въ Царское Село. Остановитесь вы на Адмиральтейскомъ бульварѣ, противъ маленькаго подъѣзда Зимняго Дворца, надѣньте на себя что-нибудь яркое или цвѣтное, чтобъ я могъ замѣтить васъ, потому что тутъ народъ и зѣваки стоятъ: прохожіе, какъ увидятъ, что сани Государевы стоятъ для отъѣзда, то ожидаютъ его выхода, взглянуть на Императора. Да чтобъ прошеніе ваше о мужѣ вашемъ было готово у васъ! Вы отдѣлитесь немного отъ толпы, чтобы лучше мнѣ распознать васъ. Надѣюсь, что Богъ поможетъ намъ.“ Настало утро пасмурное, пошелъ снѣгъ. Надобно, господа, знать, что Императоръ не любитъ останавливаться въ толпѣ народа, до того, что мы иногда объѣзжаемъ толпу. Садясь въ

сани, когда Его Величество бываетъ въ хорошемъ нравѣ, всегда изволить сказать: „Здорово Илля!“ Но тутъ не поздоровавшись съѣлъ въ сани, и мы тронулись. Ну плохо! подумалъ я. Какъ только я увидѣлъ Лошакову и поровнялся съ нею, я дернулъ правую лошадь, и она переступила постромку. „Какъ вы это сдѣлали?“ спросилъ я. „Вы это не поймете, это наше кучерское дѣло.“ — „Сани остановились: другой кучеръ, который стоялъ поодаль приближалъ и освободилъ лошадь; я же, не слѣзая, стоялъ въ саняхъ готовый. Лошакова бросилась къ ногамъ Императора. Государь поспѣшно вышелъ изъ саней, поднялъ ее, сталъ съ нею говорить милостиво, на иностранномъ языкѣ. Она подала ему прошеніе свое; онъ взялъ его, ласково поклонился, и мы быстро помчались. Когда проѣхали мы Московскую заставу: „Илля, сказалъ Государь, это твои штуки?“ Тогда я осмѣлился разсказать ему все дѣло. „Спасибо тебѣ! И прощу Лошакова, произведу его въ дѣйствительные статскіе совѣтники, пошлю фельдъегеря, чтобъ его освободили изъ Кіевской крѣпости; но строго приказываю впредь не доводить меня до такихъ свиданій“, и при этомъ самъ улыбнулся. Тогда я снялъ шляпу и перекрестился. „Слава Господу Богу! все кончилось благополучно!“ На другой день генеральша пришла со слезами благодарить меня и была въ восторгѣ отъ нашего Императора. Она принесла гостинца моимъ дѣтямъ, игрушекъ, пряниковъ, два ящичка конфетъ, а на другой день уѣхала въ Кіевъ, чтобъ встрѣтить своего счастливаго мужа, освобожденнаго изъ крѣпости.“

Теперь, да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ моего собственнаго сужденія на счетъ Иллы.

Если мы читали съ любопытствомъ и интересомъ записки камердинера Наполеона Констанана: если мы съ удовольствіемъ прочли о вѣрномъ слугѣ и камердинерѣ Наполеона Маршалѣ, который добровольно и съ самоотверженіемъ оставилъ свою родину и сопутствовалъ своему господину въ изгнаніе на островъ Елену, гдѣ до самой смерти Наполеона неотлучно находился при немъ, успокаивать его по возможности, развлекалъ его, утѣшалъ, и тотъ по своей признательности за его вѣрную службу называлъ его своимъ другомъ, и онъ былъ возведенъ въ графское достоинство, — то почему же мы Русскіе не почтимъ память умершаго кучера Александра І? Байковъ былъ крѣпостнымъ человекомъ; но сколько благородныхъ чувствъ въ этой простой оболочкѣ, сколько чистой преданности къ Монарху! Судьба возложила на него печальную и послѣднюю обязанность проводить тѣло Государево на траурной колесницѣ изъ Таганрога до Петербурга *

* Прекрасный портретъ Иллы Ивановича Байкова въ кучерской одеждѣ (масляными красками) случилось намъ видѣть у бывшаго профессора Московскаго университета С. А. Рачинскаго. П. В.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библиографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти семь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *из Моск-*

ву из Чертковскую бібліотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу или въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Італіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартевевъ.**

ГОДЪ

(Русскій Архивъ будетъ выходитьъ въ 1873 году
на прежнихъ основаніяхъ)

ДЕСЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

П Р И

12.

1872.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Калейдоскопъ воспоминаній *Ципринуса* (Псевдонимъ). Помѣщикья жизнь въ Литвѣ въ 1811 и 1812 годахъ.
2. Еще о г-жѣ Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза. *Іоаннова*.
3. Новая письма *А. С. Пушкина* къ *В. А. Жуковскому* (1824).
4. Черновая записка *А. С. Пушкина* къ Псковскому губернатору *Адеркасу*.
5. Письма *П. А. Осиповой* къ *В. А. Жуковскому* о Пушкинѣ.
6. Дѣтскія письма *В. А. Жуковскаго* къ его матери.
7. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ неизвѣстному лицу.
8. Письмо *Н. В. Гоголя* къ *М. П. Погодину*.
9. Частныя письма 1812 года. Отъ *Марьи Аполлоновны Волковой* къ *Варварѣ Ивановнѣ Ланской*.
10. Поясненія къ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій“ (въ отвѣтъ г. *Костомарову*) *И. Е. Забьлина*.
11. Замятка *Д. И. Иловайскаго* (въ отвѣтъ г. *Самарину*, по *Варяжскому* вопросу).
12. Замятка *И. И. Европеуса* (о завѣщаніи графа *Аракчеева*).
13. Содержаніе Русскаго Архива за 1872 годъ.
14. Общая предметная роспись содержанію Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ изданія.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречист. вор., д. Шаловой.

1872.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива семь рублей.

(АДРЕСЪ: МОСКВА, МЯСНИЦКАЯ № 7-й)

получается.

Перепечата статьи Русскаго Архива (заключеніе составъ, такъ и въ отрывкахъ).

КАЛЕЙДОСКОПЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾

1811 и 1812 ГОДЫ.

.....the dance of being,
A mask fantastical and strange,
To the hearing and the seeing.

Dickens ²⁾.

Я очень немногимъ моложе настоящаго вѣка, и поэтому ясныя воспоминанія о замѣчательнѣйшихъ событіяхъ мѣхъ современныхъ начинаются у меня съ 1810—1811 годовъ. Мы тогдажили въ Ружанѣ, мѣстечкѣ Слонимскаго уѣзда, принадлежавшемъ князю Франциску Сапѣгъ³⁾, отъ котораго мой отецъ арендовалъ большое имѣніе изъ Ружанскаго графства и самое мѣстечко. Я очень хорошо помню 1811 годъ: онъ отличался тропическими жарами и, если не повсемѣстно въ Россіи, то по крайней мѣрѣ въ западныхъ губерніяхъ, страшною засухою, причинившею въ тамошнемъ краѣ всеобщій неурожай, лѣсные пожары и разныя болѣзни. Воздухъ наполненъ былъ дымомъ; во все лѣто солнце, не затемняемое ни малѣйшимъ облакомъ, являлось сквозь густой дымъ, въ видѣ большаго раскаленнаго шара; отъ восхода до заката можно было смотрѣть на него невооруженнымъ глазомъ.

Въ концѣ лѣта явилась знаменитая комета, какъ бы въ подтвержденіе народнаго повѣрья, что эти небесныя тѣла предвѣщаютъ войну и другія общественныя бѣдствія. Тогда уже было из-

вѣстно о натянутыхъ отношеніяхъ между нашимъ и Французскимъ правительствами, и носились слухи о близкой войнѣ. Комета 1811 года была очень замѣчательна по своей величинѣ и блеску; она имѣла большое ядро, хвостъ не длинный, но очень густой и свѣтлый; когда не было луны, то отъ кометы освѣщалась часть неба. Орбита ея должна быть невообразимо велика, такъ какъ она до сихъ поръ, послѣ 60-лѣтняго бѣга, не возвращалась еще и не показывалась во второй разъ.

Слухамъ о приближающейся войнѣ всѣ въ тамошнемъ краѣ, болѣе или мѣнѣе, сквозь страхъ, радовались. Пламенные Польскіе патриоты предусматривали въ ней шансы возстановленія прежней Польши, люди же болѣе положительныя видѣли уничтоженіе ненавистной, введенной Наполеономъ, такъ называемой *континентальной системы*. Страстно возненавидѣвъ Англію, неизвѣстно почему, а вѣроятно всею изъ зависти и антагонизма ея либеральному образу правленія, императоръ Французовъ сперва намѣревался дѣйствовать противъ нея открытою силою и устроилъ было для нападенія на Англію пресловутый Булонскій лагерь; но потомъ раздумалъ и перемѣнилъ тактику и, соображая, что богатство и могущество Великобританіи имѣютъ основу въ ея

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1872. 73.

¹⁾ См. выше стр. 1887.

²⁾ Скачка бытія, фантастическое и странное лицедѣйство слуха и зрѣнія. *Дикенсъ*.

³⁾ См. выше, стр. 1765. Воспом. о Новосильцевѣ.

всемірной торговлѣ, положивъ разрушить то и другое, заставилъ государства всего Европейскаго материка заключить союзъ, въ слѣдствіе котораго всѣ торговыя сношенія ихъ съ Англіею были прекращены. Система эта безъ сомнѣнія нанесла много вреда Англіи въ финансовомъ отношеніи, но она неменѣе тягостна была и для континента. Изъ всѣхъ же Европейскихъ государствъ всѣхъ болѣе потерпѣла, быть можетъ, Россійская Имперія. Ею парализована была въ большей части Россійская отпускная торговля, такъ какъ Русскія сырыя произведенія находили сбытъ преимущественно въ Англіи. Наболѣе такой искусственный торговый застой наносилъ вреда западнымъ окраинамъ Имперіи. Для Литвы и Бѣлоруссіи отпускная иностранная торговля составляла почти единственный источникъ дохода съ помѣщичьихъ имѣній и снабжала край товарами необходимыми для комфорта въ домашнемъ быту. Ежегодно, по Нѣману и Западной Двинѣ, сплавлялось въ Кенигсбергъ, Мемель и Ригу огромное количество всякаго хлѣба, семени, льна, пеньки, шерсти, корабельнаго и строеваго лѣса, поташа, смолы, и т. п. Все это сбывалось Англійскимъ купцамъ, а въ упомянутыхъ портахъ закупались для Литовскихъ и Бѣлорусскихъ губерній провизіи на цѣлый годъ колоніяльныхъ товаровъ, Французскихъ винъ, портера, сухоцвѣт, всякихъ матерій и другихъ издѣлій, такъ какъ въ краю не было почти никакихъ фабрикъ. Всѣ при такомъ обмѣнѣ жили хорошо, и денегъ было много. Вдругъ, со введеніемъ континентальной системы, въ слѣдствіе которой Англія съ своей стороны блокировала моря, все это благосостояніе рушилось, и повсемѣстно далъ себя почувствовать недостатокъ и денегъ, и предметовъ первой потребности для жизни хотя нѣсколько утонченной. Кофе, сахаръ, Французскія вина, пряности, сукна, шелковыя и шерстяныя матеріи, тонкія полотна и т. п. стали предметами роско-

ши. Развилась до неслыханныхъ размѣровъ контрабанда, обогащающая только Жидовъ и таможенныхъ чиновниковъ. Мѣста въ таможенныхъ на Европейской границѣ стали самыми прибыльными мѣстами въ государствѣ. Это породило отвратительныя искательства и интриги, nepотизмъ въ высшей степени, административную деморализацію, доходившую до цинизма. Сами чиновники хвастали своими доходами и вели Сарданапальскую жизнь: Шампанское вино прозывалось у нихъ *таможеннымъ kwasомъ*.

Вредъ, нанесенный Россіи и ея окраинамъ континентальною системою, не ограничился временемъ продолженія ея; она повліяла и на дальнее будущее отпускной торговли; это вліяніе чувствуется и теперь, и такое положеніе едва ли когда либо можетъ улучшиться, по крайней мѣрѣ на этомъ пути. Такъ какъ Англія не могла въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получать нужныхъ ей сырыхъ произведеній изъ Россіи и изъ другихъ участвовавшихъ въ континентальномъ союзѣ государствъ: то она стала искать себѣ этихъ продуктовъ въ другихъ частяхъ свѣта. И такъ для шерсти, кожъ и сала разведены огромныя стада въ Австраліи и другихъ колоніяхъ; хлѣбомъ Англіи стала снабжаться изъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады; въ самой Англіи, въ слѣдствіе привилегій вѣнскихъ мѣръ, рациональное хлѣбопашество доведено до совершенства. Изъ южныхъ колоній доставлялась пенька; тамъ стали въ большихъ размѣрахъ воздѣлывать растеніе *Phogium tenax*, дающее волокно несравненно лучше и крѣпче коноплянаго.

Извѣстно, что когда торговля однажды покинетъ путь, по которому многіе годы слѣдовала и проложитъ себѣ новый, то уже чрезвычайно трудно привлечь ее обратно на прежній. Такимъ образомъ неблагоприятный для Россіи балансъ иностранной торговли, установившійся со времени введенія въ ней континентальной системы, продолжается и до сихъ поръ и не престаётъ также неблагопри-

ятно вліять на денежные курсы, не смотря на то, что съ Англією возобновлены торговыя сношенія, но естественно не въ такихъ уже размѣрахъ, какъ было прежде.

Въ описанномъ положеніи, Литовскимъ помѣщикамъ оставалось одно: ограничить по возможности свои расходы и обходиться тѣмъ, что производитъ сама мѣстность. Очень трудно имъ было отстать отъ старой привычки комфорта и даже роскоши, но дѣлать было нечего. Одно, отъ чего они не отказались, это кофе и сахаръ. Но все пересталъ покупать Французскія вина, привозъ которыхъ сухимъ путемъ обходился слишкомъ дорого. Въ край распространились Нѣмецкія столовыя вина, особенно Франконскія, Венгерскаго же запасы съ давнихъ лѣтъ находились въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ *). Въ время подоспѣлъ свекловичный сахаръ, изобрѣтенный по инициативѣ Наполеона. Но сукна и всякія матеріи были чрезвычайно дороги. Почетнѣйшіе помѣщики и ихъ жены условились дать собою примѣръ экономіи и носить платья изъ мѣстныхъ произведеній. Князья Любецкіе, Пусловскій, мой отецъ, графъ Солтанъ, Милульскіе, Стровинскіе сшили себѣ венгерки для лѣта изъ домашняго небѣленаго холста, а для осени и зимы изъ простаго толстаго сукна. Жены ихъ и дочери нарядились также въ платья изъ простаго холста; я помню, какъ матушка вышивала цвѣтною шерстью пелерники къ капотамъ изъ такой же матеріи для себя и для дочерей; насъ мальчиковъ нарядили подобнымъ же образомъ. Вскорѣ это сдѣлалось всеобщею модою, и одѣваться иначе считалось дурнымъ тономъ.

*) Весьма извѣстенъ широко развитый въ Польшѣ вкусъ къ Венгерскому вину и умѣніе *воспитывать* его. Сложилась даже у Венгерцевъ поговорка: *Non est potus nisi vinum; non est vinum nisi Hungaricum; non est vinum Hungaricum, nisi in Polonia educatum.* (Нѣтъ напитка кромѣ вина, нѣтъ вина кромѣ Венгерскаго, нѣтъ Венгерскаго вина кромѣ того, которое воспитано въ Польшѣ.)

Прежнія платья все донашивали уже только у себя дома, но на званый обѣдъ, вечеръ или на балъ, никто не смѣлъ показаться иначе, какъ въ принятомъ новомъ костюмѣ. Странный контрастъ у дамъ составляли съ такими нарядами золотые серги, браслеты, брошки и фермоары съ брилліантами и другими дорогими камнями.

Ружана лежитъ на почтовомъ трактѣ, который въ то время былъ главнымъ, если не единственнымъ, путемъ сообщенія Россіи чрезъ Варшаву съ западною Европою. Тогдашнія власти, не смотря на недавно окончившіяся Наполеоновскія войны въ Германіи и на готовившуюся новую въ Россіи, были какъ нельзя болѣе снисходительны на счетъ паспортовъ. По этому множество всякихъ рыцарей промышленности скиталось по краю и, благодаря мѣстному положенію Ружаны, не мало ихъ, подъ разными предлогами, перебивало въ домѣ моихъ родителей и въ домахъ окрестныхъ помѣщиковъ. Изъ нихъ въ памяти у меня остался одинъ, нѣкто Дроздовскій, очень красивый мужчина. Онъ явился въ качествѣ туриста, въ блестящей обстановкѣ великосвѣтскаго денди. Онъ рассказывалъ о себѣ, что онъ сынъ короля Станислава - Августа и одной Варшавской красавицы-Жидовки. Онъ слылъ Донъ-Хуаномъ: все время, когда гостилъ онъ въ нашемъ окологдѣ, у разныхъ помѣщиковъ, маменьки находились постоянно въ страхѣ за своихъ взрослыхъ дочерей. Послѣ узнали, что это былъ шулеръ, а въ 1816 г., бывши въ университетѣ, я его встрѣчалъ въ Вильнѣ, какъ онъ, спившись съ кругомъ, шатался по улицамъ въ лохмотьяхъ и просилъ милостыни.

Извѣстно, что въ этомъ періодѣ времени первые авантюристы въ свѣтѣ были изъ Поляковъ. Таковы историческія личности: Филковскій, который былъ нѣкоторое время королемъ на островахъ Мадагаскарѣ, Арцишевскій, сдѣлавшійся адмираломъ въ Бразиліи, а по преимуществу Хацкевичъ, Французскій

генералъ десятихъ годовъ нашего столѣтія, извѣстный во Франціи подъ именемъ *le général Lodoiska*, Европейской славы шулеръ и герой несмѣтнаго числа самыхъ отчаянныхъ выходовъ, всегда почти *acut acutissime*¹⁾, такъ какъ это былъ человѣкъ необыкновеннаго ума. Въ одно время онъ былъ посланъ въ Наполеоновскаго правительства въ Вѣну, съ огромнымъ количествомъ фальшивыхъ банкнотъ, которые долженъ былъ пустить въ обращеніе и тѣмъ уронить Австрійскіе финансы. Хацкевичъ почти вполне достигъ этой цѣли, но на послѣдней операціи былъ пойманъ и приговоренъ къ смертной казни. Онъ однакоже успѣлъ убѣжать изъ крѣпости, гдѣ содержался. Таковъ былъ, на гораздо меньшую ногу, и нашъ Дроздовскій²⁾. Подвиги нѣкоторыхъ изъ этихъ рыцарей, чрезвычайностью, смѣлостью и эксцентричностью своею, нерѣдко доходили почти до легендарной чудесности.

Источники этихъ явленій напрасно было бы искать въ стихіяхъ народнаго характера Поляковъ. Онъ есть смѣсь почти противоположныхъ элементовъ: Славянской безпечности, природной храбрости, съ Французскою способностью увлекаться первыми впечатлѣніями. Но силы этихъ составныхъ элементовъ было бы недостаточно для произведенія такихъ субъектовъ, о какихъ мы говоримъ. Нужно искать другой, виѣшней причины, такъ какъ она, по моему мнѣнію, заключается не въ постоянныхъ качествахъ народнаго характера, а въ случайныхъ, временныхъ обстоятельствахъ, и именно вотъ въ чемъ. Многіе Поляки изъ образованнаго класса, въ данной эпохѣ, нашлись въ исключительномъ положеніи. При самомъ началѣ военной карьеры Наполеона, они по-

ступили во Французскую службу и составили легіоны. Это отборное войско Наполеонъ водилъ по всюду за собой въ своихъ экспедиціяхъ и даже посылалъ въ Америку. Такимъ образомъ легіонисты, справедливо можно сказать, „прошли сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы“. Эти войны-космополиты закалились до твердости адаманта въ непрерывныхъ побѣдоносныхъ бояхъ, въ сношеніяхъ, въ неисчислимыхъ перипетіяхъ войны всѣхъ возможныхъ родовъ и во всѣхъ климатахъ. Неудивительно, что, при господствовавшемъ тогда безвѣріи, среди такой жизни, притупились въ нихъ всякія человѣческія чувства и что изъ нихъ выходили тяжкіе полудемоны, какъ напр. Хацкевичъ. Это объясненіе подтверждается а posteriori тѣмъ фактомъ, что всѣ историческіе Польскіе авантюристы были въ свое время легіонисты или служили въ другихъ Наполеоновскихъ войскахъ. *Sublata causa tollitur effectus* (съ прекращеніемъ причины прекращаются послѣдствія.) Съ тѣхъ поръ какъ Наполеона не стало, и подобные Польскіе герои перестали являться.

При тогдашнемъ административномъ бездѣйствіи, выродился и въ самомъ край страннѣйшій бродячій элементъ, исключительный продуктъ мѣстности. Это были являвшіеся по временамъ въ помѣщичьи усадьбы, такъ называемые „философы“. По этому названію они могли претендовать развѣ только на причисленіе ихъ къ школѣ древнихъ Циниковъ. Нѣчто въ родѣ Русскихъ „юродивыхъ“, но безъ религіозной примѣсы, это были все шляхтичи, получившіе нѣкоторое образованіе, но предавшіеся пьянству, полу помѣшанные, промышленнощіе выпрашиваніемъ милостыни. Нѣкоторые декламировали при этомъ какіе нибудь выученные стихи или рѣчи, другіе же и сами ихъ сочиняли. Изъ нихъ я помню четверыхъ: Позинскаго, Семирадзкаго, Мѣлешко и Омудьскаго. Послѣдній былъ уроженецъ не Слонимскаго уѣзда, бродилъ по цѣлой Литвѣ,

¹⁾ Съ остриемъ

²⁾ Подробные рассказы о тѣхъ и другихъ Польскихъ авантюристахъ собраны въ сочиненіи графа Генриха Ржевусскаго: „Польскій Теофрастъ“ (*Teofrast Polski*), выданномъ въ 50-годахъ въ Петербургѣ.

но кромѣ своего философскаго промысла имѣлъ другой, болѣе полезный. Онъ хорошо настраивалъ фортепіяны и этимъ, по помѣщичьимъ домамъ, зарабатывалъ деньги. Мѣлшко, совершенный идиотъ, происходилъ изъ знатнаго рода: одинъ изъ его предковъ былъ воеводою. Семирадзкій былъ прожившіи помѣщикъ и отъ пьянства на половину сумасшедшій; одежду, которую ему давали, онъ пропивалъ и тогда ходилъ весь обмотанный соломою. Бывали философы и въ городахъ; такъ въ Вильнѣ, въ мое университетское время, были помѣшанные на стихотворствѣ Шурловскій и Кришталевицъ, также (Соболевскій). Но послѣдній былъ не столько истинный Литовскій философъ, сколько довольно острый шутъ. Ему дѣлали разные фантастическіе костюмы, и онъ парадировалъ въ нихъ по Вильнѣ съ важностью Испанскаго гидаляга. Разъ, когда я еще былъ въ университетѣ, онъ сыгралъ слѣдующій фарсъ. Черезъ Вильну проѣзжалъ какой-то Германскій принцъ. Половина города вышла ему на встрѣчу за Остро-Браму; въ толпѣ былъ и Соболевскій, но никто не замѣтилъ что такое у него было подъ альмавивой. Принцъ, въ экипажѣ, остановился предъ Остро-Брамою для принятія привѣтствій отъ официальныхъ лицъ, послѣ чего долженъ былъ отправиться прямо водворецъ. Какъ только кончились привѣтствія, Соболевскій, стоявшій въ первомъ ряду зрителей, подбѣжалъ къ экипажу и, ставъ на одно колѣно, съ глубокимъ поклономъ поднесъ принцу—горшокъ съ варенымъ картофелемъ, сказавъ при томъ польски, что для того дѣлаетъ это приношение, чтобы его высочество считалъ себя въ Вильнѣ какъ бы на родинѣ *) Соболевскій сдѣлалъ это такъ ловко и такъ скоро, что полиція схватила его послѣ уже совершившагося факта. Принцу, который не въ шутку разсердился,

*) Въ Россіи Нямцовъ обзываютъ *колбасниками*, а въ Польшѣ *картофельниками* (kartoflarze.)

сказали, что это сдѣлалъ сумасшедшій. Соболевскаго взяли въ полицію; но это ему было ни почемъ: онъ былъ хорошо знакомъ съ кутузкою, куда его нерѣдко отводили, поднявши пьянаго на улицы.

Провинціальныя философы иногда зарабатывали себѣ небольшія деньги еще слѣдующимъ промысломъ. Во время моей первой молодости доживали свой вѣкъ кое-гдѣ по деревнямъ старики помѣщики, которые недовѣряли *казенной* почтѣ и письма свои, даже въ другіе уѣзды и губерніи, давали носить кому нибудь изъ странствующихъ философовъ. Это стоило имъ нѣсколько золотыхъ и, странное дѣло, философъ, преобразованный въ писмоноса, не смотря на свое пристрастіе къ водкѣ, всегда, хотя и очень не скоро, доставлялъ письмо по адресу и приносилъ отвѣтъ. Когда же такому недовѣрчивому господину случалась надобность посылать деньги, то для этого онъ нанималъ одного изъ Татаръ. Въ Слоניםъ была цѣлая населенная ими улица; ихъ было также немало и въ Новоградкѣ.

Кстати о Татарахъ. Отъ самаго древняго нашествія Азіатскихъ народовъ на Европу, въ Литвѣ осталось много Татаръ; они поселились въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ занимаются разными ремеслами, преимущественно кожевнымъ. Многие изъ высшаго класса (мурзы) приняли христіанство и со временемъ, въ военной службѣ, приобрѣли дворянство. Таковы Азаревичи, Аслановичи, Кенскіе, Азулевичи, Лукашевичи, Уланы, Крымскіе, Бѣляки, Ордынскіе, и др. Простые Татары большею частью остались магометанами, но и у тѣхъ и у другихъ сохранились непоколебимо традиція строгой честности; по крайней мѣрѣ въ описываемое время, такое было общее о нихъ мнѣніе. И дѣйствительно, никто не помнилъ примѣра, чтобы кто нибудь изъ этого племени былъ замѣшанъ въ уголовномъ дѣлѣ, никто не могъ назвать развратной женщины изъ Татарокъ. Литовскіе Татары счи-

таютъ себя потомками воиновъ Золотой Орды, и замѣчательно то, что физиономіи ихъ, кромѣ нѣсколько смуглаго цвѣта лицъ, не имѣютъ ничего общаго съ типомъ физиономіи другихъ Русскихъ Татаръ, напримѣръ Казанскихъ. У Литовскихъ черты лица правильныя, глаза прыемыя, вообще черные и выразительные.

Отъ 1811 года живо у меня сохранились въ памяти нѣкоторые болѣе замѣчательные случаи, и я ихъ здѣсь разскажу: въ нихъ есть характерстическіи черты мѣста и времени.

Извѣстно уже, что наше мѣстопробываніе было на самомъ большомъ трактѣ. Поэтому въ мѣстечкѣ, гдѣ была и почтовая станція, безпрестанно появлялись новыя лица. Одинъ разъ вечеромъ, послѣ жаркаго Юньскаго дня, мы цѣлымъ семействомъ вышли на прогулку, направляясь къ кузницѣ, стоявшей между мѣстечкомъ и палацомъ, гдѣ мы жили. Предъ кузницей стоялъ какой-то странный экипажъ, родъ одноколки въ одну лошадь, а около него суетился какой-то господинъ въ неменѣ странномъ костюмѣ. Онъ имѣлъ черную шляпу съ большими полями, какія носили Евреи, а въ рукахъ большую палку, и показывалъ кузнецу что-то поврежденное въ экипажѣ. Подошедши ближе, мы увидѣли, что протѣжій монахъ какого-то иностраннаго ордена. На немъ была старая коричневая ряса, съ краснымъ крестомъ на лѣвой груди. Самъ онъ былъ менѣ чѣмъ обыкновеннаго роста, плотнаго сложенія; смуглое выразительное лицо рѣзко было ознаменовано Итальянскимъ типомъ. Отецъ мой мало говорилъ пофранцузски, но, видя духовнаго, обратился къ нему полатыни: на этомъ языкѣ незнакомый объяснялся свободно. Мы узнали, что онъ монахъ ордена Камилліанъ, отъ своего монастыря въ Аппенинскихъ горахъ посланъ для собиранія подаяній на выкупъ христіанскихъ невольниковъ отъ Марокандевъ, Алжирцевъ и Тунисцевъ.

Отецъ пригласилъ странника почитать у насъ и просилъ не беспокоиться объ экипажѣ, который будетъ починенъ. Монахъ поблагодарилъ, говоря, что онъ и безъ того зашелъ бы въ палацъ за подаяніемъ и пошелъ съ нами; онъ немного хромалъ, опираясь на палку. Пришедши въ домъ, отецъ Амвросій за стаканомъ Венгерскаго разговорился. Онъ объѣхалъ всю Гродненскую губернію; въ другія губерніи посланы другіе монахи его ордена, а онъ возвращается въ монастырь. Онъ оказался человѣкомъ образованнымъ, разсказывалъ много интереснаго о своихъ путешествіяхъ, но главнымъ предметомъ его рѣчей были жалобы на императора Французовъ за поработеніе Италіи, а особенно за притѣсненіе Папы. Онъ все болѣе и болѣе горячился, бранилъ и проклиналъ Наполеона, предсказывая ему близкое паденіе именно потому, что онъ заставилъ Св. Отца произнести на него анаѣму. Отецъ и матушка защищали Наполеона, но монахъ не хотѣлъ ничего слушать и не переставалъ повторять, что этотъ извергъ, этотъ антихристъ долженъ скоро погибнуть.

Но утру на другой день, одноколка отца Амвросія была готова, и онъ, получивъ отъ родителей моихъ подаяніе, отправился къ Бресту-Литовскому. Недѣлю чрезъ двѣ мы узнали, что по свѣдѣніямъ полученнымъ отъ нашего посланника въ Парижѣ, Камилліанъ задержали близъ самой границы. Оказалось, что это былъ переодѣтый офицеръ Французскаго генеральнаго штаба, посланный для съемки главныхъ мѣстностей и дорогъ Гродненской губерніи. Въ палкѣ у него нашли срисованные имъ планы.

Около того же времени, въ половинѣ лѣта, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ружаны, въ лѣсу, по дорогѣ къ слѣдующей станціи Межевичи, завелся разбойникъ. Ихъ было трое, они останавливали и грабили проезжающихъ. Газъ нашли въ лѣсу убитаго съ признаками жестокаго истязанія бѣднаго Пинскаго мѣщанина изъ тѣхъ, которые по дворахъ

разносятъ огородныя сѣмяна Два раза дѣлали въ лѣсу облаву съ участіемъ военной команды. но оба раза безуспѣшно. Наконецъ. для поимки бандитовъ, командированъ былъ губернаторомъ за сѣдатель отъ дворянства Слонимскаго Земскаго Суда (полицейскаго управленія) Леопольдъ Лагевницкій и, прибывъ на мѣсто, онъ остановился у насъ. Онъ слылъ хорошимъ детективомъ и, дѣйствительно, въ нѣсколькихъ довольно трудныхъ слѣдствіяхъ оказалъ талантъ, напоминающій Леккока *). Онъ употреблялъ разные средства, посылалъ въ лѣсъ людей съ коробами; тѣ притворялись пьяными, а чиновникъ слѣдилъ за ними лѣсомъ съ вооруженными людьми, по ночамъ развѣзжалъ самъ по большой дорогѣ, нарядившись Жидомъ въ скрипучей намазанной фурѣ, наполненной „фактивнымъ“ товаромъ, а тамъ скрывались люди съ ружьями. Ничто не удавалось: бандиты не поддавались ни на какія хитрости. Мы, дѣти, ужасно боялись разбойниковъ и по ночамъ не спали отъ страха.

Лагевницкому стало ясно, что они тайными путями узнаютъ обо всемъ что предпринимается. Онъ перемѣнилъ тактику, распустилъ слухъ, что уязжаетъ совѣтъ, не надѣясь исполнить губернаторское порученіе, и дѣйствительно уѣхалъ отъ насъ, но, отѣхавъ версты двѣ, своротилъ въ сторону тракта къ сосѣднему помѣщику. Скрываясь у него, онъ сталъ дѣйствовать по новому плану: переодѣвался то крестьянникомъ, то Жидомъ, искусно гримпруясь, ходилъ по окрестнымъ селамъ и часто бывалъ въ Ружанѣ, тамъ ходилъ по кабакамъ и лавкамъ и самъ, и чрезъ довѣреннаго,мышленаго человѣка, котораго съ собою привезъ, собиралъ разные слухи.

Въ томъ самомъ лѣсу, гдѣ подвизались разбойники, въ двухъ верстахъ отъ большаго тракта, на проселочной дорогѣ, была корчма, содержимая Жидовкою, молодою красною вдовою. Есте-

ственно было полагать, что мошенники бываютъ въ этой корчмѣ, а можетъ быть она служитъ имъ притономъ. Сдѣлали обыскъ, но ничего подозрительнаго не оказалось. Лагевницкій самъ два раза навѣзжалъ внезапно ночью, но всякій разъ издали встрѣчалъ его лай большой собаки и, пріѣхавши, онъ не заставлялъ никого, кромѣ хозяйки, ея 8 ми лѣтняго *басура* и служанки, также Жидовки.

Разъ, когда всѣ уже были утѣрены, что чиновникъ уѣхалъ, онъ въ мѣстечкѣ узналъ, что въ тотъ же день корчмарка закупала провизію, вовсе не Жидовскую, какъ то говядину у мясника-христіянина и свинину, говоря, что у нея ночуютъ провѣзжіе господа *). Онъ тотчасъ послалъ своего человѣка въ корчму, велѣлъ пять тамъ водку и пиво и далъ плюлюп, которыми онъ, въ кускѣ жаренаго мяса, долженъ былъ отравить собаку. Человѣкъ въ точности все исполнилъ и ушелъ нечеромъ, собака не вдругъ околѣла, но была больна и не выходила изъ сарая. Чиновникъ отъ стоявшаго въ Ружанѣ полка вытребовалъ команду, 12 солдатъ; она обошла корчму лѣсомъ и расположилась въ лѣсу же близъ самой корчмы. Въ ту же ночь Лагевницкій съ пятью вооруженными людьми отправился на мѣсто. Собака не лаяла. Они обошли корчму кругомъ; огня въ ней не было. Пробуи окна, нашли одно не плотно затворенное; отворили его; всѣ шестеро вошли въ него, безъ малѣйшаго шума, и очутились въ большой общей комнатѣ, гдѣ на полу, вѣроятно послѣ порядочныхъ возліяній, спали богатырскимъ сномъ нераздѣтыми три человѣка. При

*) Известно, что свинина строго запрещена Моисеевымъ закономъ, говядину же Евреи могутъ брать только у присяжнаго мясника-Еврея, который продаетъ одну *кошерную* (то есть чистую, отъ скотины, во внутренностяхъ которой не нашлось никакого поврежденія и ничего посторонняго). Говядина безъ такой гарантіи называется *трефъ*, и правовѣрный Еврей не станетъ ее ѣсть не за что.

*) Въ романахъ Габоріо (Gaboriau).

каждомъ лежалъ большой ножъ, а при одномъ и пистолетъ. Убралъ эти оружія, чиновникъ и его спутники вдругъ напались по двое на каждого и еще полусонныхъ стали вязать привезенными съ собою бичевками. Атаманъ, тотъ у котораго былъ пистолетъ, защищался отчаянно. Онъ укусилъ руку у Лагевницкаго; но тотъ, сильный молодой человекъ, скоро съ нимъ справился. Между тѣмъ по данному свистку подоспѣла и команда. На шумъ прибѣжала въ одной рубашкѣ изъ смежной свѣтелки съ зажженной свѣчкою сама шинкарка и, увидя, что дѣлается, заломала руки и стала неподвижна, какъ бы пораженная катаlepsіею. Она, по рассказамъ Лагевницкаго, была прекрасна и могла бы служить лучшею моделью для статуи отчаянія. Ее также связали. Чпновникъ сдѣлалъ всѣхъ на руки унтеръ-офицеру съ своимъ подручнымъ и отослалъ въ мѣстечко подъ арестъ, къ начальнику тамошняго гарнизоннаго этапа, а самъ прибѣжалъ къ намъ и все рассказалъ. Атаманъ, по прозванію Жигарь, былъ Волковыскій мѣщанинъ, два другіе—бѣлгые солдаты. Шинкарка была любовницею атамана, и чрезъ нее онъ получалъ нужныя ему вѣсти. Благодаря имъ, разбойники все время облавы просидѣли на высокихъ деревьяхъ, скрываясь въ густой листвѣ. У разбойниковъ найдено денегъ немного, двое серебряныхъ часовъ и еще кой-какія вещицы. Но что странно, въ ихъ вещахъ найдены бутылка сапожной ваксы, початая банка помады и печатный in 4-to экземпляръ трехъ первыхъ одъ извѣстнаго Польскаго поэта Козьмяна. Эту книжечку чиновникъ подарилъ мнѣ, такъ какъ я въ то время пописывалъ стишки; она сохранилась у меня до сихъ поръ.

Но вотъ эпизодъ, который сдѣлалъ еще гораздо большее впечатлѣніе на все наше семейство; тутъ дѣло шло о жизни и смерти одного изъ его членовъ.

Матушка получила письмо отъ своего брата Фаддея Г., жившаго въ Мпн-ской губерніи, извѣщавшее, что онъ

ѣдетъ къ намъ провести нѣкоторое время. Мы, дѣти, обрадовались этому: добрый дяди привозилъ намъ всегда прекрасныя гостинцы. Тогда никто почти не ѣздилъ на почтовыхъ, а на своихъ или нанятыхъ у Жидовъ или у Татаръ лошадей. Дядя ѣхалъ въ своей коляскѣ, на тройкѣ своихъ же лошадей, съ человекомъ и велъ съ собою хорошенькую верховую лошадку въ подарокъ для меня, старшаго своего племянника. На одномъ отдыхѣ въ корчмѣ, не доѣзжая до насъ верстъ за сорокъ, онъ засталъ незнакомаго господина, который также тамъ обѣдалъ и кормилъ лошадей. Тотъ откомендовался какъ помѣщикъ Виленской губерніи, Зборомирскій. Это былъ умный, пріятный человекъ; они скоро сблизились, и какъ оба ѣхали въ одну сторону, то Зборомирскій предложилъ ѣхать обомъ вмѣстѣ, въ его покойной бричкѣ на рессорахъ, а коляску дяди съ служителями отправить вперёдъ. Дядя принялъ предложеніе; спутникъ былъ пріятный, веселый собесѣдникъ. Верстъ за девять не доѣзжая Ружаны, въ хорошей гостинницѣ они заночевали, для того, чтобы дядя могъ прибыть къ намъ на другой день утромъ. Они оба спали въ одной большой комнатѣ; ночь была жаркая, дядя не могъ уснуть, но, чтобы не разбудить товарища, лежалъ спокойно. Онъ замѣтилъ, что тотъ тоже не спитъ, время отъ времени привстаетъ на постелѣ, оглядывается и прислушивается. Это удвигло моего дядю. Потомъ онъ увидѣлъ, какъ Зборомирскій, сѣвъ на постелѣ и взявъ въ обѣ руки подушку, протягивалъ уже одну ногу, какъ бы намѣреваясь встать; но дядя кашлянулъ, и товарищъ, взбивъ только подушку въ рукахъ, положилъ ее на мѣсто и самъ легъ. Г. старался уже не уснуть. Такъ прошла ночь. „Вы кажется худо спали“, сказалъ вставая дядя.—„Да, душно было, да и не могъ справиться съ моею подушкой“.

Путешественники уѣхали довольно рано и, прибывъ въ Ружану въ 9 часу утра, заѣхали на почтовую станцію, гдѣ

уже ждали лошади моего дяди; отъ смотрителя онъ узналъ, что родители мои дома. Станція стояла среди рынка, а какъ это было воскресенье, торговый день, то на рынокъ собралось много народу изъ мѣстечка и окрестностей. Покуда дяди разговаривалъ съ смотрителемъ, Зборомирскій кликнулъ своего слугу. Это былъ паренъ лѣтъ 17-ти, его крѣпостной. Но тотъ, вмѣсто того чтобы послушаться, изъ сѣней кинулся опрометью въ толпу народа и оттуда сталъ кричать: „Держите моего барина, онъ убійца!“ Народъ бросился къ почтѣ, но смотритель заперъ входную дверь, а чрезъ другую позвалъ ямщиковъ и велѣлъ не выпускать никого. Зборомирскій хотѣлъ уйти, но его задержали. Случилось такъ, что у насъ былъ тогда земскій исправникъ, прїѣхавшій къ отцу по какому-то дѣлу. За нимъ послали. Исправникъ снялъ тутъ же первые допросы съ обвиняемаго, слуги и съ моего дяди. Оказалось, что промышлявшій такимъ образомъ по большимъ дорогамъ бандитъ былъ не Зборомирскій, а нѣкто Зеньковичъ, дворянинъ Витебской губерніи. Слуга уличалъ его въ трехъ убійствахъ. Но его указанію задержали и кучера, какъ сообщника. Тотъ было уже протискался сквозь толпу и хотѣлъ скрыться. По показанію мальчика, первою жертвою Зеньковича былъ его двоюродный братъ; онъ по немъ получилъ наслѣдство. Потомъ онъ убилъ какого-то богатаго подрядчика Жюда; а третьяго Виленскаго помѣщика Войшвило или Ворошило. Злодѣяннн свои онъ совершалъ такъ. Развѣзжалъ въ задъ и впередъ по большимъ трактамъ, останавливаясь въ лучшихъ корчмахъ и гостиницахъ, гдѣ вѣротно имѣлъ сообщниковъ. Заставъ тамъ проѣзжаго, у котораго предполагалъ хорошія деньги, онъ знакомился съ нимъ и, угостивши его виномъ съ какою-то наркотическою приправою, заманивалъ къ себѣ въ бричку, а когда тотъ крѣпко заснулъ, тогда, остановясь на дорогѣ, обыкновенно ночью и преимущественно въ лѣсу и

давъ ему, Ивану, держать лошадей, въ двоємъ съ кучеромъ Фокою, душили спутника подушкою. Трупъ брата Зеньковичъ привезъ въ городъ и заявилъ, что онъ умеръ отъ апоплексіи; никто не повѣрялъ этого показанія, и его тутъ же похоронили. Двухъ другихъ убійцы зарыли близъ дороги въ лѣсу. Слуги убитыхъ, съ ихъ экипажами, посланы были впередъ и дожидались за какихъ нибудь десять или болѣе верстъ въ указанной имъ Зеньковичемъ корчмѣ. Самъ Зеньковичъ, сдѣлавъ свое дѣло, поворачивалъ назадъ плн ѣхалъ въ сторону проселочными дорогами, и тѣмъ все оканчивалось. Теперь такіе нехитрые приемы къ сокрытію убійствъ могутъ показаться фантастическою сказкою; но при тогдашней администраціи, этого было слишкомъ достаточно, и все легко сходило съ рукъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, Иванъ прибавилъ, что въ бричкѣ, подъ новымъ тикомъ, которымъ она обита, должны быть слѣды крови, бросившейся изъ носа у одного изъ убитыхъ, когда его душили. Сняли тикъ и дѣйствительно подъ нимъ, на войлокѣ, нашли большія кровяныя пятна. Иванъ сказалъ, что онъ давно искалъ удобнаго случая, чтобы отдать убійцу въ руки правосудія, тѣмъ болѣе, что рано или поздно Зеньковичъ непременно убилъ бы или отравилъ бы и его и кучера.

Зеньковичъ, послѣ краткаго раздумья, во всемъ признался, ровно какъ и кучеръ Фома, также его крѣпостной. Показанія свидѣтелей онъ слушалъ хладнокровно, съ циническою улыбкою. По временамъ только дѣлалъ страшные глаза Ивану. Обратясь къ моему дядѣ, онъ сказалъ: „Счастіе ваше, что вы не пьете вина, не спите въ дорогѣ и имѣете карманные пистолеты“.—„Что же вы бы сдѣлали съ моимъ слугою и кучеромъ?“ спросилъ Г.—„Я бы ничего не сдѣлалъ, а прїѣхавши на Ружанскую станцію, сдалъ бы тѣло вашимъ людямъ и сказалъ бы, что вы умерли отъ удара“.

Зеньковичу надѣли на ноги колодки, и исправникъ посадилъ его, предварительно за крѣпкимъ карауломъ, въ одну изъ особыхъ келій Ружанскаго Базиліанскаго монастыря. Жители мѣстечка ходили смотрѣть его; онъ былъ разговорчивъ и пріятливъ, особенно съ дамами. Я также выпросился къ нему, и меня отпустили съ гувернеромъ. Въ флэзіономіи его не было ничего замѣчательнаго, кромѣ выраженія какой то непріятной молоджавости (ему было за сорокъ лѣтъ) и чрезвычайно угрюмаго взгляда бѣгающихъ на всѣ стороны глазъ. Это самое выраженіе несвоевременной молоджавости и такой взглядъ и потомъ замѣчалъ у *свазъ* убійць, которыхъ много въ жизнь свою видѣлъ. Случалось встрѣчать тѣже признаки и у другихъ такихъ, которые никогда не были подъ уголовнымъ судомъ, и даже у субъектовъ принадлежащихъ къ обществу: это все были люди недобрые.

Не могу также не упомянуть объ одной исторической личности изъ числа обитателей окрестностей Ружаны. Это былъ знаменитый Цейзигъ, въ послѣдствіи прославившійся двукратнымъ поддѣльваніемъ Россійскихъ ассигнацій. Въ 1811 году, онъ, обще съ своимъ шуриномъ Тюркомъ, содержалъ въ арендѣ одну изъ мызъ Ружанскаго графства. Онъ родился превосходнымъ артистомъ во всѣхъ родахъ искусства: былъ музыкантъ, рисовальщикъ, скульпторъ, гравёръ, неподражасмый каллиграфъ. По праздникамъ сосѣдніе помѣщики и арендные содержатели пмѣній князя Сапѣги съѣзжались въ Ружану къ обѣднѣ, а потомъ собирались у насъ на завтракъ. Въ числѣ ихъ постоянно бывалъ Цейзигъ. Намъ дѣтямъ онъ привозилъ разныя свои издѣлія; это были рѣзныя корбочки, вещицы изъ слоновой кости и янтаря, клѣтки для птицъ, все самой изящной отдѣлки. Отцу нашему, курившему табакъ, онъ дарилъ трубки, глиняныя и деревянныя и чубуки, съ рѣзбою и всѣми возможными украшеніями: это были вполнѣ художественныя про-

изведенія. Смѣло можно сказать, что если бы Цейзигъ посвятилъ себя исключительно искусству, то изъ него вышелъ бы второй Бенвенуто Челлини. Къ сожалѣнію удивительныя его способности приняла преступное направленіе.

Оставя сельское хозяйство, Цейзигъ поступилъ на службу въ канцелярію Виленскаго университета. Каллиграфическія его работы славилась повсюду и цѣнились дорого; на примѣръ за дипломы на ученые степени, то-есть за заголовокъ и 8 или 9 строкъ письма, онъ получалъ по десяти и болѣе червонцовъ. Дальнѣйшая біографія его въ главныхъ чертахъ слѣдующая.

Въ Вильнѣ еще онъ дебютировалъ къ своей несчастной карьерѣ тѣмъ, что и самъ и его пріятелъ постоянно бывали въ театрѣ по билетамъ его фабрикаціи. Это было возможно въ Вильнѣ, гдѣ тогда былъ и долго еще потомъ просуществовалъ партеръ съ скамейками безъ нумерованныхъ мѣстъ. Вскорѣ потомъ, въ исходѣ 20-хъ годовъ, Цейзигъ взялъ въ аренду маленькое имѣніе въ Слуцкомъ уездѣ (Минской губ.) и тамъ на большую ногу завелъ фабрику ассигнацій стараго образца. Бумагу для этаго онъ приготавливалъ самъ изъ веленевои. Тюркъ пускалъ въ обращеніе пздѣлія своего шурина, но разъ какъ-то, мѣняя ихъ неосторожно, былъ пойманъ; въ домѣ Цейзига произведенъ былъ обыскъ, и оба они попали въ тюрьму въ Минскѣ. Дѣло объ этомъ, какъ и всѣ дѣла того времени, тнулось долго. Между тѣмъ Цейзигъ такъ умѣлъ расположить къ себѣ полицмейстера, что ему позволено было, на честное слово, ходить гулять одному. Цейзигъ употребилъ во зло оказанное ему довѣріе и бѣжалъ. Вскорѣ потомъ бѣжалъ и Тюркъ; оба очутились въ Вѣнѣ. Тамъ Цейзигъ сталъ дѣлать банкнотелли. Не смотря на безукоризненную отдѣлку Австрійскихъ ассигнацій, Вѣнская полиція стала ихъ подозрѣвать, и они съ шуриномъ подъ чужими именами, по сфабрикованнымъ паспортамъ, переехали въ Подольскую губернію,

гдѣ, поселись въ уединенномъ хуторѣ. нашъ артистъ взялся поддѣлывать ассигнаціи, выпущенныя уже по новому, будто бы усовершенствованному образцу. Для того, чтобы ихъ безопасно пускать въ обращеніе, они придумали слѣдующую хитрость. Въ теперешнемъ Царствѣ Польскомъ, на границѣ Галиціи, есть мѣстечко Влодава, гдѣ бывають большія ярмарки лошадей, особенно откормленныхъ на убой воловъ. Тюркъ постоянно закупалъ тамъ цѣлые ихъ гурты, которые потомъ продавалъ въ розницу по городамъ и мѣстечкамъ. Такъ онъ мѣнялъ Цейзиговскія деньги на настоящіе. Они промышляли такимъ образомъ около двухъ лѣтъ и собрали большія деньги. Поддѣлка была верхъ совершенства, такъ что подобная операція могла бы продолжаться неопредѣленное время, еслибы не случилось слѣдующее. Тюркъ, по дѣламъ своей торговли, былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ подъ принятымъ псевдонимомъ и по паспортамъ работы своего шурина. Въ одинъ изъ такихъ вояжей онъ проѣзжалъ чрезъ городъ Кобрынъ, Гродненской губерніи. Тутъ, на почтовой станціи, гдѣ ему перемѣняли лошадей, нашелся человекъ, который, во время поимки Цейзига въ Слуцкомъ уѣздѣ, служилъ у него лакеемъ. Онъ узналъ Тюрка въ лицо и сталъ требовать уплаты 300 злотыхъ, которые будто бы онъ, съ Цейзигомъ, остался ему должны. По всему вѣроятію это была ложь, и бывший лакей, знавшій ихъ дѣла, хотѣлъ этимъ воспользоваться. Еслибы Тюркъ отдалъ ему требуемыя небольшія деньги, все, быть можетъ, этимъ и кончилось бы. Но онъ счелъ за лучшее, на основаніи подорожной, отпереться отъ своей личности и утверждать человекъ, что видитъ его въ первый разъ. Тогда человекъ, предупредивъ станціоннаго смотрителя, чтобы медлилъ перемѣною лошадей, заявилъ обо всемъ городничему, и Тюрка задержали. Пошли справки и, не смотря на заипрательство арестованнаго, добрались и до Цейзига и обоихъ препроводили въ Гродну.

Любопытны отвѣты Цейзига на дѣланные ему въ Губернскомъ Правленіи допросы. Видя себя окончательно погибшимъ, онъ уже былъ вполнѣ откровененъ и даже позволялъ себѣ сарказмы. Вотъ сущность его показаній. Послѣ побѣга въ Германію, онъ пробовалъ дѣлать банкотетли въ Вѣнѣ; но, замѣтивъ, что полиція зорко слѣдитъ за нимъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что только въ одной Россіи, при тогдашнемъ устройствѣ администраціи, можно долго уклоняться отъ дѣйствія закона и потому перевелъ свою мастерскую въ Подольскую губернію. Онъ хотѣлъ собрать большую сумму и переселиться въ Парижъ или Лондонъ, гдѣ таланты его были-бы оценены по достоинству. Его мечта была сдѣлаться начальникомъ монетнаго учрежденія, императорскимъ или королевскимъ медальеромъ. Онъ горько издѣвался надъ мнимыми ухищреніями въ рисунокѣ ассигнацій новаго образца. „Для такого артиста, какъ я, говорилъ онъ, гораздо труднѣе было поддѣлываться подъ первобытную простоту и грубую отдѣлку прежнихъ ассигнацій, чѣмъ копировать неудачныя затѣи новыхъ, тѣмъ болѣе, что на старыхъ ассигнаціяхъ были три подлинныя подписи, которыя нужно было поддѣлывать особо на каждомъ экземплярѣ, что много замедляло работу, на новыхъ же подписи эти замѣнены печатными грифами, которые стоятъ только хорошо фабрикуютъ одинъ разъ на всегда“. Когда его спросили, какъ различать его кредитные билеты отъ настоящихъ, Цейзигъ отвѣчалъ, что по наружному осмотру онъ и самъ не въ состояніи найти какуюнибудь разницу; но качество его бумаги лучше казенной, и потому единственное средство оторвать кусокъ ассигнаціи: если края отрыва совершенно ровны, какъ бы отрезанные, то это его издѣліе, въ казенной же ассигнаціи будутъ по краямъ неровности и виточки. Онъ прибавилъ: „Правительство истратило два или болѣе милліона на устройство машины, печатающей новыя ассигнаціи; деньги—брошенныя даромъ“. Онъ же дѣлалъ

слѣдующее предложеніе: если его простятъ и обезпечатъ хорошимъ содержаніемъ, то онъ устроитъ снарядъ своего изобрѣтенія, съ извѣстнымъ ему одному секретомъ, и будетъ дѣлать такіе кредитные билеты, что правительство можетъ не опасаться никакой поддѣлки. Когда ему возразили, что то что сдѣлалъ одинъ человѣкъ, можетъ быть повторено другимъ, то онъ съ улыбкою невыразимой самонадѣянности сказалъ: „Вы не такъ говорите; скажите, что сдѣлалъ Цейзигъ, можетъ сдѣлать другой Цейзигъ, и будете правы; только дѣло въ томъ, что этаго другаго придется долго ждать“.

Предложеніе не было принято.

Процессъ Цейзига, не смотря на явныя улики и собственное признаніе, дѣлался безконечно. Подсудимый содержался въ тюрьмѣ въ Минскѣ. Ему не давали никакихъ металлическихъ инструментовъ; но онъ, съ помощью простой щепки, выдѣлывалъ изъ черной и желтой глины множество чудныхъ предметовъ, чашекъ, кружекъ, трубокъ, подсвѣчниковъ, съ рзвбою и барельефами. Вещи эти хранятся въ домахъ у тамошнихъ помѣщиковъ, какъ драгоценная рѣдкость. Въ проѣздъ императора Александра I чрезъ Минскъ, губернаторъ поднесъ Его Величеству какую-то группу, сдѣланную Цейзигомъ, и эта работа заслужила особенное вниманіе Государя; однакожъ приношеніе это не повело къ тому, для чего было учинено. Государь не помиловалъ современнаго Бенвенуто.

Цейзигъ, за старостью, былъ приговоренъ только къ ссылкѣ на поселеніе, да и тамъ получилъ позволеніе проживать въ Тобольскѣ. Докторъ Садовскій, (извѣстный потомъ практикъ въ Петербургѣ) зналъ его тамъ и лечилъ. Онъ рассказывалъ маѣ, что дѣланіе ассигнацій перешло у Цейзига съ лѣтами въ мономанію; онъ занимался этимъ и въ Тобольскѣ, но поддѣлка его стала уже такая неискусная, что никого не вводила въ обманъ, такъ что власть, признавая его впавшимъ въ дѣтство, не преслѣдовала его за это.

Теперь перехожу къ достопамятному (1812 году*). Кругозоръ мой, правда, въ то время ограниченъ былъ одною небольшою мѣстностію, и взглядъ не могъ быть глубокимъ, тѣмъ не менѣе я думаю, что когда воспроизведено будетъ вѣрно то, что я самъ видѣлъ и что доходило до моего слуха, то и это найдетъ себѣ, хотя и очень скромное, мѣсто въ огромной исторической картинѣ вѣковаго событія и не будетъ признано излишнимъ для общей его характеристики.

Въ началѣ 1812 года все наше семейство изъ мѣстечка Ружаны переселилось въ купленное отцомъ моимъ имѣніе, по другую сторону города Слонима, въ 15 верстахъ отъ него, въ мѣстность расположенную среди первобытныхъ лѣсовъ, простиравшихся во всѣ стороны, сплошною массою, съ небольшими промежутками мызъ и деревень, на нѣскольکو десятковъ верстѣ.

Война уже была объявлена; главныя силы Наполеоновской арміи были, какъ извѣстно, направлены чрезъ Вильну; въ нашемъ же околдкѣ появлялись одинъ за другимъ отрядъ войскъ Австрійскихъ, Прусскихъ и Саксонскихъ. Они встрѣчались иногда съ отрядами арміи князя Багратіона и имѣли съ ними незначительныя стычки; но тогда уже было замѣтно, что этотъ Германскій контингентъ Наполеона дѣйствовалъ, правильнѣе бездѣйствовалъ, съ предвзятымъ намѣреніемъ. Слышно даже было, что отряды эти встрѣчались на большой дорогѣ съ Русскими войсками, и оба войска расходились каждое въ свою сторону безъ выстрѣла. Часто также Австрійцы и Пруссаки ходили, безъ видимой надобности, взадъ и впередъ, возвращаясь на оставленные ими пункты, какъ бы только для того, чтобы выиграть время. Одни Саксонцы, корпусъ генерала

*) Съ этого года я началъ писать мои записки, изъ которыхъ составились статьи Калейдоскопа.

Ренье (Regnier), поступали добросовѣстно, дрались когда только могли, и за это не разъ дорого заплатились, не бывъ поддерживаемы своими псевдо-союзниками. Да и какъ Наполеонъ могъ думать, что Германскія государства, которыхъ онъ столько разъ побуждалъ и унижалъ, будутъ ему служить вѣрно въ сумасбродной экспедиціи, предпринятой имъ противъ Россіи? Не надо быть стратегомъ, чтобы понимать, что изъ войскъ такихъ народовъ, на симпатію которыхъ нельзя рассчитывать, не слѣдовало дѣлать своего аріергарда.

Я конечно не имѣю претензіи писать новую исторію или подробную критику кампаніи 1812 года; но, какъ современникъ, не могу не замѣтить въ нѣсколькихъ словахъ того, что бросалось въ глаза всякому профану. Въ этомъ историческомъ событіи подтвердилась какъ нельзя нагляднѣе поговорка древнихъ: „*Quem Jovis vult perdere. prius dementat**“). Вся кампанія, начиная съ ея нелѣпаго повода (*casus belli*) до самой развязки, представляетъ рядъ непонятныхъ ошибокъ, грубыхъ заблужденій, отсутствія всякаго соображенія, неумѣнія выбирать людей. Самый планъ дѣйствій, по свидѣтельству современныхъ мемуаровъ, основанъ былъ на данныхъ совершенно ложныхъ. Наполеонъ, смѣшивая понятіе о Русскомъ Сенатѣ съ понятіемъ о древнемъ Римскомъ институтѣ тогожъ названія, приписывая первому власть и значеніе послѣдняго и полагая при томъ, что мѣстопробываніе главнаго Сената есть Москва, сердце Россіи, вообразилъ себя, что, взявъ Москву и плѣнивъ Сенатъ, заставитъ послѣдній составить актъ, низлагающій Императора съ трона и превозглашающій его, Наполеона, властелиномъ Россіи. Для привлеченія же къ себѣ народа онъ полагалъ, по взятіи Москвы, оповѣстить уничтоженіе кровостнаго состоянія. Вотъ главныя пружины его стратегическихъ дѣйствій

въ 1812 году. Но и къ осуществленію такого фантастическаго плана онъ приступалъ непоследовательно и даже самъ себя противодѣйствовалъ. Онъ хотѣлъ расположить въ свою пользу народъ, а въ тоже время войска его повсемѣстно грабили и оскорбляли такъ глубоко въ Русскомъ народѣ поселенное религиозное чувство. Ограбивъ встрѣчавшіяся по пути церкви, Французскіе солдаты сами въ нихъ располагались и ставили своихъ лошадей. Въмѣсто того чтобы снискать себѣ любовь, Наполеонъ у Русскаго народа прослылъ Антихристомъ, и поведеніемъ своей арміи, обыкновенную войну превратилъ въ самую ожесточенную—въ войну религиозную.

Равно, крайне-неполитично было поведеніе императора Французовъ относительно Поляковъ и Литвиновъ, то есть населенія западныхъ губерній. Извѣстно, какимъ пламеннымъ Польскимъ патриотизмомъ пылала Литва въ то время; она, быть можетъ, превосходила въ этомъ коренныхъ Поляковъ. Для Литвиновъ Наполеонъ былъ полу-богомъ, идеаломъ земнаго величія и могущества, ниспосланнымъ свыше для возстановленія исторической Польши въ единствѣ съ Литвою, а предпринятую кампанію считали они средствомъ къ осуществленію этой задушевной мечты. По этому они готовы были на всевозможныя жертвы. Женщины были буквально *влюблены* въ Наполеона до того, что, не выдавши его никогда, на вѣру изображеній на портретахъ и деньгахъ, рожали дѣтей удивительно похожихъ на императора Французовъ. Это замѣчательный физиологическій фактъ: въ поколѣніи того времени считалось много лицъ обоего пола съ фізіономіями, живо всепроизводившими извѣстный Наполеоновскій типъ. И что же, этотъ общій восторгъ вдругъ охладѣлъ. Вступивъ въ Варшаву, Наполеонъ созвалъ Сеймъ, но на адресъ его о возстановленіи Польши отвѣчалъ уклончиво, не обѣщая даже ничего положительнаго, и наконецъ создалъ маленькое Варшавское Герцогство (*Duché de*

*) Кого Господь захочетъ наказать, того напередъ лишаетъ ума.

Varsovie), да и то вмѣсто того, чтобы назначить герцога изъ Поляковъ, присоединилъ къ Саксонскому королевству.

Это крайне разочаровало и оскорбило Поляковъ, а еще болѣе Литвиновъ, послѣднихъ особенно потому, что коалиціонная армія вела себя на ихъ земляхъ, какъ въ краѣ непріятельскомъ: войска и ихъ начальники грабили и налагали контрибуцію. Вотъ что я видѣлъ своими глазами.

Городъ Слонимъ, по своему положенію на большой дорогѣ, составлялъ такой проходной пунктъ, что въ немъ одни войска безпрестанно смѣнялись другими. Послѣ Прусаковъ, Австрійцевъ, Саксонцевъ, появлялись Русскіе, а за ними опять разные Германцы. Въ краѣ, по распоряженію главнаго правителя великаго княжества Литовскаго, находившагося въ Вильнѣ, дюка де Бассано (Marsel), введены уже были учрежденія формы Наполеоновскаго правленія. Въ Слонимѣ былъ подпрефектомъ тамошній помѣщикъ Феликсъ Бронскій (въ послѣдствіи бывший долго уѣзднымъ предводителемъ дворянства, см. II главу Калейдоскопа, Воспом. о Новосильцевѣ). У него всегда были готовы два мундира: одинъ по Французской, другой по Русской формѣ, и онъ надѣвалъ то тотъ, то другой, дѣлаясь попеременно, какъ Протей, то подпрефектомъ, то предводителемъ, смотря по тому, которой изъ воюющихъ державъ войска вступали въ его городъ. Онъ былъ какъ нельзя болѣе на своемъ мѣстѣ, одинаково привѣтливый и ладившій и съ тѣми, и съ другими. Онъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова и до того способенъ былъ проникаться по обстоятельствамъ своею двойною ролью, что въ именины Наполеона (15 Августа), когда въ Слонимѣ были Саксонцы, онъ въ церкви „канониковъ регулярныхъ“ сказалъ прекрасную рѣчь и отъ сердечнаго умиленія плакалъ; потомъ, когда осенью наступилъ какой-то царскій праздникъ, и въ Слонимѣ были уже Русскіе, онъ, въ тойже церкви, произнесъ неменѣе тро-

гательный спичъ, также съ аккомпаниментомъ слезъ.

Въ первые мѣсяцы кампаніи, въ Слонимѣ была въ некоторое время главная квартира командира Австрійскаго корпуса, фельдмаршала-лейтенанта князя Шварценберга. Отецъ мой былъ тогда предсѣдателемъ комисіи для удовлетворенія потребностей войскъ (kommissya potrzeb wojskowych), учрежденной главнымъ Литовскимъ правленіемъ въ каждомъ уѣздѣ. Шварценбергъ, на другой же день по своемъ прибытіи, вызвалъ къ себѣ моего отца и объявилъ, что нужно съ города Слонима взять 1000 червонныхъ контрибуціи. Антоній П. отвѣчалъ, что онъ не дастъ ни одного червонца, такъ какъ контрибуціи налагаются на города только въ непріятельскомъ краѣ, а въ Слонимѣ введена уже Французско-императорская организація, и потому городъ этотъ и уѣздъ не могутъ считаться непріятельскими. Отецъ прибавилъ, что комиссія, въ которой онъ предсѣдательствуетъ, обязана исполнять законныя требованія начальниковъ войскъ, по такъ какъ въ ея инструкціяхъ не упоминается о контрибуціяхъ, то онъ рѣшительно отказывается въ этомъ вымогательствѣ. Въ случаѣ же употребленія княземъ какихънибудь принудительныхъ мѣръ, будетъ объ этомъ донесено императорскому комиссару, управляющему Гродненскою губерніею, генералу Шансенону (Chanzenon).

Шварценбергъ, встрѣтивъ такое неожиданное сопротивленіе, не хотѣлъ однакожь показать, что онъ уступаетъ передъ нимъ; велѣлъ отцу моего взять подъ арестъ и отвести на гаубтвахту. Помню, какъ матушка и мы дѣти плакали, видя отца идущаго мимо нашихъ окошекъ между двумя Австрійскими солдатами, и какъ онъ, улыбаясь, дѣлалъ намъ знакъ, чтобы насъ успокоить. И въ самомъ дѣлѣ на другой день его выпустили. О контрибуціи уже не было рѣчи; но Шварценбергъ, озлобленный своею неудачею, чтобы какънибудь

отомстить за нее, обратился къ отцу съ требованіемъ уже мнимо законнымъ. Ему понадобилось будто бы 35 лошадей подъ пушки, но не простыхъ крестьянскихъ лошадей, а сильныхъ и рослыхъ. Отецъ принужденъ былъ исполнить это требованіе, хотя и неслишкомъ вѣрилъ въ необходимость требуемаго. Онъ сдѣлалъ раскладку на болѣе значительныхъ помѣщиковъ, а въ томъ числѣ изъ своей конюшни ассигновалъ двухъ самыхъ рослыхъ лошадей изъ подъ кареты. Мы съ матушкой были уже въ деревнѣ, когда съ открытымъ листомъ за подписью отца прибыли четыре Австрійскихъ улана и увели двухъ коней. Матушкѣ особенно жаль было одной, любимой ея, соловой кобылы съ гривой и хвостомъ чернымъ. Всѣ собранныя лошади были потомъ проданы Жидамъ, и такимъ образомъ Шварценбергъ выручилъ почти всю сумму, которой требовалъ себѣ въ контрибуцію. Помѣщики, давшіе лошадей, откупали ихъ потомъ у Жидовъ.

Этотъ самый князь Шварценбергъ, проходя разъ къ подпрефекту Броньскому, увидѣлъ, какъ на дворѣ люди выколачивали прекрасную медвѣжью шубу. Потолковалъ о дѣлѣ, князь вдругъ сказалъ: „Г. подпрефектъ, я видѣлъ на дворѣ хорошую шубу; она ваша?“ Да, моя. „Сколько она стоитъ?“ Я заплатилъ за нее въ Вильнѣ сто червонцевъ. „Это недорого“, сказалъ князь. „Мы, я думаю, пробудемъ въ Россіи до зимы; мнѣ понадобится шуба, но не знаю, гдѣ бы купить. Не можете ли мнѣ уступить свою за то, что вы за нее дали?“ Броньскій, хотя неохотно, по свойственной ему дипломатіи, согласился. Князь велѣлъ отвезти шубу къ себѣ, но вскорѣ потомъ, выступивъ въ походъ, деньги отдать забылъ. И это былъ членъ высшей Австрійской аристократіи!

Но что говорить о коалиціонныхъ князьяхъ, когда короли Наполеоновской мануфактуры поступали не лучше, если еще не хуже. Въ городѣ Несвижъ (Минской губерніи), въ историческомъ замъ

къ князей Радзивилловъ, была главная квартира короля Вестфальскаго, Геронима Бонапарте (отца извѣстнаго принца Пюп-Пюп и принцессы Матильды, разведенной жены Анатолія Демидова, дюка de San Donato). Мѣстное дворянство вздумало въ честь императорскаго брата дать большой обѣдъ, который онъ благосклонно принялъ. Обѣдъ былъ данъ въ самомъ же замкѣ, такъ какъ въ Несвижѣ не сыскалось помѣщенія для многочисленныхъ гостей изъ королевской свиты.

Коронованный гость былъ за столомъ очень любезенъ, ему и его генераламъ особенно нравилось столѣтнее Венгерское. Но когда встали отъ стола, то прислуга его Вестфальскаго величества, по приказанію его гофмаршала, вѣроятно на память о веселомъ пиршествѣ, убрала весь сервизъ и все серебро, бывшее за обѣдомъ. О томъ же король рассказывали, что онъ, лечась въ Несвижѣ отъ какой-то болѣзни, бралъ ванны изъ краснаго вина. Это вино, быть можетъ по распоряженію тогоже заботливаго гофмаршала, продавалось Жидамъ, а тѣ переливали его въ бутылки и, снабдивъ прекрасно гравированными ерлыками, пускали въ продажу.

Вотъ какія воспоминанія оставилъ по себѣ въ тамошнемъ краю король Геронимъ, старшій братъ императора Наполеона *великаго*.

Слѣдуя примѣру своихъ достойныхъ начальниковъ, Австрійскіе и Прусскіе солдаты преусердно грабили кого могли; всѣ жалобы на нихъ оставались безъ послѣдствій. Да правду сказать, солдатамъ нельзя было и не грабить; потому что начальники, хотя и получали для войскъ провизіи натурою и деньгами, но первыя тутъ же продавали Жидамъ, а деньги брали себѣ, предоставляя солдатамъ кормиться, какъ сами знаютъ. Это однакожъ не относится къ Саксонцамъ. Они во всю компанію и во всѣхъ отношеніяхъ вели себя какъ нельзя лучше. Корпусный ихъ командиръ, Ренъе, подъ страхомъ смертной казни, воспретилъ войскамъ всякое насиліе и само-

управство. Въ Слонимѣ, одинъ Саксонскій унтеръ-офицеръ спросилъ себя въ кондитерской чашку кофе, и уходя унесъ серебрянную ложечку. Хозяинъ догналъ его на улицѣ и отобралъ украденное. Но къ несчастью унтеръ-офицера, сцену эту видѣли два проходившіе офицера и донесли корпусному командиру. Несчастнѣйшій, не смотря на мольбы хозяина, былъ въ тотъ же день разстрѣлянъ на рынкѣ, противъ самой кондитерской.

Французскія войска, слѣдуя чрезъ Виленскую и теперешнюю Ковенскую губернію, не рѣдко также пускались въ грабительство. Вотъ замѣчательный примѣръ ихъ дисциплины.

По объявленіи войны. тѣтка моя, сестра матушки, г-жа Х. пріѣхала къ намъ въ деревню на все время продолженія войны. Пламенная почитательница Наполеона и Французовъ, она управляющему своимъ имѣніемъ, расположеннымъ близъ Прусской границы, приказала сторожить Французовъ и первый эскадронъ или первую роту, которая переступитъ чрезъ границу, пригласить къ ней въ деревню и угостить на славу. Первый на Литовскую землю вступилъ драгунскій эскадронъ, который, съ дозволенія полковаго командира, управляющій и повелъ въ деревню. Тамъ, въ саду, былъ уже приготовленъ пиръ. Драгуны, угостившись какъ слѣдуетъ, вмѣсто того, чтобы поѣхать на свои квартиры, вздумали пойти въ господскій домъ, и тамъ, не смотря на увѣщанія амфитріона, забрали все, что могли увезти съ собою, а все прочее разорили; переломали мебель, изрубили палашиами ройаль и картины, перебили зеркала и стекла въ окнахъ. Тетушка однакожъ этимъ не разочаровалась и сказала, что это исключеніе, что управляющій имѣлъ несчастье попасть на такой эскадронъ, и т. п.

Такой недостатокъ всякой дисциплины въ край, который Наполеонъ считалъ преданнымъ ему, былъ очень вреденъ его интересамъ. Поведеніе и Фран-

цузскихъ и коалиціонныхъ войскъ не могло не возстановить всѣхъ противъ затѣявшаго войну. Не всѣ же такъ слѣпо были влюблены какъ тетушка Х. И въ самомъ дѣлѣ, полки Литовскихъ охотниковъ, на которые Наполеонъ много рассчитывалъ, формировались очень влодо: въ нашемъ и пяти или шести смежныхъ уѣздахъ, на силу составилось всего два пѣхотныхъ полка: Биспинка въ Слонимскомъ и Раецкаго въ Новогрудскомъ уѣздахъ.

Все, какъ бы по систематически обдуманному плану, складывалось на то, чтобы кампанія 1812 года повела Наполеона къ конечной гибели. Не говорю уже о самой побудительной причинѣ къ войнѣ, о географически-несбыточной мечтѣ покорить Россію; но образъ веденія войны, распоряженія и мѣропріятія представляютъ одни несообразности, недостатокъ предусмотрительности, незнаніе всякаго рода. Могло ли быть что нибудь неполитичнѣе того плана, по которому войска, враждебныя императору Французовъ, составляли (какъ уже сказано) арьергардъ его арміи, или того, что и этимъ и Французскимъ войскамъ позволялось разорять край, считающійся союзнымъ и чрезъ который, во всякомъ случаѣ, армія, побѣдивъ ли, или бывъ побѣждена, должна была возвращаться?

При томъ трудно повѣрить, что дѣдалось по части интендентуры и до какихъ размѣровъ доходило въ ней дерзкое, систематическое казнокрадство. Только послѣдняя Франко-германская война, гдѣ тоже самое со стороны Французовъ повторилось, можетъ дать объ этомъ нѣкоторое понятіе. Правители западнаго края, избранные самимъ Наполеономъ, обманывали и обкрадывали его безсовѣстно. Главнымъ правителемъ края былъ въ Вильнѣ дюкъ де Бассано; подъ его начальствомъ Гродненскую губернію управлялъ генералъ Шансенонъ. Оба они усердно набивали свои карманы и болѣе ни о чемъ не заботились, оставляя армію на произволъ судь-

бы. то есть на прозволь грабежа и мародерства. Такъ напримѣръ по заготовленію быковъ для арміи. Эта операція большою частію совершалась на бумагѣ, а казенныя деньги, отпускаемыя на закупку фиктивныхъ быковъ, раздѣлялись интендантами съ поставщиками—Жидами. Всему городу Вильнѣ извѣстность слѣдующій фактъ. Въ Виленскихъ цейгаузахъ хранились заготовленные заранее 600,000 штукъ бараньихъ полушубковъ, столько же паръ теплыхъ рукавицъ и кенегъ для арміи на зимнее время. Когда же въ центрѣ Россіи солдаты буквально замерзали, то полушубковъ, рукавицъ и кенегъ уже не было: они, въ виду всего города, были проданы Жидамъ. Послѣ этого неудивительно, что генераль Морозъ имѣлъ такое рѣшительное вліяніе на исходъ кампаніи.

Все это—элементы, ведущіе къ тому заключенію о кампаніи 1812 и о Наполеонѣ вообще, которое выскажемъ ниже.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ 1812 года прибылъ въ Слонимъ Французскій генераль Конопка. Онъ былъ уроженецъ тамошняго уѣзда. Ихъ было четыре брата и три сестры. Трое изъ братьевъ, генераль Иванъ, старшій братъ его Августъ и средній Винцентій, служили во Французской арміи и отличились въ Испанской войнѣ; четвертый, Федоръ, былъ тогда еще малолѣтній и въ послѣдствіи служилъ въ гвардейскомъ уланскомъ полку въ Варшавѣ, при Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ. Винцентій, въ 20-хъ годахъ, былъ Слонимскимъ исправникомъ и городничимъ (см. Калейд. Воспом. о Новосильцевѣ). Изъ сестеръ, старшая, не отличавшаяся ничѣмъ, вышла замужъ за кого-то, котораго фамилію я забылъ, овдовѣла и поселилась въ Слонимъ; средняя, Юлія, была необыкновенная красавица; послѣ перваго мужа генерала Безобразова, овдовѣвъ, вышла за Дм. Павл. Татищева, нашего посланника въ Вѣнѣ. Младшая, Аделаида, была за мужемъ за Слонимскимъ помѣщикомъ Ельцомъ. Эта семья

отличалась необыкновенною вѣтреностію, легкомысліемъ и вообще отсутствіемъ умственныхъ качествъ; а между ними болѣе всѣхъ, быть можетъ, обладалъ этими качествами генераль. Только Ельцова выдавалась между ними умомъ и образованіемъ.

Генераль прибылъ въ Слонимъ съ порученіемъ набрать и сформировать уланскій полкъ для гвардіи Наполеона. Это долженъ былъ быть третій гвардейскій полкъ этого оружія (3-е régiment de chevaux légers, lanciers de la garde impériale), и главное условіе къ составленію его было то, что онъ долженъ былъ весь состоять изъ дворянъ. Несмотря на все, что Наполеономъ и его союзниками сдѣлано было въ тамошнемъ краѣ, какъ-бы нарочно для того, чтобы охладить порывы наполеонизма, на первый призывъ явилось множество молодыхъ людей лучшихъ фамилій, добиваясь чести быть рядовыми 3-го легкоконнаго полка. Изъ моихъ родныхъ, два двоюродные братья Алоизій и Карлъ II, и дядя Фердинандъ Б. были приняты въ числѣ первыхъ. Мнѣ тогда былъ 12-й годъ, и я помню, какъ горько плакалъ я, что не могъ быть товарищемъ брата Карла, который у насъ воспитывался. И ему было не болѣе 17 лѣтъ. Вскорѣ мой дядя и оба брата были произведены въ вахмистры (maréchaux de logis). Всѣмъ въ полку заправлялъ данный какъ бы въ няньки Конопкѣ, старый служивый, гро-мажоръ (gros-majour) Таньскій; безъ него, при неимовѣрной вѣтренности генерала, ничего бы сдѣлано не было.

Въ скоромъ времени набралось болѣе 800 человекъ высшаго и титулованнаго дворянства. Князья Воронежскіе, графы Залускіе, графы Твинкевичи и др. прусердно, посреди улицъ Слонима, чистили скребницами лошадей, учились фехтовать пиками, маршировать повзводно и позкадронно. Слонимское общество, да и самъ генераль Конопка, по происхожденію мелкій шляхтичъ, за честь себѣ считали принимать въ домѣ такихъ рядовыхъ.

Грустно подумать, какая судьба ожидала эту фалангу, составлявшую самый цвѣтъ молодежи тамошняго края. Судьба эта совершилась еще до окончательнаго разгрома большой арміи. Да и не могло быть иначе съ такимъ сумасбродомъ, каковъ былъ генералъ.

Глухіе слухи о неудачахъ Наполеона расходились уже въ край. Полковникъ Бисеникъ съ своимъ пѣхотнымъ полкомъ вышелъ изъ уѣзда и успѣлъ соединиться съ отрядомъ Саксонскаго войска, а Конопка все оставался на мѣстѣ. Стало даже извѣстно, что Русскій генералъ Чаплицъ, съ цѣлою дивизіею, кавалеріею, пѣхотою и артиллеріею, идетъ къ Слониму, а Конопка, который могъ свободно ретироваться къ Вильнѣ, не трогался съ мѣста. Когда ему говорили, что онъ рискуетъ потерять весь свой полкъ, то онъ отдѣлывался шутками и говорилъ, что хочетъ, чтобы молодцы-уланы познакомились съ запахомъ пороха. Охотники-лазутчики каждый день приходили къ нему съ доносеніями о наступательномъ движеніи Чаплица, но ничто не могло вывести его изъ непомятой апатіи. Наконецъ, въ одинъ день, когда мой братъ Карлъ II. былъ у генерала на ординарцахъ, прѣбывалъ Еврей съ доносеніемъ, что генералъ уже только за нѣсколько вересчъ и по тремъ дорогамъ идетъ на городъ. Братъ посиѣшилъ доложить генералу и просилъ его приказавій, но Конопка не отвѣчалъ ничего. Тогда гро-мажоръ Табскій вошелъ къ нему и настоятельно требовалъ принятія мѣръ. Тутъ только генералъ рѣшился отдать приказъ сѣдлать лошадей. Но уже было поздно: едва полкъ успѣлъ собраться, какъ войска Чаплица по тремъ направленіямъ вошли въ городъ и окружили полкъ со всѣхъ сторонъ. Завязалось жаркое дѣло; оно продолжалось очень недолго. Молодые гвардейцы дрались отчаянно, но не могли устоять противъ превосмогающихъ сверхъ всякой соразмѣрности силъ. Добрый генералъ Чаплицъ отдалъ приказъ, чтобы сколько можно шадить жизнь этихъ недорос-

лей и забирать ихъ въ плѣнъ. Ему было ихъ жаль тѣмъ болѣе, что они были едва на половину вооружены одними саблями и пиками. У немногихъ только были пистолеты. Наполеоновскіе уланы, потерявъ много людей, большею частію плѣнными, разбѣжались въ разные стороны. Тѣмъ, которые побѣжали по Виленскому тракту, удалось уйти и въ самой уже Вильнѣ присоединиться къ Французскимъ войскамъ. Но тѣ, которые спасались по другимъ дорогамъ, всѣ были настигнуты и взяты въ плѣнъ. Генералъ Конопка съ нѣсколькими уланами бѣжалъ по черному Новогрудскому тракту. Въ трехъ или четырехъ верстахъ отъ Слонима, лошадь подъ нимъ пала, и онъ, со всѣми слутниками (въ томъ числѣ былъ и братъ мой Алоизій II.) былъ взятъ въ плѣнъ. Жена его, направившись по Виленскому тракту, доѣхала благополучно до Вильны. Плѣннаго генерала отправили въ главную квартиру, а уланы, взятые вмѣстѣ съ нимъ, отосланы были на Кавказъ, гдѣ пробыли въ плѣну болѣе года.

Объ этой катастрофѣ съ 3-мъ полкомъ шво-лежеровъ Наполеоновской гвардіи ходили разные слухи. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было объяснить поведеніе Конопки, который, какъ будто бы умышленно, предалъ свою команду въ руки непріятеля. Говорили, что онъ, растративъ полковую кассу, хотѣлъ покрыть это отдачею своего полка на жертву. Но тѣ, которые его близко знали, утверждали, что такое предположеніе было не нужно для объясненія того, что случилось, что для этого достаточно было одной безразсудной самонадѣянности и хвастливости Конопки. Но какъ понять, что такому чловѣку поручено было формировать полкъ и въ такомъ пунктѣ, который, при бездѣйствіи союзныхъ войскъ, легко могъ быть занятъ Русскими войсками! Это одна изъ тѣхъ ребическихъ ошибокъ, которыя въ такомъ множествѣ ознаменовали экспедицію Наполеона.

Послѣ разбитія полка Конопки и очищенія околodka отъ непріятельскихъ войскъ, онъ къ осени былъ окончательно занятъ Русскими войсками, и на мѣсто введенныхъ тамъ формъ Французскаго управленія восстановлены прежнія. Подпрефектъ Броньскій изъ этого званія переименованъ былъ въ уѣздные предводители. временно отъ короны, до новыхъ выборовъ; отецъ мой по прежнему остался председателемъ межеваго апелляціоннаго суда. Но съ этою перемѣною для несчастной страны начался новый рядъ невзгодъ. Начальники военныхъ отрядовъ нашлись въ невозможности удержать дисциплину, особенно въ прегулярныхъ войскахъ. Казаки стали развѣзжать по деревнямъ и помѣщичьимъ дворамъ и грабить, всякій разъ, когда къ этому представлялась возможность. Для этого они даже имѣли нѣкоторое основаніе, такъ какъ край, въ которомъ введено было Французское управленіе и гдѣ формировались полки для непріятельской арміи, могъ считаться непріятельскимъ.

У насъ въ деревнѣ, съ самаго объявленія войны, приняты были мѣры къ охраненію имущества отъ расхищенія. Я уже сказалъ, что наша усадьба находилась посреди большихъ лѣсовъ. Призванъ былъ на совѣщаніе лѣсничій моего отца, шляхтичъ г. Грохольскій, и онъ назвалъ одну мѣстность (урочище) въ главномъ лѣсу, самую недоступную. Это была небольшая поляна, окруженная со всѣхъ сторонъ непроходимой пущею, чрезъ которую не было никакой дороги, ни даже тропинки. Туда довѣренные люди изъ прислуги, подъ предводительствомъ Грохольскаго, перенесли ночами все, что было болѣе цѣннаго въ домѣ, серебро, бронзы, картныя, зеркала и т. д. Построенъ былъ на скоро шалашъ, въ которомъ все было сложено, и ночевалъ лѣсничій съ двумя стражниками. Всѣ они имѣли по два заряженныхъ ружья. Мои родители сказали объ этомъ tremъ ближайшимъ сосѣдямъ и пригласили ихъ спрятать ихъ пожитки вмѣстѣ съ на-

шимъ. Сосѣди такъ и сдѣлали, и каждый далъ отъ себя по одному довѣренному челоуѣку съ ружьемъ. Провизія приносили имъ по ночамъ.

Такимъ образомъ наша и нашихъ сосѣдей движимость была застрахована отъ военныхъ случайностей. Но кромѣ того въ нашемъ домѣ для насъ и для всего околodka явилась еще болѣе надежная охрана. Служившій въ Русскомъ войскѣ, артиллеріи штабсъ-капитанъ Ксаверій П., племянникъ моего отца, старшій братъ Наполеоновскихъ гвардейцевъ Алоизія и Карла П., не помню уже по какому случаю имѣлъ безсрочный отпускъ и, по уходѣ союзныхъ войскъ, все остальное время кампаніи оставался у насъ въ домѣ, въ пріятной для молодаго челоуѣка обстановкѣ. Мы, братья и сестры, были еще дѣти; но у насъ гостили двѣ красавицы, племянницы моей матушки, и къ намъ часто съѣзжались сосѣди съ хорошенькими сосѣдками. Молодой офицеръ не скучалъ. А между тѣмъ онъ служилъ громоводомъ отъ всякихъ казацкихъ покушеній, и районъ противу-электрическаго его дѣйствія простирался довольно далеко на околodka. Казаки, зная о пребываніи у насъ Русскаго офицера, ниразу не заглядывали къ намъ, позволяя себѣ разныя шалости лишь въ окрестныхъ дворахъ и деревняхъ. Нашъ артиллеристъ вскорѣ отъучилъ ихъ отъ этого. Для Ксаверія и его подручнаго, всегда на конюшнѣ стояли осѣдланныя лошади. Въ подручные онъ выбралъ себѣ молодаго прикащика Корзуна, отличавшагося необыкновенною силою. Какъ только гдѣ нибудь, въ двухъ, трехъ, пяти верстахъ, появлялись казаки съ намѣреніемъ грабить, ихъ угощали покуда водкой и отправляли нарочно къ намъ. Тогда Ксаверій надѣвалъ мундиръ съ орденомъ Св. Анны 4 степени и, въ сопровожденіи Корзуна, снабженнаго порядочно плетью, мчался къ мѣсту происшествія. Когда казаки еще ничего не сдѣлали, то онъ только спрашивалъ, за чѣмъ заѣхали, тре-

бывалъ письменнаго приказа и немѣвшихъ его прогонялъ къ командѣ. Но если они удицались уже въ какомъ нибудь насиліи, то офицеръ, смотря по важности вины, приговаривалъ ихъ тутъ же къ извѣстному числу ударовъ плетью, каждому виновному приказывалъ по очереди ложиться, соучастникамъ держать, а Корзунъ, отчетливо и очень внушительно, исполнялъ приговоръ. Послѣ трехъ четырехъ такихъ экзекуцій, слухъ объ этомъ разнесся далеко, и нашъ околодокъ, въ районѣ какихъ нибудь 15 верстъ, становился совершенно безопасенъ. Виновные покорялись безпрекословно, жаловались только на тяжелую руку исполнителя и обыкновенно пѣшкомъ уже, ведя за собою лошадей, возвращались къ командѣ.

Въ одномъ случаѣ однакожъ Ксаверій П. самъ былъ въ опасности. Дали ему знать, что у крестьянъ нашей деревни два солдата угнали двухъ воловъ. Ксаверій, догнавъ ихъ на дорогѣ, остановилъ и спросилъ: по чьему приказанію забираютъ крестьянскій скотъ, а если не имѣютъ на это письменнаго приказа, то потребовалъ, чтобы погнали воловъ обратно. Но одинъ изъ нихъ, драгунъ, отвѣчалъ ругательствами и бросился на офицера съ дубиною П., шибко своротивъ коня, ускльзнулъ отъ удара и въ ту же секунду, вынувъ саблю, отрубилъ драгуну лѣвое ухо. Другой между тѣмъ убѣжалъ въ лѣсъ. П. съ Корзуномъ связали солдата и привели его въ усадьбу, гдѣ раненному домашнимъ фельдшеромъ оказана была помощь. Въ тотъ же день драгунъ подѣ стражею былъ отправленъ въ городъ при рапортѣ къ полковому командиру, для отдачи подѣ военному суду.

Вообще грабительство въ Слонимскомъ уѣздѣ не совсѣмъ удавалось казакамъ. Воинскими начальствами отданы были строгіе приказы, запрещавшіе всякія насильственныя дѣйствія. Многіе помѣщики запаслись такъ называемыми *залогами*, то есть солдатами, удѣляемыми отъ военныхъ командъ для

охраны господскихъ домовъ и деревень отъ забѣжкихъ хищниковъ. Не смотря на это, по разнымъ мызамъ и фольваркамъ, находившимся въ уединенныхъ мѣстахъ, случалось, что два или даже одинъ казакъ, отдѣлявшійся отъ посланнаго куда нибудь взвода, наѣзжалъ во всеоружіи и отъ трусившаго хозяина отбиралъ деньги, часы и т. п.

Но это обстоятельство дало поводъ къ тому, что одинъ отчаянный сорванецъ шляхтичъ, вѣкто Кучукъ, выдумалъ себѣ своеобразный промыселъ, на поминающій нравы извѣстныхъ породъ птицъ, которыя сами рыбы не ловятъ, но живутъ тѣмъ, что отнимаютъ ее у другихъ птицъ рыболововъ. Онъ почти постоянно жилъ въ лѣсу, близъ дорогъ и, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ, спрятавшись въ чашѣ лѣса, слѣдилъ за проѣзжавшими казаками. Когда увидитъ ѣдущаго одного изъ нихъ, то, подпустивши очень близко, онъ убивалъ на повалъ. Если казакъ возвращался изъ прибыльной экспедиціи, то все похищенное дѣлалось добычею Кучука. Во всякомъ случаѣ онъ оттаскивалъ убитаго далеко въ лѣсъ, обиралъ до нитки и зарывалъ. — а лошадь, сѣдло и сбрую продавалъ на ярмаркахъ въ другихъ городахъ. Этотъ флибистіерскій промыселъ былъ, повидимому, довольно производительный; ибо Кучукъ, не имѣвшій ничего кромѣ двухъ или трехъ десятинъ земли, которыя отдавалъ въ наймы, и пробивавшійся до того со дня на день, послѣ кампаніи самъ взялъ въ аренду порядочную мызу и сталъ жить припѣваючи. Были такіе, знавшіе хорошо Кучука, которые догадывались объ истинѣ; были также дѣлаемы военными начальниками дознанія о пропавшихъ казакахъ; но какъ Кучукъ совершалъ свои разбои, подобно Тропмагу одинъ и искусно скрывалъ концы: то дознанія не повели ни къ чему, и ничего не было бы положительно объ этомъ извѣстно, еслибы годъ черезъ два послѣ кампаніи самъ Кучукъ не похвасталъ своею удалью, какъ патриотическимъ подвигомъ. „Я дѣлалъ

это безъ зазрѣнія совѣсти, говорилъ онъ, какъ дѣлали Испанцы съ Французами“. По его словамъ, онъ отправилъ на тотъ свѣтъ одиннадцать человѣкъ казаковъ и на нѣкоторыхъ нашель порядочныя деньги. Никто однакожъ не донесъ на него, а вскорѣ потомъ онъ умеръ.

Прошелъ 1812-й годъ; взволнованные умы въ нашемъ краѣ успокоились; исчезли, какъ сонъ, несбыточные мечты, все вошло въ обычную колею. Съ самой весны 1813 г. стали появляться въ помѣщичьихъ дворахъ по одному, а иногда по нѣскольку бродячихъ Французскихъ солдатъ и офицеровъ *trainards*, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома большой арміи.

Отецъ мой рѣдко бывалъ въ деревнѣ дома во время сессій судовъ, въ которыхъ онъ предсѣдательствовалъ. Мы жили цѣлымъ семействомъ въ городѣ, потомъ отецъ отправлялся или на предсѣдательство конкурсовъ (экдивизій) въ своемъ, а часто въ смежныхъ и даже отдаленныхъ уѣздахъ, или къ разнымъ помѣщикамъ, избиравшимъ его арбитромъ третейскаго (компромиссарскаго) суда въ своихъ нескончаемыхъ процессахъ (См. Калейдоскопъ, Воспом. о Мицкевичѣ).

Запрещено было давать пристанище Французскимъ тренарамъ, а велѣно доставлять ихъ къ ближайшимъ воинскимъ командамъ. Этого, разумѣется, никто не дѣлалъ, да и власть смотрѣла сквозь пальцы на неисполненіе приказанія и забирала только тѣхъ, которые сами попадались ей въ руки.

Деревня наша была на самомъ Слонимско-Новогрудскомъ трактѣ; тренары изъ подѣ Березины путешествовали болѣею частью по ночамъ, чрезъ лѣса, ориентуясь по звѣздамъ. Много ихъ перебывало у насъ въ усадьбѣ; но мы, дѣти, рѣдко ихъ видывали. Отъ матушки было приказано управляющему принимать ихъ въ довольно отдаленномъ отъ господскаго дома флигелѣ, гдѣ жилъ онъ, прикащикъ и лѣсничій и, накормивъ бѣдныхъ представителей бив-

шаго Наполеоновскаго величія, давши имъ на дорогу провизій и по нѣскольку золотыхъ, отправлять въ дальнѣйшій путь.

Но это человѣколюбіе имѣло грустныя послѣдствія. Одинъ изъ такихъ несчастныхъ, на силу дотацившійся къ намъ, слегъ во флигелѣ, и тутъ же съ нимъ сдѣлался бредъ. Послали за домашнимъ докторомъ нашей сосѣдки Броньской (матери предводителя), жившей въ двухъ верстахъ отъ насъ. Онъ объявилъ, что у Француза тифозная горячка, заразительнаго свойства, и предписалъ всему дому предохранительныя средства. Не смотря на медицинскую помощь, Французскій солдатъ умеръ и, не смотря на средства предосторожности, тифъ распространился и въ самой нашей усадьбѣ, и въ близъ лежащей деревнѣ, а оттуда перешелъ и въ двѣ другія. Привсемъ стараніи искуснаго медика Крапивницкаго, изъ заболѣвшихъ 26 крестьянъ умерло 10; у насъ въ усадьбѣ больныхъ было восемь человѣкъ, въ томъ числѣ нашъ гувернеръ; но онъ выздоровѣлъ; умерло же четверо: двѣ женщины, форейторъ и тотъ прикащикъ, сподвижникъ артиллериста, о которомъ было говорено.

При этомъ всѣ замѣтили одно обстоятельство, значеніе котораго скептиками обыкновенно причисляется къ суевѣрїямъ, но въ настоящемъ случаѣ простонародное повѣрїе подтвердилось имъ вполне. Всякій разъ, когда, въ самой ли усадьбѣ, или въ деревняхъ, отстоявшихъ не болѣе какъ въ 200—300 шагахъ, кто нибудь изъ заболѣвшихъ тифомъ долженъ былъ умереть, изъ лѣса ночью прилетала въ нашъ садъ птица изъ рода совъ, называемая сычь (*syucz*) *) и всю ночь голосила своимъ невыразимо-жалобнымъ воемъ. Когда больной долженъ былъ выздоровѣть, сыча не было. И вѣщая птица ни разу не ошиблась, такъ что не только всѣ домашніе, но и „человѣкъ науки“, док-

*) Сова воющая, *Strix Uluła*, *Linn.*

торъ, принуждены были покориться очевидности факта, повторившагося *четыре-надцать* разъ.

Это явленіе совершенно всобъяснимо наукою и обыкновеннымъ пониманіемъ феноменовъ природы. Если и допустить съ тѣми, которые имѣютъ претензію все понимать и все объяснять, что сычъ въ такой непонятной степени одаренъ чувствомъ обонянія, что на разстонніи нѣсколькихъ верстъ чуетъ миазмы, исходящія изъ большаго смертельно: то и это пониманіе не поведетъ ни къ чему. Сова воющая кормится исключительно живыми существами (мышами, лягушками, ящерицами, большими насѣкомыми изъ семейства скарабеевъ), падали же не трогаетъ никогда. Слѣдовательно, еслибы и былъ испускаемъ большимъ какой нибудь предсмертный запахъ, то для этой птицы онъ не имѣлъ бы ничего привлекательнаго.

Разъ, когда весна стала уже переходить въ теплое лѣто, а отца не было дома, позднимъ вечеромъ явились и какъ-то, не встрѣтивъ никого изъ прислуги, прямо въ покои прошли три Французскихъ солдата, въ состояніи совершенноаго изнеможенія. Они умоляли пріютить ихъ на нѣсколько дней, такъ какъ они не въ состояніи идти далѣе, не отдохнувши и не отѣввшись нѣсколько. Матушка боялась помѣстить ихъ во флигелѣ, или въ строеніи, гдѣ была кухня и прачешная: ихъ видѣла бы тамъ вся дворня. При томъ же во флигелѣ обыкновенно останавливался заѣзжавшій по временамъ земскій исправникъ, а въ послѣднее время отъ начальства строго было подтверждено о недержаніи по помѣщичьимъ дворамъ Французовъ.

Призванъ былъ для совѣта управляющій, старый, бывшихъ Польскихъ войскъ, артиллеріи поручикъ Липницкій. По соображенію всѣхъ pro et contra, онъ наконецъ придумалъ, что какъ уже было тепло, то лучше всего помѣстить Французовъ въ старомъ сараѣ, служившемъ нѣкогда для выдѣлки кирпича, находившемся въ лѣсу, въ полторы вер-

сты отъ дома. На заднемъ дворѣ господскаго дома былъ небольшой цвѣточный садикъ, кругомъ палсадникъ, мимо котораго шла проселочная дорога, а за нею цѣлое поле околосившейся уже ржи, простиравшееся до самаго лѣса, гдѣ былъ упомянутый сарай. Посреди поля, близъ самаго дома, была маленькая круглая лужайка; мы дѣти называли ее *оазою*. По межѣ, сквозь рожь, можно было прямо пройти въ лѣсъ.

Было положено, что когда стемнѣетъ, самъ управляющій, не сказывая никому, отведетъ странниковъ на мѣсто. Въ сараѣ, гдѣ часто ночевали стражники (подлѣсничіе) была готовая солома для постели незваныхъ гостей. Черезъ каждые три дня Французы должны были вечеромъ приходить на лужайку и подавать условленный знакъ. Тогда старушка, родственница наша, г-жа Шатенская, завѣдывавшая женскимъ хозяйствомъ, сама изъ чулановъ набирала провизій на три дня и передавала мнѣ; а я, высмотрѣвъ, чтобы никто меня не увидалъ, долженъ былъ относить все это на лужайку. Я очень гордился такимъ порученіемъ матушки, особенно тайнственностью обстановки, доказывавшей, по моему пониманію, что я уже не ребенокъ.

Липницкій, отвелъ Французовъ, оставилъ имъ ружье, пороху и пуль, для защиты отъ медвѣдей и рысей, которые, особенно первые, въ такомъ множествѣ водились въ нашихъ лѣсахъ, что въ нихъ нельзя было имѣть бортей и въ близости сѣять овесъ. Извѣстно, что эти Литовскіе лвы очень любятъ медъ и овесъ, а послѣдняго не столько съѣдаютъ, сколько истребляютъ своего рода медвѣжьими играми. Они садятся въ овесъ и ѣдятъ по немъ во всѣхъ направленіяхъ, находя въ этомъ катаніи большое удовольствіе.

Французы, вѣроятно находя свое положеніе пріятнымъ, не торопились уходить и, вмѣсто трехъ или четырехъ дней, пробыли болѣе двухъ недѣль. Съ ихъ и съ моей стороны все исполни-

лось пунктуально, и они благодушествовали себя посреди дѣса, гдѣ находили много ягодъ и грибовъ.

За мѣсяць или болѣе до нихъ приходъ, одинъ изъ стражниковъ принесъ мнѣ, какъ старшему *паничу*, рѣдкость изъ дѣсу. Это былъ до половины уже доросшій большой породы филинъ *). Я очень обрадовался этому подарку. Съ дозволенія матушки, для него нарочно построили и въ цвѣтникѣ, на возвышеніи поставили большую клѣтку; крылья ему подстригли. Днемъ клѣтка была покрываема соломой для того, чтобы яркій свѣтъ не ослѣплялъ ночной птицы, равно и для защиты отъ воробьевъ и другихъ птичекъ, которые во множествѣ слетаются, увидя сову или филина. Дразнить его своимъ чирканіемъ и даже щиплютъ, пздвываясь надъ его близорукостью. Я самъ кормилъ моего *бубо*: онъ скоро выучился узнавать меня и сдѣлался до того ручнымъ и домашнимъ, что по вечерамъ я его выпускалъ гулять. Онъ тотчасъ отправился въ рожь, всю ночь охотился тамъ на полевыхъ мышей, а съ разсвѣтомъ самъ возвращался въ свою клѣтку, обставленную елками и зеленью. Можно себя представить, какъ я, 12-ти лѣтній мальчикъ, любилъ свою рѣдкую птицу и какъ заботливо за ней ухаживалъ.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, слышавъ условный знакъ (удары палкою въ деревянную доску, по три раза съ промежутками). Набравъ отъ г-жи Шатенской провизіи, пошелъ я въ рожь. Я не дошелъ еще до *оазы*, какъ одинъ изъ Французовъ встрѣчаетъ меня и, принявъ театральную позу, съ подобающимъ паносомъ говоритъ: „Enfin, monsieur, pour vous remercier, nous avons trouvé l'occasion de vous rendre un service. Nous vous avons débarrassé d'un monstre affreux, qui se cachait dans votre blé. Le voici!“ (Наконецъ мы нашли случай поблагодарить васъ, оказавъ

вамъ услугу. Мы васъ избавили отъ страшнаго чудовища, скрывавшагося въ вашей рожѣ: вотъ оно!) Тутъ указали на моего прекраснаго *бубо*, избитаго палками, трепавшаго въ предсмертной агоніи. Я ничего имъ не сказалъ и, схвативъ бѣдную птицу, побѣжалъ домой. Мы употребляли все средства, какія намъ пришли въ голову, епрыскивали водкой, поили Валеріановыми каплями: ничто не помогло. Минерва птица, смотри мнѣ въ глаза своими фициптовыми глазами, на моихъ рукахъ перустила послѣднее дыханіе. Я не могъ послѣ этого терпѣть Французовъ, и съ того вечера сама уже г-жа Шатенская носила имъ припасы. Скоро потомъ они ушли отъ насъ.

Кромѣ солдатъ, по временамъ являлись и Французскіе офицеры и жили себя свободно въ помѣщичьихъ домахъ. Вообще это было золотое время для всѣхъ, которые затруднились въ предъявленіи письменнаго вида. Не смотря на свои грозныя предписанія, власть, въ этомъ отношеніи, была очень снисходительна. Множество авантюристовъ изъ состава бывшей большой арміи, неизвѣстно откуда являлись и, повертвшись немного въ уздѣ, исчезали безслѣдно. Но были и порядочные люди изъ этой же арміи, которые болѣе или менее долго проживали въ помѣщичьихъ домахъ. Я зналъ одного капитана Французскаго генеральнаго штаба, шв Валеріанъ; онъ жилъ болѣе года, не помню уже у кого, въ Новоградскомъ уздѣ, но бывалъ и въ нашемъ домѣ. Это былъ умный, образованный человекъ, давалъ уроки Французской литературы и математики. Замѣчательно въ немъ было то, что, въ противность другимъ Французамъ, которые, живя вѣкъ въ Россіи или Польшѣ, не могутъ усвоить себя мѣстнаго языка, онъ, въ короткое время, такъ хорошо выучился польски, что говорилъ и даже писалъ почти безъ ошибокъ.

Къ намъ, въ пеходѣ лѣта, отецъ привезъ изъ Минской губерніи гдѣ пред-

*) Strix Bubo Lin., Bubo Maximus Tem., Grand Duc Fr.

сѣдательствовалъ на одномъ конкурсѣ, доктора медицины и хирургіи, г. Петацци (Pelazzi), старшаго врача при штабѣ короля Неаполитанскаго, подѣ принятою имъ фамиліею Борда (Borda). Онъ былъ человѣкъ ученый и прекрасный медикъ. Отецъ мой въ то время началъ уже страдать водяною болѣзнію, и это было очень благопріятное обстоятельство, что мы имѣли въ домѣ врача, который много способствовалъ къ облегченію страданій этой тяжелой болѣзни. Петацци имѣлъ большую практику въ увѣздѣ и, живя у насъ, собралъ порядочныя деньги, съ которыми, весною 1813 года, отправился на родину. Онъ напрасно выдумалъ себѣ псевдонимъ, не зная, что у насъ могъ оставаться безопасно и подѣ своимъ именемъ. Мѣстные власти во всемъ угождали отцу, при томъ же онъ былъ друженъ съ Гродненскимъ губернаторомъ и легко могъ получить позволеніе держать у себя нужнаго ему человѣка.

Петацци былъ Пиемонтскій уроженецъ и заклятый врагъ Наполеона. Мы, дѣти, очень его любили. Онъ вообще былъ веселъ и приятенъ въ обществѣ. Съ нами, дѣтьми, часто бесѣдовалъ о научныхъ предметахъ и такимъ языкомъ и методомъ принаровленной къ нашему возрасту, что мы его совершенно понимали. Ему-то я обязанъ тѣмъ, что страстно полюбилъ естественныя науки, особенно ботанику и химію, и общія начала, почерпнутыя въ его бесѣдахъ, очень пригодились мнѣ въ послѣдствіи, при прохожденіи университетскихъ курсовъ. При томъ онъ былъ большой оригиналъ, откровенный до крайности, всякому говорилъ въ глаза, что объ немъ думалъ, но дѣлалъ это какъ-то добродушно и такъ умѣлъ смягчать свои замѣчанія, что нельзя было на него сердиться. Всѣ жалѣли о томъ, что онъ не остается въ нашемъ краѣ.

Докторъ былъ страстный любитель псовой и всякой охоты. Онъ почти каждый день рыскалъ по лѣсамъ и болотамъ и приносилъ много дичи. По случаю

этой его привычки и имѣлъ съ нимъ ученый диспутъ и выигралъ дѣло. Разъ, зимою, въ довольно сильный морозъ, началъ падать небольшой снѣгъ, и докторъ сталъ сбираться съ ружьемъ въ лѣсъ. Его уговаривали, въ особенности я, не ходить, но онъ не послушался и еще выговаривалъ мнѣ, что я не помню общаго физическаго начала, что когда идетъ снѣгъ, то не должно быть морозу. Онъ это вѣрно взялъ изъ какого нибудь трактата, писаннаго на Пиемонтскій, а не на Литовскій климатъ. Термометръ показывалъ 7 градусовъ холода, и былъ при томъ вътеръ. Часа чрезъ полтора Петацци возвратился, весь продрогшій. съ примороженною щекою и концомъ носа, такъ что надо было оттирать снѣгомъ. „О проклятая страна! восклицалъ онъ съ комическимъ гнѣвомъ: здѣсь природа не признаетъ даже законовъ науки“. Я ему осмѣлплся замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ не на оборотъ ли дѣло выходитъ, и если изъ двухъ одно ошибается, то уже конечно не природа. Петацци погладилъ меня по головкѣ и, говоря: *tu as raison, moi дагсон* (ты правъ, мой мальчикъ) продолжалъ тереть носъ и лицо.

Это былъ первый случай, внушившій мнѣ, въ самомъ юномъ возрастѣ, недоувріе къ непогрѣшимости научныхъ аксіомъ, абсолютно рѣшающихъ вопросы, касающіеся дѣйствія силъ природы. И сколько разъ въ послѣдствіи довелось мнѣ видѣть, какъ практика изобличала въ несостоятельности провозглашаемыя *ex cathedra*, всѣми принятыя, теоріи, какъ часто одинъ ничтожный, вновь явившійся фактъ, въ одно мгновеніе разрушалъ пышное зданіе какаго нибудь ученія, просуществовавшее цѣлыя столѣтія. Сколько на моемъ вѣку я пережилъ подобныхъ научныхъ катастрофъ.

Когда зима приближалась уже къ концу и начался Февральскій оттепель, докторъ сталъ все болѣе и болѣе оказывать нетерпѣнія. Онъ уже ни объ

чемъ не думалъ и не говорилъ, какъ о своемъ отъздѣ, а между тѣмъ смѣшилъ насъ, разбивая съ ожесточеніемъ остатки снѣга и льда на дворѣ и по дорогамъ, какъ бы думая этимъ скорѣе привлечь весну. Въ послѣднихъ числахъ Марта, хотя еще въ лѣсахъ лежалъ снѣгъ, удержать его не было уже возможности. Онъ купилъ себѣ лошадь и какой-то кабриолетъ и, не слушаясь никакихъ замѣчаній, простился и отправился въ свой дальній путь, одинъ, безъ возницы и служителя. Онъ написалъ намъ изъ Бреста-Литовскаго, куда, по словамъ его, прибылъ благополучно. Послѣ того мы уже не получали ни отъ него, ни отъ немъ никакого извѣстія, и не знаемъ, счастливо ли онъ достигъ своей обвѣтованной земли, роднаго Пьемонта.

Отъздъ г. Цетацци былъ намъ всемъ очень чувствителенъ; мы какъ будто бы породнились съ нимъ. Послѣ него отецъ мой лечился у другаго доктора, также оставшагося отъ большой арміи. Это былъ г. Парціалисъ (Partialis), медицинская знаменитость. Но болѣзнь отца была неизлечима: онъ скончался въ Іюнь 1814 года.

Теперь покончивъ съ изложеніемъ фактовъ, оставшихся у меня въ памяти отъ описаннаго времени, я хочу изобразить мой взглядъ на самаго дѣятеля, то есть сказать собственныхъ моихъ

Нѣсколько словъ о Наполеонѣ I-мъ.

Чѣмъ щедрѣе человѣкъ надѣленъ качествами и средствами, тѣмъ болѣе отъ него требуется. Было почти десять лѣтъ такого могущества Наполеона, какаго, сосредоточеннаго въ одной личности, не было до него примѣра. Спрашивается: какъ и на что употребилъ онъ эту власть, доставшуюся ему въ руки, что съ нею сдѣлалъ для блага человечества. для улучшенія его матерьяльнаго быта и для возвышенія умственнаго уровня. словомъ для истиннаго прогресса?

Напрасно во всемъ поприщѣ, пройденномъ Наполеономъ, будемъ искать

на этотъ жизненный вопросъ удовлетворительнаго отвѣта.

Я позволю себѣ употребить форму спеціальную, форму интимнаго диспута. Она признана самой удобной для изложенія всѣхъ *pro et contra* съ значительнымъ сокращеніемъ, такъ какъ ею устраняются оговорки при переходахъ отъ положеній къ возраженіямъ и отъ послѣднихъ къ опроверженіямъ.

Дѣйствіе происходитъ въ 1820 году, по возвращеніи уже моемъ изъ университета, въ деревнѣ у нашей матери, за завтракомъ: разговаривающіе: мать, двѣ мои сестры, проѣзжій священникъ, монахъ и я.

Мать (продолжая начатой разговоръ), Да и какія могутъ быть теперь политическія новости, когда стерли съ лица земли единственнаго человѣка, который оживлялъ нашъ міръ? Англичане герметически замкнули его между моремъ и небомъ....

Монахъ. Вы, сударыня, говорите о Наполеонѣ. О это такъ: онъ не давалъ міру дремать; отъ него никому не было покоя.

Мать. Не было и не будетъ такого великаго человѣка. Это признано всемъ свѣтомъ. А повѣрите ли, батюшка, что есть одинъ..... да еслибъ это былъ человѣкъ, а то мальчишка (съ усмѣшкою указывая на меня), молоко еще на губахъ не обсохло, который смѣетъ съ этимъ не соглашаться.....

Я. Милая маменька, ужели вы хотите вызвать меня на споръ; вѣдь былъ уговоръ, что между нами не будетъ объ этомъ рѣчи.

Мать. Ну, ну, на этотъ разъ позволю тебѣ нарушить уговоръ; пусть насъ разсудитъ духовный отецъ. Неправда ли, mon père, это не грѣхъ, что разрѣшаю сыну объявить убѣжденіе противное моему?

Монахъ. Конечно нѣтъ. Иное дѣло уваженіе къ родителямъ, а иное свобода мысли въ общихъ спорныхъ предметахъ.

Я. Общаете ли, тата, не сердиться на меня, что бы я ни сказалъ? Я хочу

предъ батюшкою высказать все, что думаю.

Мать. Говори все.

Я. Этого будетъ немного. Никогда, даже еще недорослемъ, я не восхищался Наполеономъ, а теперь твѣмъ менѣе принадлежу къ его почитателямъ. Во всей его метеорической карьерѣ не столько меня удивляло его величіе, сколько покорное подобострастіе покаянія, которое поддалось ему такъ безусловно.

Сестра Эмилія. Ну, уже надо быть болѣе чѣмъ чудачкомъ, чтобы не признавать величія Наполеона!

Я. Это зависитъ отъ того, какое составимъ себѣ понятіе объ истинномъ величіи. Есть такіе, и, признаюсь, я принадлежу къ ихъ числу, которые степень возвышенія и достоинства чловѣка соразмѣряютъ количеству добра имъ сдѣланнаго. Если съ этой точки будемъ судить о Наполеонѣ: то сомнѣваюсь, чтобы можно было признать его великимъ.

Мать. Ты ставишь вопросъ такъ коварно, что прямо отвѣчать на него трудно.

Я. Извините, маман, я постановляю вопросъ какъ нельзя истѣе, я привожу его къ простѣйшему выраженію; это вѣрнѣйшій путь къ достиженію истины.

Мать. Ты все опредѣляешь моральною заслугою, даже утилитарностью дѣяній.... Но согласишься, что есть же дѣянія и сами по себѣ великія, удивительныя....

Я. Такія явленія великія и удивительныя мы видимъ въ природѣ. Ничего не можетъ быть величественнѣе дѣтней грозы, морской бури, изверженія вулкана. Но все это величіе безмысленныхъ силъ безмысленной матеріи. Отъ дѣяній же чловѣка, одареннаго разумомъ и волею, а особенно отъ такого, который мнилъ поставить себя выше чловѣковъ, мы въ правѣ требовать болѣе чѣмъ однихъ поражающихъ эффектовъ. Мы имѣемъ право требовать мысли, слѣдовательно цѣли и именно мысли

разумной, цѣли полезной. Между тѣмъ, во всемъ поприщѣ Наполеона что же мы видимъ, кромѣ одной необузданной гордости, неистоваго властолюбиваго эгоизма? Войны его не имѣли даже разумнаго предлога, всѣ явно стремились къ одной цѣли хищническихъ завоеваній и расшпренія круга личной его власти. Для этого онъ, поправляя вѣковыя традиціи и чувства народовъ, свергалъ съ троновъ законныхъ государей и замѣщалъ ихъ своимъ братьями и собственниками, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ нужныхъ качествъ для такого положенія*). Вся мѣропріятія его внутри Имперіи имѣли одну цѣль: порабощеніе народа, который слѣпо преданъ ему, воспрепятствованіе проявленія всякой свободной мысли и упреченіе такого положенія за свою дпнастію. Никакое уваженіе общественной пользы, правъ чловѣка, потребности просвѣщенія, протестующее противъ его деспотизма, ни на минуту не оставило его въ предвзятомъ стремленіи. На чловѣческой родѣ онъ такъ смотрѣлъ и такъ трактовалъ его, какъ будто бы родъ этотъ былъ созданъ для него, для его произвола и личныхъ выгодъ.

Мать. Ктоже однакожъ, если не онъ, положилъ преграду кровавой революціи, кто ввелъ и упрочилъ порядокъ, кто возстановилъ религію?

Я. Рѣкамъ крови, проливасмой революціею, онъ вырылъ только новое русло, самъ же проплылъ ей болѣе, чѣмъ всѣ революціи въ свѣтѣ. Это была бы весьма курьзная статистическая данная, еслибы кто нибудь исчислялъ, сколько, по инициативѣ Наполеона, было убитыхъ и искалѣченныхъ людей. Онъ возстановилъ не религію, а обряды культа и предоставилъ ихъ массамъ, самъ не принимая въ нихъ участія. Онъ признавалъ эти обряды необходимыми

*) Въ этомъ Наполеонъ великій нѣсколько не былъ выше Фаусова, который имѣлъ правиломъ: „какъ не помочь родному чловѣчку?“

элементомъ въ организмѣ государства и также полезнымъ, какъ полезны пути сообщенія, почты, фонари на улицахъ и висѣлицы или гильотины. Порядокъ же ввелъ для того, чтобы провозгласить себя абсолютнымъ властителемъ.

Ты, Эмилія, упрекнула меня въ томъ, что я не признаю Наполеона великимъ. Я отвѣчалъ уже на это общимъ положеніемъ, не терпящимъ никакого исключенія; но вотъ что еще прибавлю. Первое качество, требуемое въ характерѣ высшаго челоука, это отсутствіе всякой страсти. Одно что позволено ему любить страстно, это тресвятую правду, а страстно ненавидѣть неправду. Наполеонъ же былъ подъ влияніемъ многихъ страстей. Не говоря уже о его ненасытной жаднѣ власти и военной славы, онъ страстно ненавидѣлъ Англію, правильнѣе завидовалъ ей. Эта страсть увлекала его не разъ въ недуманныя предпріятія, въ родѣ Испанской и Россійской войны; она внушила ему нелѣпую мысль такъ называемой континентальной системы. Онъ завидовалъ Англіи, а никогда не могъ или не хотѣлъ уразумѣть, что могущество этого образцоваго государства основано не на матеріальной, а на моральной силѣ разумныхъ свободъ народныхъ, образованности массъ и истиннаго патриотизма. Эта зависть, дѣйствуя какъ п всякая страсть, помрачала разумъ и наконецъ довела императора Французъ до гибели.

Кстати объ Англіи: распространилось одно ложное понятіе, которое слѣдуетъ опровергнуть. Лица, составлявшія свиту Наполеона въ его послѣднемъ изгнаніи, а за ними разные Бонапартистскіе писатели, наполнили Европу плаксивыми жалобами на Англійское правительство за обращеніе начальства острова св. Елены съ *великимъ челоукомъ*. Мы читаемъ только Французскія газеты и книги, и поэтому такое же мнѣніе и у насъ пріобрѣло право гражданства, а никто не дастъ себѣ труда оцѣнить положеніе

хладнокровно и безпристрастно. Губернаторъ острова, сэръ Гудсонъ Лоуе (Gudson Lowe) представляется какъ челоувище, приставленное нарочно къ Наполеону. для того чтобы скорѣе умерить его. Во всемъ этомъ много преувеличеннаго и несправедливаго. Всѣ какъ будто забываютъ, что когда не одна Англія, а вся Европа признала нужнымъ удалить на всегда бывшаго императора изъ Франціи и даже изъ Европейскаго континента, то его водворили на островѣ Эльбѣ, который и по климату, такому же какъ и на его родинѣ, и по другимъ обстоятельствамъ, представлялъ условія удобнаго и даже пріятнаго мѣстопробыванія. Обыкновенно военно-плѣннымъ, людямъ порядочнымъ, на одно ихъ честное слово, что не будутъ стараться убѣжать, даютъ на мѣстѣ пробыванія почти полную свободу. Наполеонъ далъ болѣе чѣмъ честное слово, онъ подписалъ торжественный актъ отреченія отъ трона; но, не смотря на то, на подосланномъ его сторонниками суднѣ, бѣжалъ, явился во Франціи, собралъ армію и снова сталъ возмущать спокойствіе Европы. Когда послѣ этого онъ былъ вновь побѣжденъ, то всѣ признали необходимымъ водворить его въ такой мѣстности и съ такой обстановкой, чтобы новый побѣгъ содѣлать невозможнымъ и отнять у него всякія средства сообщаться съ его приверженцами. Отсюда и выборъ мѣстопробыванія, и всѣ тѣ мѣры, на которыя такъ горько сѣтуютъ Наполеонисты, изображая ихъ грубыми и жестокими, тогда какъ они были только необходимы. Никто не подумалъ что въ такомъ ухудшеніи своего положенія виноватъ самъ же плѣнникъ. Самая простая вещь, что бѣжавшій изъ тюрьмы, по поимкѣ его, содержится строго, чѣмъ содержался до побѣга. И чѣмъ тутъ виноватъ сэръ Гудсонъ, что онъ наряжалъ каждый разъ конвой, когда бѣжавшій императоръ прогуливался верхомъ по морскому берегу, что вскрывалъ письма, получаемыя лицами свиты и что

принималъ строгія предосторожности относительно кораблей, пристававшихъ къ св. Еленѣ. Поступая иначе, онъ не исполнялъ бы своего долга и, чего добраго, Наполеонъ бѣжалъ бы еще разъ. Нужно еще замѣтить, что Англія никогда не поддавалась обаянію, которымъ былъ отуманенъ континентъ. Она никогда не признала Наполеона законнымъ монархомъ: для нея онъ просто былъ и остался генераломъ Французской Республики, измѣнившимъ своему знамени *) и при томъ заклятымъ врагомъ Англіи, нанесшимъ ей много вреда. По всему этому эпизодъ острова св. Елены непристрастному взгляду не представляеть ничего нераціональнаго и ничего несправедливаго.

Эмилія. Какъ, ты вздумалъ оправдывать этого тирана, этого ненавистнаго Гудсона! Но говори что хочешь: съ тобою нельзя спорить, у тебя нѣтъ сердца.

Мать. Ты много наговорилъ; скажи однакожь, кто, если не самъ Богъ, далъ ему такую власть надъ людьми, такое могущество?

Я. Это ничего не доказываетъ; по догматамъ нашей вѣры есть еще нѣкто — другой, который, съ Божьяго допущенія, обладаетъ по временамъ большою властью.... Но на сей разъ оставимъ это въ сторонѣ. Скажу только, что на этомъ пути дѣло Наполеона немного выиграеть. Я согласенъ съ вами, маменька, признаю, что онъ имѣлъ назначеніе свыше, но въ этомъ качествѣ онъ былъ ничто иное какъ бичъ Божій. Отъ времени до времени, Промыселъ, для достиженія неисповѣдимыхъ цѣлей Своихъ, признаеть нужнымъ истребить опредѣленное число человѣковъ и тогда ссылаеть на землю страшные катаклизмы: наводненія, землетрясенія, голодь, моровую изву..... или такихъ великихъ людей, однимъ изъ которыхъ былъ Наполеонъ Бонапарте.

Мать (съ гнѣвомъ) Ахъ, можешь ли ты это говорить!

*) Въ официальномъ актѣ о кончинѣ и погребеніи Наполеона, составленномъ властями, онъ названъ „the late general Bonaparte“.

Я. И удивительно, какое близкое сходство существуетъ между феноменальнымъ, промысловымъ (providential) характеромъ поприща Наполеона и образомъ дѣйствія другихъ язвъ, примѣръ эпидемическаго мора, имѣющихъ такое же опредѣленное назначеніе. Во все время, пока Бонапарте исполнялъ его, ничто не могло устоять противъ него. Самыя дерзкія покушенія удаются какъ бы геометрическая необходимость, самая неразчетливость и грубая ошибка обращаются для него въ пользу и триумфъ. Но когда миссія его стала уже приближаться къ выполнению: то послѣдовалъ цѣлый рядъ всякихъ невзгодъ. Строго рассчитанные планы не удаются, обаяніе начинаетъ меркнуть, и наконецъ не то уже геній, простой разсудокъ оставляетъ его. Наполеонъ великій дѣлаеть ошибку за ошибкой, но они производять уже не такъ какъ прежде полезныя для него, а естественныя свои пагубныя послѣдствія; самъ онъ, кажется, трудится на свою гибель. Не то ли самое видимъ мы съ эпидеміями, истребляющими десятаго человѣка? При повлеченіи и въ прогрессивномъ ихъ ходѣ, до самаго перехода чрезъ зенитъ, никакія средства не помогаютъ; но когда моръ забралъ уже такое число жертвъ, какое ему было предназначено, тогда больной вылечивается стаканомъ воды. Въ зимѣ 1812 года Русская баба метлою гоняла непобѣдимыхъ воиновъ старой гвардіи, на знаменахъ которой записаны были Аркола, Маренго, Аустерлицъ.

Монахъ. По истинѣ, вы правы. Промыселъ въ Своихъ дѣйствіяхъ многихъ цѣлей достигаетъ за разъ. Наполеонъ былъ безъ сомнѣнія одною изъ тѣхъ язвъ, которыя Богъ посылаетъ въ непопятныхъ намъ предопредѣленіяхъ Своихъ. Но вмѣстѣ съ этимъ, примѣръ его заключаетъ глубокое поученіе для гордыхъ. Онъ наглядно показалъ, что такое, сколько можетъ и къ чему окончательно ведетъ величіе человѣческое, только человѣческое, когда въ немъ нѣтъ ничего Божьяго.

Сестра Марья. И въ самомъ дѣлѣ, понимая такъ, какъ понимаетъ братъ, все совершенно ясно. Иначе, въ исторіи Наполеона ничего уразумѣть нельзя. Какъ, напримѣръ, объяснить ребяческія ошибки, незнаніе самыхъ простыхъ вещей, съ которымъ онъ велъ Россійскую войну? Онъ въ ней напоминалъ того сказочнаго, состарѣвшагося волка, который самъ ищетъ смерти.

Монахъ И для того, чтобы бичъ Божій могъ выполнить свою миссію истребленія, Богъ поразилъ современное поколѣніе слѣпотою, и это позволило ему опутать міръ на данное время. Въ исторіи нѣтъ примѣра такого сердечнаго благоговѣнія, такой любви, какою большинство Французской націи къ нему пылало.

Я. Извините, батюшка: Поляки далеко въ этомъ отношеніи превзошли Французовъ. За десять и болѣе лѣтъ, кто изъ насъ не боготворилъ бы его, могъ быть побитъ камнями, какъ *измѣнникъ отечества*. Какъ эти идеи: Наполеонъ и отечество сошлись съ собою въ умахъ Поляковъ, никто не въ состояніи объяснить. Женщины въ особенности отличались пламенною любовью къ императору Французовъ.

Мать. Онъ былъ идеалъ и величія, и мужской красоты.

Я. Это до извѣстной степени объясняетъ энтузіазмъ Полекъ; но не угодно ли вамъ, маман, объяснить, за что его обожали Поляки? Онъ не только для нихъ ничего не сдѣлалъ и сдѣлать не хотѣлъ, но съ полною увѣренностью скажу, никто не сдѣлалъ имъ столько зла, сколько онъ. Трактовалъ ихъ съ такимъ презрѣніемъ, что даже тотъ мыльный пузырь, который создалъ онъ будтобы для нихъ, не называлъ именемъ народа; что герцогство Варшавское не отдалъ въ управленіе Варшавянину, и все это въ такое время, когда былъ всемогущимъ. О, что касается до Польскихъ солдатъ, тѣхъ онъ удостоивалъ своего вниманія, кровь ихъ расточалъ щедро. Они-то брали приступомъ всевозможныя пози-

ціи. *) Онъ спускалъ ихъ, какъ стаю гончихъ, на всѣ народы, на которые охотился.

Мать. Охотился!

Я. Да, маман, это настоящее выраженіе; онъ самъ не стыдился сознавать, что охотится на людей.

Мать. Какъ, когда?

Я. Когда для стрѣлечкихъ полковъ выдумалъ названіе охотниковъ. *Chasseur* прямо происходитъ отъ *chasser*. И такъ, войны Наполеона—это была громадная охота. Наполеонъ былъ новый Невродъ, маршалы были ловчие, генералы доѣзжачіе и псаря, его армія облавы, а народы съ которыми воевалъ—дичь.

Мать. Да, ты порешь дичь, ты просто ужасный человекъ!

Я. Такъ, маменька, по истинѣ ужасный, называю вещи по имени. Но возвратимся къ Полякамъ. Такъ спуская ихъ по очереди на всѣ народы, Наполеонъ во всей Европѣ поселилъ къ нимъ невыразимую ненависть, которая и чрезъ сто лѣтъ не погаснетъ, ненависть тѣмъ болѣе ожесточенную и справедливую,

*) Одинъ Русскій артиллерійскій офицеръ разсказывалъ мнѣ слѣдующее, чего самъ былъ свидѣтелемъ. Готовилось сраженіе подъ Вунденомъ (Wunzen). Только что были изобрѣтены конгрескскія ракеты, и ни разу еще не были въ дѣлѣ. Когда, въ союзной арміи обсуждался планъ сраженія и одно возвышеніе признано было самымъ важнымъ пунктомъ, то защищать его было поручено одному Англійскому капитану съ ротой ракетниковъ. Никто еще не узналъ дѣйствія этого страшнаго снаряда. Наполеонъ тотчасъ оцѣнилъ всю важность этого пункта и, удивляясь, что онъ защищается такимъ малымъ числомъ войска безъ артиллеріи, послалъ отрядъ своей старой гвардіи для взятія его. Англичанинъ подпустилъ Французовъ такъ близко, что разсказывавшій думалъ, что онъ предастъ позицію. Но вдругъ менѣе чѣмъ въ 100 шагахъ онъ открылъ свой адскій огонь. Многие Французы упали на землю и валялись, крича отчаянно, сожигаемые влѣтшими въ нихъ ракетами. Остальные убѣжали, разсказывая о случившемся. Наполеонъ послалъ другой гвардейскій отрядъ, но результатъ былъ такой же. Тогда послали отрядъ Поляковъ, и позиція была взята; но большая ихъ часть погибла, а не бѣжалъ ни одинъ.

что въ войнахъ бывшаго императора Поляки участвовали не какъ его подданные, а какъ дилеттанты. И вотъ почему имя Поляка возбуждаетъ повсюду антипатію и еслибы когда нибудь Поляки нашлись въ необходимости прибѣгнуть къ сочувствію и помощи иностранцевъ, то они встрѣтили бы вездѣ одно отвращеніе и непримиримую вражду.

Мать. Что ты, что ты! Неужели это такъ?

Монахъ. Непремѣнно такъ. Сынъ вашъ говоритъ сущую правду.

Я. Батюшка, вѣдь въ Писаніи сказано „познаете древо по плодамъ его“. Такъ-то заслугу и достоинство людей мы узнаемъ по тому, что по нимъ осталось. А чѣмъ власть и кругъ дѣйствія былъ обширнѣе, тѣмъ обильнѣе, тѣмъ полезнѣе и прочнѣе должны быть послѣдствія ихъ перехода на землѣ. Наполеонъ, правда, совѣстливо исполнилъ свою миссію истребленія, онъ покрылъ Европу могилами людей. Но кромѣ этихъ памятниковъ, прошу мнѣ сказать, что еще оставилъ онъ по себѣ?

Монахъ. Немало горькихъ плодовъ.

Я. Это такъ, и они со временемъ должны произвести весьма ядовитые отпрыски. Осталось, правда, много горькихъ плодовъ; но я буду справедливъ и скажу, что остался одинъ и сладкій и вѣковѣчный.

Мать. Во первыхъ, кодексъ.

Я. Нѣтъ, не кодексъ. Съ него обыкновенно начинаютъ всѣ панегиристы. Много кое-чего можно бы сказать объ этой рапсодіи. Прежде всего то, что тому, котораго именемъ называется, онъ не стоилъ большаго труда. Довольно ему было приказать, чтобы былъ кодексъ, и кодексъ есть. Такимъ образомъ слишкомъ легко было бы прослыть Солономъ или Ликургомъ. Участіе его въ этомъ трудѣ ограничивалось наблюденіемъ, чтобы новое уложеніе заключало всѣ ручательства для его ненасытнаго деспотизма и для интересовъ его династіи. Да и не человѣка дѣло создавать законъ. Онъ былъ, есть и будетъ всегда и вездѣ,

и чѣмъ его менѣе на письмѣ, а болѣе въ общественномъ сознаніи, тѣмъ лучше. Что написано и приведено въ систему, то уже изъята изъ жизни и набальзамировано какъ мумія. Можетъ ли кто думать, что съ изданія Наполеонова кодекса умножилась масса правосудія, практикуемаго во Франціи? Не прибыло его отъ этого ни на одинъ атомъ. Въ Англіи кодекса нѣтъ, однакожъ понятія справедливости нигдѣ не развиты и не распространены и къ обществѣ, и въ судебной практикѣ на столько, и нигдѣ законность не уважается такъ свято, какъ въ этой странѣ. И къ тому же, какъ можетъ кто нибудь дать то, чего не имѣеть? Наполеонъ, попиравшій безразлично всякія права, не могъ вдохновить чувства правоты, и хотя бы имъ были изданы не одинъ, а десять кодексовъ, все правосудіе насколько бы отъ этого не выиграло. Но Богъ съ нимъ, съ кодексомъ, покончимъ съ нимъ. Не то осталось на всѣ вѣка по Наполеонѣ 1-мъ.

Мать (съ нетерпѣніемъ). Такъ что-же такое, говори наконецъ....

Я. Не скажу, извольте угадать сами.

Монахъ. Что жъ, безъ сомнѣнія, послѣ такого явленія какимъ былъ Бонапартъ, много должно было остаться послѣдствій. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на свою эпоху.

Я. Дѣло тутъ не о какомъ либо ко-венномъ вліяніи. Я говорю о видномъ, осязательномъ памятникѣ. Ну, и что-же, ничего вамъ на умъ не приходитъ?

Монахъ. Право, ничего. Все, что онъ сдѣлалъ, вскорѣ было передѣлано, даже все, что онъ было награбилъ для Парижскихъ музеевъ, Франція со стыдомъ должна была возвратить. (Подумавъ). А, знаю, Вандомская колонна?

Я. Фи, стану ли я говорить о ржавомъ чугуунѣ или вонючей бронзѣ? Мой памятникъ это нѣчто леге ретенишъ *), нѣчто такое, за что человѣчество никогда не перестанетъ благодарить соору-

*) Прочіе мѣди.

двигавшаго его. Воспоминаніе о его кровопролитныхъ войнахъ погаснетъ со временемъ, но памятникъ, о которомъ я говорю, останется на всегда живымъ, на всегда свѣжимъ какъ подъ соломенной крышей, такъ равно и въ позлащенныхъ чертогахъ. Маменька, вы, которая такъ любите Наполеона, каждый день пользуетесь доставленнымъ имъ добромъ, и не можете догадаться. Стоитъ ли послѣ этого быть благодѣтелемъ человѣчества!

Мать. Ну полно, это вѣрно какойнибудь злой сарказмъ, говори же наконецъ.

Я. Сарказмъ? Вовсе нѣтъ. (Я беру изъ сахарницы кусокъ сахару п, поднося его торжественно вверхъ): А это что такое?

Мать. Что же это значитъ?

Я. Что значитъ? Неужели вы не узнаете кирпича изъ вѣковѣчнаго монумента Наполеона великаго? Это и есть петличный дипломъ его на безсмертіе. Въдь онъ, чтобы досадить Англіи, велѣлъ найти вещество, замѣняющее колониальный сахаръ, и химикъ Ашаръ (Aschard), нашель его въ свеклѣ. Вотъ это-то и есть памятникъ прочіе всѣхъ возможныхъ металловъ. Имя Наполеона, нанесенное на головѣ свекловичнаго сахара, останется на всегда въ храмѣ славы и въ отдаленнѣйшихъ поколѣніяхъ не престанетъ возбуждать *сладо*кое о немъ воспоминаніе.

(Всѣ смѣются.)

Этимъ заключился нашъ разговоръ о Наполеонѣ, и теперь, по прошествіи съ тѣхъ поръ болѣе полувѣка, мы не находимъ ничего, что могло бы измѣнить самую его характеристику, какъ она изложена выше; но вотъ что признаемъ нужнымъ прибавить.

Изъ видимыхъ фактическихъ послѣдствій царствованія бывшаго императора Французовъ, кромѣ свекловичнаго сахара осталась еще по наше время водворенная имъ на Шведскомъ тронѣ династія Бернадотовъ.

Этимъ конечно не могло ограничиться вліяніе такого крупнаго историческаго событія, какимъ было это царствованіе. Оно глубоко выразилось на судьбахъ грядущихъ поколѣній, и потомство теперь уже собираетъ горькіе его плоды. Преслѣдуя логически естественную связь причинъ со слѣдствіями, не трудно будетъ установить филицію между тѣмъ, что теперь происходитъ въ Европѣ и вліяніемъ Наполеоновской эпохи. Бонапарте обуздалъ революцію, онъ остановилъ ее въ дальнѣйшемъ развитіи, которое неминуемо повело бы ко всеобщей коммуѣ, такой, какой характеристическій specimenъ мы видѣли въ 1871 году въ Парижѣ. Наполеонъ затормозилъ это стремленіе силою, но ничего не сдѣлалъ для того, чтобы уничтожить его въ самомъ корнѣ, въ сущности. Для этого нужна была не матеріальная сила, а моральное, разумное, неумолимое противодѣйствіе. Если нельзя было перевоспитать современное поколѣніе, то слѣдовало тщательно озботиться о морализованіи грядущаго, о вытрезвленіи сыновъ отъ революціоннаго чада, обуйавшаго отцовъ. Но чтобы подумать объ этомъ, Наполеонъ слишкомъ былъ занятъ своими властолюбивыми замыслами, своимъ неразумнымъ антагонизмомъ съ Англіей; его болѣе интересовало то, чтобы Европа не покупала кофе и сахара, привозимаго изъ колоній и издѣлій Англійскаго произведенія, чѣмъ-то, что дѣлалось у него дома. Оно полагалъ, что довольно одного деспотическаго режима, чтобы удовлетворить всѣмъ потребностямъ его неограниченной власти и условіямъ внутренняго порядка. Введя самую строгую, самую щепетильную цензуру, оковавъ выраженіе всякой свободной мысли, онъ мечталъ задавить этимъ и самое мышленіе. Но такое вынужденное спокойствіе было только наружное, искусственное. Этими капральскими мѣрами народная жизнь была приостановлена въ своемъ развитіи, общественный бытъ во Франціи сдѣлался какимъ-то офиціаль-

вымъ, далеко не нормальнымъ и неестественнымъ. Это положеніе было однакожъ такъ сказать позлащено блескомъ военной славы, величія и могущества, которыя приобрѣлъ Наполеонъ своими побѣдами за эти усѣхи, Французы прощали ему гнетъ, подъ которымъ жили. Между тѣмъ успѣхи эти развили въ народномъ характерѣ чувство непомерной гордости и смѣшной самонадѣянности. Эта стихія, дѣлавшая Французовъ несноснымъ народомъ, осталась въ ихъ характерѣ, по крайней мѣрѣ оставалась до послѣдней войны съ Германією, гдѣ они были побиты, какъ мало кто, когда либо, бывалъ битъ и гдѣ разгромъ нельзя имъ уже было, какъ въ кампаніи 1812 года, свалывать на генерала Мороза.

Во время вѣхъ этихъ перипетій, революціонный духъ, оставаясь живымъ и невредимымъ, притаялся, созрѣвалъ и терпѣливо выжидалъ удобнаго для себя момента. Между тѣмъ Наполеонъ сдѣлалъ одну капитальную ошибку. Онъ, естественно, не могъ терпѣть Фран-масоновъ: въ такой системѣ правленія, какую онъ принялъ, орденъ этотъ, широко распространенный во Франціи, былъ вопіющей аномаліей, фальшивой нотой въ стройномъ концертѣ деспотизма. Считаю ли себя не довольно для этого сильнымъ, или по другимъ уваженіямъ, онъ однакожъ не принималъ противъ него обычныхъ себѣ крутыхъ мѣръ, а возмѣшлъ странную мысль способствовать всѣми средствами къ наибольшему его распространенію. Онъ думалъ, что когда такимъ образомъ въ масонство будетъ принято великое множество всякаго сброда, то орденъ этотъ будетъ опошленъ въ глазахъ образованныхъ, мыслящихъ классовъ, уроненъ въ своемъ моральномъ значеніи и потеряетъ всякое вліяніе. Онъ совершенно ошибся въ расчетѣ, не зналъ, что творилъ. Умножая число адептовъ, онъ съ одной стороны не достигалъ предполагаемой цѣли, а съ другой увеличивалъ силы ордена. Наполеонъ не понялъ того, что введеніе въ среду масонскаго общества, въ какомъ бы то ни

было числѣ, даже самыхъ негодныхъ членовъ, не въ состояніи опошлить или уронить этотъ тайный институтъ, потому что въ немъ существуетъ строгій разборъ. Только избранные посвящаются въ существенныя тайны, и имъ сообщается истинная цѣль ордена. Остальнымъ членамъ преподаются одни общія мѣста обыкновенной морали и очень искусно составленныя аллегоріи, которыя они всю жизнь стараются разгадать и не разгадываютъ никогда. Они остаются какъ бы рядовыми огромной Фран-масонской арміи, а между тѣмъ и тѣ и другіе даютъ страшную клятву въ слѣпомъ, безусловномъ исполненіи приказаній начальниковъ. Слѣдовательно чѣмъ членовъ болѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ орденъ, когда наступитъ время дѣйствовать. Такимъ образомъ Наполеонъ способствовалъ лишь къ значительному умноженію средствъ ордена, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезъ распространеніе его по всему государству, привилъ, такъ сказать, народу расположеніе къ составленію тайныхъ обществъ и подготовилъ почву, на которой не замедлилъ при немъ еще зародиться и съ удивительною быстротою развиваться самыя зловредныя явленія, въ родѣ карбонаризма, Вейстауптова плюмвинизма, Маріянны, *Amis du peuple*, соціализма и коммунизма. Такое положеніе порождено царствованіемъ Наполеона и не только прямо, чрезъ громадное умноженіе числа Фран-масоновъ, но и косвенно, и то не въ одной Франціи, но и въ государствахъ, съ которыми онъ воевалъ. Въ самой Франціи тяжкій деспотизмъ, гнетомъ своимъ, естественно вызывалъ стремленіе къ составленію тайныхъ сборищъ, гдѣ адепты могли по крайней мѣрѣ подышать свободно и высказать свои мысли. Этотъ же абсолютный произволъ, распространяемый на завоеванныя страны, произвелъ въ Германіи буршеншафты и тугендбунды, а въ Италіи второй фазисъ карбонаризма *).

*) Прежній карбонаризмъ имѣлъ цѣлью испровергнуть правленіе короля Фердинанда,

начальною основою тѣхъ и другихъ была похвальная, чисто-патріотическая цѣль свергнуть иго Наполеона. И только со временемъ, послѣ уже паденія бывшаго императора, тайныя общества эти, вѣроятно подѣ влияніемъ масонства, приняли предосудительное направленіе, выродились изъ патріотическихъ въ чисто-революціонные центры. Нѣсколько политическихъ убійствъ въ Италіи, а въ Германіи убійство Коцебу студентомъ Зандомъ, обнаружили такое перерожденіе варбонаризма и Нѣмецкихъ студенческихъ обществъ.

И такъ я не колеблюсь сказать съ полною увѣренностью, что если и не признать царствованіе Наполеона единственнымъ источникомъ всего, подѣ различными формами проявляющагося теперь, обще-революціоннаго стремленія, то нельзя не видѣть, что царствованіе это въ большей части вызвало настоящее движеніе и подготовило для него и матерьялы, и самыя благоприятныя обстоятельства. Къ пагубнымъ порожденіямъ Наполеоновскаго времени нельзя не причислить еще одно немаловажное. Это оба Польскія возстанія. Ясно видится прямая ихъ филиалія съ традиціями бывшихъ легіоновъ. Отъ нихъ между Поляками и Французами завязалось братство по оружію (*fraternité d'armes*) и взаимная симпатія двухъ народовъ. Традиція легіоновъ сохранилась живая до послѣдняго времени и, поддерживаемая симпатією Французовъ и надеждами Поляковъ на ихъ помощь, составила тотъ элементъ, коего конечнымъ выраженіемъ и были оба эти возстанія сколько безразсудныя, столько и гибельныя.

Заключая рѣчь о Наполеонѣ, слѣдовало бы, можетъ быть, отвѣчать тѣмъ, которые утверждаютъ, что онъ на много подвинулъ военную науку. Я не стратегъ, знаю однакожъ, что военное дѣло, хотя и вспомоществуется разными науками, само по себѣ никогда не призна-

а за тѣмъ переродился въ заговоръ противъ Мюрата, шурина Наполеона.

ХІІ. 3.

валось и не называлось наукою, а лишь искусствомъ. Такъ называлъ его экспертъ, составляющій въ этомъ предметѣ авторитетъ, Фридрихъ Великій, когда свою поэму озаглавилъ „*Art militaire*“.

Циринусъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О ТАТАРИНОВОЙ И О ЧЛЕНАХЪ ЕЯ ДУХОВНАГО СОЮЗА.

Прочитавъ въ историческомъ сборникѣ Девятнадцатый Вѣкъ (книга 1-я) біографію генерала отъ инфантеріи Е. А. Головина, записую книжку художника-академика Владиміра Лукича Боровиковскаго и статью о духовномъ союзѣ г-жи статской совѣтницы Екатерины Филиповны Татариновой, въ поясненіе и дополненіе означенныхъ статей сообщаю ниже слѣдующее. *)

1. Статская совѣтница Екатерина Филиповна Татаринова родилась 29-го Августа 1783 года отъ знатныхъ родителей: фонъ-Буксгевдена и урожденной баронессы Екатерины Федоровны Малтиць; образованіе получила въ Смольномъ Институтѣ, будучи принята, по слабости здоровья и за кроткій характеръ, начальницею, графинею Адлербергъ, въ ея семейство; за отличное образованіе и совершенное владѣніе Русскимъ, Французскимъ и Нѣмецкимъ языками, осчастливлена фрейлинскимъ приданымъ. За тѣмъ Екат. Филип. гостила у старшаго бра-

*) Первые семь параграфовъ были напечатаны въ № 113-мъ Петербургской Газеты, отъ 29 Іюля 1872 года и помѣщаются здѣсь для полноты. Авторъ, судя по сообщаемымъ подробностямъ, очевидно былъ самъ близокъ къ членамъ духовнаго союза, и показанія его имѣютъ въ глазахъ нашихъ значеніе свидѣтельства историческаго. П. Б.

та своего, полковника лейб-гвар. Измайловскаго полка Ивана Филиповича Буксгевдена, гдѣ стекалась знать: флигель-адъютанты, Паскевичъ, Чернышевъ, зять ея, ст. сов. Эттингенъ съ старшею сестрою ея, и другіе. Блистать она не желала, а посѣщала бѣдныхъ и больныхъ, надѣляя ихъ, чѣмъ могла, будучи сопровождаема неукловнымъ спутникомъ, младшимъ братомъ своимъ, Петромъ Филиповичемъ Буксгевденомъ, въ послѣдствіи инженеръ-капитаномъ. Въ бракъ Ек. Фил. вступила съ Иваномъ Михайловичемъ Татариновымъ. Въ 3-й день послѣ Бородинскаго дѣла, повстрѣчалъ этого послѣдняго, въ полѣ съ повязкою на головѣ, генер.-фельдмарш. князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ-Смоленскій и на спросъ, — кто вы и куда слѣдуете? — получивъ отвѣтъ, что онъ гренадерскаго полка капитанъ Татариновъ, контуженъ подѣ Бородинымъ и, получивъ облегченіе, возвращается въ полкъ, — поздравилъ его съ чиномъ маіора и кавалеріею св. Анны 2 ст. Братъ же Татариновой, командиръ полка гренадерскаго корпуса, Иванъ Филиповичъ Буксгевденъ, былъ убитъ въ Бородинскомъ дѣлѣ.

Единственный восьмилѣтній сынъ ея умеръ. Она слѣдовала за полкомъ, въ коемъ служилъ супругъ ея, и за арміею, вдалекѣ, при чемъ претерпѣвала, съ опасностію жизни, всякія лишенія и скорби. По окончаніи кампаніи, возвращаясь въ Россію чрезъ Варшаву, Татаринова познакомилась съ дѣйст. ст. сов. Багинскимъ, который совѣтовалъ ей: «Возлюбите, сударыня, Спасителя, паче всѣхъ и паче всего. Онъ одинъ утѣшитъ и успокоитъ сокрушенное сердце ваше; читайте на первый разъ вотъ эту книжечку: Капли Меда; за тѣмъ, вручите отъ меня въ Ригѣ письмо это дѣй-

ств. ст. сов. фонтъ-Гюне *): онъ вамъ откроетъ дальнѣйшій путь къ Іисусу Христу». Г. Гюне спросилъ ее: «Желаете-ли, я познакомлю васъ съ людьми, которые имѣютъ въ себѣ духа любви Божіей?» «Ахъ, какъ вы осчастливите меня этимъ», отвѣчала ему Екатерина Филиповна. «Они помогутъ вамъ на пути Христовомъ, и духъ Его просвѣтитъ васъ во всемъ и утѣшитъ». Изъ Риги проѣхала она въ Дерптскій округъ, къ помѣстьи старшей сестры своей, г-жи Эттингенъ, для свиданія съ нею и матерію, которая просила ее ѣхать въ Петербургъ, пользоваться квартирою ея въ Михайловскомъ замкѣ и устроить нѣкоторыя гражданскія дѣла ея.

2. Императоръ Павелъ Петровичъ опредѣлилъ г-жу Буксгевденъ къ великой княжнѣ Александрѣ Александровнѣ главною дамою. По кончинѣ в. княжны (отъ труднаго прорѣзыванія зубовъ) императоръ Александръ 1-й оставилъ квартиру за г-жею Буксгевденъ со всѣми угодыями и пожалованіемъ пенсіи.

3. Вскорѣ потомъ, отверзались уста Екатерины Филиповны. Къ ней приходили: нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ гвардіи, нѣсколько гражданскихъ знатныхъ лицъ и дворянъ и немного служащихъ обоюга пола; слушали съ вѣрою слово любви Божіей и исполнялись сами, «любленія Іисуса Христа, ближняго и Св. Православной Церкви», къ которой присоединялась и она сама.

4. Но, усумнившись, есть-ли на явный глаголъ ея воля Божія, она уединилась въ деревню, верстъ за

*) Бывшій адъютантъ князя Н. В. Репнина: вотъ связь Татариновскаго союза съ теософами Екатерининской эпохи. О Гюне см. выше, стр. 151 въ Запискахъ Дубинскаго.

20-ть. Къ ней, узнавъ это, прїѣхали гг. Милорадовичи, Миклашевскій и другіе, прося: «не оставляйте насъ, вы показали намъ путь Господень, по коему, безъ поддержки вашей, слѣдовать не можемъ; умоляемъ васъ, возвратитесь; на это есть несомнѣнная воля Божія». По этому первому знаменію — дѣтскому призыву, она удостовѣрилась въ волю Божіей.

5. По приглашеніямъ императора Александра I, г-жа Татаринава два раза представлялась съ однимъ изъ слышавшихъ ея чиновниковъ. Государь, послѣ продолжительной бесѣды, сказалъ: „Продолжайте! Нынѣ распространились на Западъ карбонаріи и проникли уже въ мою державу (намекая тѣмъ, что ему извѣстны подготовлявшіеся Декабристы). Я вами очень доволенъ за ученіе ваше о Спасителѣ нашемъ. Братъ Николай проситъ у меня Михайловскій дворецъ подъ инженерное училище (нынѣ Академія), въ чемъ я ему не могъ отказать; посему прошу васъ занимаемую вами во дворцѣ квартиру очистить. Я ассигновалъ для васъ квартирныя деньги изъ моего кабинета, на наемъ квартиры со всѣми удобствами, которыя будутъ доставляемы вамъ чрезъ посредство князя А. Н. Голицына“. Это было окончательное разрѣшеніе, принятое г-жею Татариною свыше: не отказывать въ пріемахъ стремящихся къ ней, ради Бога.

6. Вслѣдъ за тѣмъ, императоръ собственноручно писалъ къ тайному совѣтнику Григорію Петровичу Милорадовичу: „Я старался проникнуть сына вашего Алексѣя связи и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашель, что тутъ ничего такого нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ, онъ сдѣлался еще болѣе привязаннымъ къ

церкви и исправнымъ въ своей должности“. Возвратясь изъ отъѣзда, во время смотра гвардейскаго корпуса и церемоніальнаго марша лейб.-гвард. Семеновскаго полка, государь позвалъ изъ фронта: „Поручигъ Милорадовичъ! Я былъ у вашихъ родителей, въ Черниговѣ, они здоровы и кланяются вамъ; я ихъ на вашъ счетъ успокоилъ“. При чемъ повторилъ слова, написанныя въ письмѣ, предъ всею блестящею свитою. Проѣзжая черезъ Рязань, государь пригласилъ откушать директора гимназіи, супруга г-жи Татариновой, и за обѣдомъ, большею частію, разговаривалъ съ нимъ.

7. Ст. сов. Татаринъ *) отъ полученной въ Бородинскомъ дѣлѣ въ голову контузии и сотрясенія мозга, имѣлъ одышку, прїѣзжалъ въ Петербургъ для совѣтовъ отъ главнаго по арміи медицинскаго инспектора и другихъ военныхъ врачей; посѣщалъ нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ ближними, Екатерину Филиповну, оказывалъ ей уваженіе и дружески одобрилъ ближнихъ ея; по духовному его завѣщанію, ей достался послѣ него домикъ въ Рязани.

8. Екатерина Филиповна, получивъ даръ пророчества, разувѣрляла глубокихъ дѣтъ старика, начальника скопческой ереси, въ его заблужденіи и неправильномъ пониманіи ученія Св. Православной Церкви и ея писаній; но какъ онъ упорно оставался въ своемъ мнѣніи, то она прекратила съ нимъ свиданія **).

*) Бывшій директоромъ гимназіи въ Рязани, подъ которою у него была деревня. П. Б.

***) Это знаменитый Андрей Ивановъ или Кондратій Селивановъ, самозвонецъ и лжехристъ, предствитель изувѣрствъ, какихъ не знаетъ никакая другая исторія, разсылавшій своихъ апостоловъ не только по Россіи, но

Императоръ Александръ назначилъ депутацію подъ предсѣдательствомъ Сп.-бургскаго ген. губернатора графа М. А. Милорадовича, статскаго совѣтника Мартына Степановича Пилецкаго (который часа два разубѣждалъ главнаго скопца съ его безмолвствовавшими клеветами, наполнявшими огромную залу) и тайн. совѣтника Василя Михайловича Попова, который, по окончаніи рѣчи Пилецкаго, провозгласилъ: „Ваше сіятельство! Я слышалъ Духа Божія, говорящаго чрезъ г. Пилецкаго“ (не бывшаго до тѣхъ поръ въ знакомствѣ съ нимъ). Затѣмъ, съ одобренія цензуры, 6 Октября 1819 г., напечатана была брошюра въ количествѣ 11,000 экземпляровъ (О Скопцахъ *) и ложныхъ дѣвственникахъ и, по Высочайшей волѣ, разослана начальникомъ главнаго штаба княземъ П. М. Волконскимъ въ мѣста наиболѣе зараженныя этою жалости достойною сектою. Руководитель ея отвезенъ въ монастырь**), гдѣ, въ 1832 г., исповѣдалъ себя въ заблужденіи и сознался, что онъ не „искупитель, а скопитель“, былъ сподобень причащенія плоти и крови Господней и въ непродолжительномъ времени скончался, послѣдствіемъ чего оскосленіе въ гвардейскомъ кор-

и въ чужіе края. Быстрое распространіе скопчества между гвардейцами было, кажется, главною причиною его ссылки; до того же времени не только знатнѣйшія лица, но и самъ императоръ Александръ Павловичъ оказывали ему знаки вниманія и почтенія. См. Люди Божія и Скопцы, соч. Реутскаго. II. Б.

*) Она имѣется въ Чертковской библиотекѣ. II. Б.

**) Суздальскій.—Тамъ онъ жилъ въ полномъ довольствѣ. Онъ попросилъ архимандрита, чтобы ему дозволили остричь волосы. Тотъ, ничего не подозревая, не возразилъ. Волосы розданы для ношенія въ ладонкахъ, какъ святыня. — Показаніе автора о предсмертномъ раскаяніи Искупителя требуетъ подтвержденія. II. Б.

пусъ нижнихъ чиновъ прекратилось, а въ другихъ мѣстахъ уменьшилось.

9. Свидѣтельства достовѣрныхъ лицъ о истинѣ, удѣляемой Е. Ф. Татаринovou ближнимъ, суть ея знакомства сіи:

а) За полгода до совершившейся катастрофы лейб.-гвардіи Семеновскаго полка, поручикъ Милорадовичъ, по испрошеніи увольненія изъ онаго, опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ Милорадовичѣ, и на замѣчаніе, что онъ рѣдко у него, внѣ служебныхъ обязанностей, бываетъ, пояснялъ: „Какъ же мнѣ у васъ, дядюшка, бывать, когда вы принимаете обо мнѣ самые нелѣпыя доносы“. „Я имъ не вѣрю, отвѣчалъ графъ, тебѣ люблю, г-жу Татаринovou уважаю, „бывай у меня чаще“. Родной дядя его, кн. В. П. Кочубей, графиня Безбородко, гр. М. М. Сперанскій и другіе знатные родственники принимали его съ нѣжною любовію, видя въ немъ возрастающую любовь къ Богу, кротость и смиренномудріе. Родители его, хотя, до заступленія за него императора Александра I, лишали его содержанія, но таковое онъ имѣлъ, живя у г. директора Института Слѣпыхъ Пилецкаго и его помощника Петра Филиповича фонъ-Буксгевдена (почти въ одно время съ сестрою своею Екатериною Филиповною принявшаго православіе), въ ихъ квартирѣ на Литейной, ни въ чемъ не нуждаясь.

б) Князь А. Н. Голицынъ посѣщалъ Екатерину Филиповну и слушалъ года четыре пророческое слово, съ сокрушеніемъ и благочестіемъ, подерживалъ при томъ вѣру и любовь въ оберъ-гофмейстеръ Иродіонъ Александровичъ Кошелевъ къ Господу Спасителю и союзъ въ Немъ съ Екатериною Филиповною заочно.

в) Живописецъ-академикъ Владиміръ Лукичъ Боровиковскій признавалъ Екатерину Филиповну матерью своею, какъ видно изъ записной его книжки.

г) Священникъ о. Алексій Маловъ въ подобномъ расположеніи находился къ Екатеринѣ Филиповнѣ, что и на дѣлѣ доказалъ; ибо проповѣди его, именуемыя Св. Церквію: „Слово Благодатное“, имѣли помазаніе Духа Божія и вразумляли вѣрующихъ, какъ надо подражать жизни нашею Спасителю.

д) Принятый съ вечера въ продолженіи часовъ около трехъ, по просьбѣ л. г. Измаиловскаго полка поручика (впослѣдствіи генер.-маіора) П. П. Бутовскаго Екатериною Филиповною, членъ Израильскаго Комитета М. С. Пилецкій, получивъ позволеніе посѣщать ее, прійдя на другое утро, призналъ: „Вы моя матушка“.

е) Когда на приемы истощалось до конца фрейлинское приданое Екатерины Филиповны, то во второе представленіе ея, Государь Императоръ благоволилъ объявить ей: „Я, на молитвѣ, получилъ расположеніе предложить вамъ по 8,000 р. асс. ежегодно для вашего вспоможенія; прошу васъ принимать ихъ чрезъ князя А. Н. Голицына.“

10. Назначенный Высочайшимъ приказомъ полковымъ командиромъ л. г. Егерскаго полка (на мѣсто г. л. Карла Ивановича Бистрома, командовавшій 1-ю гренадерскою дивизіею) генераль-маіоръ Е. А. Головинъ прибылъ въ мѣстечко Бѣшенковичи Витебской губерніи послѣ произведеннаго смотра гвардейскаго корпуса императоромъ (въ 1821 году) откуда полкъ перешелъ въ Вильну, гдѣ Головинъ оказалъ важную услугу Престолу и при-

обрѣлъ особое довѣріе и расположеніе августѣйшаго бригаднаго начальника, впослѣдствіи императора, Николая I. По возвращеніи корпуса въ 1822 г. въ С. Петербургъ, къ одному изъ любившихъ Евгенія Александровича было лѣтомъ 1823 г. слово: „Приведешь къ Богу вельможу.“ „Кто онъ, полагаешь ты?“ спросила Екатерина Филиповна. „Думаю, что это генераль Е. А. Головинъ!“ „Жалѣй его“, предложила Екатерина Филиповна. Вскорѣ за этимъ, Е. А. Головинъ открывался ему наединѣ: „Ты видишь об-„становку мою: изобиліе, почести, бла-„говоленіе, сынъ мой Павелъ пожалованъ въ пажы, часто ѣздитъ къ „Великому Князю (нынѣ благополучно царствующему Государю Императору Александру Николаевичу), на-„даренъ подарками, приличными его „шестилѣтнему возрасту отъ вдовст-„вующей импер. Маріи Феодоровны; „но если бы ты видѣлъ, въ какомъ „растерзанномъ состояніи находится „душа моя, ты ужасался бы“, при чемъ прослезился.

1 Октября 1823 г. генералу Головину приключился приступъ апоплексическаго удара съ поражениемъ глаза и опасностію жизни. Полковый штабъ-лекарь Косовичъ пользовалъ генерала недѣлю; затѣмъ пригласилъ перваго изъ военныхъ врачей, искуснѣйшаго практика, лейб-хирурга Ѳ. Ѳ. Гейнродта, который опредѣлилъ: „намъ съ тобою нечего тутъ дѣлать, нуженъ лейб-окулистъ Груби.“ Методъ леченія остался прежній. Тогда же и чрезъ три дни повторены, при всѣхъ трехъ, кровопусканія, фунта по три за каждый разъ до обморока; учащены слабительныя, и опредѣлена строгая діета (уха изъ ершей и ломоть бѣлаго хлѣба); душевныя волненія тише.

„Я сего дня сподобился принятія Св. плоти и крови Господней, и какъ мнѣ хорошо!“ удѣлялъ генералъ своему ближнему, который пояснялъ: „Извольте продолжать пребывать съ Нимъ всю жизнь вашу. Его никто замѣнить намъ не можетъ ни здѣсь, ни въ вѣчности...; по писаніямъ и явнымъ знакамъ видно, что вы должны принадлежать Ему и слѣдовать за Нимъ; да и особа есть, чрезъ которую Господь даетъ силу нести крестъ Его.“ Е. А. Головинъ, глубоко просвѣщенный въ познаніяхъ Св. Писанія и толкованій текстовъ Закона Божія, какъ никто яснѣе его не толкуетъ, неоднократно говаривалъ, что онъ, безъ особой помощи Божіей, нести креста Его, т. е. отстать отъ немощей своихъ, не можетъ, почему рѣшительно ближнему своему отвѣтствовалъ: „Ты это не отъ себя произнесъ мнѣ. Богъ побудилъ тебя къ тому“; при чемъ, вознесъ къ Нему благодареніе, поручилъ кланяться отъ него Екатеринѣ Филиповнѣ, цѣловать ея руку и объявить, что онъ съ братомъ ея Иваномъ Филиповичемъ Буксгевденомъ былъ дружески знакомъ по гренадерскому корпусу.

Е. А. Головинъ, принятый Е. Ф. Татаринцевой 24 Ноября 1823 года, слушалъ ее, не прерывая, часа два. На возвратномъ пути домой, онъ произнесъ ближнему своему: „чрезвычайно умна!“ Въ кабинетѣ его, слезы сокрушенія, умиленія, любви и благодарности къ Богу полились изъ глазъ его. „Ты будешь еще сего вечера у Екатерины Филиповны; удѣли ей происходящее со мною, и что я цѣлую руки ея.“

25 Декабря 1823 г. въ первый разъ явилось къ нему пророческое слово, торжественно - божественное, коимъ онъ безпредѣльно былъ сокрушенъ,

утѣшенъ, наставленъ и укрѣпленъ душевно и тѣлесно.

Одинъ разъ, въ 1824 г., когда Евгенийъ Александровичъ простился и вышелъ въ залъ, Екатерина Филиповна позвала его обратно изъ своего кабинета, сообщая: „Огромная сила взята отъ меня и отражена на васъ; но я не знаю нынѣ, что это значитъ.“ Евгенийъ Александровичъ перекрестился, въ знакъ преданности къ Богу, и откланялся. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь, онъ, по побужденію сердца своего, положилъ 25 земныхъ поклоновъ, объявилъ объ этомъ событіи Екатеринѣ Филиповнѣ, восходя потомъ до сотенъ, тысячъ и наконецъ до пяти тысячъ еженощно, какъ побуждалъ его духъ съ легкостію полета птицы, въ теченіи пяти часовъ, перемѣняя потное бѣлье каждый часъ и чувствуя себя потѣмъ чрезвычайно хорошо, душевно и тѣлесно; что и есть, отчасти, отраженная и принятая имъ съ довѣренностію сила, дѣйствию коею онъ не воспротивился. Поклоны продолжаемы были съ перемежками нѣсколько мѣсяцевъ.

Полковникъ штабъ-лекарь Коссовичъ постоянно посѣщалъ генерала; но лейб-окулистъ Груби, полгода спустя, пересталъ ѣздить, хвала и превозносилъ въру своего пациента въ Бога.

Воздвиглось гоненіе. Генералъ Головинъ, назначенный въ армію дивизіоннымъ начальникомъ, просилъ аудіенціи у императора. „Садитесь, Евгенийъ Александровичъ; что вамъ угодно; всё для васъ сдѣлаю!“

— „Ваше Величество! Единственнаго милосердія прошу, оставить меня на службѣ въ С-Петербургѣ“, при чемъ въ подробности донесъ о вышеизъясненномъ, присовокупивъ, что онъ не утвердился еще на пути и, безъ

пророческаго слова, Духа Утѣшителя, не можетъ внутренно существовать. — „Извольте, Евгений Александровичъ. Сего же числа отдано будетъ въ приказахъ о назначеніи „вась бригаднымъ начальникомъ лейб-гвардіи егерскаго Финляндскаго полковъ; довольны ли вы?“ Милосердный монархъ напутствовалъ обрадованнаго и благодарнаго генерала еще и одобреніемъ: „Уважаю вѣру вашу, Евгений Александровичъ“.

По окончаніи Турецкой кампаніи, генералъ Е. А. Головинъ, не пожелавъ принять назначеніе Оренбургскимъ корпуснымъ командиромъ, по прошенію уволенъ отъ службы и отъ званія генералъ-адъютанта, въ которое возведенъ былъ въ 1825 г. императоромъ Николаемъ I, при восшествіи на престолъ; но въ мятежъ бывшаго Царства Польскаго, по письму изъ г. Нарвы къ Великому Князю Михаилу Павловичу о испрошеніи Высочайшаго соизволенія на подаваніе прошенія о принятіи его въ военную службу, тогда же назначенъ былъ дивизионнымъ начальникомъ въ дѣйствующую армію, куда и слѣдовалъ чрезъ Ригу. И хотя былъ остановленъ въ пути Рижскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, въ ожиданіи разрѣшенія государя императора (вслѣдствіе представленія его, что генералъ Головинъ, по объятію всей той страны мятежемъ, не можетъ далѣе слѣдовать и нужна ему помощь для того края) государь, буквально изволилъ повелѣть: „Генералу Головину, всѣми способами и окольными мѣстами, пробираться въ дѣйствующую армію“.

Генералъ Головинъ, укротивши всѣ скопища въ Бѣловѣжской пущѣ, принялъ начальствованіе надъ авангарднымъ отрядомъ (тысячъ въ шесть)

Литовскаго корпуса и отвлекалъ на себя мятежный корпусъ Раморино, тысячъ въ двадцать восемь. Между тѣмъ главнокомандующій (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій) безпрепятственно переправился со всею арміею на лѣвый берегъ рѣки Вислы и громилъ укрѣпленіе—Волю. Тогда только мятежный сеймъ отозвалъ Раморино отъ генерала Головина; но уже поздно: Варшава сдалась по взятіи Воли и окоповъ.

Государь императоръ, произведя въ 1833 г. смотръ корпусу, коимъ командовалъ генералъ Головинъ въ имперіи, объявилъ: „Евгений Александровичъ! Тебя проситъ у меня князь Варшавскій, и я назначилъ тебя къ нему главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“.

Всѣ сословія Царства Польскаго были имъ довольны за его доступность, правосудность, кротость, гостеприимство и благочестіе. Польскіе вельможи свидѣтельствовали: „Не можемъ стоять противъ генерала Головина, касательно религіи“. Публика оставалась благодарна въ особенности за то, что генералъ отдѣлилъ въ костелахъ мужчинъ отъ женщинъ, посадя однихъ на скамьяхъ слѣва, а другихъ справа; провелъ необходимую улицу и нѣсколько водопроводовъ, улучшилъ госпитали, велъ переписку съ папою, касательно Римско-католической церкви, по званію главнаго директора. По просьбѣ уважавшихъ его миссіонеровъ, обрацавшихъ въ Варшавѣ въ христіанство Евреевъ, частнымъ образомъ писалъ въ защиту миссіонеровъ, вѣровавшихъ въ Духа Бо-

жія противу Аугсбургскихъ лицъ, соперничествовавшихъ имъ; исправлялъ должность намѣстника во время ежегодныхъ поѣздокъ фельдмаршала за границу и въ С.-Петербургъ, въ коемъ и самъ Евгений Александровичъ былъ два или три раза въ отпуску.

Въ Маѣ 1837 г. фельдмаршалъ-намѣстникъ, возвратясь изъ С. Петербурга, объявилъ: „Евгеній Александровичъ! Связь ваша разрушена; Елисавета Павловна *) ѣдетъ къ вамъ; дайте мнѣ знать о пріѣздѣ ея и изложите для меня на бумагѣ, въ чемъ союзъ вашъ заключался; я о немъ ничего существеннаго не знаю“.

Е. А. Головинъ въ меморіи своей изложилъ все вышеизъясненное, до него касающееся, въ подробности и съ цитатами въ томъ, что всѣ дѣйствія Екатерины Филиповны Татариновой согласны съ уставами Св. Православной Церкви, писаній и происходили отъ Духа Божія; что преосвященный архіепископъ Варшавскій Антоній (впослѣдствіи митрополитъ С. Петербургскій) по справкѣ въ уставахъ св. отецъ удостовѣрилъ его, что о земныхъ поклонахъ, болѣе 800, примѣровъ нѣтъ; что нынѣ онъ еженедѣльно по два раза прогуливается по городу съ 5 часа утра въ продолженіи двухъ часовъ, съ великою для его духа и тѣла пользою, ибо не допускается дородность, бывшая почти вдвое до его болѣзни и чрезвычайно удручавшая его; что су-

*) Супруга Головина, урожд. фонъ Визинъ, жившая подъ Петербургомъ вмѣстѣ съ Татариновой. Первые слова Паскевича относятся къ ссылкѣ Татариновой, съ ея дачи за Московскою заставою, въ Кашинскій женскій монастырь, что послѣдовало въ Маѣ 1837 года. И. Б.

пруга его Елисавета Павловна неоднократно предполагала младшихъ дѣтей подвергнуть взысканію; но Екатерина Филиповна всегда останавливала ее, совѣтуя „вести ихъ мѣрами кротости“, будучи сама безпредѣльной кротости и принимая ихъ и всѣхъ съ материнскою любовію и снисходительностію ко всѣмъ; что Елисавета Павловна, свидѣтельница событій, удостовѣрила его: а), когда тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ пожелалъ переѣхать изъ дома почтоваго вѣдомства на жительство на дачу, то Ек. Фил. Татаринова неоднократно объявляла ему: „что на это нѣтъ воли Божіей“, но онъ отвѣтствовалъ: „я за это отвѣчаю“; б). Какія же истязанія дѣлалъ онъ надъ одною изъ своихъ трехъ дочерей, ей неизвѣстно; в) извѣстно ей только то, что слуга Василія Михайловича, за нѣсколько недѣль, обворовалъ его тысячи на три ассигн. и бѣжалъ; что Василій Михайловичъ оставилъ это безъ послѣдствія, хотя и сдѣлалъ объявленіе; что за шесть дней предъ катастрофою, сбывшеюся въ первой трети Мая 1837 г., происходило у нихъ собраніе, состоявшее изъ 7 — 10 лицъ и дѣтей Головина и В. М. Попова и было пророческое слово ко всѣмъ: „крышу раскрою, посрамлю, разошлю“. Духъ въ самомъ пророчествующемъ застоналъ: охъ-охъ! Рыданія и вопль слушающихъ выражались въ словахъ: „Батюшка, Отецъ Небесный!“ Генералъ-адъютантъ графъ Протасовъ говорилъ Елисаветѣ Павловнѣ: „Какъ она (г-жа Татаринова) умна, съ какимъ присутствіемъ духа она отвѣчаетъ и ведетъ разговоръ и какъ доказательно, выразить невозможно, ни опровергать ее“. — „Графъ! свидѣтельствовала Елисавета Павловна, вы при-

писываете уму то, что проистекаетъ изъ нея отъ премудрости Божіей“.

д) Екатерина Филиповна всѣ тѣ три дни скорбей, при возможномъ удобствѣ, посылала сказать ближнимъ, жившимъ на ея дачѣ въ большомъ домѣ: „чтобы они были покойны, „приняли событіе это отъ руки Божіей и отнюдь никого не судили, „утѣшая, что все это пройдетъ благополучно“. Кроме того, за нѣсколько предъ тѣмъ лѣтъ, Екатерина Филиповна всѣмъ говаривала: „всѣ, что здѣсь находится, мебели, образа... „кажется мнѣ не мое“. „Что же наконецъ касается до моей отставки и непринятія должности корпуснаго командира и Оренбургскаго военнаго генераль-губернатора (писалъ Головинъ), то услуги мои, оказанныя Престолу и Отечеству въ Польскій мятежъ превышаютъ услуги, какія я могъ бы оказать въ томъ краѣ“; и пр.

Генераль-фельдмаршалъ князь намѣстникъ, прочитавъ меморію, лично Е. А. Головину съ соучастіемъ выразился: „Екатерина Филиповна г-жа Татаринова, истинная христіанка, „каковыми должны быть всѣ“.

Къ 1 Декабря 1837 г. государь императоръ Николай Павловичъ писалъ къ фельдмаршалу князю намѣстнику: „Полагаю назначить генерала Головина командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и главноуправляющимъ гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи, Кавказской и Закавказскихъ областяхъ. Надѣюсь, онъ управится съ тѣмъ краемъ, съумѣетъ управлять войскомъ и успѣшно дѣйствовать противу непріятелей“. Къ 6 Декабря 1837 г. послѣдовалъ высочайшій приказъ о такомъ назначеніи.

Подвѣдомственные генералу Головину чины и городъ, надъ которымъ

онъ былъ по смерти генерала Панкратьева и генераль-губернаторомъ, дали ему порознь обѣды; а первенствующій архіепископъ, со всѣмъ подвѣдомственнымъ духовенствомъ, поднесли ему крестъ: кристаллъ, оправленный въ золото, на пьедесталѣ коего вырѣзаны слова: а) „Предсѣдательствовавшему - въ правительственной комисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія генералу Евгенію Александровичу Головину въ знакъ глубочайшей признательности и безпредѣльнаго уваженія отъ всего духовенства Царства Польскаго; и б) имена первыхъ духовныхъ особъ.

Государь императоръ принялъ Е. А. Головина въ С.Петербургѣ благоклонно, соизволяя удовлетворить представленія его касательно увеличенія Кавказскаго войска; пожелалъ видѣть крестъ, который Евгений Александровичъ имѣлъ при себѣ и остался очень доволенъ; но меморіи, имѣвшейся при немъ, Евгений Александровичъ не представилъ, предоставивъ это, кажется, времени; и мнѣ неизвѣстно, была ли она впослѣдствіи представлена Его Величеству.

Е. А. Головинъ, подвергшись лѣтъ черезъ пять въ Грузіи приступу апоплексическаго удара, вынужденъ былъ испросить отпускъ на годъ; путешествовалъ въ Италіи, представлялся въ Римѣ папѣ Григорію вмѣстѣ съ дочерью и Елисаветою Павловною (владевшешю совершенно сверхъ Французскаго и Русскаго, Италіанскимъ языкомъ и бесѣдовавшешю на немъ съ его святѣйшествомъ); за тѣмъ, по выздоровленіи, назначенъ Рижскимъ, Лифляндскимъ Эстляндскимъ и Курляндскимъ в. генераль-губернаторомъ; а потомъ членомъ Государственнаго Совѣта.

11. Между тѣмъ М. С. Пилецкій велъ переписку съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода г. а. графомъ Протасовымъ, представляемую графомъ Его Величеству. Приложивъ собственноручное къ нему письмо преосвященнаго архіепископа Владиміра, Пилецкій присовокупилъ: „Ваше сіятельство! Вы „сокій членъ нашей святѣйшей Православной Церкви свидѣтельствуешь, „что во мнѣ пребываетъ истина“. Государь повелѣлъ дать ему свободу.

Графъ Протасовъ, при представленіи Пилецкаго въ С.Петербургѣ, встрѣтилъ его съ радостію сими словами: „Вы имѣете любовь Духа Божія“, и дважды произнесъ эти слова.

Когда Екатеринѣ Филиповнѣ Татариновой ниспосланъ былъ даръ пророчества (въ 1817) г., то на нее возложена была чрезъ нѣсколько времени болѣзнь, казалось, смертельная, съ ужасными головными болями, по ея объясненію, „для очищенія ея“, которыя облегчались только Словомъ къ ней, дѣлаемымъ чрезъ другаго пророка, прорекавшимъ при томъ: „не „сниму тебя еще съ земли, но до того вооружу противу тебя родство, „возбужду гоненіе, имя Божіе прославлю, тебя не оставлю, отряжу „тебя въ Москву и тогда сниму тебя „съ земли“.

Кто видѣлъ ее въ Москвѣ, по перемѣщеніи изъ Кашина, тѣ свидѣтельствуютъ, что она до конца дней сохраняла всѣ вышеизъясненныя качества: кротость, тишину сердца, свѣжесть и красоту, любовь и молитвенное состояніе, вполнѣ въ ней сложившееся, извѣстное по книгѣ О должностяхъ Христіанина, подъ названіемъ „внутренняя молитва“. Она отошла „съ миромъ“ 73 лѣтъ жизни, на рукахъ безпредѣльно возлюбившей ее воспитанницы ея, Анны

Александровны, 12 Іюля 1856 г. въ Москвѣ.

12. Вѣрный, смирившій себя, братъ ея, инженеръ-капитанъ Петръ Филиповичъ Буксгевденъ, по кончинѣ ея, жаловался генералшѣ Е. П. Головиной на скуку и тоску; затѣмъ, какъ извѣстно, просилъ: „Маминька моя, голубица моя! Возьми меня къ себѣ“. 4 Декабря 1856 г. онъ скончался и близъ нея, на Пятницкомъ кладбищѣ, погребенъ попеченіями друга его, воспитанницы Анны Александровны, имѣвшей въ Москвѣ собственный домъ *).

13. Живописецъ Кокуляръ, въ Варшавѣ, въ 1836—1837 гг., изобразилъ Головина. Портретъ этотъ изъ сходнѣйшихъ.

14. Что же касается до того, какимъ образомъ такой кроткій, многосторонне-образованный, великій, многолѣтній дѣятель въ имперіи, тайный совѣтникъ Василій Михайловичъ Поповъ могъ дозволить себѣ истязаніе своей дочери, то сіе можно приблизительно изъяснить, по описанію на страницѣ 229-й 1-й книги Девятнадцатаго Вѣка:

„Онъ въ супругъ своей не встрѣтилъ никакого сердечнаго сочувствія; „она требовала отъ него роскоши, издержекъ, и въ то время какъ онъ „служебнымъ трудомъ обезпечивалъ „жизнь своего семейства, осыпала его „укорами въ томъ, что онъ не заботился о доставленіи свѣтскихъ удовольствій“. В. М. Поповъ, а) сно-

*) Эти воспитанница Татариновой, для того чтобы не остаться безъ всякаго положенія въ обществѣ, вышла за мужъ за престарѣлаго Урбановича-Пилецкаго, и въ его домѣ, на 3-й Мѣщанской, скончалась Екатерина Филиповна. Сколько намъ извѣстно, Анна Александровна, овдовѣвъ, вступила съ кѣмъ-то во второй бракъ. Ш. Б.

силъ упреки какъ подруги своей и супруги, оправдавшей себя лишь за нѣсколько сутокъ предъ кончиною глубочайшимъ раскаяніемъ и испрошеніемъ отъ него полного во всемъ прощенія“; б) слѣдуя по пути жизни Христовой и памятуя, что старшая дочь его незадолго предъ тѣмъ преселилась въ вѣчность въ ангельскомъ совершеніи; с) съ дочерью своей, вѣроятно, наслѣдовавшей темпераментъ матери и притомъ возстановлявшей противъ него другихъ сестеръ, могъ, въ порывѣ родительскаго соревнованія, прийти въ нетерпѣніе.

15. *Заключеніе.* Наша Св. Православная Церковь осыпаетъ насъ безпредѣльными милостями въ многообразныхъ видахъ. Господь Спаситель предоставилъ однакожь ей и Себѣ дѣлать нѣкоторыя души, „соучастниками Своего креста, по Его усмотрѣнію“; посему и остается отдавать честь и славу Ему во всемъ, здѣсь и въ нескончаемыхъ вѣкахъ.

Вотъ что писалъ Головинъ, между прочимъ, къ одному искреннему своему изъ Смоленска отъ 7 Іюня 1855 г.: „Возвратясь изъ послѣдняго объѣзда моего дружинъ *) по уѣздамъ, я нашелъ здѣсь письмо твое, любезный другъ ***, отъ 31 Мая. Пріятно было мнѣ письмо это: оно напоминаетъ мнѣ то время, когда ты былъ каналомъ, чрезъ который сообщались мнѣ благодатныя ощущенія на мою долю М. (т. е. маминь-кѣ Екатеринѣ Филиповнѣ) испосылавшіяся между тѣмъ какъ то же самое прямо отъ нея я получать не могъ, а вкушалъ только Слово.

*) Головинъ велъ тогда Смоленское ополченіе въ Одессу. *И. Б.*

„Любовь твоя ко мнѣ была проводникомъ сказанныхъ ощущеній, мое сердце согрѣвавшихъ и въ сладкихъ слезахъ сокрушенія обильно изливавшихся..... Господь да укрѣпитъ союзъ этотъ во славу Свою.... Обнимаю тебя съ посильною любовію во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Евгенийъ Головинъ“.

*Статскій совѣтникъ
Іоанновъ.*

29 Сент. 1872
Спбургъ.

ТРИ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ ¹⁾.

1.

Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда ²⁾, былъ я всѣми ³⁾ встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкой, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. П., назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпиономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что

¹⁾ Печатаются съ подлинниковъ. сохранившихся въ бумагахъ В. А. Жуковскаго. *И. Б.*

²⁾ Въ Августѣ 1824 года изъ Одессы, въ Михайловское. не видавшійся съ родителями четыре года и три мѣсяца и въ это время успѣвъ сдѣлаться извѣстнымъ и любезнымъ каждому грамотному человѣку въ Россіи. *И. Б.*

³⁾ Въ Михайловскомъ Пушкинъ засталъ въ сборѣ все свое семейство, т. е. отца, мать, сестру Ольгу и брата Льва. *И. Б.*

я преподаю ему безбожіе ¹⁾). Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня ка-сающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу, прошу его позволенія объясниться откровенно... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковский, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла. Иду къ отцу; нахожу его съ матерью и высказываю все, что имѣлъ на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца. Кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ.....

Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня?... Руд-

¹⁾ Обвиненіе, объясняемое, въ устахъ Сергѣя Львовича Пушкина, тогдашнимъ настроеніемъ императора Александра Павловича, распространившимся въ ближайшихъ ко двору сферахъ. Это было именно то время, когда первенствовалъ Магницкій и архимандритъ Фотій, клеймившіе именемъ безбожника даже самаго кн. Александра Николаевича Голицына. Въ добавокъ, поводомъ къ ссылкѣ Пушкина послужило перлюстрированное письмо его въ Москву къ издателю Бахчисарайскаго Фонтана, съ шуточно-похвальнымъ отзывомъ объ Англичанинѣ докторѣ Гучинсонѣ, *илутомъ атеѣ*. Нѣтъ сомнѣнія, что забавное ханжество высшихъ лицъ, еще такъ недавно глумившихся надъ святынею, вызвало противодѣйственные отзывы въ душахъ искреннихъ, каковою была пылкая душа А. С. Пушкина. Онъ былъ, что называется, бѣлымъ въ глазу для мундирно-богомольствовавшей власти, тѣмъ паче, что съ выходомъ въ свѣтъ Бахчисарайскаго Фонтана (въ началѣ 1824 г.) его имя всюду произносилось съ восторгомъ. А тутъ еще въ добавокъ, онъ друженъ съ Равскими и Давыдовыми, онъ вѣдитъ въ Каменку, онъ воленъ духомъ и вполне независимъ въ своемъ творчествѣ.—Всего этого не зналъ Сергѣй Львовичъ, и мы не въ правѣ даже обвинять его за то. Съ сыномъ у него было мало общаго. Поступивъ въ Лицей 12 лѣтъ отъ роду, онъ выросъ и развился вдали отъ родительскаго дома, почти что ему чуждый. Вскорѣ по пріѣздѣ Александра Сергѣевича въ Михайловское, его вызывали (въ томъ же Августѣ мѣсяцѣ) въ Псковъ, гдѣ онъ долженъ

никовъ Сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня.

31 Окт. (1824) А. П.

Поспѣвши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всё его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi.

Р. С. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да, душа моя, голова кругомъ идетъ.

2.

Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: *Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его вельмъ.* За чѣмъ же обвинять было сына? *Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками?* Это дѣло десятое. *Да онъ убилъ отца словами...* каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

былъ дать губернатору Адеркасу письменное обязательство „жить безотлучно въ деревнѣ родителя и вести себя благоправно“.

Чтожь, милый? Будеть ли чтонибудь для моей маленькой Гречанки? Она въ жалкомъ состоянїи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! Она родня поэтамъ по поэзи; но Н. даже не полу-герой. Мнѣ жаль, что онъ безсмертенъ твоими стихами, а дѣлать нечего..

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно-смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

24 Ноября (1824)

Его высокоблагородію м. г. Василю Андреевичу Жуковскому. Въ С. Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ. Почтовое клеймо: 1 Декабря 1824. Опочка.

3.

Не знаю, получилъ ли ты очень нужное письмо; на всякой случай повторю въ кратцѣ о дѣлѣ, которое меня задираетъ за живо. Восмилѣтная Родося Сафѣионосъ, дочь Грека, падшаго въ Скулянской битвѣ, которая воспитывается въ Кишиневѣ у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшаго вице-губернатора Бессарабіи. Нельзя ли сиротку приютить? Она племянница Русскаго полковника, слѣд. можетъ отвѣчать за дворянку. Пошевели сердце Маріи, поэтъ, и оправдаемъ Провидѣнье. О себѣ говорить не намѣренъ, а хладнокровно не могу всего этого раздумать; можетъ быть тебя разсержу, вываливая, что у меня на сердцѣ. Братъ привезетъ тебѣ мои стихи; жду твоихъ какъ утѣшенія. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня въ семейство Карамзина; скажи имъ, что я для нихъ тотъ же; обними изъ нихъ кого можно; прочимъ—всю душу.

ДВА ПИСЬМА

Прасковьи Александровны Осиповой.
къ В. А. Жуковскому.

1.

Милостивый государь Василю Андреевичъ.

Искреннее участіе (не свѣтское), которое я, съ тѣхъ поръ какъ себя понимать начала, принимаю въ участіи Пушкина, пусть оправдываетъ въ сію минуту передъ вами меня, милостивый государь, въ томъ, что, не имѣя чести быть вамъ знакомою, рѣшилась начертать сіи строки. Изъ здѣсь приложеннаго письма усмотрите вы, въ какомъ положеніи находится молодой, пылкой человекъ, который, кажется, увлеченный сильнымъ воображеніемъ, часто къ несчастію своему и всѣхъ тѣхъ, кои берутъ въ немъ участіе дѣйствуетъ прежде, а обдумываетъ послѣ.— Въ слѣдствіе нѣкоторыхъ недоразумѣній, или лучше сказать разныхъ мнѣній, по одному же однако предмету, съ отцемъ своимъ, вотъ какую просьбу послалъ Александръ къ нашему Адеркасу. Я все то сдѣлала, что могла, чтобы предупредить слѣдствіе оной; но не знаю, удачно ли; потому что г. Адеркасъ, хотя человекъ и добрый, но былъ прежде полицмейстеръ. Я трепещу слѣдствій для нѣжной матери, да и отца! Можетъ вогнать прежде времени в гробъ. Не смотря на все, что теперь происходило, Александръ, кажется, имѣетъ счастье пользоваться вашимъ доброжелательствомъ. Не дайте погибнуть сему молодому, но право хорошему любимцу Музъ. Помогите ему тамъ, гдѣ вы; а я, пользуясь нѣсколько его дружбою и довѣренностью, постараюсь, если не угасить вулканъ, по крайней

мѣрѣ направить путь лавы безвредно для него.

Если вамъ угодно отвѣчать А. С-чу такъ, чтобы кромѣ его никто не видалъ вашихъ писемъ, то мое имя да служить имъ эгидою.

Позвольте при семъ случаѣ засвидѣтельствовать вамъ то отличное, искреннее почтеніе, которое давно, давно имѣеть къ вамъ, милостивый государь, ваша покорная къ услугамъ Прасковья Осипова.

Мой адресъ:

Пр. Александровиѣ Осиповой, черезъ городъ Опочку въ село Тригорское

Копія съ черноваго письма А. С. Пушкина къ Б. А. Адеркасу, Псковскому губернатору

Милостивый государь Борисъ Александровичъ.

Государь Императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любви его къ протчимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Е. И. В., да соизволилъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидая сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства и пр.

2.

Милостивый государь Василій Андреевичъ!

Вчерашній день получила я письмо ваше и пріятною обязанностью себѣ поставлю исполнить желаніе ваше на счетъ положенія дѣлъ любезнаго нашего поэта. Къ похожденію письма его можно смѣло сказать, что на сей

разъ Pouschkine fût plus heureux (не sage *). У васъ былъ ужасный потопъ, а у насъ распутица; нигдѣ нѣтъ провѣзду. Посланный его, не найдя губернатора во Псковѣ, черезъ недѣлю возвратился, не отдавъ письма никому. Теперь отдалъ его А. С-чу, и онъ сказалъ мнѣ вчера, что его уничтожилъ, и душѣ моей стало легче.

Желаю искренно, чтобъ совѣты ваши приняты были Сергѣемъ Львовичемъ и исполнены. Мнѣ пріятно было замѣтить изъ письма вашего, что мы съ вами совершенно согласны во мнѣніи на счетъ несогласія сихъ двухъ особъ, отца и сына. А причина сихъ вѣчныхъ между ними несогласій есть странная мысль, которая, не знаю отъ чего, вселилась съ обѣихъ сторонъ въ ихъ умахъ. Сергѣй Львовичъ думаетъ, и его ничѣмъ не можно разувѣрить, что сынъ его не любитъ, а Алекс. увѣренъ, что отецъ къ нему равнодушенъ и будто бы не имѣеть попеченія о его благосостояніи. Отъ сего происходитъ, что они обоюднo толкуютъ каждый въ свою очередь поступки одинъ другаго ложно, а потому дѣйствуютъ равно ошибочно. Бывъ лишь чуждая и посторонняя совершенно между ими, я болѣе правды говорила любезному нашему анахорету, чѣмъ бы онъ выслушалъ отъ своей нѣжной Надежды Осиповны.

Я живу въ двухъ верстахъ отъ с. Михайловскаго, гдѣ теперь А. П., и онъ бываетъ у меня всякій день. Желательно бы было, чтобъ ссылка его сюда скоро кончилась; иначе я боюсь быть нескромною, но желала бы, чтобъ вы, милостивый государь Василій Андреевичъ, меня угадали. Если Алекс. долженъ будетъ оста-

*) Пушкинъ болѣе счастливъ, нежели благо-разуменъ.

ваться здѣсь долго, то прощай для насъ Русскихъ его талантъ, его поэтическій геній, и обвинить его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть. Онъ теперь такъ занятъ своимъ положеніемъ, что безъ дальняго размысленія изъ огня вскочить въ пламя; — а тамъ поздно будетъ размышлять о слѣдствіяхъ.

Все здѣсь сказанное не пустая догадка, но прошу васъ, чтобы и Левъ Серг. не зналъ того, что я вамъ сіе пишу. Если вы думаете, что воздухъ и солнце Франціи или близъ лежащихъ къ ней, черезъ Альпы, земель, полезень для Русскихъ орловъ, — и оной не будетъ вреденъ нашему, то пускай останется то, что теперь написала, вѣчною тайною. Когда же вы другаго мнѣнія, то подумайте, какъ предупредить отлѣтъ ¹⁾.

Я не буду извиняться передъ вами, что пишу такъ много. Сердце было на концѣ пера, и я слишкомъ искренно привержена къ семейству Пушкиныхъ, чтобъ равнодушно видѣть ихъ въ горестяхъ. Я забывала въ недавнемъ времени всю грусть души своей и каждую минуту думала только о Серг. Льв. и Надеждѣ О. Я сумнѣваюсь, чтобъ они и теперь пріѣхали въ Пбургъ скоро; да и что они тамъ найдутъ! Дорога должна быть ужасна, а въ городѣ еще ужаснѣе.

Я много обязана А. С., что черезъ него теперь могу сама имѣть удовольствіе изъяснить вамъ то чувство отличнаго почитанія, съ коимъ всегда именоваться буду, милостивый государь, готовая ко услугамъ П. Осипова.

22 Ноября (1824)

¹⁾ Послѣ наводненія 7 Ноября П. Б.

И такъ вотъ въ какомъ положеніи очутился несчастный поэтъ. Осенью 1824 года, къ которой относятся выше приведенныя (изъ бумагъ Жуковского извлеченныя) письма, началось для него время полной опалы: до того онъ только удаленъ былъ изъ столицы и, вспоминая Петербургъ, могъ говорить:

Тамъ нѣкогда гулялъ и я,
Но вреденъ свѣръ для меня.

Теперь уже было не до шутокъ. Въ формуляръ его занесены слова: „исключается изъ службы за дурное поведение“; онъ преданъ тройному надзору мѣстнаго губернатора, мѣстнаго дворянскаго предводителя и ближайшаго архимандрита, коему вмѣнено въ обязанность присматривать за его нравственностью (дѣдушка-игуменъ былъ ли намъ пріятель!) Жандармскій чиновникъ, по составленному впередъ маршруту, коимъ воспрещалось заѣзжать въ Тульчинъ и Каменку, привезъ Александра Сергѣевича въ село Михайловское, гдѣ тогда проводили лѣтнее время его родители. Вотъ пропасть, въ которую ввергнулъ его Одесскій демонъ:

Но если ты затѣйливо извиль
Пугливое его воображенье
И гордую забаву находилъ
Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженъ....
Но если самъ презрѣнной клеветы
Ты про него невидимымъ былъ эхомъ,
Но если дѣль ему накинута ты,
И соннаго врагу предалъ со смѣхомъ... *)

Понятно, что Сергѣй Львовичъ не ласково встрѣтилъ сына.

Поэтъ нашелъ себѣ нравственное убиеніе у Прасковьи Александровны Осиповой, которая, вмѣстѣ съ Жуковскимъ, съумѣла понять чуткимъ, всеизвиняющимъ сердцемъ, что за вспышками юношеской необузданности, за рѣзкими отзывами, сохранились во всей чистотѣ не одна гениальность, но и глубоко-доброе, благородное сердце и та искренность, которая и доселѣ даетъ его твореніямъ чарующую силу и власть надъ людьми.

*) Писано именно осенью 1824 года и относится несомнѣнно къ А. Н. Раевскому. П. Б.

Да простить намъ великая тѣнь обнародованіе этихъ подробностей. Самъ онъ виною, что все къ нему относящееся дѣлается достояніемъ общеизвѣстности. Его трудно судить по нашей мѣркѣ, и изъ напечатанныхъ выше писемъ мы убѣждаемся, какъ много жгучихъ ощущеній перегорѣло въ страдальческой груди, дабы разлилось изъ нея благоуханіе поэзіи.

...Въ разныя годы
Подъ вашу сѣнь, Михайловскія рощи,
Являлся я!... Вы во мнѣ пріяли
Усталого пришельца, Я еще
Былъ молодъ, но уже судьба
Меня борьбой неровной истомила.
Я былъ ожесточенъ. Въ уныньи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ бесплодныхъ испытаньяхъ;
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души доврчивой и нѣжной —
И горькія кипѣли въ сердцахъ чувства!

Эти стихи очевидно относятся къ первымъ, тяжкимъ мѣсяцамъ ссылки 1824 года. П. Б.

ДѢТСКІЯ ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ЕГО МАТЕРИ *).

1.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Я весьма радъ, что узналъ, что вы слава Богу здоровы; что жъ касается до меня, то и я также, по Его милости, здоровъ и веселъ. Здѣсь я со многими офицерами свелъ знакомство и много обязанъ ихъ ласками. Всякую субботу я смотрю разводъ, за которымъ слѣдую въ крѣпость. Въ прошедшую субботу, шодши такимъ образомъ за разводомъ, на подъемномъ мосту вѣтромъ сорвало

*) Сообщены съ подлинниковъ Константиномъ Степановичемъ Сербиновичемъ. Первые три письма Жуковскій писалъ на 13 году возраста. П. Б.

съ меня шляпу и снесло прямо въ воду, потому что крѣпость окружена водою, однако по дружбѣ одного изъ офицеровъ ее достали.

Еще скажу вамъ, что я перевожу съ Нѣмецкаго и учусь ружьемъ. Въ прочемъ, прося вашего родительскаго благословенія и цалуя ваши ручки, остаюсь навсегда вашъ послушный сынъ Васинька.

20 Ноября
1795-го года
Кекзгольмъ.

2.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ праздникомъ и желаю, чтобъ вы оной провели весело и здорово. О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ. Недавно у насъ былъ графъ Суворовъ, котораго встрѣчали пушечною пальбою со всѣхъ бастионовъ крѣпости. Сегодня у насъ маскарадъ, и я также пойду, ежели позволитъ Дмитрій Гавриловичъ *). Въ прочемъ, желая всякаго благополучія, остаюсь вашъ послушный сынъ Васинька.

1795-го года
Декабря 20 дня
Кекзгольмъ.

3.

Милостивая государыня матушка Елизавета Дементеевна! Имѣю честь васъ поздравить съ вступившимъ новымъ годомъ и желаю, чтобъ вы оной и множество таковыхъ провели благополучно и здорово.

*) Постниковъ, Тульскій помѣщикъ, по просьбѣ Марьи Григорьевны Буниной, возившей Жуковскаго въ Кекзгольмъ явиться на службу въ Нарвскій пѣхотный полкъ, куда онъ былъ записанъ съ рожденія и гдѣ также нѣкогда служилъ и отецъ его. П. Б.

О себѣ честь имѣю донести, что я слава Богу здоровъ и веселъ. У насъ здѣсь, правду сказать, очень весело; въ Крещенье была у насъ Иорданъ, куда ходили съ образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили изъ ружей. Въ прочемъ, желая вамъ всякаго благополучія, остаюсь на всегда вашъ послушный сынъ Васинька.

4

Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементеевна!

Григорій приготовилъ деньги за себя, только дѣло остановилось за тѣмъ, что онъ не знаетъ, куда онъ приписанъ по подушному окладу, и какимъ образомъ намъ укрѣпить; и такъ извольте потрудиться объ этомъ освѣдомиться и поскорѣе ко мнѣ прислать. Да не худо бы было, когда бъ вы попросили Михайлу Ивановича *), чтобы онъ сдѣлалъ одолженіе написалъ черную отпускную, ибо я хотя и пустился въ статскіе скрипоперы, но ничего такого написать не умѣю, за что я ему отвѣшу земной поклонъ. Григорій не можетъ теперь дать болѣе 625 рублей, а другихъ 25-ти просить подождать, ибо теперь ихъ у него нѣтъ и—такъ какъ и Богъ кающихся прощаетъ, я чистосердечно признаюсь, что изъ вышерѣченныхъ 625 рублей взялъ 25.—На что? вы спросите.—На книги, отвѣчаю я и уже вижу, что вы сердитесь.—Но вы конечно меня въ томъ простите; я увѣренъ въ этомъ совершенно, ибо учивши меня столько времени тому-сему, вы не захотите, чтобъ я это забылъ

*) Звѣревъ, управляющій у Петра Николаевича Юшкова, зятя Марьи Григорьевны Буниной, которая по кончинѣ супруга своего Аванасія Ивановича Бунина, по его завѣщанію, укрѣпила за Жуковскимъ деревню съ крестьянами въ Орловской губерніи. П. Б.

и всѣ деньги, которыя вы за меня платили въ пансіонъ, были бы брошены понапрасну.—И такъ, какъ бы то ни было, вы конечно простите меня за то, что изъ 625 рублей взялъ я 25 на *нужныя* книги.—Съ этою славною надеждою остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ и *преданностію*, милостивая государыня матушка вашъ послушнѣйшій сынъ... Хорошъ послушный! скажете вы: 25 рублей взялъ! На это отвѣчаю еще громче—препослушный сынъ В. Жуковскій.

5

Цѣлую ваши ручки, милый другъ матушка. Имѣю честь вамъ доложить, что я слава Богу здоровъ и что надѣюсь черезъ двѣ недѣли васъ увидѣть. Бумаги, касательно до дому, послалъ по вашему приказанію на прошедшей еще почтѣ къ Катеринѣ Аванасьевнѣ; очень радъ, что домъ *) продается. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня завелось очень много денегъ (въ воображеніи) чувствую, что богатѣть очень весело; мнѣ хочется привыкнуть имѣть деньги. Эта болѣзнь имѣетъ свои пріятности, хотя лѣкарствъ отъ нея очень много и хотя я самъ не изъ послѣднихъ лѣкарей. Думаю однако, что мои ближніе не заплакали бы, когда бы я занемогъ богатствомъ и занемогъ *неизлѣчимо*. Пошли мнѣ Господи эту черную немочь! Покуда, скажу вамъ еще разъ, что я здоровъ и здоровъ во всѣхъ отношеніяхъ. Цѣлую ваши ручки. Дай Богъ, чтобъ я нашелъ васъ спокойными, веселыми, здоровыми, и пр. и пр. Вашъ покорный и послушный сынъ В. Жуковскій.

*) Домъ въ Бѣлевѣ.—Мать Жуковскаго скончалась въ 1811 году. П. Б.

ПИСЬМО В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ *).

Ужъ нѣсколько дней, какъ я душевно счастливъ извѣстіемъ, полученнымъ объ васъ, милая, улетѣвшая душа моей здѣшной жизни. Ваше счастье сдѣлалось полнымъ; ваше сердце получило наконецъ то, чего еще ему недоставало: вы мать. Какъ жаль, что вы далеко, что нельзя вамъ обоимъ пожать крѣпко, крѣпко руку и въ этомъ пожатіи передать вамъ всѣ желанія и благословенія вѣрной дружбы. Вчера я обѣдалъ у графини Бобринской; она два раза читала мнѣ прекрасное письмо Лагрене, и у меня наворачивались слезы, и сердце билось, слушая это чтеніе. Въ немъ такая простая правда, оно такъ вѣрно выражаетъ глубокое счастье. Я вижу въ немъ васъ и прежнюю мнѣ знакомую, веселую, живую, острую и добродушную (но уже безъ примѣси Бальзака и ком.) и теперешнюю, образованную годомъ спокойной домашней жизни, глубокими чувствами и мыслями, развитыми исполненіемъ строгаго долга, и сердечнымъ, раздѣленнымъ счастьемъ, которое всегда такъ нравственно-религіозно образуетъ. — Пожалѣйте обо мнѣ: я все это время къ вамъ не писалъ (и не знаю, буду ли писать впередъ); но какъ же многого лишила меня эта неспособность къ постоянной перепискѣ! Вамъ не до меня; вы не можете имѣть никакой во мнѣ необходимости при томъ богатствѣ счастья, какое имѣете. Это не значить, чтобъ я почиталъ себя отъ васъ забытымъ; нѣтъ, я увѣренъ въ вашемъ воспоминаніи; но оно иначе и быть не

можетъ. Для меня же совсѣмъ иное. Ваше отсутствіе сдѣлалось мнѣ какъ-то теперь замѣтнѣе. Я объ этомъ говорилъ вашему брату (который впрочемъ совершенный волкъ, все въ лѣсъ); я просилъ его вамъ сказать, что я спохватился нѣсколько поздно и что моя къ вамъ дружба того и гляди что сдѣлается любовью: такъ мнѣ иногда вы бываете надобны въ моемъ одиночествѣ. Любовь не любовь, а правда то, что безъ васъ я сталъ еще болѣе похожъ на изсохшее дерево; на этомъ сухомъ деревѣ по вашей милости появлялись еще иногда отпрыски; теперь и тѣхъ нѣтъ. Гуляю по свѣту скелетомъ. Но мысль объ васъ меня всегда и веселитъ и трогаетъ. Я воображаю васъ теперь, какою вы стали, какою еще будете: у васъ такъ много запаса. Въ счастливый часъ порылись вы въ лотерейной кубышкѣ жизни, и вамъ вынулся билетъ по желанію. *Вдруг разбогатѣть* прекрасно тому, кто приговоренъ пользоваться богатствомъ: теперь вы можете все свое устраивать по волѣ, по собственному плану. Есть все, что нужно душѣ, но не столько, чтобы она могла облѣниться отъ бездѣйствія и довольства. Счастливъ тотъ, кто можетъ созидать свою жизнь, какъ поэтъ поэму: съ трудомъ, съ напряженіемъ, но по тому именно съ большею сладостью (ибо главная прелесть поэтическаго труда есть самъ трудъ); а не такъ какъ бѣдный педенщикъ, строящій подъ дождемъ и градомъ свою хату, въ которой и послѣ ея построенія будетъ всегда и тѣсно, и темно; или какъ миллионщикъ, за котораго мыслятъ и работаютъ другія головы и, который, войдя въ палаты свои и ни въ чемъ не стараясь видѣть себя, найдетъ во всемъ чужое... Слагайте

*) Печатается съ чернаго подлинника.
И. Б.

вдвоемъ свою поэму, милые друзья. Это подобіе совершенно справедливо: жизнь должна быть поэма. Это не исключаетъ изъ нея ничего существеннаго, вѣдь для поэмы нельзя же обойтись безъ словъ, безъ каракулекъ изображающихъ слова, безъ чернилъ, которыми эти каракульки пишутся, безъ пера, которое часто непріятнымъ образомъ скрипитъ на бумагѣ и которое иногда жуешь съ досады, даже безъ чернильныхъ пятенъ, безъ помарокъ, и проч. Не смотря на это, поэма все поэма: только она... Мысли кипятъ, душа живетъ и возвышается, міръ украшенъ; а вмѣстѣ съ поэтомъ живутъ его жизнью и тѣ, кои его понимаютъ; и при томъ, что онъ выражаетъ словомъ и звукомъ, есть еще въ запасѣ и то, чему нѣтъ выраженія, но что по тому-то и прекрасно. Il n'y a de beau que ce qui n'est pas ¹⁾. А когда поэма дописана..., но basta! — Я читалъ уже въ воображеніи ту милую поэму, которая сочиняется теперь въ Дармштадтѣ блаженными (хотя и не во святыхъ), Феодоромъ и Варварою. Желаю чтобъ они долго не поставили заключительнаго слова: *конецъ*; но когда они поставятъ его, то уже конечно это будетъ: *конецъ и Богу слава!* Простите! Прошу васъ обоихъ не забывать въ цвѣтникѣ своемъ о бѣдномъ сухомъ деревѣ.

ПИСЬМО ГОГОЛЯ КЪ М. П. ПОГОДИНУ. ²⁾

Февраля 20 (1834).

Я получилъ твое письмо еще Февраля 12-го и почти недѣлю промедлилъ отвѣтомъ. Винюсь, прости меня!

¹⁾ Прекрасно только то, чего нѣтъ подъ руками.

²⁾ Съ подлинника, на коемъ не означено года. печатается вполнѣ. И. Б.

Журналъ дѣвиць я потому не послалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ *Земля и Люди*; но я не знаю, отъ чего на меня нашла тоска. Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается! Не съ тѣмъ вдохновенно-полнымъ наслажденіемъ царапаетъ перо бумагу. Едва начинаю, и что нибудь совершу изъ Ист., уже вижу собственные недостатки. То жалю, что не взялъ шире, огромнѣе объему, то вдругъ зидется совершенно новая система и рушитъ старую. Напрасно я увѣрю себя, что это только начало, эскизъ, что оно не нанесетъ пятна мнѣ, что судья у меня одинъ только будетъ и тотъ одинъ другъ. Почему не... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ. До другаго спокойнѣйшаго времени! Я не знаю, отчего я теперь такъ жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу. Но я до сихъ поръ не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не написалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написано на бѣлой, толстой тетради: „Владиміръ 3-ей степени“, и сколько злости, смѣха и соли!... Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда піеса не будетъ играна: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу незаконченное произведеніе?—Мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать

сюжетъ самой невинной, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. Но что комедія безъ правды и злости! И такъ за комедію не могу приняться. Примусь за Исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожки изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскалнвають зубы, и — Исторія къ чорту! И вотъ почему я сижу при лѣни мыслей.

Беттигера я не читалъ на Нѣмецкомъ, прочелъ въ переводѣ. Имѣется ли у него и новая исторія, или только одна древняя? Мнѣ нравится въ ней то, что есть покрайней мѣрѣ хоть нѣсколько вѣрнѣй анатомическій скелеть. У насъ и этого нигдѣ не найдешь. Не будетъ ли еще чего нибудь у васъ историческаго, переведеннаго университетскими. А что Европейская исторія?

Пушкинъ недавно говорилъ о тебѣ съ Государемъ на счетъ Петра и желанія твоего трудиться вмѣстѣ съ нимъ. Государь напередъ желалъ узнать о трудахъ твоихъ, и когда ему вычислили длинный рангъ твоихъ изданій, то онъ тотчасъ согласился, и Пушкинъ говорить, что ты можешь, живя здѣсь или въ Москвѣ, издавать все выкапываемое въ архивахъ и брать за это деньги. Какъ же велико будетъ твое жалованье, это ему еще неизвѣстно.

Крыловъ нигдѣ не попалъ, чтобы напомнить ему за портретъ. Этотъ блюдолизъ, несмотря на то, что породу слонъ, летаетъ, какъ муха по обѣдамъ. Смирдину напоминалъ. Читалъ ли ты Смирдинское Новоселье? Книжище ужасная, человекъ можно уколотить. Для меня она замѣчательна тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбуса: сколько тутъ и подлости, и вони,

и всего. Я слышалъ, у васъ въ Москвѣ Альманахъ составляется и участвуютъ люди такіе, которыхъ статьи непременно будутъ значительны. Будешь ли тамъ? Мнѣ нравится Комета Галлея. Есть что-то чертовски утѣшительное въ минуты нѣкоторыхъ мыслей...

У меня голова страшно забита кучею хлопотъ вчера и сегодня, такъ что я.. я думаю пишу довольно безтолково и спѣшу отправить.

Отъ всей души обнимаю. Остаюсь
Твой Г.

Хотѣлъ было предложить для Исторіи вопросы сильно меня занимавшіе: не разрѣшишь ли, но послѣ. Они требуютъ много бумаги, видишь я... все таки не могу совершенно освободиться отъ Исторіи.

ЧАСТНЫЯ ПИСЬМА

1812 ГОДА

Отъ Маріи Аполлоновны Волковой къ
Варварѣ Ивановѣ Ланской.

1.

11-го Апрѣля 1812 г. Москва.

Вчера мы снова появились въ свѣтъ, на ужинѣ у графини Разумонской: это былъ день ея рожденія. Я слышала у нея Штейбельта, который однако отнюдь не привелъ меня въ восторгъ. Что касается игры, то онъ Фильдова мизинца не стоитъ. При этомъ хвастунъ, всѣхъ презираетъ, лицо у него препротивное и окончательно не понравилось мнѣ. Вотъ какое впечатлѣніе сдѣлалъ на меня вашъ лучшій Петербургскій артистъ. Кромѣ его я слышала братьевъ Бауреръ, изъ которыхъ одинъ играетъ на віолончели, а другой на скрипкѣ. У перваго дѣйствительно премилый

талантъ. Я слушала его съ большимъ удовольствіемъ, не смотря на то, что другъ Ромбергъ избаловалъ мой слухъ. Вечеръ закончили длиннымъ и вовсе не интереснымъ макабъ. Нынче я ѣду ужинать въ небольшомъ обществѣ у г-ни Соллогубъ, которая сидитъ постоянно дома, такъ какъ собирается родить. Мама отправляется на ужинъ къ Апраксиной, и я очень рада, что могу провести вечеръ у Соллогубъ, которая жалуется, что я совсѣмъ у ней не бываю. Мнѣ очень весело въ ея обществѣ.

Говорятъ, что на Пасхѣ въ собраніи будетъ большой праздникъ въ честь статуи Императрицы Екатерины. Если это правда, то я буду имѣть случай обновить мой шифръ.

2.

22 Апрѣля.

Христосъ воскресъ, мой милой другъ. Вчера былъ праздникъ въ собраніи и весьма неудачный. Графъ Мишо очень дурно распорядился, такъ что празднество это своею нелѣпостію вполне соответствовало уродливымъ украшеніямъ залы. Вообрази себѣ тысячу особъ разряженныхъ какъ куклы, которыя ходятъ изъ одного угла въ другой, на подобіе тѣней, не имѣя другаго развлечения кромѣ заунывнаго пѣнія хора, состоящаго изъ 30 человекъ. Не было ни ужина, ни танцевъ, словомъ ничего. Двѣнадцать болвановъ, стоящіе во главѣ нашего бѣднаго собранія, вчера вполне выказали свою глупость. Надѣюсь, что нынѣшній годъ будетъ послѣднимъ годомъ ихъ царствованія. Четырехъ уже смѣнили, и поступившіе на ихъ мѣсто хотятъ начать съ того, что велѣтъ нынѣшнимъ лѣтомъ уничтожить страшныхъ чудовищъ, поставленныхъ въ видѣ украшенія ихъ предшественниками.

Какъ видишь, я весьма неудачно дебютировала съ моимъ шифромъ.

Вотъ тебѣ новость. Камеръ-юнкеръ Мухановъ женится на маленькой княжнѣ Мещерской, племянницѣ графини

Головкиной, которая слѣдовательно приходится тебѣ сродни.

3.

29 Апрѣля.

Нынче вечеромъ Пушкина выходитъ замужъ за Гагарина*). Мама, въ качествѣ тетки жениха, будетъ присутствовать на свадьбѣ, которая будетъ пышная и великолѣпная на подобіе свадьбы, которыя праздновали 50 лѣтъ тому назадъ. Пушкина**) непременно хочетъ показать всѣ кружева, купленные ею въ приданое дочери, и ради этого наши маменьки должны подчиниться несносному этикету. Къ счастью моему я исключена изъ этого праздника, чѣмъ и воспользуюсь, чтобы провести вечеръ у г-ни Соллогубъ, которая еле двигается; она жестоко обсчиталась, предполагая, что родитъ въ концѣ Марта.

Графиня С-тъ При, пріѣхавшая изъ Каменецъ-Подольска, распустила слухъ о моей свадьбѣ съ герцогомъ де-Грамонъ. отцомъ г-жи Давыдовой. Когда это извѣстіе, облетѣвъ всю Москву, дошло до меня, я отъ души посмѣялась. Впрочемъ я понимаю, въ чемъ дѣло. Герцогъ въ родствѣ съ семействомъ Полиньякъ. Фамилии перепутали и произвели меня въ герцогини. Что за страсть прискивать мнѣ жениховъ!

4.

6 Мая.

У насъ нѣтъ другихъ новостей кромѣ дуэли Мордвинова съ Шатиловымъ, (въ которой первый велъ себя прескверно, а послѣдній былъ раненъ), и еще свадьбы Даши Нащокиной съ Бахметьевымъ, котораго здѣсь мало знаютъ, но извѣстно, что у него прекрасное состояніе.

У Гудовичъ родился сынъ. Всѣ наши дамы беременны. Нынѣшнее лѣто акушерки зарабатываютъ много денегъ.

*) Варвара Михайловна за кн. Сергія Ивановича — родители Ивана Серг. Гагарина. П. Б.

**) Наталья Абрамовна, ур. кн. Волконская. мать невесты.

5.

9-го Мая.

Мени очень разсмѣшило все что ты писала про Марію Гагарину. *) Родные ея говорятъ, что она скоро вернется сюда. Будь увѣрена, что мы ее прочувимъ; она должна будетъ измѣнить свое обращеніе: иначе ей придется всюду быть одной или сидѣть дома. Она принуждена будетъ сдѣлаться обходительницею, чтобы ей не приходилось на балѣ весь вечеръ не покидать своего кресла. Впрочемъ мнѣ бы хотѣлось, чтобы она на первыхъ порахъ выказала свою снѣсь; мнѣ желательно видѣть, какой она придастъ ей видъ. Она и безъ того далеко не красива собой.

6.

13-го Мая.

Я вовсе не знаю молодую Мещерскую, женихъ же ея совершенный блухъ. Въ началѣ зимы мы имѣли удовольствіе видѣть его почти на всѣхъ нашихъ вечерахъ, и онъ постоянно служилъ предметомъ насмѣшекъ. Особенно потѣшались надъ нимъ братъ мой Николай и Олсуфьевъ; однако, не смотря на свою глупость, онъ дѣлаетъ прекрасную партію. Истинная правда, что дураки самые счастливые люди на свѣтѣ.

Отправляюсь на балъ къ г. Архарову; онъ цѣлѣе имянинникъ. Много будетъ народу, много шуму и по всей фронтности мало удовольствія.

Пренія въ собраніи окончились смѣшною всѣхъ прежнихъ старшинъ. Нovýchъ выбрали изъ числа, самыхъ почтенныхъ, уважаемыхъ и извѣстныхъ въ городѣ лицъ. Толстый графъ Мишо пришелъ въ такую ярость, что даже жаловался брату своему. Послѣдній похорохорился, надѣясь этимъ помѣшать высказаться всеобщему неудовольствію; но, по своей неловкости, навлекъ лишь себѣ непріятности и рѣшился сидѣть смѣрно, предоставляя дворянству дѣйствовать, какъ ему вздумается.

*) Урожденную гр. Бобринскую?

7.

18-го Мая.

Если ты хочешь знать Московскія новости, скажу тебѣ, что сосѣдка наша Соковнина при смерти вслѣдствіе родовъ. Соллогубъ родила сына *). Вотъ недѣля, какъ я не видала Вяземскихъ. И мужъ и жена оба больны. На нашихъ вечерахъ постоянно бывало много гостей, такъ какъ изъ всѣхъ знакомыхъ домовъ только въ одномъ нашемъ аккуртно принимаютъ каждый день. — Нынѣшній годъ мы первые уѣзжаемъ въ деревню, къ великому неудовольствію нашихъ ежедневныхъ посѣтителей. Даже Апраксина, не смотря на свою гордость и богатство, сознается, что не знаетъ куда ей дѣться на будущей недѣлѣ, такъ какъ она привыкла ужинать у насъ каждый Божій день.

Изъ этого ты можешь заключить, дружокъ, что мы играемъ маленькую роль и кое-что значимъ для нѣкоторой частицы Московскихъ жителей.

8.

Высокое, 26 Мая.

Мы уже повпдались со всѣми сосѣдами. Нынче ждемъ къ ужину Сеймоновыхъ, Соловую и Левашеву. Въ концѣ недѣли прѣдетъ дядя Кошелевъ. Тогда я не вѣдаю, что съ нами станется, такъ какъ при немъ все и всѣ подчиняются его волѣ. Мать моя съ дѣтства воспитывалась въ его домѣ и почитаетъ его какъ отца; потому когда онъ бываетъ у насъ, то его воля служитъ закономъ для всѣхъ. Со смерти отца онъ всегда былъ защитникомъ и благодѣтелемъ нашей семьи.

9.

1 Юня.

Соллогубъ родила въ день нашего отъѣзда изъ Москвы. — Желая имѣть изъ

*) Графа Владиміра Александровича?

вѣстія о ея здоровьи, я писала ей послѣ девяти дней. Сегодня получила отъ нея письмо, въ которомъ она говоритъ мнѣ, что она и сынокъ ея здоровы, и что Московскіе обитатели ломаютъ себѣ голову, стараясь отгадать, кого назначать на мѣсто друга твоего Гудовича, который, получивъ отставку, отправляется въ имѣніе свое въ Малороссію, гдѣ и намѣренъ поселиться.

Ты вѣрно уже слышала, что сосѣдка наша Соковнина умерла отъ послѣдствій апоплексическаго удара. Мужъ ея въ отчаяніи. Она оставила трехъ дочерей, изъ которыхъ старшей четыре года.

10.

7 Юня.

Вообрази, Растопчинъ нашъ Московскій властелинъ! Мнѣ любопытно взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. Тотъ онъ будетъ гордо выступать теперь! Куріозно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ. Для меня всегда было непонятно твое высокое о немъ мнѣніе, котораго я вовсе не раздѣляю. Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ. Извини, что я на него нападаю; но вѣдь тебѣ известно, что онъ никогда для меня не былъ героемъ ни въ какомъ отношеніи. Я не признаю въ немъ даже и авторскаго таланта. Помнишь, какъ мы вмѣстѣ читали его знаменитыя творенія.

11.

14 Юня.

Пріѣздъ дяди разстроилъ порядокъ моихъ занятій. Знаешь ли, что я на-

чинаю привыкать къ дядѣ; я даже не разъ пускалась съ имъ спорить. Въ будущую среду мы должны быть въ Москвѣ, чтобы свидѣться съ семействомъ Вельгорскихъ.

Мнѣ интересно знать подробности перевода Дмитрія Донскаго на Французскій языкъ. Признаюсь, я не высокаго мнѣнія объ этомъ произведеніи.

12.

Москва, 24 Юня.

Вотъ я снова въ Москвѣ, мой милый другъ. Я познакомилась съ моею невѣсткой *) и со всѣмъ ея семействомъ. Они всѣ очень пріятные люди. Жена Михаила Вельгорскаго **) болѣе дити, нежели обыкновенно бываютъ въ ея годы; но она такъ мила, такъ старается всѣмъ угодить, что невольно находишь прелесть въ ея наивности. Пока я еще не могу произнести опредѣленнаго сужденія о моей будущей невѣсткѣ, Дашѣ. Она исключительно занята моимъ братомъ. Впрочемъ, изъ всего что замѣчаю, я вывожу заключеніе общающее много хорошаго въ будущемъ. Надѣюсь, что я близко сойду съ нею.

Мы дожили до такой минуты, когда исключая дѣтей никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Намъ, быть можетъ, ожидаетъ страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе Его несповѣдимымъ приговорамъ—единственнымъ чувства могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! Предстоящая война причиняетъ мнѣ много безпокойствъ. Нынче писали къ Сев-При, прося его взять къ себѣ брата моего Николая въ адъютанты. Съ минуты пріѣзда моего сюда я не слышу другаго разговора, какъ о войнѣ.

*) Сестра гр. Вельгорскихъ Дарья Юрьевна вышла за Сергѣя Аполлоновича Волкова, брата писавшей эти письма.

**) Луиза Карловна ур. принцесса Биронъ.

Я каждый день выдаюсь съ семействомъ Вельгорскихъ, даже съ Іосифомъ, который пересталъ дичиться и рѣшился появляться въ обществѣ. Я также часто видала Софью Оболенскую, но теперь она на недѣлю уѣхала въ деревню. Третьяго дни вечеромъ у насъ былъ Растопчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ удры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть можетъ потому, что все новое нравится; впрочемъ, я никогда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала. Остается знать, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Вчера я провела день въ Царицынѣ. Въ субботу я опять отправляюсь туда, такъ какъ это будетъ день именинъ дяди Валуева, и по всей вѣроятности тамъ соберется весь городъ. Мнѣ также предстоитъ ѣхать въ Петровское къ гр. Разумовскому, чтобы быть представленной сестрѣ его г-жѣ Загряжской.

Дядя мой Кошелевъ не любитъ долго сидѣть по вечерамъ, и потому мы вечеромъ никого не принимаемъ кромѣ Вельгорскихъ.

Поговорю съ тобой о трехъ жалкихъ парочкахъ: о Гагариныхъ и Соллогубъ. Князь Н. въ то время, какъ мы были въ деревнѣ, давалъ ужины, на которые истратилъ 120 тысячъ рублей. Жена его ужасно безумствуетъ, но нельзя не пожалѣть о ней, видя, какъ мало мужъ обращаетъ на нее вниманія. Правда, что сама-то она мало это замѣчаетъ и совершенно бываетъ довольна, говоря о своей беременности и о 70 тысячахъ мужнина дохода. Но, ежели мужъ ея будетъ продолжать играть, то она лишится удовольствія хватать своимъ богатствомъ. Гагарины тоже достойны сожалѣнія. Кн. Андрей рѣшается отправиться въ походъ и предоставляетъ женѣ справиться съ родами какъ знаетъ. Онъ да П. развратили Соллогуба, который, будучи не дальняго ума, быть можетъ

не вдался бы въ излишества, если бы эти господа не увлекли его. О женѣ его жалѣешь болѣе чѣмъ о другихъ, такъ какъ съ ея умомъ, тактомъ и вообще умѣніемъ держать себя ей должно казаться невыносимымъ все что ей приходится видѣть.

Это общество мужей - холостяковъ устроило за городомъ пикники, на которые дамъ не приглашаютъ, а на мѣсто ихъ берутъ Цыганокъ, карты и вообще не стѣсняются. Спрашиваю тебя, каково видѣть это женщинѣ, у которой есть хотя сколько нибудь чувства. Н. слишкомъ глупа и безалаберна, а Гагарина слишкомъ молода, чтобы видѣть вещи въ надлежащемъ свѣтѣ. Одна Соллогубъ все понимаетъ. Я ее застала съ опухшими глазами; она призналась мнѣ, что плакала, не говоря причины, но я готова пари держать, что толстый графъ причина ея слезъ. Меня приводятъ въ негодованіе подобныя вещи. Спрашивается, какъ же не бояться замужества, имѣя подобные примѣры передъ глазами.

Свадьба моего брата назначена 5-го Іюля.

13.

1 Іюля, Москва

Ты вѣроятно тревожишься о своемъ братѣ и потому не пишешь мнѣ, милый другъ.

Мы здѣсь всѣ грустны и приуныли. Я нахожусь въ постоянномъ страхѣ. До сихъ поръ до насъ доходятъ лишь ложные слухи. Въ Москвѣ говорятъ, что Французовъ побили разъ пять или шесть. Хорошо бы, если бы мы въ дѣйствительности одержали хотя одну побѣду, тогда бы мы скоро отдѣлились отъ жестокаго врага человечества. Слѣдуетъ желать, чтобы въ настоящемъ случаѣ оправдалась Русская пословица: Гласъ народа гласъ Божій. Въ настоящее время я чувствую болѣе чѣмъ когда либо, какое счастье не быть лишенною вѣры въ Провидѣніе: она не даетъ впадать въ отчаяніе, что непременно случилось

бы, если бы полагались на силы и геній жалкаго человѣчества.

Въ пятницу вечеромъ, мы были въ гостяхъ у гр. Растопчиной, которая плѣнила меня. До сихъ поръ я видала ее лишь вскользь и потому не могла о ней судить. Но этотъ разъ, заставъ ее одну, мы съ мамою просидѣли у нея довольно долго, и я была въ восторгѣ отъ ея бесѣды. Она мнѣ нравится въ миллионъ разъ болѣе мужа своего, который тоже выходилъ къ намъ; онъ ужасно теряетъ при сравненіи съ женою. Впрочемъ до сихъ поръ имъ очень довольны въ нашей доброй Москвѣ. Онъ очень дѣятеленъ, справедливъ и если не измѣнится, то его очень полюбить здѣсь.

Въ субботу, въ Петровъ день, дядя Валуевъ былъ имяинникъ, и я обѣдала у него въ Царицынѣ. Было множество гостей. Вчера я ужинала въ Петровскомъ у Разумовскихъ. Кромѣ насъ гостей никого не было, такъ что я свободно могла наблюдать за сестрой графа, г-ой Загряжской, о которой я постоянно слышала разговоры, съ тѣхъ поръ какъ себя помню и которую мнѣ вчера пришлось видѣть въ первый разъ. Недоставало четвертаго партнера, и меня усадили играть въ бостонъ съ ней, съ Апраксиной и съ самимъ графомъ Львомъ. Это три особы нисколько не похожія другъ на друга, но всѣ они такъ любезны, что я съ удовольствіемъ играла съ ними въ скучнѣйшую игру, которую я очень плохо знаю.

14.

8-го Іюля.

Тебѣ интересно знать мое мнѣніе о семействѣ Вильгорскихъ. Вотъ три недѣли, какъ я вижу съ ними съ утра до вечера и потому могу судить о нихъ. Жена В. премилый ребенокъ, но не болѣе какъ ребенокъ, котораго необходимо руководить; ей нужно давать совѣты, сдерживать ее подъ часъ, такъ какъ у нея довольно упрямый характерецъ; я замѣчаю, что въ семействѣ о ней имѣютъ мнѣніе одинаковое съ мо-

имъ. Мужъ ея добрѣйшій изъ людей, но безхарактерный; ему не справиться съ ней, тѣмъ болѣе. что онъ даетъ вертѣть собой какъ угодно, почти всегда исполняетъ волю Катиши, и я ему предсказываю, что черезъ два или три года онъ постоянно будетъ плясать по ея дудкѣ. Впрочемъ она очень мила и въ обществѣ весьма пріятна. Что же касается до ея ребячества, не могу дать тебѣ лучшаго обрашника его, какъ разсказавъ, что она понять не можетъ, почему настоящая война всѣхъ интересуетъ. Я изъ силъ бьюсь, объясняя ей, что отъ этого зависитъ общее спокойствіе; слова мои даромъ пропадаютъ: она гораздо болѣе думаетъ о кружевахъ и тряпкахъ, нежели о судьбѣ страны, въ которой живетъ. На первыхъ порахъ я примѣтила въ ней желаніе разыгрывать Петербургскую барыню, (впрочемъ со мной она всегда очень вѣжлива) въ отношеніи нѣкоторыхъ особъ, которыхъ она даже оттолкнула своимъ обращеніемъ. Третьяго дня, оставшись одна съ ней и Дашей, я начала разговоръ о томъ, какое непріятное впечатлѣніе производитъ важничанье особъ, пріѣзжающихъ изъ Петербурга. Я говорила вообще, никого не называя и потому свободно могла высказывать, до чего это кажется смѣшно намъ Москвичамъ. Я прибавила, что такія особы обыкновенно бываютъ всѣми покинуты, такъ какъ у насъ не любятъ тѣхъ, кто высоко задираетъ носъ.

Мы очень хорошо знаемъ, что говорится про насъ въ Питерѣ; но такъ какъ это не мѣшаетъ ни нашему счастью, ни спокойствію, ни удовольствіямъ, то мы мало обращаемъ вниманія на то, что объ насъ говорятъ. Но, коль скоро попадаютъ въ наше общество, мы хотимъ, чтобы дѣйствовали по нашему. Катиша раздѣлила мое мнѣніе, и до сихъ поръ мы съ ней большіе друзья. Что касается Даши, она такъ кротка, такъ добра, что такого рода мысли ей и въ голову не приходятъ. Изъ младшихъ братьевъ я больше всѣхъ

люблю Матвѣя. Іосифъ слишкомъ дикъ. Впрочемъ теперь онъ болѣе общителенъ; прежде, говорятъ, онъ кромѣ какъ съ своей сестрой ни съ одной женщиной не разговаривалъ. Самый младшій премилый. Вообще все семейство препріятное; они всѣ дружны между собою, что такъ рѣдко встрѣчаешь въ нашемъ вѣкѣ. Мари Гагарина уже пріѣхала. Я не берусь ее вразумлять; пусть надъ этимъ потрудится ея мужъ. Онъ, говорятъ, собирается увести ее на нѣкоторое время въ дальнее имѣніе къ матери своей. Сердца, умъ и глаза устремлены у всѣхъ на берега Двины. Только объ этомъ и говорятъ.

15.

15-го Іюля.

Въ теченіи прошлой недѣли я столько видѣла, слышала и почувствовала, что при всемъ моемъ желаніи, милый другъ, я не могу передать тебѣ словами всего мной испытаннаго въ послѣднее время. Я всегда была того мнѣнія, что не должно слишкомъ заботиться о будущемъ; намъ сказано: довольно для каждаго дня своей заботы. Никогда я такъ живо не чувствовала справедливости сихъ словъ, какъ въ настоящее время. Что Богу угодно, то и случится, говорю я себѣ, не дѣлаю никакихъ предположеній и лишь стараюсь какъ можно полезнѣе проводить время, которымъ могу располагать. Въ понедѣльникъ была свадьба брата. Во вторникъ и среду у насъ были семейные обѣды, и въ среду же вечеромъ дяди и братъ Николай отправились въ имѣніе въ Смоленскую губернію. Черезъ два часа по пхъ отъѣздѣ, мы получили извѣстіе о прибытіи Государи Императора. Его ожидали въ четвергъ, вечеромъ, и все дворянство собралось въ Кремль. Его Величество прибылъ ночью. Его Высочество, Великій Князь тоже здѣсь со вчерашняго дня. Никто навѣрное не знаетъ, сколько времени они пробудутъ и куда отправятся отсюда. Я нивразу не была ни при дворѣ, ни въ соборѣ, и никуда мнѣ не хотетъ

ся: много охотницъ и безъ меня. Соборъ всегда набитъ здѣшними барынями. Пусть такъ, а мнѣ дома покойнѣе. Государю и искренно, отъ души желаю всякаго счастья и молиться за него всегда и вездѣ готова, что и могу дѣлать въ другихъ церквахъ; но толкаться, лѣзть въ толпу и духоту не вижу никакой нужды. Матвѣй Вельгор. вступилъ въ козацкій полкъ, сформированный кн. Оболенскимъ; туда, въ качествѣ офицеровъ, принимаютъ лишь молодыхъ людей, имѣющихъ какой либо гражданскій чинъ. Все семейство Архаровыхъ здѣсь, но я еще съ нимъ не видалась. Не до визитовъ.

16.

22-го Іюля.

Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра будемъ Богъ знаетъ гдѣ. Я много ожидаю отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побпла камнями одного Нѣмца, принявъ его за Француза. Здѣсь принимаютъ важныя мѣры для сопротивленія въ случаѣ необходимости; но до чего будемъ мы несчастны въ ту пору, когда намъ придется прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ. Все въ рукахъ Божіихъ, слѣд. пока зло не совершилось, мы не должны отчаяваться и сомнѣваться въ Божіемъ милосердіи.

Въ Москвѣ не остается ни одного мушкетера: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ. Сколько трауровъ, слезъ! Бѣдная Муханова, рожденная Олсуфьева, лишилась мужа. Несчастный молодой человекъ уцѣлѣлъ въ дѣлѣ Ржевскаго, выказавъ храбрость, такъ что о немъ представляли кн. Багратиону; но въ тотъ же вечеръ онъ отправился на рекогносцировку, одѣтый въ Французскій мундиръ и былъ смертельно раненъ козакомъ, принявшимъ его за непріятеля. Послѣ этого онъ прожилъ нѣсколь-

ко дней и скончался на рукахъ шурина своего, который прибылъ сюда два дня тому назадъ, чтобы сообщить грустное извѣстіе матери и сестрѣ. Последняя лишилась также дочери, которую сама хоронила.

17.

29 Июля.

Мы все тревожимся. Лишь чуть ожидать насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что либо устрашающее. Признаюсь, что ежели въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, за то нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ рассказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось, что это выдумка. Нынче утромъ дошла до насъ вѣсть о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой рассказываетъ гр. Раstopчпнъ, и между тѣмъ никто не смѣетъ вѣрить. Къ тому же побѣда эта можетъ быть полезна вамъ, жителямъ Петербурга; мы же Москвичи остаемся по прежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи. Что относится до выборовъ и приготовленій всякаго рода, скажу тебѣ, что здѣсь происходятъ такія же нелѣпости какъ и у васъ. Я нахожу, что всѣхъ одолѣлъ духъ заблужденія. Все что мы видимъ, что ежедневно происходитъ передъ нашими глазами, а также и положеніе, въ которомъ мы находимся, можетъ послужить намъ хорошимъ урокомъ, лишь бы мы захотѣли имъ воспользоваться. Но къ несчастію этого-то желанія я ни въ комъ не вижу, и признаюсь тебѣ, что расположеніе къ постоянному ослѣпленію устрашаетъ меня болѣе, нежели сами непріатели. Богу все возможно. Онъ можетъ сдѣлать, чтобы мы испо видѣли; объ этомъ-то и должно молиться изъ глубины души, такъ какъ суеверство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны Французовъ.

18.

5 Августа.

Мы съ мамо пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога. Мнѣ вполне понятно твое безпокойство о нашемъ родномъ городѣ. Будемъ надѣяться, что въ немъ есть люди, коихъ молитвы дойдутъ до Всевышняго и спасутъ всѣхъ насъ. Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, если бы описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ, и даже въ разныхъ губерніяхъ.

Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а Французы отступаютъ, Москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ. А между тѣмъ вѣсти не слышкомъ утѣшительны, особенно какъ вспомнишь, что мы три недѣли жили среди волненій и въ постоянномъ страхѣ. Въ прошлый вторникъ пришло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ и объ удачахъ, которыя имѣли Платовъ и графъ Паленъ. Мы отложили нашу побѣзду въ деревню, узнавъ, что тамъ происходитъ наборъ ратниковъ. Тяжелое время въ деревняхъ, даже когда на 100 человекъ одного берутъ въ солдаты и въ ту пору, когда окончены полевые работы. Представь же, что это должно быть теперь, когда такое множество несчастныхъ отрывается отъ сохи. Мужики не ропщутъ, напротивъ говорятъ, что они всѣ охотно пойдутъ на враговъ и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ отчаяніи, страшно стонуть и вопять, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ раздражающихъ душу. Мама получила отвѣтъ отъ С-шъ При: онъ съ удовольствіемъ принимаетъ на службу брата моего Николая. Придется разстаться съ

милымъ братомъ; еще прибавится горе и новое безпокойство!

Каждый день къ намъ привозятъ раненныхъ. Андрей Ефимовичъ опасно раненъ, такъ что не будетъ владѣть одной рукой. У Татищева, который служитъ въ Коммисаріатѣ и слѣдовательно находится во главѣ всѣхъ госпиталей, не достало корпіи, и онъ просилъ всѣхъ своихъ знакомыхъ паготовить ему корпію. Меня первую засадили за работу, такъ какъ я ближайшая его родственница, и я работаю цѣлые дни. Масло въ искалъ смерти и былъ убитъ въ одной изъ первыхъ стычекъ; люди его вернулись. Здѣсь также нѣсколько гусарскихъ офицеровъ, два или три пѣхотныхъ полковника; всѣ они изуродованы. Сердце обливаеся кровью, когда только и видишь раненныхъ, только и слышишь что объ нихъ. Какъ часто ни повторяются подобные слухи и сцены, а все нельзя съ ними свыкнуться.

Соллогубы совершенно разорены. Всѣ имѣнія графа находятся въ Бѣлоруссіи между Могилевымъ и Витебскомъ. Сама посуди, въ какомъ видѣ онѣ должны быть теперь. Бѣдную Соллогубъ ужасно жалко. Она выдана за мужа, въ расчетъ, что у мужа ея будетъ 6,000 душъ крестьянъ, и вотъ теперь у нихъ у обоихъ всего 6,000 рублей дохода; правда, ей еще кое-что достанется, но лишь по смерти матери. У Толстаго, женатаго на Кутузовой, восемь человѣкъ дѣтей, и вообрази, что изъ 6,000 душъ у него осталось всего триста душъ въ Рязанской губерніи, такъ какъ его имѣнія тоже въ Бѣлоруссіи. Какъ ни вооружайся храбростью, а слыша съ утра до вечера лишь о траурахъ да о раззореніи, невозможно не огорчаться и не принимать къ сердцу всего, что видишь и слышишь.

19.

12 Августа.

Душевно рада, милый другъ, что вы отчасти успокоились; что же касается до насъ, мы тревожимся болѣе, чѣмъ ког-

да либо п готовы рѣшиться на все, лишь бы избѣжать ужасной участи, которую намъ готовятъ. Молл Бога, милый другъ, чтобы Онъ простилъ тѣхъ несчастныхъ, которые продаютъ свое Отечество. Вотъ все что могу сказать тебѣ касательно положенія, въ которомъ мы находимся. Я не смѣю сказать тебѣ, что мы предвидимъ въ будущемъ, ежели Господь не сжалятся надъ нами и не пошлетъ намъ неожиданной помощи.

Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобой въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что и твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы спискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдин одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебень Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому готовится поступить на службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины! Я сама теперь ежеминутно готова плакать, съ трудомъ удерживаю слезы и иногда поддаюсь этой слабости человѣческой. Если черезъ недѣлю ты не получишь отъ меня другого письма, значить меня уже не будетъ въ Москвѣ. Куда мы поѣдемъ, не знаю, а равно не вѣдаю, какимъ образомъ буду получать твои письма и сама писать къ тебѣ.

Объявляю тебѣ, что я волюнъ раздѣляю имѣніе твоего мужа о г-жѣ Сталь. Она недѣлю пробыла въ Москвѣ, бывала въ знакомыхъ мнѣ домахъ, и я не имѣла ни малѣйшаго желанія видѣть ее и ни чуть не искала встрѣтиться съ нею. Что же она сдѣлала такого прекраснаго, чтобы возбуждать восторгъ? Сочиненія ея безбожны и безнравственны или безалаберны (ex travaganies): послѣднія по моему лучше, по крайней мѣрѣ онѣ нико-го не совратятъ съ истиннаго пути. Свѣтъ

погибъ именно потому, что люди думали и чувствовали такъ, какъ эта женщина. Я почти того же мнѣнія о Коцебу. Правда, они оба извѣстные писатели: но, признаюсь, не стоятъ того, чтобы ими восхищались.

Сю минуто узнала, что Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ. Поблагодаримъ Бога за Его милосердіе и будемъ усердно молиться о будущемъ.

20.

15 Августа.

По всему видно, что намъ приходится поплатиться за безразсудство двухъ нашихъ главнокомандующихъ и за несогласіе, возникшее между ними вслѣдствіе новаго порядка, отмѣнившаго старшинство по службѣ и уничтожившаго всякое подчиненіе между генералами. Платовъ, старшій изъ нихъ по службѣ, находится подъ командою у двухъ главнокомандующихъ; а Барклай, который по службѣ моложе Платова, Багратіона и двѣнадцати генералъ-лейтенантовъ, которые у него подъ командою, завѣдуетъ всѣмъ войскомъ и такъ себя ведетъ, что возбудилъ къ себѣ общую ненависть. Если такъ легко было нашему доброму Царю уничтожить порядокъ, существовавшій изъ-поконъ-вѣку, съ другой стороны не легко будетъ нашимъ генераламъ свыкнуться съ порядкомъ, по которому вчерашній начальникъ сегодня поступаетъ подъ команду къ своему подчиненному. Такія правила невыносимы для насъ Русскихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ взяты у Французовъ. Негодни, продавшіе себя Наполеону, не имѣютъ у насъ вліянія надъ войскомъ, и потому неудивительно, что оно отвергаетъ нововведенія тѣхъ злодѣевъ, которые исключительно овладѣли умомъ нашего бѣднаго Монарха. Дѣло въ томъ, что такъ какъ отдѣльные корпуса дѣйствовали несогласно и каждый хотѣлъ дѣлать по своему, то мы и потерпѣли страшное пораженіе подъ Смоленскомъ. Французы провели нашихъ какъ простаковъ. Была бы возможность поправить дѣло, еслибы другъ

другу помогали или бы нашелся человѣкъ, который, заботясь обо всѣхъ, никого не обрекалъ бы на неизбѣжную жертву. Но дѣло повели такимъ образомъ, что городъ, который въ состояніи былъ сопротивляться шесть мѣсяцевъ, взятъ въ три дня, и вотъ теперь наше войско и Французы въ 300 верстахъ отъ Москвы, и оба войска на разстояніи 7 верстъ другъ отъ друга. Теперь тебѣ должно быть ясно, почему мы такъ радуемся назначенію Кутузова. Онъ одинъ будетъ начальствовать, и въ его интересѣ заставить всѣхъ одинаково хорошо дѣйствовать. Въ послѣднемъ дѣлѣ очень обвиняютъ Багратіона, который, желая присвоить себѣ славу освобожденія Могилева, отнялъ защиту у Смоленска съ одной стороны, а Барклай сдѣлалъ тоже съ другой стороны города, такъ какъ ему нужно было вести войско на Витебскъ. Французы воспользовались оплошностью и ударили въ центръ. Ихъ было 100,000 подъ начальствомъ Наполеона противъ 30,000 нашихъ, которые три дня сопротивлялись и разбили бы ихъ, еслибы получили поддержку. Но, такъ какъ у насъ въ войскѣ принято дѣйствовать по Русской пословицѣ: „Каждый за себя, а Богъ за всѣхъ“, то этихъ несчастныхъ кинули на произволь судьбы. Когда Французы подожгли Смоленскъ, наши принуждены были удалиться; по крайней мѣрѣ они могутъ смѣло сказать (таково общее мнѣніе), что заслужили безсмертную славу. И точно, они выказали геройскую храбрость. Грустнѣе всего для насъ убѣжденіе, что причиною несчастья была измѣна одного извѣстнаго бездѣльника, служащаго у Барклая. Огрядъ корпуса сего послѣдняго отбилъ багажъ маршала Нея, и въ его бумагахъ нашелся новый планъ, который уже былъ представленъ Наполеону. Еще никого не называютъ, но подозрѣніе падаетъ на адъютанта Государева Вольцогена. Вотъ тебѣ всѣ новости изъ арміи. Ты можешь ихъ считать достоверными, такъ какъ я съ утра до вечера вижу съ людьми, находящимися въ слу-

жебныхъ сношеніяхъ съ арміей. Къ тому же и главная квартира близко отъ насъ, въ Дорогобужѣ, въ 20 верстахъ отъ огромнаго имѣнія дяди Кошелева. Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне этого имѣнія. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи. Какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ раззоренія, въ случаѣ, ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу. Надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ мамѣ, что они бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока Французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видѣть, что злодѣи въ родѣ Балашова и Аракчеева продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ ненавидятъ въ Петербургѣ также какъ и въ Москвѣ, то имъ не сдобровать въ послѣдствіи. Растончинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадіи. Онъ выслалъ отсюда Ключарева, почти директора и одного изъ его помощниковъ Дружинина, которые находились въ близкихъ сношеніяхъ съ Сперанскимъ. Растончинъ перехватилъ переписку Ключарева, весьма подозрительнаго свойства. Кромѣ того ежедневно ловятъ Французскихъ шпионовъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить пофранцузски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить пофранцузски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпионовъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже ловили Французовъ одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихъ поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона, словомъ смущавшихъ народъ.

Вчера мы простились съ братомъ и его женой. Они поспѣшили уѣхать, пока еще есть возможность достать лошадей, такъ какъ у нихъ нѣтъ своихъ. Чтобы проѣхать 30 верстъ до имѣнія Вильгорскихъ, имъ пришлось запла-

тить 450 рублей за девять лошадей. Въ городѣ почти не осталось лошадей, и окрестности Москвы могли бы послужить живописцу образцомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы и направляются однѣ въ Рязань, другія въ Нижній и Ярославль. Какъ имъ ни горько оставить Москву съ мыслию, что, быть можетъ, никогда болѣе не увижу ея, но я рада буду уѣхать, чтобы не слышать и не видать всего, что здѣсь происходитъ.

21.

Рязань, 20 Августа.

Почти два часа какъ мы пріѣхали въ Рязань. Я узнала, что завтра идетъ почта въ Москву и пользуюсь случаемъ, чтобы написать тебѣ, дорогой другъ. Скрывая сердце, переѣзжаю я изъ одной губерніи въ другую, ничего не хочу ни видѣть, ни слышать. 16-го числа нынѣшняго мѣсяца выѣхала я изъ родного, милаго города нашего. Сутки пробыли мы въ Коломнѣ, думаемъ пробыть здѣсь завтрашній день, а потомъ отправимся въ Тамбовъ, гдѣ поселимся въ ожиданіи исхода настоящихъ событий. Мы ѣдемъ благополучно, но ужасно медленно двигаемся, такъ какъ не перемѣняемъ лошадей. Вездѣ по дорогѣ встрѣчаемъ мы только что набранныхъ солдатъ, настоящихъ рекрутовъ, и города въ центрѣ страны имѣютъ совершенно военный видъ. Не могу выразить тебѣ, какое непріятное впечатлѣніе все это производитъ на меня. Въ особенности беспокоитъ насъ, что, отдаляясь отъ Москвы, мы лишаемся возможности получать извѣстія. Съ пятницы мы рѣшительно ничего не слышали и не знаемъ, что дѣлаетъ армія. Намъ предстоитъ пробыть въ невѣдѣніи еще съ недѣлю. Хорошо бы было услышать добрыя вѣсти! Я смертельно тоскую, но здорова. Изъ четырехъ ночей я лишь одну спала какъ слѣдуетъ и, не смотря на то, не чувствую усталости. Не буду

разсказывать тебѣ, какъ мы разставались съ матушкой-Москвой. Дай Богъ, чтобы никогда болѣе не пришлось мнѣ испытать что либо подобное. Бываютъ до того горькія минуты, что о нихъ тяжело вспоминать. Прощай, мой милый другъ; въ настоящее время я не желаю другого счастья какъ только снова увидѣть Московскія стѣны.

22.

Тамбовъ, 27 Августа.

Вотъ уже шесть часовъ какъ я въ Тамбовѣ, милый другъ. Пятидневное путешествіе наше было весьма неприятное; наконецъ мы дотащились сюда и намѣрены здѣсь ожидать рѣшенія нашей участи. Если матушка-Москва счастливо вырвется изъ когтей чудовища, мы вернемся; а ежели погибнетъ родимый городъ, то отправимся въ Саратовское наше имѣніе. Не могу выразить тебѣ, до чего у меня сжимается сердце при этой мысли. Въ Рязани мы нашли семейство Кологривыхъ; они третью недѣлю живутъ тамъ по дѣламъ. Хотя мы никогда съ ними не были дружны, а въ нынѣшнемъ году у насъ даже много было причинъ для ссоры; но, узнавъ, что мы пріѣхали изъ Москвы, они явились узнать что новаго, любопытство взяло верхъ; сами же они насажали намъ такое множество грустныхъ новостей, что у насъ чуть голова не закружилась. Подъ этимъ впечатлѣніемъ мы выѣхали изъ Рязани. Погода была дурная; ѣхавъ все на однихъ лошадяхъ, мы принуждены были останавливаться въ теченіи пяти съ половиной дней. Не можешь себѣ представить, чего мы натерѣлись на грязныхъ станціяхъ. Самая плохая лачужка въ окрестностяхъ Москвы—дворецъ въ сравненіи съ здѣшними избами. Намъ приходилось спдѣть среди кошекъ, свиней, телятъ, куръ; мы задыхались отъ дыму; блохи, тараканы и всевозможныя насѣкомыя не давали намъ покою. Все это конечно не могло насъ

развеселить. Мы только отдохнули въ Козловѣ, красивомъ городкѣ Тамбовской губерніи. Тутъ услышали мы пріятныя вѣсти: впоследствии онѣ оказались ложными, но на минуту онѣ насъ успокоили, и намъ даже захотѣлось осмотрѣть городокъ. Онъ наполненъ плѣнными Турками, которые, завидѣвъ красивыя дорожныя кареты наши, пришли на нихъ полюбоваться и увѣрили, что они никогда не видывали такихъ экипажей. Въ четверть часа насъ окружило до 50 мусульманъ; всѣ они проклинали Французовъ и съ радостными возгласами повторяли, что теперь они наши друзья, такъ какъ миръ съ ними заключенъ. Двое изъ нихъ влюбились въ Полину Валуеву и въ меня и пришли предложить мама обмѣнить насъ за двухъ полковниковъ. Матушка замѣтила, что дружба ихъ зашла слишкомъ далеко и отослала насъ.

Наконецъ нынче утромъ мы пріѣхали сюда, гдѣ намъ подтвердили извѣстія, сообщенныя Кологривыми еще съ нѣкоторыми прибавленіями. Мама выбрала Тамбовъ для мѣстопробыванія потому, что здѣсь въ судѣ служить бывший адъютантъ отца, преданный душой и сердцемъ всей нашей семьѣ. Этотъ добрый человекъ не медля посылаетъ намъ всѣ извѣстія, получаемыя по почтѣ изъ Москвы. Вѣсти не радостны; но можно надѣяться, что, когда удалятъ подлыхъ начальниковъ, ходъ дѣлъ измѣнится. Впрочемъ будетъ, что Богу угодно. Вся наша надежда на Его милосердіе. Ростовчинъ отлично дѣйствуетъ; за это я его полюбила болѣе, чѣмъ ты когда либо любила его. Не можешь вообразить, какъ всѣ и вездѣ презираютъ Барклая. Да простишь ему Богъ и дастъ ему сознать и раскаяться во всемъ злѣ, которое онъ сдѣлалъ. Вотъ три недѣли, что я не имѣю о тебѣ извѣстій, жду будущей почты и пріѣзда Сержа; въ пятницу или субботу онъ долженъ быть здѣсь; авось онъ привезетъ мнѣ отъ тебя вѣсточку.

23.

3 Сентября.

Здѣсь мы узнали, что Кутузовъ засталъ нашу армію отступающую и установилъ ее между Можайскомъ и Гжатскомъ, то есть во ста верстахъ отъ Москвы. Изъ этого прямо видно, что Барклай, ожидая отставки, успѣшилъ сдать Французамъ все, что могъ и если бы имѣлъ время, то привелъ бы Наполеона прямо въ Москву. Да простить ему Богъ, а мы долго не забудемъ его измѣны. До сегодняшняго дня мы были въ постоянной тревогѣ, не имѣя вѣрныхъ извѣстій и не смѣя вѣрить слухамъ. У насъ дыбомъ стали волосы отъ вѣстей 26 и 27 Августа. Прочитавъ ихъ, я не успѣла опомниться, выхожу изъ гостиной, мнѣ на встрѣчу попался человѣкъ, котораго мы посылали къ губернатору, чтобы узнать всѣ подробности. Первую вѣсть, которую я услышала, была о смерти брата Петра Валюева, убитаго 26-го. У меня совсѣмъ закружилась голова; удивляюсь, какъ изъ сосѣдней комнаты не услышали моихъ рыданій несчастныхъ двоюродныхъ сестры. Домъ нашъ не великъ; я выбѣжала во дворъ, у меня сдѣлался лихорадочный припадокъ, дрожь продолжалась съ полчаса. Наконецъ, совладавъ съ собой, я вернулась, жалуюсь на головную боль, чтобы не поразить кузинъ своихъ грустнымъ лицомъ. У меня защемило сердце, когда я взглянула на несчастныхъ моихъ кузинъ. Онѣ не получали извѣстій отъ матери, ясно почему. Каждую минуту жду, что кто нибудь изъ семьи прійдетъ съ горестнымъ извѣстіемъ; больно видѣть, какъ онѣ тревожатся о матери и поминутно молятся за брата. Я не умѣю притворяться. Для меня невыносимо казаться веселой, когда я смертельно тоскую.

Въ моемъ грустномъ настроеніи я далеко не-благосклонно встрѣтила твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что случилось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты,

когда намъ грозитъ бѣдствие. Вѣдь ежели Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти тоже, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, въ далекъ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая извѣстій о матушкѣ-Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не поминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга, вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаютсѣ г-жею Сталь; имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь! Это меня крайне огорчаетъ. И этого отъ тебя не ожидала. Да что же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Корина сумасшедшая, безнравственная, ее бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на головѣ, въ намѣреніи отыскать своего дурака Освальда. Последній-такая личность, которой я не могу себѣ вообразить; онъ меня бѣситъ, я не терплю этихъ нерѣшительныхъ характеровъ, которые вѣчно колеблются; въ мужчинѣ это болѣе чѣмъ нестерпимо. Дельфина, по моему, въ тысячу разъ хуже Корины. Этотъ отвратительный романъ представляетъ смѣсь беззаконій и сумасбродства, его и нельзя читать хладнокровно. Можно ли восхищаться женщиной, осмѣлившейся изобразить такую северную сцену въ церкви, и именно: женатый Леонъ требуетъ отъ Дельфины клятвы передъ алтаремъ, что она будетъ принадлежать ему? Развѣ

это не отвратительно? И ты восторгаешься авторомъ такой гадости? Меня это крайне огорчаетъ; я понимаю, что мужъ твой долженъ радоваться, что ты противъ собственной воли излечилась отъ этого восторга! Если Богъ дастъ намъ встрѣтиться въ болѣе счастливую пору, я общаю доказать тебѣ, что романъ этотъ съ начала до конца представляетъ собраніе самыхъ ужасныхъ идей; въ немъ все никуда не годится, даже слогъ, которымъ онъ написанъ. Сдѣлай милость, повѣрь мнѣ, что не обстоятельства мѣшаютъ мнѣ восторгаться госпожею Сталь. Во всякую другую пору я была бы настолько же справедлива въ отношеніи къ ней. Я не уподоблю ее Вольтеру. Какъ онъ ни былъ дурень, все же онъ гениаленъ, онъ гадости говорилъ и проповѣдывалъ прелестнымъ слогомъ; но и этого достоинства нѣтъ у г-жи Сталь. Я сдѣлала усиліе надъ собою, чтобы толковать съ тобой о постороннемъ предметѣ: лишь одно занимаетъ меня; я не знаю ни минуты покою, и еслибы не вѣра въ Божіе милосердіе и убѣжденіе, что Богу все возможно, я бы сошла съ ума какъ Зинаида.

21.

17 Сентября.

Что сказать тебѣ, съ чего начать? Надо придумать новыя выраженія, чтобы изобразить, что мы выстрадали въ послѣднія двѣ недѣли. Мнѣ извѣстны твои чувства, твой образъ мыслей; я убѣждена, что судьба Москвы произвела на тебя глубокое впечатлѣніе; но не могутъ твои чувства равняться съ чувствами лицъ жившихъ въ нашемъ родномъ городѣ, въ послѣднее время передъ его паденіемъ, видѣвшихъ его постепенное разрушеніе и наконецъ гибель отъ адскаго могущества чудовищъ, наполняющихъ наше несчастное отечество. Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ, но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ со-

XII. 5.

стояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься. Окружающіе не могли поддержать меня, какъ я предвидѣла: ударъ на всѣхъ одинаково подѣйствовалъ, на лица всѣхъ сословій, всѣхъ возрастовъ, всевозможныхъ губерніи, произвелъ ужасное впечатлѣніе. Извѣстіе обитвѣ подъ Можайскомъ окончательно сразило насъ, и съ этихъ поръ ни одна радостная вѣсть не оживляла насъ. До сихъ поръ намъ еще неизвѣстны всѣ жертвы 26 Августа. Намъ назвали Валуева, Корсакова старшаго и Кутайсова. Пока не предвижу возможности получать здѣсь новости и прошу тебя, если получишь мое письмо, сообщи мнѣ какъ можно болѣе свѣдѣній объ убитыхъ и раненыхъ. Сообщенія съ Москвой прерваны, не знаемъ откуда получать извѣстія, къ кому обратиться; событія такъ быстро смѣняются, мы даже не знаемъ, что случилось съ лицами, которыхъ мы оставили въ Москвѣ. Надо полагать, что вамъ извѣстно болѣе чѣмъ намъ; вы должны знать хотя число убитыхъ. Въ положеніи, въ которомъ мы находимся, смерть не есть большое зло, и если не должно желать ея ни себѣ ни другимъ, по крайней мѣрѣ не слѣдуетъ слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, кого Богъ къ себѣ призываетъ: они умираютъ, исполняя самый священный долгъ, защищая свое Отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно и внушить его моимъ бѣднымъ кузинамъ Валуевымъ.

Тамбовъ биткомъ набитъ. Каждый день прибываютъ новыя лица. Не смотри на это, жизнь здѣсь очень дешева. Если не случится непредвидѣнныхъ событий и обстоятельства намъ позволять сидѣть спокойно, мы проведемъ зиму въ тепломъ и чистомъ домику; въ прежнее время мы бы нашли его очень жалкимъ, а теперь довольствуемся имъ. Кромѣ нашего семейства здѣсь находятся Разумовскіе, Шукины, кн. Меншикова и Каверяны. Есть много другихъ Москвичей, которыхъ мы мало или почти вовсе не знаемъ. Всѣ такіе груст.

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1872. 77.

ные и убитые, что я стараюсь ни съ кѣмъ не видаться: съ меня достаточно и своего горя.

Меня тревожитъ участь прислуги, оставшейся въ домѣ нашемъ въ Москвѣ, дабы сберечь хотя что нибудь изъ вещей, которыхъ тамъ тысячь на тридцать. Никто изъ насъ не заботится о денежныхъ потеряхъ, какъ бы велики онѣ ни были; но мы не будемъ покойны, пока не узнаемъ, что люди наши, какъ въ Москвѣ такъ и въ Высокомъ, остались цѣлы и невредимы. Когда я думаю серьезно о бѣдствіяхъ причиненныхъ намъ этой несчастной Французской націей, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія, въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня; это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ: не смотря на все что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточенія сердечномъ.

25.

23 Сентября.

Отъ времени до время сюда пріѣзжаютъ курьеры изъ арміи, то за провіантомъ, то за лошадьми. Намъ отъ этого не легче, потому, что они или ничего не говорятъ, или слова ихъ, повторяемая однимъ лицомъ другому, доходятъ до насъ совершенно искаженными. Да и что могутъ знать провіантскіе или комисариатскіе офицерики? И такъ мы пробавляемся слухами, распускаемыми въ народѣ, которые большею частию не что иное какъ выдумки. Судьба Москвы и арміи намъ одинаково невѣдома. Каждый день слышишь новый рассказъ.

Тамбовъ наполненъ Московскими купцами; многихъ изъ нихъ я знаю, разговаривала съ ними, ни одинъ нечего не вѣдаетъ. Два дня повторяютъ, что слѣдуетъ ожидать чего-то важнаго. Да избавятъ насъ Богъ отъ извѣстій въ родѣ всѣхъ предъидущихъ!

Въ числѣ другихъ пріятностей, мы имѣемъ удовольствіе жить подъ однимъ небомъ съ 3000 Французскихъ плѣнныхъ, съ которыми не знаютъ что дѣлать: за ними некому смотрѣть. На дняхъ ихъ отправятъ далѣе, чему я очень рада. Всѣ солдаты Поляки, Нѣмцы, Итальянцы и Испанцы. Больше всего Поляковъ; они дерзки; многихъ побили за шалости. Офицеровъ человекъ 40 и одинъ генералъ. Послѣдній Французъ, равно и человекъ 10 офицеровъ. Нельзя шагу сдѣлать на улицѣ, чтобы не встрѣтиться съ этими бѣшенными. Его Высочество принцъ Гогенлоэ тоже здѣсь содержится. Нынче утромъ я его встрѣтила, бѣжитъ по улицѣ, а за нимъ гонится солдатъ. Впрочемъ самыя многочисленныя отряды плѣнныхъ отправили въ Нижній, тамъ ихъ умираетъ по сотнѣ ежедневно; одѣтые кое-какъ, они не выносятъ нашего климата. Не смотря на все зло, которое они намъ сдѣлали, и не могу хладнокровно подумать, что этимъ несчастнымъ не оказываютъ никакой помощи, и они умираютъ на большихъ дорогахъ, какъ безсловесныя животныя.

Я совсѣмъ глупа стала. Умъ, понятіе, все, все на свѣтѣ въ милой Москвѣ оставила.

26.

30 Сентября.

Нашъ милый, родимый городъ, нѣкогда пріютъ мира и счастья, представляетъ лишь груды пепла! Два или три купца, бѣжавшіе изъ Москвы 15-го 17 и 19 чиселъ нынѣшняго мѣсяца, сообщили намъ подробности способныя растрогать каменное сердце. Не успѣвшіе бѣжать изъ города до вступленія враговъ постоянно подвергаются ужас-

вымъ пыткамъ. Они лишены способствъ существованія, одежду у нихъ отобрали и безпрестанно заставляютъ ихъ трудиться, обращаясь съ ними варварски. Несчастные умираютъ отъ голода. Въ ихъ глазахъ жгутъ и раззоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многие изъ нихъ остались. Всѣ наши церкви обращены въ конюшни. Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами, а лошадей поставилъ въ церкви. Знаешь ли, что, не смотря на отвращеніе, которое я чувствую къ нему, мнѣ становится страшно за него въ виду совершаемыхъ имъ святотатствъ. Нельзя было вообразить ничего подобнаго, нигдѣ въ исторіи не встрѣчаешь похожаго на то, что совершается въ наше время. Про армію мы ничего не знаемъ. Въ Тамбовѣ все тихо, и еслибы не вѣсти Московскихъ бѣглецовъ да не Французскіе плѣнные, мы бы забыли, что живемъ во время войны. До насъ доходитъ лишь шумъ, производимый рекрутами. Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія, каждое утро насъ будятъ тысячи крестьянъ: они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго и отдаю ему полную справедливость. Здѣсь климатъ гораздо теплѣе Московскаго. До сихъ поръ мы проводимъ полдня съ открытыми окнами. Каждое утро ходимъ пѣшкомъ къ обѣднѣ въ монастырь, который находится въ верстѣ отъ города; я ничего не беру съ собой кромѣ шади и той почти никогда не надѣваю.

Мы готовимъ корпію и повязки для раненыхъ; ихъ множество въ губерніяхъ Рязанской и Владимірской и даже здѣсь въ близкихъ городахъ. Губернаторъ посылаетъ наши запасы въ мѣста, гдѣ въ нихъ наиболѣе нуждаются. Такъ провожу я время, другъ мой; даю также уроки Мишелю. Признаюсь, въ

состояніи, въ которомъ нахожусь, я неспособна къ большой умственной дѣятельности. Домъ нашихъ Пушкиныхъ былъ однимъ изъ первыхъ сгорѣвшихъ домовъ.

27.

7 Октября.

Съ третьяго дни мы подверглись новаго рода мученію: намъ приходится смотрѣть на несчастныхъ раззоренныхъ войной, которые ищутъ прибѣжища въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, чтобы не умереть съ голоду. Вчера прибыло сюда изъ деревни, находившейся въ 50 верстахъ отъ Москвы (по Можайской дорогѣ) цѣлыхъ девять семействъ: тутъ и женщины, и дѣти, и старики, и молодые люди. Всѣ помѣщики, имѣвшие земли въ этой сторонѣ, позаботились во время о спасеніи своихъ крестьянъ, давъ имъ способы къ существованію Государственные же крестьяне принуждены были дожидаться, покуда у нихъ все отнимутъ, сожгутъ ихъ избы и тогда уже отправились, по Русской посливицѣ, куда глаза глядятъ. Крестьяне, видѣнные нами вчера, были раззорены нашими же войсками; мнѣ ихъ стало еще жалче оттого, что, рассказывая о всемъ съ ними случившемся, они не жаловались и не роптали. Въ такія минуты желала бы я владѣть милліонами, чтобы возвратить счастье милліону людей; имъ же такъ мало нужно! Право, смотря на этихъ несчастныхъ, забываешь всѣ свои горести и потери и благодарить Бога, давшаго намъ возможность жить въ довольствѣ посреди всѣхъ этихъ бѣдствій и даже думать объ излишнемъ, между тѣмъ какъ столько бѣдныхъ людей лишены насущнаго хлѣба. Пребываніе мое въ Тамбовѣ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыло мнѣ глаза на счетъ многоаго. Находишь я здѣсь въ другомъ положеніи, думай лишь объ удовольствіяхъ и пріятностяхъ жизни, мнѣ здѣшніе добрые люди непремѣнно показались бы глупыми и очень смѣшными. Но, прибывъ сюда съ

разбитымъ сердцемъ и съ душевнымъ горемъ, не могу тебѣ объяснить, какъ благодарны были мы имъ за ласковые къ намъ поступки. Всѣ наперерывъ стараются оказать намъ услуги, и намъ остается лишь благодарить этихъ добрыхъ соотечественниковъ, которыхъ мы такъ мало знаемъ. Правда, здѣсь не встрѣтишь молодыхъ людей, которыхъ все достоинство заключается въ изящной осанкѣ, которые украшаютъ своимъ присутвіемъ гостинія, занимаютъ общество остроумнымъ разговоромъ, но послушавъ ихъ черезъ пять минутъ забудешь объ ихъ существованіи. Въмѣсто нихъ сталкиваешься съ людьми, быть можетъ, неуклюжими, рѣчи коихъ не цвѣтisty и не игривы, но которые умѣютъ управлять своимъ домомъ и состояніемъ, здраво судятъ о дѣлахъ и лучше знаютъ свое Отечество, нежели многіе министры. Сначала, привыкшіе къ свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало по малу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ. Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человекъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, нѣкогда занимавшій довольно значительные посты и вынужденный оставить службу *). Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна. Онъ часто насъ посѣщаетъ и вполнѣ очаровалъ меня. Разумовскіе тоже поселились здѣсь на всю зиму. Графъ премилый, жена далеко не стоитъ его. Каждый разъ когда мы встрѣчаемся, она выводитъ меня изъ терпѣнія. Они занимаютъ самый большой домъ въ городѣ и, не смотря на это, графиня вѣчно недовольна и все ворчитъ. Богатство избаловало голубушку.

28.

15 Октября.

Ты и не подозреваешь, добрый другъ мой, что въ настоящую минуту я на-

*) См. его Записки въ Р. Архивѣ 1867. II. Б.

хожусь подъ однимъ кровомъ съ Шаховскими. Признаюсь тебѣ, я не воображала, что меня можетъ ожидать что либо пріятное, и потому вся эта недѣля исполнена радости для меня. Шесть недѣль не имѣли мы извѣстій отъ сестры, и наконецъ въ прошлый вторникъ я получила отъ нея длинное письмо, которому очень обрадовалась. Теперь мы убѣдились, что есть возможность переписываться съ близкими людьми, въ чемъ мы уже начинали отчаяваться. Въ среду мы получили письмо отъ нашего толстаго дворецкаго, о которомъ мы ужасно тревожились. Этотъ честный человекъ дождался послѣдней минуты, п 2-го Сентября въ 11 часовъ утра, когда войска наши, возвращаясь съ Бородинскаго поля, проходили черезъ Москву, въ которую должны были вступить Французы, онъ оставилъ городъ и отправился вслѣдъ за войскомъ. На улицахъ была такая давка, тутъ шли полки, везли пушки, бѣжали жители. тащились раненые, такъ что отъ нашего дома до Владимірской заставы, онъ пробирался цѣлыхъ шесть часовъ. Передъ выходомъ изъ города онъ услышалъ первый выстрѣлъ Французской пушки на Кремлевской площади. Письмо его раздираетъ душу; онъ описываетъ чувства свои; въ эту минуту вѣрно у него совсѣмъ закружилась голова, протому что, находясь на Тамбовской дорогѣ, онъ сбился съ пути и попалъ во Владиміръ 10-го Сентября. Часть дороги прошелъ онъ пѣшкомъ, неся съ собой бумаги и деньги. Во Владимірѣ онъ заболѣлъ лихорадкой, и потому мы долго не имѣли о немъ извѣстій. Все таки въ нашемъ домѣ еще осталась двое или трое старыхъ служителей съ женами; они говорятъ, что слишкомъ стары, потому Французы не возмуть ихъ въ солдаты; а они все же хотя что нибудь да сберегутъ въ домѣ. Имѣніе наше, говорятъ, уцѣлѣло; а все находившееся въ Москвѣ сожжено, потому я надѣюсь, что люди наши перебрались въ Высокое. Я въ жизнь свою не утѣшусь, ежели хотя одинъ изъ нихъ

погибнетъ отъ руки бѣшеныхъ злодѣевъ. Съ Москвой же надо на вѣки проститься, милый другъ. Не выскажешь всего, что тамъ творится. Ежедневно сюда являются бѣглецы; послѣдніе изъ нихъ оставили Москву 26 Сентября. Своими глазами видѣли они, какъ Французы обращали церкви въ кухни и конюшни, иконы употребили на дрова или бросали въ ретирады, обобравъ все украшенія. Они обѣдаютъ и ужинаютъ на престолахъ и всячески святотатствуютъ. Легко вообразить, чему подвергаются наши соотечественники, попавшіе въ руки этихъ злодѣевъ. Шаховскіе еще остаются здѣсь на сегодняшний день, слѣдовательно мы все будемъ вмѣстѣ. Завтра они ѣдутъ къ сестрѣ во Владимірскую губернію, а зиму еще не знаютъ, гдѣ проведутъ. Вадюевы все съ нами. Тетка пишетъ имъ изъ Владиміра, но не говоритъ имъ о братѣ; по слогу я вижу, что она знаетъ о смерти сына, но дочерямъ желаетъ сообщить какъ можно позднѣе это грустное извѣстіе. Намъ говорятъ, что между тѣмъ какъ вся Россія въ траурѣ и слезахъ, у васъ даютъ представленія въ театрѣ и что въ Петербургѣ въ Русскій театръ ѣздитъ болѣе чѣмъ когда либо. Нечего вамъ дѣлать! Не знаю, какъ Русскій, гдѣ бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ! Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе изъ далека, рассказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что кто эти газеты пишетъ, у того въ Москвѣ волосы нѣтъ. Французы, не смотря на то, что они негодни, не такъ судятъ. Поймали нѣсколькихъ курьеровъ, отправленныхъ во Францію, между прочимъ одного, посланнаго до вступленія Французовъ въ Москву. Онъ везъ письма, въ которыхъ эти подлецы обѣщали сво-

имъ соотечественникамъ описать подробно все удовольствія, ожидавшія ихъ въ столицѣ Россіи, воображая, что они будутъ тамъ танцовать и веселиться. Они говорятъ о своемъ нетерпѣніи увидать самыхъ хорошенеккихъ женщинъ. Другой же курьеръ, отправленный уже изъ Москвы, везъ извѣстія иного рода. Они писали, что не выжидали болѣе варварскаго народа, что онъ все покидаетъ, лишь бы не преклонить колѣнъ передъ непріателемъ, что легче покорить легіонъ демоновъ, чѣмъ Русскихъ, если бы даже вмѣсто одного было десять Бонапартовъ. Когда слышишь это и читаешь Петербургскія вѣсти въ родѣ вышеупомянутой, руки упадаютъ. Но не угодно ли подивиться этимъ негоднямъ Французамъ, называющимъ насъ варварами, потому что мы не принимаемъ ни ихъ любезностей, ни ихъ законовъ? Можно ли завираться до такой степени! Какъ осмѣливаются они называть варварами народъ, сидящій тихо и спокойно у своего очага, но который защищается отчаянно, когда на него нападаютъ и скорѣе соглашается всего лишиться, чѣмъ быть въ порабощеніи. Образованными они зовутъ орду бродягъ, вырвавшихся изъ ада, чтобы все жечь, раззорять и проливать кровь. Что они не говори, а быть Русскимъ или Испанцемъ есть величайшее счастье; хотя бы мнѣ пришлось остаться въ одной рубашкѣ, я бы ничѣмъ инымъ быть не желала, *вопреки всему*. Знаешь ли, что нашъ генералъ, у котораго въ Турецкую кампанію ноги были въ параличѣ, окончательно лишился одной изъ нихъ въ битвѣ 26 Сентября? Братъ его, женатый на Нарышкиной, былъ контуженъ въ голову и оглохъ. Понемногу узнаемъ о судьбѣ знакомыхъ, но далеко не всѣхъ. Мы часто видимся съ Разумовскими. Графъ теперь неоцѣненный собесѣдникъ. Вздѣ ему рады, куда онъ ни придетъ. Двое или трое людей изъ его прислуги, оставившіе Москву, по вступленіи Французовъ, привезли извѣстіе, что дома

его въ городѣ и Петровскомъ истреблены со всѣмъ, что въ нихъ находилось, то есть милліона на два вещей. Это нисколько не омрачило его. Онъ по прежнему всегда добродушно любезенъ, за что всѣ и любятъ его. Скажи мнѣ, видѣла ли ты Растопчина? Каковъ онъ? Его потери тоже значительны.

29.

22 Октября.

Французы оставили Москву. Растопчинъ пишетъ изъ Владиміра, что вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ намѣренъ вернуться въ Москву. Хотя я убѣждена, что остался лишь пепель отъ дорогаго города. но я дышу свободнѣе при мысли, что Французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которыми мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что Французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ будто тяжкое бремя свалилось съ плечь. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного Француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботить cadaго Русскаго. Не выразишь чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго Отечества. Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути, посмотреть что съ ней сталось и по мѣрѣ силъ возстановить потерянное. Можно надѣяться взглянуть на дорогія мѣста, о которыхъ я старалась не думать, полагая, что придется на вѣки отказаться отъ счастья вновь увидать ихъ. О! какъ дорога и священна родная земля! Какъ глубока

и сильна наша привязанность къ ней! Какъ можетъ человекъ за горсть золота продать благосостояніе Отечества, могилы предковъ, кровь братьевъ, словомъ все, что такъ дорого каждому существу, одаренному душой и разумомъ. Растопчинъ пишетъ Разумовскому, что какимъ-то чудомъ домъ его уцѣлѣлъ, за то въ немъ все въ дребзги разбито до послѣдняго стула. Письмо это привезъ Ипполитъ *), котораго ты вѣрно встрѣчала у графа Льва въ Москвѣ. Онъ сказалъ намъ также, что Наполеонъ обѣщаетъ три милліона тому, кто принесетъ ему голову Растопчина. Это лучшая похвала, величайшая честь Растопчину; не то что отличіе, оказанное нѣкоторымъ личностямъ, которыхъ дома остались неприкосновенными потому, что у дверей разставлены были часовые, лишь только Французы вступили въ Москву. Не знаю, извѣстна ли тебя прокламація Растопчина, привѣшанная у его церкви въ Вороновѣ? Передъ тѣмъ какъ удалиться нашимъ войскамъ, въ ожиданіи приближенія Французовъ, братъ сжегъ все, что ему такъ дорого стоило, всѣ избы крестьянскіе, отправилъ крестьянъ въ Воронежское имѣніе и напечаталъ листъ, въ которомъ высказываетъ Французамъ свое удивленіе тому, что они повинуются негодню и насильнику, каковъ Наполеонъ и что онъ самъ сжегъ все ему принадлежащее, чтобы этотъ ужасный человекъ не могъ похвастаться, что сидѣлъ на его стулѣ. Повидимому, Наполеону не по вкусу пришелся комплиментъ, и съ этой поры, надо полагать, ему захотѣлось достать голову человека, который такъ вѣрно его цѣнитъ. Шаховскіе уѣхали въ среду утромъ. Михайло Вельгорскій уже три дня какъ здѣсь, и нынче ѣдетъ въ Пензенское свое имѣніе, гдѣ оставилъ жену и намѣренъ пробыть тамъ до зимы. Вѣроятно по первому снѣжному пути вернется въ Тамбовъ. Катиша, Даша, Ва-

*) Подчасскій.

дуевы и я вздумали своими трудами обуться и прилежно вяжемъ. Въ нынѣшнее переходное время надо ко всему привыкать.

Теперь это служить намъ развлеченіемъ, а со временемъ быть можетъ станетъ необходимостію. Вообрази, что домъ Разумовскихъ *) со всѣмъ что въ немъ находилось остался нетронутымъ; такъ какъ его начали разламывать для перестройки, то Французы вообразили, что въ домъ безъ оконъ вѣрно ничего нѣтъ и не совали туда носу. Это удивительное счастье, что онъ и не сгорѣлъ; все цѣло, даже вино въ погребахъ. За то Петровское все разорено; шуточка эта стоитъ милліонъ. О намъ, лишь бы Французовъ истребили.

30.

28 Октября.

Нп отъ чего я такъ не страдаю, какъ отъ холоду. Какъ нарочно я попала въ Тамбовъ въ такіе холода, которымъ сами старожилы дивятся. Всѣ дома насквозь проморожены. Нашъ какъ погребъ. Мы всѣ спимъ въ одной комнатѣ и льнемъ къ печкамъ. Вотъ каково наше житье, дружокъ. Все это испытанія, ихъ надо переносить терпѣливо и покорно, ожидая лучшаго въ будущемъ. Наконецъ Валугевы узнали о смерти брата; ихъ такъ жалко особенно потому, что онъ умеръ вдалекѣ отъ семьи.

Со времени сраженія подъ Малоярославцемъ мы ничего не слышали о нашей арміи.

Нѣсколько дней тому назадъ я ужинала у губернаторши; тамъ я слышала прекрасную музыку, которая, напомнивъ мнѣ прошлое, причинила мнѣ страданіе. Наполеону мы обязаны тѣмъ, что страдаемъ отъ того, чѣмъ прежде наслаждались. Впрочемъ все что намъ суждено испытать не отъ насъ зависитъ, а назначено свыше.

*) На Тверской (нынѣ И. П. Шаблыгина), гдѣ помѣщается Англійскій клубъ.

31.

11 Ноября.

Я чувствую, что съ Юня мѣсяца состарѣлась на десять лѣтъ. Все что вижу, до сихъ поръ не таково, чтобы мнѣ помолодѣть. Письма твои принесли мнѣ большую пользу: они вывели меня изъ глубокой грусти, въ которую я была погружена. Увы, милый другъ, какъ и ты, я въ постоянной сердечной тревогѣ. Брата Николая назначили адъютантомъ въ 6-й саперный баталіонъ, которымъ командуетъ храбрый Эммануиль Сень-При. 29 Октября получили мы извѣстіе объ этомъ назначеніи. Братъ наскоро экипировался, что стоило ему большого труда, ибо здѣсь въ степяхъ ничего нельзя достать, и уѣхалъ третьяго дня вечеромъ. Сначала онъ отправится въ Москву, оттуда на 3 или 4 часа съѣздить въ Высокое, потомъ поѣдетъ въ слѣдъ за арміей, которая вѣроятно очень уже далеко ушла, потому что 26-го Октября она находилась въ окрестностяхъ Смоленска, а съ той поры она не переставала идти усиленнымъ шагомъ.

Двоюродные братья мои Валугевы теперь у родителей. Мы ежедневно ожидаемъ Александра, который долженъ пріѣхать за сестрами. Съ 30-го Октября тетка моя въ Москвѣ. Лишь по прибытіи ея въ разоренный городъ, объявили ей о смерти сына, и впечатлѣніе произведенное этимъ извѣстіемъ было тѣмъ ужаснѣе, что она окружена была развалинами; письмо ея полно отчаянія. Отъ дома ея остались лишь стѣны, службы всѣ сгорѣли, и ей пришлось остановиться въ Запасномъ дворцѣ у Красныхъ Воротъ: это единственное казенное зданіе, оставшееся неповрежденнымъ. По этому всѣ городскія власти, какъ высшія такъ и низшія, помѣстились въ этомъ дворцѣ; всѣхъ ихъ тамъ человекъ до 500. Теткѣ пришлось перейти въ домъ Яковлева, въ Леонтьевскій переулокъ. Сыновья ея должны будутъ отправиться въ окрестности Ярославля. Когда началось всеобщее вооруженіе, они посту-

пили въ полкъ, который Мамоновъ началъ организовать на свой счетъ; тутъ случилась Московская катастрофа, полкъ этотъ былъ отправленъ въ Ярославль, гдѣ долженъ былъ найти всѣ способы для окончательнаго сформированія.

При воззваніи Растопчина двоюродные братья мои, равно Лукинъ и Барановъ просили о переводѣ ихъ въ армію. Имъ было отказано, потому что, будучи придворными, они были не подвластны ни Растопчину, ни кому другому. Тогда они по одиночкѣ вышли въ отставку, а потомъ снова вступили въ свой полкъ. Потому я и полагаю, что имъ придется тоже послѣдовать за арміей, что приводитъ сестеръ въ отчаяніе, то есть Анету и Полинѣ, потому что Софі ничего не чувствуетъ: пока другіе плачутъ, она позвала къ себѣ парикмахера, бѣжавшаго изъ Москвы какъ и мы, велѣла обрѣзать себѣ волосы и завивается. Миѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что сойдетъ съ ума, какъ ея старшая сестра. Что касается двухъ другихъ, на нихъ жалко смотрѣть. Онѣ такъ и убиваются, страшно исхудали. Кстати о полкѣ Мамонова: въ немъ находится большая часть известной Московской молодежи, тутъ Левашовъ, Гусятниковъ и кн. Вяземскій. Сей послѣдній возымѣлъ дерзкую отвагу участвовать въ качествѣ зрителя въ Бородинскомъ сраженіи*). Подъ нимъ убили двухъ лошадей, и самъ онъ не разъ рисковалъ быть убитымъ, потому что Валуевъ палъ возлѣ него. По окончаніи сраженія, онъ вернулся въ Москву. Не слыхавъ никогда пистолетнаго выстрѣла, онъ затесался въ такое адское дѣло, которому, какъ всѣ говорятъ, не было подобнаго. Не понимаю, какъ это несчастное сраженіе могло хотя на минуту обрадовать васъ. Хотя по словамъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ (нѣкоторыхъ

я встрѣчала) это не потерянное сраженіе, однако на другой же день всѣмъ ясны были его послѣдствія. Въ Москвѣ напечатали извѣстія, дошедшія до насъ, въ которыхъ говорилось, что, послѣ ужаснаго кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, ослабѣвшій непріятель отступилъ на 8 верстъ, но что для окончательнаго рѣшенія битвы въ пользу Русскихъ, на слѣдующей день, 27-го, сдѣлаютъ нападеніе на Французовъ, дабы принудить ихъ къ окончательному отступленію. Таково было официальное письмо Кутузова къ Растопчину, которое и помѣстили въ печатное извѣстіе. Въмѣсто всего этого, 27-го наши войска стали отступать, и доселѣ неизвѣстна причина этого неожиданнаго отступленія. Тутъ кроется тайна. Быть можетъ, мы ее когда нибудь узнаемъ, а можетъ и никогда; но что вѣрно и въ чемъ мы не можемъ сомнѣваться, это въ существованіи важной причины, по которой Кутузовъ измѣнилъ планъ касательно 27 числа, торжественно имъ объявленный вечеромъ 26-го числа.

Какъ бы то ни было, мы не имѣли даже и тѣни надежды на блестящую побѣду; ибо три дни спустя по прочтеніи вышеупомянутаго извѣстія мы узнали, что войско находится въ 15 верстахъ отъ Москвы, а 7-го Сентября получили ужасное извѣстіе о гибели дорогаго города. Въ теченіи шести недѣль мы постоянно находились въ тревогѣ и глубокой горести, не получая ни единой отрядной вѣсти.

Послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, мы стали получать болѣе удовлетворительныя новости, непріятель не могъ идти на Калугу и долженъ былъ возвращаться по той же дорогѣ, по которой пришелъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ. Въ Бѣлоруссіи Французовъ ожидаютъ наши войска, такъ что врядъ ли они ускользнутъ отъ насъ. Надо надѣяться, что они будутъ окончательно разбиты. Я не прихожу въ отчаяніе на счетъ нашей будущности, надѣясь на

*) A fait l'extravagance d'assister, comme simple spectateur, à l'affaire de Borodino.

Божіе милосердіе. Не тревожься и ты о будущей веснѣ, милый другъ.

Я не сержусь на Растопчина, хотя знаю, что многіе имъ недовольны. По моему, Россія должна быть благодарна ему. Мы лишились мебели, вещей, за то сохранили нѣкотораго рода внутреннее спокойствіе. Ты не знаешь, что было въ Москвѣ съ конца Іюля. Лишь человѣкъ подобный Растопчину могъ разумно управлять умами, находившимися въ броженіи и тѣмъ предупредить вредныя и непоправимыя поступки. Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что, при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея, все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна. Растопчинъ прекрасно распорядился. Чтобы успѣть въ необходимомъ, пришлось пожертвовать богатствами, потому что если-бы для сохраненія ихъ онъ напугалъ заранѣе толпу, Богъ знаетъ, что бы изъ этого вышло. Притомъ же, какъ ему было объявить о близкой опасности, когда Кутузовъ, едва прибывъ въ армію, писалъ къ жителямъ Москвы и клялся, что онъ не подпуститъ враговъ къ стѣнамъ древней столицы? Письмо это было напечатано, всѣми читалось и безъ сомнѣнія имѣло болѣе вѣсу, нежели могли имѣть слова Растопчина, который однако никого не удерживалъ и радовался, видя, что господа и прислуга увъзжаютъ изъ города. Онъ напечаталъ объявленіе, которое я читала и въ которомъ онъ говоритъ, что его удивляютъ слухи, будто онъ препятствуетъ выѣзду жителей изъ Москвы, что ему это и въ голову не приходило, напротивъ онъ радъ былъ, что увъзжаютъ люди, опасавшіеся остаться. Между тѣмъ онъ зналъ то, чего вы не вѣдали, а именно, что крестьяне во всей Московской губерніи, удивленные и испуганные множествомъ людей всѣхъ сословій бѣгущихъ изъ Москвы, говорили дерзости провѣзжающимъ

и могли бы зайти далѣе, если бы за нами не было бдительнаго присмотра. Ты знаешь, что я никогда не была ослѣплена Растопчинымъ, потому не можешь упрекать меня въ лицепріятіи. Но, увѣряю тебя, что я чувствую къ нему величайшую благодарность и вижу Божіе милосердіе въ томъ, что во главѣ Москвы въ тяжелыя минуты находился Растопчинъ. Будь у насъ прежній начальникъ, Богъ знаетъ что бы съ нами было теперь: всѣхъ бы пугала не столько гибель Москвы, сколько ея послѣдствія. Наполеонъ это хорошо зналъ и обратился не къ Петербургу, а ударилъ въ сердце Россіи.

Я бы желала, чтобы ты послушала, какъ говорятъ здѣсь о Москвѣ, здѣсь, то-есть въ губерніяхъ составляющихъ коренную Россію, гдѣ почти не подозреваютъ о существованіи иной столицы кромѣ Москвы, въ которой питаютъ какое-то священное благоговѣніе. Что касается недовольства Растопчинымъ, оно меня нисколько не удивляетъ; къ несчастію, люди никогда не видятъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Мы досадуемъ на свои потери и ищемъ кого бы за это обвинить, нисколько не руководствуясь справедливостью въ обвиненіяхъ нашихъ.

Нашъ Московскій домъ сгорѣлъ въ ночь съ 4-го на 5-е Сентября, сгорѣлъ также домъ Шаховскихъ и всѣ смежные дома. 2-го числа вечеромъ нѣсколько голодныхъ негодяевъ пришли просить хлѣба у нашихъ людей и у дворецкаго. Утоливъ голодъ, они ушли. Точно таже исторія повторилась на другой день, при чемъ они украли вещи дворецкаго, который имѣлъ глупость разложить ихъ передъ ихъ глазами. День прошелъ довольно спокойно. Ночью подожгли Нѣмецкую Слободу и лавки. 4-го числа пришли требовать вина; у насъ въ погребахъ было много винъ и варенья, потому угощеніе долго продолжалось, и гостей было много. Потомъ они все обобрали у людей и велѣли открыть кладовыя; не найдя въ нихъ ни-

чего съѣдомаго, они ничего не взяли, хотя тутъ находилось тысячь на тридцать вещей. Въ этотъ вечеръ подожгли Большую Никитскую, Арбатъ, Пречистенку, Остоженку и всѣ смежныя кварталы. Нашъ домъ все держался. Наконецъ въ часъ, толпа негоднѣвъ ворвалась въ домъ; сломавъ двери, они поднялись въ мои комнаты, гдѣ я оставила книги, фарфоръ и множество другихъ вещей. Они начали все рвать, ломать, люди внизу слышали адскій шумъ, потомъ эти канибалы подожгли мои комнаты и ушли, ничего не взявъ. Такъ какъ со-сѣднія зданія уже были въ огнѣ, то нашъ домъ вскорѣ сгорѣлъ со всѣмъ въ немъ заключавшимся (чему я очень рада, ибо по моему лучше, что все наше добро сгорѣло, нежели сдѣлалось бы добычею адскихъ чудовищъ). Тогда люди наши полунагіе отправились въ Высокое, куда однако прибыли здоровыми. Это милое убѣжище, благодаря Бога, осталось въ цѣлости, хотя его положеніе было не безопасно, такъ какъ оно находится между Клиномъ, гдѣ расположе-ны наши войска, селомъ Пятницей, наполненнымъ казаками, порядочными гра-бителями, Волоколамскомъ, Рузой, городами раззоренными Французами, и наконецъ вблизи Можайска, такъ что пушечныя выстрѣлы 26-го числа слышны были въ Высокомъ. Мы полагали, что имѣніе это погибнетъ ранѣе Моск-вы, и потому я велѣла перевести мно-жество вещей въ Москву. Ты видишь, какъ ошибочны человѣческія предположе-нія! Москва почти не существуетъ, а Высокое цѣлехонько. Въ деревняхъ, находящихся верстахъ въ 12 и 14 отъ Высокаго, ежедневно убивали сотни ма-родеровъ, а въ Высокомъ не видали ни одного солдата, какъ будто война велась въ Америкѣ. Урожай былъ прекрасный, хлѣбъ убрали какъ по обыкновенію, скотъ процвѣтаетъ, такъ что люди наши нашли и убѣжище и обильное пропита-ніе въ нашемъ миломъ имѣніи, кото-рымъ мы всѣ дорожимъ, потому что батюшка самъ занимался его устройст-

вомъ. Мы многимъ обязаны нашему управляющему. Будучи вполнѣ свобо-денъ, онъ добровольно остался на мѣ-стѣ и своею твердостью и присутстві-емъ духа сберегъ намъ все до послѣд-ней нитки. Во всей Московской губер-нии врядъ ли найдется два имѣнія уцѣ-лѣвшія подобно нашему.

Съ Божіею помощію, на будущее лѣто мы намѣрены посѣтить эти милыя мѣ-ста, бывшія нѣкогда свидѣтелями на-шего благоденствія. Зиму мы проведемъ здѣсь. Квартира наша невыносима, печи дымать, и я по крайней мѣрѣ два дня въ недѣлю лежу съ головной болью. Со-бираемся искать другую квартиру. Ви-ельгорскіе и не думаютъ ѣхать въ Пе-тербургъ. Очень можетъ быть, что Ка-тиша сюда пріѣдетъ родить, такъ какъ вскорѣ здѣсь соберется вся ихъ семья. Пребываніе здѣсь не представляетъ ров-но никакихъ пріятностей, да кто о нихъ и думаетъ въ настоящее время! Я желала бы побывать въ Петербургѣ, чтобы повидаться съ тобой, вообще же я предпочитаю мѣста самыя удаленныя отъ шума.

Всѣ наши Московскіе знакомые въ Нижнемъ, исключая Пушкиныхъ и г-жи Лобковой съ матерью, живущихъ въ Ярославлѣ. Никто не думаетъ ѣхать въ Питеръ. Въ началѣ волненія всѣ бро-сились въ Нижній, считая его бозопас-нымъ убѣжищемъ, а теперь, поуспоко-ившись, стараются забраться въ отда-ленныя мѣста, гдѣ можно жить съ мален-кими средствами, не дѣлая долговъ и ста-раясь поправить свои финансы. На прош-лой недѣлѣ меня закидали письмами изъ Нижняго. Лица, ежедневно посѣщавшія насъ въ Москвѣ, узнавъ гдѣ я нахо-жусь, всѣ написали ко мнѣ. Меня очень тронуло ихъ вниманіе, но я пугаюсь при видѣ множества писемъ, на кото-рыя нужно отвѣчать. Гагарина благо-получно родила въ деревнѣ, не имѣя другой помощницы кромѣ своей горнич-ной; она сама пишетъ мнѣ, равно и всѣ Оболенскіе, Солдогоубъ, Небольсина и т. д. Не вѣдаю, гдѣ Вяземскіе; полагаю, онъ

въ полку. Мы знаемъ, что были безсо-
вѣстные негодяи, служивавшіе Наполе-
ону въ Москвѣ. Не знаю, съ чего ты
взяла, что Визапуръ Русскій дворянинъ;
онъ ни что иное какъ Мулатъ, явив-
шійся Богъ знаетъ откуда и годный
только стоять на запяткахъ у кареты
вмѣсто негра. Загряжскій давно съ ума
сошелъ; не знаю, кто такой Бестужевъ;
довольно вѣрно то, что большая часть из-
мѣнниковъ купцы, иностранцы всѣхъ
націй, вообще люди ничего незначающіе,
дворянъ же весьма немного.

32.

18 Ноября.

Мы остались въ одиночествѣ. Валу-
евы уѣхали вчера съ своимъ братомъ.
Большая часть нашихъ знакомыхъ уѣха-
ли въ Москву или въ ея окрестности.
Осталась наша семья, состоящая изъ
пяти лицъ, считая и Мишеля, да Ра-
зумовскіе. Общество сихъ послѣднихъ
весьма удовлетворительно для матушки,
но не для меня. Предстоящая зима ка-
жется мнѣ весьма жалкою въ сравненіи
съ прошлыми зимами. Однако я не от-
чаиваюсь и увѣрена, что съ Божіею по-
мощью не буду слишкомъ тосковать. Я
такъ распредѣлила своя занятія, что не
имѣю ни минуты свободной и не вижу,
какъ идетъ время. Пока мнѣ не прихо-
дилось страдать отъ холода въ на-
шей гадкой квартирѣ, я смотрѣла рав-
нодушно на изодраныя драпировки,
парусинную мебель, кривые столы, те-
перь же все это мнѣ кажется невы-
носимымъ. Впрочемъ надъ нами сжалил-
ся одинъ здѣшній помѣщикъ и велѣлъ
намъ привести мебель изъ своего имѣнія.
Я достала себѣ теплые ботинки, которыхъ
не снимаю съ ногъ; эта обувь, равно и
весь мой нарядъ, придаетъ мнѣ видъ
пятидесятилѣтней старухи. Я никогда
не была щеголхой, и потому ниче-
го не значитъ обойтись безъ щеголь-
ства. Но я не могу, съ такой же фи-
лософіей отказаться отъ талантовъ,
которые развивала съ самаго дѣтства
и коими забавляла тѣхъ, кому желала

доставить удовольствіе. Я болѣе не бу-
ду въ состояніи позабавить тебя пѣни-
емъ, потому что я совершенно потеря-
ла голосъ. Вчера я попробовала кое-
что спѣть и рѣшительно не могла взять
ни одной ноты. Прощайте всѣ мои ро-
мансы, аріи, дуэты, которыми я потѣ-
шала моихъ добрыхъ друзей! Помниши
ли ты наши ужины у дяди? Гдѣ-то онъ
теперь, милый дядя! Говорятъ, домъ
его сгорѣлъ. Кстати, я отказываюсь
отъ многого изъ сказаннаго мной о Ра-
стопчинѣ; говорятъ, онъ вовсе не такъ
безукоризненъ, какъ я полагала. Судя
по послѣднимъ, вѣрнымъ свѣдѣніямъ о
всемъ случившемся до и по отпадѣ Мос-
квы, я вижу, что есть причины сер-
диться на графа. Ему особенно повре-
дила его полиція, которая, выйдя изъ го-
рода въ величайшемъ безпорядкѣ, гра-
била во всѣхъ деревняхъ, лежащихъ
между Москвою и Владиміромъ. Много
есть другихъ мелочей, не дѣлающихъ
ему чести. Онъ съ Кутузовымъ какъ
кошка съ собакой. Бенигсенъ одно вре-
мя не въ ладу былъ съ Кутузовымъ,
но они скоро помирились и теперь другъ
съ другомъ въ прекрасныхъ отношені-
яхъ. Я обѣщала тебѣ сообщить подроб-
ности о старикѣ Кульманѣ, вотъ онъ.
Не будучи извѣщенъ полиціей о сдачѣ
Москвы, онъ остался въ городѣ. Въ
первые же три дня по вступленіи Фран-
цузовъ, его ограбили, сожгли его домъ,
словомъ онъ всего лишился. Въ лохмоть-
яхъ, питаюсь тѣмъ, что Французы выбра-
сывали на улицу, въ отчаяніи, онъ про-
силъ принять его въ лѣкаря въ одинъ изъ
Наполеоновскихъ госпиталей. Это до-
ставило ему способъ существованія въ
теченіе шести ужасныхъ недѣль, кото-
рыхъ не забудетъ ни одинъ Русскій.
Когда Французы удалились и наши вла-
сти вернулись въ городъ, Кульмана
схватили и посадили въ тюрьму. Отту-
да онъ написалъ матушкѣ письмо раз-
дирающее душу. Этотъ несчастный че-
ловѣкъ, служившій нашему Отечеству
сорокъ лѣтъ, занимая мѣста, на кото-
рыхъ онъ могъ разжиться въ теченіи

года, не взялъ ни гроша. Уѣзжая изъ Москвы, мы оставили его въ довольно жалкомъ положеніи. Не смотря на свою честность и безкорыстіе, онъ попалъ въ такое положеніе, изъ котораго лишь Богъ можетъ его вывести, и все это благодаря вѣтренности и неразумію столь страннымъ въ старикѣ, и столь намъ извѣстнымъ. Нѣмецъ нашего Мишеля, бѣдный Кленсенъ, сгорѣлъ въ нашемъ домѣ, гдѣ остался послѣ нашего отъѣзда. Съ отчаяніи онъ началъ пить и въ тотъ роковой день, когда подожгли Никитскую, онъ былъ такъ пьянъ, что его никакими силами не могли вытащить изъ угла, въ которомъ онъ спрятался, и такимъ образомъ онъ сталъ жертвою своей глупости и адскаго неистовства націи, считаемой за самую образованную во всей Европѣ.

Ежедневно сюда приводятъ плѣнныхъ; они крайне дерзки, такъ что губернаторъ, человѣкъ очень порядочный, обращается съ ними какъ съ собаками.

33.

25 Ноября.

Сколько пріятныхъ новостей, милый другъ! Сколько причинъ надѣяться, что Господь сжалятся надъ нашими страданіями и что мы будемъ имѣть счастье отмстить за гибель милой столицы, увидивъ и окончательно уничтоживъ тирана, бывшаго причиною всѣхъ нашихъ мукъ!

Нынѣ мы получили извѣстія отъ 8-го Ноября, настолько удовлетворительныя, что можемъ себѣ позволить предаться чувству похожему на радость! Я говорю, что чувство наше похоже на радость, ибо мы такъ давно не радовались, что даже забыли что значитъ радоваться. Какъ бы то ни было, дышется свободнѣе и можно надѣяться, что снова настанутъ миръ и спокойствіе, которыхъ мы такъ жестоко были лишены. Если бы не попалъ братъ Николай въ тотъ омутъ, отъ котораго зависитъ наша общая участь, мнѣ кажется, мнѣ бы нечего было желать. Однако,

скажи мнѣ кто либо прошлый годъ, какъ проведу я зиму 12-го года, я навѣрное стала бы жаловаться на горькую участь меня ожидающую. Вообрази, что я нахожусь посреди трехъ старцевъ (одинъ изъ нихъ отъ меня безъ ума); подъ носомъ у меня колода картъ для игры въ бостонъ, въ вечеръ я проигрываю два или три рубля. Чтобы разнообразить удовольствія, я и мой старый поклонникъ играемъ въ пикетъ по пятаку за очокъ. Затѣмъ, взгляни на мое прошлое, сравни обстановку, въ которой ты меня знала и теперешнюю мою жизнь и скажи, что ты думаешь объ этомъ сравненіи.

Каждый день я катаюсь въ саняхъ и потомъ вышиваю безъ устали. Это, признаюсь, мнѣ служитъ отдыхомъ и составляетъ любимѣйшее мое занятіе.

Ты желаешь знать, не приведутъ ли насъ въ Питеръ общія несчастія и потеря дома въ Москвѣ. На это я скажу тебѣ, что вашъ блестящій городъ увидитъ насъ лишь въ одномъ случаѣ, а именно: ежели служба Николинки принудитъ его поселиться въ Питерѣ, тогда матушка все броситъ, чтобы послѣдовать за милымъ сыномъ, дабы своимъ присутствіемъ охранить его отъ соблазновъ, словомъ отъ безчисленныхъ пороковъ, коими богата ваша сторона, и которымъ 17-ти лѣтній юноша не въ силахъ противустоять. Николай такъ добръ, такъ довѣрчивъ, что болѣе другаго нуждается въ руководителѣ, что онъ и самъ сознаетъ. До сихъ поръ онъ радуется всѣхъ насъ своимъ хорошимъ поведеніемъ, прекраснымъ характеромъ; ты понимаешь, что мы все забудемъ, коль скоро явится случай быть ему полезными.

Еще, быть можетъ, встрѣтимся мы на берегахъ Невы, ежели дядя Кошелевъ потребуетъ насъ; но я надѣюсь что онъ этого не сдѣлаетъ. Онъ такъ несчастливъ во многихъ отношеніяхъ, что матушка не въ силахъ будетъ долго противиться его просьбѣ, ежели онъ серьезно того пожелаетъ; иначе лишь служ-

ба Николая можетъ насъ вызвать въ Питеръ. Мы — Москвичи болѣе чѣмъ когда либо!

Странно, что со времени несчастія, Москва стала еще милѣе для всѣхъ, кто къ ней былъ привязанъ. Многія лица, между прочѣмъ Апраксины, предполагая, что мы можемъ перебраться въ Петербургъ, написали матушкѣ, совѣтуя ей не покидать Москвы, говоря, что должно стараться сгладить слѣды бѣдствій, которыя потерѣла милая столица, жертвуя собою для общаго блага. Вотъ наши планы. Зиму мы проведемъ здѣсь, и старый Нѣмчиновъ будетъ за мной ухаживать сколько ему угодно. Весной мы намѣреваемся посѣтить принадлежащее намъ имѣніе въ Саратовской губерніи, котораго никто изъ насъ не знаетъ. Потомъ отправимся въ наше милое Высокое, пробудемъ тамъ до зимы и тогда вернемся въ дорогую Москву, гдѣ уже строятся нѣсколько зданій и на будущую зиму можно будетъ нанять домъ. Москва, говорятъ, полна народу; въ нее съѣзжаются изъ всѣхъ сосѣднихъ губерній.

Я одного боюсь, чтобы весной житье въ Москвѣ не сдѣлалось опаснымъ, такъ какъ во время шестинедѣльнаго пребыванія въ городѣ Французы перебили множество народа. Не только городъ, но и окрестности усыяны трунами, заражающими воздухъ. Представь, что будетъ весной, когда растаетъ снѣгъ. Николай пишетъ, что за пятнадцать верстъ отъ Москвы уже становится тяжело дышать; колодцы, овраги и рвы вокругъ Кремля, все наполнено мертвыми тѣлами; ихъ даже трудно отыскивать, и потому мѣры, принимаемыя противъ зла, недостаточны. Къ тому надо прибавить, что въ началѣ Ноября еще не похоронены были убитые 26-го Августа; Богъ знаетъ, схоронены ли они теперь. За 25 верстъ слышно было зловоніе и ежели не примутъ рѣшительныхъ мѣръ, весной запахъ слышенъ будетъ и въ Высокомъ, находящемся не болѣе какъ въ пятидесяти верстахъ

отъ несчастнаго Бородина, что разрушило бы наши планы, и не знаю куда бы мы дѣлись лѣтомъ въ такомъ случаѣ. Невѣстка моя беременна, и къ 1-му Іюня намъ необходимо гдѣ нибудь устроиться, чтобы она могла спокойно родить.

Впрочемъ я стараюсь какъ можно менѣе думать о будущемъ. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было бы неблагодарностию съ нашей стороны, ежели бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полной увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо.

Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ Французы до и по вступленіи своемъ въ Москву? Во всемъ видѣнъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе Провидѣнія, которое, наказавъ насъ, по правосудію Своему, не допустило однако до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что случилось. Божія благодать спасла насъ отъ горя, которое для насъ было бы тяжелѣ многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ рассказали, что чудовища эти откапывали мертвецовъ, чтобы грабить могилы. Я съ отчаяніемъ вспоминала о Дѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ покоится лучшій и любимѣйшій изъ отцовъ. Николай по прибытіи въ Москву тотчасъ отправился въ монастырь и пишетъ намъ, что памятникъ батюшки, равно и всѣ другіе памятники, остались въ цѣлости. У насъ какъ камень съ сердца свалился. Въ женскихъ монастыряхъ совершались мерзости; но, что для насъ наиважнѣйшее, то цѣло, благодаря Бога.

Въ реляціи Кутузова сказано, что въ дѣлѣ 8-го числа Финляндскій гвардейскій полкъ отличился храбростью. Въ

этомъ полку находится братъ Дашп Ухтомской; потрудись, милый другъ, узнать, не въ числѣ ли раненыхъ или убитыхъ значится князь Ухтомскій. Послѣ Бородинскаго дѣла въ этомъ полку осталось въ живыхъ семь офицеровъ, въ числѣ ихъ былъ и Ухтомскій. Богъ знаетъ, посчастливилось ли ему и на этотъ разъ. Бѣдная сестра его, которую я люблю съ дѣтства, въ ужасномъ страхѣ. Я получила отъ нея письмо и, судя по нему, вижу, что она страшно тревожится. Письмо ея отъ 16-го Октября; ей еще, значить, не было извѣстно, что произошло сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ.

34.

27 Ноября.

Мы снова подверглись всѣмъ ужасамъ степной вьюги: это страшная мука, особенно когда живешь въ картонномъ домикѣ. Невольно вспомнишь о нашемъ тепломъ, уютномъ Московскомъ домѣ, который былъ извѣстенъ своимъ удобствомъ въ самыхъ дальнихъ частяхъ города. Очень благодарю тебя за извѣстіе, что отысканъ крестъ Ивана Великаго. Я повторяю съ восторгомъ, что онъ не будетъ служить трофеемъ чудовищу! Однако я не могу удержать своего негодованія касательно спектаклей и лицъ ихъ посѣщающихъ. Что же такое Петербургъ? Русскій ли это городъ, или иноземный? Какъ это понимать, ежели вы Русскіе? Какъ можете вы посѣщать театръ, когда Россія въ траурѣ, горѣ, развалинахъ и находилась на шагъ отъ гибели? И на кого смотрите вы? На Французовъ, изъ которыхъ каждый радуется нашимъ несчастіямъ!

Я знаю, что въ Москвѣ до 31 Августа открыты были театры, но съ первыхъ чиселъ Іюня, то есть со времени объявленія войны, у подъздовъ ихъ видѣлись двѣ кареты, не болѣе. Дирекція была въ отчаяніи, она раззорялась и ничего не выручала. Играли Русскіе и въ болѣе спокойную пору, и то зала

наполнена была лишь купцами. Чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Петербургъ вправдѣ ненавидѣтъ Москву и петербѣтъ всего въ ней происходящаго. Эти два города слишкомъ различны по чувствамъ, по уму, по преданности общему благу, для того, чтобы сносить другъ друга. Когда началась война, многія особы, будучи не хуже вашихъ красивыхъ дамъ, начали часто посѣщать церкви и посвятили себя дѣламъ милосердія, чтобы умиловить Бога за себя и своихъ соотечественниковъ. Ежели у насъ несли вздоръ, то по крайней мѣрѣ всѣ мы, Русскіе, за исключеніемъ Петербурга разумѣтся, одинаково заблуждались.

Здѣсь въ Тамбовѣ, мѣстѣ болѣе безопасномъ чѣмъ другія мѣста, балы, начинающіеся обыкновенно съ Сентября, открыты были лишь послѣ сраженія подъ Вязьмой. До сихъ поръ ни одна дама не показывалась на балѣ, такъ что балы превратились въ мужскія собранія, гдѣ играютъ въ карты. Французскій языкъ изгнанъ; крестьяне лишь только слышать, что говорятъ на иностранномъ языкѣ, сейчасъ же скорчатъ грозную гримасу. Въ Москвѣ съ Августа мѣсяца Французы не осмѣливались показываться на улицахъ: ихъ побивали камнями. Мыслимо ли было, чтобы пошли на нихъ смотрѣть въ театрѣ? Шаховскіе рассказывали мнѣ, что во всю дорогу отъ Кавказа до сюда они были какъ на иголкахъ; если забывшись, по привычкѣ, начинали говорить пофранцузски, мужики сейчасъ спрашивали ихъ, не изъ тѣхъ ли они негодяевъ, которые грабятъ Россію и Москву?

Я забыла рассказать тебѣ о перемѣнѣ моихъ отношеній къ двоюродному брату Валуеву. Изъ заклятаго врага онъ сдѣлался моимъ поклонникомъ. Я получила отъ него такое посланіе изъ Рязани, въ концѣ коего недостаетъ лишь предложенія; въ послѣднемъ случаѣ оно было бы вполнѣ трогательно. Во время трехдневнаго пребыванія своего у насъ, онъ преслѣдовалъ меня комплиментами

и ласками; стараясь оправдаться передо мною въ своихъ прежнихъ ошибкахъ въ отношеніи меня и зная, что онѣ мнѣ извѣстны. Я не побѣгала объясненія и вечеромъ наканунѣ его отъѣзда высказала ему откровенно мое мнѣніе о разныхъ вещахъ. Онъ весьма покорно выслушалъ мои замѣчанія, сознавался, что былъ невыносимъ, говорилъ, что исправился и т. д. Въ заключеніе всего этого я получила вышеупомянутое письмо. Эта переѣвна мнѣ кажется чудомъ въ родѣ переворота въ судьбѣ Наполеона. Насталъ годъ чудесъ!

Еслибы не твое великодушіе, мы рѣшительно не вѣдали бы, что на свѣтѣ происходитъ. Нынче получили мы извѣстіе, что Николай съ Ипполитомъ отправились въ армию 19-го числа; теперь они уже доѣхали.

Знаешь ли, что сдѣлали Французы изъ гостинныхъ Разумовскихъ, о которыхъ ты упоминаешь въ письмахъ твоихъ (надѣюсь, что мы когда нибудь въ нихъ встрѣтимся) Въ третьемъ этажѣ, въ кабинетѣ графа, они устроили бойню; по уходѣ ихъ тамъ нашли зарѣзанныхъ коровъ и телятъ. Въ нижнемъ этажѣ были конюшни: въ среднемъ, на убранство котораго графъ прошлымъ лѣтомъ положилъ огромныя деньги, они все истребили.

Петровское исчезло; тамъ происходили ужасы. отъ которыхъ дыбомъ становятся волосы. Московскія кладовыя были въ цѣлости до Октября; въ эту пору одна изъ служанокъ, влюбившись въ какого-то негодяя Поляка, открыла ихъ разбойникамъ, равно и погреба, словомъ мѣста, гдѣ что либо хранилось. Потери Разумовскихъ простираются почти до двухъ милліоновъ.

Если желаешь составить себѣ понятіе объ образованнѣйшемъ народѣ, называемъ насъ варварами, прими къ свѣденію, что во всѣхъ домахъ, гдѣ жили Французскіе генералы и высшіе чины, спальни ихъ служили также чуланами, конюшнями и даже кое-чѣмъ хуже. У Валуевыхъ въ этомъ отношеніи такъ

домъ отдѣляли, что въ немъ дышать нельзя и все ломать надобно, а эти свиньи тутъ жили.

35.

2 Декабря.

Вчера въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ я въ Тамбовѣ, была я на обѣдѣ, данномъ для матушки однимъ изъ богатѣйшихъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Здѣсь для меня все ново, и есть что изучать. Я замѣтила, что есть возможность составить кружокъ изъ мужчинъ; они не щеголи и не отличаются любезностью, но за то разумные и даже пріятные собесѣдники. Что касается женщинъ, только губернаторша милая особа, остальные нестерпимы. Всѣ съ претензіями крайне смѣшными. У нихъ изысканныя, но вѣрные туалеты, странный разговоръ, манеры какъ у кухарокъ; при томъ онѣ ужасно жеманятся, и ни у одной нѣтъ порядочнаго лица. Вотъ какъ въ прекрасный полъ въ Тамбовѣ! Ты понимаешь, что я какъ можно рѣже буду видѣться со всѣми этими лицами, развѣ въ случаѣ необходимости. Мы каждый день видимся съ Разумовскими: она по прежнему безалаберна, а мужъ ея любезнѣе чѣмъ когда либо. Нынче мы у нихъ будемъ ужинать. Щукина не слишкомъ пріятная особа, я съ ней мало знаюсь, мы только вмѣстѣ играемъ въ карты; мужъ ея претошный. У нихъ живетъ племянница, которая замужемъ за какимъ-то Ивановымъ, глупое и невыносимое существо, какъ разъ подъ пару здѣшнимъ чопорнымъ дамамъ; она уже успѣла съ ними подружиться. Все это общество мнѣ не по вкусу, я бы его себѣ не избрала; но за неимѣніемъ лучшаго, приходится имъ довольствоваться.

Вчера я видѣла пріѣхавшаго изъ арміи; онъ оставилъ главную квартиру 19 Ноября. Извѣстія имъ привезенныя такъ хороши, что, будучи Русскимъ, нельзя не забыть о своихъ потеряхъ и не радоваться, думая о безсмертной славѣ, которую пріобрѣтаетъ наше милое Отечество. Французы, особенно злодѣй Напо-

леонъ и его приверженцы, растерялись. Я согласна, пусть эти дураки называютъ Россію варварской страной, коль скоро ихъ цивилизація привела ихъ къ добровольному подчиненію гнуснѣйшему тирану. Слава Богу, что мы варвары, если считаются образованными: Австрія Пруссія и Франція.

Сюда прислали четверыхъ плѣнныхъ Французскихъ генераловъ. Князь Кутузовъ особенно рекомендовалъ одного изъ нихъ здѣшнему губернатору, родственнику своему, присоединяя, что, слышавши, что съ плѣнными обращаются сурово, онъ желаетъ, чтобы измѣнили эту систему, ибо жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ не согласуется съ Русскими характеромъ. Потому съ большими генералами будутъ обращаться, какъ обращались въ Москвѣ съ Клерфельтомъ и Левенгеймомъ. Добраго старика Кутузова армія обожаетъ, вездѣ его встрѣчаютъ съ восторженными привѣтствіями. Растопчину съ нимъ тягаться не подь силу.

Знаешь ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все что я видѣла, слышала и чувствовала, что мнѣ приходила мысль идти въ здѣшній монастырь, для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ.

36.

10 Декабря.

Ты удивишься, узнавъ, что я собираюсь на балъ. Да, послѣ завтра я буду выплясывать съ Тамбовскими щеголями. 12-е Декабря, какъ тебѣ извѣстно, празднуется во всей Россіи. Вотъ и здѣшній губернаторъ *), добрѣйшій человекъ, вздумалъ потѣшить общество и даетъ балъ, къ которому готовятся всѣ наши франтихи.

Признаюсь, меня удивляетъ, что мнѣ приходится явиться на балъ послѣ

*) Статскій совѣтникъ Петръ Андреевичъ Нидовъ, какъ значится въ Мѣсяцословѣ на 1812 годъ. И. Б.

всѣхъ тревогъ и скорбей, испытанныхъ мною въ теченіи шести мѣсяцевъ; однако я не прочь взглянуть на провинціальныя собранія. Съ тѣхъ поръ какъ извѣстія изъ арміи сдѣлались утѣшительнѣе, въ Россіи снова начали веселиться. Вотъ уже три недѣли какъ здѣсь пляшутъ по воскресеньямъ, въ жалкомъ, уродливомъ домѣ, въ которомъ жители Тамбона веселятся болѣе, нежели веселились мы въ прекрасномъ Московскомъ зданіи.

Наше Московское собраніе только что собиралось отдѣлать и украсить на нынѣшнюю зиму, а негодяи Французы превратили его въ пепель.

Ты вѣрно видала г-жу Болговскую, рожденную Салтыкову; у нея было большое имѣніе въ Смоленской губерніи. Жила она открыто, пользуясь всѣми удобствами жизни. Теперь же съ пятью дѣтьми, изъ которыхъ одинъ меньше другаго, она принуждена продавать платья и бѣлье, чтобы не умереть съ голоду. И сколько такихъ случаевъ!

Я часто получаю посланія отъ Валдуевыхъ; онѣ такъ привязались ко мнѣ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ проведенныхъ съ нами, что при всякомъ удобномъ случаѣ посылаютъ мнѣ дружескія письма. Подробности, которыя онѣ сообщаютъ мнѣ о Москвѣ, крайне интересны для человѣка, любящаго этотъ городъ, какъ я его люблю. Меня радуетъ привязанность народа, вообще всей націи Русской къ этой древней и почтенной столицѣ нашего милаго Отечества. Москва теперь какъ муравейникъ. Въ нее стекаются отовсюду. Туда идутъ транспорты даже изъ здѣшнихъ мѣстъ; поэтому тамъ жизнь дешевле прежняго. Въ Москвѣ теперь можно все достать, даже предметы роскоши; какъ-то: шелковыя матеріи, вина, овощи и т. д.; даже общество, говоритъ Аннета, лучше прежняго. Всѣ лица, которыхъ дома уцѣлѣли, занимаются ихъ устройствомъ.

Кстати, я тебѣ не упоминала о великолѣпномъ проэктѣ благотворительности, составленномъ нашими дамами. Каково

твое мнѣніе о немъ? Право, женское судилище, съ предѣлательницей во главѣ, напоминаетъ мнѣ сенатъ фей Уржели, во главѣ коего находилась королева Берта. Не знаю, видѣла ли ты эту піесу; но увѣрю тебя, что предполагаемый комитетъ мнѣ ее напоминаетъ. Откровенно говоря, если хотѣть дѣлать добро и благотворить, то можно обойтись безъ гласности. Въ предпріятіи же этихъ дамъ я вижу желаніе выказаться. Это признакъ тщеславія, непріятнаго и въ мужчинѣ и которое вовсе не нравится мнѣ въ женщинѣ, назначеніе коей держаться въ сторонѣ.

У насъ въ гостинной съ десятокъ помѣщиковъ, явившихся сообщить намъ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна.

37.

17 Декабря.

Я ѣздила на балъ, чтобы не обидѣть Тамбовскихъ обитателей, старалась быть веселой и до четырехъ часовъ утра танцевала, Богъ знаетъ съ какими рожами. Праздникъ былъ блестящій; даже въ столицѣ онъ бы имѣлъ успѣхъ. Никогда не встрѣчала я такой коллекціи оригиналовъ, какую пришлось мнѣ видѣть въ этотъ день.

Тамбовъ теперь въ полномъ блескѣ. Все дворянство собралось на выборы, отъ бѣдняка до богача. Пора выборовъ самая веселая въ губернскихъ городахъ. На балѣ графъ Левъ*) насчиталъ до двадцати мундировъ одинъ другаго оригинальнѣе. Тутъ, судя по мундирамъ, находились представители четырехъ царствованій; были нѣкоторые и въ сюртукахъ. Цѣлыхъ три дня послѣ балу мнѣ нездоровилось. Я отвыкла поздно ложиться, устала и вообще не охотно ѣхала на балъ. Вѣсти Московскія не утѣшительны. Тамъ свирѣпствуютъ повальные болѣзни, какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ. Несчастливая столица переходить отъ одного бѣдствія къ другому. Надо надѣяться, что приняты будутъ строгія

мѣры къ отвращенію зла и что въ стѣнахъ милого города снова водворится здоровіе, миръ и счастье, которыми онъ пользовался въ теченіи вѣковъ.

Нашъ старшій маіоръ, котораго ты знаешь, умеръ вслѣдствіе непріятностей, перенесенныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ изверговъ. Однако мы очень счастливы: изъ нашихъ никто не погибъ кромѣ Клемапа и маіора. У Разумовскихъ же умеръ лучшій ихъ управляющій, похоронивъ въ теченіи недѣли жену, трехъ дѣтей и имѣвъ несчастье видѣть звѣрскіе поступки изверговъ въ отношеніи къ его одинадцатилѣтней дочери. Несчастливая тоже при смерти. Много подобныхъ случаевъ; въ Голицынской больницѣ, въ церкви, на altarѣ, нашли мертвую дѣвочку одинадцати лѣтъ, бывшую жертвою самаго гнуснаго злодѣйства. Сначала отъ подобныхъ новостей меня била лихорадка, но мы обязаны Французамъ привычкою къ самымъ непріятнымъ ощущеніямъ: онѣ такъ часто повторяются, что не могутъ производить постоянно сильнаго впечатлѣнія.

Сумарокова въ Москвѣ и пишетъ мнѣ, что она объѣздила весь городъ и преимущественно ту сторону, гдѣ мы жили. Съ трудомъ отыскала она развалины нашего милого дома*). Она говоритъ, что невидавшій настоящаго положенія Москвы еще не можетъ вполне ненавидѣть злодѣевъ. Я не хочу ненавидѣть ихъ, прошу Бога простить имъ ихъ злодѣйства; но положительно можно сказать, что съ тѣхъ поръ какъ міръ существуетъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи не найдешь поступковъ подобныхъ преступнымъ дѣйствіямъ ихъ въ нашемъ Отечествѣ.

Графиня Орлова, Лобкова съ племянницей, гр. Апраксина и многія другія намѣрены провести зиму въ Москвѣ.

Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Растопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ

*) Разумовскій.

*) Въ Леонтьевскомъ переулкѣ, нынѣ графини Зокреяской. И. Б.

сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальмѣ, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600000 рублей товару, послѣдовала за Французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5000 рублей вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ Волковъ отказался отъ своей доли. Сирпидовъ, Московскій комендантъ и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна *).

Я еще не говорила тебѣ, что я достала дрянные фортепьяны и шоты; матушка заставляетъ меня пѣть. Если у тебя есть какія нибудь хорошенькія піесы, пришли ихъ мнѣ, дружокъ. Здѣсь подобныя вещи нужныѣ чѣмъ гдѣ либо. Трудно веселиться въ Тамбовѣ; благодарю всѣмъ моимъ усиліямъ, я дошла до того, что не скучаю. Слава Богу, у меня характеръ, которому скука невѣдома.

О Николаѣ не имѣемъ извѣстій, съ тѣхъ поръ какъ онъ въ походѣ. Сестра тоже не можетъ часто писать, потому что слѣдуетъ за Чичаговской арміей. Послѣднее ея письмо было изъ Пинска отъ 2-го Ноября. Чтѣ дѣлать, надо терпѣть: горю ничѣмъ не поможешь.

Не стыдно ли вамъ отнимать у насъ Вельгорскихъ? Впрочемъ берите ихъ. Катинша непременно хочетъ ѣхать, вопреки всему семейству и своему безхарактерному мужу.

38.

24 Декабря.

Плѣнные, разсѣянные по всей Россіи, заносятъ всюду заразу, потому что са-

*) Сличн въ Р. Архивѣ 1866 г., стр. 705 и 729 въ письмахъ о 1812 годѣ А. Я. Вулгакова.
И. Б.

ми они почти что чумные. Прислуга наша, пріѣхавшая съ Высокаго, рассказываетъ, что по большой дорогѣ во многихъ деревняхъ есть дома, въ которые никто не смѣетъ входить; находящіеся въ нихъ умираютъ или оживаютъ, будучи оставлены на произволъ судьбы. Принцъ Ольденбургскій умеръ на третью сутки.

Не могу выразить тебѣ, до чего меня растрогали нынче утромъ рассказы нашей бѣдной прислуги о всемъ, что она вытерпѣла съ конца Августа до конца Октября. Московскіе пожары и пожары въ деревняхъ, лежащихъ по Можайской дорогѣ, освѣщали Высокое въ теченіи трехъ недѣль такъ, что ночью тамъ было свѣтло какъ въ полдень. Въ теченіи мѣсяца, наши и крестьянскія вещи лежали въ телѣгахъ. Люди насушили сухарей и собирались скрыться въ лѣсъ, единственное надежное убѣжище отъ Французовъ. Непріатели были въ пятнадцати верстахъ отъ Высокаго. Рѣшительно чудомъ спасся этотъ милый уголокъ!

Съ истинной радостью думаю я, милый другъ, что намъ остается всего недѣли до новаго года. Уповаю на милосердіе Божіе и надѣюсь, что наступающій годъ не похожъ будетъ на тотъ, съ которымъ мы расстаемся.

Тамбовъ наполненъ плѣнными. Французы считаютъ понесенный ими разгромъ за поправимую неудачу. Поляки, зная какъ ихъ ненавидятъ у насъ, выдаютъ себя за Голландцевъ или за Нѣмцевъ. Жалкіе Испанцы и Португальцы: они на свободѣ и ежедневно приходятъ просить милостыни. Я съ ними говорила. Они Россію превозносятъ до небесъ, а Наполеона ненавидятъ и радуются его паденію. Между прочими тутъ есть одинъ генералъ Португальскій; съ нимъ было два сына, одного убили у него на глазахъ, другой пропалъ безъ вѣсти; да дома осталась у него семья, о которой онъ въ продолженіи двухъ лѣтъ не имѣетъ извѣстій. Несчастный старикъ слова не можетъ сказать безъ слезъ. Сама

я ни одного генерала не видала и сер- жусь на тѣхъ, кто заговариваетъ съ Французамп, отъ которыхъ дождешья лишь дерзостей. Когда ихъ отщелкають, они тотчасъ осядуть и становятся низ- копочлонными. Прелестный характеръ, нечего сказать!

39.

31 Декабря.

Ты не поняла меня относительно взгля- да моего на монашескую жизнь, милый другъ. Еслибы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то, живя въ уединеніи, мы приближались бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Но лучшія учрежденія искажаются подъ рукой человеческой. Многое достойно осужденія въ жизни монаховъ, однако нѣкоторые изъ нихъ приносятъ пользу. Въ свѣтѣ же, посре- ди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Чтѣ бы ты мнѣ ни говорила, я все та- ки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ мно- гихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствитель- ность, напрашиваемся на разнаго рода не- приятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутитель- на потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всѣхъ при- вязанностей. Между ними есть такія, ко- торыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣ- дуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого либо болѣе чѣмъ Его Самого, но пове- лѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ.

Впрочемъ не бойся: пока я нужна ко- му либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастье посвящать матушкѣ все мое время.

Цѣлую недѣлю мы возились съ крестья- нами изъ Саратовскаго имѣнія, послан- ными отъ сельскаго міра. Весною от- правляясь въ Саратовъ, оттуда въ Са- репту къ Гернгутерамъ. Они всего въ 150 верстахъ отъ насъ. Нынче утромъ

получили мы два письма отъ сестры изъ Минска. Она говоритъ, что у нихъ всѣ госпитали переполнены, дороги покрыты трупами, деревни полны боль- ными, такъ что крестьяне убѣгаютъ въ лѣса и мертвыхъ оставляютъ безъ по- гробенія. Это можетъ имѣть ужасныя послѣдствія. Да сохранитъ насъ Богъ отъ чумы! Въ Москвѣ и ея окрестно- стяхъ тоже свирѣпствуютъ болѣзни, равно и въ Казани, гдѣ умеръ бѣдный князь Петръ Салтыковъ. Сегодня отпра- вили къ вамъ партію плѣнныхъ Испан- цевъ и Португальцевъ. Берегитесь, что- бы они васъ не зачумили. У насъ оста- лись Поляки, Французы и Нѣмцы.

Вообрази: теперь открывается, что величайшія неистовства совершены бы- ли въ Москвѣ Нѣмцами и Поляками, а не Французами. Такъ говорятъ очевид- цы, бывшіе въ Москвѣ въ теченіи ше- сти ужасныхъ недѣль.

Я теперь ненавижу Растопчина и имѣю на то причины. О! ежели бы съ тобой когда нибудь увидимся, сколько мнѣ придется разсказать тебѣ. Мнѣ ка- жется, въ мѣсяцъ всего не передашь

*

Письма эти извлечены изъ Фран- цузскихъ подлинниковъ, сохранив- шихся у дочери Варвары Иванов- ны Ланской, Анастасіи Сергѣевны Перфильевой. Писавшая ихъ, М. А. Волкова, дочь дѣйствител. тайн. совѣтника Аполлона Андреевича Вол- кова и Маргариты Александровны (ур. Кошелевой) скончалась въ дѣ- вицахъ въ 1859 году и похоро- нена въ Московскомъ Новодѣвичь- емъ монастырѣ. Высокими нрав- ственными качествами приобрѣла она уваженіе самага императора Николая Павловича, который выслушивалъ ея правдивыя рѣчи и около 1839 г. вызы- валъ ее къ себѣ въ гости въ Петербургъ, гдѣ приказалъ отвести ей помѣщеніе

въ зимнемъ дв орцѣ и окружалъ внима-
ніемъ. М. А. Волкова не должна быть
забыта въ историческихъ преданіяхъ,
какъ благороднѣйшая представитель-
ница стариннаго Московскаго быта.
Съ образомъ мыслей ея и со взгля-
домъ на событія 1812 года вполне
согласуются тѣ молитвы, которыя на-
писалъ покойный митрополитъ Фила-
ретъ для молебствія 25 Декабря, въ
память изгнанія изъ Россіи Наполе-
она и его рабовъ. Великій церков-
ный витія былъ въ этомъ случаѣ (какъ
видно изъ вышенапечатанныхъ пи-
семъ) лишь выразителемъ того, что
думало народное большинство, за од-
но съ лучшими своими представите-
лями. Къ сожалѣнію, молебеніе это
или „Послѣдованіе благодарственнаго
и молебнаго пѣнія“, дѣлается нынѣ
уже достояніемъ исторической библио-
графии; съ 1870 года печатается оно
и потому отправляется не въ перво-
начальномъ, полномъ своемъ видѣ, и
въ немъ опущено напр. слѣдующее
мѣсто: „Оставихомъ путь правды Тво-
ея и ходихомъ въ воляхъ сердець на-
шихъ и не искусихомъ имѣти въ ра-
зумѣ и сердцѣ Тебе, Бога разумовъ
и сердець, еще же и отеческая пре-
данія ни во что же вмѣнивши, про-
гнѣвахомъ Тя“ и пр. Вѣроятно это
произошло въ новѣйшемъ изданіи
„Послѣдованія“ по типографскому не-
досмотру.

Письма М. А. Волковой напо-
минаютъ собою извѣстный отрывокъ
Пушкина: „Рославлевъ.“ Не ея
ли, можетъ быть, и имѣлъ въ виду
поэтъ, и не отъ нея ли такъ искусно со-
бралъ бытовья черты 1812 года? П. Б.

ПОЯСНЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ: „МИНИНЪ И ПОЖАРСКІЙ“.

Достоуважаемый нашъ историкъ Н.
И. Костомаровъ почтилъ нашу статью
о Мининѣ и Пожарскомъ (напечатан-
ную въ Русскомъ Архивѣ этого года)
подробнымъ и внимательнымъ раз-
смотрѣніемъ*). Это вызываетъ въ
насъ тѣмъ большую и тѣмъ живѣй-
шую признательность, что исторія
Смутнаго Времени, въ дѣйствитель-
ности, требуетъ всесторонней пере-
вѣрки и самыхъ подробныхъ и точ-
ныхъ изысканій, такъ что всякое но-
вое слово по этому поводу получаетъ
вѣсъ и силу и неизмѣнно служитъ
сопутникомъ къ открытію историче-
ской истины. Наши взгляды на эпоху,
по выраженію уважаемаго историка,
діаметрально-противоположны. Но ме-
жду ними находится истина, къ кото-
рой иначе невозможно приблизиться,
какъ послѣ многихъ и долгихъ раз-
бирательствъ, объясненій и поясненій,
если и проводимыхъ иногда съ обѣихъ
сторонъ съ излишнею настойчивостію
и даже съ нѣкоторою запальчивостію
(въ чемъ однако выражается только
неминуемое свойство всякаго спора
быть живымъ отголоскомъ живыхъ
же людей), за то всегда способныхъ
въ болѣе или меньшей степени рас-
крыть предъ читателемъ, какая изъ
сторонъ наиболѣе достигаетъ желан-
ной истины. Вотъ почему мы почи-
таемъ долгомъ и съ своей стороны
представить нѣсколько поясненій къ
тѣмъ соображеніямъ и фактамъ, ка-

*) Въ статьѣ: Кто виноватъ въ Смутномъ
Времени? (Вѣстникъ Европы, Сентябрь, 1872 г.)

кими руководились, объясняя Смуту — этотъ любопытнѣйшій эпизодъ нашей Исторіи.

*

Достоуважаемый историкъ не находитъ правильнымъ нашъ взглядъ, что Смута начала XVII ст. порождена и распространена на всю Землю боярствомъ и вообще служилымъ сословіемъ, и что, напротивъ, неслужилое сословіе, коренное Земство, народъ, не только не участвовалъ въ сочиненіи и распространеніи Смуты, но, крѣпкій и здоровый нравственно, въ полной мѣрѣ испытавши, что значитъ государственная безурядица, поднялся наконецъ, угасилъ Смуту и спасъ отечество, т. е. собственными силами и средствами совершилъ великій государственный подвигъ. Уважаемый историкъ отмѣчаетъ, что „такой взглядъ на служилыхъ и неслужилыхъ преувеличенъ и какъ будто показываетъ, что тѣ и другіе были людьми инаго племени, языка, словно Турки и Греки въ Оттоманской имперіи или какіе-нибудь Остъ-Готы, либо Лонгобарды съ одной стороны и Римляне съ другой въ Италіи. Мы не только сомнѣваемся (продолжаетъ онъ) въ возможности такого раздвоенія въ Русскомъ народѣ, при которомъ служилые и неслужилые казались бы враждебными и какъ бы разноплеменными лагерями, но считаемъ это положительно невозможнымъ“. Затѣмъ историкъ тщательно доказываетъ, что если и были на той и другой сторонѣ свои интересы, то несравненно было болѣе признаковъ жизни общихъ тѣмъ и другимъ, что родовитые и служилые были тоже Русскіе и имѣли съ народомъ одни нравы, одинакія понятія, одинъ складъ ума, однѣ добродѣтели, одни пороки и т. д.

Надѣмся, что за чужую фантазію мы не отвѣтчики, и приводимыя историкомъ выраженія (*какъ будто, какъ бы*) освобождаютъ насъ вполне отъ доказательствъ, что въ нашей статьѣ ничего мы не говорили о воображаемомъ какъ бы разноплеменномъ раздвоеніи служилыхъ и неслужилыхъ.

Надѣмся также, что еслибъ мы стали „задаваться мыслию отыскивать *вездѣ* враждебныя отношенія дружины къ земщицѣ“, еслибъ въ самомъ дѣлѣ задали себѣ специальную задачу „накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, и какъ можно болѣе въ привлекательномъ видѣ изображать своего Сироту-народъ“, какъ свидѣтельствуется уважаемый историкъ (стр. 11, 16) то намъ вовсе не было бы нужды прибѣгать къ фантастическимъ преувеличеніямъ. Обставленное надлежащими неоспоримыми фактами одностороннее разрѣшеніе такой задачи стояло бы само за себя. Только стоить попасть на одну какую либо точку зрѣнія и направить свои соображенія по одной какой либо линіи, то самый строгій умъ, безъ всякой помощи фантазій, всегда можетъ прийти къ самымъ неожиданнымъ выводамъ. Изъ всѣхъ наукъ Исторія—наука самая гостепріимная и благодарная въ этомъ отношеніи. Она широко растворяетъ двери своего храма всякому прпходящему, и на столько же тому, кто съ великою ученостью усердно изучаетъ и обрабатываетъ ея необозримый матеріалъ, какъ и тому, кто съ познаніями краткаго учебника вчера только прочелъ какую либо историческую статью. Въ ея гостепріимномъ храмѣ всѣмъ свободно; въ немъ всякій чувствуетъ себя какъ дома, всякій и обо всемъ свободно и беззапѣтливо мыслить, обо всемъ свободно

и беззащитно судить и рядить по той именно причинѣ, что Исторія занимается разслѣдованіемъ и изображеніемъ человѣческихъ дѣлъ, а въ человѣческихъ дѣлахъ всякій человѣкъ полноправный и вполнѣ независимый судья и рѣшитель. Отъ этой же причины Исторія, какъ наука, до сихъ поръ не могла выработать себѣ своей собственной ученой техники, если можно такъ сказать. Она еще не выработала своихъ условныхъ знаковъ и именъ, для обозначенія своихъ непогрѣшимыхъ истинъ, такихъ знаковъ и именъ, при указаніи которыхъ всѣ были бы согласны, что обозначаютъ они именно только тотъ смыслъ, какой разумѣетъ въ нихъ наука. Во всякой другой наукѣ вновь приходившей всегда чувствуетъ тѣсноту и неловкость, пока не освоится съ ея началами и съ ея техническимъ языкомъ. Какъ я могу разсуждать съ толкомъ въ Физикѣ, Химіи, Астрономіи, въ наукахъ естественныхъ, юридическихъ, филологическихъ, математическихъ, когда не знаю ни ихъ техники, ни ихъ основаній? Съ первыхъ же словъ я долженъ буду сознаться въ своемъ невѣдѣніи и замолчать. Какъ я могу разсуждать хотябы о дробяхъ въ Ариѳметикѣ, если напередъ не узнаю хорошо, что значатъ числитель и что знаменатель? и т. п. Но за то, пріобрѣтая технику такой науки, всякій тотчасъ убѣдится, что дознанныя въ ней истины для всѣхъ ясны и точны и никакъ не могутъ возбуждать даже и малѣйшихъ недоразумѣній и споровъ. Какъ скоро скажутъ: числитель, знаменатель, то эти имена во всѣхъ умахъ изобразятъ одно и тоже безспорное понятіе.

Совсѣмъ другое происходитъ въ ученomъ храмѣ Исторіи, по крайней мѣрѣ у насъ. Здѣсь нѣтъ такихъ тех-

ническихъ именъ, которыя нельзя было бы съ той или съ другой стороны подвергнуть спору. Здѣсь все шатко и валко, и все можно погнуть на сторону. Казалось бы, что такія общія слова какъ—народъ, общество, государство, свобода и т. п., по безпрестанному употребленію въ историческихъ сочиненіяхъ, давно уже стали техническими и потому для всѣхъ и cadaго ясными и понятными; а выходитъ, что они-то больше всего и возбуждаютъ толки, споры, пререканія и именно о томъ, какая истина должна въ нихъ заключаться. Они-то больше всего и вносятъ непроходимую путаницу понятій въ историческія воззрѣнія на историческія личности и событія. Не говоримъ о словахъ частнаго значенія и смысла, въ родѣ словъ: дружина, бояринъ, казакъ и т. д. И тѣ еще далеко не уяснены и не опредѣлены окончательно и подають нерѣдко поводъ растягивать ихъ смыслъ въ любую сторону. Вотъ почему изъ историческаго матеріала, при извѣстной сноровкѣ, очень легко вырабатывать какія угодно положенія и доказательства, и вотъ почему историческія сочиненія всегда могутъ возбуждать самыя разнообразныя недоразумѣнія и слѣдовательно безконечныя пререканія и споры.

Есть, однако, въ Исторіи великая сила, которая настойчиво противится этой собственной же способности и наклонности Исторіи, какъ искусства, превращаться время отъ времени въ одно лишь приманчивое и заманчивое, не рѣдко даже художественное сплетеніе фантазій, басенъ, сказокъ, легендъ и т. п. Эта сила называется критикою, не въ смыслѣ той критики, какая въ обычномъ понятіи ограничивается только значеніемъ слова *осуждать* или *огуждать* (какъ еще

до сихъ поръ нѣкоторые её разумѣютъ), а въ смыслѣ особой науки или особаго искусства правильно и разборчиво сомнѣваться, правильно и разборчиво разчленять и раздроблять для повѣрки не только свидѣтельства, но и самыя понятія, заключающіяся въ тѣхъ или другихъ словахъ; вообще въ смыслѣ той судительной силы ума, которая вѣруеть въ одну только истину, изыскиваетъ только одну истину, а потому не принимаетъ никакихъ свидѣтельствъ безъ строгой и самой разборчивой, такъ сказать, истязательной повѣрки.

Но, къ великому сожалѣнiю, должно согласиться, что эта сила Исторiи, составляющая существенное и прямо научное ея основанiе, не весьма распространена даже и между специалистами, которые точно также, какъ и профаны, очень рѣдко прибѣгаютъ къ искусству правильно и разборчиво сомнѣваться и по большей части добываютъ свои выводы такимъ порядкомъ умозаключенiй, какой употребителенъ только въ обыкновенныхъ житейскихъ такъ называемыхъ *пересудихъ*. Ясно, что и съ этой стороны не заперты двери къ смѣлымъ и рѣшительнымъ упражненiямъ выдѣлывать изъ историческаго матеріала самыя замысловатыя фигуры.

Вовсе не задаваясь специальною мыслию отыскивать вездѣ враждебныя отношенiя дружины къ земщицѣ и накладывать какъ можно болѣе черноты на бояръ и служилое сословіе, мы старались только возстановить очень простой и естественный фактъ, что въ Смутное Время Русскій материкъ-народъ, какъ политическое цѣлое, въ общей бытовой и государственной раздѣльности, состоялъ изъ трехъ пластовъ (богомольцы, холопы, сироты), что эти пласты отдѣлялись

другъ отъ друга существомъ и характеромъ своихъ интересовъ и задачъ жизни; что вслѣдствiе особаго характера дружинныхъ или вообще служилыхъ интересовъ, дружина изъкопи производила въ Землѣ смуты и, затѣмъ, хотя и превратившись изъ друзей въ холоповъ, но нисколько не измѣняя своей старинѣ, она же произвела Смуту и въ началѣ XVII ст. Мы можемъ сказать больше. Мы скажемъ, что по тѣмъ началамъ или истокамъ жизни, какіе скрывались въ нѣдрахъ дружиннаго сословія, это сословіе неизмѣнно должно было произвести общую Смуту, точно такъ, какъ крестьянское и посадское сословіе, согласуясь съ своими началами и истоками жизни, тоже неизмѣнно должно было унять Смуту и успокоить государство всемірнымъ избранiемъ Государя. И то, и другое обстоятельство являлось только непреодолимымъ историческимъ выводомъ изъ множества историческихъ жизненныхъ посылокъ. И приводили къ этому не враждебныя, а лишь противоположныя интересы, которые, разумѣется, если съ какой либо стороны переходили за свои предѣлы, то, конечно, очень нерѣдко становились и враждебными.

Если смотрѣть на исторiю нашихъ сословныхъ отношенiй съ одной только политической точки зрѣнiя, какъ это дѣлаетъ уважаемый историкъ, то мы ничего политически-особаго тамъ не увидимъ, кромѣ сплошной массы одинакихъ условій жизни, одинакихъ нравовъ, понятiй, добродѣтелей, пороковъ и т. д. Но перейдя на точку зрѣнiя экономическую, мы тотчасъ можемъ разглядѣть, пожалуй, нѣчто въ родѣ Турокъ и Грековъ, Остъ-готовъ и Римлянъ. Одною политикою исторiю народа объяснить невозмож-

но. Она несравненно лучше и точнѣе объясняется культурою, въ которой экономическимъ интересамъ принадлежитъ чуть не первое мѣсто.

Наши народные пласты еще точнѣе можно разсматривать только въ двухъ видахъ: пластъ верхній или *служилый*, кормовѣй, который за свою службу, сначала исключительно военную, кормился отъ Земли. Другой пластъ—нижній, черный, сирота и въ тоже время *кормилецъ*. Экономическою жизненною задачею служилаго пласта было право кормить себя на счетъ Земли, стало быть собирать дани и пошрины, *братъ* кормленье за все и про все. Такою же жизненною задачею для сиротскаго пласта была обязанность *давать* кормленье—дани, дары, уроки, obroki и т. д., *давать* за все и про все. Братъ и давать, конечно, интересы значительно противоположныя.

Служилый пластъ, имѣя въ рукахъ право, правду суда и защиты внутренней и внѣшней, правилъ землею, управлялъ, что значило также владѣть, властвовать, откуда и названіе волости, какъ опредѣленнаго мѣста для дѣятельности этого права. Мы хорошо не знаемъ, что было до пришествія Варяговъ; но видимо, что Варяги были нарочно выписаны изъ заморя, дабы крѣпче и прочнѣе утвердить владѣнье, управленье, чтобы оно не шаталось ни на ту, ни на другую сторону. Сироты усердно давали за все и про все, лишь была бы въ Землѣ защита и безопасность. Для того они и призвали новыхъ властителей. Съ властителями пришла *дружина*, разные Карлы, Фарлофы, Веремуды, Вуефасты и пр., которые сѣли по городамъ и соединились съ Русскою дружиною, каковая по всѣмъ вѣроятіямъ тоже существовала. Дѣтъ че-

резъ сто они сами сдѣлались совѣмъ Русскими и стали прозываться Ратиборами, Остромирами, Радославами, Мирославами, Жирославами и т. д. Уже одно прибавленіе къ личному имени выраженія *славъ*, показываетъ, что это были *славные* люди, въ смыслѣ отличныхъ, передовыхъ дѣятелей страны, въ смыслѣ архонтовъ и аристократовъ. Если дружина и впоследствии пополнялась всякими добрыми и храбрыми людьми, приходившими служить князьямъ съ разныхъ сторонъ, какъ отъ Русскихъ, такъ и отъ иноземныхъ, то понятно, что ея роды и люди несомнѣнно были братья сиротамъ-туземцамъ, у которыхъ они оставались дружинничать и на которыхъ смотрѣли больше всего, какъ на средство своего кормленья, оберегая (въ интересѣ того же кормленья) своихъ и безъ пощады раззоря (все для того же кормленья) чужихъ. На этомъ, намъ кажется, держалась вся исторія дружинныхъ отношеній.

Однако со стороны дружины никакой вражды къ сиротамъ быть не могло. Кому придетъ въ голову враждовать противъ своего же хлѣба! Она всегда смотрѣла на нихъ, какъ на лакомый или вообще какъ на питательный кусокъ, который можно было объѣдать во всякое время. Другое дѣло со стороны сиротъ. Имъ иной разъ приходилось не-въ-терпѣжъ, и они вставали и производили всякія варварства, начиная со времени Древлянъ и оканчивая самыми поздними событіями въ томъ же родѣ. Вражды политической никогда никакой не было, развѣ въ эпоху перваго покоренія племенъ. Но вражда экономическая не угасала въ теченіе всей Исторіи. Вотъ что необходимо различить, и смѣшеніе понятій въ томъ и за-

ключается, что, упуская совсѣмъ изъ виду экономическія условія быта, мы въ каждой избѣ желаемъ находить только политику, а въ ней, кромѣ куска хлѣба, добытаго проливнымъ потомъ, никогда и никакой политики не было. За этотъ-то кусокъ хлѣба Сирота, доведенный иной разъ до-зла, и производилъ неслыханныя варварства.

Экономическія затрудненія народа происходятъ отъ различія и противоположности экономическихъ же началъ, вошедшихъ въ его жизнь. Мы указали, что экономическимъ началомъ дружиннаго быта было право кормиться, а коренное земство стояло на обязанности кормить. Отсюда неизбежная борьба интересовъ—одному больше взять, другому меньше дать, причемъ самый судъ и защита находились въ рукахъ тогоже, кто больше бралъ. Вотъ отчего народъ и сталъ прозываться Сиротою, какъ лишенный необходимой точки опоры.

Существуетъ также чуть не физиологическій законъ, что когда человекъ или цѣлый порядокъ людей поставленъ въ условія жить на чужой счетъ, поставленъ въ необходимость брать дани, дары и т. п., то въ немъ, по естественнымъ причинамъ, развивается мало по малу безграничная алчность и жадность, съ родною ихъ сестрою—завистью къ чужимъ выгодамъ. Дружина перваго Игоря, собравши съ Древлянъ обычную дань, затребовала у князя новаго похода къ нимъ же, указывая, что „вотъ Свѣнелдовы отроки разодѣлись оружіемъ и портами, а мы наги; пойдемъ съ нами опять за данью къ Древлянамъ, да и ты добудешь, и мы!“ Этотъ одинъ примѣръ въ полной мѣрѣ рисуетъ и всю послѣдующую исторію дружины, рисуетъ ея отношенія къ князю—на-

водитъ его на повья дани и кормленья, и отношенія другъ къ другу, къ другой сторонней дружинѣ—не уступать ей въ приобрѣтеніи богатства. „Сама князя млада суца, слушая бояръ, а бояре учаютъ на многая иманья,“ отзывается о дѣйствіяхъ дружины даже и XII вѣкъ.

Здѣсь намъ необходимо сдѣлать поясненіе на счетъ самаго слова дружина. Достоуважаемый историкъ упрекаетъ насъ въ смѣшеніи понятій, что, употребляя слово „дружина“, мы не обратили вниманія на обширность его значенія. „Задавшись мыслию отыскивать вездѣ враждебныя отношенія дружины къ земщицѣ, говоритъ онъ, можно и не обратитъ вниманія на то, что въ нашихъ лѣтописяхъ подъ дружиною разумѣется не всегда только военная сила князя, но это слово принималось и въ смыслѣ болѣе широкое, въ значеніи кружка людей влиятельныхъ или благопріятствующихъ“, т. е. говоря однимъ словомъ, въ значеніи кружка друзей. Слѣдуютъ доказательства и между прочимъ, что у св. Владиміра, когда онъ засѣдалъ въ думѣ съ дружиною, находились и епископы, которые стало быть тоже принадлежали къ дружинѣ. „Такимъ образомъ (продолжаетъ авторъ), самое слово дружина на нашемъ старомъ языкѣ не означало всегда только того, что подъ этимъ словомъ разумѣютъ историки, составившіе теорію о противоположности дружины и земщины. Понятно, какъ слѣдуетъ *осторожно* приступать къ какимъ бы то ни было выводамъ по этому вопросу“, заключаетъ уважаемый историкъ (стр. 12). Очень понятно также, замѣтимъ и мы, что намъ вовсе не было никакой надобности вдаваться въ особенныя разысканія о словѣ дружина и растягивать его смыслъ до нѣта, до-

казывая, что оно и еще имѣло множество значеній, что напр. и монашествующая братія и даже мужняя жена назывались тоже дружиною и т. д. Мы бесѣдовали объ историческомъ значеніи сословія, и потому для насъ достаточно было знать, что лѣтописи въ словѣ дружина главнымъ образомъ разумѣютъ сословіе военное, которое за одно съ княземъ владѣло и управляло Землею, кормилось земскою данью; что въ тѣсномъ смыслѣ это слово означало бояръ, дружину старшую, а въ пространномъ всѣхъ воиновъ. Такое значеніе этого слова въ наукѣ Русской Исторіи сдѣлалось уже какъ бы техническимъ, и потому, не вдаваясь въ его археологію, мы остановились только на его спеціальномъ, историческомъ смыслѣ.

Напрасно также достоуважаемый историкъ находить у насъ и другое смѣшеніе понятій, относительно слова бояринъ. Онъ говоритъ: „Не слѣдуетъ смѣшивать дружину княжескую съ боярами. Въ числѣ дружинниковъ были бояре, но въ тоже время можно было быть бояриномъ, не будучи дружинникомъ. Бояре въ древней Руси принадлежали Землѣ; то были богатые и вліятельные землевладѣльцы. По крайней мѣрѣ, въ Новгородѣ и Псковѣ, бояре являются никакъ не въ значеніи княжеской дружины: борьба противъ нихъ чернаго народа, иногда вспыхивавшая въ Новгородѣ, была борьбою не противъ княжескихъ дружинниковъ, а противъ своей же земской братіи, возвысившейся надъ прочими, противъ *земскихъ аристократовъ*“. О такихъ земскихъ аристократахъ мы встрѣчали указанія и въ статьяхъ г. Бѣляева, но не придавали этому большаго значенія, такъ какъ мало ли какихъ фантазій встрѣчается въ измышленіяхъ о Русской исторіи. На

основаніи всѣхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и всѣхъ изслѣдованій, чуждыхъ подобнымъ измышленіямъ, не возможно утверждать, что бояринъ, оставаясь бояриномъ, могъ и не быть дружинникомъ. Такого боярина древняя Русь не видывала, а потому и поздняя Русь никогда не давала этого имени даже и такимъ земскимъ аристократамъ, каковы были напр. Строгановы или Вятскіе и другіе богатые земцы. Она именемъ боярина всегда обозначала только передоваго дружинника и никого болѣе. Что были бояре въ Новгородѣ, во Псковѣ и во многихъ другихъ городахъ, управлявшихся иногда безъ князя, это доказываетъ лишь то, что въ городахъ (и отнюдь не въ селахъ) жила дружина, что города были гнѣздами дружины, что и строились они собственно для дружины, хотя принимали въ себя и торговое и промышленное населеніе, по въ коренномъ значеніи, относительно этого населенія, все таки больше всего походили на Гоголевское губернское правленіе, обстроенное домами. Поэтому оставаясь ли князь въ городѣ или уходилъ изъ него, съ дружиною или безъ дружины, временно или навсегда, являясь только по призыву, — въ городѣ все таки оставалась дружина; ибо городъ безъ дружины существовать не могъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ и дружина не могла существовать безъ князя и готова была отыскивать его даже за моремъ, какъ Новгородцы грозили древнему Святославу и какъ они вѣрны были этому обычаю въ теченіи всей своей исторіи. Для чего имъ нуженъ былъ князь? Настоящее земство, въ родѣ Вятки, обходилось же до конца своей исторіи безъ князя. Но Новгороду необходимъ былъ князь, какъ главный дружинникъ, по

той причинѣ, что владѣющая среда въ Новгородѣ составила изъ дружины, т. е. изъ воснаго сословія, пришедшаго туда съ княземъ во главѣ. Князь былъ надобенъ по особому мятежному характеру дружинныхъ отношеній; ибо, по свидѣтельству лѣтописи, когда при войскѣ не было князя, то боярина не всѣ слушали. Это вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и мѣсто, какое занималъ бояринъ посреди дружины. Итакъ, дружина безъ князя, а городъ безъ дружины существовать не могли. Городъ въ древнемъ смыслѣ означалъ именно дружину, которая всегда и дѣйствовала подъ именемъ Кіевлянъ, Черниговцевъ, Переяславцевъ и т. д. Городъ владѣлъ своею волостью, своимъ княжествомъ; это значить, что владѣлъ волостью и княжествомъ не кто иной, какъ та же дружина, особенно первая, старшая, бояре. Такимъ образомъ каждый бояринъ былъ прежде всего дружинникъ, но отнюдь не земскій аристократъ, отнюдь не крупный землевладѣлецъ изъ сельскихъ или посадскихъ мужиковъ. Такой землевладѣлецъ никогда не могъ называться бояриномъ по той причинѣ, что въ то время пустыхъ титуловъ еще не существовало и каждое обозначеніе лица прямо и непосредственно указывало на его специальное значеніе и назначеніе, на его родъ должности или занятія. Бояринъ былъ воевода, передовой ратникъ, водитель ратныхъ, зачинатель битвы и боя, отъ котораго слова по всему вѣроятію произошло и его прозваніе, какъ обозначеніе боевой специальности лица. Земскій мужикъ, сколько бы ни былъ онъ богатъ, чтобы получить санъ и имя боярина, долженъ былъ напередъ всего приобрести эту честь впереди ратныхъ, на боевомъ полѣ. Въ такомъ случаѣ

онъ естественно уже становился дружинникомъ, ибо особой земской рати, отдѣльной отъ дружины, въ древней Руси не существовало. Мы нисколько не отрицаемъ того, что богатыри бывали и изъ мужиковъ и вообще изъ земскихъ людей; но какъ скоро они становились впереди рати, прославляли себя дружинными подвигами, ставили военное дѣло спеціальностію своей жизни, то неизмѣнно и поступали въ составъ дружины и неизмѣнно должны были служить ея жизненнымъ цѣлямъ и задачамъ. Ихъ интересы неизмѣнно отходили на противоположную сторону отъ земскихъ интересовъ.

Само собою разумѣется, что каждое жизненное начало всегда выводитъ къ дѣятельности и свои особые нравы, т. е. свои особые спеціальныя добродѣтели и пороки, которые никакъ не должно смѣшивать вообще съ христіанскими или общечеловѣческими, такъ сказать генеральными, добродѣтелями и пороками. Добрый чловѣкъ значить одно, добрый князь совсѣмъ другое, добрый дружинникъ— третье и т. д.

Мы сказали, что жизненнымъ началомъ дружины было право кормить себя на счетъ земли. Кормить себя можно было хорошо и худо, въ довольствѣ или бѣдно, только, какъ говорится, въ обрѣзъ. Кто добывалъ себѣ хорошее кормленіе, ясно, что, въ глазахъ дружины, тотъ былъ хорошей чловѣкъ.

Но что это значило, добывать себѣ хорошее кормленье? Это значило— изыскивать случаи, поводы, средства дабы овладѣть новою данью или новою лучшею волостью, слѣдов. за все и про все начинать *брань, рать*, ходить другъ на друга войною, отнимать другъ у друга волости, поло-

нить, опустошать, жечь чужую волость, уводить населеніе изъ чужой волости въ плѣнъ въ свою волость, какъ напр. Всеславъ Полоцкій однажды завелъ къ себѣ изъ Новгородской области цѣлый *погостъ*, т. е. цѣлый округ населенія; вообще грабить не только волостныхъ жителей или горожанъ, но обдирать и церкви, какъ тотъ же Всеславъ ободралъ Новгородскую Софію, какъ ободрала Киевская дружина Владимірскую Богородицу (1176 г.) и т. д.

Дружинники въ этихъ походахъ отличались храбростью, отвагою и всякими военными добродѣтелями, за что имъ пѣлась слава до вѣку, а князья чтили ихъ доблести до позднѣйшаго колѣна. Честь своему роду и доброе имя себѣ самому пріобрѣтались только впереди рати съ храбрыми, гдѣ всегда и пребывали эти *славы*, эти славные люди. И конечно, и между дружиною, какъ и у князя, добрымъ дружинникомъ бывалъ тотъ, кто много пота утиралъ, добывая князю и себѣ, т. е. и всей дружинѣ, хорошее кормленье. А для Земли эти дружинныя добродѣтели значили, что она даже и страшныя физическія бѣдствія, желая выразить степень произведеннаго ими опустошенія, уподобляла опустошеніямъ отъ ратныхъ. „Бысть буря велика (въ 1143. г.) ака же не была николиже (говорить въ одномъ мѣстѣ лѣтописецъ) разноси хоромы, и товаръ (имущество), и клѣти, и жито изъ гуменъ и *просто реци, яко рать взяла*, и не осталася у клѣтехъ ничтоже.“

Для Земли эта рать, гремѣвшая по всѣмъ ея угламъ цѣлыя столѣтія, означала: напрасное истребленіе цѣлыхъ поколѣній, всеобщую бѣдность, полнѣйшее отсутствіе безопасности, а отсюда полнѣйшее равнодушіе къ улуч-

шенію своего быта во всѣхъ его видахъ, полнѣйшее равнодушіе даже къ жизни, и т. д., всѣ тѣ невзгоды, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, выросли различныя достойныя сожалѣнія черты народнаго характера, надъ коими теперь иные весело посмѣиваются, другіе искренно плачутъ.

Идеалы дружинныхъ добродѣтелей, какъ и начѣла самой дружинной жизни скрывались въ дѣятельности первыхъ князей, собравшихъ или отыскавшихъ съ великимъ трудомъ Землю для новаго государства. Этотъ великій трудъ очертилъ и идеальные характеры добраго князя, какъ и добраго дружинника, тѣ характеры, которые остались надолго образцами въ жизни цѣлаго ряда поколѣній. Существенною чертою такого характера была беззавѣтная храбрость и отвага въ захватѣ чужихъ земель, новыхъ даней, новыхъ кормленій, беззавѣтная храбрость грабежа въ переводѣ на простое и болѣе сжатое понятіе. Герои метались во всѣ стороны, во всѣ углы земли, отвоевывая, примучивая дани, покоряя сосѣднія племена. Въ интересахъ созданія новаго народнаго общества или государства, это былъ въ дѣйствительности героизмъ, и люди этого великаго труда по справедливости именуются героями. Ихъ жизнь была историческимъ подвигомъ, имѣла великій историческій смыслъ и великое значеніе для потомства. Но, по ходу исторіи и народнаго развитія, сплошь да рядомъ бываетъ такъ, что добродѣтели и героизмъ дѣдовъ и отцовъ, оставаясь и во внукахъ, оказываются никуда негодными и даже положительно вредными; ибо историческія обстоятельства съ каждымъ вѣкомъ измѣняются и требуютъ новыхъ добродѣтелей и новаго героизма. Однако, по закону нравственной

косности и нравственнаго застоя, которому также всегда подвергается народное развитіе, старыя добродѣтели живутъ очень долго и очень долго заправляютъ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Такъ случилось и въ нашей исторіи. Послѣ первыхъ двухъ сотъ лѣтъ крѣпкаго и здороваго движенія упомянутыхъ добродѣтелей, мы прожили еще четыреста лѣтъ съ тѣми же добродѣтелями, сохраняя ихъ, какъ непреложный завѣтъ дѣдовъ и отцовъ, и вовсе забывая, что историческія обстоятельства совсѣмъ уже измѣнились, что собранная Земля была уже христіанскимъ обществомъ и требовала если не государственнаго, то общественнаго устройства, а не военныхъ походовъ по ней вдоль и поперекъ за прискомъ волостей и даней.

Но что же намъ было дѣлать съ старыми добродѣтелями, которыя составляли нашъ нравственный капиталъ, нажитый дѣдами и отцами? Куда было ихъ дѣвать, эти добродѣтели? Весь служилый отрядъ народа, начиная съ волостнаго князя, объ нихъ только и помнилъ, на нихъ только и воспитывалъ себя, да въ добавокъ, что важнѣе всего, одними ими только и могъ существовать въ своемъ экономическомъ быту. Какъ въ первыя столѣтія князья и дружина ими кормились, такъ и теперь они же одни доставляли кормленіе, и хорошее и худое. Вотъ почему по прежнему и въ XI, и въ XII, и въ XIII, и въ XIV столѣтіяхъ въ дружинномъ отрядѣ народа остается та же задача жизни—доставать всѣми способами хорошее кормленіе, искать волостей, *волоститься*, т. е. зачинать ссоры, споры, войны изъ за волостей, изъ за власти надъ волостями или землями. Первичные идеалы жизни не толь-

ко не угасаютъ, но даже образуютъ изъ себя какъ бы особую практическую философію, нравственное ученіе, которому добрые князья, если хотѣли быть добрыми, должны были неизмѣнно слѣдовать и всегда слѣдовали, получая за то назидательныя для потомства загробныя похвалы отъ лѣтописцевъ. По завѣту св. Владиміра, что дружину должно любить паче золота и серебра, ибо золотомъ и серебромъ дружины не добудешь, а лишь дружиною добывается золото и серебро, по этому завѣту распространяется дружинное ученіе, которое становится убѣжденіемъ цѣлыхъ вѣковъ, что князь долженъ дружину любить и беречь выше всего и ничего не долженъ жалѣть для своей дружины, не собирать имѣнія себѣ, а все отдавать дружинѣ. Это и почитается высотою добрыхъ качествъ самаго добраго князя, который любя дружину, „злата (себѣ) не собираетъ, имѣнія (своего) не щадяшетъ, но даяшетъ дружинѣ; имѣяше дружину, имѣнья не щадяше, не собираше злата и серебра, но даваше дружинѣ...“ Кто же распространялъ такое ученіе и вперялъ его въ умъ добрымъ князьямъ? Конечно, не сироты-земледѣльцы и не посадскіе, проливавшіе потъ, дабы только доставить и свое зерно, и свою деньгу во многое имѣнье князя. Извѣстный Данила Заточеникъ, въ своемъ моленіи къ посадившему его въ затокъ князю, рисуетъ эти дружинныя идеи слѣдующимъ образомъ: „Какъ паволока, многими шелками испестренная, красивое лице являетъ, такъ и ты, нашъ князь, многими челоуѣки (дружинниками) славенъ и честенъ явись во всѣхъ странахъ. Какъ неводъ не удерживаетъ воды, а забираетъ только множество рыбъ, такъ и ты, нашъ князь, не *удерживай бо-*

гитства, по раздавая сильнымъ(!), совокупляй храбрыхъ, — *злата бо и градовъ тѣмъ добудешъ!* Такъ Езекий, царь Израилевъ, похваляясь передъ послами царя Вавилонскаго, показалъ имъ множество своего золота, а послы отвѣчали: наши цари богатѣ тебя, не множествомъ золота, но множествомъ храбрыхъ и мудрыхъ⁴. Обрисовывая вообще значеніе дружины для князя, Заточеникъ говорить между прочимъ: „Не море топить корабли, но вѣтры; такъ и князь, не самъ впадаетъ во многія злыя вещи, но думцы вводятъ. Съ добрымъ думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцемъ думаетъ, и малаго стола лишень будетъ!“ Въ этихъ немногихъ словахъ сказано все для характеристики дружинныхъ отношеній. Золото, городъ, высокій столъ, старшая, богатая, могущественная волость или старшее княженъе — вотъ дружинные идеалы, которымъ служатъ дружинныя поколѣнія цѣлые вѣка. Цѣлые вѣка проходятъ въ исканіи другъ у друга волостей, такъ что вырабатывается даже особый терминъ для обозначенія такого рода дѣятельности, упоминаемый уже глаголь *волоститъся*. Управление Землей, ея устройство разнесено было розно, на мелкія части; части терзали, рвали другъ друга на новыя части, и сильная вначалѣ Земля, отъ которой всѣ сосѣднія страны трепетали, теперь едва-едва справляется съ Половцами, съ Нѣмцами, и совсѣмъ является безсильною при нашествіи Татаръ.

Взваливать весь грѣхъ такого порядка на однихъ лишь князей, какъ это до сихъ поръ представляется въ Исторіи, мы не имѣемъ основаній, по той причинѣ, что если лѣтописцы и приписываютъ поле дѣйствій исключительно князьямъ и только ихъ

именами обозначаютъ движенія волостныхъ интересовъ, то тѣже лѣтописцы объясняютъ, что князь безъ дружины ничего предпринять не могъ, а если что и начиналъ безъ ея думы, то дружина его покидала, оставляла одного. „Ты о себѣ еси, княже, замыслилъ, а не ѣдемъ по тобѣ, мы того не вѣдали!“ Вообще сами же лѣтописцы до точности объясняютъ, что князь безъ дружины, да и дружина безъ князя жить не могли, и князь, давая отвѣтъ на приведенное возраженіе дружины, грозитъ только перемѣнить лица, изъ дѣтскихъ, т. е. изъ младшей дружины сдѣлать тѣхъ же бояръ; но онъ не мыслитъ, чтобы возможно было существовать безъ дружины. И дѣтскіе, сдѣлавшись боярами, конечно стали бы поступать тоже по боярски, т. е. ограничивать волю князя своею думою. Изученіе дружинныхъ отношеній во всей ихъ совокупности необходимо приводитъ къ тому заключенію, что всѣми дѣйствіями князей управляла дружинная дума, что въ большинствѣ случаевъ князь является только козломъ-грѣхоносцемъ, такъ какъ всѣ кровавыя дѣла обозначаются лишь его именемъ, что слѣдуетъ грѣхъ многовѣковыхъ смуть и усобицъ коренился главнымъ образомъ не въ князьяхъ, а именно въ дружинѣ. Къ тому же очень много путаетъ наши понятія и то обстоятельство, что мы смотримъ на волостныхъ князей, какъ на самостоятельныхъ, независимыхъ владѣтелей въ родѣ князей первой эпохи, или въ родѣ Московскихъ государей, а въ сущности это были только первые дружинники: не болѣе, какъ предводители своихъ дружинъ. Вся исторія между-княжескихъ дѣлъ указываетъ, что по смерти Ярослава полемъ дѣйствія овладѣла дружина. Она сдѣла-

лась водителницею своихъ князей на добро и на зло. Въ интересахъ кормленія она *вабила*, подманивала своихъ князей, какъ вабятъ подманиваютъ соколовъ на хищничество и на многое иманье, и князья стали дѣйствительно какъ бы ловчими птицами, которыхъ дружина носила на рукахъ и спускала при первомъ слухѣ за добычею.

Такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ, и хорошее и худое въ исторіи князей принадлежитъ столько же и дружинѣ, сколько князьямъ. Она достопамятно, съ безграничною храбростью, теряла свои головы въ защитѣ родной земли отъ хищныхъ сосѣдей; но она же безславно предъ лицомъ Исторіи терзала свою родную землю княжескими смутами и усобицами, разрознила ея общіе интересы на мелкія своекорыстныя доли, въ которыхъ только по особому смѣшенію понятій можно находить какой-то федеративный строй Земли, какую-то федерацію особыхъ народцевъ или особыхъ племенъ, когда у одного и того же народа или племени сидѣло на плечахъ повѣсколку особыхъ княжествъ, имѣвшихъ каждое особое дружину и дававшихъ каждое особое кормленіе и князю и этой дружинѣ. Это былъ не болѣе, какъ широкій разгулъ надъ Землею княжескаго и дружиннаго самоволія и самовластія, отъ котораго всего больше страдали конечно не тѣ, кто искалъ и находилъ волости для своего кормленія, собиралъ дани и пошлины, а только тѣ, кто обязавъ былъ давать и давать, да сверхъ того переживать еще періодическія разоренія и опустошенія, испытывать весь точный смыслъ лѣтописныхъ словъ: „людей плѣнующе, сѣкуще и села жгуще... села пожгоша и жита попосоша (потравиша)... села взяша

и пожгоша и люди изсѣкоша, а жены и дѣти и имѣнія взяша, и скоты поимаша...“ Не въ облакахъ, а по землѣ ходили дружинные полки. Земля-сирота и чувствовала всю тяжесть этихъ походовъ. Геройскія добродѣтели князей и дружинниковъ приходились ей очень солонны. Среди этого федеративнаго устройства не пахарь въ полѣ покрикивалъ, раздирая землю, чтобъ добыть золотое зерно для дара и дани тому же герою-дружиннику, а воронъ въ полѣ кричало, раздирая трупы побитыхъ. Въ княжихъ крамолахъ вѣки челоукамъ сокращались, а княжія крамолы выростали (какъ свидѣтельствуемъ Данила Заточеникъ) отъ лихихъ, какъ и отъ хорошихъ, думцевъ-дружинниковъ же.

Это было, по замѣчанію уважаемаго историка, тоже варварство, но варварство Европейское, которое „шло на пути къ идеалу личной свободы челоука (только для бояръ), къ выработкѣ политическихъ и гражданскихъ (т. е. своевольныхъ) правъ (тоже для бояръ); понятій о чести (боярской) и о долгѣ (дружинника—добывать князю золото и города, доискиваться съ княземъ волостей)“.

Но вотъ пришли Татары, началось (по мнѣнію историка) Азіатское варварство. Однако добродѣтели Европейскаго варварства оставались и въ эту пору. Во времена Европейскаго варварства, для добыванія высокихъ столовъ и волостей князья-федераты приводили на Русь Половцевъ; теперь они стали приводить Татаръ, стали взапуски другъ передъ другомъ, опережая одинъ другаго, раболѣпствовать, холопствовать передъ ханомъ, лишь бы завладѣть высокимъ столомъ. Дружина работала за одно съ князьями, даже безъ князей, въ ихъ отсутствіе или при ихъ малолѣтствѣ, въ Твери при

Михаилъ, въ Москвѣ при Донскомъ, и отстаивала всѣми мѣрами высоту и старшинство своего княжескаго стола передъ всѣми остальными, отстаивала такимъ образомъ не одни княжескіе интересы, а еще болѣе и собственные свои; ибо дѣло шло уже о томъ, кому изъ князей быть Государемъ всей Земли и слѣд. какой изъ княжескихъ дружинъ быть первою и старшею во всей Землѣ. Въ Москвѣ она работала точно такъ же, какъ въ Твери, въ Переяславлѣ, въ Городцѣ и т. д., работала точно также, какъ и въ предыдущія столѣтія, до Татаръ, съ тою лишь разницею, что тогда кровавые счеты велись по правамъ родства, а теперь они ведутся по правамъ сильнаго. И совершенно справедливо говоритъ уважаемый историкъ, что боярство, вообще дружинное, служилое сословіе было главнѣйшимъ органомъ при образованіи государственнаго единства (стр. 14), что въ малолѣтство Донскаго „бояре успѣли сохранить за нимъ великое княженіе, преслѣдуя какъ будто приросшую къ Москвѣ идею первенства надъ Русью“. Сохраняя свое боярское первенство предъ остальными княжествами, они иначе и не могли дѣйствовать. Въ этомъ случаѣ интересы Московскихъ бояръ далеко разошлись съ интересами бояръ остальныхъ княжествъ и тѣсно сошлись съ интересами будущаго Государства. Но такъ шло лишь до тѣхъ поръ, пока Московскій государь не заговорилъ съ боярами инымъ языкомъ, уже не дружиннымъ, а прямо государственнымъ. Тутъ-то и обнаружилось, что бояре думали вовсе не о Государствѣ, а о своихъ кормленіяхъ, о своихъ старозавѣтныхъ правахъ ограничивать волю самодержца не обще-земскою, а только одною своею Думою, вслѣдствіе чего самъ Са-

модержецъ (Грозный) первый же сталъ искать опоры въ этой Земской Думѣ, первый собралъ ее и первый же пожаловался ей на тѣхъ же бояръ. Вотъ почему знаменитая рѣчь Грознаго къ народу съ Добраго Мѣста принадлежитъ къ великимъ моментамъ нашей Исторіи. Это было необыкновенно смѣлос, необыкновенно либеральное слово, когда либо сказанное народу не кѣмъ инымъ, а именно самимъ Государствомъ. Въ сущности это слово представляетъ дѣйствительную жалобу предъ Сиротою-народомъ на дружинное сословіе и въ особенности на бояръ и вельможъ. „Я былъ малолѣтень, пусть и безпомощень, говоритъ Государь, какъ бы устами самого Государства. Сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли и были во всемъ самовластны. Моимъ именемъ сами себя награждали высокими чинами, сами себѣ похищали великія должности и упражнялись только во многихъ корыстяхъ, въ хищеніяхъ и въ обидахъ. Возбраниющаго имъ не было! Безсильный своею юностію и пустотою, я былъ глухъ и нѣмъ, ничего не слышалъ и не имѣлъ слова, дабы обличить ихъ неправды... Они же продолжали властвовать. О неправедные лихоимцы и хищники и несправедливаго суда поборники! Что теперь намъ скажете въ отвѣтъ на эти всенародныя слезы, которыя повсюду вы на себя воздвигли? Не я въ нихъ виновень... Вамъ должно ожидать за нихъ воздаянія.“

„Люди Божіи и Богомъ намъ врученныя! (сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь прямо къ народу и поклонясь на всѣ стороны). Вашихъ обидъ, раззореній и налоговъ, надѣланыхъ вамъ неправдами моихъ бояръ и властей, теперь исправить уже не возможно. Умоляю васъ вашею вѣрою къ Богу

и къ намъ любовью! Оставьте другъ другу вражды и тяжбы, на сколько это для каждаго возможно. Впередъ я вамъ самъ буду судія и оборона и неправды буду раззорять и хищенія возвращать.“

Поистинѣ это было зрѣлище удивительное, торжественное для народа, какъ и для Исторіи.

Какъ было этому не удивиться, что Царское Величество соединяло свои цѣли съ цѣлями всенароднаго множества и совокупляло царскую душу съ интересами народнаго устроенія. „И бѣ чудно видѣніе и всякаго ужаса исполнено“, замѣчаетъ Стоглавъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела таже по содержанію рѣчь Грознаго при открытіи Стоглавнаго Собора въ 1551 году.

Здѣсь дружинному сословію устали Государя произносился приговоръ, присужденный самою Исторіею. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается,—исполненіе этого приговора, т. е. упраздненіе дружинной стихіи въ жизни народа, протянулось на цѣлыя столѣтія, чуть не до настоящихъ дней.

Извѣстно, что, прося у народа забыть всѣ обиды, Грозный и самъ простилъ всѣ прежнія вины боярамъ и заповѣдалъ имъ помириться съ крестьянами, назначивши для этого особый срокъ. „И бояре мои всѣ и приказные люди и кормленщики со всѣми землями помирились“, извѣщалъ онъ потомъ Стоглавному Собору, и тѣмъ объясняя, съ кѣмъ именно враждовало въ его лицѣ Государство.

По ходу Исторіи, Русскому народу, идя отъ такъ называемой федеративной, т. е. отъ степной, кочевой свободы къ свободѣ гражданской, необходимо было пройти сквозь тѣсныя, мрачныя, скалистыя ущелья Государ-

ства. Говорятъ, таковъ неизбѣжный законъ всего прогрессивнаго въ народномъ, а не въ боярскомъ только развитіи (какъ было напр. въ Польшѣ), и самъ уважаемый историкъ свидѣтельствуешь, что „остатки Византійскихъ государственныхъ понятій не дали восточной Руси сдѣлаться совершенною ордою; ихъ вліяніе вмѣстѣ съ религіею сообщило ей образъ государственнаго механизма“ (стр. 14). Вотъ этими - то остатками государственныхъ идей и воспользовалась Москва, найдя ихъ далеко заброшенными въ прапрадѣдовскихъ сундукахъ подъ разнымъ изношеннымъ тряпьемъ такъ называемаго федеративнаго строя Земли. Она смѣло и настойчиво повела народъ съ широкаго поля своей воли въ тѣсныя, скалистыя ущелья воли государевой, какъ тогда понималась вообще воля государственная, воля интересовъ пригодныхъ для всей Земли, а не для одного какого либо отряда ея дѣятелей. Сирота-народъ пошелъ за ней охотно, не обнаруживъ нигдѣ никакого сопротивленія, какъ напротивъ того онъ сопротивлялся постоянно даже грознымъ Татарамъ. Онъ хаживалъ и не по такимъ труднощамъ во времена федерации. Но первые уперлись бояре, а за ними все то, что чувствовало потребность жить на чужой счетъ, на земскій счетъ, всякій человѣкъ, который чувствовалъ себя вольнымъ казакомъ. Бояре одна-кожъ не потянули въ степь вмѣстѣ съ казаками, а вѣдь могли бы они на Днѣпрѣ или на Дону устроить настоящую федерацію свободныхъ, вполне независимыхъ другъ отъ друга общинъ и надѣлать Государству не такихъ хлопотъ, какія дѣлывались одними казацкими общинами. Нѣтъ, они потянули къ удѣльнымъ князьямъ Москвы или въ Литву (больше было не

куда) все на новыя кормленья въ родѣ цѣлыхъ городовъ и княжествъ. Совершенно справедливо, что они спасали самихъ себя отъ крутой и кровавой воли государя; но мы ничего больше и не имѣемъ въ виду, какъ обнаружить фактъ, что дружина весь свой вѣкъ мыслила только о спасеніи самой себя, переходя своевольно отъ князя къ князю, заводя усобицы и вовсе забывая, что точно также было необходимо спасать и народъ отъ безобразій власти, отъ экономическихъ и всякихъ гражданскихъ неурядицъ и напастей. Мы имѣемъ въ виду только тотъ фактъ, что дружинное сословіе, въ верхнемъ его слоѣ, весь свой вѣкъ заботилось о чечевичной похлѣбкѣ Исава, изъ за которой заводило постоянныя смуты вездѣ, во всѣхъ княжествахъ и вольныхъ городахъ и въ теченіи всей Исторіи. Оно знало одно, какъ наивыгоднѣе кормиться Земствомъ. «И многіе промежъ ихъ бѣше вражды о корыстехъ и о племянехъ (родствѣ) ихъ, всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ», отмѣчаетъ лѣтопись уже XVI вѣка, т. е. говоритъ тоже самое, что говорила въ XII вѣкѣ. Самое понятіе о Земствѣ тогда только стало распространяться, когда государь всея Руси самъ же сталъ отдѣлять это понятіе отъ своихъ личныхъ государственныхъ интересовъ, до чего дружина въ теченіи Исторіи не успѣла ни разу додуматься. Она до послѣднихъ дней своей жизни почитала Земство все еще обычнымъ матеріаломъ своего кормленія, въ родѣ всякаго хлѣбнаго зерна или говяжьихъ и свиныхъ тушъ. Въ этомъ отношеніи, отъ смерти Ярослава Правдосуда до смерти Василя Темнаго миновавшія четыреста лѣтъ прошли даромъ, и Исторія, т. е. Москва должна была начать историческое дѣло

съизнова. Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ первыя князья именовъ Руси объединяють разноплеменную землю около Кіева, такъ и Московскіе князья тоже именовъ Руси, *всѣя Руси*, объединяють землю около Москвы. Точно также и Новгородъ, вѣлѣдствіе тѣхъ же внутреннихъ боярскихъ смуть и усобицъ (вста родъ на родъ) призываетъ себѣ Рюрика, теперь уже изъ Москвы. Точно также дружина Московскихъ князей (этихъ новыхъ Олеговъ, Владиміровъ, Ярославовъ) всѣми силами работаетъ за одно съ княземъ даже съ малолѣтнимъ, съ Дмитріемъ Донскимъ (какъ при Олегѣ съ Игоремъ), не выпускаетъ изъ рукъ главенства надъ Землею, присоединяетъ къ столичному княжеству разрозненныя земли. Точно также, какъ Ольга, упраздняя независимость и самостоятельность Древлянскаго племени, истребляетъ его дружину, выводитъ отъ него лучшихъ людей, такъ и Москва, упраздняя самостоятельность вольныхъ городовъ и земель, тоже казнить ихъ дружину и выводитъ изъ нихъ лучшихъ людей. Все происходитъ такъ точно, какъ дѣлали далекіе отцы и дѣды, и Исторія, сдѣлавъ обширную и неудачную околесницу, въ сущности вступаетъ съизнова на старую колею, дабы повернуть уже прямо, при помощи славнаго плотника Петра, на путь дѣйствительнаго прогресса и гражданского совершенствованія. Но пока можно было достигнуть этого поворота, пришлось еще довольно долго ѣхать по глубокимъ и безобразнымъ колеямъ старозавѣтныхъ положеній жизни, въ числѣ которыхъ дружинныя отношенія занимали не послѣднее мѣсто. Они и разразились бурей такъ называемаго Смутнаго Времени. Дружинники XI, XII, XIII, XIV вѣковъ какъ будто встали изъ гробовъ, потребовали себѣ

особыхъ князей (которые обозначаются теперь царями), стали водить этихъ князей-царей изъ стороны въ сторону, производя ихъ именемъ тѣже опустошенія, людей съкуще, а города, дома и села жгуще, стали переходить, отъѣзжать отъ царя къ царю, добывая себѣ тѣже волости, тѣже боярскіе саны, стали по прежнему отдѣлять отъ Русской земли цѣлыя государства, Новгородское, Казанское, лишь бы занять въ этихъ государствахъ подобающее мѣсто. Словомъ сказать, дружинный духъ въ Смутное Время всталъ страшнымъ чудникомъ и готовъ былъ совсѣмъ погубить родную землю, собранную великимъ трудомъ первыхъ князей. И что особенно замѣчательно, поваго послѣ многихъ столѣтій жизни онъ ничего не принесъ, поваго онъ ничего ни сказалъ Землѣ, а только безобразно и до конца весь выразился въ старыхъ же своихъ формахъ и началахъ. Онъ не стерпѣлъ государственной новины, единства власти, которое по характеру времени иначе выразится не могло, какъ въ единодержавіи и самодержавіи. Онъ всѣми силами отбивался отъ этого государственнаго начала, по той причинѣ, что оно посягало на уничтоженіе именно дружинной власти надъ Землею, т. е. въ сущности дружиннаго самовластія. Изъ за того, съ конца XV до конца XVI ст., шла темная борьба, такъ сказать, въ подпольяхъ государева дворца, законченная упраздненіемъ династіи.

Что государственное начало земскаго единства вело съ дружиннымъ началомъ земской розни безпощадную борьбу именно за единодержавіе и самодержавіе государева лица, это послѣ Карамзина наука раскрыла въ достаточной ясности и подробности. Карамзинъ этого факта уметрѣть еще

не могъ, ибо въ его воззрѣніяхъ на Исторію на первомъ мѣстѣ были лица, а не начала, люди, а не стихіи ихъ жизни. Онъ объяснялъ Исторію посредствомъ лицъ, а не при помощи жизненныхъ началъ; а потому у него всегда и правы и виноваты были только лица; оттого и всякая борьба по понятіямъ такой Исторіи должна совершаться непременно походомъ войскомъ, громомъ орудій, штурмомъ крѣпостей. „Гдѣ эта безпощадная борьба за единодержавіе и самодержавіе государя? Пусть намъ покажутъ ее!“ восклицаетъ г. Костомаровъ. „Покажите намъ хотя одинъ примѣръ (продолжаетъ онъ) когда представитель самодержавной власти *выходилъ съ войскомъ* противъ полчища враговъ самодержавія?“ (стр. 15) Но достоуважаемому историку очень хорошо извѣстно, что внутренняя, всегда темная, собственно культурная борьба очень рѣдко ознаменовывается военными походами и собраніемъ полчищъ съ той и съ другой стороны. Культурная борьба, какъ перемѣна одного жизненнаго начала другимъ, совершается по большей части безъ грома и треска оружія. Она ведется тихо, очень медленно, при всеобщемъ даже убѣжденіи, что все обстоитъ благополучно. А между тѣмъ люди, какъ представители извѣстныхъ началъ, падаютъ, ряды ихъ съ теченіемъ лѣтъ рѣдѣютъ, остальные слабѣютъ въ своей энергіи, иные же совсѣмъ утекаютъ съ поля битвы, никому не видимой. Въ этой борьбѣ, походы можно дѣлать не съ войскомъ и не съ полчищемъ, а напр. съ наказомъ или съ указомъ, какъ и въ данномъ случаѣ со стороны Самодержца съ дополнительными указами къ Судебнику, посредствомъ которыхъ боярство обездоливалось от-

носителю владѣнія родовыми вотчинами; можно было дѣлать походы съ уставными грамотами Земству, по которымъ совсѣмъ отнималась власть кормленщиковъ надъ землею и т. д.; точно такъ, какъ съ другой стороны, со стороны дружинной, въ тишинѣ можно было употреблять всяческія средства, дабы совсѣмъ прекратить самое существованіе династіи, такія средства, изъ за которыхъ самый дворець государевъ сталъ походить на недоступную крѣпость; можно было заводить такія крамолы, изъ за которыхъ самъ же Государь губилъ своихъ родичей; можно было пустить въ народъ шумиху въ родѣ той, что неродившійся государичъ именно родился отъ разведенной супруги (отъ Соломоніи у Василья Ив.) и готовъ со временемъ искать своего права быть прямымъ наслѣдникомъ престола; можно было пустить въ народъ другую шумиху, что умершій царевичъ вовсе не умиралъ, а живъ и со временемъ придетъ на царство, какъ даже и исполнилось, и т. д.

Нашу мысль, что династія въ этой борьбѣ сама истощила силы и должна была угаснуть, уважаемый историкъ обозначаетъ *болле, чѣмъ непонятною*, и въ опроверженіе такой вѣрности отмѣчаетъ: „у Феодора могли быть дѣти, и Рюриковъ родъ преспокойно бы размножился!“ прибавляя, что „фактъ прекращенія династіи чисто случайный, зависѣвшій отъ физическихъ причинъ и не состоящій въ связи съ политическими событіями!“ Но у Феодора, хотя и могли быть дѣти и въ дѣйствительности были (дочь Феодосія), но именно по политическимъ событіямъ времени они не должны были быть, такъ какъ и его братъ, царевичъ Дмитрій, тоже не долженъ былъ существовать. Да и

мало ли что могло быть на мѣсто тѣхъ событій, которыя на самомъ дѣлѣ случились. Объ этомъ Исторія разсуждать не имѣетъ досуга. Она знаетъ, что въ Московскомъ княжескомъ родѣ съ того времени, какъ государь сталъ тягаться за свои новыя права съ старозавѣтною дружинною стихіею и даже въ то время, какъ государствомъ владѣли бояре (при Еленѣ Глинской) государевы родичи, кромѣ случайныхъ утратъ по волѣ Божіей, погибали и систематически по волѣ людей, въ темницахъ, страдальческаго смертію. Она знаетъ, что цѣлое столѣтіе ознаменовано такою гибелью людей и съ той и съ другой стороны. Стоитъ только сравнить въ этомъ отношеніи конецъ XV съ концомъ XVI ст. въ первое время поле битвы полно ратоборцами, а въ послѣднее оно чуть совсѣмъ не опустѣло.

Объясняя Исторію только побужденіями и дѣяніями лицъ, конечно, ничего больше и нельзя увидать въ такой борьбѣ, какъ лишь одни подвиги безсмысленнаго восточнаго деспотизма, и стало быть въ лицѣ государей одни лишь вѣрныя и точныя фотографіи хановъ Золотой Орды, такъ какъ въ лицѣ бояръ такія же фотографіи съ раболѣпныхъ и безмолвныхъ представителей этому деспотизму, какъ все это и представляется уважаемому историку (стр. 13, 15.) Однако здравый смыслъ не можетъ удовлетвориться такимъ рѣшеніемъ и не можетъ согласиться, чтобы люди оставались глупыми цѣлое столѣтіе. Они, напротивъ, были очень умны и только съ особою горячностью отстаивали свои самые жизненные интересы, за которые дѣйствительно требовалось постоять крѣпко. Государь хотѣлъ Государства, т. е. безграничной воли въ устройствѣ Земли. Онъ

хотѣлъ, чтобы Государство было сильнѣе сильныхъ Земли, чтобы никакая другая власть по землѣ не ходила. А дружина-бояре эту-то именно дружную власть и отстаивали; они отстаивали свое самовластіе надъ Государемъ и надъ Землею, и потому употребляли все ухищренія, дабы Государство было слабо, дабы въ немъ существовали и такіе углы, куда можно бы при случаѣ уходить отъ опалы Государства и затѣмъ очень радовались, когда оно попадало въ руки малолѣтнаго возрастомъ или умомъ, ибо тутъ настаивала своя воля: что хочешь, то и дѣлай! „Это явленіе черезъ чуръ общеисторическое (замѣчаетъ историкъ), и на немъ основывать характеристику цѣлаго словія нельзя.“ Да мы и не говорили, что это явленіе исключительно Московское, и указывали только, что въ этомъ случаѣ въ наибольшей силѣ разыгрывались дружинные инстинкты, никогда не выросшавшіе выше личныхъ своекорыстныхъ интересовъ, какъ они не выросли выше такихъ интересовъ и въ Смутное Время, когда представилась полная возможность дать Землѣ какое угодно политическое устройство. Мы указывали только, что дружина какъ была, такъ и осталась только съ одними узкими понятіями о своемъ кормленіи. Отъ этого, съ своей точки зрѣнія, она совсемъ была права, что смотрѣла на Государство, какъ на деспотію, на Государя какъ на хищника, который ради окаянныхъ вотчинъ истребляетъ цѣлыя поколѣнія. Между тѣмъ мы видимъ, что Государство, даже въ лицѣ Грознаго, шло къ общимъ цѣлямъ, ставило впереди общеземскіе интересы. Пусть, при Грозномъ, это дѣлали мудрые совѣтники, а не самъ Государь; но здѣсь важно, изъ какой

среды бывали эти совѣтники и еще важнѣе то, что Государь всегда бывалъ на ихъ сторонѣ, слѣд. въ его мысляхъ, какъ бы ни были онѣ личны и деспотичны, всегда присутствовали и общія цѣли. Надѣмся, что мы, далекіе потомки, вовсе не заинтересованные въ борьбѣ, не можемъ подобно боярамъ смѣшивать государство съ деспотіей, и вообще съ личностью Ивана III или его внука Ивана Грознаго. Какъ личность, такъ и всякая форма государства въ сущности есть только его одежда, которая можетъ быть и худа и хороша, можетъ перемѣняться, какъ перемѣняются костюмы. Но какъ бы разнообразны и даже безобразны ни были костюмы государственнаго начала, оно, какъ начало, всегда носить въ себѣ неизмѣнныя общечеловѣческія цѣли, къ которымъ рано ли, поздно ли, всегда также неизмѣнно и приводитъ свой народъ.

Нашъ Сирота-народъ, добывавшій въ потѣ лица насущный хлѣбъ не концемъ копья или меча, какъ добывала дружина, а концемъ плуга, сохи, косы, топора,—въ движеніи государственнаго начала и въ его борьбѣ съ дружинною стихіею, очень хорошо чувялъ эти общечеловѣческія цѣли и охотно, безропотно шелъ къ нимъ, неся на созданіе Государства всякіе поборы и всякія жертвы. Онъ въ иныхъ случаяхъ уходилъ изъ Государства, но не отъ развитія государственнаго начала, а отъ его слабости, отъ того, что не кто иной, а только старое же дружинное начало было исполнителемъ и водворителемъ въ Землѣ государственныхъ требованій, что старое же дружинное начало, по старому же продолжало обращать всякое государственное постановленіе въ новый способъ кормленія Зе-

млею, и подлѣ государевыхъ указовъ пристраивало тысячи новыхъ улововъ, дабы собрать съ земца едико возможно больше своего кормленья, дабы затруднить его жизнь со всѣхъ сторонъ, чтобъ никакимъ способомъ не высвободился онъ изъ подъ тягла этого кормленія. Крестьяне брели рожно, кто куда, не отъ силы, а отъ слабости Государства, не имѣваго еще способовъ защитить ихъ отъ кормящихся на чужой счетъ разнообразныхъ служилыхъ дружинъ, начиная съ бояръ и приказныхъ и оканчивая боярскими холопами и козаками. По мѣрѣ того, какъ Государство пріобрѣтало силу, пріобрѣтала силу, ослѣдность и относительную независимость и Сирота-народъ. Вотъ почему мы совсѣмъ уже не можемъ понять отмѣтки историка что „если единодержавіе и самодержавіе вело съ кѣмъ безошадную борьбу, то именно съ этимъ Сиротою (стр. 19).“ Народъ, какъ живой челоуѣкъ, конечно не могъ выносить гнета, но не отъ государственныхъ порядковъ, а именно отъ государственныхъ безпорядковъ, и вставалъ и поднимался иной разъ страшными бунтами. Но будемъ справедливы, разберемъ хорошенько, изъ за чего народъ приходилъ въ такое отчаяніе? Всякія великія и малыя возстанія поднимались изъ за того, что не было, не то, что скорого и праваго, но и никакого суда; что правящая и судящая власть, въ лицѣ своихъ представителей, дѣлала что хотѣла; крѣпостное право, какъ и взяточничество доводимы были до Геркулесовыхъ столбовъ въ своихъ притязаніяхъ и поборахъ; защиты нигдѣ ни отъ кого и никакой не являлось. и естественно возникала необходимость защищать себя собственными средствами, т. е. разрушать безпорядокъ

догъ безпорядкомъ же, выбивать клинъ клиномъ. Служилое сословіе, какъ и понятно, всякое возмущеніе, а тѣмъ паче бунтъ, объявляло возстаніемъ противъ Государя и Государства: а народъ, напротивъ, въ одно только и вѣрилъ, что Государство-то непременно его защититъ и спасетъ отъ всякихъ напастей и, въ залогъ этой непоколебимой увѣренности, совершалъ даже съ Государствомъ рукобиты, ударялъ по рукамъ съ самимъ Государемъ, какъ это случилось въ селѣ Коломенскомъ во время бунта при царѣ Алексѣѣ. Такое отношеніе къ государевой особѣ краснорѣчивѣе всего показываетъ, какъ вообще народъ смотрѣлъ на государственную власть. Это рукобиты лучше всего объясняетъ, что цѣли и задачи государевой власти по народнымъ понятіямъ сходились съ цѣлями и задачами Сироты - народа, въ чемъ его увѣрилъ самъ же государь, Грозный, на Лобномъ мѣстѣ, при всенародномъ множествѣ, предъ лицемъ церкви, митрополита и духовныхъ властей, послѣ торжественнаго богослуженія. Приведенная выше рѣчь Грознаго съ необычайною ясностью и простотою раскрывала, что у обоихъ, у Народа и Государства, было одно великое неудобство въ дѣйствіяхъ жизни, именно служилое кормленіе, на которое по временамъ обѣ стороны и поднимались, а потомъ успѣли и совсѣмъ его упразднить, дѣйствуя и положительно (какъ Государство) установленіями, и отрицательно (какъ дѣйствовалъ Народъ) бунтами и возстаніями, послѣдствіемъ которыхъ являлись и самыя установленія.

Окончательное закрѣпощеніе крестьянъ произведено Государствомъ, но именно въ то время, когда Государствомъ владѣли бояре и когда на престолѣ

возсѣдалъ добрѣйшій изъ государей. При деспотѣ Иванѣ Грозномъ этого произойти никакъ не могло. Ясно, что здѣсь установленіемъ руководили дружинные интересы, которые безъ всякихъ интригъ установили только то, что представлялось рѣшительною необходимостью для ихъ жизни. Государство, какъ начало, никогда не бываетъ отвѣтчикомъ за ту напасть, въ какія руки попадаетъ его управленіе; а въ настоящемъ случаѣ, по своей слабости, оно не видѣло другаго выхода изъ обстоятельствъ, созданныхъ дружинною жизнью.

Прикрѣпленіе крестьянъ послужило одною изъ важнѣйшихъ причинъ къ распространенію въ народѣ всеобщей смуты. Стоитъ только сообразить извѣстные доселѣ указы по этому случаю, чтобы понять, какимъ перекрестнымъ боярскимъ и вообще дружиннымъ вѣтрамъ и вліяніямъ подвергалось это дѣло. По видимому оно началось съ холопскихъ отношеній. Въ разрядной книгѣ 1586 г. читаемъ: „Юня 1-го почели кабалы имать служилые на людей и въ книги записывать“. Такое распоряженіе, стало быть, представляло для служилаго сословія особую важность, если оно было занесено, хотя бы какъ извѣстіе, даже въ число служебныхъ разрядовъ. Объясненіе этой мѣры и ея послѣдствій находимъ у Палицына. Въ своемъ Сказаніи онъ пишетъ между прочимъ „о началѣ разбойничества во всей Россіи“ и говорить, что въ то время многіе отъ вельможъ многихъ человекъ ввели къ себѣ въ неволю на службу (въ холопы), иныхъ ласканіемъ и дарами въ свои дома притянули и не токмо отъ простыхъ, ради искуснаго рукодѣлія или каковы хитраго художества, но даже и отъ честнѣйшихъ (вѣроятно дѣтей боярскихъ) съ селами

и съ вотчинами, а наипаче избранныхъ меченосцевъ и крѣпкихъ во оружіи, свѣтлыхъ тѣлесами, красныхъ образомъ и возрастомъ. Многіе другіе чины, слѣдуя вельможамъ, порабоцали въ неволю кого только можно и *написаніе служилое* силою и муками брали“. Таково объясненіе приведенной разрядной отмѣтки*). Такимъ образомъ владѣющее и правящее сословіе наполнило свои дома разнообразными рабами, укрѣпивъ ихъ за собою служилыми кабалами. Оно здравствовало и высилось множествомъ холоповъ, собирая для нихъ съ Сироты-народа жирное кормленіе. Народъ конечно долженъ былъ побѣждать въ разныя стороны, по крайней мѣрѣ туда, гдѣ кормленія собиралось меньше. Но, какъ тутъ является указъ о воспрещеніи стараго свободнаго выхода крестьянъ? Очевидно, что указъ, какъ необходимость, долженъ былъ явиться не въ то время, когда дѣла шли обычнымъ порядкомъ, а именно въ то время, когда стала происходить безпорядокъ, т. е. когда крестьяне отъ особыхъ качествъ боярскаго управленія стали съ особымъ напряженіемъ пользоваться

*) Припомнимъ кстати указъ 1597 г., приводившій вообще въ порядокъ прикрѣпленіе слугъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлявшій очень важное постановленіе, по которому всякій свободный человекъ, прослужившій у кого либо въ слугахъ полгода, становился крѣпостнымъ холопомъ и долженъ былъ безъ отговорокъ дать на себя служилую кабалу, по тому случаю (какъ говоритъ указъ) что господинъ кормилъ, обувалъ и одѣвалъ того холопа. Но вѣдь холопъ за господскую хлѣбъ-соль и одежду тянулъ холопскую службу и слѣд. каждую минуту и съ избыткомъ уплачивалъ свои долги. Объ этомъ указъ не говоритъ ни слова и потому вполне обнаруживаетъ свое одностороннее, чисто боярское происхожденіе. Такая возмутительная мѣра, конечно, должна была въ послѣдствіи явить свои плоды, распространяя въ людяхъ обиду и злобу и всякую готовность къ смутѣ.

ся своимъ правомъ перехода. (Колько помогъ этотъ указъ, неизвѣстно; но какъ будто въ возмездіе за него разразилась надъ *владомыми* физическая гроза. Насталъ великій голодъ. Тутъ только *владомые* обозрѣлись до одного всѣ, что невозможно кормить многую челядь и начали рабовъ своихъ на волю отпускать, одни истинно, съ заручными отпускными, другіе лицемѣрно, т. е. просто выгоняли изъ дому, да вдобавокъ писали должно быть тайныя явки объ нихъ, какъ о бѣглыхъ ворахъ, дабы, къ кому придетъ на житье такой человѣкъ, затребовать отъ того *сносы* (уворованное имущество) и всякіе убытки *). Многіе и того хуже дѣлали: имѣя чѣмъ пропитать своихъ домашнихъ, они, ради скопленія богатства, тоже отпускали и отгоняли свою челядь и даже сродниковъ и ближнихъ. Было еще и это зло у многихъ: все лѣто холопы у нихъ работали (въ поляхъ), а на зиму они ихъ прогоняли, и тѣ въ зимнее студеное время не знали гдѣ головы подклонить, надѣясь только, что на лѣто снова будутъ страдать-работать у тѣхъ же господъ. Кромѣ того, дома опальныхъ бояръ (а опаль довольно было по милости Бориса) были распужены, всѣ ихъ многочисленные рабы выпущены съ строгою притомъ заповѣдью никому ихъ не принимать. И вотъ бродили эти люди, питаюсь кто и какъ чѣмъ могъ; иные, въ негодованіи на царя, злѣ распыхаются и времени ждущие; которые же на коняхъ обыкше и воинственному дѣлу искусни, тѣ всѣ валили въ украинные города, въ казаки. Палицынъ свидѣтельствуесть, что, въ осадномъ сидѣ-

ніи, въ Калугѣ и въ Тулѣ, набра-лось такихъ воровъ больше 20 тысячъ, кромѣ старыхъ воровъ. Всѣ эти воры однако созданы были воровствомъ владомыхъ, и сами по себѣ сначала вовсе не были ворами.

Самый указъ о запрещеніи крестьянскаго выхода не въ томъ имѣетъ особую важность, что имъ крестьяне были навсегда прикрѣплены къ землѣ. Въ этомъ распоряженіи не лежало еще никакихъ основаній сдѣлать ихъ крѣпостными рабами, и правительство во всякое время могло до точности опредѣлить ихъ отношенія къ кормленью дружины, сохраняя за ними право гражданской свободы и разсматривая прикрѣпленіе къ землѣ, какъ особаго рода службу тому же Государству. Но конечно правительство, постоянно находившееся въ боярскихъ рукахъ, этого не сдѣлало, и крѣпостное право впоследствии развилось до полнаго рабства. Указъ о запрещеніи выхода особенно значителенъ по тѣмъ озлобленіямъ, крамоламъ, ябедамъ, насиліямъ, безконечнымъ тяжбамъ и раззореніямъ, которыя охватили все тогдашнее общество и преимущественно его служилую среду, бросившуюся отнимать другъ отъ друга и сидящаго и бѣгущаго крестьянина. По всей Землѣ встала обида и злоба! Если въ періодъ княжескихъ усобицъ люди геройски двигались за цѣлыми волостями и княжествами, то и теперь, съ тою же отвагою въ ябедѣ, крючкотворной крамолѣ и тяжбѣ, они двигались, добывая себѣ на кормленье своего-ли, чужаго-ли крестьянина, одного только крестьянина! Такая дѣятельность обруивала все дружинное, служилое сословіе съ верху до низу; а на верху кромѣ того двигались интересы болѣе обширные и замысловатые. Ха-

*) Такъ мы понимаемъ не совсѣмъ ясное и опредѣленное свидѣтельство Палицына о снесахъ и убыткахъ.

рактизуя общими чертами состояніе правовъ и умовъ верхняго слоя дружины, лѣтописецъ рассказываетъ между прочимъ: „Во время то, Богу попустившу, грѣхъ ради нашихъ, во множайшихъ *владомыхъ* сугубу зависть и гордость и неправды, но и паче же, не токмо другъ друга ненавидяще, но койждо единъ (на единѣ) и на самого государя помышляху смертнымъ убивствомъ, и не правду дѣяху.... Искуси дѣволъ, ненавидѣй добра роду человѣческому..., вложи дѣволъ во *владомыя*, но обаче другъ подъ другомъ чести желаста; ни единъ единаго (одного только) отческаго достоинства хотяху, но единъ отъ нихъ (каждый изъ нихъ) своею мыслию тщажуся самодержство восхитить и старѣйшимъ хотяху быти въ Русскомъ царствѣ“.

Вотъ изъ какихъ нравственныхъ стихій образовалась Смута начала XVII ст. Мы видимъ, что Сиротанародъ, или все тяглое земство было только жертвою этихъ стихій, исходившихъ по преимуществу изъ сословія владомыхъ.

Опровергая наше мнѣніе, что Смута XVII ст. произведена служилымъ сословіемъ, уважаемый историкъ утверждаетъ: „Изъ ближайшаго разсмотрѣнія событій и обстоятельствъ той эпохи, о которой идетъ рѣчь, оказывается не то: напротивъ Смуту распространялъ тотъ самый Сиротанародъ, который г. Забѣлинъ возводитъ въ идеалъ, а служилые только отчасти примыкали къ нему“. За тѣмъ историкъ продолжаетъ: „Мы говоримъ о казачествѣ, разумѣя не особый родъ войска, извѣстный подъ этимъ именемъ, а вообще ту массу народа, которая искала воли и принимала это названіе въ его первоначальномъ, болѣе общемъ, значеніи вольнаго чело-

вѣка. Казачество въ этомъ смыслѣ выражало собою протестъ народа противъ государственныхъ тягостей“. Охотно соглашаемся, что именно казаки, если и не сочинили Смуту XVII ст., то значительно еѣ распространяли. Одно только для насъ не совсѣмъ понятно—это широкое распространеніе смысла въ словѣ: „Казачество“. Намъ извѣстно, что казаками назывались, особенно въ сѣверныхъ предѣлахъ, деревенскіе, волостные жители, равнявшіеся по своему значенію бобылямъ и батракамъ. Затѣмъ казачествомъ обозначался именно только особый родъ войска. И потому вся та масса народа, которая, по словамъ историка, искала воли и принимала имя казака, неизмѣнно становилась въ ряды этого войска, становилась казацкою военною силою. Болѣе общее значеніе вольнаго челоуѣка въ старину опредѣлялось словомъ: *гулящій* и никогда словомъ казакъ, которое на югѣ специально обозначало воина. И самъ авторъ, начертивши широкою кистью идеалъ казака (стр. 17) опредѣляетъ его тоже воиномъ, Днѣпровскимъ и Донскимъ, хотя были и еще такіеже воины Волжскіе, Яицкіе (Уральскіе), Терскіе. Все искавшее воли, ерыжное, безыменное, гулящее, разбойное, и по большой части, какъ видѣли, боярское холопство, все это примыкало къ упомянутымъ воинамъ и высилось даже именемъ казака, стремилось пріобрѣсти его себѣ правительственнымъ указомъ, какъ особый чинъ, что Ляпуновъ въ дѣйствительности и устроилъ, какъ мы говорили въ нашей статьѣ. Такимъ образомъ, какъ бы ни была велика народная масса искавшая воли и хотя бы самозванно принявшая имя казака, она все таки разумѣла себя въ этомъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ особымъ

родомъ войска, т. е. особымъ отрядомъ народной массы, имѣвшимъ свое специальное назначеніе, и потому намъ очень трудно понять, какимъ образомъ казачество (не болѣе, какъ только военная сила) можетъ пойти въ нашихъ разсужденіяхъ съ значеніемъ народа. Конечно и оно тоже народъ, но лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ напр. и дружина, и помѣщичьи, и духовенство, и боярство тоже народъ. Надо же согласиться въ одномъ какомъ либо смыслѣ употребляемыхъ въ историческомъ языкѣ словъ. Въ добавокъ, мы ведаромъ приставили къ слову народъ и его чинъ: Сирота. Это въ дѣйствительности былъ чинъ въ смыслѣ исключительно - *тяглаго* отряда или разряда народныхъ единицъ. Въ древности Сироты назывались смердами, потомъ сами князья все чаще и чаще стали ихъ обозначать христианами-крестьянами, въ отличіе отъ поганныхъ или иновѣрныхъ. Въ началѣ XIII в., въ Суздальской землѣ, они обозначаются уже сиротами, какъ называетъ ихъ и Новгородъ въ началѣ XIV и въ началѣ XV в. Въ послѣдующее время юридическій языкъ утратилъ это имя, но сами сироты сохраняли его до конца XVII вѣка, постоянно обозначая имъ все тяглое населеніе Государства. Вотъ этотъ-то народъ и разумѣемъ мы въ Государствѣ основнымъ, материковымъ, почитаемъ его народомъ въ собственномъ смыслѣ, ибо на немъ всегда, какъ на прочномъ фундаментѣ, основывается и самое Государство. Казакъ, какъ особый родъ войска, весьма бы оскорбился, еслибъ пришлось въ юридическомъ языкѣ обозначить его *сиротою*. Такого малаго чина онъ не позволялъ себѣ писать и въ своихъ челобитныхъ къ Государству, въ которыхъ всегда именовалъ

себя *голопомъ*, обозначая тѣмъ, что онъ не тяглый, а служилый человекъ. Онъ никогда не причислялъ себя къ этому сиротскому Земству, а напротивъ чуть не презиралъ его по случаю весьма очевидной высоты и противоположности своихъ съ нимъ интересовъ. Сущностью сиротской жизни было *черное* тягло; сущностью казацкой жизни было: „по чисту полю или по синю морю—гулять, зипуновъ-то доставать,“ т. е. эта сущность, по просту и точнѣе, можетъ именоваться грабежомъ или же благородіемъ—добываніемъ кормленья посредствомъ копья и меча. По своимъ инстинктамъ и существеннымъ качествамъ, это былъ древній дружинникъ, и начертанный авторомъ казацкій идеалъ въ полной мѣрѣ обрисовываетъ и идеалъ дружинника. Казакъ, по исторической необходимости, принужденъ былъ жить, какъ самъ онъ выражался, *на травѣ и на водѣ* и всегда не прочь былъ послужить Государству *съ травы и съ воды*, обозначая тѣмъ, что у него ничего другаго не было, даже и хлѣба, и потому слѣдовало обезпечивать его всякимъ продовольствіемъ. Хлѣбопашество въ жизни казаковъ являлось элементомъ развращающимъ, слишкомъ осѣдлымъ, и потому пахать землю, сѣять хлѣбъ, напр. у Донцовъ, строго воспрещалось: „а станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить,“ говоритъ одна войсковая грамота, разсланная въ 1690 г. по Хоперскимъ и Медвѣдицкимъ городкамъ. Ясно, такимъ образомъ, что казацкое сословіе есть сословіе служилое. Оно само такъ себя разумѣло, и мы не можемъ, вопреки этому разумѣнію, присвоивать ему другое, никогда не существовавшее въ дѣйствительности, значеніе. Оно сложилось въ земство,

но въ земство особаго рода, въ земство травы и воды, такъ какъ и дѣти боярскіе тоже составляли своего рода земство, земство помѣстное. И оба они были земствомъ дружиннымъ, происходили изъ дружиннаго начала и держались въ своей жизни тѣмъ же началомъ, т. е. кормленьемъ на счетъ осѣдой, тяглой земли. Казаки прямо и намекаютъ на свою траву и воду, какъ на особый видъ помѣстья, всегда требовавшій отъ Государства всякой матеріальной помощи. Вообще это былъ народъ, уходившій отъ Государственнаго тягла, освобождавшій себя отъ внутренней постройки Государства, и всегда готовый служить тому же Государству, но только на правахъ стараго дружинника. Уважаемый историкъ, упрекая насъ въ идеализаціи Сироты-народа, которая (надѣмся) если и оказывается, то идетъ вовсе не отъ нашего намѣренія, а вырастаетъ сама собою изъ раскрытія связи событій и народныхъ отношеній въ Смутное Время, упрекая насъ въ томъ, что мы возводимъ въ идеаль этого Сироту, самъ, какъ упомянуто, широкою кистью чертитъ уже настоящій идеаль казака, придавая этому, въ сущности разбойному, элементу смыслъ элемента политическаго, ставя его сильнымъ противникомъ Государству именно въ политическомъ отношеніи; а онъ, по нашему мнѣнію, въ теченіе всей своей свободной жизни былъ противникомъ только экономическимъ, въ родѣ пожара, наводненія, бури, саранчи и всякихъ подобныхъ физическихъ невзгодъ. Въ Малороссіи отношенія къ Польшѣ создали казакамъ политическое положеніе; но тѣже Черкасы въ отношеніи къ Руси въ Смутное Время являлись простою физическою напастью, какъ ихъ собраты съ

Дона и Волги. Всѣ они никогда и ничего политическаго съ собою не несли, а приносили въ Государство только грабежъ, разбой по всѣмъ волостямъ Сироты - народа. Историкъ свидѣтельствуетъ, что „казачество сильно дѣйствовало отрицательнымъ способомъ, развѣдая и истощая ненавистное ему Государство“ (стр. 18), а нѣсколько выше на той же страницѣ говоритъ, „что только по отношенію къ самимъ коронованнымъ особамъ казаки удерживались отъ открытой вражды, готовы были помогать имъ и служить“. Слѣд. возникаетъ вопросъ, какое же Государство, подъ какимъ видомъ Государство они развѣдали и истощали? Противъ какихъ государственныхъ порядковъ они творили свои Азіатскіе набѣги?

По свидѣтельству всѣхъ памятниковъ, они это ненавистное Государство находили въ каждой крестьянской клѣтѣ, сколько нибудь полной одеждою или хлѣбомъ или деньгами, собранными бережливостію и проливнымъ потомъ земледѣльца или промышленника; въ каждомъ помѣщичьемъ домѣ, который съ тѣхъ же клѣтей собиралъ свое добро; въ каждой сельской церкви, построенной и украшенной бѣдною утварью по большей части на мірскія же деньги. Вотъ гдѣ изливала казакъ свою политическую ненависть къ Государству, безъ пощады раззоря и сожигая и клѣты и церкви. Съ такою политикою именно Черкасы, уже по усмиреніи Смуты, доходили чуть не до Студенаго моря, много земли запустошила и сами всѣ пропадаша, ибо были побиты народомъ въ Заонежскихъ погостахъ и на Олонцѣ. Мы не станемъ приводить тѣхъ скорбящихъ и вопіющихъ свидѣтельствъ, которыми лѣтописцы изображаютъ казацкія войны въ ненавист-

номъ Государствѣ. Мы скажемъ одно, что вся эта казацкая политическая ненависть противъ Государства выражалась по преимуществу раззореніемъ крестьянина, опустошеніемъ земли крестьянской. Съ коронованными особами казаки враждовали иначе. Они всегда готовы были имъ служить и помогать. Стало быть за все и про все отвѣчалъ одинъ только Сирота-крестьянинъ.

Извѣстно, что гнѣздомъ всяческихъ смуть въ эту эпоху была Сѣверская сторона, Сѣверскіе города и волости, лежавшіе на югъ отъ истоковъ Оки и въ XVI ст. составлявшіе Татарскую Украину. Тамъ гнѣздились вольное казачество, и набралось оно туда, по свидѣтельству историка, слѣдующимъ образомъ: „народъ, видите ли, почувалъ, что сковывающія его государственныя цѣпи ослабѣли, искалъ воли, но для него идеаль свободнаго челоуѣка былъ только идеаль казака или подобіе его (идеаль грабителя, разбойника?). Украинныя земли на югъ отъ Оки сильно прониклись казачествомъ... сосѣдство съ казаками увлекало жителей, бѣдныхъ, но отъ важныхъ“. Такъ рассказываетъ историкъ; но и лѣтописи, и даже старецъ Аврамій, говорятъ не то. Они свидѣтельствуютъ, что по этой Украинѣ, въ виду Татарскихъ нашествій, само Государство постоянно заботилось о заселеніи мѣстъ казаками, т. е. особымъ родомъ войска. При Грозномъ туда, какъ на опасное мѣсто, выводились изъ Государства въ казаки всякіе лихіе люди, именно ябедники, крамольники, составщики крамольныхъ и рокошныхъ ябедъ, жалобницъ, доносовъ и т. п., изъ дѣтей боярскихъ, изъ холопей боярскихъ и изъ иныхъ чиновъ. Ихъ наказывали торговою казнью и ссылали именно

въ казаки, въ украинныя города, а Палицынъ прибавляетъ: „кто отъ злодѣйствующихъ, осужденный даже къ смертной казни, если уходилъ въ эти города, то тѣмъ избывалъ смерти.“ Онъ прямо называетъ Сѣверское казачество собраніемъ злодѣевъ и говоритъ, что разумомъ и жесточью Грознаго „таковіи змиевъ“ двигаться не смѣли, а царь Ѳеодоръ удерживалъ ихъ, какъ крѣпкою связью, своею молитвою. При Ѳеодорѣ и Годуновѣ тамъ, для защиты отъ Татаръ, снова были укрѣплены и вновь построены многіе города и населены именно казаками и стрѣльцами. Такимъ образомъ это украинное казачество, дававшее всегда значительную силу смутамъ, разведено самимъ правительствомъ въ извѣстной долѣ посредствомъ ссыльныхъ, именно изъ людей крамольныхъ, отъ чего становится объяснимымъ и этотъ мятежный духъ тамошняго населенія. Вотъ какой, искавшій воли и свободы отъ государственныхъ цѣпей, народъ населилъ тамошніе города и волости! Къ нему Палицынъ присоединяетъ и всѣхъ обыкшихъ сидѣть на конѣ холоповъ, прогнанныхъ боярскимъ сословіемъ во время голода, въ сущности тоже служилыхъ и сдѣлавшихся казаками не по своей волѣ, а по насилію боярства.

Какъ бы ни было, остается всетаки вѣрнымъ одно, что казачество, и по народнымъ, и по казацкимъ, и по государственнымъ понятіямъ, значило недругое что, какъ только особый родъ войска, ратныхъ людей особаго состава, коихъ назначеніе было—служить, брать, а не давать кормленье. И если, какъ и было въ дѣйствительности, казачество по преимуществу распространяло Смуту, то наше положеніе, что Смуту завело и распространяло служилое сословіе, еще больше укрѣпляется и съ

этой стороны. Поэтому мы никакъ не съумѣемъ понять, о какомъ именно народѣ говоритъ уважаемый историкъ, излагая слѣдующее: „Черный народъ, именно тотъ Сирота-народъ, который г. Забѣлинъ выставляетъ противникомъ смуть, производимыхъ будто бы служилымъ сословіемъ, былъ главнѣйшею стихіею тогдашней смуты. *Онъ-то* приставалъ къ Тушинскому вору, *онъ* наполнялъ его казацкія шайки, именемъ обманщика волновались населенные этимъ народомъ посады и волости; этотъ же Сирота-народъ давалъ подмогу и поддержку всѣмъ другимъ ворами той же эпохи. Только тогда, когда для него стало ясно, что желанная воля такимъ путемъ не добывается, когда и Поляки и свои удалцы *проучили* его — онъ опомнился; однако все таки, склоняясь покорно подъ гнетомъ властей, *сохранилъ за собою способность, при всякомъ удобномъ случаѣ, приставать къ воровскому знамени* и доставлять изъ своей массы контингентъ для разбѣданія государственнаго порядка: это и въ будущемъ показали всякіе народные бунты до Пугачова включительно„ (стр. 19). Въ этомъ разсужденіи понятіе о казакѣ такъ слито съ понятіемъ о народѣ, что не представляется и малѣйшей возможности разчленивъ его на точныя и ясныя составныя части. Замѣтимъ только, что такая плачевная характеристика народа всегда жила въ умахъ лишь родовитыхъ и служилыхъ людей, которые, заводя въ народѣ смуты, по пословицѣ: „поссоръ Богъ народъ, накорми воеводъ“, всегда и ловили въ мутной водѣ рыбу. Мы вполне согласны, что герои смуть выдѣлялись изъ недостойнаго меньшинства въ этомъ сословіи, и что въ большинствѣ, какъ утверждаетъ историкъ, оно всегда составляло консервативный эле-

ментъ. Но по нашему мнѣнію именно это-то почтенное качество прежде всего слѣдовало приписать большинству народа, а не выставять подъ именемъ народа однихъ только казаковъ, а главнымъ образомъ всякихъ безыменныхъ, ерыжныхъ, бездомныхъ, гулящихъ, зерщиковъ, крамольниковъ и всякихъ дѣйствительныхъ воровъ и разбойниковъ, которыхъ во всякое время въ народѣ бываетъ довольно. Да и консерватизмъ народа съ консерватизмомъ дружины въ своихъ интересахъ весьма несходны. Народъ охраняетъ единственно только свой кусокъ хлѣба и работу и потому охраняетъ въ своемъ устройствѣ самыя вопіющія напасти, лишь бы онѣ не вырвали изъ рукъ этотъ кусокъ хлѣба. Между тѣмъ изъ Исторіи мы видимъ, что консерватизмъ дружины никогда не простирался далѣе ея личныхъ выгодъ, ибо она охраняетъ не кусокъ хлѣба, а служебную честь, богатство, свою власть надъ народомъ, и даже надъ Государствомъ, и потому какъ скоро Государство выдвигало что либо новое, ограничивающее личныя выгоды дружины, хотя бы очень надобное, совсѣмъ необходимое для массы народа, то дружина не упустительно начинала крамолы и смуты, именно смущая Государство всякими наветами относительно способности и готовности народа при всякомъ случаѣ приставать къ воровскому знамени.

Впрочемъ, достоуважаемый историкъ, раскрывши старательно и другую сторону медали Смутнаго Времени, т. е. „взваливши вину смуть на черный народъ“ не хочетъ признавать правыми и родовитыхъ и служилыхъ, и въ концѣ концовъ самъ же говоритъ слѣдующее: „Ужъ если кого обвинять, то *прежде всего* послѣднихъ (родовитыхъ и служилыхъ) вмѣстѣ съ вер-

ховнымъ правительствомъ, которое они поддерживали и служили его органами, обвинять за то, что они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ *получилъ наклонность производить смуты*“.

Мы одно то самое и ставили на видъ разумному читателю, что въ эту эпоху всестороннимъ банкротомъ оказалась вся правящая и владѣющая среда, съ верху до низу, но не народъ; что Смута началась въ этой средѣ и распространялась по Землѣ дѣянiями этой же среды. Народъ если и являлъ въ иныхъ случаяхъ наклонность производить смуты, то всегда дѣйствовалъ подъ вліаніемъ служилой же среды, возбуждавшей его къ смутѣ или гражданскими насиліями, въ родѣ воеводскихъ и приказныхъ притѣсненій, или такими сплетеніями политическихъ слуховъ, что у него голова кружилась, въ глазахъ темнѣло и самъ онъ не зналъ, куда поднимался и куда шель.

Въ заключеніе, достоуважаемый историкъ отмѣчаетъ, что онъ обвинять кого нибудь считаетъ неумѣстнымъ. „Виноваты ли тѣ и другіе, продолжаетъ онъ, когда предшествовавшіе вѣка и обстоятельства воспитали ихъ поколѣнія за поколѣніями въ извѣстныхъ понятіяхъ, обычаяхъ и привычкахъ?..“ Исторія, конечно, не прокуроръ и не занимается обвиненіемъ. Она старается только во тьмѣ фактовъ раскрыть свѣтъ, найти ихъ смыслъ и разумъ, какой въ дѣлахъ человѣческихъ всегда бываетъ, какъ бы безтолковы, бессмысленны и нелѣпы они ни казались. Но Исторія не можетъ бѣлое называть чернымъ, кривое прямымъ, и на оборотъ. Какъ наука, она является только свѣточемъ

и, внося свѣтъ во тьму фактовъ, во все не отвѣчаетъ за то, какими эти факты кажутся по своей внутренней природѣ. Раскрывая въ безтолковыхъ фактахъ ихъ разумъ, она раскрываетъ собственно начала, истоки, идеи жизни, т. е. начала и идеи всякихъ человѣческихъ дѣлъ. Кто же станетъ обвинять начала, идеи! Но всякій принужденъ будетъ сказать, что вотъ это начало бѣлое, это черное, это прямое, это кривое, и только. Другое дѣло, если видѣтъ въ Исторіи одни только лица; тогда по необходимости придется утверждать: этотъ виноватъ, этотъ не виноватъ, этому можно поставить въ вину одно, а этому другое.

Въ частомъ употребленіи этихъ словъ: вина, винить, виновать, лучше всего и обнаруживается этотъ, такъ сказать, *личный* взглядъ на Исторію, который всегда вноситъ въ нее много страстности и пристрастія. Достоуважаемый историкъ говоритъ дальше: „люди дѣйствовали сообразно положеніямъ, въ которыя, мимо ихъ намѣреній, ставили ихъ обстоятельства, истекавшія изъ естественнаго сцѣпленія фактовъ.“ Весьма справедливо. Но отчегоже авторъ, въ виду этой оправдательной теоріи, однихъ оправдываетъ, напр. Палицына, другихъ обвиняетъ, и обвиняетъ именно тѣхъ, напр. Минина и особенно Пожарскаго, дѣянiя которыхъ для ихъ правильной оцѣнки требуютъ самаго обширнаго приложенія этой теоріи? Вообще же говоря, эта теорія надлежащаго мѣста въ Исторіи имѣть не можетъ, ибо по ней можно оправдать все на свѣтѣ. Истинное призваніе Исторіи не оправдывать и не обвинять, а только объяснять неясное, вносить свѣтъ во тьму человѣческихъ дѣлъ, предоставляя окончательный судъ

надъ ними совѣсти и разумѣнію каждаго.

Уважаемый историкъ настаиваетъ, что легенда о Мининѣ есть достовѣрное свидѣтельство, драгоценное, до чрезвычайности правдоподобное сказаніе, безъ всякой легендарности. Называя ее лѣтописнымъ разсказомъ, онъ говоритъ, что смыслъ, къ чему относится слово сумняшеся, черезъ чуръ ясенъ. „Передъ тѣмъ только было сказано, что Мининъ говорилъ Нижегородцамъ: мнѣ являлся св. Сергій и велѣлъ разбудить спящихъ; за тѣмъ говорится, что Биркинъ усомнился. Въ чемъ же Биркинъ могъ усомниться, какъ не въ томъ, что Мининъ говоритъ правду, что Минину дѣйствительно было видѣніе? Все здѣсь такъ ясно, что и толковать-то нечего!“ заключаетъ авторъ, и вовсе забываетъ, что *затѣмъ* говорится еще не о сомнѣніи Биркина, а о томъ, чтобъ прочли грамоту въ соборѣ, и прибавляется въ заключеніе: „а что Богъ велитъ“. Вотъ ужъ за тѣмъ непосредственно и говорится — сумняшеся. Слѣд. Биркинъ ближе всего и прямо сомнѣвался не въ томъ, что Минину являлся св. Сергій, а именно въ томъ, „что Богъ велитъ“, ибо въ этихъ послѣднихъ словахъ заключался весь смыслъ рѣчи Минина; въ нихъ же заключался и самый вопросъ о Нижегородскомъ подвигѣ, котораго Биркинъ не желалъ и исполнѣ доказать это впоследствии своимъ поведеніемъ. Онъ сомнѣвался и думалъ, что Богъ не велитъ ничего. Минину соперникомъ онъ никогда не былъ и быть не могъ, ибо былъ служилый, стряпчій, и если мѣтилъ на первое мѣсто, то скорѣе всего мѣтилъ на мѣсто Пожарскаго, а не Минина, хотя и выборнаго человека отъ всей Земли, но все таки посадскаго мужика, мѣсто

котораго вовсе не соответствовало мѣсту воеводы, куда именно и мѣтилъ Биркинъ.

Въ опроверженіе нашихъ сомнѣній, что Мининъ былъ диктаторомъ и демагогомъ, что открылъ аукціонную продажу бѣдныхъ богатымъ, что былъ взяточникомъ, достоуважаемый историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ, ограничиваясь тѣми же разсужденіями, какими исполнена его прежняя статья: Личности Смутнаго Времени. Желая по прежнему доказать, что Мининъ былъ крутымъ старостою, кулакомъ въ полномъ смыслѣ, и не имѣя на то свидѣтельствъ, историкъ отрицаетъ и самое достоинство тогдашняго крестьянскаго мірскаго управленія, именно съ его финансовой стороны, давая понять, что вообще оно не имѣло той важности и того значенія, какое выставляли мы, и что по этому характеръ земскихъ старостъ вообще рисовался качествами насильника и притѣснителя или самоуправнаго диктатора, а слѣдовательно таковъ могъ быть и Мининъ. Въ подтвержденіе такого общаго вывода проводится частный случай, челобитная Шуяня на своего старосту въ томъ, что онъ, „*стакався съ воеводою* и откупщикомъ, а *воевода, стакався* съ нимъ земскимъ старостою, производили людямъ многія притѣсненія, продажи и убытки“. Но эта самая челобитная, показывая характеръ иныхъ старостъ, вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ и то, что *міръ* всегда былъ крѣпокъ и никакъ не терпѣлъ у себя диктаторовъ и насильниковъ, отыскивая въ такомъ случаѣ защиты у царя даже противъ самаго воеводы. Не смотря на поддержку сильныхъ лицъ, воеводы и откупщика, Шуяне просили совѣмъ вывести отъ нихъ этого старосту,

который и диктаторомъ-то могъ сдѣлаться не самъ собою, а только по случаю стачки съ воеводою.

Понятно, что и Нижегородскій міръ, еслибъ худъ былъ Мининъ, тотчасъ бы откинулъ его, какъ откинула Нижегородская рать и самого Биркина. Тогда и этотъ міръ и эта рать были вполне свободны въ своихъ дѣйствіяхъ: царя не было, слѣдовательно и воеводы были уже не тѣ въ своемъ самоуправствѣ. Именно такой вѣсъ и значеніе міра заставили Минина очень хлопотать о всеобщемъ заручномъ приговорѣ относительно сбора казны, по которому у иныхъ богатыхъ, не хотѣвшихъ давать положеннаго или возможнаго, и силою отнимали. Это свидѣтельство приводится въ слѣдъ за рассказомъ, какъ одна вдова отдала возможное, изъ 12000 капитала вдругъ отдала 10000, оставивъ у себя только 2000. Такимъ поступкомъ она привела въ страхъ многихъ людей, замѣчаетъ сказаніе, именно тѣхъ людей, которые прятались съ своими капиталами, давая положенное, но не желая дать возможнаго. Остается только доказать, что Мининъ отнялъ у ней и остальные 2000.

Относительно взяточничества Минина по дѣлу Толоконцевскихъ бортниковъ, уважаемый историкъ снова утверждаетъ, что „по обыску, бортники, жаловавшіеся на Минина, оказались правы“. Но въ чемъ? Въ томъ ли, что Толоконцевскій монастырь принадлежалъ имъ, а не Печерскому монастырю, или въ томъ, что Мининъ былъ взяточникъ? Документъ не изданъ вполне, и мы покуда увѣрены, что жалоба была на весь посадъ съ его старостами, а не на одного Минина, ибо старосты безъ посада подобными дѣлами распорядиться самолично не могли.

Такимъ же образомъ историкъ не приводитъ никакихъ новыхъ доказательствъ въ подтвержденіе своего невысокаго мнѣнія о Пожарскомъ. Онъ указываетъ, между прочимъ, о сплетнѣ Лыкова, что изъ одного и того же извѣстія мы принимаемъ то, что не вредитъ чести Пожарскаго, а противное отвергаемъ. Но эту сплетню мы не отвергали, а замѣтили только, что не выслушавши обѣихъ сторонъ (иско со стороны Пожарскаго отвѣта не имѣемъ) ничего не можемъ сказать, гдѣ здѣсь правда. Мы взяли себѣ въ строку одно только свидѣніе, что и Пожарскій былъ въ приближеніи у царя, и не видѣли въ томъ ни особой чести, ни безчестья, а приводили это свидѣніе, какъ голый фактъ.

По прежнему историкъ утверждаетъ, что Пожарскій „по своимъ способностямъ былъ человѣкомъ совершенно рядовымъ, дюжиннымъ, однимъ изъ многихъ, что случай временно вынесъ его изъ ряда, поставилъ его на видномъ мѣстѣ, а ошибки его враговъ помогли тому, что его собственныя ошибки не принесли вреда.“ Историкъ такъ наконецъ убѣжденъ въ ничтожествѣ Пожарскаго, что прямо свидѣтельствуется: „избавленіе Руси отъ грозившихъ ей бѣдствій можно приписывать скорѣе заступничеству святыхъ Московскихъ чудотворцевъ, чѣмъ Пожарскому.“ Въ глубокомъ, идеальномъ смыслѣ, это вполне справедливо: ибо святые Московскіе чудотворцы, начиная съ святителя Петра, были основателями и созидателями той великой нравственной и политической силы, которая корнемъ своей жизни почитала Москву, какъ единственную и истинную представительницу всея Руси, всего Русскаго отечества. Въ этомъ смыслѣ они были настоящею причиною, что народъ под-

нялся и спасъ Москву-отечество отъ враговъ. Но-все таки идеальная сила требовала реального воплощенія, все таки нужны были люди и дѣйствія людей. Передовымъ дѣятелемъ спасенія былъ все-таки съ Мининымъ Пожарскій. Отрицаніе его способностей на это великое дѣло у нашего достопочтеннаго историка основывается главнымъ образомъ на томъ, что „Сигизмундъ и Владиславъ не пришли въ пору—и Московское государство было избавлено...; что еслибы напр. Владиславъ былъ коронованъ, то произошло бы даже коренное перерожденіе Русскихъ; все начало бы полячиться и отвращаться отъ народности своихъ предковъ; тогда наступило бы на самомъ дѣлѣ (воображаемое нами) раздвоеніе народа... но конечно Польскому торжеству наступилъ бы конецъ... народъ нашелъ бы готовый элементъ для противодѣйствія давленію сверху въ казачествѣ, нашелъ бы въ немъ опору и средоточіе; поднялось бы страшное народное возстаніе, произошло бы тоже, что происходило черезъ полвѣка въ южной Руси, только въ бѣльшемъ размѣрѣ... Все это и многое другое произошло бы, еслибы Владиславъ былъ коронованъ. Но случай былъ упущенъ, дѣло попорчено, однако еще *могло* поправиться... Сигизмундъ съ Владиславомъ *могли* прѣхать въ Кремль; казаки не выдержали бы... бояре разослали бы грамоты о прибытіи законнаго царя... Появленіе царя произвело бы сильное волненіе, образовалась бы многочисленная партія въ его пользу. Владиславъ могъ бы скоро короноваться... Что же (вообще) было бы, еслибы Владиславъ прибылъ во время? Что дѣлалъ бы тогда Пожарскій въ Ярославлѣ? Вотъ длинный рядъ доказательствъ, объясняющихъ ничтожество роли Пожар-

ХІІ. 8.

скаго. Въ 80 строкахъ къ ряду (стр. 28 — 30) историкъ употребилъ частицу *бы* 32 раза, кромѣ словъ могъ, могли. Но эта частица въ Исторіи, какъ и въ простомъ употребленіи, отличается тѣмъ достоинствомъ, что ее съ равнымъ успѣхомъ можно передвигать и въ ту и въ другую сторону. Кабы дѣдушка не дѣдушка, такъ бы дѣдушка былъ бабушка! Еслибы пришелъ Сигизмундъ съ Владиславомъ, то Пожарскій тутъ-то бы и показалъ свои военные и дипломатическіе таланты. Съ нимъ, разумѣется, поголовно пошелъ бы весь Сѣверъ Руси, и онъ разбилъ бы королей въ прахъ, взялъ бы ихъ въ плѣнъ и за выкупъ отмежевалъ бы у нихъ къ Москвѣ множество старыхъ Русскихъ областей. Государство тотчасъ бы успокоилось, и Пожарскаго непременно бы всею Землею единогласно выбрали бы въ цари и т. д., и т. д. Что можно отвѣчать противъ такихъ полновѣсныхъ доводовъ!

Достоуважаемый историкъ, утвердивши, что Пожарскій человекъ *совершенно* рядовой, дюжинный, присовокупляетъ между прочимъ: „Тѣмъ не менѣе однако, по сравнительной скудости источниковъ для уясненія его характера, мы считаемъ все-таки опрометчивостію произнести объ немъ такой приговоръ“. Но тѣмъ не менѣе приговоръ произнесенъ, скажетъ всякій разсудительный читатель, даже поддерживается новыми доводами и къ сожалѣнію оставляетъ безъ оцѣнки существующія налицо и весьма достаточныя свидѣтельства источниковъ. Это тѣмъ не понятнѣе, что старца Аврамія Палицина историкъ защищаетъ даже противъ очевидности.

По словамъ достоуважаемаго историка, мы старца Аврамія *обвиняемъ* въ слѣдующемъ: „онъ беззащѣнно

русскаго архива. 1872. 80.

сочинилъ, что Ляпуновское ополченіе собрано и подвинуто къ Москвѣ именно Троицкими грамотами, которыя будто разосланы были тотчасъ послѣ Московской разрухи.“ Это такъ и есть. Мы сказали только то, что въ дѣйствительности существуетъ и объяснили даже мотивъ, по которому явилась выдумка Аврамія. Уважаемый историкъ, въ опроверженіе якобы нашего навѣта на старца, развертываетъ его Сказаніе и находитъ не совсѣмъ то. Приводится вся 70-я глава Сказанія, изъ которой видно, что Рязанцы съ Ляпуновымъ переслались со всѣми Приволжскими городами, съ Казанью съ Татарами, обратили къ своей мысли даже и Заруцкаго съ казаками и Сѣверскими городами, и всѣ начали изъ городовъ изгонять Литву. Только! О грамотахъ, какъ и о собраніи подѣ Москву, здѣсь ничего не говорится, и потому свидѣтельство вовсе не относится къ нашему обвиненію Палицына. Тоже подтверждаетъ и уважаемый историкъ, говоря: „До этого времени ни о какихъ грамотахъ отъ Троицкаго монастыря въ Сказаніи не говорится. Уже впоследствии, *когда Ляпуновъ былъ подѣ Москвою* и Поляки зажгли столицу—разослаша грамоты во всѣ города... Но всѣмъ извѣстно, что Ляпуновъ еще далеко былъ отъ Москвы, когда она горѣла и когда дѣйствовалъ въ ней одинъ Пожарскій. Палицынъ прямо говоритъ, что это случилось 19 Марта 1611 г., что во вторникъ на Страстной, т. е. въ тотъ же день, прибѣжалъ въ монастырь съ извѣстіемъ сынъ боярскій Олехановъ и что *по семъ* разослаша грамоты, что сицевымъ грамотамъ достигающимъ въ города, вси бояре и воеводы разгорающаея духомъ, сославшеса и сподвигошася къ Москвѣ“. Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе пришедшихъ подѣ

Москву воеводъ и въ томъ числѣ отъ Коломны Ляпунова, который слѣдов., и по свидѣтельству старца, во время пожара подѣ Москвою не былъ; а по собственному показанію пришелъ только 1 Апрѣля и, по тому же показанію, пришелъ по благословенію патріарха Гермогена, т. е. по его призывнымъ грамотамъ, разосланнымъ еще въ Январѣ, о каковой пересылкѣ грамотъ, вѣроятно, и сказываетъ Аврамій въ пришедевой 70 главѣ, вовсе не памятуя или не зная, или не желая знать, что это было дѣло Гермогена.

Совершенно справедливо (какъ означаетъ уважаемый историкъ), что сказанія Аврамія имѣютъ достоинство произведеній чувства и воображенія современниковъ, ибо самъ старецъ не заявлялъ претензіи написать правдивую лѣтопись съ точнымъ хронологическимъ обозначеніемъ дѣлъ и событий эпохи, или написать правдивую исторію въ теперешнемъ смыслѣ. Онъ писалъ „исторію благодѣяній Божіихъ, которыя показала Мати Слова Божія, совершивъ обѣщаніе Свое къ преподобному Сергію, что не отступна будетъ отъ обители его.“ Вотъ основная мысль его сказаній. Поэтому его исторія необходимо должна была выйдти Похвальнымъ Словомъ или эпопеей, гдѣ всѣ историческіе факты пошли только на podporу этой главной мысли. Оттого же, вмѣсто правдиваго описанія событий, происходившихъ въ дѣйствительности, онъ старательно изображаетъ событія, происходившія въ чувствѣ и воображеніи современниковъ, а болѣе всего тѣ событія, какія, согласно основной мысли сочиненія, возникали въ собственномъ его чувствѣ и воображеніи. Всякое простое дѣйствіе и дѣло онъ непременно ведетъ изъ творчества чудесной стихіи и такъ наполняетъ повѣствованіе изображе-

ніемъ чудеснаго, что все оно является одною сплошною легендою, т. е. исключительно произведеніемъ фантазіи, хотя и съ употребленіемъ надобнаго историческаго матеріала. Его эпическіе тезисы или положенія таковы: избавленіе отъ враговъ Лавры и всей Россіи совершилось заступленіемъ Богоматери и предстательствомъ Св. Сергія и Никона; ясно, что и спасеніе Москвы должно было совершиться заступленіемъ Лавры, ибо здѣсь былъ Божій источникъ всякаго спасенія. А такъ какъ самымъ энергическимъ лицомъ въ Лаврѣ былъ ея келарь, старецъ Аврамій, то ясно также, что онъ и долженъ былъ являться всюду и во всѣхъ тѣхъ моменты, гдѣ дѣло спасенія колебалось или было сомнительно и могло устроиться лишь присутствіемъ, поученіемъ и движеніемъ этого старца. Великое событіе спасенія Лавры, Москвы и Отечества заступленіемъ Богоматери предстательствомъ Прп. Сергія и Никона было дѣйствительнымъ событіемъ; оно совершалось именно въ чувствѣ и воображеніи народа, совершалось въ его религіозномъ духѣ и потому должно принадлежать къ такимъ же неоспоримымъ фактамъ Исторіи, какъ и всякій реальный ея фактъ. Историкъ имѣетъ обязанность изобразить это событіе во всѣхъ его болѣе или менѣе рѣшительныхъ положеніяхъ и явленіяхъ. Но историкъ въ этомъ случаѣ обязанъ также опредѣлить, какое мѣсто, въ фактахъ религіознаго духа, занимала личность старца Аврамія, который беззащитно выставилъ себя подвижникомъ на этомъ полѣ дѣйствій. Мы понимаемъ, что религіозная мысль народа могла приписать послѣдній важнѣйшій ударъ врагамъ въ Московской битвѣ съ Ходкѣвичемъ тому же Минину, рисуя въ

этомъ Господню благодать, которая охрабряетъ слабыхъ и въ ратномъ дѣлѣ неискусныхъ, дабы показать, что не въ крѣпкой силѣ пребываетъ Господь, но въ творящихъ Его волю. Мы понимаемъ, что еслибы такого событія въ дѣйствительности и не было, то, по ходу религіозныхъ идей, оно должно было совершиться непременно. Вотъ почему народъ съ особеннымъ чувствомъ и занесъ подвигъ Минина въ свои лѣтописи, между тѣмъ какъ о призваніи старца Аврамія быть исполнителемъ религіозной народной думы народъ не имѣлъ никакого понятія, и старецъ самъ уже постарался внести въ свою эпопею подвиги собственнаго чувства и воображенія, что онъ одинъ съ казаками именемъ св. Сергія нанесъ рѣшительный ударъ полкамъ Ходкѣвича. Уважаемый историкъ въ своей исторіи Смутаго Времени однако далъ этому личному чувству и воображенію первое мѣсто предъ чувствомъ и воображеніемъ народа. Подвигъ старца поставилъ главнымъ, а подвигъ Минина придаточнымъ, дополнительнымъ, рядовымъ дѣйствіемъ и, не поминая о значеніи Мининскаго подвига, возвысилъ подвигъ старца слѣдующею отмѣткою: „Такъ, если только довѣрятъ сказанію, которое передается самимъ тѣмъ, кто здѣсь играетъ столь блестящую роль,—одинъ человекъ (старецъ Аврамій) нравственною силою своей личности и своего слова спасъ тогда Русское дѣло!“ Какъ будто не было другихъ свидѣтельствъ, что все это происходило иначе. Достоюважаемый историкъ и теперь увѣряетъ, что сказаній старца „новѣритъ будто бы нечѣмъ и отвергать ихъ также будто бы нѣтъ основанія; что хотя и *чувствуется*, что дѣло происходило не совсѣмъ такъ, какъ гласить (этотъ)

источникъ, по нѣтъ основанія сказать, что оно не могло такъ происходить, а еще болѣе—нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы даже предположить, что оно происходило иначе“. Основанія для повѣрки сказаній Аврамія лежатъ въ его же сочиненіи, а данныя, что дѣло со всѣмъ не такъ происходило, находятся въ лѣтописяхъ, гдѣ о подвигѣ Аврамія не говорится ни слова. Мало ли что можетъ написать о себѣ любая личность! Но и сущую правду изъ устъ самой личности о собственномъ ея геройствѣ Исторія привинимаетъ всегда съ большимъ сомнѣніемъ и осторожностью и ни въ какомъ случаѣ не помѣститъ ее въ передній уголокъ своего повѣствованія, въ виду свидѣтельствъ, отрицающихъ такую правду или вовсе о ней не вѣдающихъ.

И. Забѣлинъ.

ЗАМѢТКА.

Въ книгѣ 4-й „Бесѣды“ 1872 года, въ началѣ своей статьи противъ моего мнѣнія о Варягахъ—Руси, М. П. Погодинъ замѣтилъ что „подстрочныя возраженія“ опъ предоставляет молодымъ изслѣдователямъ. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Квашнинъ-Самаринъ, уже и выступилъ, также въ „Бесѣдѣ“ (см. книгу 2-ю этого журнала).

Что сказать о возраженіяхъ молодого изслѣдователя, на котораго ссылается достоуважаемый М. П. Погодинъ?

Весьма много отваги и самоувѣренности, и очень мало логики. Что бы отзывъ нашъ не показался голословнымъ, позволяемъ себѣ привести цѣлую страницу изъ статьи нашего возражателя:

„Господинъ Иловайскій ставитъ на видъ, что здѣсь упомянуто о завоеваніи

окрестныхъ народовъ, которое предшествовало походу на Грековъ; что, по словамъ того же Фотія, война произошла вслѣдствіе убійства какихъ-то Русскихъ Греками: значитъ, уже успѣла завязаться морская торговля; что, наконецъ, если Русскіе были пришельцами, то трудно понять, откуда могъ набрать Аскольдъ около десяти тысячъ Русскихъ воиновъ, когда его отрядъ составлялъ, если вѣрить лѣтописи, только меньшую часть Руси, и когда население всей Скандинавіи, взятой вмѣстѣ, было въ ту пору очень еще не велико. Но намъ кажется, что во всемъ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія съ лѣтописью. Изъ словъ Фотія отнюдь нельзя вывести заключенія, чтобы между прибытіемъ Варяговъ въ Кіевъ и походомъ ихъ на Грецію непременно должно было пройти болѣе времени, чѣмъ полагаетъ Несторъ (около года). Подъ завоеваніемъ окрестныхъ народовъ Фотій очень легко могъ разумѣть завоеваніе Русью Словенъ, Кривичей, Мери, Муромы, наконецъ Полянъ. Ему, кажется, представлялось, что Русь идетъ отъ Океана сплошною массою, покоряя на пути разныя земли. Онъ не обязанъ былъ знать, что Аскольдъ воевалъ отдѣльно отъ Рюрика. Древней торговли Русскихъ съ Греками тоже изъ его словъ не видать. Просто появился на Черномъ морѣ Русскіе -- не то купцы, не то корсары. Греки ихъ перебили; а Кіевскіе князья уже мечтали о разграбленіи Царяграда, были рады предложить, — ну, и мстью считали себя обязанными. Впрочемъ, за хронологію лѣтописи мы не стоимъ. Мало вамъ года, — ну, накиньте сколько нужно: хоть десять или двадцать. Это дѣло личного вкуса. А многочисленность Аскольдова войска мы объясняемъ себѣ тѣмъ, что въ немъ много было Полянъ. Что они охотно пошли за нимъ, мудренаго въ этомъ нѣтъ: они приняли добровольно Русскихъ и кромѣ того надѣялись на богатую добычу. Да и собственная дружина Аскольда могла быть очень

многолюдна. Настоящихъ Русскихъ, конечно, было не много, но чуть только Рюрикъ занялъ Гардарикъ, онъ, понятное дѣло, кликнулъ кличь по всей Скандинавіи, и вы думаете, мало нашлось охотниковъ участвовать въ дѣлежѣ цѣлой Скиѣи? Что въ тогдашней Скандинавіи можно было набрать не одно войско, видно изъ того, что въ 9 и 10 вѣкахъ Норманы покорили половину Англїи, половину Ирландїи и часть Фравціи, да кромѣ того грабили отъ Шотландїи и Новгорода до Севильи и Сициліи. А народы, съ которыми они имѣли дѣло, были похрабрѣ Грековъ. Черное море не могло остановить Нормановъ, которые не стѣснялись неизвѣстностію путей. Имъ ли было выжидать времени, когда они ознакомятся ближе съ заливами, теченьями и вѣтрами? (одно изъ возраженій Иловайскаго). *) Вѣдь они и въ Америку плавали безъ компаса! Г. Иловайскій удивляется, какъ это Русскіе, т. е. Варяги могли такъ легко покорить такое огромное пространство и притомъ въ столь короткое время. А дѣло-то очень просто. Гардарикъ былъ населенъ множествомъ мелкихъ народовъ, не могшихъ дѣйствовать сообща. Поволжской Чудїи не было причинъ стоять за свободу Новгорода. Кривичей было нѣсколько племенъ, и Русь покоряла ихъ по одиночкѣ; Вятичей она затронула только много лѣтъ спустя. Поляне, Съверяне и Радимичи и раньше платили дань чужеродцамъ; Древляне какъ ни были храбры, а все-таки противъ Нормановъ не могли стоять, да притомъ тоже были подѣлены на мелкіе роды. Что тутъ темнаго? Все ясно, какъ день.“ (стр. 51—52)

Тутъ цѣлый потокъ смѣлыхъ и разнообразныхъ домысловъ и соображеній. На предыдущей страницѣ авторъ склоняется къ тому, что для Фотїя Руссы были неизвѣстный народъ; а на страницѣ, приведенной

*) Мимоходомъ замѣчу, что ни о какихъ теченїяхъ и вѣтрахъ у меня не говорится. Д. И.

нами, Фотїй уже *очень легко могъ разумѣть* завоеваніе Русью Славянъ, Кривичей, Мери и пр., и Русь представлялась ему *сплошною массою идущею отъ Океана*; въ то же время онъ *не обязанъ былъ* знать, что Аскольдъ отдѣльно воевалъ отъ Рюрика. Далѣе, хотя Русь и шла сплошною массою отъ Океана, но многочисленность Аскольдова войска объясняется Полянами, которые *добровольно* приняли Русь и тотчасъ бросились подъ Константинополь (между тѣмъ, по замѣчанію Погодина, это было *тихое, смирное* племя, не умѣвшее плавать по морю). Впрочемъ можно обойтись и безъ Полянъ, такъ какъ Аскольдова дружина *могла быть* очень многолюдна. Многолюдство ея произошло отъ того, что Рюрикъ, *понятное дѣло*, кликнулъ кличь по всей Скандинавіи, и охотниковъ нашлось очень много; ибо, во первыхъ имъ предстоялъ ни болѣе, ни менѣе какъ *дѣлежъ цѣлой Скиѣи*, а во вторыхъ они въ это время покорили половину Англїи и грабили отъ Новгорода до Севильи.

Замѣчательно также слѣдующее соображеніе. Нормановъ не могло *остановить* Черное море (хотя между ними и этимъ моремъ лежалъ обширный материкъ): ибо они были такіе молодцы, что плавали безъ компаса еще въ то время, когда компасъ не былъ изобрѣтенъ. Но интереснѣе всего объясненіе, почему Норманы такъ легко и скоро покорили восточную Европу, хотя собственно это объясненіе казалось бы излишнимъ: для такихъ людей, которые плавали безъ компаса въ Америку, развѣ могло быть что нибудь труднаго? Оказывается однако, что для нихъ на Руси были еще и разныя облегчающія обстоятельства. А именно: *множество* мелкихъ на-

родовъ въ Гардарикии, равнодушіе Чуди къ свободѣ Новгорода, отдаленность Вятичей, дѣленіе Кривичей на нѣсколько племенъ, такое же дѣленіе Древлянъ, которые хотя и были храбры, но не въ той степени какъ Норманны, и наконецъ совершенно парализованное состояніе Полянъ, Сѣверянъ и Радимичей въ слѣдствіе уже платимой ими дани. Правда, *все это ясно какъ день*; но для вящей ясности мы бы желали еще знать: не имѣли ли Норманны уже до изобрѣтенія пороха какихъ либо огнестрѣльныхъ снарядовъ, которыми пугали упомянутыхъ туземцевъ, какъ это дѣлали завоеватели Америки и Сибири?

Однако, при всѣхъ этихъ блестящихъ доказательствахъ въ пользу Норманской теоріи, новый ея защитникъ позволяетъ себѣ дѣлать отъ нея значительныя отступленія. Во первыхъ, онъ какъ бы отрицаетъ призваніе Варяговъ и прямо говоритъ о завоеваніи ими Новгородскихъ Славянъ (дѣйствительно, такіе люди, которые, спустя лѣтъ полтора, плавали въ Америку, не нуждались въ призваніи). Во вторыхъ, онъ *не стоитъ* за хронологію нашей лѣтописи и готовъ подвинуть ее назадъ лѣтъ на десять, на двадцать, однимъ словомъ на *сколько нужно*. Удивляюсь, какъ Погодинъ, строго упрекавшій Шлёцера за его сомнѣніе относительно той же хронологіи, въ настоящее время допускаетъ такую ересь между защитниками норманизма?

Вотъ еще примѣръ весьма смѣлаго соображенія. Тамъ, гдѣ самъ Погодинъ рѣшается говорить только о соотвѣтствіи между Скандинавскими и Славянскими божествами и даетъ только понять, что имена первыхъ въ нашей лѣтописи могли быть подмѣнены именами послѣднихъ, тамъ его

новый союзникъ не допускаетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. „Перунъ есть несомнѣнно Торъ, тутъ и споръ невозможенъ.“ А „подъ богомъ *впрямую* разумѣется верховный богъ Одинъ.“ (стр. 54). Дѣло въ томъ, что въ Игоревомъ договорѣ съ Греками есть выраженія: „да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна“ или: „да будетъ клясть отъ Бога и отъ Перуна.“ До сихъ поръ всѣ думали, что это просто значить: отъ бога Перуна. Никому и въ голову не приходило строить что либо на разстановкѣ частицъ въ данномъ случаѣ; тѣмъ болѣе, что въ другомъ мѣстѣ лѣтописи ясно сказано: „кляшася Перуномъ, богомъ своимъ“. Оказывается, что всѣ ошибались; что подъ словомъ *богъ* тутъ разумѣется Одинъ, даже не Славянскіе Хорсъ или Дажбогъ, о которыхъ далѣе упоминаетъ лѣтопись, а именно Скандинавскій Одинъ.

Наука должна быть очень благодарна г. Квашнину-Самарину за такое важное открытіе. Вообще, хотя онъ и недавно выступилъ на поприще изслѣдованій, тѣмъ не менѣе уже сильно подвинулъ впередъ науку Русскихъ древностей. Особенно обращаемъ вниманіе читателей на его статью *Очеркъ Славянской мифологіи* (Бесѣда, 1872. IV). Тѣ запутанныя и темныя стороны этого предмета, надъ которыми до сихъ поръ задумывался не одинъ серьезный изслѣдователь, г. Квашнинъ-Самаринъ распуталъ и разъяснилъ съ удивительною легкостію, такъ что мы имѣемъ теперь свой стройный и свѣтлый Олимпъ, не уступающій Греческому. Еще нѣсколько подобныхъ изслѣдованій, и въ древней Русской исторіи не останется ни одного темнаго вопроса: все сдѣлается ясно какъ день.

Д. Шловайскій.

Дополненіе къ стр. 2042-й

(Духовныя завѣщанія графа Аракчеева.)

Мнѣ, какъ бывшему врачу его сіятельства (графа Аракчеева) и хорошо знакомому съ генераломъ фонъ-Фрикеномъ, извѣстно, что графъ только и мечталъ о передачѣ всего своего имѣнія бывшему командиру его

имени полка, начальнику пѣхотныхъ округовъ Новгородской губерніи, генералу-лейтенанту Ѳедору Карловичу фонъ-Фрикену, который просилъ у графа позволенія объявить о томъ Государю Николаю Павловичу и вмѣстѣ подать просьбу въ отставку; но графъ Аракчеевъ ни подъ какимъ видомъ на это не согласился.

Иванъ Европеусъ.

Въ будущемъ 1873 году мы можемъ *навѣрно* обшачать читателямъ Русскаго Архива между прочими слѣдующія статьи.

**Изъ писемъ о воспитаніи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА**

(Отъ Жуковскаго къ покойной Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ).

Подробное жизнеописаніе князя Г. Г. Орлова.

Записки Іакова Ивановича Ростовцева.

Обширныя выдержки изъ Записокъ Н. И. Греча.

Записки Ивана Алексѣевича Шестакова.

Бумаги и записки князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Записки о жизни А. С. Пушкина.

Письма изъ Россіи въ Англію въ началѣ XIX столѣтія.

Еще главы изъ Калейдоскопа Воспоминаній г. Циприуса.

Донесенія изъ Швеціи императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ отъ графа Н. И. Панина.

Полный переводъ съ Англійскаго депешъ л. Мальмсбюри о Россіи при Екатеринѣ II-й.

Новыя главы изъ Записокъ Н. В. Берга о Польскомъ возстаніи.

Масонскія письма І. А. Поздѣва.

Новыя письма и бумаги Екатерины II-й, А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго.

Выдержки изъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго.

И. А. Плетневъ въ его перепискѣ съ малоизвѣстными дѣятелями словесности.

Памятныя Записки В. Н. Зинovieва.

Записки Прусака-очевидца о Петрѣ Великомъ и пр. и пр.

Это статьи, уже приготовленныя къ печати. Не считаемъ нужнымъ перечислять многосложной и обильной запасъ такъ называемыхъ сырыхъ историческихъ матеріаловъ, что могло бы занять не одну страницу.

По древней Русской исторіи въ Русскомъ Архивѣ 1873 года примуть ближайшее участіе *А. Е. Викторовъ, И. Е. Забѣлинъ, Д. И. Иловайскій* и *Г. Ѳ. Карповъ.*

ОБЩАЯ ПРЕДМЕТНАЯ РОСПИСЬ
СОДЕРЖАНИЮ
РУССКАГО АРХИВА

ИЗДАННАГО

ПРИ

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКѢ

Петромъ Бартечевымъ

ЗА

ПЕРВЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ

(1863—1872)

1020 СТАТЕЙ СЪ АЗБУЧНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ
РОСПИСИ ЛИЦЪ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К^о, у Пречистенскихъ воротъ, домъ Шиловой.
1873.

ОБЩАЯ РОСПИСЬ

СОДЕРЖАНІЮ РУССКАГО АРХИВА

ЗА ПЕРВЫЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ИЗДАНІЯ.

(1863. 1864. 1865. 1866. 1867. 1868. 1869. 1870. 1871 и 1872).

Указанія страницъ на 1863, 1864 и 1865 годы сдѣланы по вторымъ болѣе распространеннымъ изданіямъ этихъ годовъ.

ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

1. Спасъ - Нередица. Церковь XII вѣка. Археологическое описаніе *Скалдина* (Псевдонимъ) **1871**, 1273—1280.
2. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное Время. *И. Е. Забѣлина*. **1872**, 353—424, 581—621 и 881—926.
Дополнительныя страницы къ статьѣ *И. Е. Забѣлина* о Мининѣ и Пожарскомъ. **1872**, 1213—1215.
3. Поясненія къ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій“ (отвѣтъ Костомарову) *И. Е. Забѣлина*. **1872**, 2458—2499.
4. Правда о Сусанинѣ (сводъ мѣстныхъ преданій) Протоіер. *Алексѣя Домнинскаго*. **1871**, 01—034.
5. Еще отвѣдь г. Костомарову. (о Сусанинѣ) *В. И. Дорогобужнова*. **1871**. 1729—1734.
6. Дѣло объ измѣнѣ ротмистра Хмелевскаго (1614 года), съ замѣткою *К. Н. Бестужева-Рюмина*. **1863**, 42—82.
7. Замѣчательный портретъ патріарха Филарета. *Л. П. Яковлева*. **1863**, 82—84.
8. Списокъ съ челобитной *Василія Васильева сына Полозова*. **1865**, 19—24.
9. Объ указѣ царя Алексѣя Михайловича касательно Нѣмцевъ. Замѣтка *А. А. Гатцука*. **1871**, 0249.
10. Родъ Нарышкиныхъ. Генеалогическое изслѣдованіе *А. А. Васильчикова*. **1871**, 1487—1519.
11. Поправки къ статьѣ о родѣ Нарышкиныхъ. **1871**, 1960.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ И КАТЕРИНА I-Я.

12. Глава изъ біографіи Петра Великаго. (Первые годы жизни) академика *М. П. Платина*. **1872**, 2045—2061.

13. Первая супруга Петра I, Евдокія Ѳедоровна. Статья *И. М. Смирнова*. **1863**, 114—125.
14. Старинная пѣсня о царицѣ Евдокіи Ѳедоровнѣ, съ нотами и замѣткою кн. *В. Ѳ. Одоевскаго*. **1863**, 125—129.
15. Петръ Великій въ Парижѣ, статья *М. П. Полуденскаго*. **1865**, 63—90.
16. Разсказъ *Петра Великаго* о Никонѣ, съ примѣч. *П. Алексеева*. **1863**, 92—102.
17. Письма *Петра Великаго* къ кн. Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. **1865**, 25—62.
18. Шуточные патенты *Петра Великаго* думному дворянину Прокопію Ушакову. **1865**, 61—62.
19. О зачатіи и зданіи царствующаго града С.-Петербурга. **1863**, 103—114.
20. Пункты о Петергофѣ, *Петра Великаго*. **1863**, 333—334.
21. Одинъ изъ собственноручныхъ указовъ *Петра Великаго*, какъ бить зорю. **1868**, 105.
22. Письма *Петра Великаго* къ князю М. М. Голицыну о разведеніи буковыхъ деревьевъ. **1868**, 106.
23. Записки *графа Бассевича*, служащія къ поясненію нѣкоторыхъ событій изъ времени царствованія Петра Великаго (1713—1725). Перев. съ Французскаго *П. Ѳ. Аммона*. **1865**, 92—274.
24. Записки *Вебера* о Петрѣ Великомъ и объ его преобразованіяхъ, въ переводѣ съ Нѣмецкаго съ предисловіемъ и примѣчаніями *П. П. Барсова*. **1872**, 1057—1168; 1334—1456 и 1613—1704.
25. О приложенной къ Русскому Архиву 1872 года большой гравюрѣ съ портретомъ Петра Великаго. **1872**, 1215—1216.
26. Просьба *Петра Апраксина* и рѣшеніе *Петра Великаго*. **1863**, 334—337.
27. Безпечальный монастырь. Легенда о Петрѣ Великомъ. **1864**, 141—143.
28. Малоизвѣстный анекдотъ о Петрѣ Великомъ. **1867**, 1341—1342.
29. О присягѣ иноземцевъ при Петрѣ Великомъ. Статья *Д. В. Польшова*. **1869**, 1729—1766.
30. Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божей Матери и паденіе Гетмана Мазепы предъ Покровской церковью, въ Переяславлѣ, статья *А. В. Терещенки*. **1865**, 317—322.
31. Домъ, гдѣ жилъ Карлъ XII, подъ Полтавою. *Л. Коростовцева*. **1869**, 1721—1723.
32. Письмо *Якова Брюса* къ Петру Великому о крѣпостныхъ строеніяхъ. **1867**, 1185—1186.
33. Контръ-адмиралъ *Никита Петровичъ Вильбуа* (автобіографическія показанія). **1867**, 1188—1203.
34. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. *М. Н. Лонкина*. **1864**, 218—232.
35. Письма и выписки изъ писемъ С.-Петербургскаго генераль-полицеймейстера *Девьера* къ князю А. Д. Меншикову. **1865**, 274—318.
36. Частное письмо святителя *Дмитрія Ростовскаго*. **1872**, 441.
37. Свѣдѣнія о Васильѣ Кипріановѣ, бібліотекарѣ Московской гражданской типографіи при Пе-

- трѣ I, съ придисловіемъ *М. Д. Хмырова*. **1866**, 1291—1300.
38. Путешествіе въ святую землю священника *Іоанна Лукьянова*. **1863**, 129—332.
39. Забѣтка о путешествіи Лукьянова, *П. И. Бартенева*. **1863**, 332—333.
40. Еще о путешествіи Лукьянова, *Г. А. Милорадовича*. **1864**, 1167—1168.
41. Черты изъ исторіи книжнаго просвѣщенія при Петрѣ Великомъ. Переписка директора Московской Синодальной типографіи *Федора Поликарнова* съ начальникомъ монастырскаго приказа гр. *И. А. Мусинымъ-Пушкинымъ* (1715—1717). **1868**, 1041—1057.
42. Прошеніе Петру Великому танцовальнаго учителя *Стефана Рамбурха*. **1867**, 1187—1188.
43. Письмо *Спафарія* къ боярину Головину. **1867**, 308—309.
44. Письма (*гр.*) *П. А. Толстому* изъ Турціи къ брату его *И. А. Толстому*. **1864**, 144—160.
45. Похв. слово *Софронія Лихуды* Екатеринѣ I, съ забѣткою *В. М. Ундольскаго* **1863**, 337—356.
46. Подлинное дѣло Новгородскаго архіепископа *Феодосія*. **1864**, 160—207.
47. Хозяйственныя распоряженія *Екатерины Іоанновны и Прасковьи Іоанновны*. **1865**, 323—330.
48. Письма герцогини Голштинской *Анны Петровны*, императрицы *Анны Іоанновны* и камеръ-фрау *Юшковой* къ *П. И. Машкову*. **1868**, 1861—1863.
- ПЕТРЪ II-Й, АННА ІОАННОВНА И ІОАННЪ АНТОНОВИЧЪ.
49. Росписи царской охоты, утвержденныя импер. Петромъ II-мъ. **1869**, 1675—1681.
50. Прошеніе Малороссіянь императору Петру II. **1864**, 207—217.
51. Миниховы кондиціи съ Русскимъ правительствомъ. **1867**, 321—332.
52. Ссылка графа Санти въ Сибирь. **1866**, 273—284.
53. Царствованіе Анны Іоанновны (изъ Германа), переводъ съ *Пльмеукаго*. **1866**, 1—38, 137—171, 661—674, 1349—1374, 1508—1538.
54. Диспозиція и церемоніаль торжественнаго въѣзда императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургъ, 16 Генваря 1732 года. **1867**, 332—341.
55. Донесеніе Московскаго генераль-губернатора *гр. С. А. Салтыкова* императр. Аннѣ о кн. Долгорукихъ. **1866**, 46—48.
56. Изъ жизни государыни-невѣсты княжны *Е. А. Долгорукой*, статья *Р. Г. Инатъева*. **1866**, 38—46.
57. Памятныя записки книги *Натальи Борисовны Доморукой* (полный текстъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями). **1867**, 1—64.
58. Челобитная княгини *Н. Б. Долгорукой*. **1867**, 1167—1168.
59. Бисмаркъ на Русской службѣ, князя *Авг. П. Голицына*. **1867**, 904—911.
60. Для біографіи герцога Бирона (сообщено *С. М. Соловьевымъ*). **1867**, 469—473.

61. Письмо придворнаго шута *Петра Мура* къ Флорентинскому герцогу. **1864**, 232—235.
62. Письмо князя *Кантемира* къ Теофану Прокоповичу о пасторѣ Мильярдѣ, обратившемся въ Православіе (1734) съ предисловіемъ *Н. И. Григоровича*. **1869**, 578—581.
63. О жалованіи членамъ Святѣйшаго Синода. Записка *Теофана Прокоповича*, поданная императрицѣ Аннѣ. Прошеніе членовъ Синода принцессѣ Мекленбургской *Екатерины Іоанновны* и пр. **1870**, 1953—1959.
64. Письмо *Теофана Прокоповича* къ Киевскому архіепископу о Братскомъ Училищномъ монастырѣ. **1865**, 329—336.
65. Письмо *Теофана Прокоповича* къ императр. Аннѣ, въ защиту православныхъ Славянъ. **1863**, 357—362.
66. Докладъ импер. Аннѣ *кн. Шаховскаго*. **1866**, 48—50 (объ отношеніяхъ Нѣмцевъ въ Русскимъ въ службѣ).
67. Подлинныя бумаги по дѣлу о убіеніи Синклера, съ предисл. *Ю. В. Толстаго*. **1866**, 674—685.
68. Дѣло о князѣ *А. А. Черкасскомъ*. Подлинныя бумаги *имп. Анны* и *гр. Остермана*, съ введеніемъ *А. Д. Куренна*. **1871**, 035—070.
69. Жизнь *Ивана Ивановича Неплюева*, имъ самимъ описанная, съ предисловіемъ и примѣчаніями *Л. Н. Майкова*. **1871**, 577—696.
70. Царствованіе *Іоанна VI Антоновича* (изъ сочиненія *Германа*). Переводъ съ Нѣмецкаго **1867**, 161—189.
- ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.**
71. Шесть писемъ *А. П. Волынскаго* къ цесаревнѣ *Елисаветѣ Петровнѣ*. **1865**, 337—344.
72. Черты изъ жизни *имп. Елисаветы Петровны* въ царствованіе *Анны*. **1865**, 343—346.
73. Современный разсказъ о восшествіи на престолъ императрицы *Елисаветы Петровны*, Русскаго резидента при *Английскомъ дворѣ*, князя *И. А. Щербатова*. (Собщенъ профессоромъ *Н. С. Тухонравовымъ*). **1872**, 1169—1181.
74. Письмо *Шотландцевъ* къ *имп. Елисаветѣ Петровнѣ*. **1865**, 347—352.
75. Допросы *гр. Миниху*, *гр. Головкину*, *гр. Остерману*, 1742 года **1864**, 235—272.
76. Фельдмаршалъ *Минихъ* изъ *Сибири*. (Письма его къ *имп. Елисаветѣ*). **1865**, 353—382.
77. Еще письмо *гр. Миниха* изъ *Сибири*. **1866**, 171—185.
78. Для біографіи графа *Іоанна Эрнста Миниха*. **1866**, 1544—1567.
79. О предикѣ *Амвросія Юшкевича П. И. Савваитова*. **1871**, 193—200.
80. Епископъ *Левъ Юрловъ* и его письмо къ родственникамъ (1743), съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова*. **1868**, 1858—1064.
81. Правительственныя мѣры 1743 года противъ появившейся въ *Россіи* секты *Гернгутеровъ*. **1868**, 1391—1395.
82. Письмо принца *Августа Голштинскаго* съ замѣчаніями *имп. Елисаветы* и канцлера *гр. Бестужева-Рюмина*. **1863**, 362—367.

83. О выходѣ Минштейна изъ Русской службы. Подлинныя современныя бумаги. **1872**, 791—805.
84. Совѣтъ Фридриха Великаго имп. Елисаветѣ Петровнѣ (объ угнетеніи Брауншвейской фамилии). **1866**, 1541—1544.
85. Русскіе солдаты въ Пруссіи. **1866**, 1539—1541.
86. Четыре письма Императрицы *Елисаветы Петровны* къ *Θ. С. Вишневному* съ предисловіемъ *С. И. Лашкевича*. **1870**, 273—280.
87. Рескриптъ *Елисаветы Петровны* въ Парижъ графу Чернышеву, 1761 года. **1870**, 1417—1422.
88. Два письма Арсенія Мацѣевича къ имп. Елисаветѣ. **1866**, 50—52.
89. Къ характеристикѣ Арсенія Мацѣевича (его мѣры по Ярославской епархіи). **1863**, 376—380.
90. Письма о докторѣ Санхецѣ, устранившемъ изъ Академіи Наукъ по причинѣ жидовства. **1870**, 280—284.
91. Письмо герцога *Бирона* къ его дочери, съ предисловіемъ *барона Θ. А. Бюлера*. **1871**, 1906—1914.
92. О переселеніи Сербовъ въ Россію 1758 г. Черта Русской политики Елисаветинскаго времени. **1869**, 737—740.
93. Убожество православныхъ церквей въ Польшѣ (1760). **1864**, 227—274.
94. Михайло-Медвѣдь, разбойничій есаулъ. Статья *Н. П. Розанова*. **1866**, 1082—1088.
95. Къ исторіи Семилѣтней войны, Записки пастора *Теге*. **1864**, 274—336.
96. Письмо канцлера гр. Бестужева-Рюмина къ Константинопольскому патриарху о скоромной пищѣ въ посты. **1865**, 351—354.
97. Бумаги *И. И. Шувалова*. **1867**, 65—97.
98. Письма гр. Михаила Петровича Бестужева-Рюмина къ *Ивану Ивановичу Шувалову*. **1863**, 367—375.
99. Письма *И. И. Шувалова* и *М. Л. Воронцова* (1757—1761) и записка *Екатерины II* о денежныхъ дѣлахъ ея матери, съ предисловіемъ князя *М. А. Оболенскаго*. **1870**, 1393—1417.
100. Письма графа *М. Л. Воронцова* къ *И. И. Шувалову*. **1864**, 336—400.
101. Письма къ *И. И. Шувалову*: 1) *Графа А. Б. Бутурлипа*. 2) *Графа М. Л. Воронцова*. 3) *Графа И. Г. Чернышева*. **1860**, 1767—1870.
102. Бумаги князя *Михаила Никитича Волконскаго*. **1865**, 681—722.
103. *Анатолій Мелесь*, епископъ. Историческій очеркъ, по новооткрытымъ бумагамъ, *Н. И. Григоровича*. **1870**, 689—743.
104. *Салтычиха*. Статья *П. Г. Кичѣва*. **1865**, 641—652.
105. Помѣстье *Салтычихи*. *Д. О. Шепинга*. **1871**, 1281—1286.

ПЕТРЪ III-й.

106. Письма *Петра III* къ *И. И. Шувалову*. **1866**, 580—583.
107. Мнѣніе бывшаго императора *Петра III*-го, посланное имъ въ *Св. Синодъ*. **1871**, 2055.
108. Вопросъ о Курляндскомъ гер-

- цогствѣ при Петрѣ III, *И. К. Щербальскаго*. **1866**, 284—304.
109. Арестъ священника за возношеніе имени Петра III-го. **1871**, 1252.
110. Еще тѣнь Петра III-го (самозванство въ Кіевѣ) (1788). **1871**, 2055—2065.
111. О вторичномъ погребеніи Петра III-го. **1871**, 2066—2072.
- ЕКАТЕРИНА II-я.**
(лично)
112. Разказы *Екатерины II-й* о первыхъ пяти годахъ ея царствованія. **1865**, 479—494.
113. Двѣ замѣтки *Екатерины II* (о предсмертныхъ мысляхъ имп. Елизаветы и о женитьбѣ В. К. Константина Павловича). **1863**, 382—387.
114. Автобіографическая памятная замѣтка *Екатерины II-й* (Маскерадъ 1763). **1870**, 1155—1156.
115. О видахъ добра. (Замѣтка *Екатерины II*, написанная для гр. А. С. Строгонова). **1864**, 404—407.
116. Нравственные идеалы *Екатерины II* (Ея замѣтка на экземплярѣ Фенелонава Телемака). **1863**, 380—382.
117. Распоряженіе *Екатерины II* (чтобъ дѣти не забавлялись солдатствомъ). **1865**, 624—626.
118. Записка *Екатерины II* о мѣрахъ къ возстановленію во Франціи королевскаго правительства. **1866**, 399—422.
119. Письма къ разнымъ лицамъ, замѣтки и наброски мыслей *Екатерины II*. (разказы о себѣ) **1866**, 55—75.
120. Образики рѣшеній *Екатерины II-й* на ежедневныя всеподданнѣйшія просьбы 1788 г. **1864**, 410—418.
121. Записка императрицы *Екатерины II-й* о великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ, съ объясненіями профессора *Брикнера*. **1871**, 1519—1524.
122. Тринадцать писемъ *Екатерины II-й* къ оберъ-прокурорамъ Святейшаго Синода, съ введеніемъ и примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. **1870**, 744—768.
123. Изъ бумагъ Николая Петровича Архарова. Письма къ нему *Екатерины II*, импер. Павла Петровича и Александра Павловича и нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ. **1864**, 420—476.
124. Два письма *Екатерины II-й* къ гр. А. А. Безбородкѣ. **1870**, 1959—1960.
125. Письма *Екатерины II* къ А. И. Бибикову во время Пугачевского бунта. **1866**, 388—398.
126. Черновое письмо *Екатерины II-й* къ Д. В. Волкову. **1870**, 546—547.
127. Письма *Екатерины II* къ А. И. Вяземскому. **1865**, 625—632.
128. Письма импер. *Екатерины II-й* къ И. О. Глѣбову, съ приложеніями. **1867**, 342—364.
129. Письмо *Екатерины II* къ кн. М. М. Голицыну (о путешествіяхъ въ чужіе края). **1865**, 624.
130. Письма *Екатерины II-й* къ митрополиту Дмитрію Сѣченову съ примѣчаніями *Н. И. Григоровича*. **1866**, 196—202.
131. Письмо императрицы *Екатерины II-й* къ князю В. М. Долгорукову-Крымскому (1771). **1871**, 1348.
132. Письма и рескрипты императрицы *Екатерины II-й* къ Московскимъ главнокомандующимъ: 1) Кн. В. М. Долгорукову-Крымскому. 2) Графу З. Г. Черны-

- шеву. 3) Графу Я. А. Брюсу.
4) П. Д. Еропкину. **1872**, 225—336.
133. Инструкція генераль-поручику Заборовскому, при отправленіи его въ Средиземное море (1788). **1866**, 1373—1394.
134. Письма и рескрипты *Екатерины II-й* къ М. М. Измайлову. **1872**, 865—880.
135. Письмо *Екатерины II-й* къ С. А. Колычеву. **1869**, 209.
136. Письмо *Екатерины II-й* къ гр. В. П. Мусину-Пушкину. **1869**, 208—209.
137. Для біографіи гр. Ланжерона. Замятка *Екатерины II-й* **1869**, 206—208.
138. Записочки *Екатерины II-й* къ Аннѣ Никитичнѣ Румянцевой. **1869**, 193—195.
139. Записочки *Екатерины II-й* къ А. Н. Нарышкиной. **1870**, 545.
140. Письма *Екатерины II* къ А. В. Олсуфьеву **1863**, 391—470.
141. Записка *Екатерины II* къ духовнику ея протоіерею Панфилову. **1864**, 407—410.
142. Письмо импер. *Екатерины II* къ кн. Потемкину (оЗубовѣ). **1864**, 568—570.
143. Письма императрицы *Екатерины II-й* къ князю А. А. Прозоровскому. **1872**, 533—580.
144. Письмо *Екатерины II-й* къ гр. Н. П. Румянцову о невѣстѣ для великаго князя Александра Павловича. **1869**, 202—206.
145. Письма импер. *Екатерины II* къ кн. Н. И. Салтыкову (1763—1796). **1864**, 477—542.
146. Рескрипты и указы императрицы *Екатерины II-й* къ А. П. Сенявину (1768—1796). **1871**, 1351—1408.
147. Письма *Екатерины II-й* къ графу Я. Е. Сиверсу (1765—1778). **1870**, 1422—1438.
148. Письмо *Екатерины II-й* къ С. Θ. Стрекалову о безпорядкахъ въ театральномъ управленіи. **1870**, 547—549.
149. Письма императрицы *Екатерины II-й* къ А. В. Храповицкому. **1872**, 2062—2099.
150. О Запискахъ Храповицкаго по поводу приложеннаго къ нимъ указателя. **1864**, 1174—1176.
151. Четыре письма *Екатерины II-й* княгинѣ А. П. Черкасской. **1870**, 529—540.
152. Замячанія о письмахъ *Екатерины* къ княгинѣ Черкасской, М. Н. Лонгинова. **1870**, 687—694.
153. Письма императрицы *Екатерины II-й* къ графу Ивану Григорьевичу (1764—1773.) **1871**, 1313—1350.
154. Письма импер. *Екатерины II* И. И. Шувалову. **1867**, 98—100.
155. Два собственноручныхъ письма *Екатерины II* на имя Уфимскихъ намѣстниковъ Якобія и барона Игельштрома. **1867**, 512—516.
156. Изъ собранія автографовъ, принадлежащаго П. И. Савваитову: письма *Екатерины*, Павла Петровича, Маріи Θεодоровны и кн. Потемкина. **1870**, 284—288.
157. Филологическія занятія *Екатерины II-й*, съ замяткою С. А. Соболевскаго. **1863**, 388—391.
158. Еще о трудахъ *Екатерины II* по составленію сравнительнаго словаря. **1864**, 418—420.
159. О Нѣмецкомъ сочиненіи *Екатерины II-й*, П. Х. **1871**, 1271.
160. Ученая степень *Екатерины II*, М. Θ. Шугурова. **1867**, 1262

161. Два анекдота о Екатеринѣ Великой (изъ записной книжки *М. М. Евреинова*). **1866**, 657—658
162. Черты Екатерина II-й. Разказы, записанные *И. И. Сумароковымъ*. **1870**, 2076—2126.
163. Духъ Екатерины II-й (Ея отзвывы и мнѣнія). **1865**, 495—510.
164. О приложенномъ портретѣ Екатерины II въ траурномъ одѣяніи. **1866**, 132—134.
165. О новооткрытой статуѣ Екатерины II-й. **1870**, 998—999.
166. Замѣтка *Екатерины II-й* о мѣстѣ ея погребенія. **1871**, 150.
167. Частное письмо въ Москву (*Т. П. Кирьяка*) отъ 9 Ноября 1796 г. о кончинѣ Екатерины II-й. **1867**, 1266—1275.
168. Екатерина Вторая, стихи *М. А. Дмитриева*. **1866**, 52—56.

ЕКАТЕРИНА II-Я.

(Ея время).

169. Прошеніе Тульскихъ купцовъ о торговлѣ въ Средиземномъ морѣ, съ поощрительными замѣтками *Екатерины II-й*. **1870**, 541—545.
170. Матеріалы для исторіи Морейской экспедиціи 1770 г. Два рескрипта *Спиридову*, письмо *зр. Орлова* къ *Спиридову* и письмо *Спиридова* къ *Екатеринѣ II*. **1864**, 512—561.
171. Описаніе Московскаго бунта 1771 г. *И. Алксыева*. **1863**, 491—499.
172. Москва въ 1771 году (бумаги *А. А. Саблукова*). **1866**, 329—339.
173. Сооруженіе Сѣверо-Екатерининскаго канала. **1866**, 777—799.
174. О рукописной исторіи первой Екатерининской войны съ Турціею. Замѣтка *С. Гуляева*. **1870**, 1158—1159.
175. Образчикъ стариннаго крючкотворства, съ предисловіемъ *И. С. Туренева*. **1870**, 269—280.
176. Жалоба Карачевскихъ крестьянъ *А. А. Беклешову*. **1871**, 1527—1532.
177. Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ (1767). **1870**, 288—291.
178. Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія крестьянъ въ Россіи. Разсужденіе *А. Я. Польнова*, съ замѣткою *Я. П. Борзова*. **1865**, 509—541.
179. Рѣдкостная помѣщичья довѣренность 1775 г. **1808**, 1863—1864.
180. Запечный мастеръ (1768) *Л. Н. Трефолева*. **1868**, 1063—1068.
181. Замѣтки о самозванствѣ въ Россіи и новыя свѣдѣнія о самозванцахъ XVIII в., профессора *С. М. Соловьева*. **1808**, 265—281.
182. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка, *Д. И. Иловайскаю*. **1868**, 822—830.
183. Письма духовныхъ особъ прошлаго вѣка къ преосвященному *Арсенію*. **1864**, 613—629.
184. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія. Съ предисловіемъ *Д. И. Иловайскаю*. **1869**, 584—588.
185. Къ исторіи Шведской войны 1788 года. Академика *Я. К. Грота* (по Шведскимъ книгамъ). **1869**, 111—124.
186. Семейство *Робеспьеровъ*. *М. Ѳ. Шукурова*. **1867**, 516—520.
187. Историческія замѣчанія кн. *М. А. Оболенскаю*, съ приложеніями. **1865**, 989—1004.

188. Матеріалы для исторіи присоединенія Польши къ Россіи (1772—1814). **1863**, 500—603.
189. Матеріалы для исторіи Дружескаго Ученаго Общества 1782 г., съ предисловіемъ *М. П. Полуденскаго*. **1863**, 610—620.
190. Ода Дружескому Ученому Обществу, *Ф. П. Ключарева*. **1863**, 621—626.
191. Изъ розыскаго дѣла о трагедіи Княжнина „Вадимъ“. **1863**, 605—610.
192. О книгѣ *Сабатье де Кабра: Cathéline II*. **1863**, 481—486.
193. Замятка о раздѣленіи Россіи на губерніи въ 18 вѣкѣ. *Н. С. Киселева*. **1863**, 626—627.
194. Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка, съ замятками *А. В. Терещенка*. **1865**, 983—988.
195. Канцеляріи правительствующаго сената приказъ о говѣннѣ въ великій постъ. **1867**, 365.
196. О большомъ императорскомъ алмазѣ. **1866**, 644—646.
197. Черта нравовъ, сто лѣтъ назадъ. **1867**, 189—191.
198. Кое-что о временахъ Екатерины (Изъ Записокъ *Н. В. Сушкова*) **1865**, 614—624.
199. Мелочи изъ прошлаго. *Ю. В. Толстаго*. **1865**, 1375—1376.
200. Письма Германской принцессы (тещи в. кн. Константина Павловича) о Русск. Дворѣ 1795 г. **1869**, 1089—1102.
201. Разказы князя С. М. Голицына, записанные *М. П. Полуденскимъ*. **1869**, 627—644.
202. Изъ давнихъ воспоминаній, статья *В. В. Селиванова*. **1869**, 153—174.
- ЕКАТЕРИНА II-Я.**
(*Люди ея времени*)
203. Случайные люди (изъ Гельбига). Переводъ съ Нѣмецкаго *М. П. Лонгинова*, съ примѣчаніями и дополненіями. **1865**, 383—442.
204. Замятка о Гельбигѣ. **1865**, 443—444.
205. Сатирической каталогъ при дворѣ *Екатерины II-й*. 1765 года. Съ объясненіями *М. Н. Лонгинова*. **1871**, 2039—2054.
206. Первые пособники Екатерины II. **1864**, 401—404.
207. Свѣдѣнія объ офицерахъ конной гвардіи, въ Іюнь мѣсяцѣ 1762 года. *М. Н. Лонгинова*. **1867**, 481—486.
208. Еще нѣсколько извѣстій о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й. Замятки *М. Н. Лонгинова*. **1870**, 965—969.
209. Нѣсколько словъ о семействѣ Баташовыхъ. *Т. Толмечевой*. **1871**, 2112—2118.
210. Письмо (кн.) *А. А. Безбородка* къ С. С. Зиновьеву о нашихъ сношеніяхъ съ Испанією. **1869**, 210—213.
211. Записка о бунтѣ, произведенномъ Беніовскимъ въ Большерѣцкомъ острогѣ и о послѣдствіяхъ онаго. *Гр. Д. Н. Блудова*. **1865**, 657—677.
212. Къ запискѣ о бунтѣ Беніовскаго. Письмо вице-канцлера кн. *А. М. Голицына* къ нашему резиденту въ Парижѣ *Н. К. Хотинскому*. **1865**, 677—678.
213. Замятка о Беніовскомъ, *К. П. Цобьдоносцева*. **1865**, 678—680.
214. Письмо *Бецкаго* къ имп. Екатеринѣ II. **1865**, 493—494.

215. Челобитная *Бецкаго*, объ увольненіи его въ отпускъ за границу. **1866**, 1567—1569.
216. Письма *А. И. Бибикова* къ *А. М. Лунину*. **1866**, 377—388.
217. Письмо *А. И. Бибикова* къ кн. *М. Н. Волконскому*. **1867**, 500—505.
218. Письма *Я. И. Булакова* къ князю *Потемгину*. **1866**, 1570—1590.
219. Письма къ *Я. И. Булгакову Суворова* и кн. *М. Н. Волконскаго* **1867**, 487—500.
220. Изъ бумагъ *Гавриила*, митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго. Извлечено, съ примѣчаніями *Н. И. Григоровичемъ*. **1869**, 1569—1650.
221. Донесеніе князя *Д. М. Голицына* и отвѣтъ *Екатерины II*-й о свиданіи ея съ *Иосифомъ II*-мъ. **1872**, 992—997.
222. Черты изъ жизни кн. *Е. Р. Дашковой*. **1864**, 574—586.
223. Письма гр. *А. М. Дмитриева-Мамонова* къ *Екатерины II*. **1865**, 633—641.
224. Новые матеріалы для исторіи масонства (записка *И. П. Елагина*). **1864**, 586—604.
225. Изъ семейнаго архива села Вытебети. Письма *Н. И. Зиновьева* къ сыну его въ *Лейпцигъ*. Съ введеніемъ и примѣчаніями *Н. П. Барышникова*. **1876**, 932—954.
226. Письмо князя *Зубова* къ *О. М. Рибасу*. **1871**, 1524—1526.
227. Письмо *Искры* къ графу *П. А. Зубову* **1869**, 1566.
228. Баронесса *Корфъ* и ея содѣйствіе побѣгу *Людовика XVI* изъ *Парижа* въ 1791 году; съ предисловіемъ кн. *М. А. Оболенскаго*. **1866**, 800—816.
229. Жизнь стариннаго Русскаго дворянина. Записки *Ивана Федоровича Лукина*. **1865**, 445—476.
230. Лордъ *Мальмбюри* о Россіи. **1866**, 584—600.
231. Письмо *Гарриса (Мальмбюри)* къ гр. *Нессельроду-отцу*. **1867**, 507—512.
232. Изъ семейной памяти. Разсказъ объ *А. В. Марковѣ П. Г. Кичеева* (съ письмомъ *Екатерины* и кн. *Потемкина*). **1865**, 972—982 и **1866**, 185—203.
233. *Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ*, генераль-губернаторъ *Екатеринскихъ* временъ. Статья *Л. Н. Трефолева*. **1865**, 873—919.
234. Замятки и дополненія *Вологжанина* къ статьѣ объ *А. П. Мельгуновѣ*. *Ө. Н. Fortunatova*. **1865**, 919—952.
235. *Сенакъ де Мельянъ*, Французскій эмигрантъ *XVIII* вѣка и его отношенія къ Россіи. Кн. *М. А. Оболенскаго*. **1866**, 421—459.
236. Планъ романа изъ жизни *Мировича*, *Г. Ө. Квитки (Основьяненка)*. **1863**, 470—481.
237. Письма *А. И. Моркова* къ графу *С. П. Румянцеву*. **1869**, 866—882.
238. Письмо *М. П. Нарышкиной* къ *С. А. Колычову*. **1869**, 213—215.
239. Письмо *Е. И. Нелидовой* къ *Ө. Ө. Вадковскому* (1788). **1870**, 327—332.
240. Краткая біографія *А. В. Олсуфьева*, писанная его сыномъ. **1870**, 1341—1348.
241. Переписка графа *Г. Г. Орлова* съ *Ж. Ж. Руссо*, съ предисловіемъ *В. В. Андреева*. **1869**, 581—584.

242. Письмо гр. *Н. И. Панина* къ гр. Нессельроду-отцу. **1867**, 506—507.
243. Изъ архива графа В. Н. Панина. Бумаги о первомъ раздѣлѣ Польши. **1871**, 1761—1856.
244. Изъ бумагъ Диканьскаго архива: 1) Докладъ *графа Панина* о преобразованіи въ управленіи государства, 2) Двѣ бумаги *графа Панина* по поводу кончины Іоанна Антоновича. 3) Мысль *графа Ш. А. Румянцева-Задунайскаго* объ устройствѣ воинской части въ Россіи. **1871**, 1408—1446.
245. Изъ архива графа В. Н. Панина (дипломатическая переписка по дѣламъ Польскимъ; дневныя записки чрезвычайнаго сейма 1773 г.; Польскій символъ вѣры и десять заповѣдей; исчисленіе обидъ причиненныхъ Россіи и пр.) **1872**, 1—97.
246. Изъ бумагъ протоіерея Іоанна Памфилова, духовника *Екатерины II-й*: **1871**. Письма къ нему: Статсъ - секретаря Кузмина 201. Княгини Прасковьи Шаховской 203. Архимандрита Кіевопечерскаго Зосимы 209. Архитектора князя Макулова 210. Протоіерея Петра Алексѣева 211. Князя Безбородки 234. Г. Р. Державина. 236.
247. Отрывокъ жизни *Василія Пасека*, имъ самимъ сочиненный въ С.-Петербургской градской тюрьмѣ въ 1803 г. **1863**, 627—776.
248. А. Я. Полъновъ, Русскій законъ XVIII вѣка. Статья *Д. В. Польнова*. **1865**, 557—614.
249. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетилловскаго Архива. **1865**, 805—851.
250. Изъ бумагъ Василя Степановича Попова. **1865**, 771—804.
251. Замятка для рассказовъ между друзьями *В. С. Попова*. **1865**, 642.
252. Письма *С. А. Порошина* къ гр. Г. Г. Орлову. **1867**, 192—197 и **1860**, 64—66.
253. Собственноручныя бумаги кн. *Потемкина-Таврическаго*. **1865**, 721—744.
254. Жизнь и дѣянія генераль-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго. Соч. *графа А. Н. Самойлова*. **1867**, 575—606, 993—1027, 1203—1262.
255. Изъ бумагъ князя Потемкина-Таврическаго. **1865**, 745—766.
256. Замятка (съ письмами кн. *Потемкина*) *Ш. С. Лебедева*. **1865**, 767—772.
257. Письмо князя *Потемкина* къ Екатеринѣ II-й. **1870**, 549—550.
258. Хозяйственное распоряженіе князя *Потемкина* (о висѣлицахъ). **1860**, 920—922.
259. Письмо *Петра Алексѣева* къ кн. Потемкину. **1803**, 603—605.
260. Потемкинскій праздникъ 1791 года. Письмо *Т. Ш. Кирьяка*. **1867**, 673—694.
261. Гробница князя Потемкина. *М. Ѳ. Шуурова*. **1867**, 203—218.
262. Дополненія къ статьѣ о гробницѣ князя Потемкина. **1867**, 1181—1184.
263. Два манифеста *Пугачева* (1774). **1870**, 291—294.
264. Радищевъ и его книга: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, статья *М. Н. Лонкина*. **1868**, стр. 1811—1819.
265. Радищевъ и его книга. Изслѣдованіе *М. Ѳ. Шуурова*. **1872**, 927—953.

266. Подлинныя анекдоты о князѣ Н. В. Репнинѣ. *М. Н. Лонгинова*. **1865**, 953—958.
267. Памятныя записки *Глафиры Ивановны Ржевской*. **1871**, 1—52.
268. Письмо гр. *П. А. Румянцева-Задунайскаго* къ гр. Панину, по поводу переговоровъ съ Турціею. **1865**, 869—872.
269. Письмо гр. *Н. П. Румянцева* къ гр. П. В. Завадовскому. **1867**, 1263—1265.
270. Два анекдота о гр. П. А. Румянцовѣ. *Ө. Ө. Воропонова*. **1863**, 486—491.
271. Автобіографія графа *С. П. Румянцева*. **1869**, 839—854.
272. Изъ бумагъ графа *С. П. Румянцева* (объ учрежденіи вольныхъ хлѣбопашцевъ). **1869**, 1953.
273. Письма графа *С. П. Румянцева* къ отцу его графу Румянцеву-Задунайскому. **1869**, 853—866.
274. Мнѣніе гр. *А. Н. Самойлова*, относительно уплаты процентовъ и долговъ, сдѣланныхъ внѣ государства (1794). **1866**, 687—690.
275. Донесеніе гр. *А. Н. Самойлова* о печатаніи Алькорана. **1866**, 685—686.
276. О Запискахъ графа Сегюра. *М. Ө. Шукурова*. **1866**, 1590—1615.
277. Нѣсколько извѣстій о Пензенскомъ помѣщикѣ Струйскомъ (изъ Записокъ кн. И. М. Долгорукаго). **1865**, 958—964.
278. Переписка *Суворова* съ *Нельсономъ*, съ предисловіемъ барона *Ө. А. Бюлера*. **1872**, 738—751.
279. Письма и записки *Суворова* къ его дочери и къ *О. М. Рибису*. **1866**, 929—1030.
280. Два письма *Суворова* къ *С. А. Колычеву*. **1869**, 210.
281. Письмо *Суворова* къ гр. Д. И. Хвостову. **1868**, стр. 1865—1866.
282. Последніе четыре года въ жизни *Суворова*. Статья *М. Д. Хмырова*. **1871**, 1446—1486.
283. Замятка о княжнѣ Таракановой по поводу картины Флавицкаго, *М. Н. Лонгинова*. **1865**, 651—656.
284. Два письма *Г. Н. Теплова*. **1869**, 216—220.
285. Два письма *Д. И. Фонвизина* къ *А. М. Обрѣзкову* въ Букарештѣ. **1865**, 851—854.
286. Автобіографическія Записки *В. С. Хвостова*. **1876**, 551—598.
287. Письма князя *П. Д. Циціанова* къ *В. Н. Зиновьеву* съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. П. Барышникова*. **1872**, 2100—2173.
288. Письма во время осады Измаила, 1790 года, отъ графа *Г. И. Чернышева* къ князю *С. Ө. Голицыну*. **1871**, 385—408.
289. Замятка о Чернышевыхъ. *М. Н. Лонгинова*. **1865**, 1004—1009.
290. *О. С. И. Шешковскомъ*, письмо къ вдовѣ его *генераль-прокурора гр. Самойлова*. **1866**, 263—264.
291. Два письма изъ переписки *Вольтера* съ гр. *А. П. Шуваловымъ*. **1861**, 561—568.

ПАВЕЛЬ I-й.

292. Сто три дня изъ дѣтской жизни императ. Павла Петровича. 1765 годъ. Вновь найденная тетрадь Записокъ *С. А. Порошина*, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя. **1869**, 1—64.
293. Записка императора Павла къ ген. лейт. Амбразанцеву. **1869**, 66—68.

294. Письма *А. С. Порошина* къ академику Миллеру. **1860**, 72—74.
295. Вѣдомости о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ. **1860**, 68—72.
296. Разсказъ императора Павла Петровича о видѣніи ему Петра Великаго. Замѣтка *В. В. Андреева*. **1860**, 517—526.
297. Письма великаго князя Павла Петровича къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву. **1867**. 197—203.
298. Любопытныя и достопамятныя дѣянія и анекдоты государя императора Павла Петровича (изъ Записокъ *А. Т. Болотова*). **1864**, 630—780.
299. По поводу анекдотовъ Болотова объ имп. Павлѣ 1-мъ, *Ф. Н. Фортунатова*. **1864**, 781.
300. Письмо изъ ссылки отъ княгини *Дашковой* къ императору Павлу (весною 1797). **1871**, 1486.
301. Разсказы генерала *Котлубицкаго*, о временахъ императора Павла I-го. **1866**, 1301—1331.
302. Разсказы о старинѣ (*Н. О. Котлубицкаго и другихъ*), записанныя *А. О. Ханенкомъ*. **1868**, 1069—1080.
303. Указъ императора Павла Д. Е. Лесли. **1868**, 1866.
304. Письма императора Павла, *Е. И. Нелидовой* и князя *Суворова* къ *П. И. Бобарыкину*, съ предисловіемъ *Н. Н. Бобарыкина*. **1872**, 780—791.
305. Путешествіе императора Павла по Ярославской губерніи, статья *А. Н. Трефолева*. **1870**, 293—326.
306. Записочки *Павла Петровича* къ *А. А. Баратынскому* (1794—1797). **1870**, 1438—1441.
307. Къ біографіи императора Павла (изъ Записокъ *Августа Коцебу*). **1870**, 1960—1966.
308. Описаніе Михайловскаго дворца 1801 года, *Августа Коцебу*. **1870**. 969—998.
309. Изъ Записокъ *Н. А. Саблукова* о временахъ императора Павла. **1869**, 1869—1951.
310. Нѣсколько словъ о «вызовѣ» императоромъ Павломъ Евронейскихъ государей на поединокъ. *Н. С. Киселева*. **1871**, 0195—0200.
311. Повелѣніе великаго князя *Павла Петровича* о лейтенантѣ Полянскомъ. **1871**, 149.
312. Крестьянское движеніе при императорѣ Павлѣ Петровичѣ (1797) и дневникъ князя *Н. В. Репнина*. Статья *М. Ф. Де-Пуле*, по найденнымъ бумагамъ. **1869**. 525—577.
313. Ранортъ губернатора *Карльева* императору Павлу о православіи въ Минской геберніи. **1800**, 1559—1566.
314. Генераль Бонапартъ, оборонитель Грековосточнаго вѣроисповѣданія, съ предисловіемъ князя *М. А. Оболенскаго*. **1868**, 108—112.
315. Генераль графъ Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ. Біографическій очеркъ. **1868**, 1837—1860.
316. Иривей, архіепископъ Псковскій. Статья *Н. И. Григоровича*. **1869**. 1103—1126.
317. Воспоминанія *Ф. П. Лубяновскаго*. (Разсказы *В. И. Лопухина*. Служба при кн. Репнинѣ. Времена Павловскія и Александровскія). **1872**, 98—185 и 449—533.
318. Разсказъ о *Н. С. Свѣчинѣ*. *Т. Толычевой*. **1871**, 1532—1535.
319. Гарлибъ Меркель и его книга о

Латышахъ въ исходѣ XVIII-го столѣтія. **1870**, 1009—1124.

МАРІЯ ТЕОДОРОВНА.

320. Письмо императрицы *Маріи Теодоровны* съ С. И. Плещееву, по кончинѣ императора Павла. **1869**, 1951.
321. Записка императрицы *Маріи Теодоровны* къ генералу Ламсдорфу о Николаѣ Павловичѣ (1811). **1871**, 1949.
322. Письмо императрицы *Маріи Теодоровны* къ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. **1872**, 853—854.
323. Письма государыни императрицы *Маріи Теодоровны* къ князю С. И. Гагарину. **1868**, 1—24.
324. Письма государыни императрицы *Маріи Теодоровны* къ двумъ младшимъ ея сыновьямъ съ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями барона *М. А. Корфа*. **1868**, 337—373.
325. Письма государыни императрицы *Маріи Теодоровны* къ почетному опеуну Московскаго Воспитательнаго Дома Н. И. Баранову. **1870**, 1441—1520.
326. Письмо къ императрицѣ *Маріи Теодоровнѣ* аптекаря Шереметевскаго страннопріимнаго дома. **1871**, 0191.
327. Письма изъ Вѣны отъ князя *Александра Борисовича Куракина* къ государынѣ императрицѣ *Маріи Теодоровнѣ* 1807 года. **1868**, 23 — 86 и 161 — 240 и **1869**, 385—517.
328. Объ основаніи училища глухонѣмыхъ съ Спбурга, *А. Меллера*. **1872**, 1009—1013.

АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

(лично).

329. Запѣтки одного изъ Русскихъ воспитателей имп. Александра Павловича. **1866**, 94—111.
330. Учебная тетрадь импер. Александра Павловича. **1866**, 411—113.
331. Ф. Ц. Лагарпъ въ Россіи (изъ его Записокъ). **1866**, 75—94.
332. Бумаги Лагарпа съ двумя письмами его къ императору Александру. Статья *графа А. С. Уварова*. **1869**, 75—82.
333. Письма и указы импер. *Александра Павловича* къ Державину. **1863**, 777—783.
334. Императоръ Александръ Павловичъ и князь Адамъ Чарторыйскій. Ихъ переписка въ Русскомъ переводѣ. **1871**, 697—945.
335. Письмо императора *Александра Павловича* къ графинѣ Шарлоттѣ де Бальменъ (1824). **1868**, 473—474.
336. Изъ переписки имп. *Александра Павловича* съ В. С. Поповымъ. **1864**, 782—784.
337. Объясненіе императора *Александра Павловича* съ канцлеромъ его графомъ Н. П. Румянцевымъ (собственноручная записка въ Апрѣлѣ 1842 года). **1866**, 609—614.
338. Письмо имп. *Александра I-го* къ Г. П. Милорадовичу. **1864**, 784—785.
339. Запѣчательный указъ императора *Александра I-го* о проповѣдяхъ. **1876**, 1389—1390.
340. Посѣщеніе императоромъ Александромъ Смоленскаго кладбища въ Спб. *Н. И. Григоровича*. **1869**, 075.

341. Записка, поданная кр. *А. Б. Куракинымъ* императору Александру Павловичу послѣ Аустерлицкаго сраженія. **1869**, 1125—1138.
342. Донесенія изъ Франціи князя *А. Б. Куракина* императору Александру Павловичу о бесѣдахъ съ Наполеономъ I-мъ (1809—1811). Французскіе новооткрытые подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**, 1—136.
343. Письмо князя *А. Б. Куракина* къ государственному канцлеру графу *Н. П. Румянцеву* о томъ же (1811). **1870**, 135—162.
344. Донесенія императору Александру Павловичу сенатора *Каверина* о Смоленской губерніи въ 1812 году. **1871**, 1612—1636.
345. Письмо *В. С. Ланскаго* къ имп. Александру I о Польшѣ. **1803**, 839—842.
346. Донесенія гр. *М. А. Дмитріева-Мамонова* въ 1814 г. императору Александру Павловичу. **1871**, 0121.
347. Изъ письма *В. С. Попову* къ Александру I. **1804**, 570—571.
348. Записка о католическомъ духовенствѣ, поданная императору Александру Павловичу митрополитомъ *Сестренцевичемъ*. **1870**, 1745—1768.
349. О возстановленіи новаго Славяносербскаго государства. Записка митрополита *Стратиміровича* имп. Александру 1804 года. **1868**, 112—120.
350. Объ отношеніи императора Александра Павловичу къ католичеству, замѣтка *Д. Н. Свербеева*. **1870**, 1811—1818.

АЛЕКСАНДРЪ I-Й.

(Его время)

351. Неизданная ода графу Потоцкому 1803 года (о правахъ дворянства) съ предисловіемъ *М. П. Лопухова*. **1800**, 1377—1383.
352. Театръ въ Петрозаводскѣ въ 1809 г. (Сообщено *К. М. Петровымъ*. **1870**, 954—959.
353. Переправа черезъ Березину. (Изъ Записокъ адмирала *Чичагова*). **1869**, 1147—1178.
354. Два листка изъ дорожной книжки Русской полковой дамы 1814 года. **1870**, 2071—2076.
355. Какъ былъ взятъ Русскими войсками городъ Соассонъ и какое значеніе имѣлъ этотъ городъ въ войну 1814 года. Изъ Дневника и Воспоминаній *Литранди*. **1808**, 903—925.
356. Свѣдѣнія о Татариновой и о членахъ ея духовнаго союза статскаго совѣтника *Юаннова*. **1872**, 2334—2354.
357. Новое свѣдѣніе о кавалеристъ-дѣвицѣ. **1872**, 2043.
358. Къ исторіи библейскихъ обществъ въ Россіи (письма митрополита *Серафима*, епископа Пензенскаго *Иннокентія*, архим. *Фотія* и графа *Аракчеева*) съ примѣчаніями отца *М. Я. Морозкина*. **1868**, 940—951.
359. Дѣло объ открытіи въ Смоленскѣ отдѣленія библейскаго общества. **1868**, 1395—1403.
360. Списокъ членамъ совѣта и справы ложи св. Георгія Побѣдоносца на Востокѣ Мобежа. **1865**, 1091—1096.
361. Черты Русской политики въ 1819 году. Статья *М. Ѳ. Шуурова*, съ приложеніемъ диплома-

- тическихъ бумагъ на Французскомъ языкѣ и Русскаго перевода ихъ. **1867**, 864—903.
362. Записка о крамолахъ враговъ Россіи, съ объяснительнымъ введеніемъ и примѣчаніями отца *М. Я. Морозкина*. **1868**, 1329—1391.
363. Мнѣніе Смоленскаго помѣщика объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости (1820). **1865**, 553—558.
364. Частное письмо изъ С. Петербурга въ Тульчинъ о Семеновскомъ возмущеніи 1820 года. **1868**, 1820—1828.
365. Семеновская исторія 1820 года. Мнѣніе (князя) *И. В. Васильчикова*, съ предисловіемъ *Д. А. Кропотова*. **1876**, 1777—1812.
366. О наводненіи 1824 г. *Баянуса*. **1870**, 1559—1566.
367. Письмо князя *П. М. Волконскаго* къ (гр.) *А. А. Закревскому* о кончинѣ императора Александра Павловича. **1870**, 627—630.
368. Памятныя замѣтки Вологжанина (Магницій, Сперанскій, Дюгуровъ, Словоцовъ, Каразинъ, Махшесвъ, Монаковъ, Трощинскій и пр.) *Θ. Н. Фортунатова*. **1807**, 1646—1707.
- 1812 ГОДЪ,**
369. Новыя подлинныя черты изъ исторіи отечественной войны 1812 г. **1864**, 786—833.
370. Къ исторіи 1812 года. **1866**, 689—735. (Замѣтки *А. Я. Булакова*).
371. Замѣтка о 2 Сентября 1812 г. *М. Θ. Шукурова*. **1867**, 304—307.
372. Изъ Записокъ гр. *Василія Алексеевича Перовскаго*, о 1812 годѣ. **1865**, 1031—1058.
373. Бумаги изъ эпохи 1812—1814 годовъ съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова*. (Письма императора Александра Павловича къ кн. Кутузову-Смоленскому и гр. Барклаю де Толли, Образование Верховнаго Совѣта для управленія Варшавскимъ герцогствомъ, докладныя записки графа Барклая де Толли и пр.) **1871**, 1537—1612
374. Письма изъ эпохи 1812—1815 годовъ: кн. *Ю. В. Доморукано*, гр. *Θ. В. Ростовчина*, гр. *М. И. Платова*, гр. *А. А. Аракчеева*, гр. *М. И. Барклая де Толли* и кн. *М. Л. Кутузова-Смоленскаго*. **1871**, 149—162.
375. Къ исторіи 1812 года. О фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ. **1865**, 1058—1062.
376. Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ 1812 года. *И. П. Липранди*. **1865**, 1064—1072.
377. Еще объ исторіи отечественной войны, сочиненной Богдановичемъ. *И. П. Липранди*. **1865**, 1077—1090.
378. Московскій Новодѣвичій монастырь въ 1812 году. Разсказъ очевидца, штатнаго служителя *Семена Климьча*. **1864**. 843—858.
379. Московскіе монастыри во время нашествія Французовъ (Изъ подлинныхъ донесеній императору Александру Павловичу.) **1869**, 1387—1399.
380. Разсказы изъ исторіи 1812 г. (собственноручная тетрадь *А. Н. Оленина*) **1868**, 1983—2000.
381. Два разсказа изъ исторіи 1812. **1868**, 1675—1676.
382. Три разсказа изъ исторіи 1812 года. *В. Бра*. **1868**, 1866—1872.

383. Разказъ простой женщины о 1812 годѣ. **1871**, 0198.
384. Разказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ о 1812 годѣ. Записка *Шевилье д'Изарна* съ предисловіемъ и примѣчаніями г. *Гадарюеля*. **1869**, 1399—1462.
385. По поводу статьи: „Разказы и воспоминанія Московскихъ Французовъ“. *Старожила города Москвы*. **1869**, 2021.
386. Французская афиша 1812 года. **1864**, 835—838.
387. Росписаніе особамъ, составлявшимъ Французское правленіе или муниципалитетъ въ Москвѣ 1812 года. **1864**, 839—842.
388. Дѣло о должностныхъ лицахъ Московскаго правленія, учрежденнаго Французами въ 1812 году. Статья *Н. С. Киселева* (по подлиннымъ бумагамъ). **1868**. 881—903.
389. Переписка между *С. А. Масловымъ* и *П. Х. Граббе* о подвигѣ Ермолова въ Богородинской битвѣ. **1869**, 061—064.
390. Воспоминанія о 1812 годѣ. *Князя П. А. Вяземскаго*, **1869**, 181—016.
391. Поминки по Бородинской битвѣ. Стихотвореніе князя *П. А. Вяземскаго*. **1869**, 175—182.
392. Частныя письма 1812 года отъ *М. А. Волковой* къ *В. И. Ланской*. **1872**, 2372—2435.
393. Письмо прикащика *Максима Сокова* къ *И. Р. Баташову* о Московскомъ пожарѣ 1812 г. **1871**, 0218.
394. Письмо *А. Ѳ. Мерзлякова* къ *Ѳ. М. Вельяминову-Зернову*, о Москвѣ послѣ пожара 1812 года. **1865**, 1071—1077.
- АЛЕКСАНДРЪ I-Й.**
- (*Люди его времени*)
395. Автобіографическія замѣтки *графа Аракчеева*, на прокладныхъ листкахъ книги Св. Евангелія. **1866**, 922—927.
396. Письмо *графа Аракчеева* къ Олопецкому губернатору Ушакову. **1866**, 1047—1049.
397. Письмо *графа Аракчеева* къ *А. П. Малюновской*. **1864**, 859—860.
398. Письмо *графа Аракчеева* къ *Д. А. Булыгину*. **1872**, 2036—2037.
399. Два духовныя завѣщанія *графа Аракчеева*. **1872**, 2037—2042.
400. Замѣчаніе о нихъ *И. И. Европеуса*. **1872**, 2505.
401. Надпись на иконѣ графа Аракчеева. **1869**, 076.
402. Описаніе столовыхъ часовъ графа Аракчеева, съ замѣткою *г. Пашкевича* и съ нотами. **1869**. 1183—1192.
403. Письмо *графа Аракчеева* къ графинѣ *Е. З. Канкриной*, съ замѣткою князя *П. А. Вяземскаго*. **1868**, 281—283.
404. Письма къ графу Аракчеву наперсницы его *Настасьи Ѳедоровой Минкиной* (1816—1820). **1868**, 1656—1673.
405. Предсмертныя дни и кончина графа Аракчеева (со словъ очевидца *Е. М. Романовича*). **1868**, 283—289.
406. Настоящій разказъ о предсмертныхъ дняхъ и кончинѣ графа Аракчеева. *А. П. Бровцына*. **1868**, 951—958.
407. Изъ воспоминаній о селѣ Грузинѣ въ 1826 году. *А. П. Языкова*. **1869**, 1462—1484.

408. Сонъ въ Грузинѣ, письмо къ гр. Аракчееву *М. Л. Магницкаго*. **1863**, 842—849.
409. Изъ воспоминавій *Э. М. Арндта* о Россіи. **1871**, 076—0120.
410. Изъ семейнаго архива: 1) Письмо *А. И. Архаровой* къ *М. И. Посниковой* изъ Спб. въ Москву; 2) Письмо *М. И. Посниковой* къ *А. И. Архаровой* изъ Москвы въ Спб., съ прим. *А. А. Васильчикова*. **1867**, 1028—1046.
411. Разказы и воспоминанія *Н. И. Лорера*: 1. Лейбъ-кучерь Илья Байковъ. **1872**, 2261—2268.
412. Графъ *А. А. де-Бальменъ* (Русскій приставъ при первомъ Наполеонѣ на островѣ св. Елены), біографическій очеркъ. **1868**, 462—473.
413. Письма съ острова св. Елены Русскаго пристава при первомъ Наполеонѣ, графа *А. А. де Бальмена* (1816—1820). **1868**, 659—734 и 1924—1984; **1860**, 647—731 и 765—838.
414. Замятка о *К. И. Вистромѣ*. *В. В. Селиванова*. **1871**, 1267.
415. Адамъ Омичъ Брокеръ. Его записки и біографія. **1868**, 1413—1436.
416. Письмо *С. Броневскаю* къ генералу *Г. Г. Ломоносову*. **1864**, 785—786.
417. Письмо барона *Будберга* къ *Т. И. Тутолмину* въ Москву о поступкѣ фельдмаршала графа Каменскаго. **1871**, 1093.
418. Выдержки изъ Записокъ *Александра Яковлевича Булакова*, 1811 и 1812 г., съ прим. *Н. С. Киселева*. **1867**, 1361—1384.
419. Воспоминаніе о Булгаковыхъ князя *И. А. Вяземскаю*. **1868**, 1436—1445.
420. Очеркъ жизни графа *Д. П. Бутурлина*. **1867**, 376—386.
421. Письма графа *Д. П. Бутурлина* къ *А. Н. Оленину* съ примѣчаніями графа *М. Д. Бутурлина*. **1870**, 1200—1214.
422. Замятка о библиотекѣ гр. *Д. П. Бутурлина*. *С. А. Соболевскаю*. **1867**, 479—480.
423. Замятка объ убіеніи *Верецагина*, *Д. Н. Свербеева*. **1870**, 517—522.
424. Московскій Архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1800—1801 году (изъ Записокъ *Ф. Ф. Виселя*). **1863**, 793—809.
425. О княгинѣ *З. А. Волконской*. **1867**, 311—313.
426. Письма князя *С. Р. Воронцова* къ графу *Ө. В. Растопчину* съ предисловіемъ и примѣчаніями графа *А. Ө. Растопчина*. **1872**, 2174—2276.
427. Объ обращеніи въ католичество графини *М. А. Воронцовой*, замятка графа *М. Д. Бутурлина*. **1860**, 1712.
428. Письма князя *А. Н. Голицына* къ графинѣ *А. А. Орловой-Чесменской*. 1822 и 1823 годы. **1860**, 943—958.
429. Два письма министра народнаго просвѣщенія князя *А. Н. Голицына* къ директору Царскосельскаго Лицея *Е. А. Энгельгардту*. **1868**, 873—877.
430. Къ біографіи *Е. А. Головина*. Графа *Д. Н. Толстаю*. **1872**, 1954—1979.
431. Изъ очерковъ недавней старины. (объ *Е. А. Головинѣ*) **1871**, 1253—1272.
432. Записки *Н. Н. Греча*. (Дѣло о книгѣ пастора Госнера). **1868**, 1403—1413; **1871**, (біографіи современниковъ) 289.

433. Бумаги о кончинѣ и погребеніи патріарха Григорія. **1871**. 1920—1939.
434. Письма кн. *Михаила Петровича Доморукова*. **1865**, 1009—1030.
435. 17 писемъ великой княгини *Екатерины Павловны* къ Ф. П. Деволану. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. **1870**, 1967—2014.
436. Запѣтки *А. П. Ермолова* объ его молодости, **1867**, 366—376.
437. Разговоръ съ *А. П. Ермоловымъ*. **1863**, 854—860.
438. Встрѣча моя съ *А. П. Ермоловымъ*. Изъ воспоминаній *Н. В. Берга*. **1872**, 985—992.
439. Краткое біографическое воспоминаніе о графѣ *А. А. Закревскомъ*. **1865**, 1115—1124.
440. Изъ записной книжки *Алексыя Осиповича Имбера*. **1870**, 373—404.
441. Воззваніе къ Грекамъ кн. *Александра Исидилти*, въ 1821 г. **1868**, 293—297.
442. Выписка изъ моихъ воспоминаній *А. И. Казначеева*. **1871**. 183—186.
443. Письма фельдмаршала *графа Михаила Федотовича Каменскаго* къ сыну его гр. Николаю Михайловичу, 1806—1809, съ біографическимъ предисловіемъ и примѣчаніями. **1868**, 1489—1528.
444. Театръ графа Каменскаго къ Орлѣ. (Изъ Записокъ *графа М. Д. Бутурлина*). **1860**, 1708—1714.
445. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. **1866**, 113—126.
446. Записка объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи отъ крѣпостной зависимости, составленная въ 1818 году, по повелѣнію Алек-сандра Павловича, гр. *Канкринъ*. **1865**, 542—552.
447. Изъ записной книжки *П. М. Языкова* (о графѣ Е. Ф. Канкринѣ). **1867**, 392—395.
448. Записка *Н. А. Райка* объ убіеніи графа Каподистрии. **1869**, 881—919.
449. Письмо графа *И. А. Каподистрии* къ гр. А. Х. Бенкендорфу о П. А. Райкѣ. **1868**, 313—317.
450. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта графа *Е. Ѳ. Комаровскаго*. **1867**, 249—248; 521—575; 748 788; 1276—1330.
451. Запѣтки и поправки а) *И. С. Ульянова* (о великомъ князѣ Константинѣ Павловичѣ) и б) *С. Д. Кововскаго* (о Московской при-сѣгѣ 1825 года) **1868**, 1031—1040.
452. Письма *цесаревича Константина Павловича* къ маркизѣ де Кюбьеръ. **1870**, 401—430.
453. Письма къ великому князю цесаревичу Константину Павловичу *графа Аракчеева* и *Н. М. Карамзина*, съ замѣткою *Г. Н. Александрова*. **1868**, 289—293.
454. По поводу статей о госпожѣ Крюднеръ, князя *Н. Н. Голицына*. **1870**, 901—908.
455. Воспоминаніе о князѣ Смоленскомъ *М. И. Голенищевѣ-Кутузовѣ*, *Н. П. Шишкова*. **1866**, 460—474.
456. *А. Ѳ. Лабзинъ*, статьи *П. А. Безсонова* и *М. А. Дмитриева*. **1866**, 817—860.
457. Баронъ *К. Ѳ. Левенштернъ* и письма къ нему *великаго князя Михаила Павловича*, гр. *Аракчеева* и пр. съ примѣчаніями *М. И. Семевскаго*. **1860**, 1649—1662.

458. Изъ Записокъ *И. П. Липранди* по поводу „Воспоминаній Вигеля.“ **1876**, 331—374.
459. Историческія замѣчанія *И. П. Липранди*. **1866**, 1031—1046.
460. Воспоминаніе о М. А. Магницкомъ. Некрологическая статья *А. С. Стурдзы*. **1868**, 926—938.
461. Инструкція *М. А. Магницкаго* Д. М. Макшееву объ осмотрѣ учебныхъ заведеній. **1867**, 1643—1646.
462. Ученое привѣтствіе 1822 года **1871**. 1728.
463. Два мнѣнія *М. Л. Магницкаго*. **1864**, 861—868.
464. Графъ М. А. Мамоновъ. Разсказъ изъ семейной памяти. *И. Г. Кичеева*. **1868**, 91—102.
465. Еще о графѣ Дмитріевѣ-Мамоновѣ (его письма къ князю Д. В. Голицыну и характеристика его болѣзни, доктора *В. Малиновскаго*). **1868**, 962—969.
466. Существуютъ-ли Записки графа М. А. Мамснова? Замѣтка *Н. С. Киселева*. **1868**, 87—91.
467. Письмо принца *Карла Мекленбургскаго*. **1866**, 928.
468. Князь А. С. Меншиковъ. **1869**, 1067—1076.
469. Записки *Д. Б. Мертваго*. XIV, 336 и 2 нен. стр.—въ особомъ приложеніи къ 1867 году.
470. Дополненія къ Запискамъ *Д. Б. Мертваго*. (Два разсказа и завѣщаніе). **1868**, 123—141.
471. Письмо *графа Иосифа де Местра* къ кн. П. Б. Козловскому. **1866**, 1492—1504.
472. Письма изъ Петербурга въ Италію *графа Жозефа де Местра* къ королю Сардинскому и его приближеннымъ (1803—1810). **1871**. 53—148.
473. Воспоминанія *Н. В. Басаргина* о генералъ-маюрѣ Н. Н. Муравьевѣ и его училищѣ для колонновожатыхъ. **1868**, 793—822.
474. Изъ воспоминаній *Матвея Ивановича Муравьева - Апостола*. **1871**, 0229—0238.
475. Изъ Записокъ *А. Г. Гебеля* (о бунтѣ Черниговскаго полка). **1871**, 1717—1728.
476. Анекдоты Александра Львовича Нарышкина. **1864**, 861.
477. Ю. А. Нелединскій - Мелецкій. **1867**, 101—120.
478. Калейдоскопъ воспоминаній (1811—1871) Глава I-я. Николай Николаевичъ Новосильцевъ. *Ципринуса* (псевдонимъ). **1872**, 1705—1769. Глава 2-я. Адамъ Мицкевичъ, 1887—1954. Глава 3-я 1811 и 1812 годы, 2269—2334.
479. Изъ воспоминаній *П. П. Новосильцева*: 1) Видѣніе принцу Евгению Богарне. 2) О междоусобицѣ 1825 года, **1876**, 1161—1196.
480. Дѣла давно минувшихъ дней (о Переверзевѣ) *Т. Толмчовой*. **1871**. 1289—1296.
481. Письма *И. А. Поздьева* къ его друзьямъ: С. С. Ланскому, графу А. К. Разумовскому и др. **1872**, 1853—1886.
482. Анекдотъ о кн. Анд. К. Разумовскомъ. **1864**, 858—859.
483. Письма *гр. Ѳ. В. Растончина* къ Д. И. Киселеву. **1868**, 812—824.
484. Письмо *гр. Ѳ. В. Растончина* къ Петру Моис. Погодину. **1864**, 834—835.
485. Письма *графа Ѳ. В. Растончина* къ А. Ѳ. Брокеру изъ Петербурга и изъ чужихъ краевъ. (1815—1818) **1868**, 1873—1924.

486. Черты для біографіи *Θ. В. Растопчина*, замѣтки *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 1674—1675.
487. Картина Франціи, представленная императору Александру 1-му *графомъ Θ. В. Растопчинымъ*. **1872**, 965—985.
488. Матеріалы для полного собранія сочиненій и для біографіи гр. *Θ. В. Растопчина*. *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 851.
489. Письма *графа Θ. В. Растопчина* къ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. **1860**, 759—762.
490. Переписка *графа Θ. В. Растопчина* съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ (Сообщено *Г. Н. Александровымъ*). **1860**. 763—766.
491. Письмо *Н. П. Рязанова* къ *И. И. Дмитріеву*. **1866**, 1331—1335.
492. Письмо *Алексѣя Куракина* къ кн. *Θ. Н. Голицыну* о Сперанскомъ, съ замѣткою *Я. К. Грота*. **1863**, 810—812.
493. Письма *Сперанскаго* къ *Ф. И. Цейеру* (1811—1818) **1870**, 174—200.
494. Письмо *Сперанскаго* къ *С. М. Броневскому*. **1870**, 199—202.
495. Письма *М. М. Сперанскаго* къ его дочери, изъ Пензы и съ дороги въ Сибирь. **1868** 1103—1212.
496. Письма *Сперанскаго* къ его дочери, съ дороги въ Сибирь, изъ Сибири и съ возвратнаго оттуда пути. **1868**, 1681—1814.
497. Сперанскій въ его государственной дѣятельности, съ общимъ очеркомъ исторіи внутренняго управленія въ XVIII вѣкѣ. Статья профессора *Θ. М. Дмитріева*. **1868**, 1527.—1656.
498. Изъ бумагъ о гр. Сперанскомъ, въ дополненіе къ его жизни, изданной въ 1861 году. **1867**, 432—455. (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*).
499. Поправка свѣдѣнія о Сперанскомъ, *Я. К. Грота*. 812.
500. Письмо *Сперанскаго* къ *И. В. Лопухину*. **1870**. 623—626.
501. Письма *И. В. Лопухина* къ Сперанскому. **1870**, 609—622.
502. Письма *Сперанскаго* къ *А. А. Столыпину*, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1869**, 1682 и 1966.
503. Выдержки изъ писемъ *Сперанскаго* къ *А. А. Столыпину* съ предисловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1870**, 880—893 и 1125—1156.
504. Письма *Сперанскаго* изъ Пензы и изъ Сибири къ *А. А. Столыпину*, съ послѣсловіемъ *Д. А. Столыпина*. **1871**. 431—484.
505. Письмо *Сперанскаго* объ Исторіи Государства Россійскаго (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*). **1869**, 919—920.
506. Къ исторіи ссылки Сперанскаго, *Я. К. Грота*. **1871**, 2073 и 2121.
507. Къ біографіи Сперанскаго, *М. П. Погодина*. (Письмо *Сперанскаго* къ Самборскому и рассказъ о немъ *Челищева*). **1871**. 1942.—1948.
508. Сперанскій. Критико-историческое изслѣдованіе академика *М. П. Погодина* (Показанія *Я. И. Де-Санглена*). **1871**. 1097—1252.
509. Письмо *В. Θ. Тимковскаго* (1813) съ предисловіемъ *М. А. Максимовича* **1871**. 2118.
510. Николай Ивановичъ Тургеневъ. Статья *Д. Н. Свербеева*. **1871**. 1962—1984.
511. Письмо архим. *Фотія* къ *Д. А.*

- Державиной объ А. И. Тургене-
вѣ. **1863**, 850—854.
512. Письма архимандрита *Фотія* къ
брату и роднымъ. **1871**. 239
—255.
513. Изъ Записокъ архимандрита *Фо-*
тія. 1822 годъ. Съ предисло-
віемъ и примѣчаніями. **1869**,
929—944.
514. Примѣчаніе къ свѣдѣніямъ о
Фотіи. *Ф. Горбунова*. **1870**. 901.
515. Фотина Павловна, послушница
архимандрита *Фотія*. Статья *П.*
С. К—ю. **1870**. 893—900.
516. Укорительное письмо *Фотія* къ
князю А. Н. Голицыну. **1870**.
1159—1162.
517. Анна Григорьевна Хомутова: а)
Жизнь ея, составленная г-жею
Е. И. Розе, б) Два отрывка изъ
ея Записокъ о 1814 г. и объ А.
С. Пушкинѣ и в) Замятка о ней
князя *Ш. А. Вяземскаго*. **1867**,
1049—1071.
518. Дневникъ свитскаго офицера (*С.*
Г. Хомутова). 1813 годъ. **1860**,
219—304.
519. Русскіе въ Парижѣ. Изъ Днев-
ника свитскаго офицера. *С. Г.*
Хомутова. **1870**, 161—174.
520. Эпизодъ изъ жизни П. Я. Чаада-
ева. Статья *М. Н. Лонгинова*.
1868, 1318—1328.
521. Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ,
статья *Д. Н. Свербева*. (1856).
1868, 976—1000.
522. Письмо кн. *Адама Чарториш-*
скаго къ гр. Матусевичу, съ
объяснительною замѣткою *Н. В.*
Сушкова. **1863**, 824—839.
523. Изъ Записокъ адмирала *Чичаго-*
ва. Дѣла съ Турціею въ 1812
году. **1870**, 1522—1551.
524. Встрѣча съ Шишковымъ. Изъ
Записокъ *Д. Н. Свербева*. **1871**.
161—182.
525. *Баронъ Штейнъ* о состояніи Рос-
си. **1871**. 0126.
526. Воспоминанія о директорѣ Цар-
скосельскаго Лицея Е. А. Эн-
гельгардтѣ, сына его *В. Е. Эн-*
гельгардта. **1872**, 1462—1491.
527. Педагогическія замѣтки *Е. А.*
Энгельгардта. **1872**, 1595—1600.

НИКОЛАЙ I.

528. Нѣсколько словъ объ императо-
рѣ Николаѣ I-мъ. Замятка *М. В.*
Юзефовича. **1870**, 999—1008.
529. Еще черта для характеристики
императора Николая. *М. В. Юзе-*
фовича. **1870**, 1727—1728.
530. Изъ воспоминаній о прошломъ,
княжны *В. Н. Реппиной*. **1870**,
1724—1727.
531. Императоръ Николай I-й въ
Св. Правительствующемъ Сино-
дѣ. Статья *Н. И. Григоровича*.
1869, 739—752.
532. Письмо императора *Николая*
Павловича къ графинѣ Е. П.
Потемкиной отъ 4 Апрѣля 1826.
1872, 425—426.
533. Два письма (графа) *Д. Н. Блудо-*
ва къ его супругѣ въ 1826 г.
изъ Москвы въ Спб., **1867**,
1046—1048.
534. Всеподданнѣйшее письмо графа
Аракчеева къ императору Ни-
колаю Павловичу. **1860**, 1049—
—1052.
535. Частное письмо о происшествіи
14 Декабря 1825 года (государств.
секретаря *А. Н. Оленина*). **1869**,
734—053.
536. Поимка В. К. Кюхельбекера (два
распоряженія цесаревича Кон-
стантина Павловича), съ предис-
ловіемъ *М. Ѡ. Шукурова*. **1870**,
404—408.

537. Н. И. Сухиновъ (одинъ изъ Декабристовъ). **1870**, 908—926.
538. Отвѣтъ на отзывъ о генералѣ Деларскомъ, *М. В. Юзефовича*. **1870**, 1927—1936.
539. Изъ Записокъ *И. Д. Якушкина*. **1870**, 1566—1630.
540. По поводу новѣйшихъ книгъ и статей о 14 Декабрѣ и Декабристахъ. *П. Н. Свистунова*. **1870**, 1633—1668.
541. По поводу Записокъ *И. Д. Якушкина* и статьи о нихъ *П. Н. Свистунова*: а) Отвѣтъ автора „Записокъ Декабриста“. **1871**, (189). б) Отвѣтъ *С. В. Максимова* 322. в) Отповѣдь *П. Н. Свистунова*. 333.
542. Бунтъ Черниговскаго полка, современныя бумаги. **1871**, 257—288.
543. О смерти *А. С. Грибоѣдова*, статья *П. А. Ефремова*. **1872**, 1492—1538.
544. Письма *А. С. Грибоѣдова* къ *К. К. Родофинкину*. **1872**, 1538—1550.
545. Письма князя *Паскевича* и графа *Нессельроде* объ *А. С. Грибоѣдовѣ*. **1872**, 1551—1552.
546. О чумномъ возмущеніи въ Севастополѣ 1830 года. Записка священника *Софронія Гаврилова*. **1867**, 1375—1384.
547. Записка *Бумакова* о дѣятельности князя *Н. Г. Репнина* въ 1831 году. **1872**, 953—965.
548. Замѣтки о Польскомъ возстаніи 1830 года. *И. С. Ульянова*. **1867**, 695—712.
549. Холера въ Петербургѣ въ 1831 году. Разсказъ очевидца, *Ил. В. С-ва*. **1868**, 958—962.
550. Изъ памятныхъ замѣтокъ *В. Д. Давыдова*. (Кончина *Дибича*). **1871**, 0289.
551. Переписка епископа-князя *Симона Гедройца* съ (гр.) *Д. Н. Блудовымъ* и другими лицами во время Польскаго матажа 1831 года. **1869**, 1485—1542.
552. Записки генералъ - адъютанта *Отрошенки* о послѣдователяхъ *Конарскаго*. **1869**, 1207—1223.
553. Виленская комиссія о послѣдователяхъ *Конарскаго*. Статья *М. И. Топильскаго*. **1870**, 1183—1198.
554. Изъ Записокъ генералъ-адъютанта *Н. Н. Муравьева-Карскаго*. 1832 и 1833 г. Отправленіе въ Египетъ къ *Мегметъ-Али-пашѣ* и пребываніе Русскихъ на *Босфорѣ*.) **1868**, 733—794.
555. Изъ Записокъ графа *А. Х. Бенкендорфа* (о путешествіи имп. *Николая* по Россіи въ 1836 г.) въ переводѣ съ предисловіемъ барона *М. А. Корфа*. **1865**, 1167—1178.
556. Разсказы очевидцевъ (гр. *А. Х. Бенкендорфа*, кн. *А. Ѳ. Орлова*, барона *М. А. Корфа*, *А. Р. Бирановича*, гр. *В. Ѳ. Адлерберга* и барона *Э. И. Мирбаха*), о пожарѣ зимняго дворца въ 1837-мъ году, съ примѣчаніями барона *М. А. Корфа*. **1865**, 1179—1204.
557. Еще разсказъ очевидца о Петербурскомъ пожарѣ 1837 года *И. Д. Лужина*, съ приложеніями. **1868**, 844—851.
558. Православныя Латыши въ 1841 и 1842 годахъ. Историческій очеркъ *Ю. Ѳ. Самарина*. **1869**, 1224—1361.
559. Письмо великой княгини *Александры Николаевны* къ *В. А. Жуковскому*. **1868**, 107—108.
560. Два съ половиною года въ плѣну у Чеченцовъ 1847—1850. *И. Клигера*. **1860**, 964—1006.

561. Письма къ друзьямъ изъ похода въ Хиву 1839 года, *В. И. Далм.* **1867**, 402—431; 606—639.
562. Сыскное дѣло 1697 года о дорогѣ въ Хиву. **1867**, 395—402.
563. Начало мюридизма на Кавказѣ (изъ Записокъ кн. *М. Б. Лобанова-Ростовскаго*). **1865**, 1153—1166.
564. Воспоминаніе о *Θ. И. Иноземцовѣ*, *С. А. Смирнова*. **1872**, 718—737.
565. Къ біографіи *Θ. И. Иноземцова*, замѣтка *графа М. Д. Бутурлина*. **1872**, 1457—1461.
566. Письмо *графа А. Х. Бенкендорфа* къ *Н. А. Полевому*. **1866**, 1753—1756.
567. Общество посѣщенія бѣдныхъ въ С. Петербургѣ 1846—1855. Изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго*. **1869**, 1005—1046.
568. Три политическія записки преосвященнаго *Иннокентія*, архіепископа Таврическаго. **1867**, 1330—1341.
569. Записка *Иннокентія*, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго о Римско-католической епархіи въ Херсонѣ, съ примѣчаніями *П. И. Савваитова*.
570. Письмо Сербскаго патріарха *Раячича* къ Русскому консулу въ Бѣлградѣ. **1868**, 120—123.
571. Мнѣніе князя *И. А. Лобанова-Ростовскаго* объ упрощеніи внутренняго управленія въ Россіи. **1871**, 1914—1919.
572. Графъ Алексѣй Алексѣевичъ Бобринскій, статья князя *П. А. Вяземскаго*. **1868**, 2025—2048.
573. Черта въ государственной дѣятельности графа *Д. Н. Блудова*, статья барона *Θ. А. Бюлера*. **1872**, 1013—1021.
574. По поводу кончины гр. *Д. Н. Блудова*. **1864**, 1165—1166.
575. Записки *графини А. Д. Блудовой*. 1830-й годъ. **1872**, 1217—1310.
576. Изъ писемъ фельдмаршала князя *М. С. Воронцова* къ *М. П. Щербинину*. **1870**, 2145—2224.
577. Для біографіи Наполеона III-го. **1872**, 436—438.
578. Письма *М. И. Глинки* къ *К. А. Булгакову*, съ нотами и съ примѣчаніями *М. Н. Лонкина* и князя *В. Θ. Одоевскаго*. **1869**, 341—380.
579. Письма *М. И. Глинки* къ *В. Н. Кашперову*. **1869**, 1143—1146.
580. Воспоминаніе о *М. И. Глинкѣ*. *В. Н. Кашперова*. **1869**, 1137—1144.
581. *А. Θ. Львовъ*. Письмо *графа Д. Н. Толстаго* къ *Д. В. Разумовскому*. **1871**, 1306—1312.
582. *Н. А. Райко*, біографическій очеркъ *Б. М. Маркевича*. **1868**, 297—308.
583. Письмо *Н. А. Райка* къ графу *А. Х. Бенкендорфу*. **1868**, 308—313.
584. Біографическое извѣстіе о графѣ *С. С. Уваровѣ*. **1871**, 2103.—2107.
585. Письмо (*гр.*) *С. С. Уварова* къ барону Штейну. **1871**, 0129.
586. Для біографіи графа *С. С. Уварова*. Переписка его съ *М. П. Погодинымъ*. **1871**, 2078—2103.
587. Письмо *М. П. Погодина* о кончинѣ графа *С. С. Уварова*. **1871**, 2107—2112.
588. Старинное остроловіе. **1869**, 1568.
589. Разсказъ *Н. В. Шеншина* о поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ послѣднюю войну. **1863**, 1002—1017.

590. Дополненія къ разсказу Н. В. Шеншина о поѣздкахъ его на Аляндскіе острова въ 1854 г. *В. Романова*. **1864**, 881—884.
591. Біографическое воспоминаніе о Н. В. Шеншинѣ. *П. И. Бартенева*. **1864**, 868—881.
592. На Новый 1855 годъ, стихотвореніе *Ө. И. Тютчева*. **1867**, 1638.
593. Изъ Записокъ Севастопольца, **1867**, 1579—1637.
594. Отъ издателя (по поводу Записокъ Севастопольца) **1868**, 336.
595. Письмо г-на управляющаго морскимъ министерствомъ *Н. К. Краббе* (по поводу „Записокъ Севастопольца“) **1868**, 877—878.
596. Еще о Севастополѣ. Корниловъ и Тотлебенъ (Изъ книги Кинглека) *В. В. Андреева*. **1868**, 1676—1680.
597. Письмо адмирала *П. С. Нахимова* къ *Е. Т. Лазаревой* (въ Мартъ 1855). **1868**, 410—412.
598. Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Біографическій очеркъ, сочиненіе *А. Б. Асланбегова*. **1868**, 373—410.
599. Частное письмо о кончинѣ адмирала Корнилова. **1867**, 1639—1643.
600. Письмо *Истомина* къ Лайонсу, **1867**, 911—913.
601. Письмо къ издателю (о вице-адмиралѣ Бойлѣ) *К. А. Манна*. **1871**, 0244.
602. Изъ походныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ. *С. Д. Кожухова*. **1870**, 2044—2069.
603. Изъ Крымскихъ воспоминаній послѣдней войны *С. Д. Кожухова*. **1869**, 381—026.
604. Возраженіе генералу Рыжову. *С. Д. Кожухова*. **1870**, 1668—1676.
605. Испанская книга о послѣдней восточной войнѣ. Священника *К. Л. Кустодіева*. **1869**, 751—758.

АЛЕКСАНДРЪ II-й.

606. Частное письмо о взятіи Шамиля. 1859. *Графа А. В. Орлова-Давыдова*. **1869**, 4045—4063.
607. Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго*. Поѣздка въ Баку (1857) **1868**, 475—514.
608. Кавказскіе праздники, глава изъ Записокъ *В. А. Инсарскаго*. **1868**, 1003—1031.
609. Походъ 1859 года. Изъ Кавказскихъ воспоминаній *В. А. Инсарскаго*. **1868**, 1245—1318.
610. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ 1858 года. *М. П. Щербинина*. **1872**, 1577—1595.
611. Изъ памятныхъ замѣтокъ *В. Д. Давыдова* (сцена у кн. *С. Г. Голицына* съ Ротшильдомъ, разговоръ Наполеона III-го съ *Н. Д. Киселевымъ*, разсказъ гр. *Закревскаго* о *Сперанскомъ*). **1871**, 0948—0964.
612. Послѣднее политическое слово канцлера *графа К. В. Нессельрода*. Записка о соотношеніяхъ Россіи. **1872**, 337—344.
613. Нѣсколько мыслей по поводу предъидущей статьи. *В. С. Н.* **1872**, 345—350.
614. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи. Записка *графа С. С. Ланскаго* (1859) съ предисловіемъ *Н. П. Семенова*. **1869**, 1362—1376—0964.
615. Послѣдняя записка по крестьянскому дѣлу *Я. И. Ростовцева*. **1868**, 1213—1246.

616. Н. А. Милютинъ. Некрологъ. **1872**, 447—448.
617. Девятнадцатое Февраля 1872 года въ Москвѣ (памяти Н. А. Милютина) *Ө. И. Тимирязева*. **1872**, 0866—0872.
618. Изъ письма *В. П. Боткина*. (1864). **1872**, 1055—1056.
619. Записки *Н. В. Берга* о Польскихъ возстаніяхъ съ 1834 года (изъ печатныхъ и рукописныхъ источниковъ). **1870**, 201—268, 431—502, 631—674 и 1821—1928; **1871**, 509—576 и 1985—2038; **1872**, 622—706.
620. Заявленіе *Н. В. Берга*, по поводу его Записокъ о Польскомъ возстаніи. **1871**, 181.
621. По поводу Записокъ Берга о послѣднемъ Польскомъ возстаніи. Замятки *О. А. Пржецлавскаго*. **1872**, 1031—1055.
622. Отвѣтъ *Н. В. Берга* *О. А. Пржецлавскому*. **1872**, 1210—1813.
623. По поводу „Отвѣта“ *Н. В. Берга* на замѣчанія объ его Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, *О. А. Пржецлавскаго*. **1872**, 1553—1576.
624. А. Н. Каховской, некрологъ. *В. В. Ильина*. **1876**, 1676—1682.
- Тоже (въ 1866). **1808**, 2001—2026.
- Тоже (въ 1867). **1869**, 1985—2017.
- Тоже (въ 1868). **1870**, 2013—2043.
- Тоже (въ 1869). **1871**, 483—510.
- Тоже (въ 1870). **1872**, 1985—2023.
626. Словарь Русскихъ писательницъ. Составилъ *Николай Книжникъ* (князь Н. Н. Голицынъ). **1865**, 1389—1481.
627. Къ Русскимъ писательницамъ. Воззваніе князя *Н. Н. Голицына*. **1870**, 2138—2140.
628. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій:
Библиографическія розысканія *М. Н. Лонгинова*.
1) Баратынскаго. **1864**, 1103—1111.
2) Батюшкова. **1863**, 917—924.
3) Гнѣдича. **1863**, 910—916.
4) И. И. Дмитріева. **1863**, 898—910.
5) Князя И. М. Долгорукаго. **1865**, 964—971.
6) Жуковскаго. **1864**, 1123—1135.
7) Карамзина. **1864**, 1135—1158.
8) Козлова. **1864**, 1111—1114.
9) Лермонтова. **1863**, 966—971.
10) Милонова. **1864**, 1114—1122.
629. Матеріалы для полнаго собранія сочиненій нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. *М. Н. Лонгинова*. **1866**, 1770—1777.
630. Очеркъ помѣщичьяго быта въ началѣ нынѣшняго вѣка. По-

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

625. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ. Изъ словаря *Г. П. Геннади*. **1864**, 1068—1102.
Тоже (въ 1863). **1865**, 1377—1388.
Тоже (въ 1864). **1866**, 561—580.
Тоже (въ 1865). **1867**, 953—981.

- смертная статья *С. Т. Аксакова*. **1868**, 529—584.
631. Перечень трудовъ *А. Н. Аванасьева*, имъ самимъ составленный. **1871**, 1948—1955.
632. Воспоминанія *А. Н. Аванасьева* Глава первая. (До Гимназіи и въ Гимназіи). **1872**, 805—852.
633. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ *В. А. Жуковскому*. **1868**, 147—156.
634. О стихотвореніи Баратынскаго „Леда“. *Н. В. Путяты*. **1864**, 1056—1057.
635. Письма *Е. А. Баратынскаго* къ *Жуковскому* и *А. И. Тургеневу*. **1871**, 0239—0241.
636. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ *Н. А. Полевому*. **1872**, 351—352.
637. Письма *Е. А. Баратынскаго* къ *Н. В. Путятѣ*. **1867**, 263—299.
638. Воспоминанія объ *Е. А. Баратынскомъ П. Г. Кичеева*. **1868**, 866—872.
639. Баратынскій и его сочиненія. *М. Н. Лоншинова*. **1867**, 248—264.
640. *К. Н. Батюшковъ*. Его письма и очерки его жизни. **1867**, 1342—1360 и 1440—1536, съ портретомъ.
641. Прогулка по Москвѣ. Вновь найденное сочиненіе *К. Н. Батюшкова*. **1869**, 1191—1208.
642. Письмо *Бумарина* къ *И. П. Липранди* объ изданіи Сѣверной Пчелы. **1869**, 1553.
643. Письмо *Бумарина* къ *Гречу*. **1870**, 1943—1944.
644. Импровизація *Д. В. Веневитинова*. **1866**, 259—260.
645. Посланіе *А. Ѳ. Воейкова* къ *Н. Н. Раевскому* (старшему) **1871**, 0945—0948.
646. Письмо *А. Ѳ. Воейкова* къ *А. И. Тургеневу* (въ прозѣ и стихахъ). **1872**, 1184—1195.
647. Парнасскій адресъ-календарь. *А. Ѳ. Воейкова*. **1866**, 760—766.
648. Пѣснь Невская, стихотвореніе княгини *З. А. Волконской*. **1872**, 1979—1982.
649. Письмо *А. Х. Востокова* къ смотрителю за домами Румянцовскаго Музеума. **1864**, 1102—1103.
650. Выдержки изъ старыхъ бумагъ Остафьевскаго Архива князя *П. А. Вяземскаго*. **1866**, 217—254 (Письма 1812 года); 473—512 (Арзамасскія литературныя шалости, письма *Д. В. Дашкова*, *Варнаиена* и *Сильвіо Шеллико*), 859—903 (Письмо *Батюшкова*, письма въ стихахъ *Жуковскаго*, письма *А. И. Тургенева*, *Нелединскаго-Мелецкаго*, *Д. В. Давыдова*); 1065—1088 (бумаги графа *Уварова*; письма *Шелликова*, *Жуковскаго*, *Гоголя* и *Чадаева*).
651. Еще выдержки изъ бумагъ Остафьевскаго Архива. Письма къ князю *П. А. Вяземскому*:
а) *В. А. Жуковскаго*.
б) *Сильвіо Шеллико*.
в) *Профессора Баруффи*.
г) *Сергѣя Львовича Пушкина*.
д) *А. В. Кольцова*.
е) *И. П. Мятлева*, съ объяснительнымъ введеніемъ князя *П. А. Вяземскаго*. **1868**, 436—461.
652. Изъ старыхъ бумагъ князя *П. А. Вяземскаго*: 1) Письмо *Н. М. Карамзина* къ князю *А. И. Вяземскому* 1796; 2) Письмо *Н. В. Гоголя* къ князю *П. А. Вяземскому*, 1846; 3) Указъ *Петра Великаго* Курбатову. **1872**, 1323—1333.
653. Замѣчанія на вторую книгу

- „Деятнадцатаго Вѣка“. **1872**, 2251—2252.
654. Еще выдержки изъ „Старой записной книжки“. **1872**, 2252—2261.
655. Воспоминаніе объ А. И. Герценѣ. *Д. Н. Свербеева*. **1870**, 673—686.
656. Анекдотъ о Гнѣдичѣ. **1863**, 983.
657. Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ по рукописи, найденной въ Римѣ, съ предисловіемъ *А. Ѳ. Бычкова*. **1865**, 1281—1294.
658. Неизданныя мѣста изъ писемъ *Н. В. Гоголя* къ друзьямъ. **1866**, 1730—1747.
659. Письмо *Гоголя* къ кн. П. А. Вяземскому. **1865**, 1295—1298.
660. Двѣнадцать писемъ *Гоголя* къ Жуковскому (до 1843 г.) **1871**, 946—945.
661. Шуточное письмо *Н. В. Гоголя* къ Елиз. Гр. Чертковой. **1867**, 473—475.
662. Два письма *Гоголя* къ Д. К. Малиновскому. **1865**, 1278—1282.
663. Письмо *Гоголя* къ П. А. Плетневу о Мертвыхъ Душахъ. **1866**, 766—770.
664. Письмо *Н. В. Гоголя* къ М. П. Погодину **1872**, 2369.
665. Изъ Записокъ о жизни въ Римѣ съ Гоголемъ и Шевыревымъ въ 1839 г. *М. П. Погодина*. **1865**, 1270—1278.
666. Воспоминаніе о Гоголѣ. *Я. К. Грота*. **1864**, 1065—1068.
667. Русскій у подошвы Чатырдага, стихи князя. *Д. П. Горчакова*. **1871**, 1285.
668. Изъ бумагъ *Н. И. Греча* (Письма *А. С. Стурдзы*, *А. С. Пушкина*, *С. Н. Глинки*, *А. А. Бестужева* и стихи *А. Е. Измайлова*). **1869**, 600—608.
669. Исторія перваго энциклопедическаго лексикона въ Россіи. Изъ Записокъ *Н. И. Греча*. **1870**, 1247—1272.
670. По поводу статьи Греча о Плюшарѣ, *М. Н. Лонгинова*. **1876**, 1940—1942.
671. Анекдоты о Грибоѣдовѣ и Загошкинѣ, *М. Н. Лонгинова*. **1863**, 981—982.
- 671а. Замѣтка о кончипѣ Грибоѣдова *Н. В. Путья*. **1871**, 1299—1302.
672. Письмо *Д. В. Давыдова* къ В. А. Жуковскому, при посылкѣ ѱса. **1868**, 975.
673. Изъ бумагъ *Д. В. Давыдова*. **1866**, 904—916.
674. Автобиографическая записка *В. И. Дала*. **1872**, 2246—2250.
675. Владиміръ Ивановичъ Даль. (очеркъ его жизни) **1872**, 2023—2031.
676. Записка княгини *Е. Р. Дашковой* къ графу А. А. Безбородкѣ. **1872**, 1182.
677. Два лицейскія стихотворенія барона *Дельвига*. **1864**, 991—993.
678. Письмо *Г. Р. Державина* къ И. П. Кулибину. **1872**, 1182—1183.
679. Десять писемъ *Г. Р. Державина* къ В. С. Попову. **1865**, 855—869.
680. Неизданныя шуточные стихотворенія *И. И. Дмитріева*. **1867**, 981—990.
681. Письма *И. П. Дмитріева* къ В. А. Жуковскому. **1871**, 409—430.
682. Письма *И. П. Дмитріева* и двѣ записки *Карамзина* къ Д. И. Языкову, съ примѣчаніями *А. Ѳ. Бычкова*. **1868**, 1081—1104.
683. Дополненіе къ матеріаламъ для изданій сочиненій *И. И. Дмит-*

- рѣва. *М. Н. Лонкина*. **1804**, 1162—1166.
686. Письма *И. И. Дмитріева* къ *А. И. Тургеневу*. **1867**, 1072—1138.
687. Письма разныхъ лицъ къ *И. И. Дмитріеву* (*Шишкова, Жуковскаго, Батюшкова, гр. Блудова, кн. Вяземскаго, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя*). **1866**, 1616—1730.
688. Письма къ *Ивану Ивановичу Дмитріеву*: а) 12 писемъ *Д. В. Дашкова* б) 29 писемъ князя *Ш. А. Вяземскаго*. **1868**, 583—658.
689. Эпиграммы *М. А. Дмитріева*. **1872**, 1984.
690. О Запискахъ князя *Ивана Михайловича Долгорукова* и хронологія его стихотвореній. *М. Н. Лонкина*. **1865**, 964—971.
691. Выдержки изъ дружескихъ писемъ *Евгенія Болзовитинова* къ Воронежскому жителю *В. И. Македонцу* 1800—1810. Съ примѣчаніями и послѣсловіемъ *Н. Е. Сьвернаго*. **1870**, 769—870.
692. Замѣтки *Я. К. Грота* на письмахъ *Евгенія* и *Н. И. Зивовьева*. **1870**, 1768—1771.
693. Изъ писемъ *И. В. Курьевскаго* къ *В. А. Жуковскому*. **1870**, 959—965.
694. Письма *В. А. Жуковскаго* къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю *Константину Николаевичу* (1840—1851), съ предисловіемъ князя *Ш. А. Вяземскаго* **1807**, 1385—1439.
695. Смерть *Иисуса*, неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго* **1870**, 1237.
696. Стихи *В. А. Жуковскаго* *А. П. Ермолову*. **1870**, 268—270.
697. Долбинскія стихотворенія *В. А. Жуковскаго*. **1864**, 903—946.
698. Разсказъ *В. А. Жуковскаго* о первомъ его представленіи императрицѣ *Маріи Теодоровнѣ*. **1865**, 1297—1300.
699. Шуточная записка *В. А. Жуковскаго* къ *Н. И. Гнѣдичу*. **1867**, 311—312.
700. Неизданное стихотвореніе *В. А. Жуковскаго* (къ великой княгинѣ *Маріи Николаевнѣ*) **1869**, 379—382.
701. Протоколъ двадцатаго Арзамаскаго засѣданія, въ стихахъ *В. А. Жуковскаго*. **1868**, 829—838.
702. Книжная рѣдкость. (*Муравейникъ*, изданіе *Жуковскаго*). **1867**, 299—304.
703. Дѣтскія письма *В. А. Жуковскаго* къ его матери. **1872**, 2363.
704. Письма *В. А. Жуковскаго* къ протоіерею *И. И. Базарову* **1869**, 81—100.
705. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *А. Ф. фонъ-дербъ-Бриггену*. **1867**, 843—862.
706. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *А. Я. Булгакову*. **1868**, 1445—1483.
707. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ графу *М. Ю. Вьельгорскому*. **1869**, 644—648.
708. Письмо *Жуковскаго* къ *Гете*. **1870**, 1817—1822.
709. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ князю *А. Н. Голицыну* о *Баратынскомъ*. **1868**, 156—160.
710. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *П. И. Голубкову* о крѣпостныхъ своихъ людяхъ. **1863**, 925—927.
711. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *Д. В. Дашкову*. **1868**, 837—843.
712. Переписка *В. А. Жуковскаго* съ генераломъ *Жоини*. **1871**, 225.

713. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *И. И. Козлову*. **1867**, 820—842.
714. Изъ письма *В. А. Жуковскаго* къ принцессѣ *Луизѣ Прусской* (о холерномъ возмущеніи въ *С.-Петербургѣ* на *Сѣнной площади*). **1866**, 339—346.
715. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *Ю. А. Нелединскому-Мелецкому* о кончинѣ императрицы *Маріи Феодоровны*. **1872**, 855.
716. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *Г. И. Павскому*. **1870**, 2127—2129;
717. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ *И. В. Попову*. **1865**, 1299—1302.
718. Неизданные отрывки изъ письма *В. А. Жуковскаго* о кончинѣ *Пушкина*. **1864**, 983—989.
719. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *А. О. Смирновой*. **1871**, 1856—1869.
720. Письмо *Жуковскаго* къ графинѣ *С. М. Соллогубъ* по случаю кончины дѣтей ея. **1860**, 958—964.
721. Письма *В. А. Жуковскаго* къ *А. И. Тургеневу*. **1867**, 789—819.
722. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ неизвѣстному лицу. **1872**.
723. Письма къ *В. А. Жуковскому*: а) *А. Θ. Мерзлякова*. **1871**, 0133. б) *Графа С. С. Уварова*. 0157. в) *В. К. Кюгельбекера*. 0170. г) *А. В. Кольцова*. 0180. д) *Д. В. Давыдова*. 0187.
724. Изъ бумагъ *В. А. Жуковскаго*: письма къ нему *Карамзина*, *Дмитріева*, *Батюшкова* и письма *Жуковскаго* къ *Дмитріеву*. **1870**, 1682—1723.
725. Библиографія сочиненій *В. А. Жуковскаго*, по поводу новаго ихъ изданія *М. Н. Лонгинова*. **1870**, 0695—0710.
726. Воспоминанія *А. О. Смирновой* о *Жуковскомъ* и *Пушкинѣ*. **1871**, 1869—1883.
727. Последніе дни жизни *В. А. Жуковскаго*. Статья *И. И. Базарова*. **1869**, 99—111.
728. Подлинныя черты изъ жизни *В. А. Жуковскаго*. Письма его и *А. И. Тургенева*. **1864**, 884—903.
729. Черта въ характерѣ *Жуковскаго*. **1868**, 1871—1872.
730. Воспоминаніе о *Е. А. Жуковской*. *И. И. Базарова*. **1869**, 2023.
731. Канцеляристъ. Неизданный рассказъ *М. Н. Заюскина*. **1865**, 1303—1316.
732. Письма *Александра Ефимовича Измайлова* къ *И. И. Дмитріеву*, съ приложеніями въ стихахъ и прозѣ (*гр. Хвостова*, *Рылѣва*, *б. Дельвина* и пр.). **1871**, 961.—1014.
733. Извлеченія изъ писемъ *А. Д. Илличевскаго* къ *Фуссу*. **1864**, 946—966.
734. Письмо *Калайдовича* къ архим. *Амвроію* (Сообщено *Н. М. Строевымъ*). **1800**, 1715.
735. Вновь найденная эпиграмма кн. *А. Д. Кантемира*. **1865**, 336.
736. Два письма *Н. М. Карамзина* къ *Н. И. Гречу*. **1869**, 1723.
737. Два письма *Карамзина* къ *Жуковскому* въ *Дерптѣ*. **1869**, 1383—1386.
738. Письма *Н. М. Карамзина* къ *В. А. Жуковскому*. (1803—1818). Съ примѣчаніями князя *П. А. Вяземскаго*. **1808**, 1827—1836.
739. Письма и записки *Н. М. Карамзина* къ *Е. Θ. Муравьевой*. **1867**, 455—466.
740. Письма *Н. М. Карамзина* къ графу *С. П. Румянцеву* и *В. В. Измайлову*. **1860**, 587—600.

741. Записка *Карамзина* къ неизвѣстному лицу. **1866**, 1765—1766.
742. Записка *Н. М. Карамзина* о древней и новой Россіи, написанная въ 1811 году для Императора Александра Павловича. **1870**, 2225—2350.
743. Историческая замѣтка о запискѣ *Карамзина*: „Мнѣніе Русскаго гражданина“. **1869**, 303—304.
744. *Карамзинъ* и *В. Л. Пушкинъ* (1801) изъ Записокъ *Ф. Ф. Вишеля*. **1863**, 788—793.
745. Мое представленіе исторіографу. *М. П. Погодина*. **1866**, 1766—1770.
746. О мѣстѣ рожденія *Н. М. Карамзина*. *М. А. Дмитріева*. **1865**, 1373—1375.
747. Сто лѣтъ со дня рожденія *Карамзина*. *М. Н. Лонгинова*. **1865**, 1370—1373.
748. Еще о годѣ рожденія *Карамзина*. *М. О. Шугурова*. **1866**, 1504—1507.
749. Отголосокъ *Карамзинскаго* юбилея въ Парижѣ. *М. Н. Лонгинова*. **1867**, 467—470.
750. О сношеніи *Н. М. Карамзина* съ Харьковскимъ университетомъ. *Н. А. Лаверовскаго*. **1860**, 2017.
751. Выдержки изъ писемъ актера *В. А. Каратыгина* къ *П. А. Катенину*. **1871**, 0241.
752. Два письма *М. Т. Каченовскаго* къ *Н. И. Гяфдичу*. **1868**, 970—972.
753. Къ біографіи *Е. П. Ковалевскаго* (рѣчь князя *П. А. Вяземскаго*) **1872**, 1195—1199.
754. О подпискѣ на стипендію *Е. П. Ковалевскаго*. **1869**, 2106.
755. Неизданные стихи *А. В. Кольцова*. **1871**, 0250.
756. Неизданныя стихотворенія *А. В. Кольцова*. Статья *М. О. де-Нуле*. **1864**, 1045—1056.
757. Нѣсколько словъ о Костровѣ и его переводахъ, по поводу новаго изданія *Апулеева Золотаго Осла*. **1876**, 0709—0718.
758. Письмо *И. А. Крылова* къ молодой дѣвицѣ (1801). **1865**, 1316—1319.
759. Неизданная басня *И. А. Крылова* (Пестрыя Овцы). *В. О. Кеневича*. **1867**, 386—392.
760. Басня *Крылова*, Прихожанинъ *В. О. Кеневича*. **1866**, 255—259.
761. Маскерадныя стихотворенія *И. А. Крылова*. *В. О. Кеневича*. **1866**, 1335—1340.
762. О *Крыловѣ*, изъ Записокъ *Ф. Ф. Вишеля*. **1863**, 783—788.
763. Нѣсколько свѣдѣній о басняхъ *Крылова*. *М. Н. Лонгинова*. **1864**, 1158—1162.
764. Любовь баснописца *Крылова*, замѣтка *И. В. Алабина*. **1872**, 860—866.
765. Левъ Андреевичъ *Крыловъ*, братъ баснописца и его переписка съ *Иваномъ Андреевичемъ* (1799—1823) *В. О. Кеневича*. **1868**, 239—266.
766. Замѣтка о книгѣ г. *Кеневича*: „Примѣчанія къ баснямъ *Крылова*“. *М. Н. Лонгинова*. **1868**, 1817—1819.
767. Хронологія басенъ *Крылова*. *В. О. Кеневича*. **1865**, 1323—1340.
768. Замѣтки о заимствованныхъ басняхъ *Крылова*. *В. О. Кеневича*. **1865**, 1340—1348.
769. Разказы объ *И. А. Крыловѣ*. *Н. М. Колмакова*. **1865**, 1319—1324.
770. Письмо *В. К. Кюхельбекера* къ

- В. А. Жуковскому. **1872**, 1004—1008.
771. Для біографіи И. И. Лажечникова, замѣтка *М. Н. Лонгинова*. **1869**, 2101.
772. Письма *Лермонтова* къ подругѣ дѣтства, **1863**, 931—966.
773. Еще письма *Лермонтова*. **1864**, 1041—1043.
774. Неизданные автобіографическіе стихи *Лермонтова* (съ послѣсловіемъ издателя). **1872**, 1850—1852.
775. Неизданныя стихотворенія *Лермонтова*. **1864**, 1043—1045.
776. Вновь найденные стихи *М. Ю. Лермонтова*, къ Н. Н. Арсеньеву. **1871**, 1271.
777. Дуэль и кончина *Лермонтова*. Статья князя *А. И. Васильчикова*. **1872**, 205—213.
778. Воспоминанія *В. П. Бурнашева*: *Лермонтовъ*, въ разсказахъ его гвардейскихъ однокашниковъ. **1872**, 1770—1850.
779. Нѣмецкіе стихи на Ломоносова. **1865**, 475—478.
780. Неизданная грамматическая замѣтка *Ломоносова*, съ предисловіемъ *Л. Н. Майкова*. **1866**, 324—329.
781. Письма *И. В. Лопухина* къ Д. П. Руничу. **1876**, 1215—1236.
782. Замѣтка о сосланномъ въ Сибирь стихотворцѣ Мещевскомъ. *Н. П. Барсукова*. **1868**, 938—939.
783. Письмо *Н. И. Надеждина* къ Ю. Н. Бартеневу. **1864**, 1058—1065.
784. Записка *Н. И. Надеждина* о Венедиктѣ Кралевичѣ. **1872**, 441—444.
785. Еще о Венедиктѣ Кралевичѣ, *Н. А. Цопова*. **1872**, 1021—1030.
786. Письмо *Невзорова* къ Жуковскому. **1870**, 1952.
787. Староста, Молитва въ саду Геесиманскомъ и, Посту-Обличителю, стихотворенія *И. С. Никитина*, съ замѣткою *М. Θ. де-Пуле*. **1865**, 1353—1367.
788. Либераль, разсказъ *И. С. Никитина*, **1867**, 1169—1175.
789. Свѣдѣнія о жизни и дѣятельности *И. С. Никитина*. *М. Θ. де-Пуле*. **1863**, 971—981.
790. Письма *Н. И. Новикова* къ Я. И. Булгакову. **1864**, 604—613.
791. Письма *Николая Ивановича Новикова* къ Д. П. Руничу. **1871**, 1013—1094.
792. Стихотвореніе *А. С. Норова* на кончину Пушкина. **1871**, 0948.
793. Черта изъ жизни *А. С. Норова*, *М. Н. Лонгинова*. **1869**, 066—068.
794. Памяти *А. С. Норова*, стихотвореніе князя *П. А. Вяземскаго*. **1869**, 067—074.
795. О бібліотекѣ *А. С. Норова*, замѣтка *С. А. Соболевскаго*. **1869**, 064—065.
796. 5-е Марта 1861 года. Стихотвореніе, найденное въ бумагахъ кн. *В. Θ. Одоевскаго*. **1871**, 186.
797. Черта въ характерѣ князя *В. Θ. Одоевскаго*. **1870**, 927—931.
798. Изъ бумагъ князя *В. Θ. Одоевскаго*. Письма: *Д. М. Велланскаго*, князя *А. А. Шаховскаго*, *А. С. Грибоедова*, князя *В. Θ. Одоевскаго* къ *А. С. Пушкину*, *А. С. Пушкина*, *В. А. Жуковскаго*, *А. Θ. Воейкова*, *А. В. Кольцова*, *Н. В. Гоголя*, *М. П. Глинки*, *В. А. Кратыгина*, гр. *Е. П. Растопчиной*. **1864**, 994—1041.

799. Письма *В. А. Озерова* къ *А. Н. Олениву*. **1869**, 123—151.
800. Письмо *В. А. Озерова* къ *Θ. А. Голубцову*. **1869**, 151—152.
801. Къ біографіи *В. А. Озерова*, *И. П. Варнаховскаго*. **1869**, 2029.
802. По поводу предъидущей статьи, замѣтка князя *П. А. Вяземскаго*. **1869**, 2032.
803. Напоминаніе о Павскомъ. *М. П. Погодина*. **1870**, 1948—1951.
804. Замѣтка на „Воспоминанія“ *В. И. Панаева* (о Баратынскомъ) *Н. В. Путяты*. **1868**, 141—147.
805. Новая тяжба о буквѣ *Ъ*. (*А. А. Перовскаго*). **1865**, 1143—1152.
806. Письма стихотворцевъ *Петрова* и *Струйскаго* къ князю Потемкину. 1871; 071.
807. Незданные отрывки изъ писемъ *А. А. Петрова* къ *Н. М. Карамзину*. **1866**, 1756—1763.
808. Семь писемъ *А. А. Петрова* къ *Н. М. Карамзину*. **1863**, 881—898.
809. Изъ Записокъ *В. С. Печерина*. **1870**, 1333—1342.
810. Письмо *В. С. Печерина* къ графу *С. Г. Строгонову*. **1870**, 2129—2138.
811. Отзывъ *В. С. Печерина* о классическомъ обученіи. **1871**, 1740—1743.
812. Литературный вечеръ у *П. А. Плетнева*, статья *И. С. Тургенева*. **1869**, 1663—1676.
813. *П. А. Плетневъ*, статья *Я. К. Грота*. **1869**, 2067—2089.
814. Изъ писемъ *П. А. Плетнева* къ *В. А. Жуковскому*. **1870**, 1273—1334.
815. Воспоминанія *А. И. Подолскаго* съ предисловіемъ *М. В. Юзефовича*. **1872**, 856—865.
816. *М. П. Полуденскій*, некрологическая статья *В. С. Неклюдова*. **1868**, 1483—1488.
817. Письмо *В. А. Полянова* къ *И. И. Мартынову* (о Карамзинѣ). **1866**, 1763—1765.
818. Исторія изданія „Опыта о чело-вѣкѣ“ сочиненія Попе, въ переводѣ *Поповскаго*, статья *Н. С. Тихонравова*. **1872**, 1311—1322.
819. Замѣтка къ статьѣ объ изданіи „Опыта о чело-вѣкѣ“. *П. А. Ефремова*. **1872**, 2031—2032.
820. Изъ тетради выписокъ, замѣтокъ, воспоминаній и пр. *Н. В. Пу-тяты*. **1863**, 983—984.
821. Городъ Кишеневъ, стихотворе-ніе *А. С. Пушкина*. **1863**, 864.
822. Незданные стихи *А. С. Пуш-кина*: 1. Изъ Кавказскаго Плѣн-ника. 2. О Псковѣ. **1869**, 1724.
823. Два автографа *Пушкина*, съ объ-ясненіями *Н. М. Лонкинова*. **1869**, 1063—1068.
824. Разсказъ *А. С. Пушкина* о по-сѣщеніи Ермолова. **1863**, 860—862.
825. Изъ рукописей *А. С. Пушкина*. **1865**, 1351—1354.
826. Мадонна, стихотвореніе *А. С. Пушкина*. **1863**, 862—863.
827. Письмо *А. С. Пушкина* къ *Б. А. Адеркасу* (о переводѣ въ крѣпость), **1872**, 2359.
828. Два письма *А. С. Пушкина* къ графу *А. Х. Бенкендорфу*. **1864**, 967—971.
829. Письма *А. С. Пушкина* къ *А. Н. Вульффу*. **1867**, 154—160.
830. Письмо *А. С. Пушкина* къ ка-валеристъ-дѣвицѣ *Н. А. Дуро-вой*, съ послѣсловіемъ барона *Θ. А. Бюлера*. **1872**, 199—204.
831. Новые письма *А. С. Пушкина* къ *П. А. Жуковскому*, *И. Ф. Мойеру*, *В. К. Кюхельбекеру* и

- И. А. Шлетневу. **1876**, 1169—1334.
833. Еще новыя письма *Пушкина* къ Жуковскому, графу Бенкендорфу и къ другимъ лицамъ. **1870**, 1366—1376.
834. Три письма *А. С. Пушкина* къ В. А. Жуковскому. **1872**, 2354—2363.
835. Письма *А. С. Пушкина* и *В. А. Жуковского* къ М. Н. Загоскину. **1868**, 973—975.
836. Письмо *А. С. Пушкина* къ барону М. А. Корфу. О новѣйшей Русской Исторіи. **1872**, 198.
837. Письмо *А. С. Пушкина* къ барону М. А. Корфу съ примѣчаніемъ *барона Ф. А. Бюлера*. **1872**, 1601—1603.
838. Два письма *А. С. Пушкина* къ Н. И. Кривцову, съ очеркомъ жизни Кривцова. **1864**, 972—976.
839. Письма *А. С. Пушкина* къ П. А. Осиповой. **1867**, 119—153.
840. Письмо *А. С. Пушкина* къ князю Н. В. Репнину и отвѣтъ князя *Репнина*. **1864**, 977—979.
841. Письма *А. С. Пушкина* къ графу Г. А. Строганову. **1866**, 1748—1749.
842. Письмо *А. С. Пушкина* къ А. И. Тургеневу. **1867**, 671—672.
843. Удаленіе *А. С. Пушкина* изъ С.-Петербурга въ 1820 году. *Ф. Н. Глинки*. **1866**, 917—922.
844. Тайственныя примѣты въ жизни Пушкина, *С. А. Соболевскаго*. **1870**, 1377—1388.
845. Къ предсказаніямъ о Пушкинѣ. *М. И. Погодина*. **1870**, 1947.
846. Изъ воспоминаній о Пушкинѣ *М. И. Погодина*. **1865**, 1247—1260.
847. Изъ воспоминаній графа *В. А. Сологуба* (о Пушкинѣ и Гоголѣ). **1865**, 1203—1239.
848. Изъ воспоминаній молодости (о Пушкинѣ). *С. М. Сухомина*. **1864**, 979—983.
849. Замѣтка о Пушкинѣ. *П. И. Бартенева*. **1865**, 1240—1241.
850. О перевозѣ тѣла Пушкина въ Святогорскій монастырь. Письмо *А. И. Тургенева* къ А. Я. Булгакову. **1864**, 989—990.
851. Оправданіе іезуита *Ивана Ггарина* по поводу смерти Пушкина. **1865**, 1241—1246.
852. Пушкинъ въ южной Россіи. (Матеріалы для его біографіи, собираемые *П. И. Бартеневымъ*). **1866**, 1089—1214.
853. Изъ дневника и воспоминаній *И. П. Липранди* (Замѣтки о Пушкинѣ). **1866**, 1214—1284 и 1393—1491.
854. Замѣтки на статью „Пушкинъ въ южной Россіи“. *М. Н. Лоншинова*. **1866**, 1749—1753.
855. Два письма *П. А. Осиповой* къ В. А. Жуковскому о Пушкинѣ **1872**, 2358—2361.
856. Объ отношеніяхъ *А. С. Пушкина* къ его дядѣ, *М. Н. Лоншинова*. **1862**, 868—871.
857. Письмо *И. Н. Инзова* о Пушкинѣ къ К. Я. Булгакову. **1863**, 865—868.
858. О памятникѣ Пушкину, *П. И. Миллера*. **1871**, 1939.
859. О графинѣ Растопчиной. Изъ записной книжки *Н. В. П.* **1865**, 1349—1350.
860. Стихи на могильномъ камнѣ актера Сандунова. **1869**, 1568.
861. Воспоминанія *И. М. Снегирева*. **1866**, 513—562, и 735—760.
862. Нѣсколько словъ о В. И. Соколовскомъ. *Ф. Н. Фортунатова*. **1865**, 1367—1370.

863. Библиографическая замѣтка. Письмо къ С. А. Соболевскому *Ш. М. Строева*. **1865**, 1483—1488.
864. Новыя явленія въ Русской библиографіи *С. А. Соболевскаго*. **1869**, 921—935.
865. Библиографическая замѣтка и пополненіе. *С. А. Соболевскаго*. **1870**, 1935—1937.
866. Библиографическая замѣтка о „Материалахъ для библиографіи Я. Ф. Березина-Ширяева“, *С. А. Соболевскаго*. **1870**, 2070—2071.
867. О вліяніи Смоленскаго бульвара въ Москвѣ на Португальскій парламентъ въ Лиссабонѣ, замѣтка *С. А. Соболевскаго*. **1868**, 330—334.
868. О С. А. Соболевскомъ. *Я. Ф. Березина-Ширяева*. **1871**, 1738.—1740.
869. Изъ разсказовъ *С. А. Соболевскаго*, *Н. В. Берга*. **1871**, 187.—0195.
870. Замѣтка на замѣтку (по поводу разсказовъ Соболевскаго) *Н. В. Берга*. **1871**, 1734—1737.
871. *С. А. Соболевскій*. Некрологъ. **1876**, 2140—2144.
872. Голосъ изъ Иркутска по поводу кончины *С. А. Соболевскаго*. *Графа А. Ф. Растопчина*. **1871**, 383.
873. Собственноручная записка *А. П. Сумарокова* (сообщена *М. М. Евреиновымъ*). **1867**, 100.
874. Последніе годы жизни *А. П. Сумарокова*. Изслѣдованіе *М. Н. Лонгинова*. **1871**, 1637—1717.
875. Поправки къ статьѣ *М. Н. Лонгинова* о *Сумароковѣ*. **1871**, 1955.
876. *Н. В. Сушковъ*. Некрологъ. **1871**, 1743.
877. Нѣсколько объяснительныхъ словъ *графа Л. Н. Толстаго* (по поводу сочиненія его „Война и Миръ“) **1868**, 515—528.
878. Письма разныхъ лицъ къ Александру Ивановичу Тургеневу. **1866**, 647—657.
879. Письма *Н. И. Тургенева* къ князю П. А. Вяземскому и П. Я. Чадаеву. **1872**, 1200—1207.
880. Библиографія сочиненій *И. С. Тургенева*. *П. Библиографа*. **1871**, 380—382.
881. Четыре письма высокопреосвященнѣйшаго *Филарета*, митрополита Московскаго: а) къ *А. А. Полторацкой*, б) *Д. Б. Мертваго*, в) *В. М. Мертваго*. **1868**, 137—141.
882. Воспоминаніе о митрополитѣ *Филаретѣ*. **1869**, 1177—1184.
883. Библиографическія замѣтки: неизвѣстныхъ стихотворенія *Пушкина*, *Кольцова* и *Баратынскаго* и эпиграмма *Крылова*. *И. И. Ханенки*. 186 073 и 2026.
884. Неизданное пятистишіе *А. С. Хомякова*. **1866**, 770—771.
885. Неизданныя стихотворенія *А. С. Хомякова*, съ замѣткою *И. И. Бартенева*. **1863**, 727—731.
886. О сочиненіяхъ *П. Я. Чадаева*. *М. Н. Лонгинова*. **1863**, 871—873.
887. Изъ воспоминаній о *С. П. Шевыревѣ*. *М. П. Погодина*. **1865**, 1261—1269.
888. Письмо *С. П. Шевырева* къ *М. А. Максимовичу*. **1872**, 1208—1210.
889. О библиотекѣ *С. П. Шевырева*. **1872**, 445—446.
890. Мнѣнія *А. С. Шишкова* о разсматриваніи книгъ или о цензурѣ. **1865**, 1097—1116.
891. Анекдотъ о *Шишковѣ*. **1863**, 982—983.
892. *Н. М. Языковъ* 1803—1846. (Но-

- вые стихи его и письма). Статя *М. И. Селевскаго*. **1867**, 712—748.
893. Два стихотворенія *Н. М. Языкова*, съ предисловіемъ *В. М. Княжевича*. **1871**, 1303—1306.
894. О стихотвореніяхъ *Феофана Прокоповича*, статья *М. А. Максимовича*. **1872**, 997—1004.
- СМѢСЬ.**
895. Сказаніе, кімъ святымъ каковыя благодати отъ Бога даны, съ замѣткою *Д. О. Шепина*. **1863**, 31—42.
896. О притчахъ св. Кирилла. *О. И. Коларя*. **1864**, 17—29.
897. Притчи святаго Кирилла-философа, учителя Славянскаго. *С. А. Соболевскаго*. **1864**, 12—16.
898. Вѣтеръ (изъ Русской Символики). *Графа А. С. Уварова*. **1864**, 41—67.
899. Образъ Ангела-хранителя съ похождениями. *Графа А. С. Уварова* (съ рисункомъ). **1864**, 29—41.
900. Аника-воинъ. *Ильи В. Бяльева*. **1864**, 67—70.
901. О храбромъ воинѣ Аникѣ и смерти (стихи). **1864**, 78—80.
902. Еще объ Аникѣ-воинѣ. *Ө. Н. Фортунатова*. **1864**, 70—72.
903. Для исторіи Русскаго народнаго театра. *А. А. Котляревскаго*. **1864**, 73—77.
904. Сказка о Шибаршѣ (изъ рукописи, относящейся къ 1730 г.). съ замѣткою *Ильи В. Бяльева*. **1863**, 20—32.
905. Повѣсть о царѣ Аггеѣ, съ предисловіемъ *М. Ө. Шукурова*. **1865**, 13—18.
906. Подарокъ изъ Скандинавіи, *М. П. Погодина*, съ отвѣтнымъ замѣчаніемъ *Д. И. Иловайскаго*. **1872**, 438—440.
907. Московиты у Нѣмцевъ въ 1576 году, *С. А. Соболевскаго*. **1868**, 2047—2050.
908. Русскія пытки, историческій очеркъ. **1867**, 1139—1167.
909. Синодикъ 1670 года (съ новыми указаніями о родѣ Карамзинныхъ) археологическая замѣтка князя *М. А. Оболенскаго*. **1869**, 1076—1082.
910. Челобитная протопопа *Аввакума*. **1864**, 83—90.
911. Посланія протопопа *Аввакума* къ боярыньѣ *Феодорѣ Морозовой*, княгинѣ *Евдокіи Урусовой* и *Маріи Даниловой*. **1864**, 90—99.
912. Подлинныя черты изъ исторіи Рогожскаго и другихъ старообрядческихъ кладбищъ. **1864**, 104—126.
913. Три старообрядческія стихотворенія, **1864**, 99—103.
914. Подлинныя черты и случаи изъ исторіи раскола. (1792—1807). **1864**, 127—141.
915. Странники (изъ исторіи раскола). *Л. Н. Трефолева*, съ примѣчаніями *И. С. Аксакова*. **1866**, 602—627.
916. Краткая записка о странникахъ или бѣгунахъ. *И. С. Аксакова*. **1866**, 627—644.
917. Корчма, историческій очеркъ *И. Г. Прижова*. **1866**, 1053—1064.
918. Дѣло о дьячкѣ *Васильѣ Ефимовѣ*, сожженномъ за ложное чудо въ 1721 году. **1867**, 1708—1720.
919. Духовное завѣщаніе *Колычева*. **1869**, 2104.
920. О граверѣ *Шомбекѣ*. *Князя М. А. Оболенскаго*. **1870**, 1390—1392.
921. Русское письмо (epistola) XVII вѣка. **1864**, 80—82.

922. Составъ чернилъ, како составивати добрая чернила (изъ рукописи Синод. библіотеки XVII в.). **1863**, 91—92.
923. Ученіе и ученики въ XVIII вѣкѣ. *М. Ѡ. Шукурова*. **1866**, 304—324.
924. Педагогъ прошлаго времени (Дюгуровъ), статья профессора *Н. А. Лавровскаго*. **1869**, 1541—1553.
925. Письмо *барона М. А. Корфа* къ *М. П. Погодину* съ поправками свѣдѣній о Сперанскомъ. **1872**, 214—216.
926. Письмо къ издателю отъ *княжны В. Н. Репкиной*. (о портретѣ Петра Великаго). **1872**, 1982—1984.
927. О маркизѣ де ла Шетарди. **1867**, 309—310.
928. Qui pro quo, замѣтка *Петербургскаго Старожила* (возраженіе Подолинскому). **1872**, 1604—1606.
929. Листки изъ памятной книжки *В. П. Бурнашева* (о Лизогубѣ.) **1872**, 1606—1612.
930. О Руссофильствѣ Мицкевича, статья *А. А. Чумикова*. **1872**, 426—431.
931. Замѣтка по поводу предъидущей статьи, *Н. В. Берга*. **1872**, 432—435.
932. Замѣтка о родѣ Шепелевыхъ. *Дмоховскаго*. **1867**, 475—480.
933. Замѣтка о родословіи князей Долгоруковыхъ. *Н. Фадѣевой*. **1866**, 1340—1348.
934. Поправка и объясненіе (о потомствѣ княгини *Н. Б. Долгоруковой*), **1869**, 077—078.
935. Генеалогическое недоумѣніе. *Н. Невъдомцева*. **1872**, 2044.
936. Бумаги, біографическія свѣдѣнія и преданія о Милорадовичахъ (Въ особомъ приложеніи). **1871**.
937. Приглашеніе (о родословныхъ свѣдѣніяхъ, собираемыхъ *А. Е. Стремоуховымъ*). **1871**, 1535.
938. Изъ матеріаловъ для исторіи и статистики города Ельца, собранныхъ *Н. А. Ридишеромъ*. **1866**, 346—377.
939. Изъ путевыхъ замѣтокъ въ Славянскихъ земляхъ профессора *И. И. Лавровскаго*. **1866**, 1285—1290.
939. а. Переѣзды съ Гумбольдтомъ по Сибири. **1865**, 1125—1142.
940. Любопытное надгробіе. **1865**, 983—984.
941. Лицейская годовщина (1865). **1866**, 127—131.
942. Воспоминаніе Лицейста. **1866**, 131.
943. Замѣтки *А. Петрова* и *М. Ранга*. **1867**, 177—177.
944. Вукъ Стефановичъ Караджичъ. *К. И. Жинзифова*. **1864**, 1169—1173.
945. Объясненіе по поводу Записокъ *Ф. Ф. Вигеля*. *П. И. Бартенева*. **1863**, 809—810.
946. О пасторѣ *Донгѣ*. *П. И. Бартенева*. **1863**, 1024.
947. Списокъ оберъ-прокурорамъ Св. Синода, съ учрежденія донинѣ. **1866**, 601—602.
948. Некрологи Александра Васильевича Терещенко и *В. И. Собчакова*. **1865**, 1515—1516.
949. Савва Влковичъ Филаретовъ. (Некрологъ). **1864**, 1173—1174.
950. Образики стариннаго остроловія. (Сатиры на Домашнева). **1872**, 2032—2036.
951. Нѣскольго словъ о сочиненіяхъ Болгарина Раковскаго. *К. И. Жинзифова*. **1863**, 1017—1023.

952. Литературная новость. *К. И. Жинзифова*. 1863, 1023—1024.
953. Объ Исторіи Академіи Наукъ, замѣтка *М. Н. Лонкина*. 1871. 0246.
954. Изъ рукописнаго сборника, принадлежавшаго *Д. И. Языкову* (стихи). 1863, 874—875.
955. Восемь старинныхъ стихотвореній. 1863, 875—879.
956. Очерки изъ быта Малороссіи XVIII вѣка: Приходское духовенство и Монахи. Статья *А. М. Лазаревского*. 1871. 1884—1905.
957. О Лафермьерѣ, замѣтка князя *М. А. Оболенскаго*. 1869, 2090.
958. О трудахъ по исторіи Русскаго законодательства, статья *Ө. В. Чижова*. 1869, 2045—2066.
959. Поправка, *В. Ө. Кеневича*. 1870, 1944—1946.
960. Управление Русскими театрами въ Москвѣ и Петербургѣ, *М. Н. Лонкина*. 1870, 1551—1558.
961. Замѣтки для исторіи Русскаго театра, *М. Н. Лонкина*. 1870, 1348—1366.
962. Надпись подъ портретомъ графа *А. П. Бестужева*. 1869, 2104.
963. Литературно-историческія замѣчанія. *М. П. Погодина*. 1866, 2092.
964. О склоненіи Малороссійскихъ собственныхъ именъ. Замѣтка *Г. П. Галагана*. 1869, 1718.
965. Воспоминаніе о С.-Петербургскомъ университетѣ (по поводу 50 лѣтняго юбилея). *Ө. Н. Фортунатова*, бывшаго директора Олонеккой гимназіи. 1869, 305—340.
966. Воззваніе Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича о собираніи свѣдѣн. XII. 11.
- ній касательно Севастопольской обороны. 1870, 2350—2351.
967. По поводу біографіи *Е. А. Голловина*, замѣчанія *М. П. Щербина* о дѣятельности князя *М. С. Воронцова* на Кавказѣ. 1872, 707—717.
968. Письмо короля *Людовика XVIII*го къ графу *Н. П. Румянцеву*. 1872, 186—197.
969. Соисканіе преміи за біографическое сочиненіе о князѣ Безбородкѣ. 1870, 1197—1200.

БИБЛИОГРАФІЯ.

970. Копія съ росписи книгамъ, которыя обрѣтаются въ патріаршей ризницѣ (1718 г.). 1864. Въ особомъ приложеніи.
971. Азбучный указатель къ Русскому Вѣстнику (1856—1864). 1863, 1025—1040.
972. Полный указатель къ Русской Бесѣдѣ (1856—1860) и Московскимъ Сборникамъ (1846, 1847 и 1852). 1863, 1041—1066.
973. Азбучный полный указатель къ Библиографическимъ Запискамъ. 1864. Въ особомъ приложеніи.
974. Указатель къ поврежденнымъ изданіямъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при императорскомъ Московскомъ университетѣ (1815—1865) 1866. Особое приложеніе.
975. Указатель къ Запискамъ Храповицкаго. 1864. Въ особомъ приложеніи.
976. Объ изданіи Памятныхъ Записокъ *А. В. Храповицкаго*. 1867, 921—952 (Статья *Д. В. Полюнова*).
977. Журналы и камеръ-фурьерскіе журналы. Библиографическое описаніе *С. А. Соболевскаго*. 1867. Въ особомъ приложеніи.

978. Общая роспись статьямъ „Русскаго Архива“ за первыя пять лѣтъ сего изданія. Въ приложеніи. **1868**.
979. Отвѣтъ на библиографическій вопросъ. *Я. К. Грота*, съ замѣткою *А. А. Котляревскаго*. **1865**, 1481—1484.
980. Библиографическая лѣтопись. *II. А. Гильтебрандта*. **1863**, 991—993.
981. Библиографическій курьезъ. *II. А. Безсонова*. **1861**, 1175—1182.
982. *А. Д. Чертковъ* и его библиотека. **1863**, 1—19.
983. Нѣсколько словъ о Чертковской библиотекѣ. **1864**, 1—11.
984. О Чертковской библиотекѣ въ 1864 году (краткій отчетъ). **1865**, 9—10.
985. О Чертковской библиотекѣ въ 1865 году. **1866**, 4 нен. стр.
986. О Чертковской библиотекѣ въ 1866 г. **1867**, 314—320.
987. Приобрѣтенія Чертковской библиотеки въ 1868 году. **1869**, 039—044.
988. Приобрѣтенія Чертковской библиотеки въ 1869 году. **1870**, 522—526.
989. Новыя полученныя въ Москвѣ книги на Славянскихъ нарѣчіяхъ и о Славянахъ. **1863**, 994—999.
990. Замѣчательнѣйшія новыя книги. **1863**, 984—991 и 994.
991. Книжныя вѣсти. **1863**, 999—1001.
992. Новыя сочиненія и изданія на иностранныхъ языкахъ, относящіяся до Россіи, **1865**, 1487—1494.
993. Книжныя замѣтки. *М. Ѳ. Шурова*. **1866**, 771—776.
994. Книжныя заграничныя вѣсти. **1866**, 260—262.
995. Книжныя заграничныя вѣсти. **1868**, 317—330.
996. Книжныя заграничныя вѣсти за 1868 годъ. **1869**, 025—040.
997. Книжныя заграничныя вѣсти за 1869 годъ. **1870**, 501—518.
998. Книжныя заграничныя вѣсти за 1870. **1871**, 0965—984
999. Книжныя заграничныя вѣсти за 1871 годъ. **1872**, 752—779.
1000. Отвѣтная замѣтка *В. И. Соболю* и *В. И. Бартенева*. **1864**, 1168—1169.
1001. О сборникѣ *Муханова*, замѣтка *А. Ѳ. Бычкова*. **1867**, 1180—1181.
1002. Юбилейныя изданія Московскаго университета. **1867**, 1177—1180.
1003. Объ юбилейномъ изданіи Московской Синодальной типографіи (Письмо къ издателю Русскаго Архива). *II. А. Безсонова*. **1867**, 914—921.
1004. Псевдо-переводы съ Русскаго. (По матеріаламъ императорской публичной библиотеки) *барона М. А. Корфа*. **1866**, 204—216.
1005. Замѣтка на статью „Псевдо-переводы съ Русскаго“. *II. А. Ефремова*. **1866**, 512.
1006. Исторія изданія въ Русскомъ переводѣ сочиненія Коцебу о Свигригайлѣ (Сообщено *барономъ М. А. Корфомъ*). **1869**, 613—628.
1007. Заявленіе издателей Полярной Звѣзды (1825). **1871**, 0964.
1008. Поправка. *М. А. Дмитриева*. **1863**, 879—880.
1009. Альманахъ „Звѣздочка на 1826 годъ“, замѣтка *М. И. Семейскаго*. **1869**, 053—060.

1010. О палеографическихъ снимкахъ, изд. преосв. Саввою. *А. Е. Викторовова*. **1863**, 84—91.
1011. Дополненія и поправки *М. Н. Лошинова*. **1863**, 1513—1516.
1012. Замятки на статьи Русскаго Архива. *М. Н. Лошинова*. **1865**, 1495—1514.
1013. Дополненія, замятки и поправки. **1866**, 265—272.
1014. Замятки. **1866**, 1347—1348.
1015. Поправки. **1866**, 1506—1507.
1016. Дополненія и поправки. **1867**, 671—672.
1017. Дополненія и поправки. **1867**, 990—992.
1018. Дополненія, замятки и поправки. **1868**, 334—335, 528.
1019. Мелочи, замятки и поправки. **1869**, 1726 и 2091.
1020. Замятки и поправки. **1870**, 1199—1120.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ОБЩЕЙ РОСПИСИ.

- Августъ пр. Голштинскій. 82.
- Авакумъ протоп. 910. 911.
- Адеркасъ Б. А. 827.
- Адлербергъ гр. В. Ф. 556.
- Аксаковъ Н. С. 915. 916.
- Аксаковъ С. Т. 630.
- Алабинъ, П. В. 764.
- Александръ I. 121. 123. 144. 329—350. 367. 373. 379. 446. 487. 742.
- Александръ II. 606—624.
- Александръ Александровичъ, в. кн. 966.
- Александра Николаевна. в. кн. 559.
- Александровъ Г. Н. 373. 453. 490.
- Алексѣй Михайловичъ. 9.
- Алексѣевъ П. 16. 171. 246. 259.
- Амбразанцевъ. 293.
- Амвросій арх. 734.
- Аммонъ. 23.
- Андреевъ В. В. 241. 296. 596.
- Анна Иоанновна. 48. 53—55. 63. 65. 66. 68.
- Анна Петровна герц. Голштинская. 48.
- Апраксинъ П. 26.
- Апулей, 757.
- Аракчеевъ гр. 358. 374. 395—408. 453. 457. 534.
- Аридтъ Э. М. 409.
- Арсеній, арх. 183.
- Арсеньевъ Н. Н. 776.
- Архарова. А. И. 410.
- Архаровъ. Н. П. 123.
- Асланбеговъ А. Б. 598.
- Аванасьева А. Н. 631. 632.
- * * *
- Базаровъ И. И. 704. 727. 730.
- Бальмень гр. 412. 413.
- Бальмень, гр-ня III. 335.
- Байковъ И. 411.
- Барановъ. Н. И. 325.
- Барановичъ А. Р. 556.
- Баратынскій А. А. 306.
- Баратынскій. Е. А. 628. 633—639. 709. 804. 883.
- Барклай-де-Толли гр. 373. 374.
- Барсовъ П. П. 24.
- Барсуковъ Н. П. 782.
- Бартенева П. И. 39. 519. 849. 852. 885. 945. 946. 1000.
- Бартексъ Ю. Н. 783.
- Баруфин. 651.
- Барышниковъ Н. П. 226. 287.
- Басаргинъ Н. В. 473.
- Бассевичъ. гр. 23.
- Баташевъ И. Р. 393.
- Баташевы. 209.
- Батюшковъ. К. И. 628. 640. 641. 650. 687. 724.
- Баянусъ. 366.
- Безбородко гр. А. А. 124. 210. 246. 676. 969.
- Безсоновъ П. А. 456. 981. 1003.
- Беклешовъ. 176.
- Беніовскій. 211. 212. 213.
- Беннгсеиъ Л. Л. 315.
- Бенкендорфъ гр. А. Х. 449. 555. 556. 566. 583. 828. 833.
- Бергъ Н. В. 438. 619—623. 869. 870. 931.
- Березинъ-Ширяевъ. Я. Ф. 866. 868.
- Бестужевъ А. А. 668.
- Бестужевъ-Рюминъ гр. А. П. 82. 96. 962.

- Бестужевъ-Рюминъ гр. М. П. 98.
 Бестужевъ-Рюминъ К. Н. 6.
 Бецкій. 214. 215.
 Бибииковъ А. И. 125. 216. 217.
 Биронъ герц. 60. 91.
 Бясмаркъ. 59.
 Бистромъ К. И. 414.
 Блудова гр. А. Д. 575.
 Блудовъ гр. Д. Н. 211. 533. 551. 573. 574. 687.
 Боборыкинъ Н. Н. 304.
 Боборыкинъ П. И. 304.
 Бобринскій, гр. А. А. 572.
 Богдановичъ. М. И. 377.
 Бойль. 601.
 Богариоъ Е. 479.
 Болотовъ А. Т. 298. 299.
 Болховитиновъ Е. 691.
 Бонапартъ. 314.
 Борзовъ Я. П. 178.
 Боткинъ В. П. 618.
 Брауншвейгская фамилія. 84.
 Бриггенъ А. О. 705.
 Брикнеръ. 121.
 Бровцынъ А. П. 406.
 Брокеръ А. О. 415. 485.
 Брокеръ. В. А. 382.
 Броневскій С. 416. 495.
 Брюсъ гр. 32. 132.
 Булгаковъ. 547.
 Булгаковъ А. Я. 370. 418. 419. 706. 850.
 Булгаковъ К. А. 578.
 Булгаковъ К. Я. 857.
 Булгаковъ Я. И. 218. 219. 791.
 Булгаринъ. 642. 643.
 Булыгинъ Д. А. 398.
 Будбергъ бар. 417.
 Бурнашевъ В. П. 778. 929.
 Бутурлинъ гр. А. Б. 101.
 Бутурлинъ гр. Д. П. 420—422.
 Бутурлинъ гр. М. Д. 421. 427. 444. 565.
 Бычковъ А. О. 279. 657. 682. 1001.
 Бяляевъ И. В. 900. 904.
- Бюлеръ. бар. О. А. 91. 278. 573. 830. 837.
- * * *
- Вадковскій О. О. 239.
 Варягагенъ. 650.
 Варпаховскій И. П. 802.
 Васильчиковъ А. А. 10. 410.
 Васильчиковъ кн. А. И. 777.
 Васильчиковъ кн. И. В. 365.
 Веберъ. 24.
 Велланскій Д. М. 798.
 Вельяминъ-Зерновъ. О. М. 394.
 Веневитиновъ Д. В. 644.
 Верещагинъ. 423.
 Вигель Ф. Ф. 424. 458. 744. 762. 945.
 Викторовъ А. Е. 1010.
 Вильбуа, Н. П. 33.
 Вишневскій О. С. 86.
 Воейковъ А. О. 645—647. 798.
 Волковъ Д. В. 126.
 Волкова М. А. 392.
 Волконская кн. З. А. 425. 648.
 Волконскій кн. М. Н. 102. 217. 219.
 Волконскій кн. П. М. 367.
 Волынский А. П. 71.
 Вольтеръ. 291.
 Воронцова гр. М. А. 427.
 Воронцовъ гр. М. Л. 99. 100. 101.
 Воронцовъ кн. М. С. 576. 967.
 Воронцовъ гр. С. Р. 426.
 Воропоновъ О. О. 270.
 Востоковъ А. Х. 649.
 Вульфъ А. Н. 829.
 Вильгорскій гр. М. Ю. 707.
 Вяземскій кн. А. А. 127.
 Вяземскій кн. А. И. 653.
 Вяземскій кн. П. А. 390. 391. 403. 419. 517. 572. 650—652. 659. 683. 687. 688. 694. 738. 753. 794. 802—879.
- * * *
- Гавриилъ митр. 220.
 Гавриловъ свящ. С. 546.
 Гагаринъ И. 851.
 Гагаринъ кн. С. И. 323.
 Гадарюель. 384.
 Галаганъ Г. П. 964.
 Ганнибалъ А. П. 34.
 Гатцукъ А. А. 9.
 Гебель А. Г. 475.
 Гердойцъ С. 551.
 Гельбигъ. 203. 204.
 Геннади Г. Н. 625.
 Германъ 70.
 Германская принцесса. 200.
 Гергугутеръ. 81.
 Герценъ А. И. 655.
 Гётте. 708.
 Гильтсбрандтъ И. А. 980.
 Глинка М. И. 578—580. 798.
 Глинка С. Н. 668.
 Глинка О. П. 843.
 Глѣбовъ И. О. 128.
 Гвидичъ 628. 656. 699. 752.
 Гоголь. 650. 652. 658—666. 687. 798. 847.
 Голенищевъ-Кутузовъ кн. М. Л. 373. 374. 455.
 Голицынъ кн. А. Н. 428. 429. 516. 709.
 Голицынъ кн. А. М. 212.
 Голицынъ кн. А. П. 59.
 Голицынъ кн. Д. В. 465.
 Голицынъ кн. Д. М. 221.
 Голицынъ кн. М. М. 22. 129.
 Голицынъ кн. Н. Н. 454. 626. 627.
 Голицынъ кн. С. Г. 611.
 Голицынъ кн. С. М. 201.
 Голицынъ кн. С. О. 288.
 Голицынъ кн. О. Н. 492.
 Николай Книжникъ (Голицынъ) 626.
 Головинъ Е. А. 430. 431. 967.
 Головинъ 43.
 Головкинъ гр. 75.
 Голубковъ П. И. 710.
 Голубцевъ О. А. 801.
 Горбуновъ Ф. 514.

- Горчаковъ кн. Д. П. 667.
 Госнеръ, паст. 432.
 Граббе гр. П. X. 389.
 Гречь Н. И. 432. 643. 668.
 669. 670. 736.
 Грибоѣдовъ А. С. 543—545.
 671. 798.
 Григорій, патр. 433.
 Григоровичъ Н. И. 62. 103.
 122. 130. 220. 316. 340.
 531.
 Гротъ Я. К. 185. 492. 500.
 506. 666. 692. 813. 979.
 Гуляевъ С. 174.
 Гумбольтъ бар. А. 939. а.
 * *
 Давыдовъ В. Д. 550. 611.
 Давыдовъ Д. В. 650 672. 673.
 723.
 Даль В. И. 561. 674. 675.
 Дашкова кн. Е. Р. 222. 300.
 676.
 Дашковъ Д. В. 650. 688. 711.
 Девьеръ, генер. пол-м. 35.
 Деволанъ Ф. П. 435.
 Дельвигъ бар. А. А. 677.
 732.
 Державина Д. А. 511.
 Державинъ Г. Р. 246. 333.
 678. 679.
 Дибичъ гр. 550.
 Дмитріевъ М. А. 168. 456.
 464. 466. 689. 746. 1008.
 Дмитріевъ И. И. 491. 628.
 680—688. 724. 732.
 Дмитріевъ Ѳ. М. 498.
 Дмитріевъ-Мамоновъ гр. А.
 М. 223.
 Дмитріевъ-Мамоновъ гр. М.
 А. 346. 465.
 Дмоховскій. 932.
 Долгорукая кн. Е. А. 56.
 Долгорукаа кн. Н. Б. 57.
 58. 934.
 Долгорукіе, кн. 55. 933.
 Долгорукій кн. И. М. 277.
 628. 690.
 Долгорукій кн. М. П. 434.
 Долгорукій кн. Ю. В. 374.
 Долгорукой-Крымскій кн. В.
 М. 131. 132.
 Домашневъ. 950.
 Домнинскій Алексѣй. 4.
 Дорогобужиновъ В. И. 5.
 Дурова Н. А. 830.
 Дюгуровъ. 368. 924.
 * *
 Евдокія Θεодоровна цар. 13.
 14.
 Евренновъ М. М. 161. 873.
 Европеусъ П. И. 400.
 Екатерина I, 45.
 Екатерина II, 99. 112—291.
 Екатерина Іоанновна. 47. 63.
 Екатерина Павловна. 435.
 489.
 Елагинъ И. П. 224.
 Елисавета Петровна 71—74.
 76. 82. 84. 86. 88. 113.
 Ермоловъ А. П. 436 — 438.
 696.
 Ермоловъ. 389. 824.
 Еропкинь П. Д. 132.
 Ефимовъ Василій 918.
 Ефремовъ П. А. 543. 819.
 1005.
 * *
 Жинзифовъ К. И. 944. 951.
 952.
 Жонинъ генер. 712.
 Жуковская Е. А. 730.
 Жуковскій В. А. 559. 628.
 633. 635. 650. 651. 660.
 672. 681. 687. 693—729.
 737. 738. 770. 786. 798.
 814. 831. 833—835. 855.
 * *
 Заборовскій. 133.
 Забѣлинъ. И. Е. 2. 3.
 Завадовскій гр. П. В. 269.
 Загоскинъ М. Н. 671. 731.
 835.
 Закревскій гр. 367. 439. 611.
 Зиновьевъ С. С. 219.
 Зиновьевъ Н. И. 225. 692.
 Зиновьевъ В. Н. 287.
 Зосима, архим. 246.
 Зубовъ кн. П. А. 142. 226.
 227.
 * *
 Іоаннъ Антоновичъ 49. 70. 244.
 Іоанновъ. 356.
 Іосифъ II. 221.
 * *
 Игнатъевъ Р. Г. 56.
 Измайловъ А. Е. 668. 732.
 Измайловъ В. В. 740.
 Измайловъ М. М. 134.
 Изарнъ Шевалье л. 384.
 Илличевскій А. Д. 733.
 Иловайскій Д. И. 182. 184.
 906.
 Ильинъ В. В. 624.
 Имбергъ А. О. 440.
 Ингельштромъ бар. 155.
 Инзовъ И. Н. 857.
 Иноземцевъ Ѳ. И. 564. 565.
 Инокентій, архіеп. 568. 569.
 Инокентій, еп-пъ Пензенскій.
 358.
 Инсарскій В. А. 567. 607—
 609.
 Исплантъ кн. 441.
 Иринея, архіеп. 316.
 Искра. 227.
 Истоминаъ. 600.
 * *
 Каверинъ. 344.
 Казначеевъ А. И. 442.
 Калайдовичъ 734.
 Каменскіе гр. М. Ѳ. и Н. М.
 417. 443. 444.
 Канкринъ гр. 403.
 Канкринъ гр. Е. Ф. 445— 447.
 Кантемиръ кн. А. Д. 62. 735.
 Каподистрія гр. 448. 449.
 Караджичъ Вукъ Стефанови-
 чъ 944.
 Каразинъ 368.
 Карамзинъ 453. 628. 652.
 681. 724. 736—750. 807.
 808. 817.
 Каратыгинъ В. А. 751. 798.
 Карлъ XII. 31.

- Карпѣвъ 313.
 Катенинъ П. А. 751.
 Каховскій А. Н. 624.
 Кашперовъ В. Н. 579. 580.
 Квитка Г. О. 236.
 Кеневичъ В. О. 759. 760.
 761. 765—768. 959.
 Киселевъ Д. И. 483.
 Киселевъ Н. Д. 611.
 Киселевъ Н. С. 193. 310.
 388. 418. 466.
 Книглекъ 596.
 Киприановъ В. 37.
 Кириллъ св. 896. 897.
 Кирыакъ Т. П. 167. 260.
 Кирѣевскій И. В. 693.
 Кичеевъ П. Г. 104. 232.
 464. 638.
 Кляггеръ Н. 560.
 Ключаревъ О. П. 190.
 Княжевичъ В. М. 893.
 Княжнинъ. 191.
 Ковалевскій Е. П. 753. 754.
 Кожуховъ С. Д. 602—604.
 Козловъ И. И. 628. 713.
 Козловскій кн. П. Б. 471.
 Коларъ. 896.
 Колмаковъ Н. М. 769.
 Колычевъ С. А. 135. 238.
 280. 919.
 Кольцовъ А. В. 651. 723.
 755. 756. 798. 883.
 Комовскій С. Д. 451.
 Комаровскій гр. Е. О. 450.
 Конарскій. 552. 553.
 Константинъ Николаевичъ в.
 кн. 694.
 Константинъ Павловичъ. 113.
 200. 451—453. 490. 536.
 Корниловъ адм. 596. 599.
 Коростовцевъ Л. 31.
 Корфъ бар. М. А. 324. 499.
 505. 555. 556. 836. 837.
 925. 1004. 1006.
 Корфъ б-са 228.
 Костровъ 757.
 Костомаровъ 5.
 Котлубицкій 301. 302.
 Котляревскій А. А. 903. 979.
 Коченовскій М. Т. 752.
- Коцебу А. 307. 308. 1006.
 Краббе Н. К. 595.
 Краевичъ Венедиктъ 784.
 785.
 Кривцовъ Н. И. 838.
 Кропотовъ Д. А. 365.
 Крыловъ И. А. 758—769.
 883.
 Крыловъ Л. А. 765.
 Крюднеръ 454.
 Кузминъ 246.
 Кулибинъ И. П. 678.
 Куракинъ кн. А-ъ Б. 327.
 341—343. 492.
 Курбатовъ 652.
 Курепинъ А. Д. 68.
 Кустодіевъ, свящ. 605.
 Кюбьеръ, маркиза 452.
 Кюхельбскеръ В. К. 536.
 723. 770. 831.
- * * *
- Лабзинъ А. О. 456.
 Лавровскій Н. А. 750. 924.
 Лавровскій П. А. 939.
 Лагарръ Ф. П. 331. 332.
 Лажечниковъ. 771.
 Лазарева Е. Т. 597.
 Лазаревскій А. М. 956.
 Лайонсъ 600.
 Ламсдорфъ, генер. 321.
 Ланжеронъ, гр. 137.
 Ланская В. И. 392.
 Ланской В. С. 345.
 Ланской, гр. С. С. 481. 614.
 Лафермьеръ. 957.
 Лашкевичъ С. И. 86.
 Лебедевъ П. С. 256.
 Левенштернъ, бар. К. О. 457.
 Лепарскій, генер. 538.
 Лермонтовъ М. Ю. 628. 772—
 778.
 Лесли Д. Е. 303.
 Лизогубъ. 929.
 Липранди Н. П. 355. 376.
 377. 458. 459. 642. 853.
 Лихуда Софроній 45.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. И.
 А. 571.
- Лобановъ-Ростовскій, кн. М.
 Б. 563.
 Ломоносовъ. 779. 780.
 Ломоносовъ Г. Г. 416.
 Лонгиновъ М. Н. 34. 152.
 203. 205. 207. 208. 264.
 266. 283. 289. 351. 486.
 488. 520. 578. 628. 629.
 639. 670. 671. 685. 690.
 725. 747. 749. 763. 766.
 771. 777. 793. 823. 854.
 856. 874. 875. 886. 953.
 960. 961. 1011. 1012.
 Лонгъ 946.
 Лопухинъ И. В. 501. 502.
 781.
 Лопухинъ В. Ч. 317.
 Лореръ Н. И. 411.
 Лубяновскій О. П. 317.
 Лужинъ И. Д. 557.
 Луиза, пр. Прусская 714.
 Лукнинъ И. О. 229.
 Лукьяновъ Іоаннъ 38 — 40.
 Лунинъ А. М. 216.
 Львовъ А. О. 581.
 Людовикъ XVI. 228.
 Людовикъ XVIII. 968.
- * * *
- Магницкій М. Л. 368. 408.
 460. 461. 463.
 Мазепа 30.
 Майковъ Л. Н. 69. 80. 780.
 Македонецъ В. М. 691.
 Максимовъ С. В. 541.
 Максимовичъ М. А. 509.
 888. 894.
 Макшеевъ Д. М. 368. 461.
 Малиновская А. П. 397.
 Макуловъ. 246.
 Малиновскій В. 465.
 Малиновскій Д. К. 662.
 Мальмсбюри 230. 231.
 Маннъ К. А. 601.
 Манштейнъ. 83.
 Марія Нинолаевна, в. к. 700.
 Марія Теодоровна имп. 156.
 320—328. 698. 715.
 Маркевичъ Б. М. 582.
 Марковъ А. В. 232. 237.

- Мартыновъ И. И. 817.
 Масловъ С. А. 389.
 Матусевичъ гр. 522.
 Мацѣвичъ А. 88. 89.
 Машковъ П. И. 48.
 Мегметъ-Али-паша. 554.
 Мекленбургскій пр. Карлъ. 467.
 Мелесъ, Анатолій 103.
 Меллеръ А. 328.
 Мельгуновъ А. П. 233. 234.
 Мельянъ, Сенакъ 235.
 Меншиковъ кн. А. Д. 35.
 Меншиковъ кн. А. С. 468.
 Мерзляковъ А. Ѳ. 394. 723.
 Меркель Г. 319.
 Мертваго Д. Б. 469. 470. 881.
 Мертваго В. М. 881.
 Местръ гр. 471. 472.
 Мещевскій 782.
 Миллеръ П. И. 858.
 Миллеръ, акад. 294.
 Милоновъ 628.
 Милорадовичъ Г. А. 40. 338. 936.
 Милютинъ Н. А. 616. 617.
 Мильярдъ, паст. 62.
 Мининъ Козьма 2. 3.
 Минихъ гр. 51. 75—78.
 Минкина Н. Ѳ. 404.
 Мирбахъ Ѳ. И. 556.
 Мировичъ 236.
 Миръ П. 61.
 Михаилъ Павловичъ, в. к. 457.
 Михайло-Медвѣдъ 94.
 Мицкевичъ А. 478. 930.
 Мойеръ И. Ф. 831.
 Монаковъ. 368.
 Морковъ гр. А. И. 237.
 Морошкинъ М. Я. 358. 362.
 Муравьева Е. Ѳ. 739.
 Муравьевъ-Апостолъ М. И. 474.
 Муравьевъ-Карскій Н. Н. 473. 554.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. В. П. 136.
 Мусинъ-Пушкинъ гр. И. А. 41.
 Мухановъ. 1001.
 Мятлевъ И. П. 651.
 * *
 Надеждинъ Н. И. 783. 784.
 Наполеонъ I. 342. 348. 412. 413.
 Наполеонъ III. 577. 611.
 Нарышкина А. Н. 139.
 Нарышкина М. П. 238.
 Нарышкинъ А. Л. 476.
 Нарышкины. 10. 11.
 Нахимовъ, адм. П. С. 597. 598.
 Невзоровъ, 786.
 Невѣдомцевъ Н. 935.
 Нелединскій-Мелецкій. 322. 477. 650. 715.
 Нелидова Е. И. 239. 304.
 Неклюдовъ В. С. 816.
 Неплюевъ И. И. 69.
 Нессельроде, гр. В. 231. 242.
 Нессельроде, гр. К. В. 545. 612.
 Нельсонъ. 278.
 Николай I. 321. 528—605.
 Никонъ. 16.
 Никитинъ И. С. 781—789.
 Новиковъ Н. И. 790. 791.
 Новосильцевъ Н. Н. 478.
 Новосильцевъ П. П. 479.
 Норовъ А. С. 792—795.
 * *
 Оболенскій кн. М. А. 99. 187. 228. 235. 314. 909. 920. 957.
 Обрѣзковъ А. М. 285.
 Одоевскій кн. В. Ѳ. 14. 578. 796—798.
 Озеровъ В. А. 799—801.
 Оленинъ А. Н. 42. 380. 421. 535. 800.
 Олсуфьевъ А. В. 140. 240.
 Орлова-Чесменская гр. А. А. 428.
 Орловъ, гр. А. Г. 170.
 Орловъ, кн. А. Ѳ. 556.
 Орловъ гр. Г. Г. 241. 252.
 Орловъ-Давыдовъ гр. А. В. 606.
 Осипова П. А. 839. 855.
 Остерманъ, гр. 68. 75.
 Отрошенко. 552.
 * *
 Павелъ I. 123. 156. 292—317.
 Павскій Г. И. 716. 803.
 Павловъ Іоаннъ, прот. 141. 246.
 Панаевъ В. И. 804.
 Панинъ гр. Н. И. 242. 244. 268.
 Панинъ гр. В. Н. 243. 245.
 Паскевичъ кн. П. Ѳ. 545.
 Пассекъ В. 247.
 Пашкевичъ. 402.
 Пелико, Сильвіо 650. 651.
 Переверзевъ. 480.
 Перовскій А. А. 805.
 Перовскій В. А. 372.
 Петръ Великій. 12—42. 296. 652. 926.
 Петръ II. 49. 50.
 Петръ III. 106—111.
 Петровъ А. А. 806—808. 943.
 Петровъ К. М. 352.
 Печеринъ В. С. 809—811.
 Платовъ гр. М. И. 374.
 Плетневъ П. А. 650. 663. 812—814. 831.
 Плещеевъ С. И. 320.
 Плюшаръ. 670.
 Побѣдоносцевъ К. П. 213.
 Погодинъ М. П. 12. 484. 507. 508. 586. 587. 664. 665. 745. 803. 845. 846. 887. 906. 925. 963.
 Подолнскій А. И. 815. 928.
 Поздеевъ I. А. 481.
 Пожарскій. 2. 3.
 Полевой Н. А. 566. 636.
 Поликарповъ Ѳ. 41.
 Полозовъ В. В. 8.
 Полторацкая А. А. 881. 882.
 Полуценскій М. П. 15. 189. 201. 816.
 Полѣновъ А. Я. 178. 248.
 Полѣновъ В. А. 817.
 Полѣновъ Д. В. 29. 248. 976.

- Полянскій. 211.
 Попе. 818.
 Поповъ В. С. 250. 251. 336.
 347. 679.
 Поповъ И. В. 717.
 Поповъ Н. А. 785.
 Поповскій 818.
 Порошинъ С. А. 252. 292.
 294.
 Потемкина гр. Е. П. 532.
 Потемкинъ кн. 142. 156. 218.
 232. 253—806.
 Посивкова М. И. 410.
 Потоцкій. 351.
 Потоцкій гр. 351.
 Прасковья Иоанновна. 47.
 Прозоровскій А. А. 143.
 Пржецлавскій О. А. 621—
 623.
 Прокоповичъ, Теофанъ. 62—
 65. 894.
 Прыжовъ И. Г. 917.
 Пугачевъ. 263.
 Пуле (Де) М. О. 312. 756.
 787. 789.
 Путята Н. В. 634. 637. 671
 (а) 804. 820.
 Пушкинъ А. С. 517. 668.
 687. 718. 726. 792. 798.
 821—858. 883.
 Пушкинъ В. Л. 744.
 Пушкинъ С. Л. 651.
 * * *
 Радщевъ. 264. 265.
 Раевскій Н. 645.
 Разумовскій, гр. А. К. 481.
 482.
 Разумовскій Д. В. 581.
 Райко Н. А. 448. 582. 583.
 Раковский. 951.
 Рамбургъ С. 42.
 Рангъ М. 943.
 Растопчина Е. П. гр. 798.
 859.
 Растопчинъ гр. А. О. 426.
 872.
 Растопчинъ гр. О. В. 374.
 426. 483—490.
 Радичъ, патр. 570.
 Репнина кн. В. Н. 530. 926.
 Репнинъ, кн. Н. В. 266. 312.
 317. 840.
 Репнинъ, кн. Н. Г. 547.
 Ржевская Г. И. 267.
 Рибасъ О. М. 226. 279.
 Ридингеръ Н. А. 938.
 Робеспьеры 186.
 Родофинкинъ К. К. 544.
 Розановъ Н. П. 94.
 Розе Е. 517.
 Романовъ В. 590.
 Романовичъ Е. М. 405.
 Ромодановскій О. Ю. 17.
 Ростовцевъ Я. И. 615.
 Ростовскій свят. Дм. 36.
 Ротшильдъ 611.
 Румянцова А. Н. 138.
 Румянцевъ, гр. Н. П. 114.
 269. 337. 343. 968.
 Румянцевъ-Задунайскій, гр.
 П. А. 244. 268. 270. 273.
 Румянцевъ, гр. С. П. 237.
 271—273. 740.
 Руничъ Д. П. 781. 791.
 Руссо Ж. Ж. 241.
 Рыжовъ, генер. 604.
 Рыльевъ 732.
 Рязановъ Н. П. 491.
 * * *
 Сабатье-де-Кабре. 192.
 Саблуковъ А. А. 172.
 Саблуковъ Н. А. 309.
 Савва пресв. 1010.
 Саввантовъ П. И. 79. 156.
 569.
 Салтыковъ гр. Н. И. 145.
 Салтыковъ гр. С. А. 55.
 Салтычиха 104. 105.
 Самаринъ Ю. О. 558.
 Самборскій. 507.
 Самойловъ гр. А. Н. 254.
 274. 275. 290.
 Сангленъ Я. И. 508.
 Сандуновъ. 860.
 Саити гр. 52.
 Санхецъ. 90.
 Свербеевъ Д. Н. 350. 423.
 510. 521. 524. 655.
 Свистуновъ П. Н. 540. 541.
 Святригаило. 1006.
 Свѣчинъ Н. С. 318.
 Сегюръ гр. 276.
 Селивановъ В. В. 202. 414.
 Семевскій М. И. 457. 892.
 1009.
 Семеновъ Н. П. 614.
 Семень Клямычъ 378.
 Сенявинъ А. Н. 146.
 Серафимъ, митр. 358.
 Сестренцевичъ. 348.
 Сиверсъ гр. Я. Е. 147.
 Спиклеръ. 67.
 Скадинъ. 1.
 Слопцовъ. 368.
 Смирнова А. О. 719. 726.
 Смирновъ С. А. 564.
 Снегиревъ И. М. 13. 186.
 Соболевскій С. А. 157. 422.
 795. 844. 861. 863—872.
 897. 907. 977.
 Соболяшниковъ В. И. 1000.
 Собчаковъ В. И. 948.
 Соковъ М. 393.
 Соколовскій В. И. 862.
 Соловьевъ С. М. 60. 181.
 Соллогубъ гр. С. М. 720.
 Соллогубъ гр. В. А. 847.
 Спафарій. 43.
 Сперанскій. 368. 492—508.
 611. 925.
 Спридовъ. 170.
 Столыпинъ А. А. 493. 503.
 504.
 Столыпинъ Д. А. 493. 503.
 504.
 Стратимировичъ. митр. 349.
 Стрелковъ С. О. 148.
 Стремоуховъ А. Е. 937.
 Строгановъ гр. А. С. 115.
 Строгановъ гр. Г. А. 841.
 Строгановъ гр. С. Г. 810.
 Строевъ П. М. 734. 863.
 Струйскій 277. 806.
 Стурдза А. С. 460. 668.
 Суворовъ. 219. 278—282.
 304.
 Сумароковъ А. П. 873—875.
 Сумароковъ П. И. 162.

- Сусанинъ. 4. 5.
 Сушковъ Н. В. 198. 522. 870.
 Сухановъ И. И. 537.
 Сухотинъ С. М. 848.
 Свверный Н. Е. 691.
 Съченновъ Д. митр. 130.
- * * *
- Тараканова, кн. 283.
 Татаринова, 356.
 Теге, паст. 95.
 Тепловъ Г. Н. 284.
 Терешенко А. В. 30. 191. 948.
 Тмиразевъ Ѳ. И. 617.
 Тимковский В. Ѳ. 509.
 Тихонравовъ Н. С. 73. 818.
 Толстой, гр. Д. Н. 430. 581.
 Толстой, гр. И. А. 44.
 Толстой гр. Л. Н. 877.
 Толстой, гр. П. А. 44.
 Толстой, Ю. В. 67. 199.
 Толычева Т. 209. 318. 480.
 Топильскій М. И. 553.
 Тотлебенъ. 596.
 Трефолевъ Л. Н. 180. 233. 305. 915.
 Трощинскій. 368.
 Тургеневъ А. И. 511. 635. 646. 650. 686. 721. 728. 842. 850. 878.
 Тургеневъ И. С. 175. 812. 880.
 Тургеневъ Н. И. 510. 879.
 Тутолминъ Т. И. 417.
 Тютчевъ Ѳ. Н. 592.
- * * *
- Уваровъ, гр. А. С. 332. 898. 899.
 Уваровъ, гр. С. С. 584—587. 650. 723.
 Ульяновъ. И. С. 451. 548.
 Ундольскій В. М. 45.
 Ушаковъ Прокопій. 18.
 Ушаковъ, Олон. губери. 396.
- * * *
- Фадѣева Н. 933.
 Фенелонъ. 116.
 Филаретъ, патр. 7.
- Филаретъ, митр. 881. 882.
 Филаретовъ С. В. 949.
 Флавицкій 283.
 Флорентинскій герц. 61.
 Фонвизинъ Д. И. 285.
 Фортунатовъ Ѳ. Н. 234. 299. 368. 862. 902. 965.
 Фотина Павловна. 515.
 Фотій, архим. 358. 511—516.
 Фридрихъ Великій. 84.
 Фуссъ. 733.
- * * *
- Ханенко А. И. 302.
 Ханенко И. И. 883.
 Хвостовъ В. С. 286.
 Хвостовъ гр. Д. И. 281. 732.
 Хмелевскій. 6.
 Хмыровъ М. Д. 37. 282.
 Хомутова А. Г. 517.
 Хомутовъ С. Г. 518. 519.
 Хомяковъ А. С. 884. 885.
 Хотинскій Н. К. 212.
 Храповицкій А. В. 149. 150. 975. 976.
- * * *
- Цейеръ Ф. И. 494.
 Цапринусъ. 478.
 Цициановъ кн. Д. П. 287.
- * * *
- Чадаевъ П. Я. 520. 521. 650. 879. 886.
 Чарторижскій, кн. А. 334. 522.
 Челищевъ. 507.
 Черкасская, кн. П. А. 151. 152.
 Черкасскій, кн. А. А. 68.
 Чернышевъ, гр. 87. 289.
 Чернышевъ, гр. Г. И. 288.
 Чернышевъ, гр. И. Г. 101. 153. 297.
 Чернышевъ, гр. З. Г. 132.
 Черткова Е. Г. 661.
 Чертковъ А. Д. 982.
 Чижовъ Ѳ. В. 958.
 Чичаговъ, адм. 353. 523.
 Чумиковъ А. А. 930.
- * * *
- Шамиль, 606.
- Шаховская, кн. П. 246.
 Шаховской, кн. 66.
 Шаховской, кн. А. А. 798.
 Шевыревъ С. П. 665. 887—889.
 Шеншинъ Н. В. 589—591.
 Шепелевы. 932.
 Шепингъ Д. О. 105. 895.
 Шетаравъ, марк. 927.
 Шешковскій С. П. 290
 Шишковъ А. С. 524. 687. 890. 891.
 Шишковъ Н. П. 455.
 Шомбекъ. 920.
 Штейнъ, бар. 525. 585.
 Шуваловъ. И. И. 97—101. 106. 154.
 Шуваловъ, гр. 291.
 Шугуровъ М. Ѳ. 160. 186. 261. 265. 276. 361. 371. 536. 748. 905. 923. 998.
- * * *
- Щебальскій П. К. 108.
 Щербатовъ, кн. И. А. 73.
 Щербининъ М. П. 576. 610. 967.
- * * *
- Энгельгардтъ В. Е. 526.
 Энгельгардтъ Е. А. 429. 526. 527.
- * * *
- Юзефовичъ М. В. 528. 529. 538. 815.
 Юрловъ, сп-пъ Л. 80.
 Юшкевичъ А. 79.
 Юшкова, 48.
- * * *
- Языковъ А. П. 407.
 Языковъ Д. И. 682. 954.
 Языковъ Н. М. 892. 893.
 Языковъ П. М. 447
 Якобій, Уфмскій намѣстн. 155.
 Яковлевъ Л. П. 7.
 Якушкинъ И. Д. 539. 541.
- * * *
- Ѳеодосій, Новгород. архіепископъ. 46.

ПОПРАВКИ.

Къ стр. 1535-й Р. Архива 1871 года. Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ скончался въ Парижѣ, а не въ домѣ Соймонова. (Эта поправка получена отъ г-жи Толычовой).
Во 2-й книгѣ XIX Вѣка, стр. 238 приведены и приписаны Полятковскому стихи на новый годъ, принесшіи автору.

Лишь новыя заплаты...

По словамъ С. А. Маслова, стихи эти принадлежать Кострову, который шелъ поздравлять съ новымъ годомъ куратора Унѣверситета и, споткнувшись на лѣстницѣ, разорвалъ свое нижнее платье.

Въ Р. Архивѣ 1872 года:

На стр. 1294-й вм. *сугне слѣдуетъ сѣне*.

На стр. 1452, тамъ же, строка 8 сверху вм. *Ивановичъ—Ильичъ*.

На стр. 2063, 4-е письмо Екатерины не отъ 9 Юня, а отъ 9 Юля.

На стр. 2071, въ 18-мъ примѣчаніи вм. *подлинника* надо посланника

На стр. 2073, 39-е письмо Екатерины не отъ 21 Ноября, а отъ 21 Октября.

На стр. 2080., 73-е письмо Екатерины не отъ 18 Юня, а отъ 18 Юля.

На стр. 2086, въ 102-мъ письмѣ Екатерины вм. *Каратыгину*, надо *Карадыкину*.

На стр. 2109-й, въ письмахъ князя Циціанова къ Зиновьеву, не вѣрно означено отчество г-жи Ниловой: она была дочерью не Кирилы, а Корнилія Богдановича Бороздина, генералъ-аншефа.

На стр. 2171-й, въ тѣхъ же письмахъ, въ примѣчаніи 3-мъ, вм. *гр. С. П. Румянцева*, слѣдуетъ *графа П. А. Строганова*, и самое примѣчаніе это должно быть отнесено къ окончанію 26-го письма.

На стр. 2376-й, въ 7-мъ письмѣ М. А. Волковой говорится о рожденіи *гр. Льва Александр. Соллогуба*.

На стр. 2378-й, въ примѣчаніи надо вм. *Луизы Карловны—Екатерины Карловны* (*Первой жены гр. М. Ю. Вельгоскаго*).

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВЪ 1872 ГОДА.

- Аббасъ* - *Мирза*, 1498, 1528 — 1532, 1538, 1545, 1547.
Абламовичъ, помѣщ., 1905.
Абрамовъ, Н. Л., пис., свѣдѣн. о немъ 1985.
Абуль-Гассанъ-ханъ, 1518, 1523, 1527, 1535, 1538—1540.
Авуста, дочь в. кн. Мар. Павл., имп. Германская, 1289.
Авустъ, II, кор. Польск., 1069, 1146, 1338.
Авустъ, III, кор. Польск., 3, 29, 54, 168.
Авраамій Палицынъ, келарь Троицкій, 370, 372, 393, 581, 582, 584, 586, 601, 603—606, 608, 610—611, 613, 615—617, 919, 2473, 2475, 2476, 2483, 2484, 2488, 2494, 2496—2499.
Агентовъ, Ал—й, 558.
Аларьевъ, 2171.
Ададуровъ, воевода Дорогубужскій, 904.
Аделунъ, севр. Русск. посольства въ Тегер. при Грибоѣд., 1498, 1510, 1542; уб. 1537.
- Адеркасъ*, Бор. Алексан., Псковскій губернат., 2356. 2358, 2360; прошен. Пушк. 2359.
Адлербергъ, графиня Ю. О. 2334.
Адрианъ, патр. Московскій, 1130, 1364.
Азовская, губ. 1132.
Аксаковъ, Конст. Серг., замѣч. о немъ Шевыр. 1208, 1209.
Алабовъ, Мих., Армянск. куп., 256.
Албрехтъ Иванъ, ген., 1952.
Амернонь-Перси, лордъ, 2066, 2067.
Александра Александровна, в. кн., 2336.
Александра Николаевна, в. кн. 1228.
Александра Павловна, в. кн., 502.
Александра Θεодоровна, имп., 1047, 1227, 1279, 1480, 1808, 1942.
Александръ Александровичъ, в. кн. цесаревичъ, по его мысли и вчпанію печат. пис. и бумаги Екатер. Великою, 2097—2098.
- Александръ* I Павловичъ, имп., воспитан. 2069; медаль на его рожд. 2074; его силуеть 2077; воцареніе 468—470; Аустерлицъ 474—475; Сперанск. 482—484, 514; милиція 487—488; изъявл. неудовольствіе на издан. кн. «Тоска по отчизнѣ» 489—490, 496; пребываніе въ Твери 497, 500; — Москвѣ 498 — 500, 509—510, 516, 517; — Пензѣ 519—524; признав. достоин. за Путешествіемъ Радищ. 940; козаки 954—955; подати 956; Растопч. представл. ему зап. о Франц. 965—985; его доброта 1202; присутств. въ каплит. Мальт. Орд. 1469—1470; Энгельг. 1469 — 1472, котор. назн. директ. Лицея 1476, 1478—1479, 1482 — 1483, 1485; учрежд. Царство Польск. 1720 — 1723, 1734 — 1736, 1739; проѣзжаетъ Слонимъ 1729; пис. къ нему Аракч. 162; духовн. завѣщ. Аракч. 2037—2041; ук. о род. кн. Репнин. 1983; уном. въ пис. Позд. 1853, 1870. 1871.

- 1874—1875; рассказ. о немъ 2255 — 2256; кучеръ его 2261 — 2263, 2265 — 2268; Цициан. опасается напуг. его своею болѣзнію 2170; но его приказан. тѣло Цициан. перевозит. изъ Баку въ Тифлисъ 2173; отмѣн. крутую мѣру Павла касательно гр. С. Р. Воронц. 2175; упом. въ пис. послѣдняго 2188, 2189. 2193. 2195, 2205, 2217, 2218, 2220, 2221, 2224 — 2226, 2239; провозъ его тѣла чрезъ Москву 1924—1295; Татарин. 2336. 2337, 2239 — 2241; Пушкинъ 2355; приѣздъ въ Москву 2383, 2384, въ 12-мъ году 2389, 2431. уп. 145, 165, 194—197. 200, 442, 491, 493, 495 — 497, 503 — 505, 515, 741, 1292. 1294. 1714, 1724, 1725, 1728, 1734, 1735, 1745, 1751, 1760 1762 — 1763, 1783, 2090, 2291, 2344.
- Александръ II* Николаевичъ, имп., 624, 626, 1039, 2342; Польск. д. 623, 680; пис. къ нему Славянина 760; освбожд. крест. 0866 — 0867, 0871; дозв. издав. Путешеств. Радищева 936; упом. въ Зап. гр. Блудовой 1228 — 1229, 1231, 1252, 1272 — 1274, 1279, 1287; Его сопроводж. Даль въ путешествіи по Оренбургск. краю 2028; жалуетъ Жуковск. Зап. Храповице. 2098.
- Александровичъ* канон., 13.
- Александръ*, слуга Грибоѣд. 1503, 1511—1512.
- Алексѣвъ* И. А., въ волюмин. Лубяновск. 164.
- Алексѣвъ*, Илья, глава безпоповщинцовъ 1886; сношен. его съ Де-Лорномъ 981—982.
- Алексѣвъ*, Петръ, протоиер. Архангельск. собора, Екатер. В. поручаетъ его покровит. Еропк. 305—306.
- Алексѣй* Алексѣвичъ. царев., 2045.
- Алексѣй* Михайловичъ, царь, 81, 087, 1112, 1378, 2045 — 2052, 2055, 2057—2060.
- Алексѣй* Петровичъ, царев., 118, 120, 1059, 1093—1095, 1105 1629; конч. супр. 1337—1340, судъ надъ нимъ 1371, 1427, 1435—1436, 1443, 1445, 1452—1456; отреч. отъ наслѣд. прест. 1440; наложница его 1452—1453, конч. и погребен. 1456—1457, казнь его приближенныхъ 1626. 1627.
- Али-паша*, виз., 1409.
- Алипий*, Бѣлокриницъ. инокъ 442.
- Али-шахъ*, 1513, 1519, 1520, 1522, 1525 — 1528, 1533—1534.
- Али-Яръ-ханъ*, Персидск. мин., 1507, 1508, 1510, 1518.
- Аллеръ*, экон. Смольн. мон. 1892
- Алопеусъ*, гр. въ Берлинѣ 1254, 1256 — 1258, 1303, въ Лондонѣ 2191.
- Алопеусъ*, гр. Александра въ послѣдствіи *Лаферонисъ* 1257, 1276—1277.
- Алопеусъ*, графиня, 1276—1277.
- Алферьевъ*, ген. 1608 — 1609.
- Альмовъ*, Арк. Ив., вице-губ. Смоленск., 1861.
- Альбедиль*, управл. придворн. конт., 1740.
- Альбертъ*, герц. 982.
- Альбрехтъ*, пр. Прусск., 1259, 1290.
- Алфонскій*, Арк. Алексѣев., 1458.
- Амбургеръ*, Русск. конс. въ Тавризѣ, 1528, 1538, 1539. 1543. 1549—1550.
- Амеросій*, митр. Воснійск., 442, 1022.
- Амеросій* (Зертисъ - Каменскій въ 1735 г. еп. Переяславскій), отз. о немъ Новик. 1312. Шувал. перед. ему на разсмотрѣн. перев. «Опыта о челоуѣкѣ» 1312—1316.
- (*Амеросій* Орнатскій), еп. Пензенск. 519.
- Анастасевичъ*, библиогр., 1909.
- Ангальтъ*, принцъ, посѣщ. Харьк. Коллег. 102—103.
- Англичане*, отз. о нихъ Ермол. 987, въ Персіи 1536 — 1537, 1545, замѣч. о нихъ 2257—2261.
- Анулемскій*, герц. 977.
- Андреевское*, село гр. А. Р. Воронц. 2187.
- Андреевъ*, его историч. разск. 758.
- Андрей*, Савиновъ, духовн. царск., 2060.
- Андреосси*, гр. 2207, 2216.
- Андріе*, table d'hôte, 1897.
- Аникіевъ*, 120.
- Аницетъ*, ксендзъ, 676.
- Анна Иоанновна* (имп.), 120, 123. 124. 801 — 802, 1061, 1106, 1426, свадьба 1646, 1678, 1682 — 1690, замѣч. Мицкев. 431.
- Анна* Леопольдовна, правительн., 1175—1176.
- Анна* Павловна (кор. Нидерл.), 1259.
- Анна*, царевна Грузинск., 283,
- Анненковъ* Абр. Ив., Курск. вице-губерн. 2086.
- Антиповъ*, Ив., Московск. куп. 867.

- Антоній*, св. Римлянинъ, Новгородскій чудотворецъ 1349.
- Антоній*, архіеп. Варшавскій, 2347, 2350.
- Антоній*, архіеп. Воронежск. и Задонск., 836.
- Антоній*, еп. Брестск. 1578.
- Апостоль*, Дан., гетм. 1003—1004.
- Апраксина*, гр. Вѣра Ник., 2113.
- Апраксина* (урожд. кн. Голицына, Ек. Вл.) 2373, 2376, 2381, 2421, 2430.
- Апраксинъ*, гр. Матв. Ѳед. 2094.
- Апраксинъ*, Петр. Матв., 1661, 1664, сенат., арестов. по дѣлу царев. Алексѣя 1439, оказался невиннымъ 1445.
- Апраксинъ*, Ст. Ст., 140, 156, 2421.
- Апраксинъ*, Ст. Ѳед., фельдм. 126, 761.
- Апраксинъ*, гр. Ѳед. (Алексѣев. ?), 330, 553.
- Апраксинъ* гр. Ѳед. Матв. адмир., свѣдѣн. о немъ у Бебера 1062, 1065, 1121, 1143, 1146, 1166, 1342, 1614, 1618. 1628, 1644. 1660—1664, 1684.
- Апухтинъ*, ген. пор. 557.
- Апухтинъ*, чиновн. Сенат. Колл., 1121—1122.
- Арачевъ*, гр. Ал—й Андр., 523, 2265, канцеляр. его 115, сопроводж. Павла въ путешествіи 160, рассказы о немъ 161 — 162, зап. къ Энгельг. 1473 — 1474, пис. къ Булыг. 2036—2037, духовн. завѣщ. 2037—2042, 2505—2506, Новгор. кадетск. корн. 2042, дружба съ А. Ѳ. Малиповск. 2042, упом. въ пис. Волковой 2391.
- Арбеневъ*, Юсафъ Іевл., упом. въ пис. кн. Циціан. 2153.
- Арембергъ* (урожд. кн. Шаховская), кн. Ел. Бор., 565.
- Арембергъ*, кн. 565—566.
- Арескинъ*, л. мед. Петр. В., 1336. 1420, похороны его 1641—1642.
- Арендтъ*, Ник. Ѳед., л. мсд. 1805, 1806, 1808.
- Армія*, при Петрѣ В. 1675—1677.
- Армфельдъ*, Шв. ген. 1096.
- Армфельдъ*, кам. юнк. Шв. кор. 549.
- Ардтъ*, его книга, 262, (перевод. комедіи Екатер. В. ? 2065, 2070).
- Арнетъ*, издат. персн. Юсифа II, 765.
- Арсеньева* (урожд. Столыпина), Ел. Алексѣев., бабка Лермонт. 1818, 1822, 1823, 1826, 1828, 1831, 1833, 1834, 1836, 1840, 1841, 1843, 1845, 1850—1852.
- Арсеньевъ*, Конст. Ив., академ., 1473.
- Архатемскій*, В. М., 1473.
- Архатемльскъ*, г., таможня 1144. торговля 1334, проектъ о соединен. его съ Восточн. океан. 1411, недостатокъ въ деньгахъ 1647.
- Архарова*, Ек. Алексан., 1239.
- Архаровъ*, (Ив. Петр. ?), 2375.
- Архаровъ*, Никол. Петр., 1874, 2087, Московск. губерн. 231, 232, 235, 253, 258, Пбургск. 151.
- Архаровы*, 2384.
- Археологическая* коммиссія, въ Англии 762.
- Аричиескій*, Польск. авантюръ., 2274.
- Астрахань*, г. 1107, таможня 1144—1145, замѣч. о ней Петр. В. 1341, свѣдѣн. о ней 1390 — 1397, пожары 1617, цѣлебн. источ. 1646, католич. община 1649, 1660, 1670.
- Ахвердова*, Ек. Бор., 1010—1012.
- Ахвердовъ*, ген., воспит. в. кн. Никол. и Мих. Павл. 1010; покровит. отцу Даля 2246.
- Ачсрби*, Бухарскій пос. 1079—1083. 1085, 1429.
- Ашаръ*, химикъ, 2329.
- Аюгъ*, ханъ 1073, 1079.
- Аванасъевъ*, Алексан. Никол. 771, 1779; воспом. его 805—852; Даль перед. ему сказки 2030.
- Аванасъевъ*, Ив., 1628.
- Аванасъевъ*, Никол. 813—814.
- Аванасъевъ*, чл. Библ. Общ. 813, 814.
- *
- Бабиханъ*, 2171.
- Багадиръ*, ханъ, 1073, 1079, 1080, 1083, 1084.
- Балинскій*, 2335.
- Балмевскій*, полк. 142, 164.
- Бауратионъ*, кн. Пет. Ив. 2292. 2384, 2389, 2390; упом. въ пис. Екатер. 283; Позд. 1861.
- Бажановъ*, архит. 231.
- Байсръ*, фотогр. 687.
- Байковъ*, Ильязъ кучеръ пин. Алексан. I, воспом. о немъ 2261 — 2268; его портр. 2268.
- Байковъ*, М. А. директ. Уд. Землед. Уч. 1787.

- Байковъ*, уп. въ пис. Екат. тер. 561.
- Байронъ*, 1908, 1911, 1918, 1927.
- Баклановскій*, пажъ, замѣш. по дѣлу царев. Алексѣя, 1436, 1437, 1446.
- Баконъ*, философъ, 1217.
- Бакстеръ*, 2071, 2072.
- Балашовъ*, Алексан. Дм., ссылка Сперанск. 484, 485, 516; упом. въ пис. Волкон. 2391.
- Балеманъ*, чин. Мин. Нар. Просв. 1745.
- Балчугъ* въ Москвѣ, 560.
- Бани* въ Россіи, 1127.
- Банкъ*, государств. заем. учрежд. Екат., 2142, 2143.
- Барановъ*, гр. (Эд. Тр.) Виленск. ген. губ. 1572.
- Барановъ*, упом. въ пис. Волековой 2411.
- Баратова*, нягиня 2149.
- Баратынскій*, Евг. Абр., пис. къ Полев. 351 — 352; знак. съ Мицкев. 1889, 1906, 1927.
- Бардевинъ*, дѣвич. панс. въ П.б. 1463.
- Барклай-де-Толли*, Мих. Богд. отз. о немъ кн. Репн., 164; упом. въ пис. Позд. 1861, 1875; Волков. 2389, 2390, 2394, 2395, получ. гражд. въ Лопд. 2192, 4193.
- Барри*, его сочин. о Россіи, 753, 754.
- Барсовъ*, П. П. перев. Зап. Вебера 1059.
- Барсуковъ*, Ник. Плат., членъ Археогр. Коммис., заним. опис. арх. кн. Вязем. 1195; получ. отъ кн. Вяземскаго Зап. Храповицк. 2098.
- Бартелми*, гр. 2207, 2216.
- Бартенева*, Пет. Ив., некр. пол. Н. А. Милютина 447—448; пис. къ нему М. А. Максимов. о Теофанѣ 997—999; бесѣда его съ Лелс-велемъ 1036—1037.
- Бартоломей*, Ив. Алексѣев., нумизм., свѣдѣнія о немъ 1985—1986.
- Бартицъ*, булоч. Варш. 661.
- Баршевъ* (Серг. Ив.) тов. Иноз. 725.
- Барышниковъ*, Н. П. общ. пис. князя Циціан., 2102.
- Барятинская* (урожд. пр. Голштейнъ - Бекская) кн. 2122.
- Барятинскій*, кн. Алексан. Ив. намѣстн. Кавказск. 777.
- Барятинскій* кн. А—ъ, подполье, упом. въ пис. Екат. тер. 264.
- Барятинскій*, кн. Ив. Серг. 2121; пос. въ Парижѣ, 2121, 2122.
- Барятинскій*, кн. (Фед. Серг.), гофмарш., прошен. его 264.
- Бассано* (де), дюкъ, правит. в. кн. Литовск., 2295, 2300.
- Басаринъ*, его Записки 2041.
- Баташевыихъ* домъ, въ Спб. 199, 201.
- Баташовъ*, 2139.
- Батуча*, пос. Бухарск., 1429, 1430, 1449, 1450.
- Батюшковъ*, Конст. Ник., 352, 1187, 1192, 1217.
- Батюшковъ*, Помп. Ник., 1761.
- Бауеры*, музык., 2372.
- Баузе* (Фед. Григ.) проф. 112.
- Бауръ*, инженер. 249, 2081.
- Бахметева* (урожд. Назок.) Дар. Алексан., 2374, 2374.
- Бахмстевъ*, (Влад. Петр.). 2374.
- Бахметевъ*, полк. 293.
- Башицкий*, коменд. 1847.
- Бебутовъ*, кн. въ Варшавѣ 626, 700, 701.
- Безбородко*, князь А—ъ Андр. канцл. 787, 2078; рассказы о немъ 159, 160, 163, 171, 172; мнѣніе о немъ в. к. Павла Петр. 770; пис. къ Поп. 935, 936, 947, 948; кн. Дашк. 1182; упом. въ пис. Екат. 2076, 2094, 2096; Циціан. 2107, 2108, 2110, 2118, 2121, 2148, 2149.
- Безбородко*, графиня 2340.
- Безобразовъ*, ген., 2301.
- Беклемешевъ*, Пет. Никиф. 1770, 1816. 1819. 1820.
- Беклешовъ*, Алексан. Андр. Рижск., а пот. Моск. ген. губ. 534.
- Бекovsky*, 1262.
- Бендиктъ XIV*, папа, 1592.
- Бенжаменъ - Констанъ*, Фр. пис. 978, 982, 2253.
- Бенксенъ*, графъ Леонт. Леонт. 2418. замѣч. о немъ 185; Виленск. воен. губ. 1748.
- Бенкендорфъ*, гр. Алексан. Христ. 1007, 1033, 1488, 1831—1833, 1933, 1959, 2026.
- Бенкендорфъ*, г-жа, сопров. вожд. гр. и гр. Сѣверн. въ путеш. по Европѣ, 767, 768.
- Бенкендорфъ* (184 ?) сопров. вожд. гр. и гр. Сѣверн. въ путеш. по Европѣ 768.
- Беннэ*, 1234.
- Бергеръ*, учит. музыкы у Блудовыхъ, 1226, 1227.
- Бергъ*, Ник. Вас. о Мицк. 426, 432—435. 1923, 4927; Зап. о Польск. загов. 622—706; его встр. съ Ермол.

- 985 — 992; замѣч. на его зап. о Польск. загов. 1031—1033, 1035 — 1037, 1039, 1042, 1043, 1045, 1046, 1053—1055; полев. съ Пржещл. 1210, 1553—1576; о смерти Грибоѣдова 1494, 1524.
- Беръ*, старш. секр. Русск. посольства въ Берлинѣ 1255.
- Бернадоты* династія 2229.
- Бертардъ*, учит. матем. Ворон. гимназ. 815, 828, 829.
- Бернсдорфъ*, Датск. мин. 737.
- Бернсъ*, писат. 1908.
- Беросъ*, ориент. 1540.
- Бессель*, Алексан. Вас., проф., 1986.
- Бестужевъ - Марлинскій* разск. о Ермол. 989.
- Бестужевъ - Рюминъ*, гр. Алексѣй Петр., канцл. 454, 800; о его паден. 761.
- Бестужевъ*, (— Рюминъ, Алексѣй?) 2417.
- Бстанкуръ*, ген. 506.
- Бецкій*, Ив. Ив., приказ. отсыл. ему доходы съ Кіасов. вол., 258; дѣло его съ Киршбаумомъ 2092.
- Бибиковъ*, Ал. Ил., 75.
- Бибиковъ*, Вас. (Ил.), камерг. ум. 286.
- Бибиковъ*, Гавр. ген. м. 286.
- Биркинъ*, Иванъ стряпч., 370, 373, 374, 375, 376, 377, 382, 392, 398, 608, 884, 1214, 2489, 2490, 2491.
- Биронъ*, герцогъ Курл., 801.
- Биспинъ*, полк., 2303, 2305.
- Бистромъ*, Карлъ Ив., 2341.
- Біанки*, Австр. ген., 2237.
- Блакъ*, гр., 197.
- Блакстонъ*, 2097.
- Бланкенасль*, инженер. подполк. 555.
- Блотницкій*, агентъ Чартор. 1745.
- Блудова*, гр. Ант. Дм., Записки ея 1217—1310.
- Блудова* (урожд. кн. Щербатова, гр. Ан. Андр.) 1219, 1220, 1223, 1230, 1234, 1241; путеш. за границу п пис. оттуда 1242, 1244, 1249, 1255, 1257, 1262, 1272, 1284 -- 1286, 1289, 1302.
- Блудова* (впослѣд. Шевичъ) Лид. Дм. 1222, 1225, 1232, 1237. 1240, 1241, 1244, 1246, 1249, 1251—1253, 1255, 1256, 1281.
- Блудовъ*, гр. Андр. Дм., 1246, 1256, 1264, 1273, 1274.
- Блудовъ*, гр. Вад. Дм., 1240, 1241, 1264, 1272—1239, 1274.
- Блудовъ*, гр. Дм. Ник., 1184, 1195; госуд. дѣятел. 1013—1021; 1024; сочувств. изданію Volum. Leg. 1041; въ Зап. его дочери 1217—1222. 1226, 1243; семейн. переп. 1243, 1249—1251, 1253, 1256 — 1258, 1260, 1262, 1268, 1274, 1280, 1283, 1286, 1289. 1294, 1304; маниф. о Польск. млт. 1296—1300, 1307.
- Блудовъ*, артил. капнт. 306.
- Блюгеръ*, горн. офиц., вызван. Петр. В. 1069, 1070, 1072, 1073, 1387, 1389, 1390, 1434.
- Блюментростъ* лейбъ-медикъ, 1642.
- Блюммеръ*, докт. 1249.
- Блюхеръ*, фельдм., 1870, 1871, 2193, 2198.
- Боболинскій*, его лѣтопис. 2095.
- Боборыкинъ*, Н. Н. 785.
- Боборыкинъ*, Пав. Петр. 786, 787.
- Боборыкинъ*, Петр. Ив. 780; пис. къ нему Сувор. 785, 786; Нелид. 786—788; ген. Донаурова 789; имп. Павла 789—791.
- Боборыкинъ*, майоръ 2089.
- Боборыкинъ*, о родѣ ихъ, 780—785.
- Бобринская* (урожд. Самойлова, Соф. Алексан.?), 2367.
- Бобринскій*, гр. Алексѣй Гр. 166, 2105.
- Бобринскій*, гр. ?..... его книга 779.
- Бобринцева-Пушкина*, Ан. Ос. 2103.
- Бобровичъ*, свящ. Ружанск. 1729, 1761, 1762.
- Бобръ*, гв. оф. 1898; свѣдѣн. о немъ 1937—1940.
- Богданъ Хмельницкій* 998, 1000—1004.
- Богомолонъ*, надсмотр. тамож. 946.
- Богородничкое* село Тульск. губ. посѣщ. Екатер. 2105.
- Богородскій*, (С. О?) тов. Иноземцева 725.
- Богословскій - Платоновъ*, Ипол. Мих., священ., св. о немъ 1986—1987.
- Бодянский*, Ос. Макс., 999; Даль перед. ему половицы 2030.
- Бокшешмиръ*, лордъ, Англ. посл. въ С. П. б., его переп. 762.
- Бомарскій*, сенат. 215.
- Бомовская* (урожд. Салтыкова), 2428.
- Болотниковъ*, Ив. мятежн., 360, 404.

- Болотниковъ*, Ив. дьякъ, 394.
Болтинъ, Жданъ, двор., 1214.
Болыгъ, его учебн. Русск. яз. 779.
Бомарше, изд. Вольтера 329.
Бордоскій, герц. 977.
Борисовъ, городокъ 560.
Борисъ Годуновъ, царь, 354, 358, 360, 885, 893, 894, 895, 896, 1365, 2484.
Боровиковскій, Вл. Лук., художн. 2334, 2341.
Бородина, Дарья, 569.
Бороздинъ, Конст. Матв., наход. у него дневникъ маіора отъ воротъ Петроп. крѣп. 118.
Боссе, Ю. А., архитект. 1490.
Боссюэтъ, 457.
Ботвинко, Вилен. губ. прок. 1745.
Боткинъ, Вас. Петр., его пис. о Польшѣ, 1055, 1056.
Богъ, его Нѣм.-русск. словарь 780.
Боларскій всендзъ, 674, 675.
Бравтонъ, лордъ, изд. его Зап. 772—773.
Браницкая (урожд. Энгельгардтъ, Ал. Вас.) 2118.
Брасово, село Апракс. 156.
Брейткопфъ, Ан. Ив., начальница Екатер. учил. 853.
Брекенбуръ, капит., его соч. о воен. силахъ Евр. госуд. 773, 774.
Бреславль, г., 1670.
Бржезинъ, Польск. надв. сов. 336.
Бржозовскій, литер. 676.
Бригъ, Алексан. Фёд. 1005.
Бриловскій. прокур. 21.
Бролий 1251.
Бродзскій, скульпт. 1899, 1900.
Бронницы, г. 295.
Броньскій, Феликсъ Сло- ним. предвод. двор. 1710, сношенія съ Новосилъц. 1711, 1716 — 1718, 1721, 1722, 1724, 1729, 1731—1734, 1737, 1739, 1740; дѣ- лается подпрефектомъ 2295 — 2297. 2305.
Бруинъ, его путеш. по Россіи 1059.
Брюлова, (урожд. бар. Раль) 1931.
Брюловъ, архитект., 1931.
Брюсъ, (урожд. гр. Румян- нова, Пр. Ал-а); гр. друж- ба съ Екатер. 480.
Брюсъ, гр. Як. Алексан., 480, 931, 2074, 2083; Моск. главнокоманд., письма къ нему Екатер. 257 — 274, уп. 311. 331.
Брюсъ, гр. Як. Вил. ген. фельдцейгм. 1121, 1146; Петр. В. поруч. ему вѣдать дѣла касающ. Азіятск. го- суд. 1412, 1413; его кабин. Китайск. рѣдкостей 1413; жизнь въ деревнѣ 502—509.
Будило, полк. 621, 924.
Будревичъ, Викент. Ант., свѣдѣн. о немъ 1747, 1769, 1946—1949.
Буйницкій, Казим., Пол. пис. 1045.
Буйницкій, Козма, камерг. Польск., 268.
Буксевденъ (урожд. бар. Малтицъ), Ек. Фёд. 2334.,
Буксевденъ, Ив. Фил. 2335; 2343.
Буксевденъ, Петръ Фил. 2335; 2340, 2352.
Бумаковъ, Конст. Яковл., почтъ - директ. въ П.б. 1242. 1243.
Бумаковъ, Конст. офщ. л гв. Моск. полка, рассказы о немъ, 1777, 1834, 1837, 1838, 1839 — 1842, 1843—1846.
Бумаковъ Як. И., 164.
Бумаковъ, полк. команд., 161.
Бумаковъ, чиновн. Мин. Финан., зап. о сформир. кн. Ренн. Малорос. каз. полк. 953.
Бумаринъ, Фёд. Венед. 863, 1492, 1542. 1769, 1796, 1808, 1841, 1891, 1900, 1933, 2026.
Булминъ, Ал-ъ Н. 2036.
Булминъ, Дм. Алексѣев., пис. къ нему Аракч. 2036 — 2037.
Бунзенъ, зап. о его жизни и дѣятельн., 761.
Бумина, Ек. Аван., 2366.
Бумина, Мар. Гр., 2364, 2365.
Буминъ, Аван. Ив., 2365.
Бургардтъ, ген., 645.
Бурнашевъ, Вл. Петр. замѣч. на его воспом. 856 — 0865; отв. на стат. Подо- линск. 1604—1606; листк. изъ памяти. кнпжк. 1606 — 1612.
Бурнашевъ, Ив. 541.
Буссе, препод. 1463.
Буссе, его моногр. о герц. Магнусѣ 759.
Бустранъ, кн. Калмыцкій, 1661.
Бутеневъ, Аполл. Петр., назн. посл. въ Турцію 1286, 1287.
Бутлеръ, ген. м. 797.
Бутовскій Ив., 199.
Бутовскій, Леон. Ив., 200.
Бутовскій, П. П., 2341.
Бутурлина (урожд. На-

- рышкѣина, Екат. Ив.) гр. 204, 1603; о гр. Блудовѣ 2398, 2405, 2409, 2410, 1460. 1021.
- Бутурлина*, (урожд. Воронцова, гр. Ан. Арт.) 1459.
- Бутурлинъ* А—ъ Бор. фельдм. 125, 451.
- Бутурлинъ*, гр. Дм. Петр., 1459.
- Бутурлинъ*, Ив. Ив. ген. лейт. 1451.
- Бутурлинъ*, Ив. (Матв., воев), 413.
- Бутурлинъ*, гр. Мих. Дм. 186; воспом. объ Иноземц. 1457—1461.
- Бутурлинъ*, Ник. Алексан. 1825, 1838.
- Бутурлинъ*, гр. Пет. Дм., 1460.
- Бухариы*, 1450.
- Бухольцъ*, ген. м., 1389.
- Бушь*, его дневн. путеш. по Сибири, 756.
- Бычковъ*, Аѳ. Ѳед. академ. сообщен. 351—352; принадл. ему рукоп. 998.
- Бышчевъ*, Матв. Семен., ген. пор. 2128.
- Былкино*, дер. Калуж. г. Боров. у. родина Иноземц. 720, 1459.
- Былосельскій-Былозерскій* кн. Алексан. Мих. принадл. ему портр. Петр. В. 1215; свѣд. о немъ 1215—1216.
- Былосельскій-Былозерскій* кн. Конст. Эспер. 1216.
- Былосельскій*, кн. (Михаилъ), воевода, 905.
- Быльскій*, Богд. Яковл., 358.
- Бюлеръ*, бар. Андр. Яковл. свѣдѣн. о немъ 743, 744, 747.
- Бюлеръ*, бар. Андр. Ѳед. 1811.
- Бюлеръ*, бар. Карлъ Як., 743.
- Бюлеръ*, бар. Ѳед. Анд., 747, 1034, его сообщ. 199—
- Бюцовъ*, 1304 — 1306, 1307.
- Бялобржесскій*, прелатъ, 641, 696, 698.
- Б.скій*, Андр. Ив. учит. Лат. яз. въ Воронеж. гимназ. 816, 819—823.
- Б****, А. М. 1901.
- Б. М. Н.* управл. секретн. канцел. мин. полиц. 515.
- *
- Бавиловъ*, Пав., Моск. куп. торг. запрещ. книгами, 877.
- Бавржеицкій*, Ѳома, 1723, 1736.
- Бага*, область, 421, 882, 885, 886.
- Вадковскій*, Илья Ѳед., ген. сдаетъ свой полкъ Циціан. 2157—2160.
- Ваксмуть*, Андр. Яковл. ген. 1793.
- Валдай*, замѣтка о немъ Вебера, 1349.
- Валевская*, гр. связь ея съ Наполеон. I, 1941.
- Валевскій* гр. Алексан., с. Наполеона I, 1898; свѣдѣн. о немъ 1940, 1941—1943.
- Валери*, марк. 792.
- Валуева*, Ан. Петр. 2411.
- Валуева*, (урожд. Кошелева, Дар. Алексан.) 2395, 2405, 2410.
- Валуева*, Полина Петр., 2411.
- Валуева*, Соф. Петр. 2411.
- Валуевъ*, Алексан. Петр., 2410, 2411. 2417, 2424—2425.
- Валуевъ*, Петръ Алексан., служба въ Остзейск. краѣ 1967.
- Валуевъ*, Петръ Петр., уб. при Бородинѣ 2395,
- Валуевъ* (Пет. Степ.) презид. Моск. дворц. конт. 849) 2379, 2381, 2418.
- Валуевъ* (Степ. Петр.) 2409, 2411.
- Валуевы*, 2398, 2405, 2409, 2417, 2425, 2428.
- Вальтеръ-Скоттъ*, 1911.
- Вамбери*, его полит. брош. о Русск. владыч. въ Азіи 756
- Вандамъ* марш., 1868.
- Вардъ* (урожд. Нельсонъ), дочь адмир. 741.
- Варшава*, г. ея гербъ, 1915—1918.
- Василій*, еп. Оршинск., въ послѣдств. архіеп. Полоцк. 1578, 1584.
- Василій*, Гавріилъ Іоанновичъ (въ мон. Варлаамъ) сынъ в. кн. Іоанна III Васильевича, в. кн. Московскій, 1654.
- Василій Іоанновичъ* Шуйскій, его узакон. о крестьянахъ 360, 362, 366, 395, 401—407, 420, 885, 890, 895—897.
- Васильевъ*, уланск. вахм., 1610, 1611.
- Васильчиковъ*, Алексан. Алексѣев. 1216.
- Васильчиковъ*, кн. Алексан. Илар. о дуэли Лерм. 205—213, 446.
- Васильчиковъ*, Григ. ротм. коя. гв. 229.
- Ваштмейстеръ*, гр., Швед. адмир. 308, 309, 2083.
- Ващенко*, ориент. 1541.
- Веберъ*, Фр. Хрис., свѣд. о немъ 1057—1059; Зап. его о Петрѣ В. 1060—1168, 1334—1457, 1613—1704.
- Веберъ*, Лейпциг. книгопрод. 763.

- Веделъ*, Варш. кондит., 661.
- Вееръ*, Гепр. 538.
- Вейдбрезтъ*, издат. Зап. Екатер. о Русск. истор. 2066, 2073.
- Вейде*, ген. 1146.
- Веймарнъ*, Петр. Θεод., пачальн. штаба гвар. 1833.
- Вейсбахъ*, ген. 1342.
- Велопольскій*, марк. Алексан. 642, 646, 663, 664, 685, 701, 703, 705, 760.
- Велитонъ*, герц. 1872, 2193, 2198, 2202, 2203, 2207, 2224, 2225.
- Велитонъ*, лордъ, 773, 1288.
- Велькъ*, аптек. Виленск. 1741.
- Вельтманъ*, Александръ Θεод., свидѣніе о немъ 1987—1990.
- Венерскій*, Польск. писат. 1914.
- Венерское вино*, 2273.
- Венчанскій*, сенат. шт. лек. 324.
- Вердеревскій*, ст. сов. 231, 232.
- Верещанинъ*, Моск. куп. сынъ, казнъ его, 511, 512
- Верзилина*, ген. 209.
- Виган* (Иоган.) проф. Моск. ун. 112.
- Видокъ*, сыщикъ, 1761.
- (*Видоня - Сорреджано*, урожд. гр. Бутурлина, Елена Дмитр., кн.) 1461.
- Визануръ*, мулатъ, 2417.
- Виксъ*, 2213, 2232.
- Викторовъ*, Алексѣй Егоров., 2062, 2506.
- Викторія*, кор. Англ., 773.
- Вилановъ*, секр. имп. Марин Θεод. 1011, 1012.
- Виленскій Университетъ*, 1744, 1745, 1747.
- Вилановъ*, дер. 681.
- Виллари*, проф. Пизанск. ун. 1209.
- Вилларъ*, марш. 716.
- Виллермозъ*, 2117.
- Вилманстрандъ*, крѣп. 2078.
- Вильгельмъ*, Герм. имп. 1267.
- Винтеркиндъ*, секр. пос. при Волынск. 1430.
- Виноградскій*, дир. Ворон. гимназ. 841, 848.
- Виртембергскій*, герцогъ 1010.
- Витсенттейнъ*, гр. генер. 1863, 1871, 2385 — 2386, 2429.
- Витманъ*, благочин. 703.
- Витовскій*, Польск. писат. 1915.
- Вицманъ*, ему подар. Путеш. Раднщев. 936.
- Вицтумъ*, Польскій гр. 1146.
- Вишневскій*, Θεод. поляк. 264, 293.
- Виардо*, пѣв. 1269.
- Виельморская* гр. Анолита Мих. 1235.
- Виельморская*, (въ послѣд. Веневитинова) гр. Апол. Мих. 1255.
- Виельморская* (урожд. пр. Бироуъ) гр. Луиза Карл., въ Восном. Блудов. 1233—1235; въ пис. Волков. 2381, 2382, 2408, 2416.
- Виельморская* (въ послѣд. Сологубъ), гр. Соф. Мих. 1235.
- Виельморскіе*, гр., 2378, 2379, 2381, 2431.
- Виельморскій*, гр. Иос. (Мих.) въ Зап. Блудовой, 1229, 1231, 1273.
- Виельморскій*, гр. Иосифъ (Юрьев.), 2379, 2383.
- Виельморскій*, гр. Матр. Юрьев., 2383, 2384.
- Виельморскій*, гр. Мих. Мих. 1235.
- Виельморскій*, гр. Мих. Юр., разск. его о конч. Пушк. 204; въ Зап. гр. Блудов. 1233, 1234; Гог. извл. желаніе, чтобы онъ прочелъ его Переписку съ друзьями 1330; посѣщ. Позд. 1871; упом. въ пис. Волков. 2378, 2382, 2408, 2416.
- Виомениль*, марш. 184, 2216.
- Владимировъ*, проф. Хар. ун. 778.
- Владимиръ*, архіеп. (Каз.) 2351.
- Владимиръ*, протоіер. законоуч. Ворон. гимназін 815, 816.
- Владиславъ*, королевичъ Польскій, 407, 409, 416, 417, 588, 618, 904—906, 908, 911, 2493.
- Влодава*, мѣст., 2289.
- Влодкъ*, ген. нач. Лнт. ул. див. 1716, 1739, 1740; свидѣн. о немъ 1767, 1768.
- Водопьяновъ*, Моск. унив. переписч., торгов. запрещ. книгами 877.
- Войковъ*, Алексан., директор. домоводства Моск. губ. 573.
- Войковъ*, Алексан. Θεодор., 861, 1604, 1605, 1787—1789; пис. къ А. И. Тург. 1184.
- Войковъ*, Ал-й Вас., 484, 485.
- Войковъ*, капитанъ 555, 563.
- Войковъ*, 1232, 1246.
- Воиновъ*, арест. по д. царев. Алексѣя 1439.
- Войчицкій*, директ. пуб. библ. въ Варш. 663, 664.
- Вома*, р. соед. съ Дономъ 1341; разливъ 1392.

- Волжинъ*, Аван., карточ. Архангельскій, разстрѣл. *Воронцовъ*, гр. Арт. Ив., его дома въ Спб. и Москвѣ, 1428. 1459.
- Волге*, Спб. проф. 1326. *Волконскій*, кн. чиновн. Сенат. Коллегіи, 1121, 1122.
- Волкова* (урожд. Вѣльгорская), Дар. Юр. 2378, 2382, 2391, 2408.
- Волкова* (урожд. Кошелева) Марг. Алексан. 2434.
- Волковъ* (Андр. Алексан. Моск. полицм.) 2431.
- Волковъ* (Апол. Андр.) 2434.
- Волкова* Марія Апол.; пис. къ В. И. Ланской 2372--2435.
- Волковъ*, Никол. Апол., 2375, 2378, 2386, 2387, 2410, 2419—2422, 2425, 2431.
- Волковъ*, Серг. Апол. 2378, 2380, 2383, 2391.
- Волконская* (урожд. кн. Репнина) Алексан. Ник. 177, 178, 468.
- Волконская*, кн. Алина, знакомство съ Шмановск. 1902.
- Волконская*, (урожд. кн. Бѣлосельская-Бѣлозерская) кн. Зинаида, исходат. загран. паспортъ Мицкевичу 1924; встрѣч. съ нимъ въ Римѣ, 1927; ея Пѣснь Невская 1979—1982.
- Волконская*, кн. Соф. Гр., ея домъ Спб. 204.
- Волконскій*, кн. Гр., знаком. съ Мицкев. 1893; съ Шмановск. 1902.
- Волконскій*, кн. Григ. Петр., его домъ въ Спб. 204.
- Волконскій*, кн. Пет. Мих. 2339.
- Волконскій*, кн. Мих. Никит. 225, 227.
- Волконскій*, кн. (Серг. Авр.) убитъ подъ Очаков. 317.
- Волконскій*, кн. губ. Архангельскій, разстрѣл. 1428.
- Волконскій*, кн. чиновн. Сенат. Коллегіи, 1121, 1122.
- Волконскій*, кн. упом. въ пис. Позд. 1855; Циціан. 2154, 2169, 2171.
- Волконскій*, кн., стрипчій, 906. (914. ?).
- Волода*, гор. 11' 7; торговля 1334.
- Волынскій*, Артем. посл. въ Перс. 1167, 1430, 1433; 1646. присыл. Петр. В. изъ Персїи льва и львицу 1420.
- Вольскій*, литерат. 705.
- Волыносъ*, адъют. 2390.
- Вольстръ*, 329, 1216, 2397; замѣч. о немъ Еккатер. 2090.
- Voluntina Legum*, 1039 1042.
- Воробьевскій* дворець, 285.
- Воровъ*, арест. по д. царсв. Алексѣя 1439.
- Вороновъ*, гофмейст. ц. Алексѣя Петр., 1626.
- Воронцова* (урожд. Сенявина Екат. Алексѣев гр. супр С. Р. Воронц.) 2187, 2243.
- Воронцова*, (урожд. гр. Браницкая, Елис. Ксавер.) кн. 709; упом. въ пис. гр. С. Р. Воронц. 2227, 2228, 2234, 2236, 2241, 2245, 2246.
- Воронцова*, село кн. Н. В. Репнина, 469.
- Воронцовъ*, гр. Алексан. Ром., мнѣн. о немъ. в. к. Павл. Петр. 770; покров. Радищ. 931, 932—934; упом. въ пис. гр. С. Р. Воронц. 2179; Циціан., 2104, 2106, 2108, 2110, 2128, ул. 1218.
- Воронцовъ*, гр. Арт. Ив., его дома въ Спб. и Москвѣ, 1459.
- Воронцовъ*, Ив., 2242.
- Воронцовъ*, гр. Лар. Ив., сенат. 2107, 2110, 2111 (280?)
- Воронцовъ*, гр. (Мих. Лар.) 1176, 1179.
- Воронцовъ*, кн. Мих. Сем. мнѣн. его о Головинѣ 707, Кавказъ 708; учился Русск. яз. у Зиновьева 2104, упом. въ пис. Циціан. 2165, 2166, служба подъ начальств. Циціан., 2178; упом. въ пис. отца 2186; 2187, 2193, 2194, 2200—2203, 2206; 2207, 2209, 2213, 2218, 2220, 2221, 2224, 2225, 2227, 2228, 2229, 2230, 2232—2236, 2239—2241, 2245.
- Воронцовъ*, кн. Сем. Мих. 2245.
- Воронцовъ*, гр. Сем. Ром., мнѣн. о немъ в. к. Павл. Петр. 770; покуш. въ Лонд. др. каменя 2066, 2067, упом. въ пис. Циціан. 2104, 2111—2113, 2125, 2128; 2156, 2263, 2165; свѣдѣн. о немъ 2174—2176; отз. о немъ Дюшилу 2176—2178; пис. его къ гр. Ф. В. Растопч. 2178—2246.
- Ворошило*, Виленск. помѣщ. 2285.
- Вортлей*, дружба его съ гр. С. Р. Воронц. 2232—2233.
- Востоковъ*, Александръ Христ., 772.
- Врангель*, корп. команд. 647.
- Врангель*, Ферд. Петр., адмиралъ, свѣдѣнія о немъ 1990—1991.
- Вреде*, графиня, 1285.
- Всеволодъ* III (Дмитрій)

- Георгиевичъ (ст. 9), с. в. 1195—1199; пис. къ нему кн. Георгія Владиміровича Долгорукаго, в. кн. Владиміръскій, 356.
- Всесвятское*, село Моск. губ., 284.
- Вунь*, Польск. камерг. 335—336.
- Вулъфъ*, 299, 335, 579—580.
- Выбицкій*, Иосифъ 1723, 1736.
- Выборгъ*, кр. 2078.
- Вызовскій*, Ив., 998, 1000.
- Выние - Розембергъ*, графиня 2077.
- Высотскій*, Леон. Григ., свѣдѣн. о немъ 1991.
- Высоцкій*, Лука 550.
- Высоцкій*, врачъ, 1458.
- Высоцкій*, 664.
- Вытебеть*, село Орловск. губ., архивъ его 2101, 2115.
- Вышинскій*, сенат. Ресурсы 653, ксендзъ 662, 705.
- Вънецкая* (урожд. Машлова), Евг. Дм., 1783.
- Вяземская* (урожд. кн. Гагарина), кн. Вѣра Фѣдор., 2376, 2416.
- Вяземская* (урожд. Орейла), кн. Евг. Ив., упом. въ пис. Карамз. 1327.
- Вяземскій*, кн. Алексан. Алексѣев., ген. пр. 230—231, 233, 245, 251—252, 270, 274, 282, 328, 340, 541, 2071, 2083.
- Вяземскій*, кн. Андр. Ив., его домъ въ Москвѣ 1326; письмо къ нему Карамз. 1323—1327.
- Вяземскій*, кн. Петръ Андр., 352, 1187, 1323; присутств. при копчинѣ; Пушки. 202; участв. въ Бородинск. сраженіи 1192, 2411; рѣчь его Евг. П. Ковалевск.
- 1195—1199; пис. къ нему Н. И. Тург. 1200—1205; Гоголя 1328—1332; Скалоба 1332; знаком. съ Мицкев. 1890, 1893, съ Шимановск. 1902; противодѣйств. Булгар. 2025—2026; получ. отъ Жуковск. Зап. Храповицк. 2098; его сообщ. 854—855, 1008, 1195; издат. Бахчисар. Фонт. 2355, замѣчан. Пушки. о его письмѣ къ нему 2357; упом. въ пис. Волковой. 2376, 2416, 2417.
- Вязмитинова* (урожд. Энгельгардтъ) Александра Никол. 2130.
- Вязмитиновъ*, Серг. Кузм. 2130.
- *
- Габлицъ*, Карл. Ив. 480.
- Габлицъ*, Ром. Ив. 480.
- Гавриилъ* (Кременецкій), архіеп. Спб., потомъ митр. Кіевск. 459, 460.
- Гагарина* (урожд. Бобринская), гр. Мар. (Алексѣев.), 2375, 2383.
- Гагарина* (урожд. Меншикова, Екат. Серг.?) 2379.
- Гагарина* (урожд. Пушкина), Варв. Мих. 2374.
- Гагарина*, (урожд. кн. Трубецкая, во 2-мъ бр. Кологривова, Праск. Юр.), кн., упом. въ пис. Екатер. 578.
- Гагарина*, кн., дочь Сибирск. губ. постриглась въ монахини 1106.
- Гагаринъ*, кн. Андр. Павл?), 2379.
- Гагаринъ*, кн. Асеп., Калужск. воев., 905.
- Гагаринъ* кп. (Гавр. Петр.), об. прок. Мос. Сенат. 283.
- Гагаринъ*, (Гр. Гр.?), кп. вице - презид. Академіи
- Художествъ, живописаль Сіонск. соб. въ Тифлисѣ 711.
- Гагаринъ*, Иванъ Серг. 2374.
- Гагаринъ*, кн. Матв. Алексѣев. 568.
- Гагаринъ* (Матв. Петр.), кн., Сибирск. губерн., свѣдѣн. о немъ у Вебера 1069—1072; 1106, 1144, 1168, 1344, 1385, 1389, 1400, 1406—1407, 1412, 1640.
- Гагаринъ*, кн. Никита, Вяземск. воев., 904.
- Гагаринъ*, кн. (Серг. Серг.?) камерг. 247.
- Гагаринъ*, кн.,управл. Моск. Казнач., доносъ на него казначея 879, 880.
- Гагаринъ*, 1303.
- Гадди - Бекъ*, маіоръ, 1521.
- Гаевскій*, ст. его о Дельвигѣ 864.
- Галаганъ*, полк. Прилуцк. 1003.
- Галь*, докт. 2203, 2210, 2236.
- Гамалей*, ханъ Бухарск. 1429.
- Гаманъ*, 776.
- Гамильтонъ*, леди, связь ея съ Нельсон. 741, 751.
- Гамильтонъ*, 2223.
- Гато-Уддъ*, мысь, 1095.
- Ганъ*, почт. директ. 1470.
- Гарви*, ея сочин. о Турецк. гарем. и Черкес. 754.
- Гарибальди*, 433, 664; замѣч. о немъ Шевыр. 1208.
- Гаркнотъ*, его приключ. 752.
- Гассанъ*, паша Вавилонскій, 1409.
- Гассанъ*, паша, 328.

- Гаувицъ*, гр. Прусск. мни. 175.
- Гауптфогель*, 570.
- Гаю*, проф., 1012.
- Гвоздевъ*, Алексан. Алексан., 1840.
- Гвоздевъ*, Пав. Ал., 1840—1841.
- Гейнродтъ*, О. О., л. хп-рург. 2342.
- Гисель*, 1208.
- Геккеръ*, бар. Голландск. посл. въ Спб. 203, 204, 1800.
- Гельбинъ*, его свѣд. о Радич. 936, 939, 945.
- Гемстерейсъ*, Гол. филологъ 776.
- Гендель*, музык. 2124.
- Геннади*, Гр. Ник., изд. Зап. Храповицк., 2098.
- Геннинсъ*, ген. м., посланъ Петр. В. въ Олонец. 1416, 1440, 1660.
- Генрихъ*, пр. Прусск. 2033.
- Герсиэвскій*, П. Е. профес. 1473.
- Георгій*, пр. Ольденбург. 1857, 1862, ген. губерн. Тверск. въ воспом. Лубяновск. 494—496, 498, 500—505, 514, 519. умир. 2432.
- Георгій*, царев. Грузинск., 283, 294, 296, 315.
- Георгъ III*, кор. Англ., грамот. къ нему Стан. Помят. 7—10.
- Герардъ*, Ант... полк. сочин. планъ арсен. Моск. 249, 253, 254; наход. при Моск. водян. работ. 873.
- Герасимовичъ*, Андрей, Киевск. учен. пійтпкн 998—999, 1002.
- Герберштейнъ*, бар. путеш. 1444, 2063, 2064.
- Гермогенъ*, патр. Всероссійскій, 361, 401, 408, 409, 477, 419, 582, 583, 586, 587, 588, 603, 605, 1214.
- Герритъ*, Абр. цвѣтоводъ, 2093.
- Гериснъ*, Ал. Ив., 237, 752, 778, 779, 1210; свѣдѣн. о немъ 1992—1996.
- Герценъ*, сынъ Алексан. 777, 778, 779; его краткое изложен. сравнит. анатоміи и зоолог. 1995.
- Гертитснвсейтъ*, ген. ад., свѣдѣн. о немъ 648; воен. геп. губ. Варш. 649—651, 682, 685, 690 — 691, 692, 694, 695; ссора съ Ламберг. 700, 701; кончина 701—703.
- Гессенъ - Голмурискій*, пр. 1180.
- Гессенъ-Филлипсдалъ*, пр. 2089.
- Гете*, 776, 1908, 1911, 1912, 1919 отъ. о Мицкев. 1557.
- Гильдебрандтъ*, Рижск. жандармск. шт. офиц. 1977.
- Гиллелитирнъ*, Самс. ландр. 1976.
- Гине*, Ег. Ег. 151. 164 (474), 2336.
- Гировскій*, Як. проф. 1027.
- Гиппанскій*, сапожникъ, 687, 705.
- Глазуновъ*, Василій, Моск. куп. торгов. запрещ. книг. 877.
- Глазуновъ*, Матв., Моск. куп. торгов. запрещ. книгами 877.
- Глинка*, В. А. началн. Уральск. хребта, 1008.
- Глинка*, Влад. Серг. 1810—1813, 1815, 1816.
- Глинка*, Мих. Ив., 859.
- Гльбовъ*, М. П., 206, 210, 212.
- Гльбовъ*, Степ. геп. м., осужд. по д. царев. Алексѣя 1443, 1445, 1446.
- Гльбовъ*, ген., имѣн. его, 557.
- Говоровичъ*, совѣтн. Вытебск. губ. правл., 1583.
- Гоель*, его кн. о Огрызкѣ, 1572; Никол. Валериан. 1996—1997.
- Гоель*, опека Моск. Воен. д. жалоба его на гр. Мни. 867, 868.
- Гоенлоэ*, пр., 2400.
- Гоголь*, Ник. Вас. пис. къ кн. П. А. Вяземск. 1328—1332; прим. на пис. 1328, 1329, къ Погодину 2369—2372.
- Годснъ*, полицейм. Московск. 261.
- Годуновъ*, Дмитр., 885.
- Голенищевъ - Троицкое*, село Моск. г. 248.
- Голенищевъ - Кутузовъ*, кн. Смоленскій, Мих. Лар. 1901, 2265 2335; уп. въ пис. Позд. 1860 — 1862; назнач. главнокоманд. 2389, 2390, 2395, 2412, 2413, 2418, 2423, предписан. вѣд. краткое обращеніе съ плѣнными 2427.
- Голенищевъ - Кутузовъ*, Пав. Ив., курат. Моск. ун. 1877.
- Голиковъ*, Ив., корон. повѣр., состоитъ подъ судомъ, 233.
- Голыцина* (урожд. Шмстау) кн. Амалія, свѣдѣн. о ней 775—776.
- Голыцина* (урожд. Головина), кн. Екат. Алексан. 2237; погр. 2252.
- Голыцина* (урожд. Шувалова) кн. Пр. Ив. 2141.
- Голыцина*, кн. мама Петр. Великаго 2052.
- Голыцина*, кн. 330.
- Голыцина*, кн. у Вебера 1627.

- Голицынъ*, (Алексан. Мих.), кн., фельдм. 125.
- Голицынъ*, кн. Алексан. Мих. разд. Польши 41; об. камерг. 574—575.
- Голицынъ*, кн. Алексан. Ник. 491, 517. 1243, 1245, 2103, 2355; пис. къ нему Энгельг. 1479—1480; въ Синодѣ 2251, 2252; Татар. 2337, 2340, 2341.
- Голицынъ*, кн. Бор. Андр., 2431.
- Голицынъ*, кн. Вас. Вас., бояринъ и воев., 362, 404, 417, 418, 921.
- Голицынъ*, кн. Ал.—й Бор., ген., 294, 296, 315; ум. 571, 572.
- Голицынъ*, (кн. Дм. Алексѣев.), посл. въ Гагѣ 775, 776.
- Голицынъ*, кн. (Дм. Мих.), Киев. ген.-губ. 1409.
- Голицынъ*, кн. Дм. Мих., пос. въ Вѣнѣ 330; донес. его Екатер. 992—997; учр. въ Москвѣ больницу 574.
- Голицынъ*, кн. Мих. Мих., 574, 575.
- Голицынъ*, кн. (Мих. Михайл.), 1066, 1096.
- Голицынъ*, кн. Ник. Мих., гофм. 2137, 2145.
- Голицынъ*, кн. Ник. Ѳед., ген., 2141.
- Голицынъ*, кн. Серг. Мих., 1460.
- Голицынъ*, кн., упом. въ пис. Поздѣва 1862.
- Голицынъ*, кн., Рижскій, а потомъ Астраханск. губернаторъ 1640.
- Голицынъ*, кн. 117.
- Головина* (урожд. кн. Голицына) гр. Варв. Ник. 2141.
- Головина* (урожд. Фонъ-Визинъ), Елис. Пв. 2347—2350, 2352.
- Головинскій*, митр., 1045, 1052, 1053.
- Головинъ* (Автамонъ Михайл.), ген., 1615.
- Головинъ*, Евг. Алексан., замѣтки по поводу очерка жизни и службы его, 707; его дѣят. въ Остзейск. краѣ 1954—1979; членъ духовн. союза Татарин. 1954—1955; 2334, 2341—2354.
- Головинъ-Басъ* (Ив. Мпх.) 121, 1096, 1625, 1626.
- Головинъ*, гр. Ник. Пнк., 2140, 2153.
- Головинъ*, Пав. Евген., 2342.
- Головкинъ* (гр. Гавр. Ив.) велик. канц. 1063, 1064, 1081, 1095, 1146, 1378, 1429, 1452, 1456, 1684.
- Головкинъ*, гр. Юр. Александров. 2128.
- Головнинъ*, Вас. Мих., адмир. 1188.
- Голубой*, докт. 2111.
- Гомзинъ*, секр. Новосильцова 1732. 1433.
- Голь*, 2173.
- Гонсьевскій*, Польск. воев. Кремля 422, 904.
- Гонс*, Амстерд. банк. 577.
- Горкозенко*, Марк. Филип. пнспект. Морск. Корп. 2249, 2250.
- Горичъ*, бригад. уб. при Очаковѣ 317.
- Горминскій*, пом. Плоцк. 629, 630.
- Горчаковъ*, кн. Алексан. Мих. канцлеръ 345, 346, 349, 1020, 1485.
- Горчаковъ*, кн. Ал.—й Ив. 156.
- Горчаковъ*, кн. Дм. Мих., намѣстн. Ц. Польск., 622, 626—628, 636, 637; Польск. газ. Слово 1037 — 1039. 1563.
- Горчаковъ*. кн. при
- Дибичѣ, упом. въ пис. Позд. 1874.
- Горюшкинъ* (Захар. Аник.) проф. Моск. у., въ восп. Лубянск. 116.
- Готовцовъ*, Витебск. губернс. прокур., впослед. сенат. 1585, 1586.
- Готшалкъ*, надзир. Воронеж. гимназ. 851, 852.
- Гошъ*, докт. 466.
- Грабовскій*, гр. ст. секр. Ц. Польск. 1941, 1942.
- Грабовскій*, Мих., Польск. писат. 1045.
- Грабляко*, гр., секр. Авиньонск. общ. въ воспом. Лубянск. 476—478, 479.
- Гравьеръ*, адмир. 774.
- Граммонъ*, герцогъ 195, 196, 2374.
- Гранвилль*, лордъ, дружба его съ гр. С. Р. Горонц., 2175. 2215.
- Грановскій*, Тим. Ник. 719.
- Грегоровичъ*, ном. Любл. 676.
- Грейъ*, (Алексѣй Самойл.) адмир. (2178?) 2024.
- Грейъ* (Самуилъ Карл.) адмир. 308—309, 2079.
- Гребъ*, докт. 1242, 1249, 1256, 1276, 1307.
- Гресь*, Алексѣй Ник. 1789, 1792, 1793, 1799.
- Гречь* (урожд. Тимъ, въ 1-мъ бр. Брюлова) 1789.
- Гречь*, Варв. Дан. 1789, 1793.
- Гречь*, Ек. Ив. 1793.
- Гречь*, Ник. Ив. 858, о Новосильц. 1708; о Булгаринѣ 1769; 1787, 1788; его посѣщ. Пушкинъ 1789, 1790; кончина и похор. сына 1793—1803.
- Гречь*, Ник. студ. Спб ун. 1787, 1788—1792; кончина 1793 — 1796; похор. его 1797—1804.

- Гречь*, Пав. Ив. 1789. филологъ, его поѣздка по Балт. краю, 764.
- Грибондова*, мать, 1552.
- Грибондова*, (урожд. Чавчавадзе, Нина Алексан.), 1547, 1548, 1551, 1552.
- Грибондовъ*, Алексан. Серг. смерть его въ Тегеранѣ 1492—1538; формул. его списокъ 1497 — 1499; пис. его къ Родофин. 1553—1550; пис. Паскевича объ его женитьбѣ 1551; пис. Несселю. о пенс. его семейству 1552.
- Григорій XIII*, папа, 11.
- Григорій (XVI)*, папа 2350.
- Грифцовъ*, Василиій Пв., 1997.
- Гроссъ*, Андр. Леонт. дипломатъ 743.
- Гроссъ*, Ѳед. Ив., послан. при Ганз. город. 743.
- Гротъ*, Яв. Карл., академикъ 2103.
- Грохольскій*, Мих. Гр. 2044.
- Грохольскій*, лѣсничій, 2305.
- Груби*, овулистъ 2342, 2344.
- Грузино*, село 2038—2042.
- Грунинъ*, презид. купеч. 876.
- Груша*, старш. Малор. 1001.
- Гудовичъ*, гр. Анд. Вас. 130.
- Гудовичъ*, гр. Ив. Вас., фельдм. Московск. главнокоманд. 140, 498, 2377, 2379, 2414.
- Гудовичъ*, (Кир. Ив.?), гр. 2374.
- Гудсонъ Лау*, губернк. остр св. Елены, 2322—2323.
- Гуляницкій*, старш. Малор. 1001.
- Гунфальви*, Пав., Венгер. филологъ, его поѣздка по Балт. краю, 764.
- Гурьевъ*, гр. Дм. Алексан. мнн. 494, 495.
- Гуссейн-ханъ*, сардаръ Эриванск. 1514, 1524.
- Густавъ - Адольфъ*, кор. Шведск. 1355.
- Густавъ III*, кор. Шв. 107, 321 — 312, 548—549, 1726, 2081.
- Густавъ IV*, кор. Швед. намѣрен. его приѣх. въ Пбургъ 878—879.
- Гусятниковъ*, Мамоновецъ, 2411.
- Гучинсонъ*, докт., 2355.
- Гюйснъ*, его соч. о Петрѣ В. 1449.
- Гюзератская*, компанія, 1545.
- Гюссей*, трехъ-бунчужн. паша, 317.
- Г**** кн. Игнат., пом. Пинск. 1714.
- *
- Даваре* гр. 192—197.
- Давидгородъ*, крѣп. 2078.
- Давыдовъ*, Ден. Вас. 1192.
- Давыдовъ*, кн. Сем. Мих. 2141, 2154, 2156.
- Давыдовы*, княжны, 2135.
- Давыдовы*, 2355.
- Дадашевъ*, кн. Грузинск., 1498, 1499, 1510; уб. въ Тегер., 1537, 1540.
- Дайканъ*, Польск. писат. 1045.
- Даль*, Вл. Ив., некрол. его 2023—2031; автобіогр. зап. 2246 — 2250, попр. 2505.
- Даль* (урожд. Соколова), Ек. Льв. 2031.
- Даль*, Ив., докт., 2023—2024, 2246, 2247, 2249, 2250.
- Даль*, Карл. Ив. 2247.
- Даль*, Лев. Влад., архит. 2027.
- Даль*, Левъ Ив. 2247.
- Даль* (урожд. Фрейтагъ, Мар.), 2246, 2247, 2249, 2250, попр. 2505.
- Даль*, Пв. Ив. 2247.
- Даль* (урожд. Андре) Юл., 2027.
- Даль*, совѣтн. тамож. дѣль, 931, 934.
- Дамасъ*, герцогиня, 2207.
- Данауровъ*, д. т. сов., въ зап. Лубяновск. 476.
- Данауровъ*, Мнх. ген., пис. къ П. И. Боборыкину, 788, 789.
- Даниловъ*, г. Ярослав. губ. 1862.
- Данииль-Заточникъ*, 2451—2452, 2458.
- Дантесъ*, офиц. 203, 1800, 1803, 1816, 1817, 1827.
- Дарія*, р. 1387 — 1389, 1434.
- Дарганъ*, пропор., ему подар. Путеш. Радищ. 936.
- Дартуа*, гр. 977.
- Датскій* король Фридрихъ IV, 1146, 1340.
- Д'Аршиакъ*, виконтъ, секретарь Фр. посольства въ Пб., 203—204.
- Дацковъ*, Ив. Сем. учит. Латин. яз. въ Воронеж. гимназ., воспом. о немъ А. Н. Аванас. 816—819, 822.
- Дацкова*, кн. Ек. Ром. 2032, 2162, 2168, ея посѣщ. к. Н. В. Репнина 153, 154; управл. Акад. Н. 252, ея свидѣт. о Радищ. 932—934; пис. къ (кн.) Безбородко 1182.
- Дацкова* (урожд. Пашкова, Елиз. Вас.), 1300.
- Дацкова* (урожд. Алферова), жена кн. Пав. Мих. 2168.
- Дацковъ*, Дм. Вас. 1184,

- 1195; мнн. юст. 1249, 1250, 1287, 1289, 1300.
Дашковъ, кн. Пав. Мих. 2168.
Демубскій, учпт. ритор. въ Харьк. Коллег., дружба съ Сквородою 107.
Дворянство (Русск.) 1110, 1111, 1125.
Де-Брилли, ген. лейт. 796, 797.
Де-Витте, пнжен. 276.
Дейчъ, Карлъ Оедор., врачъ, 1997.
Декертъ, ен., участ. его въ Польск. мят. 629, 685, 691, 692.
Де-ла-Гарди, Яковъ, 1355.
Делиль, 1216.
Де-Лорнъ, сопровожд. Напол. въ Россію и сносил-ся съ раскольн. 981, 982.
Дельвинъ, бар. Ант. Ант. 351, 1476; воспом. о немъ Подолнск. 859, 861, 864, 865; его стихи 1486, 1487; Литер. Газета 1933; противодѣйствіе Булгар. 2025, 2026.
Дельвинъ, бар. Никол. Ив., свѣдѣн. о немъ 1997—1998.
Деляновъ, Ив. Дав., тов. мин. нар. просв. 1034.
Дембинскій, 19.
Демидова (урожд. Даль) Ольга Влад. 2246.
Демидовъ, Анатол. Никол., свѣдѣн. о немъ 1998—1999.
Демидовъ (Прок. Акинѣ.), възск. съ Божен. по вексел. 231; рассказы о немъ 131—132.
Депредадовичъ, уланск. ротм. 1610.
Де-Пуле, Мих. Оед. 1886.
Деревни, 1350, 1351.
Деречинъ, м. Сапѣнц., 1764, 1765.
Державинъ, Гавр. Ром. 135; приѣмъ, сдѣлан. ему Ренн. 150; ему подар. Путеш. Радниц. 936; объясл. съ кн. Дашк. 1182; нис. къ мех. Кулибину 1182—1183; упом. въ нис. Екатер. 2096.
Дертская, провинція 1127.
Дертъ, г. 1107, 1162.
Дерфельденъ, ген. пор. 322.
Д'Ескаръ, герц. 2207, 2216, 2221.
Джунковскій, Ст. Ст., свѣдѣн. о немъ 1999—2000.
Джустиніани, учпт. Итал. яз. 1951, 1952.
Держановскій, коммис. 706.
Дзюрновичи, с. Витеб. г. Дрисенск. у., стремл. крестьян. къ отпад. отъ православія 1577—1585, 1587—1589, 1591—1593.
Дзятков кій, жанон. 680, 696, 698.
Дибичъ, гр. Ив. Ив., фельдм. 529, 1875; въ зан. Блудов. 1259, 1262, 1267, 1273, 1276, 1290—1292, 1295, 1300.
Дивова, Зин. Серг. 186.
Дивови, 1453.
Диккенсонъ, 1327.
Диксонъ, сочин. 753, 774, 777.
Димитрій, св. царев. 358 1865.
Димитрій, св. митр. Рост. 99, 2044, нис. его 441.
Димитрій (Сѣченовъ), митр. Новгород. 459.
Димитрій, соборн. протоіерей Зарайскій. 406.
Димитрій, самозванецъ. 354.
Дини (урожд. гр. Бутурлина) Мар. Дм. гр. 1461.
Діонисій, архим. Троицкій, 370, 604.
Дмитревскій, акт. 2089.
Дмитріева - Мамонова (урожд. Боборыкина) Ан. Ив. 2074.
Дмитріева - Мамонова Алексан., бригад., прошен. объ опред. опекун. къ ея мужу 227.
Дмитріевъ - Мамоновъ, гр. Алексан. Матв., пожалов. флиг. адъют. 2066. упом. въ нис. Екатер. 2072—2074, 2082; Пнціан. 2146—2148, 2150—2152.
Дмитріевъ-Мамоновъ (гр. Матв. Алексан.), 2411.
Дмитріевъ - Мамоновъ Матв. Вас. сенат. 567; донес. его о приказѣ общ. призр. Моск. губ. 868, 869, 2147.
Дмитріевъ, А. П. сенат. 1733.
Дмитріевъ, Ив. Ив. 352, 1184, 1185; разск. о Костр. 104, 105; разск. о немъ 2255; попр. 2251.
Дмитріевъ, Мнх. Алекс., его эпиграммы 1983.
Доанъ, живоп. 2095.
Доморукаго домъ въ Пбур-гѣ, въ котор. Истръ В. принималъ Татарск. посла, 1079.
Доморука (урожд. Ма-линовская) кн. Екатер. Алексѣевна 2042.
Доморука (урожд. кн. Бяратинская), кн. Екат. Оед. 2129.
Доморука, кн. Н. В., ея домъ въ Москвѣ, 1326.
Доморукиѣ, князья 546, 549—550.
Доморукій, кн. Алексан. Никол. 206.

- Доморукій*, кн. Алексѣй ему поруч. войско распо- Алексѣев. упр. мин. юсти- ложеп. въ Москвѣ 865. ция, 215.
- Доморукій*, князь Вас. *Доморукій*, кн. (Юр. Вл.), 2109.
- Андр., шефъ жандарм. убитъ на Дону 1154. *Дубянский*, музык. 2109.
1202. *Доморукій*, кн. Яковъ *Дулассъ*, губерн. Абов- скій, 1671.
- Доморукій*, кн. Вас. Вас. *Дурново* (Ник Дм.) ген. крѣп. комис. 251.
- 140, 2129. *Доморукій*, кн. Вас. Вл. *Дурова*, П. А. 1603; ка- валер. дѣвица, запис. къ запрещ. въѣздъ въ Пб. 233, 234. ней Пушк 199; свѣдѣн. о ней 200, 201; нов. о ней свѣдѣн. 2043.
- Доморукій*, кн. (Вас. Вл. *Дуровъ*, Н. 2043.
- фельдм.), производ. слѣд- *Духовенство* (Русское) 1129—1131, 1407, 1672 — 1674.
- ствіе 1121; (посланъ про- *Дьяковъ*, (Никол. Алек- тивъ Донск. казак. 1154?); сѣевъ?) ген. губ. западн- арестов. по дѣлу царев. губ. 1584 (1882?)
- Алексѣя 1438, 1445; со- *Д'Эонъ*, его Зап. 760.
- сланъ въ Казань 1615 и *Ди- Fresne*, 537.
- посел. въ имѣн. Строго- *Дюпюитренъ*, докт. 2238.
- нова 1617, 1618, 1627. *Дютикъ*, танцов. учит. 1791.
- Доморукій-Крымскій*, кн. *Дюшилла*, біограф. свѣ- дѣн. о гр. С. Р. Воронцовѣ, 2176—2178.
- Вас. Мих. Моск. главнок. пис. къ нему Екат. 225— *Дядьковский* (Густ. Евдок.), профес. п врачъ 726.
- 242, 461.
- Доморукій*, кн. Вл. Андр., *Доттишанъ*, ген. 184.
- ген.-губ. Моск. 225. *Доходы* госуд. въ Россіи 1111—1134.
- Доморукій*, кн. (Григ. *Дребуизъ*, ген., начальн. жандарм. ч. въ западн. гу- берн. 1758.
- Фед.), пос. въ Польшѣ. 1095. *Древисъ*, 2079.
- Доморукій*, кн. Мих. *Дроздовскій*, бродяга 2274, 2275.
- 254, 572. *Дружбартъ*, карточ. игра, 1898, 1899.
- Доморукій*, кн. Мих. Влад. *Дружининъ*, 2391.
- замѣч. о немъ Веб. 1094. *Дружининос* начало въ др. Россіи 2446—2472.
- Доморукій*, кн. (Никол. Андр.), посланъ въ Теге- ранъ послѣ убійства Гри- боѣд. 1537. *Дручій* - *Любецкій*, кн. Ксавер. мин. фин. Ц. Польск. 1054, 1301, 1710, 1713, 1724, 1725, 1735, 1741, 1419; чл. Гос. Сов. 1759, 1760.
- Доморукій*, кн. Мих., *Дручій* - *Любецкій*, кн. Ксавер. мин. фин. Ц. Польск. 1054, 1301, 1710, 1713, 1724, 1725, 1735, 1741, 1419; чл. Гос. Сов. 1759, 1760.
- воев., 903. *Дручій* - *Любецкій*, кн. Ксавер. мин. фин. Ц. Польск. 1054, 1301, 1710, 1713, 1724, 1725, 1735, 1741, 1419; чл. Гос. Сов. 1759, 1760.
- Доморукій*, кн. Петр. Вл., родослов., 204; изд. его зап. 763. *Дубельтъ*, Леон. Вас. 1004, 1050, 1051, 1812, 1831, 1833.
- Доморукій*, кн. Пет. Мих. 1246. *Дубенская*, фрейл. 1251.
- Доморукій*, кн. остисл. Алексѣев. 2042. *Дубровскій*, приближен. цар. Алексѣя Петр. 1626.
- Доморукій*, кн. Серг. Алексѣев. 1254, 1255. *Дубянская*, Нат. Фед. 2109.
- Доморукій*, кн. Юр. Вл. 488; Моск. главнок. 1874; *Дубянский*, Зах. Фед. 2109.

Ежовскій, филар. 1747; латинисть 1679.

Екатерина I, 1096, 1103, 1146, 1147, 1159—1161, 1339—1340, 1344, 1444, 1445, 1451, 1457, 1615, 1646, 1658.

Екатерина II, Великая 166, 170; Польск. симв. въ-ры 27; разд. Польши 29—33, 40. 41, 42—44, 49—54, 71, 73, 81; посѣщ. Харьк. 101, 102; Петрѣ Сем. Салтык. 127—128; разск. о ней, 131, 137—139; кончина, 144, послѣдн. годы царств. 144; 145; погреб. 148; бюстъ ея 159; пис. и рескр. къ кн. В. М. Долгор. Крым. 225—242; Зах. Гр. Черн., 241—258; П. Д. Европ., 273—336; гр. Зах. Г. Черн. 450, 451; ревизія губерн. 451—452; зап. ея 453—455; отз. о м. Плат. 458, 459, 461; освоб. архіер. и монаст. отъ вотчинъ 459, 460; недов. Москвою 461—462; розыск. объ Авиньонскомъ Общ., 478; служба при ней Кочуб. 479; приказ. собрать всѣ пис. ея къ гр. Бр. по смерти послѣдней 480; неудавшійся бракъ в. кн. Алексан. Павл. съ Швед. кор. 502; пис. и рескр. къ кн. Прозор. 533—580, путеш. въ Эстл. 760; воцареніе 762; 2122, 2124, 2177, характ. 762; переп. Юсиф. II 765, 766; мнѣн. в. кн. Павл. Петров. объ ея правленіи 769—770; жалуеть П. И. Вобор. отчину въ Витеб. губ. 787; пис. и рескр. къ Моск. главноком. М. М. Измаил. 865—880., Радищ. 927, 929, 930, 934, 936—941; 945—948, 953; Юсифъ

II изъявл. желаніе познать съ нею лично 992—997; награжд. Кулиб. 1182, 1183; ея доброта 1202, 1203; упом. въ пис. Плец. 1878, 1880, 1881; пис. къ Храповиц. 2062—2098; путеш. по Россіи 2105, 2157; упом. въ пис. Циціан, 2108, 2128, 2131—1133, 2137, 2143, 2144, 2154, 2158, 2161; занят. литерат. 2113; день рожденія 2127; уп. въ пис. гр. С. Р. Воронц. 2188; вызыв. отца Даля въ Россію 2246; уп. 1462, 1464, 1726; статуя въ Москвѣ 2373.

Екатерина Алексѣевна царевна 1371, 1452.

Екатерина Иоанновна прин. Мекленб. 1344.

Екатерина Павловна в. к. 2190, 2191; пребыв. въ Твери 495—497, 500, 501, 503.

Екатеринославль, гор. 321.

Елагинъ, Ив. Перф., об. гофм. 248, 249, 2148.

Елена Павловна, в. к. 1279.

Елисавета Алексѣевна, имп. 1480.

Елисавета Петровна имп. 453, 454; значен. при ней пропов. 457; разск. о ней 126, 130; выходъ Маншт. изъ Русск. службы 791—805; воцареніе 1169—1181, *Еллингскій*, Н. И. проф., вліян. его на Иноземц. 723, 724.

Елцова (урожд. Конопка), Аделаида, 2301—2302.

Етель, 1271.

Енненскій, герц. 194.

Ендауровъ, каппт. 2072.

Енисейскъ, гор. 1402.

Еремьевъ, повѣтч. 2095.

Ерншельдъ, Швед. адмир. 1095, 1096, 1098.

Ермоловъ, Алексан. Петр. 2131; отпущ. за границу, 2145, 2146.

Ермоловъ, А-й Петр., пис. къ Иноземц. 737; воспом. о немъ Н. В. Берга 985—992.

Ермоловъ, ген. м., коменд. Варшав. 699.

Еропкингъ, Петрѣ Дм., Моск. главнок. 535, 541, 545, 552, 556, 2083; пис. къ нему Екат. 273—276; упом. въ пис. Циціан. 2147.

Есиповъ, изд. докум. о Петрѣ 2061.

Ефимовская, гр. (Степан. Никон.) просить наказ. ея дѣтей и врест. 234.

Ефремовъ, Александръ Степ., его библиот. 2032.

Ефремовъ, Пет. Алексан. библиогр. 1779, 1781; его ст. о см. Грибоѣд. 1492; сообщ. неизд. стихотв. Лерм. 1851; замѣтка объ изд. перев. Оп. о челов., 2032.

*

Жанни, 2209, 2215.

Жардинъ, 2205.

Жарновскій, 1588, 1590.

Жельветръ, Гаспаръ, Виленск. помѣщ. 1899, 1900.

Жемчужниковъ, М. Н. СПб. губерн. 1805.

Жераръ, Фр. ген. 978.

Жераръ, художн. 2221.

Жеребцова, (ур. Зубова) Ол. Ал. 148.

Жеребцовъ, племян. гр. С. Р. Воронц. 2131.

Жигаръ, разбойнич. атам., 2283.

Жилингъ, вахм. кавалерг., 2148.

Жирарденъ, 978.

Жозефина, Фр. имп., 1941.

- Жолкъвскій*, его Записки 412, 417.
- Жоржъ-Зандъ*, ея нов. романъ, 774, 775.
- Жофрс*, проф. 1012.
- Жуковская*, Елпс. Дем., 2363—2366.
- Жуковский*, Вас. Андр., 1184, 1187, 1329; присутств. при кончинѣ Пушк. 202, 1805, 1814; пис. къ Нелед. Мел. 855; пис. къ нему Кюхельб. пзъ Сибири 1004—1008; Пушкина 2354—2357; Осиповой о Пушк. 2358—2361; примѣч. 2362. Пѣв. во станѣ Русскихъ воиновъ 1192, 1195; влиян. его сочин. на смягчен. нравовъ 1201—1203; въ Зап. гр. Блудовой 1217, 1219, 1226, 1228, 1240, 1241, 1271, 1290; отв. о стих. Лерм. 1826; спасаетъ Даля 2026; у него Даль знаком. съ В. А. Перовск. 2027; даритъ кн. Вяземск. Записки Храповицк. 2098; пис. къ матери 2363—2366; неизвѣстн. 2367—2369.
- Жуковъ*, Вас. Григ. 1816.
- Журданъ*, Карл. Ив., учит. Фр. яз. въ Воронеж. гимн. наз. 823, 826.
- Журковский*, Фр. Ос. 2000—2001.
- *
- Забѣлинъ*, Ив. Егор., археологъ, его изслѣдов. о Мининѣ и Пожарск. 353—424, 581—621, 881—926, 1213—1215; поясн. къ нему 2436; о Петрѣ В. 2061.
- Завадовская* (урожд. Влодекъ) гр. 1767.
- Завадовскій*, гр. Алексан. 1898, 1940.
- Завадовскій*, графъ Петр. Вас. 172; предсѣд. Коммис. о народ. училищ. 275; мпн. нар. проsv. 505; 2110, 2135, 2148, 2156.
- Завадскій*, кнпгопр., издат. соч. Мпцкев. 1890.
- Завиша*, Авг., пом. Варш. 686.
- Загряжская* (урожд. Разумовская) Нат. Кпр. 467, 471. 1239, 2379.
- Загряжскій*, Бор., ген. м., 566.
- Загряжскій*, упом. въ пис. Волковой, 2417.
- Зайкинъ*, Петръ, Моск. куп. торгов. запрещ. кнпг. 877.
- Законоспасская Академія* 263, 302, 303.
- Зайцевскій*, 2250.
- Заюнчекъ*, намѣст. Цар. Польск. 1735.
- Закревскій*, гр. Арсен. Андр., мин. вн. дѣлъ. 526, 527, 1249, 1251, 1271.
- Закретъ*, гулянье въ Вильнѣ, 163.
- Замойскій*, гр. Андр., 662, 663, 693.
- Замятинъ*, ген. 126, 2241.
- Зандъ*, студ., 2333.
- Занъ*, Ома, студ. Вил. ун. 1745, 1747, 1769.
- Запорожцы*, 1112, 342.
- Зарайскъ*, г., 406, 407, 409, 410.
- Заремба*, пуицій 20.
- Заруцкій*, (Ив. Март., бояр. и воев.) 362, 363, 383, 392, 418, 419—424, 585, 586, 588, 589, 591, 593—599, 602—603, 610, 611, 884, 885, 920, 923, 2495.
- Заспкинъ*, кн. Ив., 619.
- Затрансниковъ*, Яросл. фабр. 577.
- Заурау*, Австр. мпн., 1024, 1026.
- Захарій*, мон. 320.
- Зетъревъ*, Мпх. Ив., управ. Юшков., 2365.
- Зеличъ*, архим., 4028.
- Земковичъ*, разбойникъ, 2284—2287.
- Зиновъева*, Адел. Генр. 2101.
- Зиновъева* (урожд. Дублянская) Варв. Мпх. 2171.
- Зиновъева* (урожд. Врейткопфъ) Устин. Оед. 2171.
- Зиновъевъ*, Алексан. Нпк. 2102, 2107.
- Зиновъевъ*, Алексан. Степ. 2101.
- Зиновъевъ*, Алексѣй Зпн., пис. его о дружинѣ 438, 439.
- Зиновъевъ*, Вас. Нпк., пис. къ нему кн. П. Д. Цицян. 2100—2173.
- Зиновъевъ*, Степ. Вас. 2101.
- Зиновъевъ*, Ст. Ст. 2101, 2107.
- Зонтанъ* (въ замуж. Росси), пѣвица 1268—1270, 1277.
- Зотовъ*, Нпкпт. Моисѣев., замѣчан. о немъ Вебера 1095; шутовск. свадьба его 1155—1156.
- Зотовъ*, куп. продав. кнпгу Раднщ. 936, 951.
- Зубовъ*, кн. Плат. Алексан. 1464; пожалов. флиг. адъют. 2089; конч. Екатер. 148—149; жизнь его въ Вильнѣ и женпдба 1748.
- Зубцовъ*, Моск. куп., 256.
- Зумблатъ*, Л. И. врач. 133—134.
- Зурабъ-хапъ*, 1517—1518.
- *
- Ибрагимъ-паша*, 322.
- Ивановскій*, Игнат. Иоаннов., проф. 1963.
- Ивановъ*, Васил., 237.
- Ивановъ*, Сем., Московск. куп. торг. запрещеннымъ кнпгами 877.

- Ивановъ*, упом. въ пис. Грибоѣд. 1549—1550.
Ивановъ, полк., 183.
Иванъ Великій, Кремлевская колокольня 1867, 2423.
Ивашкинъ, воев. Борисовск., 907.
Ивашкинъ, (Петр. Моск. об. полицм.), 2431.
Игельстромъ, бар., ген. пор. 549.
Измаилово село, 1107.
Измаиловъ, Артем., воев., 909, 910.
Измаиловъ, Мих. Мих. 542, 562—563, 572; жалоба на него 229; Московск. главнок. пис. и рескр. къ нему Екатер. 865—880; упом. 249, 269, 285, 298, 317.
Измаиловъ, гв. маіоръ, посл. въ Китай 1646—1647.
Иконопочитаніе въ Россіи. 1619, 1620.
Иленскъ, г., 1402.
Иловайскій, Дм. Ив. 439—440; о Варягахъ 2505.
Имертамландія, 1355.
Изювъ, Ив. Никит., 164, 170.
Иннокентій XI, папа, 12.
Иноземцова, Ел. Ив., 1459—1460.
Иноземцовъ, Ег. Ив., 720—721.
Иноземцовъ, Ег. Ѳед. 720.
Иноземцовъ, Ив. Ил. 720; управл. имѣн. гр. Бутурл. 1459—1460.
Иноземцовъ, Ѳед. Ив., врачъ, воспомн. о немъ 718 — 737; 1457—1461; 2025.
Ипатъ, берейт. гр. А. Г. Орлова 134.
Иринархъ, еп. Рижскій, 1958.
Иринархъ, затвори. 607.
- Исаевъ*, Илья, любим. Петра В. 119.
Исаевъ, Филипъ., 327.
Исаевъ, кавалерг. капр. 2076.
Исидоръ, митр. Новгородск. и С-пбургскій (бывшій экзархъ Грузіи) 711.
Исменевъ, (Степ. Иванов.), воев., 902.
Истоминъ, П., 1006.
- *
- Иассонъ* Смогоржевскій, архіеп., 1584.
Иевлевъ, Пв., карточн. игр. 872.
Иевлевъ, Московск. куп., 256.
Иезерскій, 1301.
Иезуиты, 1670.
Иенессаръ, остр., 1341.
Иеронимъ, Бонапарте, кор. Вестфальск. 2298.
(Героей Малицкій), еп. Черниговск; Екатерина проситъ его списать для нея Лѣтоп. Боболінск., 2094—2095.
Иоанновъ, сообщ. свѣдѣн. о Татар. 2354.
Иоаннъ Алексѣевичъ, ц. 1087, 1099. 2050.
Иоаннъ IV Васильевичъ, ц. замѣч. о немъ Мицкев. 430; Забѣл. 354, 358, 2460, 2461, 2469—2470, 2473, 2484.
Иоаннъ, пр. Люнебургскій, 1172.
Иоаннъ Собѣскій, кор. Польск., 2.
Иосафъ, архим. Троицк., 604.
Иосафатъ Кунцевичъ, еп. Витебск., 631.
Иосифъ II, имп., 236; изъявл. желаніе посѣтить Москву 227—228; переп. его 765—771; изъявл. же-
- леніе сдѣлать «самоличное» знаком. съ Екатер. В. 992—997.
Иосифъ (Симашко), митр. Литовск. 1578—1579.
Иозъ, его введеніе къ изучен. Русск. яз. 780.
- *
- Кабаки*, 1138.
Каверины, 2398.
Кавецкій, Ив. Ант., 1460.
Казаки, Донскіе, 1154.
Казаковъ, архитект., 250, 542, 571.
Казанова, 1215, 1216.
Казань г., 1107, 1345, 1349, 1392; Петр. В. присыл. сюда Шлезвигск. овцевод. 1415.
Казариновы, Авг. и Олим. 569.
Казариновъ, Ив., землем., 569.
Качество, 2477—2484.
Казачковскій, директоръ Канц. Нам. Ц. Польск., 688, 696.
Каземъ-бекъ, мирза, Алексан. Касим., ориентал., свѣдѣн. о немъ, 2001—2003.
Каймакамъ, 1532, 1535, 1536.
Кайсаровъ, 1192.
Калачковскій, Иосифъ, Польск. помѣщ. 656.
Калачовъ, Ник. Вас., сенат. чрезъ его содѣйств. Аванас. поступ. на службу въ Гл. Архивъ Мин. Ин. д. 807; его Архивъ 396.
Калиновскій, Стеф. препод. ритор. въ Кіевск. Академ., 1002.
Калмыки, 1114, 1148, 1387 — 1389, 1392 — 1394, 1450. 1617, 1664—1669.
Калмыковъ, Петр. Дав., проф., упом. въ Зап. гр. Блудов., 1286; товар. Иноземц. 725.

- Калькрейтъ*, фельдм., 173, 175.
- Кальятъ*, его ст. о Россіи, со времени освобожд. вост., 774.
- Каменицъ*, гор., 531.
- Каменскій*, гр. Мих. Одет., Тур. война 321; упом. въ пис. Циціан., 2167, 2168; упом. 165.
- Камтсаузенъ*, бар. Балтаз. Балтаз., случай съ нимъ, 1848—1849, упом. 1790.
- Камынинъ*, д. тайн. сов., 281.
- Канкринъ*, гр. Ег. Фр. мпш., 1196, 1197, 1488.
- Канкринъ*, Фр., лѣсп. уставъ 2064.
- Кантакузенъ*, кн., приѣхалъ въ Россію при Петрѣ В., 1156—1157, 1645.
- Кантакузенъ*, кн., ген.-м., 236.
- Кантемиръ*, Ант. Дмитр., 1066.
- Кантемиръ*, кн. Дм., 1066, 1156, 1157, 1645, 1646; пис. его изъ Малороссіи 1408—1411.
- Кантемиръ*, кн. Серг., бригад., 226.
- Кантъ*, 113.
- Карабановъ*, П. О., 2147.
- Караисорій*, 442, 1023.
- Карамзинъ*, Ник. Мих., упом. въ лекц. Мпш., 430; читаетъ истор. при Тверск. дворѣ, 502, 503; вліяніе его сочин. на смягченіе правовъ, 1202; упом. въ Записк. гр. Блудовой, 1217, 1222, пис. его къ кн. А. И. Вяземск., 1324—1327; примѣч. на письма 1323; упом. 1187, его историч. примѣч. 367, способъ его объяснен. исторіи 2465—2466.
- Карамзины*, 2357.
- Карамышевъ*, Серг., атам. 423.
- (Карлъ-Леопольдъ)*, принц. Мекленбургскій 1344.
- Кармазинъ*, знач. этого слова, 1895.
- Карасъ*, востел., 24.
- Каратыгинъ*, упом. въ пис. Екатер., 2086.
- Карачинскій*, завѣдывалъ подмосков. дворцов. селамп., 513, 2075.
- Карбоньеръ*, Лев. Львов., 874, 1815.
- Карель де Мора*, живоп., 1216.
- Кармофъ*, Вылг. Иван., 1810.
- Карлъ VI*, имп. 2.
- Карлъ X*, кор. Фр. 1250—1252, 1260.
- Карлъ XII*, кор. Шведск., 99, 100, 1651—1652.
- Карлъ*, эрц. герц., замѣч. о немъ, 176.
- Кармикъ*, л. меднѣзъ Абаса Мирзы, 1536, 1545.
- Картьевъ*, Е. В., 164, 165, 171, 181, 183, 185, 449.
- Картьевъ*, Зах. Як., вице-губ. Орл., 109, 158, губ. Минск., 185.
- Карръ*, Алф., 1293.
- Карскій*, Стан., Польск. помѣщ., 656.
- Каспійское море*, 1168; описан. его берег., 1388.
- Кастарскій*, П. Е., 1068.
- Кастельчикала*, кн. Неаполитанскій послан. во Франціи, дружба его съ гр. С. Р. Воронцов. 2201—2202, 2206, 2209, 2221, 2227, 2238—2239, 2244.
- Катергамтъ*, проф. богосл. изд. разск. о кн. Ам. Голицыной и часть ея переписки, 776.
- Катизизисъ*, Польскій, замѣч. о немъ, 1567—1576.
- Кауфманъ*, Никол. Никол., ботаникъ, свѣдѣн. о немъ, 2003.
- Каховскій*, (гр. Мих. Вас.), 77, 567.
- Каченовскій*, (Дм. Ив.), проф. Харьк. Унив., его стат. въ иностр. журн., 778.
- Кашинъ*, г., 1451.
- Кашира*, г., 406.
- Кашикинъ*, 2082, Аристар. Петр., управл. Ц. Селомт., 2192.
- Каянебургъ*, г., 1108.
- Кварсній*, архитект. 2093.
- Квашинъ-Самаринъ*, о Варягахъ 2499—2504.
- Копыинскій*, 1893.
- Квятковский*, Игн., 661.
- Квятковский*, Ос. куп. 662, 682, 683.
- Кейтъ*, лордъ 740.
- Кексгольмъ*, г. 1356, 2078.
- Кельхенъ*, 2079, 2085.
- Кемпъ*, ст. его о кони. Перуды 1211.
- Керсновскій*, помѣщ. 1905.
- Керъ*, Давидъ, его стат. о Русск. націон. характ. 777.
- Кикина*, жена А. В. 1435, 1618.
- Кикина*, (урожд. Тарсукова), 2153.
- Кикинъ*, Алексан. Вас., адмиралт. - совѣтн. 1121, 1167; арест. по дѣлу царев. Алексѣи Петр. 1435, 1445, 1446, 1627; имѣлъ импѣи. 1436.
- Кикинъ*, Ив. Вас. арест. по дѣлу царев. Алексѣи 1439.
- Кикинъ*, П. А. ст. секр. 1875, 2153.
- Киліанъ*, сушитъ 1405; пис. его изъ Китая 1441, 1442.
- Кинъ*, 428.

- Кирилл*, митр. Ростовскій, 609, 884, 892.
- Кирибаумъ*, дѣло его съ Беѣ. 2092.
- Кирѣевскій*, Никол. Васил., свѣдѣн. о немъ 2003.
- Кирѣевскій*, Петр. Вас., ему Даль перед. пѣсни 2030.
- Киселевъ*, гр. Пв. Дмит., мин. госуд. имущ. 1972; Новосилец. дѣло 1758 — 1760; посл. въ Парижѣ, отъ его о Польск. эмиграціи 1953—1954.
- Китай и Китайцы*, 1072, 1073, 1168, 1402, 1647.
- Кишенскій*, Харьк. губерн. 103.
- Кіасовская*, вол., Моск. губ. 247, 257.
- Кіевская* губ. 1132.
- Кіевъ*, таможен. 1144, 1145.
- Кларка*, 664.
- Клари*, вн. 466.
- Клементъ XIII*, папа, 11.
- Клементъ XIV*, папа, грам. къ нему Станисл. Авг., 10—12.
- Кленсъ*, 2419.
- Клинтонъ*, ген., 2177.
- Клинъ*, гор. 262.
- Клозель*, ген., 1268.
- Клцкая и Давидградская* ординаціи, 1055.
- Ключаревъ*, Оед. Петр., Моск. почтъ-директ., 515; участь его 1859, 2391.
- Кноль*, куп., 683.
- Кноринъ*, К. О. разск. о кончинѣ Потемк. 105, 106.
- Княжевичъ*, Александръ Макс. 1196, 1197.
- Княжевичъ*, 1029.
- Княжнинъ*, трагикъ, его трагедія Владим. и Яроп. 331; попр. 2251.
- Князса*, дер., 2087.
- Кобенцель*, гр., 770.
- Коболовъ*, вн., уб. въ Тегер, 1537.
- Ковалевскій*, Евгр. Петр., мин. н. пр., 1034, 1039; рѣчь ему кн. Вяз. 1195.
- Ковалевскій*, Ег. Петр., перев. его сочин. на Нѣмецк. яз., 757.
- Коваленскій*, А. Ив. Харьк. пом., знаком. съ Сквород. 107—108.
- Козлова*, Алина, 1232.
- Козловскій*, вн. знаком. съ Шимановскою 1902.
- Козловъ*, Ив. Ив., въ Зап. гр. Блудовой, 1217, 1219, 1277.
- Козловъ*, Марко, 612.
- Козловъ*, гор. Тамбовск. губ., 2374.
- (Козма III)*, в. герц. Токанскій, ему Петръ В. посылаетъ въ подарокъ двухъ Самоѣдовъ 1333.
- Козмянъ*, Каэтанъ, Польск. пис., 1045, 1723, 1915; 2283.
- Козодавлева*, (урожд. в. Голицына) Ан. Петр. 2103, 2126.
- Козодавлевъ*, Ос. Петр. 2103, 2144; его женитьба 2105, 2126; ему б. подар. Путеш. Радищ., 936.
- Козубскіе*, 627.
- Козыревъ*, Ив., Моск. куп. торгов. запрещ. книгами 877.
- Кокуляръ*, живоп. 2352.
- Кокушкинъ*, 2139.
- Коленсъ*, академ., 1273.
- Кологривовы*, 2393, 2394.
- Колоколовы*, 455, 456.
- Колокольцовъ*, (бар.) Оед. Мих. 2072.
- Коломбъ*, Фр. куп., 536.
- Коломбъ*, (Декомбъ), Французенца, 535—587.
- Коломна*, гор., древп. стѣны 285; въ смутн. время 406.
- Коломна*, Аванас. 612.
- Колошинъ*, Ив. полк., 244.
- Колтовскій*, Ив., воев. 413—414.
- Колыско*, товар. Костюшки, 529.
- Кольцовъ-Масальскій*, комендантъ Бахмутск., 1142, 1143.
- Кольчугинъ*, Никита, Моск. купецъ, торгов. запрещ. книгами 877.
- Комовъ*, Ив., профес., 265.
- Коновницынъ*, гр., ген. ад., начальн. Паж. и Кадет. корпус., 483.
- Коновнинъ*, полк. Стариоскольск. п., 142, 143.
- Комопка*, Авг. 2301.
- Комопка*, Фр. ген., 2301—2305.
- Комопка*, Викент., Слонимск., городн., 1711, 2302.
- Комопка*, Оедоръ 2301.
- Константиновъ*, Петръ Андр. 786.
- Константинъ Николаевичъ*, в. вн. 710, 1228, 1272, 1279.
- Константинъ Павловичъ*, в. вн. 1290, 1292, 1293, 1304, 1305, 2301, въ его вѣдѣніе поступ. Царскосельск. Лицей, 1483; намѣстн. Ц. Польск. 1709, 1710, 1715, 1724, 1725, 1734, 1735, 1737, 1741, 1742, 1752, 1754, 1941, 1942; его силуетъ 2077. упом. въ пис. гр. С. Р. Ворон. 2217, 2218, 2224, 2225.
- Констанъ*, камерд. Нап. I-го 2268.
- Контримъ*, библиот. Впленск. Унпв., 1894.
- Копылово*, село, 284.
- Коппманъ*, историкъ, изд. Ганз. акты 759.
- Корженевскій*, Апол. пис.

- Польск. 657, 660—663, 666, 677, 687, 1045.
Королевичъ, ксендзъ, 1584.
Коростовецъ, дворян., воспом. о Карлѣ XII. 99. 100.
Коротово, село Черепов. у., принадл. кн. Дашковой 154.
Корсаковъ, (2128?) Алексѣй Иван., инженер., 2162.
Корсаковъ, опредѣл. въ Семеновск. полкъ 2089.
Корсаковъ, убитъ на Бородинѣ, 2398.
Корсакъ, помѣщ. 1577, 1582, 1584. 1586—1588, 1593.
Корсакъ, нунц. 14, 16 — 18, 23.
Корфъ, (урожд. Смирнова), бар. Ольга Серг., 1602.
Корфъ, баронъ, (нынѣ графъ), Мод. Андр., пис. къ нему Пушк., 198; 1601—1603, пис. къ Погод. о Спер., 214—215.
Коссовичъ, врачъ, 2342, 2344.
Костомаровъ, Никол. Иванов., историкъ, 368—374, 418, 604., 882, 917, 924. 2431—2438, 2442, 2446, 2447, 2458, 2459, 2462, 2466, 2468, 2469, 2471, 2477, 2481, 2482, 2483, 2485—2496, 2498.
Костровъ, Ерм. Ив. знаком. съ Потемъ, 104, 105.
Котюшко, 687, 689, 690, 706, 762.
Котта, его соч. объ Алтайск. хребтѣ, 763.
Коцебу, 1539, 2333, 2389.
Кочубей, графиня, 1272.
Кочубей, кн. Вас. Виет. 1238.
Кочубей, кн. Виет. Павл., 171, 2206, 2212, 2340; въ воспом. Лубян. 467, 471, 479, 480, 488, 489, 491, 493, 495; 513, 514, 525; его дача въ Ц. Селѣ, 1268.
Кочубей, (урожд. Васильчпкова, Мар. Вас.) кн. 1272.
Кочубей, кн. Мих. Виет. 1238.
Кочубей, кн. Серг. Виет. 1238.
Кочубей, 1003.
Кошелева, Варв. Ив., 467.
Кошелева, Матр., 534.
Кошелевъ, Род. Алексан. 467, 2340, 2376, 2379, 2391, 2420.
Краватъ, Англич., 1652.
Кралевичъ, Венедиктъ, еп. Далматинскій, свѣдѣн. о немъ 441—444, 1021 — 1030.
Кративницкій, врачъ, 2310.
Красинскій, гр., Людв. 664.
Красицкій, Польск. писат., 1913, 1914.
Красовскій, Андр., подпор., 579.
Крафтъ, академ., 1463.
Крашевскій, Польск., литерат., 1045, 1212, 1213. 1555, 1556.
Крашенинниковъ, Дм., куп., Оренбургск., 265, 306.
Крашенинниковъ, С. П., 2004.
Крейтонъ, врачъ, 1458.
Кремль, 1232, 2223.
Крестянство, (Русское), 1110, 1111, 1134, 1331 — 1353.
Кречетниковъ, (Мих. Никит., ген. анш.) 313, 452, 453; откр. Калужск. губ., 458, 459; упом. 2071, 2083, 2085, 2124.
Кристалевичъ, авантюр., 2277.
Кроненбергъ, Андр. Станисл. врачъ, 1460.
Кроненбергъ, откупщ. табачн. сбора въ Ц. Польск. 653, 659, 660, 1038.
Кронштадтъ, 1119, 2078; Описание его у Вебера 1696—1700.
Кропинскій, Польск. писат. 1915.
Круплянская, Екат. Христ. 2357.
Крутицкій, 2089.
Круфтуцкій, бар., помощникъ Далмат. губери. 1024.
Крыжановскій, (Никол. Андр.?) ген. 685.
Крыловъ, Ив. Андр., 1188; книга о немъ Рольст. и ст. И. С. Тург. 772; по-пр. 2251; отз. о немъ Гоголя 2371.
Крыловъ, Нивнта Иванов., проф., товар. Иноз. 725; слово сказан. имъ на праздн. Иноз. 736.
Крюковъ, (Дм. Львов.), проф., товар. Иноз. 725.
Кусе, вице-губ. Рижскій, 1976.
Кузнецъ, Фр. фил. 426, 427.
Кузминъ, ген., 642.
Кузминъ, ориенталистъ, 1541.
Кукольникъ, повѣренный Новосилъ. 1758—1760.
Кулаковскій, Филар., 1747.
Кулибинъ, Ив. Петр., механик., 1182; пис. къ нему Держав. 1182—1183.
Кулишъ, Пант. Ал., 998.
Кульманъ, 2418—2419.
Куперъ, Англич., 1897, 1945, 1946.
Куракинъ, кн. Алексан. Бор. разск. его, 453; со-проводж. гр. прг. Сѣвер., въ путеш. по Евр. 768; 1464;

уп. въ пис. гр. С. Р. Воронц. 2206.

Куракинъ, кн. Ал-й Бор., мин. вн. дѣль 493—495.

Курбатовъ, Ист. Алексан. 1857.

Курбатовъ, вице-губер., Арханг., указъ ему Петр. В. 1332, 1333.

Курбский, кн. Андр. Мп-хашл., бояр. п. воев.; его сочин. 2063.

Куржени, секр. Миросл., 656.

Курляндія, 1060.

Куртицъ, Алексан., 660.

Кутайсовъ, гр. (Алексан. Иван.) убитъ на Бородинѣ, 2398.

Кутайсовъ, гр., Ив. Павл., 153, 1465, 1467.

Кучукъ, шляхт., 2308—2309.

Кушелевъ-Безбородко, гр. Гр. Алексан., свѣдѣн. о немъ 2004—2005.

Кушелевъ, (гр. Гр. Гр.?) 152, 564.

Кульскій бискупъ 13.

Кюхельбекеръ, Вильг. Барл., пис. къ Жуковск. изъ Сибири, 1004—1008.

Кюхельбекеръ, Ив. Вильг., 1004.

*

Лабрюеръ Фр. писат. 1328.

Лавынецъ, корп. ком., 647.

Ла-валъ, нижен., 1071, 1072.

Лаваль, упом. въ Зап. гр. Блудов. 1302.

Лавартъ, 473, 1201.

Лавинский, Леоц., до-вить разбойничковъ 2281—2283.

Лаврикъ, 2367.

Ладожскій, каналъ. 1690, 1692.

Ладыженскій, Ник., ген. м., 300.

Ла-Коста, церемонійм. увселеній, 1652.

Лазаревскій, А. М. со-общ. 997.

Лазаръ, Барановичъ, ар-хiep. Черниговск., 998.

Ламакинъ, реген., 1224.

Ламбертъ, (урожд. Дѣ-ва), гр., 623.

Ламбертъ, гр. Кар. Кар., свѣдѣн. о немъ 623—626;

проѣздъ чрезъ Варш. 626; намѣстн. Ц. Польск. 627,

647, 651—654, 657, 661, 662, 666, 650, 670—672,

675—677, 682, 685, 688, 690—693, 698, 699, 703—

705; ссора съ Герштенцв. 700, 701, кончина Герш-

тенцв. 701—703; отъѣздъ за границу 706.

Ламбертъ, 623.

Ламне, 1927.

Ламстъ, 982.

Ламсъ, нижен., его опис. Китайск. имперіи 1059,

1168, 1441, 1647.

Ламеръ, воспит. Лицея 1479, 1480.

Ланжеронъ, гр. (Алексан. Оедор.) ген., 184, 1303.

Ланская, Варв. Ив., пис. къ ней М. А. Волковой 2372—2435.

Ланскіе, 2063.

Ланской, Алексан. Дмитр., 2063.

Ланской, Вас. Серг., чл. Госуд. Сов. 1741.

Ланской, Серг. Степан. писм. къ нему Позд. 1855—

1857, 1859, 1863—1866,

1867, 1874, 1875, 1876, 1882—1886.

Лансъ, дружба его съ гр. С. Р. Воронц. 2218, 2219.

Ланландци, 1108, 1109.

Лантенбергъ, предпр. имъ издан. Ганз. акт. 758, 759.

Ларимутъ, кн. Тунгузск., 1403.

Ласковскій, Оед. Оед., нижен., 2005.

Ласси, Бор. Петр. ген., 470; начальн. Лптовск. Ин-

спекц. 177; разск. о немъ 180, 181, 183, 184.

Ласси, фельдм. 796—798; 803—805.

Ласскій, предс. ком. фи-нанс., въ Варшавѣ, 641.

Ласунскій, кавалг. капр. 2076.

Лаудонъ, 27, 330.

Лаурицевичъ, Станисл., всендзъ, 676.

Лафайетъ, 1251, 1303; 1304; отъ. о немъ Растонч., 978.

Лебедевъ, ориент., 1540, 1541.

Левберхтъ, 2066.

Ле-Бруинъ, Корнел., пу-тешеств., 1692,

Лебрюнъ, 683.

Левашова, 2376.

Левашовъ, Алексѣй Ан-дриан., полк. при велик. князьяхъ, 2145, 2146.

Левашовъ, Вас. Ив. 2146.

Левашовъ, Мамоновецъ, 2411.

Левшауттъ, Шв. ген., 1649.

Левшинъ, предсѣд. Слѣд-ств. Коммис. въ Варшавѣ, 699.

Ледебуръ, ж. проф. 1244.

Ледгарди, Джонъ, Аме-рик. 292.

Лейтонъ, врачъ, 1458.

Leitch, Ritchie, Англ., пу-теш. по Россіи, 1050.

Лелсвелъ, историкъ, встрѣ-ча съ нимъ П. И. Барт. 1036, 1037; сочувств. отъ.

его о труд. М. А. Максим.

1037; конч. его 628, 629, 630, 637.

Леманъ, кавалерг. капр., 2076.

Лескскій, Адамъ, ст. секр., Ц. Польск., 1053 — 1054, 1920—1922, 1212.

Лектовскій, нунц. 13—16, 18, 20.

Ленчицкій, нунц., 17.

Леонтъева, боярыня, ма-ма Петр. В. 2052.

Леопольдъ I, имп., 2, 1646.

Леопольдъ, герц. Тоск., изд. переп. съ Юсиф. II, 765—771.

Леопольдъ, кор. Бельг., 1248, 1249, 1261.

Лерберъ, (истор.) 1190.

Лермонтова, (урожд. Арсенъева), Мар. Мих., 1851.

Лермонтовъ, Мих. Юр., о конч. его 205—213, 446; въ рассказ. его гвард. одноклассниковъ 1770—1785, стих. на смерть Пушк. 1813 — 1834; ссылка на Кавк. 1834—1838; шалости 1839—1850; неиздан. его стихотв. 1849—1852.

Лермонтовъ, Юр., отецъ поэта 1851, 1852.

Лермонтовы, 1852.

Леруа, живопис., 1216.

Лескиенъ, его Сл. грам. 772.

Лесницкій, старш. Малорос. 1001.

Лестокъ, 1177, 1179.

Левевъ, содерж. Моск. клуба, 237—247.

Левфортъ, 1100.

Лешновскій, его газета 1037, 1038.

Ливенъ, кн. (Карлъ Анд.) мин. нар. пр. 1250, 1287.

Ливенъ (Христоф. Андр.) кн. пос. въ Лондонѣ 2191, 2215.

Ливенъ, Ѳеодоръ, полк. 143.

Линицъ, принцесса, 1285.

Лизекъ, царск. послан., 2055.

Лизоубъ, 1003.

Лизоубъ, уланск. полк. разск. о немъ Бурнаш. 1606—1612.

Лименишедтъ, Шв. мин., 1652.

Линденеръ, ком. гусар. п., 156, 157.

Линдфорсъ, офиц. Сем. и., 1816—1817, 1819.

Линдъ, пѣвица, 1269.

Линовскій, чиновн. 1897, 1898, 1940.

Липицкій, поруч., 2311—2312.

Липранди, (Али-Бранди), директ. фабр., 567.

Липранди, Ив. Петр., замѣч., на его дневн., 861.

Липранди, Пав. Петр., корп. команд., 648.

Лисавичъ, ген., 2221.

Лисовскій, (Алексан., пол. Польск.), 901—903.

Литке, П. И., 164.

Лифляндія, 1132, 1138.

Лихонинъ, Петр. Степ. пис. къ нему Позд., 1866.

Личинъ, Андр. діаконовъ, 1029—1030.

Лобанова - Ростовская, (урожд. Безбородко) 462.

Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексан. Яковл., 1216.

Лобановъ-Ростовскій, кн. (Дм. Ив.), 164, 215, 954.

Лобановъ-Ростовскій, кн. Ив., тяжба съ кн. Репн. 230—231, 232, 233.

Лобкова, 2416.

Лобковичъ, кн., Австр. посл. въ СПб. 34, 41, 52.

Лобковъ, Вас., бригад., 579.

Лобшейдъ, его брош. о завѣщ. Петр. В., 760, 761.

Логъ, (фонъ), 1165.

Ломоносовъ, Мих. Вас., по его поруч. Поповск. перев. Оп. о челов., 1311, 1317, 1318, 1319; родня его 1332, 1333; его Русск. пѣсни, 2067.

Лонимовъ, Никол. Мих., ст. секр. имп. Маріи Ѳеодор., 525; упом. въ пис. гр. С. Р. Воронц., 2186, 2240, 2242, 2243.

Лондонъ, его обществ. управл. 2191, 2192.

Лопатинъ, Холмогор. мѣщан., родня Ломоносов., 1333.

Лопухина, (урожд. Панина, Ан. Вас.), 297.

Лопухина, Ан. Петр., 152.

Лопухина, (урожд. Балель), Нат. Ѳед., урѣз. яз. 126.

Лопухина, (урожд. кн. Куракина), 1627.

Лопухина, (урожд. Ромодановская), 1627.

Лопухинъ, (Анд. Ст.), ген. пор., 297.

Лопухинъ, Абр. Ѳеодор., арест. по дѣлу царев. Алексѣя; 1439, 1626, 1627, 1628.

Лопухина, Васил. Абр., разск. о немъ 125.

Лопухинъ, Вл. Ив., ген. пор., его разск. 117—131.

Лопухинъ, Ив. Вл., въ воспом. Лубян., 109, 116,

117, 131, 135, 136, 456,

458, 462, 468, 508; отз. о немъ и Александра 499 — 500.

Лопухинъ, (Петр. Вас.), Моск. губерн., 533, 534, 559.

Лопухинъ, (Стен. Вас.), урѣз. яз., 126.

Лопухинъ, Степ. (Степ.), 297.

Лореръ, Н. И., воспом. его о кучерѣ Байковѣ, 2261—2268.

- Лосевъ*, жандармск. шт. офиц., 1583, 1587, 1588, 1592.
- Лошаковъ*, ген., его жена, 2265—2268.
- Лубинскій*, графъ Оома, 1291—1293.
- Лубяновская*, 471.
- Лубяновская*, (ур. Мерлица) жена Оед. Петр. 493.
- Лубяновскій*, отецъ, 93—100, 471; поставл. сыну губерпатору, 518.
- Лубяновскій*, Петр. Оед., ген. л., 38.
- Лубяновскій*, Оед. Петр., его воспом., 98—185; 449—533.
- Лудвигъ*, пр. Баварск., 1274.
- Лужковъ*, Алексан. Ив., библиот. Екатер., 2088.
- Луиза*, кор. Прусс., 1283, 1980.
- Луи-Филиппъ*, кор. Французск., 1258, 1261, 1304.
- Лукинъ*, морикъ - сплачъ, разск. о немъ, 2263—2265.
- Луковниковъ*, Ив., Моск. куп., торгов., запрещ. книгамн, 877.
- Лукьянъ*, ключарь Преобр. соб. въ СПб. 2115.
- Лукинъ*, 2411.
- Луцеская*, Ядв., 1953.
- Лыкова*, Мар. бояр., 894.
- Лыковъ*, (Бор. Мих.), кн. 894—898, 900, 906—911, 2492.
- Львова*, Ненцла, кормилица Петр. В., 2052.
- Львовъ*, Алексѣй Оедор., свѣдѣн. о немъ 2005—2006.
- Львовъ*, Андр. Лавр., геп. ад., 169, 170.
- Львовъ*, кн. (Ив.), 1627.
- Львовъ*, Ник. Александр., 164; сочиш. предисл къ собр. Русск. вѣсенъ Врача. 2145.
- Львовъ*, секр., 260, 270, 293.
- Львовъ*, юр., 36.
- Люберцы*, с., 512, 877.
- Любошинскій*, Полоцк. прокур., 790.
- Людвигъ XIV*, кор. Фр., 5.
- Людвигъ XVI*, король 1880—1881., грам. къ нему Стан. Понят., 4—7.
- Людвигъ XVIII*, кор., 977, 980; пис. къ гр. Н. П. Рум., 186—197.
- Людвигъ-Толстый*, кор. Фр., 1206.
- (*Людвигъ-Филиппъ*), кор. Французск., 437.
- Лютеръ*, Март., 1364.
- Ляпки*, живоп., 1764.
- Ляпунова*, Марья 579, 580.
- Ляпуновъ*, (Прокофій Петр., дум. двор. п воев.), 362, 363, 365, 382, 404, 405, 408—410, 413, 415, 418, 419, 421—423, 582—586, 592, 595, 602, 603, 610, 617—619, 888, 893, 916—917, 1214, 2478, 2495—2496.
- Ляпуновы*, помѣщ., 570.
- *
- Майницкій*, (Мих. Леонт.), 485, 2355.
- Майнсъ*, герц. кор. Ливонск., моногр. о немъ, 759.
- Магометь-Али*, 1510.
- Мазепа*, 100.
- Мазурикъ*, значен. этого слова 1940.
- Мавскій*, Польск. заг., 655—657, 659—660, 669—670, 676.
- Масриакъ*, еп. Келецко-Крак., 696.
- Майеръ*, докт., 2074.
- Макнзи*, 2176.
- Макниль*, докт. въ Тегерагъ, 1545, 1548.
- Максимиліанъ*, имп., 1654.
- Максимиліанъ*, Іосифъ, курфир. Баварск., 1274, 1467—1469.
- Максимовичъ*, Мпх. Алексан., пис. его къ П. И. Бартен. о Теоф. 997—999; замѣч. на стат. Петр. 999—1004; сочувств. отзывъ Телелева о его трудахъ, 1037; пис. къ нему Шесвыр. 1208—1210.
- Максимъ-Грекъ*, личное знакомство съ Саваноролой 1209.
- Малевская*, (урожд. Шимановская), Елена 1902, 1929.
- Малевскій*, рект. Вил. Ун. 1746, 1889, 1928.
- Малевскій*, Франц. товарищъ Мицкевича 1052, 1747, 1769, 1889—1891, 1902, 1907, 1920 1925, свѣдѣн. о немъ, 1928, 1929; 1946.
- Малимоновъ*. Дм. карточн. игр., 872.
- Малиновскій*, Алексѣй Оедр., дружба съ гр. Арачк. 2042.
- Малиновскій*, Вас. Оед., 1476.
- Малиновскій*, Ник., Польск. пис., 1045.
- Маловъ*, Алексѣй, священ., 2341.
- Малороссія*, 1112—1114, 1134, 1138.
- Мальтинъ*, Петр. Вас., учит. Русск. слов. въ Воронеж. гимн., воспом. о немъ А. Н. Аван., 833, 837, 838.
- Мальковскій*, К. М., сенат., 1936.
- Мальтицъ*, г-жа, 1285.
- Мальтицъ*, бар., 1254, 1256.
- Мальцовъ* секр. Русск.

- посол. въ Тегер., при Грибоѣд., 1492, 1494, 1495, 1498, 1506, 1507, 1513, 1514, 1519—1522, 1524—1526, 1528—1530, 1531—1533, 1535, 1542, 1543.
Малцовъ, секр. посольства въ Берлинѣ, 2117.
Мамонтовъ, куп. Пбург. 94.
Манкисъ, (А), его Ядро Рос. Ист., 834.
Мансурова, въ Берлинѣ, 1285, 2087.
Мануель, депут. Вандейск., 975, 978, 982.
Манучаръ-ханъ, главн. начальн. евнуховъ Персидск. шаха, 1505, 1509, 1515—1518, 1520, 1526.
Мантейнъ, выходъ его изъ Русск. службы, 791 — 805.
Мардефельдъ, Пр. мин. 800.
Марианна, пр. Нидерландская, 1259.
Марія Алексѣевна, царевна, 1087, 1371, 1445, 1446, 1627.
Марія Ильинишна, супр. ц. Алекс. Мих., 1087, 2045.
Марія Николаевна, в. кн., 1221, 1251.
Марія Павловна, в. кн., 2075, 2121; отъ. о ней гр. С. Р. Воронц. 2206;
Марія Терезія, импер., грам. къ ней кор. Стан. Понят. 1—4; Польск. дес. запов. 28; разд. Польш. 31, 32, 43, 49, 50—54, 61.
Марія Теодоровна, имп. 148, 158; 197; 496, 497, 787, 1227, 1473, 1480, 2090, 2145, 2217, 2264, 2265, 2342; путш. по Евр., 766—771; пис. къ Ю. А. Нелед. Мел. 853, 854; Жуковск. объ ея конч. 855; основ. училищ. глухонѣм. въ СПБ. 1009—1013.
Марковъ, Андр., Нижегородск. посадск. стар., 394.
Марко-Поло, путеш. 777.
Маркусъ, врачъ, 1458.
Мармонтель, 1216.
Мартосъ, архит., 1188.
Мартиновъ, Н. С. дуэль Лермонт., 205—213.
Мартиновъ, юнк., 1785.
Марчевскій, Вит., 660.
Маршанъ, камердин. Напол. I., 2268.
Марѳа Матвѣевна, (А-иракспна), царица, ся конч. 1342, 1343.
Марѳа Посадница, 1333, 1335.
Масальскій, кн., 1622.
Масквичъ, его записки 411, 412, 415.
Маслова, Нат. Гр., 1782—1784.
Масловъ, Дм. Ник., 1782, 1783.
Масловъ, Мих. Дм., 1783, 1784.
Масловъ, упом. въ пис. Волковой, 2387.
Масловы, 1770.
Масоны, 461—463, 465, 466, 476, 533, 1710—1711, 2115—2119; замѣчан. о нихъ кн. Циціан. 2119 — 2121, 2331—2333.
Масси-мирза, 1519, 1526, 1533, 1536.
Матвѣева, жена бывш. послан., об. гофмейстер. Анны Иоан., 1426.
Матвѣевъ, (Андр. Артом., гр.), 1095.
Матренѣвъ, архитект., 1648.
Матвѣевъ, Артам. Серг., начальн. Посольск. и Малорос. Приказ. 2046—2049, 2051, 2052, 2054—2060.
Матчерскій, Пет. Ив., проф., 2006.
Матюшесковъ, Ив. П., ему завѣщ. Иноземц. свою библіот. 737.
Мацѣиовскій, историкъ 1045.
Медемъ, бар., ген., 1034; Никол. Вас., свѣдѣн. о немъ 2007—2008.
Медеръ, оберъ-квартирм. 281.
Медокъ, содерж. Моск. публ. театра, 253, 267.
Межаковъ, Филатъ, 612.
Межевичи, м., 1729, 2280.
Мейендорфъ, (урожд. Брискорнъ, въ 1-м. бр. Потемк.) 1781.
Мейендорфъ, (урожд. Огеръ), 1285, 1308.
Мейендорфъ, бар. Пет. Каз., нос. въ Вѣнѣ, 340; (въ Берлинѣ, 1285?)
Мейендорфъ, бар. команд. Коннаго полка, 1781, 1782.
Мейеръ, Карлъ, учит. музыки у Блудов., 1223, 1227.
Мейснеръ, надсмотр. таможен. 928, 947, 951.
Мейстеръ, 2077.
Меликовъ, кн. Соломонъ, 1509, 1510, 1512, 1520; уб. въ Тегер., 1537.
Меллендорфъ, фельдм., 174, 175.
Меллеръ, А., пис. объ основ. учил. глухонѣм. въ Пб., 1009—1013.
Меллеръ - *Закомельскій*, бар., (Ив. Ив.) ген. 285, 2036.
Мельманъ, (Иоан. Вильгельмъ), проф. Моск. Ун., 112; преподав. 113.
Мельниковъ, Пав. Ив., 418, 442.
Меммедчи - Али - Ханъ, Перс. визиръ 1521.

- Метшедъ* - Али - Мустафа мирза, 1535.
- Мелье*, 1325.
- Мендеиъ*, Еман., иезуитъ., 248.
- Мендоза*, Испанск. адмир., 2182.
- Менезиусъ*, 2061.
- Меньшикова* (урожд. Арсеньева, Дар. Мих.) кн. 1066, 1067, 1104, 1336, 1679.
- Меньшикова*, кн., 2398.
- Меньшиковъ*, кн. (А.ъ Алексан.?) 1066.
- Меньшиковъ*, Алексан. Дан., 118; замѣч. о немъ Микк. 430; свѣд. о немъ у Вебера; 1066, 1098, 1121, 1146, 1148, 1360, 1425, 1436, 1438, 1440, 1614, 1628, 1643, 1679, 1681, 1684, 1686—1689, 1701—1702.
- Меньшиковъ*, кн. (Серг. Алексан.?) ген. м., 247.
- Мердеръ*, (Карлъ Карлов.) 1228, 1240, 1271, 1287.
- Мерлинъ*, Я. Д., 164.
- Мертваго*, Дм. Бор., 2403.
- Мерхелевичъ*, ген., 622.
- Метернихъ*, кн. 1248, 1249.
- Метланъ*, об. контрол. 1740.
- Метлинскій*, Амвр. Лукьян., свѣдѣн. о немъ 2008.
- Мехти*, мирза, 1522.
- Меццарская*, кн. Ан. Бор., 237.
- Меццерскій* кн. Алексѣй Степ. сенат., 2161.
- Меццерскій*, кн. Плат. Степ., Казанск. губ., 2161,
- Меццерскій*, кн. Степ. Ив., ген. 2161.
- Миклашевскій*, 2337.
- Миклошичъ*, его сравн. грам. Сл. нарѣч., 763.
- Мелиссина*, Ив. Ив., ди- рект. Моск. Унив., пис. къ нему Шувак. 1316—1318.
- Милитецкій*, кн., его сынъ 1157.
- Миллеръ*, историогр. 1059, 2061, 2063.
- Милорадовичъ*, Алексѣй Григ., 2337, 2338, 2340.
- Милорадовичъ*, Григорій Петр., 2337.
- Милорадовичъ*, гр. Мих. Андр., 2339, 2340.
- Милославскіе*, 2049, 2056.
- Милосъ*, чиновн. 1587, 1588, 1592.
- Милошъ*, 1024.
- Милютинъ*, Ник. Алек- сѣев. 701, некрол. 447—448, воспом. о немъ Тимирязева 0866—0872; въ пис. Ботк., 1056; сослужив. Да- ля, 2029.
- Мининъ*, Козьма, Ниже- городск. земскій староста, изслѣдован. о немъ И. Е. Забѣлина 353—424, 581—621; 881—926, 1213—1215; поясн. къ нему 2436.
- Мининъ*, Нефедъ Козм., стольн., 400.
- Минихи*, объ ихъ фамил. 752.
- Минихъ* фельдш., 796
- фразск. о немъ 130, 131.
- Минихъ*, гр. главн. по- печ. Моск. Восп. Дома, 867, 868.
- Минихъ*, бар., подполк. 799.
- Мирославскій*, Польск. за- гов. 640, 653, 654, 656, 664.
- Миславскій*, Тимоев., 278.
- Миславскій*, директ. Моск. уч., 560.
- Мистюринъ*, капит. 1764, 1765.
- Митивье*, врачъ, 1458.
- Митропологи*, купцы Во- дог., 156.
- Митусовъ*, Г. П. сенат., 1034.
- Митчель*, перев. соч. ген. Оа деева. 778.
- Митюшинъ*, Мих. куп. Верейск. 559.
- Михайловскій* - Даниле-вскій, воен. истор. 515.
- Михайловъ*, г., 409.
- Михаиль* (Вышневецкій), кор. Польск., 16.
- Михаиль Николаевичъ*, в. кн., намѣст. Кавказск. 717.
- Михаиль Павловичъ*, в. кн., 991, 1609—1612, 1777, 1826, 1827, 1832, 1833, 1835—1837, 2345; пребыв. его въ Лондонѣ, 2210, 2211, 2212. (2215?), 2217.
- Михаиль Θεодоровичъ*, царь, 369, 377, 388, 394, 400, 403, 418, 609. 881—886, 889, 898, 899, 902, 904—906. 908—910. 913, 919—920. 1356, 1375, 1657.
- Михельсонъ*, И. И. ген., 323, 2079.
- Михневъ*, Петр. прошен. его жены Аоньми, 870—871.
- Мицкевичъ*, Адамъ, 763; 1212; 1557, 1742, 1747, 1769; о его руссофильствѣ, 426—435; въ воспом. Подо- линскаго 859—861; 1036, 1037; сношен. съ гр. Рже-вусъ., 1042—1044; воспом. о немъ, 1887—1954.
- Мицквичъ*, Владисл. А-дам., 1929.
- Мицкевичъ*, ксендзъ, 1888.
- Мицкевичъ*, (урожд. Ма-левская), Мар., 1929.
- Мицкевичъ*, (урожд. Ши-мановская), Целина, 1902, 1903, 1929, 1930.
- Мичи*, его соч. о Сиби-ри, 755.
- Мишле*, 428.
- Мишо*, гр., 2373, 2375.

- Мюмондръ*, 466.
Мшицы, с., 98, 99.
Мшицкэ, графиня, 1709, 1710.
Магометъ - Якубъ - Бегъ, власт. Туркест., 757, 758.
Мошлевъ, гор., 995.
Можайскъ, гор. древн. стѣны, 285.
Мойеръ, И. Ф., хирургъ, 724, 2025.
Моисеевъ, откупщ. 1780.
Моложениновъ, маіоръ полиц. 876.
Молчановъ, Петръ Степ., 2256.
Моль, 2152.,
Монастыри (Русскіе), 1130.
 Александроневская лавра, 141, 1641, 1657.
 Антоніевъ, близъ Краснаго Холма 590.
 Бирлюковская пустынь, 509.
 Борпогльбск., на Устьѣ, 607.
 Воздвиженскій, въ Москвѣ 621.
 Вознесенскій, (по ошибкѣ назв. Веберомъ Чудовымъ), дѣвич., въ Моск. Кремлѣ, 1366—1370, 1379—1381.
 Воынецкій Доминиканскій 1582.
 Воскресенскій (Новый-Іерусалимъ), 567, 568, 571. по опис. Веб. 1372—1374.
 Донской, въ Москвѣ 1371, 613, 615.
 Забальскій Доминиканс., 1589, 1591.
 Законоспасскій, въ Москвѣ 571.
 Знаменскій, въ Москвѣ, 559.
 Кашинскій, женск. 2347.
 Новинскій, 329.
 Никола на Угрѣшѣ, 403, 422.
 Новодѣвичій въ Москвѣ. 583, 611, 875, 876, 878.
 Пафнутаевъ - Боровскій, 906, 907.
 Печерскій, (Нижегородск.), 394, 1370, 1371. 2491, Полоцкій, 1588.
 Ружанскій Базилианскій, 2287.
 Саввинское подворье, въ Москвѣ, 284.
 Саввинъ Сторожевск., 284.
 Симоновъ, въ Москвѣ, 559, 1371.
 Спасо-Евфиміевскій, 599, 2339.
 Толоконцевскій, противъ Нижняго 394, 395, 2491.
 Троицко-Сергіева Лавра, 1859, 1867; 370—372, 581—583, 585, 600, 602, 607, 609.
 *
Мордвиновъ, предмѣстн. Дубельта, 1050.
Мордвиновъ, дуэль съ Шатил. 2374.
Мордухъ - *Лейсбовичъ*, равнинъ, 1753—1757.
Моравскій, мин., 1054.
Морковъ, гр. Арк. Ив., 504, 505.
Морозовъ, (Вас. Петр., окол. и воев.), 583, 891.
Морошкинъ, Мих. Яе., свящ. Спб. Казанск. соб., свид. его съ Н. И. Тург. 1200; свѣдѣн. о немъ 2008—2009.
Мосальскій (-Литвиновъ кн. Вас. Ѳеодор., окол. и воев.), 402.
Москва, 1107.; приготовл. къ посѣщ. Фалькеншт. 228, 229; строен. 229, 246, 249, 251, 253, 254, 268—270, 272—274, 294, 295, 542, 543, 545, 559, 560. 571, 871. 872; торг. 238, 261, 274, 324, 326; 337, 336; учрежд. благотвор. завед. 262; училища, 266, 267, 277. 278, 312—312; театр. 267; наводн. 275; водоводъ 277, 293, 295; азарт. игры 278; запасн. хлѣбн. магаз. 279, 280; государтв. ар. 291, 1654; укрѣпл. Москворецк. берега 298, 871, 873; полиціи 107; общество любителей учености 313; Камен. мостъ 325, 336.; 560, 621. площ. 550; Екатер. больн. 552, 2085; Гостин. дворъ 555, 556, 572; аптек. 557, Лефортовскій: домъ 557; мытн. дворъ 559; расколън. 568, 569, 880; Лютер. церк. 574; Голиц. больн. 574; посѣщ. Екат., 461, 462; монетн. палаты, 1138; доход. 1139; таможня 1144, 1145; проект. предлож. Петр. В. о соедин. ея прямою дорогою съ С.-ІІб. 1348, по опис. Вебера 1356—1360; часы, 1360; скудельницы, 1360, 1361; гимназій, 1361; патр. ризница и библиот. 1363—1364; звѣринецъ 1375, 1076; цейгаузъ, 1377; Кремлевск. дворецъ 1377; женщины 1381—1384; бытъ 1384—1387; головы казенныхъ, 1437; нашеств. Француз. 1855, 1856, 1858, 1859, 1862, 1867, 2293, 2400, 2401, 2404, 2405, 2407, 2410, 2412—2415, 2421, 2423, 2424, 2428—2430, 2432. Университ. 108—116, 263, 267, 278, 2392, 2396. Мѣщанскіи ул. 2056; Поклонная гора 611, 613; Ордынка 616; Труба 618; недостатокъ въ деньгахъ 1647.
Москвитяне, замѣч. о нихъ Веб. 1073—1078.

- Московская* губ., 524, судѣ надъ царев. Алексѣ-
290, 559—560.
- Мостевъ*, Родіонъ, 583,
594, 1214.
- Мотемидъ-ед - Даулетъ*,
верховн. мин. Персидск.,
1502, 1526.
- Мошинскій*, гр. 1940.
- Мощи святыхъ*, поклонене
ніе имъ 1620.
- Мстиславскій*, (кн. Ѳед.
Ив., бояр. и воев.), 417,
889.
- Мудровъ*, (Матѳей Іко
вл.), проф. и врачъ, 726,
1458.
- Муравьевъ*, Алексан. Никол.,
Нижегор. губерн., его
столкнов. съ Далемъ, 2029.
- Муравьевъ*, Андр. Ник.,
о Сперанск. 214.
- Муравьевъ*, гр. Мих. Ник.,
1559, 1560.
- Муралятъ*, паст. 1232,
1487.
- Мурзакевичъ*, Ник. Никиф.,
привелъ въ поряд. Рѣшетил. арх. 935; его со-
общ. 2043.
- Муса-Ханъ-Мирза*, мих-
менд., 1498, 1535.
- Мусина-Пушкина*, (урожд.
д. кн. Голицына), кн. Ан.
Ник., 2145.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. Алек-
сѣй Ив., его раск., 502;
(упом. въ пис. Екатер. 535?) его домъ въ Москвѣ
2402.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. Апол-
лосъ Аполлосовъ, 2145.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. Вал.
Плат., 2080, 2082, 2129,
2144.
- Мусинъ-Пушкинъ*, гр. Ив.
Алексѣев. замѣч. о немъ Ве-
бера, 1095; его сынъ 1106;
отобр. монаст. и архіер. имѣн.
1130; участв. въ
- Наполеонъ I*, 442, 443;
1023. 1906, 2275, 2276,
2268; взгл. на него Рас-
топч. 965. 968, 969; сно-
шен. съ расколн. 981,
982; связь съ гр. Валев-
ской, 1940, 1941, 1943;
замѣч. о немъ Новосильц.
1719, 1720; упом. въ пис.
Позд. 1854, 1861. 1865,
1866, 1870—1872, 1875,
1886; съ нимъ Павелъ I
заключ. миръ, 2182; отз. о
немъ гр. С. Р. Воронц.,
2188, 2189, 2195, 2197,
2198, 2'99, 2000, 2006;
упом. въ пис. Людовика
XVIII, 193—194; континен-
талн. система, 2270—2273;
нашествіе на Россію 2292—
2296, 2299—2303, 2389 —
2391 2395, — 2396, 2401,
2408, 2409, 2412, 2414,
2417, 2419, 2426, 2427,
2432. 2435. Разсужден. о
немъ Циприн. 2317—2334.
- Наполеонъ III*, 203, 646;
1259, 1943; въ Зап. Нес-
сельр. 342, 343, 348; ма-
тер. для его біогр. 436 —
438; Поляки, 434.
- Наполеонъ*, пр. 978, 1229.
- Нарва* г., 1107, 1162,
1163, 1648.
- Нариманъ-мурза*, 1498,
1507, 1510, 1512.
- Нарышкина*, (урожд. За-
кревская), Марина Осип.,
2122.
- Нарышкина*, (урожд. гр.
Растопчина), Нат. Ѳед.,
2229, 2230, 2234, 2240,
2245.
- Нарышкинъ*, Аван. Кир.,
2060.
- Нарышкинъ*, Дм. Вас.,
уп. въ пис. гр. С. Р. Воронц.
2224, 2229, 2230, 2234,
2239, 2240.
- Мусинъ - Пушкинъ*, гр.
(Плат. Ив.), 1106.
- Мутъе*, 197.
- Мухамедъ-ханъ*, начальн.
Персидск. артил., 1502.
- Муханова*, (урожд. кн.
Мещерская), 2373, 2375.
- Муханова* (урожд. Ол-
суфьева, Марія Дмитр.) 2384.
- Мухановъ*, Ник. Алексѣ-
ев., тов. мин. нар. пр.,
1034.
- Мухановъ*, Пав. Алек-
сан., замѣч. объ его дѣя-
тельн. въ Польшѣ, 1554,
1563—1566.
- Мухановъ*, (Пав. Иван.),
2384.
- Мухановъ*, кам.-юнк., же-
нат. на кн. Мещерской
2373, 2375.
- Мухинъ*, (Ефр. Ос.), проф.
и врачъ, 458, 926.
- Мълешко*, авант., 2276—
2277.
- Мюллеръ*, Шведск. капит.
1407.
- Münier*, 537.
- Мясниковъ*, 235.
- Мясондовъ*, упом. въ пис.
Пушк. 198.
- *
- Набби - Ханъ*, мирза,
1500, 1501.
- Нагіе*, 358.
- Наллеръ*, 1216.
- Надеждинъ*, Ник. Ив.,
1021; біогр. свѣдѣн. о
Далмат. еп. Бенедиктѣ
Кралев., 441—444.
- Назаръ-Али-Ханъ*, мпх-
менд., 1498, 1524, 1525,
1535.
- Назимовъ*, М. А. декабр.,
206.
- Назимовъ*, В. И., ген. губ.
Вилensk. 644.
- Намивайко*, 612.

- Нарышкинъ*, Ив. Кирилл., 2069.
- Нарышкинъ*, Кир. Полуект., Тарусск. помѣщ. 2046, 2051.
- Нарышкинъ*, Лев. Алексан., 2122.
- Нарышкинъ*, Петр. Петр., 2113.
- Нарышкинъ*, (Сем. Гр.) камерг. сосл. по дѣлу царев. Алексѣя. Петр. 1452.
- Нарышкинъ*, 330.
- Нассау-Зигенъ*, пр. вице-адмир., 326, 546.
- Наталиа Алексѣевна*, дочь царев., 1093.
- Наталиа Алексѣевна*, царевна, 1085—1087, 2057, 1371; ея конч. 1408, 1640; устр. представл. 1424.
- Наталиа Кириловна*, Нарышкина, царица, 1087, 2046—2052, 2055—2060.
- (*Наталиа Петровна*), третья дочь Петра В., 1158.
- Нашокинъ*, П. В., 1919.
- Нева*, р. 1067.
- Небольсина*, 2416.
- Небольсинъ* (Вас. Алексан.), Моск. вице-губерн., 317.
- Неволинъ*, Конст. Алексѣев., 725, 1275, 1286.
- Невъдомцевъ Н.*, его генеалогич. недоумѣніе касательно родства Грохольскихъ съ Потаповыми, 2044.
- Ней*, марш., 2390.
- Нейдартъ*, ген. 1291.
- Нейкирхъ*, Ив. Яковл., свѣдѣн. о немъ 2009 — 2010.
- Нейшлотъ*, крѣп., 2078.
- Некрасова* (Екат. Стен.), сообщ. пис. Позд. 1854.
- Нелединскій - Мелецкій*, Юр. Алексан. разск. его 455; пис. къ нему Мар. Оеод. 353, 354; Жуковск. 855.
- Нелдова*, Екат. Ив, пис. къ П. И. Бобарык. 786—788.
- Нельсонъ*, свѣдѣн. о немъ 738—742, переп. съ Сувор., 724—751; его жена 741.
- Несвижъ*, городъ, 2297—2298.
- Нессельродъ*, гр. Дм. Карл., 1238.
- Нессельродъ*, гр. Карлъ Вас., канцл., 1262, 1267, 1307; Зап. его о политич. соотнош. Россіи, 337—350, пис. къ нему Паскев. 1551; Канкр. 1552.
- Нессельродъ*, гр-я Марья Карл., 1238.
- Нефедъевъ*, случай съ нимъ на часахъ во дворцѣ при Ан. Иоан. 123.
- Неканоръ Богемичъ*, архим. 1025.
- Никитскъ*, гор. упраздн. 297.
- Никласъ*, 2139.
- Нелюбовское с.*, Вологодс. губ., 1855.
- Немоіовскіе*, 1736.
- Нерсесь*, архіеп. 1539.
- Неруда*, пѣвица, 1037, 1211.
- Несвицкая* (урожд. Мещеринова), Мар. Ил., 566.
- Несвицкій*, кн. Дм., 566.
- Николай* чудотворецъ, 1619.
- Николай Павловичъ* (имп.) 203, 216, 525, 527, 531, 624, 1760, 1812, 1823—1824, 1841, 2351, его полит. сист. 347—349; пис. къ гр. Е. П. Потемк. 425—426; запрещаетъ въѣздъ Нап. III въ Россію, 436—437; день его рожденія Екатерина знаменуетъ пособіемъ погорѣвш. жит. Москв. дер. Панки и прощеніемъ Моск. купцовъ торговавшихъ запрещенными книгами, 877, 878; сформир. Малорос. казат. полк. 953, 954—963; разрѣш. изд. Польск. газ. въ П.-бургѣ 1033; посѣщ. Воен. Типогр. 1046, 1047; въ Зап. гр. Блудовой, 1222, 1227, 1228, 1249—1251, 1257, 1259—1261, 1267, 1268, 1288, 1303; поѣздка въ Москву во время холеры 1279, 1280, 1287; Польск. мятежъ, 1290, 1292, 1294, 1295, 1566; маниф. 1296—1300—1302, 1037; уп. въ пис. Грибоѣд 1538; Паскев. 1551; обезпеч. сем. Грибоѣдова 1552; ему поднос. соч. Гоголя 1329; узакон. о Евреяхъ 1752—1757; б. опечал. кончин. Пушк. 1804, 1806; стихотв. Лерм. 1818, 1819, 1826, 1832, 1833; замѣч. его о гербѣ Варшавск. 1916; представл. ему Валевск. 1942; Остзейск. вопросъ 1959, 1960, 1968, 1969, 1974, 1978; заграничн. путешествія 2201; помѣщаетъ инженерн. училище въ Михайловск. дворцѣ 2337; Головинъ 2342, 2345, 2346, 2349, 2350; разрѣшаетъ Погодину трудиться вмѣстѣ съ Пушкинымъ надъ Истор. Петр. В. 2371; уважалъ М. А. Волкову 2434.
- Николай*, сопр. гр. и гр. Сѣверн. въ путеш. по Евр. 768.
- Николай*, бар., 2217.
- Николь*, аб., 976.
- Никонъ*, патр., 2060; вышедш. о немъ книга въ Лондонѣ 765; свѣдѣн. о немъ у Вебера, 1364, 1372—1374.

- Нилова*, Елиз. Корнил., бригад., 2109.
- Ниловъ*, Андр. Мих. бригад., 2123, 2124.
- Ниловъ*, Петръ Андр., Тамб. губерня., 2427.
- Нового года* празднованіе, 1150 — 1151, 1642 — 1643.
- Новоковскій*, Польск. загов., 657.
- Новгородъ В.* 759; замѣтк. о немъ Вебера, 1348, 1349.
- Новиковъ*, Ник. Ив., кон-фиск. топогр., 462.
- Новосильцова*, (урожд. Тарсукова), Ек. Александр., 2102, 2114, 2124.
- Новосильцовъ*, Ник. Ник., 489, 490, 1305, 1889, 1909, 1933; воспом. о немъ Цы-приуса, 1708—1769.
- Новосильцевъ*, Петр. Ив. свѣд. о немъ, 2102; упом. въ пис. Циціан., 2102, 2108, 2115, 2118, 2124, 2132, 2135, 2141, 2143.
- Новосильцовъ*, Пет. Петр., 2102.
- Ноль*, учит. 1266, 1274, 1292.
- Ножъ*, его соч. о Сибири, 756, 955.
- Норовъ*, Авр. Серг., 1198.
- Норовъ*, правит. Харьк. губ. 101.
- Норрисъ*, Англ. адмир., 1162.
- Нортумберландскій*, герц., 2177.
- Нумснъ*, ген., 184.
- Ньмевичъ*, Польск. поэтъ, изд. его Зап., 762, 763; упом. 1723, 1736, 1917.
- Ньмцово*, с. подъ Мало-ярославцемъ, принадл. Радниц. 927, 944.
- Ньмца*, 2434.
- Н.* (ебольсинъ), Г. П. чл. Госуд. Сов., 1809.
- Оберкирхъ*, ся Записки, 152.
- Оберъ-Шалме*, ся магаз. въ Москвѣ, 2431.
- Оболенская*, кн. Соф., 2379.
- Оболенискіе*, кн., 2416.
- Оболенскій*, А. Ѳ. 1473.
- Оболенскій*, кн. Мих. Анд., принадлеж. ему Хронографъ 919.
- Оболенскій*, кн., сформир. въ 1812 г. полкъ 2384.
- Оболяниновъ*, Петръ Хри-сане., 184, 185, 1465.
- Овербергъ*, 776.
- Огарковъ*, Дон. полкъ., 569.
- Огинскій*, кн., Мих., гетм. Литовск. 1709, 1718, 1721.
- Огинскій*, гр. 170.
- Огинскій*, профес. Польск. слов. 1916.
- Орызко*, Юсаф., его га-зета Слово и Volum. Legum 1031—1039, 1039 — 1042, 1553—1555, 1558, 1559.
- Одоевскій*, кн. Вл. Ѳед., 204, 1933; бумаги его 340; воспомн. о немъ Тимир. 0867; отзывъ о стнх. Лер-монт., 1826.
- Одоевскій*, кн. Ив. Н., 899.
- Одоевскій*, кн. Никол. полк., жалоба на него со-держ. Моск. Клуба, 237, 247.
- Одынецъ*, Польск. пис., 1045; замѣч. его о Мицк., 435.
- Озеровъ*, Ив. Петр., 1255.
- Ока*, р. 285, 290.
- Оленинъ*, Ал-й Ник., 1226.
- Олехановъ*, с. боярск., 2495.
- Олешовъ*, прап., 281.
- Олсиковичъ*, живописец., 1927.
- Олонезъ*, г. рудокопни, 1416—1418; цѣлебн. источн. 1439, 1440, 1646.
- Олсуфьевъ*, Ад. Вас., 225; его собран. лубочныхъ кар-тинокъ 1216.
- Олсуфьевъ*, ротм., ему по-дар. путешес. Радниц. 936.
- Олсуфьевъ*, воев. Кашпирск. 1451.
- Олсуфьевъ*, уп. въ пис. Волков. 2375.
- Ольденбургскій*, герц., 495.
- Ольшинскій*, Марк., 634.
- Омульскій*, авантюр., 2276—2277.
- Опошня*, м., 98, 99.
- Отперманъ*, пнжен. ген., 1569.
- Ораніенбаумъ*, 1701 — 1702.
- Ордынг-Налцокинъ* (Аван. Лавр.), 901.
- Орлеанскій*, герц., 978.
- Орловскій*, живописецъ. 1900.
- Орлова*, графиня, въ пис. Волк. 2430.
- Орловъ*, гр. Алексѣй Гр. разск. его, 131—134; по-греб. Екат. 148; въ воспом. Лубиновск. 467—468, 488.
- Орловъ*, кн. Алексѣй Ѳе-дор. 1005 — 1007, 1292, 1959.
- Орловъ*, гр. Гр. Вл., 2236.
- Орловъ*, кн. Гр. Гр., разск. о немъ митр. Плат. 459.
- Орловъ*, Гр. Никит. гофм., 2128.
- Орловъ*, Гр. Ѳед. полк., 2207, 2211, 2215, 2221, 2231, 2236.
- Орловъ*, гр. Ѳед. Гр., разск. его 131, 132; конч. 875.
- Орловъ*, походн. атаманъ, 328.
- Орловы*, 2033.
- Орнано*, докт. 1897, 1898, 1943—1945.

- Ориатскій* (Серг. Ник.), 2336; смерть Екатер. 143; тов. Иноз., 725.
- Оситова*, Праск. Алексан. Екатер. и Петра III 146—2356; пис. къ Жуковск. о Пушк. 2358—2362.
- Остенъ-Сакенъ*, (урожд. Энгельгардтъ), барон. Елнс. Егор., 1470, 1490.
- Остенъ-Сакенъ*, (урожд. Энгельгардтъ), бар. Нат. Егор., 1470, 1488.
- Остенъ-Сакенъ*, бар. А. Ѳ. 1470, 1488.
- Остенъ-Сакенъ*, бар. Р. Ѳ., 1470.
- Остенъ-Сакенъ*, вк. (Ф. В.) фельдм., 164.
- Остерманъ*, гр. Андр., Ив., разск. о немъ, 124, 125; рекоменд. Рихмана въ Академію, 1319.
- Остерманъ*, гр. (Ив. Анд.) 878, 2083, 2094, 2111.
- Остерманъ*, (—Толстой, гр. Александр. Ив.), ген., 2385.
- Остерманъ*, гр. Ѳед. Андр., 124; сдаетъ Моск. губ. Архар., ген. поруч. 232; учен. Рихмана, 1319, котор. доставилъ ему свой перев. Оп. о Челов. 1319—1321; учился Богослов. у митр. Плат. 1322.
- Островскій*, Бор. полк., 237.
- Островскій*, бриг., Моск. об. полиц. отрѣшенъ и отд. подъ судъ, 260—262.
- Островскій*, его магаз. въ Варш. 661.
- Ость-Фрисландская*, пр. 1339.
- Остяки*, 1401, 1402, 1407.
- Офросимова*, Наст., 579.
- Офросимова*, попр., 2252.
- *
- Павель I* (имп.) 169, 171, 176, 184—185, 195—197, 787—788, 2090, 2122, 2174, 2336; смерть Екатер. 143; воцарен. 144—146; погреб. Екатер. и Петра III 146—149; предвѣщ. объ его кончинѣ 150—152; крестьянск. бунты 153—157; коронац. 157—159; путешеств. 159—160; маневры 165—166; отпр. Репн. въ Берлинъ на на коронац. Фридр. Вильг. III, 170, 176; противоборств. революц. идеямъ 175; запрещ. Репн. возвращ. въ Пбургъ 177; увольн. Репн. отъ службы 178; открыв. Зап. Екатер. 453—454; путешеств. въ Казань 455—456; конч. 466—469; служба при немъ Кочуб. 479; рассказы гр. Ростопч. 502; награжд. Нельсона 739, 749; отношен. къ Сувор. 742, 746; путешеств. по Евр. 766—771; пис. къ П. И. Боборык. 789—791; Радищ. 944; велик. маг. Малт. Орд. 1464—1470; жалуется Аракч. с. Грузино 2038—2039; предлаг. гр. С. Р. Воронц. званіе госуд. канцл. 2175; негодуетъ на него за отказъ и приказыв. конфиск. его имущество 2175; гр. Ростопч. 2178—2179, 2181—2182; упом. въ пис. гр. С. Р. Воронц. 2180, 2194; въ автобіогр. Даля 2246, 2247; заключ. миръ съ Напол. 2182.
- Павель II*, папа, 11.
- Павель*, ин. Бѣловринцк. 442.
- Паддонъ*, адмир. 1614—1615.
- Пазирафія*, 1325—1326.
- Паусій*, Лгаридъ, митр. Газск., 765.
- Паленъ*, бар. (Матв. Ив.), Остзейск. ген. губерн. 1245, 1959—1960, 1976.
- Паленъ* (Пав. Петр.?), гр. 2386.
- Паленъ*, гр. (Петръ Алексѣев.), Спб. в. губернат. 1465.
- Паленъ*, баронесса, мать жены Энгельг. 1470.
- Палкинъ*, тракт., въ Спб., 1897.
- Пальмеръ*, Вильямъ, 765.
- Пальмитіерна*, барон., Шведск. носл. въ Спбургѣ, свѣдѣн. о немъ 1951—1953.
- Памфиловъ*, Іоаннъ, духовн. Екатер. В., 2067, 2074.
- Панафидино*, село Старицк. у., 1946.
- Панинъ*, Ал.-Й, капит. 297.
- Панинъ*, гр. Викт. Никит., его архивъ 1.
- Панинъ*, Леон. Никит., 780.
- Панинъ*, гр. Никита Ив., 41, 768, 1296.
- Панинъ*, Никита, кол. прок., 244.
- Панинъ*, гр. Петръ Ив., 232, 1885—1886.
- Панжи*, дворц. с., Моск. губ., 877.
- Панкратьевъ*, П. П., 164.
- Папаметеймъ*, г-жа 1308.
- Парижъ*, замѣч. о немъ Ростопч. 967—968.
- Паркеръ*, Англ. адмир., 741.
- Парціалисъ*, врачъ, 2317.
- Парчевскій*, Александръ 1891—1892, 1896.
- Паскевичъ*, вк. Ив. Ѳед., 1291, 1563, 2355, 2346, 2347, 2349 въ пис. Грибоѣд. 1541—1542, 1547, 1550; пис. къ Нессельр. 1551—1552.
- Пассекъ*, Натал., дѣло ея 258—260, 270—271, 277, 288, 293.
- Пассекъ* (Петр. Богд.) 2076.

- Пасси*, Ипол., сочин., 778.
- Пастуховъ*, 2066.
- Пасха*, праздн., 1067 — 1068.
- Паткумъ*, 1231, 1273.
- Паулучи*, марк., перевоз. тѣло Циціан. изъ Баку въ Тифл. 2173.
- Пахомовъ*, Родіонъ, 583, 594, 1214.
- Пахра*, р., 285.
- Пахринъ*, гор., учрежд. изъ села 297.
- Пашковъ* (Истома, с. боярск.), 404.
- Пейкеръ*, Алексан. Алексан., 1804—1807.
- Пекарскій*, Петръ Петровичъ, академ. 2060, 2098.
- Пемброкъ* (урожд. гр. Воронцова), Ев. Сем., упом. въ пис. отца 2182 — 2186, 2200, 2207 — 2208, 2211, 2214, 2232 — 2235, 2244, 2245; училась Русск. яз. у Зиновьева, 2104—2105.
- Пемброкъ*, лордъ 2191, 2232, 2234 — 2235.
- Пенза*, гор., холера 525 — 526.
- Пензенская*, губерня, замѣчан. о ней Алексан. I 519.
- Пене*, революціон. 1728.
- Перекусихина*, Мар. Сав. 2153.
- Переплетчиковъ*, Ив. Московскій куп., торговаль запрещен. кнгами 877.
- Пернава*, г., 1648.
- Перовскій*, гр. Бор. Алексѣев., 1238.
- Перовскій*, гр. Вас. Алексѣев., 1237—1238; Гоголь изъявл. желаніе, чтобы онъ прочелъ его «Переписку съ друзьями» 1330; Оренбург. ген. губ. 1769; служба при немъ Даля 2027.
- Перовскій*, гр. Левъ Алексѣев., мин. вн. д. 442; Остзейск. вопросъ 1959, 1966, 1972, 1975; служба у него Даля 2028—2029.
- Перретъ*, Ел. Вароол., завѣд. Московск. Екатерин. учил. 853.
- Перфильева* (урожд. Ланская) Анаст. Серг. 2434.
- Персія*, 1647, 1649 — 1650.
- Пестель*, Ив. Бор., Московск. ночтдирект., пріятельск. его сношен. съ кн. А. И. Вяземск. и Карамз. 1327.
- Петаци*, врачъ, 2315—2317.
- Петергофъ*, 1104, 1158; описаніе его у Вебера 1702—1703.
- Петровскій* остр. въ Спб. 1087.
- Петровское-Разумовское*, подъ Москвою 2409, 2425.
- Петровъ*, проф. Кіевск. Академ. 998—1000, 1002.
- Петровъ*, учит. Русск. словесн. въ Воронежск. гимназіи 833, 837.
- Петръ Великій*, 196, 198, 892, 1203, 1566—1567, 2371; рассказъ о немъ 117, 118 — 125; замѣчан. о немъ Мицкев. 430 — 432; замѣчаніе 760—761; коронац. 1003; его преобразованія 1057—1168, 1334—1457, 1613—1704; престолонаслѣд. 1171—1172, 1176, 1181; портретъ Петра В. 1215—1216 1982. память о немъ въ сѣверн. краѣ 1332—1333; указъ вице-губернатору Арханг. 1333; учрежд. майорат. 2038; рожден. и дѣтство его 2045—2061; медаль на его мун. 2064; упом. въ пис.
- С. Р. Воронц. 2188—2189, 2195—2196.
- Петръ I* владѣл. Черногоріи 1023.
- Петръ-Августъ*, пр. Голштейнъ - Бекскій, Русск. фельдм. 2122.
- Петръ Алексѣевичъ*, в. кн. 1339, 1656—1657; получ. отъ Петр. В. портретъ и объявл. сержантомъ Л. Гв. 1428—1429.
- Петръ* Георгіевичъ, пр. Ольденбург., 1491.
- Петръ* Петровичъ, в. кн. 1340; объявл. наслѣдн. прест. 1440, 1613, 1622; кончина и похороны 1656—1658.
- Петръ III*, (имп.), 454—455, 2177; рассказы о немъ 128—129; перенесен. его тѣла 146—148.
- Пигнателли*, 2239.
- Пилеикій*, Март. Степан 2339, 2341, 2349, 2351.
- Пино-Моберліякъ*, 2213.
- Пиллау*, Русск. подполк. 1148.
- Пименова*, танцовщ. 1780.
- Пиперъ*, гр., заключ. въ Шлис. крѣп. 1152, 1336.
- Пироговъ*, Никол. Ив., товар. О. И. Иноземц. 724; Даля 2025.
- Писарева*, Дарья, 280.
- Писаревъ*, Алексан. подполк. 280.
- Питтъ*, 143; дружба его съ гр. С. Р. Воронц. 2176, 2190.
- Платеръ*, еп. 686.
- Платовъ*, гр. (Матв. Ив.) 2193, 2386, 2389.
- Платонъ*, митр. Московск. и Коломенск. 113, 266, 273; 456; корон. Павла 157—158, отмѣна его указа о сборѣ для Законосп. учил. 302—303, протоіер.

- Алекс. 305 — 306, ценз. сочин. Вольт. 329, упраздн. церкв., 335, рассказы его 447—462, уп. въ пис. Еккатер. 546, у него учился Богослов, гр. О. А. Остерм. 1322, изъявл. неудовольств. по новоду переписки Еккатер. съ Вольтер. 2090, его исторія Рос. церкви 604.
- Плетневъ*, Пет. Алексан., 1329, 1473.
- Плещевъ*, Н. И. 1324.
- Плещевъ*, Ив., воевода 413.
- Плещевъ*, Матв., 422.
- Плещевъ*, Серг. Ив., 148, 467, 1876, сопроводж. гр. и гр. Сѣверныхъ въ путешеств. по Европѣ 768.
- Повалкинъ*, (Ил. Вас.), адмир. 546, 2083.
- Поженполь*, пос. секр. въ Лондонѣ, 2143, 2222—2223.
- Погодинъ*, Мих. Петровичъ, историкъ 352, 1208, 2026, пис. къ нему графа Корфа о Сперанск. 214—216, Зинов. о дружинѣ 438—440, биограф. Петра В. 2060, пис. къ нему Гоголя 2369—2372; полемика съ Иловайск. о Варягахъ 2499.
- Подоминскій*, А. И., его воспомин. 856 — 0865, замѣч. Бурнаш. 1604—1606, упом. въ пис. Баратынск. 351.
- Подоль* (Подольскъ?), гор. 284—285.
- Подольская* губ., 519, 531—532.
- Подсолнечное*, с. 548.
- Подчасскій*, Иппол., 2408.
- Пожарская*, кн. Мар. Фед., 894, 895, 896, 924.
- Пожарскій*, кн. Дм. Мих. столбн. и воев., изслѣдов. о немъ И. Е. Забѣлина 353—424, 581—621, 881—926, 1213—1215, посвященіе къ ему 2436; гр. С. Р. Воронц. сравнив. съ нимъ Росточ. 2185.
- Пожарскій* (— Лопата, кн. Дмитр. Петр.), 589, 598, 611.
- Пожарскій*, кн. Ив. Дм., 913.
- Пожары*, мѣры противъ нихъ 1621—1622.
- Поздневъ*, Никол. Ос., 1859.
- Поздневъ*, Ос. Алексѣев. масонъ, бунтъ его крестьянъ 153, 155, пис. къ друзьямъ 1853—1886; взглядъ его на Россію 1878. 1881.
- Познинскій*, авантюръ, 2276.
- Полевой*, Ксеноф. Алексѣев., 352.
- Полевой*, Никол. Алксѣев., 852; пис. къ нему Баратынск. 351—352, знаком. съ Мицкев. 1890.
- Полежаевъ*, Тимоѳ., Моск. куп. торгов. запрещ. книгами. 877.
- Поликарповъ*, Алексан. Вас., 2153.
- Поликарповъ*, Евг. Александр. 1231, 1232, 1946, 1949.
- Польша*, 1720 — 1722, 1723, 1736, 1739, 1740, 1894, 1896, раздѣлъ 1—98, заговоры и возст. 622—706. Французск. вліяніе 1912 — 1915; геральдика 1926.
- Поляки*, 2434.
- Польновъ*, Дм. Вас., его замѣч. на Геннад. изд. Зап. Храповицк. 2098.
- Польновъ*, адъютан. Герштенцвейга 701.
- Помо*, врачъ 1458.
- Понинскій*, гр. кукм. корон. 13—16, 18, 21, 24, 25.
- Поместъ*, ген., 2221.
- Понятовскій*, Маврик., 1898.
- Попе*, 1711; его Опыт. о челов. 1311—1322.
- Поповскій*, (Никол. Никит.), проф. Моск. Ун., его перев. Оп. о челов. 1311—1322, 2031.
- Поповъ*, Вас. Мих., 2339, 2340, 2352, 2353.
- Поповъ*, Вас. Ст. 137, 138, 1183, пралит. канцел. Потемк., пис. къ нему Безб. 935, 936, 947, 948.
- Поповъ*, Лука, секр., картоточн. игр. 872.
- Поповъ*, Никол. Егор., 2010.
- Поповъ*, Никол. Иван., 2010—2011.
- Поповъ*, Нилъ Алексан. проф. Моск. Ун. о еп. Кралевичѣ, 1021—1030.
- Порай - Кошецъ*, 1274, 1276, 1285, 1286.
- Постниковъ*, Дм. Гавр., Тульск. помѣщ. 2364.
- Потанови*, (урожд. Шаховская, въ 1-мъ бр. Гроховская), Тат. Вас. 2044.
- Потановъ*, Алексан. Льв. ген. адъют. 2044, пребываніе въ Варшавѣ 685, 694.
- Потемкина*, (урожд. кн. Трубецкая), Ел. Пет., пис. къ ней имп. Никол., 425—426.
- Потемкинъ* Таврическій, кн. Гр. Александр. 250, 743, 948, 1183, 1463. 1464, посѣщ. Харьк. 103, 104; знаком. съ Костров. 104, 105; кончина 105, 106; разск. о немъ 132, 133, 137—141; солд. его врем. 145, 250; населяетъ Тав-

- рич. обл. Моск. заштатн. церковниками 264, 265; Тур. в. 317, 328, 331, 332; Екатериносл. 321; разск. о немъ митр. Плат. 459; извѣщ. Екатер. о взятіи Измаила 551, 552; вызыв. Липранди изъ Италіи 567; мѣн. о немъ в. к. Павл. Петр., 770; уп. въ пис. Екатер. 2068, 2074, 2079, 2081, 2086; Циціан. 2126, 2146, 2147, 2154, 2155, 2156, 2169. Отправл. графа С. Р. Воронц. въ Итал. 2175.
- Потемкинъ*, гр. П. С. бумаги его Екатер. приказ. прислать къ себѣ 873, 874.
- Потоцкая*, гр. Авт. владѣльн. дер. Виллянова, 681.
- Поццо-ди-Борго*, 982; отъ. о немъ гр. С. Р. Воронц. 2226.
- Почебутъ*, канон. 182, 183.
- Пошехоновъ*, товар. Иноземц. 725; обуч. нравамъ въ Берлинѣ 1275, 1286.
- Прага*, г. снош. съ нею Петр. В. 1417.
- Прадтъ*, (де) архіеп., дипломатъ 982, 983, 1941.
- Пражмовскій*, проф. Варшавск. Мед. Ак., 629.
- Прасковія*, царица, супр. ц. Иоанна Алексѣев., 1106, 1343, 1452.
- Праць*, Ив., собират. Русск. пѣсенъ, 2144, 2145.
- Преображенское с.*, Саратов. г. принадл. Радщ. 944.
- Преображенское*, 2050, 2056.
- Пржездецкій*, писатель Польск., 1045.
- Пржещлавскій*, Антонъ, свѣдѣн. о немъ, 1904, 1905, 1906; 2296, 2297, 1305, 2309, 2315, 2317.
- Пржещлавскій* Ос. Ант. полем. съ Н. В. Берг. 1031—1055; 1210 — 1213; 1553 1576; его Калейдоск. 1708 — 1769, 1887 — 1954; 2269—2334.
- Прозоровскій*, кн. хранитель госуд. сокровищ. 1377.
- Прозоровскій*, кн. Алекс. Алексан. Московск. главноком. 865, упом. въ воспомин. Лубиновск. 488; письма Екатер. 533—580.
- Прозоровскій*, кн. Семень, воев. 910.
- Промышленныя*, общество. 1745, 1746; 1889.
- Пронскій*, кн. Петръ, воев., 904—905.
- Пронскъ*, г., 409.
- Просовицкій*, (Андр. воев.) 422, 588, 589.
- Протасова*, Ап. Степ. 2179.
- Протасова*, уп. въ пис. Циціан. 2118.
- Протасовъ*, гр. Никол. Алексан. об. пр. Св. Сун., 1972, 2348, 2351.
- Прохоровъ*, Е. Е., 2011.
- Пуачевъ*, 1726. 1860, 1879, 1880, 1885, 1886.
- Пусс*, сообщ. свѣд. объ Астрах. 1390—1397.
- Пусловская* (урожденная Друцкая-Любецкая), 1710.
- Пусловскій*, Войц. тяжба, съ Новосилецъ. 1710, 1713, 1724. 1741. 1757.
- Пустовойтова*, 644.
- Пуятинъ*, кн. камерг. 556, 557.
- Пушкина*, Ан. Осип. 2126, 2131, 2132, 2136.
- Пушкина* (урожд. Ганнибалъ), Надежда Осип. 2354 — 2355, 2358, 2360, 2361.
- Пушкина* (урожд. кн. Волконская), Натал. Абрам. 2374.
- Пушкина*, (урожд. Гончарова), Нат. Ник. 202.
- Пушкина*, Ольга Серг. 2354, 2356.
- Пушкинъ*, А. С. 428, 1329; пис. къ Н. А. Дуров. 199—201; 201—204; замѣч. Барат. объ Онѣг, 351; продажа его сочин. 471; воспом. о немъ Подол. 859—864; о Радщ. 937; свид. съ Ермол. 986; въ Записк. гр. Блудовой, 1217, 1219; не питающ. къ Энгельгардту особен. привязан. 1476; пис. его къ (гр.) Корфу 198, 1601—1603, къ Жуковск. 2354—2357, прошеніе Адеркасу 2359. посѣщаетъ Греча, 1789, 1790, 1796, 1798, 1799, 1800, конч. 201 — 204, 1802 — 1812. стихи на смерть его 1813 — 1834, знаком. съ Мицкев. 1906 — 1910, Современникъ 1933, противод. Булгар. 2025, 2026, приним. участіе въ трудахъ Даля 2026, даритъ Далю изумрудн. перстень. 2026, умираетъ на рукахъ Даля 2026; страсть къ картамъ 2253, пис. о немъ Осипов. къ Жуковск. 2358—2361, примѣч. 2362—2363, говорилъ имп. Николаю о Погодинѣ 2371, занят. Петр. В. 2371; его Рославл. 2435, упом. 1485—1486, 1788 — 1789, 1795.
- Пушкинъ*, Бор., 896.
- Пушкинъ*, Вас. Льв., 352.
- Пушкинъ*, Ив., 895.
- Пушкинъ*, Левъ Серг.

- 204, 862, 2354, 2355, 2356, адъют. гр. Воронц. 2186, 2357, 2361. 2194.
- Пушкинъ*, Серг. Льв., отнош. къ сыну 2354—2356, 2358, 2362.
- Пушкины*. 2416.
- Пъхорка* р., 403.
- Пятковский*, Алексан. Петр., его замѣтка о Герценѣ 1996.
- *
- Радзивилъ*, князь Ант. (1292?) 1310.
- Радзивилъ*, кн. Елиз. 1310.
- Радзивилъ*, кн. Левъ, г. ад., его ординація, 1055.
- Радзивилъ* (урожд. пр. Прусская) Луиза, 1310.
- Радзивилъ*, кн. марш. Литовск. 13. 14, 21.
- Радзивилъ*, 1247, 2298.
- Радищева*, (урожд. Рубановская), Ан. Вас. 931, 932, 944.
- Радищева*, Екатер. Алексан., 932.
- Радищевъ*, Алексан. Никол., его книга, 547, 548, 927—953.
- Радищевъ*, Аван. Прок., 944.
- Радищевъ*, Васил. Алѣксан., 932.
- Радищевъ*, Никол. Алексан., 932.
- Радищевъ*, Никол. Аван. 944.
- Радищевъ*, Пв. Алексан., 932, 934—939, 946—947.
- Радищевъ*, упом. въ пис. Цицян. 2143.
- Раевскіе*, Ан., Тат. п. Екатер. 870.
- Раевскіе*, 2355.
- Раевскій*, Алексан. Ник., 2362.
- Раевскій* (Никол. Ник.), ген., 863, 2385.
- Раевскій* (Ник. Ник.),
- Разильдтсезы*, 1006.
- Разумовскія* (урожд. Вяземская, кн. Мар. Гр.), гр., 2372, 2381, 2398, 2403, 2406, 2417, 2426.
- Разумовскій* (гр. Алексѣй Григ.) 1176—1177.
- Разумовскій*, гр. Ал-й Кир., попеч. Моск. уч. Окр. 504, 505; мин. Нар. Просв. 1472, 1473; пис. къ нему Позд. 1854—1855, 1857—1863, 1878—1882.
- Разумовскій*, гр. Андр. 407, 2083.
- Разумовскій*, гр. Лев. Кир. 1863, 1869, 2379, 2381, 2398, 2403, 2406, 2408, 2417, 2426, 2429, 2430, домъ его въ Москвѣ 2409, 2425.
- Раковскій*, подполк. 557.
- Рамъ*, ген. 1539.
- Рамазановъ*, Н. А., художн., слова его сказан. на праздн. Иноземц. 736, 737.
- Раморино*, ген., 2346.
- Раумеръ*, Берлин. учен., 1200.
- Рахманова*, Над. Бор., 244.
- Рачинскій*, С. А., проф., 2968.
- Рачинскій*, полк., 153.
- Рачъ*, Вас. Фед., свѣдѣн. о немъ 2011—2012.
- Рдумтовскій*, Конст. 1896, 1898, 1907, 1940.
- Рибиндеръ*, Вас. Михайл. шталм. 2145.
- Рибиндеръ*, уп. въ Записк. гр. Блудовой, 1251.
- Ревель*, гор. 1165, 1166, 1615, 1648; гавань, 1408.
- Ревельская*, провинція, 1127.
- Редеръ*, графиня, 1285.
- Рейманъ*, врачъ, 1458.
- Рейналь*, отз. о немъ Екат. 930.
- Рейншильдъ*, гр. 1615, 1625.
- Рейтингъ*, нунцій, 14, 15, 17, 19, 21, 22—24.
- Рекрутъ*, 1114—1117.
- Рекъ*, ген. м. 2087.
- Ремсръ*, 1303.
- Ремнекампфъ*, ландр., 1976.
- Ренкій*, ген. 1410.
- Ремъ*, Саксонск. ген., 2292—2293, 2298—2299.
- Репнина*, княжна Варв. Ник., ея сообщ. 965; пис. къ издателю, 1982—1984.
- Репнина*, (урожд. Поль; а у Доморук. Мар. Ив. Головина), 1984.
- Репнина*, кн. (урожд. кн. Куракина Нат. Александ.) супр. Ник. Вас., 177, 178.
- Репнинъ*, кн. (Аникита Иван.) фельдм., 1146, 1983, 1984, 1640, 1653.
- Репнинъ*, кн. Вас. Аникит. ген. фельдцейгм. 129, 1984.
- Репнинъ*, Ник. Вас., фел. 1983, 1984; въ воспом. Лубян. 137—145, 147—150, 152—160, 163—170, 173—178, 180, 229; тяжба съ Лоб. 230—232. 476; жизнь въ Москвѣ, 449—450, 455, 462. 465; разск. его 450—453; кончпна, 468—470.
- Репнинъ*, Волконскій кн. Никол. Гр., ген. губ. Малорос. 170, 468—470, 527, 1982, 1983—1984, 1257, 1268, 1270, 1276; сформ. Малорос. казач. полк. въ 1831 г. 953—965.
- Репнинъ*, кн. Петр. Ив., шталм., духовн. его, 230—231, 232—233.
- Репнинъ*, кн. начальн. Сибирск. Прик. 117.
- Репнинъ*, кн. воев., 418.

- Репнины*, кн. 1983.
- Ретяжи*, с. Кромск. у. 120.
- Ржевскій*, Ив., 423, 618.
- Ржевскій*, Степ., ген. пор. калоба на него содерж. Моск. клуба, 237, 247.
- Ржевускій*, канон. 686, 396.
- Ржевускій*, гр. Генр. Тольск. писат., свѣдѣн. о немъ, 1042—1044. 1045, 1051—1053, 1212, 1927, 2275.
- Рибасъ*, адм. 152, 329.
- Риа*, г. 1061, 1132, 1133.
- Ридтеръ*, ген. 2027.
- Рижская провинція*, 1127.
- Римская - Корсакова*, (урожд. Четвертинская), Варв. 236, 242.
- Римскій - Корсаковъ*, (Алексан. Михайл.), ген., 177, 181, 1468, 1743, 1748.
- Римскій-Корсаковъ*, А. П., 1871.
- Рихманъ*, физикъ, его Нѣмецк. перев. Оп. о челов. 1319—1321, домашн. учпт. у гр. А. И. Остерм. 1319.
- Рихтеръ*, Вильг. Мих. проф. и врачъ, 1458.
- Рихтеръ*, совѣтн. 1976.
- Рогуми*, 2250.
- Родзевичъ*, ксендзъ, 1738.
- Родофиникинъ*, Конст. Конст., директ. Азіатск. департ., пис. къ нему Грибоѣд. 1538—1550.
- Рождерсонъ*, докт., 2184.
- Рождновъ*, тайн. сов. 306.
- Розень*, бар. въ Тегер., 1537.
- Розень*, бар. Ег. Оед., 1814, 1815.
- Розоновъ*, С. М., ботан., 1012.
- Рокотовъ*, 235.
- Ромскій*, Влад., 660.
- Ромстонъ*, занят. его 2418, 2427, 2430, 2431, 2434; представл. картину Франціи, 965—985; упом. въ пис. Позд. 1859, 1870, 1872; пис. къ нему гр. С. Р. Воронц. 2178—2246, котор. сравнив. его съ кн. Пожаре. 2185; попр. 2252.
- Романовъ*, перев. на Англ. истор. разск. о Россіи 758; литург. Иоан. Злат. 779.
- Романовъ*, Дружина, 612.
- Романовъ*, Ив. Никит., 890, 898, 910.
- Романовы*, 899.
- Ромбергъ*, музык. 2373.
- Ромодановскій*, Ив. Оедор., 1095, 1435, 1451, 1613; его жена, 1452.
- Ромодановскій*, кн. Оед. Юр., 1063; замѣч. о немъ Веб., 1095, 1097, 1370, 1386, 1387, 1435.
- Ромодановскій*, кн., воев. Каширскій, 406.
- Ромодановскій*, кн., стол. 919.
- Ронделс*, table d'hôte, 1897, 1898, 1943—1945.
- Ронненъ*, вдова ген., состояла при Ан. Иоановиѣ, 1426.
- Ростопчина*, (урожд. гр. Протасова), 2381.
- Ростопчина*, (урожд. Сушкова), гр. Евд. Петр., 1841.
- Ростопчина*, гр. Елиз. Оед. 2240—2244.
- Ростопчинъ*, гр. Андр. Оедор., біогр. замѣтка о гр. С. Р. Воронц. 2174—2176; сообщ. пис. гр. С. Р. Воронц. 2178, въ котор. упомян. 2205, 2207, 2208, 2212, 2214, 2215, 2218, 2231, 2243—2244.
- Ростопчинъ*, гр. Серг. Оед. 2210, 2211, 2215, 2218, 2230.
- Ростопчинъ*, гр. Оедор. Вас., вражда къ Сперанск. 482; разск. о Павл. времен. 502; Моск. ген. губ. 510—512, 515, 516, 2377, 2379, 2381, 2385, 2391, 2394, 2407, 2408, 2411—2414,
- 2418, 2427, 2430, 2431, 2434; представл. картину Франціи, 965—985; упом. въ пис. Позд. 1859, 1870, 1872; пис. къ нему гр. С. Р. Воронц. 2178—2246, котор. сравнив. его съ кн. Пожаре. 2185; попр. 2252.
- Ротарій*, гр. пис. портр. Екат. 235.
- Роштейнъ*, сек. м., карточн. нгр. 872.
- Ртищевъ*, главнок. на Кавказѣ, 117.
- Рубановскій*, Вас. Кир., кам. фур., 931, 944.
- Рубановскій*, Матв. Кир. товар. Радищ. 931.
- Рударъ*, Марк. секр., 1026.
- Ружаны*, м. 1729, 2269, 2274.
- Румянцевъ*, (Алекс. Ив.), 122, 123, 1628.
- Румянцевъ*, гр. Никол. Петр., 465, 759; пис. къ нему кор. Людов. XVIII, 186—197; получ. Влад. 2 кл. 2107.
- Румянцевъ*, гр. Пет. Ал. фельдм. 228, 578
- Румянцовъ*, гр. Пет. Алексан্দ., 125, 126, 131, 228, 578; разск. о немъ 125 126, 131 солд. его времени, 445, чтимъ гр. С. Р. Воронцовымъ, 2212; уи. въ пис. Циціан., 2127, 2155, 2167, 2169.
- Румянцевъ*, гр. Серг. Петр. 186, 463, 466; его занят. литерат. 2139, 2140; пис. къ нему Новосильц. 2171; страсть къ картамъ 2253.
- Руничъ*, Дм. Павл., Моск. почтъ директ. 1859.
- Рупрехтъ*, Фр. Ив., академ., свѣдѣн. о немъ 2012—2013.

- Руссо*, отз. о немъ Екат. В., 930.
- Русежъ - бекъ*, 1498 — 1500, 1506 — 1507, 1510, 1520.
- Рубфо*, ег., 1264, 1265.
- Рыбачья*, слобода, 2089.
- Рыбишки*, около Вильны, 1746.
- Рыльскъ*, Никита Ив., оберъ-полци. Спб., напечат. книги Радищ. 927, 928, 935, 945, 946, 947; поруч. ему набр. войско 947—949, 2078 — 2079.
- Рындовскій*, учит. Ист. Воронежс. Гимн., 827.
- Рыдкинъ*, (Петръ Григ.), проф., товар. Иноз. 724, 725.
- Рюгенъ*, остр. 1341.
- Ряполовскіе*, кн., 896.
- *
- Саадашнй*, гетм., 908.
- Садовскій*, врачъ, 2291.
- Саванорола*, личное знакомство съ Максимомъ Грекомъ, 1209.
- Саввинское*, подмоск. Лопух. 508.
- Саканъ*, курьеръ, уб. въ Тегер. 1537.
- Саксенъ - Кобургскій*, пр. 328.
- Салтановъ*, Ив. живопис., 2054.
- Салтыкова*, Марія, просьба ея, 250.
- Салтыкова*, сопроважд. гр. и гр. Сѣверн. въ путеш. по Евр. 767.
- Салтыковъ*, Алексан. Вас., намекъ о немъ въ Путеш. Радищ. 941.
- Салтыковъ*, Борисъ (Ив.), 206.
- Салтыковъ*, гр. Ив. Петр., 541, 546, 2155, 2168, 2169.
- Салтыковъ*, (Мих. Глѣб., бояр. и воев.) 408, 413, 417, 881, 884, 885.
- Салтыковъ*, гр. Никол. Ив., 145, 317, 321, 487, 490, 491, 495, (558?) 768, 1464, 1465, 2069, 2122.
- Салтыковъ*, (Никол. бригад.), об. прок. М Сената, 283.
- Салтыковъ*, гр. Петръ Смен., разск. о немъ, 127, 128.
- Салтыковъ*, кн. Петръ, ум. въ Казани, 2434.
- Салтыковъ*, мѣстнич. съ кн. Пожарск. 881, 886.
- Салтыковы*, 899.
- Сальванди*, 1306.
- Сальковъ*, атам. разбойнпч., 402, 403, 415.
- Самара*, г. 1103.
- Самаринъ*, сенат., арест. по дѣлу царев. Алексѣя, 1439; оказ. невиновн. 1445.
- Самаринъ*, Юр. Фед., его кн. объ іезуит. 1571; служба въ Остз. краѣ, 1967.
- Самаркандъ*, 1344.
- Самойловъ*, Алексан. Никол. 573, 878—879, 2127, 2161.
- Самоды*, въ Сиб. 1087—1091, 1104, 1652.
- Самленъ*, 485.
- С.-Петербургъ*, при Петрѣ В. 1062; переп. домовъ 1067, 1411; банн 1091—1093; обстройка его 1104, 1105, 1118, 1359, 1377, 1625; продовольств. 1133; таможен. 1144, заселен. 1334; торговля 1334, 1335; пересел. сюда изъ Москвы знатнѣйших. фамилій, 1384; пивныя 1413, 1414; Морск. Акад. 1414, 1415; ткацк. фабр. 1415; кузницы 1417; Русск. вѣдом. 1417; Бергъ-Коллегія 1418, 1623, 1624; музей и библиот. 1419; 1420; звѣринецъ 1420; ассамблеи и др. увеселен. 1419—1425 кн. Меншик. сравнив. его съ Венеціей 1425; наводнен., 1891, 1892, 1893; крѣп. 2078; замѣч. о немъ М. А. Волков. 2423—2424; недостат. въ деньгахъ 1647—1648; предполож. объ устройствѣ обсерваторіи на Васильевск. остр. 1648—1649; полиція 1670; военная типогр. 1046—1047.
- Сансе*, гр. редакт. *Journal de St. Pétersb.*, 1799.
- Сантеца*, учит. пѣн. у Блудов. 1224.
- Санъа*, кн. Евст. Фран. участие Польск. мятежѣ, 1763, 1767.
- Санъа*, Левъ, творецъ Лптовск. Статута, 1723, 1920.
- Санъа*, кн. Леонъ, 1920—1922.
- Санъа*, кн. Пав., 1763, 1764.
- Санъа*, (урожд. Потоцкая), кн. Пелаг. 1763, 1764; ся портр. 1764, 1765.
- Санъа*, (урожд. Пэжэтомъ), кн. 1767.
- Санъа*, кн. Фр., сношен. съ Новосилец. 1716, 1738, 1739; свѣдѣн. о немъ 1763—1767.
- Санъа*, (Янъ, Петръ Павловичъ, полк.), 421, 424.
- Саровъ*, (фонъ), Христ. его брош. о торгов. призыв. Рос. въ Средн. Аз. 756, 757.
- Сарти*, капелм., 286.
- Сарти*, 1325.
- Сафоновъ*, его проект касат. добыв. соли, 2081 2082.
- Свастьяновъ*, (Селява новъ?), скопецъ, предсказанія его, 475.

- Сеноръ*, 2069, 2085, 2151. Петр., 1435, 1437, 1438, 1445.
- Секлюцкий*, канон. 680, 1445.
- 696, 698.
- Селезевъ*, его истор. оч. Лещя, 1478, 1479, 1485.
- Селивановскій*, отецъ, типогр. Моск., 927, 928.
- Селивановскій*, сынъ, типогр. Моск. его свидѣт. о Радниц. 927—931, 935, 943.
- Селивановъ*, Кондратій, скопецъ, 2338—2339.
- Семашко*, Алексан. докт. 1545, 1546.
- Семевскій*, Мих. Ив., 1779, 1781, 1982.
- Семинскій*, 656.
- Семирадскій*, авантюр., 2276—2277.
- Сенковская* (урожд. бар. Раль), Аделаида, 1931, 1932.
- Сенковский*, Ос. Ив., 1569; свѣдѣн. о немъ, 1893—1896; 1931—1937; мн. его о словѣ дружина, 439; отзывъ о немъ Гоголи 2371.
- Сенъ-Жанъ*, Франц., великанъ, 1658.
- Сенъ-Мартенъ*, персп. его съ В. Н. Зноньев. 2115—2116, 2119.
- С. При*, ген., 2374, 2378, 2386, 2410.
- Серафимъ*, (митр. Новгородскій и Сибургскій), 456, 1271.
- Сербиновичъ*, Конст. Степан., 2363.
- Сергачъ*, (Сергѣй), унт. оф., 509.
- Сергій* св., игум. Радонежскій, 369—374, 1619.
- Сертневъ*, А. его сообщ. 2042.
- Сертуховъ*, г. древн. стѣны, 285.
- Сестретисвичъ*, митрон. 1584.
- Сибирскій*, царев., арест. по дѣлу царев. Алексія Петр., 1435, 1437, 1438, 1445.
- Сибирь*, свѣдѣн. о ней у Вебера, 1070, 1073, 1107, 1144, 1376, 1137; замѣч. о ней Вебера, 1400—1401.
- Сиверсъ*, адмир. 752.
- Сивоха*, агентъ Доминиканск. пропаганды, 1582, 1585, 1586, 1590.
- Синзмундъ*, (II) Августъ, кор. Польск, 643, 666.
- Синзмундъ* (III), корол. Польск. 2493.
- Сикаръ-Синмундъ*, аббатъ устройст. училищ. глухонѣм. въ Пбургѣ, 1011, 1012, 1013.
- Сикорскій*, Польск. заговорщ. 657, 676.
- Сикстъ*, V, папа, 11.
- Силуэттъ*, сдѣл. Фр. переводъ Опыта о челов. 1311, 1313.
- (*Сильвестръ*), *Кулябка*, архим. Киевопечерск., 459, 460.
- Симеонъ Алексѣевичъ*, царев. 2045.
- Симеонъ*, ц. Казанск., 1438.
- Симеонъ Полоцкій*, 2050, 2051.
- Симичъ*, Алексѣй, чл. Общ. Сербск. слов. въ Бѣлградѣ, 1021.
- Симоичъ*, гр. И. О., полном. мнн. при Персидск. дв., 1494.
- Симонъ* Азарынъ, кел. Троицкій 370, 371.
- Симсонъ*, слачъ. 1654—1656.
- Синицынъ*, Аван. Ив., 1770—1775, 1776—1784, 1817, 1818—1822, 1823—1825. 1827, 1828, 1830, 1831, 1834, 1837—1840, 1850.
- Синклеръ*, бар., 2146, 2147.
- Синявинъ*, Левъ Гр., директ. Аз. Д. 345.
- Синявинъ*, ген. фельдцейхм., 1121.
- Сипягинъ*, (Никол. Мартыан.) ген. 521, 1541.
- Систерна*, кн. 982.
- Ситниковъ*, Моск. голова, 312.
- Сичкѣ*, князья 899,
- Сичкѣй* (Алексѣй Курьев.), кн., 402.
- Сиссъ*, революц. 183.
- Сковронская*, гр. Ек. Вас. упом. въ пис Циціан. 2118, 2121, 2146, 2147, 2152, 2154, замѣч. Сегюра объ ея наружности, 2151.
- Скалонъ*, Никол. Алексан. нис. его къ кн. П. А. Вяз. 1332, 1333.
- Скарабелли*, 2250.
- Сковорода*, воспом. о немъ Лубян. 106—108.
- Скопинъ - Шуйскій*, кн. Вас. Оедор. 895.
- Скопинъ - Шуйскій*, кн. Мих. (Вас., бояр. и воев.), 362. 404., 885.
- Скоронадскій*, гетм. 1000.
- Скосаревскій*, начальн. провіантск. депо. 184.
- Скоттъ*, полк. 2185.
- Скюдери*, Фр. писательница. 1325.
- Скюдери*, врачъ, 1458.
- Славатинскій*, Ив. Ив. учит. истор. Ворвнежск. гимназ. 827.
- Слизень*, Рафаилъ, 1896.
- Слонимская экономія*, 1709, 1710, 1757, 1758.
- Слонимъ*, гер. 1709—1711, 1729., 2295—2296.
- Смирдинъ*, А. Ф. книгопрод., 1601, 1786, 1799, 1933, 2137.

- Смирнова*, (урожд. Рос-сети) Алексан. Осип., 2176.
- Смирновъ*, С. А. воспом. объ Иноземц. 737, 1458.
- Смирновъ*, свящ. при по-сольствѣ въ Лондонъ, 2208, 2215, 2244.
- Смирновъ*, біогра. Пожар-ск., 917.
- Смоленскъ*, гор., 1132; на-шеств. Французовъ, 1861, 2389 — 2390.
- Смтгоцкіе*, 627.
- Собакинъ*, Вас., 578.
- Собакинъ*, гв. прапор., 578.
- Собаньская*, (урожд. гр. Ржевуская во 2-м. бр. Чир-ковичъ, въ 3-м. Лакруа) знакомитъ Пушк. съ Миц-кев. 1906—1997.
- Собаньскій*, Готардъ 1898, 1940.
- Собко*, Пет. Ив., свѣдѣн. о немъ 2013—2014.
- Соболевскій*, Серг. Алек-сан. о Мицк. 426, 432, 434; 1890, 1893, 1922, 1925, 1927; разск. о смерти Гри-боѣд. 1494.
- Соболевскій*, авантюр., 2277 2278.
- Соймоновъ*, П. А. 2067, 2068.
- Соймоновъ*, 2376.
- Соковнина*, 2376, 2377.
- Соллогубъ*, гр. (Алексан. Ив.), 2379, 2380, 2387, 2416. —
- Соллогубъ*, (урожд. Арха-рова, Софья Иван.), гр. 2373, 2374, 2376, 2377, 2379, 2380, 2387, 2416.
- Соллогубъ*, гр. Влад. А-лександр., въ Зап. Блудов. 1239.
- Соллогубъ*, гр. Левъ Алек-сан. 1239. 2376, 2377.
- Соловая*, Праск. Ѳед. 2111.
- Соловой*, уп. въ пис. Позд. 1869.
- Соловьевъ*, Серг. Михаи-л., историчъ, 373.
- Соловьевъ*, въ Варшавѣ, 701.
- Соломонъ*, ц. Имеретинск. 2101.
- Солморива*, (урожд. гр. Бугурлина, Елпс. Дм.), мар-киза 1461.
- Сорнбергъ*, его разск. о маскар. у кн. Черкасск. 777.
- Сорочинскій*, надв. сов., 284.
- Софи*, пахъ Персидскій, 1646, 1647.
- Софія Алексѣевна*, ца-ревна, 1087, 1099, 1100, 1101, 1370; замѣч. о ней Петр. В. 1371.
- Софія Шарлотта*, супр. царевича Алексѣя Петр. 1436—1440. Отз. о ней Вебера 1065—1066, 1093—1094. Кончина 1336—1340.
- Спасовичъ*, В. Д. о Миц-кев. 1923, 1924, 1926.
- Сперанскій*, гр. Мих. Мих 1890, 1928, 2391; замѣч. о немъ бар. Корфа, 214—216; въ воспом. Лубяновск. 480—487, 493, 502, 513, 514, 516, 517; его поѣздка за границу 1257, 1262, 1276, 1286; его отз. объ отцѣ Лер-монт. 1851, 1852; (упом. въ пис. Циціан. 2171, 2173?).
- Спиридовъ*, его описаніе службъ благородныхъ Рос-сійск. дворянъ 883—884.
- Спиридовъ*, Московск. коменд., 2431.
- Спренпортенъ*, ген. 2087. 2093.
- Ставский*, Эд. изъ Чен-стох. 676.
- Стаксльбергъ*, бар., посл. въ Варшавѣ, разд. Польши. 23—25, 29—71.
- Сталь*, замѣч. о ней Волковой, 2388 — 2389, 2395, 2396, 2397.
- Станиславъ - Августъ*, кор. Польск. 1913, 1766; разд. Польши 1—98.
- Стародубскіе*, князья 896.
- Старынкевичъ*, 2207.
- Стасовъ*, Вл. Вас. его изслѣд. о Русск. былин. 771.
- Стенька-Разинъ*, свѣдѣн. о немъ у Вебера 1629 — 1640.
- Степановъ*, П. И. директ. учил. глухонѣм. 1009.
- Степановъ*, совѣтн., 1659.
- Стерлингъ*, 1641.
- Стефани*, офиц. 991.
- Стефанъ*, (Яворскій), митропол. Рязанск. 1130, 1672; даетъ Веб. реком. пис. въ Москву. 1345, 1367.
- Стецкий*, сенат. ресурсы, 653, 662, 705.
- Стиглицкій*, канон. 1027, 1039.
- Стуринелдъ*, Шв. путе-шеств. 2074.
- Столытинъ*, А. А. двою-родн. брат. Лермонт. 206, 210, 212, 1780?).
- Стороженко*, В. А. 436.
- Спратимировичъ*, Сте-фанъ, митр., Прав. церкв. въ Австр., 1022.
- Страховъ*, (Пет. Ив.), проф. 108, 109, 112.
- Стрекаловъ*, Степ. Ѳе-дор., 286, 1182, 1183, 2071, 2073, 2081, 2086.
- Спирионова*, гр. Екат. Петр., 537.
- Строгонова*, (урожд. кн. Кочубей), гр. Нат. Викт., 1238.
- Строгоновъ*, гр. Алексан. Григ. 1603.

- Строгоновъ*, бар. Гр. Александр. диплом. 1603.
Строгоновъ, гр. Гр. Александр., 202, 1238, 1239.
Строгоновъ, гр. Пав. Александр. 1726.,
Строгоновы 592, 1141, 1142, 1438, 2488, 1617.
Стровъ, Вл. Мих., 1787.
Стройковский, гр. уп. въ пис. Плещ. 1878, 1879.
Струсь, полк., 413, 1621.
Стрѣльна. 1703—1704.
Стрѣтинскъ, Ром. Матв. дядька Петр. В. 2052.
Стрѣтинскъ, Симеонъ. бояринъ, 765.
Стрѣтинскъ, Тих. Никит. замѣч. о немъ Веб., 1095; дядька Петра В. 2053.
Стюартъ, кавал. 2206.
Субботикъ, Н. И. 1021.
Суворова, (урожд. Ярцова) кн. 1288.
Суворовъ, кн. Александр. Аркад., женитьба. 1288.
Суворовъ, кн. Александр. Вас., 1862; 139; при Павлѣ, 145, 149; Тур. в. 328; Измаилъ, 552; переп. съ Нельсономъ, 738—751; пис. его къ Петр. Ив. Боборыкину, 780, 785, 786; замѣч. о немъ Циціан. 2168; упом. въ пис. Жуковск. 2364.
Сузинъ, Филар., 1747.
Сукинъ, Б., воев., 403.
Сукинъ, Васил., 605.
Суковкинъ, Акино. Петр., 1823, 1824. 1825.
Сулешовъ, кн. (Юрій Яншеевичъ), 904.
Сулковскій, кн. нунцій. 22.
Сумарокова. упом. въ пис. Волк. 2450.
Суминъ, дворин. 919—920.
Сумбуловъ, Исаія, 409. 415.
Сусанинъ, 377.
Сусловъ, уп. въ пис. гр., С. Р. Воронц. 2215.
Сутерландъ, банк., 2072. 2083, 2084.
Сулдозантъ Ник. Онуфр., назнач. его намѣстн. П. Польск., 622, 626, 627. 634, 637, 646, 658.
Суикова, (урожд. Тютсева), Дар. Ив. 2062.
Суикова, (урожд. Храпошицкая), М. В., 2062.
Суикова, Вас. дѣло его въ вдов. Стрѣшн. 258, 261.
Суиковъ Дм. Петр., 2098, 2099.
Суиковъ, Ник. Вас., 2062.
Сураковский, Сигизм. повед. его въ общ. гр. Ржевуск. 1051—1053.
Сюаръ, Фр. пис. 2258.
Соб...чь, учит. Греческ. яз. въ Воронежск. гимназіе; воспомн. о немъ, А. Н. Аванас 838—844. 849, 850.
С.....свъ, Ф. М. учит. Русск. Слов. Воронежск. гимн., воспом. о немъ А. Н. Аванас. 833—837.
- *
- Табакъ*, продажа въ Россіи. 1140.
Таврическая обл., населен. ея Московск. церковниками, 264, 265.
Талаврогъ, г. 1119.
Талейранъ, кн. 1248; замѣч. его о карточ. игрѣ, 2252.
Тамара, Вас. Ст., сенат. въ воспомн. Лубян. 491—493.
Тамбовъ, г., 2398, 2400. 2401, 2402, 2403, 2409, 2424, 2426—2429, 2432.
Тальскій, гро-мажоръ, 2302—2303.
Тараканова, кн. 467.
Тарковский, суфраг. Полоцк. 1584.
Тарсукова, (урожд. Перекуспина), Ек. Вас., 2153.
Тарсуковъ, Ардал. Александр., об. гофм. 2153.
Татаринова, (урожд. Буксгевденъ), Екатер. Филип., 1954, 1955; ея духовн. союзъ, 2334—2354.
Татары, 1114, 1153, 1341, 1342, 1345, 1391—1397, 1431, 1433, 1434; въ Западномъ краѣ 2278—2279.
Татищева, (урожд. Конопка, въ 1 бр. Безобразова или Калиновская?), гр. Юлія, 1711. 2301.
Татищевъ, Васил. Никит. истор. 2091.
Татищевъ, Дм. Павл., посл. въ Вѣнѣ, 1711, 2301.
Татищевъ-Шубскій, Лука, 570.
Татищевъ, Юрій, стольн., 906.
Татищевъ, 2387.
Татьяна Михайловна, царев. 2058.
Твердовскій, рект. Вил. ун. 1744, 1745.
Твердышева, (урожд. Крашенинникова), 265, 306.
Твердышевъ, Як. 235.
Тверь, замѣтк. о ней Вебера. 1349.
Тейльсъ, докт. 2085.
Текутьевъ, Никол. майоръ, 2123, 2127.
Телешовъ, Ив. Як., учит. у Блуд. 1222.
Термеръ, перев. на Англ. нов. Тург. 779.
Тессье, его катал. 2066.
Тетеря, старш. Малор. 1001.
Тидебель, Богд. Андр.,

- правит. канцеляр. Рижск. рев. Алексѣемъ 1435—1436; ген. губ., 1976.
- Тиманъ*, майоръ, 166, 167, 170, 177, 449, 456, 457, 461, 462.
- Тимащевъ*, Александръ Егор., 1034.
- Тимирязевъ*, О. И., воспом. его о Н. А. Милют. 0866—0872.
- Тимсонъ*, Рованда и К., купеч. домъ въ Москвѣ, 577.
- Титовъ*, ген. 184.
- Титулъ* шахскій 1650—1651.
- Тихомировъ*, Ник. Сав., проф. Моск. Ун, его сообщенія, 1181; стат. 1322; замѣтка на его стат о переводѣ Опыта о челов. 2031—2032.
- Тихонъ*, Св. (Соксловъ), еп. Воронежск., въ воспом. Лубян., 98, 99.
- Тобольскъ*, гор., 1388, 1389.
- Товянскій*, секр., 1927.
- Токаревъ*, Царскосельск. городнич., 2077, 2078; поручено набр. войско 947, 948.
- Толстая*, (урожд. кн. Баятинская) гр. Ан. Ив., 2121, 2122.
- Толстой*, Вас., въ смутн. время 590.
- Толстой*, гр. Дм. Ник. о Голов. 1976.
- Толстой*, (Матв. Федор.), 2387.
- Толстой*, гр. Ник. Алексан. 2122.
- Толстой*, гр. (Пет. Алексан.), ген. 1882.
- Толстой*, (гр. Петр. Андр.), посл. въ Турціи 1093, 1146, 1147, 1342; участв. въ судѣ надъ па-
- рев. Алексѣемъ 1435—1436; 1445, 1627, 1628.
- Толстой*, Юр. Вас., Оч. жизни Головина, 707.
- Толстой*, бригад. уб подл. Казанью во время Пугачевщ. 1886.
- Толстые*, 1232.
- Толь*, Моск. об. полиціим. 261, 534.
- Толь*, гр. 1291.
- Тома*, учит. у Блуд. 1222, 1223.
- Толашичъ*, бар., губер. Далмат. 1024, 1027, 1028.
- Тормасовъ*, Алексан. Петр., упом. въ пис. Позд. 1861; Моск. главнокоманд. 1872—1874.
- Торнель*, миссъ 2211
- Траханіотовъ*, казнач., 891.
- Тредьяковскій*, Вас. Кипр., 1930.
- Трембискій*, 1911.
- Треповъ*, Фед. Фед. об. полиц. Варш. 627.
- Третель*, капит. 1433.
- Тройницкій*, Алексан. Гр., товар. мин. вн. дѣлъ. 1034, 1561, 1562.
- Троицкое с.*, кн. Дашк. 933.
- Трофимовичъ*, Теофанъ, учит. пѣтики въ Кіевск. Акад. 1002.
- Трошинскій*, Дм. Пр. 164.
- Трубскаіа*, кн. Ел. 1236.
- Трубецкіе*, князья 1235, 1236.
- Трубецкій*, кн. (Дмитр. Тимоѣ., бояр. и воев.), 362, 363, 392, 396, 402, 418, 419, 421—424. 585, 586, 591, 592—595; 597—608. 610—613. 615, 617—621, 882—887, 890, 891, 897, 899, 914, 915.
- Трубецкій*, кн. (Ив. Юр.), 1615. 1625
- Трубецкій*, кн. Никита Юрьев., разск. о немъ 126.
- Трубецкій*, кн. Серг. Вас. 206, 212.
- Трубецкій*, кн. Серг. въ Зап. Блудов. 1235, 1236.
- Трубецкій*, кн. Серг. Петр., декабр. пис. по поводу его имп. Николая, 425—426.
- Трубииковъ*, Вас. прапор. 876.
- Трутъ*, бар. 175.
- Тунусъ*, нар. 1403.
- Туркисева*, Оекла, 294
- Туркисевъ*, Алексан. Ив., 1816, посѣщ. лекц. Мицк. 428; пис. къ нему А. О. Воейк. 1184—1195; бумаги его 1195 — 1196, 1200. 1201, 1205.
- Туркисевъ*, Ив. Петр., въ воспом. Лубяновск., 456, 468, 469.
- Туркисевъ*, Ив. Серг., ст. его о Крыловѣ, 772; Щедринъ 777; перев. его сочин. 779.
- Туркисевъ*, Никол. Ив. 428; пис. къ кн. Вяз. 1195, 1200—1205; его сыновья 1204, 1205; пис. къ Чаад. 1205—1207.
- Туркестановы*, княжны 876, 877.
- Турки*, 1085, 2394.
- Туркуль*, ст. секр. Ц. Польск. 1897, 1916, 1939, 1940, 1942.
- Туръ*, гуверн. жившая въ д. Блудовыхъ, 1219, 1221, 1223, 1226, 1241.
- Тымовскій*, О. И. ст. секрет. Ц. Польск. 1054, 1575.
- Тышкевичъ*. (въ 1 бр. Жуковская). граф. ея прощесъ 1891.
- Тюжъ*. 2287—2289.

- *
Вайтъ, его путешеств. изъ Азіи въ Европу 755.
Убри, Петръ Яковл., 183.
Уваровъ, гр. Серг. Сем., 1226, вводитъ въ гимназію преподав. Греческ. яз. 838; нерасполож. къ Сенковск. 1934.
Уваровъ, Ѳед. Петр., разск. о немъ 500—501.
Ульрика, кор. Шведская 1652.
Урбановичъ - *Пилеикая*, Ан. Алексан., 2351, 2352.
Урусовъ, кн. Серг. Инк., 1034.
Устиновъ, гуверн. дѣтей кн. Кочубей 1228.
Устиновъ, куп., 2072.
Устряловъ, Никол. Герас., истор. свѣдѣн. о немъ 2014—2016.
Ухтомская, кн. Дарья, ея братъ 2423.
Училище глухонѣмыхъ, въ Спб.; основаніе его 1009—1013.
Учителевъ, Пав. живоп., 568.
Ушаковъ, (гр. Андр. Ив.), 122, 123, 1456, 1628.
Ушаковъ, Ѳед. Вас, товар. Раднщ. 953.
Ушинскій, Конст. Дм., свѣдѣн. о немъ 2017—2019.
- *
Фалькенштейнъ, см. *Юсифъ II*, имп. Австрійскій.
Фелькерзамъ, адъют. Паскев. 1537.
Фелькнеръ, маіоръ, 635.
Фемелонъ, сочинит., 508.
Ферашь-башн, 1510.
Фердинандъ, герц. Курляндскій, 1060—1061.
Ферзенъ, ген, 2067.
Ферморъ, ген. 127,
Феррондъ, Домин., 568.
Феслеръ, преобразоват. Масонск. ложъ 463.
Фетхъ-Али, шахъ Персидск., смерть Грбобд. 1502—1506, 1509. 5111,—1516, 1518, 1520, 1523, 1526—1530, 1532—1535, 1545, 1548.
Фидемисъ, ксендзъ, 674.
Фикъ, 752.
Филаретъ, патр. 418, 886, 909.
Филаретъ, митр. Московск. и Коломенскій 1191; напис. послѣдованіе молебнаго пѣнія, пѣваемаго въ день Рождества Христова 2435.
Филодетъ, еп. Рижскій, 1958—1959, 1964.
Филареты и Филоматы, общ. 1746—1747, 1761, 1889.
Филмоновъ, Никол. Иван., 2020.
Филинскій, Польск. писат., 1914—1915.
Филитовскій, Никол. Андр. врачъ, 1241 1243—1245 1253 1255—1251 1270, 1287.
Филиповскій, Моск. казнач., доносъ его на кн. Гагар. 879—880.
Филиппи, об. квартирм., 281.
Филиппъ, королевичъ Шведскій, 420, 607.
Филомавнтскій, товар. Иноземц. 724.
Филь софовъ, М. М., Смоленск. губерн. 160.
Финляндія, 1109, 1671, 1672; Филины около Твери 1355—1356
Фиттофъ, заннм. устр. аптекъ въ Москвѣ 557; его сынъ? 2089.
Фиццербуртъ, Англ. послан. при Русск. дворѣ 2071—2072.
Финиеръ (Адамъ Андр Спб. проф. философъ?), 1285.
Финиеръ (урожд. Штруве), 1285.
Фялковскій, авантюръ., 2274.
Фялковскій, архіеп. Варшавскій, Польск. возст. 638—639, 641; конч. 679—687, 690, 698.
Филлмъ, Карлъ Ив., учит. Нѣмецк. яз. въ Воронежск. гимназ. 823—826.
Фонъ-Юнгъ, Алфр., 2020.
Фотій, архим. Юрьевскій, 2355.
Фохтъ, студ. 633.
Фразе, врачъ, 1458.
Франковскіе, Польск. заговорники 657.
Франкъ, Еврей, б. признан. за Мессію 1049.
Франція, замѣч. о ней гр. Ѳ. В. Растопч. 965—985; Французы 331, 333. въ Москвѣ 564; отъ. о нихъ Ермол. 987.
Францъ II, импер. Австрійскій 502, 766, 1024.
Фрей, его Нѣмецко-рус. словарь 780.
Фрейсхой, аб. 976.
Фрейтагъ, Мар. Ив., писательница 2024, 2249.
Фридерихсъ, 2152—2153.
Фридрихгамъ, крѣпость, 2078.
(Фридрихъ-Вильгельмъ), кор. Прусск. 1340.
Фридрихъ Великій, кор. Прусск., 624, 792, 800, 802, 2334; Польск. снмв. вѣры 27; 10 запов. Польск. 28; разд. Польши 31—32, 35—36, 38—39, 49—51, 54, 61, 73—75; разска-

- зы о немъ 128—129; влѣн. его на Павла Петр. 766.
- Фридрихъ Вильгельмъ* III, кор. Прусс. 1263, 1281—1283, 1290; корон. 170; 173, 175; отз. о немъ гр. С. Р. Воронц. 2205.
- Фридрихъ Вильгельмъ IV*, кор. Прусс. 1283. (*Фридрихъ-Вильгельмъ*). герц. Курляндск., свадьба 1678, 1679, 1680, 1682—1689; его библиот. 1411; кончина 1691.
- Фриксъ*, Оед. Карл., ген., 2506.
- Фролова* (урожд. Масло-ва), Вѣра Дм., 1782.
- Фуа*, Фр. ген., 978, 982.
- Фуксъ*, находился при Суворовѣ 745—746, 749 — 751.
- Фуксъ*, его введен. къ изуч. Русск. яз., 780.
- Фюрстенбергъ*, Вестфал. мин. 776.
- *
- Хачатуръ*, курьеръ 1511, 1524; уб. въ Тегеранѣ 1537.
- Ханенко*, А. И., сообщ. его 441.
- Ханьковъ*, В. В. 185.
- Ханьковъ*, контр. адмир. 547.
- Ханьковъ*, путешеств., его ст. по поводу Марко-Поло, 777.
- Ханьковъ*, Як. Вл. служ-ба въ Остз. краѣ 1967.
- Харанъ*, Яв. Дав., 2021.
- Харьковский Коллеіумъ*, 100—102.
- Хацкевичъ*, авалпюрнестъ, 2274—2276.
- Хвостова*, Е. А., Зап. ея. 205.
- Хвостовъ*, гр. Дм. Ив. 858, 1604, 1605; его стихи на наводненіе, 1892.
- Херасковъ*, Мих. Матв., 1837, 1838; разск. его курат. Моск. Ун. 111, 1318.
- Херхеулидзеъ*, кн. С. З., 2152, 2256.
- Хива*, гор. 1084.
- Хитрово*, Ек. Оед., отя-гощ. крест. 576, 577.
- Хитрово*, Нат. Оед., отя-гощ. крест. 576, 577.
- Хитрово*, Ник. Оед., отя-гощ. крест. 576, 577.
- Хитрово*, Оед. кам. юнк. 576.
- Хлопицкій*, 1290, 1292.
- Хлѣбниковъ*, Ив. куп. Рижскій 874.
- Хмельскій*, 614.
- Хованскій*, кн. Ал-й, про-шен. на него крестьянина, 291.
- Хованскій*, кн. 399.
- Ходзько*, Польск. пис. 1045, 1896.
- Ходкевичъ*, Александръ 1723, 1736.
- Ходкевичъ* (Янъ Карлъ, гетм. Литовскій), 400, 424, 585—588, 590, 593, 598, 600, 608—610, 616, 2497—2498.
- Ходынский*, изд. Тыгод-ника, 1032.
- Хоецкій*, Польск. выхо-децъ, 1929.
- Холубинскій*, сснат. ре-сурсъ, 653.
- Хомяковъ*, Алексѣй Ст. 1209.
- Храповицкій*, Алексан. Вас., пис. къ нему Еват. 2062—2097; его Зап. 2098—2099.
- Хрулевъ* (Степан. Алек-сан). ген., въ Польшѣ, 652, 692, 693, 706, 670—673, 675, 677.
- Хрущовъ*, ген., въ Польшѣ, 670—673, 675, 677.
- Хрущовъ*, ротм. конн. гв. 1837, 1838; разск. его 1839.
- *
- Царсвоборисовская* пло-тина 285.
- Царевскій*, надз. тамо-жен., 946.
- Царичино*, подмосковное 284, 572, 2064.
- Цвятасъ*, Левъ Алексѣ-проф. Моск. ун., въ пис. им. Мар. Оеод. 853, 854.
- Цвятасъ*, учнт. исторіи въ Воронежск. гимназ. 827, пис. 845.
- Цвятасъ*, Оед., Фрол., библиоф. 1786, 1787, 1792.
- Цвятковичъ*, Кир., прото-синг., 1026, 1027, 1030.
- Цедергельмъ*, тайн. секр. 1372.
- Цейзинъ*, поддѣльв. Рос-сійск. аспнац., свѣдѣн. о немъ 2287—2291.
- Цейтень*, 2107.
- Целискій*, Польск. заго-ворщ. 157.
- Церкви*:
Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, по описан. Вебера 1365—1366.
Благовѣщенскій соборъ, въ Москвѣ, 2051.
Введенская, въ Москвѣ, 413, 546.
Воскресенія Словущаго, въ Москвѣ. 334—335.
Екатерининская, въ Мо-сквѣ, 613, 616.
Іоанна Воина, въ Мо-сквѣ. 614.
Казанскій соборъ, въ Спбургѣ, 474.
Клименты папы Римска-го, въ Москвѣ. 613, 615.
Николы въ Столпахъ, въ Москвѣ, 2016.
Петропавловскій (крѣ-пости.) соборъ въ Спбур-гѣ, 1340, 1343, 1457.

- Самсоніевская, въ Сибур-
гѣ 1645.
- Сіонскій соборъ, въ Ти-
флисѣ, 711, 2173.
- Спиридопія, (адмиралт.),
203.
- Спасъ наѣору, въ Мос-
квѣ 1377.
- Троицкая, въ Сибургѣ,
въ ней было прочитано
отрѣченіе Алескѣя Петр.
1440 и въ ней же было
постановлено его тѣло
1456. 1457.
- Успенскій соборъ въ
Москвѣ 880, 2051; по опи-
санію Вебера 1362 - 1363.
- Успенскій соборъ въ
Харьковѣ, 102.
- Фрола и Лавра, въ Мос-
квѣ 1003.
- Цеслевскій*, ксендзъ, 698.
- Циммерманъ*, докт., Екат-
тер. посл. л. ему шапку, чай,
кофе 2074.
- Циніевъ*, нунц. 22.
- Цитинскій*, Як. проф.
1027.
- Циціановъ*, кн. Дм. Дм.
2126, 2128, 2138, 2139,
2141.
- Циціановъ*, кн. Дмитр.
отецъ полководца (296,
315—316?) 2142, 2155.
- Циціановъ*, кн. Пав. Дм.,
пис. его къ В. Н. Зинов.
2100—2173; подъ его на-
чальствъ служ. кн. Воронц.
2178.
- Цюлковскій*, начальн. ка-
валер 2028.
- *
- Чаидасъ*, Петр. Яковл.,
пис. къ нему Н. И. Турген.
1205—1207.
- Чайковскій*, 1268.
- Чалмицъ*, ген., 2303.
- Чарторижская* (урожд.
кн. Сапѣга) кн. Ангел.
Франц., 1763.
- Чарторижская*, княгиня
Польск. писат. 1915.
- Чарторижскій*, кн. Ад.
1721, 1900; вражда къ не-
му Новосильц. 1725—1728,
1734, 1735; попеч. Впл.
Учебн. Окр. 1745, 1746,
1761; жен. на Сапѣгѣ
1768; его конч. 637—639.
- Чеботарьва*, Соф. Андр.
109, 110.
- Чеботаревъ*, Харит. Анд.,
проф., въ воспом. Лубян.
109, 110, 112, 116.
- Чебышевъ*, ассес. 550.
- Челлиева*, Варв. 564.
- Челлиевъ*, Алексѣй, 564.
- Челлиевъ*, Никол. Алек-
сан. о Сперанск. 214—216.
- Челлиевъ*, товар. Радщ.
945.
- Черкасская*, (урожд. Лев-
шина) Александра Петр.
225.
- Черкасская*, (урожд. кн.
Голицына Марѣа Борнс.)
утонула въ Волгѣ 1431,
1435.
- Черкасскіе* князья, 899,
1389, 1390.
- Черкасскій*, кн. Алексан.
Бсков., свѣдѣн. о немъ у
Всбера 1168, 1387—1390,
1394, 1395; судьба его
1431—1434, 1617.
- Черкасскій*, кн. (Алексѣй
Мих., впоследствии канцл.),
губерн. Сибирскій 1640.
- Черкасскій*, (Дмитр. Мам-
строковичъ), кн., 402, 593,
906—909, 911—912.
- Черкасскій*, кн. Ив. Бор.,
889, 890.
- Черкасскій*, кн. (Петръ
Алексан.) кап пор. 225.
- Чернышова*, гр. Ап. Род.
311.
- Чернышовъ*, кн. Алексан.
Ив. 1824, 2335, воен. мнн.
953, 1972.
- Чернышовъ*, гр. Гр. Ив.
камерг. 2152.
- Чернышовъ*, гр. Зах. Гринг.
128, Моск. главнок. пис.
Екат. 241—258; разск. о
немъ 450—451; маіоратъ
2039.
- Чернышовъ*, гр. (Ив. Гр.)
2077, 2083.
- Чернышовъ*, гр. Пет. Гр.,
донес. о Маншт. 791—793,
799.
- Черныя Грязи*, 548.
- Черняевъ*, В. А., свопмп
лекціямъ возбуд. въ Ино-
земц. охоту заниматься се-
тествознан. 720.
- Чертковъ*, Вас. Алексѣ-
ев., 2076.
- Чертковъ*, Гр. Алексан.,
ему Даль перед. свои бу-
маги, 2030.
- Чертковъ*, Евгр. Алексан.
2063.
- Чертковъ*, Харьк. намѣ-
стн. 101.
- Чертковъ*..... ген. пор.
327.
- Честилингъ*, директ кан-
цел. Варш. ген. губ. 701.
- Четвертинскій*, кн. Мар-
цел. въ пис. Екат. 236,
242.
- Чечотъ*, Филар. 1747.
- Чивилевъ*, (Алексан. Ив.)
проф., тов. Иноз. 725.
- Чистовичъ*, Ил. Алексѣ-
ев., его кн. о Теофанѣ
997, 999.
- Чистяково*, подмосковное,
1855.
- Чичаговъ*, Вас. Вас., ген. м.
744.
- Чичаговъ*, (Вас. Як.) адм.
539, 941.
- Чичаговъ*, Пав. Вас., мор-
ской мнн. 744, 2218,
2236.
- Чичаговъ*, Як. Вас. 744.
- Чумиковъ*, замѣч. на его

- статью о Мицкев. 439, 1922, 1924.
- Чурсинъ*, сек. м. 550, 561.
- Чурсинъ*, Матв. 298, 299.
- Шабльинъ*, И. П. домъ его въ Москвѣ на Тверской 2409.
- Шаденъ*, (Юганъ Матиасъ) проф Моск ун. 112.
- Шакпевъ*, Алексан. Бенедикт., 2021.
- Шаликова*, княжна Елсав. 866.
- Шаликовъ* кн., полк. гусар. п. 866.
- Шамиль*, 717.
- Шамисовъ*, губ. Волог. 154.
- Шансмонъ*, ген., управл. Гродненск. губерня., 2296, 2300.
- Шанявскій*, Польск. заговор. 657.
- Шапошниковъ*, Ив., Москов. куп. 558.
- Шапюзо*, капит., 1661.
- Шартрскій*, герц. 978.
- Шатобрианъ* 1257, 1301.
- Шауберъ*, докт., 1646.
- Шаумбергъ*, ориент. 1540, 1549, 1550.
- Шафировъ*, бар. (Пет. Пав.), вице-канцл. пребыв. въ Турціи 1067, 1095, 1104, 1105, 1146, 1147, 1452, 1652; его братъ 1654.
- Шахъ-Назаровъ*, подпор. 635.
- Шахъ-Назаровъ*, шт. кап. 1515, 1516, 1523; уб. въ Тегер. 1537.
- Шаховскіе*, кн. 2404 — 2405, 2408, 2414, 2424.
- Шаховская*, кн. Варв. 565, 566.
- Шахѳвскій*, заговорщик. Польск., 657, 660—663, 676.
- Шаховской*, кн. Борисъ, ген. м. 565.
- Шаховской*, кн. Григор., въ смутн. время. 619.
- Шаховской*, (Харя), кн. Семень, 902.
- Шаховской*, кн. унтеръ-штабл. 2145.
- Шванскій*, проф. Харьк. коллег. 100.
- Шварценбергъ*, кн. 1872, 2296 — 2297.
- Шварцъ*, полк. 1345.
- Шевченко*, Тар. Гр. 1210.
- Шевыревъ*, Ст. Петр., его библіотека 445—446; свид. съ Пушк. 859; пис. къ М. А. Максим. 1208—1210; его семейство 1208.
- Шейдеманъ*, ген. 661.
- Шейнъ* (Мих. Борис., бояр. и воев.), 909—911.
- Шекспиръ*, 1918.
- Шеміотъ*, вице-презид. Каршав. Банка 641; Франц. 1898, 1939, 1940.
- Шейнстромъ*, Тв. полк., изуч. Сибирь 1400, 1401.
- Шепелевъ*, ген. 642.
- Шереметевы* (урожд. кн. Черкасская) Ирина Борис., бояр., 418.
- Шереметевъ*, (Бор. Петр.), фельдм. разск. о немъ 122, 123; ум. 1649.
- Шереметевъ*, Васил., 619.
- Шереметевъ*, Ив., 589, 597, 618—619, 899.
- Шереметевъ*, Оед. Ив., бояр., 416—418, 589, 599, 900, 901, 903, 910.
- Шереметевы*, 899.
- Шетиловичъ*, карт. игр. 869.
- Шефсъ*, его исторія Семл. в. 761.
- Шешковскій*, Степ. Ив., 328, дѣло Радищ. 936, 939, 952.
- Шидловскій*, К. Д. 198.
- Шидловскій*, Гр. 290.
- Шимановская*, пьяниства, 1902.
- Шипилина*, Матр., ж. солд. прошен. ея Екатер. 874, 875.
- Шилова* плотина, 285.
- Шитовъ* С. П. ген. ад. директ. Прав. Ком. Вн. и Дух. Д. въ Ц. Польск. отн. его о Нап. III. 436—437.
- Ширинскій - Шихматовъ* вн. Пл. Алексан., мин. Нар. Пр. 1934, 1936.
- Ширинскій - Шихматовъ* кн. (Серг. Алексан.) 858.
- Ширяевъ*, 2139.
- Шихкина*, Олимп. Петр. 1263.
- Шихкова* (урожд. Нарбутъ въ 1-мъ бр. Лобаржевская) 1900, 1901, 1937 — 1939.
- Шиховъ* Алексан. Сем., въ пис. Воейк. 1185, 1189; мин. Нар. Просв. 1745; рауты 1900, 1937, 1938, 1952; дѣлаетъ выгов. Сенковск. за утруд. начальства бездѣлицами 1932, 1933.
- Шлафъ*, секр. Шв. посольства, 2078.
- Шленкеръ*, сенат. ресурс. 653.
- Шлиппенбахъ*, бар. Конст. Ант. ген. 1826.
- Шлюссельбургъ*, городъ 1335, 1336, 1648, 2078.
- Шмидъ*, мануфакт. сов. 174.
- Шмидтъ*, 2079.
- Шнейдеръ*, (Вас. Вас.) проф. Пб. ун. 1275.
- Шноръ*, типогр. 945, 946.
- Шолковичъ*, С. В. 1761.
- Шопенъ*, Ив. Ив., 2021.
- Шотландка*, колонія близъ Машука, 210.

- Шоттъ*, его изслѣд. о Татар. нарѣч. 763.
- Шоу*, его путеш. въ Азію 757, 758.
- Шрейеръ*, граверъ Дрезденск. 1215, 1216.
- Штакельбергъ*, гр. подпор., 326.
- Штакельбергъ*, гр. Эрн. Густ. пис. во Франц. 1809; свѣдѣн. о немъ 2021—2022.
- Штейнбокъ*, Шв. ген. 1060.
- Штилинъ*, сочин. 508.
- Штомльбергъ*, гр. 776.
- Штомльцъ*, Маргар. 570.
- Штюмеръ*, Польск. писат. 1045, 1052.
- Шторхъ*, академ. 1463.
- Штофрейсъ*, врачъ 1458.
- Шубертъ* (урожд. Раль) 1931.
- Шубертъ*, ген. 1931.
- Шубинскій*, 758.
- Шувагова*, (урожд. Валентиновичъ) въ 1 бр. кн. Зубова) 1748—1751.
- Шувалова*, (урожд. гр. Воронцова Соф. Мих.) 2245.
- Шуваловъ*, (Алексан. Ив?) 1177.
- Шуваловъ*, Ив. Ив. 267, 761, 2107, 2131, ему сообщ. Ломон. перев. Оп. о челов. 1311; перед. его на разсмотр. архіеп. Амвр. 312; пис. къ Мелис. 1316—1318.
- Шуваловъ*, гр. Пет. Ив., 2084.
- Шуваловъ*, гр., присут. въ Коммис. по снабж. хлѣб. Москвы, 280.
- Шууровъ*, М. Ѳ., о Радич. 953.
- Шуйскій*, кн. Дм. (Иван., бояр. и воен.), 404, 885.
- Шулепникова* (урожд. Зиновьева) Нат. Вас. 2171.
- Шумгинъ*, Ив. Петр. 1473.
- Шумгинъ*, (Никаноръ, діякъ), 376.
- Шульцъ*, бар. геи. м. 323.
- Шульцъ*, грав. 1215, 1216.
- Шумовичъ*, помѣщ. 1738.
- Шумскій*, 2041, 2042.
- Шурловскій*, 2277.
- *
- Щастный*, В. Н. 860.
- Щеловъ*, Никол. Тихон., 2022—2023.
- Щербатова*, (урожд. Яворская) Антон. Вонновна, 2154.
- Щербатовъ*, кн. Анд. Ник. 2153, 2154.
- Щербатовъ*, кн. Ив. Анд., его реляц. о воцареніи Елис. Петр. 1169.
- Щербатовъ*, кн. Мих. Мих. истор. 2093; ум. 551; Екат. изъявл. желаніе купить его библиот. 551, 2095.
- Щербатовъ*, кн., ген. пров., 229.
- Щербатовъ*, кн. другъ цар. Алексѣя Петр., 1626—1627.
- Щербининъ*, М. П. 717, 1595.
- Щербининъ*, Харьк. пом. 107.
- Щукины*, 2398, 2426, 629.
- *
- Эвансъ*, его желѣзн. зав., *Эзельская* пров. 1127.
- Эквартъ*, его сборн. объ отнош. Россіи къ Лифл. 752; перев. соч. ген. Ѳадѣева, 773.
- Эльмтъ*, гр. Лифл. и Эстл. губ. 177.
- Эминъ-ед-Даулетъ*, 1й мин. Персид. 1502.
- Этель*, Ѳ. И. 141, 164.
- Эншель*, іезунтск. патеръ 1659, 1670.
- Эншельгардтъ*, (урожд. Витекеръ: во 1-мъ бр. Ганъ) Мор. Як. 1470, 1489, 1490.
- Эншельгардтъ* (урожд. Дн. Приаудо) Христ. 1462, 1463.
- Эншельгардтъ*, Алексан. Егор. полк. 1470, 1488.
- Эншельгардтъ*, Ант. Влад. 1462.
- Эншельгардтъ*, Вл. Егор. 1470; его воспом. объ отцѣ 1462—1491.
- Эншельгардтъ*, Ег. Ант., директ. Царскосел. Лицея, воспом. о немъ 1462—1491; его педагогич. замѣтки 1595—1600.
- Эншельгардтъ*, Лев. Ник. 351—352, 2155.
- Эншельгардтъ*, Алекс. Ег. 1469, 1470, 2490.
- Эншельгардтъ*, директ. домовод. Моск. губ. 258.
- Энохъ*, об. прок. Варш. Департ. 1038.
- Эриксонъ* 2071.
- Эртель*, учит. Нѣм. яз. у Блудовыхъ 1221.
- Эстляндія*, 1163—1166.
- Эттингенъ*, ст. сов., 2335—2336.
- *
- Юзефовичъ*, Мих. Влад. 856.
- Ютансъ*, предпр. имъ изд. Ганз. акт. 759.
- Юндзилль*, всендзъ. 1910.
- Юренсъ*, Эд. 659, 669, 677.
- Юрьевичъ*, Сем. Алексѣев., ген., 1228, 1805.
- Юрьевъ*, Ник. Дмитр., родств. Лермонгт. 1773, 1776, 1779, 1818, 1820—1822, 1823—1825, 1828, 1830—1831, 1834, 1837, 1839, 1844, 1559.

- Юрьевы*, рассказы о них 533.
- Юсуповъ*, кн. Никол. Бор.), сопр. гр. Сѣверн. путеш. по Евр. 768; на рутахъ у Шинке. 1937—1939.
- Юханцевъ*, Ник. Ив. 1799, 1800.
- Юшинскій*, еп. Сандом. 696
- Юшковъ*, Пет. Никол., 365.
- *
- Ямигъ*, о корнѣ де въ Сл. нарѣч. 763.
- Языковъ*, А. П. Рижск. полицм. 1964.
- Языковъ*, Дм. Ив. 1745.
- Якоби*, ген. г.б. Иркут. и Колыван. 292.
- Якобий*, И. В... 2080.
- Якоби*, шефъ Тавр. гренад. п. 160.
- Якоби*, 776.
- Яковлева*, (урожд. кн. Мещерская) Нат. Бор., 237.
- Яковлевъ*, Алексѣй, президент. Юст. Коллеж. 237.
- Яковлевъ*, Фед. стряпч. Орлов. 541.
- Яковлевы*, 237.
- Якубъ-мирза*, главн. евнухъ Фетхъ-Али-шаха 1405, 1506—1510, 1513, 1515—1518, 1519, 1520, 1522, 1523, 1533, 1534.
- Якубъ-паша*, 322.
- Ямъ*, 1347.
- Яниковскій*, проф. Варш. Мед. Ак. 629.
- Яновскій*, свящ. 1584.
- Янонъ*, 1412, 1413.
- Ярцевъ*, Ив., куп., Моск. 867.
- Ярцевъ*, Я. О. 1496, 1538.
- Яхья-мирза*, 1514.
- *
- Ваддеевъ*, ген. его сочин. 773, 774, 778, 779.
- Теодоръ Алексеевна*, царевна 2057.
- Теодоритъ*, архіеп. Рязанскій, 410.
- Теодоръ Алексеевичъ*, ц. 1087, 1099, 1125, 1342, 1447—1448, 2050, 2057—2059.
- Теодоръ Иоанновичъ*, ц. 358, 394, 893, 1621, 2484.
- Теофанъ - Прокоповичъ*, 1672, архіеп. Новгород., его стихотв. 997—1004.
- Теодосій*, архим. Печерскій, (Нижег.), 394, 1214.
- Теофилактъ* (Лопатинскій, впоследствии архіеп. Тверскій) 1673.
- Теофилактъ*, еп. Калуж., разск. о немъ м. Плат. 457, 458.
- Томи*, свящ. Моск. 1147.

При Русскомъ Архивѣ 1872 года приложена Общая Роспись содержанію Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ. Для желающихъ переплести ее отдѣльно отпечатано особое заглавіе. Переплетающіе эту роспись вмѣстѣ съ полнымъ годовымъ изданіемъ 1872 года (по примѣру Р. Архива 1868 года, къ которому была приложена такая же роспись за первыя пять лѣтъ) уничтожаютъ этотъ заглавный листокъ.

СОДЕРЖАНІЕ РУССКАГО АРХИВА 1872 ГОДА.

ДОПЕТРОВСКОЕ ВРЕМЯ.

1. Подарокъ изъ Скандинавіи, *М. И. Погодина*, съ отвѣтнымъ замѣчаніемъ *Д. Н. Иловайскаго*. 438—440.
2. Замѣтка *Д. Н. Иловайскаго* (вмѣсто отвѣта г. Самарину по Варяжскому вопросу) 2499—2504.
3. Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ Смутное Время. Статья *И. Е. Забѣлина*. 353—424, 581—621 и 881—926. Дополнительные страницы къ статьѣ *И. Е. Забѣлина* о Мининѣ и Пожарскомъ. 1213—1215.
4. Поясненіе къ статьѣ: „Мининъ и Пожарскій“ (въ отвѣтъ г. Костомарову) *И. Е. Забѣлина*, 2436—2499.
5. Частное письмо святителя *Димитрія Ростовскаго*. 441.
6. Глава изъ біографіи Петра Великаго (Первые годы жизни) Академика *М. П. Погодина*. 2045—2061.
7. Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и его преобразованіяхъ, въ переводѣ съ предисловіемъ и примѣчаніями *П. П. Барсова*. 1057—1168, 1334—1457 и 1613—1704.

ЕЛИСАВЕТА ПЕТРОВНА.

3. Современный разсказъ о востшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны Русскаго резидента при

Англійскомъ дворѣ, князя *И. А. Щербатова*. (Сообщенъ профессоромъ *Н. С. Тихомировымъ*). 1169—1181.

9. О выходѣ Маяштейна изъ Русской службы. Подлинныя современныя бумаги. (Сообщены академикомъ Пескарскимъ). 791—805.

ЕКАТЕРИНА II-я.

10. Письма императрицы *Екатерины II-й* къ А. В. Храповицкому, съ послѣсловіемъ издателя. 2062—2099.
11. Письма и рескрипты императрицы *Екатерины II-й* къ Московскимъ главнокомандующимъ: 1) Князю В. М. Долгорукову-Крымскому. 2) Графу З. Г. Чернышеву. 3) Графу Я. А. Брюсу. 4) П. Д. Еропкину, 225—336. 4) Князю А. А. Прозоровскому, 533—580; 5) М. М. Изманову, 865—880.
12. Донесеніе князя *Д. М. Голицына* и отвѣтъ *Екатерины II-й* о свиданіи съ Іосифомъ II-мъ, 992—997.
13. Изъ архива графа В. Н. Панина (дипломатическая переписка по дѣламъ Польскимъ; дневныя записки чрезвычайнаго сейма 1773 г., Польскій символъ вѣры и десять заповѣдей, исчисленіе обидъ причиненныхъ Россіи и пр.) I—97.

14. Записка княгини *Е. Р. Дашковой* къ графу *А. А. Безбородкѣ*. 1182.
15. Письмо *Г. Р. Державина* къ *И. П. Кулибину*. 1182—1183.
16. Радишевъ и его книга. Изслѣдованіе *М. Ѳ. Шукурова*. 927—953.
17. Письма графа *П. Д. Цицианова* къ *В. Н. Зинovieву* съ предисловіемъ и примѣчаніями *Н. П. Барышниковъ*. 2100—2173.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

18. Письма императора *Павла, Е. И. Нелидовой* и князя *Суворова* къ *П. И. Бобарыкину*, съ предисловіемъ *Н. Н. Бобарыкина*, 780—791.
19. Переписка *Суворова* съ *Нельсономъ*, съ предисловіемъ барона *Ѳ. А. Бюллера*, 738—751.
20. Воспоминанія *Федора Петровича Лубяновскаго*, 98—185 и 449—533.

АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ.

21. Письмо короля *Людвика XVIII-го* къ графу *Н. П. Румянцеву*. 186—197.
22. Письма князя *С. Р. Воронцова* къ графу *Ѳ. В. Раstopчину* съ предисловіемъ и примѣчаніями графа *А. Ѳ. Раstopчина*. 2174—2246.
23. Письма *Г. А. Поздьева* къ его друзьямъ: *С. С. Ланскому*, графу *А. К. Разумовскому* и др. съ предисловіемъ и примѣчаніями *Е. С. Нвой*. 1853—1886.
24. Частныя письма 1812 года: отъ *Марьи Аполдоновны Волковой* къ *Варварѣ Ивановнѣ Ланской*, 2372—2435.
25. Письмо императрицы *Маріи Ѳеодоровны* къ *Ю. А. Нелединскому-Мелецкому*, 853—854.
26. Объ основаніи училища глухонѣмыхъ съ *Спбургъ, А. Меллера*. 1009—1013.
27. Картина *Франціи*, представленная императору *Александрю I-му графомъ Ѳ. В. Раstopчиннымъ*, 965—985.

28. Письмо барона *М. А. Корфа* къ *М. П. Погодину* съ поправками свѣдѣній о *Сперанскомъ*. 214—216.
29. Воспоминанія о директорѣ Царско-сельскаго Лицея *Е. А. Энгельгардтѣ*, сына его *В. Е. Энгельгардта*. 1462—1491.
30. Педагогическія замѣтки *Е. А. Энгельгардта*. 1595—1600.
31. Новое свѣдѣніе о кавалеристъ-дѣлѣ. 2043.
32. Дополнительные свѣдѣнія о *Татановой* и о членахъ ея духовнаго ююза, статскаго советника *Іоанноа*. 2334—2354.
33. Письмо графа *Аракчеева* къ *Д. А. Булыгину*. 2036—2037.
34. Два духовныя завѣщанія графа *Аракчеева*. 2037—2042.
35. Разказы и воспоминанія *Н. П. Корсра*: 1. *Лейбъ-кучеръ Илья Кайковъ*. 2261—2268.
36. Калейдоскопъ воспоминаній *Цицинуса* (псевдонимъ). I, *Н. Н. Носильцевъ* 1705—1769; II, *Адмъ Мицкевичъ* 1887—1954; III, 1811 и 1812 годы, 2269—2334.

НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ.

37. Письмо императора *Николая Павловича* къ графинѣ *Е. П. Потемкиной* (4 Апрѣля 1826), 425—426.
38. О смерти *А. С. Грибоѣдова*, статьи *П. А. Ефремова*, 1492—1538.
39. Письма *А. С. Грибоѣдова* къ *К. К. Родофинкину*. 1538—1550.
40. Письма князя *Паскевича* и графа *Нессельроде* объ *А. С. Грибоѣдовѣ*. 1551—1552.
41. Листки изъ памятной книжки *В. Л. Бурнашева* (о *Лизогубѣ*). 1606—1612.
42. Записка *Буликова* о дѣятельности князя *Н. Г. Репнина* въ 1831 году. 953—965.
43. Письмо къ издателю отъ князя *В. Н. Репнина*, 1982—1984.

44. Записки *графини А. Д. Блудовой*. 1830-й годъ. 1217—1310.
45. Черта въ государственной дѣятельности графа Д. Н. Блудова, статья *барона Ф. А. Бюлера*. 1013—1021.
46. Встрѣча моя съ А. П. Ермоловымъ. Изъ воспоминаній *Н. В. Берга*. 985—992.
47. Для біографіи Наполеона III-го (Распоряженіе С. П. Шипова о недопущеніи его въ Россію и донесеніе о немъ нашего агента). 436—438.
48. По поводу біографіи Е. А. Головина, замѣчанія *М. П. Щербикина* о дѣятельности князя М. С. Воронцова на Кавказѣ. 707—717.
49. Къ біографіи Е. А. Головина (дѣятельность его въ прибалтійскихъ губерніяхъ) *графа Д. Н. Толстаго*. 1954—1979.
50. Последнее политическое слово канцлера *графа К. В. Нессельрода*. Записка о соотношеніяхъ Россіи, 11 Февраля 1856 года. 337—344.
Нѣсколько мыслей по поводу предъидущей статьи *В. С. Н-а*, 345—350.
51. Воспоминанія *А. Н. Аванасьева*. Глава первая. (До Гимназіи и въ Гимназіи) 805—852.
52. Записки *Н. В. Берга* о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Глава VII. (Сухозанеть, графъ Ламбертъ, Герштенцевейгъ). 622—706.
53. По поводу Записокъ Берга о последнемъ Польскомъ возстаніи. Замѣтки *О. А. Пржецлавскаго*. 1031—1055.
54. Отвѣтъ *Н. В. Берга* *О. А. Пржецлавскому*. 1210—1213.
55. По поводу „Отвѣта“ *Н. В. Берга* на замѣчанія объ его Запискахъ о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, *О. А. Пржецлавскаго*. 1553—1576.
56. Изъ жизни Витебскихъ крестьянъ 1858 года. *М. П. Щербикина*. 1577—1595.
57. Н. А. Милютинъ. Некрологъ. 447—448.
58. Девятнадцатое Февраля 1872 года въ

Москвѣ (памяти Н. А. Милютина)
Ф. Н. Тимирязева, 0866—0872.

59. Изъ письма В. П. Боткина къ Н. А. Милютину (1861). 1055—1056.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ.

60. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1870 году. *Г. Н. Геннади*. 1985—2023.
61. Письмо *Е. А. Баратынскаго* къ Н. А. Полевому. 351—352.
62. Письмо *А. Ф. Воейкова* къ А. И. Тургеневу (въ прозѣ и стихахъ). 1184—1195.
63. Пѣснь Невская, стихотвореніе *княгини З. А. Волконской*. 1979—1982.
64. Изъ старыхъ бумагъ князя П. А. Вяземскаго: 1) Письмо *Н. М. Карамзина* къ князю А. И. Вяземскому 1796; 2) Письмо *Н. В. Гоголя* къ князю П. А. Вяземскому, 1846, 3) Указъ Петра Великаго Курбатову. 1323—1333.
65. Письмо *Н. В. Гоголя* къ М. П. Погодину (о цензурномъ стѣсненіи) 2369—2372.
66. Владиміръ Ивановичъ Даль. Его біографія, 2023—2031.
67. Автобіографическая записка *В. И. Даля*. 2246—2250.
68. Эпиграммы *М. А. Дмитриева*. 1983—1984.
69. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ Ю. А. Нелединскому о кончинѣ императрицы Маріи Осодоровны 855.
70. Дѣтскія письма *В. А. Жуковскаго* къ его матери, 2363—2366.
71. Письмо *В. А. Жуковскаго* къ неизвѣстному лицу, 2367—2369.
72. Письмо *В. К. Кюхельбекера* къ В. А. Жуковскому. 1004—1008.
73. Дуэль и кончина Лермонтова. Статья *князя А. И. Васильчикова*. 205—213.
74. М. Ю. Лермонтовъ, въ разсказахъ его

гвардейскихъ однокашниковъ, *В. П. Бурнашева*, 1770—1850.

75. Автобіографическіе стихи *М. Ю. Лермонтова*. 1850—1852.
76. Воспоминанія *А. И. Подольскаго*, съ предисловіемъ *М. В. Юзефовича*. 856—8865.
77. Исторія изданія „Опыта о чловѣкѣ“ сочиненія Поле въ переводѣ Поповскаго, статья *Н. С. Тихонравова*. 1311—1322.
78. Замятка къ статьѣ объ изданіи „Опыта о чловѣкѣ“. *П. А. Ефремова*. 2031—2032.
79. Письмо *А. С. Пушкина* къ *Б. А. Адеркасу* о переводѣ въ крѣпость. 2359.
80. Три письма *А. С. Пушкина* къ *В. А. Жуковскому*, 2354—2363.
81. Два письма *П. А. Осиповой* къ *В. А. Жуковскому* о Пушкинѣ, 2358—2362.
82. Письмо *А. С. Пушкина* къ графу *М. А. Корфу* съ примѣчаніемъ *барона Ѳ. А. Бюлера*. 1601—1603.
83. Письмо *А. С. Пушкина* къ барону *М. А. Корфу*. О новѣйшей Русской Исторіи. 198.
84. Письмо *А. С. Пушкина* къ кавалеристъ-дѣвницѣ *Н. А. Дуровой*, съ послѣсловіемъ *барона Ѳ. А. Бюлера*. 199—204.
85. Письма *Н. И. Туркенева* и *П. Я. Чадаева* къ князю *П. А. Вяземскому*. 1200—1207.
86. Письмо *С. П. Шевырева* къ *М. А. Максимовичу*, 1208—1210.
87. О бібліотекѣ *С. П. Шевырева*. 145—146.
88. О стихотвореніяхъ *Феофана Прокоповича*, статья *М. А. Максимовича*. 997—1004.

СМЪСЬ.

89. Воспоминаніе о *Ѳ. И. Иноземцовѣ*, *С. А. Смирнова*. 718—737.
90. Къ біографіи *Ѳ. И. Иноземцева*, замѣтка *графомъ Д. Бутурлина*. 1457—1461.
91. Къ біографіи *Е. П. Ковалевскаго*. 5119—1199.
92. Записка *Н. И. Надеждина* о Венедиктѣ Кралевичѣ. 441—444.
93. Еще о Венедиктѣ Кралевичѣ, *Н. А. Попова*. 1021—1030.
94. О Руссофильствѣ Мицкевича, статья *А. А. Чумикова*. 426—432.
95. Замятка по поводу предъидущей статьи, *Н. В. Берга*. 432—434.
96. Qui pro quo, замѣтка *Петербурискаго Старожила*. 1604—1606.
97. Замячанія на 2-ю книгу XIX Вѣка 2251—2252.
98. Еще выдержки изъ Старой Записной Книжки, 2252—2261.
99. Генеалогическое недоумѣніе. *Н. Невьдомцева*. 2044.
100. Обращики стариннаго остро словія (о Домашневѣ) 2032—2036.
101. Книжныя заграничныя вѣсти за 1871 годъ. 752—780.
102. О приложенномъ къ Русскому Архиву 1872 года портретъ Петра Великаго. 1215—1216.
103. Поправки и дополненія (о завѣщаніи *Аракчеева*, *Н. И. Европеуса*),
104. Содержаніе Русскаго Архива за 1872-й годъ.
105. Азбучный указатель къ Русскому Архиву 1872 года.

106. Содержаніе Русскаго Архива за первыя десять лѣтъ.

О подпискѣ на

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Письма, воспоминанія и бумаги главнѣйшихъ дѣятелей Русской мысли и Русской жизни, преимущественно въ XVIII и XIX вѣкахъ. — Жизнеописанія и статьи по Русской исторіи вообще. — Библиографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти и мелочи.

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1873 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя десять лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года изъ 12 тетрадей какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти семь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Моск-*

ву въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу или въ книжный магазинъ И. Г. Соловьева на Страстномъ бульварѣ

Въ С-Петербургѣ подписка принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ф. Базунова* на Невскомъ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи — 3 р.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартевевъ.**